РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ, ФИЛОЛОГИИ, КУЛЬТУРЫ

JOURNAL OF HISTORICAL, PHILOLOGICAL AND CULTURAL STUDIES

ЖУРНАЛ ИЗДАЕТСЯ ПОД РУКОВОДСТВОМ
ОТДЕЛЕНИЯ ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ НАУК РАН

ВЫПУСК XXII

Октябрь–Ноябрь–Декабрь

ЖУРНАЛ ВЫХОДИТ ЧЕТЫРЕ РАЗА В ГОД

ОСНОВАН в 1994 г.

МОСКВА–МАГНИТОГОРСК–НОВОСИБИРСК
2008

Журнал издается в сотрудничестве с Институтом археологии РАН,
Институтом археологии и этнографии СО РАН
и Магнитогорским государственным университетом

Редакционный совет

член-корр. РАН *Р.М. Мунчаев* (председатель)

член-корр. РАН *Х.А.Амирханов*, член-корр. РАН *П.Г.Гайдуков*,
академик РАН *А.П.Деревянко,* проф. *А.Иверницци,*
член-корр. РАН *С.П.Карпов*, член-корр. РАН *Г.А.Кошеленко,*
член-корр. НАН Украины *С.Д.Крыжицкий*, член-корр. РАН *Н.А.Макаров*,
д.и.н. *Л.П.Маринович*, д.и.н. *Ю.М.Могаричев,*
академик РАН *В.И.Молодин*,
д.ф.н. *В.Ф.Романов*, д.и.н. *Э.Д.Фролов,* проф. *Чан Куквон*

Редакционная коллегия

д.и.н. *М.Г.Абрамзон* (главный редактор, Магнитогорский гос. университет)

к.и.н. *М.Ф.Высокий* (Институт всеобщей истории РАН),
к.и.н. *В.А.Гаибов* (Институт археологии РАН),
д.п.н. *О.В.Гнэвек* (Магнитогорский гос. университет),
к.и.н. *Ю.В.Горлов* (Институт археологии РАН),
д.и.н. *В.Д.Кузнецов* (зам. главного редактора, Институт археологии РАН),
к.и.н. *С.В.Мокроусов* (зам. главного редактора, Институт археологии РАН),
д.и.н. *И.В.Октябрьская* (зам. главного редактора,
Институт археологии и этнографии СО РАН).
д.и.н. *И.Е.Суриков* (Институт всеобщей истории РАН),
д.п.н. *З.М.Уметбаев* (Магнитогорский гос. университет),
д.фил.н. *С.Г.Шулежкова* (Магнитогорский гос. университет)

к.и.н. *Л.И.Киреева* (ответственный секретарь,
Магнитогорский гос. университет)

Editorial Board:

M.G.Abramzon (Editor-in-Chief),

V.A.Gaibov, O.V.Gnevek, Yu.V.Gorlov, V.D.Kuznetsov, S.V.Mokrousov,
I.V.Oktyabrskaya, S.G.Shulezhkova, I.E.Surikov, M.Ph.Vysokii, Z.M.Umetbayev.

Head, Editorial Office L.I.Kireyeva

© Российская академия наук, 2008
© Магнитогорский государственный университет, 2008
© Редколлегия журнала
«Проблемы истории, филологии, культуры»
(составитель), 2008

ИСТОРИЯ

ИСТОРИЯ ДРЕВНЕГО МИРА И АРХЕОЛОГИЯ

Древняя Греция и Рим

© 2008

А.А. Клейменов

СНАБЖЕНИЕ МАКЕДОНСКОЙ АРМИИ ПРОВИАНТОМ, ПРЕСНОЙ ВОДОЙ И ФУРАЖОМ ВО ВРЕМЯ ВОСТОЧНОГО ПОХОДА

Сложно найти более избалованную вниманием отечественных и зарубежных исследователей тему, чем Восточный поход войск Александра Македонского. Огромное количество трудов посвящено военной стороне этого беспрецедентного предприятия, в предельно сжатые сроки перекроившего политическую карту античной Ойкумены, однако ряд немаловажных проблем остался за границами пристального внимания историков военного искусства и антиковедов, в том числе и проблема организации снабжения армии Александра Македонского провиантом, водой и фуражом во время длительных походов. Вместе с тем, система обеспечения армии всем необходимым для ее эффективного функционирования — чрезвычайно важная составляющая военной организации. Отмечал это живший за одно поколение до Восточного похода древнегреческий военный теоретик и практик Ксенофонт, который в своих знаменитых произведениях «Анабасис» и «Киропедия», описывая достоинства полководца, особо подчеркивает важность умения обеспечить армию продовольствием (Anab., II, 4, 8; Cyr., I, 6, 10–12). Некоторые фрагменты сочинения Арриана позволяют прийти к заключению, что Александр был неплохо знаком с жизнью и творчеством Ксенофонта, в частности, с «Анабасисом» (Arr. Anab., II, 7, 8). С одной стороны, наличие данной информации может быть следствием увлечения самого Арриана произведениями Ксенофонта, во многом бывшими для него образцом[1]. С другой стороны, Аристотель вполне мог ознакомить Александра с военной карьерой и литературным творчеством знаменитого ученика Сократа[2].

Имеющиеся в нашем распоряжении источники крайне скупо освещают вопросы снабжения войск македонского завоевателя провиантом, фуражом и водой. Об этом жившие много позже античные авторы говорят, как правило, лишь когда речь заходит о значительных проблемах, больше внимания уделяя другим эпизодам насыщенного событиями Восточного похода. Джон Фуллер в своем исследовании, посвященном полководческой деятельности Александра

Македонского, констатирует, что крайне мало известно о снабжении македонской армии в полевых условиях[3]. Данный автор, как и ряд других исследователей, предполагает наличие отлаженной и эффективной системы обеспечения войск завоевателя[4], однако подробный анализ этой системы не проведен.

Информация об организации снабжения македонской армии провиантом и фуражом при передвижении по достаточно густонаселенным и хозяйственно развитым западным районам Персидского царства крайне скупа, исходя из чего можно предположить, что Александр не испытывал трудностей в обеспечении войск. Вероятно, он захватывал продовольственные запасы противника[5], и, используя лояльное или нейтральное отношение местного населения к завоевателям и возможности местного рынка, закупал продовольствие, а где рынок этого не позволял, реквизировал запасы местного населения силой. Закупку провианта и грабеж неприятельских земель как способы добычи продовольствия для армии указывает Ксенофонт, говоря о прохождении войска наемников по тому же региону (Anab., V, 5, 13). Видимо, закупка продовольствия была главным способом снабжения македонской армии во время ее пребывания на землях малоазийских греческих полисов, с населением которых Александр стремился поддерживать дружественные отношения[6], чему насильственная реквизиция провианта могла сильно помешать. Организовывалась закупка продовольствия, очевидно, через поставщиков-торговцев, в большом количестве двигавшихся вместе с армией[7]. Несмотря на фактически безраздельное господство персидского флота в Эгейском море[8], у нас есть данные об использовании судов для доставки продовольствия к войскам. Именно так хлеб был доставлен к македонской армии, осаждавшей Галикарнас (Diod., XVII, 24, 1). Грабеж местного населения как способ обеспечения армии продовольствием преобладал во время завоевания внутренних, неэллинизированных областей Малой Азии, где войско кормила вражеская территория (Diod., XVII, 27, 6). Выход на фуражировку носил, видимо, достаточно организованный характер, раз позволял произвести выборочное разорение земель с целью скомпрометировать в глазах персов определенное лицо, как это было, согласно Полиэну, сделано по отношению к Мемнону (IV, 3, 15). Все это приводило к значительным опустошениям местности, о чем мы можем судить исходя из того, что пафлагонцы всеми средствами, в том числе и признанием верховной власти Александра, старались не допустить вступления македонских войск на свою территорию[9].

Первые сведения о трудностях снабжения македонской армии относятся ко времени пребывания ее на территории Киликии. Эсхин в своей речи против Ктесифона цитирует высказывание Демосфена о том, что Александр в данном регионе задерживается, испытывая во всем недостаток (Aeschin., III, 164). Возможно, сказался уход войск с богатых и освоенных греками земель. Затруднили снабжение наступающей армии и действия сатрапа Арсама, который опустошил земли провинции, чтобы оставить ко времени подхода неприятеля голую землю (Curt., III, 4, 3). С другой стороны, сведения, приводимые афинскими политическими деятелями, ненадежны в связи со значительной степенью их тенденциозности. Длительность пребывания Александра в Киликии помимо трудностей в снабжении объясняется и рядом других причин — сопротивлением войск сатрапа Арсама и горных племен, а так же заболеванием полководца

после купания в водах реки Кидн (Arr. Anab., II, 4,4; Curt., III, 4–5; Plut. Alex., 19).

Чем дальше армия продвигалась в глубь территории державы Ахеменидов, тем сложнее было использовать привычную схему снабжения войск. Не везде была возможность закупить продовольствие или реквизировать его у местного населения в связи с неблагоприятными природными условиями местности и неразвитым сельским хозяйством. В некоторых случаях этому препятствовали партизанские действия неприятельских войск, проявляющиеся во внезапных нападениях на отдельные отряды македонян, в том числе занятых сбором провианта и фуража. Источники содержат сведения лишь об одной из подобных атак. В районе Мараканд, возле одного из горных укреплений, отряд македонян, в беспорядке собиравший фураж, подвергся разгрому со стороны местных племен (Arr. Anab., III, 30, 10; Curt., VII, 6, 1–9). Отсутствие упоминаний о других нападениях отрядов врага на македонских фуражиров мы можем объяснить эффективностью мер, предпринятых командованием, о чем речь пойдет ниже. Снабжению македонской армии за счет местности призвана была помешать тактика выжженной земли, которую Мемнон предлагал использовать против македонян в самом начале войны (Arr. Anab., I, 12, 9; Diod., XVII, 18, 2), и, несмотря на то, что это предложение было тогда отклонено персидским командованием, позднее персы несколько раз прибегали к подобной тактике, в частности, накануне битвы при Гавгамелах (Curt., IV, 9, 8; Diod., XVII, 55, 2; Polyaen., IV, 3, 18). Впрочем, насколько позволяют судить имеющиеся у нас данные, опустошение местности выполнялось персидской стороной не достаточно основательно из-за энергичных действий македонского командования, организовавшего преследование неприятеля, что позволило удачно воспользоваться возможностью захватить провиант на месте (Curt., IV, 10, 12; Polyaen., IV, 3, 18). Тактику выжженной земли Дарий III планировал примерить при отступлении из Экбатан в Бактрию (Arr. Anab., III, 19, 1), однако неизвестно, смог ли он это осуществить. Аналогичным образом пытался остановить македонскую армию Бесс, опустошив примыкавшие к подножью Гиндукуша районы Бактрии (Arr. Anab., III, 28, 8).

Для предотвращения значительных трудностей в снабжении армии провиантом и фуражом, Александр при планировании маршрутов по возможности выбирал местность, изобилующую продовольствием и кормом для боевых коней и вьючных животных. Арриан прямо говорит, что этими мотивами руководствовался македонский завоеватель, направив войска от Тира не напрямую к Вавилону, а через Верхнюю Месопотамию (Anab., III, 7, 3). По аналогичным причинам были определены пути следования войска в районе Персидских Ворот (Curt., V, 4, 20). Как правило, регионы, богатые провиантом и фуражом, выбирались в качестве базы для долговременной дислокации войск или места отдыха наступающих частей (Arr. Anab., III, 29, 1; Curt., VII, 4, 26–32; IX, 6, 3; Diod., XVII, 64, 4; 65, 2; 75, 1). Это было достаточно широко распространено в греческой военной практике, о чем мы можем судить исходя из данных Ксенофонта (Anab., IV, 5, 22–27; IV, 6, 21–22; V, 5, 5–6).

На протяжении всего Восточного похода македонские войска активно использовали продовольственные запасы противника[10]. В частности, большое

количество съестных припасов македоняне захватили в Арбелах после битвы при Гавгамелах (Diod., XVII, 64, 3). После разгрома индийского племени аспасиев в руки македонян попало 230000 голов рогатого скота, лучшая часть которого была отправлена в Македонию, а другая, видимо, пущена на мясо (Arr. Anab., IV, 25, 4). Значительные запасы хлеба, крупный и мелкий рогатый скот были захвачены Александром в главном городе индийского племени паталиев (Curt., IX, 8, 29).

Источники содержат информацию об изменении способов обеспечения войск провиантом по мере их продвижения на восток. Диодор сообщает, что Александр, находясь в Вавилонии, значительно улучшил систему снабжения армии, учтя при этом многое (XVII, 65, 4). Очевидно, именно на этом этапе похода прежние способы снабжения окончательно перестали соответствовать условиям театра военных действий Сущность реформирования автор не раскрывает и судить о ней мы можем лишь опираясь на фрагментарные данные.

Плутарх приводит любопытные сведения о доставке в лагерь Александра фруктов отличного качества из Эллады (Alex., 50). Эти данные относятся к эпизоду ссоры македонского царя с его боевым соратником Клитом Черным, которая, как известно, произошла в районе Мараканд[11]. Доставка к столу завоевателя, находившегося в Средней Азии, деликатесов с западных окраин его империи могла быть осуществлена благодаря наличию на территории бывшей державы Ахеменидов относительно хорошо развитой системы дорог[12]. Это главная «царская» дорога с боковыми ответвлениями, проходящая через Эфес, Сарды, Вавилон, Экбатаны и Таксилы. На промежуточных пунктах главных персидских дорог находились царские склады, откуда по предъявлении специальной накладной отпускалось продовольствие для гонцов и чиновников[13]. Именно хорошо обустроенные персидские дороги стали основой коммуникаций войск Александра[14]. Фуллер вполне справедливо предположил, что по заимствованным македонянами у персов транспортным артериям перевозили не только греческие фрукты для царского пира, но и необходимый армии провиант, для чего на каждом отрезке дороги существовали перевалочные базы, как отбитые у персов, так и основанные по приказу завоевателя[15]. Материал недавно введенных в научный оборот источников частично подтверждает, частично корректирует это предположение. В частности, документы, обнаруженные на территории древней Бактрии, позволяют говорить о сохранении созданной в ахеменидское время системы продовольственных складов при Александре[16]. Некоторые из документов представляют собой письменное распоряжение о выдачи провизии со склада указанным лицам. Одна из подобных накладных по сути идентична составленным в позднеахеменидское время, однако датирована седьмым годом правления царя Александра. В ней содержится предписание о выдаче продовольствия (ячменя, проса и пшеницы) указанным в списке лицам, а также названы два пункта, откуда должны были поступать продукты: Арайвант и Варайна[17]. Эти данные позволяют нам сделать вывод, что продовольственные базы были не столько отбиты македонским завоевателем у персов, сколько унаследованы. Смена власти в стране фактически не повлияла на их функционирование. Вероятно, значительная часть провианта происходила из развитых в хозяйственном отношении и относительно лояльных македонянам

регионов, таких как Малая Азия и Месопотамия. Для транспортировки продовольствия использовались не только сухопутные пути сообщений, но и речные артерии, значимость которых для быстрой доставки тяжелого груза, такого как зерно, была очень велика[18]. В частности, в качестве важной транспортной артерии для доставки продовольствия к войскам, расположенным в Верхней Месопотамии, Дарий III использовал Тигр (Curt., IV, 9, 8). Аналогичным образом местные водные пути сообщений вполне мог использовать македонский завоеватель. Из материалов работы Фуллера можно сделать вывод, что данный автор считает доставку провианта по персидским царским дорогам основным способом обеспечения македонской армии провиантом, однако все же не следует преувеличивать степень развития дорожных коммуникаций на окраинах Персидского царства и преуменьшать значение иных методов добычи провианта, использовавшихся завоевателями.

Двигавшиеся вместе с войском Александра торговцы, в основном финикийского происхождения, обеспечивали существование своеобразного рынка, на котором воины могли всегда продать захваченную в бою добычу и приобрести необходимые товары, в том числе продовольствие[19]. Известно, что при возникновении проблем со снабжением войск провиантом, торговцы спекулировали на нехватке продовольствия и взвинчивали цены (Curt., VII, 4, 23).

Сбором продовольствия для армейских нужд на завоеванных землях занимались эмиссары из македонского войска. Источники говорят, что это были не только приставленные к вещевому обозу лица, о которых пишет Фуллер[20], но и высокопоставленные военачальники из македонской армии. Так, когда Александр стоял лагерем под Маракандами, Гефестион во главе части войск был отправлен в Бактрию для заготовки продовольствия на зиму (Curt., VIII, 2, 13). Кен и Кратер занимались сбором провианта для македонской армии в районе индийской реки Гидраот, причем для облегчения их задачи Александр оставлял специальные сторожевые посты (Arr. Anab., V, 21, 4). Сам царь в Гедросии возглавил рейд за продовольствием, необходимым той части войска, что отправилась морским путем (Arr. Anab.,VI, 23, 5). И Александр, и вышеуказанные командиры, безусловно, возглавляли достаточно крупные воинские соединения, которые, наряду с указанными сторожевыми постами, обеспечивали эффективность выполнения поставленной задачи на враждебной македонянам территории. Сбор продовольствия крупными отрядами под руководством высокопоставленных военачальников был частью македонской военной практики и до похода на Восток. В частности, во время иллирийской кампании Александра против Клита и Главкии, когда армия находилась в крайне сложной ситуации и существовала угроза внезапного нападения противника, за продовольствием для войска был отправлен крупный отряд под командованием Филоты, включающий в себя вьючных животных и кавалерию (Arr. Anab., I, 5, 9). Аналогичным образом организовывалось вооруженное сопровождение фуражиров. Арриан упоминает отправлявшиеся за фуражом отдельные отряды, возглавляемые Кеном и Птолемеем (Anab., III, 20, 4; IV, 24, 8). Очевидно, эти отряды состояли преимущественно из легковооруженных кавалеристов — продромов, подвижной и высоко боеспособной части македонского войска, выполнявших функции разведчиков, застрельщиков и преследователей бегущего противника[21].

Продромы идеально подходили на роль боевого охранения, способного моментально отреагировать на неожиданную атаку противника. Это косвенно подтверждает Арриан, который указывает, что отряд Кена, отправленный за фуражом в районе Каспийских Ворот, состоял из всадников и небольшого числа пехотинцев (Anab., III, 20, 4), а отряд Птолемея, посланный на фуражировку в районе горы Ариггей, занимался попутно и разведкой (Anab., IV, 24, 8).

Помимо эмиссаров из македонской армии, продовольствие войскам обязаны были поставлять представители местной власти в новой империи. Иосиф Флавий сообщает, что во время осады Тира Александр требовал от иудейского первосвященника Йадды доставить продовольствие его воинам, а также отдавать ему те материальные средства, что прежде выплачивались персидскому царю (Ant. Iud., 11, 327). По-видимому, аналогичные требования были предъявлены и другим палестинским политическим конгломератам[22]. Впрочем, данные требования македонского царя палестинская элита выполнять не спешила, чем вызвала недовольство с его стороны (Ios. Ant. Iud., 11, 318-319). Сатрапы Сирии (Аримма, а затем и сменивший его Асклепиодор) занимались заготовкой всего необходимого для продвижения армии в глубь Персидского царства (Arr. Anab., III, 5, 8). Во время пребывания войск Александра в Средней Азии на землях паретаков, где македоняне испытывали значительные трудности в снабжении, Хориен, новый подданный завоевателя, обязался поставить македонской армии хлеба, вина и солонины на два месяца, рассчитав необходимое количество по палаткам (Arr. Anab., IV, 21, 10). Вьючных животных, возможно, нагруженных продовольствием, а также крупный и мелкий рогатый скот пригнал в македонский лагерь и Сисимитр (Curt., VIII, 4, 19). Когда завоеватель готовился форсировать Инд, индийский царь Таксил в знак покорности прислал ему 3 тысячи быков, годных для забоя на мясо и свыше 10 тысяч овец (Arr. Anab., V, 3, 5). Омфис, другой индийский правитель, сохранивший свое положение посредством признания верховной власти Александра, бесплатно доставил продовольствие македонским войскам (Curt., VIII, 12, 6). Согласно данным Арриана, во время пребывания войск завоевателя на берегу Гидаспа жители уже покоренных индийских земель поставляли хлеб для его воинов (Anab., V, 9, 3). Когда македонская армия испытывала значительные трудности, продвигаясь по Гедросской пустыне, по повелению Александра его новые подданные, в том числе сатрапы Фратаферн и Стасанор, присылали верблюдов и других вьючных животных, груженных сухим провиантом, а также мелкий рогатый скот (Arr. Anab., VI, 23, 6; 27, 6; Curt., IX, 10, 17; Diod., XVII, 105, 7–8). Обязанность поставлять продовольствие для завоевателей была единственной обязанностью, возложенной Александром на всех покоренных жителей этого небогатого региона (Curt., IX, 10, 5). Полководец придавал чрезвычайно большое значение деятельности сатрапов по поставке провианта войскам. Невыполнение сатрапом Сузианы Абулитом своих обязанностей поставлять продовольствие и фураж царским войскам послужило основанием для его казни (Arr. Anab., VII, 4,1; Plut. Alex., 68). Очевидно, что македонская практика перекладывания на плечи сатрапов и других представителей местной элиты обязанности сбора продовольствия для армии является еще одним примером использования ахеменидской традиции управления, предусматривающей сбор натурального налога с

населения сатрапий, а также возлагание на жителей близлежащих районов обязанности поставлять продовольствие для армии царя при ее перемещении[23].

Не менее сложной проблемой является характеристика системы распределения продовольствия среди личного состава македонской армии. Традиционно в греческой армии военачальник заботился лишь об обеспечении доступа бойцов к источнику продовольствия — рынку или сельскохозяйственным территориям, а воины либо самостоятельно закупали провизию, либо по своему усмотрению распределяли провиант, реквизированный у местного населения[24]. В уже упомянутом нами фрагменте работы Арриана, повествующем о поставке продовольствия Хориеном (Anab., IV, 21,10), приводится информация о подсчете объема необходимого армии провианта согласно количеству палаток в лагере, однако мы не можем уверенно утверждать, что распределение продовольствия по палаткам являлось частью македонской военной практики в эпоху Александра. Между тем, небольшой отрывок работы Диодора — упоминание о выдаче солдатским женам и детям хлебного пайка на месяц (XVII, 94, 4) — позволяет предполагать существование в македонской армии пайковой системы распределения продовольствия среди бойцов, а также сопровождавших армию нестроевых. Здесь возникает параллель с римской системой распределения провианта среди личного состава, согласно которой каждому воину выдавался хлебный паек сроком на один месяц (Polyb., VI, 39). Казалось бы, перед нами последствия «романизации» армии Александра, совершенной Диодором. В то же время, известно, что в армиях эллинистических государств солдаты получали от государства продовольственный паек натурой и деньги на покупку провианта, причем выплата причитающихся средств была как раз ежемесячной[25]. Нам представляется, что Диодор в данном фрагменте не переносит на армию Александра элементы римской военной практики и в македонских войсках продовольствие среди личного состава действительно распределялось в виде ежемесячных пайков. Более точно охарактеризовать систему распределения провианта среди бойцов македонской армии сейчас не представляется возможным, но как бы то ни было, личный состав провизию получал. Приготовлением пищи из полученных продуктов воины занимались самостоятельно во время привалов[26]. Видимо, готовили пищу силами декаса — десятка, низшего структурного подразделения македонской армии. Хлеб воинам обычно выдавался в виде зерна. Для его помола у каждого декаса была ручная мельница[27]. Возможно, обязанность готовить пищу была возложена на слугу, приставленного к каждому декасу[28], а также рабов и солдатских жен, в большом количестве двигавшихся вместе с армией[29]. Нам представляется ошибочным утверждение Фора о том, что солдаты армии Александра Македонского потребляли пищу исключительно растительного происхождения и не имели доступа к молочным и мясным продуктам[30]. Это противоречит имеющимся данным письменных источников, которые не раз сообщают о поставках в армию мелкого и крупного рогатого скота в живом виде, а также мясных продуктов (Arr. Anab., IV, 21,10; 25, 4; V, 3, 5; VI, 23, 6; Curt., VIII, 4, 19). Видимо, потребление мяса и мясных продуктов в македонской армии не было редким явлением, тем более что в обозначенную эпоху уже были известны эффективные способы их хранения[31].

Закономерно возникает вопрос о транспортировке доставленного в войска

продовольствия. Известно, что при Филиппе II большого обоза у армии не было, воины на себе несли снаряжение и припасы (Frontin., IV, 1, 6; Polyaen., IV, 2, 10). При Александре армейский обоз достигал внушительных размеров, включая большое количество повозок и вьючных животных[32]. Н. Секунда предполагает, что продовольствие для себя македонские воины по-прежнему несли сами[33]. Но имеющиеся в нашем распоряжении источники лишь один раз содержат упоминание о ручной транспортировке воинами продовольствия для личного потребления — когда речь идет о приказе легковооруженным бойцам захватить провизию на три дня для совершения быстрого марша в обход вражеских позиций (Curt., V, 4, 17). Из этого следует, что ручная переноска провианта воинами на марше не была постоянным делом. Задачи, которые решали македонские войска при Филиппе и Александре, значительно различались, как различалась роль обоза в армии отца и сына. Очевидно, для продовольствия, необходимого войскам в многокилометровых переходах по азиатским просторам, более подходящим местом был армейский обоз. Арриан сообщает о перевозке хлеба в запечатанных мешках на спинах вьючных животных (Anab., VI, 23, 4). При передвижении по пустынной местности продовольствие заранее собиралось в обозе и запечатывалось хранителем царской печати, ответственным за его распределение и хранение[34]. В роли вьючных животных македоняне использовали мулов и ослов, а после покорения Египта — и верблюдов, отличавшихся бьльшей грузоподъемностью и выносливостью[35].Вероятно, здесь мы снова сталкиваемся с персидским влиянием, так как использование верблюдов в качестве вьючных животных для перевозки продовольствия вполне соответствует военной традиции империи Ахеменидов (Herod., VII, 83; 125). Для транспортировки необходимого войскам провианта македоняне в Индии использовали и речной транспорт (Arr. Ind., 19, 7).

Помимо снабжения армии продуктами питания большое значение имеет обеспечение доступа личного состава, боевых лошадей и вьючных животных к питьевой воде. Воду воины Александра получали, как правило, из местных источников — колодцев, рек, ручьев, родников, иногда затопленных водой оврагов и впадин (Arr. Anab., VI, 25, 5; 26, 2; Curt., VII, 5, 14; 10, 14; Diod., XVII, 49, 6; Plut. Alex., 57; Strab., XV, 722; Polyaen., IV, 3, 28). Судя по имеющимся в нашем распоряжении немногочисленным данным, Александр старался расположить войска лагерем поблизости от источников пригодной для питья воды (Arr. Anab., VI, 21, 5; 25, 5–6; Strab., XV, 722). Подобным образом македонское командование поступало и ранее. В частности, Павсаний сообщает, что в его время возле Херонеи были видны остатки лагеря войск Филиппа II, а неподалеку протекал источник, называемый в честь македонского царя Филипповым (VIII, 7, 4). При отсутствии естественных источников воды рыли колодцы (Arr. Anab., VI, 23, 1; 26, 5; Curt., VII, 10, 14). Рытьем колодцев, видимо, занимались как обычные воины, так и представители инженерных войск, в которых в большом количестве служили фракийцы, считавшиеся превосходными землекопами[36]. Определенный запас воды перевозился в кожаных бурдюках на спинах вьючных животных[37]. Вообще, меха или бурдюки были в македонской армии типичной тарой для хранения и транспортировки питьевой воды (Curt., IV, 7, 12; VII, 5, 10; 14). В случае острой необходимости для быстрого распределения

воды использовали любые емкости, имеющиеся в наличии (Curt., VII, 5, 14). Но создание запаса питьевой воды не носило регулярного характера. Как правило, водой воины запасались по своему усмотрению, исходя из личного опыта и советов местных жителей (Curt., VII, 5, 7). В чрезвычайных ситуациях в проблему водоснабжения вмешивался лично Александр, приказывая быстро и разумно распределять добытую воду среди бойцов и животных, создавать запасы питьевой воды при передвижении по безводным землям (Arr. Anab., VI, 25, 6; Curt., VII, 5, 14; Diod., XVII, 49, 4). Несмотря на то, что вода, которую добывали на месте, не всегда была удовлетворительного качества, источники не содержат сведений о случаях массовых заболеваний среди личного состава. Очевидно, добытую воду по возможности частично обеззараживали. Не будет ошибочным предположение, что для обеззараживания воды, по распространенному на Балканах античного времени обычаю, в нее подмешивали вино, которое находилось в войсковом обозе даже при дефиците прочих, более жизненно необходимых продуктов (Curt., VII, 4, 23; 5, 7). Между тем, персам в то время был уже известен такой метод обработки питьевой воды как кипячение. В частности, воду, предназначенную для царя, всегда кипятили[38]. Возможно, что солдаты Александра переняли и эту персидскую традицию, пытаясь как только возможно улучшить качество питьевой воды.

Отдельно следует остановиться на оценке эффективности данной системы обеспечения войск. Плутарх сообщает, что голод и тяжелый климат были основными причинами гибели воинов во время похода (Alex., 58). У античных авторов мы встречаем значительное количество упоминаний о трудностях в снабжении македонской армии провиантом. Как правило, возникновение проблем было напрямую связано с особенностями местности. В частности, во время похода на племя парапамисадов, обитавших в отрогах «Кавказа» (Гиндукуша)[39], македонские войска испытывали значительные трудности, связанные с холодным климатом, глубоким снегом и нехваткой продовольствия (Arr. Anab., III, 28, 1; Curt., VII, 3, 12; Diod., XVII, 82, 1–2). Вероятно, именно из-за сложного горного рельефа и глубокого снежного покрова возникли проблемы с обеспечением армии продуктами питания. Тем не менее, массового голода среди личного состава удалось избежать благодаря изъятию провианта у местных жителей, заготавливавших его на зиму в большом объеме (Curt., VII, 3, 16; Diod., XVII, 82, 8; Strab., XV, 725). Проблемы со снабжением армии возникли и после перехода войск Александра через Гиндукуш, когда македоняне проходили по пустынным районам Бактрии (Arr. Anab., III, 28, 9; Curt., VII, 4, 22). Торговцы взвинтили цены на продукты и большинству воинов пришлось питаться рыбой из реки Окс и травами (Curt., VII, 4, 22–24). Трудности в снабжении можно объяснить поведением местных жителей, прятавших хлеб от завоевателей в тайных хранилищах (Curt., VII, 4, 24), глубоком снежным покровом (Arr. Anab., III, 28, 9), который, очевидно, затруднял подвоз провианта из других районов, и действиями Бесса, незадолго до подхода македонян опустошившего земли у подножья «Кавказа» и рассчитывавшего, что проблемы со снабжением войск заставят Александра остановиться (Arr. Anab., III, 28, 8). От массового голода армию спас приказ резать на мясо вьючных животных, что позволило дойти до богатых продовольствием территорий (Curt., VII, 4, 5).

Судя по сообщению Арриана, проблемы со сбором фуража у македонян возникали при быстром передвижении по засушливым районам Средней Азии, как это было с отрядом Андромаха накануне сражения на реке Политимет (Anab., IV, 5, 5). Вероятно, подобное могло произойти из-за отсутствия времени для подвоза фуража из других, более богатых им районов, а также из-за действий летучих отрядов Спитамена, которым в итоге удалось в сражении на реке Политимет (Зеравшан) разгромить этот крупный македонский отряд[40].

Ввиду прямой зависимости водоснабжения македонской армии от наличия местных источников, значительные проблемы возникали при передвижении по пустынным и засушливым землям. Во время похода Александра к знаменитому Сивскому оазису, македонское войско испытывало трудности подобного рода, однако тяжелых последствий перебоя в водоснабжении удалось избежать из-за неожиданного выпадения осадков в виде дождя (Arr. Anab., III, 3, 4; Curt., IV, 7, 12-13; Plut. Alex., 26; Diod., XVII, 49, 4–5). Гораздо более тяжелыми было положение македонян во время перехода через засушливые районы Согдианы, где жаркий и сухой климат и недостаточные по объему армейские запасы питьевой воды привели к значительным потерям среди личного состава, несмотря на то, что Александр всеми силами старался избежать их, передвигаясь с армией в прохладное ночное время и максимально быстро распределяя среди личного состава добытую воду (Curt., VII, 5, 1–15). Как сообщает Курций Руф, измученные воины при отсутствии воды пытались утолить жажду вином и даже маслом, а те, кому удавалось добыть воду, жадно на нее набрасывались и пили до рвоты (VII, 7, 9). Аналогичные проблемы возникли в районе Танаиса (Яксарта, современной Сырдарьи)[41] во время преследования скифов (Arr. Anab., IV, 4, 8–9). Вода, которую удавалось добыть в том регионе, была ненадлежащего качества и не всегда пригодна для безопасного потребления. Заболел после питья этой воды и сам Александр (Arr. Anab., IV, 4, 9). Очевидно, во время преследования быстро отступающего противника не было возможности произвести обеззараживание воды.

Но самые значительные проблемы со снабжением армии всем необходимым возникли у Александра в Гедросской пустыне в 325 г. до н.э. По этим засушливым и бедным землям, которые сейчас называются Макраном[42], македонский завоеватель повел часть своих войск для того, чтобы поддержать флот, двигавшийся вдоль пустынного побережья[43]. Александр предвидел возможные трудности в снабжении сухопутного войска и флота на этих землях и постарался по-возможности их избежать. В его время было известно, что в Гедросской пустыне потеряли свои армии легендарная царица Семирамида и Кир Великий (Arr. Anab., VI, 24, 2; Strab., XV, 722). Для обеспечения флота продовольствием и пресной водой отряд под командованием Леонната должен был построить на побережье опорный пункт — город Александрию-Кокалу[44], а недавно назначенному сатрапу региона Аполлофану было поручено поставлять продовольствие для флота и сухопутных войск[45]. Сам Александр планировал двигаться с частью армии вдоль берега моря, чтобы рыть колодцы и делать запасы провианта для флота (Arr. Anab., VI, 23, 1). Однако планы завоевателя были нарушены условиями местности. На побережье не было пресной воды, воинам приходилось пить солончаковую[46], а в бедных прибрежных поселках рыбаков не было

возможности добыть провиант для армии и флота[47]. Поскольку дальнейшее продвижение вдоль побережья было невозможно, Александр двинул войска дальше от берега[48]. В одном из относительно плодородных районов Гедросии (вероятно, оазис Турбат в юго-западном Пакистане)[49] он заготовил продовольствие для флота, но попытка отправить караван с провиантом к побережью провалилась — изголодавшиеся солдаты, в том числе и приставленные для охраны, набросились на хлеб (Arr. Anab., VI, 23, 4). Гораздо бóльшие проблемы начались, когда войско вступило в земли, почти не затрагиваемые муссонными дождями[50]. Армейские продовольственные запасы быстро закончились, наступил голод (Curt., IX, 10, 11; Plut. Alex., 66; Diod., XVII, 105, 6; Strab., XV, 722). Значительная часть вьючных животных пала от жары и отсутствия воды (Arr. Anab., VI, 24, 4; Strab., XV, 722). Измученные голодом люди ели не только плоды финиковых пальм, но также пальмовую «капусту» и корни, резали на мясо оставшихся вьючных животных и лошадей (Arr. Anab., VI, 24, 4; Curt., IX, 10, 12; Strab., XV, 722). Подобная пища, жара и недостаток воды вызвали рост заболеваний (Arr. Anab., VI, 25, 3; Curt., IX, 10, 12; Strab., XV, 722–723). Страбон сообщает, что Александр перемещал войска главным образом ночью, делая по 200, 300 и даже 600 стадий, двигаясь от источника к источнику (XV, 722). Останавливали войско не в непосредственной близости от источника, а в некотором отдалении от него, на расстоянии в 20-30 стадий, чтобы измученные жаждой люди, жадно набрасывающиеся на воду, не могли причинить себе вред чрезмерным ее потреблением, а также не препятствовали получать воду остальным (Arr. Anab., VI, 25, 6; Strab., XV, 722). Завоеватель отправил гонцов в Драангиану, Парфию, Карманию и Арию с требованием прислать как можно скорее верблюдов, груженных провиантом для войска (Curt., IX, 10, 17; Diod., XVII, 105, 7). Однако помощь подоспела, когда армия уже покидала пустыню и входила в более плодородные земли[51]. Переход войска через Гедросскую пустыню, сопровождавшийся огромными потерями среди личного состава, обернулся настоящей катастрофой[52]. Плутарх сообщает, что в Гедросии Александр потерял три четверти своей армии (Alex., 66), но эти данные следует считать сильно преувеличенными[53]. Тем не менее, фактически это был провал всей схемы снабжения армии, виновным в котором, судя по всему, Александр объявил сатрапа Аполлофана, по одним данным, снятого с должности после прибытия царя в Пуру, столицу Гедросии (Arr. Anab., VI, 27, 1), по другим данным, погибшего в битве с оритами (Arr. Ind., 23, 4–7; Diod., XVII, 105, 8). Вина была возложена и на уже упоминавшегося выше сатрапа Абулита, казненного царем за невыполнение обязанностей поставлять провиант и фураж войскам (Arr. Anab., VII, 4,1; Plut. Alex., 68). Фуллер считает Аполлофана главным виновником сбоя в продовольственном снабжении войска[54]. Между тем, обстоятельства возникновения дефицита продовольствия в Гедросской пустыне по своей сути сходны с уже описанными выше случаями. Это отсутствие возможности добыть провиант на месте и доставить его из других районов в связи с неблагоприятными природными условиями. Арриан и Страбон, очевидно, опираясь на данные Неарха, сообщают, что передвижение по Гедросской пустыне было затруднено из-за сыпучего и раскаленного песка, в котором вязли люди и животные (Arr. Anab., VI, 24, 4; Strab., XV, 722). С одной стороны, сбои в поставке провианта из

других регионов державы македонского завоевателя можно легко объяснить жаркой погодой и песчаным покровом местности, но с другой стороны, источники содержат упоминание о приказе Александра доставлять продовольствие на верблюдах, способных быстро перемещаться в условиях пустыни и нести на себе груз (Curt., IX, 10, 17; Diod., XVII, 105, 7). Возможно, действительно имела место поразительная нерасторопность Аполлофана, не организовавшего поставку провианта на верблюдах, когда армия Александра терпела лишения, продвигаясь по пустынным районам вверенного сатрапу региона, а с другой стороны, наладить поставки продовольствия Аполлофану вполне могли помешать военные действия против оритов, о которых уже говорилось выше.

Итак, система снабжения войск Александра Македонского состояла из методов сбора, доставки и распределения провианта и фуража как ранее существовавших в военной практике государств Балканского полуострова, так и введенных в нее впервые. С большой долей уверенности можно утверждать, что реформирование системы снабжения армии, проведенное Александром в Вавилонии (Diod., XVII, 65, 4), выражалось прежде всего в усвоении завоевателем персидской практики организации поставок продовольствия в войска, заключавшейся в использовании хорошо развитой системы государственных дорог с продовольственными складами и обложении населения сатрапий натуральным налогом. Полководец не только не уничтожил инфраструктуру персидской империи Ахеменидов, но и обеспечил ее функционирование в прежнем режиме, максимально используя для нужд своей армии.

Существовавшая в македонской армии система снабжения питьевой водой относительно эффективно удовлетворяла нужды личного состава и войсковых животных. Сильной ее стороной была практика рытья колодцев и частичного обеззараживания воды, предназначенной для питья. Положительной чертой можно считать и наличие определенного запасы воды, перевозившегося в бурдюках на спинах вьючных животных, однако создание этого запаса не носило регулярного характера. Слабой стороной являлась зависимость водоснабжения войска от условий местности, что и обусловило возникновение трудностей при переходе через засушливые и пустынные районы Африки и Средней Азии, а также значительные потери в Гедросской пустыне.

В целом, мы можем констатировать, что существовавшая в армии Александра система снабжения состояла из многих компонентов, была достаточно хорошо отлажена и, за исключением нескольких вышеописанных случаев, весьма эффективно удовлетворяла потребности войска в провианте, фураже и питьевой воде. Утверждение Плутарха о том, что одной из основных причин гибели личного состава во время походов Александра был голод (Alex., 58), вероятно, связано с эпизодом перехода через Гедросскую пустыню и понесенными там потерями, масштаб которых греческий автор склонен несколько преувеличивать.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 *Крюгер О.О.* Арриан и его труд «Поход Александра» // Арриан. Поход Александра. М., 1993. С. 8; *Цибукидис Д.И.* Древняя Греция и Восток. Эллинистическая проблематика греческой историографии (1850–1974). М., 1981. С. 51; *Маринович Л.П.*

Время Александра Македонского // Источниковедение Древней Греции (эпоха эллинизма). М., 1982. С. 59.

2 *Нефедкин А.К.* Научил ли Аристотель военному делу Александра? // Para bellum. 2000. № 10. С. 13–14.

3 *Фуллер Д.* Военное искусство Александра Македонского. М., 2003. С. 57.

4 *Фуллер.* Ук соч. С. 57; *Шофман А.С.* Восточная политика Александра Македонского. Казань, 1976. С. 282; *Гафуров Б.Г., Цибукидис Д.И.* Александр Македонский и Восток. М., 1980. С. 94.

5 *Фор П.* Александр Македонский. М., 2006. С. 335.

6 *Холод М.М.* Малоазийские греческие полисы и Александр Македонский в 334 г. до н. э.// Античный мир. Проблемы истории и культуры. СПб., 1998. С. 190–192; *Маринович Л.П.* Александр Македонский и полисы Малой Азии // ВДИ. 1980. № 2. С. 42–43; *Ранович А.Б.* Александр Македонский и греческие города Малой Азии // ВДИ. 1947. № 4. С. 57.

7 *Фор.* Александр Македонский. С. 352; *Секунда Н.* Армия Александра Македонского. М., 2004. С. 22.

8 *Бриан П.* Александр Македонский. М., 2007. С. 18; *Роджерс Г. М.* Александр Македонский. М., 2006. С. 104; *Шофман А.С.* Первый этап антимакедонского движения периода восточных походов Александра Македонского // ВДИ. 1973. № 4. С. 120.

9 *Шофман А.С.* Александр Македонский как дипломат // АМА. Вып. 8. Саратов, 1990. С. 27; *Ефремов Н.В.* К истории южнопонтийского региона в эллинистическое время // ВДИ. 2008. № 1. С. 116.

10 *Фор.* Александр Македонский. С. 335.

11 *Пьянков И.В.* Мараканды// ВДИ. 1970. № 1. С. 43.

12 *Бриан П.* Александр Великий. Из Греции на Восток. М., 2003. С. 27; *Фуллер.* Ук. соч. С. 84–85.

13 *Дандамаев М.А.* Цивилизации Древнего Ирана // Древние цивилизации. М., 1989. С. 146; *Гюиз Ф.* Древняя Персия. М., 2007. С. 66.

14 *Фуллер.* Ук. соч. С. 321.

15 Там же. С. 321–322.

16 *Кошеленко Г.А.* Новые документы из Бактрии позднеахеменидского и раннеэллинистического времени // ВДИ. 2007. №2. С. 217.

17 Там же.

18 *Гюиз.* Ук. соч. М., 2007. С. 66.

19 *Секунда.* Ук. соч. С. 18; *Фор.* Александр Македонский. С. 333; *Бриан.* Александр Великий. С. 37.

20 *Фуллер.* Ук. соч. С. 57.

21 *Секунда.* Ук. соч. С. 34; *Коннолли П.* Греция и Рим: Энциклопедия военной истории. М., 2000. С. 71–72; *Нечитайлов М.В.* Кавалерия Александра Македонского // Para-bellum. 2000. № 10. С 38; *Фуллер.* Ук. соч. С. 55; *Роджерс.* Ук. соч. С. 63; *Фор.* Александр Македонский. С. 358; *Алексинский Д.П., Жуков К.А.* Всадники войны. Кавалерия Европы. М., 2005. С. 64; *Нефедкин А.К.* Конница эпохи эллинизма: автореф. дисс,... докт. ист. наук. СПб., 2006. С. 12–13.

22 *Шифман И.Ш.* Александр Македонский. СПб., 2007. С. 91.

23 *Дандамаев.* Ук. соч. С. 149; *Гюиз.* Ук. соч. С. 86.

24 *Маринович Л.П.* Греческое наемничество IV в. до н.э. и кризис полиса. М., 1975. С. 141.

25 *Бикерман Э.* Государство Селевкидов. М., 1985. С. 89.

26 *Секунда.* Ук. соч. С. 43.

27 Там же. С. 42.
28 *Коннолли*. Ук. соч. С. 68.
29 *Секунда*. Ук. соч. С. 43; *Фор*. Александр Македонский. С. 333; *Бриан П*. Дарий в тени Александра. М., 2007. С. 259; *Бриан*. Александр Великий. С. 37.
30 *Фор П*. Повседневная жизнь армии Александра Македонского. М., 2008. С. 89
31 *Болдырев А.В., Боровский Я.М*. Техника военного дела // Эллинистическая техника. М., Л., 1948. С. 315.
32 *Секунда*. Ук. соч. С. 43; *Фор*. Александр Македонский. С. 333; *Бриан*. Дарий в тени Александра. С. 259; *Бриан*. Александр Великий. С. 37.
33 *Секунда*. Ук. соч. С. 43.
34 Там же. С. 18–20.
35 Там же. С. 42.
36 *Шофман А.С*. Восточная политика Александра Македонского. Казань, 1976. С. 284.
37 *Секунда*. Ук. соч. С. 42; *Фор*. Александр Македонский. С. 339.
38 *Бриан*. Дарий в тени Александра. С. 265.
39 *Гафуров, Цибукидис*. Ук. соч. С. 230.
40 *Шифман*. Ук. соч. С. 146; *Тревер К.В*. Александр Македонский в Согде // ВИ. 1947. № 5. С. 117; *Гафуров Б.Г*. Таджики. Древнейшая, древняя и средневековая история. М., 1972. С. 96.
41 *Шифман*. Ук. соч. С. 143.
42 *Warry J*. Alexander 334-323 BC: Conquest of the Persian Empire. London, 1991. P. 82; *Роджерс*. Ук. соч. С. 293.
43 *Гафуров, Цибукидис*. Ук. соч. С. 315; *Роджерс*. Ук. соч. С. 295; *Фуллер*. Ук. соч. С. 152; *Бриан*. Александр Великий. С. 109.
44 *Гафуров, Цибукидис*. Ук. соч. С. 316.
45 *Фуллер*. Ук. соч. С. 152.
46 *Гафуров, Цибукидис*. Ук. соч. С. 316.
47 *Шофман А.С*. Восточная политика Александра Македонского. С. 153; *Гафуров, Цибукидис*. Ук. соч. С. 316–317.
48 *Фуллер*. Ук. соч. С. 152–153.
49 *Роджерс*. Ук. соч. С. 296.
50 Там же. С. 296.
51 *Гафуров, Цибукидис*. Ук. соч. С. 317.
52 Там же. С. 317; *Роджерс*. Ук. соч. С. 298; *Фор*. Александр Македонский. С. 96; *Шофман*. Восточная политика Александра Македонского. С. 155.
53 *Роджерс*. Ук. соч. С. 298; *Шофман*. Восточная политика Александра Македонского. С. 155.
54 *Фуллер*. Ук. соч. С. 322.

THE MACEDONIAN ARMY SUPPLIES WITH FOOD, WATER AND FORAGE DURING EASTERN CAMPAIGN

A.A. Kleimyonov

The article examines organization of Alexander the Great army supplies in Asia Minor. The system of supply consisted of traditional and new methods. The novelty was in using Persian traditions of providing food, water and forage. In order to achieve his task Alexander the Great used Persian roads, food bases, taxed the countries in natural taxes. As a result there appeared an effective system of army supply.

© 2008

М.Г. Абрамзон, Н.А. Фролова

ДВЕ ГУППЫ МАКЕДОНСКИХ ТЕТРАДРАХМ РИМСКОГО ВРЕМЕНИ ИЗ СОБРАНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО ИСТОРИЧЕСКОГО МУЗЕЯ*

В собрании ГИМ имеются две группы тетрадрахм, выпущенных в римской провинции Македонии во II-I вв. до н.э. Эта часть коллекции ГИМ представляет значительный интерес, поскольку содержит довольно большое количество экземпляров, отчеканенных разными штемпелями. Так, первая группа представлена 17 тетрадрахмами типа «македонский щит — палица, ΜΑΚΕΔΟΝΩΝ ΠΡΩΤΗΣ», датируемыми 148-60 гг. до н.э.[1] (Табл. I, 1-7; II, 8-14; III, 15-17). Вторая группа состоит из 13 тетрадрахм с именем квестора Эзилласа[2] и относится ко времени около 95-65 гг. до н.э. (Табл. III, 18-20; IV, 21-27; V, 28-30). Для сравнения, одно из самых крупных собраний в Европе — Королевская коллекция монет и медалей Датского Национального Музея — содержит всего 6 экземпляров тетрадрахм первого типа[3] и 4 тетрадрахмы Эзилласа[4].

Победа римлян над македонянами в битве под Пидной в 168 г. до н.э. имела серьезные политические последствия: Македонское государство было уничтожено. На конференции в Амфиполе римская комиссия во главе с консулом Луцием Эмилием Павлом разделила македонскую монархию на четыре республиканско-федеративных общинных союза (merides). Столицей Первой области стал Амфиполь, Второй — Фессалоника, Третьей — Пелла, Четвертой — Пеллагония. Торговля и браки между жителями различных областей, а также хождение монеты были запрещены[5]. Македония, разделенная на четыре области, находилась под римской гегемонией и обладала мнимой автономией до 149 г. до н.э., затем была преобразована в римскую провинцию, а ее столицей стала Фессалоника.

В переходный период (168-166 гг. до н.э.) производилась чеканка редких типов бронзы с этниконом ΜΑΚΕΔΟΝΩΝ, осуществляемая квесторами Гаем Публилием и Луцием Фульциннием[6]. Около 164 г. до н.э. начались эмиссии тетрадрахм в Первой, Второй и Четвертой областях Македонии; Третья область их не чеканила.

Все 16 монет первой группы из коллекции ГИМ несут на реверсе легенду ΜΑΚΕΔΟΝΩΝ ΠΡΩΤΗΣ, свидетельствующую о том, что они были отчеканены в Первой области. Они хорошо изучены в специальной литературе[7]. В Амфиполе было выпущено огромное количество тетрадрахм с изображением бюста Артемиды Тавополы (покровительницы Амфиполя) в центре македонского щита на аверсе и традиционным сюжетом — палицей внутри дубового венка[8] на реверсе. Зафиксированы следующие дифференты, помещаемые на реверсе: молнии, рало, дельфин, звезда. Эти тетрадрахмы получили большое распространение на Балканском полуострове, особенно в Болгарии и Румынии; в Греции, Македонии, Турции и Венгрии они встречаются редко[9].

* Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (проект № 08-06-00436-а).

Д. Драганов отмечает высокую концентрацию кладов тетрадрахм Первой Македонской области в Северной, Южной и Юго-Западной Болгарии[10]. В количественном отношении эти тетрадрахмы занимают второе место в циркуляционном потоке во Фракию во II-I вв. до н.э.

Т. Моммзен[11] и Б. Хэд[12] датируют суммарно все тетрадрахмы этого типа 158-146 гг. до н.э., считая, что римский сенат предоставил Македонии право чеканки монеты только после десятилетнего перерыва, т.е. в 158 г. до н.э. Однако Д. Драганов датирует тетрадрахмы Второй и Четвертой областей 164-149 гг. до н.э., а тетрадрахмы Первой области разделяет еще на две хронологических группы: 1) оригиналы, выпущенные в Македонии в 164-149 гг. до н.э.; 2) тетрадрахмы, чеканенные римскими властями в 148-60 гг. до н.э. (Македония — римская провинция)[13]. Вторая группа чеканилась очень интенсивно и составляет, по наблюдениям И. Прокопова[14], 80% от всего нумизматического материала. В ней выделяются две серии: 1) с дифферентом «молнии» и монограммой Ꝑ; 2) с тем же дифферентом и комбинацией трех монограмм — ꝑ, ꝑ, ꝑ. Таким образом, был создан постоянный монетный тип, который выпускался десятки лет. Массовая чеканка была специально организована римскими фискальными властями с соблюдением старых традиций и прежней организацией монетного дела, существовавшей во времена правления последнего македонского царя[15].

Все монеты Первой Македонской области из собрания ГИМ были выпущены после 148 г. до н.э., т.е. после того, как Македония стала римской провинцией. Одна из них имеет монограмму Ꝑ[16] (№ 1), три — монограмму Ꝑ (№ 2-4), 13 экземпляров — монограммы ꝑ, ꝑ, ꝑ (№ 5-17).

Следующая группа тетрадрахм из ГИМ относится к периоду, когда Македония была уже более полувека римской провинцией, и выпущена от имени квестора Эзилласа. Тетрадрахмы с именем Эзилласа также хорошо известны в литературе с XIX в.[17]. Ф. де Каллатай посвятил им два специальных исследования[18]. Проблема атрибуции монетных дворов рассмотрена в работе Р. Фишера[19]. Р. Боуслав опубликовал целый корпус, включающий почти 1000 монет Эзилласа, отчеканенных 102 штемпелями л.с. и 378 штемпелями о.с., а также выделил варварские имитации[20]. Д. Драганов осветил чеканку Эзилласа в специальном разделе второго тома своего труда[21].

На л.с. этих тетрадрахм помещены портрет Александра Великого с рогом Зевса-Амона и надпись ΜΑΚΕΔΟΝΩΝ, на о.с. внутри лаврового венка — традиционная для македонской монетной типологии палица и два символа власти высшего римского финансового магистрата (квестора) — ящик для денег (cista) и квесторское кресло (sella) и надпись AESILLAS Q[uaestor]. По мнению М. Прайса, голова Александра Великого на аверсе скопирована с конной статуи царя[22]. На некоторых тетрадрахмах Эзилласа имеется билингва CAE[sar] PR[raetor] ΜΑΚΕΔΟΝΩΝ[23], сообщающая о преторе Цезаре, но таких экземпляров в коллекции ГИМ нет. Тетрадрахмы типа «голова Александра Великого — циста, палица, квесторское кресло» чеканились также с именем SVVRA LEG PRO Q (Сура, легат, проквестор)[24]. Предположительно, их выпускал легат Квинт Брет Сура (Q. Braetus Sura)[25]. В собрании ГИМ такие монеты также отсутствуют.

Таблица 1.

Чеканка с именем Эзилласа велась по аттическому стандарту. Кроме тетрадрахм выпускались драхмы с его именем[26]. О самом квесторе Эзилласе, его происхождении и карьере ничего неизвестно. На аверсах 11 тетрадрахм Эзилласа из коллекции ГИМ (№ 18-28) помещена буква Θ, которая интерпретируется как сокращение названия Фессалоники — столицы римской провинции Македония с 148 г. до н.э.[27] На аверсе одного экземпляра (№ 30) помещена буква Ȣ, которая предположительно ассоциируется с названием Боттиеи (Пеллы), где вероятно производилась чеканка тетрадрахм с данным знаком монетного двора[28]. Еще на одном экземпляре (№ 29) монограмма вовсе отсутствует.

Проблему датировки тетрадрахм Эзилласа прекрасно осветил Д. Драганов[29], поэтому мы в целом опираемся на сделанный им обзор основных точек зрения. Сам Д. Драганов датировал эти монеты временем около 90-70 гг. до н.э.[30] Б. Хэд относил тетрадрахмы с именем квестора Эзилласа ко времени около 89 г. до н.э.[31] А. Барнетт, основываясь на данных кладов из Юго-Западной Македонии, датировал эти тетрадрахмы 80-70 гг. до н.э.[32] О. Моркхолм отнес их к 94-88 гг. до н.э.[33] Находки экземпляров тетрадрахм Эзилласа, перечеканенных из тетрадрахм лисимаховского типа, выпущенных в Византии[34], и из афинских тетрадрахм «нового стиля»[35] позволили специалистам предложить ряд других дат: начало 60-х гг. I в. до н.э.[36]; время около 69-67 гг. до н.э.[37]; начало 70-х гг. I в. до н.э.[38]; отрезок времени от 90 г. до н.э. до конца Римской республики[39] и т.д. О. Моркхолм предложил компромиссный вариант: оригинальная группа тетрадрахм Эзилласа чеканилась в 94-88 гг. до н.э., а небольшие партии их продолжали выпускаться до 65 г. до н.э.[40] Ф. де Каллатай в своем детальном исследовании чеканки Эзилласа придерживается почти тех же дат — 95-65 гг. до н.э.[41]

Наконец, Р. Боуслав в своем корпусе разделил все тетрадрахмы Эзилласа на восемь хронологических групп. По его мнению, чеканка тетрадрахм Эзилласа началась около 90 г. до н.э. и продолжалась с различной степенью интенсивности примерно до 70 г. до н.э. Общее количество серебра с именем Эзилласа, по подсчетам Р. Боуслава, должно было теоретически составлять около 680 талантов (18 тонн). Часть серебра была необходима римлянам, чтобы заручиться дружбой и поддержкой фракийских племен (дентелетов и др.), которые контролировали продвижение римских войск на восток (Via Egnatia), к Эгеиде и Азии[42].

По данным И. Прокопова, известно 23 клада, содержавших монеты Эзилласа, 14 из которых найдены на территории Болгарии, остальные — в Беломорской Фракии[43]. Д. Драганов[44] отмечает, что для датировки этих монет исключительную важность представляет клад из с. Стройно (IGGH 924), содержавший 194 тетрадрахмы Маронеи, Фасоса, Афин, Первой Македонской области и 1 экземпляр с именем Эзилласа. Клад датируется временем около 90 г. до н.э.[45] Тетрадрахма Эзилласа принадлежит к IV группе (по Р. Боуславу) и имеет ключевое значение для определения относительной датировки отдельных групп монет с именами квестора Эзилласа, легата и проквестора Суры, а также претора Цезаря[46].

Чеканка тетрадрахм с именем Эзилласа составляет последнюю эмиссию серебряных македонских монет эллинистической эпохи[47].

8

9

10

11

12

13

14

Таблица 2.

15

16

17

18

19

20

Таблица 3.

КАТАЛОГ ТЕТРАДРАХМ[48]

I. ПЕРВАЯ МАКЕДОНСКАЯ ОБЛАСТЬ, АМФИПОЛЬ

После 148 г. до н.э.

Л.с. Македонский щит, в центре — бюст Артемиды Тавополы вправо; на плече колчан.

О.с. Палица вправо; над ней ΜΑΚΕΔΟΝΩΝ, под ней ΠΡΩΤΗΣ; вверху монограмма . Изображение заключено в дубовый венок, слева от которого молнии.

BMC V, 1879, p. 7, № 1.

1. A. 9724. 17.12.

Л.с. То же.

О.с. То же, вверху монограмма .

BMC V, 1879, p. 7, № 2; *SNG Cop.*, 1982, Macedonia, № 1311; *Драганов Д.*, 2000, II, с. 198, № 818.

2. A. 9732. 16.82.
3 A. 9733. 16.74.
4. A. 9740. 13.97.

Л.с. То же.

О.с. То же, вверху монограмма , внизу две монограммы – и .

BMC V, 1879, p. 8, № 6-7; *SNG Cop.*, 1982, Macedonia, № 1314.

5. A. 9725. 16.36.
6. A. 9726. 16.53.
7. A. 9727. 16.60.
8. A. 9728. 16.52.
9. A. 9729. 16.67.
10. A. 9730. 16.93.
11. A. 9731. 16.69.
12. A. 9734. 16.05.
13. A. 9735. 16.55.
14. A. 9736. 16.77.
15. A. 9737. 16.72.
16. A. 9738. 16.38.
17. A. 9739. 16.90.

21

22

23

24

25

26

27

Таблица 4.

28

29

30

Таблица 5.

II. ЭЗИЛЛАС, КВЕСТОР

Около 95-65 гг. до н.э.

ФЕССАЛОНИКА

Л.с. Голова Александра Великого с вьющимися волосами и рогами Амона; внизу ΜΑΚΕΔΟΝΩΝ, слева буква — Θ.

О.с. Палица между денежным ящиком и квесторским креслом; вверху AESILLAS Q. Изображение заключено в лавровый венок.

BMC V, 1879, p. 19, № 81-83; *SNG DM*, 1982, Macedonia, № 1330; *Драганов Д.,* 2000, II, с. 202, № 834.

18.	A. 9741.	15.96.
19.	A. 9742.	16.38.
20.	A. 9743.	16.25.
21.	A. 9744.	15.94.
22.	A. 9745.	16.48.
23.	A. 9746.	16.12.
24	A. 9748.	15.95.
25.	A. 9749.	15.65.
26.	A. 9750.	15.56.
27.	A. 9752.	15.61.
28.	A. 9753.	16.90.

Л.с. То же.
О.с. То же, но без буквы Θ.
BMC V, 1879, p. 20, № 85; *SNG DM*, 1982, Macedonia, № 1328-1329.

29. А. 9747. 16.30.

ПЕЛЛА (БОТТИЕЯ?)

Л.с. То же, справа буква — Ꞓ.
О.с. То же.
Price M., 1974, pl. XVI, 84; *Драганов Д.,* 2000, II, с. 202, № 830.

30. А. 9751. 16.80.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Традиционно эти монеты относили к 158-149 гг. до н.э., т.е. ко времени римской гегемонии над Македонией. Сейчас известно, что небольшая часть из них чеканилась в 164-149 гг. до н.э., а подавляющее большинство — в 148-60 гг. до н.э. См.: *Драганов Д.* Монетите на Македонските царе. Ч. II. От Филипп III Аридей до Персей. Ямбол, 2001. С. 199. № 818.
2. Там же. С. 203. № 829-834.
3. SNG Cop. 1982. Pl. 34, 1310-1315.
4. SNG Cop. 1982. Pl. 34, 1327-1330.
5. *Моммзен Т.* История Рима. Т. III. М., 1936. С. 727; *Шофман А.С.* История античной Македонии. Т. II. Казань, 1963. С. 23; *Hammond N.G.* A history of Macedonia. III. 336-167 B.C. Oxford, 1988. P. 75.
6. *Драганов*. Ук. соч. С. 121-122. № 809-814.
7. *Head B.* British Museum Catalogue. Vol. V. Macedonia etc. London, 1879 (далее — BMC V). P. 7. № 1-8; *Прокопов И.* Тетрадрахмите на Първа Македонска област. София, 1994; *Драганов*. Ук. соч. С. 121-131.
8. Дубовый венок является атрибутом Зевса Додонского, изображавшегося на типе тетрадрахм самой ранней серии Амфиполя после получения им права серебряной чеканки (*Драганов*. Ук. соч. № 816).
9. *Thompson M.* A hoard from Northern Greece // ANS MN. 12. 1966; *Прокопов*. Тетрадрахмите на Първа Македонска област; *Petrova E.A.* A hoard of tetradrachms of the First Macedonian meris // MNJ. 3. 1999; *Драганов*. Ук. соч. С. 124.
10. *Драганов*. Ук. соч. С. 124.
11. *Mommsen Th.* Historie la monnaie romaine. III. Paris, 1873. P. 281.
12. *Head*. Op. cit. P. 7.
13. *Драганов*. Ук. соч. С. 124.
14. *Прокопов*. Тетрадрахмите на Първа Македонска област. С. 14.
15. *Драганов*. Ук. соч. С. 124-125.
16. Монета с такой монограммой имеется в Британском Музее (BMC V. P. 7. № 1). Возможно, разновидность монограммы Ꞓ.
17. BMC V. P. 19-20. № 81-86.
18. *Callataÿ F. de.* Les mannaies nom d' Aesillas // Italium Fato Profugi. Numismatic Studies dedicated to Vladimir and Elvira Eliza Clain-Stefanelli. Numismatica

Lovaniensia. 12. Louvain-la-Neuve, 1996. P. 113-151; item. *Callataÿ F. de*. The coins in the name of Sura // Coins of Macedonia and Rome. Essays in honor of Charles Hersh. London, 1998. P. 113-117.
19. *Fisher R.S.* Two notes on the Aesillas tetradrachms // ANS MN. 30. 1985.
20. *Bauslaugh R.* Silver coinage with the types of Aesillas the Questor // ANS NS. 32. 1987.
21. *Драганов*. Ук. соч. С. 126-131.
22. *Price M.* Coins of Macedonians. London, 1974. P. 33.
23. *Драганов*. Ук. соч. С. 203. № 833.
24. Там же. № 832.
25. *Bauslaugh*. Silver coinage with the types of Aesillas the Questor. P. 48-49; *Драганов*. Ук. соч. С. 129.
26. BMC V. P. 20. № 86; *Драганов*. Ук. соч. С. 203. № 835-836.
27. *Драганов*. Ук. соч. С. 130.
28. *Bauslaugh*. Silver coinage with the types of Aesillas...P. 111.
29. *Драганов*. Ук. соч. С. 130.
30. Там же. С. 202.
31. Head. Op. cit. P. 19.
32. *Burnett A.* Aesillas: two new hoards // Coin Hoards. 7. London, 1985. P. 54-67.
33. *Mørkholm O.* Early Hellenistic coinage: from accession of Alexander to the Peace of Apamea (336-186 BC)/ Cambridge, 1991. P. 162.
34. *Thompson M.* Byzantium over Aesillas // Revue Numismatique. 1973. P. 54-65.
35. Bauslaugh R. Two unpublished overstrikes: new style Athens and Aesillas the Questor // ANS MN. 32. 1987. P. 16-20.
36. *Lewis D.M.* The chronology of the Athenian new style coinage // Numismatic Chronicle. 1962. P. 296.
37. *Mattingly H.* Julius Caesar, governor of Macedonia // Chiron. 9. 1979. P. 150-154.
38. *Burnett*. Op. cit. P.54-67.
39. *Boehringer C.* Zur Chronologie Mittel-hellenistischer Münzserien, 220-160 v. Chr. // Antike Münzen und Geschnittene Steine. Berlin, 1972. S. 28-31.
40. *Mørkholm*. Op. cit. P.168.
41. *Callataÿ*. Les mannaies nom d' Aesillas. P. 113-151.
42. *Bauslaugh*. Silver coinage with the types of Aesillas... P. 111-115; Драганов. Ук. соч. С. 130-131.
43. *Прокопов И.* За распространението на серебърните тетрадрахми с името на квестора Езилас в Югозападните български земи и тяхното датирани // Нумизматика. 1985. № 1; *он же*. Разпиляно съкровище от тетрадрахм на квестор Езилас // Нумизматика. Сборник от доклади по проблеми на античната и средневековна нумизматика и медалистика. Ч. II. София, 1986. С.11-14; *он же*. Проблема на монетната циркуляция в Тракия II-I пр. Хр. // Нумизматични изследования. 1997. № 2-4. С. 5-19.
44. *Драганов*. Ук. соч. С. 131.
45. *Schönert-Geiss E.* Die Münzprдgung von Maroneia // Griechisches Münzwerk. 26. Berlin, 1987. S. 105-106.
46. *Bauslaugh*. Silver coinage with the types of Aesillas... P. 98-99.
47. *Драганов*. Ук. соч. С. 131.
48. Номерам каталога соответствуют номера фотографий в таблицах.

TWO GROUPS OF MACEDONIAN TETRADRACHMS OF THE ROMAN PERIOD IN THE STATE HISTORICAL MUSEUM

M.G. Abramzon, N.A. Frolova

The numismatic collection of the State Historical Museum contains two groups of tetradrachms issued in the Roman province Macedonia in the 2nd — 1st centuries BC. The first group is composed on 17 pieces of the type Macedonian shield-club, ΜΑΚΕΔΟΝΩΝ ΠΡΩΤΗΣ. These coins were struck in the First region of Macedon under Roman hegemony and are dated to 148–60 BC. The second group contains 13 tetradrachms issued by the Roman questor Aesillas in 95–65 BC. The authors examine mainly the problem of chronology of Aesillas the Questor's coinage.

© 2008

Ю.А. Бибарсова

МАЛОАЗИЙСКАЯ КЛИЕНТЕЛА ПОМПЕЯ В ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЕ 49–47 гг. до н.э.

Отношения между патронами и клиентскими общинами в восточных провинциях Рима представляют значительный интерес для характеристики как римской внешней политики в целом, так и личных устремлений политических деятелей Республики, обладавших собственной клиентелой среди перегринов.

Римское государство уделяло большое внимание организации политического контроля на завоеванных территориях. Малая Азия, где царства и полисы соседствовали с храмовыми общинами и племенными объединениями, создавала для Рима серьезные сложности в управлении, и это придавало особое значение патроно-клиентским отношениям в контроле за регионом.

Изучению римской политики на Востоке посвящено достаточно большое количество работ[1], однако вопрос о связях Помпея с местными царями, восточной аристократией, теократией, а также греческими полисами, городскими и сельскими общинами в период гражданских войн 49–47 гг. до н.э. в специальной литературе должного освещения не получил.

Основной целью данной статьи является исследование характера взаимоотношений Помпея с его азиатскими «друзьями», союзниками и клиентами, выявление особенностей контактов между ними, анализ механизма воздействия римского политического деятеля на восточную клиентелу и оценка роли провинциалов в войне против Цезаря. Кроме того, необходимо выяснить, — отличалась ли политика Помпея от политики предшественников, и удалось ли Помпею создать на Востоке особую систему патроно-клиентских связей, оптимально выгодную обеим сторонам.

На начальном этапе римской экспансии в малоазийском регионе Рим отказывался от политики непосредственного вмешательства в дела зависимых государств, предпочитая оставлять территории под контролем своих союзников — «друзей римской республики»[2]. Династы и царьки, назначенные на «царство», обеспечивали административный, финансовый и политический контроль, исключая военное присутствие римлян[3].

Одним из первых римских полководцев, осознавшим всю важность заключения патроно-клиентских отношений не с позиции силы, а с позиции сотрудничества, являлся Лициний Лукулл. Суть политики этого военачальника сводилась к построению взаимовыгодных связей как с крупными городами, так и с отдельными сословиями и личностями (филархами, местной аристократией, теократией)[4]. Однако вся слава восточного патрона досталась Помпею, который не только перехватил инициативу у менее удачливого политика, но и полностью реализовал свой статус в регионе, основываясь на принципах дипломатии своего предшественника[5]. Созданная Лукуллом модель патронажа была воспринята и осуществлена Помпеем на восточных территориях, но она обрела специфические черты, отличные от классического варианта взаимодействия покровителя и подопечного.

Особенность административной и политической деятельности Помпея заключалась в неограниченной широте полномочий в малоазийском регионе. Ни один полководец, отправлявшийся на Восток, не был наделен такой властью. Согласно законам Авла Габиния (67 г.)[6] и Гая Манилия (66 г.) Гней Помпей становится фактическим правителем «римского» Востока как на суше, так и на море[7] (Cic. De imp., Gn. Pomp. 34, 44, 52, 57; Strab., XIV, 3, 3; Liv. Ep., 99; Vell. II, 31, 2; Ann Flor., I, 41, 7–15; Plut., Pomp., 25, 28; App., Mith., 94-96; Dio Cass., XXXVI, 23–24, 30, 36–37; Eutr., VI, 12; Zonar., X, 3; Ps.-Ascon., 57). Блестяще закончив кампанию против пиратов, а затем Митридата VI, великий полководец занялся урегулированием непростой административной и политической ситуации в Малой Азии[8].

Азиатские страны состояли из пестрой смеси государственных владений, фактически или юридически автономных городских округов, светских и духовных княжеств и царств, которые были самостоятельны во внутреннем управлении, но зависели в той или иной степени от римского правительства и его проконсулов, так же как раньше от великого царя и его сатрапов[9].

Помпей осуществил территориальные преобразования: реорганизовал Понтийское царство — его западная часть была соединена с Вифинией и образовала одну провинцию Вифинию — Понт; восточной части наместник оставил независимость. Провинция Азия из периферийной области превратилась в центральную, а в состав провинции Киликии вошли Памфилия и Исаврия. Это реформирование имело далеко идущие последствия, поскольку обеспечивало тыл Рима от враждебно настроенных племен и создавало основу для дальнейшего продвижения римлян в глубь региона[10].

Перекраивая карту Малой Азии, Помпей во главе «союзных» государств — Капппадокии, Пафлагонии, Киликии, Коммагены и др. — назначил верных «друзей римской республики» и своих личных ставленников. Среди них: каппадокийский царь Ариобарзан III — главный страж римских интересов во внут-

ренней части полуострова, обеспечивающего сообщения между римскими провинциями (App., Mithr., 105); Дейотар — тетрарх галатов (Cic. Att., V, 17; Strab., XII, 1; Eutr., VI, 18, 1; Caes. B.C., III,4); Аттал, ставший во главе Пафлагонии (Eutr., VI, 18, 1); Аристарх — царь колхов (Eutr., VI, 18, 1); Антиох — правитель Коммагены (App., Mithr., 106); Таркондимот, властвовавший в долине Амана, в восточной Киликии (Dio Cass. XLI, 63, 1); трокмийский князь Богодиатар (Strab., XII, V, 2); Антипатр, получивший в управление южную часть Ликаонии, а также Дербу и Ларанду (Cic. Fam., V, 17; Strab, XII, 1, 4; XIV, 5, 24), и другие более мелкие династы, которые и составили клиентелу Помпея. Остановимся на ключевых примерах протекции Помпея восточным монархам.

Так, Таркондимот, топарх горной области Аман, был лично обязан Помпею своей властью, дарованной ему в 64 г. (Cic. Att., VI, 1, 3, 14). За храбрость, проявленную в войне с Митридатом, князь племени тектосагов — Богодиатар получил от Помпея в награду бывший понтийский пограничный город Митрадатион (Strab., XII, 5, 2). За верность и преданность Риму, за долгую и верную службу Дейотар, тетрарх мелкого кельтского племени толистоброгов, получил в правление восточную половину прежнего Понтийского царства, с портовыми городами Фарнакией и Трапезунтом, а также Понтийскую Армению вплоть до колхидской и великоармянской границы (Strab., XII, 3, 13). Расширив свои владения, Дейотар стал одним из сильнейших династов Малой Азии[11]. Территория Пафлагонии была разделена Помпеем между Атталом и Пиламеном, потомками Пиламенидов, что давало основания рассчитывать на верную службу царей в интересах Рима[12]. Но это была не единственная щедрота великого патрона к провинциальным клиентам.

Одаривание происходило присвоением титула «друг римской республики» для правителей зависимых от Рима территорий. Связь патрона и клиентов была взаимовыгодна[13]: Помпей получал от союзников военную, финансовую и политическую поддержку в обмен на защиту их интересов в Риме, а особенно преданной креатуре даровал римское гражданство, что способствовало повышению его авторитета среди азиатских монархов.

Однако титул, пожалованный Помпеем, обходился amici достаточно дорого. Об этом мы можем судить по переписке Цицерона с Аттиком. В письмах наместника Киликии нередко упоминается огромный долг Ариобарзана III перед Помпеем: «<...> шестьсот управителей Помпея начали на него наседать <...> ему теперь выплачивают следующим образом: каждый тридцатый день по тридцать три аттических таланта — и это из налогов; но для покрытия месячного роста этого недостаточно. Однако наш Гней переносит это с мягкостью» (Cic. Att., VI, 1, 3, 14). Вероятнее всего, царь Каппадокии задолжал римскому военачальнику за помощь в предоставлении либо царского титула, либо римского гражданства.

Большие суммы наличными деньгами и еще бóльшие — долговыми обязательствами Помпей получал от глав вассальных государств за обеспечение внутреннего порядка. Со временем эта практика обрела статус обычного налога.

Таким образом, связь Помпея с малоазийскими правителями представляла институт взаимовыгодных услуг: политик защищал их интересы в Риме, высту-

пал в роли третейского судьи, решая территориальные споры в пользу верных союзников, даровал титулы и римское гражданство, они же способствовали материальному обогащению и политическому влиянию полководца в регионе[14]. Помпей осуществлял свой патронаж не только по отношению к главам государств, но и по отношению к крупным городам, городским и сельским общинам[15].

Греческие полисы, получившие протекцию Помпея, пользовались относительной самостоятельностью во внутренних делах, но в вопросах, касающихся налогообложения и внешних контактов, находились в зависимости от римских наместников[16]. Однако Помпей, как и его предшественник Лукулл, заботился о подъеме городской жизни: даровал привилегии, поощрял торговлю и строительство, расширял территории полисов и основывал в регионе новые города, которые становились форпостами римского владычества на Востоке[17].

Источники сообщают, что Помпеем было основано 39 новых городов: Никополь, Мегаполь, Зиела, Диополь, Магнополь, Неаполь и др. (App., Mithr., 105; Strab., XII, 7, 5, 28), служившие главными торговыми артериями Малой Азии. Поощряя торговлю, политик освобождал общины от обременительных торговых пошлин и устранял укоренившиеся в провинциях злоупотребления публиканов и ростовщиков, чему способствовало составление для каждой области положений о регулирование городского строя.

Некоторым крупнейшим городам Востока Помпей предоставил право автономного управления (civitates liberae)[18]. Несмотря на то, что многие из них позже были включены в состав римской империи и вынуждены были платить налоги, эти города сохраняли собственную юрисдикцию и возможность по своему усмотрению разрешать вопросы, связанные с муниципальным управлением. Это, несомненно, имело большое значение: таким способом можно было избежать злоупотреблений публиканов при сборе налогов и произвола римских чиновников при решении вопросов, касающихся лишь дел города, например, в Гераклее[19].

Кроме того, Помпей запретил римским солдатам грабить полисы (Plut. Luc., 14) и эта мера, несмотря на возмущение армии, была сохранена до конца митридатовой войны[20]. Малоазийские города становились под его протекторат и после успешной кампании против пиратства. Расселение пиратов на территории основанных и восстановленных городов[21], способствовало и подъему экономики, и политической стабилизации в регионе[22] (Plut. Pomp., 28; Strab., VIII, 7, 5; App., Mithr., 96).

Меры, предпринятые политиком, позволили использовать полисы в качестве инструмента для управления новыми территориями, на которых невозможно было в короткий срок создать римскую администрацию[23]. Однако в затруднительных положениях Помпей собирал средства любыми способами и повсеместно. Аппиан сообщает: «Так как римская казна страдала из-за междоусобных распрей недостатком средств, все народы и города, не только обязанные платить дань, но и те, которые присоединялись к Риму и связанные с ним договорами, скрепленными клятвами, все города, которые благодаря союзу с Римом или за какие-либо другие заслуги пользовались автономией и были свободны от податей, — платить дань и повиноваться» (App., B.C., I, 102). Немаловаж-

ным аспектом взаимоотношений Помпея с малоазийской клиентелой стали его связи с влиятельными гражданами и олигархической верхушкой малоазийских городов[24].

Среди них упоминается некий Пифадор, уроженец Нисы, который переселился в Тралы ради славы этого города. Он приобрел царское состояние ценностью более 2000 талантов благодаря своему покровителю (Strab., XIV, 1, 41). Стратоника — наложница Митридата, была не только прощена Помпеем, но и поставлена во главе стратегически важной крепости в восточной части Понта (Plut.Pomp., 36). Возможно, за покровительство Помпея она предоставляла ему не только денежные средства, но и обязательный военный контингент. Выходцами из эллинистического Востока были вольноотпущенник Помпея Деметрий, занимающийся финансовыми делами патрона (Plut., Pomp., 40) и пираты-киликийцы — Мена и Менекрат, командующие флотилиями полководца и его сына — Секста (Vell., II, 73, 3; 77, 2; Ann. Flor., II, 18, 2).

Основное богатство малоазийской аристократии составляла земля, поэтому Помпей нередко жаловал ей участки из фонда конфискованных и вновь освоенных земель, а снижение размера платы за исполнение должностных функций позволило занимать городские магистратуры лицам незнатного происхождения, что также способствовало расширению круга его клиентов.

Помпей, руководствуясь личными политическими интересами и амбициями, не оставлял без поддержки и ученых-историков. Например, грек Феофан, наиболее близкий сторонник Помпея, написал о нем историческое сочинение (Strab., XIII, 1, 37). Римский политик был рад привлечь в свою партию и Цицерона, который, будучи наместником Киликии, сформировал обширную клиентелу из богатых и влиятельных граждан Малой Азии, но, поддерживая дружеские отношения с Помпеем, предпочитал сохранять самостоятельность как в финансовых, так и в политических делах[25]. Малоазийский регион, с его разнообразными синкретическими культами, представлял обширное поле деятельности и для жречества[26].

Помпей стремился заручиться поддержкой первосвященников наиболее важных храмовых объединений в Малой Азии, путем присоединения к ним новых земельных владений. Например, во главе святилища в Комане он поставил Архелая, расширив его владения на 2 схена, и приказал жителям окрестных сельских и городских общин подчиняться ему. Архелай стал правителем огромной области, а его власть была равносильна царской (Strab., XII, 2, 5).[27] К храмовому объединению Зела, которое являлось святилищем персидских божеств, Помпей присоединил провинции и присвоил храму статус города (Strab., XII, 3, 37). В Трахеотиде Помпей утвердил верховным жрецом династа Тевкра, сына Эанта, основавшего храм Зевса в Ольбе, управление которым перешло к его потомкам (Strab., XII, 2, 5)[28]. В благодарность за щедрость и внимание жрецы и первосвященники финансировали военную кампанию политика и способствовали популяризации его личности среди простого населения.

Однако теократия хоть и служила внешнеполитической опорой Помпея, к I в. до н.э. стала терять свое привилегированное положение и ее власть ограничилась лишь ролью городских магистратов[29]. Со временем популярность Помпея среди жречества стала ослабевать из-за непопулярных мер: конфискации

неприкосновенных храмовых средств и поддержки новых синкретических культов, имевших широкую популярность среди местного населения и римлян[30]. Угроза реквизиций гражданской войны, политический интерес и личная выгода вынуждала азиатских правителей, глав городских общин, первосвященников, влиятельных жителей Востока перейти на сторону Помпея и в случае его победы рассчитывать на щедрость патрона и получение новых льгот и привилегий .

В повествовании Цезаря о вспомогательных частях Гнея Помпея из восточных частей республики, перечисление союзных княжеств Востока занимает в пять раз больше места, чем описание римских легионов: «.... у него было три тысячи стрелков с Крита, из Лакедемона, с Понта, из Сирии и других общин, две когорты пращников по шестьсот человек и семь тысяч всадников. Из них шестьсот галлов привел Дейотар, пятьсот Ариобарзан из Каппадокии, почти столько же дал Котис из Фракии, приславший с ним сына своего Садалу; .... двести было прислано из Сирии коммагенским правителем Антиохом, получившим от Помпея большую награду ...» (Caes. B.C., III, 3).

Упоминает восточных союзников Помпея, предоставивших военный контингент в битве при Фарсале, и Аппиан: «...кроме эллинов, в числе союзников были почти все народы, обитающие по морскому берегу в восточном направлении: фракийцы, геллеспонтийцы, вифинцы, фригийцы, ионяне, лидийцы, памфилийцы, писидийцы, пафлагонцы, киликийцы, сирийцы, финикийцы....» (App., B.C.,II, 82).

Помпей не предполагал использовать союзнические войска для сражения, армии клиентов служили лишь как вспомогательный военный контингент: «<...>все же использовал их частью для гарнизонной службы, рытья окопов и обслуживания италийского войска, чтобы из самих италийцев никто не был отвлечен от самой войны» (App., B.C., II, 48).

Одной из причин такого отношения являлась ненадежность союзников: «Прочие цари и тираны недостаточно надежны и в смысле средств и в смысле настроения» (Cic. Fam., XV, 1, 6).[31] Так, например, когда левое крыло войска Помпея в битве при Фарсале (48 г.) стало отступать, союзники, ничего не предприняв, обратились в бегство (App. B.C.,II, 80), а после поражения все цари, народности и города, составлявшие клиентелу Помпея, отозвали свои флотилии и отряды и отказались принимать беглецов из разгромленной партии (App., B.C., II, 80).

Таким образом, Помпей, до начала открытого противостояния с Цезарем, проявил себя проницательным политиком и энергичным полководцем. В ходе продолжительной войны с понтийским царем, кампании против пиратов он установил довольно обширные патроно-клиентские отношения с династами, царями, общинами, храмовыми объединениями и влиятельными гражданами малоазийского региона.

В отличие от Суллы, стремившегося силой оружия и путем жестких мер удержать завоеванные территории, Помпей использовал разнообразные формы политического компромисса в отношениях с провинциалами.

Политик, оказывая покровительство «друзьям» и клиентам, мог рассчитывать на их политическое и экономическое сотрудничество. Преследуя как госу-

дарственные, так и личные интересы, Помпей нуждался в помощи сильных и влиятельных союзников и расширял круг своей клиентелы не за счет политического давления, а лояльного отношения к местной власти.

Он расширял территории монархов, даровал им римское гражданство, поощрял торговлю в крупных торгово-ремесленных центрах, ограничивал произвол местной и римской администрации, способствовал развитию науки, укреплял авторитет римской республики.

Клиенты и союзники имели ряд политических и экономических обязательств перед Помпеем: предоставляли военный контингент, обеспечивали финансовую поддержку, занимались снабжением и размещением армии, докладывали о действиях противника на своих территориях, способствовали росту популярности великого полководца и политического деятеля конца римской республики на Востоке.

Приложение

МАЛОАЗИЙСКИЕ КЛИЕНТЫ ПОМПЕЯ, УПОМЯНУТЫЕ В ИСТОЧНИКАХ

№	Клиенты Помпея	Область	Источники
		1. Правители Малой Азии	
1	Дейотар	Тетрарх Галатии	Strab., XII, 5, 1, 3; Cic. Att., V, 17, 2, 3, 4; Att., V, 20, 9; Att., V, 21, 2, 14; Att., VI, 1, 4, 14, 23; Cic. Fam., XV,1, 6; Fam., XV,2, 2; Fam., VIII,10, 1,2; Fam., XV, 4, 8, 15; Fam., IX, 12, 2; Fam., XIV, 1, 2; Fam., XIV, 12, 1; Fam., XIV, 19, 2;. Fam., XVI, 3, 6; Cic. Brut., I,6,3; Pro Deiotaro, 14, 24; Eutr., VI, 18, 1; Caes. B.C., III,4; Dio Cass. XLI, 63, 1; Dio Cass. XLII, 46, 1; App., B.C., II, 13, 4, 5.
2	Богодиатр	Князь племени тектосагов в Галатии	Strab., XII, 5, 2;Cic. Fam., XV,1, 6.
3	Антипатр	Царь Малой Армении	Strab., XII, 6, 3; 3, 28; Strab., XII, 1, 4; Strab., XIV, 5, 24;Cic., Fam., V, 17; Fam., XIII, 73, 2.
4	Ариобарзан I	Царь Каппадокии	Strab., XII, 2, 11;Cic. Fam., XV, 15, 2; Eutr., VI, 5, 2; App., Mithr., 105.
5	Ариобарзан III	Царь Каппадокии	Cic. Att., VI, 1, 3; Att., V, 18, 4; Att., VI, 2, 7; Att., VI, 3, 5; Cic. Fam., XV, 15, 5, 6,7,8; Fam., XV, 4, 6; Fam., XV, 5, 1; Fam., II, 17, 7; Caes. B.C., III,4; App., B.C., II, 13, 4, 5.
6	Таркондимот	Топарх области	Strab., XIV, 4, 18; Dio Cass. XLI, 63, 1; Cic. Fam., XV,1, 2; Caes. B.C., III,3; App., Mithr., 106; App., B.C., II, 49, 71.

7	Антиох	Царь Коммагены	App., Mithr., 106, 114, 154; Cic. Fam., XV,1, 2; Fam., XV, 3, 1, 2; Fam., XV, 1, 2; Fam., XV, 4, 3;Cic. Q.fr., II,10, 2, 3; Caes. B.C., III, 5; Strab., XVI, 749; Dio Cass. XXXVI, 17.
8	Аттал	Царь Пафлагонии	Eutr., VI, 18, 1; App., Mithr.,114.
9	Аристарх	Царь Колхиды	Eutr., VI, 18, 1; App., Mithr., 114; Dio Cass. XXXVII, 3.
2. Городские общины			
1	Зела, Мегалополь, Митилена, Никополь, Магнополь Селевкия, Маллос, Адана, Эпифания, Солы, Димы, Ахайе,Тарента, Эпифания, Антиохия-на-Оронте, Селевкия Пиерийская, Мазак, Газа, Гераклея и др.		Strab., XII, 3, 28;30;37; Plut. Pomp., 28, 42; Eutr., VI, 18, 1; App., Mithr., 96, 108, 115; Dio Cass. XXXVI, 50.
3. Первосвященники храмовых объединений			
1	Архелай	Первосвященник в Комане Понтийской	Strab., XII, 2, 5; App., Mithr., 114.
2	Тевкр	Жрец Ольбы	Strab., XII, 2, 5.
4. Жители Малой Азии			
1	Феофан	Историк из Митилены	Strab., XIII, 1, 37; Cic. Att., II, 5, 1; Att., II, 12, 2; Att., II, 17, 3; Att., II, 5, 1;Att., V, 11, 3; Att., VII, 7, 6; Att., VIII, 12, 5; Att., IX, 7b, 3; Att., IX, 11, 3; Att., XV, 19, 1.
2	Пифадор	Уроженец города Нисы	Strab., XIV, 1, 41.
3	Аристодем	Учитель Помпея из Нисы	Strab., XIV, 1, 48.
4	Деметрий	Вольноотпущенник Помпея	Plut.Pomp., 40; Cic. Att., VI, 11; Fam., XVI, 2; Fam., XVI, 17, 2; Fam., XVI, 19.
5	Стратоника	Наложница Митридата Понтийского	Plut.Pomp., 36.
6	Мена, Менекрат	Пираты-киликийцы	Vell., II, 73, 3; 77, 2; Ann. Flor., II, 18, 2.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Badian E.* Studies in Greek and Roman history. Oxford, 1964; *Jones A.H.M.* The Cities of the Eastern Roman Provinces. Oxford, 1937; *Magie D.* Roman rule in Asia Minor. Princeton, 1950; *Mitchell S.* Anatolia. Land, Men and Gods in Asia Minor. V.I. The Celts in Anatolia and the Impact of Roman Rule. Oxford, 1993; *Tröster M.* Lucullus, His foreign *Amici*, and the Shadow of Pompey // Roms auswärtige Freunde in the der späten Republik und im frühen Prinzipat. Göttingen, 2005; *Sherwin-White A.N.* Roman Foreign Policy in the East 168 B.C. to A.D.1. Norman, 1984; *Абрамзон М.Г.* Римское владычество на Востоке: Рим и Киликия (II до н.э. – 74 г.н.э.). СПб., 2005; *Беликов А.П.* Рим и эллинизм: проблемы политических и культурных контактов. Ставрополь, 2003; *Ильинская Л.С.* Римская экспансия в Малой Азии в конце республиканского периода: Автореф. дис... кан. ист. наук. М., 1958; *Голубцова Е.С.* Очерки социально-политической истории Малой Азии в I–III вв. М., 1969; *Моммзен Т.* История Рима. Т.III. М., 1941; *Ранович А.Б.* Восточные провинции Римской империи I–III вв. н.э. М.- Л., 1949; *Шмалько А.В.* Римская социальная политика в провинции Вифиния-Понт во второй половине I в. до н.э. – I в.н.э. // Античная древность и средние века: проблемы социального развития. Свердловск, 1985.
2. *Mitchell S.* Anatolia. Land, Men and Gods in Asia Minor. V.I. The Celts in Anatolia and the Impact of Roman Rule. Oxford, 1993. P. 27.
3. *Моммзен*. История Рима. Т.III. С. 100.
4. *Tröster.* Op. cit. P. 93; *Шмалько.* Ук. соч. С. 17.
5. *Tröster.* Op. cit. P. 92.
6. Здесь и далее даны года до н.э.
7. Речь идет об известных законах, принятых в 66 г. до н.э. и 67 г. до н.э. Авлом Габинием и Гаем Манилием. Эти законы не только наделили Гнея Помпея неограниченной властью на Востоке, какой до этого момента не обладал никто, но и поставили под его управление важнейшие малоазийские провинции. *Абрамзон*. Ук. соч. С. 88; *Моммзен.* Ук. соч. С. 93-97. *Циркин Ю.Б.* Гражданские войны в Риме. Побежденные. СПб., 2006. С. 155-157.
8. *Смыков Е.В.* Рим и Парфия: путь к договору (Гней Помпей и прафяне) //Античность: общество и идей. Казань, 2001. С. 118.
9. *Моммзен*. Ук. соч. С. 141.
10. Там же. С. 122; *Ломоури Н.Ю.* К истории Понтийского царства. Тбилиси, 1979. С. 115; *Циркин*. Ук. соч. С. 160.
11. *Голубцова Е.С.* Северное Причерноморье и Рим. М., 1951. С. 42.
12. *Куликов А.В.*Восточная политика Рима и политическая борьба в римской республики (II –I вв. до н.э.). Псков, 2004. С. 43.
13. *Nicols J.* Patrons of Provinces in the Early Principate: the Case of Bithynia // Zeitschrift fur papyrologie und epigraphik. Bonn, 1990. P.101; *Braund D.* Hadrian and Pharasmanes // Klio. 1991. № 1. P.208.
14. *Braund.* Op. cit. P.208.
15. *Jones A.H.M.* The Cities of the Eastern Roman Provinces. Oxford, 1937. P.158; *Magie D.* Roman rule in Asia Minor. Princeton, 1950. P. 543-544.
16. *Моммзен*. Ук. соч. С. 143.
17. *Голубцова*. Ук. соч. С. 34.
18. Автономию получили Антиохия на Оронте, Селевкия Пиерийская, Газа, Солы и.тд. *Моммзен Т.* История Рима. Т.III. М., 1941. С. 122.
19. *Голубцова*. Ук. соч. С. 34-35.
20. *Tröster.* Op. cit. P. 93; *Шмалько.* Ук. соч. С. 17.

21. Вновь заселены пиратами и городскими общинами города — Маллос, Адана, Эпифания, Солы (Помпейополь), Димы, Ахайе, Тарента, Эпифания и др.
22. *Абрамзон*. Ук. соч. С. 89.
23. *Jones*. Op. cit. P. 190–191.
24. *Блаватская Т.В.* Западнопонтийские города в VII–I веках до н э. М., 1952. С. 160.
25. *Циркин*. Ук. соч. С. 171.
26. *Периханян А.Г.* Храмовые объединения Малой Азии и Армении (IV в. до н.э. – III в. н.э.). М., 1959. С. 44-45.
27. *Моммзен*. Ук. соч. С. 143.
28. *Абрамзон*. Ук. соч. С. 95.
29. *Шмалько*. Ук. соч. С. 19.
30. Там же
31. Цицерон имеет ввиду: Богодиатра из Галатии, Аттала из Пафлагонии, Аристарха из Колхиды, Птоломея из Ливана и Арета из Дамаска.

POMPEIUS' CLIENTELE OF ASIA MINOR DURING CIVIL WAR IN 49–47 B.C.

Yu.A. Bibarsova

The basic purpose of the article is consideration of character on Pompeius' relations with his Asian «friends", allies and clients. The work reveals features of those numerous contacts and gives the analysis on the way the Roman politician exercised his influence on his Oriental clientele and the estimation of provincials' activity in war against Caesar. Besides, the author answers a question, whether Pompeius' policy differes from a policy of his predecessors, and whether it was possible for Pompeius' to create in the East a special optimum system of the patron-client relations, favourable to both sides.

© 2008 г.

Е.В. Куликова

ВОСКОВЫЕ ФИГУРЫ ИМПЕРАТОРОВ В ЦЕРЕМОНИИ АПОФЕОЗА

Рим вошел в сокровищницу мировой культуры не в последнюю очередь благодаря жанру портрета. Особое значение жанр портрета приобрел в эпоху империи в связи с распространением официальной идеи величия Рима и формированием культа императора. Государство было буквально наполнено портретами правящего императора и членов императорской семьи, выполненных в самой разной технике и манере. Это были статуи, бюсты, барельефы, мозаики и различные живописные изображения. Они украшали храмы и площади, их помещали на монетах, воинских знаменах, устанавливали в зданиях Сената и курий, на ипподроме, в театрах и других публичных местах в зависимости от того, слу-

жили ли они предметом религиозного поклонения или объектом всенародного чествования правящего императора[1].

Но императорские портреты и статуи не были только произведениями искусства. Они являлись олицетворением власти и могли заменять собой личность отсутствующего правителя. Подобная практика базировалась на характерном для античной цивилизации вообще, а для Рима в особенности, антропоморфизме мышления. При этом изображения обладали той же юридической силой и неприкосновенностью, что и особа императора. Их использовали для проверки лояльности подданных и представителей покоренных народов. С их помощью решалась очень актуальная для огромной мировой державы, каковой являлась Римская империя, проблема присутствия власти на границах или в тех местах, где наличие носителей власти было необходимо, но не могло быть обеспечено физически. К ним прибегали и тогда, когда императорский трон занимал новый правитель. Но независимо от назначения изображений, перед любым императорским портретом, как правило, совершались определенные ритуальные действия.

В связи с этим особое место занимали посмертные изображения императора. Для традиционного древнеримского общества с его развитым культом предков вообще было очень характерно создавать и хранить портреты покойных родственников. Но в данном случае речь пойдет не столько о посмертных масках и изготовленных на их основе бюстах, сколько о восковых фигурах, выполненных в натуралистической манере, то есть в полный рост по образу и подобию покойного правителя.

Обычай выставлять восковые манекены вместо тела покойного был распространен при дворе западноевропейских монархов XIV–XV вв. и известен нам по ставшим уже на сегодняшний день многочисленным публикациям[2]. Исследователями этого крайне любопытного обычая не раз отмечалось сходство с похоронным церемониалом императорского Рима. Более того, по мнению отдельных авторов, появившиеся сначала в Англии, затем во Франции обряды воспроизводили ритуалы погребения Константина Великого, на церемонии похорон которого, возможно, также были использованы восковые изображения[3].

Но было ли так на самом деле? Могли ли в действительности на похоронах первого христианского императора вместо настоящего тела покойного выставлять *effigia* — восковую куклу? Что представлял собой обычай использования восковых фигур при погребении императоров в Древнем Риме? Какова была роль подобных двойников покойных правителей и какие функции они выполняли в церемониале императорских похорон? И в целом, насколько правомерным в данном случае является сравнение ритуалов римского императорского двора и двора западноевропейских средневековых монархов?

Как это ни странно, столь интересная тема, как использование восковых двойников на похоронах римских императоров, в историографии не стала предметом специального изучения. Единственная на сегодняшний день работа, посвященная истории воскового портрета, вышла в свет почти сто лет назад и лишь вскользь затрагивает некоторые интересующие нас вопросы[4].

Вероятно, такое положение дел следует объяснять скудостью источниковой базы. Действительно, в трудах древних авторов немного свидетельств о церемо-

нии императорских похорон. Более или менее подробная информация содержится только в описаниях похорон Юлия Цезаря (Suet. *Div. Iul.* 84; App. *B.C.* II. 147; Dio Cass. XLIV. 35–51), императоров Августа (Suet. *Div. Aug.* 100; Tac. *Ann.* I. 8–10; Dio Cass. LVI. 34–46), Пертинакса (Dio Cass. LXXV. 4. 1–5. 4) и Септимия Севера (Herod. IV. 2. 1–11) [5]. Но вот что примечательно — во всех перечисленных выше описаниях восковые изображения (effigies, imago)[6] так или иначе присутствуют.

Так, если верить Аппиану, в действительности изуродованное тело Юлия Цезаря, покоящееся на траурном ложе, нельзя было увидеть. По-видимому, оно было скрыто внутри погребальной повозки. Над ложем находилась восковая статуя Цезаря, которая мало того, что имела портретное сходство с покойным, на ней были изображены зверски нанесенные Цезарю раны, и ее можно было даже поворачивать в разные стороны при помощи специального механизма (App. *B.C.* II. 147)[7]. Изображение было настолько реалистично, что, как только фигура Цезаря была поднята и предстала перед взорами собравшихся на форуме римлян, вконец разъяренная толпа немедленно бросилась поджигать здание сената.

По свидетельству Диона Кассия, тело Августа также было скрыто внутри погребального ложа, зрители могли видеть лишь восковой манекен, облаченный в парадные одежды (Dio Cass. LVI. 34. 1–3).

Более подробно описаны погребальные церемонии, в которых использовалось восковое изображение Пертинакса. Как известно, Пертинакс в 193 г. был убит в результате заговора преторианцев и не был удостоен подобающих ему траурных почестей. Его память была реабилитирована позже Септимием Севером. Север организовал Пертинаксу государственные похороны, на которых покойный был представлен восковым изображением. Дион Кассий довольно подробно повествует о церемонии погребения, в которой, кстати, он сам принимал непосредственное участие. Тем еще более ценны для нас его сведения как очевидца описываемых им ритуалов.

Согласно Диону Кассию (Dio Cass. LXXV. 4. 2–5. 5), похороны Пертинакса были проведены следующим образом. На Форуме соорудили деревянный помост, на котором была установлена некая искусно украшенная слоновой костью и золотом конструкция (οἴκημα) без стен, но с колоннами. Внутри сооружения было помещено роскошное ложе (κλίνη), окруженное головами земных и морских животных и устланное пурпурными и золотыми покрывалами. «На нем покоилось восковое изображение Пертинакса, облаченное в триумфальные одежды; и [стоящий рядом] юноша отгонял мух от него павлиньими перьями, как если бы это был в действительности спящий человек»[8]. Дион Кассий подробно описывает, как Север и сенаторы, в числе которых находился и сам автор, разместившись в портиках, могли со своих мест слушать траурные гимны в честь Пертинакса в исполнении хоров мальчиков и мужчин и наблюдать за шествием пышной похоронной процессии с дарами и погребальными приношениями. После того как проследовали ее последние участники, Север, поднявшись на ростры, произнес похвальное слово Пертинаксу. Затем жрецы и магистраты сняли с помоста носилки с восковой фигурой покойного, передали их всадникам, которые должны были нести их на Марсово поле. С траурными

песнями и плачем процессия проследовала к Марсову полю, где к тому времени уже был сооружен роскошный погребальный костер[9], в который и поместили ложе с восковым изображением Пертинакса, окружив его богатыми дарами и ритуальными приношениями. После этого Септимий Север и родственники Пертинакса поцеловали «покойного». Затем вокруг костра были исполнены последние гражданские и воинские ритуалы[10], и конструкция с помещенной внутри нее восковой фигурой была торжественно сожжена. «Так, — по словам Диона Кассия, — Пертинакс сделался бессмертным»[11].

В целом, церемониал похорон, свидетелем которых стал Дион Кассий, находился в соответствии с традициями *funus publicum*, известным нам еще из описаний похорон Суллы (App. *B.C.* I. 105–106), а также похорон Друза, Германика (Tac. *Ann.* II. 73; 82–83; III. 1–5) и Августа (см. выше)[12]. Правда, применение восковой копии покойного упоминается только в случае с Августом.

В свою очередь, истоки церемониала *funus publicum* можно проследить еще в республиканской эпохе. Приведем рассказ Полибия о том, как в середине II в. было принято хоронить римских патрициев.

«Так, когда умирает кто-либо из знатных граждан, прах его вместе со знаками отличия относят в погребальном шествии на площадь к так называемым рострам, где обыкновенно покойника ставят на ноги, дабы он виден был всем, в редких случаях прах выставляется на ложе.

Здесь пред лицом всего народа, стоящего кругом, всходит на ростры или взрослый сын, если таковой был оставлен покойным и находится на месте, или кто-нибудь другой из родственников и произносит речь о заслугах усопшего и о совершенных покойным при жизни подвигах...» (Polyb. VI. 52–53)[13].

Перед нами все та же традиция выставлять тело покойного на Форуме, чтобы как можно больше людей имели возможность воздать ему последние почести. Крайне любопытно, на наш взгляд то, что описанный Полибием обычай выставлять тело усопшего в данном случае следует понимать буквально. С точки зрения Й. фон Шлоссера, акцент Полибия на обыкновении «ставить покойника на ноги» следует понимать как намек на использование эффигий[14]. Безусловно, замечание Полибия относительно «позы» покойного вызывает немало вопросов. Но утверждать, что речь здесь идет именно о восковом изображении покойного, мы не можем.

Далее у Полибия следует знаменитое место о восковых масках.

«...после погребения с подобающими почестями римляне выставляют изображение покойного, заключенное в небольшой деревянный киот в его доме на самом видном месте. Изображение представляет собой маску, точно воспроизводящую цвет кожи и черты лица покойника. Киоты открываются во время общенародных жертвоприношений, и изображения старательно украшаются. Если умирает кто-то из родственников, изображения эти несут в погребальном шествии, надевая их на людей, напоминающих покойников ростом и всем сложением» (Polyb. VI. 53)[15]. По-видимому, в каждом богатом доме существовали подобные «галереи» восковых портретов предков, которые в случае смерти кого-либо из членов семьи образовывали часть его траурного кортежа[16].

Ближе к концу Республики появилась альтернатива восковой маске в виде посмертного бюста[17]. Поскольку бюсты, как и восковые маски, несли в похо-

ронной процессии, с точки зрения Дж. Тойнби, по-видимому, они были выполнены из легких материалов — воска или терракоты[18]. Но, как правило, в источниках нет точных указаний, являлись ли изображения покойных предков масками или бюстами. К примеру, согласно Тациту, на похоронах сестры Брута Юнии в погребальном шествии несли изображения двадцати знатнейших родов (Tac. *Ann*. III. 76)[19]. В данном случае Тацит использует термин *imagines* без конкретизации рода изображений и материала, из которого они были изготовлены.

Обычай использования восковых масок и бюстов в похоронных процессиях распространился и на эпоху Империи. Но, по сравнению с похоронами республиканской знати, число используемых посмертных изображений в церемонии императорских похорон значительно увеличилось. Из источников известно даже, что существовали специальные служители, в обязанности которых входило нести в траурном шествии портреты предков покойного императора[20]. И все же нам кажется, что древняя традиция хранить в доме восковые маски предков и нести их в траурной процессии вслед за телом почившего не имеет прямой связи с обычаем использования восковых манекенов. На императорских похоронах могли присутствовать одновременно и восковая копия покойного, и восковые изображения его прославленных предков. Например, на «фиктивных» похоронах Пертинакса, кроме восковой фигуры самого обожествляемого императора, в траурной процессии несли изображения всех знаменитых предков римлян (ἀνδριάντες πάντων τῶν ἐπιφάμων῾Ρωμαίων τῶν ἀρχαίων), а также изображения тех, кто прославился, благодаря своим подвигам, открытиям или образу жизни (εἴκοντες ηκον ἄνδρων οἵς τι ἔργον ἢ καὶ ἐπιτέδευμα λάμπρον ἐπέπρακτο) (Dio Cass. LXXV. 4. 3–5). Интересно также сообщение Светония, согласно которому, на похоронах Веспасиана траурное шествие возглавлял знаменитый мим в маске, изображавший таким образом покойного императора (Suet. *Vesp*. 19. 2). Несли ли при этом восковую фигуру Веспасиана, неизвестно.

Пожалуй, наиболее важным и показательным для нашего исследования является рассказ Геродиана о церемонии похорон Септимия Севера. Поскольку данный отрывок вызывает у исследователей наибольшее количество вопросов, приведем цитату максимально подробно:

«Есть у римлян обычай: причислять к сонму богов тех императоров, что умерли, оставив после себя детей-преемников; такие почести называются у них апофеозом. Во всем городе наступает тогда торжественный, проникнутый, впрочем, своеобразной печалью праздник. Тело покойного предается земле — с пышностью, но в общем так же, как хоронят всех людей; а потом лепят из воска изображение покойного, совершенно с ним схожее, и выставляют его при входе во дворец на высоко поднятом ложе из слоновой кости, устланном покрывалами с золотым шитьем. Восковая фигура лежит на виду у всех, бледная, как больной. А по обеим сторонам ложа большую часть дня сидят: слева — весь сенат в черном, а справа — все те женщины, которые пользуются особым уважением благодаря заслугам их мужей и отцов... Это длится семь дней: приходят врачи, приближаются к ложу, будто бы осматривают больного, и каждый раз говорят, что ему все хуже. А когда станет ясно, что он уже умер, благороднейшие из всаднического сословия и лучшие молодые люди из сената поднимают

ложе и несут его к Форуму» (Herod. IV. 2. 1–5)[21]. Далее следует описание уже известных нам церемоний.

Прежде всего, непонятно, относятся ли описываемые Геродианом ритуалы только к похоронам императора Септимия Севера, как это принято трактовать, или же их можно рассматривать как своего рода этнографический экскурс[22]? По крайней мере, начало данного отрывка позволяет заключить, что Геродиан описывает траурные церемонии, характерные для всех римских императоров.

В связи с этим некоторые исследователи, в частности Ж-К. Ришар и Е. Бикерман, придерживаются точки зрения, что приблизительно начиная с Антонинов, похороны императоров стали проходить в два этапа. Первый этап являл собой собственно похороны покойного императора, носившие, по существу, семейный характер, во время которых тело императора, согласно Ж-К. Ришару, предавали земле[23], по мнению же Е. Бикермана, кремировали[24]. Относительно второго этапа церемонии похорон у исследователей нет разногласий — оба ученых считают, что после того, как бренные останки покойного были заключены в урну или в саркофаг, следовала публичная церемония апофеоза, в которой главная роль отводилась именно восковым изображениям. Это эффигия покоилась на траурном ложе в центре форума, перед эффигией преемник покойного императора произносил *laudatio funebris*[25], наконец, похоронные носилки с эффигией торжественно сжигали на Марсовом поле. Кремация на данном этапе носила уже чисто ритуальный характер, как, впрочем, и вся публичная часть похорон являла собой грандиозный символический спектакль, содержанием которого было обожествление покойного императора.

Предложенная исследователями теория «двойных похорон», безусловно, заслуживает более детального рассмотрения.

Что касается двойной кремации (сначала *in corpore*, а затем *in effigie*), о которой говорит Е. Бикерман, введение подобной практики в церемониал императорских похорон, на наш взгляд, довольно трудно объяснить. По крайней мере, с точки зрения здравого смысла, «двойная кремация» выглядит, как минимум, парадоксальной.

С одной стороны, приведенный выше отрывок из Геродиана явно указывает на то, что церемониал императорских похорон состоял из двух частей, при этом не обязательно на первом его этапе тело покойного правителя подлежало ингумации, поскольку используемая Геродианом в данном пассаже лексика допускает двойное толкование. Употребленный для обозначения погребения тела глагол kataqavptw можно отнести равно как к кремации, так и к ингумации[26]. То же касается и значения слова σῶμα, которое можно использовать как в отношении мертвого тела, подлежащего ингумации, так и в отношении останков (праха) после кремации. Кроме того, kataqavptw может употребляться в смысле церемонии похорон умершего без конкретного указания на способ захоронения[27]. В таком случае, выражение «τό ... σῶμα ... καταθάπτουσιν» в контексте описания Геродиана вполне может означать «они приступили к похоронам умершего».

С другой стороны, примеры, на которые ссылается Е. Бикерман (в частности, «двойные» похороны Пертинакса и Септимия Севера), не являются бесспорными[28]. Учитывая, что Север умер в Британии, тело императора действительно могли кремировать на месте смерти и в Рим доставить урну с прахом

(Herod. IV. 1. 3; SHA. *Sev*. XXIV. 1–2)[29]. Но вряд ли данный случай можно рассматривать как рядовой. Что же касается Пертинакса, ни свидетельства Диона Кассия (см.: LXXIV. 5–6), ни краткое замечание Юлия Капитолина относительно погребения тела императора (SHA. *Pert*. XIV. 8–9)[30], на наш взгляд, однозначно факт кремации не доказывают.

Совсем иначе выглядит картина «двойных похорон», если рассматривать появление такой практики в связи со сменой погребальной традиции. Есть немало свидетельств тому, что с середины — конца II в. обычай кремирования в Римской империи повсеместно сменяет ингумация[31]. Поэтому, если допустить, что инновация в способе захоронения коснулась и императорского дома, тогда проведение «двойных» похорон для императоров кажется вполне логичным: с одной стороны, тела императоров помещают в богато украшенные саркофаги, с другой стороны, сохраняется ритуальный костер, символизировавший обожествление покойного правителя. Изначально апофеоз римских императоров был неразрывно связан с церемонией погребения и был неотделим от костра. Поэтому, как считает Ж.-К. Ришар, кремация восковой фигуры являлась просто пережитком церемонии апофеоза[32].

Но попробуем приведенное Геродианом описание похорон интерпретировать не как общее правило, а как частный случай, связанный с погребением Септимия Севера. Тогда, если допустить, что тело императора Септимия Севера было кремировано в Британии, где он умер, то резонно было бы предположить, что речь в данном отрывке идет о необычной церемонии. К примеру, Саймон Прайс и Хавьер Арсе полагают, что существовала особая церемония похорон — *funus imaginarium*[33]. Ее проводили в том случае, когда тело покойного по каким-то причинам отсутствовало: либо император умирал далеко за пределами Рима (что мы как раз и имеем с Септимием Севером), либо не был сразу удостоен проведения подобающих императору траурных церемоний (как например, в случае с Пертинаксом). Тогда обращение к восковым изображениям, заменявшим тело покойного, должно было быть просто традиционной практикой, не зависящей от погребальной традиции.

Существование обычая *funus imaginarium* можно проследить еще в античной Греции. Геродот сообщает, что, если спартанский правитель погибал во время военной кампании, было принято изготавливать изображение (εἴδωλον) покойного и хоронить его с почестями на родине (Herod. VI, 58)[34].

Свидетельства Геродота перекликаются и с сообщением Тацита о похоронах Германика (Tac. Ann. III. 5): «...из-за дальности расстояния его тело было кое-как сожжено на чужбине; но если случайные обстоятельства не позволили окружить его должным почетом, то тем более подобало выполнить это впоследствии... Где же обычаи древности, где выставляемое на погребальном ложе изображение (effigies)...?»[35].

Можно было бы предположить, что эффигии использовались только в исключительных случаях. Но, как нам уже известно, восковые фигуры римских правителей присутствовали в сценарии траурных торжеств не только в целях замещения физически отсутствующего тела покойного. В церемониях похорон Юлия Цезаря и императора Августа эффигии помещались на катафалк вместе с останками покойных. Кроме того, в *«Scriptores Historiae Augustae»* мы находим

небольшое замечание, которое подтверждает, что посмертные почести императорам воздавались все же в два этапа. Замечание это касается похорон императора Антонина Пия: «Совершив пышный обряд выноса, они [Марк Аврелий и Луций Вер] похоронили тело отца в гробнице Адриана. Вскоре был объявлен общественный траур (*iustitium*) и установлен официальный порядок погребения» (*M.Ant. Phil.* VII. 10)[36].

Но в историографии существует и еще одна любопытная точка зрения относительно использования восковых изображений при погребении римских императоров. Например, С. Прайс считает, что для публичной церемонии императорских похорон было попросту удобнее иметь дело с восковой фигурой покойного, поскольку она не была подвержена процессу трупного разложения[37]. Это перекликается и с мнением Й. фон Шлоссера о том, что замена тела эффигией была необходима в силу продолжительности торжественных похорон. Поэтому то, что покоилось на погребальном ложе и было выставлено для публичного обозрения, являлось восковым двойником покойного. Само же тело императора, если он умер в Риме или был туда доставлен, помещалось в локуле внутри погребального ложа[38].

Может сложиться впечатление, что в Риме вовсе не были знакомы с бальзамированием. На самом деле, бальзамирование, как следует из Лукреция, было известно римлянам уже со времен поздней республики (Lucr. III. 890–3)[39]. Согласно Сервию, среди знатных римлян был распространен обычай сохранять тело усопшего в атрии в течение семи дней (Servius. *Ad Aen.* VI. 218)[40], что, естественно, подразумевало применение каких-либо способов консервации. Со слов Плиния нам известно, что труп могли натирать специальными веществами, которые задерживали процессы разложения, к примеру, это могло быть кедровое масло, «на века сохранявшее тела умерших нетронутыми тлением» (Plin. NH. XXIV. 17)[41]. Такую же силу приписывали соли и меду (Plin. NH. XXXI. 98; XXII. 108). По свидетельству того же Плиния, Нерон при погребении своей жены Поппеи издержал столько ароматов, сколько Аравия могла дать за целый год (Plin. XII. 83). А согласно Тациту, тело Поппеи вообще не было сожжено на костре, «как это было в обычае у римлян», а пропитанное благовониями и набальзамированное перенесено в мавзолей Августа (Tac. *Ann.* XVI. 6. 2)[42].

Хотя точных указаний относительно бальзамирования тел римских императоров в источниках нет[43], можно найти косвенные подтверждения, например, у Аммиана Марцеллина в описании перенесения тела Констанция II из Киликии в Константинополь (Amm. XXI. 16. 20)[44] и у Зосима в IV книге его «Новой истории», где он пишет о помещении тела Феодосия в императорскую гробницу (Zos. IV. 59. 4)[45]. Амвросий Медиоланский в речи, прочитанной им над телом Феодосия в сороковой день после его кончины, сравнивает Гонория, сына покойного императора, с библейским Иосифом, также совершавшим память о своем отце в сороковой день. Объясняя, почему принято соблюдать сороковой день, Амвросий приводит отрывок из Писания (*Быт.* 50. 2–3): «И повелел Иосиф слугам своим — врачам, бальзамировать отца его; и врачи набальзамировали Израиля. И исполнилось ему сорок дней, ибо столько дней употребляется на бальзамирование...» (Ambr. *De ob. Theod.*)[46].

Существует немало археологических свидетельств, позволяющих предположить, что бальзамирование не было только императорской причудой и, если к нему и относились, как к чему-то экзотическому, тем не менее, оно практиковалось время от времени как в Италии, так и в провинциях. Специалистами по бальзамированию могли выступать египетские священнослужители при местных святилищах. И в самом Риме, по-видимому, были люди, владеющие искусством бальзамирования по египетской моде[47].

Из приведенного выше материала можно заключить, что появление восковых фигур в церемонии похорон вряд ли было вызвано исключительно соображениями удобства. Трудно согласиться с подобными утверждениями еще и учитывая характерные для римлян сложные религиозные представления о загробной жизни. Во всяком случае, обычай хранения и использования восковых масок, на наш взгляд, тесно перекликающийся с применением эффигий, никоим образом не связан с «прагматичностью» древнеримского общества, и на этот счет у исследователей нет сомнений.

По всей видимости, насколько нам позволяют судить имеющиеся у нас данные источников, применение восковых фигур в церемониале императорских похорон, по крайней мере, во II–III вв., было неразрывно с идеей апофеоза. Но рассматривалась ли римлянами восковая копия императора как продолжение покойного правителя, принимала ли она на себя его сакральность, учитывая предполагавшееся обожествление, трудно ответить однозначно.

Пышность траурных процессий, роскошные костры, изысканно украшенное погребальное ложе, на котором покоилось изображение покойного, многочисленные дорогие дары и приношения, в целом, церемония апофеоза римских правителей находились, вероятно, в тесной связи с эллинистической культурой периода диадохов. Но о применении восковых фигур на греческом Востоке, по крайней мере, в похоронном церемониале, ничего неизвестно[48]. Возможно, данный обычай имел исконно римские корни, почему и отмечен он, в основном, греческими авторами (сначала Полибием, позднее историками эпохи Империи). В то же время, как замечает Й. фон Шлоссер, обращение с восковым изображением покойного, как с живым человеком, напоминает римский ритуал *Lectisternium*, заимствованный, в свою очередь, из Греции. Во время данного ритуала использовались одетые в одежду куклы с восковыми головами — то есть фигуры, подобные тем, что мы имеем в церемониале похорон римских правителей[49].

Но независимо от истоков, обычай применения погребальных «манекенов», по-видимому, прочно вошел в практику похорон римских императоров I–II вв. Насколько долго сохранялась подобная традиция, судить довольно сложно, поскольку никакой информацией относительно использования эффигий в III в. мы не располагаем. В условиях характерного для данного периода кризиса власти церемониал императорских похорон мог претерпеть определенные изменения. О том, что для траурных торжеств по-прежнему продолжали изготавливать восковые фигуры, мы можем лишь предполагать.

Однако, если следовать Ю. Хрощицкому, у императора Константина Великого было даже две восковых копии: кроме той, что лежала во дворце Константинополя, куда тело покойного было доставлено из Никомедии, подобная ей со

всеми инсигниями власти была выставлена в Риме[50]. Автор ссылается при этом на Евсевия Кесарийского, «*Vita Constantini*» которого (IV. 58–74) является основным и, пожалуй, единственным источником по церемонии похорон первого христианского правителя.

Евсевий достаточно много внимания уделяет описанию церемонии прощания с телом императора в Константинопольском дворце. При этом, повествуя о различных ритуальных действиях, совершавшихся вокруг тела покойного, Евсевий всегда использует термин σκῆνος, который, на наш взгляд, трудно трактовать как-то иначе, чем «тело».

Говорить об использовании воскового изображения Константина в церемонии «двойных похорон» за отсутствием прямых указаний Евсевия не приходится. Несмотря на то, что Константин после смерти был причислен к *Divi*[51], традиционной римской церемонии апофеоза для первого христианского императора не проводили. Его тело, как известно, было погребено в саркофаге храма Святых Апостолов, возведенного им незадолго до своей смерти.

Наконец, допустить, что восковое изображение Константина было выставлено в Риме, также весьма проблематично. С точки зрения Франки де Кавальери, автора единственного специального исследования, посвященного церемониалу похорон Константина Великого[52], римский Сенат, в большинстве языческий по своему составу, был вправе претендовать на проведение траурных торжеств в Риме[53], но не имея такой возможности, мог попытаться воздать Константину последние почести, организовав у себя церемонию погребения обожаемого ими правителя в духе римских традиций (при этом, за неимением тела покойного, обратившись к практике использования эффигий)[54]. Но проведение «параллельных» похорон в Риме — это не более чем гипотеза. Уже тетрархов не было принято хоронить обязательно в Риме. Можно даже сказать, что в эпоху тетрархии Рим теряет свое былое значение, поскольку правители предпочитали жить в своих резиденциях, и даже сам Диоклетиан нечасто появлялся в столице[55]. Чтобы окончательно развеять все сомнения относительно присутствия воскового изображения покойного императора Константина на посвященных ему траурных торжествах в Риме, приведем цитату из рассказа Евсевия (Euseb. *V.C.* IV. 69. 2): «...εἰκώνος ἀναθήμασιν οἷα περ ζῶτα καὶ τεθηκότα αὐτὸν ἐτιμων, οὐρανου μὲν σχῆμα διατυπώσαντες ἐν χρημάτων γραφῇ, ὑπὲρ ἀψίδων οὐρανίων ἐν αἰθερίῳ διατριβῇ διαναπαυόμενον αὐτὸν τῇ γραφῇ παραδιδόντες»[56]. Хотя Евсевий использует термин εικών[57], речь в данном отрывке все же идет не о восковых изображениях, а о живописных портретах, на что указывают слова χρημάτων («краски») и γραφη'/ («писание»).

Еще одна попытка обнаружить упоминание эффигий в источниках по истории Римской империи IV в. была предпринята в работе Х. Арсе. У Аммиана Марцеллина в «Res Gestae» есть небольшая заметка о том, как тело покойного императора Констанция II перевозили из Киликии, где он умер, в Константинополь (Amm. XXI.16. 20): «Pollinctum igitur corpus defuncti conditumque in loculis Iovianus etiam tum protector domesticus cum regia prosequi pompa Constantinopolim usque iussus est prope necessitudines eius humandum»[58]. Х. Арсе полагает, что траурная повозка, на которой восседал Иовиан, вмещала не один, а два саркофага: один с реальным телом (*pollinctum corpus defuncti*), а второй с

восковым манекеном (*in loculis conditum*)[59]. На наш взгляд, из контекста приведенного отрывка этого никак не следует. Даже если допустить, что кроме тела покойного императора в повозке находилась и его восковая копия, вряд ли ее стали бы помещать в отдельный саркофаг. Тело покойного могло быть скрыто внутри погребального ложа, но восковая фигура, как правило, находилась сверху и была доступна взорам участников похоронной процессии. Поэтому, с нашей точки зрения, в данном отрывке говорится только о набальзамированном теле покойного императора, помещенном в локулу или специальный гроб для его транспортировки.

В целом, можно сказать, что восковые фигуры покойных императоров в источниках больше не упоминаются. Согласно Й. фон Шлоссеру, благодаря тому, что консервативная римская аристократия, еще достаточно широко к тому времени представленная в Сенате, стремилась сохранить языческую культуру и в какой-то степени придерживалась древних традиций, практика создания восковых портретов просуществовала вплоть до VI в.[60] Однако примеры из источников, на которые ссылается автор[61], относятся к обычаю хранения восковых масок покойных предков и, в конечном счете, могут рассматриваться даже не как отражение жизненных реалий, а скорее как литературные реминисценции.

Неожиданное появление в церемониале двора западноевропейских монархов XIV–XVI вв. нехарактерного для европейского средневековья обычая выставлять вместо тела покойного эффигии со знаками власти, было, на наш взгляд, обусловлено общим, характерным для этого времени увлечением античностью. Но вряд ли образцом для западноевропейского королевского погребального обряда послужили похороны Константина. «Новые» ритуалы скорее восходили к церемониалу похорон римских императоров I–II вв., тем более если учесть, что текст Геродиана, подробно рисующий картину похорон Септимия Севера, был хорошо известен в Западной Европе эпохи Возрождения.

В свете сказанного выше представляется, что искать исторические параллели в церемониале похорон римских императоров и средневековых монархов и, тем более, делать далеко идущие выводы было бы, по меньшей мере, некорректно. Согласно Э. Канторовичу и Р. Гизи, восковые фигуры средневековых монархов являлись воплощением бессмертной сущности короля, его вторым, не подверженным тлению, политическим «телом»[62]. Их главным назначением было преодоление дискретности власти. В Римской империи смерть правителя не влекла за собой такой ярко выраженный «обрыв власти», поскольку в рамках государственного устройства формально правящим органом оставался Сенат. Практика использования восковых фигур в церемониале похорон римских императоров была тесно связана с символическим оформлением их посмертного апофеоза и, соответственно, культом императора. Таким образом, ритуалы погребения владык античного Рима и средневековой Европы представляли собой проявления принципиально различных систем организации власти. Но, безусловно, тема параллелизма в контексте идеологических представлений эпохи Ренессанса заслуживает особого внимания.

В заключение хотелось бы отметить, что материал источников, которым мы располагаем относительно императорских эффигий, оставляет слишком большое поле для предположений, что не позволяет дать однозначный ответ на

большинство вопросов, поставленных в данной статье. Со всей определенностью можно сказать лишь то, что в церемонии погребения Константина Великого восковые фигуры не использовали. В целом, похороны первого христианского императора знаменовали собой новый этап в развитии идеологии императорской власти и понимании самой идеи обожествления, оставив в прошлом традицию пышных апофеозов, ритуальных костров и восковых изображений.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. См. в целом: *Zanker P.* Augustus und die Macht der Bilder. Muenchen, 1987 (= The power of images in the age of Augustus. Ann Arbor, 1989); *Pekáry Th.* Das römische Kaiserbildnis in Staat, Kult und Gesellschaft, dargestellt anhand der Schriftquellen. Berlin; Mann, 1985.
2. Отметим только некоторые работы: *Hope W. H.* On the Funeral Effigies of the Kings and Queens of England // Archaeologia. 1907. LX 2. P. 518–565; *Kantorovicz E.H.* The King's Two Bodies. A study in Medieval Political Theology. Princeton, 1959; *Giesey R.E.* The Royal Funeral Ceremony in Renaissance France. Genève, 1960 // Travaux d'humanisme et renaissance. T. 37; *Huntington R., Metcalf P.* Celebrations of Death. Cambridge, 1979; *Brown E. A. R.* The Ceremonial of Royal Succession in Capetian France // Speculum. 1982. IV. P. 266–293; *Gaude-Ferragu M.* Le corps du prince. Le testament de Louis d'Orléans (1403). Miroire de sa spiritualité // Micrologus. Bd. 7. Il cadavere. Firenze, 1999. P. 319–344; *Бойцов М.А.* «Индивидуальность» умершего государя. Репрезентация покойного правителя в позднесредневековых погребальных церемониях // Индивид и группа на Западе и Востоке Европы до начала Нового времени. М., 2003. С. 129–190.
3. См.: *Chroscicki J.A.* Pompa Funebris. Warszawa, 1974. P. 33–34; *Самойлова Т.Е.* Власть перед лицом смерти // Королевский двор в политической культуре средневековой Европы. Теория. Символика. Церемониал. М., 2004. С. 513–154.
4. *Schlosser J.v.* Tote Blicke. Geschichte der Porträtbildnerei in Wachs. Ein Versuch. Berlin, 1993.
5. Для остальных случаев погребения императоров существуют лишь краткие описания отдельных деталей. О церемониале похорон правителей середины III в. и эпохи тетрархии не сохранилось практически никакой информации. Даже если похороны и обожествление имели место, источники лишь констатируют данный факт.
6. Греческая терминология в данном случае более разнообразна: ἀνδριάς, ἀνδρείκελος, εἰκών, εἴδωλον.
7. ...'Ωδε δε αὐτοῖς ἔχουσιν ἤδη καὶ χειρῶν ἐγγὺς οὖσιν ἀνέσχε τις ὑπὲρ τὸ λέχος ἀνδρείκελον αὐτοῦ Καίσαρος ἐκ κηρου πεποιημένον το μὲν γὰρ σῶμα, ὡς ὕπτιον επι λέχους, ουχ ἑωρᾶτο. τὸ δὲ ἀνδρείκελον ἐκ μεχανῆς ἐπεστρέφετο πάντῃ, και σφαγαὶ τρεῖς και εἴκουσιν ὤφθησαν ἀνα τε τὸ σῶμα πᾶν και ἀνα το προσωπον θηριωδῶς's αὐτὸν γενομέναι.
8. καὶ ἐς αὐτὴν εἴδωλον τι τοῦ Περτίνακος κήρινων, σκευῇ ἐπικίω εὐθετημένον, ἀνετέθη, καὶ αὐτοῦ τὰς μνίας παῖς εὐπρεπής, ὡς δῆθεν καθεύδοντος, πτεροῖς ταῶνος ἀπεσόβει.
9. Императорские погребальные костры хорошо известны по реверсам консекрационных монет Римской империи, на которых можно встретить изображения костров в 3, 4, 5 и даже 6 этажей. Наиболее подробно конструкцию костра (в данном случае 5-этажного) описывает Геродиан (IV. 2. 6–8): «четырехугольное строение с равными сторонами, состоящее исключительно из скрепленных между собою

огромных бревен — что-то вроде дома. Внутри оно все заполнено хворостом, а снаружи украшено расшитыми золотом коврами. На первом, нижнем строении стоит второе, такой же формы и с такими же украшениями, только меньше первого; воротца и дверцы, сделанные в нем, распахнуты. Дальше идут третье и четвертое, каждое меньше расположенного под ним, и все это заканчивается последним, которое меньше всех других. Эту постройку, пожалуй, можно сравнить с маяком... «фаросами» называют в народе такие маяки». (Здесь и далее приводится в переводе А.И. Доватура по изданию: Геродиан. История императорской власти после Марка. М., 1996. С. 70). В случае с Пертинаксом был сооружен трехъярусный костер. Как сообщает Дион Кассий, костер был украшен несколькими статуями, золотом и слоновой костью, а на вершине его находилась позолоченная колесница, на которой ездил сам Пертинакс (Dio Cass. LXXV. 5. 3).

10. Заключительная церемония у погребального костра в различных источниках получила соответственно разные названия — *decursio*, πυρρίχη. По всей видимости, она представляла собой торжественный парад или даже своеобразный военный танец, в котором принимали участие сначала конница, затем пехотинцы. О *decursio* см.: *Richard J.-C.* Les aspects militares des funérailles imperiales // Mélanges de l'École Française de Rome. 1966. T. 78. P. 313–325. Ритуальные представления вокруг погребального костра изображены на базе колонны Антонина Пия. См.: *Vogel L.* The Column of Antoninus Pius. Cambridge, 1973. P. 56 ff.
11. καὶ ὁ μὲν Περτίναξ οὕτως ἠθανατίθη. То есть по окончании церемонии император уже считался Divus (становился божеством), ему предоставлялись храм и священнослужители, в честь него устраивались игры и состязания. Об императорском культе и процедуре обожествления римских правителей литература обширна. Перечислим только основные работы: *Strong E. Apotheosis and After Life. L.; N.Y., 1915; Bieckermann E.* Die römische Kaiserapotheose // Archiv für Religionswissenschaft. 1929. Bd. 27. S. 1–34; *Idem.* Consecratio // Le culte des souverains dans l'empire romain. Entretiens sur l'antiquité classique. Fondation Hardt. T. 19. Genève, 1972. P. 3–37; *Taeger F.* Charisma, Studien zur Geschichte des antiken Herrscherkultes. Vol. 1–2. Stuttgart, 1957 (1960); *Weinstock S.* Divus Julius. Oxford, 1971; *MacCormack S.* Art and Ceremony in Late Antiquity. Berkeley-Los Angeles, 1981. P. 93–158; *Price S.R.F.* From noble funerals to divine cult: the consecration of Roman Emperors // Rituals and Ceremonial in Traditional Societies. Cambridge, 1987. P. 56–105; *Clauss M.* Kaiser und Gott: Herrscherkult im rцmischen Reich. Leipzig, 1999.
12. *Funus publicum* представляли собой государственные похороны, которых удостаивали наиболее выдающихся граждан, состоявших на государственной службе. По сравнению с другими типами *funus, funus publicum* отличались наибольшей пышностью и торжественностью. Постепенно с конца I в. н.э. похороны за счет государственной казны и, соответственно, характерные для *funus publicum* почести стали прерогативой императоров и членов императорской семьи. О различных типах *funus* см.: *Toynbee J.M.C.* Death and Burial in the Roman World. L., 1971. P. 56–57. Подробно о *funus publicum* см.: *Wesh-Klein G.* Funus publicum. Stuttgart, 1993.
13. Здесь и далее текст приводится в переводе Ф.Г. Мищенко по изданию: *Полибий.* Всеобщая история в сорока книгах. Т.2. СПб., 1995. С. 36.
14. *Schlosser.* Op. cit. S. 24.
15. ...μετὰ δὲ ταῦτα θάψαντες και ποιήσαντες τα νομιζόμενα τιθέασι τὴν εἰκόνα τοῦ μεταλλάξαντος εἰς τὸν ἐπιφανέστατων τόπον τῆς οἰκίας, ξύλινα ναΐδια περιτιθέτες. η δ εἰκών ἐστι πρόσωπον εἰς ὁμοιότητα

διαφερόντως ἐξειργασμένον και κατὰ τὴν πλάσω καὶ κατα τὴν ὑπογραφήν. ταύτας δη τὰς εἰκόας ἔν τε ταῖς δημοτελέσι θυσίαις ἀνοίγοντες νοσμοῦσι φιλοτίμως, ἐπάν τε τῶν οἰκείων μεταλλάξῃ τις ἐπιφανής, ἄγουσιν εἰς τὴν σκφοράν, περιτιθέντες ὡσ ὁμοιοτάτος εἶναι δοκοῦσι κατὰ τε το μέγεθος και τὴν ἀλλων περικοπτήν.

16. О символическом значении фамильных «галерей» в домах римской знати и использовании портретов предков в *pompa funebris* см.: *Flaig E.* Ritualisierte Politik: Zeichen, Gesten und Herrschaft im Alten Rom. Göttingen, 2004. S. 49–68.
17. Подобные бюсты известны по изображениям на надгробиях, относящихся ко второй половине I в. до н. э. В одном из музеев Рима хранится статуя времен Августа, представляющая человека в тоге, по-видимому, идущего в похоронной процессии и держащего в каждой руке по бюсту. См.: *Toynbee*. Op. cit. P. 48.
18. Ibidem.
19. viginti clarissimarum familiarum imagines antelatae sunt, Manlii, Quinctii aliaque eiusdem nobilitatis nomina. Ср. с сообщением Плиния о том, что восковые маски (expressi cera vultus) хранили в домах в качестве портретов для семейных похорон (ut essent imagines quae comitarentur gentilicia funera) (Plin. NH. XXXV. 6).
20. См. *Price S.R.F.* Rituals and Power. The Roman Imperial Cult in Asia Minor. Cambridge, 1984. P. 189.
21. ἔθος γάρ ἐστι Ῥωμαιοῖς ἐκθειάζειν βασιλέων τοὺς ἐπὶ παισὶ διαδόχοις τελευτήσαντας τήν τε τοιαύτην τιμὴν ἀποθέωσιν καλοῦσι. μεμιγμένον δέ τι πέντος ἑορτῇ καὶ θρησκείᾳ κατὰ πᾶσαν τὴν πόλιν δείκνυται. τὸ μὲν γὰρ σῶμα του τελευτήσαντος πολυτελεῖ κηδείᾳ καταθάπτουσιν ἀνθρώπων νομῳ κηροῦ δὲ πλασάμενοι εἰκόνα πάντα ὁμοίαν τῷ τετλευτηκότι ἐπὶ μεγίστης ἐλεφαντίνης κλίνης, ἐς ὕψος ἀρθείσης, προτιθέασιν ἐν τῇ τῶν βασιλείων εἰσόδῳ, χρυσοϋφεῖς στρωμνὰς ὑποστρωννύντες ἡ δ' εἰκὼν ἐκείνη ἐν σχήματι νοσοῦντος πρόκειτα ὠχριῶσα. τῆς δὲ κλίνης ἑκατέρωθεν καθέζονται ἐπὶ πλεῖστον τῆς ἡμέρας ἐν μὲν τῷ λαιῷ μέρει πᾶσα ἡ σύγκλητος, μελαίναις ἐφεστρίσι χρώμενοι, ἐν δὲ δεξιῷ γυναῖκες πᾶσαι ὅσαις ἀνδρῶν ἢ πατέρων ἀξίωμα τιμῆς ἐνδόξου μεταδίδωσιν... ἑπτὰ μὲν οὖν ἡμερῶν τὰ εἰρημένα ἐπιτελεῖται ἰατροί τε εἰσιόντες ἑκάστοτε προσίασι τῇ κλίνῃ, καὶ δῆθεν ἐπισκεψάμενοι τὸν νοσοῦντα χαλεπώτερον ἔχειν ἀπαγγέλλουσιν ἑκάστοτε. ἐπὰν δὲ δόξῃ τετελευτηκέναι, τὴν μὲν κλίνην ἀραμενοι τοῦ τε ἱππικοῦ τάγματος εὐγενέστατοι καὶ τῆς συγκλήτου ἐπίλεκτοι νεαίαι κατακομίζουσι διὰ τῆς ἱερᾶς ὁδοῦ, ἔς τε τὴν ἀρχαίαν ἀγορὰν προτιθέασιν...
22. Выражение «этнографический экскурс» в данном случае использовано Р. Турканом. См.: *Turcan R.* Origines et sens de l'inhumation a l'époque impériale // Revue des études anciennes. 1958. 60. P. 323–347. (Здесь P. 327).
23. *Richard J.-C.* Recherches sur certains aspects du culte impérial: Les funérailles des empereurs Romains aux deux premiers siècles de notre ère // Aufstieg und Niedergang. 1978. II. Bd. 16. P. 1121–1134 (здесь P. 1127); *Idem*. Les funérailles des empereurs romains aux deux premiers siècles de notre ère // Klio. 1980. 62. P. 461–471 (здесь P. 464–465).
24. *Bieckermann*. Die römische ... S. 4–13.
25. Произнесение *laudatio funebris* (панегирика, в котором перечислялись деяния усопшего и его предков) являлось обязательной частью *funus publicum*. Наиболее подробно и красочно описано произнесение *laudatio funebris* Антонием на похоронах Юлия Цезаря. См.: App. *B.C.* II. 144–146. См. также *Kierdorf W.* Laudatio funebris. Interpretationen und Untersuchungen zur Entwicklung der römischen

Leichenrede. Meisenheim am Glan, 1980.

26. По крайней мере, в другом пассаже Геродиана (IV. 13. 8), этот же глагол применяется для обозначения праха Каракаллы.
27. Подробнее см.: *Richard.* Les funérailles ... P. 464.
28. Подробно разбор представленных Е. Бикерманом примеров см.: *Richard J.-C.* Incinération aux funérailles impériales: histoire du rituel de l'apothéose pendant le Haut-Empire // Latomus. Vol. 25. 1966. P. 786–789.
29. В данном случае свидетельство авторов «Жизнеописаний Августов» (SHA. *Sev.* XXIV. 1–2) не позволяет с полной уверенностью утверждать, что тело Септимия Севера было кремировано. Приведем цитату из этого источника: «Corpus eius a Brittannia Romam usque cum magna provincialium reverentia susceptum est; quamvis aliqui urnulam auream tantum fuisse dicant Severi reliquias continentem eandemque Antoninorum sepulchro inlatam, cum Septimius illic, ubi vita functus est, esset incensus». («Тело Севера было перевезено из Британии в Рим, и провинциалы оказывали ему на пути великие почести; впрочем, некоторые говорят, что в Рим была привезена только небольшая урна, содержавшая останки Севера, и что она была помещена в гробнице Антонинов, так как Септимий был сожжен там, где он скончался». Здесь и далее текст приводится в переводе С.П. Кондратьева по изданию: Властелины Рима, М., 1992.)
30. Reliquiae eius recuperato capite in sepulchro avi uxoris locatae sunt. Et Iulianus, successor illius, corpus eius quanto potuit honore funeratus est, cum id in Palatio repperisset. («Останки его вместе с возвращенной назад головой были помещены в гробнице деда его жены. Его преемник Юлиан нашел его тело в Палатинском дворце и похоронил его с теми почестями, какие были возможны»).
31. Доказательства распространения ингумации см. в работе *Turcan.* Op. cit. Об изменении погребального обряда см. также: *Nock A.D.* Cremation and Burial in the Roman Empire // Harvard Theological Review. 1932. Vol. 25. P. 321–359 (Репринт. издание); *Idem.* Essays on Religion and the Ancient World. Vol. 1. 1972. P. 277–301); *Richard.* Op. cit.; *Waurick G.* Untersuchungen zur Lage der Römischen Kaisergräber in der Zeit von Augustus bis Constantin // Jahrbuch des Römisch-Germanischen Zentralmuseums Mainz. 1973. Bd. 20. P. 107–146.
32. *Richard.* Les funérailles... P. 466.
33. *Arce J.* Funus Imperatorum: Los funerales de los emperadores romanos. Madrid, 1990. P. 40; P. 171–172; *Price.* Op. cit. P. 97.
34. «Посмертные же почести царей вот какие... Если смерть постигнет царя на поле брани, то в его доме устанавливают изображение покойного и на устланном [цветами] ложе выносят [для погребения]». (Цитата приводится в переводе Г.А. Стратановского по изданию: Геродот. История. В 9-ти кн. М., 2001).
35. "...sane corpus ob longinquitatem itinerum externis terris quoquo modo crematum: sed tanto plura decora mox tribui par fuisse quanto prima fors negavisset... ubi illa veterum instituta, propositam toro effigiem...?" А. С. Бобович переводит «*effigies*» как посмертную маску, выставляемую у ложа. См.: *Корнелий Тацит.* Сочинения в двух томах. Т. 1. М., 1993. С. 83–84. С нашей точки зрения, речь в данном отрывке вполне могла идти и о восковой фигуре покойного. Когда Тацит пишет, что похоронное ложе окружали изображения Клавдиев и Юлиев, он использует термин «*imagines*»: "circumfusas lecto Claudiorum Iuliorumque imagines". В данном случае, скорее всего, речь идет о бюстах, размещенных вокруг ложа на специальных носилках.
36. "...sepulcro corpus patris intulerunt magnifico exequiarum officio; mox iustitio secuto publici quoque funeris expeditus est ordo".
37. *Price.* Op. cit. P. 97: "Even when an emperor died at or near Rome (as Augustus did), it

was obviously convenient for the public ceremonial to use an image untainted by human mortality and corruption".

38. *Schlosser*. Op. cit. S. 24.
39. "Nam si in morte malumst malis morsuque ferarum / Tractari, non invenio qui non sit acerbum / Ignibus impositum caelidis torrescere flammis / Aut in melle situm suffocari atque rigere / Frigore, cum summon gelidi cubat aequore saxi..." («Ибо, коль горестно быть после смерти раздробленным пастью / Диких зверей, почему не ужасно — понять не могу я — В пламени жарком гореть, на костре погребальном пылая, / Или положенным в мед задыхаться и мерзнуть от стужи, / Ежели труп распростерт на холодных каменьях гробницы...» (Приводится в переводе Ф.А. Петровского по изданию: Тит Лукреций Кар. О природе вещей. М., 1983).
40. «...servabantur cadavera septem diebus...».
41. «Defuncta corpora incorrupta aevis servat, viventia corrumpit, mira differentia, cum vitam auferat spirantibus defunctis que pro vita sit».
42. «corpus non igni abolitum, ut Romanus mos, sed regum externorum consuetudine differtum odoribus conditur tumuloque Iuliormn infertur».
43. П. Карлен-Эйтер отмечает, что бальзамирование было обычной практикой при императорских похоронах, как языческих, так и христианских, и приводит источники, свидетельствующие о бальзамировании византийских императоров. *Karlin-Hayter P.* L'Adieu a l'empereur // Byzantion. 61. 1991. P. 112–147. Здесь P. 128.
44. «Pollinctum corpus defuncti ...»
45. «...καὶ τὸ τούτου σῶμα ταριχευθὲν τοῖς ἐν τῇ Κωνσταντινουπόλει βασιλικοῖς τάφοις ἐναπετέθη».
46. Источник текста: с указанием ссылок на научные публикации речей Амвросия Медиоланского.
47. *Toynbee*. Op. cit. P. 41–42.
48. *Schlosser*. Op. cit. S. 24.
49. Ibid.
50. *Chroscicki*. Op. cit. S. 33. См. также: *Самойлова*. Ук. соч. со ссылкой на работу Ю. Хрощицкого.
51. Об этом, в частности, свидетельствует выпуск консекрационных монет, посвященных Константину. См.: *Bruun P.* The Consecration Coins of Constantine the Great // Arctos. 1. 1954. P. 19–31. Константин был последним императором, в честь которого были выпущены консекрационные монеты. Титул *Divus* оставался стабильным в официальной терминологии и формулировках эпиграфики вплоть до VI в., но потерял свое первоначальное содержание, превратившись в знак особого почитания и уважения. Об изменении в характере обожествления см.: *Cracco Ruggini L.* Apoteosi e politica senatoria nel IV s. d. C.: il dittico dei Symmachi al British Museum // Rivista Storica Italiana. 89. 1977. P. 425–489.
52. *Franchi de Cavalieri P.* I funerali ed il sepolcro di Constantino Magno // Mélanges d'archéologie et d'histore (Ecole françaese de Rome). 36. 1916. P. 205–261.
53. См. об этом у Евсевия (*V.C.* IV. 69. 1–2): "Οἱ δε τὴν βασιλίδα πόλιν οἰκοῦντες, αὐτῇ συγκλήτῳ καὶ δήμῳ ʽΡομαίων ... βοαῖς τ ʼεχρῶντο ἱκετηρίοις, το σκῆνος τοῦ σφων βασιλέως παρ ʼαυτοῖς κομίζοντες, καὶ τῇ βασιλίδι πόλει κατατίθεσθαι ποτνιώμενοι". («Жители царского города, Сенат и римский народ... умоляли, чтобы тело василевса перенесено было к ним и погребено в царском городе»). О том, что римский народ тяжело перенес смерть Константина свидетельствует также Аврелий Виктор (Aur. Vict. *Caes.* XLI. 17).
54. *Franchi de Cavalieri*. Op. cit. P. 256.

55. Об императорских резиденциях в период тетрархии см.: *Millar F.* The emperor in the Roman World 31 BC — 337 AD. L., 1977. P. 15–57.
56. «...ему и мертвому посвящали картины, как живому, изображая на них красками небо и представляя [императора] покоящемся в горнем жилище превыше небесных кругов».
57. термин εικών в греческой традиции имел весьма широкое употребление и в зависимости от контекста мог означать статую, бюст или портрет, рисованный красками. См.: *Price.* Op. cit. P. 176–178.
58. «Набальзамированный труп почившего был положен в гроб, и Иовиан, в ту пору протектор-доместик, получил приказ сопровождать останки с императорскими почестями до самого Константинополя, чтобы его похоронить возле родственников». (Приводится в переводе Ю.А. Кулаковского и А.И. Сони по изданию: Аммиан Марцеллин. Римская история. СПб., 2000. С. 241).
59. *Arce.* Op. cit. P. 54-55. Церемонии похорон Констанция X. Арсе посвятил специальное исследование: *Idem.* Los funerales del Emperador Constancio II (a. 361 d.C.) // Homage al Prof. R. Adrados. Madrid, 1987. P. 29–39. Однако данная работа оказалась нам недоступна.
60. *Schlosser.* Op. cit. S. 25.
61. Авсоний (Эпиграмма 25) для конца IV в., Аполлинарий Сидоний (Письма V, 6) для V в. и еще одна эпиграмма Агафия Миринейского VI в. (Ibidem).
62. См.: *Giesey*. Op. cit. P. 112.

EMPERORS' WAX IMAGES IN CEREMONY OF APOTHEOSIS

E.V. Kulikova

The article considers a number of debatable questions on the custom of wax images use — the effigies in a funeral ceremony of the Roman emperors. In particular, the author inquires whether the custom to expose instead of a body of the governor his wax image was connected to a family cult of ancestors, and whether the use of effigies was the integral part of the imperial funeral ceremony or they resorted to such a practice only in extraordinary cases and how long the ritual existed. The work done by the author and comparison of pieces of evidence from antique and early Byzantine sources allow to come to a conclusion about existence of the indissoluble connection between practice of wax figures use by the emperors and the ceremony of their posthumous deification. Absence of instructions concerning wax images use in ceremony of burial of Constantinus the Great and any mentions of effigies in later sources only confirms the conclusions made in the article, and testifies that funeral of the first Christian emperor marked a new stage in development of the imperial cult and ideology of imperial authority, in the whole.

© 2008

Н.И. Соловьянов

О СПЕЦИФИКЕ РИМСКОГО ВОЕННОГО ПРИСУТСТВИЯ И КУЛЬТАХ АРМИИ В АФРИКАНСКИХ ВЛАДЕНИЯХ

Необходимость изучения такого аспекта истории Древнего Рима как религия и культы римской армии вытекает из стоящей перед историками задачи всестороннего изучения античных цивилизаций. Характеристика официального пантеона богов, анализ культов, отправлявшихся солдатами, офицерами и ветеранами, выявление различных верований и суеверий — все это позволяет значительно дополнить картину религиозной жизни общества того времени, а также представить ее во всей сложности и многогранности.

К тому же, выявление факторов, определявших религиозное мировоззрение воинов и гражданского населения, дает дополнительные сведения для выяснения таких вопросов, как этнический состав войск, материальное положение воинов, взаимоотношения завоевателей с местными племенами и народами, процесс романизации и эллинизации провинциалов. Данная публикация аналогов в мировой историографии не имеет[1].

Северо-африканское побережье Средиземного моря прошло длительный путь историко-культурного освоения цивилизованными народами задолго до римского завоевания. Исторически эта территория делилась на Мавретанию — историческую область на северо-западе Африки (ныне терр. Западного Алжира и Восточного Марокко), Ливию, внутреннюю Африку, плохо знакомую античным географам, которая находилась на Средиземноморском побережье от залива Большой Сирт до египетской границы, включавшую в себя третью область — Киренаику.

С древнейших времен эти области были заселены берберскими кочевыми племенами: маврусиев, бакатов, мазиков, зимизов, масуламиев, кинитиев, намазонов и др.

Освоение региона началось в конце II тыс. до н.э., когда в Мавретании появились первые колонии финикийцев. В нач. IX века до н.э. выходцами из г. Тиры была основана крупнейшая финикийская колония — Карфаген.

Начиная с 406 г. до н.э. население Мавретании поставляло наемников для армии Карфагена. А в III в. до н.э. над большей частью Мавретании Карфаген установил свою власть. В связи с Пуническими войнами, не без вмешательства Рима на западе Маретании образовалось Нумидийское государство. В конце II-й Пунической войны царь Восточной Нумидии Масинисса открыто перешел на сторону Рима, за что получил от него власть почти над всей страной. В конце II в. до н.э. царь Югурта отложился от Рима. Тогда Рим объявил ему войну, которая закончилась казнью Югурты, а Восточная Нумидия была присоединена к римской провинции Африка. Во время борьбы между Помпеем и Цезарем царь Западной Нумидии Юба стал на сторону Помпея, за что Цезарь сделал всю Нумидию римской провинцией. В римскую эпоху Нумидия была одной из богатейших территорий Империи.

Поскольку почва Ливии была каменистая, неплодородная, подходящая лишь для разведения коз, овец и верблюдов, она мало привлекала колонистов и завоевателей. Иное дело ее восточная часть — Киренаика. Благодаря обильным зимним и весенним дождям и множеству источников земли здесь были плодородные. По представлениям древних, на востоке Киренаики находился Сад Гесперид. Около 630 г. до н.э. переселенцы с острова Тира основали недалеко от моря колонию Кирену (находилась близ совр. города-порта Дерна). Во время правления династии Баттиадов -потомков первого царя Батта — Киренаика благодаря мореходству и торговле достигла процветания и после продолжительной борьбы с Египтом и Карфагеном стала независимой. Около 540 г. до н.э. из западных городов было образовано самостоятельное государство Барка. Власть Баттиадов была уничтожена персидским царем Камбисом, присоединившим Киренаику к Египетской сатрапии. Во время господства персов Киренаика стала республикой.

В 321 г. до н.э. египетский царь Птолемей I вновь подчинил себе Киренаику. 5 городов — Кирена, Аполлония, Птолемаида (Барка), Арсиноя (Тавхира) и Береника (Евгеспериды) — были объединены в союз Пентаполь (Пятиградие), преобразованный в 117 г. до н.э. в царство младшей ветви династии Птолемеев. Последний их представитель Апион завещал Киренаику римлянам, присоединившим ее к провинции Крит (67 г. до н.э.). Последнее обстоятельство позволяет рассматривать Киренаику в культурно-историческом плане не как составную часть африканских провинций Рима, а как совокупность территорий постэлинистического пространства.

Накануне интересующей нас эпохи Империи африканские владения Рима разделялись на несколько провинций: Мавретанию Тигитанскую, Мавретанию Цезарейскую, Нумидию, Африку, Африку Проконсульскую и Киренаику с Критом.

Август, проводя военно-административную реформу, разделив все европейские провинции на внешние (императорские) и внутренние (сенатские), объявил все африканские владения, в том числе и Египет, личной собственностью императорской фамилии. С этих пор и до вторжения вандалов это была самая «замиренная» область из всех владений Рима. Прекрасные природные условия, отсутствие военной угрозы превратили этот регион фактически в курортную область. Здесь лишь для поддержания внутреннего порядка и охраны подходов к проливам Сицилийского моря на всякий случай в крепости Ламбези был размещен III Августов легион, ставший любимым местом службы для начала военно-политической карьеры «золотой римской молодежи». Этот легион никогда не покидал в полном составе своей стоянки, а лишь изредка отправлял вексилляции для участия в императорских походах.

Тем не менее, как отмечал еще Гастон Буасье, он был кузницей высших офицерских кадров для армии императориского Рима.

Остальную же территорию императорского домена, как и во всех внутренних провинциях, контролировали вспомогательные части. В разное время это были ala I Augustanorum[2], ala II Thracum[3], ala Partorrum, cohors II Sardorum Severianae[4], cohors II Brecorum Gordianae[5], numerus Palmyrenorum[6], ala I Pomariensium Severianae[7].

Это показывают памятники, поставленные действующими воинами. Обилие же надгробий создает впечатление, что здесь побывали части всей императорской армии.[8] Однако внимательный анализ этих посмертных изваяний позволяет утверждать, что здесь находили последний приют лишь высшие офицерские чины большинства легионов, вспомогательных частей, флота и императорской гвардии[9], хотя подчиненные им подразделения никогда в Африке не дислоцировались. Скорее всего это были отставники, так или иначе связанные с III Августовым легионом.

Для подтверждения данного гипотетического положения приведем одну из эпитафий, поставленную во времена правления Элагабала родственниками некоему «Гаю Сульгию, сыну Луция (?) из Папириевой трибы, префекту легиона III Киренайского, примипилу легиона XX Валериева Победоносного, препозиту преторианского Мизенского флота, военному жрецу, центуриону III Августова, VII Сдвоенного, I Парфянского, XVI Флавиева Стойкого, XIII Сдвоенного в провинции Дакия, наварху преторианской Мизенской эскадры, опцию ополчения и поставщику продовольствия военным ...».[10]

Учитывая, что должности в эпитафиях указывались не в хронологическом порядке, а по служебной иерархии, то есть от высших к низшим, можно следующим образом представить этапы его карьеры. Стартовав с должности центуриона III Августова, он принял участие в ряде военных походов как центурион других легионов, в том числе и в качестве жреца. Дослужился до примипила, а затем и префекта (командующего) легионом. Затем, сменив род войск, от наварха до препозита флота. Вероятно, получив почетную отставку, вернулся доживать в Африку, где был заместителем командира местного ополчения и как землевладелец поставлял продовольствие воинским частям. И таких эпитафий можно привести не один десяток.[11] В этом специфика римского военного присутствия в африканских владениях императорского дома.

О сакральных представлениях римских воинов в Африке.

Из вотивных изваяний до нас дошли следующие. Группа посвящений императорам династии Антонинов-Северов: Адриану, Марку Аврелию, Септимию Северу, Септимию Северу и Каракалле, Септимию Северу, Каракалле и Гете, Каракалле, Каракалле и Гете, Александру Северу, божественному дому трех Августов, а также посвящения за здравие и благополучие божественного дома Марсу, Минерве, Фортуне, Виктории, Диане и Гению лагерей III Августова легиона, Меркурию за здравие Каракаллы.

Далее идут обращения к богам римского пантеона по различным поводам. Статуя Марсу воинственному в честь III Августова легиона, стела Аполлону отцу Августейшему, Сильвану Августейшему, Фортуне Предводительнице Августейшей, Марсу Августейшему и Гению священному корпорации бенефициариев, (Марсу) Gradivo отцу, Гению стационариев Вазаиви и богам-хранителям, Гению табулариев и Минерве Августе, Гению центурии и Гению своей корпорации и, наконец, Памяти.

Далее идут посвящения иноземным божествам — Юпитеру Долихенскому и, возможно, Исиде, а также двум неизвестным, вероятно местным божествам: богу священному Aulisvae и богам Mauris здравствующим.

Упоминаются и священные военные должности аквилифера, носящего священного легионного Орла, имагнифера, носящего изображение Императора и сигнифера — знаменщика, носящего Священный знак воинской части (signum):

ILS 2479. Нумидия. II в. imp. Caes. T. Aelio | Hadriano Antonino | Aug. Pio p. p. IIII et M. | Aurelio Caesare II | cos., per Prastina | Messalinum leg. | Aug. pr. pr., vexil. | leg. VI Ferr. via fecit.

ILS 2303. Ламбези. 166 г. [i]mp. Caes. M. Au|relio Antonino Aug. | Armeniaco pont. | max., trib[un. pote]st. XX, | imp. III, cos. III, [p. p.], | liberalissim[o. p]rin|cipi, dedicante | P. Caelio Op[ta]to leg. Aug. | pr. pr., ? et v[ete]rani leg. | III Aug., qui militare | coeperunt divo Pio | III et M. Aurelio Vero II, et | Stloga et Severo cos.

ILS 2493. Мавретания. 204 г. imp. Caesari | L. Septimio | Severo Pio | Pertinaci | Aug. Arab. Adia[b.] | Parth. maxim., | trib. potest. | VIIII, imp. XI, cos. III, | p. p., p[rocos.], | eq. alae I Aug. | Parth. | Antoninia[n]ae.

ILS 2397. Ламбези. 198 г. B. imp. Caes. L. Septimio Severo Pio Pertinaci Aug. | Arab. Adiab. Parth. maximo, et M. Aurelio Antonino | Aug. Augusti n. filio, (Part. Brit. Ger. maximo) | Augusti n. Antonini (Fel.) filio domini n. Severi, et | Iuliae Aug. matri Aug. (n.) et castrorum, | dedic. Q. Anicio Fausto leg. Auggg. pr. pr. cos. desig., | cornicularius et b. f. trib. laticlavi mil. leg. III Aug. p. v. | ex arca sua fecerunt, quorum nomina subiecta sunt: | M. Annius Honoratus cor.,

ILS 2354. Ламбези. 203 г. pro felicitate et inco|lumitatem saeculi do|minorum nn ! Augg[g.], | L. Sep. Severi Pii Pertinacis | Aug. et M. Aureli Antonini | Aug. (Part. Brit. Germ. | max.) Aug. et Iuliae Aug. | matri Aug. (n.) et castr. | (et senatus et patriae) Antonini Aug. nostri (invicti), | cor. leg. III Aug. p. v.: | L. Clodius Secundus opt., | C. Iulius Felix,. Scamnari n. dabuntcol. qui fac. fuer.| X DCCL.Si qui de col. tram. pro., cum pr. s., acc. viat. pro. m. X CC, eq. a. R. D. | Item vetranis anularium nom. X D. | Item si qui ex coll. amplio. grad. prof., accip. X D. | Item si qui obitum naturae red., acc. her. ips. sive proc. D. | Item quod abom. si q. locu. sun. *(sic)* amis., accipiet X CCL. | EISTM qui arc. solut. sunt et si quis de tironib. ab hac die satis | arcae fec, accipiet quitquit debet. Lex fact. XI kal. Sep. !!!! II et Geta II cos. Ceninis, Aotoninus, Filinus, Marcus.

ILS 2438.Ламбези. 211 г. impp. Caess. L. Septimio [Severo Pio Pertinaci Aug., et M.] Aurelio Antonino P[io Aug., et L. Septimio Getae Caes.], et Iuliae Aug. matri Aug[g.] et [castrorum, dedicante Q. Anicio] Fausto cos. ampl., ex largi[ssimus stipendiis, quae in] eos conferunt, fecerunt optiones valet [udinarit], ... pequari[5], librarius, et discentes capsario[rum ob quam sol]lemnitatem decreverunt universi, arca u[t fiat, ex qua numerentur iis qui ex] eodem colleg. dimittentur, anulari n. sing[lius IS . . . .], item discentib., pro port. scamnari sui, IS ? n.

ILS 2636. Нумидия. III в. imp. Caes. M. Aurelio | Severo Antonino Aug., bur|gum speculatorum Anto.| M. Val Senecio leg. eius pr. | pr. c. v. fieri iussit, c. a. C. Iulio Ae|lurione leg. III Aug. Anto., prae. n. H. Ant. *(supra et iuxta, diversa manu)* bis posuit Caletamera in tepore suo.

ILS 2445. Ламбези. II в. pro salute Augg. | optiones scholam suam cum statuis et imaginibus domus [di]vinae, | item diis conservatorib. eorum, ex largissimis stipend[ii]s et | liberalitatib., quae in eos conferunt, fecer., curante L. Egnatio Myrone q. | Ob quam sollemnitatem decreverunt, uti collega proficiscens ad spem suam

confirman|dam accipiat IS VIII mil. if., veter. quoque missi accipiant kal. Ian. anularium singuli IS VI mil: n., | quae anularia sua die quaestor sine dilatione adnumerare curabit. Q. Semp. Felix, !!!!!!!!! | P. Ael. Macrin. | L. Val. Ianuarius, | C. lul. Longinia., | M. Anto. Silvanu. (22 — 25) 7 L. Cornelius Cato, | M. Valerius Speratus, | L. Aemilius Calianus cor., | T. Flavius Surus act. leg.; (29, *vel* 44) [L. Eg]na-tius Myro.

ILS 2287 Ламбези. III в. [fa]bular[i]um princi[pis cum ima]g. | d[om]us divinae option[es oh. pri|mae de suo feceru[nt]: | Q. [Semp]ronius Felix p. p., P. Aeli[us Macrinus p]rinc., | L. [Vafe]rius Ianuarius has., C. Iu[l. Longtnian. pr.] pos., C. [Ant]onius Silvanus has. pos[t.]. *(In pila sinistra intuenti)* tabulari|um princ. | [c]um imag. domus di|vinae r[e]|novatum | ab Ulpio | [A]ntonin[o | p]rinc, e[t] | option[es] | coh. pr[im.] | et adiut. | de suo f[e]|cerunt: | M. Aureli|us Aureli|anus p. p., | *(in pila dextra)* M. Aurel. | Terentius | pr. r., C. Ma|nil. Donatus | has. pr., Q. Ae|butius Satur|ninus pr. pos., | . Aurel. Li|cinius has. | pos.; | C. Iul. Satu|ninus, C. | Iul. Numi|dius ib. | princ.

ILS 2437. Ламбези. III в. domui | divinae | Augg[g] | L. Caecili|us Urba|nus opt. | val., cur. o|peri arm. | posuit.

ILS 2449. Ламбези. II в. [pro salute domus] | divinae, M[ar]|ti Minervae | Fortunae Vic|toriae Dianae, | T. Atarenus | Prudens | princeps | leg. III Aug. | v. 1. s.

ILS 2291. Ламбези. II в. Genio castrorum | leg. III Aug., pro | salute et incolu|mitate dd. nn. | impp. !!!!!!!!!!! | !!!!!!!!! | M. Aurel. Decimus | v. p. p. p. N. ex prin|cipe peregrino|rum, votum | solvit (devo|tus ... .

ILS 2625. Нумидия. II в. Mercurio Aug. sac. | pro salute imp. Caesaris M. Aure|li Antonini Aug. Pii, M. Annius | Valens 7 leg. III Aug., praepositus | n. alm[yre]norum, pro salute | sua et suorum v. s. 1. a.

ILS 2296. Ламбези. 235 г. deo | Marti militiae | potenti statuam | in honorem leg. | III Aug. Valerianae | Gallienae Valerianae | Sattonius Iu|cundus pp. qui | primus leg. reno|vata aput aquilam vitem posu|it, votum dedit, | dedicante | Veturio Vetu|riano v. c. leg. | Auggg. pr. pr.

ILS 2747. Африка. II в. Apollini patrio Aug. sacr., | Ti. Plautius Ti. f. Papiria Felix Ferrunti|anus praef. alae I Thracum veteranorum sagittariorum, proc. ad solaminia | et horrea, trib. milit. leg. I Italicae, praepositus | vexillationibus Ponticis aput Scythia et Tau|ricam, praepositus vexil. leg. III Aug. aput Mar|commanos[3], donatus donis milit.

ILS 2451. Ламбези. II в. Sil[vano] | Aug. sa[cr.] | centuriones | leg. III Aug., | curante | Memmio | Donato | decimo | pilo.

ILS 2116 Ламбези II в. Fortunae Reduci | Aug. sacr. | C. Vasidius C. Ql. Palat. | Bellicus miles co|horl. X urbanae, | optio centuriae, | signifer, fisci cu|rator, optio ab actis | urbi, veteranus Aug., | decurio, aedil., praef., | Ilvir. i. d., ob honorem | aedilitatis, inlatis rei | p. HS IIII n. legitimis,. amjplius ex H-S- V n. posuit | idemq. dedicavit.

ILS 2400. Нумидия. II в. deo Marti [Aug.] | Genioque san|cto scolae bf. | Paconius Cas|tus bf. cons. | leg. III Aug. cum | suis exacta sta. | v. s.

ILS 2399. Нумидия. IIв. Gradivo | patri, Genio | stat. Vaza|ivi et diis | conservatoribus, | M. Baebius | Speratus | cor. prae. | (leg. III) Aug. | p. v. vot. s. 1. | a.

ILS 2447. Ламбези. II в. Genio | tabul. | princ. | Mine|rvae | Augus.

ILS 2443. Ламбези. III в. Gen. 7 sacr.[1] | C. Servilius | Rogatus optio | dimissus votum 1. a. s.

2376. Ламбези. II в. Genio | scholae suae, | P. Aurel. Felix | speculator | leg. III Aug. | domo Thamug., | donum dedit.

ILS 2419. Ламбези. III в. memo|riae | C. Iul. Nepotis | domo Amme|dara, ped. sing., vix. ann. XVIII, | C. Iul. Verus b. f. | cos. frat. piissim.

ILS 2415. Ламбези. III. I. o. m. Dol. | p. p. Flavi Studi|osi, Sabinius | Ingenuus et | Aurelius Sed|atus sig. leg. | III Aug., agentes | cura. macelli, | v. 1. a. s., cum a|zutoribus suis.

ILS 2608. Мавретания. 243 г. ..... side | sacrum posuit | Aelius Servan|dus dec. praepo|situs coh. II Bre|ucoru. [G]or[di]ane | III kal. Ian. Arri|ano et Papo cos. | salvis Augg., | multis annis felici|ter.

ILS 2634. Мавретания. III в. deo | sancto | Aulisvae | Fl. Cassi|anus prae|fect. alae I explora|torum | Pomari|ensium |S[eve]rianae.

ILS 2607. Мавретания. 208 г. dis Mauris | salutaribus | Aurelius E|xoratus dec. | alae Partorum, | praepositus | cohortis II | Sardorum Se|verianae. 2750. Мавретания. II в. diis Mauricis | M. Pomponius Vi|tellianus tribus | militiis perfunctus, | proc. Aug. ad curam | gentium, praef. clas|sis Germanicae.

ILS 2344. Ламбези. II в. d. m. s. | L. Tullio Felici, | vixit anos XXV | meses II dies XVII, | discens | aquiliferi | leg. III Aug., memorie | eius posuit L. Bon|cius Secundus, | aunculo.

ILS 2519. Мавретания. II в. d. m. | Ulpius Terti|us curator | alae I contari., FI. Tutor imag. he|res amico pientiss|imo posuit.

ILS 2518. Нумидия. II в. dis manibus | C. Iulius Dexter vet., mil. in ala | eq., cur. turmae, armor. custos, signi|fer tur., milita. annos XXVI, dimis. emer. | honesta missione, duoviratu egit in col. | sua Thelepte, vixit an. LXXXV, hic crematus. | Tutia Tertia marita Iuli Dextri, vix. an. LXX, | hic cremata est.

И, наконец, многочисленные посвящения Богам подземного царства Манам на надгробных плитах:

ILS 2344. Ламбези. II в. d. m. s. | L. Tullio Felici, | vixit anos XXV | meses II dies XVII, | discens | aquiliferi | leg. III Aug., memorie | eius posuit L. Bon|cius Secundus, | aunculo.

ILS 2519. Мавретания. II в. d. m. | Ulpius Terti|us curator | alae I contari., FI. Tutor imag. he|res amico pientiss|imo posuit.

ILS 2518. Нумидия. II в. dis manibus | C. Iulius Dexter vet., mil. in ala | eq., cur. turmae, armor. custos, signi|fer tur., milita. annos XXVI, dimis. emer. | honesta missione, duoviratu egit in col. | sua Thelepte, vixit an. LXXXV, hic crematus. | Tutia Tertia marita Iuli Dextri, vix. an. LXX, | hic cremata est.

ILS 2122. Мавретания. II в. d. m. s. | honori et | memoriae | Aperti Nam|famonis mi|litis coh. | I urb.

ILS 2127. Карфаген. I в. dis manibus sacr. | Q. Vilanius | Q. f. Vol. Nepos | Philippis ? coh. XIII urb., | donis donatus a Domitiano | ob bellum Dacicum, item ab | eodem ob bellum Germanicum, | item torquib. armillis ob bellum | Dacicum, vixit ann. L, militavit an. XXXII, | M. Silius Quintianus optio bene merenti | posuit *(Изображение воина с копьем)*.2

ILS 2214. Ламбези. II в. d. m. s. | M. Aurellio M. f. | Pal. Sextiano Os|tia ?frumenta|rio, exercitato|ri singularium | imp., hastato | leg. III Aug., | vix. an. XLVIII, | Paccia Prima | coniunx et he|res eius marito | piissimo.

ILS 2314. Ламбези. III в. d. m. s. | P. Aul. Apo|linario | mil. leg. III | Aug. ex III Ga|ll, vix. ann. | XLVII, mil. XXV, | Iul. Lucilla | mar. dulcis.

ILS 2315. Ламбези. III в. dis manib. sacr. | . . Iulius C. fil. domo Arethusa Livianus, | vet. ex aquilif. leg. III Aug. Severiae, translatus | ex leg. III Gallic, se vivo in memor. mortis aeter|nae obventure cum suis fecit dedicavitque.

ILS 2316. Ламбези. III в. d. m. s. | Vibia Maxima | vixit an. XXXI, C. | Iul. Valens vet. | natio. Sur., | prob. in III Gal. | missus de leg. III | Aug., con. mer|enti cum | Basila et Valentin|o fil. comu|nibus fecit.

ILS 2317. Ламбези. II в. d. m. s. | Levis sit | tibi ter|ra. | Pallaldi. | C. Iul. Nestor iunior, vix an. | V1I m. VIIII, C. Iul. Nestor vet. pa|ter, contributus ex | leg. III Gallicae in | leg. III Aug., et Agria | Fabia[n]a mater filio dul|cissimo fecerunt.

ILS 2323. Ламбези. II в. d. m. s. | M. Valerius | Fortunatus | eq. legionari|us, v. a. XXVII, | Larcia Tertul|la soror po|suit. H. s. e.

ILS 2331. Ламбези. II в. d. m. s. | Herennius | Victorinus | disc. eqq. leg. | III Aug., vixit | ann. XXVII, | h. s. e.

ILS 2344. Ламбези. II в. d. m. s. | L. Tullio Felici, | vixit anos XXV | meses II dies XVII, | discens | aquiliferu | leg. III Aug., memorie | eius posuit L. Bon|cius Secundus, | aunculo.

ILS 2358. Ламбези. II в. d. m. s. | C. Terentius | Secund. Opiter. | tesserarius | leg. III Aug., | vix. an. XLII, | L. Furnasidius | As[clepiades], \ armorum, | h. e. f.

ILS 2387. Ламбези. II в. d. m. | C. Florio | C. fll. Hono|rato mil. | leg. III Aug., | exacto | at praet., | vix. ann. | XXII, | Florius | Mauricus | filio | dulcissi|mo fecit.

ILS 2396. Ламбези. II в. d. m. s. | Q. Laelius | Faustus cor|nicul. laticl., | st. XXIII, v. a. XLI, | Antonia Silva|na coniugi karis.

ILS 2419. Ламбези. III в. memo|riae | C. Iul. Nepotis | domo Amme|dara, ped. sing., vix. ann. XVIII, | C. Iul. Verus b. f. | cos. frat. piissim.

ILS 2422. D. m. s. | Lollius Vic|tor librator | leg. III Aug., | stipendior. | XI, ann. XXXIII, | mat. f. f. car. L. Tonneius Martialis | cerar. leg. se vivo sibi suisq. | fecit. d. m. s. | L. Tonneio Mar|tiali vet., vixit | annis LXXXXIII, | Tonneii Martia|lis lib. leg. III Aug. | filius et Mar|tialis nepos | fecerunt.

Таким образом, в африканских владениях Рима воины почитали не только официальные римские божества, но и восточные и местные, что не характерно для других регионов римской державы.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Дополнительно см. *Соловьянов Н.И.* Религиозная практика римских воинов в I-III вв. Красноярск, 2006; *его же*. Римское религиозное созание и его отражение в пантеоне армии в I–III в. Красноярск, 2007.
2. 2493. Мавретания. 204 г. imp. Caesari | L. Septimio | Severo Pio | Pertinaci | Aug. Arab. Adia[b.] | Parth. maxim., | trib. potest. | VIIII, imp. XI, cos. III, | p. p., p[rocos.], | eq. **alae I Aug.** | Parth. | Antoninia[n]ae.
3. 2514. Мавретания. II в. [Ti. Claud]us Congonetia|[cus] eq. alae II Thracum, | [n]atione Biturix, an|norum LX stipendio|rum XXXII, h. s. e., s. t. t. 1. | Ti. Claudius Viator et Ti. CIau|dius Clemens et Claudia | [Mau]rica fili eius heredes | [ex] testamento facien|[dum cur]averunt.
4. 2607. Мавретания. 208 г. dis Mauris | salutaribus | Aurelius E|xoratus dec. | alae Partorum, | praepositus | cohortis II | Sardorum Se|verianae.

5. 2608. Мавретания. 243 г. ..... side | sacrum posuit | Aelius Servan|dus dec. praepo|situs coh. II Bre|ucoru. [G]or[di]ane | III kal. Ian. Arri|ano et Papo cos. | salvis Augg., | multis annis felici|ter.
6. 2625. Нумидия. II в. Mercurio Aug. sac. | pro salute imp. Caesaris M. Aure|li Antonini Aug. Pii, M. Annius | Valens 7 leg. III Aug., praepositus | n. Palm[yre]norum, pro salute | sua et suorum v. s. 1. a..
7. 2634. Мавретания. III в. deo | sancto | Aulisvae | Fl. Cassi|anus prae|fect. alae I explora|torum | Pomari|ensium |S[eve]rianae.
8. 2249. Африка. I в. Q. Annaeus | Q. f. Pol. Balbus Faven|tinus', ann. LIII, meiles | leg. V, donatus bis, II|vir Thuburn., h. s. e. Vixit | honeste. Et tu ave. Arbi|tratu Q. Annae[i S]capulae. 2305. Африка. II в. L. Flaminius D. f. Arn. | mil. leg. III Aug. | ? Iuli Longi, dilecto | lectus ab M. Silano, mil. | annis XIX, in praesidio | ut esset in salto Philomu|siano, ab hoslem *(sic)* in pugna | occissus *(sic),* vixit pie | annis XL, | h. s. e. 2306. Ламбези. II в. d. m. | M. Sili M. f. Quir. | Fausti Am. mil. | leg. III Aug. | def. in Parthia, | vix. an. XXXXI, | fratri pientissim., | L. Silius Rufinus sig. | leg. III Aug. et Silius | Quietus mil. leg. eius. 2326. Ламбези. II в. Ael. Severus | eq. leg. III Aug. | ? Iul. Candidi, ex|plicitus deside|rio animi sui, | aram quain vo|verat Fortunae | Aug. I. a. reddidit | eamque dedic. 2328. Ламбези II в. Iulius Donatus eq. leg. III Aug. ex opti|one, vixit anis LV et milex anoru. | XXV, efectum fili coniugi mer. 2357. Ламбези. II в..... | L. Iulius Prim[us] | sig. leg. III A[ug.], | L. Furnasi[dius], Asclepiades | arm. cus. leg. eiu[sd.], | heredes eiu[s] | fecerunt. 2413. Ламбези. III в. | ... et leg. | III Aug. Gallie|nae, Aemili|us Florus | domicurius | eius patrono | [pr]aestantis[simo]. 2422. Ламбези. III в. Lollius Vic|tor librator | leg. III Aug., | stipendior. | XI, ann. XXXIII, | mat. f. f. car. 2470. Африка. III в. L. Silicius Opta|tus vix. an. L, | interceptus | in itinere. | Huia veterani | morantes | Simittu de | suo fecerunt. 2514. Мавретания. II в. [Ti. Claud]us Congonetia|[cus] eq. alae II Thracum, | [n]atione Biturix, an|norum LX stipendio|rum XXXII, h. s. e., s. t. t. 1. | Ti. Claudius Viator et Ti. CIau|dius Clemens et Claudia | [Mau]rica fili eius heredes | [ex] testamento facien|[dum cur]averunt. 2568. Мавретания. III в. C. Iulius Dapnus chorte | Siirorum, annorum L, militav|it annis XXX, misione acepit pro | meritis suis; fecit Iulia Vartinigig *(sic)* | viro suo ob meritis, h. s. e. 2576. Мавретания. III в. Dazas Sceni f. Ma[eze]|ius, eques coh. VI Delma|tarum turma Licconis, | annorum XXVII, stipendiorum X. 2577. Мавретания. III в. Licaus Iauletis f. miles c. VII | Delmatarum turma Anni, annorum XXVll, stipendior. | XI, h. s. e. Heres ex testamento fecit 2578. Нумидия. III в. T. Flavius | Bitus eq. | coh. II gemel. | Trac., vix. ani. | LV, mil. an. XXVII, | Iulia Marcella | [so]ror et Bitus [fil. f.]. 2655. Африка. II в. C. Octavio | Q. fil. Cornel. | Honorato 7 | adlecto ex eq. | R. a divo Pio in | leg. II Aug., 7 leg. | VII Cl. piae fideL, | 7 leg. XVI Flavi|ae fir., 7 ieg. X | Gem. p. f. V princ | postcriori, | Q. Octavius Celsus pater d. d. | s. p. f. itemque dedicavit. 2764. Африка. II в. C. Sulgio L. f. Pap. Caeciliano praef. leg. III Cyrenai|cae, p. p. leg. XX Valeriae Victricis, praeposito reli|quationi classis praetoriae Misenatium piae | vindicis et thensauris domini[cIs e]t bastagis copia|rum devehendar., 7 leg. III Aug. et septimae Geminae | et primae Parthicae et XVI Fl. f. et XIII G. in provincia Daci|a, navarch. classis praetoriae Mise[n]atium piae | vindicis, opt[i]oni peregrinorum et ex[erci]tatori mil[i]|tum frumentarior., et Sulgiae ae et Sulgio | Apro .....cii, [S]uIgio io ..... . irsi | pici fs patri et coiu[gi]. 2766. Мавретания. 255 г.P. Ael. P. f. Q. Primiano | eq. R., trib. coh. IIII Syn|gb., a mil., primop., trib. | coh. IIII vig., ex dec. al. | Thrac, prp. vex. eqq. | Mauror., defenso|ri prov. suae, dec. III | colll. Auz. et Rusg. | et Equiz., P. Aelijus Primus dec. col. | Auz., prius morte | praeventus quam | ded. pat. piissimo. | Ael. Audi f. fil. pat. | D. d. XIII kal. | Mar! p. CCXVI. 2767. Мавретания. 266 г. [Q. G]argilio Q. f. Q. Martiali eq. R., | [pr]aef. coh. I Astyrum pr. Britta|[n]iae, trib. co. Hisp. pr. Maur. Cae., | [a] mil, praep.

coh. sing. et vex. | [e]qq. Mauror. in territorio | [A]uziensi praetendentium, | dec. duarum coll. Auzien|sis et Rusguniensis, et pat. | prov., ob insignem in ci|ves amorem et singula|rem erga patriam adfec|tionem et quod eius vir|tute ac vigilantia Fa|raxen rebellis cum sa|tellitibus suis fuerit | captus et interfectus, | ordo col. Auziensis, | insidiis Bavarum de|cepto p. p. f. D. d. VIII kal. | [A]pr. pr. CCXXI. 2774. Африка. III в. M. Cornelio Oc|taviano v. p., praef. | classis praet. Misen., | duci per Africam | Numidiam Maureta|niamque, splendi|dissimus ordo | municipi Bisicensis | patrono incompara|bili ob merita. 2914. Мавретания. III в. Ti. Claudio Aug. lib. Eroti, | trierarcho liburnae Ni|li, exacto classis Aug. | Alexandrinae, L. Iuli|us C. f. Fab. Saturninus et M. | Antonius Heracla trier., | heredes eius fecerunt. Так же смотри сноску на посвящения dis manibus в разделе о культах.

9. 2038. Цезарея. Африка. III в. D. m. s. | Aurelius Vincentius | miles cohortis | tertia praetoriae | centuria Maximini, | militavit in legione | undecima Claudia | annis V, | in praetoria (*sic*) annis | XL, | civis Trax. | Memoria *(sic)* fecerunt | cives de rebus | ipsius bene|merenti (Изображение воина с копьем и щитом). 2116. Нумидия. II в. Fortunae Reduci | Aug. sacr. | C. Vasidius C. f. Palat. | Bellicus miles co|hort. X urbanae, | optio centuriae, | signifer, fisci cu|rator, optio ab actis | urbi, veteranus Aug., | decurio, aedil., praef., | IIvir. i. d., ob honorem | aedilitatis, inlatis rei | p. **HS IIII** n. legitimis,. am|plius ex **HS- V n.** posuit | idemq. dedicavit. 2121. Карфаген. III в. ..... | coh. I urb. ? Clodi Rufl, | C. Regilius C. f. Volt. Priscus | Vienna veteran. coh. eiusd. 2122. Мавретания. II в. d. m. s. | honori et | memoriae | Aperti Nam|famonis mi|litis coh. | I urb.

10. 2764. Африка. II в. C. Sulgio L. f. Pap. Caeciliano praef. leg. III Cyrenai|cae, p. p. leg. XX Valeriae Victricis, praeposito reli|quationi classis praetoriae Misenatium piae | vindicis et thensauris domini[cis e]t bastagis copia|rum devehendar., 7 leg. III Aug. et septimae Geminae | et primae Parthicae et XVI Fl. f. et XIII G. in provincia Daci|a, navarch. classis praetoriae Mise[n]atium piae | vindicis, opt[i]oni peregrinorum et ex[erci]tatori mil[i]|tum frumentarior., et Sulgiae..... ae et Sulgio | Apro.....cii, [S]uIgio.....io ..... . irsi | pici .....fratri et coiu[gi].

11. 2653. Ламбези. III в. d. m. | T. Fl. Virilis 7 leg. II Aug., | 7 leg. XX V. v., 7 leg. VI Vic, | 7 leg. XX V. v., | 7 leg. III Aug., | 7 leg. III Parth. Sever. | VIIII hast. poster., | vixit annis LXX, | stip. XXXXV, Lollia | Bodicca coniux | et Flavi Victor et | Victorinus fili | heredes ex HS | ICC n. faciendum curaver. 2655. Африка. II в. C. Octavio | Q. fil. Cornel. | Honorato 7 | adlecto ex eq. | R. a divo Pio in | leg. II Aug., 7 leg. | VII Cl. piae fideL, | 7 leg. XVI Flavi|ae fir., 7 ieg. X | Gem. p. f. V princ | postcriori, | Q. Octavius Celsus pater d. d. | s. p. f. itemque dedicavit. 2658. Африка. II в. | militavit L annis, IV in leg. III A[ug.] | librar., tesser., optio, signifer; | factus ex suffragio leg. [A]u[g. pr. pr. r] | militavit 7 leg. II Ital, [7] leg. VII.. . ., | 7 leg. I Min., 7 leg. X Gem., 7 leg. II, | 7 leg. III Aug., 7 leg. II[I] Gall., 7 leg. XXX U[l]p., | 7 leg. VI Vic, 7 leg. III Cyr., 7 leg. XV Apol., | 7 leg. II Par., 7 leg. I Adiutricis, | consecutus ob virtutem in | expeditionem Parthicam | coronam muralem vallarem | torques et phaleras, agit in | diem operis perfecti annos LXXX, | sibi et l Claudiae Marciae Capitolinae | koniugi karissimae, quae agit (in diem operis perfecti | annos LXV, et | M. Petronio Fortunato filio | militavit ann. VI 7 leg. X[X]II Primig., | 7 leg. II Aug., vixit ann. XXXV, | cui Fortunatus et Marcia parentes | karissimo memoriam fecerunt. 2659. Ламбези. II в. d. m. | P. Aelio P. f. Rojmano ex My|sia, 7 leg. III Au. | et VII Cl., XX | V. v. et I Ital., | donis do|nato, de|bellatori | hostium | prov. His. | et Mazicum | reg. Mon|tens., Vale|ria Inge|nua con|iunx cum | Turbone | et Roma|na filis | fec.

ABOUT SPECIFICITY OF ROMAN PRESENCE AND CULTS OF THE ARMY IN AFRICAN PROVINCES

N.I. Solovyanov

In Roman Africa warriors revered not only official deities, but also oriental and local ones and it was not typical for the other region of Roman Empire. Necessity of studying such aspects of Roman history as religion and cults of the Roman army arises from a problem of the detailed studying of antique civilizations which is quite urgent to historians. The article views the features of the Roman military presence in Africa and cults of the garrison billeted in the colonial possession.

Боспор

© 2008

Е.Г. Панкратова

САРМАТО-АЛАНСКИЙ ПОГРЕБАЛЬНЫЙ КОМПЛЕКС ВОСТОЧНОГО НЕКРОПОЛЯ ФАНАГОРИИ ИЗ РАСКОПОК И.Е. ЗАБЕЛИНА 1870 г.

Один из наиболее актуальных вопросов современного боспороведения — проблема взаимоотношений греческого населения Северного Причерноморья и сарматских племен, появившихся на границах Боспора во второй половине IV в. до н.э.[1] Сарматские погребения были найдены во многих некрополях Боспорского царства, в том числе и в столице Азиатского Боспора — Фанагории.

Первый сарматский погребальный комплекс был обнаружен в Фанагории вероятно еще в 1870 г. И.Е. Забелиным, однако в современной литературе о нем содержится крайне мало сведений. Тем не менее, он представляет немалый интерес и заслуживает более пристального внимания. Как уже было отмечено выше, в 1870 г. в одном из материковых холмов к востоку от городища И.Е. Забелиным было обнаружено «целое кладбище макрокефалов»[2]. Необходимо отметить, что И.Е. Забелин был специалистом по Древней Руси и России XV–XVI вв.[3], и его знакомство с античной археологией произошло благодаря графу С.Г. Строганову, по протекции которого он был принят в Императорскую Археологическую Комиссию (ИАК). Свою карьеру археолога он начал вполне традиционно для того времени, с раскопок крупных курганов. В частности, в 1862 г. им был раскопан ставший всемирно известным Чертомлыкский курган[4]. Вскоре внимание И.Е. Забелина привлекла местность близ станции Сенной, «где ранее располагался древний город Фанагория»[5]. Археологическому изучению этого античного памятника исследователь посвятил целых 5 лет. Следует отметить, что полевые дневники И.Е. Забелина являются на сегодняшний день наиболее подробным и ценным источником по истории археологического изучения Фанагории 60–70-х гг. XIX в.

Однако вернемся к «кладбищу макрокефалов». В насыпи могильного холма были найдены «глиняная женская разбитая поясная статуэтка греческой работы» (терракота) и бронзовый браслет[6]. Найденные захоронения («16 земляных гробниц и 2 гробничные пещерки»)[7] находились на глубине 1,5-2 м и были ориентированы меридионально, или, как пишет И.Е. Забелин, «копаны от юга

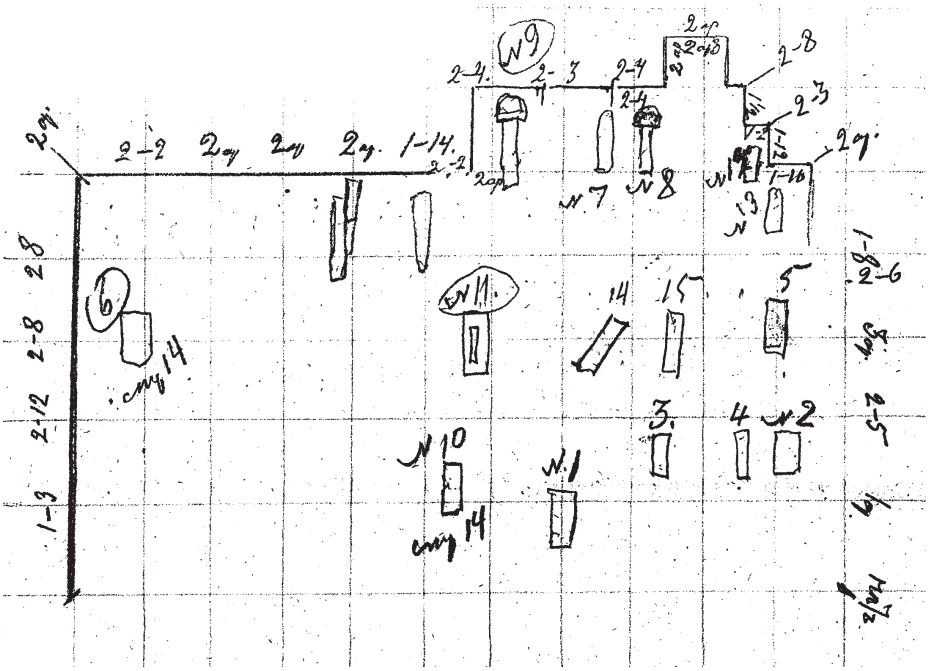


Рис. 1 И.Е. Забелин. План кладбища макрокефалов. 1870 г. Бумага, карандаш. (ОПИ ГИМ. Ф. 440. Оп. 1. Д. 259. Л. 13. Публ. впервые).

к северу». На дне каждой из могил были сделаны «особые помещения для покойников по размеру каждого остова» длиной от 1,5 до 1,8 м и шириной 0,5 м[8]. В некоторых могилах такие углубления устраивались «подкопом под восточную или западную стенку» гробницы (т.е. подбоем). У двух гробниц «с южной стороны, т.е. в головах» были вырыты уже упомянутые пещерки, заваленные известняковым камнями. Из 16 гробниц лишь девять содержали погребальный инвентарь. В четырех были найдены только «незначительные остатки» полуистлевших костей. Три гробницы оказались совсем пустыми, без всяких признаков погребения. У всех сохранившихся костяков оказались искусственно деформированные черепа, из-за чего они и были названы «макрокефалами».

Примечательно то, что при работе с архивными материалами Отдела письменных источников ГИМа удалось обнаружить единственный, неопубликованный по сей день экземпляр плана захоронений, составленный самим И.Е. Забелиным[9] (см. рис. 1). На листе почтовой бумаги форматом менее чем А 4, в верхнем левом углу рукой И.Е. Забелина сделана карандашная надпись «Макрокефалы». Далее, внутри неправильного прямоугольника расчерчена «сетка квадратов» с обозначениями «высот кладбища» по краям. Погребения нанесены на сетку квадратов и обозначены цифрами. Правда, не совсем ясно, по какому принципу осуществлялась нумерация захоронений, т.к. номера, присвоенные погребениям на данном плане, не совпадают с номерами этих же могил, описанных в официальном «Донесении» графу С.Г. Строганову[10]. В этом «Донесении» приведено описание гробниц, содержавших погребальный инвен-

тарь. Всего таких погребений насчитывается девять и описываются они следующим образом (приведу описания всех девяти):

В «первой могиле находился истлевший остов», у черепа которого были найдены фрагменты головного убора в виде серебряных с позолотой трубчатых пластин (около 100), «в уборе располагавшихся по четыре в ряд». На шее была обнаружена бронзовая позолоченная гривна, на груди — бронзовое кольцо, две бляшки, «пуговки и копьецо». Кроме того, «в головах у остова стоял простой кувшин из синей глины» (сероглиняный — Е.П.)[11].

Во второй могиле, «в голове истлевшего остова обнаружены маленький горшочек очень грубой работы (лепной — Е.П.) и разбитый стеклянный кувшинчик». У левой руки был найден бронзовый браслет, в районе таза — железный ножик и бронзовое пряжечное кольцо.

В третьей могиле при погребенном была найдена «дощечка из слоновой кости с двумя отверстиями по краям», а также стеклянный кувшинчик.

В четвертой, кроме «закопченного кувшинчика с носиком», который находился у черепа, ничего обнаружено не было. Череп из этой могилы был отдельно отправлен в ИАК, скорее всего он был более хорошей сохранности, чем остальные.

В пятой могиле у головы плохо сохранившегося костяка находился кувшинчик со следами огня.

В шестой у черепа «истлевшего остова» было найдено два горшка: один — красноглиняный «тонкой работы», другой — из «черной глины грубой работы»[12]. Оба сосуда со следами огня.

В седьмой гробнице в районе черепа были обнаружены красноглиняные кувшинчик и разбитая тарелка.

В восьмой И.Е. Забелиным было зафиксировано «два истлевших остова, положенные один на другой», вещей при них найдено не было.

В девятой гробнице оказалось детское захоронение. На груди ребенка найдено два бронзовых колокольчика.

Отдельно приводится описание двух «гробничных пещерок» (вероятно, могилы №№ 8 и 9 на плане). В одной из них был обнаружен лепной кувшин со следами огня и красноглиняный кувшинчик «тонкой работы». В другой — человеческий череп с несколькими полуистлевшими костями, бронзовый браслет, небольшая стеклянная бусинка и фрагменты керамики.

Суммируя все приведенные выше данные, И.Е. Забелин пришел к заключению, что он открыл «любопытное кладбище, современное греческому здешнему населению, глиняные и стеклянные изделия которого сохранялись в гробницах рядом с собственными грубыми изделиями погребенных здесь дикарей»[13]. При этом исследователь не уточняет, с каким историческим периодом он соотносит «греческое население» и какую группу варварских племен следует считать в данном случае «дикарями».

На основе тех данных, которыми мы располагаем на сегодняшний день, можно сделать более определенные выводы. В первую очередь обращает на себя внимание искусственная деформация черепов у всех погребенных этой группы. Упоминание о находках подобного рода можно найти еще у П. Дюбрюкса[14] и А.Б. Ашика[15]. Так, Ашик в своем труде отмечает, что «эти замечательные по сво-

ей продолговатой форме черепа могут служить свидетельством существования давно исчезнувшего племени людей, о которых упоминают древние писатели»[16].

Обычай искусственной деформации черепа встречается у сарматов с начала II в. н.э. К концу II — началу III вв. н.э. он приобретает массовое распространение[17]. Скорее всего, эта особенность является восточной инновацией, привнесенной в сарматскую среду переселенцами из Средней Азии[18]. Эффект удлиненного черепа достигался путем накладывания широкой повязки с использованием дощечек на голову младенца. Медицинские исследования, произведенные на основе сохранившихся деформированных черепов, доказали, что деформирующие конструкции никак не влияли на физиологические функции человека. Однако некоторые изменения могли происходить на психо-эмоциональном уровне (повышенная агрессия, неуправляемость, в некоторых случаях — шизофрения). Подобной операции подвергались как мужчины, так и женщины. Скорее всего, этот обычай нес в себе некую престижно-знаковую функцию и искусственно измененная форма головы являлась средством наглядной коммуникации[19].

Захоронения с деформированными черепами известны как на Европейской (Пантикапей, Китей, окрестности Зенонова Херсонеса), так и на Азиатской стороне Боспора (Фанагория, Тирамба, Горгиппия)[20]. Вероятно, в III в. н.э. новая волна сармато-аланских племен появилась на восточных рубежах Боспора, а уже к концу III — началу IV вв. сарматы, их семьи или отряды воинов расселились в некоторых боспорских городах. Именно эту точку зрения выдвигает М.М. Кобылина в отношении вышеописанного погребального комплекса. Она полагает, что Фанагория, как столица Азиатского Боспора, была наиболее привлекательным городом для обитания в ней сарматской знати[21].

Все погребенные находились в обычных грунтовых могилах с подбоями. Для сарматского погребального обряда обычай устройства подбоев в юго-восточной или восточной стене могилы являлся достаточно распространенной чертой[22]. Что касается погребального инвентаря, то, к сожалению, никаких зарисовок найденного материала сделано не было. В нашем распоряжении имеется лишь письменное, достаточно примерное описание, керамических и стеклянных форм. Судя по описанию, можно предположить, что в могилах находились лепные сосуды («горшочки грубой работы»), сероглиняные кувшины («кувшинчики синей глины с носиками»), красноглиняные тарелки и кувшины, а также стеклянные бальзамарии («стеклянные кувшинчики»). Сочетание лепной керамики со стеклянными сосудами в погребениях действительно свидетельствует о достаточно тесных контактах между фанагорийцами и сарматским населением. Кроме того, благодаря присутствию изделий из стекла можно соотнести данный погребальный комплекс с первыми веками н.э.[23] Такие же вещи, как золотая гривна, бронзовые витые браслеты, круглые пряжечные кольца и колокольчики относятся, правда, с определенной долей условности, к традиции местного населения. Можно заключить, что данный погребальный комплекс принадлежал компактной сармато-аланской группе, вошедшей в состав Фанагории примерно в III в. н.э. и сохранившей свою самобытность и этническую идентичность.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Десятчиков М.Ю.* Сарматы на Таманском полуострове // СА. 1973. № 4. С. 76; *Марченко К.К.* Греки и варвары Северо-Западного Причерноморья во второй четверти — первой трети III в. до н.э. // Греки и варвары Северного Причерноморья в скифскую эпоху. СПб., 2005. С. 276; Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время // Археология СССР. С. 250.
2. НА ИИМК. Ф. 1. Оп. 1-1870. Д. 19. Л. 5.
3. *Формозов А.А.* Историк Москвы И.Е.Забелин. М., 1984. С. 94.
4. Там же. С. 95.
5. НА ИИМК. Ф. 1. Оп. 1-1870. Д. 19. Л. 6.
6. Там же. Л. 7. об.
7. Там же. Л. 7.
8. Там же. Л.8.
9. ОПИ ГИМ. Ф. 440. Оп. 1. Д. 259. Л. 13.
10. НА ИИМК. Ф. 1. Оп. 1-1870. Д. 19. Л. 5.
11. Там же. Л. 6 об.
12. НА ИИМК. Ф. 1. Оп. 1-1870. Д. 19. Л. 7.
13. Там же. Л. 8.
14. ПФА РАН. Ф. 30. Оп.1. Д. 474. Л. 35.
15. *Ашик А.Б.* Босфорское царство. Ч. III. Одесса, 1848. С. 88.
16. Там же.
17. *Сальников К.В.* Сарматские погребения в районе Магнитогорска // КСИИМК. 1950. Вып. XXXIV. С. 120-121; *Десятчиков Ю. М.* Сарматы на Таманском полуострове // СА 1973. № 4. С. 73.
18. *Масленников А.А.* Население Боспорского государства в первых веках нашей эры. М., 1990. С. 40; *Балабанова М.А.* Обычай искусственной деформации головы у поздних сармат // Нижневолжский археологический вестник. 2001. Вып. 4. С. 107.
19. *Балабанова.* Ук. соч. С. 107.
20. *Десятчиков.* Ук. соч. С. 73. *Масленников.* Ук. соч. С. 39, 54.
21. *Кобылина М.М.* Фанагория // МИА. 1956. № 57. С. 56.
22. *Десятчиков.* Ук. соч. С. 71; *Масленников.* Ук. соч. С. 48.
23. *Кунина Н.З.* Стекло и цветной камень в античности // ВДИ. 2001. № 2. С 156.

SARMATIAN-ALANIAN BURIAL IN THE EAST NECROPOLIS OF PHANAGORIA EXCAVATED BY I.E.ZABELIN IN 1870

E.G.Pankratov

The article views the problem of relationship between Greek population of the Northern Black Sea Coast and Sarmatian tribes which appeared at the borders of Bosporus in the second half of the 4th century BC. The archeological data really testifies to close enough contacts between the Phanagorians and Sarmatian population.

© 2008

С.В. Ярцев

ПОСЛЕДНИЙ МОРСКОЙ ПОХОД МЕОТИЙСКИХ ВАРВАРОВ

Морские походы варваров второй половины III в. н.э. по многим вопросам до сих пор не находят однозначной оценки среди исследователей. В большей степени это касается нападения 276 г. н.э., которое выделяется целым рядом трудно объяснимых особенностей. Так, обращает на себя внимание временной разрыв между чередой грабительских нападений 50–60-х гг. III в. н.э. и 276 г. н.э. Дата последнего похода стоит особняком, что явно не случайно и должно иметь какое-то обоснование. Остаётся необъяснимым слишком глубокое, без заметного противодействия проникновение «боспорских скифов» в глубинные районы Малой Азии. Источники утверждают, что варвары дошли практически до горных районов Киликии (Zosim. I. 53; Mos. Khor. II. 73). Отметим и загадочную фразу Вописка: «...меотийцы собирались толпой будто бы по призыву Аврелиана для войны с персами, чтобы в случае нужды оказать помощь нашим» (SHA. Tacit. XIII. 3). Получается, что к этому времени были установлены союзные отношения Боспора с Римом и Боспора с варварами Меотиды. В какой-то степени это предположение согласуется с отсутствием после 269 г. н.э. морских экспедиций с берегов Меотиды, но в совокупности с другими особенностями не может устранить всех имеющихся противоречий.

А.М. Ременников, например, считает, что речь в данном случае идёт об обычном грабеже. По мнению учёного, меотийские варвары по согласованию с римской администрацией были предоставлены боспорским царём императору Аврелиану для ведения войны с персами. Однако в сентябре 275 г. н.э. Аврелиан был убит[1]. Нужда в варварах отпала, последним же, в любом случае, начинать морской поход было уже поздно. По сообщению Зосима, варвары осуществили вторжение только после вступления во власть Тацита (ноябрь 275 г. н.э.) (Zosim.I. 63). Следовательно, вторжение было предпринято в летние месяцы 276 г. н.э.[2] При этом варвары, лишённые обещанной добычи из-за смерти Аврелиана и расторгнутого из-за этого договора, используя фактор внезапности, вторглись в провинции Малой Азии, грабя всё на своём пути[3]. Интересным выглядит предположение В.П. Будановой о том, что меотийцы имели намерение поселиться на территории малоазийских провинций[4]. Однако заметим, что расселиться здесь варвары могли только при разрешении всех спорных вопросов с провинциальной знатью и при согласии местного населения.

По нашему мнению, в интерпретации данных событий не учитывается ряд важнейших факторов, характерных для кризиса III в. н.э., главный из которых — это подъём сепаратистского движения народов Малой Азии. Наибольший интерес вызывает национально-освободительное движение исавров в Киликии[5], то есть именно там, куда целенаправленно шла и затем действовала одна из двух армий «боспорских скифов» (Mos. Khor. II. 73; Zosim. I. 53). Вождь исавров Требеллиан, погибший незадолго до вторжения, насколько можно верить сообщению Полиона, даже объявил себя императором и чеканил свои монеты (SHA. Vita trig. tyrann. XXVI. 2–7). Римляне принимали против исавров

чрезвычайные меры, их борьба не затихала[6]. Напомним и об активной поддержке пришлых варваров местными жителями, что известно по ряду источников (Greg. Thaumat. PG. T. 10. Col. 1040). В данной связи необходимо учитывать и этническое родство определённой части боспорских варваров, в своей основе выходцев из придунайских провинций — бывших кельтских земель[7], с местными племенами галатов, такими же потомками кельтов. В своё время Фарнак «...используя свою победу, занял Вифинию и Каппадокию, напал на Малую Армению и начал побуждать к восстанию тамошних царей и тетрархов» (Plut.Caes. 50). Другими словами, его успех напрямую зависел от размаха выступления против римлян местных правителей и населения. Вполне вероятно, что в войне 276 г. н.э. победа варваров зависела от схожих обстоятельств.

Более того, именно падение могущества Пальмиры вполне могло стать своеобразным сигналом к началу подготовки войны. Ведь хотя Зенобия и признавала власть римских императоров (во всяком случае, на начальном этапе), огромная территория Малой Азии, включая Каппадокию и Галатию, фактически была оккупирована пальмирцами. Когда к власти в Риме пришёл Аврелиан, Зенобия, правившая от имени малолетнего Вабаллата, не покинула занятые территории, однако признала над собой власть римского императора, продолжая выпуск монет с его изображением. Таким образом, с одной стороны восточные провинции фактически оставались в составе Римской империи, с другой — полностью находились под управлением Пальмиры[8]. Сложившаяся ситуация являлась своеобразным примером, под влиянием которого высшие боспорские круги вполне могли вновь обратиться к старой проблеме потерянных владений в Малой Азии. Последующий полный разрыв отношений между Зенобией и Аврелианом — война, пленение Зенобии в 272 г. н.э. и разрушение Пальмиры в 273 г. н.э.[9] — всё это, казалось бы, должно было ярко продемонстрировать опасность открытого выступления против Рима. Однако соблазн заменить в малоазийских провинциях в том или ином виде разгромленную Пальмиру, по-видимому, был велик. Последовавшая вскоре гибель могущественного Аврелиана в 275 г. н.э., возведение на императорский трон престарелого Тацита, что явно было воспринято как слабость центральной власти, отзыв части римских войск на войну с Ираном[10], привели к значительной дестабилизации обстановки в Римской империи. Именно эти обстоятельства подтолкнули определённые круги боспорской знати на конкретные действия по возвращению боспорского влияния на своих бывших территориях.

Безусловно, этот курс необходимо связать с именем одного из соправителей Рескупорида V — Савроматом IV, монеты которого известны только в пределах 275 г. н.э.[11], что прямо указывает на события в Малой Азии. Савромату IV противостоял Тейран, другой соправитель Рескупорида V, опиравшийся на римлян (КБН, № 36). Существует мнение, что упомянутый Моисеем Хоренским некий Ардашир (Mos. Chor. II. 73), судя по контексту, на самом деле являлся персидским царём[12], а не предводителем боспорских варваров[13]. Однако легенды монет Тацита Victoria Gotthica (?) и особенно Victoria Pontica[14] явно указывают на победу, одержанную императором в провинции Понт, куда персы в III–IV вв. н.э. никогда не вторгались[15]. Более того, сообщение Моисея Хоренского: «Тацит пошёл против Ардашира в район Понта, а своего брата Флориана

с большим отрядом послал в Киликию» (Mos. Chor. II. 73) вполне согласуется с сообщением Зосима: «Когда Тацит вступил на римский престол и получил власть, скифы, переправившись через Меотийское озеро и Понт, совершили набег до Киликии. Выступив против них, Тацит одних победил и истребил сам, а других передал назначенному начальником дворца Флориану и двинулся в Европу» (Zosim. I. 53). Поэтому тезис А.М. Ременникова о действии боспорских скифов в Малой Азии, по меньшей мере, двумя армиями, одной из которых в провинции Понт руководил человек с распространённым иранским именем Ардашир, остаётся актуальным до сих пор[16]. Учитывая, что важнейшей функцией боспорских царей было верховное командование армией, а во время войн они должны были лично принимать участие в походах и сражениях[17], можно допустить, что Савромат IV, возглавляя все воинские силы боспорских скифов, непосредственно руководил второй армией. Такое предположение основано на кратковременности чеканки монет этого царя, никогда более не возобновлявшейся. Главной же действующей силой Савромата IV являлись варвары с берегов Меотиды, с которыми, судя по всему, действительно был заключён договор. Поэтому сомнительно, что использование боспорского флота меотийскими варварами и на этот раз[18] вновь имело вынужденный характер[19].

Не надо забывать, что помимо дальних, перспективных планов, боспорским правителям необходимо было решить наиважнейшую задачу — избавить своё государство от опасного соседства с меотийскими варварами. Вот почему меотийцам помимо обычной военной добычи в случае успеха, скорее всего, были обещаны пограничные земли в малоазийских провинциях.

Участие приазовских варваров в войне на данных условиях, безусловно, оговаривалось заранее и было выгодно провинциальной малоазийской знати. Важным для понимания этого момента служит предположение, что меотийцы воевали в Малой Азии не только с погибшим во время солдатского мятежа в июне — июле 276 г. н.э. императором Тацитом и его братом Флорианом, но ещё и с Пробом. Причём, вторгшиеся на территорию Малой Азии варвары, по-видимому, никуда уходить не собирались[20]. Однако не совсем ясно, в какое время проходила эта война. Восточная армия провозгласила Проба императором в июле — августе 276 г. н.э. Под властью нового императора оказался Египет и Сирия. Флориан после убийства своего брата Тацита, как признанный сенатом новый император, был вынужден начать борьбу с Пробом и направиться в Тарс, где вскоре был также убит своими солдатами[21]. В обстановке предстоящей схватки за власть борьба против меотийцев должна была отойти на второй план, что и подтверждают слова Зосима: «...когда обе стороны изготовились к войне, Флориан, прибыв в Тарс, решил стать здесь лагерем, оставив не оконченной победоносную борьбу против боспорских скифов...» (Zosim. I. 64, 2). Обращает на себя внимание отсутствие в источниках прямых сведений о войне Проба с меотийцами после гибели Флориана. Известно, что новый император был вынужден сразу же уйти в Галлию, где сложилась катастрофическая ситуация, связанная с вторжением германских племён (SHA. Prob. XIII). Однако, по мнению А.М. Ременникова и В.П. Будановой, наименование Проба «готским» в надписях (CIL. II. 3738; XI. 11766; XII. 551, 5467, 5472), как и легенда одной из монет этого императора «Victoria Gothic», может косвенно свидетельствовать о

том, что до своего марша на запад он провёл экспедицию против оставшихся в Малой Азии варваров, которых он окончательно разбил[22]. Однако эта выдающаяся победа Проба, как уже говорилось, почему-то не нашла своего отражения ни в одном письменном источнике. Заметим, что Вописк, рассказывая о реакции сената на первое письмо нового императора, упомянул его готский титул: «Ты — Франкский, ты — Готский, ты — Сарматский, ты — Парфянский, ты — всё!» (SHA. Prob. XI. 9). Действительно, слава Проба ещё до того, как он стал императором, была велика: «К чему говорить о сарматах, готах, парфянах, персах, обо всем Припонтийском крае? Везде имеются яркие следы доблести Проба (SHA. Prob. XII. 4). Если бы Проб ещё в самом начале своего правления разбил боспорских варваров и навёл порядок в восточных провинциях, ему не надо было бы отправляться после тяжёлых войн в Галлии и на Нижнем Дунае в 277–279 гг. н.э.[23] снова в Малую Азию. Причём возвращался он на восток не просто для подавления очередного восстания, а для проведения широкомасштабной военной операции по приведению в повиновение огромных территорий.

Судя по контексту, восточные провинции вышли из-под власти Рима уже давно, скорее всего после событий войны римлян с боспорскими скифами в 276 г. н.э. Усмирять при этом пришлось не только Исаврию, но и остальные соседствующие с ней территории: «После этого он устремился на восток и по пути взял в плен и казнил одного могущественного разбойника Пальфурения и освободил всю Исаврию, возвратив под власть римских законов народы и города... Усмирив, наконец, все части Памфилии и прочих провинций, соседствующих с Исаврией, он направил путь на Восток» (SHA. Prob. XVI. 4; XVII. 1). Но тогда получается, что боспорские варвары, осуществив в 276 г. н.э. вторжение в Малую Азию, в основной своей массе оставались на независимых от Рима землях, вплоть до начавшейся войны с Пробом. Следовательно, меотийцы и некоторые из местных малоазийских народов и правителей выступили в 276 г. н.э. против римлян единым фронтом. Вероятно, именно этот союз являлся важнейшим фактором успеха антиримской борьбы. Стремление местных элит отпасть от империи именно с помощью навербованных у северных народов отрядов было типичным явлением для кризиса III в. н.э.[24] Договор же с Аврелианом, если таковой и существовал в истории, являлся важной составной частью этих планов. Вот почему позднее, когда тайные цели перестали быть секретом, в подтексте упоминания этих событий отразилось указание на имевшийся изначальный обман со стороны боспорских варваров (SHA. Tacit. XIII. 3). Это хорошо согласуется с тем, что монеты Савромата IV, как и Тейрана и Рескупорида V, имели изображение бюста римского императора[25].

Такая интерпретация событий, по нашему мнению, лучше объясняет все указанные особенности данной войны и, возможно, решает проблему наличия исторической основы в первом сюжете 53 главы труда Константина Багрянородного. Данная глава сочинения византийского императора Константина VII «Об управлении империей» включает в себя ряд сюжетов по древней крымской истории, составляющих вместе единый рассказ. Однако события, о которых идёт речь в повествовании, значительно удалены по времени от эпохи самого Константина. Данное обстоятельство, отсутствие информации о большинстве

сообщаемых сведений в других источниках и сильный беллетристический характер изложения вызывают в научных кругах острые дискуссии по поводу достоверности описываемых событий.

Одни учёные, хотя и с оговорками, принимают сведения, сообщаемые Константином, считая их важнейшим источником по истории Северного Причерноморья I в. до н.э. и конца III–IV в. н.э.[26]. Другие продолжают считать недостоверным данное повествование[27]. Действительно, в рассказе очень много неясного, снижает его ценность и литературная обработка, видимо, каких-то кратких записей. Но, по нашему мнению, это не должно являться поводом для полного игнорирования уникальных сведений, содержащихся в источнике. В связи с тем, что эти сведения, так или иначе, связаны с историей Херсонеса, мнение о том, что этот рассказ не принадлежит самому Константину, а представляет собой беллетризированную подборку выписок из местных херсонских хроник античного и позднеантичного времени, наиболее близок к истине[28].

Текст распадается на пять сюжетов. В первом повествуется о войне Савромата с Римом и Херсонесом. Во втором говорится о дальнейшей борьбе против «скифов». В третьем и четвертом продолжается херсонесско-боспорское противостояние. В пятом, наиболее крупном и беллетризированном, рассказывается о подвиге Гикии, спасшей родной Херсонес от коварных происков Боспора, проводником которых являлся её муж, сын боспорского правителя Асандра. Р. Гарнетт предположил наличие реальной исторической основы во всех пяти сюжетах, причем пятый он связал с боспорским царем Асандром, то есть со второй половиной I в. до н.э.[29] В целом это положение было принято отечественной наукой[30].

В интересующем нас первом сюжете рассказывается о том, что когда в Риме правил император Диоклетиан (284–305 гг. н.э.), Савромат «из боспориан» собрал сарматов с берегов Меотиды и стал воевать против римлян. В этой войне он захватил страну лазов и дошел до р. Галис. Против них императором были выставлены войска во главе с трибуном Константом. Последний решил использовать в этой войне херсонитов, поскольку они были соседями сарматов и могли напасть на их семьи, пока те были в походе. Херсониты смогли захватить Боспор и заставить женщин-савроматок направить Савромату послов с требованием заключить мир с римлянами. В дальнейших событиях на р. Галис херсониты опять помогли Константу в заключении достойного мира с Савроматом. Последний при этом отдал всех пленных и отказался от дани, после чего спокойно отправился домой. Такая преданность и помощь, оказанная Херсонесом империи, были отмечены предоставлением свободы Херсонесу и освобождением от налогов (Const. Porph. De adm. Imp., 53. 1–120).

Очевидно, что основной целью данного художественного рассказа было создание у читателя (скорее всего у самого Константина) необходимого мнения о Херсонесе. Город был представлен вечным другом и союзником римлян, не один раз спасающим империю от беды, что противоречит словам самого Константина, которыми, собственно, и заканчивается 53 глава: какие действия нужно будет предпринять, если «...жители крепости Херсон когда-либо восстанут или замыслят совершить противное царским повелениям» (Const. Porph. De adm. Imp., 53. 510–515). Насколько известно, взаимоотношения между Херсо-

несом и империей действительно не всегда были безоблачными[31]. При этом авторам данного тенденциозного рассказа важно было показать, что помимо верного союзника Херсонеса здесь существовала и другая сила, уже враждебная империи — это Боспор вместе с окрестными варварами. В данном случае перед нами явно просматриваются следы непростых отношений между этими двумя античными центрами, которые завершились в итоге окончательным освобождением Херсонеса от боспорской зависимости. Кроме того, надо было показать нынешнему императору Константину Багрянородному, что щедроты Херсонесу давались ещё из рук самого Константина Великого и его отца. Сомнительно, что для достижения всех этих целей, которых добивались неизвестные авторы X в. н.э., полностью был выдуман рассказ. Такую версию необходимо полностью исключить, учитывая очень высокий статус адресата, к которому апеллировали авторы, и важность целей, которых необходимо было достичь. Скорее всего, действительно, как уже говорилось выше, 53 глава, включенная в труд Константина, возникла в результате беллетризированной обработки кратких выписок херсонских хроник. При этом разные по хронологии, но совпадающие по идеологической цели сообщения были литературно оформлены в единый рассказ. Таким образом, для того, чтобы реконструировать события по этому сложному источнику, необходимо отделить литературно-художественные построения от исторических фактов. Выявить же последние можно только после подтверждения их независимыми источниками.

Для определения хронологических рамок первого сюжета исследователи обращают внимание на упоминание имён Диоклетиана (284–305 гг. н.э.) и Константа (Констанция Хлора? (250–306 гг. н.э. — трибун), (305–306 гг. н.э. — император)). Исходя из этого, Р. Гарнетт датирует эти события 292 г. н.э.[32], Р. Дженкинс — 284–293 гг. н.э.[33], Я. Харматта относит эту войну к 291–293 гг. н.э.[34] На основе упоминания в тексте имён римских императоров и высших херсонесских магистратов, наличия клада из Судака с самой поздней монетой 291 г. н.э. и титула Sarmaticus Maximus, полученного Константом в 294 г. н.э., мнение Я. Харматты получает поддержку среди учёных[35]. Однако в противоречие с такой исторической реконструкцией вступают, во-первых, данные нумизматики, из которых следует, что в это время на Боспоре правил Фофорс (285/286–308/309 гг. н.э.), который также, как и Тейран, Савромат IV и Рескупорид V до него на монетах помещал портрет римского императора[36], а, во-вторых, факт полного отсутствия сведений об этой войне в других источниках, и, отсюда, полную гипотетичность всех предлагаемых исторических реконструкций[37]. Однако мнение о том, что под литературным Савроматом скрывался реальный исторический Фофорс[38], тем более как раз в 292/293 гг. н.э. в чеканке Фофорса имелся кратковременный перерыв[39], утверждается в науке[40]. Более того, такое допущение сразу открывает простор для последующих исторических построений. Отсутствие в двух надписях времени Фофорса имени правящего боспорского царя (надписи Аврелия Валерия Сога — наместника Феодосии, известного Августам, почтенного Диоклетианом и Максимианом (КБН, 64), и архонтов Агриппии и Кесарии в честь Марка Аврелия Андроника, наместника царской резиденции (КБН, 1051), объясняется проримской оппозицией царю. При этом из анализа надписи делается вывод,

что наместник Феодосии был поставлен не боспорским царем, а римской администрацией[41], хотя надпись и была обнаружена в Пантикапее[42]. Таким образом, появление римских названий Пантикапея и Фанагории можно объяснить в том смысле, что власть Фофорса после поражения была ограничена, против него сложилась сильная оппозиция, а Боспорское царство, возможно, и вовсе было превращено в римскую провинцию[43]. Таким образом, усиление Рима на Боспоре произошло по причине того, что новый боспорский царь, предпринявший поход на Кавказ и Малую Азию как ставленник местной сарматизированной знати, совершил резкий поворот от проримской политики Тейрана к действиям, направленным против империи[44].

Мы придерживаемся мнения, во-первых, о невозможности отождествления описанных событий с эпохой Фофорса, а, во-вторых, о необходимости обязательного подтверждения независимыми источниками всех предложенных вариантов датировки малоазийской войны. Поэтому отсутствие таких свидетельств о войне боспорских варваров в Малой Азии в конце III в. н.э. сразу заставляет задуматься о достоверности упоминаемых в повествовании исторических лиц, по которым традиционно и датируются эти события. Данное противоречие подтверждает мнение о том, что текст изучаемого нами источника включает достаточный слой поздних мифов, и его содержание было максимально подстроено под цели, которые преследовали неизвестные авторы в X в. н.э.

О чём же конкретно говорится в первом сюжете 53 главы труда Константина? В чём заключается историческая основа данного рассказа? Если отбросить литературно-художественные композиции и не обращать внимания на имена исторических лиц, то можно сказать, что перед нами описание какой-то войны, которую вели в Малой Азии с римскими войсками прорвавшиеся сюда с Боспора варвары. Главный упор делается на особую роль в этих событиях Херсонеса, жители которого своими активными военными действиями в тылу врага и последующим захватом Боспора помогли римлянам одолеть варваров. Последние были вынуждены покинуть римскую территорию и возвратиться обратно на территорию Боспора. Наиболее близко к разгадке этой тайны подошёл В.Г. Зубарев. По его мнению, первый эпизод «Повествования о крепости Херсон» можно отнести ко времени Диоклетиана, причём к самому началу правления этого императора. Именно с этими событиями, произошедшими, по мнению В.Г. Зубарева, в 80-х годах III в. н.э., можно будет связать следы разгрома большей части поселений и крепостей в Восточном Крыму. Причём разрушения на Боспорской хоре связываются учёным с действиями римских войск и борьбой Тейрана с остатками участников похода 275/6 гг. н.э.[45]. При этом обращаем внимание, что ближайший аналог событий, описанных в первом сюжете 53 главы труда Константина, хорошо известный по письменным источникам, — это последний морской поход варваров с Меотиды 276 г. н.э. Именно тогда велась война в Малой Азии с вторгшимися туда со стороны Боспора племенами. Совпадений слишком много, чтобы на них не обратить внимание. Отметим и странное отождествление в тексте окрестных варваров савроматов и собственно боспориан (как единой силы, ведущей войну против Рима), что вполне согласуется с приведённой выше реконструкцией войны 276 г. н.э. По нашему мнению, отождествление этих событий является единственно возможным вариан-

том, доказывающим наличие исторической основы в первом сюжете 53 главы труда Константина. Таким образом, появляется возможность уточнить роль Херсонеса и римских войск в реконструкции событий 276 и последующих годов.

В.М. Зубарь, исходя из анализа ряда латинских надписей, предположил появление римских войск в Херсонесе в конце III в. н.э. для ведения, как полагает учёный, совместной войны с варварами, обитавшими на территории Боспора. Учёный датировал надписи и, соответственно, присутствие отряда имперских войск в Херсонесе 291–293 гг. н.э., то есть временем Диоклетиана, придерживаясь точки зрения Я. Харматты[46]. Действительно, археологический материал свидетельствует о том, что римские войска после середины III в. н.э. были вновь расквартированы в Херсонесе не ранее конца этого века[47]. На первый взгляд, этому не противоречит ряд эпиграфических памятников Херсонеса. Однако обратим внимание на вероятность широкого диапазона датировок представленных надписей. При этом какие-то памятники могли быть связаны с кратковременным пребыванием военной вексилляции в Херсонесе в связи с неординарным военно-политическим событием[48], другие же с введением в город постоянного римского гарнизона.

Протектор, упомянутый в надписи 1995 г.[49], как и в надписи П. Палласа (IOSPE, I^2, № 656)[50], фигурирует в целом ряде эпиграфических памятников второй половины III в. н.э., начиная примерно с 260 г. н.э.[51] Вначале этот титул давали высшим военным должностным лицам, включая и центурионов, позднее, в ходе военных реформ Диоклетиана, военнослужащие, носившие такой титул, были объединены в специальные подразделения (scholae) императорской гвардии. Несмотря на то, что самые ранние свидетельства таких формирований относятся к эпохе Константина Великого[52], надёжнее относить командующих с таким титулом ко времени не позднее начального периода правления Диоклетиана[52]. В надписи же П. Палласа, возможно, упоминаются, как считал ещё М.И. Ростовцев, два Августа и два Цезаря. Поэтому в этом случае предпочтительнее выглядит период тетрархии — с 293 г. н.э.[53] В надписи 1995 г.[54], надписи дошедшей до нас в виде трёх фрагментов[55], и надписи 1905 г. (IOSPE, I^2, № 572)[56] упоминаются вексилляции — традиционные воинские формирования, известные в римской армии ещё с I в. н.э.[57] Однако после реформ Диоклетиана и Константина этим термином стала называться кавалерия легионов[58], что предпочтительно даёт датировку памятников не позднее, чем первая тетрархия. При этом если верна расшифровка надписи, сохранившейся в виде трёх фрагментов плиты (где, возможно упоминается совместное правление Диоклетиана и Максимиана 286–293 гг. н.э.), то датировку опять же можно сблизить с самым началом правления Диоклетиана[59].

Таким образом, хронологические реперы — вексилляция и протектор — указывают в широком смысле на всю вторую половину III в. н.э., начиная примерно с 260-х гг. н.э., однако предположительная расшифровка дошедших до нас надписей позволяет уточнить датировку эпиграфических памятников временем самого начала правления Диоклетиана и последующим периодом первой тетрархии. Обратим также внимание и на возможное сходство шрифта всех упомянутых надписей, в частности, буквы L с загнутой вверх нижней гастой[60],

что может свидетельствовать о незначительном временном промежутке между их изготовлением.

Политическая характеристика боспорского царя Тейрана, известная по его монетам с изображением римского императора 275/276–278/279 гг. н.э.[61] и особенно по надписи «друг цезаря и римлян» (КБН, № 36), не вызывает сомнений в проримской ориентации этого царя. Можно ли, таким образом, допустить, что именно с опорой на римские войска Тейран пришёл к единоличной власти и навёл порядок на Боспоре? Исходя из фактов первого сюжета «Херсонесских хроник», Рим просил Херсонес ударить в тыл воевавшему с ним Боспору как раз потому, что в это время в Крыму не было не только варварской армии, но и имперских войск. Любопытно, но именно правление Тейрана, известное по нумизматическим данным, весьма точно соответствует времени отсутствия на Боспоре главных сил меотийских варваров в 276–278 гг. н.э. Сроки его единоличного правления совпадают и с периодом 50–80-х гг. III в. н.э., когда, как уже говорилось, в Херсонесе отсутствовал постоянный римский гарнизон. Таким образом, активные военные действия херсонитов против Боспора могли проходить только в 276–278 гг. н.э. в период правления боспорского царя Тейрана. Речь в таком случае может идти о военной помощи этому римскому ставленнику, что и подтверждает известная надпись: «В добрый час. В царствование царя Тиберия Юлия Тейрана, друга цезаря и друга римлян, благочестивого, поставили этот памятник богам небесным, Зевсу Спасителю и Гере Спасительнице, за победу и долголетие царя Тейрана и царицы Элии...» (КБН, № 36). Вероятно, победивший Тейран и являлся тем самым таинственным «человеком Савромата» из первого сюжета хроники Константина, которому херсониты и «передали» захваченный ими «...и Боспор, и крепости на Меотиде, и все семьи без ущерба...» (Const. Porph. De adm. Imp., 53. 100–105).

Напомним, что чеканка боспорской монеты возобновилась в 275 г. н.э. сразу боспорским царём Рескупоридом V и, по-видимому, двумя его соправителями Савроматом IV и Тейраном. Все монеты этих царей имели изображение бюста римского императора[62]. Если Савромата IV, известного нам только по монетному выпуску 275/276 г. н.э., можно связать с восточным походом и, следовательно, представить ориентированным на варварский мир, то Тейрана, соправителя Рескупорида V ещё с 266 г. н.э.[63], судя по приведённой выше надписи, вполне можно отнести к проримски ориентированной оппозиции. То обстоятельство, что он, возможно, не принадлежал к боспорской династии Тибериев-Юлиев, но, стремясь к единоличной власти, очень хотел, чтобы так считали[64], давало ему единственный путь для достижения своей цели — помощь римлян за свой проримский курс. Сложнее всего определить роль во всех этих событиях самого Рескупорида V, правившего с 242 г. н.э. Правление этого царя заканчивается именно 276 г. н.э., то есть непосредственно победой Тейрана, после которой римский ставленник стал править единолично[65]. Это обстоятельство, несмотря на уже немолодой возраст Рескупорида V, позволяет сделать предположение о его антиримской позиции к концу правления и сознательной поддержке Савромата IV.

Таким образом, нападение херсонитов на Боспор, известное нам из позднего источника, и приход к власти на Боспоре Тейрана 276 г. н.э., скорее всего,

звенья одной цепи. Причём победа последнего могла быть одержана только благодаря отсутствию основных сил меотийских варваров в Северном Причерноморье. Косвенно это доказывает факт абсолютно точного совпадения восточного похода Проба, который, как мы уже говорили выше, датируется 279/280 гг. н.э., с началом очередного периода дестабилизации на Боспоре. В 279–284 гг. н.э. здесь вновь прекращается возобновившая было чеканка монет[66]. В связи с этим обращаем внимание на поднятую А.И. Айбабиным проблему датировки разрушений на Европейском Боспоре, традиционно относимых ко второй половине 60-х гг. III в. н.э. Учёный на основе археологического материала пришёл к выводу о гораздо более позднем времени образования слоёв разгрома поселений в Восточном Крыму[67]. Несмотря на то, что предложенная датировка VI в. н.э. была подвергнута справедливой критике В.Г. Зубаревым, проблема уточнения даты разгрома некоторых поселений на территории Боспора актуальна до сих пор[68]. В 268–274 гг. н.э. на Боспоре не производилась чеканка монет, поэтому 267 год не может быть однозначно определён как время попадания монет на поселения. Однако, как отмечает В.Г. Зубарев, нигде в слоях разрушений до сих пор не встречены монеты позднее начала четвёртой четверти III в. н.э.[69] Любопытен в этой связи Тиритакский клад 1937 г., охватывающий период с 234 по 276 г. н.э.[70] Интересна также поздняя датировка гибели Мирмекия, которая определяется приблизительно самым концом III в. н.э.[71] Заметим, что из слоёв поселений Европейского Боспора, перекрывающих разрушения, происходят 91 монета Фофорса, Радамсада и Рескупорида VI[72], а с именем Фофорса на городище «Белинское» связывается начало восстановления города после разрушений середины III в. н.э.[73] Исходя из всего сказанного, трудно не согласиться с выводом В.Г. Зубарева, что подобные масштабные разрушения в Европейской части Боспора имели место во время или после похода 276 г. н.э. и не позднее 285 г. н.э., когда отмечается стабилизация обстановки и возобновление монетного чекана нового царя Фофорса. Более того, они были прямо связаны с борьбой Тейрана с участниками похода 276 г. н.э., что и нашло своё отражение в первом эпизоде херсонской хроники императора Константина[74].

При этом, судя по упомянутой в надписи победе (КБН, № 36), боевые действия на территории Боспора должны были начаться ещё в 276 г. н.э., когда с опорой на войско Херсонеса Тейран победил своих врагов. Причём, заметим, что отряд херсонитов имел целью именно «разорить страну боспориан и сарматов» для чего были захвачены «город Савромата Боспор и крепости на Меотиде» (Const. Porph. De adm. Imp., 53. 20–30). В данных крепостях ведущий исследователь древностей Крымского Приазовья А.А.Масленников не без основания видит прибрежные городища Керченского полуострова[75]. Может быть такое разорение было связано с попыткой Савромата незадолго до этого, расселить группу варваров на прибрежной, приазовской территории Боспора. Тогда именно этим обстоятельством можно объяснить разрушения этой части поселений Европейского Боспора[76], откуда варвары в итоге были выбиты Тейраном.

Хотя не исключено, что данные разрушения могли быть связаны и с последующими событиями. Исходя из хронологического совпадения восточного по-

хода Проба с началом прекращения чеканки на Боспоре, можно предположить, что потерпевшие поражение варвары вместе с некоторыми из малоазийских союзников отступили на Боспор, где повели борьбу с Тейраном, узурпировавшим власть. Именно в ходе этой войны и могли погибнуть городища Крымского Приазовья. Археологические источники пока не могут уточнить, вернулось ли, после всех этих событий, немногочисленное уцелевшее население в свои дома или же тут попытались обосноваться некоторое время спустя совсем другие жители[77]. Но заметим, что «крепости на Меотиде» фигурируют исключительно только в первом сюжете «Повествования о крепости Херсон». Это может косвенно свидетельствовать в пользу версии о попытке Савромата расселить варваров в районах Крымского Приазовья, которая была пресечена Тейраном и Фофорсом. Возможно, именно с этим «тёмным» периодом истории Боспорского царства можно связать имя царя Хедосбия, известного только по эпиграфике. Хотя время и характер правления этого царя из-за отсутствия других источников, по-видимому, были и останутся неразрешимой загадкой[78].

Заметим, что Проб после усмирения восточных провинций в 279–280 гг. н.э. вплоть до своей гибели в 282 г. н.э. активно воевал с Персией, с варварами во Фракии, с узурпатором Сатурниным, в результате чего «...на Востоке наступило такое спокойствие, что, как говорили в народе, никто не слыхал даже о восстании мышей» (SHA. Prob. XVIII. 4). Это косвенно подтверждает вывод о полном поражении и возможном отступлении на Боспор меотийцев. Однако на Боспоре, напротив, исходя из отсутствия монетной чеканки, война с варварами, осложнённая борьбой между собой различных группировок знати за власть, продолжалась вплоть до начала правления Диоклетиана в 284 г. н.э. Скорее всего, именно это обстоятельство и стало причиной появления в первом сюжете «Повествования о крепости Херсон» имени этого императора. Любопытно, что буквально сразу же после того, как Диоклетиан пришёл к власти, на трон Боспорского царства был возведён римский ставленник с иранским именем Фофорс, начавший чекан своей монеты с тамгой в 285 г. н.э.[79] Такая хронологическая близость указанных событий не может являться простым совпадением. Мнение, что чекан монет Фофорса без дифферентов в течение первых 8–9 лет свидетельствует об отсутствии контактов с Римом[80], вызывает сомнения. Этот факт говорит лишь о том, что в эти годы Боспор, действительно, не получал римских субсидий (если таким образом интерпретировать дифференты). Однако то, что финансовая поддержка из Рима стала поступать только с 294 г. н.э. (судя по появлению соответствующих монет)[81], не может исключать возможности римской дипломатической и военной помощи боспорскому царю в более ранний период.

Напомним содержание надписи 305/306 г. н.э. (КБН, № 64), из которой известно, что Аврелий Валерий Сог, 16 лет прослуживший в римской армии, имевший тройное, как у римлян, имя и занимающий в данное время должность наместника Феодосии, построил в Пантикапее молельню. В надписи не упоминается правящий боспорский царь Фофорс, зато в самом начале с гордостью подчёркивается, что наместник известен августам Диоклетиану и Максимиану. Подобным же образом поступили архонты Пантикапея и Фанагории, на фоне реверансов в адрес Рима, отказавшись от упоминания своего царя (КБН,

№ 1051). Более того, сами названия боспорских столиц из последней надписи даны в новом, римском виде — Кесария и Агриппия, что также говорит о многом. Ясно, что не только служба на благо империи стала важной ступенью продвижения по служебной лестнице, но и демонстративная ориентация на Рим также приносила существенную выгоду[82].

Скорее всего, такое усиление римского влияния на Боспоре являлось результатом помощи, оказанной Римом правящему царю, благодаря которой ситуация в регионе стабилизировалась и была направлена в проримское русло. Если предположить, что Фофорс пришёл к власти при поддержке нового императора, то возникает вопрос: на какие силы опирался Диоклетиан в процессе возведения на боспорский трон своего ставленника? К сожалению, из-за состояния источников сказать точно, когда при Диоклетиане римские войска были расквартированы в Херсонесе, мы не можем. Но и для предположения, что и в этом случае свою помощь снова оказал Херсонес, также не существует никаких оснований. Наоборот, теперь можно отметить полное несовпадение с историческим фоном первого сюжета. В 285 г. н.э. боспорские скифы не воевали в Малой Азии, а Диоклетиан имел все условия для быстрой переброски в Херсонес отряда римских войск. Фофорс не одерживал никаких побед и, судя по тому, что он правил долго и относительно спокойно, поддержка ему была обеспечена фактически с самого начала правления. Это обстоятельство позволяет предполагать, что Диоклетиан ввёл военную вексилляцию в Херсонес уже в 285 г. н.э. для оказания Фофорсу прямой помощи римским отрядом. Вот почему Фофорс был гораздо более зависим от империи, чем его предшественник Тейран, который в своей борьбе за власть опирался, в основном, на свои силы и небольшой отряд херсонитов. Заметим, что архонты главных городов Боспора, упомянутые при Фофорсе (КБН, № 1051), в надписи Тейрана (КБН, № 36) отсутствуют. Трудно не согласиться с мнением, что под нажимом римлян гражданским общинам этих городов были вновь дарованы гражданские свободы[83]. По нашему мнению, именно военной поддержкой при борьбе за трон был обязан Диоклетиану Фофорс, что и привело в итоге к закономерному ограничению власти боспорского царя и такому чрезмерному усилению римского влияния[84].

Всё вышесказанное лишний раз показывает, с каким огромным количеством поздних мифов и наслоений приходится иметь дело историку, чтобы выделить подлинные факты из древнего текста. Причиной связи войны боспорских скифов в Малой Азии в 276 г. н.э. с именем императора Диоклетиана (284–305 гг. н.э.) в первом сюжете херсонесской хроники Константина вполне могло стать то обстоятельство, что именно этот император после всех бурных событий этой войны стабилизировал ситуацию в Крыму, введя в Херсонес римский воинский контингент и развернув погрязшее в междоусобицах Боспорское государство на проримский курс. Вот почему некритическое восприятие в данном тексте, казалось бы, точных исторических имён порождает бесконечный спор и вполне справедливое желание вообще отказаться от этого позднего и спорного источника. Заманчиво, конечно, связать Савромата из первого сюжета с историческим Савроматом, известным по монетным выпускам 275/276 г. н.э., с которым обычно и связывают вторжение варваров в Малую Азию в 275 г. н.э.[85] Но, учитывая нарицательность этого имени в достаточно

для этого позднем тексте, и, принимая все остальные особенности нашего источника, мы не будем этого делать. То, что поздний литературный слой источника весьма значителен, мы видим, например, из упоминания в нем неких крепостей из окрестностей Херсона. По этому поводу критика А.И. Айбабина справедлива: в данное время в округе Херсонеса, действительно, не могло быть никаких крепостей[86]. Перед нами явно очередной литературный штамп, который использовался для оживления сухого текста кратких хроник.

Таким образом, комплексный анализ источников вполне допускает, что вторжение варваров в Малую Азию со стороны Боспора в 276 г. н.э. было инициировано боспорской правящей верхушкой с целью захвата территории у ослабевшего Рима. Именно желание Боспора овладеть понтийскими провинциями и избавиться от беспокойных варваров Меотиды стали причиной такого глубокого проникновения боспорских скифов в районы Малой Азии. При этом какую-то часть из них Савромат IV мог расселить на побережье Крымского Приазовья ещё до начала военных действий. Главной действующей силой такой антиримской политики Савромата IV и, возможно, Рескупорида V стали не только союзные варвары с Меотиды, но и местные народы Малой Азии. Значительный рост сепаратистских движений в провинциях был обусловлен тяжёлым кризисом, который переживала в это время Римская империя. Фактор единого фронта всех антиримских сил вместе с сопутствующими обстоятельствами укреплял у боспорских правителей уверенность в реальности достижения намеченных планов. После поражения от римлян возвратившиеся домой варвары в 280–285 гг. н.э. воевали с Тейраном — соправителем, который с опорой на херсонесское войско в отсутствии основных варварских сил пожелал стать единоличным правителем Боспорского царства, ориентированного на Рим. Многие моменты этой войны нашли своё отражение в первом сюжете 53 главы труда Константина Багрянородного «Об управлении империей». Данный документ, несмотря на все поздние наслоения, безусловно, является ценнейшим источником по истории позднеантичного периода Северного Причерноморья. Война с отступившими из Малой Азии варварами, осложнённая борьбой знатных боспорских кругов за власть, сопровождалась разрушениями на хоре Боспора, которые, по-видимому, надо датировать в целом 276–285 гг. н.э. Период дестабилизации на Боспоре, закончился введением новым императором Диоклетианом воинского отряда в Херсонес с целью общей стабилизации обстановки и приведения к власти на Боспоре римского ставленника Фофорса. Только это обстоятельство может объяснить такое чрезмерное усиление влияния Рима на Боспоре в период царствования этого боспорского царя. По-видимому, то, что именно благодаря усилиям Диоклетиана закончились все эти бурные события 275–285 гг. н.э., в которых война боспорских скифов с римлянами в провинциях Малой Азии и нападение херсонесского воинского отряда на Боспор являлись всего лишь отдельными эпизодами, и привело к прямому соотнесению имени этого императора с данными событиями в «Повествовании о крепости Херсон» Константина Багрянородного.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Ременников А.М.* Борьба племен Подунавья и Северного Причерноморья с Римом в 275–279 гг. // ВДИ. 1964. № 4. С. 131–132.
2. *Хайрединова Э.А.* Боспор и морские походы варваров второй половины III в. н.э. // МАИЭТ. 1994. Вып. IV. С. 522; *Айбабин А.И.* Этническая история ранневизантийского Крыма. Симферополь, 1999. С. 38.
3. *Ременников*. Борьба племен Подунавья... С. 131–134.
4. *Буданова В.П.* Готы в эпоху Великого переселения народов. СПб., 2001. С. 129.
5. *Сергеев И.П.* О межэтнических противоречиях в Римской империи в период кризиса III века // Древности. Харьков, 2004. С. 176.
6. *Ременников А.М.* Борьба племен Северного Причерноморья с Римом в III в.н.э. М., 1954. С. 101; *Сергеев*. Ук. соч. С. 176.
7. *Ярцев С.В.* К проблеме этнической идентификации боранов // Середньовічні старожитності Центрально-Східної Європи: Матеріал.VI міжнарод. конфер. Чернігів, 2007. С. 214–216.
8. *Сергеев*. Ук. соч. С. 175.
9. *Михайловский И.С.* Внешняя политика Аврелиана // Кондаковские чтения II. Белгород, 2008. С. 98–101.
10. *Millar F.* The Roman Empire and its Neighbours. N.Y., 1981. S. 319.
11. *Фролова Н.А.* Монеты Савромата IV (275 г.) // КСИА. Вып. 174. 1983. С. 26–27.
12. *Хайрединова*. Ук. соч. С. 523.
13. *Ременников*. Борьба племен Подунавья... С. 133; *Буданова*. Ук. соч. С. 128.
14. *Ременников*. Борьба племен Подунавья... С. 134.
15. Там же. С. 133.
16. Там же. С. 133–134.
17. *Болгов Н.Н.* Закат античного Боспора. Очерки истории Боспорского государства позднеантичного времени (IV-V вв.). Белгород, 1996. С. 73.
18. Там же. С. 30.
19. *Ременников*. Борьба племен Подунавья... С. 133; *Фролова Н.А.* История правления Рискупорида V (242–276 гг.) по нумизматическим данным // СА. 1980. № 3. С. 74.
20. *Ременников*. Борьба племен Подунавья... С. 134–135; *Буданова*. Ук. соч. С. 128–129.
21. *Ременников*. Борьба племен Подунавья... С. 134.
22. Там же. С. 135; *Буданова*. Ук. соч. С. 128–129.
23. *Ременников*. Борьба племен Подунавья... С. 135–138.
24. *Штаерман Е.М.* Кризис III в. в Римской империи // Вопросы истории. 1977. № 5. С. 154.
25. *Фролова Н.А.* Монеты Савромата IV... С. 26–27; *Анохин В.А.* Монетное дело Боспора. Киев, 1986. С. 122, 171–172.
26. *Болгов*. Закат античного Боспора... С. 33–40; *Болгов Н.Н.* Проблемы истории, историографии, палеографии Северного Причерноморья IV–VI вв. Белгород, 2002. С. 9–18; *Зубарь В.М.* Северный Понт и Римская империя. Киев, 1998. С. 153–160; *Казанский М.М.* Готы на Боспоре Киммерийском // Сто лет черняховской культуре. Киев, 1999. С. 282; *Петрова Э.Б.* Античная Феодосия: История и Культура. Симферополь, 2000. С. 130–132; *Петрова Э.Б.* Менестрат и Сог (К вопросу о наместниках в Феодосии первых веков н.э.). БИ. 2001. Вып.I. С. 49–52.
27. *Фролова Н.А.* Монетное дело Фофорса (285–308 гг.) // СА. 1984. №2. С. 46–52; *Фролова Н.А.* Вторжение варварских племен в города Северного Причерноморья по нумизматическим данным // СА. 1989. № 4. С. 199; *Фролова Н.А.* Монеты из

раскопок Горгиппии 1979–1989 гг. // ПИФК.1997. Вып. IV. Ч. 1. С. 86–95; *Цукерман К.* Епископы и гарнизон Херсона в IV в. // МАИЭТ. 1994. Т. 4. С. 545–560; *Айбабин А.И.* Этническая история ранневизантийского Крыма. Симферополь, 1999. С. 47–48.

28. *Шестаков С.П.* Очерки по истории Херсонеса VI–X вв. М., 1908. С. 5; *Ростовцев М.И.* Сириск — историк Херсонеса Таврического // Журнал Министерства народного просвещения. 1915. Т. 43. Вып. 2. С. 151; *Латышев В.В.* Жития св. епископов Херсонских (исследования и тексты) // Зап. Имп. Академии наук по историко-филологическому отделению. 1906. Т. VIII. №3. С. 12–16; *Струве В.В.* Древнейший источник СССР // Этюды по истории Северного Причерноморья, Кавказа и Средней Азии. Л., 1968. С. 147; *Nadel B.* Litterary tradition and Epigraphical Evidence: Constantine Porphyrogenitus' Information on the Bosporan kingdom in the time of Emperor Diocletian Reconsidered // Annales letteraires de l'Universite de Besancon. P., 1977. S. 92.
29. *Garnett R.* The Story of Gycia // English Historical Review. New York, Bombay, 1897. P. 100–105.
30. *Белов Г.Д.* Херсонес Таврический. Л., 1948. С. 98; *Анохин В.А.* Монетное дело Херсонеса. Киев, 1977. С. 74–76; *Зубарь В.М.* Из истории Херсонеса Таврического на рубеже нашей эры // ВДИ. 1987. № 2. С. 120–123; *Сапрыкин С.Ю.* Асандр и Херсонес (к достоверности легенды о Гикии) // СА. 1987. № 1. С. 48–57; *Пуздровский А.Е.* Очерки политической истории Крымской Скифии (II в. до н.э. — III в. н.э.) // ВДИ. 2001. №3. С. 100.
31. *Константин Багрянородный* Об управлении империей. М., 1989. С. 457. Прим. 49.
32. *Garnett R.* Op. cit. P. 102.
33. *Jenkins R. J.H.* Commentary // Constantine Porphyrogenitus. De Administrando Imperio. London, 1962. Vol. 2.
34. *Харматта Я.* К истории Херсонеса Таврического и Боспора // Античное общество. М., 1967. С. 205, 207–208.
35. *Болгов.* Закат античного Боспора... С. 35–38; *Зубарь.* Северный Понт... С. 154–155; *Зубарь В.М., Сорочан С.Б.* Историческое развитие Херсонеса в конце III — начале V вв. // Херсонес Таврический в середине I в.н.э. — VI в.н.э. Харьков, 2004. С. 500–508.
36. *Фролова.* Монетное дело Фофорса... С. 34–53.
37. *Константин Багрянородный* Ук. соч. С. 452. Прим. 5.
38. *Харматта.* Ук. соч. С. 205.
39. *Анохин.* Монетное дело Боспора... С. 126-127; *Фролова.* Вторжение варварских племен... С. 199.
40. *Зубарь.* Северный Понт... С. 155.
41. Там же. С. 155–156.
42. *Петрова.* Менестрат и Сог... С. 51.
43. *Болгов.* Закат античного Боспора... С. 36–38; *Зубарь.* Северный Понт... С. 156.
44. *Зубарь В.М., Зинько В.Н.* Боспор Киммерийский в античную эпоху. Очерки социально-экономической истории // БИ. 2006. Вып. XII. С. 222.
45. *Зубарев В.Г.* Некоторые вопросы позднеантичной истории Европейского Боспора по результатам раскопок городища у села «Белинское» // ДБ. 2002. Вып. 5. С. 122–123; *Зубарев В.Г.* К вопросу о периодах дестабилизации на Боспоре во второй половине III — начале V веков н.э. // БЧ. 2005. Вып. VI. С. 125–126; *Зубарев В.Г.* Из истории Боспорского царства во второй половине III — начале V вв.н.э. // БИ. 2006. Вып. XI. С. 188–190.
46. *Зубарь В.М.* Таврика и Римская империя: Римские войска и укрепления в Таври-

ке. Киев, 2004. С. 183–190; *Зубарь, Сорочан*. Ук соч. С. 501–511.
47. *Зубарь В.М.* Херсонес Таврический и Римская империя. Очерки военно-политической истории. Киев, 1994. С. 126–128; *Айбабин*. Ук. соч. С. 50–51.
48. *Зубарь, Сорочан*. Ук соч. С. 510.
49. *Зубарь В.М., Сарновский Т., Антонова И.А.* Новая латинская надпись из раскопок цитадели и некоторые вопросы позднеантичной истории Херсонеса // Хсб. 2001. Вып. 11. С. 106–115.
50. *Соломоник Э.И.* Латинские надписи Херсонеса Таврического. М., 1983. С. 27–28, № 2.
51. *Зубарь, Сорочан*. Ук соч. С. 502.
52. Там же. С. 503, 509.
53. *Соломоник*. Ук. соч. С. 27.
54. *Зубарь, Сарновский, Антонова*. Ук. соч. С. 106–115.
55. *Шангин М.А.* Некоторые надписи Херсонесского музея // ВДИ. 1938. № 3. С. 79–90. № 9; *Соломоник*. Ук. соч. С. 74–75. № 53.
56. Там же. С. 41–42. № 12; *Зубарь, Сорочан*. Ук. соч. С. 506.
57. Там же. С. 503.
58. Там же. С. 503–504.
59. *Соломоник*. Ук. соч. С. 74–75. № 53.
60. *Зубарь, Сорочан*. Ук. соч. С. 502–506.
61. *Фролова Н.А.* Монетное дело Тейрана (266, 275–278 гг.) // КСИА. Вып. 204. 1991. С. 103–114.
62. *Фролова*. Монеты Савромата IV... С. 26–27; *Анохин*. Монетное дело Боспора... С. 122, 171–172.
63. *Болгов*. Закат античного Боспора... С. 31.
64. *Масленников А.А.* Население Боспорского государства в первых веках н.э. М., 1990. С. 167.
65. *Анохин*. Монетное дело Боспора... С. 122, 171–172; *Фролова*. Монетное дело Тейрана... С. 103–114.
66. Там же. С. 103.
67. *Айбабин*. Ук. соч. 37.
68. *Зубарев*. Некоторые вопросы позднеантичной истории... С. 123; *он же*. Из истории Боспорского царства... С. 188–189.
69. Там же. С. 189.
70. *Фролова Н.А.* Монетное дело Боспора. М., 1997. Ч. II. С. 175.
71. *Бутягин А.М.* К вопросу о времени разрушения античного Мирмекия // Проблемы истории и археологии Украины. Харьков, 2004. С. 59; *Вахонеев В.В.* Гибель античного Мирмекия // Середньовічні старожитності Центрально-Східної Європи: Матеріал.VII міжнарод. конфер. Чернігів, 2008. С. 37-39.
72. *Масленников А.А.* Семейные склепы сельского населения позднеантичного Боспора. М., 1997. С. 94.
73. *Зубарев*. Из истории Боспорского царства... С.189.
74. *Зубарев*. Некоторые вопросы позднеантичной истории... С. 122–123; *он же*. К вопросу о периодах дестабилизации... С. 125–126; *он же*. Из истории Боспорского царства... С. 189–190.
75. *Масленников А.А.* Крымское Приазовье в античную эпоху // Античный мир и варвары на юге России и Украины: Ольвия. Скифия. Боспор. М.; Киев; Запорожье, 2007. С. 212.
76. Там же. С. 211–212.
77. Там же. С. 211–212.

78. *Болгов*. Закат античного Боспора... С. 33.
79. *Фролова*. Монетное дело Фофорса... С. 34–53.
80. *Анохин*. Монетное дело Боспора... С. 197; *Болгов*. Закат античного Боспора... С. 33.
81. *Анохин*. Монетное дело Боспора... С. 127.
82. *Петрова*. Менестрат и Сог... С. 48–49.
83. *Сапрыкин С.Ю*. Из эпиграфики Горгиппии // ВДИ. 1986. № 1. С. 73–75.
84. *Надэль Б.И*. Из политической истории Боспорского государства в Крыму в начале IV в. // Acta Antiqua. Budapest, 1961. Т. 9. 1–2. С. 231–237.
85. *Зубарь*. Северный Понт... С. 152.
86. *Айбабин*. Ук. соч. 48.

THE LAST SEA CAMPAIGN OF MEOTHIAN BARBARIANS

S.V. Yartsev

The author examines the problem of the last Meothian barbarians' sea campaign from the Asov Sea region to the Asia Minor. Author believes that this invasion was inspired by Bosporian government in order to capture the territory of Rome, which became weak. The first plot of chapter 53 of the emperor Constantine VII's work is «De Administrando Imperia».

Древний Восток

© 2008

Г.А. Кошеленко, В.А. Гаибов

БАКТРИЙСКИЙ ЦАРЬ В КОЧЕВНИЧЕСКОЙ ТРАКТОВКЕ*

Одним из самых важных археологических открытий, сделанных в последние десятилетия на территории Центральноазиатского региона, являются результаты археологического исследования некрополя Тилля-Тепе (северный Афганистан, в районе Шибергана). Памятник раскапывался осенью 1978 — зимой 1979 гг. Советско-Афганской археологической экспедицией. Результаты этих работ были представлены руководителем раскопок В.И. Сарианиди в трех книгах, содержание которых в значительной мере идентично[1].

Итоги раскопок некрополя Тилля-Тепе дают множество материалов для постановки и решения целого ряда вопросов по истории и истории культуры населения Бактрии в тот период, который часто определяется как «темные века», то есть время от падения Греко-Бактрии до возникновения Кушанского царства. В частности, большое количество замечательных произведений искусства, обнаруженных в шести погребениях, позволяет поставить вопросы о характере этого искусства, роли различных компонентов в его сложении, о тех идеях, которые вдохновляли заказчиков этих произведений и их исполнителей. Это тем более важно, что не подлежит сомнению чрезвычайно высокий общественный статус лиц, погребенных в данном некрополе.

Естественно, что эти материалы вызвали всеобщий интерес и через некоторое время исследователи, занимающиеся близкими проблемами, в своих работах стали в той или иной форме откликаться на публикации руководителя раскопок на Тилля-Тепе[2]. Новый виток интереса к памятнику дала выставка в Париже сохранившихся шедевров из Национального музея Кабула, в составе которой, естественно, самое почетное место занимали находки из раскопок Тилля-Тепе. В подготовке каталога этой выставки участвовали специалисты, которые знакомились с находками не на основе публикаций, а de visu[3]. Соответственно, их мнение должно очень внимательно учитываться.

Объектом исследования в данной статье будут две пряжки с изображением

* Статья подготовлена в рамках Программы Президиума РАН «Историко-культурное наследие и духовные ценности России» (направление «Археологические древности России»).

Илл. 1. Золотые пряжки из некрополя Тиля-тепе.

воинов, происходящие из погребения № 3 (Илл. 1). Этот выбор объясняется не только важностью сюжета, представленного на пряжках, но и наличием ряда неточностей (и разночтений в различных работах) в описании их, сделанных руководителем раскопок В.И. Сарианиди, что приводило и его самого, и последующих исследователей, как нам кажется, к не совсем выверенным интерпретациям.

Нам представляется, что данное погребение было самым важным[4]. Особое значение этого погребения подчеркивалось уже его местоположением — оно находилось на вершине бугра, образовавшегося из руин более древнего храма, выше всех остальных погребений некрополя. Сама могильная яма была прямоугольной (2,6 х 1,5 м)[5], на высоте 1,5 м от дна могилы находился уступ, на который были положены деревянные плахи перекрытия. Это перекрытие было обтянуто сверху кожаным покрывалом с нашитыми на него золотыми дисками. Гроб был деревянным, без крышки, но был укутан в специальное покрывало с нашитыми на нем золотыми дисками. Насколько можно судить, умерший[6] лежал на спине, в вытянутом положении, лицом вверх, головой на север. Погребение было сильно нарушено деятельностью мышей, которые растащили основную часть одежды, украшений и приношений погребенного по своим норам.

Имеются определенные указания на датировку погребения. Найденный в могиле золотой римский ауреус, чеканенный в г. Лугдунуме (современный Лион) в период от 16 до 21 г. дает нам terminus post quem для этого захоронения[7].

Поскольку объектом исследования в данной статье является только один предмет из найденных в этом погребении, то, естественно, нет нужды сколь-

ко-нибудь подробно говорить об остальных. Необходимо только указать, что в могиле находилась золотая корона, гривна, китайское зеркало и множество других значащих предметов.

Автор раскопок указывает, что на умершем было три слоя одежды. Каждый из них скреплялся собственными пряжками. Самая верхняя одежда представляла собой плащ[8]. Вверху он застегивался пряжкой, состоящей из двух прямоугольных золотых пластин, соединяющихся при помощи специально припаянных крючков и петелек. Пластины не очень велики: высота их 9 см., ширина — 6,5 см. В.И. Сарианиди указывает, что лицевые стороны пластин выполнены в «комбинированной прорезной технике в сочетании с высоким рельефом». С оборотной стороны к ним припаяны тонкие пластины, «отлитые точно по контуру лицевых», так что в целом они образуют ажурные пустотелые пряжки. Боковые грани их представлены изображениями деревьев, нижняя грань — рельефная пластинка. В центре каждой пластинки имеется изображение воина. Они даны в зеркальном отражении. Соответственно, один из них представлен в реальной позе — с копьем в правой руке и щитом на левой, другой же наоборот. Естественно, мы будем рассматривать реалистическое изображение.

Тело воина представлено практически анфас, а голова - в профиль[9]. В.И. Сарианиди описывает лицо детально[10], но для наших целей такая детализация не очень важна. На голове воина шлем с ремнем, пропущенным под подбородком. По краю шлем украшен завитками, в центре, надо лбом, — четыре круглые углубления — возможно, гнезда для камней (которые, однако, так и не были вставлены). Между двумя парами углублений выступает загнутый наверх заостренный рог[11]; шлем украшен причудливо развевающимся султаном. Из-под шлема на плечи по обе стороны лица спускаются длинные волнистые локоны.

В.И. Сарианиди не говорит ничего определенного о типе шлема, хотя это тот вопрос, который явно нуждается в объяснении[12]. Мы имеем здесь дело с типичным беотийским шлемом, очень популярным в эллинистическую эпоху, в том числе и в Бактрии, как обоснованно утверждает П. Динцис[13], и с ним полностью согласен Б.А. Литвинский[14]. Одна из особенностей данного шлема — наличие плюмажа — явление достаточно обычное. Вторая — наличие бычьего рога (или уха) — требует определенного обоснования. П. Бернар, специально занимавшийся данной проблемой, полагал, что греко-бактрийские цари, представленные на своих монетах в подобных шлемах, унаследовали этот атрибут от ранних Селевкидов[15]. Шлем этого типа — с бычьим рогом (ухом) и плюмажем — был чрезвычайно популярен среди греко-бактрийских и индо-греческих царей (Илл. 2).

Впервые такая каска появляется на монетах Евкратида I[16], затем она присутствует на монетах Платона[17], Гелиокла I[18], Антиалкида[19], Гелиокла II[20], Филоксена[21], Диомеда[22], Аминты[23], Архебия[24] и Гермея[25]. При этом мы отмечаем только те серии, где совершенно бесспорно на каске изображен рог (или ухо). Вполне возможно, что число примеров можно увеличить, так как достаточно много экземпляров, где эти элементы просто не видны из-за малого размера или плохой сохранности монет[26]. Изображение рога иногда появляется и на тиарах парфянских царей I в. до н.э.[27].

Илл. 2. Декадрахма царя Евкратида I.

Более сложны проблемы, связанные с изображением торса воина. Первоначально В.И. Сарианиди следующим образом описывал верхнюю часть тела: «мускулистый торс с четко моделированными сосками и пупком задрапирован в мягкую складчатую ткань, скорее всего плащ»[28]. Идея об обнаженной груди и животе стала причиной курьезной ошибки, допущенной Г.А. Пугаченковой и Л.И. Ремпелем, которые увидели здесь изображение амазонки[29], что вызвало достаточно едкую негативную реакцию Дж. Бордмена[30]. Позднее, осознав явную неточность интерпретации, В.И. Сарианиди предложил другое объяснение: «мускулистый торс, облаченный в кирасу»[31]. Развитием этой идеи является утверждение В.И. Мордвинцевой, которая пишет о том, что здесь представлена тонкая кольчуга, но в то же самое время утверждает, что «на торсе акцентированы соски и пупок»[32]. Естественно, что невозможно вообразить себе кирасу или кольчугу, через которые бы «просвечивали» упомянутые детали тела воина.

В действительности, мы имеем здесь дело с «мускульным панцирем» или «мускульной кирасой». Данный тип доспеха представлял собой во фронтальной части отлитую из бронзы имитацию груди и живота воина с изображениями мускулов, сосков и пупка[33]. Самые ранние образцы таких кирас относятся к V в. до н.э. (найдены, главным образом, в некрополях Южной Италии)[34]. К этому же времени относятся и первые их изображения[35]. Наилучшее воспроизведение ее в IV в. — известная надгробная плита Аристонавта[36]. В эллинистическое и римское время такие кирасы были, как правило, принадлежностью «обмундирования» высших офицеров. Один из канонических типов изображений римских императоров — именно в такой кирасе[37]. Он просуществовал от Августа до Константина.

На эллинистическом Востоке первое изображение «мускульной кирасы» предстает на тетрадрахмах, драхмах и оболах Селевка I, выпускавшихся монетным двором Персеполя. На оборотной стороне изображена Ника, водружающая победный трофей, главной частью которого является именно такая кираса[38]. Они были достаточно широко распространены в этом регионе[39].

Нижняя часть туловища прикрывается тем, что В.И. Сарианиди назвал юб-

кой. Его описание выглядит следующим образом: «бедра до колен задрапированы в складчатую юбку, переданную широкими, разделенными на прямоугольники полосами. Подол заканчивается широкими складками»[40]. В действительности же здесь изображены птериги — длинные кожаные полоски, скрепленные металлическими заклепками. Они располагались в два-три ряда[41]. Самое раннее их воспроизведение засвидетельствовано на уже упомянутом рельефе Аристонавта[42]. Они хорошо видны и на привлекавшихся монетах Селевка I.

В.И. Сарианиди детально описывает ноги воина[43] и то, что он считает сандалиями[44]. В действительности здесь изображены мягкие сапоги с двойной шнуровкой и двумя ремнями вокруг голенищ, имеющими две больших пряжки в виде полумесяца[45]. Плащ, по описанию В.И. Сарианиди, переброшен через левую руку так, что концы его ниспадают почти до ног. На плече плащ перехвачен пряжкой в форме полумесяца. Под грудью панцирь перехвачен ремнем, второй ремень — для подвешивания меча — опоясывает наискось живот.

Меч не виден, хорошо заметна только его ручка — в виде головы хищной птицы. Именно рукоять указывает на тип меча — это бесспорно махайра. Махайра представляла собой слегка изогнутый односторонний меч, первоначально характерный для кавалерии, а затем взятый на вооружение и пехотой. Он носился на боку на перевязи, как и представлено в нашем случае. Такие мечи использовались и греко-македонянами, и персами. Судя по находкам в храме Окса, использовались они и в Бактрии эллинистического времени[46]. В связи с этими находками Б.А. Литвинский детальным образом исследовал проблему происхождения, эволюции и распространения этого типа мечей[47]. Он специально подчеркивал, что на анализируемом нами изображении представлена именно махайра[48]. В правой руке воин держит копье. Хотя В.И. Сарианиди называет его длинным[49], это определение не может считаться правильным — копье нормального размера. Щит — круглой формы и расположен так, что виден в профиль. Судить о том, как он был украшен, не представляется возможным.

Рассмотрев главный персонаж исследуемой сцены, мы можем полностью согласиться с мнением Дж. Бордмена о том, что здесь представлен типичный греческий воин эллинистической эпохи[50]. Однако, для полного понимания сцены необходимо осмысление того, в каком окружении он представлен и как это окружение с ним соотносится.

Важную роль в общей композиции играют изображения деревьев, расположенных по обе стороны от воина. Хотя высказывалось предположение, что в данном случае обрамляют сцену не изображения деревьев, а «полосы орнамента в виде венка из трилистников»[51], предположение В.И. Сарианиди кажется все же более приемлемым, особенно учитывая то обстоятельство, что никаких следов венка при всем желании обнаружить невозможно. У подножья деревьев расположены фантастические животные, которых В.И. Сарианиди называет драконами, а Дж. Бордмен — переработанными крылатыми львами[52]. В.И. Сарианиди дает подробное описание того, что он увидел: «Сильно изогнувшееся в устрашающей позе тело с коротким колечком-хвостиком опирается на согнутые задние ноги с когтистыми лапами. На бедренных и берцовых частях ног овальные углубления, возможно гнезда для самоцветов, которые так и не были

вставлены. Передние лапы с выпущенными загнутыми длинными когтями опираются на колени задних ног; контуры передних лап подчеркнуты снизу мелкими косыми насечками, передающими короткую шерсть. Из напряженных мускулистых плеч выступают короткие крылья, в основании которых выдавлены гнезда-кружочки. Откинутые назад головы на изогнутых шеях с рельефно выделенными загривками, оскаленные зубастые пасти, грозно нахмуренные глаза подчеркнуты сверху торчащими острыми шипами, сморщенный нос с хищно очерченными ноздрями дополняет устрашающий образ»[53]. Дж. Бордмен приводит прорисовку передней части чудовища, так как он его понял[54]. Нам представляется, что термин, используемый В.И. Сарианиди, более оправдан, тем более что сам Дж. Бордмен, выявляя генезис этих созданий, постоянно называет их драконами[55]. И В.И. Сарианиди, и Дж. Бордмен в связи с определением сущности этих фантастических животных указывают на далекие восточные связи, но при этом первый ограничивается Пазырыком[56], а второй добавляет еще и Китай. Мы можем полагать, что точный термин не столь важен, как само определение сущности. Сущность же состоит в том, что этот монстр, похожий на восточного дракона, располагается у корней дерева.

На вершинах деревьев изображены птицы, держащие в клювах ленты[57]. Видовое определение данных птиц дать невозможно, хотя В.И. Сарианиди безоговорочно называет их орлами.

Прежде чем дать собственную трактовку всей сцены, представленной на пряжках, позволим себе привести те выводы, к которым пришел В.И. Сарианиди и некоторые другие исследователи, которые обращались к данному объекту.

В интерпретации данного образа В.И. Сарианиди не вполне последователен. Прежде всего, он указывает на сходство образа данного воина с изображением бога Ареса на известных нисийских ритонах. Второе предположение состоит в том, что на Востоке Александра Македонского часто называли Двурогим. Отсюда следует допущение, что на данных пластинках представлен именно этот царь. Исследователь указывает, что «классический греческий профиль» воина не оставляет сомнения в том, что здесь «изображен персонаж, принадлежащий исключительно греко-римскому искусству». Но, считает В.И. Сарианиди, драконы не были свойственны ни греко-римскому искусству, ни искусству Передней и Средней Азии. Зато они весьма популярны в скифском искусстве Алтая, где фантастические звери с оскаленными пастями — один из самых ярких персонажей. Исходя из этого автор делает свой конечный вывод: «изображения на золотых пряжках из Тиля-Тепе — редкий, но чрезвычайно яркий пример смешения глубоко местных греко-бактрийских и привнесенных кочевнических культурных традиций»[58].

Позднее он несколько видоизменил свои выводы[59]. Был отринут наивный аргумент о «классическом греческом профиле»[60]. Взамен В.И. Сарианиди развивает новую систему аргументации. Прежде всего, он сопоставил изображение воина на данных пряжках с изображением на монетах Канишки, где на оборотной стороне представлен бог Орланго, стоящий фронтально, держащий в руке копье, имеющий на поясе меч с рукоятью в виде головы птицы, а его головной убор увенчан также изображением птицы[61]. Следующий этап в его построениях — утверждение, что «это древнеиранское божество ассоциируется с Герак-

лом и Аресом» в известных надписях Нимруд Дага[62]. При этом автор нигде не оговаривает факта соответствия кушанского Орланго общеиранскому Веретрагне (Варахрану)[63], что мешает читателю, не очень детально знающему эволюцию иранской религии, понять логику его построений.

После этого сопоставления он вновь возвращается к вопросу о том, кто же был изображен на пряжке. Опираясь на только что изложенное построение, он высказывается в пользу древнегреческого божества войны Ареса, вспоминая при этом его изображения на нисийских ритонах. Однако вслед за этим вновь появляется идея об изображении здесь Александра Македонского, как символа «величия и непобедимости»[64]. В дополнение к более раннему аргументу о рогах на шлеме автор добавляет идею о сходстве изображения кирасы Александра на известной помпейской мозаике (а также одной из помпейских статуй) с кирасой на пряжках.

Идея об Александре вызывает большие сомнения, прежде всего, системой аргументации. Александра называли «двурогим» не потому, что некоторые селевкидские и греко-бактрийские цари носили шлемы, украшенные бычьими рогами. Основания для этого были совсем иными[65]. Точно также не кажется подходящим и сравнение кирас на мозаике и на пряжках. Трудно даже представить, как могло появиться такое сравнение. Кираса на мозаике совершенно другого типа, она полностью идентична кирасе из так называемой «могилы Филиппа II» в Вергине[66]. Не согласуются между собой и другие утверждения В.И. Сарианиди относительно этого доспеха.

Мы в свою очередь попытаемся выявить природу этого образа. Нам не кажется продуктивной попытка В.И. Сарианиди сопоставить изображение на данной пряжке с изображением Канишки, поскольку оно не полное. У Канишки отсутствует щит. Главное основание для сравнения — фронтальная поза и копье в руке. Если идти по этому пути, то неизбежным будет привлечение и иных (иногда более близких) аналогий, например, изображение Александра Македонского на знаменитых монетах, воспроизводящих его победу над Пором[67], или статую Селевка I, где он предстает в «героической наготе», но опираясь на копье[68], или изображения воинов-наемников III в до н.э. из одного из александрийских некрополей[69].

Имеются весьма многочисленные прямые аналогии, однако, происходящие из достаточно отдаленного региона. Если исходить из таких элементов иконографической схемы как стоящий фронтально воин, держащий в правой руке копье, а в левой щит, то достаточно многочисленные примеры подобной схемы мы видим в Пальмире[70] (Илл. 3).

Мы считаем, что исследование должно опираться на два тезиса. Прежде всего, на анализ не только самого изображения воина, но и на анализ его окружения, поскольку оно было явно не случайным, а было порождено определенными идеологическими представлениями.

Обратим внимание, прежде всего, на изображение птиц, находящихся на вершинах деревьев. В клювах они держат ленты. Единственное объяснение, которое может быть предложено для этой детали сцены, — птицы несут воину диадему. Диадема в эпоху эллинизма представляла собой единственный совершенно бесспорный символ царской власти[71]. В мире восточного эллинизма

Илл. 3. Рельефная плита из Пальмиры с изображением духов-стражников.

тема птицы, несущей символ царской власти, представлена в парфянском искусстве. Она зафиксирована как на монетах[72], так и в сфрагистике Маргианы[73]. Данная тема представляет вариант более традиционной схемы, когда царя увенчивает богиня Ника[74]. Обычно считается, что птица, заменяющая Нику, — орел[75], но это не может считаться твердо установленным. В зороастрийском тексте (Яште 19 или «Замийяд-яшт»), основное содержание которого — восхваление хварно (фарна), хварно предстает в виде птицы Вараг[76]. На эту роль с равным основанием могут претендовать орел, сокол, ястреб или ворон.

Также, с нашей точки зрения, необходимо указать на акцентированное представление в данной сцене копья. У греков и римлян копье представляло собой символ власти и суверенитета[77], точно так же, как у многих ираноязычных кочевников таким символом был лук[78].

Подводя некоторые итоги, мы с определенной долей уверенности можем утверждать, что основной персонаж сцены — воин, одетый и вооруженный как грек. Монументальность образа заставляет предполагать, что это миниатюрное изображение было уменьшенной копией гораздо более крупного произведения. Вполне вероятным кажется предположение о надгробной стеле как том прообразе, который послужил источником для нашего изображения. Однако при создании копии были введены некоторые новые элементы, которые расширили и углубили ее значение. Прежде всего, надо обратить внимание на появление птицы с лентами диадемы. Это немедленно придает изображению воина иной статусный характер — изображение воина становится изображением царя, а учет особого значения копья приводит к выводу об изображении победоносного царя, царя-завоевателя. При этом тот факт, что диадему царю несет не Ника,

а птица, переводит сцену в иную идеологическую систему — систему иранских зороастрийских концепций. Достаточно отчетливо виден источник этих идей. Это не представления тех кочевников, которые отвоевали Бактрию у греков. В их искусстве данный сюжет не зафиксирован. Это — влияние соседней Парфии, которая как раз в этот период проводит активную политику на востоке.

Наконец, необходимо отметить еще одну особенность данной композиции. Дерево рядом с царем — это бесспорно изображение «мирового дерева» с полностью присущими ему атрибутами: птица вверху, как олицетворение «верхнего мира», химерическое существо внизу, у корней дерева, как олицетворение «нижнего», хтонического мира и само дерево, как воплощение «срединного», земного мира[79]. Но при этом нам хотелось бы обратить внимание на одно обстоятельство — царь в этой картине предстает по своему масштабу практически равным дереву, что делает его своеобразным аналогом мирового дерева и заставляет думать об особом месте царя в универсуме. Это, конечно, обожествленный царь, царь, воспринимаемый как «пантократор», а не героизированный правитель, как это иногда предполагается[80].

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Сарианиди В.И.* Афганистан: сокровища безымянных царей. М., 1983; *Sarianidi V.I.* Bactrian gold from the excavations of the Tillya-tepe Necropolis in Northern Afganistan. Leningrad, 1985; *Сарианиди В.И.* Храм и некрополь Тиллятепе. М., 1989. С. 46-232.
2. *Pugachenkova G.A., Rempel L.I.* Gold from Tillia-tepe // Bulletin of the Asia Institute. 5. 1991; *Pfrommer M.* Die Gräber von Tillya-tepe. Eine späthellenistisch-frükaiserzeitlische Nekropole zwischen achämenidischem Erbe, griechischer Tradition und nomadisch-zentralasiatischer Gegenwart // Hellenismus. Beiträge zur Erforschung von Akkulturation und politischer Ordnung in den Staaten des hellenistischen Zeitalters. Akten des Internationalen Hellenismus-Kolloquimus, 9-14 März 1994, in Berlin / Hrsg. von B. Funk. Tübingen, 1996. S. 91-119; Boardman J. Three monsters at Tillya Tepe // Ancient Civilizations from Scythia to Siberia. Vol. 9. № 1-2. 2003. P. 133-146; *Boardman J.* The Tillya Tepe gold: a closer look // Ancient West and East. Vol. 2. № 2. 2003; *Мордвинцева В.И.* Полихромный звериный стиль. Симферополь, 2003. С. 10-15; *Schiltz V.* Tilla-tepe: nouveaux enjeux // L'art d'Afghanistan de la préhistoire a nos jours. Nouvelle donnйes. Actes d'une journée d'études. UNESCO. 11 mars 2005. Paris, 2005. P. 71-84.
3. *Schiltz V.* Tillia tepe, la "Colline de l'or", une necropole nomade // Afghanistan. Les trésors retrouvés. Collections du musée national de Kaboul. Paris, 2007. P. 69-80; *Cambon P.* Tillia tepe. Catalogue // там же. P. 164-213; *Schiltz V.* Catalogue des œuvres exposées. Les notices concernant Tillia tepe // там же. P. 270-289.
4. Об этом погребении см. *Сарианиди.* Афганистан... С. 44-64; *Сарианиди.* Храм... С. 67-84; *Sarianidi.* Bactrian gold... P. 27-35. Необходимо указать и на некоторые предварительные публикации. Дело в том, что цветные фотографии золотых предметов вследствие самого характера металла мешают рассмотреть детали, о чем писал, в частности Дж. Бордмен (*Boardman.* Op. cit. P. 350). Детали предметов, которые мы пытаемся исследовать, гораздо отчетливее видны на черно-белых фотографиях. См., например, *Sarianidi V.I.* Le tombe regali della "Collina d'oro" // Mesopotamia. T. XV. 1980. Fig. 44, 45.
5. В одном случае (*Сарианиди.* Афганистан... С. 67) определяет размеры могильной

ямы как 2,5 х 1,5 м, в других — 2,6 х 1,5 м.

6. В.И. Сарианиди считает данное погребение женским, не приводя, впрочем, серьезных оснований для этого.
7. См. *Сарианиди В.И., Кошеленко Г.А.* Монеты из раскопок некрополя, расположенного на городище Тилля-тепе (Северный Афганистан) // Древняя Индия. Историко-культурные связи. М., 1982. С. 307-318; имеется также несколько расширенный перевод этой статьи на французский язык. См. *Kochelenko G.A., Sarianidi V.I.* Les monnaies de la nécropole de Tillia-tepe (Afghanistan) // Studia Iranica. T. 21, fasc. 1. 1992. P. 21-32. Отметим, что ни в одной из публикаций В.И. Сарианиди нет ссылок на последнюю статью, хотя определения монет приводятся постоянно.
8. «или халат», что весьма маловероятно.
9. В.И. Сарианиди определяет этот поворот как поворот в три четверти (*Сарианиди В.И.* Афганистан... С. 50; *Sarianidi V.I.* Bactrian gold...P. 30).
10. «Лицо с прямым носом, чуть нахмуренными бровями, полуоткрытым ртом и четко моделированным подбородком» (там же).
11. В. Шильц считает, что здесь изображено ухо (*Schiltz V.* Catalogue des ьuvres... P. 275), но, думается, что все-таки — это рог. Впрочем, для нашего анализа это различие не существенно, поскольку, как правило, на всех шлемах, о которых мы будем говорить ниже, имеются изображения как рога, так и уха.
12. Он указывает, что облик воина представлен в типичной греко-римской манере за исключением шлема. См. *Sarianidi V.I.* Bactrian gold...P. 31.
13. *Dintsis P.* Hellenistische Helme. I. Texte. Roma, 1986. S. 18;
14. *Литвинский Б.А.* Храм Окса в Бактрии (Южный Таджикистан). Том 2. Бактрийское вооружение в древневосточном и греческом контексте. М., 2001. С. 353.
15. *Bernard P.* Fouilles d'Aп Khanoum. IV. Les monnaies hors trésors. Questions d'histoire gréco-bactrienne. Paris, 1985 (MDAFA, T. XXVIII). P. 49-50. См. также *Guillaume O.* Graeco-Bactrian and Indian Coins from Afghanistan. Delhi-Oxford-New York, 1991. P. 178-180.
16. Серии 4–11 его чекана. См. *Bopearachchi O.* Monnaies gréco-bactriennes et indo-grecques. Catalogue raisonné. Paris, 1991. P. 202-208.
17. Серия 3 его чекана. См. *Bopearachchi.* Monnaies... P. 221.
18. Серии 3 и 4 его чекана. См. *Bopearachchi.* Monnaies... P. 227.
19. Серии 2 и 3 его чекана. См. *Bopearachchi.* Monnaies... P. 271.
20. Серии 3, 4 и 6 его чекана. См. *Bopearachchi.* Monnaies... P. 285.
21. Серии 5 и 9 его чекана. См. *Bopearachchi.* Monnaies... P. 290-293.
22. Серии 2, 5 и 7 его чекана. См. *Bopearachchi.* Monnaies... P. 295-297.
23. Серии 1, 2 и 5 его чекана. См. *Bopearachchi.* Monnaies... P. 299-300.
24. Серии 1, 4, 6 и 10 его чекана. См. *Bopearachchi.* Monnaies... P. 319-323.
25. Серия 4 его чекана. См. *Bopearachchi.* Monnaies... P. 327-328.
26. Ср. также *Литвинский Б.А.* Храм Окса... С. 353.
27. В чекане Готарза I и Дария (?). См. *Sellwood D.* An Introduction to the Coinage of Parthia. London, 1980. Тип 33.4 и 37.1.
28. *Сарианиди.* Афганистан... С.
29. *Pugachenkova, Rempel.* Gold... P.
30. *Boardman.* The Tillya Tepe... P. 355.
31. *Сарианиди.* Храм... С. 74; *Sarianidi.* Bactrian gold... P. 30.
32. *Мордвинцева.* Полихромный... С. 12.
33. См. *Snodgrass A.M.* Arms and Armours of the Greeks. London, 1967. P. 92.
34. *Snodgrass.* Arms... P. 92.

35. Известны многочисленные изображения в расписной керамике, терракоте и т.д. См., например, *Arias P.E., Hirmer M., Shefton B.B.* History of Greek Vase-painting. L., 1962. Pl. 144, 178, 179; *Schmidt J.* Dictionnaire de la mythologie grecque et romain. Paris, 1965. P. 25, 154, 316; *Snodgrass.* Arms... Pl. 43.
36. Воспроизведение см. *Alscher L.* Griechische Plastik. B. III. Berlin, 1956. Taf. 38; *Snodgrass.* Arms... Pl. 56. Можно также упомянуть практически одновременную надгробную стелу Панхара, сына Леохара, из Пирея, где в сцене сражения гоплит представлен также в кирасе такого типа. См. *Zanker P.* The Power in Images in the Age of Augustus. Ann Arbor, 1988. P. 21.
37. *Vermule C.C.* Hellenistic and Roman cuirassed Statues // Berytus. Vol. XIII, fasc. 1-2. 1959-1960; *Vermule C.C.* Roman Imperial Art in Greece and Asia Minor. Cambridge (Mass.), 1968. P. 6-7, 41-42. Самая известная статуя этого типа — изображение Августа из Прима Порта. См., например, *Picard Ch.* Sculpture antique. De Phidias a l'ère byzantine. Paris, 1926. Fig. 150.
38. *Newell E.T.* The Coinage of the Eastern Seleucid Mints from Seleucus I to Antiochus III. With a Summary of Recent Scholarship Additions and Corrections by O. Mørkholm. New York, 1978. P. 154-156; Pl. XXXII.
39. *Jäger U.* Der griechisch-hellenistishe Muskelpanzer und sein Fortleben in Zentralasien, 4. Jh. v. Chr. bis 8./9. Jh. n. Chr.: Ein kurzer Beitrag zum rüstungstechnologischen Nachleben des Hellenismus in Zentralasien // Arms and Armour as Indicators of Cultural Transfer. The Steppes and the Ancient World from Hellenistic Times to the Early Middle Ages. Edited by M. Mode and J. Tubach in Cooperation with G.S. Vashalomidze. Wiesbaden, 2006. Отметим, однако, что автор работы, претендующей на полный охват материала, совершенно не упоминает пряжки Тилля Тепе.
40. *Сарианиди.* Афганистан... С. 51; *Сарианиди.* Храм... С. 75.
41. *Snodgrass.* Arms... P. 91-92.
42. Представлены птериги и на упомянутой выше стеле Панхара.
43. «Мускулистые ноги с выделенными коленями» (*Сарианиди.* Афганистан... С. 51; *Сарианиди.* Храм... С. 75).
44. «На ногах сандалии с ремешком, пропущенным между большим и вторым пальцем. Четко выделенная шнуровка сандалий опоясывает ногу под коленом и посредине икр, где она туго затянута полусферическими пряжками» (*Сарианиди.* Афганистан... С. 51; *Сарианиди.* Храм... С. 75).
45. *Boardman.* The Tillya Tepe... P. 354.
46. *Литвинский.* Храм Окса... С. 249.
47. Там же. С. 277-290.
48. Там же. С. 294.
49. *Сарианиди.* Храм... С. 75.
50. *Boardman.* The Tillya Tepe... P. 354.
51. *Мордвинцева.* Полихромный... С. 12.
52. *Boardman.* The Tillya Tepe... P. 357.
53. *Сарианиди.* Афганистан... С. 51-52.
54. *Boardman.* The Tillya Tepe... P. 365, fig. 16a.
55. *Boardman J.* Three monsters at Tillya Tepe // Ancient Civilizations from Scythia to Siberia. Vol. 9. № 1-2. 2003. P. 133-146.
56. Следует ссылка на: *Руденко С.И.* Культура населения Горного Алтая в скифское время. М.-Л., 1960. Табл. XCVII, № 4.
57. В описании птицы присутствуют следующие моменты: «глаза подчеркнуты рельефно выступающими вверх шипами, крылья сложены на спине» (Сарианиди В.И.

Афганистан... С. 51-52).
58. *Сарианиди*. Афганистан... С. 53.
59. *Сарианиди*. Храм... С. 76-77.
60. Действительно, достаточно посмотреть на монеты греко-бактрийских царей, чтобы понять, что носы у них были различных форм и размеров.
61. В.И. Сарианиди не дает сноски, но явно имеет в виду: *Rosenfield J.M.* The Dynastic Arts of the Kushans. Berkley-Los Angeles, 1967. P. 95-96, Pl. IX, № 167, 168.
62. Эта идея также заимствуется у Розенфилда (*Rosenfield*. The Dynastic... P. 95), но также без сноски.
63. См. *Gray L.* Foundations of the Iranian Religions // Journal of the K.R. Kama Institute. 15. 1929. P. 119.
64. *Сарианиди*. Храм... С. 77.
65. См. *Костюхин Е.А.* Александр Македонский в литературной и фольклорной традиции. М., 1972. С. 105-135.
66. Подробнее см. *Cohen A.* The Alexander Mosaic. Stories of Victory and Defeat. Cambridge, 1997.
67. См., например, *Кошеленко Г.А.* Становление денежного обращения на эллинистическом Востоке // РА. 2006. № 3. С. 98 (здесь же вся предшествующая литература).
68. См., например, *Smith R.R.R.* Hellenistic Sculpture. London, 2001. Fig. 3.
69. *Rouveret A.* avec collaboration de Ph. Walter. Peintures grecques antiques. La collection hellénistique du musée de Louvre. Paris, 2004. P. 37. Экземпляры №№ Ma 3642 и Ma 3645.
70. Рельеф, изображающий бога Садрафа (55 г. н.э.), см. *Colledge M.A.R.* The Art of Palmyra. London, 1976. Fig. 27; рельеф с изображением двух воинов (I в. н.э.) см. *Colledge*. The Art... Fig. 37; рельеф с изображением шести духов-стражников (191 г. н.э.) см. *Colledge*. The Art... Fig. 44. Об этом рельефе см. также *Ghirshman R.* Parthes et Sassanides. Paris, 1962. P. 75. Fig. 87A.
71. См., например, *Smith*. Hellenistic... P.
72. На драхмах и халках Фраата IV (*Sellwood*. An Introduction... Тип 52–54). Об этом сюжете см. также *Curtis V.S.* Religious Iconography on Ancient Iranian Coins // After Alexander. Central Asia before Islam. Ed. By J. Cribb and G. Herrmann. Oxford, 2007. P. 422.
73. *Кошеленко Г.А., Гаибов В.А.* Новое о парфянской культуре: раскопки в Мервском оазисе // Вестник истории, литературы, искусства. Т. 2. 2006. С. 14-15.
74. В парфянской нумизматике, начиная с царя Дария (?). См. *Sellwood D.* An Introduction... тип № 36.19. В маргианской сфрагистике — см. *Кошеленко, Гаибов*. Новое... С. 15.
75. См. *Duchesne-Guillemin J.* La royauté iranienne et le xvarenah // Iranica. Ed. Gh. Gnoli, A.V. Rossi. Napoli, 1979. P. 375-386.
76. Авеста. Избранные гимны. Из Видевдата. Перевод с авестийского И. Стеблин-Каменского. М., 1993. С. 158-159.
77. Показательно в этом отношении греческое выражение «дорикктета хора» (земля [взятая] копьем). См. *Самохина Г.С.* Развитие представлений о χώρα δορίκτητος в эпоху эллинизма // Античный полис. Межвузовский сборник. М., 1979. С. 92 сл. Специально в применении к царской скульптуре эллинистического времени см. *Smith*. Hellenistic... P. 20. О римлянах см. Alfuldi A. Hasta — Summa Imperii: The Spear as Embodiment of Sovereignty in Rome // AJA. 63. 1951. P. 1-29.
78. См. *Раевский Д.С.* К вопросу об основании царской власти в Парфии («Парфянский лучник» и его семантика) // Средняя Азия в древности и средневековье (история и культура). М., 1977. С. 81-86.

79. В общей форме см. *Топоров В.Н.* Древо жизни // Мифы народов мира. Энциклопедия. Т. I. М., 1980. С. 398-406. В применении к ираноязычным кочевникам см. *Раевский Д.С.* Мир скифской культуры. М., 2006. С. 35-105, 148-153.
80. *Pfrommer.* Die Gräber... S. 110-112.

THE BACTRIAN KING IN NOMAD INTERPRETATION

G.A. Koshelenko, V.A. Gaibov

The article deals with two golden buckles with images of a warrior found by the Soviet-Afghan Archaeological Mission in the grave № 3 in the Tillya-tepe Necropolis (the Northern Afghanistan) in 1978–1979. Authors consider this burial to be the most important in the necropolis. They believe the buckles demonstrate the image of a King-conqueror which penetrated in the nomad art under the influence of neighbour Parthia.

Племенной мир

© 2008

Н.А. Берсенева

ГЕНДЕРНЫЙ СИМВОЛИЗМ В ДЕТСКИХ ПОГРЕБЕНИЯХ СИНТАШТИНСКОЙ КУЛЬТУРЫ*

Гендерные исследования, начавшись в 1970-х гг. в русле западной феминистской археологии, к настоящему времени получили широкое распространение в зарубежной науке[1]. Для отечественной археологии это до сих пор относительно новое направление. Основная идея заключается в разграничении между *биологическим* (sex) и *социальным* (gender) полом. По мнению современной социологии и психологии, слово «пол» следует употреблять лишь при описании демографических явлений. В свою очередь, термин «гендер» используется при анализе основанных на половой принадлежности социальных характеристик[2]. Иными словами, пол биологически задается при рождении, гендер же создается внутри каждого общества в соответствии со стереотипами и нормами, в нем существующими.

Возможность исследования древнего гендера через материальную культуру сейчас признается большинством исследователей[3]. Различные гендерные группы могут быть распознаны в археологическом источнике через материальные маркеры. М. Соренсен очертила две большие группы археологических источников, наиболее информативных для гендерной археологии: во-первых, это сфера погребальных действий (индивидуальный внешний вид через костюм и некоторые типы предметов) и, во-вторых, сфера домашней деятельности (производство продуктов, разделение труда, сегрегация пространства)[4]. Последняя категория источников, конечно, более проблематична в своей интерпретации. Согласно С. Нельсон, наиболее эффективным путем изучения гендера является использование всех линий свидетельств по возможности вместе. Потенциальными источниками могут быть письменные документы; изображения мужчин и женщин (трехмерная скульптура или рисунки); погребения и человеческие останки (антропологический аспект); артефакты (сопроводительный инвентарь); организация пространства (поселений, погребений, строений, и т.д.). Нетрудно заметить, что сквозь призму гендерных отношений могут рассматриваться бук-

* Работа выполнена в рамках интеграционной программы УрО РАН и СО РАН, при финансовой поддержке РГНФ (проект № 08-01-85118а/У).

вально все стороны человеческой деятельности, так как гендерные аспекты действуют на любую сферу общественной жизни[5].

Тот факт, что гендерные отношения и/или различия могут находить свое отражение в материальных символах, делает принципиально возможным их археологическое изучение, поскольку именно археология исследует общества через материальную сферу.

Для археологии дописьменного периода погребальные памятники являются самыми доступными (а в некоторых случаях единственными) источниками для исследования гендерных отношений в древности. Только изучая погребение, археолог имеет дело непосредственно с индивидом и контекстом, его окружающим. Погребение, представляя собой материальные остатки совершенных в древности ритуалов, часто прямо или косвенно отражает социальные характеристики умершего[6], которые могут включать не только гендер, но и возраст, вертикальную и горизонтальную социальную позицию, этническую, религиозную, профессиональную принадлежность, семейно-брачные связи, возможно, личные характеристики или пристрастия[7].

Гендер является социальной характеристикой, основанной на биологическом поле, который устанавливается с помощью изучения непосредственно скелета погребенного. Анализ погребения с гендерной точки зрения предполагает выявление гендерных маркеров — пространственных, материальных или иных. *Археологически* гендер мог быть маркирован через локализацию, структуру погребального сооружения, состав или количество инвентаря, композицию и состав принесенных в жертву животных, и т.д.

Изучение детей как социальной группы намного более проблематично, видимо, поэтому детские погребения служат предметом отдельных исследований крайне редко, что отмечают как зарубежные, так и отечественные авторы[8]. Адекватно установить пол ребенка из скелетных останков обычно бывает невозможно, а приписывание пола на основании особенностей сопроводительного инвентаря часто бывает некорректным и для взрослых. Соответственно, возникает необходимость разделения возможных маркеров гендера и возраста, так как в погребениях детей генедерные и возрастные символы могут быть «взаимопереплетены», если не идентичны[9]. Уверенно маркировать гендер, таким образом, могут лишь предметы, равно ассоциирующиеся со всеми возрастными группами, вне зависимости от пола погребенного.

Несмотря на некоторые объективные трудности, изучение детей как социальной категории и возможно, и необходимо. Подходов к изучению «археологии детей» предложено множество, однако разрабатывают их в абсолютном большинстве западные ученые[10]. В российской археологии интерес к этой сфере практически отсутствует, за редкими исключениями[11].

Значение этой важной (и самой многочисленной) общественной группы для нормального существования и воспроизводства социума трудно переоценить. Социализация детей обеспечивает преемственность культурных норм. Дети не просто вырастают во «взрослых», они становятся взрослыми в рамках гендерных стереотипов, сознавая свою гендерную идентичность. Природа гендерных ролей варьирует от общества к обществу, во времени, а также, возможно, изменяется в течение жизненного цикла индивида. Все сказанное выше предполага-

ет необходимость контекстуального изучения гендерной вариабельности в детских погребениях, рассматривая погребенного и сопровождающие его предметы в контексте их нахождения.

Предлагаемая работа посвящена анализу синташтинских детских погребений с гендерной точки зрения и призвана отчасти заполнить указанные пробелы.

Синташтинская культура эпохи средней бронзы Южного Зауралья, датируемая, согласно радиокарбонной калиброванной шкале, первыми веками II тыс. до н.э.[12], представляет собой круг археологических памятников, уникальных во многих отношениях. Поселения, в плане округлые или овальные, демонстрируют регулярную застройку и продуманные системы фортификации[13]. Сложноорганизованные погребальные памятники, очевидно, свидетельствуют о столь же сложных космологических представлениях оставивших их людей. Относительно компактная территория, небольшой по археологическим меркам период существования дают большой простор для интерпретации различных сторон жизни синташтинского населения. Огромное количество публикаций, связанных с синташтинской проблематикой, избавляет от необходимости перечислять все направления исследований.

Синташтинские погребальные памятники, изученные раскопками, на настоящий момент за малым исключением опубликованы; их характерные черты хорошо описаны в литературе[14]. Синташтинский «курган» представлял собой небольшое кладбище (от 1-2 до 35 могил), обычно оконтуренное рвом. Невысокая насыпь формировалась, по-видимому, из отдельных насыпей над могилами. Погребения устраивались в простых ямах, углубленных в материк и перекрытых и/или облицованных деревянными конструкциями. Умерших хоронили в скорченном состоянии на боку, чаще — на левом. Преобладающая ориентировка — головой на юго-запад. Для синташтинского населения характерен достаточно большой процент погребенных в парных и коллективных могилах: 24% для Южного Зауралья, согласно А.В. Епимахову[15]. Сопроводительный инвентарь включал предметы вооружения, конскую упряжь, детали одежды, украшения, предметы быта и орудия труда. Иногда в могильную яму устанавливалась колесница или ее детали. Погребенные часто сопровождались обильными жертвоприношениями домашних животных. В составе инвентаря обязательно присутствовала посуда.

Одним из ярких «синташтинских феноменов» является многочисленность детских погребений в некрополях. Доля детских погребений, включая подростковые, на некоторых памятниках доходит до 70%[16]. Не будет преувеличением сказать, что такое соотношение является огромной редкостью для мировой археологии[17]. Синташтинская ситуация действительно уникальна, материалы детских погребений представляют собой большое поле для разностороннего изучения.

Дети погребались согласно тому же обряду, что и взрослые, на общих кладбищах, как в индивидуальных, так и в парных (двое детей или взрослый с ребенком) или коллективных могилах (с взрослыми и/или другими детьми). Детские погребения отличаются значительной вариабельностью в глубине и сложности устройства ямы, инвентарных наборах, жертвоприношениях.

Несмотря на то, что детские погребения не подвергались подробному анализу в рамках всей культуры, при публикации материалов отдельных памятников авторы раскопок обычно уделяли им некоторое внимание.

Н.Б. Виноградов[18] характеризует детские захоронения могильника Кривое Озеро как в абсолютном большинстве индивидуальные, не слишком глубокие (от 0,4 до 0,7 м), преимущественно с меридиональной ориентировкой. Инвентарь представлен в основном посудой. Из предметов обнаружены лишь астрагалы, фаянсовые и бронзовые бусины, несколько изделий из бронзы и рога. В жертвенных наборах преобладают кости мелкого рогатого скота.

А.В. Епимахов[19] отмечает, что в могильнике Каменный Амбар-5 инвентарь детских погребений не отличался особенным разнообразием. Часть детей сопровождалась лишь украшениями или амулетами (бусинами, створками раковин, клыками лисицы, корсака), инвентарь других был более многообразен и включал шилья, металлические украшения иглы, тесла; наконечники стрел. Помещение в могилу вещей, не принадлежащих к числу украшений, характерно для индивидов старше трех лет. Тем не менее, погребения с сосудами и украшениями, но без иных предметов встречаются и среди погребений детей старшего возраста. С одним из детей (возраст смерти — около 8 лет) найден набор наконечников стрел. Изложенные выше основания позволили автору предположить «достаточно раннюю половую идентификацию» в среде синташтинского населения[20]. Из публикации также следует, что дети захоранивались как в индивидуальных, так и в коллективных ямах (до восьми индивидов вместе). Среди жертвенных животных количественно преобладал мелкий рогатый скот.

В.В. Ткачев[21] в своей публикации материалов бронзового века Приуралья и Западного Казахстана уделил несколько большее внимание интересующим нас сюжетам. Он отмечает, что в детских могилах совершенно отсутствовало оружие и каменные орудия. Из предметов, связанных с производственной сферой, обнаружены ножи, шилья, костяное пряслице. «Ранняя половая дифференциация» проявлялась, по мнению автора, в основном, в обилии украшений[22]. Далее В.В. Ткачев предполагает существование в синташтинском обществе достигаемого социального статуса, и объясняет этим «присутствие маркеров половой принадлежности уже у детей младших возрастов»[23].

Логично предположить, что «маркеры половой принадлежности» необходимо определить вначале для погребений взрослых с антропологически установленным биологическим полом.

Какие же гендерные маркеры выделялись при анализе синташтинских погребальных памятников? Несмотря на количественное преобладание мужских погребений[24], различий в локализации или в особенностях внутренних конструкций могильных ям, которые можно было бы связать с гендером умершего, не выявлено. Состав погребального инвентаря дает больший простор для анализа. Все исследователи отмечают, что коллективный характер, потревоженность как минимум, половины погребений, а также недостаток квалифицированных половозрастных определений, серьезно сужают достоверность возможных интерпретаций[25].

Д.Г. Зданович[26] исключительно женскими атрибутами называет кольца-перстни, а также, предположительно, каменные булавы. Автор выделяет ат-

рибуты «воинской страты», включающие остатки колесниц и упряжи, боевые топоры, копья, наконечники стрел и отмечает их связь с одиночными мужскими, парными (с булавами), и коллективными погребениями. Изложенное позволяет ему осторожно предположить «переориентирование погребального обряда с возрастной стратификации на социальную»[27].

А.В. Епимахов[28] «надежными маркерами мужчин» считает наборы наконечников стрел и детали лука, наконечники копий, топоры, оплетки ременной рукояти плети, а также следы колесниц и псалии. Для женщин он полагает характерными некоторые типы украшений: желобчатые браслеты, бородавчатые бусы, подвески в полтора оборота, шилья и иглы, в единичных случаях — накосники. Кольца и перстни отрицаются в качестве надежного маркера женских погребений.

В.В. Ткачев, как и цитируемые выше авторы, называет оружие (копья, топоры-тесла, наконечники стрел) «практически обязательным атрибутом всех мужских захоронений». К «женским» маркерам он относит различные виды украшений (практически, все) и костяные пряслица[29].

Подводя итоги, можно констатировать определенное единство мнений, с которым в общих чертах нельзя не согласиться. Автор данного исследования попыталась суммировать накопленные данные, свести их в собственную базу данных и проанализировать с гендерной точки зрения. В выборку вошли опубликованные данные по Южному Уралу[30] (могильники Большекараганский, Каменный Амбар-5, Солнце II, Кривое Озеро и Синташтинский некрополь, Танаберген II), всего в которых было захоронено не менее 291 индивидов, 169 из которых — дети и подростки[31]. Это общее количество. В дальнейшем, для анализа и корреляций использовались *только* данные погребений с установленным биологическим полом (для взрослых) и возрастом (для детей). В случае с коллективными могильными ямами, принимались во внимание лишь те захоронения, где принадлежность сопроводительного инвентаря конкретному индивиду не вызывала сомнений.

Корреляция пола погребенного и сопровождающих его предметов, позволила сделать следующие заключения:

1. Все перечисленные выше гендерные маркеры являются относительными. Не выявлено таких предметов, которые клались бы в каждое женское или мужское погребение, недвусмысленно отражая гендер умершего.

2. Предметы (или комплексы предметов), надежно зафиксированные только в мужских погребениях, представляют собой достаточно редкие категории инвентаря (колесницы, топоры, наконечники копий, тесла). Несмотря на то, что предметы вооружения характерны в большинстве для мужских могил, наконечники стрел и псалии встречаются в женских и детских могилах.

3. Бесспорно женскими являются, по-видимому, накосники. Отдельные предметы, относимые к категории украшений, иногда находят и в мужских погребениях. Это перстни, бусины и пронизи, клыки животных и, возможно, браслеты. Что касается игл и шильев, то шилья присутствуют в составе инвентаря мужских могил. Иглы зафиксированы в восьми случаях, обычно только в женских и детских ямах, лишь один раз (могильник Танаберген II) бронзовая игла сопровождала мужчину. В целом же, учитывая малое количество *индивиду-*

альных мужских и женских погребений, имеющих определения пола (женских — 15, мужских — 11), *надежность* гендерных маркеров представляется весьма сомнительной. В погребальной археологии есть принципиальная методологическая проблема — приписывание биологического пола на основании сопроводительного инвентаря и одежды. До сих пор часто воспроизводятся современные гендерные стереотипы, и продолжают оставаться невидимыми потенциальные дополнительные или трансвеститные гендерные категории, несмотря на то, что археологически и антропологически доказано, что биологические женщины и мужчины иногда погребались с противоположными их полу погребальными наборами[32].

Суммируя сказанное, следует еще раз подчеркнуть, что категории инвентаря, такие как накосники, колесницы, наконечники копий, топоры, бесспорно (пока нет других сведений) маркирующие гендер умершего, встречаются в погребениях крайне редко.

Наконец, вернемся к детским погребениям[33]. Всего, как уже упоминалось выше, по опубликованным данным, в синташтинских могильниках, захоронено 169 детей, что составляет в среднем чуть менее 60% от всех погребенных (табл. 1).

Таблица 1

ПРОЦЕНТНОЕ СООТНОШЕНИЕ ДЕТЕЙ И ВЗРОСЛЫХ В СИНТАШТИНСКИХ МОГИЛЬНИКАХ[34]

	БК	КА-5	МКО	С I	СМ	Со II	Тн II	Всего
Взрослые (кол-во/%)	28/54,9	29/30,5	9/17,6	11/64,7	24/53,3	5/71,4	16/64,0	122/41,9
Дети и подростки) (кол-во/%)	23/45,1	66/69,5	42/82,4	6/35,3	21/46,7	2/28,6	9/36,0	169/58,1
Всего погребенных	51/100	95/100	51/100	17/100	45/100	7/100	25/100	291/100

Основной инвентарь этих могил составляют украшения, в большинстве своем — бусины и пронизи (возможно, являющиеся также и деталями костюма), так называемые амулеты из клыков хищников и, кроме того, астрагалы, часто представленные большими сериями[35].

Всего *бусины* из различных материалов встречены в 46 могильных ямах, из них 30 остались непотревоженными, и в пятнадцати из них захоронены дети и подростки. Интересно, что женскими, согласно антропологическим определениям, являются только десять погребений с бусинами. Таким образом, эти украшения являются скорее маркером детских погребений, нежели женских. Достоверно мужских погребений с бусинами, в Южном Зауралье, по-видимому, нет. В могильнике Танаберген II есть погребение мужчины с несколькими фаянсовыми бусинами, найденными в области грудной клетки. Из «типично женских» предметов здесь еще была бронзовая игла, а из «типично мужских» — тесло[36].

Астрагалы зафиксированы в 41 погребении, из них — 27 принадлежат детям и подросткам. Из оставшихся четырнадцати — пять являются женскими, и одно — мужским. Оставшиеся восемь погребений с астрагалами либо не имеют

антропологических определений, либо представляют собой коллективные и/или ограбленные могилы, в которых невозможно установить принадлежность инвентаря конкретному индивиду. *Бронзовые ножи*, являясь довольно распространенной категорией инвентаря (всего встречены в 59 погребениях), были положены с 16 детьми. Остальные предметы, среди которых тесла, шилья, наконечники стрел, костяные диски обнаружены в детских погребениях от одного до нескольких раз и не составляют серий. Тем не менее, с этими предметами связана некая закономерность, отмеченная ранее А.В. Епимаховым[37], которая заключается в том, что вещи, не являющиеся украшениями или посудой (а также, добавим, астрагалами), ассоциируются с индивидами не моложе 2-3 лет (табл. 2).

Таблица 2

ВЗАИМОСВЯЗЬ СОПРОВОДИТЕЛЬНОГО ИНВЕНТАРЯ И ВОЗРАСТА ПОГРЕБЕННЫХ ДЕТЕЙ[38]

Категория инвентаря	Встречаемость (кол-во индивидов)	Возраст детей (в годах)
Нож	16	3 — 15
Шило	6	2 — 7
Тесло	6	3 — 15
Наконечник стрелы	3	3 — 10
Бусины (более 10)	5	3 — 10

Выявленная закономерность не действует в обратном направлении, так как далеко не все погребенные старше 3 лет снабжались орудиями труда или предметами вооружения. Но в погребениях младенцев эти категории отсутствуют полностью.

Какие же предметы из состава сопроводительного инвентаря детских погребений можно считать маркерами гендера? Посуда и астрагалы, по-видимому, гендерно-нейтральны, хотя последние ассоциируются в подавляющем большинстве с женщинами и детьми. Украшения (как правило, те, что нашиваются или подвешиваются) связываются в основном с детскими погребениями. Интересно, что характерных для взрослых категорий украшений в виде браслетов и колец (или перстней) в детских погребениях совершенно нет. С некоторой натяжкой маркером погребений девочек можно посчитать большое количество бусин (более 10). Стоит ли говорить, что такие погребения также единичны (см. табл. 2.). Бронзовые ножи и шилья характерны и для мужских, и для женских погребений, нет ничего невозможного в том, что они сопровождали и детей обоего пола. Что касается тесел, то они действительно встречаются только в мужских могилах, и видимо, могут символизировать мужской пол ребенка. Наконечники стрел в единичных случаях зафиксированы и в женских погребениях, но можно допустить, что в детских они скорее маркировали мальчиков.

Вернемся к вопросу о ранней гендерной дифференциации. В погребениях детей до 2-3 лет не содержится никаких указаний на их гендерную принадлежность. В случае смерти до достижения трехлетнего возраста дети обязательно получали гендерно-нейтральный инвентарь. Это правило практически без исключений. Но и среди детей старше 3 лет большое количество составляют по-

гребения с гендерно-нейтральным инвентарем (более 50%). Тем не менее, в этой возрастной группе имеется серия погребений, инвентарь которых прямо или косвенно подтверждает, что взрослые, хоронившие этих детей, относились к ним как к будущим мужчинам или женщинам. Трудно объяснить, почему такое отношение было проявлено лишь к некоторым детям. В целом же, основная масса детских погребений по составу инвентаря более сопоставима с женскими, нежели с мужскими. Их сближает отсутствие предметов вооружения, доминирование украшений и астрагалов в погребальных наборах, преобладание мелкого рогатого скота в составе жертвенных комплексов.

На основании изложенного выше можно сделать следующие выводы:

1. Большинство синташтинских погребений детей в терминах погребального инвентаря являются гендерно-нейтральными, что не позволяет говорить о ранней «половой дифференциации» в рамках всего общества.

2. По-видимому, в синташтинских погребениях детей предметами в большей степени маркирован их возраст, а не гендер. В погребениях детей всех возрастов (и, по всей вероятности, обоего пола) редко встречаются предметы, ассоциирующиеся с взрослыми: орудия труда, металлические украшения (за исключением бусин и пронизей), предметы вооружения.

3. Наличие в синташтинских детских погребениях отдельных орудий труда (тесла, шилья, точильные камни) позволяет предположить, что разделение труда в обществе в основном осуществлялось в соответствии с гендерно-возрастными характеристиками.

4. Кросс-культурно, гендерная *дифференциальная социализация*[39] начинается буквально с рождением ребенка, если не раньше. Это явление панкультурное: во всех обществах девочек и мальчиков социализируют по-разному. Порог гендерной социализации в 3 года считается нормальным в современной социологии. Именно в этом возрасте дети начинают с уверенностью относить себя к определенному гендеру (это называется *гендерной идентификацией*)[40]. Так что если бы даже все синташтинские дети, умершие после достижения ими трехлетнего возраста получали гендерно-различительный инвентарь, то и это вряд ли можно было бы считать *ранней* дифференциальной социализацией.

Но не стоит забывать, что инвентарь для детского погребения, несомненно, отбирался взрослыми. По сути, невозможно увидеть древний «мир детей», археология наблюдает лишь материальные остатки погребальных ритуалов, проводимых взрослыми для детей. Гендерно-нейтральный инвентарь детских погребений может означать, что общество не видело необходимости акцентуировать гендерные различия между детьми в погребальной сфере, предпочитая отражать иные, более важные для него идеи.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Nelson S.M.* Gender in Archaeology. Analyzing Power and Prestige. Walnut Creek, 1997; *Sorensen M.L.S.* Gender Archaeology. Cambridge, 2000; Ungendering Civilization. New-York; London, 2004.
2. *Берн Ш.* Гендерная психология. Законы мужского и женского поведения. СПб., 2007. С. 26–27.

3. *Nelson*. Op. cit.; *Sorensen*. Op. cit.; Ungendering Civilization; *Taylor T*. The Prehistory of Sex: Four Million Years of Human Sexual Culture. New-York, 1996; *Parker Pearson M*. The Archaeology of Death and Burial. Stroud, 1999; The Archaeology of Identity. Approaches to gender, age, status, ethnicity and religion. London; New-York, 2005; Invisible People and Processes: Writing Gender and Childhood into European Archaeology. London; New York, 1997*; McHugh F*. Theoretical and quantitative approaches to the study of mortuary practice // BAR. 785.
4. *Sorensen*. Op. cit.
5. *Nelson*. Op. cit. P. 58–64
6. *Binford L.R*. Mortuary practices: their study and their potential // An Archaeological Perspective. New York, 1971 P. 209–243; *Carr C*. Mortuary Practices: their Social, Philosophical-religious, Circumstantial, and Physical Determinants // Journal of Archaeological Method and Theory. 1995. No. 2. P. 105–200. *Brown J.A*. The search for rank in prehistoric burials // The Archaeology of Death. Cambridge, 1981. P. 25–37.
7. *Ольховский В.С*. Погребальная обрядность и социологические реконструкции // РА. 1995. № 2. С. 85–98; The Archaeology of Identity; *Parker Pearson*. Op. cit.
8. Invisible People and Processes; *Kamp K.A*. Were Have All the Children Gone? P. 128–152; *Berseneva N*. Archaeology of Children: Sub-adult Burials during the Iron Age in the Trans-Urals and Western Siberia // The Archaeology of Cult and Death. Budapest, 2006. P. 179–192; *Berseneva N*. Women and Children in the Sargat Culture // Are All Warriors Male? Gender Roles on the Ancient Eurasian Steppe. New-York, 2008. Ch. 7. P. 131–151; The archaeology of age. P. 43–66.
9. К. Лесик предлагает трехчастную систему организации гендерных классов: (1) дети; (2) взрослые (мужчины и женщины); (3) старики. Дети могут быть гендерно-нейтральными (или составлять отдельный гендер) до достижения подросткового возраста и физического взросления. Старики после определенного возраста и/или при утрате некоторых способностей (к деторождению, ношению оружия) также могли переходить в другой гендерный класс. Рассмотрение возрастных классов с точки зрения перехода из одной гендерной группы в другую, позволяет обратить внимание на социальные категории, которые крайне мало исследуются как в отечественной, так и в зарубежной археологии — стариков и детей. *Lesick K.S*. Re-engendering gender: some theoretical and methodological concerns on a burgeoning archaeological pursuit // Invisible People and Processes: Writing Gender and Childhood into European Archaeology. London; New York, 1997. P. 35–36.
10. *Jones-Bley K*. Juvenile Grave Goods in Catacomb Graves from the South Russian Steppe during the Eneolithic and Early Bronze Age // The Mankind Quarterly 34. 1994. P. 323–335; The archaeology of age. P. 43–66; Invisible People and Processes. *Kamp*. Op. cit. P. 128-152.
11. *Куприянова Е.В*. Миры синташтинской культуры: мужчины, женщины, дети // Аркаим. По страницам древней истории Южного Урала. Челябинск, 2004. С. 117–126.
12. *Hanks B.K., Epimakhov A.V., Renfrew A.C*. Towards a Refined Chronology for the Bronze Age of the Southern Urals, Russia // Antiquity. Vol. No. 81. 312. 2007. P. 353–367.
13. *Зданович Г.Б., Батанина И.М*. Аркаим — страна городов: пространство и образы // Аркаим: горизонты исследований. Челябинск, 2007.
14. *Генинг В.Ф., Зданович Д.Г., Генинг В.В*. Синташта: Археологические памятники арийских племен Урало-Казахстанских степей. Челябинск, 1992; *Боталов С.Г., Григорьев С.А., Зданович Г.Б*. Погребальные комплексы эпохи бронзы Большекараганского могильника (публикация археологических раскопок 1988 года) // Ма-

териалы по археологии и этнографии Южного Урала: Труды музея-заповедника Аркаим. Челябинск, 1996. С. 64–88; *Епимахов А.В.* Курганный могильник Солнце II — некрополь укрепленного поселения средней бронзы Устье // Материалы по археологии и этнографии Южного Урала: Труды музея-заповедника Аркаим. Челябинск, 1996. С. 22–42; *Зданович Д.Г. и др.* Аркаим: некрополь (по материалам кургана 25 Большекараганского могильника). Кн. 1. Челябинск, 2002; *Виноградов Н.Б.* Могильник бронзового века Кривое Озеро в Южном Зауралье. Челябинск, 2003; *Епимахов А.В.* Ранние комплексные общества севера Центральной Евразии (по материалам могильника Каменный Амбар-5). Кн. 1. Челябинск, 2005; *Ткачев В.В.* Степи Южного Приуралья и Западного Казахстана на рубеже эпох средней и поздней бронзы. Актобе, 2007.

15. *Епимахов А.В.* Южное Зауралье в эпоху средней бронзы. Челябинск, 2002. С. 45.
16. *Ражев Д.И., Епимахов А.В.* Феномен многочисленности детских погребений в могильниках эпохи бронзы // Вестник археологии, антропологии и этнографии. Вып. 5. Тюмень, 2004. С. 108; *Епимахов.* Ранние комплексные общества... С. 148. Табл. 1.
17. Статистику детских погребений, сравнимую с синташтинской, дают петровские, срубные и алакульские комплексы, являющиеся, по-видимому, продолжением синташтинской линии развития.
18. *Виноградов.* Могильник бронзового века... С. 225–226.
19. *Епимахов.* Ранние комплексные общества... С. 149–150.
20. *Епимахов.* Южное Зауралье... С. 46; *Епимахов.* Ранние комплексные общества... С. 149.
21. *Ткачев.* Ук. соч. С. 123–127.
22. Там же. С. 125.
23. Там же. С. 127.
24. *Епимахов.* Ранние комплексные общества... С. 148–149.
25. *Зданович Д.Г.* Синташтинское общество: социальные основы «квазигородской культуры» Южного Зауралья эпохи средней бронзы. Челябинск, 1997. С. 53–54; *Епимахов.* Южное Зауралье... С. 38; *Ткачев.* Ук. соч. С. 116.
26. *Зданович.* Синташтинское общество... С. 54–60.
27. Там же. С. 62
28. *Епимахов.* Южное Зауралье... С. 46.
29. *Ткачев.* Ук. соч. С. 122.
30. Могильники Синташтинского некрополя С II и С III не вошли в данную выборку, так как не содержали детских погребений.
31. Приведено общее количество погребенных (в том числе и не имеющих определения пола и возраста).
32. *Taylor.* Op. cit.; *Parker Pearson.* Op. cit.
33. Выделение так называемых «подростковых» погребений является в значительной мере условностью при точности определений от 1 до 4 лет, что вынуждает к принятию субъективные решений об отнесении погребения к детскому или подростковому погребению. Поэтому для данного анализа все индивиды, верхняя возрастная граница которых не превышала 15-16 лет, были включены в общую категорию «дети».
34. БК — Большекараганский могильник; КА-5 — могильник Каменный Амбар 5; МКО — могильник Кривое Озеро; С I, СМ — некрополи поселения Синташта; Со II — Солнце II; Тн II — могильник Танаберген II.
35. См. подробнее: *Зданович Д.Г. и др.* Аркаим: некрополь... С. 154–157.
36. *Ткачев.* Ук соч. С. 22-24.

37. *Епимахов*. Ранние комплексные общества... С. 149.
38. В данной таблице учитывались только погребения детей, возраст которых был антропологически идентифицирован.
39. «дифференциальная социализация — процесс, посредством которого человек обучается соответствующим моделям поведения в обществе, ценностям, и т.д.» (*Берн*. Ук. соч. С. 46). Этот термин представляется более правильным с точки зрения возрастной психологии, чем «половая (или гендерная) дифференциация».
40. *Берн*. Ук. соч. С. 48.

GENDER SYMBOLISM IN THE SINTASHTA CHILD BURIALS

N.A. Berseneva

The article focuses on "archaeology of children" and it concerns the burials of the Sintashta cultural groups. The sites of the Sintashta culture are currently dated to the 19th — 17th centuries BC (Middle Bronze Age). In Sintashta necropolises, child burials are represented in extremely large numbers for prehistoric mortuary sites (up to 70% of all the dead). This unique material gives the excellent ground for ancient childhood investigations. The first purpose of the article is to define symbolic markers of age and, possibly, gender for sub-adult burials. The second is to try to determine the gender identity of Sintashta children.

© 2008

С.Н. Кореневский, А.Д. Резепкин

РАДИОКАРБОННАЯ ХРОНОЛОГИЯ ПАМЯТНИКОВ КРУГА МАЙКОПСКОГО КУРГАНА И НОВОСВОБОДНЕНСКИХ ГРОБНИЦ*

В центре внимания статьи находится проблема радиокарбонной хронологии памятников круга Майкопского кургана и Новосвободненских гробниц, которые традиционно связывают с майкопской культурой[1], майкопско-новосвободненской общностью[2] или с двумя культурами: майкопской и новосвободненской[3]. Представления о датах этих древностей Предкавказья сейчас значительно расширились по сравнению с первыми сводками, отраженными в печати в 1993, 1995, 2000 и 2004 годах[4] прежде всего за счет новых полученных дат Серегинского, Усть-Джегутинского, Долинского и Новосвободненского поселений, могильника Клады, а также других комплексов.

Радиокарбонное датирование памятников «майкопского феномена» — особое направление археологии раннего периода бронзового века Кавказа. Оно

* Статья выполнена частично при содействии гранта РГНФ 07-01-0066а , а также грантов РФФИ 06-06-80168а, РГНФ 08-01-18097е.

имеет свою методику, не только связанную с физико-химической природой исследуемых образцов, археологической трактовкой их результатов, но и историографию. Первые радиокарбонные датировки были получены по материалам раскопок 1991 года Галюгаевского поселения 1 и III[5], а также из погребений в урочище Клады, раскопанных в 80-х годах прошлого века[6]. (Надо отметить, что часть тех дат была сделана в Оксфорде, часть в лаборатории ИИМК. Доставку образцов к месту аналитики в Оксфорд осуществил В.А. Трифонов).

Результаты исследований в той и другой лабораториях равно показали, что диапазон дат охватывает в некалиброванных значениях отрезок времени первой половины III тыс. до н.э. или все IV тыс. до н.э., в калиброванных определениях. В связи с тем, что хронология памятников Ближнего Востока строится на радиокарбонных датах с использованием коррекции, наиболее перспективным представляется их последнее выражение. Хронологический диапазон майкопских памятников после публикаций первых радиокарбонных дат[7] в целом охватывал отрезок времени 40/39–30/29 вв. до н.э. в калиброванных значениях с доверительным интервалом 68 % вероятности.

Далее вывод об общей хронологии майкопской культуры напрашивался сам, так как уже первые датировки памятников майкопской культуры позволяли синхронность ее древности с урукским периодом в Месопотамии. Они ликвидировали отставание в радиокарбонном датировании памятников раннего периода бронзового века Предкавказья от датировки раннебронзовой куро-аракской культуры Южного Кавказа[8]. Это заключение было поддержано и ведущим специалистом в области исследования майкопской культуры Р.М. Мунчаевым[9].

В дальнейшем количество радиокарбонных дат по майкопской культуре стало увеличиваться в основном за счет усилий С.Н. Кореневского, А.Д. Резепкина, А.А. Калмыкова, Н.И. Шишлиной и А.Б. Белинского. В основном этот круг исследователей датировал памятки по материалам собственных раскопок или изыскивал средства на датировку майкопских комплексов из раскопок других коллег (так называемый «археологический менеджмент»). В трудах ученых стали появляться сводки майкопских дат на основе уже опубликованных в литературе определений радиоуглеродного возраста в виде схем синхронизаций с акцентом на даты с коррекцией. Особенно интересными в этом плане были статьи В.А. Трифонова[10]. Уже при первых публикациях дат возникли их общие сопоставления с хронологией различных регионов в Передней Азии, укрепилось мнение о необходимости использования именно радиокарбонных дат с поправкой.

Списки дат из памятников круга Майкопского кургана и Новосвободненских гробниц начали систематически обновляться, начиная с 2000 года. Прежде всего такова была сводка дат из могильника Клады при сопоставлении их с уже известными датами Галюгаевских поселений[11]. Далее были опубликованы наиболее полная на 2004 г. сводка дат майкопско-новосвободненской общности[12] и ее расширенный вариант в 2008[13].

Начали издаваться и другие локальные сводки дат, вводящих в научный оборот радиокарбонные определения из вновь открытых памятников или даты из уже известных курганов и поселений, полученные вследствие «археологического менеджмента».

Так родилось современное направление в систематизации данных радиокарбонного датирования по памятникам круга Майкопского кургана и Новосвободненских гробниц. Его показательной чертой стало введение новых радиокарбонных определений с учетом уже опубликованных данных. Последняя черта (сочетание новых дат с ранее опубликованными результатами радиокарбонного анализа) рассматривается как позитивное развитие научного направления, в отличие от компилятивного направления[14] в виде сводок дат, построенных только уже по известным и опубликованным результатам радиокарбонного анализа.

Усилиями нескольких исследователей были датированы поселения и погребения, относящиеся к более раннему времени, чем майкопская культура: Свободное[15], Нальчикский могильник[16], Мешоко Ясенева Поляна, Замок. С помощью радиокарбонного датирования была установлена синхронизация начала майкопской культуры с временем Триполья BII[17] и проведены сопоставления с датами анатолийского поселения Арслантепе VII, VIA, а также других поселений эпохи среднего Урука[18].

В заключение историографического обзора хотелось бы подчеркнуть острую необходимость верификации культурной принадлежности комплексов, которые составляют современные списки майкопских памятников в различных сводках. Все ли они действительно майкопские? В этой связи, надо отметить две статьи с разными названиями, но с одинаковым содержанием на тему радиокарбонной хронологии майкопской кульутры или общности[19]. Собственных дат из памятников майкопской культуры, полученных самими авторами, в этих статьях нет. В основном публикуемая ими сводка представляет очередное переиздание известных в литературе дат с добавлением двух новых. Одна дата — получена авторами от Н.И. Шишлиной (Шарахалсун-66 к.17 п.11). Другая (Олений к.2 п.30. Le 23116, 3790±160 2470-2020 BC) — явно «провалена». Майкопские погребения никогда таким временем не датировались. Не связана с майкопским временем и дата Новосвободненского поселения Le-3645 2650–2000 вв. до н.э.[20].

В итоге в сводке общий охват дат памятников майкопской культуры занимает отрезок времени от середины V тыс. до н.э. до конца III тысячелетия до н.э. включительно. Это произошло вследствие попытки вновь объединить энеолитические памятники Северного Кавказа (Мешоко) с памятниками раннего периода бронзового века и некритического отбора комплексов, включаемых в сводку. Помимо того в списке «собственно» майкопских дат присутствуют даты явно не майкопских памятников. Таковы даты упомянутого выше поселения Мешоко, Гуамского грота, (культура накольчатой жемчужной керамики), дата к.17 п.6, Айгурского могильника, дата к.1 п.8. могильника Вертолетное поле (включающих погребения с энеолитической позой костяков скорчено на спине)[21]. Общая датировка майкопской кульутры в этих статьях 40-30/29 вв. до н.э. уже опубликована давно, но непонятно, как она вытекает из списка приведенных дат со столь широким диапазоном.

В настоящей работе используются даты, полученные в лабораториях Оксфорда, Гронингена, Института геологии РАН, Института географии РАН, Радиокарбонной лаборатории в Киеве. Датирующий материал представлен костя-

ми людей, животных, деревом, углем и керамикой. Последний материал как источник для определения возраста археологических объектов стал разрабатываться благодаря усилиям украинских коллег Н.Н. Ковалюха и В.В. Скрипкина[22].

Оба автора хотели бы обратить внимание на то, что независимо от того, какой методикой и на каких приборах получены радиокарбонные даты из археологических памятников, они должны получить оценку своей правомерности именно с точки зрения археологии для датировки майкопского комплекса (как и любого иного). Такая ситуация обусловлена следующими причинами.

Во-первых, радиокарбонная дата — это только диапазон вероятностного события, а не календарная точка во времени. Во-вторых, на качество результата определения даты по кости может объективно влиять содержание в образце коллагена. Содержится ли последний во всех костях скелета одинаково — нам не известно. Скорее всего, — неодинаково. Другими факторами, влияющими на определение конечного результата датирования, может быть загрязнение образца, диета питания, а так же иные причины, вплоть до особых лабораторных условий, которые воздействуют на образец. Свои особенности в использовании результатов датировки имеют, как известно, полученные по углю, дереву и почве.

В целом, наиболее оправданным является статистический и комплексный анализ памятника, когда мы получаем несколько дат из одного и того же комплекса. Практика такого подхода показывает, что расхождения дат майкопских памятников может составить довольно значительный отрезок времени. Так, например, сопоставление некоторых дат из майкопских комплексов, проанализированных в лабораториях Института географии РАН, оказались устойчиво (трижды) древнее определений, полученных в Гронингенской лаборатории и лаборатории Института геологии РАН (табл. 1).

Датировка погребения 7 кургана 5 могильника Шарахалсун вообще дала разброс значений почти в тысячу лет (но все же в рамках IV тысячелетия до н.э.) в результате исследования одного и того же скелета в лаборатории Института географии РАН, Гронингенской лаборатории и лаборатории Института географии РАН. При этом в первых двух определениях лабораторий количество коллагена в образце, видимо, было незначительным, поскольку доверительные интервалы полученных дат довольно велики, около 100 лет. Лишь в третьем образце количество коллагена было удовлетворительным, что и дало возможность ввести доверительный интервал не в 100, а в 50 лет.

Таблица 1

КОМПЛЕКСЫ ДОМАЙКОПСКИХ И МАЙКОПСКИХ ПАМЯТНИКОВ С НЕСКОЛЬКИМИ ОПРЕДЕЛЕНИЯМИ ВОЗРАСТА ИЗ ОДНОГО ЗАХОРОНЕНИЯ

№№	№ лаборатории	BP	BC	памятник
1	**GrA-1920**	**5430±50**	**4340–4236**	**Перегрузное, 13/7**
2	ИГАН-2401	5780±150	4801–4462	Перегрузное, 13/7
3	**GrA-19521**	**4950±45**	**3781–3693**	**Манджикины 14/13**
4	ИГАН-2400	5100±50	3966–3803	Манджикины 14/13
5	GrA-19258	4710±100	3634–3360	Шарахалсун-6 5/7
6	ИГАН-2399	5090 ±110	3986–3772	Шарахалсун-6 5/7
7	**ГИН 13205**	**4510±50**	**3352–3023**	**Шарахалсун-6 5/7**
Примечание. Выделены принятые наиболее оправданные, на наш взгляд, даты.				

Также следует отметить, что авторы не являются сторонниками ведения поправки радиокарбонной хронологии майкопской культуры в свете изысканий из области «водного речного эффекта». Последняя поправка начала пропагандироваться для использования в датировках степных предкавказских памятников относительно недавно[23]. Данные радиокарбонной хронологии Большого Ипатовского кургана и данные Оксфордской лаборатории, дополнительно исследовавшей соотношение датировок костей животных и человека в этом памятнике, указывают на отсутствие влияния такого явления на хронологию памятников, исследуемых в степных районов Предкавказья[24].

Конечно, нас интересует проблема корректности радиокарбонных определений. Она может быть рассмотрена в нескольких аспектах. Например, как соотносятся даты, полученные по керамике, костям человека и животных? Ответ не сложен. Особых противоречий между ними нет. Так, на близкое время указывают даты Галюгаевских поселений I и III, полученные по костям животных и керамике (табл. 2). Между датировками по костям человека и животного также отмечается вполне приемлемая близость, например, даты погребения 1 кургана 1 на р. Кудахурт (табл. 2). Хорошая сходимость отмечена между датами Новосвободненского поселения, жертвенника в кургане 31 и погребения 5 этого же кургана. Даты получены по кости животного, керамике и кости человека[25].

Итак, перейдем к анализу полученных результатов. Прежде всего, следует отметить, что статистическая обработка уже полученных образцов датирования по майкопской культуре позволила наметить три диапазона дат с вероятностью 1 у 68% по выборке из 20 определений[26]. Сейчас эти диапазоны представлены следующим образом: ранний — 40-37 вв. до н.э., средний — 37/36-34 вв. до н.э., и поздний — 34-30/29 вв. до н.э. С увеличением количества выборки в какой-то мере приведенная выше градация диапазонов стала условной, но тем не менее она помогает распределить имеющиеся даты по столь необходимым для археологического анализа определениям «ранних, средних и поздних».

Для верификации радиокарбонной хронологии археологические, естественно, необходимы данные стратиграфии и археологической типологии, которые иногда достаточно дискретно отражают чередование событий в изменениях ма-

териальной культуры. Однако для памятников Майкопского кургана и Новосвободненских гробниц в этом вопросе имеется своя специфика. Дело в том, что их многослойных поселений со стратиграфией разных типов майкопских керамических комплексов нет, а курганов со стратиграфий последовательно впущенных захоронений мало.

Всего на нашей работе сейчас фигурирует 69 дат из основного ареала майкопских памятников и памятников их кумо-манычской периферии. Две даты занимают крайне раннее значение — 44–40 вв. до н.э. (Клады к. 11 п.3. Ле-4536 5310±160 BP 4330–3980 BC) и крайне позднее значение — 30–25 вв. до н.э. (Иноземцево I к. 3 п.8 ГИН 10956 4150±90 BP 2916–2469 BC). Для определения общего возраста рассматриваемого феномена они не учитываются, так как статистического подтверждения в диапазонах второй половины V тыс до н.э. — 1 половины III тыс. до н.э. не имеют.

Памятники раннего диапазона 40–37 вв. до н.э. с датами радиоуглеродного анализа, немногочисленны. Всего их известно 9 (11 дат) (табл.2).

Даты памятников круга Майкопского кургана. Четыре даты происходят из памятников, расположенных в предгорной долине под Владикавказом (с.Брут к.3 п.3), в степи на левом берегу Терека — (Галюгаевское III поселение), в Закубанье (Серегинское поселение). В Кумо-Манычской впадине известно два погребения с датами столь древнего возраста. Одно найдено в могильнике Манджикины к.14 п.13. Другое — в могильнике Восточный Маныч-66, левый берег, в к.17 п.11. В последнем случае это катакомба. Погребенный человек в камере катакомбы лежит на боку скорченно. При нем найден охристый майкопский сосуд с ручками-ушками, поставленными на тулово перед горлом[27]. Упомянутые выше комплексы кургана у с.Брут, Галюгаевского, Серегинского поселений, погребения в могильнике Манджикины относятся к кругу памятников Майкопского кургана. Сосуд с ручками ушками из катакомбы 11 могильника Верхний Маныч более тяготеет к посуде Псекупского поселения.

Даты памятников с керамикой круга Псепкупского поселения В предгорьях Балкарии (р.Кудахурт к.1 п.1) к такому диапазону дат принадлежит погребение с сосудами, украшенными орнаментом с пролощенной сеткой и тяготеющими по формам их приземистых пропорций к Псекупскому поселению в Закубанье, а также расположенная рядом с ним яма с керамическими находками и глиняными конусами .

Даты памятников могильника Клады и новосвободненской группы (культуры). Одна дата раннего диапазона относится к погребению 1 кургана 29 в могильнике Клады. Последнее разрушенное захоронение содержало типичный сосуд для новосвободненской группы (культуры)[28].

Некоторые выводы. В целом можно констатировать, что во время раннего диапазона дат происходит миграция носителей культуры памятников круга Майкопского кургана. Они привносят в Предкавказье керамику со знаками лейлатепинской — восточно анатолийской традиции[29]. В центральном Предкавказье фиксируются также носители с круговой керамикой, украшенной пролощенной сеткой, отношение которой к лейлатепинской традицией пока проблематично.

Сколько было таких миграционных потоков в это время, пока сказать труд-

но. В Предкавказье на раннем диапазоне дат майкопской культуры уже происходит строительство больших курганов с высотой до 8 м (Брут к.3). Фиксируются комплексы с бесчеренковыми кинжалами (Манджакины к.14 п.3)[30] и погребение, содержащее серебряное кольцо с сердоликовыми камешком (Кудахурт к. 1 п.1).

Дата из п.11 к.17 могильника Восточный Маныч-66 иллюстрирует древнейшую катакомбу «майкопского» времени в степном центральном Предкавказье, подтверждая идею заимствования катакомбного обряда местными майкопскими племенами от энеолитических катакомб, о чем писалось ранее[31].

Практически ранние памятники круга Майкопского кургана охватывают всю экологическую нишу их распространения, свойственную для них в более молодое время (то есть среднее и верхнее течение бассейна р.Терека, бассейн Кубани и Кумо-Манычскую впадину). К этому же времени относится дата, полученная из могильника Клады из ограбленного кургана 29 погребения 1.

Памятники среднего диапазона 37–34 вв. до н.э. с радиоуглеродными датами известны в количестве 24 (35 дат) (табл.2).

Даты памятников круга Майкопского кургана. В их число попадают комплексы к.1 п.70, к.2 п.60 у с. Заманкул в Северной Осетии, Усть-Джегутинское поселение, погребение ст. Днепровская-1 к. 2 п. 5-8-12, Иноземцево к.1 п.28, Кардониксий курган, Галюгаевское поселение I. В них найдены бронзовый топор, сосуд, тесло, мотыга, золотая подвеска с сердоликовым камешком. Этот набор позволяет соотносить с ними комплекс Майкопского кургана и определять его нижний хронологический диапазон в рамках 37–34 вв. до н.э.

Даты памятников с керамикой круга Псепкупского поселения. С ними связана находка п.3 к 1 на р. с.Кудахурт в Балкарии. Комплекс содержал бесчеренковый кинжал, бронзовый диск, украшения из золота и лазурита, сосуды, украшенные орнаментом в виде пролощенной сетки, имеющего аналогии в Красногвардейском могильнике и в Псекупском поселении[32].

Даты памятников могильника Клады и Новосвободненской группы (культуры). К этому диапазону принадлежат погребения к.11 п.43,48, 50, жертвенник в кургане 31 и сама гробница 5 кургана 31. Погребение 1 в кургане 30 с их разнообразным инвентарем, обозначающим круг металлических предметов новосвободненских гробниц. Далее следует упомянуть даты Новосвободненского поселения (Ki-13810 38–36 вв. до н.э., Ле-7727 38–36 вв. до н.э.), хорошо согласующиеся с датами жертвенника в кургане 31 (37-36 вв. до н.э.) и его феноменальной гробницы № 5 (37-34 вв. до н.э.) (табл.2).

Даты памятников круга Долинского поселения. К среднему диапазону дат относятся ранние даты Долинского поселения (37-34 вв до н.э) (табл. 2) и поселение Кирпичный-1[33] (37-34 вв. до н.э.) с керамикой такого же типа, как на Долинском поселении. В ее составе есть с плоская миска-противень, имеющая бортик. Такие миски известны на пос. Пхагуапе (круг памятников Псекупского поселения на Кубани). В погребении Иноземцевского кургана 1976 г. встречена лощеная, остро реберчатая миска, имеющая аналогии среди посуды Большетегинского поселения, относящегося к кругу памятников Майкопского кургана[34].

Дата погребения в Кумо-Манычской впадине без уточнения круга памятников.

Заканчивают серию два погребения из Кумо-Манычской впадины у с. Золотаревка к. 25 п.11 и Ипатово — 3 к.2 п.195.

Некоторые выводы. Средний диапазон дат отражает, по всей видимости, «расцвет» памятников круга Майкопского кургана, Новосвободненских гробниц, Долинского и Псекупского поселений. Продолжают сооружаться большие майкопские курганы, четко фиксируется обряд захоронения в ямах с галечными выкладками, кромлехи, гробницы и другие типы погребальной обрядности.

Практически известен весь ассортимент изделий из бронзы, золота и серебра. Возможно предполагать сосуществование ранних типов металла и поздних. Иными словами, это и есть время окончательного формирования облика металлообработки памятников круга Майкопского кургана и Новосвободненских гробниц. Вместе с тем следует отметить, что даты 14С еще не способны достаточно тонко разделить в это время комплексы раннего майкопского этапа и позднего майкопского этапа, по А.А. Иессену.

6. Памятники позднего диапазона дат 34/33-30/29 вв. до н.э с радиокарбонными датами. Учтено 23 даты из 17 комплексов этого времени (табл.2).

Даты памятников круга Майкопского кургана Памятники круга Майкопского кургана в это время редки — с ними связаны две даты поселения Галюгаевское I (34-32 вв. до н.э.).

Даты памятников могильника Клады и новосвободненской группы (культуры). они хорошо представлены из памятников круга Новосвободненских гробниц в Адыгее. Это три даты из самого Новосвободненского поселения (35/34–29 до н.э.), дата кургана у ст. Костромской (раскопки В.Р.Эрлиха) с типичным сосудом для новосвободненской группы (34-31 вв. до н.э.). Наконец, даты самих Новосвободненских гробниц 1898 г. раскопок: к.1 (34-31 вв. до н.э.) и к.2 (30-29, 29-27 вв.до н.э.; в среднем, вероятно, около 29 в. до н.э.). Однако следует отметить, что материалы этих двух гробниц очень близки комплексам других гробниц из курганов 28, 30, 31 могильника Клады.

Даты памятников круга Долинского поселения. Радиокарбонные определения для них пока появились в ограниченном количестве. Прежде всего, это поздние даты самого Долинского поседения (34-30 вв. до н.э.), даты могильников Горячеводский к. 3 п.6 , (34-30 вв. до н.э.) Иноземцево, к.3 п.8 (30-25 вв. до н.э.).

Даты памятников круга Псепкупского поселения определяются непосредственно из комплексов с характерной для них керамикой и комплексов с конусами, имеющими грибовидные шляпки как на Псекупском поселении. Последние найдены на поселениях Чишхо, Пхагуапе, Пшикуйхабль, Городской, Дюрсо. К этому же времени принадлежит и поздняя яма в кургане 1 на р.Кудахурт в Балкарии. Даты, полученные из поселении Чишхо, дают диапазон 34–30 вв. до н.э., а поздняя яма кургана 1 на р. Кудахурт датируется временем 32–29 вв. до н.э. (табл.2)

В Кумо-Манычской впадине к этому диапазону относятся 5 комплексов: Ипатово 3 к. 2 п.185, Ипатово 3 к. 2 п.183, Айгурский — 2 к.22 п. 15, Айгурский -2 к. 22 п. 8, Шарахалсун-6 к. 5 п. 7.

Как видно из перечня памятников с поздним диапазоном дат комплексов круга Майкопского кургана, в основном ареале майкопских памятников в это время обнаружено мало. Большинство дат относится к памятникам, тяготею-

щим к Новосвободненскому, Долинскому и Псекупскому поселениям.

В степной Кумо-Манычской периферии продолжают существовать памятники, оставленные населением, пользовавшимся круглодонной керамикой, украшенной пролощенной сеткой.

7. Внутренняя хронология памятников круга Майкопского кургана и Новосвободненских гробниц. Как выглядит хронология раннего этапа и позднего этапа памятников круга Майкопского кургана и Новосвободненских гробниц в свете полученных радиокарбонных дат? Рассмотрим этот вопрос подробно.

Памятники раннего майкопского этапа с керамикой, встреченной в Майкопском кургане, как отмечается выше, начинают фиксироваться в диапазоне 40-37 вв. до н.э. Они хорошо датируются на среднем диапазоне дат 37-34 вв. до н.э. и плохо прослеживаются на позднем диапазоне дат 33-30/29 вв. до н.э. Пока о металле этого времени мы знаем очень мало. На самом раннем диапазоне дат комплексы еще отражают ограниченный набор вещей. Только на среднем диапазоне дат 36-34 вв. до н.э. можно определять появление в майкопских комплексов с металлической посудой, инструментами деревообработки, черенковыми кинжалами, втульчатыми топорами и мотыгами. Однако это время совпадает уже и с датами новосвободненского круга памятников и датами гробницы 5 кургана 31 могильника Клады.

Все вышеизложенное приводит к вводу, что понятие «раннемайкопский этап» в отношении истории металлообработки у майкопских племен еще во многом не ясно, если иметь в виду диапазон 40-37 вв. до н.э. По сути, мы мало что знаем о наборах вещей на медной основе этого времени, кроме кинжалов с треугольной рукояткой, и можем только предполагать его высокий потенциал, давший феноменально богатый и сложный по технологии комплекс вещей Майкопского кургана.

Понятие «познемайкопский этап» выглядит уже совсем по-иному, чем его представлял А.А. Иессен[35], отмечая безусловно более древнюю позицию Майкопского кургана по отношению к гробницам ст.Новосвободной. Факт сосуществования комплексов того и другого круга памятников совершенно не исключен. При этом сам Майкопский курган, Заманкульский курган 1 очерчивают не столько хронологический этап в рамках 36-34 вв. до н.э., сколько этно-культурную традицию погребальных наборов. Эти памятники совпадают по диапазонам дат с диапазоном даты новосвободненской гробницы п.5 к.31 могильника Клады, а также с ранними датами Новосвободненского поселения. Они предшествует датам поздних новосвободненских мегалитов в курганах 1 и 2 из раскопок Н.И.Веселовского. Кроме того, в тех и иных комплексах можно различить не только разницу в типах вещей, но и близкие в технологическом[36] отношении явления.

Проблема формирования набора вещей «позднего облика» новосвободненского этапа должна решаться особо. Для раннего диапазона майкопских дат, как было отмечено выше, памятники с металлом новосвободненской группы (кульутры) пока неизвестны. А ранние комплексы из Кладов среднего диапазона дат дают нам такие яркие и совершенные наборы изделий из бронзы, золота и серебра, которые явно должны иметь свои прототипы в предшествующее время. Но их поиск — это не тема настоящей статьи.

Особой динамики внутри развития новосвободненского комплекса вещей не наблюдается. И вообще исследовать динамику новосвободненских памятников без должного обеспечения их радиокарбонными датами становится проблематичной задачей. Кроме того, А.Д. Резепкин считает дату 29-27 вв. до н.э., опубликованную Н.И. Шишлиной, для Новосвободненснкой гробницы 2 мало реальной, учитывая практическую идентичность набора вещей из нее другим, более ранним гробницам. Но, думается, не стоит сейчас отбрасывать устоявшееся понятие «позднемайкопского этапа». Просто содержание этого термина будет несколько изменено. Под ним будут подразумеваться наборы бронзовых и иных вещей, свойственных для круга памятников Долинского поселения, Новосвободненских гробниц и Псекупского поселения, в рамках их среднего и позднего диапазонов существования.

В итоге может предложить следующую периодизацию памятников круга Майкопского кургана и Новосвободненских гробниц.

Первый период 40-37 вв. до н.э. — ранний этап. Это время первой миграционной волны носителей знаковой круглодонной керамики лейлатепинско — восточноанатолийского облика в долины Терека и Кубани вплоть до Кумо-Манычской впадины включительно. Происходит адаптация курганного обряда этими племенами в Предкавказье и начало строительства больших курганов. Уже в это время появляются памятники круга Майкопского кургана и комплексы с бесчеренковыми кинжалами, украшения из серебра с сердоликовым камешком. Остальные вещи из металла относить к этому времени проблематично. О металле этого времени мы вообще знаем очень мало. Металл круга памятников Новосвободненских гробниц пока неизвестен, хотя уже есть дата раннего комплекса с типично новосвободненским сосудом.

Второй период 37/36–34 вв. до н.э. — средний этап. Он представлен вещами, которые типичны для комплексов Заманкульского кургана 1 п.70, Майкопского кургана, Галюгаевского поселения, Усть-Джегутинского поселения и тяготеющего к нему могильника, гробницы 5 кургана 31 урочища Клады, гробницы 1 кургана 30 урочища Клады, Иноземцевского кургана 1976 г. Доказать более ранний возраст памятников круга Майкопского кургана на этом отрезке времени по сравнению с памятниками круга Нововободненских гробниц пока не представляется возможным. Аргумент А.А.Иессена о том, что комплексы с бесчеренковыми кинжалами древнее комплексов с черенковыми кинжалами, не вполне убедителен. По данным, например, Тепе Гиссара I и II форма черенкового кинжала является для этого памятника более древней, чем бесчеренкового. Затем оба типа кинжалов просто сосуществуют, поскольку найдены вместе в слое Тепе Гиссара II[37].

Для второго периода мы можем отмечать такие категории и типы майкопских вещей, как разнообразная металлическая посуда, оружие в виде бронзовых топоров групп 1, 1а, 2, топоров с выступом на обухе типа Лечинкай, бесчеренковых и черенковых кинжалов без отверстия в рукоятке и с отверстием в рукоятке, долот, тесел, шильев, втульчатых вил, дисков, а так же уникальные изделия: колесо — штандарт на втулке и меч. К рассматриваемому времени может относиться Старомышастовский клад, а также памятники, тяготеющие по керамике в центральном Предкавказье к Долинскому поселению.

Внутри среднего этапа по нашей схеме наметить более дробную хронологию тоже пока затруднительно из-за недостаточности радиокарбонных определений. Гипотетически памятники круга Майкопского кургана с металлом могут быть более ранними, чем памятники круга Новосвободненских гробниц при их вполне вероятном сосуществовании. При этом очевидно, что различные по формам керамики комплексы связаны и с различными наборами металлических орудий, оружия и украшений. Они отражали тем самым неодинаковую этно-культурную ориентацию древних племен в снабжении металлом. Одни из них были причастны к наследству носителей культуры памятников раннего периода с майкопско-лейлатепинской знаковой керамики и к ее типам металла, другие придерживались керамических традиций памятников круга Новосвободненского, Псекупского и Долинского поселений и снабжались несколько иными наборами металлических орудий и украшений.

Синхронизация дат памятников круга Майкопского кургана и Новосвободненских гробниц с памятниками Ближнего и Среднего Востока является особой темой исследования[38]. В общих чертах даты раннего периода будут соответствовать раннеурукскому времени, даты среднего периода — среднеурукскому, а даты позднего периода — позднеурукскому периоду и времени Джамедет Насра, если соотносить их со схемой Е.Порады. В ней ранний урукский период датируется временем 4000-3750 вв. до н.э., средний — 3750-3500 вв. до н.э. и поздний — 3500-2900 вв. до н.э.[39]

Кроме того отметим еще один сюжет, возникающий при сопоставлении феноменально богатых гробниц урочища Клады с богатейшей гробницей Т1 в слое Арслантепе VIBI. Последняя датируется временем 30-29 вв. до н.э. (Ua-18081 4355±65 BP, 3081–2879 BC. Вероятность 1 сигма)[40]. Как было отмечено выше, гробница 5 кургана 31 в урочище Клады датируется более древним временем — 37-34 вв. до н.э. Таким образом, новосвободненское захоронение 5 кургана 31 древнее богатейшей восточно — анатолийской гробницы. Отсюда вытекает очень интересное заключение о том, что каменные наземные гробницы новосвободненской группы и настоящий по своей длине меч[41] из гробницы 5 кургана 31 в урочище Клады древнее гробницы Т1 и соответственно его меча. В любом случае, новосвободненский меч не уступает по времени анатолийскому и является одним из самых древних мечей Передней Азии и Кавказа.

Поздний период 34-30/29 вв. до н.э. является как бы верхним рубежом для диапазона возникновения самого Майкопского кургана. Но в основном, он представлен датами и бронзовыми вещами, характерными для комплексов Новосвободненских гробниц из курганов 1 и 2, поздними комплексами круга Долинского поселения в центральном Предкавказье и поздними комплексами круга памятников Псекупского поселения в Кубанском бассейне. Металл этого периода близок к вещам, воспринимаемым как позднемайкопские типы металлообработки.

Публикуемая схема периодизации безусловно поддерживает, как принцип, трехэтапную хронологию майкопской культуры, предложенную Р.М. Мунчаевым в 1994 году[42]. Вместе с тем надо подчеркнуть, что хронология рассматриваемых памятников, конечно, должна уточняться в будущем с накоплением новых радиоуглеродных определений. Приведенные даты, несмотря на их уже не-

малое число, показывают, насколько еще много остается открытых вопросов в датировках многих аспектов изучения раннего периода бронзового века Предкавказья. Последний тезис дополнительно акцентирует необходимость проведения специальных работ по расширению базы данных радиоуглеродного возраста памятников круга Майкопского кургана и Новосвободненских гробниц, исследований по раскопкам новых комплексов изучаемого феномена, на проведение обобщающих работ по типологии бытовых, погребальных памятников, а также всех атрибутов его материальной культуры.

Таблица 2

РАДИОУГЛЕРОДНЫЕ ДАТЫ ПАМЯТНИКОВ КРУГА МАЙКОПСКОГО КУРГАНА И НОВОСВОБОДНЕНСКИХ ГРОБНИЦ*

Даты в веках до н.э. (приближенные)

	Ранний диапазон 40-37	шифр	ВВ.	материал
1	с.Брут 3/3	ГИН-9037	40–38	кость
2	Серегинское пос.	Ki 14226	40–38	керамика
3	Галюгаевское пос. III	OxA-3779	40–37	жив
4	Галюгаевское пос III	Ki 13021	39–36	керамика
5	Кудахурт к.1 яма 1	Ki-12733	39–37	чел
6	Кудахурт к.1 п.1	Ki-13009	38–37	чел
7	Кудахурт к.1 п.1	Ki-13010	38–37	жив
8	Клады к. 29 п 1	Ле-4529	40–37	дерево
9	Манджикины 14/13	GrA-19521	38–37	чел
10	Верхний Маныч — 66 к.17 п.11	GrA-24434	40–38	кость
11	Шарахалсун-6, к-2, п.12,	Ki-12709	38–37	чел

*Шифр — шифр лаборатории и номер анализа, ВВ. — вв. до н.э., материал — материал пробы; чел — кость человека, жив — кость животного, ВР — дата от наших дней, исходное значение образца, ВС — калиброванная дата с вероятностью 68%. Пос. — поселений, к. курган, п. — погребение. Жирным шрифтом выделены принятые даты из комплексов с несколькими определениями одного и того же комплекса.

Даты абсолютные с вероятностью 68,%

	Ранний диапазон, 40-37	шифр	ВР	ВС	материал
1	с.Брут 3/3	ГИН- 9037	5020±30	3906–3776	чел
2	Серегинское пос.	Ki 14226	5060±90	3970–3770	керамика
3	Галюгаевское-III пос.	OxA-3779	4980±120	3950–3650	жив
4	Галюгаевское-III пос	Ki 13021	4920±90	3800–3530	керамика
5	Кудахурт к.1 яма 1	Ki -12733	4980±80	3810–3660	жив
6	Кудахурт к.1 п.1	Ki -13009	4920±70	3773–3644	чел
7	Кудахурт к.1 п.1 (повтор)	Ki -13010	4930±60	3773–3650	чел
8	Клады к. 29 п. 1	Ле-4529	4960±120	3940–3640	дерево
9	Манджикины к.14 п. 13	GrA-19521	4950±45	3781–3693	кость
10	Восточный Маныч-66 к.17 п.11	GrA-24432	5096±95	3990–3770	жив
11	Шарахалсун-6, к-2, п.12,	Ki–12709	4980 ± 80	3780–3620	чел

Даты в веках до н.э. (приближенные)

	Средний диапазон, 37-34	шифр	ВВ.	материал
12	Новосвободненское пос.	Ki-13810	38-36	керамика
13	Новосвободненское пос, Раск.IV, кв.В-1	Ле-7727	38-36	уголь
14	Новосвободненское пос.	Ki-13809	37-35	керамика
15	Новосвободненское пос.	Ле-7728	37-34	уголь
16	Новосвободненское пос.	Ki -13807	36-34	керамика
17	Новосвободненское пос.	Ki-13808	36-34	керамика
18	Новосвободненское пос.	Ki-13811	36-34	керамика
19	Клады к. 30 п. 1 (гробница)	Ле-4528	36-34	дерево
20	Клады, 31/ жертвенник.	GrA- 21336	37-36	жив
21	Клады к.31 п.5	Ki-13822a	37-34	кость
22	Клады к.15 п.2	Ki-13855	35-34	чел
23	Клады к 11 п. 50	OxA-5059	37-36	кость
24	Клады к 11 п. 43	OxA-5058	37-34	кость
25	Клады к 11 п. 48	OxA-5060	37-34	кость
26	Клады к. 11 п. 55	OxA-5061	37-34	кость
27	Кашхатау к.12 п.7, яма	ГИН-12918	37-36	чел
28	с. Заманкул 1/70	ГИН-8034	37-36	керамика
29	Усть-Джегутинское пос.	Ki-13821	37-36	жив.
30	Усть-Джегутинское пос.	Ле-7566	37-34	жив
31	Днепровская 1 к. 2 п.5-8-12	OxA-4707	37-35	кость
32	Галюгаевское-1 пос.	OxA-3778	37-34	жив
33	Иноземцево-1 к.1 п. 28	ГИН-11158	37-34	чел
34	Кудахурт к.1 п.3	Ki-12741	36-35	чел
35	с.Заманкул к.2 п. 60	ГИН-8424	36-34	чел
36	Кардоникский курган, основное погребение.	Ki-13023	36-34	керамика
37	Кирпичный-1 пос.	Ki-14316	37-34	керамика
38	Долинское пос.	Ki-1381	37-34	керамика
39	Долинское пос.	Ki-1381	36-32	керамика
40	Иноземцево, к. 1976, о.п.	GrA-21372	35-34	кость
41	Золотаревка-1, к.25 п.11	GrA-22174	36-34	чел
42	Золотаревка 1, к. 25 п.11	ГИН 11156	35-30	чел
43	Ипатово-3 к. 2 п. 195	Ki-14218	36-34	овца
44	Ипатово 3 к. 2 п.195, скелет 1	ГИН-10298	36-34	чел
45	Ипатово 3 к. 2 п.195, скелет 2	ГИН-10301	34-29	чел

Даты абсолютные с вероятностью 68,%

№ №	памятник	Шифр	BP	BC 68%	материал
12	Новосвободненское пос	Ki-13810	4805±100	3700–3500	керамика
13	Новосвободненское пос, Раск.IV, кв.В-1	Ле- 7727	4860±100	3780–3520	уголь
14	Новосвободненское пос.	Ki-13809	4730±90	3640–3490	керамика
15	Новосвободненское пос.	Ле-7728	4720±70	3635–3374	уголь
16	Новосвободненское пос.	Ki-13807	4665 ±10	3540–3350	керамика
17	Новосвободненское пос	Ki-13808	4680±100	3540–3360	керамика
18	Новосвободненское пос.	Ki-13811	4700±90	3540–3370	кость
19	Клады к. 30 п. 1 (гробница)	Ле-4528	4620±40	3500–3342	керамика
20	Клады, 31, жертвенник	GrA-21336	4810±70	3657–3518	жив
21	Клады к.31 п.5	Ki-13822a	4755±80	3642–3378	Кость чел
22	Клады к 15 п.2	Ki-13855	4710±90	3470–3370	чел
23	Клады к. 11 п. 50	OxA-5059	4835±60	3696–3532	кость
24	Клады к. 11 п. 43	OxA-5058	4675±70	3614–3362	кость
25	Клады к. 11 п. 48	OxA-5060	4665±60	3610–3358	кость
26	Клады к. 11 п. 55	OxA-5061	4665±65	3643–3384	дерево
27	Кашхатау 12 п.7 яма	ГИН-12918	4830±40	3650–3541	жив
28	с.Заманкул к.1 п.70	ГИН- 8034	4820±70	3640–3500	чел
29	Усть-Джегутинское пос.	Ki-13821	4690±110	3640-3550	Кость жив.
30	Усть-Джегутинское пос.	Ле-7566	4690±120	3640–3360	Кость жив.
31	Днепровская-1 к. 2 пп.5-8-12	OxA-4707	4800±80	3655–3436	чел
32	Галюгаевское-1 пос.	OxA-3778	4650±80	3610–3354	жив
33	Иноземцево 1 к.1 п. 28	ГИН 11158	4670±40	3626–3359	чел
34	Кудахурт к.1 п.3	Ki-12741	4610±60	3520–3400	чел
35	с.Заманкул к.2 п.60	ГИН- 8424	4670±35	3500–3340	чел
36	Кардоникский курган, о.п.	Ki-13023	4650±100	3540–3330	керамика
37	Кирпичный-1 пос.	Ki-14316	4710±100	3638–3366	керамика
38	Долинское пос.	Ki-1381	4660±90	3626–3354	керамика
39	Долинское пос.	Ki-1381	4600±100	3515–3105	керамика
40	Иноземцево, 1976, о.п.	GrA-21372	4630±50	3499–3349	кость
41	Золотаревка-1 к.25 п.11	GrA-22174	4640±60	**3504–3349**	чел
42	Золотаревка-1 к. 25 п.11	ГИН 11156	4510±80	3499–2919	чел
43	Ипатово-3 к. 2 п. 195 кость из тризны	Ki-14218	4650±60	**3520–3360**	овца
44	Ипатово 3 к. 2 п.195 скелет 1	ГИН 10298	4610±140	3516–3256	чел
45	Ипатово 3 к. 2 п.195 скелет 2	ГИН 10301	4410±170	3350–2881	чел

Даты в веках до н.э. (приближенные)

	Поздний диапазон			
46	Галюгаевское пос.1	OxA-3777	34–32	Кость жив
47	Галюгаевское пос 1	Ki-13022	33–32	керамика
48	Кудахурт к.1 Яма в бровке	Ki-12693	32–29	Кость жив
49	Кудахурт к.1 Яма в бровке. Повтор	Ki-12692	29–27	Кость жив
50	Чишхо пос.	Ле-7563	32–30	уголь
51	Чишхо пос.	Ле-7564	34–30	уголь
52	Пхагуапе пос. яма 1, дно	Ле-7562	34–31	уголь
53	Долинское пос.	Ki-1381	34–30	керамика
54	Долинское пос.	Ki-1381	34–31	керамика
55	Горячеводский-1 к.3 п.6	ГИН-11151	34–30	кость
56	Горячеводский-1 к.3 п.6	OXA 18714	33–32	овца
57	Иноземцево 1 к.3 п.8	ГИН-10956	30–25	кость
58	Костромская-III, к. 1 из насыпи	Ki-13817	34–31	керамика
59	Новосвободная 1898 к.1 п.1	OxA-5063	34–31	кость
60	Новосвободная 1898 к.2	GRA 24441	30–29	Кость жив
61	Новосвободная 1898 к.2	GRA 21334	29–27	текстиль
62	Новосвободненское пос.	Ле-5032	34–32	уголь
63	Новосвободненское пос.	Ле-7725	34–29	кость
64	Новосвободненское пос.	Ле-7726	35–33	уголь
65	Ипатово 3 к. 2 п.185	ГИН-10302	34–31	чел
66	Ипатово 3 к. 2 п.183	ГИН-10307	34–25	чел
67	Айгурский-2 к.22 п. 15	ГИН-11811	34–31	чел
68	Айгурский-2 к. 22 п. 8	ГИН-12405	34–30	чел
69	Шарахалсун-6 к. 5 п. 7	ГИН-13205	34–31	чел

Даты абсолютные с вероятностью 68 %

	Поздний этап, поздний диапазон	шифр	BP	BC	материал
46	Галюгаевское-1 пос.	OxA-3777	4530±70	3355–3100	жив
47	Галюгаевское-1 пос.	Ki-13022	4580±90	3240 3100	керамика
48	Кудахурт к.1. Яма в бровке	Ki-12693	4340±80	**3100–2880**	жив
49	Кудахурт к.1. Яма в бровке	Ki-12692	4170±80	2880–2620	жив
50	Чишхо пос.	Ле-7563	4390±60	3100–2910	уголь
51	Чишхо пос.	Ле-7564	4450±110	3340–2940	уголь
52	Пхагуапе пос. яма 1, дно	Ле-7562	4530±80	3370–3090	уголь
53	Долинское пос.	Ki-1381	4510±90	3363–3028	керамика
54	Долинское пос.	Ki-1381a	4490±90	3358–2905	керамика
55	Горячеводский-1 к.3 п.6	ГИН-11151	4420±40	3329–2917	Чел.
56	Горячеводский-1 к.3 п.6	OXA 18714	4532±33	3240–3110	овца
57	Иноземцево-1 к.3 п.8	ГИН-10956	4150±90	2916–2469	кость
58	Костромская III, к. 1 из насыпи	Ki-13817	4540±100	3380–3090	керамика
59	Новосвободная, 1898, к.1 п.1	OxA-5063	4500±60	3336–3096	кость
60	Новосвободная,1898, к.2 п.1	GRA 24441	4270 45	2909–2879	Кость жив
61	Новосвободная, 1898к.2 п.1	GRA 21334	4200 60	2885–2679	текстиль
62	Новосвободненское пос.	Ле-5032	4510±40	3334–3102	уголь
63	Новосвободненское пос.	Ле-7725	4120±120	3330–2880	кость
64	Новосвободненское пос.	Ле-7726	4560±70	3490–3260	уголь

	Поздний этап, поздний диапазон	шифр	BP	BC	материал
65	Ипатово 3 к. 2 п.185	ГИН-10302	4530±100	3367–3039	чел
66	Ипатово 3 к. 2 п.183	ГИН-10307	4280±260	3336–2497	чел
67	Айгурский-2 к.22 п. 15	ГИН-11811	4480±50	3341–3032	чел
68	Айгурский-2 к. 22 п. 8	ГИН-12405	4460±80	3345–2925	чел
69	Шарахалсун-6 к. 5 п. 7	ГИН-13205	4510±50	3352–3023	кость

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Термин введен Е.И. Крупновым для обозначения памятников Предкавказья, имеющих аналогии на Кубани и Тереке по керамике, металлу, в погребальных комплексах Майкопского кургана и Новосвободненских гробниц. Он используется широко и принят зарубежной археологией.
2. Термин введен С.Н. Кореневским. Он близок понятию майкопская культура Е.И.Крупнова, как показатель особого археологического феномена, имеющий деление на варианты, группы или даже культуры неоднородного происхождения (*Кореневский С.Н.* Некоторые проблемы изучения майкопской культуры // Новое в методике археологических работ на новостройках РСФСР. М., 1989; *Кореневский С.Н.* Древнейшие земледельцы и скотоводы Предкавказья. (Майкопско-новосвободненская общность. Проблемы внутренней типологии) М., 2004.
3. Термины введены А.Д. Столяром (*Столяр А.Д.* Поселение Мешоко и проблема двух культур Кубанского энеолита. Тезисы докладов сессии, посвященной итогам научной работы Государственного Эрмитажа за 1963 год. 1964.), но сейчас используется А.Д. Резепкиным для подчеркивания разного происхождения памятников круга Майкопского кургана и Новосвободненских гробниц (*Резепкин А.Д.* Некоторые аспекты формирования эпохи ранней бронзы на Северном Кавказе // Материалы и исследования по археологии Кубани. Краснодар. Вып. 4. 2004.). В связи с тем, что авторы имеют неодинаковые точки зрения на отмеченную выше терминологию в работе используются первичные понятия А.А.Иессена для систематизации больших кубанских курганов, введенные им в научный оборот до появления термина «майкопская культура» (*Иессен А.А.* К хронологии больших кубанских курганов // СА. XII. 1950).
4. *Кореневский С.Н.* Радиокарбонные даты майкопских (галюгаевских) поселений // Вторая Кубанская археологическая конференция. Краснодар, 1993; *Резепкин А.Д.* Культурно-хронологическая ситуация на Северном Кавказе в эпоху энеолита — ранней бронзы // Конвергенция и дивергенция в развитии культур эпохи энеолита — бронзы Средней и Восточной Европы. СПб., 1995; *Rezepkin A.D.* Das fruhbronzezeitlicht Gräberfeld von Klady und die Majkop-Kultur in Nordwestkaukasien // Archaologie in Eurasien. Bd. 10. Verlag Marie Leindorf: Rahden/Westf), 2000; *Кореневский С.Н.* Древнейшие земледельцы и скотоводы Предкавказья. (Майкопско-новосвободненская общность. Проблемы внутренней типологии) М., 2004). Мы упоминаем работы, в которых вводились вновь полученные даты майкопских памятников из материалов раскопок самих авторов или полученных при участии их организации (оплате) этих дат в различных лабораториях. Именно эти сводки дат включались затем иные «банки данных» по радиокарбонной хронологии майкопской культуры.
5. *Кореневский С.Н.* Радиокарбонные даты майкопских (галюгаевских) поселений // Вторая Кубанская археологическая конференция. Краснодар, 1993.
6. *Резепкин.* Культурно-хронологическая ситуация...

7. *Кореневский С.Н.* Радиокарбонные даты майкопских (галюгаевских) поселений // Вторая Кубанская археологическая конференция. Краснодар, 1993; *Резепкин.* Культурно-хронологическая ситуация...
8. *Кавтарадзе Г.Л.* К хронологии эпохи энеолита и бронзы Грузии. Тбилиси, 1985.
9. *Мунчаев Р.М.* Майкопская культура // Эпоха бронзы и Северного Кавказа. Археология СССР М., 1994.
10. *Трифонов В.А.* Поправки к абсолютной хронологии культур эпохи энеолита-бронзы Северного Кавказа // Между Азией и Европой. Кавказ в IV-I тыс. до н.э. СПб., 1996; *он же.* Поправки к абсолютной хронологии культур эпохи энеолита — средней бронзы Кавказа, степной и лесостепной зон Восточной Европы (по данным радиоуглеродного датирования) // Бронзовый век Восточной Европы: характеристика культур, хронология и периодизация. Самара, 2001. С.71-82.
11. *Rezepkin.* Op. cit.
12. *Кореневский С.Н.* Древнейшие земледельцы и скотоводы Предкавказья. (Майкопско-новосвободненская общность. Проблемы внутренней типологии) М., 2004.
13. *Кореневский С.Н.* Современные проблемы изучения майкопской культуры // Археология Кавказа и Ближнего Востока. М., 2008.
14. Компелятивное направление в радиокарбонном датировании является необходимым в том случае, когда ведется сопоставление разных блоков радиокарбонных дат, например, майкопских дат и дат трипольской культуры, оно целесообразно при характеристике культур или целых регионов, при популяризации работ. Однако оно не относится к разряду оригинально научных исследований.
15. *Резепкин.* Культурно-хронологическая ситуация...
16. Шишлина Н.И. Погребальные традиции населения калмыцких степей в эпоху ранней бронзы. //Археологический сборник. Погребальный обряд. Труды ГИМ Вып. 93. М., 1997.
17. *Кореневский С.Н.* Радиокарбонные даты древнейших курганов Юга Восточной Европы и энеолитического блока памятников Замок-Мешоко-Свободное // Вопросы археологии Поволжья. Вып. 4. Сборник посвящается памяти И.Б.Васильева. Самара. Издательство Самарского научного центра РАН, 2006. С. 142.
18. При сопоставлении времени существования майкопского феномена по сравнению с хронологией культурных периодов Ближнего и Среднего Востока, особенно его начала, многое зависит от приятой терминологии в отношении понятий раннего, среднего и позднего урукского периодов, периода позднего Северного Убейда или переходного времени от убейдского периода к урукскому. (*Кореневский С.Н.* Знаковая керамика Кавказа эпохи энеолита и ранней бронзы // Древности Северного Кавказа. М., 1999; *он же.* Древнейшие земледельцы и скотоводы Предкавказья. (Майкопско-новосвободненская общность. Проблемы внутренней типологии). М., 2004; Резепкин, 2000; *Резепкин А.Д.* Некоторые аспекты формирования эпохи ранней бронзы на Северном Кавказе // Материалы и исследования по археологии Кубани. Краснодар. Вып. 4. 2004 и другие исследователи).
19. *Черных Е.Н., Орловская Л.Б.* Радиоуглеродная хронология майкопской археологической общности // Археология, этнография и фольклёристика Кавказа. Новейшие археологические и этнографические исследования на Кавказе. Махачкала, 2007. С.10-28; *они же.* Феномен майкопской общности и ее радиокарбонная хронология // Археология Кавказа и Ближнего Востока. М., 2008. С. 259-275.
20. Скорей всего она относится к более позднему, «дольменному» периоду этого памятника. А.Д. Резепкин к производстве этой даты отношения не имеет, и для определения возраста памятников круга Новосвободнеских гробниц никогда ее не использовал.

21. *Черных Е.Н., Орловская Л.Б.* Феномен майкопской общности... С. 270, 271.
22. *Ковалюх Н.Н., Скрипкин В.В.* Радиоуглеродное датирование археологической керамики жидкостным сцинтилляционным методом // Радиоуглерод в археологических и палеоэкологических исследованиях. СПб., 2007. С. 120-126.
23. *Шишлина Н.И., ван дер Плихт Й., Зазовская Э.П., Севастьянов В.С., Чичагова О.А.* К вопросу о радиоуглеродном возрасте энеолитических культур Евразийской степи // Вопросы археологии Поволжья. Вып. 4. Самара, 2006. С. 135-140; *Шишлина Н.И. Зазовская Э.П., Севастьянов В.С., Ван дер Плихт Й, Чичагова О.А.* Радиоуглеродное датирование разных углеродосодержащих материалов из одного археологического контекста // Радиоуглерод в археологических и палеоэкологических исследованиях. СПб., 2007. С. 225-235; *Шишлина Н.И.* Северо-Западный Прикаспий в эпоху бронзы (V-III тысячелетия до н.э.). М., Труды ГИМ. Вып. 165. 2007.
24. *Кореневский С.Н., Белинский А.Б., Калмыков А.А.* Большой Ипатовский курган на Ставрополье. М., 2007. С. 117, 118.
25. Даты выполнены в лабораториях Оксфорда, ИИМКа, Киева.
26. *Кореневский С.Н.* Древнейшие земледельцы и скотоводы Предкавказья. С. 123.
27. *Шишлина Н.И.* Погребальные традиции населения калмыцких степей в эпоху ранней бронзы //Археологический сборник. Погребальный обряд. Труды ГИМ Вып. 93. М., 1997. С. 7. Рис. 2, 7.
28. *Rezepkin*. Op. cit. Tafl. 42,3).
29. Имеется в виду круглодонная посуда с тестом без минеральных примесей, изготовленная при помощи ранних форм круга и знаками – метками, хорошо прослеживаемая в памятниках лейлатепинской культуры и в слое Арслантепе VII.
30. Отмечаем только комплекс с бесченковым кинжалом, имеющим дату.
31. *Кореневский С.Н., Калмыков А.А.* Древнейшие подбои и катакомбы Предкавказья // Древний Кавказ: ретроспекция культур. Международная научная конференция, посвященная 100-летию со дня рождения Евгения Игнатьевича Крупнова. (XXIII Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа). М., 2004.
32. *Кореневский С.Н.* Современные проблемы изучения майкопской культуры // Археология Кавказа и Ближнего Востока. М., 2008. С. 150. Рис. 11.
33. *Кореневский С.Н.* Отчет об археологических раскопках поселения Кирпичный-1 на территории города Ессентуки Ставропольского края в 2007 году. Москва-Ставрополь, 2007.
34. *Кореневский*. Древнейшие земледельцы и скотоводы Предкавказья. С. 68.
35. *Иессен А.А.* К хронологии больших кубанских курганов // СА, XII. 1950.
36. Имеем в виду одинаковое литье топоров в брюшко, сам факт изготовления металлической посуды, кинжалов с заклепками на рукоятях, похожие типы тесел, долот и погребальных наборов с такими вещами.
37. *Schmidt E.F.* Tepe-Hissar excavations. Museum Journal. Philadelphia, 1931; *Idem*. Excavatins at Tepe Hissar. Damghan. Philadelphia, 1937.
38. В задачу настоящей статьи эта тема с ее полным рассмотрением не входит. Дело в том, что схем периодизаций памятников Ближнего и Среднего Востока много и не все они совпадают в деталях.
39. *Porada E.* The Chronology of Mesopotamia ca 7000-1600 B.C. // Chronology in Old Word Archaeology. Third Edition. Chicago, 1992. P. 100.
40. *Frangipane* et el.., 2001 — M. Frangipane, G.M. di Nocera, A. Hauptmann, P. Morbidelli, A. Palmieri, L. Sadori, M. Schultz and T. Schmidt-Schultz. 2001. New Symbols of New Power A Royal Tomb from 3 000 BC Arslantepe. Malatya (Turkey) // Paleorient. 2001. Vol. 27/2. P. 105-139, P. 135.

41. Длина меча из гробницы 5 кургана 31 ст. Новосвободной составляет 63 см. За критерий настоящего меча принят размер 60 см. (*Горелик М.В.* Оружие Древнего Востока. М., 1993. С. 15.
42. *Мунчаев Р.М.* Майкопская культура.

RADIOCARBON CHRONOLOGY OF SITES OF THE TYPE OF MAJKOP BURIAL AND NOVOSVOBODNENSK TOMBS

S.N. Korenevskii, A.D. Rezepkin

The article deals with some new chronological data received under the excavations of the Bronze Age sites in the Caucasus. The carbon analysis has been made by laboratories of Oxford, Moscow, Kiev etc. Results show that the chronological gap of Majkop sites is 4000/3900–3000/2900 BC. These data confirm the opinion of R.M. Munchaev who divided the chronology of Majkop culture into three stages in 1994.

© 2008

А.В. Безруков

ТОРГОВО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ СВЯЗИ ВОЛГО-КАМЬЯ ПО ДАННЫМ ПИСЬМЕННЫХ И АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ (VI в. до н.э. — VII в. н.э.)

Несомненным представляется то, что одним из самых трудных и актуальных аспектов древней истории периферийных районов Восточной Европы в целом и Волго-Камья, в частности, (при скудности письменных источников) является проблема сущности и направления древних торговых связей. Они могли быть обусловлены различными аспектами жизни обществ — торговым обменом сырьем, скотом, продуктами производства, общим культурным взаимодействием и прочим; следует также иметь в виду возможность инфильтрации отдельных групп населения из соседних регионов, передвижение крупных масс кочевых племен, что, несомненно, играло важную роль в жизни населения рассматриваемых районов. Основной целью нашей работы является определение основных направлений и сущности торговых коммуникаций в указанных районах в VI в. до н.э. — V-VII вв. н.э.

Реконструкция древних караванных путей для второй половины I тыс. до н.э. — первой половины I тыс. н.э. сложна вследствие практического отсутствия письменных источников и того, что археологические материалы почти не содержат прямых указаний на существование таких путей. Топография предметов импорта I тыс. до н.э. — середины I тыс. н.э. в лесостепи, указывает на главные направления и конечные пункты караванных дорог[1]. Трудно предположить, что среднеазиатские и боспорские купцы поднимались севернее лесо-

степной зоны, за исключением, вероятно, событий, связанных с Бартымским кладом. Население лесостепи, выступая в качестве контрагентов с далеким югом при посредничестве кочевников степи, само являлось в то же время посредником между торгово-ремесленным югом и таежным севером[2].

Конечно, следует объективно оценивать информативные возможности археологических источников, поскольку до нас доходят только те свидетельства обмена и торговли, которые долго сохраняются, а основная масса обмениваемой продукции слабо представлена в археологическом материале, кроме того, археологический материал не может дать ответы на многие конкретные вопросы реального развития торговли, а позволяет лишь наметить общие закономерности и общие контуры развития торговых связей, тем более, что изучение торговых связей в основном базируется на исследовании керамики и античных бус, что неизбежно ведет к некоторой односторонности выводов[3].

Кама и Волга были хорошо известны географам древности и раннего средневековья, поскольку этот путь использовался людьми как прекрасная торговая магистраль, ведущая из района Прикаспия и равнин Восточной Европы на Урал и далее. Обмен изначально шел, в первую очередь, высококачественной яшмой, кремнем, янтарем и металлами. Территория Волго-Камья, изолированная от масссового вторжения лесными масссивами, имела длительные периоды мирного существования, благоприятного для развития торговых отношений.

Согласно античной письменной традиции, восточными соседями скифов были кочевые племена, близкие скифам по образу жизни и известных грекам под именем «савроматов», а затем «сарматов», упоминаемые уже в «Истории». Обращение к Геродоту не случайно, так как вся последующая античная историография, греческие и римские авторы, так или иначе, обращаются к информации Геродота, касающейся племен и народов, населявших степи и леса вплоть до Южного Урала[4]. Ему же принадлежит одно из первых упоминаний о торговом пути, соединявшим греческие колонии Северного Причерноморья с районом Южного Приуралья (Herod., IV, 23, 24).

В «Географическом руководстве» Птолемея впервые на географических картах появляются реки Волга, Урал и Кама (Ptol., V, 8, 1-13). Эта часть карты Птолемея особенно интересна в связи с вопросом о торговом пути, так как в ней представлено подробное, детальное и, что особенно важно, точное описание района северного Прикаспия, закаспийских стран, течения Волги и Урала. Несмотря на отрывочность и фрагментарный характер информации, тем не менее, показателен сам факт вовлечения периферийных районов Восточной Европы в сферу внимания и интересов античных авторов как отражение общей тенденции расширения географических представлений древних греков и римлян.

В этом отношении примечательно то обстоятельство, что Геродот, называя крупнейшие реки Скифии и соседних стран: Истр, Тирас (Herod, IV, 51), Гипанис (Herod, IV, 53) и Танаис (Herod, IV, 57), даже не упомянул Волги, вероятно, уже и в то время игравшей важную роль речного торгового пути. Следовательно, Геродот вел речь преимущественно о сухопутных торговых путях, слабо зависящих от речных магистралей.

Самого пристального внимания, как нам представляется, заслуживают данные лингвистов о наименованиях Волги у различных племен на разных участ-

ках реки. Отмечается, что совпадение греческого, иранского, мордовского и готского названий Волги свидетельствует о том, что мордва лесостепной полосы уже в IV в. н.э., когда готы столкнулись с этим народом, употребляла то же название Волги, что и их южные соседи, населявшие степь иранцы; это обстоятельство отражает активные интеграционные процессы вдоль волжской магистрали различных племен и народов, преодолевших существенный природный рубеж на несколько столетий раньше, чем в бассейнах других рек Восточной Европы[5].

Не случайно, рассказывая о верхних аорсах, Страбон (Strabo, XI, V, 8) указывает на то, что их прямые предки жили в приаральских и, возможно, южноуральских степях, следовательно, караванная торговля возникает у «протоаорсов» на несколько столетий раньше, во времена Ахеменидов (VI-IV вв. до н.э.), когда караванные пути из оренбургских степей шли по берегам Эмбы, Узбоя, Амударьи и Сырдарьи[6]. Особого внимания заслуживает указание Страбона о торговле «верхних аорсов», встречаемых только у него, занимавших, по-видимому, земли западного Прикаспия (Strabo, XI, V, 8).

Относительно данного эпизода исследователи не пришли к единому мнению. Традиционно принято считать, что аорсы вели самостоятельную посредническую торговлю[7]. Более убедительным представляется, что сами аорсы не занимались посреднической торговлей, так как подобная трактовка входит в противоречие с самим Страбоном, отмечавшем примитивный натуральный обмен у номадов. Богатство их было результатом того, что они заняли старый торговый путь, а платежи купцов давали им большие средства и позволяли щедро платить боспорским грекам за вино, одежду и драгоценные вещи[8].

В последующий период основное содержание эпохи связано, конечно же, с появлением на исторической арене в Северном Причерноморье сарматских племенных союзов и объединений и установлением их господства на огромном пространстве евразийских степей, от Дуная на западе и до Урала на востоке. При этом наименование «сарматы» выступает в большинстве случаев «исключительно как собирательное название для ираноязычных кочевников восточноевропейских степей, вне зависимости от их конкретного происхождения»[9].

Это была особая эпоха для ираноязычных кочевников евразийских степей, однако она практически не оставила следов ни в письменных источниках, в которых невероятно сложно найти ни общей картины о народах, населявших степи, ни ясного рассказа о торговых и культурных контактах. Ф. Бози эту неполноту объясняет «утратой большей части историко-географической литературы», а также тем, что «новая интеллектуальная среда эллинистического времени должна была уделять меньше внимание народам, известным с древних времен, таким, как скифы и сарматы»[10].

Но, как нам представляется, это в большей мере относится к народам, непосредственно соприкасавшимся с греками, а племена, занимавшие степные пространства на периферии Восточной Европы, именно в эллинистическую эпоху попадают в поле зрения античных историков, географов и политических деятелей.

Таким образом, именно крупные племенные объединения ираноязычных кочевников, населявших долины Урала, Волги 1 и их притоков, обеспечивали

стабильное функционирование торговых коммуникаций, протянувшихся на сотни и более километров, связывавших между собой отдельные районы и области Средней Азии, Кавказа, Закавказья и Северного Причерноморья.

Самой распространенной и многочисленной категорией привозных изделий на всей территории Восточной Европы являлись, очевидно, бусы различных форм и типов, изготовленные из самых разных материалов. Бусы и подвески у многих народов древности, в том числе и у племен Приуралья, Поволжья и Прикамья, были, вероятно, связаны с различными поверьями и приметами. Особые магические свойства приписывались не только изображению и форме, но и материалу — камню, из которого изготавливались бусы и подвески.

Чрезвычайно трудно определить, откуда поступали украшения и где они в основной массе производились, так как они были необычайно широко распространены по всему античному миру, и центры их изготовления находились в Средиземноморье, Причерноморье, на Ближнем Востоке, в античных городах Передней и Центральной Азии и в Закавказье. Одним из главных поставщиков был Египет, поэтому о месте производства конкретных типов и групп бус следует говорить только с известными оговорками.

Самыми ранними типами украшений, изготовленных из полудрагоценных камней, являются дисковидные и цилиндрические гешировые бусы, обнаруженные в ряде погребений Калиновского могильника прохоровского времени[11]. Наборы гешировых бус происходят из ряда раннесарматских погребений могильника Покровка - 8 с юга Оренбургской области[12]. В Южном Приуралье, при раскопках Темясовских курганов, расположенных на высоком правом берегу р.Сакмары (Баймакский р-н, Башкортостан) при археологических работах в 1970-1972 гг. в числе прочих предметов импортного происхождения были обнаружены гешировые и лигнитовые бусины в количестве 538 экз.[13]. Бусы и подвески из гешира или гагата, минерала приятного черного цвета в больших количествах встречены в могильниках Закавказья и Средней Азии[14]. Данный минерал А.В. Ферсман называл одним из излюбленных камней древности[15].

Вполне вероятным представляется, что значительная часть украшений из гагата могла поступать с территории Закавказья через Прикубанье по древнему торговому пути в Танаис, шедшему вдоль восточных побережий Понта и Меотиды, а уже оттуда в Поволжье[16].

В этом случае важную роль в качестве торгового посредника могла играть Диоскуриада, что косвенно подтверждает сообщение Страбона: «Эта же Диоскуриада является началом перешейка между Каспийским морем и общим торговым центром для живущих выше и соседних народностей... Все они говорят на разных языках, так как живут врозь и замкнуто в силу своей гордости и дикости. Большинство их — это сарматы, но все они кавказцы» (Strabo, XI, II, 16, XI, II, 16). В пользу сказанного свидетельствует и тот факт, что с III в. до н.э. сарматы устанавливают тесные связи с Северным Кавказом и Азиатским Боспором, а изделия из гагата именно в это время получают широкое распространение у сарматов[17]. В.П. Шилов связывал проникновение гешира именно с Закавказьем[18], где известны не только многочисленные находки гешира, но и места его добычи[19]. На территории Нижнем Поволжье известно большое коли-

чество наборов, включавших в себя янтарные подвески, 14-гранные бусы из сердолика, агата и янтаря[20].

В древности среди многочисленных камней особая роль отводилось сердолику, занимавшему важное место в магических действиях. Считалось, что он может не только уберечь владельца от болезни, но и от бедности[21].

Очевидно, что сердоликовые бусы, обнаруженные в погребениях Приуралья, Поволжья и Прикамья, входят в обширный круг ювелирных изделий, известных на Ближнем Востоке, в Закавказье и Северном Причерноморье. Вполне вероятным представляется, что сердоликовые бусы и подвески попали в сарматские погребения вместе с украшениями из гешира с территории Закавказья, а именно через посредничество Диоскуриады.

Коралловые бусы и подвески известны уже в раннесарматских погребениях Южного Приуралья, в частности, с территории Оренбургской области. Подвески из ярко-красного коралла были обнаружены в погребениях могильника Покровка — 8[22], а также у с.Привольное в кургане 2 в погребении 1[23]. На территории Южного Приуралья подвеска из коралла происходит из сарматского кургана в устье р.Базы, левого притока р.Белой у села Атасово (Илишевский р-н., Башкортостан)[24].

Раковины морских моллюсков, в частности раковины каури из Индийского океана, использовавшиеся в качестве украшений (подвески, нашивки), уже с конца неолита как предмет обмена получили распространение среди племен и народов Волго-Камья. Раковины каури и раковины грифеи, среди прочих импортных предметов, были обнаружены в Прохоровских и в Покровских курганах (быв. Оренбургской губ)[25]. По мнению Л.Т. Яблонского, раковины грифеи становятся частью погребального ритуала у женщин в савроматское время и прохоровский период[26], о чем и свидетельствуют находки в погребениях Южного Приуралья.

Набор из шести жуков-скарабеев синего египетского фаянса среди каменных стеклянных бус был обнаружен в женском погребении I в. до н.э. — I в. н.э. (кургана 6) I Сорочинского могильника (п.Сорочинский, Оренбургская обл.)[27]. Данная находка скарабеев является пока единственной для района Южного Приуралья. Следует отметить также находку египетских пастовых бус, обнаруженных при раскопках курганного могильника у села Привольное Илекского района, где в погребении 6 (центральное) кургана 2 была обнаружена плоская бусина сердцевидной формы из египетского фаянса голубого цвета, совершенно аналогичная ей бусина была найдена в погребении 10 того же кургана, датируются оба погребения III-II вв. до н.э.[28].

Бусы и скарабеи из египетского фаянса были обнаружены в самых различных районах древнего мира, зачастую удаленных друг от друга на значительное расстояние. В Западной Сибири в погребениях Речкино II в кургане 3 (погребение 3) были обнаружены фигурки Гарпократа из египетского фаянса в комплексе с импортными бусами из шпинели и сердолика[29].

Одной из наиболее вероятных причин столь широкого распространения изделий из египетского фаянса, во многом обусловившей их появление в сарматскую эпоху в восточноевропейских степях, явилось включение Египта в состав Римской империи в I в. н.э. Находки египетских скарабеев в курганах Вол-

го-Донского междуречья, в частности, в погребениях кургана Жутово, очевидно, указывают на варварские городища Нижнего Подонья, через посредничество которых изделия из египетского фаянса поступали на территорию Нижнего и Среднего Поволжья, Прикамья и Южного Приуралья.

Проникновение подобных украшений к кочевым народам Волго-Камья в целом совпадают с путями проникновения импортных стеклянных и каменных бус, происходящих из античных центров Средиземноморья, Причерноморья и Закавказья.

Интерес представляют находки на указанной территории сапфирина-халцедона в виде дисков, которые, очевидно, применялись в качестве наверший ножей и кинжалов у поздних сарматов, а сопутствующие им халцедоновые бусы могли использоваться для украшения кистей или темляков. Возможно, сарматы, а именно аорсы имели летние кочевья в районе р.Белой и оказывали влияние на угорские племена азелинско-мазунинского круга, и это помогает определить пути миграции древних сарматских племен, которые оставались основными проводниками античного влияния на дальнюю периферию[30].

На Южном Урале при раскопках могильника Солончанка I на пластине с колчана были обнаружены гранатовые вставки, которые, согласно А.Д. Таирову, добыты из россыпей Индии или Цейлона, а через индийский центр торговли самоцветами попали в Иран, где были обработаны и вставлены в золотую пластину, украшавшую колчан; находка драгоценных камней неуральского происхождения служит доказательством существования во времена, предшествующие захоронению, связей населения южноуральских степей со странами Востока[31].

Исключение составляет уникальная находка халцедоновой головки Амура, обнаруженная в 1991 г. при раскопках Мокинского могильника (близ гор.Пермь) в воинском погребении, которое содержит черты кочевнического, возможно, сарматского влияния[32]. Согласно исследователям, в данном случае мы имеем дело с фалерой — медалью римских легионеров, относящейся к периоду ранней Империи. Время изготовления определяется периодом правления Калигулы (37-41 гг. н.э.)[33].

Что касается вопроса о том, каким образом римская фалера оказалась в Прикамье, то, возможно, ее появление связано с миграциями кочевников-сарматов, участвовавших в войнах на дунайских границах, где фалера из халцедона могла быть ценным трофеем. Уникальная находка римской фалеры косвенно подтверждает тенденцию активизации торговых и культурных контактов между различными племенами степи и лесостепи в период Великого переселения народов степей Евразии.

Таким образом, можно с уверенностью утверждать, что украшения собственно западноевропейского происхождения не получили сколько-нибудь значительного распространения у народов Приуралья, Поволжья и Прикамья в рассматриваемые хронологические периоды. Этому во многом способствовала не только сравнительно высокая цена римских импортных ювелирных украшений, но и развитое ювелирное производство боспорских мастерских, вполне удовлетворявших запросы варварской знати в продукции подобного рода.

Особый интерес в плане реконструкции торгово-экономических отношений

представляют находки серебряных византийских монет на территории рассматриваемого региона. Большая часть византийских серебряных монет VII в. Найдена на территории Прикамья, ограниченной бассейном р.Сылвы. Клады серебряных византийских монет V-VI вв. нам неизвестны, серебряная монета в международной торговле вытесняется золотой, и только в VII в. клады, содержащие серебряные византийские монеты, обнаружены на территории Закавказья и Прикамья. Клады византийских серебряных монет трижды зарегистрированы в Прикамье.

В Пермской области у пос.Бартым (Березовский р-н.) в 1950 г. в серебряном сосуде были обнаружены двести шестьдесят византийских серебряных монет; при закладке шурфа рядом были также обнаружены еще двенадцать однотипных гексаграмм Ираклия, которые чеканились в Константинополе между 615-629 гг.[34] Бартымский монетный клад пришел в Прикамье не позднее середины VII в.[35] Принимая во внимание его уникальный состав, хозяином его был, веротно, даже не закавказский, а византийский купец. Вполне может быть, что все византийские монеты завезены в Прикамье вместе, одним караваном из византийского Херсона в 630-е годы вверх по Дону, Волге и Каме.

Поразительное сходство закавказских и прикамских денежных кладов, на что уже неоднократно указывалось в нумизматической литературе, убедительно свидетельствует в пользу версии о наличии довольно тесных связей между Закавказьем и Прикамьем, осуществлявшихся посредством прямых контактов по Волге и Каме. Очевидно, большая часть византийских золотых и серебряных монет проникла на территорию Поволжья, Прикамья и Приуралья посредством торгового пути с территории Закавказья по Волге и Каме в сравнительно короткий отрезок времени (вторая половина V — середина VII в. н.э.).

Гораздо более многочисленная по своему составу, разнообразная по типам, богатству форм и тематике изображений и сюжетов целая серия серебряных сосудов византийского происхождения, обнаруженных в Прикамье и Приуралье. Наличие в указанных районах импортных предметов византийского происхождения отмечалось неоднократно, но мы на данный момент не имеем конкретных сведений о непосредственном сношении Прикамья и Приуралья с Византией или о прямом экспорте продукции константинопольских мастерских или каких-либо других ремесленных центров Византии в данные области, а тем более об изготовлении таковых специально с расчетом на экспорт в Приуралье и Прикамье.

В.Ю. Морозов наиболее вероятным временем поступления византийских сосудов называет VII в., позже времени Ираклия в Прикамье и Приуралье сосудов нет, и связано это с тем, что именно в середине данного столетия были перекрыты торговые пути в Среднюю Азию из Ирана[36].

В плане возможного маршрута прохождения византийского серебра предпочтение отдается среднеазиатскому пути, по которому поступила большая часть импортных серебряных изделий.

В.Ю. Лещенко в решении поставленной проблемы значительную роль отводит закавказско-волжскому степному пути и хазарам как посредникам, большое количество серебра ими было получено после их набегов на Кавказ в 626 и 628 гг., и уже оттуда оно могло поступать непосредственно в Прикамье[37].

Что же касается вопроса о распространении импортной бронзовой посуды, то, по мнению Б.А. Раева, «распространение бронзовой посуды северо-италийского производства шло через Малую Азию и Кавказ, приходится признать несостоятельным тезис о торговом пути, проходившем через дунайские провинции Римской империи; основной путь шел через Малую Азию и сарматов из армии МитридатаVI, разорявших Галатию, где жили азиатские кельты, поддерживавшие контакты с европейскими кельтами»[38].

Таким образом, начиная с середины VI в. до н.э. античный импорт распространяется за пределы Северного Причерноморья, в первую очередь, через Ольвию или, что более вероятно, через крупные торговые центры Боспорского царства, италийский импорт начинает проникать на территорию Волго-Камья, а с IV-III вв. до н.э. к этой торговле подключаются и варварские городища (Елизаветинское на Кубани, Елизаветовское в устье Дона, Каменское на Днепре).

Интенсивность и постоянство подобного рода контактов между южными странами и северными областями по Волге, Каме и Уралу на протяжении длительного времени объясняется, как нам представляется, сочетанием нескольких обстоятельств, в значительной степени способствовавших развитию торгово-экономических связей края с древними государствами:

Южный Урал с древнейших времен являлся одним из крупнейших поставщиков медной руды и металла далеко за пределы региона, а медь как металл, очевидно, использовалась как важнейший объект обмена в зарождающемся процессе межплеменной торговли, непосредственно включавшего в себя перемещения на довольно значительные расстояния, что явилось важной предпосылкой для установления тесных связей края с античными государствами в последующие эпохи. Помимо этого Урал, очевидно, являлся поставщиком пушнины, примером чего могут служить находки, обнаруженные в IV Семибратнем кургане и Артюховском склепе[39].

На Урале присутствуют, кроме золота и других драгоценных металлов, драгоценные камни. Плиний приводит данные о том, что «... видов смарагда двенадцать: благороднейшие — скифские, названные так от того народа, у которого добываются» (Plin., 37, 64). Возможно, что какая-то часть упоминаемых Плинием изумрудов происходят из уральских месторождений, хотя, за одним исключением, характерные для уральских месторождений включения в древних камнях неизвестны; возможно также, что и какая-то часть аметистов в древности добывалась среди прочих известных месторождений также и на Урал[40].

Таким образом, именно исключительно выгодное географическое и стратегическое положение района, богатство природных ресурсов, наличие высокоценной пушнины обусловили интерес древних к данному региону, активность и постоянство торговых магистралей, в течение длительного хронологического периода соединявших край с различными областями древнего мира.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Даркевич В.П.* Художественный металл Востока. М., 1976. С. 143.
2. *Таиров А.Д.* Торговые коммуникации в западной части Урало-Иртышского междуречья. Челябинск, 1995. С. 43.
3. *Акбулатов И.М.* Экономка ранних кочевников Южного Урала. Уфа, 1999. С.102.

4. *Мошкова М.Г.* Краткий очерк истории савромато-сарматских племен // Археология СССР. Степи Евразии в скифо-сарматское время. М., 1989. С. 153.
5. *Шрамм Г.* Реки Северного Причерноморья (историко-филологическое иследование их названий в ранних веках) // Взгляд издалека. Немецкие историки о прошлом Восточной Европы. М., 1997. С. 79.
6. *Савельева Т.М., Смирнов К.Ф.* Ближневосточные древности на Южном Урале // ВДИ. 1972. № 3. С. 119-120.
7. *Лукьяшко С.И.* О караванной торговле аорсов // Древности Евразии в скифо-сарматское время. М., 1984. С. 164.
8. *Ростовцев М.И.* Курганные находки Оренбургской области эпохи раннего и позднего эллинизма (с приложением П.К. Коковцова и С.И. Руденка) // МАР. 1918. № 37 С. 130.
9. *Скрипкин А.С.* Азиатская Сарматия: проблемы истории и культуры // Проблемы скифо-сарматской археологии и истории. Тезисы докладов конференции. Азов, 1988. С. 125-126.
10. *Bozi F.* The Nomads of Eurasia in Strabo // The archaeology of the steppes methods and strategies. Papers from the International Symposium held in Naples, 9-12 November 1992. Napoli, 1994. P. 116-119.
11. *Шилов В.П.* Раскопки Елизаветовского могильника в 1954 и 1958 гг. // ИРОМК. 1959. № 13. С. 84-116.
12. *Яблонский Л.Т.* Некоторые итоги работ комплексной Илекской экспедиции на юге Оренбургской области // Евразийские древности. 100 лет Б.Н. Гракову: архивные материалы, публикации, статьи. М., 1999. С. 330-348.
13. *Пшеничнюк А.Х, Рязапов М.Ш.* Темясовские курганы позднесарматского времени на юго-востоке Башкирии // Древности Южного Урала. Уфа. 1976. С. 132-143.
14. *Обельченко О.В.* Культура античного Согда по археологическим данным VII в. до н.э. — VII в. н.э. М., 1992. С.202.
15. *Ферсман А.Е.* Самоцветы России. Пгр, 1920. С.116.
16. *Манандян Я.А.* О торговле и городах Армении в связи с мировой торговлей древних времен V в. до н.э. — XV в. н.э. Ереван. 1954. С.13-15.
17. *Скрипкин А.С.* Азиатская Сарматия. Проблемы хронологии и ее исторический аспект. М., 1990. С.115.
18. *Шилов*. Ук. соч. С. 440.
19. *Куфтин Б.А.* Материалы к археологии Колхиды // Тбилиси, 1949. Вып I. С. 53-54.
20. *Яценко С.А.* Диадемы степных кочевников в Восточной Европе в сарматскую эпоху // КСИА. 1986. Вып. 186. С. 17-18.
21. *Марковин В.И.* Сердолик — «камень счастья» // МИА. 1965. № 130. С. 269-272.
22. *Яблонский*. Ук. соч. С.337.
23. *Мещеряков Д.В.* Впускные погребения сарматской культуры в курганах на р.Илек // Археологические памятники Оренбуржья. Оренбург. 1997. С. 44-53.
24. *Васильев И.Б.* Сарматский курган на северо-западе Башкирии // СА.1973. № 4. С. 249-252.
25. *Ростовцев*. Ук. соч. С.18-22.
26. *Яблонский*. Ук. соч. С.329.
27. *Железчиков Б.Ф., Пятых Г.Г.* Среднесарматские погребения I Сорочинского могильника (Оренбургская обл.) // СА. 1981. № 2. С.274.
28. *Мещеряков*. Ук. соч. С.45-47.
29. *Матвеева Н.П.* О торговых связях саргатского населения с Центральной Азией (по материалам Тоболо-Ишимья) // Взаимодействие саргатских племен с внешним миром. Омск, 1998. С.98.

30. *Мельничук А.Ф., Вылегжанина М.В.* Изделия из халцедона-сапфирина в Восточной Европе как индикатор культурных связей населения Прикамья с сарматским мром в первой половине I тыс. н.э. с. 80-81 // Новый Гиперборей. Межвуз. сб. науч. тр. Пермь, 2004. С. 80-81.
31. *Бушмакин А.Ф., Таиров А.Д.* Гранат из могильника Солончанка I (Южный Урал)// Курган с усами Солончанка I Сб. науч. тр. Челябинск, 1999. С. 96.
32. *Соболева Н.В.* Раскопки Мокинского могильника //Археологические открытия Урала и Поволжья. Ижевск. 1991. С. 71-73.
33. *Колобов А.В.* Династическая пропаганда на знаменах и боевых наградах римских легионов (первый век Империи) // ПИФК. 2000. № VIII. С.131-132.
34. *Бадер О.Н., Смирнов А.П.* «Серебро Закамское» первых веков нашей эры //ТГЭ. 1954. Вып. 13. С. 19.
35. *Морозов В.Ю.* Пути проникновения сасанидских монет и художественных изделий в Поволжье и Прикамье // Евразийские степи в I тыс. н.э. Самара, 1996. С. 148-159.
36. *Морозов.* Ук. соч. С.158.
37. *Лещенко В.Ю.* Восточные клады на Урале в VII-XIII вв. (по находкам художественной утвари) // Дисс. на соиск. учен. степ. канд. истор. наук. Л., 1971. С. 242-243.
38. *Раев Б.А.* Бронзовая посуда эпохи позднего латена в Сарматии// Античный мир и археология. Проблемы истории и археологии древней ойкумены. Межвуз. сб. науч. тр. Вып. 9. Саратов, 1993. С. 174-175.
39. *Круглов Е.А.* К вопросу об уральском экспорте на Боспоре // Боспорский феномен: погребальные памятники и святилища. Материалы международной научной конференции. СПб., 2002. Ч. 2. С. 237.
40. *Ogden J.* Jewellery of the Ancient World. London: Trefoil Books, 1982. P. 106.

TRADE COMMUNICATIONS IN THE VOLGA-URAL REGION ACCORDING TO WRITTEN AND ARCHAEOLOGICAL SOURCES (6th CENTURY B.C. — 7th CENTURY A.D)

A.V.Bezrukov

According to ancient historians and geographers, large tribal unions of the Volga-Ural Region secured the functioning of trade communications during the 6th century B.C. – 7th century A.D. The author examines the role of tribes in transt trade.

ИСТОРИЯ РОССИИ

© 2008

М.В. Курмаев

ГЕНЕРАЛ-ЛЕЙТЕНАНТ А.Н. АСТАФЬЕВ И ЕГО КОЛЛЕКЦИИ

В фондах Пензенского областного краеведческого музея хранятся десятки книг, форзацы которых содержат надпись: «Керенская публичная библиотека». Обращение к документам Губернской учёной архивной комиссии позволяет узнать, что в начале XX века эти издания были перевезены из уездного города Керенска в Пензу и когда-то, в основной части, принадлежали генерал-лейтенанту А.Н. Астафьеву, местному помещику. Жизненный путь этого человека, безусловно, незаурядного и разностороннего, представляет значительный интерес и заслуживает отдельного исследования. Выдающийся коллекционер и меценат, ценитель музыки и книг, он сохранил для будущих поколений уникальные автографы своих современников — писателей, поэтов, композиторов и политических деятелей.

Алексей Николаевич Астафьев (Остафьев) родился 30 января 1806 года в семье дворян Петербургской губернии[1]. По достижении одиннадцатилетнего возраста он вместе с братом Евграфом был помещён в Благородный пансион при Петербургском педагогическом институте (позднее университете), где находился с 1817 по 1821 год[2]. Воспитанники пансиона получали образование европейского уровня. Они изучали иностранные языки, историю и литературу, географию и статистику, логику и философию, право, естествознание, политэкономию. Русскую словесность преподавал молодой Вильгельм Кюхельбекер[3]. Многие однокашники А.Н. Астафьева составили впоследствии гордость русской культуры: композитор М.И. Глинка, романист К.П. Масальский, этнограф Н.А. Маркевич, библиограф С.А. Соболевский. Кроме того, с ним учился и был дружен Лев Сергеевич Пушкин[4].

А.С. Пушкин часто приезжал к брату. Местом его постоянных встреч с воспитанниками пансиона служила квартира В.К. Кюхельбекера[5]. Там, возможно, и произошло первое знакомство Астафьева с великим поэтом. Связь с ним не пресекалась и позднее, что подтверждает самарский литератор И.А. Второв. В его дневнике есть запись, датированная 27 октября 1827 года: «...поехал к А.Н. Остафьеву. Он рад был мне, хотел познакомить с Пушкиным, кланялся от отца...»[6]. Состоялась ли эта встреча — неизвестно, но фамильный архив Астафьевых сохранил автограф пушкинского стихотворения «О ты, который сочетал...» (Послание к А.Ф. Орлову) (1819) и два неизвестных стихотворения Льва Пушкина «К М.» и «Листок»[7].

Астафьев не стал ни писателем, ни композитором, ни ученым. Он посвятил

себя карьере военного и добился на этом пути значительных успехов. Окончив школу подпрапорщиков «...первым по успехам в науках», Алексей Николаевич начал службу юнкером 1-го Карабинерного полка (1823)[8]. Затем был переведён в Лейб-гвардии Семёновский полк. 1 января 1826 года А.Н. Астафьев поздравил императора от имени Школы подпрапорщиков и первым в истории царствования Николая I был произведён в очередное звание — прапорщика. В 1831 году, уже в чине поручика, участвовал в штурме Варшавы и подавлении Польского восстания[9]. «Здесь он... первым бросается в объятый пламенем форштадт и целый день не выходит из боя. Штурм Вольскаго форштадта известен своим кровопролитием; войска подавались вперед, штурмуя на каждом шагу рогатки, отдельные дома, лютеранское кладбище, костёл и, наконец, громадный вал, где было захвачено несколько орудий; только немногие из наших охотников уцелели в этом кровавом побоище. Астафьева, в числе других, принесли утром... на перевязочный пункт, раненного тремя пулями в левое плечо, в руку, в ногу и штыком — в правый бок. За этот подвиг он удостоен награды орденом Св. Великомученика и Победоносца Георгия 4-ой степени»[10]. Через два года Астафьев — штабс-капитан. В 1835 году Алексея Николаевича отметили на маневрах при г. Калише и назначили флигель-адъютантом Его Императорского Величества. С этого момента началось его быстрое продвижение по служебной лестнице. В 1847 году А.Н. Астафьев, будучи комендантом Императорской Главной квартиры (с 29 июня 1839 года), получил звание генерала-майора свиты Его Императорского Величества. По долгу службы он неоднократно участвовал в маневрах и смотрах отдельных частей русской армии[11].

Ещё в Благородном пансионе началась дружба Астафьева с Глинкой. Существуют многочисленные свидетельства их общения.

Алексей Николаевич по просьбе Глинки помог устроиться на квартиру украинскому художнику Якову Федосеевичу Яненко (1800–1852)[12]. Семейство Яненко разместили в бане, пристроенной к дому тестя Астафьева — Дмитрия Дмитриевича Пономарёва. Здесь, на Фонтанке, у Семёнова моста, он познакомился с другом Яненко — Карлом Брюлловым. Последним был даже написан «Портрет Астафьева с собакой», местонахождение которого в данный момент неизвестно[13]. Одна из встреч Астафьева с Глинкой произошла летом 1849 года. Композитор впоследствии вспоминал: «В свите Е.И. Величества, находившейся в то время в Варшаве, было несколько коротких моих знакомых и однокашников; иногда я кутил с ними и другими знакомыми. Главные сборища были у меня и у пансионского моего товарища генерала А.Н. Астафьева»[14]. Вечерами в их кругу можно было встретить художников, музыкантов, актеров, балерин варшавской сцены. Вокалист П.С. Николаев, проживавший тогда в Варшаве, так пишет об Алексее Николаевиче: «...человек в высшей степени симпатичный: прямая, правдивая душа и прекрасная открытая наружность привлекали к нему с первого раза всякого, а широкое, чисто русское гостеприимство наполняло... его квартиру разным народом»[15]. На страницах адресной книги М.И. Глинки за 1854–1856 годы сохранилась запись: «Астафьев, в Офицерской улице, Эйнерлинга дом № 36, за тюрьмой, против Глинки»[16].

Кроме М.И. Глинки, в число друзей Алексея Николаевича входил А.С. Даргомыжский. В 1851 году, благодаря их совместным усилиям, увидел свет «Му-

зыкальный сборник в память А.Е. Варламова». Он включал последний романс покойного композитора «О нет, не верю я», а также вокальные произведения М. Глинки, А. Алябьева, А. Рубинштейна, А. Гурилева, А. Львова, П. Воротникова и других[17]. Права на издание и средства, полученные от его продажи, передали семье Варламова, оказавшейся в тяжелом материальном положении. По мнению Б.Л. Вольмана, этот сборник «...явился одним из наиболее значительных музыкальных альбомов, как по содержанию, так и по тщательности печатного оформления»[18].

Пятидесятые годы стали для генерала периодом тяжёлых жизненных испытаний и утрат. Ушла из жизни его горячо любимая жена — Лидия Дмитриевна, урождённая Пономарёва (1853), умер Михаил Глинка (1857)[19]. В 1861 году с А.Н. Астафьевым была согласована известная карательная акция, направленная на подавление крестьянских беспорядков в селах Кандиевка и Черногай Керенского уезда Пензенской губернии[20]. К этому времени ему присвоили звание генерал-лейтенанта (1856). 7 июня 1863 года командующий 16 пехотной дивизией Алексей Николаевич Астафьев вышел в отставку и поселился в пензенском имении[21].

От покойной жены генерал унаследовал имение в Керенском уезде. Оно заключалось в 5 800 десятинах земли с сельцом Малый Буртас и двумя деревнями: Пятницкое и Софьевка[22]. Кроме того, Астафьев был землевладельцем Кузнецкого уезда Саратовской губернии, где ему принадлежало около 11 500 десятин земли с селами Трескино и Турдаки[23]. В имениях работало четыре винокуренных завода и суконная фабрика[24].

В 1864 году Алексея Николаевича избрали керенским уездным предводителем дворянства. Его пребывание на этом посту продолжалось пять лет и было отмечено важными культурными начинаниями. Благодаря инициативе А.Н. Астафьева и уездного врача Х.И. Чудновского (1803–1868) стало возможным открытие Керенской публичной библиотеки (1866) — первой общественной библиотеки в губернии. Для её основания Алексей Николаевич пожертвовал 3 тысячи томов книг, в основном научного содержания, и арендовал помещение. В письме Чудновскому Астафьев писал: «В продолжении 43-х лет собранную свою библиотеку, вами разобранную и приведённую систематически в порядок, доверяю доставить в Керенскую публичную библиотеку, которой я с счастьем жертвую, уверенный, что эта лепта принесет посильную пользу»[25]. Генерал-лейтенант А.Н. Астафьев «...до самой смерти своей не забывал библиотеку, присылал ей все пользуемые им журналы и газеты»[26].

Керенская публичная библиотека проработала около 25 лет (с перерывами) в крайне тяжёлых и неблагоприятных условиях. В 1904 году книги перевезли в Пензу, где они стали основой библиотеки Губернской ученой архивной комиссии. Среди уцелевших изданий немало редких: «Воинский устав», «Штаты губерниям», «История упадка и разрушения Римской империи» Э. Гиббона, «Славянская хрестоматия», «Певец на Кремле» В.А. Жуковского (с автографом автора), «Опыт исторического словаря о российских писателях...» и «Древнеяя Российская вивлиофика...» Н.И. Новикова[27].

В декабре 1869 года А.Н. Астафьев ушёл с должности уездного предводителя дворянства «по домашним обстоятельствам»[28]. Год его смерти установить пока

не удаётся. Согласно «Пушкинской энциклопедии», он умер после 1873 года[29]. Эту дату можно уточнить. В конце 1882 года пензенский краевед Г.П. Петерсон написал статью о Керенской публичной библиотеке. А.Н. Астафьев упомянут в ней как покойный[30]. Следовательно, он ушёл из жизни между 1873 и 1882 гг.

Недвижимое имущество Алексей Николаевич поделил между детьми: Николаем (1841–1889), Анастасией (1843–?) и Лидией (1853–?)[31].

Анастасии Алексеевне досталось имение при сельце Малый Буртас и деревне Софьевке (1 898 десятин земли). Она вышла замуж за нижегородского дворянина, чиновника особых поручений МВД Василия Александровича Козлова (1839–?). У них родились четыре сына: Александр (1866–?), Алексей (1869–?), Николай (1871–?), Павел (1873–?) и три дочери: Мария (1865–?), Софья (1868–?) и Ольга (1875–?)[32].

Мужем Лидии Астафьевой стал елецкий помещик Петр Александрович Стахович. Судя по всему, его отцом был действительный статский советник Александр Александрович Стахович, владевший в Керенском уезде 1641 десятиной земли при селе Сергиевское (Поливаново)[33]. Известно, что Лидия Алексеевна переписывалась с литератором Алексеем Жемчужниковым[34]. В её собственность перешло 860 десятин родительской земли при деревне Пятницкое[35].

Николаю Алексеевичу отошло при разделе 4000 десятин земли в Кузнецком уезде Саратовской губернии. После окончания Пажеского корпуса (1859) и Николаевской академии Генштаба (1864) Астафьев-младший находился на штабной работе. Участвовал в Русско-турецкой войне 1877–1878 годов. 18 мая 1880 года Н.А. Астафьева назначили на должность генерала для особых поручений при Его Императорском Высочестве Главнокомандующем Кавказской армией. В 1883 году его утвердили в данной должности и произвели в генерал-майоры[36]. «В числе поручений, — отмечается в «Русском биографическом словаре», — на Астафьева была возложена разработка военно-исторических материалов, относящихся до последней войны в Азиатской Турции»[37]. Николай Алексеевич состоял в браке с Е.Д. Чавчавадзе (1850–1929), представительницей знаменитого княжеского рода Грузии. Елена Давидовна выросла в доме тёти, Нины Александровны Грибоедовой, и считалась её приёмной дочерью. У Астафьевых было трое детей: Нина (1877–?), Лидия (1878–?) и Дмитрий (1884-?)[38]. В октябре 1887 года через доверенное лицо — гласного городской думы Петра Павловича Львова — Н.А. Астафьев обратился в Пензенское дворянское собрание с просьбой о внесении его в родословную книгу губернии[39]. В 1889 году Николая Алексеевича не стало. Он ушел из жизни 48 лет от роду[40]. Елена Давидовна намного пережила своего мужа.

Основная часть архива Астафьевых была приобретена в 1910 году армянским музыковедом и коллекционером В.Д. Коргановым (1865–1934)[41]. У сына Николая Алексеевича — Дмитрия — остались «...только 22 письма разных лиц, писанные в 30-е годы XIX века. ...Обычная бытовая переписка, не представляющая особого интереса»[42]. Василий Корганов стал обладателем уникальных рукописей, среди которых были: автограф стихотворения А.С. Пушкина «О ты, который сочетал...», письма Льва Сергеевича Пушкина, списки и оригиналы лирических произведений А.С. Пушкина («Ода на свободу», «Кинжал», «Юрьеву», «Деревня», «Из письма к В.Л. Пушкину», «Из Гафиза», «Пирующие сту-

денты»), В.Н. Щастного («Язык русский»), А.А. Жандра («Минуты жизни»), Е.Ф. Розена («Спальня»), Ф.Н. Глинки («Скорей же, с чувством на колени», «Потеря»), А.П. Глинки («Россиянка»), А.С. Грибоедова («Хищники на Чегеме»), А.И. Подолинского («Буря»), Н.М. Языкова («Элегия»), Д.П. Ознобишина («Когда по мраморной ступени»), Е. Ростопчиной («Насильный брак»), К.А. Бахтурина («Моя арфа», «Элегия»), А. Измайлова («На 18 февраля 1855 года. День кончины Его Императорского Величества Государя Николая I-го»), Я.И. Ростовцева («К зоилам поэта»), А.Е. Варламова («Оседлаю коня»), А.Ф. Мерзлякова («Я не думала ни о чём в свете тужить...»); народные песни («Ах ты, батюшка светел месяц!», «Не шуми мати зелёная дубравушка») и др. Два стихотворения были посвящены непосредственно самому А.Н. Астафьеву. Одно из них, написанное в 1849 году, принадлежало перу А.П. Глинки («А.Н. Астафьеву»). Автором второго был «Конник» (Тутолмин): «Астафьеву» (21.02.1869)[43]. Произведение Авдотьи Павловны Глинки, сохранившееся в фондах РГАЛИ, свидетельствует об исключительном уважении, которое испытывала поэтесса к генералу. Обращаясь к А.Н. Астафьеву, она писала:

Я Русскому сердцу, я Русскому духу
Могла об России все чувства излить.
Не всякому ныне к желанию слуху
Признанья те слышать! Но как же мне быть?
Состарилась в чувствах я этих основных
И сладко мне руку тебе протянуть
За то что меж путаниц наших условных
Любовью к России жила твоя грудь![44]

Незадолго до смерти, в 1926–1929 годах, В.Д. Корганов подарил архив Астафьевых Государственному культурно-историческому музею ССР Армении (ныне Государственный исторический музей Армении). Судя по отчёту В.А. Мануйлова, посетившего Ереван в начале 1934 года, предполагалась передача этих материалов в Центральный музей литературы или Институт русской литературы АН СССР. В обмен дирекция армянского музея хотела получить некоторые документы, оказавшиеся в ленинградском архиве Института востоковедения АН СССР (архив Эзова и др.)[45]. Договориться, видимо, не получилось. Сообщения о судьбе автографа «О ты, который сочетал...» противоречивы. К. Богаевская на страницах «Временника Пушкинской комиссии» (М.;Л., 1941) утверждала, что подлинник поступил из Литературного музея Армянской СССР (г. Эривань) в фонды Государственного музея А.С. Пушкина (г. Москва). Согласно примечаниям к сборнику произведений В.Д. Корганова (Ереван, 1968), редкий автограф оказался в Государственной республиканской библиотеке им. А.Ф. Мясникяна[46].

Среди переписки директора литературного музея В.Д. Бонч-Бруевича удалось найти любопытное письмо. Оно адресовано некой Астафьевой Александре Ивановне, проживавшей в Баку на ул. Энгельса, д. 20. Привлекает внимание дата, обозначенная в письме, — 21 июня 1934 года[47]. За несколько месяцев до этого Мануйлов писал Бонч-Бруевичу о возможности получить адрес Дмитрия Астафьева через кавказского лермонтоведа И.К. Ениколопова[48]. Видимо, Владимир Дмитриевич списался с Ениколоповым, но Дмитрия Николаевича уже

не было в живых и ему пришлось иметь дело с его вдовой. Речь шла о приобретении в литературный музей писем Н.В. Гоголя, П.Я. Чаадаева и Ю.Ф. Самарина[49].

Разработка биографии А.Н. Астафьева и его потомков достаточно перспективна, особенно в литературоведческом отношении. Коллекционер и меценат Пушкинской эпохи, он оставил уникальное культурное наследство, осколки которого рассеяны по фондам различных музеев и библиотек СНГ. Изучение книг и документов, принадлежавших этому человеку, откроет новые страницы в истории литературной и музыкальной жизни России XIX века и сулит для учёных самые неожиданные находки. Фамильный архив Астафьевых, оказавшийся на Кавказе, может скрывать семейную переписку, автографы произведений русских литераторов, неизвестные материалы о А.С. Пушкине и М.И. Глинке[50].

ПРИМЕЧАНИЯ

1. ГАПО. Ф.196. Оп.2. Д.41. Л.11. В некоторых публикациях ошибочно указывается другая дата рождения А.Н. Астафьева — 1807 г. (См., напр.: Архив Раевских. Т.III. СПб.: Тип. М.А. Александрова, 1910. С.578; Пушкинская энциклопедия.1799-1999. М., 1999. С. 445). Отцом Алексея Астафьева был действительный статский советник Николай Алексеевич Астафьев (ГАПО. Ф.196. Оп.2. Д.1438. Л.7об.).
2. *Маркевич Н.А.* Из записок // Глинка в воспоминаниях современников / Общ. ред., подг. текста, вступ. ст. и коммент. А.А. Орловой. М., 1955. С.129. Имя брата и годы обучения в Благородном пансионе уточнены в Рукописном отделе Института русской литературы РАН по картотеке Б.Л. Модзалевского (Л. 4882).
3. *Косачевская Е.М.* Н.А. Маркевич, 1804–1860. Л., 1987. С.32.
4. *Маркевич.* Ук. соч. С. 126–130.
5. *Косачевская Е.М.* Н.А. Маркевич, 1804–1860... С.218-219.
6. Российский государственный архив литературы и искусств (далее РГАЛИ). Ф.93. Оп.1. Д.17. Л.239. И.А. Второв и А.Н. Астафьев встречались неоднократно. Иван Алексеевич хорошо знал его отца Николая Алексеевича. 16 мая 1839 года Второв записал в своем дневнике: «...поехал к Крейзелю и Рыкачеву, от них к Остафьеву Ал. Ник. Он рад мне был, рассказывал про Алашеевы проказы в Казане..., рассказывал откровенно про себя, как у него ладится сватовство с девицей Пономарёвою, за которой приданого 1500 душ и 300 тысяч денег, но сама она дороже приданого, и он готов на одной Ей жениться. Сам он по службе получает в год до 12 тысяч рублей» (Там же. Л.272об.). 21 мая Второв вновь «виделся ...с любезным Алексеем Ник. Остафьевым. Он еще не дождался будущего своего тестя Пономарёва, между тем, срок минул, и он писал в Петербург об отсрочке, простился со мною дружески и велел кланяться всем казанским знакомым, особенно Николеньке моему, которого называл любезным и милым» (Там же. Л.273).
7. Описание рукописей А.С. и Л.С. Пушкиных из коллекции В.Д. Корганова см.: *Модзалевский Б.* Новый автограф Пушкина // Пушкин и его современники: материалы и исследования. Вып. XVII–XVIII. СПб., 1913. С.3-8. В статье Б.Л. Модзалевского допущено несколько ошибок. Неправильно указаны год рождения А.Н. Астафьева (1807); год перевода в Лейб-гвардии Семёновский полк (1826); дата осмотра Черноморской береговой линии укреплений (1839-1840); номер пехотной дивизии, которой он командовал (18-я).

8. ГАПО. Ф.196. Оп.2. Д.41. Л.11; *Потто В.* Исторический очерк Николаевского кавалерийского училища, 1823–1873. СПб., 1873. С.85.
9. Там же. С.79; ГАПО. Ф.196. Оп.2. Д.41. Л.11.
10. *Потто.* Ук. соч. С.85-86.
11. См. подробнее: ГАПО. Ф.196. Оп.2. Д.41. Л.11-15.
12. *Глинка М.И.* Литературное наследие. Т. 1: Автобиографические и творческие материалы / Под ред. и с вступ. ст. В.М. Богданова-Березовского. Л.; М., 1952. С.235.
13. *Ацаркина Э.Н.* Карл Павлович Брюллов: Жизнь и творчество. 1799–1852. М., 1963. С.353.
14. *Глинка М.И.* Полное собрание сочинений: лит. произведения и переписка. Т. I. М., 1973. С. 314.
15. *Николаев П.С.* Знакомство с Глинкой // Глинка в воспоминаниях современников / Общ. ред., подг. текста, вступ. ст. и коммент. А.А. Орловой. М., 1955. С.238.
16. *Глинка М.И.* Полное собрание сочинений: лит. произведения и переписка. Т.II (б) / Подг. А.С. Розанов. М., 1977. С.218.
17. Музыкальный сборник в память А.Е. Варламова / Изд. Н.И. Ломакина. СПб., 1851. 2, 43 с.
18. *Вольман Б.Л.* Русские нотные издание XIX–начала XX века. Л., 1970. С.70.
19. В ряде изданий супруга Алексея Николаевича ошибочно названа Жадимировской (См., напр.: *Долгоруков П.* Российская родословная книга, издаваемая князем Петром Долгоруковым. СПб.: Тип. III отд-ния собств. Е.И.В. канцелярии, 1857. С.47). Родителями Л.Д. Астафьевой были надворный советник Дмитрий Дмитриевич Пономарёв и его жена Анастасия Петровна (ГАПО. Ф.196. Оп.2. Д.1438. Л.7об.).
20. *Худеков С.* Бунт в Кандевке в 1861 г. // Сура. 1999. № 4. С.167.
21. ГАПО. Ф.196. Оп.2. Д.41. Л.2,11об.,15. Известно, что в начале 1860 года А.Н. Астафьев присутствовал на свадьбе майора Андрея Васильевича Степанова и Татьяны Григорьевны Мешковой, дочери крупнейшего пензенского библиофила [Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки (далее НИОР РГБ). Ф.178. №1651. Воспоминания Г.И. Мешкова. С.416, 418].
22. Там же. Л.4; Россия. Полное географическое описание нашего Отечества: настольная и дорож. кн. для рус. людей. Т. II: Среднерусская черноземная область // Под ред. В.П. Семёнова. СПб., 1902. С.496.
23. Там же. T.VI. Среднее и Нижнее Поволжье и Заволжье. СПб., 1901. С.452.
24. ГАПО. Ф.24. Оп.1. Д.2290. Л.196.
25. *Г.П. (Петерсон Г.П.)* Керенская публичная библиотека // Пензенские губ. ведомости. 1882. № 224. С.4.
26. Там же. № 225. С.3.
27. См. подробнее о Керенской публичной библиотеке: *Курмаев М.В.* Керенское культурное гнездо // Отечественная культура и развитие краеведения: материалы IV Всерос. науч. конф. (Пенза, 26–27 июня 2000 г.). Пенза, 2001. С.119-128; *Мануйлова Е.В.* Керенская публичная библиотека // Пензенский временник любителей старины. Вып. 8. Пенза, 1992. С.19-20.
28. ГАПО. Ф.196. Оп.1. Д.1715. Л.1,3-3об.
29. Пушкинская энциклопедия. 1799–1999. С.445.
30. *Г.П. (Петерсон Г.П.)* Керенская публичная библиотека. № 225. С.3.
31. ГАПО. Ф.196. Оп.2. Д.41. Л.12,16-16об.; ГАПО. Ф.196. Оп.1. Д.1763. Л.173об.
32. ГАПО. Ф.196. Оп.1. Д.1801. Л.435об.; ГАПО. Ф.196. Оп.2. Д.1438. Л.1, 6об.-9, 47.

33. ГАПО. Ф.196. Оп.2. Д.2666. Л.2,16. Имя мужа Л.А. Стахович приводится по картотеке НИОР РГБ.
34. См. одно из писем А.А. Стахович А.М. Жемчужникову: НИОР РГБ. Ф.101. К.4818. Ед. хр.66.
35. ГАПО. Ф.196. Оп.1. Д.1801. Л.417об.
36. ГАПО. Ф.196. Оп.2. Д.41. Л.19-23об.
37. Русский биографический словарь. Т.II: (Алексинский–Бестужев-Рюмин). СПб., 1900. С.351-352. Автор статьи об Н.А. Астафьеве не указан. Допущена неточность — 1814 год рождения вместо 1841.
38. ГАПО. Ф.196. Оп.2. Д.41. Л.22об. Елена Давидовна Астафьева — дочь Давида Александровича Чавчавадзе и Анны Ильиничны Грузинской, внучки последнего царя Грузии. У тёти она оказалась следующим образом: «В 1850 году, когда мать моя ждала еще прибавления семейства, тётя приехала из Зугдиди и стала просить моего отца отдать ей этого ребенка, говоря “У вас двое детей, а у меня никого нет, я одна”. Отец ей на это ответил: “Если будет сын, я его тебе не могу уступить, а если будет дочь, то она будет твоей”. И вот к великой радости тёти моей, 25-го августа появилась на свет я; с первым моим криком меня передали тёте, которая и крестила меня...» [Детские воспоминания о Н.А. Грибоедовой её крестницы и приёмной дочери Е. Астафьевой (Отрывки) // Сквозь столетия. Тбилиси, 1983. С.151].
39. ГАПО. Ф.196. Оп.2. Д.41. Л.16-16об. См. подробнее о П.П. Львове: *Савин О.М.* Родник воды живой: Пензенской обл. б-ке им. М.Ю. Лермонтова 100 лет / Департамент культуры обл. администрации; Пензенская областная университетская научная библиотека им. М.Ю. Лермонтова. Пенза, 1992. С.55.
40. Русский биографический словарь. Т.II... С.351.
41. РГАЛИ. Ф.612. Оп.1. Д.1351. Л.55. В.Д. Корганов узнал о коллекции Астафьевых еще в 1895 году, когда приобрёл через французскую антикварную фирму Этьена Шаравэ факсимиле черновика отречения Наполеона (от 06.04.1814). Проданный как подлинник документ был, якобы, получен от Дмитрия Николаевича Астафьева, а тому достался от деда. Только в 1973 году эксперты лаборатории Министерства юстиции Армянской ССР обнаружили, что «Отречение» представляет собой искусную копию, выполненную способом литографии. В 1970-е гг. она хранилась в Государственном музее литературы и искусств им. Е. Чаренца (Ереван) (См.: *Мануйлов В.* Отречение // Нева. 1974. № 10. С.204, 209). В отчёте В.А. Мануйлова допущено несколько неточностей. Дмитрий Николаевич назван Дмитрием Алексеевичем. Утверждается, что «...В.Д. Корганов приобрел архив Николая Алексеевича Астафьева, офицера Семёновского полка и флигель-адъютанта Александра I» (РГАЛИ. Ф.612. Оп.1. Д.1351. Л.56-58).
42. Там же. Л.56.
43. Там же. Л.57-59.
44. РГАЛИ. Ф.141. Оп.1. Д.503. Л.1.
45. РГАЛИ. Ф.612. Оп.1. Д.1351. Л.59.
46. *Богаевская К.* Государственный музей А.С. Пушкина: (к годовщине его существования) // Пушкин: Временник Пушкинской комиссии / АН СССР. Ин-т литературы. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1941. 6. С.542; *Корганов В.Д.* Статьи, воспоминания, путевые заметки, библиография. Ереван, 1968. С.6. Свое книжное собрание В.Д. Корганов передал республиканской библиотеке Армении.
47. НИОР РГБ. Ф.369. К.126. Ед. хр.47. Л.1.
48. РГАЛИ. Ф.612. Оп.1. Д.1351. Л.56.
49. НИОР РГБ. Ф.369. К.126. Ед. хр.47. Л.1.

50. В связи с этим особый интерес представляет упоминание В.А. Мануйловым о письмах Льва Пушкина, «неизвестно куда исчезнувших» (РГАЛИ. Ф.612. Оп.1. Д.1351. Л.59).

GENERAL-LIEUTENANT A.N.ASTAFJEV AND HIS COLLECTIONS

M.V.Kurmaev

In the article one can view the life and activities of one of the most outstanding representatives of Russian military intelligentsia during the reign of Nikolai I — commandant of Main emperor's apartment A.N. Astafiev. The work exposes his investment in preservation of poets' literature heritage of the first half of the 19th c., characterizes the content of his autographs and books' collections, which served as a basis for Kerensk Public library. The author shows A.N. Astafiev's relations with A.S. Pushkin, M.I. Glinka, A.S. Dargomigsky, K.R. Bryullov and others by the wide range of sources, even not published earlier.

© 2008

И.В. Шаповалова

МЕЛКОПОМЕСТНОЕ ЗЕМЛЕВЛАДЕНИЕ И ЗЕМЛЕПОЛЬЗОВАНИЕ В ЦЕНТРАЛЬНОМ ЧЕРНОЗЕМЬЕ В 60–90-е гг. XIX ВЕКА

Отмена крепостного права сняла преграды юридического характера для перехода поместной земельной собственности в руки других сословий. Это во многом предопределило направление основной тенденции, но решающим фактором в данном процессе не стало. Дворянство продолжало оставаться экономически и политически господствующим сословием. Но это относилось, в первую очередь, к среднепоместному и крупнопоместному дворянству, чьи земельные владения определяли их доминирующий экономический статус. Мелкопоместные владельцы, с их мизерной земельной собственностью, при фактически полном отсутствии наличных денег, в социальном плане резко дистанцировали от представителей дворянства верхних страт. Неспособность большей части поместных владельцев, особенно мелкопоместных, быстро перестроить свои хозяйства в 60-70-е гг. XIX века и отсутствие условий для этого — опыта ежедневного непосредственного ведения собственного хозяйства, наличия свободных финансов, ёмкого рынка рабочей силы, достаточного количества сельскохозяйственных орудий и рабочего скота — стали основой для процесса «раздворянивания» частновладельческой поземельной категории.

Рассмотрение поставленной проблемы в исследуемых губерниях следует начать с изменения размеров площадей дворянского земельного фонда и числа владельцев в 1877–1905 гг. (см. табл. 1.)

Таблица 1

ДИНАМИКА СОКРАЩЕНИЯ ДВОРЯНСКОГО ЗЕМЛЕВЛАДЕНИЯ В ВОРОНЕЖСКОЙ ГУБЕРНИИ[1]

Размер владения в дес.	1877 г.		1905 г.	
	Число владельцев	Кол-во земли в дес.	Число владельцев	Кол-во земли в дес.
1–100	999	38899	758	27652
101–1000	877	309771	666	221636
Свыше 1000	216	1032067	171	744856
По губернии	2092	1380737	1595	994144

Анализ структурных изменений затруднен различной методикой сбора статистических сведений в указанные годы. Во второй половине 70-х гг. XIX века при сборе сведений учитывались владельцы, а в начале XX века — владения. Из-за отсутствия сводных данных о распределении поземельной собственности между отдельными землевладельцами исследователи пользуются «статистикой землевладения 1905 г.» при сопоставлении с результатами обследований 1877 года, исходя из того, что одно владение — один владелец.[2] Это во многом оправдано, так как при обследовании в 1877 году, наоборот, приравнивали несколько владений к одному владельцу. Применительно к мелкопоместным земельным владениям, данная методика дает минимальную погрешность, исходя из того, что обычно большой редкостью было, когда мелкопоместный дворянин имел несколько имений.

Рассмотрим данные, представленные в табл. 1. При общем уменьшении числа поместных владельцев на 23,8 % площадь дворянских земель сократилась на 28 %. Земельный фонд сокращался быстрее, чем число владельцев. Число мелкопоместных дворян в рассматриваемый период сократилось на 24,2 %, земельный фонд — на 29 %, что было несколько выше показателей сокращения по всем стратам дворянства. Число среднепоместных дворян уменьшилось на 24,1 %, а их земельные владения — на 28,5 %, у крупнопоместных владельцев соответственно на 20,9 % и 27,9 %. Но здесь необходимо учитывать, что сокращение числа владельцев и земель в средней и верхней стратах дворянства происходило за счет дробления имений и продажи части земель, отсюда дворяне — землевладельцы переходили в низшую поземельную категорию. Это комплексное компенсационное перераспределение напрямую затрагивало и категорию мелкопоместного дворянства, куда переходили разорившиеся в ходе раздела, или частичной продажи имения среднепоместные дворяне. Не будь этого перехода мелкопоместное землевладение исчезло бы фактически полностью или представляло бы из себя мизерный процент в общедворянском земельном фонде.

Данное перераспределение шло сверху — вниз, в противном случае не было бы столь резкого сокращения рассматриваемых показателей в верхних стратах дворянства. Подтверждением этому является и размер сокращения среднего земельного владения в каждой страте дворянства. В мелкопоместном землевладении с 1877 по 1905 гг. средний размер владения сократился с 38,9 дес. до 36,4 дес. или на 6,5 %, у среднего дворянства с 353,2 дес. до 332,7 дес. или на 6 %, у

крупнопоместных владельцев — с 4778 дес. до 4355,8 дес. или на 9 %. То есть, резкое сокращение земельного фонда в верхних стратах и стабилизация в нижней земельной подгруппе, куда произошло перераспределение земель из верхних земельных категорий.

Для более детального анализа процессов сокращения мелкопометного дворянского землевладения рассмотрим эволюцию структуры земельного фонда мелких помещиков (см. табл. 2).

Таблица 2

СТРУКТУРА МЕЛКОПОМЕСТНОГО ДВОРЯНСКОГО ЗЕМЛЕВЛАДЕНИЯ В ВОРОНЕЖСКОЙ ГУБЕРНИИ.[3]

Размер владения в дес.	1877 г.			1905 г.		
	Число владельцев	Кол-во земли в дес.	Средний размер владений в дес.	Число владельцев	Кол-во земли в дес.	Средний размер владений в дес.
До 10	179	985	5,5	186	880	4,7
11–20	130	2057	15,8	114	1811	15,8
21–30	164	4317	26,3	79	2051	25,9
31–40	113	3994	35,3	77	2684	34,8
41–50	108	4988	46,1	72	3328	46,2
51–100	305	22558	73,9	230	16898	73,4
	999	38899	38,9	758	27652	36,4

В 1877 году основная масса мелкопоместных дворян (52 %) было сосредоточено в рамках поземельных категорий от 31 до 100 дес., на данных владельцев приходилось 81 % всего земельного фонда мелких помещиков. Землевладельцы, чьи земельные владения находились в пределах от 1 до 30 дес., в рассматриваемой категории воронежских помещиков составляли 48 % и им всего принадлежало 19 % мелкопоместных земель. К 1905 году число воронежских мелкопоместных дворян сократилось на 241 владельца или на 24,2 %, при этом их земельная площадь уменьшилась на 29 %. На земельную категорию от 1 до 30 дес. приходилось уже 379 владельцев из 50 % вместо 48 % в 1877 г., а площадь земель сократилась в рассматриваемый период с 19 % до 17 %. То есть, при увеличении доли помещиков в низших подгруппах мелкопоместного землевладения, происходило сокращение их земельного фонда. Наиболее отчетливо это видно на примере низшей подгруппы (1-10 дес.) мелкопоместных дворян: число владельцев увеличилось со 179 до186, количество земли сократилось с 985 дес. до 880 дес. Средний размер землевладения уменьшился с 5,5 дес. до 4,7 дес. Другими словами, тенденция хозяйственной деградации низших подгрупп мелкопоместного землевладения усилилась.

Категория мелких помещиков, владевших от 31 до 100 дес., за этот период сократилась на 2 %, но доля их земель в общем земельном фонде мелкопоместного дворянства увеличилась с 81 % до 83 %. Таким образом, среди категории воронежского мелкопоместного дворянства существовали две разноплановые тенденции: в низших подгруппах сокращался средний размер землевладения, в верхних — он увеличивался в рамках всего земельного фонда мелких помещиков в 1905 году.

В целом же преобладание общего сокращения среднего размера дворянского земельного владения являлось отражением общероссийской тенденции. Крупный исследователь рубежа XIX — нач. XX века дворянского землевладения М. Яснопольский отмечал по этому поводу: «Дворянская собственность неудержимо раздробляется. Здесь к естественному процессу раздробления по наследству присоединяется процесс частичного отчуждения владений и распродажа их участниками».[4] Сокращение дворянских земель становилось основой для роста земельных площадей представителей других сословий, так как частновладельческие земли, основу которых составляли дворянские, были «более подвижною категориею владения»[5]

Разноплановые тенденции в отдельных категориях мелкопоместного дворянского землевладения нельзя объяснить только большой вариативностью хозяйственных возможностей представителей верхних подгрупп мелкопоместного дворянства. Хотя и это имело место. Так, например, большая земельная площадь предполагала наиболее разнообразную структуру земельных угодий (пашня, луг, покосы и т.д.), возможность сдачи больших площадей в аренду, залог земли в банковские учреждения. Мизерные земельные участки низших подгрупп мелкопоместного дворянства сильно ограничивали эти возможности. Хотя и в меньшей степени, это можно отнести и к верхним подгруппам мелкопоместного дворянства, которое не могло конкурировать на земельном рынке с представителями верхних страт дворянства. Решающим фактором сокращения числа мелкопоместных владельцев, имевших от 31 до 100 дес., при увеличении их доли в общем земельном фонде мелких помещиков, стал переход части среднепоместных дворян пограничной земельной категории в 101–200 дес. в верхние подгруппы мелкопоместного дворянства. Этот вывод подтверждает факт, что в 1877 г. в пограничной подгруппе мелкопоместного дворянства от 51 до 100 дес. было 305 владельцев (30,5 %) из 999 их общего числа, в низшей подгруппе среднепоместного дворянства, с земельным фондом от 101 до 200 дес. также было 305 владельцев (34,7 %) из 877 общего их количества. Это самые многочисленные категории земельных собственников в мелкой и средней стратах дворянства. Увеличение числа владельцев в категории до 10 дес. в 1905 г. показывает, что процесс перехода из верхних подгрупп мелкопоместного землевладения в низшие был реальным.

Для выявления общего и особенного в эволюции мелкопоместного землевладения черноземного центра рассмотрим процессы сокращения замельного фонда в отдельных стратах курского дворянства (см. табл. 3).

Таблица 3

ДИНАМИКА СОКРАЩЕНИЯ ДВОРЯНСКОГО ЗЕМЛЕВЛАДЕНИЯ В КУРСКОЙ ГУБЕРНИИ.[7]

Размер владения в дес.	1877 г.		1905 г.	
	Число владельцев	Количество земли в дес.	Число владельцев	Количество земли в дес.
1–100	3723	121582	3140	83467
101–1000	1802	557385	1270	397356
Свыше 1000	187	486477	123	378508
По губернии	5712	1165444	4533	859331

Общее количество курских поместных владений в рассматриваемый период сократилось на 1179 помещиков или на 20,7 %, при этом их земельная собственность уменьшилась на 26,3 %. Как и в Воронежской губернии, сокращение земельного фонда шло быстрее сокращения числа поместных владельцев, что подтверждало общерегиональную тенденцию. Мелкопоместное курское дворянство сократилось на 583 владельца или на 15,7 %, земельные владения мелких помещиков уменьшились на 31,4 %. В сравнении с воронежским мелкопоместным дворянством, относительное сокращение числа курских мелких помещиков было ниже, но процент сокращения земель был выше. Это объяснялось почти четырехкратным большим числом курских мелкопоместных дворян, при меньшем размере среднего землевладения. В 1905 году средний размер воронежского мелкопоместного землевладения ровнялся 36,4 дес., курского — 26,5 дес. При значительно большем абсолютном сокращении числа владельцев с меньшими земельными фондами, увеличивался относительный показатель уменьшения земельной собственности. Среднепоместное дворянское землевладение, являясь непосредственным регулятором мелкопоместного земельного фонда, сократилось на 28,2 %, а число средних помещиков — на 29,6 %. Земли крупных дворян уменьшились на 22,2 %, число владельцев — на 34,3 %. В Курской губернии, в отличие от Воронежской губернии, относительное сокращение числа мелкопоместных дворян было меньшим, при общей тенденции сокращения земельных фондов. Это являлось отражением различного характера степени сокращения числа мелких помещиков в однотипном регионе.

Анализируемый хронологический период весьма велик, чтобы определить собственно с какого временного отрезка увеличился темп сокращения дворянской земельной собственности. Рассмотрим временные отрезки сокращения мелкопоместного дворянского землевладения в периоды с 1877 по 1895 гг. и с 1895 по 1905 гг. В Воронежской губернии число мелкопоместных владельцев на первом рассматриваемом этапе сократилось с 999 до 977 или на 2,3 %, их земельный фонд уменьшился с 38899 дес. до 34098 дес. или на 12,4 %. С 1895 по 1905 гг. количество мелких помещиков уменьшилось с 977 до 758 или на 22,5 %, а площадь земель — с 34098 дес. до 27652 или на 19 %.[8] Несмотря на то, что первый анализируемый отрезок (1877–1895 гг.) больше на 8 лет, чем второй (1895–1905 гг.), на втором этапе число воронежских мелкопоместных дворян сократилось на 20,2 % в сравнении с 1895 годом, а количество земли — на 6,6 %. По всем стратам воронежского дворянства число землевладельцев с 1877 по 1895 гг. уменьшилось на 1 %, земли сократилось на 1,1 %, с 1895 по 1905 гг. соответственно на 19,7 % и 19,2 %.[9] Относительное сокращение числа владельцев в мелкопоместной страте воронежского дворянства было выше, чем средний показатель по всем дворянским категориям, но уступал по площади сокращения земель, в силу незначительного объема земельной собственности мелких помещиков.

Число курских мелких помещиков с 1877 по 1895 гг., в отличие от Воронежской губернии, наоборот увеличился с 3723 до 4476, рост составил 16,9 %. С 1895 по 1905 гг. число курских мелкопоместных дворян уменьшилось с 4476 до 2036 или на 54,6 %, а их земли сократились с 117134 дес. до 83467 дес. (28,8 %).[10] Резкое увеличение числа курских мелких помещиков в 70-90-е гг.

XIX века было обусловлено сокращением числа среднепоместных и крупнопоместных дворян, которое в этот период сократилось с 1989 до 1671 владельцев, что обозначило их переход в категорию мелкопоместных, в сочетание с дальнейшим дроблением имений мелких помещиков. Общее количество курских поместных дворян с 1877 по 1895 гг. увеличилось с 5712 до 6093 владельцев (6,3 %), земельный фонд сократился с 1165444 дес. до 1009992 дес. (13,4 %). С 1895 по 1905 гг. число курских поместных дворян всех категорий сократилось с 6093 до 4533 владельца (25,7 %), их землевладение с 1009992 дес. до 859331 дес. (15 %).[11]

С середины 90-х гг. XIX века относительное сокращение числа курских мелких помещиков и площади их земельного фонда было выше аналогичных показателей 70-х середины 90-х гг. XIX века, а также превосходило соответствующие показатели суммарно по всем стратам курского дворянства.

Проведенные подсчеты по Воронежской и Курской губерниям однозначно указывают, что рубежом резкого ускорения сокращения числа поместных владельцев и их земельных владений стала вторая половина 90-х гг. XIX века. В то же время, если в рамках рассматриваемого первого этапа (1877–1895 гг.) число воронежских мелкопоместных дворян сокращалось, в Курской губернии, наоборот, оно резко увеличилось. Это показывает разноплановость тенденций в процессах сокращения дворянского мелкопоместного землевладения в Центральном Черноземье

Сокращение площади дворянской земельной собственности напрямую зависело от процессов купли — продажи на общесословном земельном рынке. Структурированные данные о перераспределении земель на земельном рынке, с учетом отдельных категорий дворянства, имеются только на 1896 год. Данный анализ поможет раскрыть характер сокращения земель в каждой подгруппе мелких помещиков. Но в источниках по «статистике землевладения» 1877, 1905 гг. и в «Материалах по статистике движения землевладения» 1896 года несколько различная структура подгрупп мелких дворянских земельных собственников. Тем не менее, имеющиеся данные позволяют выявить приоритеты продажи-купли земли в отдельных подгруппах мелкопоместного землевладения.

В «Материалах по статистике движения землевладения в России» представлены размеры проданной и купленной земли, количество сделок по отдельным сословиям, с учетом разносословных союзов и товариществ, но не указаны размеры земельных владений продавцов и покупателей.[12] Отсюда, анализ операций на земельном рынке проведен на основе традиционной классификации дворянского землевладения (мелкое менее 1 дес. — 100 дес., среднее — свыше 100 дес. и крупное свыше 1000 дес.). Погрешность при данном подходе будет не большой для мелкопоместной категории, так как быстрое сокращение числа мелких помещиков свидетельствует, что полная продажа имений была не редкостью.

Воронежские и курские мелкопоместные дворяне в 1893 году заключили 630 сделок на продажу земли или 88,9 % от общего числа сделок данного характера в целом по дворянству рассматриваемых губерний. При этом, большее количество данных сделок — 369 (58,5 %) заключено в подгруппе менее 1–10 дес.[13]

Таким образом, в мелкопоместной страте наибольшее количество сделок на продажу земель заключалось в низших подгруппах данной поземельной категории.

По этим сделкам мелкопоместные дворяне продали 9716,8 дес. или 25,4 % всей реализованной воронежскими и курскими дворянами. В подгруппе владельцев от менее 1 дес. до 10 дес., где было заключено 58,5 % всех сделок на продажу мелкопоместных земель, средний размер реализованного участка составлял 3,9 дес., а в среднем по всей мелкопоместной категории — 60,5 дес. То есть, основное количество реализованных земель приходилось на подгруппу от 51 до 100 дес. Если сравнить средний размер проданных земельных участков мелкопоместных дворян и крестьян всех категорий, то реализованная земельная собственность крестьян была меньше на 49,3 дес., чем у мелких помещиков, но по подгруппе от 1 до 10 дес. он был ниже всего на 0,5 дес.[14] В нижних подгруппах мелкопоместных и крестьянских хозяйств количество реализуемых земель на одного владельца было фактически одинаковым. Стоимость земельных фондов проданных мелкопоместными дворянами составила 1030875 руб. или 28,4 % от всех реализованных дворянством земель. Стоимость — 1 дес. земли проданной мелкими помещиками составила 106 руб., средняя же цена 1 дес. проданной в целом всеми категориями помещиков — 95 руб.

Естественно, на понижение стоимости 1 дес. в данном аспекте сыграл факт продажи земли крупнопоместными дворянами большими площадями, при которых стоимость земли понижалась. Но само сопоставление вышеприведенных цен опровергает тезис о том, что, чем ниже страта поместного владельца, тем хуже качество земли.

Крупный экономист конца XIX века С.С. Хрулев прямо указывал на две причины, которые сдерживали дворян к более активной продаже земель на общесословном земельном рынке: 1) относительная доходность земель, 2) быстрый рост цен на землю.[15] На наш взгляд, вторая причина здесь играла определяющую роль (см. табл. 4).

Таблица 4

ЦЕНЫ 1 ДЕС. ЗЕМЛИ В РУБ.[16]

Губерния	1877 г.	1887 г.	1897 г.	1902 г.
Воронежская	56,4	79,1	84	125
Курская	56	85,7	124,6	160
По 45 губерниям	19,8	34,2	53,2	73,7

В исследуемых губерниях цены на землю с 1877 по начало XX века выросли на 60,6 %. Темп роста цен на землю в целом по Европейской России был выше на 2 %, но стоимость 1 дес. в рублях ниже на 48,3 %. Это и останавливало в желании местных дворян активно распродавать свои земли. Черноземы, в районах аграрного перенаселения, становились доходным объектом вложения капиталов.

В 1893 году местное мелкопоместное дворянство на покупку земли заключило 180 сделок или 40,4 % от всех сделок подобного характера. Количество сделок на продажу земли (530) мелкопоместными дворянами превышает в 3,5 раза

число сделок на покупку земли. То есть, вектор активности мелкопоместных дворян на земельном рынке был направлен в сторону продажи земли. По этим сделкам было куплено мелкими помещиками 4046,8 дес. или 15,7 % от всего приобретенного земельного фонда местным дворянством. Если сравнить количество проданной (9716,8 дес.) и купленной земли мелкопоместными владельцами, то прямое сокращение их земельных угодий составило 5670 дес. или на 58,3 % продали больше, чем приобрели. В целом же, по всем стратам воронежского и курского дворянства, соотношение проданной и купленной земли составило уменьшение на 12420,2 дес. (32,5 %). Мелкопоместные дворяне, в сравнении со всем поместным дворянством, на 25,8 % реализовывали больше земель, чем приобретали. При этом, средний размер купленного земельного участка (22,4 дес.) мелкими помещиками был на 38,1 дес. меньше проданного. Стоимость купленной земли мелкими помещиками составила 374848 руб. или 13,4 % от всей стоимости приобретенного дворянством земельного фонда. Цена 1 дес. купленной мелкопоместным дворянством составляла 92,6 руб., а продажной — 106 руб.[17] Тем более, в данном аспекте необходимо учитывать, средний размер проданного земельного участка был выше купленного. Вероятно, продаваемые земли были несколько выше качеством, чем покупаемые. С другой стороны, как отмечает В.Н. Литуев, на непрерывное сокращение земельных фондов, приобретаемых поместным дворянством, влиял процесс интенсивного роста цен на землю. За все меньшее количество земли, покупаемой на рынке, дворяне были вынуждены выплачивать все возраставшую цену.[18] В этой ситуации в наиболее невыгодной позиции оказывались мелкопоместные дворяне, имевшие меньшие финансовые возможности.

Сокращение площади дворянского землевладения шло параллельно с ростом его задолженности ипотечным учреждениям. Основная масса источников по залоговым имениям не структурирована по стратам их владельцев, что затрудняет вычленить в этом вопросе отдельно мелкопоместные хозяйства. Тем не менее, анализ общей задолженности дворянских хозяйств Воронежской и Курской губерний позволяет высказать определенные суждения по мелкопоместным имениям (см. табл. 5).

Таблица 5

ЗАДОЛЖЕННОСТЬ ДВОРЯНСКИХ ХОЗЯЙСТВ К 1898 ГОДУ[19]

Губерния	Площадь дворянских земель в тыс. дес.	Число залоговых имений	Заложено тыс. дес.	Стоимость заложенной земли в тыс. руб.
Воронежская	1230	691 (35,3 %)	434 (35,2 %)	17927
Курская	1011	1246 (20,4 %)	389 (38,4 %)	25996

Дворяне Воронежской и Курской губерний к концу XIX века заложили в кредитных учреждениях около 1/3 своих имений и земель. Относительный показатель площади заложенной земли, в сравнении с 1877 г., в Воронежской губернии увеличился на 11,2 %, в Курской губернии — на 0,1 %. [20] Здесь необходимо учитывать, что к 1898 г. дворянский земельный фонд также сократился на 1/3. При уменьшении площади дворянских земель количество залогового зе-

мельного фонда не сократилось, а наоборот, увеличилось. Залоговые имения поместных владельцев распределялись по кредитным учреждениям: в Воронежский губернии в Государственном земельном дворянском банке — 508 имений (73,5 %) общей площадью 327 тыс. дес. (75,3 %), в акционерных банках — 183 поместья (26,5 %) с фондом земель в 107 тыс. дес. (24,2 %). Курские дворяне заложили в Дворянский банк 778 имений (62,4 %) с 312 тыс. дес (80,2 %), на акционерные банки приходилось 468 имений (37,6 %) и 77 тыс. дес. (19,8 %).[21] Средний размер залогового дворянского поместья в Дворянском банке по Воронежской губернии составлял в 643,7 дес., в акционерных банках — 584 дес. В Курской губернии соответственно — 401 дес. и 164, 5 дес. Судя по размерам залоговых имений, в ипотечных банках, главным образом были представлены средние и крупные поместья. Именно эти категории имений были привлекательны руководству банков. Этот вывод подтверждает тот факт, что в официальных статистических отчетах Дворянского банка фигурируют только имения, где земельный фонд превышает 100 дес.[22] С другой стороны, подтверждением низкого интереса банков к мелкопоместным имениям являются данные Крестьянского поземельного банка о приобретении дворянских имений в период с 1895 по 1904 гг. Из 21 приобретенного банком воронежского и курского дворянского поместья, только 3 (14,2 %) принадлежало к мелкопоместной страте.[23]

Таким образом, на протяжении всего пореформенного периода темпы сокращения земельного фонда мелкопоместных дворян, в сравнении с представителями других страт поместных владельцев, сокращалось быстрее. На общесословном земельном рынке мелкопоместные владельцы, в относительных показателях, продавали земель больше, чем покупали в сравнении со средне и крупнопоместным дворянством, что являлось отражением кризисного состояния мелкопоместного хозяйства. Ипотечные учреждения менее всего интересовались кредитованием имений мелких дворян.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Статистика поземельной собственности и населенных мест Европейской России. Вып. I. СПб,1880. С. 153; Статистика землевладения 1905 г. Вып. V. С. 24.
2. *Минарик Л.П.* «Статистика землевладения 1905 г.» как источник по изучению крупного помещичьего землевладения в начале XX века // Малоисследованные источники по истории СССР XIX–XX вв. М., 1964. С. 58.
3. Статистика поземельной собственности и населенных мест России. Вып. I. С. 153; Статистика землевладения 1905 г. Вып. V. С. 26.
4. *Яснопольский М.* Развитие дворянского землевладения в современной России // Мир Божий. №12. 1903. С. 221.
5. *Фортунатов А.Ф.* Сельскохозяйственная статистика Европейской России. М., 1893. С. 77.
6. Статистика поземельной собственности и населенных мест Европейской России. Вып. I. С. 153.
7. Статистика землевладения 1905 г. Вып. XXXVII. С. 28; Статистика поземельной собственности и населенных мест Европейской России. Вып. I. С. 223.
8. Цифровые данные о поземельной собственности в Европейской России. СПб., 1897. С. 31; Статистика землевладения 1905 г. Вып. V. С. 26.

9. Там же.
10. Статистика поземельной собственности и населенных мест Европейской России. Вып. I. С. 223; Статистика землевладения 1905 г. Вып. XXXVII. С. 28.
11. Там же.
12. Материалы по статистике движения землевладения в России. Вып. I. СПб., 1896.
13. Там же. С.50, 130.
14. Там же.
15. *Хрулев С.С.* Наш ипотечный кредит. СПб., 1898. С. 55, 59.
16. Материалы по статистике движения землевладения в России. Вып. XIII. табл. 4.
17. Материалы по статистике движения землевладения в России. С. 52, 132.
18. *Литуев В.Н.* Земельная собственность как дворянская монополия в капиталистической России. М., 1997. С. 148.
19. *Хрулев*. Ук. соч. С. 140–141.
20. *Шаповалов В.А.* Дворянство Центрально-Черноземного региона России в пореформенный период. М.-Белгород, 2002. С. 74.
21. *Хрулев*. Ук. соч. С. 140–141.
22. Цифровые данные о поземельной собственности в Европейской России. СПб., 1897 С. 47.
23. Имения приобретенные Крестьянским поземельным банком и ликвидация их за 1895–1904 гг. СПб., 1906. С. 213.

SMALL ESTATE LAND PROPERTY AND LAND TENURE IN THE CENTRAL CHERNOZEM REGION IN 60–90-s OF THE 19th CENTURY

I.V. Shapovalova

The author examines evolution of the small estate land property and land tenure during the reforms. The research is done on the basis of comparison of the above with the middle and the large estate striations of the nobility. During all the post reform period rates of reduction of the ground fund at small estate noblemen went faster than at representatives of other striations of small estate owners. In a general estate ground market the small estate owners sold more grounds than bought in comparison with the middle and the large estate nobility so it was a reflection of a crisis condition within a small estate economy. Hypothecary establishments were least of all interested in crediting of manors of the minor noblemen.

© 2008

Н.В. Коршунова

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ РЕФОРМЫ В РОССИИ В ПЕРВЫЕ ДЕСЯТИЛЕТИЯ XIX в.

Вступив на престол, император Александр Павлович получил в наследство далеко не процветающую в экономическом отношении страну. Многие проблемы, стоявшие еще перед Екатериной II, а затем Павлом I, так и не были решены. По причине постоянных войн, преобразований, но главное, непонимания необходимости специальной экономической политики.

Поэтому первые шаги александровского правительства были направлены на формирование системы управления страной, в том числе в финансовой сфере. Так, из восьми учрежденных в 1802 г. министерств — три — финансов во главе с Алексеем Ивановичем Васильевым и коммерции во главе с Николаем Петровичем Румянцевым и частично министерство внутренних дел во главе с Виктором Павловичем Кочубеем были призваны руководить экономикой страны. Правда, в дальнейшем выделение специального министерства коммерции себя не оправдало и в преддверии проведения реорганизации министерской системы в 1810 г. оно было ликвидировано, а его полномочия частично перешли министерству внутренних дел. В обязанности министра финансов вошло «управление казенными и государственными частями, кои доставляют правительству нужные на содержание его доходы, и генеральное всех доходов ассигнование по разным частям государственных расходов»[1]. В ведение министерства коммерции были переданы вопросы торговли, а также таможенная часть[2].

После ликвидации мануфактур-коллегии остро встал вопрос об управлении фабриками и мануфактурами, так как она «не токмо имела в ведении и покровительстве своем все фабрики и мануфактуры, но была хранилищем и блюстительницей всех касающихся до них законов»[3]. В документах «Негласного комитета» сохранилось подробное размышление, автором которого вероятнее всего был П.А. Строганов, что в случае издания данного устава, губернаторы могли бы руководствоваться им «в управлении фабриками, судные места — в суде и расправе, а фабриканты — в заведении и распоряжении оными. Мера сия много вспомоществовать будет к прекращению тяжб между фабрикантами и для объяснения и облегчения ходу фабрик к усовершенствованию»[4]. Более того, по мнению членов «Негласного комитета», именно отсутствие современной законодательной базы было основной причиной постоянных тяжб между самими фабрикантами. В то же время, не имея четких законов, невозможно рассчитывать на рост фабрик и мануфактур, тем более, что подобная ситуация открывает широкое поле для злоупотреблений местных чиновников. Иными словами, было очевидно, что только административно-организационными мерами проблему стабилизации и управления финансовыми системами не решить. Необходимо было принимать меры, способствующие развитию торговли и промышленности, а также поддержанию курса рубля.

Программа правительства по вопросам внешней торговли была представлена министром коммерции Н.П. Румянцевым. Он в течение двух лет собирал ма-

териал по вопросу таможенного тарифа и 30 сентября 1804 г. представил Александру I записку «О разуме тарифа». В этой записке Румянцев указал два возможных направления реформирования таможенного тарифа. В рамках первого предполагалось увеличить государственный доход без дополнительных затрат на развитие торговли. По второму — отрегулировать импорт товаров в зависимости от потребностей внутреннего рынка «в виду прямого государственного расчета, когда привозные вещи, будучи необходимы и никем не заменяемы, или становясь со своими в соперничестве, стесняются налогом»[5]. Таким образом, в представленной записке Н.П. Румянцев предлагал значительно снизить таможенные пошлины и установить единую для всех товаров тарифную ставку в 20%. Это при том, что на ряд товаров в то время пошлина была 50%, 100%, а на некоторые предметы роскоши — 130%. При этом он подчеркивал, что если некоторые предприятия не выдерживают конкуренции, то и охранять их деятельность не имеет смысла.

Для рассмотрения и подробного анализа записки министра коммерции Н.П. Румянцева был созван «Особый комитет по рассмотрению нового тарифа» в составе А.Б. Куракина (председатель), самого Н.П. Румянцева, министра финансов А.И. Васильева, министра внутренних дел В.П. Кочубея, товарища министра внутренних дел А. Чарторижского, члена Непременного совета А.Я. Будберга[6]. Члены комиссии в общих чертах согласились с предложениями Румянцева. Было решено товары и сырье, которые имелись в стране в достаточном количестве, обложить высокими пошлинами; товары и сырье, которых в России мало или нет совсем — низкими; а для машин и различных механических приспособлений установить и вовсе беспошлинный ввоз.

Таким образом, названный комитет подошел к проблеме тарифа «по-европейски». Фактически его члены, за исключением председателя, предлагали провести в России таможенные преобразования в духе фритредерства. Однако данные меры, проповедовавшие свободу торговли и низкие таможенные пошлины, в нашей стране были не выгодны мануфактуристам, которые не могли на должном уровне конкурировать с Западом. Тем не менее, власть тогда больше доверяла европейским теориям, чем реальной практике, поэтому новый тариф в 1805 г. был утвержден. Правда, вступить в силу он не успел, так как Россия вступила в войну. Более того, правительство вынуждено было принять ряд мер по поддержке отечественных купцов и промышленников, а права иностранцев были значительно урезаны.

Свое мнение о необходимых экономических реформах, поддержке развития промышленности высказал Н.С. Мордвинов. По его мнению, для создания фабрик необходимо поощрение частной инициативы со стороны властей. В качестве механизма поощрения Модвинов предложил на рассмотрение императору Александру I проект «Трудопоощрительного банка».

По мнению Мордвинова, для процветания государства необходимо, чтобы «труд находился в цветущем состоянии», а также «количество денег» было «соразмерно комичеству выработанных в оном ... произведений»[7]. Для реализации задуманного автор проекта рекомендовал учредить специальный «трудопоощрительный банк». Цель банка: «поощрять и возбуждать охоту к трудолюбию, яко источнику, из которых протекает богатство, изобилие, шло и благоденствие

народное». Для этого банк должен иметь пять отделений для поощрения земледелия, скотоводства, рукоделия, рудокопных заводов и рыбной ловли. Далее Мордвинов подробно разработал механизм предоставления ссуды. Автор проекта писал, что «желающие сделать какое-либо полезное заведение и получить помощь банка» должны составить подробный план своего предприятия: обозначить место, где собираются заниматься своим делом; определить, сколько потребуется времени до начала производства; какую прибыль собирается получить и т.п. При этом, чтобы банк не терпел убытков, поддерживая нереальные проекты, Мордвинов предусмотрел механизм проверки предоставляемых документов. По его замыслу, они должны быть заверены «губернатором и знаменитейшими той округи дворянства двумя или тремя особами в том, что все сказанное им о местном положении, також о ценах и обо всех обстоятельствах того края есть бесприметная и точная истина»[8].

Чтобы взять ссуды могли все желающие, правления банка должно способствовать открытию вольных трудопоощрительных общество во всех губерниях. Мордвинов считал, что правление банка должно активно поддерживать отношения с Академией наук и Вольным экономическим обществом, способствовать распространению идей рационального ведения хозяйства. Для этого при правлении банка желательно иметь типографию и библиотеку, а также «равным образом обязанностью главного правления будет заведение кабинетов: 1) натуральной истории; 2) истории рукоделий тех провинций, на которые поощрение банковые простираться будут»[9]. Кроме всего прочего, Мордвинов считал возможным учреждения при правлении банка училища, где следует преподавать различные искусства и художества. Таким образом, Мордвинов считал, что Трудопоощрительный банк должен стать не только ссудо-финансовым, но и научным центром.

Проект Н.С. Мордвинова о Трудопоощрительном банке был с благодарностью принят Александром I и передан в дальнейшем в министерство финансов графу А.И. Васильеву, который в свою очередь, вынес его в сентябре 1803 г. на рассмотрение Государственного совета. Проект неоднократно обсуждался, но члены Совета так и не вынесли по нему окончательного решения.

Серия реформ, прежде всего в сфере просвещения, открытие новых университетов, участие России в войне против Франции, и особенно континентальная блокада окончательно расстроили финансовую систему нашей страны. Так, в 1808 г. доходы казны были равны 111 млн. рублей ассигнациями, а расходы — 248 млн. рублей ассигнациями. Дефицит покрывался исключительно выпуском новых ассигнаций, что привело, естественно, к резкому падению курса. К 1809 г. дефицит бюджета достиг 157 млн. руб.[10]. Страна оказалась на грани банкротства. Незаметный доселе за грозными внешнеполитическими проблемами вопрос о реформе финансовой системы встал очень остро.

Для решения насущных экономических проблем в 1809 г. под руководством императора Александра I был организован Финансовый комитет. Членами комитета стали: товарищ министра финансов Д.А. Гурьев, товарищ министра юстиции М.М. Сперанский, государственный казначей Б.Б. Кампенгаузен и М.А. Балугьянский. Кроме того, «вне штата» в работе комитета приняли участие Ф.А. Голубцов и Н.С. Мордвинов.

В день открытия Государственного совета 1 января 1810 г. М.М. Сперанский представил императору подготовленный Комиссией план финансовых преобразований. Его «идейным вдохновителем» стал М.М. Сперанский. При позднейшей публикации данного плана его автором был назван именно М.М. Сперанский[11]. «План финансов» состоял из двух частей: характеристики финансового положения на 1810 г., схемы необходимых действий для стабилизации этого положения, а также программы долгосрочных мероприятий. Во введении к первой части документа М.М. Сперанский подробно анализирует причины финансового кризиса в стране. Они довольно очевидны: резкое падение курса ассигнаций и невыгодный торговый баланс. Он писал: «Государство наше вступает в 1810 г. с 577-ю млн. внутреннего долга, составлявшегося в ассигнациях. Присоединив к сему около 100 млн. долгу иностранного, масса долгов наших составляет около 677 млн. рублей. Расходы наши в 1810 г. составят не более 193 млн. рублей, а все доходы простираются с предлагаемыми налогами до 127 млн. рублей. Недостаток составляет более 65 млн. рублей»[12]. Выпуск новых ассигнаций для покрытия этого бюджетного дефицита только увеличит финансовую проблему, а не решит ее. Поэтому, прежде всего, указывал Сперанский, необходимо прекратить выпуск ничем не обеспеченных бумажных денег, а уже выпущенные ассигнации официально признать государственным внутренним долгом.

После чего следует принять серию мер по их постепенному выводу из оборота. Главная проблема здесь заключалась в том, что для этой операции необходимы были немалые средства. М.М. Сперанский предложил следующие финансовые источники реформы. По его мнению, нужно было до минимума сократить государственные расходы, в том числе, например, воздержаться от строительства новых школ. Далее, он считал необходимым произвести внутренний заем под залог государственных имуществ и рассмотреть возможность продажи его части, главным образом, казенных земель. Однако эти меры были явно недостаточны, да и результаты их внедрения в жизнь не могли проявиться сразу, поэтому Сперанский предложил ввести целевой временный налог, собираемый специальной комиссией, исключительно для выкупа излишних ассигнаций, а также произвести единовременный сбор с помещичьих и удельных имений по 50 коп. с души. Наконец, чтобы все предложенные меры привели к положительным результатам, необходимо было установить должный контроль за денежными потоками, а также за целевым использованием дополнительно полученных средств. Для этого Сперанский предложил сделать открытой финансовую политику государства. Другими словами, установить строгую отчетность и гласность в ведении государственного хозяйства.

Однако Сперанский понимал, что падение курса ассигнаций было лишь одной из причин финансового кризиса. Второй причиной кризиса стали последствия континентальной блокады и невыгодный для российской экономики таможенный тариф. Вместе с Н.С. Мордвиновым он разработал концепцию нового таможенного тарифа, который был введен в 1810 г. По новым правилам, русские гавани объявлялись открытыми для всех судов под нейтральными флагами, вне зависимости от того, товары какой страны они привозили. Кроме того, по новому тарифу был запрещен ввоз в Россию предметов роскоши, а

многие иностранные промышленные изделия были обложены высокими таможенными пошлинами.

Меры, предложенные М.М. Сперанским, были направлены на достижение немедленных результатов по стабилизации экономики, что, отчасти, и было сделано. 2 мая 1810 г. был принят указ о продаже части казенных имуществ для покрытия ассигнационного долга[13]. Также по результатам работы комиссии 20 июня 1810 г. был издан манифест «О новом устройстве монетной системы», на основании которого серебряный рубль был объявлен «законной единицей всех монет, обращавшихся в государстве»[14]. Однако этого было явно мало для решения финансовых проблем на длительный срок. Для достижения указанной цели Сперанский предложил организовать центральный акционерный банк с правительственной долей акций не менее 1/3. Главной задачей банка должно было стать кредитование для содействия развитию торговли и промышленности, а также для перехода к серебру, как основному монетному обращению. Причем Сперанский указывал, что поддерживать необходимо частные промышленные предприятия, а казенные, особенно малоприбыльные, продать в частные руки.

Министр финансов Д.А. Гурьев, недолюбливавший лично Сперанского, высоко оценил предложенные им мероприятия: «План финансов, ... заключая в полном виде все части, до сего предмета относящиеся, основан на совершенной теории экономии политической и может служить верным руководством к введению правильной системы управления нашими финансами»[15]. Уже 2 февраля 1810 г. был издан указ «О мерах к уменьшению государственных долгов; о прекращении выпуска в оборот новых сумм ассигнаций и о возвышении некоторых податей и пошлин»[16]. По этому указу было уничтожено 5 млн. ассигнаций, что несколько стабилизировало финансовую ситуацию. Также свою роль сыграл покровительственный таможенный тариф 1810 г.

Таким образом, в целях стабилизации положения, прежде всего, необходимо было создать максимально благоприятные условия для развития отечественной промышленности. Для обеспечения этого в 1810 г. правительство Александра I устанавливает запретительный таможенный тариф, по которому резко повышались пошлины на ввозимые в Россию товары.

Инициатором введения данного тарифа был О.П. Козодавлев, товарищ министра внутренних дел, возглавивший с 28 января 1811 г. это министерство. Надо сказать, что введение в 1810 г. покровительственного таможенного тарифа оказалось весьма своевременным. В результате колоссальных затрат, потребовавшихся на Отечественную войну и заграничные походы в 1812-1813 гг., финансовая ситуация в стране оказалось в крайне плачевном состоянии. Краха удалось избежать во многом благодаря тому, что все это время во внешней торговле сохранялся активный торговый баланс: ввозили товаров на 88700 тыс., а вывозили — на сумму 147 млн. рублей. Так, в середине 1812 г., весьма сложного в политическом положении для России, когда вовсю шла Отечественная война, русско-английская торговля набирала обороты через порты Архангельска и Петербурга, кроме того, курс рубля на лондонской бирже неуклонно рос в течение всего года, причем был особенно высок во время вступления Наполеона в Москву[17].

Именно эти успехи позволили правительству Александра I задуматься о возможном возвращении к более либеральному свободному таможенному тарифу. Инициатором этого, а также главным оппонентом Козодавлева был граф (с 12 декабря 1819 г.) Д.А. Гурьев. Он был сторонником свободы торговли и фритредерства, поэтому был против покровительственного таможенного тарифа. Однако в 1813 г. это было явно преждевременно, и вопрос был отложен. К нему вернулись вновь в 1815 г.: год триумфа России на международной арене, финансовой стабилизации и начала реального выхода из экономического кризиса, вызванного войной. 14 сентября 1815 г. Александр I подписал акт об образовании «Священного союза», ставшего своего рода итогом Наполеоновских войн. Внешняя политика опять отошла на второй план, обнажив проблемы внутренней политики. Одной из основных таких проблем был, безусловно, надвигающийся финансовый кризис, который поставил страну на грань банкротства. Необходимо было принять экстренные меры поддержания отечественной промышленности, укрепления курса ассигнаций. Подготовка плана преобразований была поручена министру финансов Д.А. Гурьеву, что было вполне оправдано, так как он сразу по окончании войны в 1814 г. составил примерный план оздоровления финансов. Однако тогда план оказался невостребованным.

Летом этого же года была создана комиссия по разработке нового таможенного тарифа. В этой комиссии разгорелись нешуточные споры между министром финансов Гурьевым и министром внутренних дел Козодавлевым. О.П. Козодавлев представил обстоятельную записку «Мнение министра внутренних дел о проекте нового тарифа». Козодавлев напомнил, что введение протекционистского таможенного тарифа в 1810 г. было вызвано не только негативными последствиями континентальной блокады, но и рядом глубинных причин, корни которых уходят в экономическую политику России еще в начале XVIII в. Он подробно рассказывает, что со времен Петра I тарифная политика царского правительства строилась на системе ограничения ввоза зарубежных товаров: «запрещение [ввоза] иностранных мануфактурных изделий было издавна принято правительством за постоянное правило» и «следственно, не есть ложное начало, противное здравой теории и опытам... А здравая теория принимает за неоспоримое начало, что чем менее государство принуждено для удовлетворения своих потребностей заимствовать оные у других и чем более, следственно, необходимых вещей производить собственным трудом, тем оно богатее и независимее»[18].

В пользу предложений Козодавлева говорили, прежде всего, реальные цифры развития экономики страны и темпы роста производства. Например, в 1804 г. в стране было 7 сахарных заводов, в 1812 — 30, в 1814 — 51. Кроме того, Козодавлев напомнил, что условия развития промышленности во всех государствах различное. На развитие российской экономики, безусловно, влияет крепостное право и, как следствие, практически полное отсутствие рынка рабочих рук. Поэтому нельзя ставить русского и, например, английского мануфактуриста в равные условия при реализации товаров, так как у них изначально неравные условия его производства.

Однако против запретительного тарифа в то время оказались два весомых фактора. Во-первых, на Венском конгрессе император Александр I фактически

пообещал союзным державам открыть границы своей страны для иностранных товаров. Во-вторых, ярым сторонником свободного тарифа был Д.А. Гурьев, пользовавшийся тогда поддержкой всесильного А.А. Аракчеева. Тем не менее, позиция и аргументы О.П. Козодавлева были учтены, и 1816 г. был принят компромиссный вариант таможенного тарифа. В первую очередь были снижены пошлины на ввоз сырья, которое не вырабатывалось в России, а также были отменены все существующие запреты на ввоз иностранных товаров. Первоначально данный тариф не отразился на развитии отечественной промышленности, поэтому правительство пошло на еще большую либерализацию внешней торговли. В 1819 г. принимается новый таможенный тариф, существенно снизивший пошлины на ввозимые товары и сырье. Это сразу сказалось на развитии фабрик и мануфактур. Так, из существующих 51-го сахарного завода 22 были закрыты. Поэтому уже в 1820 г. вновь были введены некоторые ограничения: повышены пошлины на шелковые и набивные ткани, сахар и некоторые другие товары. В 1822 г. был снова введен запретительный тариф.

Несмотря на то, что тарифная политика во многом определяла направление в развитии экономики, необходима была и общая программа, направленная на помощь в развитии промышленности. О.П. Козодавлев одним из первых обратил внимание на проблему обеспечения фабрик и мануфактур как казенных, так и частных, рабочей силой. По его мнению, правительство не должно препятствовать помещикам, желающим освободить крестьян, даже если конкретная ситуация несколько выходит за рамки закона. Правда, его предложение в этом вопросе осталось неуслышанным[19]. В 1818 г. предложил на рассмотрение в Государственном совете проект закона, предусматривающего освобождение рабочих от обязанности записываться в цеха. Он указывал, что это правило скорее стесняет рабочих, а не защищает их. В этом Государственный совет его поддержал: 31 августа 1818 г. императором был издан соответствующий указ[20]. Ту же цель более полного и беспрепятственного, по возможности, обеспечения предприятий рабочей силой преследовало предложение Козодавлева о замене для «фабричных крестьян» рекрутской повинности денежным взносом.

Выше уже говорилось, что Козодавлев был активным сторонником помощи отечественным промышленникам и некоторого ее ограждения от зарубежной конкуренции. При этом, однако, он считал, что внутри страны не должно быть никаких преград для торговой и промышленной деятельности. Причем, это должно было касаться всех аспектов хозяйствования: отсутствие внутренних преград в торговле, право беспрепятственно продавать частные предприятия, сдавать в аренду посессионные, право крестьян, помещичьих, казенных, удельных и вольных хлебопашцев приобретать и основывать фабрики. Предложенный Козодавлевым проект предусматривал ряд правил для крестьян, желавших стать мануфактуристами. Во-первых, согласно данному документу организовать предприятие крестьяне могли не иначе, как с согласия помещика или контролирующих их чиновников. Во-вторых, они должны были получить специальные торговые свидетельства. Кроме того, крестьянам предоставлялась льгота по выплате пошлин: в течение 4-х лет после начала деятельности они освобождались ото всех платежей в казну. Этот проект получил силу закона 28 декабря 1818 г.[21]. Итак, программа О.П. Козодавлева была направлена на соз-

дание системы оказания максимально возможной помощи со стороны правительства отечественным промышленникам, он был активным проводником политики протекционизма.

Изучение замыслов, проектов экономических преобразований первой четверти XIX в. позволяет сделать вывод, что в течение указанного периода правительство начинает все больше внимания уделять данной сфере. Именно финансово-экономическое обеспечение реформ оказывается залогом их успеха. Повышение роли экономической составляющей в общей политике государства заставляет власть отказываться от реализации «голых» экономических теорий и обратиться к реальной практике.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. ПСЗ-1. Т. № 20406. (Манифест об учреждении министерств).
2. РГАДА. Ф. 19. Оп. 1. Д. 372. Л. 1.
3. РГАДА. Ф. 1278. Оп. 1. Д. 19. Л. 111.
4. Там же. Л. 111-111об.
5. Там же. Д. 610. Лл. 143-163. (Документы Комиссии по составлению нового тарифа).
6. РГИА. Ф. 1162. Государственная канцелярия. Отчеты министров. Оп. 9. Д. 23. Л. 18; Ф. 1147. «Непременного совета». Оп. 1. Д. 319. Л. 1.
7. *Мордвинов Н.С.* Избранные сочинения. М., 1945. С. 48.
8. Там же. С. 52-53.
9. Там же. С. 59.
10. РГИА. Ф. 560. Оп. 10. Д. 71. Л. 8.
11. РГИА. Ф. 1152. Дела Департамента экономии Государственного совета. Оп. 1. Д. 1. Опубликован: Сб. РИО. СПб., 1885. Т. 45.
12. *Сперанский М.М.* План финансов. СПб., 1885. Т. 45. С. 1.
13. ПСЗ-1. СПб., 1830. Т. XXXI. № 24244.
14. Там же. № 24264.
15. РГИА. Ф. 1152. Оп. 1. Д. 1в. Л. 77.
16. ПСЗ-1. СПб., 1830. Т. XXXI. № 24116.
17. Данные взяты у *Корнилова А.А.* Курс истории России XIX века. М., 1993. С. 103.
18. РГИА. Ф. 1152. Оп. 1. Д. 66.
19. См.: *Сухомлинов М.И.* История Российской Академии. СПб., 1882. Вып. 6. С. 206-220.
20. ПСЗ-1. Т. XXXV. № 27526.
21. Там же. Т. XXXV. Т. 27600.

ECONOMIC REFORMS IN RUSSIA DURING FIRST DECADES OF THE 19th C.

N.V. Korshunova

The work presents the analysis on basic problems of the economic policy of Russia during the first decades of the 19th c. The author analyses the customs policy of the government during the specified period. Some concrete examples of the industry development show significance of the protectionism policy. The author also considers measures of financial stabilization undertaken during the reign of Alexander I. In order to give a complete analysis on eco-

nomic policy the author examines the projects of economic reforms of N.P. Rumjantsev, N.S. Mordvinov, M.M. Speransky, O.P. Kozodavlev.

© 2008 г.

Д.В. Бобылев

ВЛИЯНИЕ ВОЕННОЙ РЕФОРМЫ Д.А.МИЛЮТИНА НА ПОДГОТОВКУ КАЗАЧЬИХ ОФИЦЕРСКИХ КАДРОВ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

Итоги Крымской войны были неутешительны: Россия уступила часть своей территории, обязалась не иметь военный флот, арсеналы и крепости в бассейне Черного моря, лишалась единоличного права покровительства Дунайским княжествам и Сербии. В связи с этим военный престиж её резко упал. Стало понятно, что необходимы перемены, которые смогли бы «встряхнуть» вооруженные силы. Нужен был реформатор, который смог бы выстроить программу модернизации армии и флота и воплотить её в жизнь. Таким человеком стал Д.А. Милютин, положивший начало военной реформе, коренным образом изменившей всю военную систему России.

Преобразования Милютина охватывали все стороны армейской жизни, от вопросов комплектования армии и административного деления на округа до вопросов перевооружения и введения новых воинских уставов. Особое место среди этих реформ занимала реформа системы военного образования, которая в корне меняла его структуру. Наибольшее же воздействие данная реформа оказала на подготовку казачьих офицерских кадров. Чтобы рассмотреть, как это происходило, необходимо проанализировать весь процесс становления и развития офицерского корпуса у казаков.

Актуальность данного исследования определяется тем, что в настоящее время также проходит реформа военного образования, заключающаяся в сокращении военно-учебных заведений, готовивших специалистов для подразделений боевого, тылового и технического обеспечения, и подготовки этих специалистов в системе гражданских высших учебных заведений. Многое из системы военного образования, как до преобразований Д.А. Милютина так и после, можно использовать на современном этапе. Другим не менее важным фактором является то, что в данный момент происходит процесс признания, восстановления и развития казачества, что вполне может привести к оформлению его как официального института. Скорее всего встанет вопрос о подготовке офицерских кадров войск, опыт проведения данного исследования вполне может пригодиться в вопросах постановки военного образования казаков.

Несмотря на явный интерес к проблеме влияния военной реформы Д.А. Милютина на подготовку казачьих офицерских кадров во второй половине

XIX века, непосредственно в литературе она не рассматривается, но имеется ряд научных исследований, где затронуты некоторые вопросы данной проблемы. Всю литературу можно разделить на три периода: дореволюционный, советский и постсоветский. Первый период представлен в большинстве своем работами различных военных деятелей того времени. Наиболее важной и интересной является работа П.О. Бобровского «Юнкерские училища. Историческое обозрение их развития и деятельности»[1], где автор, являшийся главным инспектором по юнкерским училищам, подробно рассматривает все аспекты их жизнедеятельности, в книге собран и обобщен очень большой статистический материал, высказано мнение о необходимости перемен в военно-учебных заведениях. Другой не менее значимой работой данного периода является книга, написанная М.П.Хорошхиным, «Казачьи войска»[2], где рассматриваются вопросы подготовки казачьих офицерских кадров после реформ Д.А. Милютина.

Второй период представлен наименьшим числом работ по сравнению с другими периодами, так как и казачество и офицерство воспринималось как антиреволюционный элемент, и отношение к нему было враждебное. В четырехтомном исследовании А.А. Керсновского «История русской армии»[3] подробно рассказывается об истории становления русской армии, изучается опыт её строительства, рассматриваются военно-образовательные проблемы, оно относится к числу наиболее интересных работ периода. Еще одной важной и значимой работой этого периода является книга А.И. Каменева «История подготовки офицерских кадров в России»[4], где рассмотрено становление всей системы военного образования в России, изменения, которые постигли систему после военных реформ Д.А. Милютина, дана характеристика отечественной системы военного образования в сравнении с зарубежными аналогами. Освещены основы организации учебной и методической работы в военных вузах, подчеркнуты её сильные и слабые стороны.

Третий период характеризуется ликвидацией жестких идеологических рамок, открытостью архивов и доступностью новых источников, что несомненно способствовало изучению проблемы. Самой значимой работой этого периода является книга С.В. Волкова «Русский офицерский корпус»[5], где рассматривается система военного образования за время правления династии Романовых. Здесь также собран материал, отражающий статистические сведения о казачьих офицерах, процент количества казаков, обучавшихся в военных образовательных учреждениях, и другие сведения. Другой не менее важной и интересной работой является монография В.А. Машкина «Высшая военная школа Российской империи XIX — начала XX века»[6]. Автор рассказывает нам об изменении всей системы военного образования в России: начального, среднего, высшего и академического, имеются сведения о количестве обучаемых в казачьих юнкерских училищах, процент казаков в других военных учебных заведениях, и другое. Все это показывает, что некоторые вопросы отдельными авторами затрагивались, но в связи с изучением других проблем, но комплексно влияние военной реформы Д.А. Милютина на подготовку казачьих офицерских кадров во второй половине XIX века рассмотрено не было, поэтому существует необходимость рассмотреть эту проблему в рамках данной статьи.

Источниковую базу составили законодательные акты и архивные материа-

лы. Из законодательных актов были использованы: Сборник правительственных распоряжений по казачьим войскам, Свод военных постановлений и годовые Приказы военного министерства. Архивные материалы представлены документами, содержащимися в Российском государственном военно-историческом архиве. В частности, были использованы материалы фонда 1 (канцелярия военного министерства), фонда 330 (Главное управление казачьих войск) и фонда 1154 (Оренбургский неплюевский кадетский корпус).

С давних пор командные должности в казачьих обществах занимали те лица, которых казаки выбирали сами. Так происходило в XVI, XVII и даже в XVIII столетиях, уже под властью России, правительство которой не признавало казачьих выборных командиров равными по положению офицерам русской регулярной армии. Еще в 1742 г. правительство указывало на невозможность удостоить и «впредь, как Донского, так и прочих нерегулярных, войск старшин воинскими регулярными рангами, дабы регулярным офицерам обиды быть не могло». Однако такие ограничения постепенно стали устраняться. После восстания Пугачева, 14 февраля 1775 г. на Дон пошел царский указ, по которому «все старшины, командовавшие в походах полками, приравнивались к штаб-офицерским чинам». Что касается меньших старшин, есаулов, сотников и др., то их тогда еще с русскими офицерами не равняли, хотя признавалось, что они «по службе своей равные офицерской чести должности отправляют». Поэтому повелевалось «принимать их прилично офицерскому чину и в налагаемых наказаниях поступать так, как об офицерах установлено». Указом 1798 г. казачьи военные чины приурочены к русскому Табелю о рангах и окончательно утверждены с выходом «Положения о Войске Донском» в 1835 г. Права казачьих «чиновников»-офицеров регулировались Сводом законов Российской империи[7].

С этого времени получить звание офицера можно было несколькими способами:

I. Без обучения в военном учебном заведении.

1. Дети потомственных дворян принимались на службу по исполнении 15 лет от роду рядовыми казаками. После 3 месяцев службы, если способность их и поведение начальством засвидетельствованы, производились в урядники. Два года действительной и беспорочной службы в мирное время, а за мужество и храбрость оказанное в военное время, давало им право на производство в хорунжие на вакансии по войску. (В 1857 году данное правило претерпело некоторые изменения, в частности: дети потомственных дворян принимались на службу с 15 лет, если окончили не менее 4-х классов гимназии, а те, кто не окончил — подвергались экзамену. Они зачислялись на правах, предоставленных дворянам-урядниками, а не выдержавшие экзамена — казаками).

2. Казакам не из дворян первоначально необходимо было дослужиться до чина урядника. Казаки, умеющие читать и писать, и полковые писаря в мирное время могли быть представлены к производству в хорунжие на вакансии по войску, но только те, кто при совершенно беспорочном поведении и испытанной расторопности находился в чине урядника на полевой службе не менее 12 лет. А те из урядников, кто в военное время проявил отличную храбрость и неустрашимость при умении читать и писать и имеющий уже награды, производился в хорунжие и без выслуги 12 лет в данном чине. (В 1857 году данное пра-

вило претерпело некоторые изменения, в частности: при тех же условиях по выслуге для производства в хорунжие урядники должны были выдержать установленный экзамен).

3. Воспитанники казачьего сословия, выпущенные с чинами или правами на чины из высших учебных заведений, определяются в военный состав казачьих войск урядниками. Прослужив, выпущенными с чинами или с правами на чин 12 класса шесть месяцев, а 9 и 10 классов три месяца, переименовывались в хорунжие[8].

Данные правила распространялись на все казачьи войска, но некоторые из них имели свои особенности: касающиеся численности произведенных из дворян казаков, свободных вакансий и др.

II. Окончившие курс в военно-учебных заведениях.

1. Оренбургский неплюевский кадетский корпус. Корпус состоял из двух эскадронов (европейского и азиатского). В числе назначенных по штату 260 вакансий 90 полагалось для детей войскового сословия Оренбургского, Уральского и Башкиро-мещерякского казачьих войск (по 30 человек для каждого войска). В корпус принимались дети не моложе 9,5 и не старше 12 лет. Для приема в корпус поступающие должны были уметь читать и писать на русском языке, знать главные христианские молитвы и четыре правила арифметики. Курс состоял из четырех классов: приготовительный, нижний, средний и верхний. В каждом классе обучались 2 года. Окончившие курс учения кадеты выпускались из корпуса с различными преимуществами. Вплоть до 1866 года преимущества эти менялись, но смысл оставался тот же. Выпускники, в зависимости от поведения и успехов в учебе, разделялись на 4 разряда. Первые три разряда выпускались в казачьи войска офицерами в тот род войск и с тем офицерским званием, который соответствовал полученному ими разряду по выпуску. Причисленные же к четвертому разряду выпускались в казачьи войска урядниками с правом производства в первый офицерский чин по истечении 1 года[9].

2. Сибирский кадетский корпус. Состоял из роты и эскадрона по 120 воспитанников в каждом подразделении, естественно, что в число воспитанников эскадрона входило казачье сословие. Сибирский кадетский корпус имел целью готовить своих воспитанников для службы офицерами в линейных батальонах и казачьих войсках отдельного Сибирского корпуса. Полный курс обучения в корпусе составлял 6 лет с разделением его на 3 класса (по два года в каждом). Успешно окончившие курс воспитанники эскадрона выпускались в казачьи полки на те должности и в том звании, которые соответствовали разряду, полученному воспитанниками по выпуску. Неспособные же воспитанники из казачьего сословия поступали в Сибирское казачье линейное войско на нестроевые должности[10].

3. Другие военно-учебные заведения. Определенный процент казачьего сословия (1 %–3 %) был так же представлен в других кадетских корпусах (1-й и 2-й кадетские, 1-й и 2-й Московские, Финляндский, Павловский, Александрийский Сиротский, Новгородский графа Аракчеева, Орловский Бахтина, Михайловский Воронежский, Полоцкий, Петровский Полтавский, Александровский Брестский и др.), а также в пажеском корпусе и дворянском полку. Для всех корпусов еще в 1836 г. был введен единый учебный план и установлен об-

щий порядок организации и устройства. Все предметы делились на три курса: приготовительный (1 год), общий (5 лет) и специальный (3 года). Выпускались воспитанники казачьего сословия в казачьи войска на соответствующую полученному по выпуску разряду должность и с соответствующим званием[11].

В военно-учебные заведения стремились определить своих детей наиболее известные дворянские казачьи фамилии, чтобы дать своему ребенку наилучшее военное образование и соответственное воспитание. Особенно престижно было выучить своего ребенка в столичных кадетских корпусах.

Данная система подготовки казачьих офицерских кадров имела ряд недостатков, которые и выявила Крымская война. Те офицеры, которые получили свое звание без обучения в военно-учебном заведении (их было большинство в казачьей среде), были малообразованны, и не удовлетворяли высокому офицерскому статусу, поставленному в обществе, хотя эти казаки часто были очень хорошими войнами. К тому же они не могли стать специалистами в таких военных областях, как артиллерия, инженерное и саперное дело, так как для этого требовались дополнительные глубокие знания. Незнание языков также негативно сказывалось на дальнейшей службе офицера, особенно в период ведения боевых действий. И, наконец, такой офицер не успевал в образовательном плане за новыми достижениями науки в военном деле, не мог сам использовать научные достижения для применения их в войсках (применение нового типа оружия, изменение характера боевых действий, изобретательская и научная работа применительно к военному делу и др.).

Офицеры, окончившие военно-учебные заведения (они составляли меньшинство в казачьей среде), получали прекраснейшее образование, имели воспитание, соответствующее их статусу офицера, знали несколько языков, были высоко образованны. Но чисто военному образованию в кадетских корпусах уделялось очень мало внимания, поэтому офицеры были широко образованными людьми, нередко разбирались в литературе, писали пьесы, стихи, но по специальности в военном деле были часто слабо подготовлены.

Еще одна причина, вызвавшая реформу системы военного образования, состояла в том, что существующие до 1860 года военно-учебные заведения не удовлетворяли потребности армии в офицерах. Офицеров катастрофически не хватало, особенно сильно это проявлялось в период войн и военных кампаний. Все эти причины и вызвали военную реформу 1860-х годов в области военного образования.

В своей записке императору Д.А. Милютин излагает точку зрения на необходимость ликвидации кадетских корпусов. При этом он руководствуется следующими соображениями: во-первых, тем, что воспитание, основанное на строжайшей дисциплине, дает свои плоды лишь в зрелом возрасте; военное воспитание в детском возрасте наносит серьезный ущерб нравственным качествам юноши; во-вторых, ранняя специализация обрекает юношу на привязанность к военной службе, вне зависимости от его призвания[12].

Суть реформы состояла в отделении общеобразовательного курса в военно-учебных заведениях от военно-специального и создании для каждого из них отдельных учебных заведений: военных гимназий (с 1882 г. снова получили название — кадетские корпуса) и военных училищ, на которые разделились преж-

ние кадетские корпуса. Кроме того, было решено в офицеры производить только получивших специальное военное образование в учебных заведениях. Для тех, кто ранее получил офицерское звание непосредственно в частях после определенного срока выслуги (поскольку этот контингент обладал в большинстве худшим общеобразовательным уровнем), были созданы особые училища с облегченной программой, получившие названия юнкерских. Организованы и общеобразовательные военные учебные заведения сокращенного курса, получившие название военных прогимназий, которые готовили к поступлению в юнкерские училища, подобно тому, как военные гимназии готовили к поступлению в военные училища. Таким образом, общевойсковые военно-учебные заведения подразделялись на четыре основных типа[13].

Лучшее военное образование с учетом дальнейшего карьерного роста давали военные училища, но процент казаков в них был очень невелик и составлял в различных училищах от 2 % до 4 % (лишь в специальные военных училищах этот процент был выше: в Михайловском артиллерийском училище имелось для Донского войска — 15, для кавказских войск — 5 вакансий)[14]. Здесь военное образование получали наиболее известные казаки — дворяне, простому казаку поступить туда было невозможно.

Основную нагрузку по подготовке казачьих офицерских кадров взяли на себя юнкерские училища и казачьи отделы при них. Казачьи юнкерские училища имели много общего между собой: правила приема, учебные программы, вопросы внутреннего порядка и воинской дисциплины, штаты, распределение на подразделения и др. Но вместе с тем эти военно-учебные заведения имели ряд отличий, касающихся формы одежды, культурных и религиозных традиций, способов обучения и др. Еще большим разнообразием отличались казачьи отделы, так как специфичность юнкерских училищ, где они были расположены (пехотное или кавалерийское, различные военные округа и др.) накладывала особый отпечаток. Всего в период с 1860 по 1890 годы было образовано 3 казачьих юнкерских училища и 5 казачьих отделов. Для того, чтобы лучше понять, как коренным образом изменилась подготовка казачьих офицерских кадров, необходимо рассмотреть процесс образования и развития данных военно-учебных заведений:

1. Новочеркасское урядничье училище (открыто в августе 1869 года), с 1871 года — Новочеркасское казачье юнкерское училище на 120 человек, готовило офицеров для Донского (114 человек) и Астраханского (6 человек) казачьих войск (с 1880 года 6 вакансий астраханского казачьего войска переведены в Оренбургское казачье юнкерское училище). В училище поступали по экзамену уроженцы этих войск дворяне — не ранее 16 лет и вольноопределяющиеся (с 1875 г. к приему в училище допускались все имеющие права по образованию казаки, но только по достижении 17 лет.). Все урядники, обучающиеся в училище, для отличия от прочих, имели посреди плечевых погон продольную нашивку. В строевом отношении урядники во время пребывания в училище составляли конную сотню, устраиваемую на одинаковых основаниях с сотнею казачьего полка. Учебный курс в урядничьем училище составлял 9 месяцев (в казачьем юнкерском училище 2 года). Начинался он с 15 августа и продолжался по 15 мая, затем производились выпускные экзамены (в казачьем юнкерском учили-

ще сдавали экзамены для перевода в старший класс), по окончании экзаменов урядники занимались службой в Донском учебном полку и участвовали в полковых конных учениях этого полка, составляя в нем отдельную сотню. Кроме того, старший класс ходил на практические занятия в поле. Урядники, подлежащие производству в офицеры, отчислялись из училища и Донского учебного полка в свои войска, откуда командировались в полки при первом наряде их на полевую службу. В полках урядники производились в офицеры по представлению их ближайшего начальства[15].

2. Ставропольское урядничье училище (открыто в августе 1869 года), с декабря 1870 — Ставропольское казачье юнкерское училище на 90 человек (позже на 120 человек, из которых 30 вакансий на кавалерийских юнкеров), готовило офицеров для Кубанского (70 человек) и Терского (20 человек) казачьих войск. В училище поступали уроженцы Кубанского и Терского казачьих войск, дворяне — не ранее 16 лет, а служащие на правах вольноопределяющихся с таким расчетом, чтобы к окончанию ими курса они выслуживали в звании урядников последнее полугодие для производства в офицеры. В строевом отношении урядники составляли казачью сотню на одинаковых основаниях с сотнею казачьего полка. Сверх общих предметов преподавания, указанных в учебных программах юнкерских училищ, урядники обязаны были усвоить и все особенности казачьего устава. В верховой езде они упражнялись по казачьему способу: вместо вольтижирования занимались наездничеством и джигитовкой, вошедших в обычай у кавказских казаков. Перед началом курса с 1 по 15 августа в училище производился приемный экзамен, а по окончании курса с 15 мая выпускной. Курс продолжался 9 месяцев (в казачьем юнкерском училище 2 года), по окончании выпускного экзамена и практических занятий в поле урядники отчислялись из училища в свои войска, где производились в офицеры по представлению их ближайшего начальства[16].

3. Оренбургское юнкерское училище (открыто в декабре 1867 г.), с 1878 г. — Оренбургское казачье юнкерское училище на 200 человек (с 1876 г. на 300 человек) из которых 120 мест отводилось на казачье сословие (с 1876 г. 150 мест), готовило офицеров для Оренбургского, Уральского, Сибирского и Семиреченского казачьих войск. В училище поступали по экзамену уроженцы этих войск дворяне — не ранее 16 лет и вольноопределяющиеся. В строевом отношении казачьи урядники составляют конную сотню, в состав которой поступают и урядники пеших казачьих частей. Курс обучения продолжался 2 года, для того, чтобы перевестись в старший класс, необходимо было сдать экзамен по установленным программам. По окончании 2-х годичного курса выпускник также сдавал экзамен. Тем, кто экзамен не сдавал, разрешалось оставаться на второй год в классе или вторично поступать в училище, если учебный комитет училища признавал их этого заслуживающими. После сдачи итогового экзамена урядники отчислялись из училища в свои войска, где производились в офицеры по представлению их ближайшего начальства[17].

4. Иркутское юнкерское училище (открыто в 1872 г.) на 90 человек, из которых 60 вакансий отводилось на Забайкальское и Амурское казачьи войска. Правила приема, сроки обучения, порядок выпуска и получения офицерского звания были такими же, как и в Оренбургском юнкерском училище.

5. Казачьи отделы при Варшавском (на 50 юнкеров), Виленском (на 35 юнкеров) пехотных и Елизаветградском (на 35 юнкеров) кавалерийском юнкерских училищах были открыты согласно постановлению Военного Совета в 1876 году (в Варшавском казачий отдел с 1868 г. на 50, с 1870 г. на 85 мест; до открытия казачьего отдела при Виленском пехотном училище, с 1868 г. проходили обучение для производства в офицеры казачьи урядники из дворян), для подготовки офицеров Донского казачьего войска. Казаки должны были являться в училище с собственными лошадьми, с собственным обмундированием, снаряжением и с положенным в их полках вооружением. Для заведования отделом прикомандировывался к училищу казачий офицер на правах сотенного командира, а в Варшавском отделе таких офицеров было два. Распорядок дня, устройство внутреннего порядка, учебные занятия и другие вопросы не отличались от училищного курса, на территории которого был расположен отдел. Из предметов в Варшавском и Виленском отделах была добавлена такая дисциплина, как иппология (наука о лошадях), в Елизаветградском она слушалась вместе со всем училищем[18]. Прибывавшие в отделы казаки сдавали вступительный экзамен, не сдавшие отправлялись обратно в войска. Срок обучения в отделах составлял, как и в юнкерских училищах, 2 года, для перевода в старший класс необходимо было сдать экзамен, по окончании курса обучения — выпускной экзамен, с дальнейшим производством в офицеры. В 1884 г. отделы в Варшавском и Виленском отделах были упразднены, в 1886 г. упразднен и Елизаветградский отдел, юнкера были переведены в Новочеркасское казачье юнкерское училище[19].

Для всех казачьих юнкерских училищ и казачьих отделов при юнкерских училищах характерным было то, что поначалу к вступительному экзамену из полков казаки являлись с весьма слабой научной подготовкой. В большинстве они обнаруживали полное незнание самых элементарных научных сведений, а в войсках не было средств улучшить их подготовку. По этой причине немногие из прибывавших к экзамену были приняты в училища, но и те при всем их старании тяжело овладевали учебным курсом. В связи с этим было принято решение открыть приготовительный класс со сроком обучения один год. В основу курса была положена программа на вольноопределяющегося 3 разряда. Мера эта облегчила приемный экзамен и дала возможность казакам получить основательную подготовку для успешного прохождения курса. Но вместе с тем, увеличила срок пребывания в училище до трех лет. Обучающиеся казаки могли поступить в оба класса училищ, в младший или общий, и старший или специальный. Причем, если проследить этот процесс на начало 70-х г., то соотношение поступивших в старший класс из тысячи будет — 41, а в младший — 959[20].

Рассмотрев систему подготовки казачьих офицеров, сложившуюся к началу 70-х г. XIX века, можно сделать вывод, что согласно новым положениям никто из вольноопределяющихся и урядников не мог быть произведен в офицеры, не окончив курса в юнкерских или военных училищах (хотя были некоторые исключения), а это увеличивало приток в казачьи войска образованных офицеров. Вторым очень важным следствием реформы стало то, что количество офицеров стало возрастать, и казачьи войска перестали ощущать острую нехватку кадров (в период ведения боевых действий нехватка ощущалась). В-третьих, в связи с разделением общеобразовательного курса в военно-учебных заведениях

от военно-специального и создания для каждого из них отдельных учебных заведений большее количество казачьих детей получило возможность обучаться в военно-учебных заведениях, дающих начальное и среднее образование (военные гимназии и прогимназии). В-четвертых, новая система открыла двери для получения военного образования обычным казакам, а не только дворянам, как было раньше. В-пятых, курс юнкерских училищ был в основном построен по принципу получения именно военного образования, и упор соответственно делался больше на военные дисциплины, в результате чего выпускаемые офицеры становились действительно профессионалами своего дела. Но в то же время новая система имела и недостатки: во-первых, исчез тот офицерский облик, который давали кадетские корпуса, выпуская молодых людей высокообразованными и культурными личностями. Во-вторых, курс обучения в военной гимназии сложно было назвать военным, он больше склонялся к гражданскому варианту, соответственно расхолаживая своих воспитанников. В-третьих, на начальном этапе реформы не был учтен образовательный уровень казачьего сословия, результатом чего стал некомплект в казачьих юнкерских училищах и казачьих отделах при юнкерских училищах.

В целом реформа Д.А. Милютина имела прогрессивный характер, отвечая современным тенденциям подготовки офицерского состава, с учетом изменения в характере боевых действий, и изменила всю систему подготовки казачьих офицерских кадров.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Бобровский П.О.* Юнкерские училища. Историческое обозрение их развития и деятельности. СПб, 1872.
2. *Хорошхин М.П.* Казачьи войска. СПб., 1902.
3. *Керсновский А.А.* История русской армии, в 4-х томах. Белград, 1933.
4. *Каменев А.И.* История подготовки офицерских кадров в России. М., 1990.
5. *Волков С.В.* Русский офицерский корпус. М., 1993.
6. *Машкин В.А.* Высшая военная школа Российской империи XIX — начала XX века. М., 1997.
7. Казачий словарь справочник том II / Сост. Г.В.Губарев. Сан Ансельмо, 1968. С. 244.
8. РГВИА. Ф. 330. Оп. 63. Д. 90. С. 47-59.
9. РГВИА. Ф. 1154. Оп. 1. Д. 120. С. 5-32.
10. Исторический очерк образования и развития сибирского кадетского корпуса 1826-1876. Омск, 1884. С. 59-65.
11. *Волков*. Ук. соч. С. 80-123.
12. *Каменев*. Ук. соч. С. 55-102.
13. *Волков*. Ук. соч. С. 80-111.
14. *Хорошхин*. Ук. соч. С. 256-262.
15. Новочеркасское казачье юнкерское училище. Краткая историческая записка / Сост. Н.Т.Костюков. Новочеркасск, 1910. С. 3-44.
16. РГВИА. Ф. 1. Оп. 1. Т. 12. Д. 29556. С. 22-42.
17. *Греков Ф.В.* Краткий исторический очерк военно-учебных заведений, 1710-1910. М., 1910. С. 174-177.
18. Виленское пехотное юнкерское училище 1864-1899. Краткий исторический очерк / Сост. А. Антонов. Вильно, 1900. С. 46-50.

19. Сборник правительственных распоряжений по казачьим войскам, приказ № 167 от 24 июля 1876 г.
20. *Бобровский*. Ук. соч. С. 57-71.

INFLUENCE OF D.A. MILJUTIN'S MILITARY REFORM ON TRAINING THE COSSACK OFFICER STAFF IN SECOND HALF 19th C.

D.V. Bobylev

D.A. Miljutin's military reform is considered in the field of military education. The essence of the reform was to separate a course of general education in military schools from a military — special course and to establish for each of them separate educational institutions. So, it became obligatory to take a course in military collages and schools in order to receive the officer rank. The author views the system of training of the Cossack officer staff, and the process of setting up a network of military schools, including Cossack military schools and the Cossack departments at military schools in Novocherkassk, Orenburg and Stavropol.

© 2008

И.А. Толчев

НЕКОТОРЫЕ ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ ГОСУДАРСТВА И ЦЕРКВИ В РУССКОЙ ИСТОРИИ

Большинство как дореволюционных, так и советских историков придерживаются мнения о доминирующем положении государства во взаимоотношениях светской и духовной властей в русской истории.

В частности, Н.М. Карамзин в своей знаменитой «Истории Государства Российского» говорил о том, что русское духовенство, «служа великим князьям в государственных делах полезным орудием, не спорило с ними о мирской власти <...> митрополиты ... могли только убеждать совесть, не касаясь *меча мирского* ... отступая же иногда от правил христианской любви и кротости, действовали так в угодность государям, от коих они совершенно зависели, ими назначаемые и свергаемые»[1].

Схожих позиций придерживались Е.Е. Голубинский[2], А.В. Карташев[3]. При этом все упомянутые исследователи указывали на то, что, начиная с Ивана III, после принятия Константинополем Флорентийской унии и установления автокефалии русского духовенства, начинается усиление влияния великого князя на все церковные дела. Н.Ф. Каптерев указывал на то, что «со времени образования у нас сильного Московского царства наши государи всегда и всецело держат церковную власть в своем полном подчинении и распоряжении ... Такой

порядок дел всеми признавался тогда правым, законным и нормальным, вполне сросся с нашей жизнью, с представлениями о царе и его отношении к Церкви, так что иного отношения между церковью и государством у нас и не представляли»[4].

Советская историческая наука в основных положениях по данному вопросу придерживалась тех же позиций, что и историки дореволюционные. В частности, С.Б. Веселовский утверждал, что с эпохи Ивана III «начался длительный период борьбы светской и церковной властей, принимавший временами характер острых и тяжелых столкновений»[5].

Очень жесткую позицию занимал А.А. Зимин. По его мнению, борьба с духовенством была необходимой, так как церковь представляла собой один из наиболее стойких рудиментов феодальной раздробленности, без трансформации которого не могло быть и речи о полном государственном единстве. В результате деятельности Ивана Грозного «сильный удар был нанесен ... по феодальной обособленности Русской церкви, окончательное включение которой в централизованный аппарат власти ... было делом времени»[6]. Солидаризируясь с Зиминым в вопросе о церкви как пережитке старины, В.Б. Кобрин полагал, что репрессии Грозного нанесли серьезный, хотя и не окончательный, удар по особому положению Церкви в государстве[7].

Р.Г. Скрынников подверг критике взгляды А.А. Зимина. По его мнению, на всем протяжении XVI в. церковь неизменно оставалась важнейшей опорой монархии, а столкновения между ними каждый раз были вызваны частными причинами. Он пришел к выводу, что опричнина не была направлена против церкви, напротив, при ее проведении царь нуждался в поддержке духовенства для борьбы с боярством. Совершенно логично ученый отмечает, что именно духовная власть помогла светской объединить страну, разработала учение о царской власти, ее божественном происхождении, соглашаясь в то же время с мнением, что в результате правления Ивана IV позиции церкви сильно ослабли[8].

В настоящее время в исторической науке происходит попытка некоего переосмысления отношений государства и церкви. В своей монографии, посвященной церковно-государственным отношениям в эпоху Ивана Грозного, В.В. Шапошник подверг сомнению тезис о сознательном стремлении царя ослабить Церковь: «Иван IV не выступал против Церкви как таковой, он стремился, видимо, добиться невмешательства отдельных представителей духовенства в политические дела (без прямой санкции с его стороны), в ту сферу, которая рассматривалась им как область единоличного управления. Меры, которые некоторыми исследователями трактуются как антицерковные, вызывались каждый раз конкретными причинами». Подводя итог взаимоотношениям светской и духовной власти в правление Грозного, исследователь отмечает, что «церковное и государственное в России XVI в. едва ли можно отделить друг от друга. Мы имеем переплетение, клубок, взаимопроникновение Церкви и государства в компетенцию друг друга. В таких условиях, в теории, любое церковное действие имело значение государственного, а любое изменение в государстве входило в сферу интересов Церкви и требовало ее одобрения (может быть, и чисто формального)»[9].

Общим местом всех указанных работ является рассмотрение исключительно

фактической стороны взаимодействия светской и духовной властей, пропущенных сквозь призму социально-экономических отношений, совсем не касаясь теоретических аспектов этой проблемы.

Вместе с тем, уже на раннем этапе существования христианской цивилизации, происходила выработка различных типов взаимоотношения государства и церкви.

Самый ранний по времени возникновения тип складывается в восточной части Римской империи, т.е. Византии. Он может быть назван «симфония (гармония) властей». Несмотря на игнорирование принципа симфонии со стороны традиционной исторической науки, его существование признавалось отдельными исследователями еще до революции. В частности, историк, византинист и юрист В.Е. Вальденберг в труде «Древнерусские учения о пределах царской власти», вышедшей в 1916 г. , анализируя толкование Максимом Греком предисловия к 6-й новелле императора Юстиниана, говорит о «*гармонии* святительской и царской власти», понимая под этим «полное равенство в правах, взаимное содействие и помощь»[10].

В 1930–1940-е гг. немало внимания проблеме «симфонии властей» уделил Архиепископ Серафим (Соболев). Так, например, в работе «Об истинном монархическом миросозерцании» владыка писал о том, что симфония властей «есть плод православного мировоззрения и представляет собою акт, в котором власть православного царя и власть православной Церкви свободною волею естественно стремятся к взаимному единению, оставаясь самостоятельными каждая в сфере своей деятельности»[11].

Современный исследователь Л.А. Андреева, рассматривая текст предисловия к 6-й новелле императора Юстиниана, также употребляет понятие «симфония властей» в смысле «нормы взаимоотношений между царством и священством». Кроме того, она отмечает, что данная теория была откликом на теорию «двух мечей», сформулированную в V в. Папой Римским Геласием[12].

Таким образом, можно сказать, что принцип «симфонии властей» предполагает тесное сотрудничество между светской и духовной властями, но с соблюдением четкого разграничения полномочий и невмешательства в дела друг друга. Его появление связывают с деятельностью первого христианского императора Рима Константина Великого, издавшего в 313 г. Миланский эдикт, уравнявший в правах христианскую церковь со всеми остальными религиями. Константин понял необходимость союза с христианством для сохранения разваливающейся на глазах империи.

Дальнейшее укрепление «симфонии» как реального жизненного принципа связано с законодательной деятельностью императора Юстиниана. Теория «симфонии властей» была сформулирована в предисловии к 6-й новелле кодекса Юстиниана и изложена в начале 42-й главы славянской Кормчей: «Великая паче иных, иже в человецех есть дара Божия, от Вышняго дарована человеколюбия Божия, священство же и царство; ово убо Божественным служа сеже человеческими владея и пекийся: от единого же тогожде начала обоя происходят человеческое украшающее житие, якоже ничтоже тако бывает поспешение царству сего ради, якоже Святительская честь: о обоих самех тех присно вси Богови молятся; аще бо они непорочни будут во всем и к Богу имут дерзновение и

праведно и подобно украшати начнут преданные им грады, и сущее под ними будет согласие некое благо, во еже добро человечестей даруя жизни»[13].

Существуют разные точки зрения по вопросу о том, когда теория симфонии стала известна на Руси. По мнению профессора Зызыкина, ее получил во второй половине XIII в. Владимирский митрополит Кирилл от болгарского правителя Иакова Святослава вместе с Кормчей в сербском переводе, где среди глав Номоканона Иоанна Схоластика было и предисловие к 6-й новелле Юстиниана. Отсюда эта теория вошла в состав всех Рязанских Кормчих, которые были положены в основу печатной русской Кормчей, и таким образом теория симфонии властей оказалась в качестве действовавшего русского права[14].

По другой точке зрения, которой придерживались И. Срезневский[15] и В. Бенешевич[16], предисловие к 6-й новелле, равно как и новелла 137, встречается в кормчих начиная с XI–XII в. Таким образом, можно с уверенностью говорить о том, что «теория симфонии» нашла свое практическое выражение в процессе образования русского централизованного государства.

На Руси выразителем принципа «симфонии» стал преподобный Иосиф Волоцкий, уделивший этой проблеме немало внимания в своих посланиях и знаменитом «Просветителе», где преподобный практически дословно повторяет текст предисловия к 6-й новелле Юстиниана: «Великое дарование Божие людям, данное свыше по человеколюбию, — священство и царство: одно служит Богу, другое, властвуя, печется о человеческом. Тому, кто принял от Вышнего повеление управлять человеческим родом, подобает не только о своем заботиться и свою жизнь управлять, но и все, чем владеет, спасать от треволнения и многогреховного смятения, ибо отовсюду угрожают нам лукавые духи и смущают наше смиренное тело»[17].

При этом Русь восприняла это древнее православное учение из Византии практически в готовом виде, что позволило фактически сразу применять его на практике.

Первая мысль теории, изложенной в 6-новелле Юстиниана, о различии священства (т.е. Церкви) и царства (государства, царской власти). По выражению архиепископа Серафима (Соболева), «... различие это выражается в том, что Церковь служит Божественному, небесному, а государство — человеческому, земному. Это различие здесь полагается во главу угла, ибо симфония властей должна исходить из отличия Церкви от государства... Если этого отличия не будет, то о симфонии не может быть и речи. Тогда, при слиянии двух властей в одну, произойдет или цезарепапизм, или папоцезаризм»[18]. При этом важно понимать, что духовная и светская власти должны быть разделяемы как две сущности, выполняющие различные функции, но находиться в состоянии гармонии, симфонии для максимально эффективного выполнения этих функций.

Святитель Иоанн Златоуст в беседе на послание апостола Павла к Римлянам, увещевая подчиняться власти, проводит мысль о том, что и церковь, и государство, в лице правителя, направляют человека по пути благочестия только в зависимости от возложенных на них функций, используют для этого разные средства: «Смотри: я даю тебе советы относительно целомудрия, и он того же требует по законам; я увещеваю тебя, что не должно быть любостяжательным и похищать, и он над тем же поставлен судиею. Таким образом, он наш сотруд-

ник и помощник, на это он и послан Богом. Значит, он в двояком отношении достоин уважения — и потому, что он послан Богом, и потому, что приставлен к одинаковому с нами делу»[19].

Истоки симфонии властей восходят еще к знаменитым словам Христа: «Отдавайте кесарево кесарю, а Божие Богу» (Мф. 22, 21). Кроме того, архиепископ Серафим (Соболев) указывал также как на истоки «симфонии властей» на слова апостола Павла о суде Церкви (1Кор. 6, 1-7), который он противопоставлял суду государства; на 30-е Апостольское правило и 3-е правило VII Вселенского Собора, запрещающие получать епископскую власть через светских начальников; на правила 11, 6, 12 Антиохийского и 117 Карфагенского Соборов, запрещающие клирикам обращаться в светские судилища, а также на учение святых отцов Церкви[20].

При этом святые отцы «... не только говорили о различии церкви и государства, но и о превосходстве первой над последним, конечно, в духовном отношении, поскольку небесные блага, даруемые через церковь, важнее благ земных, получаемых от государства»[21].

В частности, святитель Иоанн Златоуст в своем «Слове о священстве» подчеркивал, что «священство настолько превосходит царство, насколько дух превосходит тело. Духовная власть Церкви поднимается над светской более, чем небо над землей»[22]. А св. Иоанн Богослов в 17-ом слове замечает по этому поводу: «Закон Христов подчинил вас (владык земных) нашей власти и нашему суду, ибо и мы также владычествуем, и наша власть даже выше вашей. В самом деле, разве дух должен преклоняться пред материей, небесное пред земным»[23].

Первой и важнейшей задачей светской власти в соответствии с теорией «симфонии властей» является, по выражению архиепископа Серафима (Соболева), «поддержание Православной веры в ея догматах»[24], то есть защита веры. В первую очередь, верозащитная функция государства, в лице императора, царя, князя и т.п., связана с борьбой с еретическими учениями. Это ясно осознавалось правителями. Вот что император Константин Великий говорил по поводу донатовой ереси: «Я до сих пор не могу стать вполне спокойным, пока все мои подданные, соединенные в братском единении, не будут воздавать Всесвятейшему Богу истинно-умного поклонения, предписываемого кафолической церковью»[25].

В русской истории ярким проявлением верозащитной роли правителя служит обращение великого князя Василия II к митрополиту Исидору, собиравшемуся на Флорентийский Собор 1439 г.: «Если уже ты непременно желаешь идти на Собор, то приноси нам оттуда наше древнее православие, которое мы приняли от предка нашего св. Владимира, а новаго и чуждаго не приноси нам — мы того не примем»[26].

Практическим воплощением борьбы с ересями были церковные Соборы, нередко собираемые властителями и редко обходившиеся без их присутствия. По инициативе светской власти и при ее непосредственном участии в Московской Руси были созваны Собор 1441 г. , осудивший митрополита Исидора и постановления Флорентийского Собора, три Собора против ереси жидовствующих на рубеже XV–XVI вв., а также Соборы 1553–1554 гг. против ереси Башкина, Артемия и Феодосия Косого[27].

При этом важно учитывать, что подобного рода участие было исключительно делом личного благочестия властителя, поскольку их участие в заседаниях Соборов было необязательным, да и законных средств влиять на их решения у правителей не было. Так, архиепископ Серафим (Соболев) пишет о роли византийских императоров на Соборах следующее: «Они не были председателями Соборов, не участвовали в решении соборных вопросов, их присутствие на них не было даже обязательным», а вносимые ими предложения «поступали только на обсуждение Собора, на его благоусмотрение, причем он мог даже не делать их предметом своего обсуждения»[28].

Другой важнейшей составляющей симфонии властей является стремление к гармонии, непротиворечивости церковного и гражданского законодательства. Законотворческая деятельность императора не была ограничена никем из подданных, что наглядно отразилось в 105 новелле Юстиниана (§4), где говорилось, что *Бог подчинил царю законы* и что *царь сам есть живой закон*[29]. Поэтому в сфере ведения государства находятся политические, экономические, гражданские отношения.

Правовая неограниченность государства заканчивалась там, где начиналось совпадение сфер применения светского и церковного законодательства. Предисловие к новелле 137 того же кодекса, закрепляя постановление IV Халкидонского Собора, гласящее, что все законы, противоречащие канону, не имеют силы, провозгласило: «Церковные законы имеют такую же силу в государстве, как и государственные: что дозволено или запрещено первыми, то дозволяется и запрещается и последними. Посему преступления против первых не могут быть терпимы в государстве по законам государственным»[30]. А в 131-ой новелле Юстиниан принимает таким каноном правила Вселенских Соборов и все ими утвержденное, т.е. правила св. Апостолов, Поместных соборов и отцов[31].

Более того, настоящая симфония властей возможна только при реализации принципа верховенства канонического права по отношению к гражданскому законодательству, безусловно, в духовном смысле. Поясняя необходимость подчинения церковным законам, составляющих каноническое право, В.А. Цыпин пишет: «Подчинение этим законам имеет характер необходимости внешней, поскольку оно гарантировано деятельностью церковных инстанций ... и необходимостью внутренней, ибо без подчинения “божественным” и церковным законам невозможно улучить спасение, ради которого человек становится членом Церкви»[32].

Вместе с тем, данный факт никоим образом не говорит о подчинении светской власти духовной, так как постановления Вселенских соборов утверждались императорами. Да и вообще, быть «слугой Божьим», значит содействовать Богу, быть исполнителем Его воли, что ни в коем случае не является оскорбительным для человека или его статуса. Так, в частности, святитель Иоанн Златоуст, обосновывая необходимость подчинения власти говорит, что начальник «делает для тебя добродетель более достижимой, так как наказывает злых, а добрым оказывает благодеяния и почести и этим содействует воле Божией, потому (апостол) и назвал его слугою»[33].

Практическая реализация теории симфонии возможна только при четком разграничении полномочий каждой из властей. Со стороны светской власти

для этого требуется невмешательство во внутренние дела церкви. Очень четко эту мысль заявляет святитель Афанасий Великий в своем послании к монахам, иначе называемом «История ариан», где он приводит письмо еп. Осии к императору, покровителю ариан: «Тебе вручил Бог царство, а нам вверил дела церкви... Посему как нам не позволено властвовать на земле, так и ты, царь, не имеешь власти приносить кадило»[34].

Вместе с тем, государство, должно, не вмешиваясь в дела вероучительные, направлять подвластный ему народ по пути истинному и следить по возможности за его благочестием. Очень ярко эта задача светской власти видна в ситуации с посланием архиепископа Ростовского Вассиана великому князю Ивану III во время знаменитого стояния на Угре, в котором высокий церковный иерарх призвал правителя, не страшась вступить в бой и пусть погибнуть вместе с войском, но погибнуть за веру Христову. В данном случае, по точному замечанию митрополита Иоанна (Снычева) «державный долг государя архиепископ сближает с долгом архипастыря — хранителя душ пасомых, ответственного перед Богом не только за внешнее благополучие, но и за внутренне их преуспеяние»[35].

Что касается вопроса о соблюдении церковью принципа невмешательства в компетенцию светской власти, то здесь стоит согласиться с замечанием по этому поводу архиепископа Серафима (Соболева) о том, что «идеал православной Церкви состоит не в политическом властительстве над государствами, а в достижении нравственным подвигом святости и благодати Св. Духа», а потому «стремление Православной Церкви к политической и государственной власти было бы равносильно стремлению к самоотречению и самоуничтожению»[36].

Таким образом, исключительной задачей церкви как организации духовной является формулирование и поддержание вероучения. Отсюда логично вытекает задача донесения основ вероучения до населения. Иными словами, одной из основных функций церкви является воспитательная. Она должна заботиться о духовном развитии и совершенствовании человека. Ей, по выражению одного из самых недооцененных отечественных мыслителей, члена Государственного совета и бывшего обер-прокурора священного синода Константина Петровича Победоносцева, «предстоит образовывать на земле людей для того, чтобы люди, среди земного града и земной семьи, соделались не совсем недостойными вступить в град небесный и в небесное общение <...> на нее возложено внушить народу уважение к закону, к властям, внушить власти уважение к свободе человеческой»[37]. Именно поэтому в большинстве традиционных обществ образование и воспитание находятся в исключительной сфере ведения церкви.

Вмешательство церкви в область ведения государства допускается, но в ограниченном масштабе. В частности, за духовной властью было закреплено так называемое право печалования, то есть ходатайства перед правителем о помиловании осужденных. В экономической сфере соблюдение принципа «симфонии» означало наличие за церковью права на владение землей, принятие вкладов на упокой души и т.п.

Конечно, было бы преувеличением сказать, что принцип «симфонии властей» исполнялся всегда и безукоснительно, прежде всего со стороны светской власти. Достаточно вспомнить историю Византии периода иконоборчества. Вместе с тем, как очень точно замечает в своей книге «Отношения между цер-

ковной и гражданской властью в Византийской империи» профессор Ф. Курганов: «Можно с уверенностью сказать, что изложенная теория отношений между государством и Церковью в общем соблюдалась в Византии. Нарушение закона неизбежно во всяком человеческом обществе. Но историю составляют не нарушения закона как исключения из общего правила, а общая идея и дух, проникающие общество и управляющие его действиями»[38].

В полной мере можно согласиться со словами ученого и применительно к русской истории, в которой серьезных нарушений принципа «симфонии» не происходило вплоть до петровских преобразований начала XVIII в. Однако реформ Петра I, за образец которых он взял опыт протестантских стран, в том числе и в области церковно-государственных отношений, оказалось достаточно для того, чтобы разрушить «симфонию властей». В результате, церковь утратила свое значение духовного центра, проповедника христианских норм и ценностей, превратившись, по сути, в один из органов государственного аппарата, что имело самые негативные последствия для судьбы самой России, во многом предопределив события начала XX в.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Карамзин Н.М.* История государства Российского. М., 2007. С. 448.
2. *Голубинский Е.Е.* История Русской церкви. М., 1996. Т. 2. Первая половина. С. 612, 648-649, 697.
3. *Карташев А.В.* Очерки по истории Русской церкви. М., 1991. Т.1. С. 289, 380, 423, 439, 441, 444, 449-450.
4. *Каптерев Н.Ф.* Патриарх Никон и царь Алексей Михайлович. М., 1996. Т.2. С. 120-121.
5. *Веселовский С.Б.* Феодальное землевладение в Северо-восточной Руси. М.; Л.; 1947. Т.1. С. 346.
6. *Зимин А.А.* Опричнина Ивана Грозного. М., 1964. С. 212-214, 248, 257-259, 479.
7. *Кобрин В.Б.* Иван Грозный. СПб., 1992. С. 571.
8. *Скрынников Р.Г.* 1) Начало опричнины. Л., 1966. С. 15, 381; 2) Опричный террор. Л., 1969. С. 235, 236; 3) Государство и церковь на Руси XIV–XVI вв. Подвижники русской церкви. Новосибирск, 1991. С. 298; 4) Царство террора. СПб., 1992. С. 323, 517-518.
9. *Шапошник В.В.* Церковно-государственные отношения в России в 30-80-е годы XVI века. СПб., 2006. С. 542-543, 544.
10. *Вальденберг В.Е.* Древнерусские учения о пределах царской власти: Очерки русской политической литературы от Владимира Святого до конца XVII века. М., 2006. С. 210.
11. *Серафим (Соболев), архиепископ.* Об истинном монархическом миросозерцании. СПб., 1994. С. 83.
12. *Андреева Л.А.* Сакрализация власти в истории христианской цивилизации: Латинский Запад и православный Восток. М., 2007. С. 141.
13. Цит. по: *Серафим (Соболев), архиепископ.* Русская идеология. СПб., 1994. С. 127.
14. *Зызыкин М.В., профессор.* Патриарх Никон. Варшава, 1934. В 3 ч. Ч. 1. С. 314-315; Ч. 2. С. 97-98.
15. *Срезневский И.* Обозрение древних русских списков кормчей книги. 1897. С. 6, прилож. с. 67; С. 149.
16. *Бенешевич В.* Древнеславянская кормчая XIV титулов. М., 1907. С. 739-740;

С. 795-796.
17. Просветитель. М., 1993. С. 323.
18. *Серафим (Соболев), архиепископ.* Русская идеология. С. 128.
19. *Иоанн Златоуст, свт.* Беседы на послание к Римлянам. М., 1994. С. 776.
20. *Серафим (Соболев).* Русская идеология. С. 128.
21. Там же. С. 129.
22. Там же.
23. Там же.
24. *Серафим (Соболев).* Русская идеология. С. 135.
25. Цит. по: *Тихомиров.* Ук. соч. С. 132.
26. *Толстой М.* Рассказы из истории Русской церкви. М., 1873. С. 262.
27. *Серафим (Соболев).* Русская идеология. С. 142-144.
28. Там же. С. 135.
29. *Вальденберг.* Ук. соч. С. 46.
30. Цит. по: *Тихомиров.* Ук. соч. С. 139.
31. *Зызыкин, профессор.* Ук. соч. Ч. 1. С. 72.
32. *Цыпин В.А.* Каноническое право. М., 1991. С. 12.
33. *Иоанн Златоуст, свт.* Беседы на послание к Римлянам. С. 776.
34. Творения Афанасия Великого, русский перевод. Ч. II. С. 141-142.
35. *Иоанн (Снычев), митрополит.* Ук. соч. С. 106.
36. *Серафим (Соболев), архиепископ.* Русская идеология. С. 139.
37. *Победоносцев К.П.* Великая ложь нашего времени. М., 1993. С. 215.
38. Цит. по: *Тихомиров.* Ук. соч. С. 140.

SOME THEORETICAL ASPECTS OF MUTUAL RELATIONS OF THE STATE AND CHURCH IN RUSSIAN HISTORY

I.A. Tolchev

Some theoretical aspects of the church-state relations in Russian history are under consideration. The author suggests using as a basic methodological unit of the studies a concept rarely used in a historical science «the symphony of authorities». Further, the possibility of the concept application to realities of Russian history is considered taking into account basic intrinsic characteristics of the given concept, its concrete historical essence.

© 2008 г.

Н.С. Федоров

ЮЖНОУРАЛЬСКИЕ МОНАХИ И «ЧАСОВЕННОЕ» СТАРООБРЯДЧЕСТВО ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX — НАЧАЛЕ XX ВЕКА

В связи с демократизацией современной религиозной жизни у многих верующих россиян проявляется интерес к православию и его форме — старообрядчеству. Это было связано с изменением государственной политики по отношению к конфессиям и восстановлением правового статуса религий. Несмотря на отмену в 1971 году Русской православной церковью Московского Патриархата клятв Собора 1667 года на старые обряды, объединения старообрядческих субконфессий с официальным православием не произошло. Основными причинами разногласий между православными субконфессиями служат продолжающаяся новообрядческая, «никонианская» практика в богослужении православной церкви, гонения на старообрядцев и непосредственное участие в них «господствующей» церкви в дореволюционный период.

Еще одна проблема для интеграции этих ветвей православия — свободолюбие старообрядцев, их тяга к независимости от государства, в то время как Русская Православная церковь почти весь период истории была зависима от государства и являлась частью государственного бюрократического аппарата. В настоящее время внутри епископата, клира и мирян Московской Патриархии очевиден протест против огосударствления церкви и ее интеграции в международное религиозное сообщество, за сохранение независимости церкви и ее конфессиональной самобытности, что ставит под угрозу раскола это религиозное образование.

Современная борьба «за чистоту» православия и против экуменизма «ревнителей благочестия» созвучна с протестом старообрядцев против «латинизации» и «протестантизации» Древней Русской церкви и синодальной церкви в XVII–XIX веках. Особенно ожесточенная борьба с официальной церковью за «чистоту» православия была зафиксирована учеными и исследователями в часовенном согласии старообрядцев, возникшем и локализованном преимущественно на Урале.

Будучи во второй половине XIX — начале XX веков до революции самой крупным на Урале, «часовенное» согласие была также представлено практически во всех уездах Южноуральского региона.[1] Важную роль в жизни этого вероисповедания играли монахи, занимавшие в силу особенностей старообрядческого вероучения промежуточное место между поповцами и беспоповцами. Одна из малоизученных страниц в российской истории — эта деятельность южноуральских отшельников — «пустынножителей», ставших идеологами старообрядчества, хранителями древних православных традиций. Вот почему проблематика южноуральского скитничества в условиях трансформации «часовенного» согласия вызывает пристальный, серьезный научный интерес.[2]

Особенно сильные позиции у «часовенного» согласия были в Троицком, Челябинском уездах Оренбургской губернии и Златоустовском уезде Уфимской

губернии. Анализ письменных источников и научной литературы позволяет предположить, что из более десятка скитов в окрестностях Миасского завода Троицкого уезда Оренбургской губернии немалая часть принадлежала «часовенным». Особенно авторитетны во второй половине XIX века две расположенных в окрестностях Миасского завода обители: мужской скит отца Гавриила и женский — матушки Веры.[3] Также «часовенный» скит в 60-е годы XIX века зафиксирован в Челябинском уезде, однако — был разгромлен властями.[4]

Возвышение института монашества в «часовенном» согласии связано с процессом структурной трансформации этой субконфессии. Первоначально «часовенные» были беглопоповцами, то есть принимали в качестве священников перешедших из никонианства в старообрядчество священнослужителей синодальной церкви. В первой половине XIX века в результате николаевских гонений они перешли к беспоповской, наставнической практике. Причиной стало уничтожение старообрядческих Иргизских монастырей — важного канала поставки священнослужителей и «запасных даров» (причастий) в уральские общины.[5] Постепенно царские законы, запрещающие переход священников из официальной церкви в старообрядчество и ограничивающие свободу передвижений, фактически привели к почти полному их исчезновению на Южном Урале, как и по всей России.[6]

Наставники — «благословленные» старцы, присылаемые раннее из Иргизских монастырей или благословленные «беглыми» священниками, превратились из вспомогательного института «служителей культа» в основной. Они узурпировали пастырскую роль в руководстве духовной жизнью старообрядческой общины, взяв подобно беспоповским наставникам на себя отправление треб. [7]

Однако «первую строчку» в новом старообрядческом «табеле о рангах» заняли монахи-отшельники. В каноническом плане монахи были «святыми отцами», что ставило их в старообрядческой иерархии выше «наставников»-мирян. Эти смиренные и чрезвычайно непритязательные люди производили сильное впечатление на верующее население Южного Урала. Ушедшие из «мира» в скит, они резко своим аскетическим образом жизни контрастировали с тяготевшим к «умеренной аскезе», не всегда благочестивым никонианским монашеством.[8]

После исчезновения «истинного» в глазах «часовенников» священства монахи взяли на себя пастырские функции, фактически «присвоив» не только священнические, но и епископские полномочия. В житиях древних святых даже имелись прецеденты, когда не имеющие сана монахи назначали настоятелей монастырей (например, преподобный Антоний Печерский)[9].

Одно из дел Оренбургского Госархива зафиксировало совершение священнических таинств в 1859 году монахом Митрясовского скита Изосимом: крещение, исповедь, причащение, для осуществления которого использовал он «святые дары», полученные в Иргизском среднем монастыре накануне его закрытия властями. Народ почитал старцев Митрясовского скита как людей святой жизни. Об этом свидетельствуют регулярные паломничества на остров для осуществления с монахами совместных молений, отправление церковных таинств.[10] «Часовенная» монахиня пещерного скита острова на озере Тургояк вблизи Ми-

асского завода Вера, пользовалась огромным уважением за чудотворность среди местного населения.[11] К «старцам» и «старицам» старообрядцы ходили за помощью и советом. Благодаря своей праведности и верности христианскому православному вероучению народ почитал таких «старцев» и «стариц» как святых. Монахи были знатоками древней православной книжности, обычаев и обрядов. Они занимались не только усердным изучением древних церковных книг, но и умело использовали их в своей миссионерской работе, создавая «цветники» — рукописные книги, содержащие выписки их творений святых, обосновывающих правильность староверия и дающих ответы на повседневные вопросы духовной жизни. «Главное занятие скитников состоит в изучении в «молитвенном чтении Псалтыри, «святоотеческих книг» и спасении души созерцанием «матери — пустыни», которая воспевается в многочисленных песнопениях».[12] Они жестко обличали синодальную церковь и государственную власть за «никонианские отступства» и впадение в ересь. В старообрядческих книгах — «цветниках» порой прямо утверждалось, что «ныне царствующий дом Романовых... происходит от Антихриста», а официальная церковь ведет преемственность от Диавола,[13] хотя старообрядцы все же верили в «доброго» царя.[14] Зафиксированы случаи, когда старообрядческие монахи распространяли подложные царские указы, в которых провозглашалась свобода отправления культа старообрядцев.[15]

Такие монахи своей фанатичностью, образованностью и благочестием умели привлекать в старообрядчество новую паству. В 60-х годах XIX века жители деревни Анновка Орского уезда Оренбургской губернии перешли в старообрядчество под влиянием «часовенного» монаха Игнатия. Инок произвел, несмотря на физическое увечье — хромость, очень сильное впечатление на православное население деревушки своей эрудицией и начитанностью. Он знал Псалтирь наизусть, и если кто–то при чтении книги ошибался, не смотря в книгу, поправлял чтеца. «Народ же принимал это за откровение Святого Духа и считал его богодухновенным, и поэтому ему верил и последовал за ним. Поэтому, «немного потребовалось Игнатию, чтобы увлечь в раскол народ, дотоле бывший православным», — отмечал православный священник П. Самохин.[16]

Не только фанатичное проповедничество «расколоучителей», но и сама система общественных отношений царской России в пореформенный период способствовала укреплению старообрядчества. Довольно массовое обращение на Южном Урале из официального православия в «часовенную веру» 60–70-х годах XIX века отмечалось повсеместно. Причиной удачной миссионерской деятельности старообрядческих часовенных монахов был низкий авторитет священнослужителей официальной церкви, которые в период крепостного права использовали религию как средство духовного порабощения крестьянства помещиками, что сильно подорвало авторитет официального православия в глазах крестьянства. «В среде барского крестьянства тлело смутное желание воли и независимости от помещиков и от духовенства. Свобода от принудительного подчинения церкви связывалось с идеей раскола. После объявления воли в народе совершился наплыв разных раскольничьих «монахов», «скитников», «пустынников», «подвижников» с одной целью — пропаганды раскола».[17] Все это сделало не довольное существовавшими общественными отношениями южно-

уральское крестьянство очень восприимчивым к прозелитизму старообрядческих миссионеров, убеждавших «в ненужности православной, ставшей якобы антихристовой, церкви и ее пастырей».[18]

Один их таких «обличителей» — монах Гавриил пользовался огромным авторитетом среди верующих. За советом и благословением в скит «пустынножителя» осуществляли паломничества старообрядцы Урала, Сибири и даже — Средней Азии.[19] Этот монах в проповедях характеризовал современность как «время Антихриста», а поэтому взял право назначать наставников и благословлял мирян после недельного поста, исповеди и выполнения перед иконою положенных молитв.

В 1869 году «поставил» в должность наставника деревни Петропаловка Орского уезда Ивана Фомина, а чуть позднее — Панкратова. В 1908 году к нему за наставлениями и благословлением приезжала группа наставников из Екатеринбурга. Вместе с благословлением в соответствии с правилами «Скитского покаяния» монах раздавал для самопричащения «запасных агнцев» — причастия, некогда освященные бывшими в «часовенном» согласии старообрядческими священниками, и объяснял, как осуществлять таинства.[20] «Вот прими... святое причастие и расходуй ево по малой частице, кого будешь исправлять. Его вам взять будет негде. Потом дал святой великой богоявленской воды. Сказал: Вы эту святую воду храните на всю будущую жизнь. Вы ее можете разбавлять на конце вечерни на праздник Богоявления».[21]

Скитники выступали не только в качестве теоретиков и распространителей старообрядческого вероучения, но и «эталонным» образцом для подражания благодаря своему иноческому образу жизни, производя огромное впечатление на старообрядцев. Вокруг скитников собирались наиболее фанатичные старообрядцы, готовые на все, вплоть до насилия, ради своей веры.[22] Влияние и авторитет монахов часто распространялся на огромные территории. В условиях децентрализованности «часовенного мира» монашество было одним из немногих социальных и религиозных институтов, которые интегрировали старообрядческие общины в единое целое.

Однако с середины XIX века часовенное монашество как социальный и религиозный институт начинает переживать серьезный идеологический и кадровый кризис. «С одной стороны, вероучение часовенных в православном духе гласило, что «без священства нет таинств, благодати и спасения», а с другой стороны «что священства нет, что оно со времени взятия последнего Иргизского монастыря Антихристом загнано в Беловодье, в Японское царство, посему необходимо спасаться без священства». Вот и получалось, что «и без попа не спасешься, и попа нет».[23] Однако «часовенные» в то время верили в невозможности пресечения священства. Вот почему миссионерство последователей возникшей в 1846 году Белокриницкой церкви в среде скитников было довольно успешным.[24]

Из рядов «часовенного» монашества вышли многие крупные церковные сановники Белокриницкой церкви второй половины XIX века — первосвятитель русских старообрядцев, архиепископ Московский и всея Руси Савватий, епископ Пермский Геннадий, епископ Уральский и Оренбургский Константин, знаменитый пропагандист «австрийской веры» священноинок Паисий.[25] Все

они прошли серьезную жизненную школу на Южном Урале, в окрестностях Миасского завода, пропагандируя свою веру среди местного населения.[26] Возможно, именно под их влиянием монахини из расположенного неподалеку женского «часовенного» скита, ведущего преемственность от старообрядческой святой-скитницы Веры, также приняли «австрийское» священство. Приняв полноту старообрядческой иерархии, бывшие «часовенные» монахи благодаря своей образованности, практичности и фанатичности немало потрудились в распространении «австрийского» согласия и заняли благодаря своим личным качествам в нем высокое положение, вписав свои имена в летопись российской истории.

В качестве заключения следует выделить некоторые аспекты деятельности и влияния старообрядческого монашества на особенности и механизмы формирования и функционирования старообрядческого «часовенного» согласия:

1. Эсхатологизация «часовенным» монашеством православного вероучения, в котором «мир Антихриста» становится частью повседневности старообрядцев. «...Ныне время Антихристово, священство оскудело, церкви Христовой на земле нет».[27]

2. Аскетичность «часовенного» монашества, вызвавшая большой авторитет среди верующих

3. Специфичное понимание монашеством своей сущности в «последние времена», противодействие принятию священнослужителей из официальной церкви, постепенное присвоение некоторых функций священника. «Будут приходить миряне к тебе... из многих мест, и ты, Гавриеле, благословляй их моим благословением... поставляй наставников в мир... моим благословлением... не блазнись, что ты не священник. Хоть я и не священник, но принял благословление от священника, что и передаю тебе».[28]

4. Консервирование тех старинных православных обычаев и обрядов, которые бы способствовали обособлению и противопоставлению старообрядцев официальному православию как «еретическому».

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Клюкина Ю. А.* Старообрядцы-часовенные Урала в конце XIX — начале XX вв. // Очерки истории старообрядчества Урала и сопредельных территорий. Екатеринбург, 2000. С. 85.
2. Часовенное согласие — первоначально беглопоповцы-сафонтьевцы, перешедшие впоследствии к беспоповской практике. После разгрома в 1722 году Керженца на уральские заводы бежали представители Поповского согласия, основанного керженским попом Сафонтием. В сафонтьевском согласии возникло течение, выступающее за отказ от приема священников «никонианского ставления». Во второй четверти XIX века прием «беглых» священников был прекращен. Раскол и единоверие в казачьих станицах Оренбургской епархии // Оренбургское казачье войско: религиозно-нравствственная культура. Челябинск, 2001. С. 122.
3. Воспоминание о(т)ца Гавриила и наставление его как нам хранить с(вя)тое причастие и с(вя)тую великоб(о)гоявленскую воду, которая по правилу равна св(ятому) причастию // Очерки истории старообрядчества Урала и сопредельных территорий. Екатеринбург, 2000. С. 134; *Самохин П.* Из дебрей раскола в лоно святой церкви (воспоминания из жизни в расколе) // ОЕВ. 1902. № 12. С. 546–548; *Сте-*

панов А. Поездка на остров Веры // Остров Веры. 2003. № 5. С. 32–33.
4. *Мангилев П.И.* О круге чтения крестьян-старообрядцев Зауралья в середине XIX века // Уральский сборник: История. Культура. Религия. Екатеринбург, 1998. С. 146–147; *Степанов А.* Поездка на остров Веры // Остров Веры. 2003. № 5. С. 32–33.
5. *Головкин М.* Записки Оренбургского епархиального миссионера. Поселок Затонский Уральской области» // ОЕВ. 1897. № 16. С. 560.
6. *Никольский Н.Л.* История русской церкви. М., 1985. С. 324.
7. *Клюкина.* Старообрядцы-часовенные Урала. С. 87–88.
8. *Зырянов П.Н.* Русские монастыри и монашество в XIX и начале XX века. М., 2002. С. 8
9. Жития святых, на русском языке изложенные по руководству Четьих-Миней св. Дмитрия Ростовского. М., 1910. Т. 10. С. 272–273.
10. ГАОО. Ф. 173. Оп. 5. д. 10634. Л. 1-6.
11. *Весновский В.А.* Иллюстрированный путеводитель по Уралу. Екатеринбург, 1904. С. 354.
12. Урал Северный, Средний, Южный. Петроград, 1917. С. 539–540
13. *Самохин П.* Из дебрей раскола в лоно святой церкви (воспоминания из жизни в расколе) // ОЕВ, 1902. № 15. С. 546–548.
14. К истории о «таинственных старцах» // ОЕВ. 1908. № 51. С. 974–977.
15. *Мангилев.* Ук. соч. С. 146–147.
16. *Самохин.* Ук. соч. С. 544.
17. *Головкин М.* Из дневника миссионера. Раскол в селе Троицком Оренбургского уезда» // ОЕВ. 1896. № 5. С. 143.
18. *Коняхин С.* Раскол в Александровском приходе Оренбургского уезда» // ОЕВ. 1903. № 22. С. 762.
19. Воспоминание о(т)ца Гавриила и наставление его... С. 134.
20. *Самохин.* Ук. соч. С. 548, 550.
21. Воспоминание о(т)ца Гавриила и наставление его... С. 134.
22. *Васильев С.* Страничка из жизни старообрядцев (поселок Уштаганский Троицкого уезда) // ОЕВ. 1906. № 1. С. 14–18.
23. *Головкин.* Из дневника миссионера. С. 144.
24. *Белобородов С.А.* «Австрийцы» на Урале и в Западной Сибири (Из истории Русской Православной Старообрядческой Церкви-белокриницкого согласия) // Очерки истории старообрядчества Урала и сопредельных территорий. Екатеринбург, 2000. С.139; «Австрийское» согласие (Белокриницкая церковь) — старообрядцы-поповцы, признавшие митрополию, созданную в 1846 году на территории Австрийской империи (с. Белая Криница) в результате перехода в старообрядчество греческого митрополита Амвросия. Раскол и единоверие в казачьих станицах Оренбургской епархии // Оренбургское казачье войско: религиозно-нравственная культура. Челябинск, 2001. С. 123.
25. *Белобородов.* «Австрийцы» на Урале и в Западной Сибири... С. 138–146.
26. *Данилко Е.С.* Старообрядчество на Южном Урале: очерки истории и традиционной культуры. Уфа, 2002. С. 121–122.
27. *Самохин.* Ук. соч. С. 547.
28. Там же. С. 547–548.

SOUTHERN URAL MONKS AND THE «CHAPEL» OLD BELIEVERS IN THE SECOND HALF OF THE 19th AND BEGINNING OF THE 20th CENTURIES.

N.S. Fedorov

The article deals with peculiarities of common life, activities, place in religious hierarchy and influence on the old believers' population in conditions of changes in Southern Ural monks' life and the «chapel» of Old Believers in the second half of the 19th and the beginning of the 20th cc.

© 2008 г.

В.П. Сапон

«ОБЩИНЫ ПРОСВЕТЛЕННЫХ» (АНАРХИСТЫ О ПОЛИТИЧЕСКИХ И ДУХОВНЫХ ПРОЦЕССАХ В РОССИИ ПОСЛЕ ОКТЯБРЯ 1917 ГОДА)

В фондах ЦАННО (Ф.2209. Оп.3. Д.21446. Л.17–17–17(об.) нами был найден машинописный текст рукописи видного анархиста А.А. Карелина или кого-то из ближайшего окружения. Ниже мы впервые публикуем этот интересный образец политической мысли анархизма[1].

Итак, в идеологических движениях России мы все-таки могли констатировать реалистичность, стремление жить и действовать в живой действительности.

Но разве есть в них сила, которая могла бы дать импульс к новой культуре?

Религиозно-сектантская общественность или аскетична или застывает на некоторой степени самоудовлетворенности, но и аскетизм здесь не есть аскетизм для высшей напряженности творчества, но — добродетель.

Еще меньше можно чего-либо ожидать от анархистов и с[оциалистов]-р[еволюционеров] максималистов. И те, и другие, несмотря на свою идеологию, как в направлении своей внутренней организованности, так и во внешней работе проявляли себя скорее как политические секты, но нимало не продумали всей напряженности значения нашего вопроса.

Понятна поэтому и махновщина, и другие курьезы.

Правда, П.А. Кропоткин в своих «Поля, фабрики и мастерские»[2] поставил дело на верные рельсы: «Во всех направлениях перед нами широкое поприще для нового строительства жизни, — если только мы поставили себе вопрос: чем и как живет русский народ? Чему и как его учат? Какие средства имеет он, чтобы проводить в дело свое понимание, свое строительство жизни?».

В своих «Письма[х] о текущих событиях»[3] он фактами показывает, что общественность в хозяйственной жизни народов приобретает все большее значение. Надо суметь оценить это.

Но... разве это чем-нибудь отразилось на организационных формах анархизма?

Но... «Хлеб и Воля»[4] Петра Алексеевича разве не показатель, что и для него вопрос в организации свободного «довольства для всех» и предыдущая цитата — гениальный проблеск сознания последнего времени (она написана в мае 1918 г.).

Передо мной — «Декларации и резолюции. Первая конференция анархистских организаций Украины "Набат"» и «Протоколы Первого Всероссийского Съезда Анархистов-Коммунистов»[5]. То и другое относится к 1918 г. В них и следа нет нашего вопроса. Впрочем, от синдикализма (легшего в основу «Набата») и нельзя было иного ожидать (см. Н. Дрикер «Анарх[изм] и Синд[икализм]»[6]). Представляет некоторый интерес ревизионизм «Универсалистов»[7]. Они правильно почувствовали вопрос, но... не поняли его и ушли... в социализм, став его крайней ветвью.

На всем этом мы еще остановимся поподробнее.

Если анархизм хочет оказать влияние на создание новой культуры — пусть он обратит внимание на вышеприведенные слова П.А. Кропоткина и серьезно займется нашим вопросом. И вопрос этот должен стать не вопросом теории, а войти в самый стиль его работы.

Пока же он стихийно овладевает жизнью России, заставляя и коммунистов путано, но «энергично фукцировать» (выражение у Б. Пильняка в [книге] «Голый год»[8]).

В самом деле, что такое — вихрь моды на «Лигу Времени»[9], НОТ, Доброхим[10] и т.п.?

А новые программы школ, индустриальные уклоны, фабзавучи и т.д. и т.д.?

А электрификация деревни? А агитация «многополки»? и т.д. и т.д.

Много в этом смешного и нелепого, но кто видит, — тот знает, что здесь госкоммунизм, не понимая, барахтаясь, осуществляет стихийный процесс, т.к. иначе его ждет верный крах, что правильно подметил В.И. Ульянов-Ленин. Социалистическая диктатура уже организует Россию.

Насилием — сектант сказал бы: «антихристовым действом», — освещен путь России. Есть возможность усталости России — и тогда... глубочайшая реакция, не внешняя, какую мы переживаем; оторвет Россию от жизни и... бросит в потусторонние грезы.

Перед лицом этой перспективы Россия, «града грядущего взыскующая», — анархическая или анархо-сектантская, рационалистическая или гностическая, — должна ввести в самый порядок представлений своих расчет и темп культурных ускорений в технике, общественном хозяйстве, установке индивидуальностей и групп, развертывании идеалов.

Гностики же, кроме того, должны понять, что

«Вы дотронулись до выключателя и энергия ваша пополнилась запасом из электрической станции, отстоящей за десятки верст» (А. Гольцман. «Реорганизация человека»[11]), — факт большого гностического значения.

Нужно найти, наконец — создать, в себе эти выключатели. И тогда «общины просветленных» действительно дадут «призыв нового века к новому творчеству».

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Данный материал представляет собой одну из глав рукописи «Очерки не-современной психологии», обнаруженной публикатором в следственном деле (1925 г.)

организатора нижегородского анархо-мистического «Ордена Духа» В.В. Бера. До сих пор в научный оборот вводились лишь «эзотерические» произведения российских анархо-мистиков, поэтому «Очерки» представляют особый интерес именно как образец политической мысли указанного идеологического направления. Автором рукописи предположительно был видный анархист А.А. Карелин (1863–1926) или кто-то из его ближайшего окружения. Подробнее см.: *Сапон В.П.* Русский либертарий А.А. Карелин // Отечественная история. 2008. № 2; *Сапон В.П.* «Боевая радуга новой культуры» (анархо-мистическое движение в нижегородской провинции) // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Серия: Гуманитарные науки (Пенза). 2007. № 1.

2. Книга П.А. Кропоткина «Поля, фабрики и мастерские» (впервые вышла в 1898 г. на англ. языке) демонстрирует преимуществ общества, избавленного от частной собственности и централизованного государства.
3. В указанной книге (М., 1917) опубликованы 9 писем П.А. Кропоткина, написанных им в период с 1914 по 1917 гг.
4. В книге «Хлеб и воля» (впервые опубликована в 1892 г на французском языке под названием «Завоевание хлеба», первое издание на русском языке появилось в 1902 г.) П.А. Кропоткин пишет о возможности «построить истинную человеческую семью на развалинах банков и государств».
5. См.: Протоколы Первого Всероссийского съезда анархистов-коммунистов. 25–28 декабря 1918 г. М., 1919; Первая конференция анархистских организаций Украины «Набат». Декларация и резолюции. Киев, 1918.
6. См.: *Дрикер Н.В.* Анархизм и синдикализм. Доклад, предназначенный для Всероссийского съезда Анархистов. Б.м.,1918.
7. Анархизм-универсализм — направление в российском анархизме советского периода, идеологом которого выступил А.Б. Гордин (1880–1968). Как утверждалось в написанной им работе «Анархизм-универсализм: К обоснованию программы» (М., 1920), «анархизм-универсализм подымается на одну ступень выше, чем экономический социализм, то есть государственный коммунизм, отменяет не только частную, но и общинно-коммунистическую собственность на орудия производства».
8. Роман Б.А. Пильняка (1894–1938) «Голый год» был опубликован в 1922 г.
9. Лига «Время» (позднее переименована в Лигу НОТ) — массовая негосударственная организация, созданная в СССР в 1923 г. и существовавшая до1926 гг. Председателем Лиги был член Президиума Всесоюзного совета НОТ при ЦКК–РКИ П.М. Керженцев (1881–1940), по убеждению которого, эта самодеятельная организация призвана объединить коммунистов и беспартийных «на принципе борьбы за экономию времени ради хозяйственного восстановления нашей страны».
10. Доброхим (Общество друзей химической обороны и промышленности) — массовая оборонная организация, созданная в СССР 19 мая 1924 г. для отработки вопросов противохимической защиты населения. В 1925 г. Доброхим вошел в состав другого оборонного общества — Авиахим.
11. Книга А. Гольцмана «Реорганизация человека» (М., 1924; Л., 1925) представляла собой апологию «механизации жизни» «в наиболее изощренной форме».

«COMMUNITIES OF THE ENLIGHTENED»
(THE ANARCHISTS ABOUT POLITICAL AND SPIRITUAL PROCESSES IN RUSSIA AFTER OCTOBER 1917)

V.P. Sapon

The author publishes is one of the chapters of the typescript «The Essays on Out-of-date Psychology», found personal in the record (1925) of V.V. Ber, the organizer of the anarcho-mystical Order of Spirit in Nizhnii Novgorod. So far, only «esoteric» works of Russian mystical anarchists have come into scientific use, therefore «The Essays...» are of great interest as an example of political thought of the mentioned ideological trend. The author of the typescript was supposedly the prominent anarchist A.A. Karelin (1863–1926) or someone of his close associates.

© 2008 г.

С.М. Степанянц

К ИСТОРИИ РУССКОГО КАЗАЧЕСТВА В АРМЕНИИ

Участие казачества в усилении южных границ Российской империи почти не изучено. И этому есть свое объективное объяснение. В годы советской власти казаков приравнивали к контрреволюционной прослойке общества, умалялась их неоценимая роль не только в Кавказской войне, но и русско-турецких войнах XIX–XX вв., а также их участие в укреплении южных границ Российской империи.

Казачество в Закавказье впервые появилось еще в XVIII в. в составе русских войск во время Персидского похода Петра I. Однако именно войны XIX в.: русско-персидская 1826–1828 гг., русско-турецкая 1828–1829 гг. и в особенности Крымская война, и участие в них казачьих войск сыграли важную роль в перемещении северокавказских казачьих войсковых частей на постоянную дислокацию в Закавказье, в том числе в Армению.

Служба в Закавказье и, в особенности, участие в войнах были для казаков не просто почетными, а необходимыми для постоянного поддержания их боеспособности. В то же время на чужбине желали служить далеко не все казаки. Для поднятия их боевого духа в различное время в Закавказье на службу направлялись известные казачьи командиры. Так, в середине 50-х годов XIX в. здесь служил прославленный генерал, герой Кавказской войны Яков Бакланов (Боклю)[1].

В Ереванской губернии казаки вначале селились в селах русских православных поселенцев — Джалал-оглы Русские, Гергеры Русские (с. Пушкино), Новопокровка и отчасти и в селе Привольном, а также в солдатском селе Новоалександровке. Русские крестьяне были выходцами из Саратовской, Тамбовской, Воронежской, Полтавской, Пензенской, Московской и Харьковской губерний.

В 1858 г. 26 семей казаков, переселившихся в Восточную Армению, основали станицу Николаевка. Присоединение Закавказья к России поставило перед русской администрацией новозавоеванного края задачу охраны границы с Турцией и Персией. И именно казаки как никто лучше подходили для этой работы[2].

После крестьянской реформы 1861 г. получившие вольную крестьяне устремились в южные губернии России, но им разрешили селиться лишь при условии зачисления их в Кавказское казачье войско с целью его усиления[3]. Но таких оказалось незначительное число. Основная масса казаков была призвана из числа северокавказских казачьих войск.

Присутствие казачьих войск в Закавказье ощутимо усилилось сразу после победы русских войск в многолетней и изнурительной Кавказской войне. Поводом для подобных шагов русского правительства послужило прямое участие турецких эмиссаров в боевых действиях на стороне чеченских повстанцев, а также контрабандный поток оружия для них, идущий из Турции. Для пресечения подобных действий и встал вопрос более тщательного прикрытия русско-турецкой границы.

Согласно архивным сведениям, сразу после окончания Крымской войны, на постоянной основе в Ереване были дислоцированы 4-й, 6-й, 7-й и 14-й донские казачьи полки. В 1868 г. к донцам была прибавлена моздокская сотня Терского казачьего войска. К 1870 г. в приграничном городе Ордубаде были расквартированы три пластунские сотни 1-го батальона Кубанского казачьего войска, 5-я сотня Хоперского конного полка и 2-я сотня Горско-Моздокского полка Терского казачьего войска. В Нахичевани были расквартированы 1-я и 2-я казачьи пластунские батальоны и Хоперский казачий полк[4].

Казаки на местах подчинялись своим командирам, а общее командование осуществлялось войсковыми штабами казачьих войск и казачьими и войсковыми атаманами, находившимися на Северном Кавказе, в Новочеркасске, Екатеринодаре и Владикавказе.

Казаки довольно успешно обживали новые земли, напоминающие их родные кубанские, донские, терские земли. На Южный Кавказ казаки переселялись с семьями или же обзаводились семьями здесь же, у них рождались дети. Казаки с особым трепетом сохраняли свои обычаи и традиции. Несмотря на отдаленность от родных мест, создаваемые казачьи станицы они называли на прежний казачий лад.

Особое место в жизни казаков занимала православная церковь. Во всех казачьих полках имелась полковая церковь и полковые священники. Кроме этого в местах, где отсутствовали казачьи церкви, духовные нужды казаков выполняли православные священники, которые в метрических книгах записывали дни рождений, венчаний и смерти казаков.

По метрическим книгам, хранящимся в различных архивах, можно узнать важные сведения о жизни казаков в Закавказье. Так, согласно записи в метрической книге Ереванского собора, 1 января 1864 г. у казака 7-го казачьего полка Петра Аминова и его жены Марии Дмитриевны родился сын Иван, а 20 октября того же года — дочь Прасковья. Крещение совершено в соборе священником Михаилом Лазаревым, а восприемником был командир полка Иван Демидов[5].

Как войсковые, так и священники многих православных соборов с особым

вниманием и особой тщательностью относились к своим непосредственным обязанностям. Примером тому может служить следующий факт. Проведя 1 января 1908 г. обряд бракосочетания в Кешишкендской церкви св. Иакова Персиянина проживающей здесь же казачки-староверки станицы Чернышевской 2-го Донского округа области войска Донского Евгении Рябухиной со стражником Шаруро-Даралагязского уезда Саввой Чернышевым, уже 20 января того же года местный приходской священник присоединил ее к православию, посредством святого миропомазания, с сохранением прежнего имени[6].

20 декабря 1874 г. у урядника 2-го пластунского батальона Кубанского казачьего войска Ивана Редченко и его жены Настасьи Ивановны родился сын Захарий, а 19 марта 1875 г. у казака Григория Лабинцева родилась дочь Мария[7]. Подобных фактов было зафиксировано немало.

Русско-турецкая война 1877–1878 гг. стала исходным событием, после которого началось массовое переселение на Южный Кавказ северокавказских и донских казаков. Участие значительных казачьих формирований в войне на Кавказском фронте, которое и решило исход многих сражений в пользу России, а также обеспечение безопасной жизни и охраны переселившегося в новозавоеванную Карсскую область русского населения и явилось поводом для оставления здесь значительной части казачьих войск, участвовавших в войне. К концу XIX в. в области имелось четыре русских православных села — Михайловка, Ольговка, Хорошее и Гренадерское[8]. К этому времени относится расквартирование на постоянной основе в Ереванской губернии и Карсской области 1-го Полтавского конного, атамана Сидора Белого казачьего полка, Уманского казачьего полка, 2-го казачьего пластунского батальона, 1-й Кубанской казачьей батареи, 1-го Ейского конного казачьего полка[9]. Дли более четкого руководства казачьими формированиями все они вскоре были сведены во 2-ю Кавказскую казачью дивизию, штаб которой располагался в Ереване.

На казаков возлагались четко определенные воинские обязанности, выполняемые в мирное время: пограничная служба, пресечение деятельности контрабандистов и др. Так, до 1889 г. охрана самого неспокойного Аралыхского участка русско-турецкой границы возлагалась на 1-й Уманский конный полк Кубанского казачьего войска, который затем был заменен Ереванской бригадой пограничной стражи, в состав которой входили и казаки 1-го Полтавского и Уманского полков[10]. Защиту границы в районе Сарыкамыша осуществлял 1-й Кубанский казачий полк, для насущных потребностей которого из Сарыкамышского лесничества был отведен участок леса[11].

Кроме обязанностей по защите границы на казаков возлагались и функции по обеспечению спокойствия в крае. Но по каждому отдельному случаю иметь жандармом казака местным властям приходилось обращаться в Екатеринодар, Владикавказ или Новочеркасск к атаманам казачьих войск, которые не очень благосклонно относились к подобной, совершенно “не казачьей” работе. О том свидетельствуют и архивные документы. Так, в письме от 11 июля 1901 г. Сарыкамышского уездного начальника к казачьему атаману Кубанского казачьего войска генералу Белому высказана просьба разрешить старшему уряднику Ефиму Пальникову поступить на государственную службу в штат чиновников уездного полицейского управления, на что казачий атаман в письме к Ереванскому

губернатору отказал, приписав при этом: “Препровождая настоящее отношение Ереванскому губернатору, прошу его сиятельство не отказать в своем распоряжении о том, чтобы Сурмалинский уездный начальник больше не утруждал меня своими запросами о казаке Пальникове в форме понуждений”[12].

Тем не менее, в ходе революции 1905–1907 гг. казаки, являясь самыми преданными “царю и отечеству” слугами, все же вошли в состав карательных отрядов. С 1906 г. стражниками Новобаязетской полицейской стражи стали казаки станицы Государственной Моздокского отдела Терской области Никита Кодом и Прохор Шаповалов, а также казак станицы Кужорской Григорий Хмелявский[13].

Численность казаков продолжала увеличиваться и в начале XX вв. Этому способствовал, в частности, переселенческий закон правительства Столыпина от 6 июня 1904 г.

В казачьих станицах в Армении строились православные храмы, в самом Ереване были построены новые казармы и полковые церкви для 1-го Уманского казачьего полка Кубанского войска.

О численности казаков на Южном Кавказе в начале XX в. точные сведения отсутствуют, но можно предположить, что казаки уже составляли ощутимую часть местного русского населения, численность которого только в Карсской области составила 20 тысяч человек[14].

Казаки и казачки женились и выходили замуж не только за представителей казачьего сословия, но и за представителей иных сословий.

С началом первой мировой войны и открытия боевых действий на Кавказе только Кубанское казачье войско выставило на фронт одиннадцать полных дивизий, корпус кубанских пластунов, 5 конно-артиллерийских батарей. Кроме этого, расквартированные здесь терские казаки пополнились 1-й Терской казачьей батареей, дислоцированной в приграничном городе Ахалкалаки, 1-м Горско-Моздокским генерала Круковского полком, дислоцированным в Ольтах, 2-м Волжским полком, сосредоточенным и Карабахе, 1-м Сунженско-Владикавказским полком.

Анализируя архивные данные, можно прийти к выводу о том, что к началу войны в казачьих частях кроме казаков, прибывших с Северного Кавказа, служили и местные карсские казаки, переселившиеся сюда в свое время с Кубани. Так, в первом Уманском полку служил житель карсской станицы Плодородной казак Петр Моисеенко.

В казачьих полках, находящихся в Закавказье, служили казаки из одних или близлежащих населенных пунктов Северного Кавказа. Так, в 1-м Горско-Моздокском полку Терского казачьего войска служили, в основном, казаки станицы Луковской, Моздокского отдела, в 1-м Уманском полку служили казаки станицы Ново-Михайловской и Уманской Ейского отдела Кубанского казачьего войска. 1-й Запорожский полк состоял из Кубанских казаков станицы Ново-Щербинской и Старо-Минской Ейского отдела Кубанского казачьего войска. Пешие или пластунские казачьи части состояли из казаков Баталпашинского и Кавказского отделов Кубанской области, Хоперского округа, Области Войска Донского, Пятигорского отдела Терской области. В 1-м Лабинском полку служили казаки станиц Лабинского отдела Кубанской области.

Несмотря на победоносное движение в глубь Турции войск Кавказского фронта, жертвы среди русских регулярных войск, в том числе и казаков, были довольно значительны. Казаков косили как гибель на поле брани, так и многочисленные, разнообразные болезни: возвратный, сыпной и брюшной тиф, воспаление легких и кишок и другие заболевания.

Кубанских казаков, погибших в бою под селением Башкей, в Западной Армении похоронили на армянских кладбищах в селениях Пинадуз и Башкей. Их отпевал русский православный священник Карсского крепостного госпиталя Василий Богданов. Погибшие казаки были, в основном, из кубанских станиц Старо-Нижестеблиевой, Катухайской и Кисляновской.

Среди погибших в июне 1915 г. и похороненных в западноармянском селении Шогунаг были казаки станиц Андрюновской, Челбасской, Губской, Курджипской и Ярославской Кубанской области, а в боях под селением Мрбар и Назык-Геллю казаки станиц Кущевской, Каневской, Абадзахской, Терской, Кугуевской, Новощербиновской, Ширванской Кубанской области, а также станицы Солдатской Терской области.

Большая часть из вышеупомянутых погибших на поле брани казаков была со всеми почестями по православному обычаю погребена полковым священником Василием Богдановым на братском кладбище на северо-западе от селения Назык-Геллю.

Погибших в декабре 1915 г. в битве при высоте Илимма казаков из Таганрогского, Ростовского и Сальского округов Области Войска Донского, а также Таманского, Кавказского и Екатеринодарского отдела Кубанской области похоронил и отпел, по православному обычаю, священник Главного управления войск Кавказского военного округа Юлиан Красицкий. Их последним приютом оказалось кладбище на высоте Илимма у селения Гиряк и селения Аварт[15].

Велики были потери казаков в июле 1916 г. у селений Миро-Коляк, Хасбору, Ашаш-Сувик и у реки Верхний Чорох. В списках погибших — казаки Донецкого и Таганрогского округа Области Войска Донского, Кавказского, Баталпашинского, Майкопского, Лабинского, Армавирского отделов Кубанский области, Моздокского отдела Терской области.

Кроме потерь на поле брани, в 1917 г. болезни также нанесли казакам значительный урон. Ощутимые потери имелись во 2-м, 7-м, 14-м Кубанских пластунских батальонах, 2-й Кубанской пластунской бригаде, 1-м Таманском казачьем полку, 1-м Терском пластунском батальоне, 1-м и 4-м Донском казачьем батальоне, 1-м Кубанском пластунском батальоне, 16-м Донском казачьем полку[16].

Необходимо также подчеркнуть дружественное и благосклонное отношение местного христианского, и в особенности армянского населения к казакам. Особенно хорошие отношения сложились у армянского населения Александрополя и казаков, расквартированных в местной крепости. Как в начале XIX в. местное население встретило казаков-освободителей с хлебом и солью, так эта дружба продолжалась до конца первой мировой войны. Местные армяне предоставляли казакам свои дома под казармы, полковые церкви и под хозяйственные помещения.

Необходимо также отметить обоюдную дружбу и взаимопонимание, сложившиеся в годы первой мировой войны между казаками и армянами - добровольцами национальных дружин, отметить крепкую дружбу казачьих генералов Чернозубова, Николаева, Пржевальского, Кулебякина, Воропанова с генералом Андраником и другими армянскими командирами. Армянские добровольческие дружины формировались по образу казачьих войск и делились посотенно[17].

Казачьи войска первыми занимали турецкие позиции и освобождали села и города, населенные армянами. Трогательную сцену братских взаимоотношений казаков и армян города Ван, долгое время находившихся в осаде турецких войск и освобожденных в мае 1915 г. частями русской армии, описывает в своей книге “Одиссея казачьего офицера” П.Н. Стрелянов: “Благодарственный Богу молебен и парад войскам был назначен на 8 мая. Полки выстроились в пешем строю, здесь же горские артиллеристы и армянские дружины. Вел церковную службу священник 1-го Таманского полка Павел Успенский, начавший службу в полку с 1891 г. Служба окончена, офицеры стали подходить к кресту. И тут раздалось вызвавшее удивление и восхищение ангельское пение русского гимна ”Славься" ученицами армянских школ под управлением своего регента. Все офицеры, во главе с Николаевым, невольно остановились и повернули головы в их сторону. Это был трогательный сюрприз русским воинам"[18].

После февральской революции 1917 г. русские войска Кавказского фронта, в их числе и казачьи части, продолжали находиться на новозавоеванной территории. Наместник Кавказа великий князь Николай Николаевич и главнокомандующий генерал Н.Н. Юденич лелеяли надежды на закрепление завоеванных территорий и планировали создать на них Междуреченское казачье войско.

Октябрьская революция 1917 г. раз и навсегда положила конец мечтаниям русского офицерства «продвинуться к теплым морям». После объявления Закавказья независимым, основная масса казаков вернулась на Северный Кавказ, и лишь разрозненные их группы приняли героическое участие в разгроме турецких полчищ, вторгшихся в мае 1918 г. в пределы независимой Армении.

После ухода казаков опустели станицы, а в Карсской области разгромленными оказались станичные церкви, сровнены с землей казачьи могилы.

Сегодня об истории казаков на территории Армении напоминает лишь казачья станица Привольная, где нынешние казаки тщательно сохраняют свои вековые традиции.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Родина. 2000. № 1-2.
2. *Долженко Н.В.* Хозяйственный и общественный быт русских крестьян Восточной Армении. Ереван, 1985. С. 15.
3. *Исмаил-заде Д.И.* Русские крестьяне в Закавказье. М., 1981. С. 45.
4. НАА. Ф. 47. ОП. 2. Д. 79. Л. 4.
5. НАА. Ф. 47. ОП. 2. Д. 279. Л. 4.
6. Там же. Д. 542. Л. 1.
7. Там же. Д. 642. Л. 1.
8. *Погосян А.М.* Карская область в составе России. Ереван, 1983. С. 167.

9. НАА. Ф. 42. Оп. 1. Д. 300. Л. 1.
10. Там же. Ф. 94. Оп. 1. Д. 1285. Л. 6.
11. Там же. Ф. 122. Оп. 1. Д. 3408. Л. 17-19.
12. Там же. Ф. 94. Оп. 1. Д. 3851. Л. 1.
13. Там же. Ф. 47. Оп. 2. Д. 355. Л. 124.
14. *Тунян В.Г.* Русская политика в Армении: мифы и реалии. Конец XVIII – начало XX века. Ереван, 1998. С.
15. НАА. Ф. 47. Оп. 2. Д. 285. Л. 24.
16. Там же. Ф. 63. Оп. 2. Д. 127. Л.1-70. Ф. 349. Оп. 1. Д. 16. Л. 20. Ф. 349. Оп. 1. Д. 13. Л. 26.
17. *Озанян А.* Документы и материалы. Ереван, 1991. С. 161-173; *Карапетян М.* Армянские добровольческие дружины и национальные батальоны на Кавказском фронте (1914-1917). Ереван, 1999. С. 190-203; Российский государственный военно-исторический архив. Ф. 551, 2100; *Закарян Ан.* Поэт-генерал Александр Кулебякин и Армения // Историко-филологический журнал. 2001. №2. С. 99-129.
18. *Стрелянов П.Н.* Одиссея казачьего офицера. М., 2001. С. 70.

TO HISTORY OF RUSSIAN COSSACKS IN ARMENIA

S.M. Stepanyants

The history of foundation and establishment of Cossacks in Armenia in the second quarter of the 19th century, just after the joining of East Armenia to Russian empire, the stationing and quartering of units of North-Caucasian Cossack Troops on the territory of Armenia, and also the establishment of Cossack villages in a newly conquered area are regarded in the article. The facts about the heroic deeds of Cossacks during the I World War at Caucasus front and friendly attitude of the local Armenian population are widely presented in the article.

© 2008 г.

А.Л. Худобородов, И.А. Фишер

ДОНСКОЙ КАЗАЧИЙ ХОР ПОД УПРАВЛЕНИЕМ С.А. ЖАРОВА В ОЦЕНКЕ ЭМИГРАНТСКОЙ И ИНОСТРАННОЙ ПРЕССЫ

В культурной жизни русского зарубежья 1920-х — 1930-х годов свое неповторимое место занимает культура казачьей эмиграции. Казаки-эмигранты многое сделали на чужбине по сохранению культурных традиций своего сословия: джигитовка, сохранение казачьих регалий, реликвий и документов в музеях Белграда и Праги, в Донском казачьем архиве, изучение и пропаганда казачьей истории, воинской славы казаков в эмигрантской периодической печати, воссоздание жизни , быта, психологии казаков на страницах художественных произведений казачьими литераторами-эмигрантами.

Но особое место в культуре казачьего зарубежья принадлежало музыкальному и хоровому искусству казаков-эмигрантов. Через знакомство с творчеством художественных коллективов казаков-эмигрантов многие жители десятков стран мира соприкасались и познавали богатейшую культуру русского народа. Не случайно в конце 1920-х годов член Государственной думы, князь П.П. Долгоруков сказал: «Надо полагать, что некоторая часть иностранцев, соприкасающаяся с русскими казаками-эмигрантами, а также, быть может, познакомившись с высокохудожественным пением некоторых казачьих хоров, сумеет оценить положительные качества и изменить свой прежний трафаретный взгляд на казаков как на каких-то полуазиатских варваров»[1].

Заметный след в истории культурной жизни русской эмиграции оставил Донской казачий хор под управлением Сергея Алексеевича Жарова, который оставался чрезвычайно популярным в течение пяти десятилетий. Однако до сих пор мало исследований, посвященных этому творческому коллективу[2]. Между тем привлечение эмигрантской и иностранной прессы, прежде всего периодической печати, позволит полнее и глубже оценить особенности творческого пути этого хора, восприятие его выступлений в различных странах мира. В том числе вне поля зрения исследователей оставались некоторые политические факторы, например, а Прибалтике, влиявшие на оценку выступлений хора во время гастролей в 1920-е годы.

Хоровой дирижер и регент Сергей Алексеевич Жаров в 1917 г. окончил Московское Синодальное училище церковного пения, он прекрасно усвоил исполнительную манеру Синодального хора — главного церковного хора России, певшего в кафедральном Большом Успенском соборе Московского Кремля (все ученики Синодального училища определенный период пели в том хоре). После разгрома войск П.Н. Врангеля, где служил С.А. Жаров, он эвакуировался с дивизией А.К. Гусельщикова на остров Лемнос, где в 1921 г. создал хор донских казаков.

После переезда в Болгарию С.А. Жаров и его певцы работали на лесопильном заводе и пели за службой в русской посольской церкви в Софии. В 1923 г. хор предпринял свою первую гастрольную поездку в Вену и Берлин. Эти первые гастроли имели огромный успех. Затем начались большие гастрольные поездки по всему миру. Только в 1924 г. хор выступал в Италии (Милан, Турин, Генуя, Модена), в Швейцарии (Лозанна, Базель, Люцерн, Цюрих), в Германии (Штутгарт, Баден-Баден, Мюнхен, Дрезден, Лейпциг), в Голландии.

19 октября 1926 г. Николай Федорович Кострюков (выступавший тогда, до создания Платовского хора в мае 1927 г., в составе хора под управлением С.А. Жарова) писал в правление Казачьего союза в Париже о концертах в Англии, что «успех у нас тут колоссальный»[3]. В письме также говорилось об огромной занятости хора под управлением С.А. Жарова: в декабре 1926 г. предстояло выступление хора в Швейцарии, в январе 1927 г. — в Германии, в феврале — в Скандинавии, в марте — в Австрии, Венгрии и Чехословакии.

Об исполнительном мастерстве этого хора донских казаков-эмигрантов писала эмигрантская пресса. В частности, газета «Руль» в сентябре 1924 г. писала: «Природная музыкальная одаренность русского народа, как в песенном творчестве, так и в особом таланте многоголосого, хорового пения хорошо известна.

В частности, южане, украинцы и казаки отличаются особо счастливыми голосовыми средствами, свободными, ясными; и без технической обработки и музыкальной выучки удачный подбор хороших голосов при упорной работе может «спеться» в идеальный ансамбль, — подобно хору донских казаков, образовавшемуся на Чаталдже из чинов эвакуированных врангельских частей — под энергичным руководством г. Жарова»[4].

О влиянии выступлении хора С.А. Жарова на иностранную публику писала сибирская казачка, поэтесса М. Волкова в 1938 г. на страницах харбинского журнала «Луч Азии»: «Чарам казака — дирижера подпадают решительно все, без различия национальности и общественного положения» [...]. Покойный английский король Георг V после блестяще проведенного концерта в Букингемском дворце, в присутствии его, всей королевской семьи и придворного круга удостоили Жарова беседы и, между прочим, сказал ему: «Недавно в этом же зале я слушал известный ирландский хор в 200 человек. Пели они великолепно, но ... им надо было стоять с зажженными свечами перед вашим хором»[5].

Успех концертной деятельности донского казачьего хора под управлением С.А. Жарова во многом определялся репертуаром, он был смешанным: русская церковная музыка, песни разных народов, избранные образцы отечественной классики. Причем, все это исполнялось в специальных аранжировках для мужского хора самим С.А. Жаровым или его учеником по Синодальному училищу композитором К. Шведовым.

Основу программы духовной части концертов хора составляли чаще всего такие произведения, как «Верую» (А. Кастальский), «В церкви» (П. Чайковский), «Господи, помилуй» (Д. Львовский), «Отче наш», «Спаси боже, люди твоя» (П. Чесноков), «Сам един еси, Бессмертный» (А. Кастальский), «Внуши, Боже; псалом 55» (А. Архангельский), «Блажен муж; первый псалом Давида» (Монастырский напев от Кирово-Печерской лавры), «Коль славен» (Д. Бортнянский), «Колесница» (Из всенощного бдения) и др.

Светская часть программы концертов включала такие музыкальные произведения, как «В бурю и во грозу» (М.И. Глинка, хор из оперы «Жизнь за царя»), «Колядна песнь» (Н. Гоготский), «Эй, ухнем» (С. Жаров), «Частушки» (К. Шведов), «Красный сарафан» (А. Варламов), «Барыня» (И. Дубровин), «Канавка» (П. Чесноков), «Вечерний звон» (С. Жаров), «Сени» (И. Дубровин), цыганские песни «Очи черные» и «Две гитары», донские казачьи песни и др.

Безусловно, решающая роль в достижении творческих успехов хора принадлежала его руководителю Сергею Алексеевичу Жарову. Эмиграция и иностранная пресса давала многочисленные характеристики стилю и особенностям его деятельности как художественного руководителя. Один из участников хора, «доброволец Иванов», так писал на страницах казачьего эмигрантского журнала «Родимый край» о С.А. Жарове в 1920-х гг.: «Новинкой, и даже загадкой, был сам регент. Небольшого роста, молодой, интересный, подчеркнуто подобранный, до предела напряженный и очень скупой на движения, как будто он их экономил. Его руки были все время у груди, но как они были напряжены! Казалось, они вот-вот взовьются, соответственно нарастающему звуку. Но это только казалось; за два концерта не было ни одного широкого жеста, руки все время оставались у груди. Это было ново, интригующе и даже, пожалуй, загадочно».

И далее автор воспоминаний отмечает: «Ни одной детали в программе не оставалось недоделанной. Иногда затрачивались часы для усвоения какого-нибудь трудного пассажа. Новостью было то, что Жаров при разучивании некоторых пассажей сразу требовал и добивался их концертного исполнения. Редко номер разучивался с начала и до конца в последовательном порядке, нередко случалось, что вещь разучивалась с середины, а то и с конца. Возможно, что и это он делал из желания преодолеть рутину в хоровом пении, которую он так ненавидел. Жаров был ярким противником пения в одном заученном исполнении, и горе, если кто-то, хотя бы по рассеянности, забывал это требование. Регента это выбивало из колеи, и он мог совершенно сломать номер. Нередко он говорил: «Я остановлю хор», и это было его капризом. Говорили, что Жаров нарушил традиции русского хорового искусства, но ведь жаровцы, как взошли 1923-м году на большую сцену, так и подвиазются на ней и до сих пор [1967 г.], неся русскую песню, по всему свету.

Это ли не достижение, это ли не заслуги новаторства С.А. Жарова? Ему надо было уловить, пленить сердца и души иностранцев, не знающих русского языка, и он сделал это, как никто, как ни один русский артист, как ни один русский ансамбль. Это мое мнение о Жарове родилось не сразу, оно созревало уже в самом конце моего пребывания в хоре, а может быть и позднее»[6].

Высокое художественное мастерство хора, проявившееся в исполнении русских национальных и православных музыкальных произведений, особенно глубоко воздействовало на эмигрантов. Это позволяло русским людям на чужбине почувствовать духовную связь с Родиной. Особенно проникновенно писала об этом в 1930 г. эмигрантская нью-йоркская газета «Новое русское слово»: «Публика долго не хотела отпускать казаков, и пришлось, им петь на бис.

Публика неистовствовала и требовала все новых песен.

И уходила из зала с душой обновленной, омытой чистой водой из родника художественной, проникновенной русской песни.

Мы, в эмиграции сущие, с особенной нежностью, с грустью и тоской слушали на чужбине русские песни, напоминание о нашей далекой Родине [...]

Земной поклон вам, станичники, земной поклон и глубокая благодарность за то, что сохранили песни русские, вдохнули в них такую силу и мощь, что иностранцы, языка нашего не знающие, склонили в безмолвии головы, и зачарованные, слушали красоты русской песни...

Исполать вам, станичники, что в серые будни жизни нашей внесли очарование и души наполнили водой живой...»[7].

Интересные свидетельства о восприятии слушателями православных музыкальных произведений в исполнении казаков-эмигрантов оставил В. Довнар, который в 1929 г. в Праге посетил концерт хора в зале «Люцерн». Он вспоминал: «Вглядываюсь в лица слушателей, — они все отражают молитвенное состояние поющих, — молятся все: и поющие и слушающие. Вижу — лица многих запрокинуты слегка назад, глаза закрыты, а рты приоткрыты, — души их ищут Бога (а может быть прощения Его). Одни уподобились детям и молятся наверно, как дети: «Боженька, сделай так...» и т.д. Другие сидят, поникнув головой. Как эти переживают молитву, что они просят у Бога? Гнетет их что? Камень на сердце? Может быть, они чувствуют свое ничтожество перед величием

Творца, перед совершенством искусства. Да, скорей всего, что они уничтожены, «раздавлены», как я, перед величием непостижимой красоты. Вот одна дама во втором ряду, склонив голову, вздрагивает плечами, едва сдерживает рыдание. Каких сокровенных струн ее души коснулась ангельская молитва?»[8].

Интересно отметить, что в тяжелых условиях второй мировой войны, во времена немецкой оккупации, хор С.А. Жарова продолжал выступать перед русскими эмигрантами. Так, в «Информации» Кубанского войскового штаба от 1 июня 1943 года сообщалось, что в Праге Кубанская казачья станица отпраздновала 25-летнюю годовщину 1-го Кубанского ледяного похода. «На панихиде пели казаки Донцы Жаровцы»[9].

Однако в зарубежной прессе встречались и негативные оценки выступлений хора, связанные с влиянием политических и националистических факторов. Примером могут служить отклики на гастроли жаровцев в латвийской печати в феврале 1928 г.

1 февраля 1928 г. хор донских казаков приехал в Ригу на гастроли. По отзывам русских эмигрантских газет «Сегодня» и «Слово», хор и сам С.А. Жаров были встречены в Риге восторженно: «По самому скромному подсчету, певцов встречало не менее 4 тыс. человек: латышей, русских и немцев»[10]. Концерты хора прошли с исключительным успехом и непрерываемыми овациями. Но местная латвийская печать дала резко отрицательные отзывы о выступлениях хора.

Газета «Латвис» писала о хоре донских казаков: «Никто еще так не обманывал рижан, как казацкая сотня вчера в Национальной опере. Хор пришел к нам от имени большого и настоящего искусства. Забыты нагайки 1905 года, спины зажили и никому в голову ни пришло бояться поющего казака с красными лампасами. Некоторые скептики уже возволновались необычными рекламными шумами, которым сопровождался приезд казаков. Но казаки не были бы казаками, если бы не пошли в атаку с шумом, свистом и криками Ура. Они хорошие вояки и занять столицу Латвии им не представилось большого труда. Оккупация продолжается еще четыре дня, и когда сотня казаков соберет с рижан обильную контрибуцию, она спокойно уедет в другое место, оставив нас в пустыми кошельками и еще больше с пустыми душами. Правду говорили скептики, предупреждавшие, что от казаков нечего ждать хорошего»[11].

Далее «музыкальный критик» этой газеты Я. Цирулис заявил: «Таким песням, как «Стенька Разин» и «Сигнальный марш кавалерии» нет места в серьезном концерте, а скорее в кабаках и балаганах. Совершенно малоценны в музыкальном отношении остальные гармонизации народных песен, но венцом всей программы являлась песня донцов «Хмель», и Жаров заслуживал бы того, чтобы публика ему ответила таким же свистом, какой несся со сцены»[12]. Характерно окончание этой музыкальной рецензии: «Билеты же все были проданы. В публике преобладали русские и евреи, бешено рукоплескавшие и бесновавшиеся, как полоумные. Стыдно»[13].

В латвийской газете «Педейя Бриди» автор статьи А. Авот окрестил первый концерт казачьего хора в Риге «монархической демонстрацией»: «не хватало только Боже, Царя храни». Эта газета резюмировала концерт донского хора так: «...Один читает молитву, другие гнусят. Затем один гнусит, а все молятся, как

когда... Гнусят, свистят и танцуют, цирк в Национальной опере...»[14]. Свою статью А. Авот заканчивает фразой: «...После пощечины, которую дала дирекция Национальной оперы донскими казаками латвийскому обществу, ей остается, если она имеет хоть немного чуткости, сложить свои полномочия...».

Другая латвийская газета «Яунакас Зинас» заявила: «...Нужно спросить, подумало ли наше правительство о том, что, открыв столь гостеприимно двери эмигрантам с ярко выраженными политическими тенденциями, оно рискует неприятной перепиской, которая может возникнуть с внимательным восточным соседом...»[15].

Характерен и такой эпизод, который описал в своих воспоминаниях участник хора, «доброволец Иванов»: «...на одном концерте хора присутствовал почти весь дипломатический корпус. Наша директриса — немка обратилась к немецкому послу с просьбой узнать, может ли хор рассчитывать на повторные концерты в Риге? Когда немецкий посол задал этот вопрос латвийскому министру, тот рассмеялся и ответил: «Ни за что. Это не Россия»[16].

Данные отклики латвийской прессы 1928 года на выступления хора донских казаков, враждебные до неприличия, наводят на определенные размышления и аналогии. Современная дискриминационная политика латвийских властей в отношении русского языка и русскоязычных школ в Латвии уходит корнями в эпоху буржуазной Латвии 1920-х гг., а отнюдь не только в эпоху советского тоталитарного прошлого.

В то же время, чтобы быть до конца объективным и справедливым, нужно признать, что в рядах российской эмиграции, в том числе и среди казаков-эмигрантов, встречались отдельные критические замечания по адресу хора С.А. Жарова[17]. Встречались попытки противопоставить хор под управлением С.А. Жарова другим казачьим хорам, например «платовцам». Так, донской казак Санжа Балыков в 1930 г. отмечал, что «положа руку на сердце, должен сказать, что казаку хор Кострюкова («платовцы») ближе, чем хор Жарова. У кострюковцев хоть и немного, но все же больше казачьих песен, чем у жаровцев, да и в самом хоре Кострюкова процент настоящих казаков, знающих свою песню, несравненно больше. Поэтому морального права называться «Донским казачьим хором» у кострюковцев больше, чем у жаровцев»[18].

И все же бесспорно, что донской казачий хор под управлением Сергея Алексеевича Жарова внес огромный вклад в сокровищницу российского и мирового музыкального искусства, за полвека своего существования он дал 8,5 тыс. концертов. Высокую оценку хору С.А. Жарова дали С.А. Рахманинов, Ф.И. Шаляпин, знаменитый ученый-генетик Т. Тимофеев-Ресовский. Сам С.А. Жаров был награжден румынским орденом Звезды и югославским орденом Св. Саввы.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Казачество. Мысли современников в прошлом, настоящем и будущем казачества. Ростов на Дону, 1992. С. 39.
2. См.: *Рахманова М.* Жаров Сергей Алексеевич // Русское зарубежье. Золотая книга эмиграции. Первая треть XX века. Энциклопедический биографический словарь. М., 1997. С. 236-237; Худобородов А.Л. Донской казачий хор под управлением С.А. Жарова и его вклад в культуру русского зарубежья // Россия в истории миро-

вой цивилизации. Вторая всероссийская научная конференция 11-13 декабря 1997 года. Тезисы докладов. Ч. II. Культура народов России в мировой цивилизации. Челябинск, 1997. С. 56-62.
3. ГАРФ. Ф. 6679. Оп. 1. Д. 41. Л. 47 об.
4. Руль (Берлин), 1924, 17 сентября.
5. *Волкова М.С.* С русской песней по всему свету. Хор казаков Жарова // Луч Азии (Харбин). 1938. №49 (9). С. 27.
6. Родимый край (Париж). 1967. №72. С. 28.
7. *Ильин Вл.* Донские казаки // Новое русское слово (Нью-Йорк). 1930. 6 ноября.
8. *Довнар В.* Сергей Алексеевич Жаров и встречи с ним // Родимый край (Париж). 1974. №111. С. 35.
9. ГАРФ. Ф. 5761. Оп. 1. Д.10. Л. 38 об.
10. Родимый край (Париж). 1967. №73. С. 3.
11. Там же. С. 31-32.
12. Там же. С. 32.
13. Там же.
14. Там же.
15. Там же.
16. Там же.
17. См.: *Александровский Б.Н.* Из пережитого в чужих краях. Воспоминания и думы бывшего эмигранта. М., 1969. С. 249; Трагедия казачества. М., 1994. С. 453.
18. Цит. по: Россия в истории мировой цивилизации. С. 61–62.

THE DON COSSACK CHORUS UNDER S.A. ZHAROV'S CONDUCT: APPRAISAL OF EMIGRANT AND FOREIGN PRESS

A.L. Hudoborodov, I.A. Fisher

A contribution to Russian and world music art of the Don Cossack chorus under S.A. Zharov's conduct in 1920–1930-s is under consideration. The author examines history of the chorus, the art style of its leader Sergey Zharov, the highest professionalism of chorus participants, repertoire of the chorus and its authority among emigrant and foreign students. The work is done on materials of emigrant and foreign press. For the first time motives and reasons of the negative attitude to performances of chorus in Riga in 1928 on the part of Latvian press are shown in the historical literature. Authors of the article show some critical opinions on performances of the chorus among Russian, including the Cossack emigrants, so it testifies that the chorus had gone through various stages in its creative development.

© 2008 г.

В.В. Солодова

КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬНАЯ РАБОТА СРЕДИ НАЦИОНАЛЬНЫХ МЕНЬШИНСТВ (1917–1930-е годы)

Мероприятия молодого советского государства с октября 1917 г. были направлены на создание новой пролетарской, интернациональной по своей сути, культуры. Она должна была вытеснить старые культурные организмы и связи, в том числе и национальные. Большинство национальных комиссариатов видели главной задачей своих культурно-просветительных отделов разъяснение задач советской власти своим соплеменникам[1].

Новая культурная политика большевиков, предполагавшая повышение культурного и образовательного уровня всех слоёв и групп населения, в том числе и национальных меньшинств, благотворно сказалась на культурном развитии многих, особенно прежде отсталых народов. И в то же время культурно-просветительная работа среди нацменьшинств весьма эффективно использовалась в качестве агитационно-пропагандистского орудия советской власти.

Перед государством стояла сложнейшая задача, выраженная в дилемме: как помочь народам распорядиться своим духовным миром и как при этом реализовать собственные задачи — заставить «массы воспринять социалистическое учение?»[2]. Средством решения этих задач должна была стать реформа народного образования, в рамках которой и должен был решиться вопрос о национальной школе.

Большую роль в разработке идей и практическом решении вопроса образования национальных меньшинств сыграл Наркомнац. Именно здесь был впервые поставлен этот вопрос на государственном уровне. Произошло это спустя два месяца после подписания Брестского мира. Именно в этот момент в рамках Наркомнаца было озвучено и аргументировано мнение о том, что эвакуированные латыши, отделённые от основной массы своего народа, вправе рассчитывать и в Советской республике на школу с преподаванием «на родном языке детей».

Именно Наркомнац обратил внимание властей на то, что необходимо проведение детального «смотра всем родам», учёта «их культурного состояния и достояния», то есть, говоря современным языком, мониторинга культурного развития народов, проживавших на территории РСФСР[3]. В труднейших условиях лета 1918 г. Наркомнацем были собраны данные о количестве национальных школ в стране. Их осмысление позволило перейти «от деклараций к реальной политике», «от слов к делу»[4].

В мае 1918 г. при Наркомнаце была создана специальная культурно-просветительная комиссия, в которую входили представители всех национальных комиссариатов. В её компетенцию входило «рассмотрение вопросов, касающихся дела национального просвещения, и согласование смет по национальному просвещению»[5]. А 13 июля 1918 г. Наркомнац принял постановление «О национальных школах и о взаимоотношении между Народными Комиссариатами по

просвещению и по делам национальностей». Этим постановлением при Наркомнаце учреждалась национальная секция, куда входили с правом решающего голоса по одному представителю от всех национальных комиссариатов и отделов при Наркомнаце. Наркомнац имел право контроля по всем вопросам, касающимся образования среди национальных меньшинств. А национальная секция Наркомнаца должна была заниматься организацией дошкольного и школьного дела среди всех национальностей РСФСР.

30 октября 1918 г. вышло «Постановление Народного Комиссариата по просвещению о школах национальных меньшинств», подписанное зам. Наркомпроса М. Покровским и опубликованное в «Известиях ВЦИК» в качестве официального документа[6].

В дальнейшем, до 1921 г., наблюдался бурный рост национальной школьной сети, особенно в деревне. Так, в Оренбургской губернии особое внимание уделялось просвещению мусульманского населения. Были взяты на учёт дети школьного возраста, проводилось чтение лекций на политические темы, а на лето 1918 г. было намечено организовать педагогические курсы для учащихся мусульман: 3 группы в Троицке, 3 — в деревне Новомусино, 2 — в Орске. Губисполком выделил на организацию курсов 53775 рублей[7].

До установления Советской власти дело просвещения мусульман на территории Оренбургской губернии находилось в ведении мусульманских подотделов при отделах народного образования губернских, уездных земств и казачьего правления. После установления Советской власти подотделы были объединены при губернском отделе народного образования губисполкома. Служащие всех подотделов, кроме казачьего, были на местах, и поэтому работа в них могла продолжаться.

В 1918–1919 гг. в Оренбурге были открыты в дополнение к уже существующим следующие национальные светские школы: I ступени — 12, II ступени — 1, учительских семинарий — 1, педагогических курсов — 1.

Ощущалась громадная нужда в преподавательском персонале: в 1918–1919 учебном году не хватало для города 17 и для уезда 80 преподавателей[8].

При союзе учащихся — мусульман были организованы курсы восточного пения и музыки. Позднее эти курсы были преобразованы в школу восточного пения и музыки по общему плану музыкальных школ постоянного характера. Для подготовки работников по внешкольной работе в Оренбургской губернии были открыты восьмимесячные курсы, на которых обучалось до 30 чел. Стали действовать школы как простой грамотности, так и профессиональные. Однако неблагоприятные условия: отсутствие помещений, света, учебных и письменных принадлежностей — значительно сократили работу. Так, в городе удалось открыть только 6 новых школ, вместе с ранее существовавшей воскресной школой их стало 7 — все 1 ступени. Школы были расположены в шести различных районах города и одна при губернской тюрьме, общее количество слушателей составляло 314 чел. при 25 преподавателях.

В уезде удалось открыть вместо намечавшихся 100 только 35, из которых 34 — I ступени и 1 — II ступени. Но ввиду отсутствия света и учебных пособий работали они плохо. Общее число учащихся в них было 700 чел. при 28 учителях[9].

В докладе Оренбургского губернского отдела народного образования III губернскому съезду Советов (февраль — март 1921 г.) о состоянии культурного строительства в губернии за 1918–1920 гг. сообщалось о наличии в губернии 141 татарской школы I ступени, 8 школ — II ступени, 1 школы — коммуны, 22 детских садов, 4 детских домов, 55 библиотек, 20 клубов и народных домов. В татарских школах в это время работало 467 учителей.

Здесь же упоминались Восточный институт народного образования, трёхгодичные педагогические курсы, Восточный театр, музыкальная школа. Кроме того, в это же время в Оренбурге существовала 1 еврейская школа I ступени.

На заседании коллегии Оргнабора Орского уездного исполкома 13 декабря 1920 г. было принято решение ввести в Орском уезде обучение татарскому языку всех учащихся в русских школах Орского уезда, так как с присоединением к нему Адамовского и Можаровского районов преобладающим являлось мусульманское население(татары, башкиры, киргизы)[10].

В 1926–1927 учебном году в губернии работало 88 национальных школ (часть районов в это время находилась в составе Самарской губернии). В 30-е годы национальные школы области представляли следующую картину: русские — 1722, татарские — 133, башкирские — 67, мордовские — 94, немецкие — 54, казахские — 101, чувашские — 20[11].

В Челябинской области вся культурно — просветительская работа строилась с учётом национальных, культурных и бытовых особенностей каждой национальной группы. Важную роль в развитии системы просветительских учреждений среди национальных меньшинств, не вошедших в национально-государственные образования, сыграло Постановление СНК РСФСР по докладу Наркомпроса РСФСР «О просветительской работе среди национальных меньшинств РСФСР» от 16 июня 1926 г.

Для более удобного ведения работы в то время Челябинский уезд был разбит на 15 районов, куда входило по несколько волостей и станиц. В целом в них насчитывалось 35 библиотек, 4 культпросветкружка, один народный дом, 12 изб-читален, один клуб, три союза молодёжи[12].

Позднее для координации всей многоплановой работы среди национальных меньшинств при организационно-пропагандистском отделе Челябинского губернского комитета РКП(б) были созданы мусульманская, германо-венгерская, латышская, литовско-белорусская секции. Обсуждались самые разнообразные вопросы: ликвидация безграмотности, издание газеты на татарском языке, снабжение необходимой литературой на русском и, главное, на литовском языках и многие другие.

Однако в связи с тем, что в первые пятилетки промышленное производство требовало много людских и материальных ресурсов, область испытывала определённые трудности: в 11 обследованных школах, где преподавание велось на немецком языке, ни один учитель не имел высшего образования, сложным было положение с учебниками на национальных языках. За серьёзное отставание в выполнении плана строительства школьных зданий, особенно в национальных районах, руководители Челябинской области были подвергнуты резкой критике.

Результатом культурно-просветительной работы среди национальных мень-

шинств в Челябинской области был её переход на качественно новый этап — культурно-просветительная работа привела к повышению общего культурно-образовательного уровня всего населения области, к началу 40-х годов в Челябинской области оставались неграмотными немногим свыше 50 тысяч человек[13].

30-е годы XX века — очень важный период в становлении школьного дела. Многочисленные постановления Совнаркома СССР и ЦК партии, принятые в это время, были направлены на скорейшую ликвидацию неграмотности населения, в том числе и национальных меньшинств.

В 1934–1935 гг. в Оренбургской области работала 2191 школа с контингентом учащихся около 214 тыс. чел. Национальных школ было 469, вних обучалось 43334 чел. Среди них татарских школ — 133, учащихся — 12017 чел., башкирских школ — 67, учащихся — 2702 чел., мордовских школ — 94, учащихся — 9276 чел., немецких — 54, учащихся — 3070 чел., казахских школ — 101, учащихся — 4650 чел., чувашских школ — 20, учащихся — 1919 чел.[14].

Накануне 1935–1936 учебного года было проведено фронтальное обследование школ области. Результаты его показали, что национальные школы области находились в несравнимо худших условиях, чем другие школы. Особо остро стояла проблема материального обеспечения школ. Материальная база почти всех национальных школ была крайне скудна, хотя расходы на одного учащегося ежегодно увеличивались: в 1934 г. на ученика начальной школы выделялось 44 рубля, в 1935 г. — 56 рублей 23 копейки, в неполной средней школе выделялось в 1934 г. 242 рубля, в 1935 г. — 750 рублей[15].

В справках облоно и обкома партии по итогам обследования национальных школ Акбулакского, Асекеевского, Зиянчуринского, Матвеевского, Орского, Саракташского районов отмечалось, что только 14 школ имели более — менее подходящие школьные здания, большинство же школ помещалось в бывших частных домах, мечетях, складских помещениях.

Во всех школах занятия проводились в 2, а зачастую и в 3 смены, занимались по 2 класса в одной комнате одновременно, деля классную доску пополам. Школы почти не обеспечивались мебелью: за одной партой или столом сидели по 3–4 ученика, вместо классных досок использовали стену.

Больным вопросом было обеспечение школ топливом, в некоторых школах не было электричества, приусадебные участки, обеспечивавшие учащихся овощами, имелись только в 1/3 школ[16].

С большим трудом решался вопрос обеспечения национальных школ учебниками. Этот показатель колебался от 20 до 60 %, кроме того, имевшиеся учебники были, как правило, устаревшими. Неоднократно ставился вопрос о создании в Оренбурге единой базы снабжения школ учебниками на родном языке, так как учебники для башкирских школ получали из Башкирии, для казахских — из Казахстана, что создавало большие трудности. О создании в Оренбурге базы снабжения школ учебниками на родном языке говорил на 111 пленуме обкома партии 25 июня 1935 г. зав. отделом национальностей Оренбургского облисполкома У.Д. Джаманов.

Особую обеспокоенность у облоно и обкома ВКП(б) вызывали казахские школы. Процент казахского населения в области был большим: в Адамовском

районе казахов было 75 %, Домбаровском — 67 %, Буртинском — 50 %, Акбулакском — 40 %, из рабочих животноводческих совхозов казахов было до 90 %[17]. Из-за разбросанности казахских колхозов и больших расстояний между аулами многие казахские дети оставались вне школ. Кроме того, большинство казахских школ превратилось в 1–3-летки, что не давало необходимой грамотности казахским детям. Чрезвычайно низкой была квалификация учителей в национальных школах. Это отмечалось и в постановлении Совнаркома КАССР «Об упорядочении структуры школ Казахстана и выращивании казахской средней школы» и на 111 пленуме обкома ВКП(б). Большинство учителей аульных школ не имело специального образования, а некоторые даже не имели никакого образования, только практический опыт и 1–2-месячные курсы. В 1935 г. в национальных школах работал 141 учитель — казах, из них 67 % с 4–6 классами образования[18].

99% учителей казахских школ не владели русским языком и латинизированным шрифтом. Для лучшего охвата школой казахских детей предполагалось создать интернаты. Так, зав. отделом национальностей облисполкома У.Д. Джаманов просил обком партии оказать содействие в организации сети интернатов при неполных средних школах по 100 чел. в каждом в Адамовском, Акбулакском, Буртинском, Домбаровском и Кувандыкском районах, включив содержание этих интернатов в республиканский и областной бюджет на 1936 г. На первых порах интернаты предлагалось сделать базой для подготовки учителей начальных школ. К 1936 г. в области стало 124 казахских школы с 5 тысячами учащихся и 13 интернатов с 2 тысячами чел.[19]. Серьёзную трудность в работе испытывали школы из-за отсутствия методической базы. Эту проблему предполагалось решить через систему образцовых школ, начало которым было положено ещё в 1931 г. В каждом районе и городе была создана сеть образцовых школ. Они были поставлены в более благоприятные материальные условия, в них были сосредоточены лучшие педагогические силы. В 1935 г. было в области 9 образцовых школ. Каждая из них получала из бюджета области дотацию. В 1935 г. дотация на литературу, оборудование, учебные пособия составила для каждой школы 10 тысяч рублей[20]. Одна из образцовых национальных школ — казахская национальная образцовая средняя школа — находилась в Оренбурге. В ней насчитывалось около 300 учащихся, 60 % из которых составляли бывшие беспризорники, воспитанники детдомов и сироты. В школе работали хорошо подготовленные кадры. Из преподавателей основных дисциплин восемь человек имели высшее образование, 1 — незаконченное высшее, 3 — среднее образование. Но из-за подчинённости этой школы Наркомату просвещения КАССР приходилось с большим трудом решать вопросы материального обеспечения: постоянно задерживалось выделение денег на ремонт здания, на обмундирование и питание учащихся, топливо, на зарплату учителям. По факту выплаты каждой суммы велась длительная переписка, а в конце 1935 г. был даже поставлен вопрос о передаче школы на баланс Оренбургской области. В том же году уже не проводился набор учащихся в 1 класс.

Таким образом, процесс культурного развития разных национальностей в этот период протекал необычайно активно. Открытие новых национальных школ, расширение сети библиотек, клубов, развитие родных языков, ликвида-

ция неграмотности, школьное и специальное образование, национальная печать и весь комплекс культурно-просветительной работы на родных языках в первые годы советской власти развили небывалый подъём национальной культурной жизни, начатый после Февральской революции, и обусловили приобщение к ней масс, ставшее отличительной чертой Советской национальной политики.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Наркомнац РСФСР. Отчёт о деятельности 1 ноября 1917 г. 20 июня 1918 г. М., 1918. С. 41.
2. Культурное строительство в СССР. Разработка единой государственной политики в области культуры. 1917–1927: Документы и материалы. М., 1989. С. 55.
3. ГАРФ. Ф. 2306. П. 30. Д. 70. Л. 670–673.
4. Там же.
5. Политика Советской власти по национальным делам за три года (1917–1920). С. 145.
6. Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства за 1917–1918 гг. М., 1942. С. 302.
7. *Коннова Ю.* Решение национального вопроса в Оренбургской губернии после установления Советской власти (январь – июнь 1918 года) // Укрепление взаимосвязей народов Урала и Поволжья и проблемы национальной и региональной политики. Оренбург, 1994. С. 178.
8. *Гугнина О.* Развитие национального образования в Оренбуржье в 1919–1920 гг. // Укрепление взаимосвязей народов Урала и Поволжья и проблемы национальной и региональной политики. Оренбург, 1994. С. 301.
9. Там же. С. 302.
10. *Иванова А.Г.* Оренбургская национальная школа: история, опыт, проблемы // Укрепление взаимосвязей народов Урала и Поволжья... С. 269.
11. Там же.
12. Национально-культурное развитие народов России: политико-правовые аспекты. М., 2002. С. 42.
13. Там же. С. 43.
14. *Панина Т.С.* Проблемы национальных школ Оренбургской области в середине 30-х годов XX века // Укрепление взаимосвязей народов Урала и Поволжья и проблемы национальной и региональной политики. С. 303.
15. Там же.
16. Там же. С. 303-304.
17. Там же. С. 304.
18. Там же.
19. Там же. С. 305.
20. Там же.

CULTURAL AND EDUCATION WORK AMONG THE NATIONAL MINORITIES (1917–1930-s)

V.V. Solodova

The urgent problem of the cultural-educational work among the national minorities is under consideration. The author showed that new cultural policy of Bolsheviks was supposed to rise cultural and educational level of all the groups of the population including national minorities. So, in whole, this policy had a rather favourable effect on culture development, especially for retrograded peoples. The author tackles this problem using facts of South Ural region, Orenburg province and Chelyabinsk region.

© 2008 г.

В.А. Митрохин

«ЭМИГРАНТСКИЕ ФОНДЫ» ГАРФ КАК ИСТОЧНИК В ИССЛЕДОВАНИИ РУССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ 20–30-х гг. XX ВЕКА

Среди проблем отечественной истории, вызывающих повышенный интерес у исследователей, особое место занимает тема первой послереволюционной эмиграции. Изучение зарубежной России, неразрывно связанной с мировым общественным процессом, позволяет по-новому взглянуть на события 20–30-х годов XX столетия как европейской, так и отечественной истории.

Центральную группу источников в решении этой научной задачи составляют документы, входящие в коллекцию Русского заграничного исторического архива (РЗИА)[1]. Реализуя задачи исследования, автор привлек из этой коллекции 152 ед. хранения 24 фондов указанного архива, которые позволили получить представление о разнообразных сторонах жизни российской эмиграции: характере взаимоотношений между различными общественными группами, динамике социокультурных процессов, политических предпочтениях, а также представить панораму общественных настроений и их эволюцию. Серьезным подспорьем в этом стали материалы личных фондов ГАРФ и, прежде всего: П.Б. Струве (Ф. 5912), В.Л. Бурцева (Ф. 5802), В.В. и Е.Г. Шульгиных (Ф. 5974), Е.Д. Прокопович-Кусковой (Ф. 5865), П.Н. Милюкова (Ф. 5856), Н.В. Чайковского (Ф. 5805) и др.

Выявленная и проанализированная обширная личная и деловая переписка представителей эмигрантской элиты дала возможность расширить представления о духовной жизни диаспоры, реконструировать мировоззренческие устои, выявить зачастую скрытые от широкой общественности межличностные связи. Анализ переписки позволяет утверждать, что значительная часть выходцев из России стремились поддерживать отношения даже с политическими оппонен-

тами, пытаясь доказать правомерность собственных позиций. Так, один из безусловных фаворитов русской эмиграции П.Б. Струве[2] в первой половине двадцатых годов поддерживал стабильную переписку с Е. Прокопович-Кусковой, В. Набоковым, П. Савицким, Д. Мережковским, М. Цветаевой, различными общественными и вновь созданными политическими объединениями (например, возникшим в 1921 году Национальным комитетом)[3]. Не менее разнообразной по политической палитре являлась переписка Е. Прокопович-Кусковой, В. Бурцева[4].

В архивных материалах первой половины 20-х годов выпукло предстает острейшее противоречие русской эмиграции — поиск консолидирующей идеи, обеспечивающей возвращение на Родину, с одной стороны — и упорное отстаивание собственных политических принципов, а зачастую настойчивое стремление навязать их большинству, с другой[5]. Этот антагонизм без труда угадывается в переписке политических противников В. Бурцева и В. Шульгина. В письме В. Шульгину от 10 (1) июля 1923 года известный борец с царским режимом и «преступным Керенским» Владимир Львович Бурцев писал: «У нас много общего и мы должны бороться вместе (...) Я — левый из левых, демократ, социалист — остаюсь таким же, кем я был всю свою жизнь. Но глубоко убежден, что у нас сейчас вопрос идет не о демократии и не о социализме, а о русском народе, о России, о спасении ее бытия (...)»[6].

Необходимо отметить, что обращенность к судьбе покинутой Родины, ее будущности являлись доминирующими мотивами в материалах большинства личных архивных фондов ГАРФ. Достаточно показательны в этом смысле документы фондов М.М. Винавера (Ф. Р.-5818), А.И. Гучкова (Ф. 5868), А.А. Гольденвейзера (Ф.5981), И.И. Петрункевича (Ф. 5839), П.Н. Савицкого (Ф.5783).

Указанные материалы проливают свет на то, как складывалось уникальное политическое и культурное пространство Зарубежной России. Например, материалы фонда П.Н. Савицкого позволяют проследить практически все этапы эволюции влиятельнейшего пореволюционного течения — евразийства.

Так, сохранившаяся в начале 20-х годов переписка демонстрирует, каким образом вызревала идеология течения. Наряду с внутренними коммуникациями (и здесь особый интерес представляет переписка П. Савицкого и Н. Трубецкого[7] прослеживаются связи евразийцев со своими сторонниками[8], полемика с оппонентами (в архивном фонде сохранился оригинал статьи П. Савицкого «Проблемы русской истории», где он оспаривает милюковское видение исторического процесса и поддерживает Г. Вернадского[9]). Поддерживая обширные международные связи, лидеры движения придавали большое значение контактам с европейскими СМИ, отстаивали на страницах различных изданий идеи и принципы евразийского учения. В архивном фонде сохранились материалы статьи П. Савицкого в чешские и польские издания[10]. Так, в письме в редакцию польской газеты «Курьер Поранны» от 19 августа 1925 г. П. Савицкий весьма критически оценил попытки сращивания коммунистической и евразийской идей: «Мы ничего общего не имеем с «евразийством» Москвы. То евразийское движение, представителем которого являюсь я.... всегда было движением антикоммунистическим»[11]. Эту позицию П. Савицкий последовательно проводил, судя по сохранившимся источникам в период кламарско-

го кризиса, в своем отношении к небезызвестному «Тресту», просоветской газете «Евразия»[12].

Ценным источником изучения политической истории эмиграции являются документы низовых организаций евразийской сети. В коллекции РЗИА имеются в наличии материалы белградской, парижской, бельгийской и иных групп евразийцев, касающиеся различных сторон жизни организаций. Автору удалось изучить многочисленные протоколы и резолюции собраний, документы финансово-хозяйственной переписки (включая секретную) с вышестоящими управленческими структурами, аналитические записки о настроениях и политическом процессе в эмигрантских кругах[13]. Изученные материалы позволили отследить характер и динамику взаимодействия вышестоящих и нижестоящих оргструктур, реакцию последних на изменения политической ситуации. В качестве примера можно привести протокол № 18 собрания Белгородской группы евразийцев от 23 февраля 1929 г., предметом которого стала кризисная ситуация в движении. В резолюции собрания было записано следующее: «Организованное евразийство переживает в настоящий момент чрезвычайно острый внутренний кризис, в основе которого лежит принципиальное расхождение в существеннейших вопросах евразийской идеологии и тактики между отдельными членами Евразийского совета»[14]. Анализ кризисной ситуации нашел свое отражение и в резолюции собрания парижской группы: «Основным пороком евразийского движения была полная его правовая неоформленность, выраженная в отсутствии Устава, который бы точно определил организацию движения, его органы, их права и обязанности... выработку конституции евразийского движения мы считаем первым и основным требованием...»[15].

Личные фонды другого крыла эмиграционной элиты — деятелей кадетской партии — также способствуют раскрытию тайн политической истории Зарубежья. В архивном фонде И.И. Петрункевича, на наш взгляд, представляет интерес переписка Н.Н. Петрункевича и М.М. Винавера с 1920 по 1927 гг.[16]. Среди материалов фонда П.Н. Милюкова обращают на себя внимание ед. хр. № 518 и 538 — там собраны многочисленные воззвания и обращения политических объединений 20–30-х гг.

К сожалению, указанные фонды в меньшей степени насыщены фактологическим материалам, однако в сочетании с другими источниками позволяют выявить приемы и методы работы кадетов в эмиграции, разобраться в управленческой механике и способах рекрутирования новых членов, ощутить тонус политической борьбы.

Яркие страницы в историю эмиграции внесло русское воинство. Стереотип восприятия Зарубежья через призму «белоэмигрантов», устоявшийся в советской историографии, в немалой степени был обусловлен позицией, занятой военной элитой в годы эмигрантского лихолетья. Русская армия за границей была наиболее организованной, реальной политической и военной силой, с коей долгое время связывали надежды на возвращение на родину и ее сторонники, и противники. Большим подспорьем в изучении военной эмиграции стали фонды русских генералов А.С. Лукомского[17], А.И. Деникина[18], А.А. фон-Лампе[19]. Материалы последнего содержат уникальный дневник, с изложением и личной трактовкой важнейших событий в период 20–30-х годов XX века.

Собрание документов коллекции РЗИА даёт возможность достаточно подробно исследовать процессы, протекавшие в армейский эмигрантской среде. Время, проведенное вдали от родины, позволило в ином свете увидеть произошедшее в России, пересмотреть казавшиеся незыблемыми представления. Так сама жизнь опровергла набивший оскомину догмат — «армия — вне политики». Круговорот событий в эмиграции и в мире требовал от русской военной элиты не только ясной позиции по насущным вопросам политической жизни, но и действия. Русская армия и составная ее часть — казачество, — неоднократно являвшееся заложником и жертвой политических интриг, стремилась найти (была вынуждена искать) свою нишу в непростом процессе общественно-политической борьбы, отвечать на наболевшие вопросы русской действительности: каким должно быть политическое будущее страны? Как выживать в политическом пространстве Запада? Как защищать свою позицию в СМИ? Командование войсками прилагало все усилия к сохранению единоначалия и идейного единства армии.

В 1923 г. генерал Врангель издал приказ, запрещавший бывшим военнослужащим вступать в политические партии и объединения за границей, а следовательно, разбредаться по «политическим квартирам». Чуть позже усилиями армейского руководства был создан РОВС (Русский общевоинский союз), в задачу которого входила консолидация армейского ядра в решении поставленных задач[20]. Однако жизнь, как всегда, оказалась сложнее. Содержание различных документов зачастую представляет собой незримую полемику по важнейшим вопросам эмигрантского бытия. Например, А.И. Деникин, весьма критически относившийся к сотрудничеству с западными державами, считал недопустимым содействие иностранной разведке: «Работа в этом направлении в пользу иностранных держав является результатом либо беспринципности, либо — непонимания»[21]. Иной была позиция А.А. фон-Лампе, весьма критически относившегося к А. И. Деникину[22]. Генерал понимал всю опасность включения западных держав (особенно Германии) в решение «русского вопроса», но в конечном итоге пришел к выводу о возможности такого сотрудничества[23].

Не менее затруднительной была полемика вокруг политического будущего России. Своеобразный итог ее подвел безусловный лидер белой эмиграции генерал Петр Николаевич Врангель в письме к А.С. Лукомскому: «Я почту своим долгом поддерживать всякую власть, явившуюся на смену большевистской, при условии, что эта власть будет отвечать народным чаяниям и надеждам»[24].

Еще сложнее представлялась проблема отношений с казаками-эмигрантами. Протоколы заседаний казачьих организаций[25], а также УК «База возрождения казачества»[26] убедительно свидетельствует о полном отсутствии взаимопонимания между армейскими и казачьими офицерами. Значительная часть казачьего руководства стремилась дистанцироваться от «лагеря реставраторов», с коим они идентифицировали зачинателей белой борьбы — «не допустить перетягивания казаков в правый лагерь!»[27]. Отдавая должное государственническим идеям, казаки предрекали скорое разрушение Советской республики, пытались выработать собственную политику в условиях надвигающейся геополитической катастрофы, дабы «не быть трамплином для других политических сил»[28]. Главной ценностью будущего государственного устройства казаки ви-

дели демократию, но единства в ее понимании, судя по архивным документам, не наблюдалось.

В 1920–1930-е гг. в Праге и Париже при активном участии А.П. Богаевского, Н.М. Мельникова, В.А. Харламова, П.А. Скачкова и других лидеров казачества шло создание источниковой базы истории казачьей эмиграции. Основная масса документов была сконцентрирована в правлении Казачьего союза в Париже, в Праге — в Донском казачьем архиве. В дальнейшем большая часть этих материалов была включена в коллекцию РЗИА.

Источники, содержащиеся в коллекции ГАРФ, позволяют увидеть, сколь драматичная ситуация зачастую складывалась в казачьей и армейской среде, насколько мучительно протекал процесс духовного поиска и политического прозрения.

Разнообразные источники, способствовавшие расширению знаний о русской эмиграции, были обнаружены автором в фондах общественных, политических и религиозных объединений и организаций ГАРФ. Фонд 5764, например, содержит информацию о деятельности Объединения российских земских и городских деятелей в Чехословацкой республике. Земгор, известный со времен первой мировой войны как благотворительная организация, в 20-е годы стал одним из центров эмигрантской политической активности. Это в полной мере подтверждают источниковые материалы. Деятели Земгора были включены в активную переписку с различными организациями, лидерами эмиграции, чехословацким правительством. Особого внимания заслуживает переписка с известным норвежским исследователем комиссаром Лиги Наций Ф. Нансенем.

В архивном фонде имеются многочисленные свидетельства нешуточной общественной борьбы, развернувшейся вокруг организации в 20-е годы. Её участниками стали торгово-промышленный комитет, Союз инвалидов, Общество офицеров и даже дамский кружок под председательством Леонтьевой. С нашей точки зрения, это связано с усилением политических мотивов в деятельности Земгора и борьбой за материальные средства, контролировавшиеся его лидерами. Председатель Земгора В.Я. Гуревич в записке председателю Совета Министров Чехословацкой республики давал свое объяснение повышенной эмигрантской активности: «Действительный смысл кампании в том, чтобы захватить дело помощи беженцам в свои руки... использовать беженские массы в своих политических целях. Именно такое положение создается в Югославии и Болгарии»[29]. Большой исследовательский интерес представляет разнообразная документация Исполнительной комиссии частного Совещания бывших членов Всероссийского учредительного собрания.[30] Созданная в начале 1921 г., комиссия, по сути, явилась одной из первых попыток объединения разрозненных эмигрантских масс, после драматического завершения борьбы на юге России. Идеологи предприятия (одним из них был П.Н. Милюков) сочли возможным включить в работу комиссии представителей в прошлом известных политических течений: социалистов-революционеров, октябристов, народно-трудовой социалистической партии и т.д.[31]. Однако заданный идейный вектор, а также участие таких одиозных фигур, как А.Ф. Керенский[32], не получили поддержки в широких эмигрантских массах.

Тем не менее, документы фонда дают представление о характере политиче-

ского процесса на начальном этапе, степени включенности в него представителей так называемого демократического крыла эмиграции, позиции и конкретных шагах «демократов» по недопущению сотрудничества западных держав с большевистской властью.

Картина общественно-политической жизни Русского зарубежья была бы неполной без привлечения архивных источников Российского посольства в Париже[33], архирейского Синода русской православной церкви за границей[34], Союза русских евреев в Германии[35] за 1920–1933 гг. Материалы этих фондов позволяют на уровне источников, многие из которых долгое время были недоступны, оценить всю многосложность политической и культурной динамики Зарубежья, реконструировать общественную атмосферу в которой формировался уникальный социально-нравственный ландшафт России № 2. Весьма ценными в этой связи являются документы, связанные с религиозным расколом и деятельностью митрополита Евлогия[36], переписка российского Посольства в Париже с представителями разных общественных кругов[37], протоколы заседаний и отчеты культурно-просветительской комиссии Союза русских евреев в Германии за 1921–1924 гг.[38].

Особенностью коллекции РЗИА является то, что документы ряда влиятельных эмигрантских организаций отложились сразу в нескольких фондах, зачастую не связанных с избранной проблематикой. Так, документы Национального комитета, созданного в 1921 г., можно обнаружить в фонде В.Л. Бурцева[39], А.И. Деникина[40], П.Б. Струве[41]. «материалы «легитимистов» неожиданно обнаружились в ф. П.Н. Савицкого[42], В.В. и Е.Г. Шульгиных[43] и т.д. Такой «мерцающий» характер источников создает дополнительные трудности в их поиске, требует более внимательного отношения к документальной базе ГАРФ. Впрочем, это ничуть не умаляет гигантскую работу, проделанную сотрудниками архива по систематизации архивных материалов и снабжению их необходимым справочным аппаратом.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Коллекция была передана Чехословацким правительством Академии наук СССР в 1945 году и ныне хранится в ГАРФ (350 тыс. ед. хранения).
2. ГАРФ. Ф. 5912. Оп. 1.
3. Там же. Ед. хр. 72, 84, 100, 80, 132, 149, 145.
4. ГАРФ. Ф. 5865, 5802.
5. Материалы эпистолярного жанра, представленные в архивных источниках, в наибольшей степени субъективны и потребовали тщательного анализа и перепроверки с точки зрения достоверности содержащихся в них сведений.
6. ГАРФ. Ф. 5802. Оп. 1. Ед. хр. 658. Л. 10–11.
7. ГАРФ. Ф. 5783. Оп. 1. Ед. хр. 312.
8. Там же. Ед. хр. 485.
9. ГАРФ. Там же. Ед. хр. 108. Л. 4, 19.
10. Там же. Ед. хр. 45, 459.
11. Там же. Ед. хр. 459. Л. 25.
12. ГАРФ. Ф. 5783. Оп. 1. Ед. хр. 444, 463.
13. Там же. Ед. хр. 459, 455.
14. Там же. Ед. хр. 444. Л. 12.

15. Там же. Л. 16.
16. ГАРФ. Ф. 5839. Оп. 1. Ед. хр. 57.
17. Там же. Ф. 5829.
18. Там же. Ф. 5827.
19. Там же. Ф. 5853.
20. Фонд РОВС (№ 5826) включает в себя переписку различных подразделений, приказы и распоряжения штабов, речи и заявления Великого князя Николая Николаевича, переписку с лидерами казаков и общественными деятелями. Немалый интерес для исследователей представляют материалы других армейских ассоциаций: см.: Фонд 5845 – Русский воинский союз в Праге, Фонд 5759 – Галлиполийский союз в Праге и другие.
21. ГАРФ. Ф. 5827. Оп. 1. Ед. хр. 261. Л. 3.
22. ГАРФ. Ф. 5853. Оп.1. Ед. хр. 31. Л. 91; Ед. хр. 34. Л. 23.
23. Там же. Ед. хр.65. Л. 278.
24. Там же. Ф. 5829. Оп. 1. Ед. хр. 8. Л. 48-49.
25. Там же. Ф. 6473.
26. Там же. Ф. 6079. Оп. 1.
27. Там же. Ед. хр. 29. Л. 19.
28. Там же. Л. 22.
29. ГАРФ. Ф.5764. Оп. 1. Ед. хр. 120. Л. 87.
30. Там же. Ф. 5804. Оп. 1.
31. Там же. Ед. хр. 2. Л. 3, 5, 8.
32. Не лучше в определенных эмигрантских кругах было отношение к В.М. Чернову. В письме С. Мельгунова к Е. Кусковой от 16. 11. 1925 г. прямо сказано: «*Для меня Чернов хуже большевиков*» (Ф. 5865. Оп. 1. Ед. хр. 313. Л. 3).
33. Там же. Ф. 6851.
34. ГАРФ. Ф. 6343.
35. Там же. Ф. 5774.
36. Там же. Ф. 6343. Оп. 1. Ед. хр. 9[a], 23, 252, 253.
37. Там же. Ф. 6851. Оп. 1. Ед. хр. 97.
38. Там же. Ф. 5774. Оп. 1. Ед. хр. 8, 109, 128.
39. Там же. Ф. 5802. Оп. 1. Ед. хр. 1529, 1568.
40. Там же. Ф. 5827. Оп. 1. Ед. хр. 482.
41. Там же. Ф. 5912. Оп. 1. Ед. хр. 145.
42. Там же. Ф. 5783. Оп. 1. Ед. хр. 459.
43. Там же. Ф. 5974. Оп. 1. Ед. хр. 57.

«EMIGRANT FUNDS» OF STATE ARCHIVE OF THE RUSSIAN FEDERATION AS A SOURCE IN RESEARCH OF RUSSIAN ABROAD OF 20–30-s OF THE 20th C.

V.A. Mitrokhin

In the article emigrant funds of the State Archive of the Russian Federation collection are analyzed from the point of the research on the problems of political history of Russian Abroad in the twenties and the thirties of the 20th century. The author specifies the exclusive role of the specified archival materials in historical reconstruction of political and cultural space of «Russia № 2».

© 2008 г.

В.А. Митрохин

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ИССЛЕДОВАНИЯ РУССКОЙ ЭМИГРАЦИИ «ПЕРВОЙ ВОЛНЫ» В НАЧАЛЕ 2000-х гг.

Внимательный взгляд на историографическую проблематику русского Зарубежья требует учета специфики изучения темы в контексте идейно-политической эволюции государства. Направленность политического курса, смена лидеров, факторы международного влияния оказывали весьма существенное влияние на характер исследования проблем эмиграции.

Так, либеральная революция начала 90-х годов вызвала взлет интереса к истории и политической практике «февралистских сил» (прежде всего кадетов), представлявших и отстаивавших ценности «свободы и демократии» в России в первые десятилетия 20-го века.

Вектор научного поиска при этом был направлении на изучение и обобщение опыта кадетской эмиграции. Исследователи стремились разобраться в процессе становления кадетских организаций в условиях заграницы, выявить их роль и степень участия в создании единого эмигрантского центра, определить основные тенденции развития кадетской эмиграции на протяжении 20-х годов (в том числе демократов)[1]. Анализ общественной активности «партии народной свободы» большинство исследователей привел к выводу: «Кадеты оказались неспособны руководить российским обществом в период мирного развития революции в 1917 году и возглавить под своими лозунгами белое движение, не смогли они также занять место лидера и оказать решающее влияние на подавляющую часть эмигрантской массы»[2].

Укоренившаяся на западе традиционная комплиментарность в отношении российских либералов, при настороженном и критическом отношении к русскому консерватизму, транслировалась некоторыми авторами под видом собственных умозаключений[3]. Зачастую это приводило к выводам, никак не согласующимся с историческим опытом. Трудно объяснить, например, на чем основывается сентенция М.Б. Магловой. что в критические времена российские правящие элиты «для стабилизации режима обращались именно к идеям либерализма»[4].

Определенный уровень идеологизации общественной и научной жизни в 90-е годы не мог не сказаться на научном изучении политического наследия противников либерально-буржуазной модели развития России. Оно выразилось в отсутствии крупных исследований правого лагеря эмиграции, в частности, монархического крыла[5].

В 2000-е годы эмигрантская проблематика продолжала привлекать внимание и стала предметом исследования российских ученых в рамках работы над диссертациями различного уровня, при этом направленность научного поиска несколько изменилась.

Работа А.В. Антощенко[6] посвящена анализу евразийского дискурса в концепциях Н.С. Трубецкого, П.Н. Савицкого, Г.В. Вернадского, А.В. Карташева,

Г.П. Федотова. Рассмотренные автором методические основания[7] вполне применимы для анализа концепций различных представителей российской эмиграции 1920–30-х годов.

Выдвигая «задачу *духовного* преодоления революции на путях *самопознания,* евразийцы ратовали за утверждение *иного исторического мировидения,* создающего совершенно новую основу для смыслообразования при обобщении исторических свидетельств. Выражением этого стало стремление представить прошлое России как историю «Евразии». Понятно, что дореволюционные способы придания смысла российской истории, оказывались в этих условиях неприемлемы. Таким образом, по мнению автора, «проблема исследования в первом приближении может быть сформулирована следующим образом: *как осмысливался вызванный революцией разрыв культурной традиции и как это отразилось на изменении стиля исторического мышления?»*[8].

Для анализа данного процесса А.В. Антощенко предлагает использовать нарративный (повествовательный) подход и обратиться «не только к содержательному, но к формальному анализу работ евразийцев». Суть его заключается в том, что изучение способов построения исторических повествований и раскрытие временной ориентации и ценностного отношения к прошлому позволит не только проследить процесс интеллектуального освоения культурного разрыва, связанного с революцией, но и *выявить вызванные этим перемены во взглядах на культурно-историческую идентичность, формируемую на основе переосмысления исторической судьбы России*[9].

На наш взгляд, данный метод, используемый культурологами, достаточно ограничен для историографического и идеографического анализа. Можно согласиться с тем, что концептуальное оформление отношения к революционным потрясениям 1917 года, последующим событиям, теоретическое обоснование прогностических моделей будущего России, не могло не сказаться и на отношении евразийцев к ее историческому прошлому. Однако не следует и переоценивать степень этого влияния, т.к. основные идейно-теоретические основания концепций большинства эмигрантских мыслителей свою логическую завершенность и целостность получали прежде всего в результате осмысления того, что произошло в России после революции 1917 года. Поэтому, данный метод целесообразно использовать только в совокупности с другими — структурно-функциональным, факторным, кросскультурным и иными методами.

В самостоятельную группу можно выделить исследования, посвященные идейно-мировоззренческим и идеологическим основаниям отдельных направлений русской эмиграции.

Н.В. Антоненко[10] поставила перед собой задачу показать особенности формирования правоконсервативной идеологии в эмиграции и определить причины поляризации мировоззренческих ориентиров правых. На основе анализа системы взглядов теоретиков и практиков монархической эмиграции, автор рассмотрела представляемую ими модель устройства России и ее отдельные составные элементы. Оценивая аналитические выкладки правых, автор заключает, что они «создавали идеальный образ государственного устройства, больше учитывая желаемое, и в меньшей степени — реальные условия. ... Утопичность правоэмигрантских проектов состояла, прежде всего, в их оторванности от са-

мого российского общества, наивной вере в его приверженность монархическому идеалу»[11].

Думается, такая жесткая оценка не вполне справедлива и вступает в противоречие с другими выводами автора о том, что, объясняя причины «общественного недуга» в России, консервативные идеологи «усматривали симптомы болезни в глубоком духовно-нравственном кризисе, исцелением от которого, по их мнению, являлось возрождение религии, просвещения, правопорядка, хозяйства, семьи и быта. Отсюда следовал вывод: Россию нельзя возродить только «внешними» — экономическими и политическими средствами, прежде всего, необходимо ее «внутреннее» духовное оздоровление»[12]. На наш взгляд, глубокий кризис, охвативший постсоветскую Россию, с очевидностью подтвердил актуальность, справедливость и социальную значимость таких оценок роли духовно-нравственного императива современных демократических преобразований.

Особый интерес для нашего исследования представляет диссертация А.Н. Вараксы[13], посвященная сквозному анализу разнообразных монархических моделей в историографии и идеографии Русского зарубежья. На основе изученных разнообразных материалов, автор пришел к выводу о том, что в идейном плане монархическое движение в эмиграции было представлено двумя основными течениями: «теми, кто выступал за полное восстановление самодержавных прав монарха и считал необходимым уже в эмиграции провозглашение будущей России монархическим государством, и теми, кто полагал невозможным полное восстановление разрушенного двумя революциями статус-кво»[14].

Сторонники первой точки зрения в теоретическом плане не привнесли ничего нового в идеологию русского монархизма. Большинство же «конституционалистов», (которых не следует причислять к сторонникам парламентаризма и конституционной монархии) были настроены антизападнически и стояли на антилиберальных позициях. По их мнению, Россия жива «своей правдой», и ей необходимо отказаться от слепого подражания Западу и вернуться к опыту предков, который следует обстоятельно изучить с целью более эффективного использования в деле строительства новой российской государственности. По мнению А.Н. Вараксы, общим для И.А. Ильина, И.Л. Солоневича и других монархически мыслящих авторов в Русском зарубежье было «стремление обосновать идею особой «русской конституции», которая, формально не ограничивая самодержавной власти монарха законами, давала бы широкие возможности для народа участвовать в выработке решений, принимаемых верховной властью»[15].

Думается, следует более критично оценивать реальные возможности создания такой модели особого русского пути общественного развития. С одной стороны, они справедливо критиковали противоречия и слабости западных либеральных моделей демократии, обоснованно поставили вопрос о нецелесообразности для России их слепого копирования. С другой стороны, сами «конституционалисты» не уделяли должного внимания идейно-теоретической проработке процедурных и институциональных основ специфической российской модели, в которой бы могли соединиться логически не стыкуемые неограниченная самодержавная власть и широкие возможности народа участвовать в политической жизни.

Диссертация М.С. Федоровой[16] посвящена анализу основных принципов, интегрирующих идей, особенностей методологии и понятийно-категориального аппарата, характерных для творческого наследия либерального консерватизма Русского зарубежья. Выявление особенностей историко-философского и общественно-политического содержания мировоззрения представителей либерального консерватизма П.Б. Струве и Н.С. Тимашева привело автора к выводу о том, что для представителей либерально-консервативной мысли было характерно понимание кризисных явлений начала XX века «как результата слияния двух социокультурных процессов: кризиса европейской цивилизации и кризиса русского общественного сознания. Но все же при рассмотрении истоков, причин и смысла русской революции основной акцент делался на национально-исторические реалии и процессы русской политической и социальной истории начала XX века, а именно: на низкий культурный уровень основой части населения и отсутствие политической культуры, на оторванность власти от общества, отсутствие укоренившейся психологии собственности, запаздывание в проведении ряда реформ»[17].

Тем самым М.С. Федорова утверждает, что в рамках либерального консерватизма основное внимание уделялось рассмотрению социокультурных и религиозно-духовных причин русской революции. Представляется, что при этом несколько недооценивается значение социально-экономических факторов, которым сторонники данного направления уделяли ничуть не меньшее внимание, чем духовно-нравственным при анализе особенностей исторического развития России. Косвенно автор и сама подтверждает этот факт, когда оценивает прогнозы либеральных консерваторов в отношении перспектив советской политической и экономической систем: «экономическую политику большевиков либеральные консерваторы оценивали, исходя из своего основного тезиса, что главным условием и двигателем всей народной свободы должна служить свобода хозяйственная. П.Б. Струве как ученый-экономист опровергал возможность реализации на практике социалистической системы хозяйствования и говорил о скором конце Советской власти. Однако эти прогнозы не оправдались, он не сумел до конца оценить те полицейские рычаги, которые находились в руках Советского правительства»[18]. Думается, прогноз не оправдался лишь в отношении сроков, но не в отношении самой сущности административно-командной, плановой системы хозяйствования. Показав свои мобилизационные преимущества в определенных условиях, данная система проиграла рыночной в мирной конкуренции по качеству производимой продукции и быстроте реакции на усложняющийся и постоянно меняющийся общественный спрос на новые товары и услуги.

В диссертационном исследовании И.В. Хвалина[19] проведен сравнительный анализ и дано критическое осмысление участия меньшевиков в политической жизни русской эмиграции 1920–30-х годов. В результате он приходит к выводу о том, что это участие было «если не номинальным, то, во всяком случае, малозаметным»[20]. Причина этого, как показало исследование, заключалась не только в гонениях и преследованиях меньшевиков в советской России, но и в том, что, будучи по преимуществу партией легальных методов борьбы (в печати, в Советах, в профсоюзах и т.д.), меньшевики не смогли приспособиться к тем

новым методам сопротивления советской власти, которые апробировали и использовали другие эмигрантские организации (попытки вызвать интервенцию против СССР, террористические акты как внутри Советской России, так и против ее представителей за рубежом, участие в антикоминтерновской деятельности иностранных государств и т.п.);

И.В. Хвалин констатирует, что одна из причин печального финала меньшевизма как политического течения в эмиграции заключалась в том, что «меньшевики были и остались (куда больше, чем даже коммунисты в СССР) ортодоксальными марксистами, стопроцентными догматиками, предельно далекими от верного понимания подлинных реалий русской революции и русской жизни»[21].

Некоторые работы начала 2000-х годов посвящены рассмотрению отдельных сюжетов в истории Русского зарубежья.

Например, С.В. Горячая в своем диссертационном исследовании обратилась к анализу идей «сменовеховцев» на различных этапах деятельности по вопросу их отношения к большевистскому опыту преобразования России[22]. Ключевой ее вывод заключается в том, что «сменовеховцы», «как настоящие патриоты своей страны вынуждены были признать, что целостность страны превыше идеологий и партий, и поскольку большевики охраняют эту целостность, то им не только пришлось мириться, но и сотрудничать с новой властью»[23]. Проследив эволюцию взглядов «сменовеховцев», С.В. Горячая справедливо утверждает, что они первыми среди интеллигенции вообще, и эмиграции, в частности, приняли и осмыслили исторический выбор народа. Главная заслуга лидеров и адептов «сменовеховства» заключается в том, что они искренне стремились «преодолеть разрыв, и, прежде всего культурный, который образовался между Русским Зарубежьем и Советской Россией, соединить воедино те «две России», которые в силу исторических условий оказались разделены революцией»[24].

С.Н. Пучков[25] в своей диссертации на основе анализа различных источников проследил формирование институциональной структуры российского эмигрантского молодежного политического активизма 1920–1930-х гг., показал его идеологическую и организационную специфику, динамику развития, осветил основные центры молодежной политической активности в Европе, США и на Дальнем Востоке. В центре его внимания — социальная база молодежного активизма, его количественный и качественный состав, общественно-культурные и военно-спортивные формы проявления. Несмотря на то, что С.Н. Пучковым изучена, прежде всего, деятельностная сторона эмигрантской жизни, для нашего исследования небезынтересным представляется материал о процессе формирования идеологической основы молодежного активизма. Сам автор отмечает, что белоэмигрантский молодежный активизм в своей идеологической части «аккумулировал различные социальные проекты, политические концепции эмигрантской молодежи, став, таким образом, памятником общественно-политической мысли русского зарубежья, источником по истории идеологии российской эмиграции межвоенного периода»[26].

В работе А.В. Клюевой[27] проанализирована идейная направленность политической коммуникации российской эмиграции и основные тенденции ее трансформации под влиянием информационной среды, рассмотрена взаимо-

обусловленность информационной среды и идеологических установок различных партий и групп российской эмиграции. На наш взгляд, избранный автором ракурс исследования интересен и актуален, но широта охвата проблемы (взяты все четыре волны российской эмиграции) привела к определенному схематизму и поверхностности анализа.

Особый интерес представляет докторская диссертация Е.Г. Кривошеевой[28], в которой исследована российская послереволюционная эмиграция накануне и в период Второй мировой войны, проанализировано отношение российской эмиграции к фашизму и войне Германии с СССР; ее участие в военных конфликтах накануне и в период Второй мировой войны.

По мнению Е.Г. Кривошеевой, «значительная часть российской интеллигенции крайне негативно отнеслась к идеологии фашизма. Начавшаяся Вторая мировая война лишь обострила это отношение. Несмотря на желание большинства российских эмигрантов сохранять нейтралитет в период войны, действия нацистов (с одной стороны политика заигрывания с российской эмиграцией, а с другой — репрессии, гонения, унижения, концлагеря) заставили даже аполитичную часть российской эмиграции сделать выбор и определить свое отношение к фашисткой агрессии»[29].

Автор утверждает, что участие в военных формированиях на стороне гитлеровской Германии, для многих российских эмигрантов казалось продолжением гражданской войны, вспыхнувшей после 1917 года. «Но многие были втянуты в военные действия силой обстоятельств, сложившихся условий. Сложно было преодолеть предубеждения, корпоративные интересы, десятилетиями культивировавшуюся злобу. Мотивировка российских эмигрантов, воевавших на стороне фашисткой Германии, была различной. Но всех их, даже тех, кто сотрудничал с фашистами вынужденно, объединяла надежда на возвращение на Родину, пусть даже с помощью германского оружия или участия во власовском движении»[30].

При всей противоречивости и в каком-то смысле конъюнктурности научно-исследовательского процесса в отечественной историографии была проделана важная созидательная работа по осмыслению истории Русского зарубежья, а, следовательно, по расширению рамок понимания политической истории Российского государства в XX веке.

Включение проблем эмиграции в канву общероссийской истории в начале 2000-х годов проходило в условиях продолжающейся трансформации общественного уклада страны. Это наложило свой отпечаток на характер исследовательского процесса, содержание работ и научные предпочтения отечественных исследователей.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Глебова Л.И.* Политическая деятельность кадетов в период эмиграции (20-е годы). Дис. ... канд. ист. наук. М., 1994; *Суптело А.В.* Идейная борьба в либерально-буржуазной эмиграции по вопросам политического объединения русского зарубежья (1920-1930 г). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Омск, 1998; *Кувшинов В.А.* Кадеты за рубежом (1905–1943 гг). М., 1997; *Маглова М.Б.* Эмигрантская либеральная печать о новой экономической политике 1921–1928 гг. Дис. ... канд. ист. наук. М.,

1995; *Яковлева Т.А.* Политическая история газет П.Б. Струве, П.Н. Милюкова и А.Ф. Керенского в 20–30-е годы. Дис. ... канд. ист. наук. Иркутск, 1995.

2. *Яковлева*. Ук. соч. С. 180.
3. Можно согласиться с З.С. Бочаровой, утверждающей, что многое из опубликованного в 90-е годы хвалебного в отношении эмиграции и ругательного в отношении Советской власти являлось повторением того, «о чем на Западе уже давно было написано» (*Бочарова З.С.* Современная историография российского зарубежья 1920–1930-х годов // Отечественная история. 1999. № 1. С. 91–102). Некоторые из публикаций этого времени отражали стремление авторов реабилитировать либеральную идеологию и ее сторонников, потерпевших сокрушительное поражение в 1917 году.
4. *Маглова*. Ук. соч. С. 141.
5. Более подробно проблема исследована в статьях автора: *Митрохин В.А.* О научных подходах в изучении российского Зарубежья (1920–1990-е гг.) // Проблемы политологии и политической истории. Саратов, 1996. Вып. 7; *он же*. Современная отечественная историография русской эмиграции «первой волны» (1990 – начало 2000-х гг.) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Саратов, 2005. Т. 5; *он же*. Эмигрантская традиция изучения «России № 2» // Известия Самарского научного центра РАН. Самара, 2008. Т.10. № 1.
6. *Антощенко А.В.* «Евразия» или «Святая Русь»? Российские эмигранты «первой волны» в поисках исторического самосознания. Дис. ... д-ра ист. наук. СПб., 2003.
7. Суть их сводится к тому, что российская историография со второй половины XIX в. развивалась на основе позитивистского подхода к истории. Такой подход сочетался с органическим видением исторического развития, которое представлялось как эволюционный процесс, и прогрессивное движение различных человеческих сообществ через одинаковые ступени. В либеральной российской историографии (а именно она занимала ведущие позиции в профессиональном исследовании истории со второй половины XIX в.) господствовал европоцентристский подход к истории России. Он базировался на представлении о том, что русский народ, как принадлежащий к арийской расе и исповедующий христианство, проходит в своем развитии те же ступени, что и другие европейские народы. Такое видение исторического процесса с неотвратимостью вело к признанию неизбежности революции.
8. См.: *Антощенко А.В.* «Евразия» или «Святая Русь»? Российские эмигранты «первой волны» в поисках исторического самосознания. Дис. ... д-ра ист. наук. СПб., 2003. С. 6–7.
9. Там же. С. 7.
10. *Антоненко Н.В.* Идеология и программа монархического движения русской эмиграции. Дис. ... канд. ист. наук. М., 2005.
11. Там же. С. 221.
12. Там же.
13. *Варакса А.Н.* Идея монархии в политической мысли Русского зарубежья. Дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2003.
14. Там же. С. 119.
15. Там же. С. 120.
16. *Федорова М.С.* Либерально-консервативное направление общественно-политической мысли Русского зарубежья 20–40-х гг. XX в. Дис. ... канд. ист. наук. М., 2003.
17. Там же. С. 183.

18. Там же. С. 184 сл.
19. *Хвалин И.В.* Идейные основы и общественно-политическая деятельность меньшевистской эмиграции в 1920-30-е годы. Дис. ... канд. ист. наук. М., 2004.
20. Там же. С. 27.
21. Там же. С. 168.
22. *Горячая С.В.* Сменовеховцы 20—30-х годов: оценка большевистского опыта реформирования России. Дис. ... канд. ист. наук. Ростов-на-Дону, 2004.
23. Там же. С. 101.
24. Там же. С. 196.
25. *Пучков С.Н.* Политический активизм молодежной среды российской эмиграции в 1920—30-е гг. Дис. ... канд. ист. наук. М., 2004.
26. Там же. С. 204 сл.
27. *Клюева А.В.* Информационная среда политической коммуникации российской эмиграции. Дис. ... канд. полит. наук. М., 2005.
28. *Кривошеева Е.Г.* Российская послереволюционная эмиграция накануне и в период Второй мировой войны. Дис. ... д-ра. ист. наук. М., 2003.
29. Там же. С. 329.
30. Там же. С. 331.

SOME QUESTIONS ON RESEARCH OF RUSSIAN EMIGRATION OF «THE FIRST WAVE» IN THE BEGINNING OF THE 21st C.

V.A. Mitrokhin

A historiography process of Russian emigration of «the first wave" in the beginning of 2000 is under consideration. The author analyzes the most significant works published at that time, pays attention to the altered character and orientation of scientific researches in comparison with the previous period that is the nineties of the 20th c.

© 2008 г.

О.Ю. Стародубова

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ПРОЦЕСС 1930-Х ГОДОВ КАК СРЕДСТВО ФОРМИРОВАНИЯ И ПРОПАГАНДЫ ОБРАЗА ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

В художественной литературе тема первой мировой войны получила свое развитие в первое десятилетие советской власти. Среди писателей она не пользовалась особой популярностью, обращения к ней носили лишь эпизодический характер[1]. Тема была лишена самостоятельного значения и подавалась в контексте революционных событий и гражданской войны. Сложившаяся в начале 1930-х годов общественно-политическая обстановка заставила советскую

власть изменить свое отношение к событиям минувшего империалистического конфликта. Всплеск европейской пацифистской литературы, призывавшей к отказу от войн, вызвал недовольство у советского правительства, ставившего цель осуществления мировой революции. Власть приняла вызов и обязала литераторов заполнить брешь и создать ряд произведений о первой мировой войне. Причем подойти к событиям под «пролетарским углом зрения»[2]. Авторы должны были изобличить империалистический характер войны и мобилизовать общество на дальнейшую борьбу с капиталистической агрессией. Литераторы откликнулись на заказ власти.

Новая директива требовала координации и руководства. Для этого была создана литературная организация, которая контролировала работу писателей по созданию произведений, посвященных военной тематике. В июле 1930 года она получила название Литературное объединение Красной Армии и Флота (ЛОКАФ)[3]. В состав руководящего органа — редколлегии вошли маститые в то время писатели — М. Залка, В. Луговской, С. Щипачев и др. Организация выпускала одноименный журнал. Задачи перед писателями были сформулированы следующим образом: « Оборона страны должна в настоящее время, как никогда, приковывать к себе внимание всех и в том числе представителей художественной литературы. Их перо необходимо армии так же, как штык. Острие пера советского писателя должно быть направлено в сторону врагов пролетарского государства. Их литературно-творческая работа в этих условиях должна способствовать усилению и укреплению боеспособности Красной армии и флота. Перед писателями стоит важнейшая задача осознания и художественного раскрытия «великой тайны, в которой война рождается». И вместе с тем они должны готовить себя для обслуживания нужд и потребностей военного времени»[4].

Большинство писателей, взявшихся в начале 1930-х годов за освещение тематики империалистической войны, были её непосредственными участниками: В. Арамилев, Вс. Вишневский[5], А. Воронский[6], Т. Дубинская, А. Зуев[7], Л. Кацов, А.Г. Лебеденко[8], А.К. Левин, И. Макаров, Д. Оськин[9], С.Е. Розенфельд[10], Л. Соболев, Н. Тихонов[11].

Главным источником для создания произведений были их личные воспоминания, конечно, руководствоваться ими писатели в тогдашних условиях могли лишь с особыми оговорками. Если того требовала тема произведения, то литераторы использовали исторические материалы: документы ставки, правительственные постановления, приказы, газетные материалы. Для «правильного» изображения событий мирового конфликта они должны были руководствоваться концепцией Покровского и пропагандистскими брошюрами[12]. Очевидная противоречивость концепции первой мировой войны Покровского ленинским постулатам (ленинской теории империализма), настораживала и отягощала работу писателей. Обходя краеугольные камни, литераторы старались не затрагивать дипломатических тем, а сосредоточились на темах, не вызывающих особых споров. Главным образом на показе тяжелых условий фронтовой жизни: палочной дисциплины, жестокости командного состава, бездарности и предательства генералитета, трудностей окопной жизни, многочисленных человеческих жертв. Как следствие, при освещении событий империалистического конфликта в рамках революции и гражданской войны, писатели должны были

показать его просвещающее влияние на солдатскую мысль, а именно показать процесс превращения солдата в революционера и перерастания империалистической войны в гражданскую[13]. Но не всем авторам это удавалось. Лишь немногие работы удовлетворяли взыскательных критиков. Большинство произведений было признано партийной цензурой в идеологическом и литературно-художественном плане достаточно слабыми: они грешили пацифистским восприятием в изображении военных событий, не показывали просвещающего влияния мировой катастрофы на солдатскую мысль, что отнюдь не решало поставленных задач[14]. Так, роман А. Лебеденко «Тяжелый дивизион» критики признали скорее публицистическим, чем художественным: «Вместо углубленного и развернутого психологического анализа, вместо конкретных художественных образов, мы находим сухую, беспомощную прозу газетных комментариев»[15].

Следующим импульсом обращения литераторов к теме первой мировой войны стала нарастающая военная опасность со стороны фашистской Германии. В 1934 году накаляющаяся международная обстановка заставила советское руководство использовать историю как мощное средство целенаправленного формирования общественного сознания и воспитания патриотических чувств. Как следствие сместились и акценты в изображении империалистического конфликта. Постановление Совнаркома и ЦК ВКП(б) «О преподавании гражданской истории в школах СССР» и призыв, прозвучавший на Всесоюзном съезде Советских писателей о всемерном «укреплении оборонной литературы»[16] стимулировали писательский интерес к истории империалистического конфликта. Чашу весов перевесил и наметившийся интерес общественности к жанру исторического романа. Востребованность тематики определила масштабность произведений. Писателями были созданы романы-хроники и романы-эпопеи. Ярким примером служат романы С.Н. Сергеева-Ценского «Зауряд-полк» и «Массы, машины, стихии...» и двухтомник Ю.Л. Слезкина «Отречение». Произведения отражали проблемы происхождения и генезиса войны, поднимали вопрос об инициаторах развязывания конфликта, социальной и политической ответственности правящих и военных кругов, вскрывали причины враждебного отношения народа к войне. Основной акцент, как и полагалось, делался лишь на трагической стороне событий. Произведения отличала географическая широта и обилие персонажей, а также скрупулезное выписывание портретов исторических лиц, межличностных отношений, дипломатических коллизий.

Первоначально идеологическим компасом для писателей были работы историка М.Н. Покровского и его учеников, а с сентября 1938 года мерилом исторических событий при написании произведений о первой мировой войне стал «Краткий курс истории ВКП(б)». Причем соответствие фактажа романа официальной истории носил директивный характер. К середине 1930-х выработался четкий принцип построения литературных произведений на тему войны 1914–1918 годов: «*разоблачить грязные кулисы империалистической войны, обратить внимание на то горе, те страдания, которые несла собой мировая бойня, вызвать у читателя отвращение к ней, вместе с тем сострадание к её жертвам...показать процесс перерастания империалистической войны в гражданскую*»[17].

Свою заинтересованность в произведениях о первой мировой войне партийно-государственные инстанции декларировали посредством утверждения в ЦК ВКП(б) тематических планов[18]. Они направлялись в Главлит[19], а оттуда рассылались по издательствам и редакциям литературно-художественных журналов.

Первым этапом работы была разработка идейно-художественного замысла будущего произведения. Автор создавал «каркас» будущего романа: определял место действия, хронологические рамки, определялся с персоналиями. После определения темы и фабулы будущего произведения автор приступал к сбору исторического материала. В ходе работы с источниками он окончательно определялся с хронологическими и географическими рамками будущего романа, утверждал персоналии. Первым делом писатель знакомился с тогдашней литературой по истории первой мировой войны. Важным источником служили собственные воспоминания и дневники военных лет. Для воссоздания хронологической канвы событий литераторы использовали данные периодической печати того времени. Например, в фондах Сергеева-Ценского и Слезкина, хранящихся в РГАЛИ, сохранились списки использованной авторами литературы и письменные отчеты по работе с ней. Так, при написании цикла романов о первой мировой войне Сергеев-Ценский изучил работы военных историков, знакомился со сборниками документов, воспоминаниями и дневниками, посвященными событиям первой мировой войны[20]. В частности, главным источником при создании романа «Брусиловский прорыв» служила периодика. Автор выстраивал события в произведении согласно сводкам с фронта, опубликованным в газете «Русское слово» за 1916 год. После переработки романа в двухтомник Сергеев-Ценский дополнил его фактами, полученными от очевидцев событий: военного корреспондента газеты «Русские ведомости» Н.С. Каржанского[21] и адъютанта Безобразова, в будущем писателя А.Н. Степанова[22]. Аналогичную кропотливую работу проделал Ю. Слезкин, работая над эпопеей «Отречение». Замысел произведения родился при просмотре писателем дневника участника первой мировой войны инженера С.П. Зверинцева, который в 1927 году автор презентовал Слезкину, как почитатель его таланта[23]. Литератор работал в фондах Музея Революции, где изучил весь рукописный материал за 1915–1916 годы и просмотрел эмигрантские газеты, журналы и сборники[24]. Также писатель ознакомился с документами Военного архива Лефортовского замка[25].

При работе с историческими источниками писатели «утопали» во множестве событий и фактов, каждый из которых был по-своему важен. Данное обстоятельство вело к увеличению объема произведения. Были случаи, когда автор, дабы сократить произведение, несколько раз менял его тему и структуру. Актуальной проблемой для литераторов была степень следования за историческим документом. Причем вопрос решался по-разному. Документ, как правило, подчиняли общему построению произведения (перерабатывали и вплетали в контекст), но в некоторых случаях авторы прибегали к его цитированию, порой на нескольких страницах своего труда. Оба варианта как нельзя лучше подходили для формирования образа первой мировой войны.

В отдельных случаях, когда авторам было сложно разобраться с противоречивым историческим материалом, они обращались к влиятельным партийным

и военным чинам за консультативно-мемуарной помощью. Например, Слезкин искал аудиенции у И.В. Сталина[26] и наркома обороны К. Ворошилова[27].

Законченную рукопись писатель отправлял в издательства и редакции литературно-художественых журналов. Выпуском книг о первой мировой войне занимались центральные издательства «Федерация»[28], «Советская литература», «Советский писатель», военно-художественный отдел Государственного издательства художественной литературы. Отрывки из произведений печатали журналы «ЛОКАФ», «Знамя», «Звезда», «Октябрь», «Новый мир» и др. центральные и периферийные издания. Причем рукопись бралась на рецензию только в том случае, если портфель редакции или издательства не был перегружен рукописями аналогичной тематики. С момента принятия произведения на рецензию начинался длительный и мучительный процесс сокращений и переделок. Рукопись просеивалась через лексическое, историческое, идеологическое и политическое сита. Первым с рукописью, как правило, знакомился уполномоченный Главлита в лице политредактора издательства или журнала. Свой отзыв рецензент предоставлял заведующему издательством или редактору. В случае отказа писателю высылалась рукопись с приложенным извещением. В последнем указывалась причина, по которой рукопись не может быть напечатана в данном издательстве. Так, в отзыве редакции «Федерация» о первой чисти романа Слезкина «Отречение» рецензент поставил автору в вину «антимарксистский подход в постановке задачи романа, так как всех героев показывает вне классовой практики — именно так в общечеловеческом аспекте»[29]. С политической точки зрения произведение было признано неудовлетворительным, так как в нём «...о пролетариате упоминается лишь вскользь, как о народе новом, появившемся на территории международной индустрии... а шедшая в эти годы политическая борьба не получила никакого отражения»[30]. В завершение, политредактор указал Слезкину на чрезмерное употребление «исторических справок» и «политических переговоров»[31]. Однако острому критическому отзыву сопутствовала высокая оценка литературного таланта писателя.

Принятая издательством рукопись с пометами политработника отдавалась литератору на доработку. При желании писатель мог лично ознакомиться с отзывом, договорившись с редактором издательства о встрече. Получив рецензию, писатели, как правило, спешили исправлять указанные «ошибки». В случае, когда литератор не мог самостоятельно переработать роман до нужного размера и содержания, издательство предлагало в помощь редактора. Он давал автору рекомендации, а в отдельных случаях собственноручно вносил изменения. Так называемые «соавторы» старались убрать все «острые углы» в произведении, дабы наверняка избежать возможных ошибок: «Явно калечится роман — оглаживается, вылизывается, чтобы ни одного острого угла не осталось»[32]. После совместной правки рукопись опять перечитывалась политредактором издательства и за отсутствием претензий сдавалась в производство. После поступления в типографию её еще раз проверял уполномоченный Главлита. Если он находил в романе «сомнительные» места, то рукопись опять возвращалась автору на доработку. Так, Слезкину было «рекомендовано» убрать из романа главы о Г. Распутине, так как нельзя «советскому писателю касаться таких тем»[33].

С июня 1934 года, когда Сталин внес существенные изменения в историческую концепцию первой мировой войны, ЦК дал соответствующие указания Главлиту. Проинформированные политредактора снимали произведения с производства и с соответствующими указаниями отдавали заведующему издательством. Последний при проверке романа прибегал к помощи историка из Коммунистической академии, который выявлял в тексте романа исторические «ошибки»[34]. Очередная проверка произведения вызывала возмущение среди литераторов: «Можно подумать, что я дал не роман, — сокрушался Слезкин, — а учебник по истории войны!»[35]. Проверенный специалистом и исправленный автором текст вновь направлялся в типографию и сдавался в набор. В свою очередь, издательство заключало с автором договор, где оговаривались размер гонорара, тираж произведения и т.д.

Тема первой мировой войны требовала масштабного изложения. Поэтому авторы стремились заключить договор с издательством на последующие части романов. Дальнейший союз обеспечивал писателя стабильным заработком. Для этого литератор определял тему и составлял «конспект» будущего произведения. Если главного редактора устраивала идея будущего романа, а, в сущности, отвечала тематическим предпочтениям ЦК, то с писателем заключался договор. В нем оговаривались сроки сдачи произведения и сумма гонорара.

Несмотря на длительную и сложную процедуру рецензирования произведения, главным цензором был сам И. Сталин. Отпечатанный в типографии экземпляр произведения отправлялся Главлитом в 5-ю часть Особого сектора, который с 1934 года был личной канцелярией вождя. Именно его решение могло повлиять на судьбу не только произведения, но и автора. Например, известно, что Сталин благоволил к Л. Соболеву. Его «Капитальный ремонт» был признан вождем одним из лучших романов о первой мировой войне[36]. В своих воспоминаниях писатель И. Эренбург дал точную характеристику сложившейся ситуации: «При Сталине все было просто: нужно было только узнать, как он отнесся к той или иной книге [...] судьба не только книги, но и автора зависела от прихоти одного человека»[37].

Новый внешнеполитический курс, взятый на улучшение советско-германских отношений в августе 1939 года, внес свои изменения в трактовку мирового противостояния. Невозможность ни открыто поддерживать антифашистские настроения в обществе, ни подавлять их в преддверии вероятного конфликта с нацистской Германией, заставила советское руководство и пропагандистский аппарат искать окольные пути. Власть вновь использовала художественную литературу. Напряженные отношения советского государства с Англией и Францией позволили обратить внимание пропаганды на помощь, оказанную Россией союзникам в первой мировой войне. Осенью 1939 года в свет вышел сборник художественных произведений, посвященный 25-летию мирового конфликта[38]. В предисловии была дана краткая история империалистической войны, где акцент был сделан на освещение событий, происходивших на восточном (русском) фронте. Шаблонные сюжеты разоблачения предательства российского командования, тягот фронтовой жизни, рост революционных настроений в армии разбавили темы предательства союзной дипломатии и самоотверженного сопротивления русских солдат. Российская армия была пред-

ставлена как спасительница союзных держав от разгрома противником. Такая трактовка сделала возможным героизацию некоторых эпизодов минувшего военного конфликта. Литераторами выделяется фигура генерала Брусилова, под чьим руководством в июне 1916 года на Юго-Западном фронте была блестяще проведена наступательная операция. Его заслуги признаются значимыми, а персона претендует на зачисление в ранг «талантливого полководца». Например, помещенный в сборнике рассказ Ю. Вебера «Брусиловский прорыв», героизировал усилия русских солдат, проявленные в борьбе с австро-венгеро-германским противником. Не делая резких выпадов, произведение констатировало храбрость Брусиловской армии, гуманное отношение к военнопленным, трусость противника и успешные результаты проведенной операции. Это не единственное на тот момент обращение к образу Брусилова. В романе «Солдаты» Т. Дубинская в контексте подготовки наступления русских армий в июле 1917 года представляет Брусилова как «отважного полководца» и говорит о непререкаемом авторитете его среди солдатской массы: «*Начало его речи солдаты встретили громовым ура. Он сказал только, что ему будет тяжело и больно потерять веру в силу могучей русской армии*»[39]. Таким образом, тема Брусиловского прорыва пришлась как нельзя кстати: с одной стороны, он служил напоминанием о долге «союзников» перед русской армией (что вписывалось в рамки нового внешнеполитического курса и способствовало формированию патриотизма), с другой прославлял героизм русских солдат. Все это не выходило за рамки прочно утвердившегося классового подхода к событиям первой мировой войны. Таким образом, в условиях быстро меняющейся внешнеполитической обстановки конца 1930-х годов писателями был сделан первый шаг к трансформации трагической концепции первой мировой войны в сторону героизации действий царской армии.

Текущим и заключительным этапом литературного процесса была презентация произведения потенциальной читательской аудитории. По мере написания романа в литературно-художественных журналах публиковали наиболее яркие его главы. О выходе произведения оповещала читателя «Литературная газета». Далее следовали рецензии в разделе критики литературно-художественных журналов. Помимо статей штатных критиков в периодике помещались отзывы о новых романах рядовых читателей.

Таким образом, советская власть установила жесткий контроль над художественной литературой, видя в ней эффективное средство воздействия на общественное сознание. В 1930-е годы художественная литература являлась частью огромного пропагандистского механизма. Советские писатели рассматривались властью как отряд идеологических бойцов, а созданные ими произведения служили «верным оружием» для защиты государства от внешних врагов. Тотальный контроль над литературным процессом приносил вред художественной оригинальности произведения. Не случайно писатель Юрий Слезкин сокрушался в дневнике: «Один вид рукописи чего стоит! На ней следы десятка рук и почерков. Если в ГИХЛ[40]е её перепишут — я попрошу этот боевой экземпляр себе, как реликвию»[41]. Однако писатели пытались соответствовать внутри- и внешнеполитической конъюнктуре и стремились угодить сталинским вкусам. В процессе написания произведения создавался образ первой мировой

войны, полностью соответствующий идеологическим канонам. Сам вождь принимал участие в утверждении тематических планов и прочитывал каждое выходящее в свет произведение.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Среди них: *Войтоловский В.* 1914 и 1915 год. Л., 1928; *Чемоданов Г.* Последние дни царской армии. М., 1926; *Шолохов М.* Тихий Дон. М., 1929.
2. *Свирин Н.* Литература и война. М., 1932. С. 16.
3. Вопрос о создании литературного объединения, которое бы занялось пополнением советской литературы произведениями военной тематики, поставила образовавшаяся в середине июня 1930 года инициативная группа. В её состав входили такие писатели, как Д. Бедный, Вс. Вишневский, Янка Купала, Н. Свирин, В. Ставский и др., а также представители армейского руководства и общественные деятели. На страницах центральных газет она обратилась ко всем советским писателям консолидировать свои силы. Литераторы незамедлительно откликнулись на призыв. Оформление ЛОКАФ состоялось уже в конце июля 1930 года в московском Центральном доме Красной армии, на организационном собрании, где присутствовали писатели, представители военной печати, делегаты проходившего тогда же 2-го всеармейского агитпропсовещания и делегаты военных литкружков.
4. *Берцов П.* Писатели и оборона. М., 1933. С. 9.
5. Четырнадцатилетним мальчишкой убежал добровольцем на фронт. Вначале был юнгой на балтийском флоте, затем служил в Гвардии старшиной разведки. За проявленное мужество был награжден тремя Георгиевскими наградами.
6. Создатель и первый редактор литературно-художественного журнала «Красная новь» (1921–1927 гг.).
7. Прапорщик Александр Зуев с 1916 года воевал на Западном фронте.
8. Окончив три курса университета пошел вольноопределяющимся на фронт. В декабре 1917 года по причине болезни уволился из армии в чине прапорщика.
9. Начиная свой боевой путь солдатом, Дмитрий Оськин окончание первой мировой войны встретил уже в чине штабс-капитана. За проявленный героизм был награжден Георгиевскими крестами.
10. Участник первой мировой войны. Прошел австрийский плен.
11. В 1914 году ушел добровольцем на фронт. С 1915–1918 гг. воевал в гусарском полку, был контужен.
12. Вечер десятилетия войны в клубах молодежи. М., 1924; ВКП(б). Центральный Комитет Агитационно-пропагандистский отдел: Десятилетие мировой войны. Тезисы Агитпропа ЦК РКП для агитаторов. Б.м. 1924; Десятилетие мировой войны (Материалы для агитаторов) / Агитпроп ЦК РКП. М., 1924; К десятилетию империалистической войны. Материалы для агитаторов. Екатеринбург, 1924.; *Гришин М.И.* Помни о войне! Сборник. М., 1924; Десятилетие мировой войны. Сборник-хрестоматия / Сост. *Серебрянский З.М.,* 1924; 10 лет, 1914–1924. Харьков. 1924; Империалистическая война. Её причины и следствия: Сборник статей / Под ред. *Шелавина К.* Л., 1924; Империалистическая война (К десятой годовщине). Материалы для рабочих, красноармейцев и школьных клубов. Л., 1924; *Лузгин М.* Долой империалистические войны и социал преподавателей. М., 1924; *Муценек Я.Я.* От войны империалистической к войне гражданской. Екатеринослав. 1925; Заговор против мира. Как была развязана империалистическая война 1914 г. Факты и документы. М., 1934. и др.

13. *Вишневский Вс.* Война. М., 1930; *Дубинская-Куликовская Т.Д.* В окопах. М., 1930; *Кацов Л.В.* Сквозь плен. М., 1930; *Левин К.* За колючей проволокой. М., 1931; *Оськин Д.П.* Записки прапорщика. М., 1931; *Тихонов Н.* Война. Л., 1930; *Падучев В.* Записки нижнего чина. М., 1931; *Арамилев А.* В дыму войны. М., 1930; *Воронский А.* Глаз урагана. М., 1930; *Макарьев И.* Мир подписан. М., 1931; *Лебеденко А.* Тяжелый дивизион. Т. 1. Л., 1932; *он же.* Тяжелый дивизион. Т. 2. Л., 1933; *Соболев Л.* Капитальный ремонт. М., 1933.
14. РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 16. Д. 40. Л. 69.
15. РГАЛИ. Ф. 602. Оп. 1. Д. 1554. Л. 3.
16. Крепите оборонную литературу! // Литературная газета. 1934. 10 сентября.
17. РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 16. Д. 40. Л. 69.
18. *Блюм А.В.* Советская цензура в эпоху тотального террора. 1929–1953 гг. СПб., 2000. С. 61.
19. Главное управление по делам литературы и издательств (1922–1991).
20. РГАЛИ. Ф. 1161. Оп. 1. Д. 31. ЛЛ. 15-20.
21. В своих письмах Каржанский делился воспоминаниями о днях проведенных в Ставки и на Юго-Западном фронте. Рассказывал о Брусилове, с которым имел несколько доверительных бесед. А также для обогащения романа предлагал писателю документы, сохранившиеся с той поры. (РГАЛИ. Ф. 1161. Оп. 1. Д. 494. ЛЛ. 1-4).
22. Указывал Сергееву-Ценскому на исторические ошибки и неточности в романе. Для их устранения предлагал свои дневники за 1914–1917 гг. (РГАЛИ Ф. 1161. Оп. 1. Д. 563. ЛЛ. 6-7).
23. РГАЛИ Ф. 1384. Оп. 2. Д. 209. Л.1.
24. ОР РГБ. Ф. 801. Оп. 1. Д. 4. Л. 110 об.
25. В настоящее время Российский государственный военно-исторический архив. ОР РГБ. Ф. 801. Оп. 1. Д. 10. Л. 33.
26. ОР РГБ. Ф. 801. Оп. 1. Д. 5. ЛЛ. 11.
27. ОР РГБ. Ф. 801. Оп. 1. Д. 10. Л. 67.
28. Издательство «Федерация» в 1933 году было переименовано в издательство «Советская литература».
29. РГАЛИ Ф. 1384. Оп. 2. Д. 8. ЛЛ. 8-10.
30. РГАЛИ Ф. 1384. Оп. 2. Д. 8. Л. 14.
31. РГАЛИ Ф. 1384. Оп. 2. Д. 8. Л. 15.
32. ОР РГБ Ф. 801. Оп. 1. Д. 5. Л. 36.
33. ОР РГБ Ф. 801. Оп. 1. Д. 4. Л. 130.
34. ОР РГБ. Ф. 801. Оп. 1. Д. 4. Л. 123 об.
35. ОР РГБ. Ф. 801. Оп. 1. Д. 4. Л. 111.
36. Об этом свидетельствует записка Сталина, в которой он одернул председателя Союза писателей В. Ставского: «Он бесспорно, крупный талант (судя по его книги «Капитальный ремонт»)... Пусть пишет, что хочет и когда хочет». (*Сталин И.* Сочинения. Т. 18. Тверь. 2006. С. 116.).
37. *Эренбург И. Г.* Люди, годы, жизнь. Т. 2. М., 1990. С. 269.
38. Война. К 25-летию мировой войны 1914–1918 / Пред. О.Цехновицер. Л., 1939.
39. *Дубинская Т.* Солдаты. М., 1939. С. 113.
40. Государственное издательство художественной литературы.
41. ОР РГБ. Ф. 801. Оп. 1. Д. 4. Л. 127 об.

LITERARY PROCESS OF 1930-s AS MEANS OF FORMATION AND PROPAGATION OF THE FIRST WORLD WAR IMAGE

O.Yu. Starodubova

The Soviet authority exerted rigid control over fiction, seeing it as effective means of influence on public consciousness. In 1930-s the fiction was a part of the huge propaganda mechanism. The Soviet writers were considered by authority as a group of ideological fighters, and the works created by them served as «true weapon» to protect the state against external enemies. The process of making those propaganda «weapons» was aimed at creating the image of the First World War completely corresponding to ideological canons.

© 2008 г.

Н.Н. Макарова

ИЗ ИСТОРИИ ПОВСЕДНЕВНОЙ ЖИЗНИ СОВЕТСКОГО ГОРОДА: ДОСУГ МАГНИТОГОРЦЕВ (1929–1935)

Свободное время, его объем и содержание являются показателями культурных ориентиров населения и оказывают значительное влияние на представления и поведенческие реакции людей. Свободное время человека является наиболее ценным объектом изучения повседневной жизни населения, поскольку именно в свободное от работы время люди совершают действия, важные для них сами по себе. Аргументом в пользу суждений о важности досуга в повседневной жизни населения является особое внимание советской власти, уделяемое вопросам организации и попыткам регулирования досуга. Одним из основных регуляторов досуга населения стало законодательство. Декрет о восьмичасовом рабочем дне фактически стал гарантией о наличии у горожан 16–18 часов, свободных от трудовой деятельности[1].

Свободное время населения власть стремилась использовать для воспитания нового человека — человека социалистического общества, патриота, труженика, борца за справедливость. Магнитогорск стал ярким примером нового образа жизни для всего Советского Союза, в том числе и в плане организации досуга. Но специфический контингент населения города[2], первостепенная задача возведения металлургического комбината и значительные материальные трудности концентрировали внимание на формировании элементарного уровня культуры у магнитогорцев. Заметим, что особое внимание власти города уделяли развитию досуга детей и подростков, которым отводилась ответственная роль строителей светлого будущего. Необходимым представлялось, чтобы каждый стремился проводить свое свободное время коллективно. Главным условием для такого коллективного времяпрепровождения виделось предоставление возможностей.

Развертывание работ по культурному строительству в Магнитогорске началось с момента организации Горсовета в сентябре 1930 г.[3]. До этого времени, несмотря на то, что строительство металлургического завода и города имело более чем годовую историю, а население города составляло около 30 тысяч человек[4], сеть культурных учреждений практически отсутствовала[5].

Попытка классифицировать все виды досуга, имевшие место в Магнитогорске, предпринимается впервые и не претендует на всесторонность. Мы попытаемся выявить основные формы времяпрепровождения горожанами. В Магнитогорске преобладали следующие формы досуга: культурно-массовые (театр, кино, цирк, клубы), спортивно — массовые (физическая культура и спорт), массово-развлекательные (прогулки, танцы) мероприятия, детский отдых (пионерские лагеря, детские площадки, кружки) и культурно-индивидуальный / массовый досуг (чтение, поэзия, самодеятельность).

Клубы в Магнитогорске появились в 1930 г. Исследователи определяют клуб в советскую эпоху как сложившийся в условиях социализма специфический общественный институт, осуществляющий путем передачи информации и средствами общения воспитание, просвещение, развитие творческих способностей и отдых большой разнородной аудитории в соответствии с установками и задачами социалистического общества[6]. По данным магнитогорского городского архива, в городе на 1 сентября 1930 г. было два клуба временного типа, 1 января 1931 г. — три, а к началу 1932 г. планировалось открыть еще один клуб[7]. Клубы временного типа представляли собой здания — бараки примитивной конструкции, которые даже в большинстве случаев не отапливались. К тому же клубов было настолько мало, что горожане не могли попасть на мероприятия, организованные Горсоветом или Гороно. В книге Николая Маркевича «Рождение гиганта» достаточно объективно зарисована ситуация свободного времяпровождения рабочими после трудового дня: «В бараке грязь и вечный шум. Высоко подвешенная лампочка не дает читать... Клуб вмещает 300 человек, а на строительстве до 15 тысяч[8] человек. По вечерам из грязных барачных углов выползают сплетни, похабные анекдоты и песни, они топят ростки нового»[9]. Фактически магнитогорские клубы не могли обслуживать население города. Стоит отметить, что сеть клубов по Уралу также не отвечала потребностям населения. По данным за 1932 г., на Урале в имеющихся 329 клубах зрительный зал в среднем рассчитан на 267 мест, а для кружковой работы отведено не более трех комнат[10]. По данным на 1 января 1934 г., в Магнитогорске действовала сеть клубов, включавшая 16 учреждений. Располагались клубы на территории города таким образом, чтобы охватить влиянием как можно большее число магнитогорцев[11].

Основными задачами, которые должны были выполнять клубы, представлялись коммунистическое воспитание, поднятие культурного уровня трудящихся, помощь партийным и общественным организациям, распространение опыта передовиков и пропаганда. Несомненно, что все названные задачи пытались реализовывать в магнитогорских клубах, однако популярность последних среди населения Магнитогорска и постоянные жалобы на недостаточность клубов объяснялась отсутствием альтернативы. Именно клубы нового индустриального центра осуществляли показ кинофильмов, театральных постановок, прово-

дили танцы и т.п. В целом культурная жизнь магнитогорцев была сосредоточена вокруг клуба.

Значительная роль в деле воспитания нового человека советского типа отводилась таким традиционным формам досуга, как кино и театр. Огромное значение советская власть придавала *кинематографу*, который, по ее мнению, должен был укреплять советскую идеологию. Популярность кино среди населения, его способность сильно и эмоционально воздействовать на зрителей, по словам И.Б. Орлова, побудили большевиков к активному его включению в процесс воспитания населения и глорификации достижений советской власти. В целом советское киноискусство развивалось быстро, росло число киноустановок и в Магнитогорске. По данным на 1930–1931 гг., в городе было 34 киноустановки, из которых 11 являлись стационарными, 23 — передвижными. В 1932 г. планировалось открытие еще 20 кинообъектов. Однако имеющиеся кинооборудование практически не использовалось в Магнитогорске. Киноустановки работали всего на 25 % от возможной мощности[12]. Подобная ситуация объяснялась, с одной стороны, плохой организаций поставок кинолент в город на начальных этапах, с другой стороны, слабой информированностью населения о новинках кино. Если учесть численность населения города в 1931 г., то имеющиеся киноустановки не могли удовлетворять потребности всех горожан. При полном использовании кинооборудования каждый житель города мог посещать кино не более одного раза в месяц[13]. Постройка специального здания под кинотеатр с повестки дня не снималась. Исполнительный комитет Магнитогорска неоднократно обсуждал вопрос о необходимости строительства звукового кинотеатра. В результате в апреле 1932 г. был открыт кинотеатр «Магнит». Со временем показатели кинопроката улучшились в основном за счет нормализации работы киноустановок и отсутствия простоев. В 1934 г. в городе действовал кинотеатр «Магнит» с двумя кинозалами, две стационарных киноустановки в клубах «Горняк» и ГПУ и 10 передвижных киноустановок при городских клубах[14].

В Магнитогорске демонстрировали фильмы двух типов — способствовавшие укреплению «классового самосознания рабочих» и укоренению советской мифологии в сознании населения, и учебно-развивающие фильмы. Последние должны были способствовать формированию у населения элементарной культуры. Учебно-развивающие фильмы «обучали» горожан водным процедурам, методам борьбы с клопами и другими вредными насекомыми, демонстрировали примеры здорового образа жизни и культурного времяпрепровождения. В частности, в Магнитогорске показывали фильмы «Борьба с насекомыми»[15], «Водные процедуры»[16]. Заметим, что горожан на подобные киносеансы водили строго организованно под контролем партийных и комсомольских работников. Население не испытывало тяги к просмотру учебных кинофильмов, поэтому достаточно часто магнитогорцев снимали с работы для коллективного посещения кино. Однако именно эти кинофильмы должны были формировать так называемый базовый уровень культуры — привычки мыться с мылом, чистить зубы и не плевать на пол[17].

Билеты на художественные фильмы горожане также не всегда стремились покупать по собственной инициативе. Возможно, бюджет магнитогорцев просто не позволял регулярно посещать кинотеатр[18]. В большинстве случаев биле-

ты в кино магнитогорцы получали в качестве награды за ударную работу и перевыполнение плана. Практиковали также коллективные походы в кинотеатр «всем бараком»[19]. Во время организации городских праздников культуры[20] билеты в кинотеатры распространялись бесплатно через профсоюзы[21]. Но в целом интерес горожан к художественным фильмам был выше, несмотря на то, что большинство кинофильмов были немыми. В Магнитогорске демонстрировались новинки кинопроката — «Первая и последняя»[22] , «Перегон смерти», «Невероятно, но факт»[23], «Разгром»[24], «Мать»[25], «Белый орел»[26], «Кармелюк»[27], «Тихий Дон»[28], «Город под ударом»[29], «Конвейер смерти»[30], «Великий утешитель»[31] и др. Заметим, что разные кинофильмы демонстрировали одновременно, т.е. у горожан был выбор, на какой киносеанс пойти. Например, 6 июля 1933 г. в кинотеатре «Магнит» в большом зале демонстрировались фильмы «Перегон смерти» и «Невероятно, но факт», в малом зале — «В тайгу за метеором»; в поселке Магнитный шел художественный фильм «Гаджи Кара», в клубе ЦЭСа — «Девушка с дальней реки»[32]. Наибольшей популярностью пользовались звуковые художественные фильмы комедийного жанра, гремевшие в первой половине 1930-х гг. по всему Советскому Союзу. Кинокартинам был не только присущ жизнеутверждающий юмор, сатира на бюрократизм, волокиту, но они выполняли социальную и художественную роль, формируя вкусы зрителей, стереотипы поведения.

Среди фильмов, задачей которых было воспитание и укрепление самосознания рабочих, особое место занимали хроникально-документальные фильмы о Магнитогорске. В первые годы строительства завода и города на Магнитострое часто бывали киноэкспедиции. В частности, в начале 1930-х гг. в Магнитогорске работали съемочные группы Уралсовкинохроники и Союзкинохроники. Только что отснятые фильмы демонстрировались строителям, пропагандируя опыт передовиков и достижения ударников. Наиболее известным стал документальный фильм об ускоренных темпах строительства «Сталь в срок», который демонстрировали рабочим в бараке[33]. В прокатном фонде Магнитогорска в основном были кинокартины советского производства. Незначительную часть кинокартин составляли фильмы иностранного производства (не более 5 %).

Сеть зрелищных организаций в Магнитогорске включала в себя драматический театр на 640 мест, цирк на 2200 мест, театр малых форм на 250 мест. Учитывая численность населения города, на каждого магнитогорца приходилось не более 1 посещения одного из указанных культурных заведений в два месяца, что, по мнению Горсвета, было «явно недостаточно»[34]. Кроме того, все здания были либо временного типа, либо недостроены. Так, временное здание театра предполагалось снести в начале 1932 г. *Цирк*, несмотря на то, что здание недостроено, — «имеющийся цирк до сих пор не закончен стройкой полностью, нет отопления, штукатурки»[35], — принял за период с 1 июня по 1 декабря 1931 г. 183000 зрителей. Со временем здание цирка было достроено, был возведен второй этаж, на котором предполагалось разместить ресторан, комнату матери и ребенка, детскую комнату, шахматно-шашечную, библиотеку-читальню, комнату выставок, киоски ОГИЗа[36]. К цирку, как и ко всем зрелищным организациям, предъявлялось требование нести в массы политические идеи, дисциплинировать моло-

дежь, воспитывать ее, осмеивать халтуру и рвачество на производстве и в быту. В «Магнитогорском рабочем» печатались статьи, приветствовавшие инициативу в деле «политической сатиры». Так, об артисте В. Лазаренко говорилось: «Это не только первоклассный цирковой артист, прекрасный прыгун, талантливый клоун, но и политический сатирик на арене цирка, который заставляет зрителей смеяться и вооружаться для дальнейшей борьбы с лжеударниками, лодырями и летунами»[37]. Цирк представлял не только традиционные программы, но и создавал при помощи трамовцев постановки, наибольшей популярностью среди которых пользовалась постановка «Штурм Перекопа»: «...Оружейных выстрелов и пушечных залпов было настолько много, что к концу постановки получилось нечто вроде дымовой завесы. Мы можем вполне поручиться, что каждый гражданин, побывавший на постановке... ''понюхал пороху''...»[38]. Несмотря на столь значительную идеологическую нагрузку, цирк оставался любимым местом развлечения магнитогорских детей и подростков. Коллективные походы в цирк в первой половине 1930-х гг. имели широкое распространение.

Рождение *театрального искусства* в городе относится к 1930 г., когда в Магнитогорск по путевке ВЛКСМ прибыли молодые режиссеры М. Арш и З. Лебидинская. В городе предпринимались попытки создания самодеятельных коллективов театра «Синей блузы» и ТРАМа. В протоколе № 4 заседания горкома ВКП(б) от 26 августа 1931 г. отражены решения о необходимости создания в городе театра рабочей молодежи и о его качественном снабжении. ГорОНО заключал специальные договоры о принятии на работу в качестве организаторов самодеятельной театральной работы специалистов из Москвы и Ленинграда[39]. В 1931 г. на базе агитбригады был создан ТРАМ. Его руководителями были назначены М. Арш и З. Лебидинская[40]. Первым большим спектаклем молодого театра была пьеса «Армия мира» Ю. Никулина. У театра не было своего помещения, поэтому он работал на разных сценических площадках городских клубов. Осенью 1937 г. на базе ТРАМа был создан драматический театр имени А.С. Пушкина[41].

Театр также являлся пропагандистом идеологии советского государства. ТРАМ занимался постановкой не крупных спектаклей, а представлял так называемые малые формы: куплеты, водевили и миниатюры. Наибольший резонанс получили постановки «Военизированный комсомол», «На генеральный путь», «За культбарак», «Паразиты»[42], названия которых говорят сами за себя. Театр, однако, не пользовался популярностью среди населения. Незначительный период в Магнитогорске работал ТЮЗ[43].

Среди массовых мероприятий как форм досуга населения значительное внимание уделялось *физкультуре и спорту*. Первые физкультурно-спортивные общества в Магнитогорске были организованы в 1932–1934 гг. Наиболее известным спортивным объединением было объединение физкультуры и здоровья «Магнит», существующее в городе и в настоящее время. В Магнитогорске регулярно организовывали лыжные кроссы, как среди рабочих различных предприятий города, так и среди школьников[44]. Стоит отметить, что подобные мероприятия в Магнитогорске проводились регулярно. Спорту и физкультурному движению в городе придавали большое значение. Горожанам пытались прививать идеи здорового образа жизни, пытались проводить регулярные утренние

зарядки. К тому же спорт и физкультура рассматривались как наиболее целесообразная форма отдыха и досуга населения: «...формы отдыха... могут быть налажены таким образом, чтобы давать максимум полезного отдыха утомленным за время работы частям организма и в то же время представлять собой значительную воспитательную ценность... организованная физкультура — воспитательна и выгодна с точки зрения общественной гигиены»[45]. Однако поставленные цели не всегда достигались. Условия жизни и труда зачастую не позволяли проводить гимнастику. Исключение в этом случаи составляли образцовые бараки, в которых проживали комсомольцы и коммунисты. Они своим примером показывали пример здорового образа жизни[46].

Среди наиболее любимых и распространенных видов досуга у магнитогорцев были *прогулки* на озере Банное в летнее время и *танцы* на танцплощадках и в клубах города. Обычно танцы начинались после проведения киносеансов или собраний. Местные газеты сообщали о прогулках рабочих на озере, о конкурсах, проходивших на территории базы отдыха, о танцплощадках и оркестрах. Для магнитогорцев организовывали базы отдыха, санатории и дачные поселки, начиная с 1932 г. Именно на территории загородных дач и санаториев горожане и предпочитали совершать прогулки, вдали от городского шума. Основными базами отдыха являлись дачи на озере Банное, станции Джабык и Карагайский бор. Стоит отметить, что не все магнитогорцы могли получить путевку в санаторий. Право отдыхать в подобных санаториях имели исключительно инженерно-технические кадры, квалифицированные специалисты и рабочие ударники[47]. Вечерние прогулки по городским паркам или же просто по улицам города были достаточно распространенным видом досуга в Советском Союзе в 1920–1930-е гг. Однако магнитогорцы были лишены возможности совершать пешие прогулки: сказывалось отсутствие дорог и освещения улиц в городе в первой половине 1930-х гг.

Примечательно, что на начальном этапе детское население Магнитогорска практически не учитывалось при организации культурно-массовых мероприятий. «Для детей нет ни единого специально построенного культучреждения»[48]. Говорилось о необходимости создания при каждом клубе в городе специальных комнат для детей. В «Магнитогорском рабочем» также публиковались статьи о недостатках внешкольной работы с детьми[49]. Структура детского времяпрепровождения в Магнитогорске была строго регламентирована. Объяснялось это не только необходимостью для детей соблюдать режим дня, но и желанием властей города оградить детей и подростков от вредного влияния. Заведующий горОНО предлагал увеличить время пребывания детей в школе, «чем отправлять их в неблагоустроенный барак»[50]. В результате принятых мер дети города все свободное от учебы время проводило на внешкольных мероприятиях: конкурсы, олимпиады, сдача культурных нормативов, отдых в летних пионерских лагерях[51]. Последние были традиционной формой досуга детей и подростков в летнее время. Обеспечением *лагерей* продуктами питания и ремонтом помещений занимался Челябинский областной отдел народного образования[52], а финансирование детского отдыха формировалось из нескольких источников: средства профсоюзов, горсовета и родителей[53]. Однако проверка детских учреждений в июне 1934 г. выявила множественные нарушения санитарных норм и

оценила условия проживания детей как неудовлетворительные[54]. Тем не менее стремление поехать летом в лагерь у магнитогорских школьников было огромным. Одновременно и родители пытались достать путевки в лагерь для своих чад. Объяснялось это тем, что летом в условиях масштабного строительства в городе было слишком пыльно, школы прекращали деятельность и дети фактически оставались без присмотра, а пионерские лагеря располагались в более экологически чистых районах (Анненск, Великопетровка, Верхнеуральск). Кроме того, с детьми проводились оздоровительные мероприятия. Получить путевку в пионерский лагерь было не просто. Из 10000 детей в 1934 г. в лагере отдохнули только 3000 школьников, для остальных в Магнитогорске создали специальные детские площадки. Распределение путевок осуществлялось в соответствии с заслугами родителей — в первую очередь путевки получали ударники[55]. Во всех формах детского досуга и самодеятельности сказывалось идеологическое воспитание.

Самодеятельность пытались развивать и среди взрослого населения города. В начале 1930-х гг. в силу разнообразных причин массовая самодеятельность не получила широкого распространения. Влияние оказывали сложности бытового характера, значительная текучесть рабочей силы, отсутствие специалистов-организаторов. Однако с 1934–1935 гг. самодеятельность в Магнитогорске начала активно развиваться. Основным способом развития художественной самодеятельности в Магнитогорске стала организация кружковой работы в клубах и школах. Кружки были самые разнообразные: музыкальные (струнный, духовой), ритмический, драматический / театральный, кройки и шитья, литературный, метателей гранат и др. Из литературного кружка фактически сформировалась в 1930 г. литературная группа «Буксир». Кружковцы занимались не только творческой деятельностью. В силу незначительного числа культучреждений в Магнитогорске в целях идеологического воздействия на массы решено было задействовать организованную сеть кружков. Предполагалось охватить политико-воспитательной работой в кружках не менее 25 % рабочих города[56]. Столь амбициозные планы реализовать не удалось. В кружки преимущественно ходили дети и подростки, а рабочие отдавали предпочтение иным формам досуга. Причин тому было несколько: во-первых, несоответствие содержания кружковой работы запросам взрослого населения, во-вторых, нежелание большинства взрослого населения посещать непривычные для них кружки. Женщины предпочитали тратить свободное время на домашние дела и семью, значительная часть мужчин отдавала предпочтение традиционному времяпровождению — посещению питейных заведений. На собраниях рабочих довольно часто звучали фразы: «Я эти два дня пьянствовать буду...», «Я лучше... пьянствовать буду[57].

В связи с введением всеобщего обучения и стремлением ликвидировать неграмотность большое внимание было обращено на *библиотечное дело* в стране и в Магнитогорске в частности. Становление библиотечного дела в СССР сопровождалось значительными трудностями. Еще сложнее ситуация оказалась в городе-новостройке. Отсутствие помещений, квалифицированных кадров и, непосредственно, библиотечных фондов — серьезно затрудняли как доступ населения к литературе, так и использование библиотек в качестве орудия формирования коммунистического мировоззрения. Уровень доступа горожан к

книгам в 1930–1931 гг. был низким. Общий книжный фонд библиотек города на 1 августа 1931 г. составлял 100.000 экземпляров, в том числе книги технической библиотеки заводоуправления (ее литература была недоступна для массового читателя: «пользоваться библиотекой могут только сотрудники... Сотрудникам других учреждений книги выдаются с разрешения главного инженера или его заместителя»[58]). В городе в 1931 г. действовал один книжный магазин ОГИЗа с сетью киосков. За период с 1 января по 1 августа 1931 г. в городе было продано книг на сумму 150.000 рублей, т.е. каждый горожанин тратил на книги в месяц не более 13 копеек[59]. После изъятия из фондов библиотек всех изданий до 1926 г., принадлежащих перу оппозиционеров, эмигрантов, а также ряда произведений русской классической и зарубежной литературы в соответствии с инструкцией по отбору книг научно-исследовательского института детской литературы НКП РСФСР от 1932 г., фонд магнитогорских библиотек значительно истощился. Признавая неудовлетворительное состояние библиотечной сети, городскому отделу народного образования предлагалось обратить особое внимание на развертывание «массовой передвижной систематической работы в бараках и среди детей...»[60]. В рамках постановления горОНО от 23 марта 1932 г. в Магнитогорске предполагалось организовать детский коллектор, который должен был стать центром распространения литературы среди детей[61]. Уральская партийная организация требовала ликвидировать «книжный голод» на Урале и добиться по крайней мере наличия двух книг на жителя города[62]. К 1 января 1934 г. в Магнитогорске была развернута сеть библиотек, включавшая центральную городскую библиотеку и центральную детскую библиотеку на 5 участке, 7 библиотек при клубах и филиалы названных библиотек в каждом районе Магнитогорска[63]. Чтение как вид досуга магнитогорцев в начале 1930-х гг. было характерно прежде всего для детей и молодежи, включенных в общественную жизнь[64].

Кроме перечисленных форм досуга значительную роль в повседневной жизни горожан, а также в вопросах становления культурного строительства в Магнитогорске играли *средства массовой коммуникации*, среди которых первостепенная роль принадлежала прессе и радио. С помощью последних происходила широкомасштабная идеологическая пропаганда государственной политики, формировалось общественное мнение, создавались стереотипы. В Магнитогорске радиофикация и радиовещание, как и по всему Советскому Союзу, имели ряд преимуществ перед другими средствами массового воздействия[65]. *Радио* позволяло донести необходимую информацию широким слоям населения, включая безграмотных и малограмотных магнитогорцев. Трудности возникали в связи с нехваткой станций и приемных устройств. В Магнитогорске радио устанавливали в местах общественного пользования: в клубах, красных уголках, организованных непосредственно в бараках. «Газета без бумаги и расстояния»[66] становилась доступна широким массам населения. Техническая база радиовещания со временем возрастала. Так, на 1 января 1930 г. на Урале был 71 радиоузел и 16700 радиоточек. В Магнитогорске предполагалось к 1 января 1931 г. ввести в действие 5000 радиоточек[67]. Однако на 1 января 1932 г. на Урале работало 390 радиоузлов и 120 тысяч радиоустановок, из них в Магнитогорске — 1921[68]. Как видно, намеченные планы реализовать не удалось.

Периодическая печать — еще один источник массового воздействия. В Магнитогорске существовали значительные трудности в деле издания газет, однако, уже в 1929 г. активисты и комсомольцы издавали рукописную газету «Постройка гиганта»[69], а с 1 января 1930 г. регулярно выходила газета «Магнитогорский рабочий»[70]. По инициативе «молодежи Магнитки»[71], с 1 сентября 1930 г. в городе начала издаваться газета «Комсомольская правда на Магнитострое». По свидетельствам старожилов города, магнитогорцы не слишком охотно выписывали газеты, а использовали их преимущественно на самокрутки[72]. Многих горожан возмущало то, что цены на газеты, в частности на «Магнитогорский рабочий», не были фиксированными и постоянно возрастали[73].

Однако, несмотря на разнообразие форм и методов работы, магнитогорцы не всегда активно принимали участие в мероприятиях, организуемых городскими властями[74]. Как справедливо отмечает исследователь Н.Ю. Костюрина, творческая активность горожан зависела во многом от психологической направленности человека на творчество, в свою очередь, зависящей от удовлетворенности человека трудовой деятельностью, наличия семьи, детей, обеспеченности их яслями, жилищных и материальных условий[75]. Говоря о проведении досуга горожанами нельзя не упомянуть еще одну специфическую форму времяпрепровождения, которая всегда независимо от сложностей бытового характера присутствовала в жизни магнитогорцев — праздники в кругу родственников и друзей. Этот вид проведения досуга трудно включить в какую-либо схему, он не поддавался контролю со стороны властей, однако именно он в значительной мере показывает колорит жизни магнитогорцев в начале 1930-х гг. Все опрошенные нами старожилы Магнитогорска в первую очередь вспоминают именно такие дружеские и семейные посиделки, а не массовые праздники и демонстрации. Вместе собирались родственники, друзья, а чаще всего соседи и организовывали застолье. Поводом для торжества, как правило, становились праздники. При этом было неважно, что это был за праздник: старый религиозный или новый государственный, день рождения или перевыполнение плана. Как отмечают респонденты, главное, что был выходной день и желание собраться всем вместе.

В целом состояние культурного строительства в Магнитогорске оставляло желать лучшего. Не реализовывались намеченные планы, а художественно-зрелищная сеть не соответствовала постоянно возраставшему населению города. Основное внимание руководителей города было сосредоточено на решении вопросов строительства завода и основных бытовых объектов. Однако именно в период 1930-1935 гг. были заложены основные направления развития культурного строительства в Магнитогорске: развитие библиотечного дела и театра, совершенствование радиоустановок и увеличение киноустановок, а также возведение кинотеатра и массовое строительство клубов для рабочих Магнитостроя. Огромные массы рабочих были вовлечены в художественное творчество и другие формы массовой работы. Горожане, несмотря на значительные бытовые трудности, продолжали отдыхать и развлекаться, часто выходя из-под контроля официальной пропаганды. Результаты культурного строительства в Магнитогорске оказались далекими от планируемых, во-первых, в силу низкой востребованности отдельных форм организованного досуга, которые предполагали

уже воспитанный эстетический вкус и потребность в специфических формах деятельности, а главное — непреодолимым препятствием оказались материальные трудности.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Лебина Н.Б.* Повседневная жизнь советского города. Нормы и аномалии. 1920–1930-е гг. СПб., 1999. С. 236.
2. Население Магнитогорска было пестрым и, как впрочем население всего Советского Союза, было разделено на категории, каждая из которых имела или была лишена привилегий и льгот, характеризовалась особенностями восприятия происходивших событий.
3. МГА. Ф. 10. Оп. 1. Д. 9. Л. 110.
4. *Барышев А. А.* Здравоохранение Магнитогорска. Магнитогорск, 1977. С. 57.
5. Первая попытка создать базу для развертывания культурно-массовых мероприятий была предпринята 15 марта 1930 г., когда начальник «Востокосталь» И.В. Косиор издал соответствующий приказ. Однако качественных изменений не произошло. В конце 1930 г. в соответствии с постановлением поселкового совета от 26 июля 1930 г., а затем городского совета от 5 сентября 1930 г., начальник комбината Шмидт распорядился организовать необходимую сеть культурных учреждений (МГА. Ф. 4. Оп. 1. Д. 1. Л. 18). Весной 1931 г. на Магнитострое побывал нарком просвещения Бубнов и 10 апреля 1931 г. издал специальный приказ «О культработе на Магнитострое» (*Перель И.А.* Приказ УралОНО о культработе на Магнитострое от 14/IV-1931 // Просвещение на Урале. 1931. №3–4. С. 7.)
6. *Шеметило Р.К.* Рабочий клуб и развитие социальной активности трудящихся // Культура молодого социалистического города. Свердловск, 1972. С. 80 -91.
7. МГА. Ф. 10. Оп. 1. Д. 9. Л. 113.
8. Данные Н. Маркевича не соответствуют статистическим данным архивов. Официальная статистика зафиксировала 22 000 человек на строительстве в 1930 г.
9. *Маркевич Н.* Рождение гиганта. М., 1930. С. 22.
10. Культфронт Урала на подъеме / Под ред И.А. Переля. М.; Свердловск. 1981. С. 35.
11. Однако сохранялись районы, в которых отсутствовали не только клубы, но и радиоточки. Клубы организовывались при предприятиях или в определенном районе. Так, в 1934 г. в Магнитогорске работали «Клуб строй города», «Клуб кокса», «Клуб водостроя», «Клуб мартена», «Клуб проката», «Клуб доменного городка», «Клуб сантехстрой», «Клуб соцгорода», «Клуб Тукового», «Клуб ЦЭСа», «Клуб шамотно-динасового цеха», «Клуб 13 участка», «Клуб 1 участка», «Клуб КБО», «Клуб горняков», «Клуб ГПУ» (МГА. Ф. 16. Оп. 1. Д .13. Л. 77).
12. МГА. Ф. 10. Оп. 1. Д. 9. Л. 114.
13. Там же.
14. Там же. Ф. 16. Оп. 1. Д. 13. Л .77.
15. Там же. Ф. 12. Оп. 1а. Д. 3. Л. 20.
16. Там же.
17. Воспитание основ культуры у населения Магнитогорска проводилось также по средствам использования в учебных заведениях города тетрадей с соответствующими правилами поведения в обществе, правилами гигиены и т.п. На уроках физкультуры детей учили мыть руки, ноги и уши (МГА. Ф. 12. Оп. 1а. Д.1. Л.98 об.).
18. Воспоминания старожила города А.И. Чесноковой свидетельствуют об этом:

«В кино мы с родителями ходили один раз все вместе... Больше в кино не ходили, потому что было дорого» (Воспоминания Чесноковой А.И, 1924 г.р., записано в Магнитогорске Макаровой Н.Н. в 2008 г. Л. 10).

19. ГАСО. Ф. Р-233. Оп. 1. Д. 113. Л. 43.
20. Подобные мероприятия проходили в Магнитогорске ежегодно в течение нескольких дней. Главной целью данных празднеств стало привлечение населения в культурные учреждения.
21. МГА. Ф. 12. Оп. 1а. Д. 8. Л. 13.
22. Магнитогорский рабочий. 1933. 4 июля.
23. Там же. 6 июля.
24. Там же. 10 июля.
25. МГА. Ф. 12. Оп. 1а. Д. 3. Л. 20.
26. Магнитогорский рабочий. 1934. 6 января.
27. Там же. 8 января.
28. Там же. 9 января.
29. Там же. 20 января.
30. Там же. 23 января.
31. Там же. 26 января.
32. Магнитогорский рабочий. 1933. 6 июля.
33. Там же. С. 156.
34. МГА. Ф. 10. Оп. 1. Д. 9. Л. 115.
35. Там же. Д. 25. Л. 67.
36. Магнитогорский рабочий. 1934. 12 февраля.
37. Там же. 5 апреля.
38. Магнитогорский рабочий. 1933. 1 марта.
39. МГА. Ф. 12. Оп. 1а. Д. 5. Л. 21.
40. Постановление «О состоянии магнитогорского ТРАМА» (МУ МГА. Ф.110. Оп. 1. Д. 14. Л. 45).
41. Магнитогорск. Краткая энциклопедия. Магнитогорск, 2002. С. 174.
42. *Баканов.* Испытание Магниткой. М., 2002. С. 147.
43. О создании театра юного зрителя в городе заговорили весной 1932 г. Первоначально произвели набор будущих артистов в труппу и провели двухмесячные курсы обучения театральному искусству. Единственными свидетельствами о деятельности в Магнитогорске ТЮЗа является Постановление горсовета от 19 октября 1933 «О ТЮЗе» и протокол собрания горкома ВКП(б) от 30 ноября 1933 г. «О Магнитогорском театре юного зрителя», в котором утверждался репертуар театра и вопросы организации строительства отдельного здания под театр. Летом 1932 г. в городе начал работу ТЮЗ. Этот театр начал создаваться с объявления в «Магнитогорском рабочем» о приеме детей в «исполнительный состав эстрадно-концертной группы». Театр расположился в клубе «Горняк» на 5 участке и продолжал работу до 1935 г. Однако проблемы с финансированием театра привели к ликвидации последнего в июне 1935 г.
44. Воспоминания Чесноковой А.И, 1924 г.р., записано в Магнитогорске Макаровой Н.Н. в 2008 г. Л. 11.
45. *Эпштейн А.* Культурно-бытовая организация социалистического города / Города социализма и социалистическая реконструкция быта. М., 1930. С. 85-86.
46. ГАСО. Ф. Р-1150. Оп. 1. Д. 113. Л. 43.
47. ГАСО. Ф. Р-296. Оп. 2. Д. 10. Л. 64-65.
48. МГА. Ф. 10. Оп. 1. Д. 25. Л. 67.
49. Магнитогорский рабочий. 193. 12 октября.

50. МГА. Ф. 12. Оп. 1а. Д. 2. Л. 7 об.
51. Указанные формы детского досуга преследовали цель формирования базового уровня культуры детей и подростков и воспитание всесторонне развитой личности. Предполагалась организация музыкального (пение, танцы) и художественного (театр, кино) воспитания детей и подростков. Кроме того в 1932 г. было решено организовать детскую техническую станцию, дом пионера и школьника, начать издавать детскую газету «Магнитогорский пионер». Но в 1933 г. из намеченных целей удалось реализовать только одну — открыть дом пионеров и школьников. Инструкции горОНО отражают минимум знаний детей и подростков по названным сферам духовной жизни общества. Школьники обязаны были владеть следующими знаниями: «знать песни 4 советских композиторов; уметь петь и играть 2 из них; знать имена трех композиторов прошлых лет; уметь записать ритм легкой песни; пересказывать концерт, оперу; знать не менее 5 советских художественных фильмов, место их действия, сюжет, главных героев; знать 2 пляски...». (МГА. Ф. 12. Оп. 1а. Д. 9. Л. 9-12).
52. МГА. Ф. 12. Оп. 1а. Д. 5. Л. 33.
53. Магнитогорский рабочий. 1934. 22 мая.
54. МГА. Ф. 12. Оп. 1а. Д. 5. Л. 63.
55. Магнитогорский рабочий. 1934. 24 апреля.
56. ГАСО. Ф. Р-296. Оп. 2. Д .8. Л. 100 об.
57. ОГАЧО. Ф. П-783.Оп. 1. Д .12. Л .85.
58. МГА. Ф. 99. Оп. 1. Д. 1.Л. 103.
59. Там же. Ф. 10. Оп. 1. Д. 9. Л. 113.
60. Там же. Ф. 12. Оп. 1а. Д. 1. Л. 24.
61. Там же. Ф. 12. Оп. 1а. Д. 1. Л. 24.
62. Культфронт Урала на подъеме... С. 39.
63. МГА. Ф .16. Оп. 1. Д. 45. Л.5 об. - 6.
64. Перечень книг, рекомендованных к чтению, был разослан по всем библиотекам страны. В основном, рекомендованная литература должна была распространять идеи классовой борьбы и социальной нетерпимости. Среди русской классической литературы переизданию подлежали книги, «отражавшие детство разных классовых групп». Так квалифицировались «Детство» Л. Толстого, М. Горького, «Детство Тёмы» Н. Гарина — Михайловского. Читательские интересы рабочей молодежи явно политизировались. Наибольшей популярностью в Магнитогорске пользовались книги «Мать» Горького, «Чапаев» Фурманова, «Поднятая целина» Шолохова. Именно эти книги рекомендовали читать периодическая печать, библиотекари и ликвидаторы малограмотности. Другую литературу в городе получить было трудно.
65. *Загребин С.С.* Средства массовой коммуникации в системе культурного строительства 1930-х гг. // Иван Иванович Неплюев и Южно-Уральский край. Материалы научной конференции. Челябинск., 1993. С. 60.
66. Именно так называл радиовещание В.И Ленин.
67. ОГАЧО. Ф. П-783. Оп. 1. Д.11. Л.17.
68. Культфронт Урала на подъеме... С. 44.
69. Магнитогорск. Краткая энциклопедия. С. 294.
70. *Дегтярев А.Г.* Летопись горы Магнитной и города Магнитогорска. Магнитогорск, 1993. С. 22.
71. *Загребин*. Ук. соч. С. 61.
72. Воспоминания Лобачевой В.Т., 1937 г.р., записано в Магнитогорске Макаровой Н.Н. в 2008 г. Л. 4; Воспоминания Чернопятовой Л.Г., 1937 г.р., записано в

Магнитогорске Макаровой Н.Н. в 2008 г. Л.7; Воспоминания Трубиной Л.Т., 1934 г.р., записано в Магнитогорске Макаровой Н.Н. в 2008 г. Л.4.
73. ОГАЧО. Ф. П-234. Оп.1. Д.109. Л.14.
74. Как правило, наиболее активное участие в творческой деятельности принимали магнитогорцы в возрасте до 30 лет, не обремененные семейными обязанностями и заботой о детях. Наименее активными оказывались семейные горожане.
75. *Костюрина Н.Ю.* Новый город как модель советской культуры (на материалах г. Комсомольск-на-Амуре 1930-1950-х гг.). Владивосток, 2005.С.138.

FROM THE HISTORY OF DAILY LIFE OF SOVIET CITY: MAGNITOGORK PEOPLE' LEISURE (1929–1935)

N.N. Makarova

The soviet authority aspired to use all free time of the population for education of a new person — the person of the socialist society that is a patriot, a worker and a fighter for justice. Magnitogorsk became a vivid example of a new way of life for all Soviet Union, including organization of leisure. So, local and central authorities paid significant attention to formation of various forms of leisure of the population. The author examines specified programms of pastime at Magnitogorsk population and analyzes the reasons of their failure.

© 2008 г.

Э.Н. Анашкин

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА ПО РЕФОРМИРОВАНИЮ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ В ПЕРИОД С 1928 ПО 1934 гг. (По материалам Уральской области)

Кардинальная модернизация всей системы общественного устройства требует, в конечном счете, и обновления системы образования. Это отражено в нормативных документах, определяющих современное российское образование: «Концепция модернизации российского образования на период до 2010 г.», «Стратегия модернизации содержания общего образования». В своем Послании Федеральному собранию от 2007 года президент Российской Федерации В.В. Путин заметил, что целый ряд национальных программ, особенно в образовании, стали, по сути, совместными программами федерального правительства, региональной и местной власти, а нередко и отечественного бизнеса. Осуществляется поддержка вузов, использующих современные методы обучения[1]. Методы управления системой образования, интеллектуальными ресурсами и содержание системы образования неизбежно оказывают свое влияние на формирование нового типа исторического развития, развития системы

образования в целом, следовательно, стимулирует и реформирует не только систему образования, но и заставляет все общество обращать внимание на остро стоящие задачи.

Общество должно учесть опыт прошлого и применить его к современности. Например, это задачи ускоренной индустриализации, социальных преобразований, которые начались в конце 1920-х гг., заставляли государство корректировать систему подготовки профессиональных кадров. Перед нами стоят следующие задачи: выявить, какие формы реформирования системы высшего профессионального образования применялись в тот период, характер, источники финансирования системы высшего образования.

В 1928 году на июльском Пленуме ЦК ВКП(б) было отмечено, что существовавшая система подготовки специалистов с высшим образованием была неудовлетворительной. Подготовка специалистов велась вне связи с промышленностью и другими отраслями народного хозяйства СССР, была не приспособлена к требованиям и темпам его развития. ЦК предложил приступить к скорейшему развитию сети отраслевых вузов. В резолюции ноябрьского Пленума ЦК ВКП(б) в 1929 году было записано: «Необходимо расширить сеть вузов нового типа с резко выраженной специализацией по определённым отраслям народного хозяйства».

Началась широкая реорганизация вузов СССР. Это было положительным моментом, так как нужны были специалисты для различных секторов экономики, значительно увеличилось количество технических вузов. С этим связано, например, выделение из Пермского университета в 1930 году ряда самостоятельных институтов, в том числе медицинского, сельскохозяйственного и педагогического институтов, последний стал называться Пермским индустриально-педагогическим институтом. На педагогический институт, как на учебное заведение Урала, возлагалась обязанность в кратчайший срок обеспечить потребности Урала в педагогических кадрах, соответствующих по своей подготовке требованиям политехнической школы и задачам коммунистического воспитания[2]. Для пединститута был составлен новый учебный план, существенно отличавшийся от плана педфака университета. Помимо профилирующих дисциплин, он включал такие предметы, как организация производства, технология металлов и дерева, машиноведение и электротехника. Увеличивались сроки прохождения педпрактики, расширялась материальная база за счет использования для этого не только школ, но и техникумов. Кроме педпрактики, студенты обязаны были проходить производственную практику на производственных предприятиях. С самого начала широко развернулось заочное и курсовое обучение.

В соответствии с указанием ЦК ВКП(б) уральские партийные органы в 1929 году разработали пакет мероприятий. Они были направлены на корректировку социального состава кадров, готовящихся в системе высшего и среднего специального образования. 16 августа 1929 года бюро Уральского областного ВКП(б) обсудило вопрос «О системе мероприятий по подготовке рабочих и их детей в вузы и техникумы» и рекомендовало окружным комитетам партии, обкому комсомола и Уральскому отделу народного образования провести на предприятиях широкую кампанию по вербовке на учебу рабочих и батраков[3]. Эта поли-

тика давала различные результаты. Задача взрастить научные кадры из пролетарской среды позволяла части талантливой молодежи получить специальность. Но наряду с этим наблюдалось снижение теоретического уровня подготовки кадров, имел место упрощенческий подход в подготовке, студенты имели недостаточный уровень знаний, усилилась неприязнь к представителям других социальных слоёв. 20 августа 1929 года областной комитет ВКП(б) обсудил вопрос «О массовой политической и культурной работе в колхозах» и предложил создать курсы по подготовке колхозников и их детей в техникумы, рабфаки, вузы и втузы, а также обеспечить детей батраков и бедняков материальной помощью на время учебы за счёт специальных фондов. Было предложено организовать более 50 подготовительных пунктов на 5 тысяч человек, из них в вузы — 940, в техникумы — 2940 и на рабфаки — 580 человек.

Материальное обеспечение подготовительных отделений было поручено государственным, хозяйственным и общественным организациям. Уральский отдел народного образования ассигновал на эти нужды 162 тысячи рублей, промышленные предприятия — 175, Уральский совет профессиональных союзов — 113, совхозсоюзы — 10, колхозсоюзы — 12 тысяч рублей.

В 1930-е годы все недостатки учебной работы связывались с ослаблением коммунистического воспитания либо с происками так называемых классово чуждых элементов. Об этом, например, говорится в архивных данных Магнитогорского горно-металлургического института: «Враги народа, находящиеся в руководстве втуза, народного комиссариата тяжелой промышленности, а также в различных организациях города, проявили весьма большой интерес к только что организованному молодому втузу. Враги народа: педагоги Бакунин и Косенко своей работой стремились подорвать веру в свои силы у молодых рабфаковцев. Они им внушали, что они напрасно теряют время, что рабфак не для них. На работу посылаются педагоги, подрывающие основы Советской власти, извращающие на лекциях смысл стахановского движения»[4]. По большей части эти факты не соответствовали действительности, поскольку они фабриковались репрессивными органами. В результате реализации постановлений ЦК ВКП(б) уже осенью 1930 года социальный состав студентов, принятых в российские втузы, представлялся в следующем виде: рабочих — 77%, служащих — 11 %, крестьян — 7 %, прочих — 6,3 %»[5]. Ниже приведены данные по Уралу. «На Урале социальный состав рабочих в индустриальных техникумах был 72 %. В Уральском политехническом институте он составлял 68 %»[6].

В соответствии с решениями пленумов ЦК ВКП(б) высшая школа все более усиливала свои связи с производством. Отраслевые вузы были прикреплены к соответствующим наркоматам, что давало возможность быстро учитывать постоянно возникающие потребности производства. Одновременно разгружалось ведомство Наркомпроса, которое уже было не в состоянии справиться с подготовкой квалифицированных кадров для всех отраслей народного хозяйства. Передача высших учебных заведений промышленности и значительное расширение их сети вызвали колоссальную потребность в студентах для этих вузов. Реформа не обошла также такое учреждение, как рабфак, которое являлось важным каналом для подготовки широких народных масс в вузы. Учебные программы рабфаков имели общественно-экономический или технический уклон.

Например, в 1929 году на Урале имелась следующая сеть рабфаков: 1) дневные рабфаки — в Свердловске, Перми, Нижнем Тагиле, Златоусте; 2) вечерние рабфаки — в Свердловске, Перми, Златоусте, Лысьве, Надеждинске, Чусовом; 3) отделения для национальных меньшинств — при Свердловском и Пермском дневных рабфаках[7].

До 1934 года вузы комплектовались за счет рабфаков. Например, в 1932 г. на рабфаке Уральского политехнического института училось около 900 человек[8].

Существовавшая сеть рабфаков ни в коей мере не могла удовлетворить возросшие запросы высшей школы.

В феврале 1930 г. Наркомпросом было принято постановление «О специализации и прикреплении рабфаков к вузам и втузам». В постановлении указывалось, что в соответствии с решением ноябрьского (1929 г.) Пленума ЦК ВКП(б) на рабочих факультетах вводится специализация, отдельные рабфаки прикрепляются к вузам и втузам. Следующим постановлением Наркомпроса, принятым в апреле 1930 г., устанавливалось, что рабфаки должны были обслуживать преимущественно вузы той области, где они располагались. Исходя из этого положения, распределение студентов, окончивших рабфаки, по втузам и вузам должно было производиться краевыми и областными отделами народного образования. Централизованное комплектование рабфаков было отменено. Отбор поступающих производился через соответствующие профсоюзные, партийные и комсомольские организации краевых и областных отделов народного образования по рекомендации предприятий, совхозов и колхозов. Была также расширена сеть вечерних рабфаков. Президиум Уральского областного совета профессиональных союзов выработал решение от 19 февраля 1930 года о развёртывании дополнительной сети курсов по подготовке рабочих и их детей в высшие и средние учебные заведения. Численность слушателей вечерних курсов в Уральской области была доведена до 7 тысяч. Необходимость подготовки пролетарских кадров доводилась до предприятий. Особо оговаривалась необходимость комплектования курсов в процентном отношении женщинами и нацменами.

По данным в докладе секретаря Уральского обкома ВКП(б) на X Уральской областной партконференции о подготовке кадров и культурной революции в июне 1930 г отмечалось: «В Пермском университете, Уральском политехническом институте, индустриальных, сельскохозяйственных и педагогических техникумах обучалось в 1929 году 10 тысяч человек, в 1930 уже 19500 человек»[9]. Эта, казалось бы, отлаженная система подготовки кадров встречала на своем пути трудности. В частности, несвоевременное ее финансирование со стороны отдельных государственных и хозяйственных организаций, например, Уралмета, Уралугля, Калийтреста, Союззолота. Зачастую оно было недостаточным или осуществлялось по остаточному принципу. Это тяжелое финансовое положение в значительной мере и определяло скудость средств, выделяемых на нужды высшей школы. Кроме всего прочего, сказывались дефицит преподавателей, слабость материальной базы, дефицит литературы и т.д. Образовательный уровень как научно-педагогических кадров, так и выпускников вузов оставлял желать лучшего. Вследствие этого снижался научный потенциал страны. Из учебных программ были исключены многие фундаментальные науки, которые при-

сутствовали там до 1917 года. Вместо них появились дисциплины идеологической направленности, например, теория марксизма-ленинизма, история ВКП(б) и т.п.

На развитии высшего образования также отрицательно сказались негативные последствия Гражданской войны, голод в начале 1920-х годов, кризис НЭПа. В рассматриваемый период в стране уже складывалась тоталитарная система. Властные полномочия государственных и хозяйственных органов подменяли партийные органы, шел процесс формирования культа личности, начинались репрессии. Серьезный удар получили научные кадры в результате репрессий и на Урале. В 1929 году было закрыто Уральское общество любителей естествознания, основную часть которого составляли ученые, сформировавшиеся еще до 1917 года. В этом же году началась фабрикация дела так называемого Уральского инженерного центра, который еще называют «Уральской Промышленной партией»; по делу были арестованы многие инженерные работники, ведущие уральские ученые[10]. Период с 1928 по 1934 годы XX века представлял собой особый этап в системе подготовки профессиональных кадров. Здесь можно говорить о закладке учреждений высшего образования. В целом, несмотря на недостатки в организации учебного процесса и большие трудности в создании материальной базы, система подготовки профессиональных кадров расширялась. Система высшего образования формировалась с учетом государственной политики индустриализации. Были заложены основы подготовки специалистов различного профиля, что способствовало решению задач, стоящих перед страной.

До рассматриваемого периода социальный состав населения на Урале преимущественно состоял из крестьянства. На Урале крестьянство в своем большинстве представляло собой средний класс, который имел крепкие хозяйства. Специфика Урала состояла в том, что развернувшаяся индустриализация заставила огромные массы крестьянства сменить свой привычный уклад жизни, и они были брошены в пекло первых пятилеток. Помимо этого на Урал направлялись спецпереселенцы, где их труд применялся для индустриализации. Уральский регион был одним из главных регионов, где проводилась индустриализация. Вследствие этого здесь были большие потребности в инженерно-технических кадрах, шел процесс создания технических вузов. До рассматриваемого периода Урал преимущественно был аграрно-индустриальным, впоследствии он стал индустриальным.

Для настоящего периода в России также важно обозначить потребности общества в преобразовании высшей школы, и совместными усилиями, а не только государства, но и с участием общества, отдельных производственных единиц, представителей деловых структур скорректировать систему подготовки профессиональных кадров высшей школы в нужном направлении. Под этим подразумевается не только целевое финансирование образовательных программ, выявление одаренной молодежи посредством распределения грантов, проведения олимпиад, в том числе предпринимательских, и многие другие проекты, необходима системная подготовка профессиональных кадров, потребность в которых испытывает российская экономика сегодня. Для выполнения этого необходимо разработать механизмы, создать вузы для их подготовки, ре-

формировать существующие. В истории уже был такой опыт в рассматриваемый период, когда многие хозяйственные, производственные организации наряду с государственными органами осуществляли финансирование системы высшего образования. По данным специалистов Росбизнесконсалтинга, в России до 2004 года наблюдался наибольший ажиотаж, связанный с поступлением в вузы страны. После 2004 года наблюдается существенный спад. Объясняется это демографической ситуацией, когда пик рождаемости приходился на 1985–1986 годы. Наибольшей популярностью в настоящее время в высших учебных заведениях пользуются специальности «юриспруденция» и «экономика». Переизбыток юристов и экономистов наблюдается уже не первый год[11]. В то же время, например, остро ощущается дефицит инженерно-технических работников. Эта ситуация созвучна с периодом 1928–1934 гг., периодом индустриализации, когда стране нужны были профессиональные кадры для различных отраслей промышленности.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Послание Президента Владимира Владимировича Путина Федеральному Собранию // Известия. 27 апреля 2007 г. С. 3.
2. Пермский государственный университет. Пермь, 1966 . С. 8.
3. *Гришаев П.В.* Школьный всеобуч на Урале в условиях строительства социализма (1926–1937). Челябинск, 1982. С. 38.
4. МГА. Ф.132 Оп.1 Д.10. С. 5.
5. Культурное строительство в РСФСР. 1928 - 1941: документы и материалы. М., 1985. Т. 2. Ч. 1. С. 271.
6. Культурное строительство на Среднем Урале. 1917–1941. Свердловск, 1984. С. 239.
7. Центр Документации Общественных Объединений Свердловской Области. Ф.4 Оп. 33 Д.336. С. 108.
8. Постановление бюро Уралобкома ВКП(б) по докладу о работе Пермского государственного университета и пединститута // За большевистское изучение истории партии: сб. материалов. Пермь, 1932. С. 71.
9. X Уральская областная партконференция о культурном строительстве // Просвещение на Урале. Свердловск, 1930. № 6. С. 4.
10. История Урала. XX век. Книга 2. Екатеринбург, 1996. С.109.
11. Куда пойти учиться? // Твоя Вертикаль. М., 2004. № 6. С. 6.

SOVIET STATE WORK IN HIGH SCHOOL REFORMING IN 1928–1934. (ON MATERIALS OF THE URAL AREA)

E.N. Anashkin

The article describes some separate measures taken by the Soviet Government as a component of modernization on a personnel training system in accordance with the political interests in industrialization. In the author s opinion taking into account and thinking over the experience of the period reforms of the educational system will allow to follow successfully the chosen concept aimed at modernizing the educational system of Russia nowadays.

© 2008 г.

И.О. Колдомасов

СОВЕТСКИЙ ДИПЛОМАТИЧЕСКИЙ КОРПУС И ЕГО ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В РАМКАХ АНТИГИТЛЕРОВСКОЙ КОАЛИЦИИ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

В любой державе мира внешняя политика относится к сфере деятельности главы государства и дипломатов, причем последние являются тактиками и исполнителями, а первый определяет стратегию поведения на международной арене. Советский Союз в начале 1940-х гг. был строго централизованным государством со сложившейся иерархией власти, его внешняя политика находилась под непосредственным контролем И. Сталина и его ближайшего окружения . Великая Отечественная война не оставила вариантов в выборе противников и партнеров, поскольку одни уже проявили себя, а со вторыми предстоял трудный процесс налаживания связей. США и Великобритания объявили о поддержке военных усилий СССР в борьбе с фашизмом, но до получения реальной помощи еще было далеко. Задача сталинского правительства и дипломатии состояла в построении грамотного диалога с западными державами на своей и чужой территории.

Поскольку деятельность дипломатов должна была осуществляться во «враждебном» окружении, ее нужно было жестко регламентировать. Главный критерий для ограничения — кадровый подбор, который был очень строгим, но в то же время учитывал чрезвычайные обстоятельства войны.

С самого начала войны Наркомат иностранных дел столкнулся с серьезной проблемой: многие сотрудники и слушатели высшей дипломатической школы стали записываться в народное ополчение, тем самым сокращая дипломатический корпус. Правительство уже в июле начало возвращать добровольцев, но около 250 человек все же влились в ряды ополчения и Красной Армии. Частично решить проблему нехватки кадров удалось за счет возвращения дипломатов из-за границы, но все же появились и новые люди[1].

Подготовка дипломатов в условиях войны была форс-мажорной, и многие не только не знали специфику работы за границей и с иностранными гражданами в СССР, но и плохо владели другими языками. В качестве самостоятельно действующего лица ценность таких работников трудно назвать высокой, но в качестве беспрекословного транслятора воли Кремля они были необходимы. Сам нарком иностранных дел В.М. Молотов говорил о своих подчиненных: «У нас централизованная дипломатия. Послы никакой самостоятельности не имели и не могли иметь, потому что сложная обстановка, какую-нибудь инициативу проявить послам было невозможно... Роль наших дипломатов, послов была ограничена сознательно, потому что опытных дипломатов у нас не было, но честные и осторожные дипломаты у нас были, грамотные, начитанные... . Дипломатия у нас была неплохая. Но в ней решающую роль сыграл Сталин, а не какой-нибудь дипломат... Послы были только исполнителями определенных указаний... Наши послы не всегда хорошо знали иностранный язык. И, тем не

менее, мы умели поддерживать неплохие отношения с тем, с кем нужно, и в пределах, в каких допустимо»[2].

Конечно, среди списка тех, кто действительно был нужен советскому правительству, первое место занимали Великобритания и США. Поэтому на работу в эти государства были направлены незаурядные личности, которые смогли развернуть активные связи и получить максимально возможную на тот период пользу. Советскими послами в Лондоне и Вашингтоне в критический для страны период стали Иван Михайлович Майский и Максим Максимович Литвинов.

Надо сказать, что Майский работал в качестве советского полпреда в Англии с 1932 г. и был одним из немногих дипломатов, кто хорошо знал не только язык, но и культуру, историю, а самое главное — практические условия работы за рубежом. Деятельность Майского была не только успешной, но и достаточно смелой и самостоятельной. Например, в первые недели войны ему удалось не только встретиться с британскими руководителями, включая Черчилля, но и способствовать началу переписки между премьер-министром и Сталиным; он же установил контакт с доверенным лицом президента Рузвельта Г. Гопкинсом и дал ему совет отправиться в Москву — лично ознакомиться с обстановкой. Не отказывался Майский и от общественной деятельности: вместе с сотрудниками своего посольства он много выступал «в муниципалитетах английских городов, на заводах, университетах, в торговых палатах, на различных митингах и пресс-конференциях, по радио, призывая англичан к скорейшему открытию второго фронта в Европе»[3].

Разумеется, без личной инициативы и надлежащего отношения к собственной персоне со стороны британцев сделать бы все это Майскому не удалось. Сам посол писал в Наркомат иностранных дел весной 1940 г.: «Самое важное и существенное в работе каждого полпредства — это те живые контакты с людьми, которое оно имеет»[4]. Характеризуя особенности своей работы в Англии, он отнес к ним, прежде всего, широкую географию контактов — семь главных групп, с которыми нужно поддерживать отношения (правительство и его подразделения, парламент и политические партии, печать, финансово-промышленные круги, культурные круги, представители вооруженных сил и дипломатический корпус); «статистику» контактов — для надлежащего исполнения своих функций, сотрудникам полпредства необходимо было держать в орбите общения примерно 500 человек; довольно тесный характер общения — «мало иметь с кем-либо шапочное знакомство и встречать его раз или два в год на каком-либо приеме или в кулуарах парламента»; и, кроме того, строгое отношение англичан к чинам и общественному положению — «газетный король вроде Бивербрука или крупный редактор вроде Лейтона («Ньюс Кроникл»), конечно, не станет поддерживать контакт с заведующим бюро печати или первым секретарем. Они станут разговаривать только с полпредом»[5].

То, что Майскому удалось преодолеть различные проволочки и организовать плодотворную работу своего ведомства с самого начала войны, было существенным фактором в англо-советских отношениях. Но сделать это удавалось не везде. Классическим примером служит деятельность советского посла в США К. Уманского, которому ни в довоенный период, ни в начале войны СССР с Германией не пришлось удостоиться приема у президента Рузвельта.

Когда же прием состоялся (10 июля 1941 г.), посол охарактеризовал позицию президента в ответ на просьбу о помощи, как уклончивую[6]. Немного ему удалось добиться и на встречах с государственным секретарем Корделлом Хэллом и его заместителем Самнером Уэллесом. Еще в 1940 г. Уманский часто беседовал с этими политиками, настоятельно убеждая американцев признать включение прибалтийских республик в состав Советского Союза. По мнению американского историка Д. Данна, «посол проявлял упрямство и придирчивость», что позволило госсекретарю назвать его «ходячим оскорблением»[7]. Летом 1941 г. Уманский выглядел более сдержанным, но твердо пытался провести линию, согласно которой пространные обещания правительства США о помощи СССР должны были обрести конкретную форму. Главным аргументом при этом посол выдвигал «крепкое согласованное сотрудничество между всеми антигитлеровскими силами», а поскольку Америка еще не была воюющей стороной, то от нее ожидалась помощь военно-экономического характера. Однако преуспеть Уманскому в получении этой помощи долго не удавалось, и в конце июля 1941 г. он возмущенно писал в Москву: «Вопросы решаются невероятно медленно, без учета темпов и размаха войны... Каждый практический вопрос решается с невыносимыми проволочками, при сопротивлении аппарата, особенно военного министерства и госдепартамента после бесконечных непроизводительных совещаний»[8].

Переход на качественно новый уровень отношений с США стал возможен только со сменой посла: Уманский осенью был возвращен в Москву, а его место занял М. Литвинов, известный как инициатор восстановления советско-американских отношений в ноябре 1933 г. С его назначением работа с американскими чиновниками пошла гораздо успешнее. По мнению наркома внешней торговли А. Микояна, «можно сказать, что он (Литвинов) спас нас в тот тяжелейший момент, добившись распространения на Советский Союз ленд-лиза и займа в миллиард долларов»[9]. Сделать это послу помогло его еврейское происхождение, ибо «в обоих союзнических государствах, а особенно в США, значительное давление на правительство оказывали еврейские круги, владевшие крупными капиталами», и личные симпатии Рузвельта, в которого нарком иностранных дел Литвинов поверил после победы на выборах и сумел восстановить дипотношения между двумя державами[10].

Майскому и Литвинову за рубежом удалось добиться широких личных связей и авторитета, чрезмерной самостоятельности, которая стала вызывать опасения у Сталина. Однако осознание того факта, что деятельность этих людей в качестве послов в столь тревожное для страны время является наиболее полезной и результативной, останавливало советского лидера от их отстранения от работы. В этом можно усмотреть и уступку Сталина союзникам, которая была ликвидирована сразу, как только отпала необходимость в сохранении Майским и Литвиновым своих должностей. Летом 1943 г. оба посла были отозваны из Лондона и Вашингтона и формально получили повышение в должности, став заместителями наркома иностранных дел. Фактически же и Майский, и Литвинов потеряли возможность реально влиять на внешнюю политику СССР, а, значит, и на взаимоотношения со странами, где они работали.

Предлоги для замены послов были достаточно субъективны. Так, еще в авгу-

сте 1942 г., когда состоялся первый визит Черчилля в Москву, Майскому не было разрешено сопровождать британского премьера. Сам посол с печалью вспоминает об этом визите, так как и он, и Черчилль с министром иностранных дел Иденом надеялись на его присутствие в Советском Союзе. Посол полагал, что это будет весьма незаурядное явление и что «так интересно было бы участвовать в столь знаменательном историческом событии, однако Москва предложила мне остаться в Лондоне. То была явная демонстрация неудовольствия Советского правительства поведением Англии в вопросе о втором фронте»[11]. Одним неудовольствием страной дело, однако, не исчерпывалось: когда Черчилль похвалил Майского как хорошего посла, Сталин возразил, что посол «мог бы быть лучше — он слишком много говорит и не может держать язык за зубами»[12]. Подтверждение сказанному наступило через год — Майский по решению советского правительства покинул Англию и поехал на «повышение» в Москву.

Несколько иначе обстояла ситуация с Литвиновым. По мнению А. Микояна, Литвинова сильно недолюбливал Молотов, который плел против него интриги еще до войны и добился тогда его фактического отстранения от международных дел. Критическая ситуация осени 1941 г. вынудила Сталина вернуть опального дипломата и дать ему важнейший пост в Вашингтоне, но как только положение нормализовалось, Литвинов был освобожден с должности посла в США и стал заместителем Молотова, а фактически потерял влияние на советско-американские отношения[13]. Согласно другой версии, Литвинов принимал участие в митингах протеста, проводимых американской общественностью после отказа правительства США открыть второй фронт в 1942 г., и критиковал поведение Рузвельта и его администрации. Это вызвало рекомендации американскому послу в СССР А. Гарриману, который на встрече со Сталиным заявил, что «посол не должен допускать нападок на правительство, при котором он аккредитован». Советскому лидеру не понравились указания американцев и, смещая Литвинова, он решил «щелкнуть Америку по носу» — посольский пост занял советник посольства А. Громыко[14].

Как бы историки ни расценивали данные перестановки, одно обстоятельство их свершения кажется естественным: Майский и Литвинов слишком много знали о жизни и обычаях английских и американских правящих кругов и слишком хорошо ориентировались в международной обстановке, чтобы стать опасными для своей же страны (разумеется, с позиции предательства коренных интересов СССР). Кроме того, оба посла довольно лояльно относились к союзникам, несмотря на отдельные проявления недовольства, и имели широкий спектр связей за рубежом. К середине 1943 г. эти факторы утратили свою значимость: главная задача — открытие второго фронта — выполнена не была, поэтому от дипломатов, работающих в США и Англии, требовались, прежде всего, жесткость и беспрекословное подчинение приказам Москвы. Такими качествами и обладали А. Громыко и бывший заведующий Западным отделом Наркомата иностранных дел Ф. Гусев, заменивший Майского. Ни либеральными настроениями в адрес союзников, ни большим влиянием среди них оба молодых дипломата похвастать не могли. Вспоминая свою первую встречу с Черчиллем, Гусев отмечал, что в основе ее лежало событие по дипломатическим

меркам из ряда вон выходящее — премьер-министр вернул новому послу послание Сталина от 13 октября 1943 г.

В этом письме советский лидер фактически обвинил в шпионаже английских моряков, находившихся в Мурманске и Архангельске для приема и помощи в сборке оборудования и боеприпасов, доставлявшихся по ленд-лизу. На встрече с послом Черчилль «в возбужденной форме заявил, что послание написано не языком союзника, что англичане не заслужили таких оскорблений» и попытался вернуть письмо Гусеву. Однако молодой посол положил его на стол перед премьером, допустив грубое нарушение этикета. Беседа быстро завершилась, но, провожая посла, Черчилль все-таки отдал ему послание, преподав, таким образом, урок хороших манер[15].

Дальнейшие отношения между новым послом и английским правительством также не отличались взаимными симпатиями. По воспоминаниям Гусева, в начале 1944 г. на страницы английских газет попала личная переписка между Сталиным и Черчиллем, которая носила характер секретной. Сведения касались взаимоотношений СССР, Великобритании и Польши, точнее ее эмигрантского правительства, базировавшегося в Лондоне. Советский лидер обратил внимание премьера на данный факт, но Черчилль снял с себя ответственность за утечку информации, заявив, что в английскую прессу информация о переписке попала через советское посольство и лично посла Гусева. Соответствующие органы произвели проверку этих сведений, и 25 марта Сталин написал Черчиллю, что «ни посольство, ни лично Ф.Т. Гусев в этом совершенно не повинны и даже вовсе не имели некоторых из документов, содержание которых было оглашено в английских газетах». Далее в послании следовало приглашение английским властям самим провести расследование, чтобы убедиться в правоте Гусева и его сотрудников[16]. Это приглашение осталось без ответа, и хотя «Черчилль стал поступать осторожнее, немного успокоился, но напряжение в отношениях оставалось»[17].

Такое положение в советско-английских отношениях, на наш взгляд, устраивало советское правительство настолько, насколько англичане пытались затянуть решение важнейших военных и послевоенных проблем. И, именно Гусев, а не Майский с его блестящим образованием и огромным опытом работы был нужен в Лондоне в последние годы войны, когда требовали разрешения не просьбы о помощи, а серьезные вопросы о разделе границ, капитуляции Германии и т.д.

По-другому сложилась карьера Громыко. Он с конца 1939 г. работал советником посольства в Вашингтоне и был достаточно компетентен в советско-американских отношениях, хотя и не играл в них заметной роли. Громыко был молчаливым, но в то же время типичным партийным функционером, чья карьера находилась в самом начале, и главным условием дипслужбы в США для него было не навредить самому себе. Для реализации этой цели послу нельзя было повторять ошибок Литвинова и слишком сближаться с американцами.

Даже в своих воспоминаниях посол достаточно сухо характеризует отношения внутри антигитлеровской коалиции. Говоря о встречах на высшем уровне, он отмечает, что «характер и атмосфера этих встреч представляли явление осо-

бое. Несмотря на ограничительные рамки в отношениях СССР и США, связанные с коренным различием в их общественном строе, оставалось довольно широкое поле для достижения взаимопонимания между ними по проблемам, которые затрагивали налаживание и развитие сотрудничества этих великих держав»[18]. Еще в бытность свою советником посольства Громыко пессимистически оценивал перспективы открытия второго фронта. В августе 1942 г. он направил в Москву послание, в котором дал резкие оценки военного командования США, изобразил президента Рузвельта как фигуру нерешительную, сильно зависящую от мнения своего окружения (прежде всего, военных), и в целом охарактеризовал обстановку как нездоровую, приведя в качестве главного аргумента давление на общественность со стороны властей и изменение тона прессы. Резюмируя сказанное, советник отметил резкое возрастание военно-экономического потенциала США без готовности «направить главную массу своих ресурсов против Гитлера, как основного и наиболее опасного врага». Громыко даже позволил себе небольшой прогноз, заявляя, что то же самое «будет и в ближайшем будущем»[19].

Несмотря на верные выводы дипломата, тональность его письма была сочтена враждебной по отношению к союзникам, а само письмо «вызвало негативную реакцию в НКИД». Один из руководителей Американского отдела Д. Чувахин отправил Молотову аннотацию, где осудил позицию Громыко, жестко заключив: «Необходимо, чтобы наши ответственные товарищи за границей каждое свое заявление, каждый свой вывод серьезно взвешивали бы, делали свои выводы, опираясь на не вызывающие никакого сомнения факты»[20].

Переусердствовав в критике американцев, Громыко стал осторожнее, предпочитая закамуфлированные, обтекаемые фразы своего понимания отношений с союзниками. Неудивительно, в воспоминаниях американских чиновников фамилия дипломата фигурировала редко в отличие от его предшественника Литвинова — принцип централизованной и «незаметной» дипломатии нашел в Громыко свое воплощение.

Судьбы работников дипломатического корпуса, занявших свои посты в ходе войны, сложились довольно благополучно, а вот «старому поколению» и, в первую очередь, Литвинову и Майскому, не повезло. Как отмечалось выше, оба стали заместителями наркома иностранных дел и вошли в состав комиссии по определению послевоенных границ и репарациям соответственно. Однако их влияние на дела с государствами, в которых они работали, заметно снизилось. Глава американской военной миссии в Москве генерал-майор Дж. Дин, говоря о Московской конференции министров иностранных дел трех держав антигитлеровской коалиции (октябрь 1943 г.), заметил, что «Литвинов, хотя и присутствовал, но был окончательно задвинут на задний план. Со временем это впечатление усилилось, так как его обязанности, прежде всего, состояли в том, чтобы встречать посетителей его ранга по прибытии их в Москву»[21].

Однако экс-посол в США продолжал пользоваться значительным авторитетом у высокопоставленных американцев, к тому же жена Литвинова — Айви Лоу — была уроженкой Америки. Поэтому на подмосковной даче супругов Литвиновых часто гостили представители Нового света. В ходе разнообразных бесед затрагивались и политические темы, где американцы жаловались на неус-

тупчивость Сталина и трудности в решении каких-либо вопросов. Дипломат советовал не отчаиваться, говоря, что «неуступчивость эта имеет пределы и что если американцы проявят достаточную твердость и окажут соответствующий нажим, то советские руководители пойдут на уступки»[22]. Естественно, беседа прослушивалась и «ближний круг» Сталина оценил ее как государственное преступление. Но на репрессивные меры при продолжающихся военных действиях с Германией «вождь» не пошел, опасаясь международного скандала. Вскоре Литвинов был просто отстранен от работы на дипломатическом поприще, а затем — погиб в автомобильной катастрофе, которая, по версии Микояна, являлась инсценировкой убийства по приказу Сталина[23].

Видимо, также опасавшийся за свою судьбу Майский после перевода на должность замнаркома попросил снова отпустить его в Лондон, чтобы забрать жену и «предупредить возникновение ... каких-либо совершенно нежелательных и невыгодных для нас сплетен»[24]. Советское правительство дало визу на возвращение с ограничением срока пребывания в пять дней, хотя регулярная транспортная связь между СССР и Англией отсутствовала. Майский пробыл в Британии две с половиной недели, занимаясь упаковкой своей библиотеки и прощаясь со всеми людьми, составлявшими круг его одиннадцатилетнего общения. Поскольку сделать огромное количество прощальных визитов было невозможно, Майский написал несколько сотен писем, на которые получил большое количество ответов, «проникнутых вполне искренним чувством огорчения и печали». Английская королевская чета вручила супругам Майским фотографии с собственной подписью, а Иден устроил прощальный завтрак с присутствием членов правительства[25].

По возвращении в Москву Майский был серьезно ограничен в сфере своей самостоятельности. Бывшего посла перестали приглашать на светские приемы и встречи с политиками, которых он хорошо знал, но которые уже не входили в сферу его компетенции. Обращения к Молотову с просьбой повлиять на ситуацию результатов не дали, поэтому уже после войны дипломат обратился к Сталину, чтобы тот посодействовал ему в переходе на работу в Академию наук. В феврале 1953 г. Майский был арестован и обвинен в государственной измене, причем показания на него были даны рядом советских служащих, находившихся на работе в Великобритании и арестованных по той же самой статье еще в 1937–1938 гг. Выход из тюрьмы и реабилитация состоялась лишь в июле 1955 г.

Показательно, что во главе Наркомата иностранных дел все военные годы находился В.М. Молотов — человек в дипломатическом профессионализме сильно уступавший Майскому, Литвинову, другому бывшему наркому Чичерину, но входивший в «ближний» круг сталинского окружения. Он был слабо знаком с иностранными языками, редко проявлял какую-либо инициативу в разговорах, но умел «держать удар» и не отступать от заранее намеченных условий беседы. В силу своей должности заместителя председателя Совета Народных комиссаров Молотову часто приходилось выступать с речами как перед государственным и партийным руководством, так и перед советской общественностью. В официальных выступлениях он был неизбежно сдержан в высказываниях в адрес союзников и старался подчеркнуть общность интересов между государствами коалиции. Например, по итогам совещания представителей трех

держав (30 сентября — 1 октября 1941 г.) нарком констатировал факт, что «не только воюющая с нацистской Германией Англия, но и невоюющая страна — Соединенные Штаты Америки в одинаковой мере признали как необходимость ликвидации гитлеризма, так и необходимость помочь в этих целях Советскому Союзу своими богатейшими материальными ресурсами»[26]. Это заявление было напечатано в «Правде» и других центральных советских изданиях и было доступно широким слоям населения.

Сдержанность Молотова проявлялась и в общении. Нарком не спешил с резкими и необоснованными выводами, если результат не превосходил ожиданий, но в то же время был непреклонен до упрямства. В октябре 1941 г. в послании А. Громыко Молотов, характеризуя уже упомянутую конференцию, где обсуждались вопросы военно-экономической помощи СССР со стороны Англии и США, писал: «Конференция трех держав прошла и закончилась в общем успешно... Бивербрук и Гарриман (главы английской и американской делегаций соответственно — И.К.) явно стремились показать, что они приехали оказать СССР широкую помощь, и если по ряду вопросов (например, по станкам и некоторому другому оборудованию и сырью) пока не были установлены точные размеры и сроки, то мы и не считали нужным уточнять все эти детали, чтобы не затягивать конференцию, считая важным подчеркнуть политический эффект соглашения быстротой работы конференции»[27].

Другое дело — поездка Молотова в Лондон и Вашингтон в мае-июне 1942 г., известная в истории под кодовым названием «миссия господина Брауна». Миссия должна была способствовать реализации двух целей — подписанию с Великобританией и США официальных документов, способствующих окончательному оформлению антигитлеровской коалиции, и решению вопроса об открытии второго фронта. На первой же встрече с Черчиллем нарком подчеркнул, что «хотя Советское правительство и признает важность вопроса о заключении англо-советского договора, однако, оно считает особо важным вопрос о втором фронте на Западе»[28]. Поскольку по ходу первых совещаний Молотову, твердо высказавшему свое намерение услышать приблизительную дату открытия нового театра боевых действий, не удалось убедить британского премьера ответить четко и недвусмысленно, он поднял тот же самый вопрос в Вашингтоне[29].

Президент Рузвельт сразу дал понять, что готов оперировать конкретными цифрами, обсуждая проблему второго фронта. Он привел численность американской армии и, перечисляя трудности, с которыми придется столкнуться при транспортировке войск на Британские острова, отметил, что «убеждает американских военных пойти на риск и произвести высадку 6-10 дивизий во Франции», невзирая на вероятный неудачный исход операции. Речь шла о военных действиях в 1942 г.[30]. Однако Молотов не принял великодушия президента: нарком заявил, что предложение о высадке 6-10 дивизий во Франции явно недостаточное, но в то же время существует серьезная разница в открытии второго фронта в 1942 г. или в 1943 г., поскольку сопротивление Красной Армии позволяет надеяться на конечный успех в случае, если союзники возьмут на себя обязательство отвлечь 40 немецких дивизий с Восточного фронта. Вместо обещаний Рузвельт выразил надежду на открытие второго фронта и проконсультировался с начальником Генерального штаба США Дж. Маршаллом, заверившим Молото-

ва, что проводятся подготовительные работы по созданию транспортных судов и других средств, необходимых для высадки крупного десанта в Европе.

Поскольку советское правительство требовало от американцев конкретного ответа, а англичане и американские дипломаты в Лондоне «успели информировать Белый дом об особой манере Молотова держаться — сдержанно-неприступной и не уклоняющейся ни на шаг от поставленной перед ним задачи»[31], то Рузвельт уполномочил наркома сообщить Сталину об открытии второго фронта в 1942 г. Судя по официальной реакции, Молотов не слишком поверил словам президента; в сообщении в Москву нарком писал: «Рузвельт и Маршалл заявили, что они всячески хотят создать второй фронт, но пока дело упирается в недостаток судов для переброски войск во Францию. Ничего конкретного они мне не заявили»[32].

Однако переговорный процесс продолжился, и настырный Молотов добился своего: советско-американское коммюнике по итогам визита гласило: «В ходе переговоров было достигнуто полное понимание в отношении неотложных задач создания второго фронта в 1942 г.»[33]. Возвращаясь на обратном пути через Лондон, нарком предложил Черчиллю включить эту фразу в совместное коммюнике, апеллировав к согласию американцев. Несмотря на неприязнь премьер-министра давать обещания, связанные с конкретными делами и цифрами, «после напряженной дискуссии Черчилль нехотя был вынужден все же согласиться с этим предложением». При последней встрече с Молотовым он все-таки указал, что английское правительство не связывает себя обязательством в отношении даты второго фронта[34].

Политический успех Молотова по итогам поездки был несомненным. Фактически было завершено оформление антигитлеровской коалиции (с США у Советского Союза еще не было документа, подтверждающего наличие союзнических отношений), вопрос о втором фронте был согласован с обеими сторонами, о чем нарком иностранных дел сообщил на заседании Верховного Совета 18 июня 1942 г. Но подозрительность по отношению к западным партнерам в правительственных кругах СССР нисколько не уменьшилась, а появившийся в руках аргумент в виде коммюнике лишь усилил недоверие к союзным государствам. В своих воспоминаниях Молотов подтвердил и успех своей миссии, и уклончивую позицию англо-американских правящих кругов: «А в 1942-м я был участником всех переговоров по второму фронту, и я первый не верил, что они это могут сделать... Но, во-первых, такое требование нам было политически необходимо, а, во-вторых, из них надо было выжимать все... Я считал нашей громадной победой свою поездку в 1942 г. и ее результаты...»[35].

В этих словах неплохо отражена концепция Молотова по отношению к англо-американскому блоку: бесстрастная, с оттенками прагматизма и неприязни, с верой в правоту собственных, а также государственных принципов и убеждений. Впрочем, нарком мог быть и совершенно другим человеком, поскольку на всех приемах именно ему Сталин поручал вести «застольную часть» аудиенций. Так, во время первого визита Черчилля в Москву в августе 1942 г. в последний вечер Сталин пригласил премьер-министра в свою кремлевскую квартиру, и за вечерним ужином появился Молотов, который взял на себя функции тамады и начал произносить многочисленные тосты [36].

Другие приемы также не обходились без участия Молотова, к тому же ему приходилось заниматься организацией приемов для иностранных дипломатов. Особого размаха такие мероприятия достигли по прошествии двух лет войны, когда наметился перелом в военных действиях, а иностранные послы и представители снова переехали в Москву из Куйбышева. Например, 7 ноября 1943 г., по воспоминаниям английского журналиста А. Верта, Наркомат иностранных дел устроил самый большой за военные годы прием, где пили непомерно много, так что многих дипломатов приходилось просто выносить из зала, поскольку самостоятельно передвигаться они уже не могли (это касалось и английского посла А. Кларка Керра). Этот прием вызвал у Верта исторические параллели: «Было что-то от великолепия Московии в этом пиршестве, где можно было наблюдать, как послы при полном параде падают на стол и как их выносят служители, чьих насмешек не могло скрыть выражение глубокой озабоченности на их лицах»[37].

При этом Молотов и его сотрудники вовсе не стремились показывать свое расположение союзникам в будничных условиях. Заместитель наркома А. Вышинский на встрече с английским послом А.К. Керром в начале августа 1942 г. обсуждал подробности предстоящего визита Черчилля, и в конце беседы был затронут вопрос о присутствии Вышинского на встрече с британским премьером, чтобы Черчилль смог лично удостовериться, с каким тяжелым человеком (т.е. Вышинским) его представителю в СССР приходится работать. Замнаркома отшутился, что Керр — гораздо более опасный человек, а присутствовать на встрече он не может из-за обязанностей по дипломатическому корпусу. «А Вы пошлите корпус к черту!» — воскликнул Керр. «Это не по протоколу», — ответил советский дипломат[38].

Еще более «жесткий курс» в отношении союзных представителей советские власти вели в начале Второй мировой войны, когда единственными двумя посольствами, имевшими реальный вес, были посольства Германии и Японии. Быть может излишне эмоционально, но в целом верно отмечено А. Вертом, что «если отношения с посольством США, которое возглавлял Лоуренс Штейнгардт, были корректными, но не больше, то английское посольство, руководимое Стаффордом Криппсом, официально третировалось с рассчитанной холодностью»[39]. Для Криппса было большой проблемой поддерживать контакты с НКИД до начала Великой Отечественной войны, так как «не только Сталин, но даже Молотов избегали его как чумы» и ему пришлось довольствоваться редкими встречами с Вышинским. Но, как уже отмечалось выше, в первые недели войны ситуация изменилась, советское правительство стало заинтересовано в расширении контактов со своими потенциальными, а затем и фактическими союзниками, поэтому аудиенция у первых лиц государства стали нормой для английских и американских представителей.

Надо отметить, что и эта норма была достаточно условной и нередко варьировалась с течением обстоятельств. Тон здесь задавал сам Сталин. Все важнейшие встречи и совместные союзнические конференции проводились только с его непосредственным участием. Правда, это касается только тех мероприятий, которые проходили на советской территории, поскольку советский лидер, как правило, отказывался выезжать за пределы страны, ссылаясь на необходимость

лично присутствовать рядом с народом, когда решается судьба государства. Исключение было сделано только для двух крупнейших конференций с участием лидеров всех трех союзных держав — в Тегеране и Потсдаме. В остальных случаях заменял «вождя» Молотов, который весьма последовательно умел проводить в жизнь кремлевскую линию.

В отношении же тех, кто сам напрашивался на приемы или прибывал с визитами, существовал строгий ранжир. Крупные политики или дипломаты всегда становились гостями Сталина (Гопкинс, Иден, Гарриман, Черчилль и т.д.), но для аккредитованных в Москве представителей или журналистов подобные встречи были несбыточной мечтой. Архивные данные свидетельствуют о потоке записок и писем на имя Сталина с просьбой о приеме, интервью, ответе на один вопрос или заявлении для какого-либо издания. Обычно эти просьбы оставались без ответа, а подавляющее большинство авторов были корреспондентами американских и английских изданий.

Так, в августе 1941 г. о приеме и интервью у первого лица СССР просил корреспондент «Юнайтед пресс оф Америка» Уоллес Керолл и, как исключение, отказ сопровождался письменной резолюцией на прошении: «Не могу принять, занят», авторство которой принадлежало Сталину[40]. На другие обращения нормой ответа было бесстрастное молчание. Логика «вождя» вполне объяснима: он не пытался играть на общественном мнении народов союзных государств, не веря в силу и возможности повлиять на ситуацию. Однако в ноябре 1942 г. он неожиданно дал краткие ответы на три вопроса американскому корреспонденту Генри Кэссиди, осветив компанию союзников в Северной Африке (ответы были напечатаны в «Правде» 13 ноября). Несмотря на то, что начавшиеся боевые действия были оценены «как выдающийся факт большой важности», главная мысль ответа сводилась к фразе: «пока еще рано говорить о степени эффективности этой кампании в смысле уменьшения непосредственного давления на Советский Союз»[41].

Любопытно, что ответы советского лидера были даны для корреспондента так называемой «антирусской» направленности, что вызвало соответствующую реакцию у его более лояльных коллег. Уже через два дня заведующий московским бюро американского агентства «Юнайтед Пресс» Генри Шапиро жаловался Молотову, что все 8 лет работы в Советском Союзе он «сочувственно освещал происходившие здесь события, не получая содействия советских органов». Он привык работать в таких условиях, но современные события — ответы Сталина на вопросы Кэссиди — выставили его дураком. Поскольку речь шла о конкуренции между изданиями, Шапиро просил для себя той же привилегии. Тут же корреспондент адресовал послание самому Сталину, где критиковал Кэссиди за его антирусские взгляды и ставил вопрос об отсутствии различения друзей и врагов СССР советским руководством. В заключение Шапиро осмелился просить личной встречи с «вождем» и обширного заявления о военном положении[42]. Ему было отказано в обеих просьбах.

На наш взгляд, выбор Сталиным Генри Кэссиди в качестве интервьюера был не случаен. Советский лидер весьма скрупулезно относился к разного рода деятелям и возможности подколоть союзников не упустил, пусть даже таким незначительным способом.

Дипломаты также не выражали готовности к сотрудничеству с представителями прессы. Характерный пример — послание английского посла Криппса к Молотову. Британец заметил, что при визите к наркому десятидневной давности (дело происходило в августе 1941 г.) он завел речь «об оказании содействия английской прессе в Советском Союзе и зачитал список пяти различных объектов, которые ... могли бы быть показаны с тем, чтобы дать материал для интересных и полезных рассказов о советской стране и о тех усилиях, которые прилагаются в этой войне». Также Криппс просил об интервью Сталина, Молотова и других лидеров британским репортерам[43]. Констатируя факт выполнения одного пункта плана — посещение завода в Москве, посол заметил, что дальнейших мероприятий в этой области не предусматривается. Поэтому Криппс испрашивал более широких возможностей для английских журналистов, чтобы те могли «посылать к себе домой реалистические фельетоны местного колорита, которые оказали бы влияние на все классы Великобритании и стимулировали бы интерес и симпатии к Советскому Союзу»[44]. В просьбе, конечно, напрямую отказано не было, но о более широком доступе к жизни советских союзников (и, особенно, быта) не могло быть и речи.

Схожий эпизод описал в своих воспоминаниях заведующий отделом печати НКИД Н.Г. Пальгунов. Он рассказал об одном журналисте, который целый месяц требовал организовать ему встречу с Верховным главнокомандующим:

«— Поймите, — урезонивали его, — у Верховного главнокомандующего столько дел, что отвлекать его без крайней нужды недопустимо. Что вы хотите сказать ему?

— Я ничего не хочу ему сказать. Пусть он говорит, хотя бы одну минуту!

— Что он должен вам сказать? О чем ему говорить с вами?

— Пусть говорит о чем хочет, даже о погоде: все равно это будет интересно для всего мира!

Встреча, понятно, не состоялась»[45].

В подобных отказах нам видится не только стремление скрыть какую-либо нежелательную информацию, но и определенная дань сложившемуся общественно-политическому строю, который не подразумевал открытости в быту и в публичных выступлениях. Руководство СССР не видело в журналистах реальной силы, а лишь рупор правящих кругов, выдающий информацию обществу в строго дозированной форме. Другое дело — официальные лица, которых следовало принимать и вести себя как радушные хозяева.

Впрочем, даже при положительной атмосфере встречи Сталин никогда не упускал шанса выступить в качестве наставника перед представителями союзников, даже если это происходило в шуточной форме. В декабре 1941 г. визит в советскую столицу совершил министр иностранных дел Великобритании А. Иден. Темой обсуждения на переговорах было дальнейшее развитие англо-советских отношений в рамках военного времени и обмен мнениями по проблемам послевоенного устройства мира (последняя задача носила скорее «зондирующий», чем практический характер). Сталин положительно отреагировал на просьбу министра дать ему возможность побывать на фронте, определив санкцию на посещение района Клина, где шли бои с отступавшими фашистами. Финальный раунд переговоров был увенчан обедом в Кремлевском

дворце в честь Идена. Англичанин был очень доволен результатами заседаний и поездкой, произнес тост за хозяев, а в начале обеда с интересом осматривал стоящую на столе бутылку перцовки. На вопрос о роде напитка Сталин сказал «русское виски», на просьбу попробовать — налил большой стакан. «Ничего не подозревая, Иден поднес стакан ко рту и сделал большой глоток. Боже, что с ним сделалось! Перцовка сразу обожгла ему рот, он страшно покраснел, поперхнулся, глаза чуть не выскочили из орбит. Когда Иден несколько отдышался и пришел в себя, Сталин нравоучительно заметил:

— Такой напиток может пить только крепкий народ. Гитлер начинает это чувствовать»[46].

Здесь, на наш взгляд, открывается еще одна немаловажная деталь во взаимоотношениях советского руководства с западными коллегами — национальная психология, или менталитет. Так или иначе, данный фактор не может не влиять на субъектно-объектные отношения. И хотя его значение возрастает прямо пропорционально занимаемым должностям и пересечению с властными структурами, оно все же присутствует и на самом высшем уровне. Истинное отношение советского лидера к англичанам и американцам определялось формулой «мы-они», а совместные действия и интересы соблюдались лишь исходя из принципа целесообразности. Точно так же старалась поступать большая часть чиновников внешнего ведомства, т.е. дипломатов, во главе с самим Молотовым.

Таким образом, для централизованной дипломатии Кремля не было характерным хорошее знание искусства дипломатии и положительное отношение к западным союзникам. Англичане и американцы воспринимались с явным подозрением, словно работники внешнего ведомства пытались перенять привычки Сталина, и установить с ними нужные контакты удавалось не всегда. Это было серьезным минусом для советского дипломатического корпуса, но отчасти соответствовало общей государственной концепции: ни США, ни Англия не вносились в категорию «своих», они должны были остаться «чужими», но в рамках общего боевого союза против Гитлера.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Война и общество. 1941-1945. Кн. 1. М., 2004. С. 455.
2. *Чуев Ф.И.* Сто сорок бесед с Молотовым. М., 1991. С. 242.
3. Война и общество... Кн. 1. С. 461.
4. *Майский И.М.* Избранная переписка с российскими корреспондентами. В 2-х кн. Кн. 2. М., 2005.С. 89.
5. Там же. С. 90-92.
6. *Борисов А.Ю.* СССР и США. Союзники в годы войны 1941-1945. М., 1983. С. 50.
7. *Данн Д.* Между Рузвельтом и Сталиным. Американские послы в Москве. М., 2004. С. 183-184.
8. *Борисов.* СССР и США... С. 52.
9. *Бережков В.М.* Как я стал переводчиком Сталина. М.,1993. С. 337.
10. *Баландин Р.К., Миронов С.С.* Дипломатические поединки Сталина. От Пилсудского до Мао Цзедуна. М., 2004. С. 203.
11. *Майский И.М.* Воспоминания советского посла: Война 1939-1943. М., 1965. С. 272-273

12. *Майский*. Избранная переписка... Кн. 2. С. 8.
13. *Бережков*. Ук. соч. С. 336-338.
14. Там же. С. 340.
15. Война и общество... Кн. 1. С. 462-463.
16. Переписка Председателя Совета Министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. В 2-х т. М., 1986. Т. 1. С. 378.
17. Война и общество... Кн. 1. С. 463.
18. *Громыко А.А.* Памятное. М., 1988. С. 129.
19. *Иванов Р.Ф., Петрова Н.К.* Общественно-политические силы СССР и США в годы войны: 1941-1945. Воронеж, 1995. С. 149-151.
20. Там же. С. 151.
21. *Дин Дж. Р.* Странный союз. М., 2005. С. 22
22. *Бережков*. Ук. соч. С. 338-339.
23. Там же. С. 339.
24. *Майский*. Воспоминания советского посла... С. 371. Посол имел в виду случаи неожиданного отзыва советских уполномоченных лиц за границей в Москву без обратного их возвращения.
25. Там же. С. 380-381.
26. «Правда», 1941 г., 2 октября.
27. Цит. по: *Борисов*. СССР и США... С. 62.
28. Земсков И.Н. Дипломатическая история второго фронта в Европе. М., 1982. С. 70. Под Западом здесь имеется в виду фронт в Западной Европе, в частности, в северной Франции.
29. *Фейс Г.* Черчилль. Рузвельт. Сталин. Война, которую они вели, и мир, которого они добились. М., 2003. С. 52.
30. *Земсков*. Ук. соч. С. 76.
31. *Мальков В.Л.* Путь к имперству: Америка в первой половине XX века. М., 2004. С. 374-375.
32. Цит. по: *Земсков И.Н.* Дипломатическая история второго фронта в Европе. С. 80.
33. Цит. по: *Уткин А.И.* Дипломатия Франклина Рузвельта. Свердловск, 1990. С. 240.
34. *Земсков*. Ук. соч. С. 88.
35. *Чуев*. Ук. соч. С. 66-67.
36. *Бережков*. Ук. соч. С. 318.
37. *Верт А.* Россия в войне. 1941-1945. М., 2003. С. 527.
38. РГАСПИ. Ф.558. Оп. 11. Д.282. Лл.4-5.
39. *Верт*. Ук. соч. С. 182.
40. РГАСПИ. Ф.558. Оп. 11.Д.221.Л.2.
41. *Сталин И.В.* О Великой Отечественной войне советского народа. М., 1951. С. 82-83.
42. РГАСПИ. Ф.558. Оп. 11. Д.221. Лл.29-40.
43. Там же. Ф.17. Оп. 125. Д.34. Л.7.
44. Там же. Л. 8.
45. *Пальгунов Н.Г.* Тридцать лет. М., 1964. С. 252-253
46. *Майский*. Воспоминания советского посла... С. 207-213.

SOVIET DIPLOMATIC CORPUS AND ITS WORK WITHIN THE FRAMEWORK OF ANTIHITLERITE COALITION DURING GREAT PATRIOTIC WAR

I.O. Koldomasov

In any war the special role belongs to diplomats — those who are professionally responsible for realization of a state foreign policy. During the Great Patriotic war the Soviet diplomacy worked in extra conditions, a special place in the USSR policy belonged to the allies: the USA and the Great Britain. Actions of diplomats had been strictly subordinated to the will of the Kremlin and personally Stalin. The Soviet authorities watched closely all the assignments of the ambassadors and their work abroad, quite often preferring fidelity and skill «to hold the blow" to knowledge of a foreign language and other professional qualities. It led to complications in contacts with the western countries, but allowed to achieve the basic aim that is to struggle successfully with the fascism, avoiding any friendly relations.

© 2008 г.

О.Ф. Михайловская

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПРОФСОЮЗОВ ПО УЛУЧШЕНИЮ УСЛОВИЙ ТРУДА И СНИЖЕНИЮ ПРОИЗВОДСТВЕННОГО ТРАВМАТИЗМА НА ПРЕДПРИЯТИЯХ ЧЕЛЯБИНСКОЙ ОБЛАСТИ (60-Е ГОДЫ XX ВЕКА)

Одним из важных направлений в деятельности профсоюзов являлись вопросы охраны труда. Ещё в 1918 г. впервые в истории был создан первый Кодекс законов о труде РСФСР, в котором закреплялась программа рабочих требований в области охраны труда и устанавливались основные принципы социалистического трудового законодательства. Создание безопасных и здоровых условий труда на производстве, устранение причин травматизма и профессиональных заболеваний имели большое социально-экономическое значение. Однако производственный травматизм на предприятиях Челябинска и области был очень высок. Так, производственный травматизм на ЧТЗ за 1960 г. по коэффициенту частоты снизился на 1,8 %, а по коэффициенту тяжести произошло повышение на 2,3 %.

По заводу «Строммашина» по коэффициенту частоты производственный травматизм снизился на 23,5 %, а по коэффициенту тяжести увеличился на 12 %.

По заводу «Шлифизделие» травматизм снизился по коэффициенту частоты в 4,1 раза, а по коэффициенту тяжести в 6,4 раза[1].

По корпусам ЧТЗ производственный травматизм распределялся следующим образом (Таблица 1)[2].

№ п/п	Наименование корпуса	Коэффициент частоты 1959 г.	1960г.	Коэффициент тяжести 1959 г.	1960 г.
1.	Тракторный	46,6	41,6	12,6	12,5
2.	Литейный	57,7	60, 1	12,9	14,7
3.	Кузнечный	72,6	74,0	11,8	12,6
4.	Моторный	21,6	21,6	12,7	12,9
5.	Корпус № 2	28,8	35,3	12,3	12,2
6.	УКС	39,2	28,9	15,3	14,3
7.	Прочие цехи	19,3	17,6	13,1	13,9
	Всего по заводу	34,2	33,6	12,6	12,9

Из таблицы следует, что в 1960 г. вырос производственный травматизм в корпусе № 2 на 22 %. Такой значительный рост травматизма объяснялся тем, что в течение 1960 г. в корпус было введено свыше 1500 новых рабочих, которые не имели практического опыта работы, допускали неправильные приёмы в работе, а ИТР не уделяли должного внимания надзору за выполняемыми работами.

Кроме того, в связи с повышенным планом в цехах корпуса (МХ-2, МХ-3) имела место значительная загромождённость и захламлённость рабочих мест, проходов и проездов.

В кузнечном корпусе травматизм продолжал оставаться на высоком уровне (Кч=74,0). Основной причиной столь высокого уровня травматизма являлись большая текучесть рабочих. Так, за истекший год в кузнечном цехе № 1 убыло 124 чел., а принято 188. Травмировалось в этом цехе со стажем работы до 6 мес. — 19 чел., а со стажем работы от 6 мес. до 1 года — 9 чел. Всего со стажем работы до 1 года травмировалось 27 чел., что составляло более 50 % от всех несчастных случаев. Аналогичная картина была и в кузнечном цехе № 2. За год из цеха уволилось 154 чел., а было принято 200 чел., из которых травмировалось 27 чел., что также составляло более 50 % от всех несчастных случаев.

Со стороны административно-технического персонала кузнечного корпуса слабо осуществлялся технадзор за выполнением работавшими правил и норм по технике безопасности. За непринятие должных мер по снижению производственного травматизма начальник кузнечного цеха № 1 Фёдоров технической инспекцией был оштрафован на 150 руб.

В кузнечном цехе № 2 с целью выявления основных причин столь высокого уровня травматизма и мобилизации профактива и ИТР на снижение травматизма было проведено выездное заседание комиссии охраны труда — завкома. Своим решением комиссия обязала начальника цеха Киселёва принять все необходимые меры по созданию нормальных условий труда и снижению производственного травматизма.

По заводу Строммашина по цехам производственный травматизм распределялся следующим образом (Таблица 2)[3].

№ п/п	Наименование цеха	К-во несчастных случаев 1959	1960	Дни нетрудоспособности 1959	1960
1.	Механический	24	13	270	156
2.	Литейный	11	18	279	340
3.	Сборочный	13	4	152	49

№ п/п	Наименование цеха	К-во несчастных случаев 1959	1960	Дни нетрудоспособности 1959	1960
4.	Кузнеч. заготов.	8	9	118	128
5.	Инструментал.	4	5	26	55
6.	Прочие цехи	12	12	150	208
	Итого по заводу	72	61	955	936

Из таблицы следует, что почти 1/3 всех несчастных случаев произошла в литейном цехе (из 61 н/случая – 18). Это объяснялось тем, что план из года в год увеличивался, а производственные площади (особенно обрубное отделение и землеприготовительные) ни в какой мере не соответствовали объёму выпускаемой продукции.

Повышение коэффициента тяжести на заводе Строммашина на 12 % произошло по той причине, что на 1960 г. перешло более 80 дней нетрудоспособности с 1959 г. и на заводе имели место 3 несчастных случая с длительной нетрудоспособностью.

В течение 1960 г. техническая инспекция провела четыре совещания с командным составом цехов и корпусов на ЧТЗ и заводе Строммашина по вопросам охраны труда и техники безопасности.

Анализируя производственный травматизм по группам основных организационно-технических причин на ЧТЗ, было установлено, что наибольший процент травм имел место по следующим причинам:

1. Неисправное состояние оборудования, инструмента, ограждений — 6,6 %
2. Нарушение правил технической эксплуатации и техники безопасности — 28,5 %
3. Недостатки в организации рабочих мест — 13,5 %
4. Отсутствие подробного инструктирования рабочих и их обучение — 7,3 %
5. Отсутствие должного руководства и надзора за соблюдением рабочими правил техники безопасности — 14,5 %

Из этого следует, что на заводе слабо осуществлялся технадзор со стороны ИТР за безопасным ведением работ, в результате чего допускалось в эксплуатацию неисправное оборудование, инструменты, приспособления, захламлённость, загромождённость рабочих мест, проходов, производили неправильную укладку и транспортировку грузов и т.д.

За отчётный период на заводах Строммашина и Шлифизделие тяжёлых и смертельных несчастных случаев не было. На ЧТЗ за это время произошло 2 смертельных и 9 тяжёлых несчастных случаев.

Все тяжёлые и несчастные случаи были обсуждены на завкоме профсоюза. Материалы по смертельным несчастным случаям были переданы в прокуратуру Тракторозаводского района. По смертельному несчастному случаю с обходчиком-канализатором Гайдержи из-за отсутствия состава преступления дело было прекращено, а по смертельному несчастному случаю с крановщицей чугунолитейного цеха Шитовой прокуратура вела следствие.

24 мая 1961 г. в Челябинске состоялось совещание работников предприятий промышленности, строительства, здравоохранения, профсоюзного актива. Обсуждалась главная тема «Состояние заболеваемости и травматизма на предприятиях и мероприятия по их снижению».

В выступлениях отмечалось, что на улучшение гигиенических условий по Совнархозу в 1959 г. было израсходовано 74 млн. руб, в 1960 г. на предприятиях Челябинска израсходовано уже 108 млн. руб.

В результате был снижен производственный травматизм: в 1960 г. на 9,9 % по сравнению с 1957 г. По Челябинску в 2 раза были снижены случаи со смертельным исходом[4].

Однако в выступлении главного хирурга города Корабельникова было подчёркнуто, что травматизм вырос на цинковом заводе, ЧТЗ, заводе п/я 500. Причинами являлись: недостаток механизации, отсутствие заграждений, недостаток конструкций машин, неисправность оборудования, спецодежды, неправильное содержание рабочих мест, полов, освещения[5].

За 1960 г. производственный травматизм был снижен на Ашинском металлургическом заводе. Здесь коэффициент частоты несчастных случаев в этом году был ниже, чем на Саткинском, Уфалейском и других заводах. Очень помогало движение бригад коммунистического труда за работу без травм и нарушений.

Мартеновский цех имел коэффициент частоты несчастных случаев 50,4 %, что было выше среднезаводского в 2 раза. Высок коэффициент частоты несчастных случаев был в огнеупорном и литейном цехах. На снижении сказалось выполнение мероприятий по технике безопасности. В 1960 г. на это было затрачено 900 тыс. руб.

Из-за неправильной организации труда на заводе произошло 38 % несчастных случаев, из-за неправильных приёмов труда — 28 %, из-за неправильной эксплуатации грузоподъёмных устройств — 13,1 % несчастных случаев[6].

30 марта 1973 г. было принято Постановление № 5 Пленума Верховного суда СССР «О внесении дополнений и изменений в Постановление Пленума Верховного суда СССР от 30 мая 1967 г. «О практике рассмотрения судебных дел, связанных с нарушениями правил охраны труда и техники безопасности и повышении роли судов в предупреждении этих правонарушений». В Постановлении указывалось на необходимость повышения роли судов в предупреждении преступных нарушений правил охраны труда. Суды должны были глубоко и всесторонне исследовать причины и условия, порождающие производственный травматизм, не оставлять без реагирования вскрытые в ходе рассмотрения дела о нарушениях правил охраны труда и техники безопасности,[7] острее реагировать на случаи пьянства на работе и т.д.

Совершенно неудовлетворительное положение с травматизмом было в 1960 г. в Челябинском угольном бассейне. На двух шахтах были допущены крупные аварии (на шахтах № 18-бис и 29-кап.), при которых погибло 14 чел, а на шахте № 1–2 Куллярской — 2 чел. Эти несчастные случаи дали рост смертельного травматизма в сравнении с 1959 г. на 50 %[8].

В бассейне проводилась большая работа по реконструкции шахт, введению новых систем разработок и управления кровлей, вводились новые машины, металлические крепи, велись работы по улучшению санитарного состояния горных выработок и бытовых комбинатов, что способствовало значительному сокращению травматизма.

Немалую роль в этом играли профсоюзные комитеты, их комиссии охраны

труда и общественные инспектора: было избрано 1790 общественных инспекторов и 1023 члена комиссий охраны труда.

В марте 1960 г. обком профсоюза провёл трёхдневный семинар с председателями комиссий охраны труда, где присутствовали работники обкома и технические инспектора Совпрофа, а также главный инженер комбината Шелудько и главный инженер горного округа Цыбин.

На шахтах и разрезах Челябинского угольного бассейна проводились еженедельные дни техники безопасности, на которых рассматривались случаи травм на предприятиях, их причины и намеченные меры. Проводились ежемесячно и более широкие совещания с докладами главных инженеров шахт о состоянии травматизма и намечаемых мерах.

В результате этой работы около половины общественных инспекторов охраны труда вели активную работу.

Комиссии охраны труда совместно с администрацией проводили взаимопроверки состояния охраны труда и техники безопасности. Итоги этих проверок обсуждали на заседаниях комиссии охраны труда или шахткомов. Однако обком не добился такого положения, чтобы все общественные инспектора и члены комиссии охраны труда вели активную работу. Здесь сказался неудачный подбор общественных инспекторов и отсутствие повседневной работы с ними на ряде шахт.

Президиум обкома в 1960 г. 7 раз слушал отчёты шахткомов по работе комиссий охраны труда и вопросам безопасности. 22 июля 1960 г. рассматривалось письмо ЦК КПСС от 2 апреля 1960 г. об усилении работы по охране труда. 20 апреля 1960 г. рассматривались мероприятия по Постановлению Совета Министров РСФСР «О мерах улучшения техники безопасности на предприятиях угольной промышленности».

По городам были проведены специальные совещания по технике безопасности, на которые были приглашены начальники и главные инженеры предприятий, секретари парторганизаций, председатели профкомитетов, на которых обсуждались состояние и меры по улучшению охраны труда, техники безопасности и промсанитарии, а также организаторской работе.

28 мая 1960 г. в Коркино было проведено собрание профсоюзно-хозяйственного актива с вопросом «О состоянии охраны труда и техники безопасности на предприятиях бассейна», где присутствовало 512 чел.

В сентябре 1960 г. состоялся однодневный семинар с председателями профкомов, на котором рассматривался главный вопрос работы профорганизаций по охране труда и технике безопасности[9].

В Записке председателя ВЦСПС А. Гришина в ЦК КПСС указывалось, что за семилетие на охрану труда в угольной промышленности было израсходовано по колдоговорам 390 млн. руб. В результате с 1959 по 1965 год количество несчастных случаев снизилось более чем в 2 раза. В 1965 г. на 335 шахтах не было ни одного несчастного случая со смертельным исходом. Десятки шахт работали без аварий и тяжёлого травматизма в течение двух, трёх и более лет.

Тем не менее, ещё низка была технологическая и трудовая дисциплина, неудовлетворительна организация работ и безответственное отношение некоторых руководителей, часты были различные нарушения[10].

В результате, несмотря на принимаемые меры, травматизм оставался. Так, только за 9 месяцев 1960 г. в Магнитогорской комплексной геолого-разведочной партии произошло 4 несчастных случая с потерей 137 дней нетрудоспособности[11]. Причинами травматизма являлись следующие: 1) слабый контроль за соблюдением правил техники безопасности со стороны инженерно-технического персонала партии, особенно старших буровых мастеров; 2) недостаточная опытность и практическая подготовка, связанная с большой текучестью рабочей силы, особенно в буровом цехе, и частые перемещения с одного рабочего места на другое; 3) отсутствие повседневного общественного контроля за соблюдением правил техники безопасности.

Для принятия мер по геолого-разведочной партии было издано 9 приказов по устранению нарушений правил техники безопасности и трудовой дисциплины. За рост травматизма и нарушение правил техники безопасности были понижены в должности один старший и один сменный мастер. Четыре старших мастера получили строгий выговор, два сменных — выговор, на заведующего механическим цехом и старшего мастера Рассадникова был наложен денежный штраф в сумме по 100 руб. с каждого.

На Уральском автомобильном заводе (Миасс) была активизирована работа цеховых комиссий по охране труда и технике безопасности во многих цехах. Но, несмотря на это, такой важной работе не придавалось должного внимания со стороны начальников цехов и цеховых комитетов, вследствие чего при общезаводском коэффициенте частоты несчастных случаев 18 на 1000 работающих в цехах: литейном № 1 коэффициент частоты составлял 38,2, литейном № 3 — 46,0; прессовом — 40,7; шасси — 28,4; волочильном — 49,9[12]. Суть в том, что в этих цехах не велась борьба с основными причинами травматизма, отсутствовал должный надзор за производством работ и инструктаж по технике безопасности со стороны мастеров и начальников участков.

23 января 1962 г. было издано постановление Совета Министров СССР и ВЦСПС № 73 «Об улучшении условий труда на предприятиях и стройках». При проверке Челябинского трубопрокатного завода, в которой участвовал не только директорский корпус завода, но и врачи Ленинской райСЭС, медсанчасти ЧТПЗ, профсоюзные работники, технические инспектора, было установлено, что на заводе требования постановления не выполнялись, существовало большое количество нарушений техники безопасности, которые приводили к несчастным случаям.

Было признано, что и расследование несчастных случаев производилось формально, качество составляемых актов было низким. Не во всех актах указывались причины несчастных случаев и необходимые мероприятия по их предупреждению. В ряде цехов общественные инспектора не участвовали в расследовании несчастных случаев, действительные причины и виновные лица не выявлялись, ответственность перекладывалась на самих пострадавших при наличии явной вины администрации.

Указанные недостатки имели место потому, что руководство завода (директор Я.П. Осадчий, главный инженер Ольхович) недооценивали значение вопросов охраны труда, недостаточно требовали от руководителей цехов и служб завода принятия необходимых мер по улучшению условий труда и строгому со-

блюдению правил техники безопасности при производстве работ. На заводе не была выработана система профилактики производственного травматизма, не был установлен строгий контроль за выполнением намеченных мероприятий по охране труда. Главный инженер завода Ольхович устранился от контроля за работой отдела техники безопасности, который работал крайне слабо[13].

15 мая 1963 г. в г. Челябинске состоялся 2-й пленум Челябинского областного комитета профсоюза рабочих машиностроения. Он обсудил вопрос «О состоянии и мерах улучшения условий труда, снижения производственного травматизма и заболеваемости на предприятиях управления автотракторного и сельхозмашиностроения и Кусинском машиностроительном заводе»[14]. На пленуме было отмечено, что в результате пренебрежительного отношения ряда руководителей цехов и предприятий к созданию здоровых и безопасных условий труда на производстве, отсутствия должной борьбы с нарушениями правил и инструкций по технике безопасности производственный травматизм за 1962 г. остался на уровне 1961 г. и составил по коэффициенту частоты 27,4.

Основными причинами высокого производственного травматизма на большинстве предприятий Челябинска и Челябинской области являлись организационные вопросы, не требующие капитальных затрат: слабый технический надзор, неудовлетворительный инструктаж и обучение среднего командного состава и рабочих, плохая организация рабочих мест, их захламлённость и загромождённость на предприятиях.

В 1962 г. против 1961 г. возрос производственный травматизм на Челябинском тракторном заводе по коэффициенту частоты на 4,2 %, Уральском автомобильном — 25,6 %, Челябинском заводе мерительных инструментов — 21 %[15].

Несмотря на высокий уровень производственного травматизма на заводах Троицком дизельном и станкозаводе, Кусинском машиностроительном и точных технических камней и ряде других, глубокого анализа причин травматизма, а следовательно и проведения конкретных мер по ликвидации этих причин не проводилось, зачастую всё сводилось к переложению «вины» на самого пострадавшего.

По-прежнему оставались крайне тяжёлые условия труда в литейных, кузнечных и термических цехах, на малярных участках многих машиностроительных предприятиях Челябинской области.

Несмотря на вышеуказанные недостатки областной комитет профсоюза рабочих машиностроения и его отдел охраны труда, заводские комитеты и общественность охраны труда предприятий не предъявляли должной требовательности к хозяйственным руководителям, проявлявшим безразличие к созданию здоровых и безопасных условий труда работающих и нарушавшим трудовое законодательство. Заводские комитеты не контролировали деятельность общественности по охране труда и не оказывали повседневной помощи в их работе. Результатом этого было увеличение травматизма и несчастных случаев на производстве.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. ОГАЧО. Ф. П-282. Оп. 2. Д. 145. Л. 37

2. Там же. Л. 37-38.
3. Там же. Л. 39.
4. Там же. Л. 25.
5. Там же. Л. 15.
6. ОГАЧО. Ф. 138. Оп. 3. Д. 14. Л. 3-об.
7. ГАРФ. Ф. Р-5451. Оп. 27. Д. 309. Л. 65.
8. ОГАЧО. Ф. 136. Оп. 2. Д. 231. Л. 13.
9. Там же. Л. 14-17.
10. ГАРФ. Ф. Р-5451. Оп. 27. Д. 263. Л. 1-2.
11. ОГАЧО. Ф. 282. Оп. 2. Д. 288. Л. 3-6.
12. ОГАЧО. Ф. 189. Оп. 1. Д. 35. Л. 11-12.
13. ОГАЧО. Ф. П-282. Оп. 3. Д. 21. Л. 147-149.
14. Постановления 11 пленума Челябинского областного комитета профсоюза рабочих машиностроения. 15 мая 1963 г. Челябинск, 1963. С. 3-9.
15. Там же. С. 4.

TRADE UNIONS ACTIVITY ON IMPROVEMENT OF WORK CONDITIONS AND REDUCTION OF INDUSTRIAL INJURIES AT CHELYABINSK REGION FACTORIES (THE 60-s OF THE 20th c)

O.F. Mikhaylovskaya

This article is dedicated to quite an urgent problem. Author considers causes and consequences of industrial injuries at the factories of Chelyabinsik region during the sixties of the 20th century. The author showed that the main cause of accidents at the works are negligence of workers and managers, inability to equip the work places in a proper way, infringement of safety measures and absence of guidance and control from the trade union.

© 2008 г.

О.А. Голубева

ИЗ ИСТОРИИ РАЗВИТИЯ ТУРИЗМА НА ЮЖНОМ УРАЛЕ В 60–80-х годах XX в.

Туризм на Урале получил свое активное развитие в конце 1960-х годов, чему способствовало принятие 30 мая 1969 года постановления ЦК КПСС, Совета Министров СССР и президиума ВЦСПС «О мерах по дальнейшему развитию туризма и экскурсий в стране». Южный Урал стал привлекательным туристским краем, где регулярно поводились городские, производственные, загородные экскурсии, походы по маршрутам выходного дня, многодневные авиационные и железнодорожные путешествия по стране.

Челябинская область явилась составной частью многих всесоюзных маршрутов. Программа путешествия включала знакомство туристов Грузии, Краснодара, Крыма, Сибири с достопримечательностями нашего края. Идея «поезда здоровья» впервые была реализована в Челябинске, что способствовало в начале 1970-х годов распространению этой формы отдыха во многих уголках страны. «Поезда здоровья» курсировали в выходные дни, и не только со станции Челябинск, но и Копейска, Коркино, Магнитогорска[1].

На рубеже 1960–70-х годов туризм превратился в крупную отрасль обслуживания населения. В области активно развивалась сеть туристских объектов. Советские профсоюзы в это время располагали более чем 500 туристскими базами, 6765 туристско-оздоровительными лагерями. На предприятиях насчитывалось более 75 тысяч туристских секций, объединявших около 5 миллионов человек, где активно шла подготовка общественных туристских кадров.

Туризм был тесно связан с различными отраслями народного хозяйства, что позитивно влияло на развитие экономики страны[2].

За 1971–1975 года в Челябинской области более чем в два раза увеличилось число отдыхающих на местных туристских базах, в 22 раза — число путешественников на маршрутах выходного дня, в поездах и на самолетах. В это время с Южного Урала отправлялись 18 туристских поездов на Кавказ, в Прибалтику, Закарпатье, на Украину, в Среднюю Азию. Кроме того, возникла и была реализована идея «театрального поезда».

С 1973 года были введены новые всесоюзные маршруты, которые начинались в Челябинске. Один из них тянулся через озера Еловое, Кисегач, Зюраткуль, Тургояк, через хребет Таганай, с 13-тидневным походом по Уралу. Другой маршрут следовал от Челябинска на Ильменскую турбазу, затем в Свердловск, после в Курган и Зауралье[3].

Разработка новых маршрутов стала причиной строительства новых туристских объектов, совершенствования имеющейся материальной базы. Значительно возросло число проводимых спортивных путешествий (до 14,5 тысяч), более 600 человек присвоено звание мастера спорта[4].

В это время туристско-краеведческая работа на Урале проводилась в рамках Всесоюзной экспедиции «Мое отечество СССР». Наиболее популярными стали

следующие направления: следопытский поиск, работа юных геологов, туристические походы, ориентирование. Впервые был организован лагерь юных ориентировщиков на базе пионерского лагеря «Орленок» Миньярского метизно-металлургического завода. Для старшеклассников Областным советом по туризму были открыты 4 турбазы (Уральская туристическая база и 3 базы располагались в арендованных школах). Регулярно проводились городские, загородные и производственные экскурсии с охватом более 15 тысяч ребят[5].

Значительно возросло количество отдыхающих детей в трудовых, спортивно-оздоровительных, туристических лагерях. По сравнению с 1971 годом (22500 ребят) в 1973–74 гг. отдыхало 36 800 подростков. Особое внимание в работе с детьми было уделено трудовому воспитанию путем вовлечения в общественно-полезную трудовую деятельность в период школьных каникул.

Для учащихся детско-юношеских школ профсоюзные комитеты организовали спортивно-оздоровительные лагеря. Около 600 старшеклассников ежегодно проводили летние каникулы на турбазах областного Совета по туризму, 600 человек совершили путешествие по стране. В 1974 году 400 туристов-общественников за плодотворную работу по воспитанию молодых рабочих были награждены туристическими путевками по ленинским местам на поезде «Челябинские наставники»[6].

Одним из направлений туристско-краеведческой работы в Челябинской области стали мероприятия по организации экспедиции в 1978–1980 гг., посвященной XXVI съезду КПСС, 60-летию образования СССР, 60-летию Всесоюзной пионерской организации им. Ленина, 80-летию II съезда партии и 65-летию ВЛКСМ[7].

Особо популярными среди жителей области были местные маршруты и маршруты выходного дня. Самодеятельный туризм рассматривался как оздоровление организма путем естественной физической нагрузки, имел большой воспитательный и познавательный эффект, активно воздействовал на всестороннее развитие личности и формирование нравственных качеств. Это явилось самопроверкой человека в условиях борьбы с трудностями, стихийными силами природы.

Так, к началу 1980-х годов на Южном Урале для самодеятельных туристов было разработано 19 тысяч маршрутов по родному краю, 1400 квалифицированных категорийных маршрутов[8].

В эти годы кроме действующих 17 плановых маршрутов продолжительностью три и более дня экскурсоводы Челябинской области разработали 10 новых по Челябинску, половину которых были для детей и подростков. Программа экскурсии включала троллейбусный маршрут, начинавшийся с железнодорожного вокзала г. Челябинска.

При областном Совете профсоюзов действовала областная Федерация туризма, которая объединяла 15 клубов туристов и 686 секций по туризму при коллективах физической культуры на промышленных предприятий и учебных заведениях. Они реализовывали более 60 тысяч самодеятельных маршрутов, проводили районные, городские, областные слеты, соревнования по различным видам туризма. За 1981–1985 годы в области было подготовлено 12 тысяч разрядников, 132 значкиста «Турист СССР», 700 судей[9].

С ежегодным ростом количества туристов увеличивалась и материально-техническая база. Так, в ведении профсоюзов страны находилось уже около 1 тысячи гостиниц, баз, кемпингов на 362 тысячи мест. На плановых маршрутах обслуживалось 32 миллиона туристов и 173 миллиона экскурсантов. В стране функционировало при Советах по туризму и экскурсиям около 1700 турбаз, на предприятиях, в учреждениях и учебных заведениях свыше 67 тысяч туристских секций коллективов физкультуры, более 20 тысяч пунктов проката туристского снаряжения и инвентаря[10].

На территории Челябинской области существовало свыше 300 учреждений лечения, отдыха и туризма: санатории, дома отдыха, базы отдыха, турбазы, летние городки, спортивно-оздоровительные лагеря общей вместимостью около 62 тысяч человек. Кроме того, имелись загородные пионерские лагеря для 42 тысяч детей. В Миассо-Чебаркульской курортно-оздоровительной зоне было сосредоточено около 200 санаторно-курортных и оздоровительных учреждений.

Однако отмечалось, что туристско-экскурсионные организации в Челябинской области недостаточно обеспечивались автотранспортом, мебелью и туристским инвентарем. Строительное управление «Курортстрой» вело строительство туристских объектов на автотурбазе «Синегорье» с нарушением сроков. Областной совет по туризму и экскурсиям обеспечивал развитие и совершенствование туристско-экскурсионного обслуживания за счет реконструкции и расширения материальной базы, организовав широкий прокат туристского и спортивного инвентаря[11].

В конце 1980-х годов Областной совет по туризму и экскурсиям принял решение о максимальном использовании ресурсов Челябинской области. Для этого был разработан новый маршрут отдыха «По озерам Южного Урала», проходящий по горно-заводской части области. Туристы могли познакомиться с промышленностью и достопримечательностями городов Кыштым, Златоуст, Миасс, их историей, краеведением, окрестностями. Автобусный тур проходил по живописным озерам Увильды, Аракуль, Большая Акуля, Акакуль, Тургояк, Чебаркуль. Группы путешествующих комплектовались в гостинице «Турист», где выдавалось снаряжение и продукты питания[12].

За 1970-1980 годы профсоюзами было вложено более 1062 миллионов рублей в создание новых туристских комплексов и гостиниц, турбаз и кемпингов. Службы сервиса пополнились мощными автохозяйствами, прокатными мастерскими и ремонтно-строительными организациями.

За годы десятой пятилетки построены и введены в эксплуатацию туристские объекты на 60 тысяч мест. К концу 1980 года количество мест увеличилось до 360 тысяч.

Профсоюзами разрабатывались планы перспективного развития туристско-экскурсионного дела. Была заложена основа Генеральной схемы его совершенствования на период до 1990 года, что предусматривало мощное перевооружение материально-технической базы, дальнейшее расширение сети туристских и экскурсионных учреждений, а следовательно, повышение эффективности туризма и экскурсий[13].

Значительная работа в туристской сфере на Южном Урале проводилась спе-

циалистами отдела генерального планирования института «Челябгражданпроект» по разработке программы перспективного развития туризма в области. Водные ресурсы Челябинской области привлекали внимание туристов-водников, степной край стал местом для организации конных маршрутов[14].

На Южном Урале организация туризма стала возможной и экономически выгодной только при условии перехода к проектированию и строительству крупного комплекса туристских предприятий, разработки разнообразных туристских маршрутов. Предлагалась схема развития туризма в две очереди с 1983 по 1995 и с 1995 по 2005 гг.

На первом этапе обращалось внимание на маршрутную сеть горно-лесной зоны, где Челябинск являлся главным центром. В Магнитогорской зоне предусматривалось открытие нового турбюро, Северной горно-лесной и Троицкой зонах планировалась организация экскурсий и походов по маршрутам выходного дня.

К 1995 году требовалось открытие автомобильного маршрута №16 «По Уралу», рассчитанного на 16 дней, из которых 3-4 дня в области с посещением Челябинска, Ильменского заповедника, озера Тургояк. Другой маршрут «По каменному поясу Южного Урала», который начинался бы в Челябинске, был запланирован как автобусный продолжительностью 18 дней.

Местные спортивно-оздоровительные маршруты разрабатывались, имея в планах реализацию несколько маршрутов: конного на 12 дней летом и 10 дней зимой по живописным окрестностям; водного — на плотах по Юрюзани; автомобильного — по Синегорью и Ильменам; велосипедного — по горно-лесной зоне.

Создание сети туристских учреждений было запланировано в Златоусте, Магнитогорске, на турбазах «Ильменская», «Синегорье», предлагалось открытие трех новых туристских зон: Северной горно-лесной, Троицкой и Ашинской. Популярными среди путешествующих стали бы турбаза «Каслинская Венеция» на озере Сунгуль, кемпинг на озере Калды, приют «Караван-сарай» в районе Башни Тамерлана. Специалистами была запланирована реализация увлекательных маршрутов для водников, лыжников, программа освоения туристами нового вида транспорта — мотонарты[15].

Институтом «Челябгражданпроект» разрабатывалась схема развития нескольких видов туризма: авто-, мото-, велосипедный, горный, лыжный, спелео- и конный. Основными туристскими центрами в Челябинской области стали бы города Челябинск, Златоуст, Миасс и турбазы горно-лесной зоны. Транзитными пунктами посещения являлись Кыштым, Чебаркуль, где можно было ознакомиться с богатым историко-культурным наследием области[16].

Бюро Челябинского обкома КПСС, исполком областного Совета Народных депутатов, президиум областного Совета профсоюзов и Бюро обкома ВЛКСМ приняли постановление, направленное на дальнейшее развитие туризма и совершенствование туристско-экскурсионного обслуживания в Челябинской области в 1986–1990 и на период до 2000 г.

Большое внимание в документе уделялось туризму как форме организации досуга, важнейшему средству укрепления здоровья. Проект новой редакции программы КПСС предусматривал решение социальных вопросов труда, быта,

культуры, удовлетворение интересов и нужд человека. Ежегодно на туристских и экскурсионных маршрутах областной Совет профсоюзов обслуживал 1 350 тысяч южноуральцев, предоставляя услуги на 13 миллионов рублей.

Постановление ЦК КПСС «О мерах по преодолению пьянства и алкоголизма» требовало значительного улучшения работы Совета по туризму в организации и планировании свободного времени трудящихся. Было обозначено, что туризм и алкоголь несовместимы с отдыхом на турбазе, в тургостиницах, на экскурсиях, что и стало причиной изменения режима работы баров, буфетов, ресторанов на туристских объектах.

Анализ динамики туристско-экскурсионного движения свидетельствует о том, что его наибольший размах приходился на период 1970–80-х годов. На территории страны действовало более 800 туристских клубов, более 40 тысяч общественных комиссий. В 1990 году значок «Турист СССР» был вручен 250 тысячам туристов, спортивные разряды присвоены 80 тысячам туристов, а звание мастера спорта — 124 туристам[17].

Главными источниками финансирования туристско-экскурсионной сферы являлись отчисления из государственного бюджета, отчисления административно-территориальных образований, предприятий и организаций, профсоюзов, органов коммунального хозяйства, а также вклады общественных объединений физкультурно-спортивной направленности, доходы от производства и проката инвентаря, членские и вступительные взносы членов ДСО, средства от проведения физкультурно-спортивных и туристских мероприятий, благотворительные пожертвования.

Формирование материально-технической базы, рост количества путешествующих, спортивных и самодеятельных туристов, создание системы подготовки кадров позволили превратить туризм в отрасль народного хозяйства. На основании заключений экономистов в конце 1980-х годов туризм давал положительный экономический эффект[18]. Это стало доступной формой отдыха для большинства населения страны.

На Южном Урале природные ресурсы, климатические условия, географическое положение оказывали эффективное воздействие на развитие туризма в регионе. Популярными были все виды пеший, водный, конный, спелео-, социальный, самодеятельный, автотуризм и т.д. Населению предлагался разнообразный спектр услуг, выбор которых зависел от доходов, интереса, возраста, физических возможностей, состояния здоровья человека. Задачей советского туризма был широкий охват молодежи и трудящихся, массовое привлечение к туристским и физкультурным мероприятиям.

Сегодня в Челябинской области заметен рост туристкой индустрии. Наш край способен предложить самый разнообразный отдых. Быстрыми темпами развивается горнолыжная инфраструктура. Однако не пользуются популярностью сплавы по рекам, спелео-, вело-, пеший туризм. Современный туризм доступен только для обеспеченных слоев населения. Утратили свою значимость, популярность, массовость социальный, самодеятельный, познавательный виды туризма.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Петров В.* Туристская пятилетка // Вечерний Челябинск. 1972. 25 февраля. С. 2.
2. *Усыскин Г.* Очерки истории российского туризма. М., СПб., 2000. С. 25.
3. *Петров*. Ук. соч. С. 3.
4. *Пасечный П.С.* Массовый туризм — средство патриотического воспитания. М., 1979. С. 56.
5. ОГАЧО. Ф. 282. Оп. 3. Д. 559. Л. 19.
6. ОГАЧО. Ф. 282. Оп.3. Д.567. Л. 50.
7. *Мордовских Е.* «Моя Родина — СССР» // Комсомолец. 1981. 14 июня. С. 4.
8. *Мельник В.* Горизонты туризма // Вечерний Челябинск. 1985.17 ноября.
9. Там же.
10. *Пасечный*. Ук. соч. С. 58.
11. ОГАЧО. Ф. 485. Оп.19 Д.24. Л. 18.
12. *Головко О.* По озерам Южного Урала // Вечерний Челябинск. 1988. 28 июля.
13. *Усыскин*. Ук. соч. С. 45.
14. *Емельянов Ю.* Увлекательное путешествие// Вечерний Челябинск. 1984. 25 сентября. С. 2.
15. Там же. С. 3.
16. *Чехомова Д.* Край наш южноуральский// Вечерний Челябинск. 1985. 1 августа.
17. *Усыскин*. Ук. соч. С. 45.
18. *Квартальнов В.А.* Совершенствование профессионально-квалификационной структуры кадров и актива туристско-экскурсионных организаций. М., 1987. 62 с.

DEVELOPMENT OF TOURISM IN SOUTH URAL IN THE SIXTIES–EIGHTIES OF THE 20th c.

O.A. Golubeva

The modern tourism industry is undergoing significant changes: these are restructuring of the management and financing systems, setting of new priority trends for touristic facilities, elaboration and adoption of the development programs specifying new objectives and tasks for the tourism industry. The governmental control in the Soviet Russia and in the Ural region, in particular, has allowed to achieve significant positive results in developing the touristic and excursion activities.

© 2008

Н.А. Григорьева

ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ В ОБЛАСТИ ГРАЖДАНСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ 1950-х — 2000-х гг.

Изучение проблем истории государственной образовательной политики определяется необходимостью их осмысления с позиций новых методологических подходов, с учетом возможностей современного исследовательского инструментария. В данном контексте особую важность приобретает изучение государственной политики в области гражданского образования. Проявляясь в истории как система меняющихся правовых и политических доминант, оно является основой для консолидации общества, сохранения единого социокультурного и геополитического пространства на всех этапах исторического развития. Независимо от режима, характера властных отношений, типа государства гражданское образование является эффективным механизмом решения социальных проблем.

Это объясняет тот факт, что именно государство выступает инициатором и главной движущей силой реальных изменений в гражданском образовании. Система гражданского образования в российских условиях традиционно функционирует только при активной поддержке государства.

В современном мире заметен рост приоритетности гражданского образования как фактора формирования нового качества общества в целом.

Гражданское образование нацелено на создание условий для успешной социализации личности. Система гражданского образования рассматривается как один из ведущих факторов национальной безопасности в современном мире. Создание такой системы- политическая и общегосударственная, общественная и общенациональная задача.

Изучение истории государственной политики показывает, что ее решение возможно при наличии сотрудничества органов государственной власти и общества. Субъектами государственной политики в области гражданского образования являются государство, его федеральные и региональные институты, органы местного самоуправления, профессионально- педагогическое сообщество, общественные организации. В связи с этим особую важность приобретает изучение динамики государственных приоритетов и практики развития гражданского образования в общеобразовательной и высшей школе, системе повышения квалификации педагогов, в условиях многовекторного взаимодействия органов государственного управления и общественных организаций.

Научные представления о гражданском образовании как образовании для жизни в гражданском обществе возникли в последние годы. Соответственно, трансформации подверглись концептуальные основы государственной образовательной политики, для глубокого осмысления которых необходимы серьезные исследования. Результатами этой научной деятельности должна стать не экстраполяция новых идей на сферу истории государственной политики, а

комплекс категорий, идей, понятий, формирующий новый научный концепт государственной политики и практики развития гражданского образования в России.

В историографии исследуемой научной проблемы достаточно условно определены два периода, характеризующиеся существенными различиями в методологических подходах, — советский период и новейший период, начавшийся на рубеже 80–90-х гг. XX в., каждый из которых распадается на отдельные этапы и направления.

Направленность литературы первого периода определялась концепцией коммунистического строительства, в 70-е гг. XX в. модифицированной в концепцию развитого социализма, предполагавшего поступательное, бескризисное развитие советского общества.

Методологическую основу трудов данного периода составляла марксистско-ленинская теория. Работы этого времени отличали апологетический характер, отражение преимущественно позитивного опыта образовательной политики[1].

Образование рассматривалось как важный институт социального воспитания, нацеленный на формирование у молодого поколения заданных убеждений, коммунистического мировоззрения.

Решения XX съезда КПСС открыли новую страницу в развитии отечественной историографии. Пересмотр догматов, связанных с культом личности, предпринятый по инициативе партийного руководства и осуществленный партийными теоретиками[2], введение в оборот новых источников, методологический поиск советских ученых в направлении движения к «подлинному марксизму-ленинизму» расширили тематику социально- гуманитарных исследований.

Провозглашение курса на строительство коммунизма, начавшаяся научно-техническая революция потребовали модернизации всех сфер общества. Власть определяла «очередные задачи» для советских педагогов, коллективные усилия которых направлялись на решение генеральной задачи обоснования закономерностей движения общества к коммунизму.

Социальный заказ поощрил научный поиск, появилось большое количество публикаций, особенно в связи с образовательной реформой конца 50 — начала 60-х гг. XX в., отразивших различные аспекты образовательной политики, в большинстве своем отличавшихся иллюстративностью в ее оценке[3]. Комплексных исследований эволюции государственной политики в области образования вообще и гражданского, в частности, в то время не появилось.

Вместе с тем, масштабность решаемых задач обусловливала необходимость междисциплинарных исследований, использования возможностей системного подхода в изучении общественных явлений. Требование новых подходов прозвучало на методологическом совещании, организованном секцией общественных наук Президиума АН СССР в 1964 году[4].

Очертив границы творческой самостоятельности, партийное руководство усилило требование поставить политику партии на «подлинно научную основу»[5]. Исследование образовательных проблем осуществлялось в контексте требований научно-технического прогресса и задач воспитания молодежи[6].

Описание системы гражданского (политико- правового) образования, ис-

следование проблем подготовки педагогических кадров, качественный анализ учебной литературы дают представление об основных векторах государственной политики в сфере школьного, вузовского и дополнительного профессионального образования.

Работы, выполненные в этот период, доказывали преимущества советского образования, безусловную руководящую роль партии и государства в организации образовательного процесса, разработке образовательной модели.

Процесс структурных изменений в системе преподавания общественно- политических дисциплин в высшей школе, кадровая политика, организация работы обществоведческих кафедр нашли отражение в многотомной «Истории КПСС» под редакцией П.Н. Федосеева[7], концептуально соответствовавшей политической коньюнктуре 1970–80-х гг.

Государственные приоритеты с области гражданского образования в средней школе исследовалась в основном в историко-педагогическом ключе, в направлении его безусловного совершенствования, в соответствии с директивными решениями партии[8]. В сжатом виде они были представлены очерками в методических руководствах для студентов вузов.

В диссертации А.Г. Колоскова история становления и улучшения содержания политико-правового образования в советской школе коррелировалась с политическими установками партийного руководства. В заслугу автору следует поставить обращение к архивным материалам, позволившим реконструкцию знания о принципах построения модели среднего образования подкрепить фактографически[9].

В работах Л.Г. Шамовой, В.С. Плясовских и других исследователей проблемы партийного руководства народным образованием, вопросы гражданского образования затрагивались опосредованно, в контексте задач коммунистического воспитания школьников[10].

Тема коммунистического воспитания молодежи выступала ведущей в рассматриваемый период темой для ученых и практиков. В ее исследовании отражались различные аспекты гражданского образования. От степени сформированности у личности заданного набора качеств и свойств зависело будущее советского государства, его способность мобильно реагировать на вызовы времени. К сожалению, апелляция к авторитету партийных лидеров и документов превратилась в своеобразный ритуал, партийное руководство воспитанием молодых людей — в главный предмет исследований.

Объектом изучения являлись разновозрастные группы обучающихся—студенты (наибольшее количество работ)[11], учащиеся средних специальных учебных заведений[12], школьники[13].

Внимание исследователей сосредоточивалось на различных направлениях коммунистического воспитания: трудовом[14], патриотическом[15], идейно-политическом[16]. Последнее превратилось в самостоятельную отрасль исследования, часто конкретизированную на изучение вопросов формирования мировоззрения[17], убеждений[18], социальной активности молодежи[19].

Введение в научный оборот новых архивных источников, описание реального опыта организации работы по коммунистическому воспитанию молодежи, представленного вариативным набором форм, методов, средств, широкая гео-

графия исследований — все это важная часть историографии, способствующая развитию научных знаний по истории государственной политики в области гражданского образования.

Требование «онаучивания» образования, исходившее от официальных властей в 1970–80-е гг., проявилось в обосновании необходимости научного управления процессом коммунистического воспитания молодежи. Теоретические изыскания советских обществоведов в этом направлении призваны были объяснить механизм превращения знаний в стойкие убеждения будущих строителей коммунизма[20].

Общество развитого социализма обнаруживало «острую необходимость» осуществлять воспитательную деятельность на научной основе, что означало, по мнению исследователя Л.В. Янковской, управление духовной сферой общества. Среди показателей воспитанности личности автор выделила отношение к общественным наукам и участие в пропаганде марксизма-ленинизма во внеурочное время, степень понимания и оценки важнейших партийных и государственных решений[21].

Предметом научного анализа в 1970-е гг. стала идеологическая работа КПСС. Вопросы партийного руководства идейным воспитанием молодежи нашли отражение в докторских диссертациях, в которых научная критика в оценке методов подобного руководства отсутствовала[22].

Комплекс проблем, которые тесно соотносились с вопросами гражданского образования (подготовка кадров, преподавание учебных дисциплин, руководство партии этими процессами и др.) получил освещение в монографии «Очерки истории идеологической деятельности КПСС. 1938-1961»[23] и других исследованиях.

Так, доминанта партийного, классового подхода в трактовке вопроса формирования нового человека иллюстрировалась в диссертации М.Н. Моторнюка показом закономерного усиления партийного руководства этим процессом, выявлением «прогрессивных форм и методов» руководства[24]. Такая трактовка была типичной для исследований 1970–80-х гг[25]. Эти аспекты широко представлены также в материалах научных конференций, методических рекомендациях и учебных пособиях, диссертационных исследованиях[26].

В исследованиях специалистов по вопросам культурного строительства априорно признавалась главенствующая роль партии в руководстве этими процессами, утверждавшая единообразие и авторитарные методы руководства образованием[27].

Примечательно, что в 1970-х гг. многие ученые обращались к проблеме деятельности общественных организаций, т.е. субъектов государственной политики в области гражданского образования, изучая возможности и перспективы их развития в СССР. Как правило, они постулировались в качестве «формы социалистической демократии». Особое место среди исследований занимает работа А.И. Щиглика[28], в которой автор предложил комплексный анализ закономерностей развития и функционирования общественных организаций. Здесь подробно рассмотрены организационно- политические и правовые предпосылки процесса становления в СССР организаций, работающих в сфере гражданского образования населения.

Следует отметить, что научные изыскания по- прежнему были сосредоточены на изучении различных аспектов деятельности партийных организаций по совершенствованию преподавания общественно- политических дисциплин в вузах страны[29].

Научный анализ реализации целей гражданского образования в практике повышения квалификации педагогов имел место в исследованиях Н.А.Филипповой[30], П.В. Худоминского[31]. В работах были обозначены не только особенности становления и развития системы, но и возможности для прогностического толкования наблюдаемых процессов и явлений.

В значительно меньшей степени был изучен опыт КПСС по руководству становлением и развитием системы гражданского образования в условиях средней школы[32].

Следует подчеркнуть, что все названные диссертационные исследования концептуально и структурно единообразны, адекватны существовавшим идеологическим канонам, блокировавшим самостоятельные теоретические обобщения. Вместе с тем, введенный в научный оборот большой массив фактического материала дополняет научное знание о развитии гражданского образования в разных регионах страны.

На рубеже 1980–1990-х гг. появились критические замечания в адрес и государственных образовательных стратегий, и системы гражданского образования в целом.

Высказывались полярные точки зрения: от необходимости «улучшения»[33] системы гражданского образования до требования ее «кардинальной перестройки»[34]. Критические оценки звучали в адрес деятельности обществоведческих кафедр в вузах[35]. Жизнь требовала формирования нового, отвечавшего «современным требованиям» учительского корпуса.

Исследовавшая процесс подготовки педагогических кадров в 1980-е гг. С.А. Острикова объясняла слабую теоретическую подготовку студентов, дефицит доверия с их стороны к обществоведческим курсам излишней идеологизированностью последних. Перестройка, по мнению автора, не смогла разрушить стереотип ученого, «запрограммированного командно-административной системой на обоснование очередных решений партийно-государственного руководства»[36].

В диссертации А.А. Королева указывалось на необходимость совершенствования форм и методов гражданского образования студенческой молодежи. Автор призывал к использованию деятельностного подхода в «исследовании проблем идейной закалки молодежи»[37].

Тематика ряда работ отражала стремление исследователей расширить круг субъектов гражданского образования, изменить акценты в содержании их деятельности. Концептуально эти труды были выстроены в рамках скорректированной марксистской парадигмы[38].

На необходимость преодоления формационного редукционизма, упрощавшего анализ общественных процессов и явлений, указывали многие философы. Активное осмысление категорий цивилизационного подхода вело к поиску новых методологических ориентиров[39].

Существовавшую систему общественных наук профессор Э.Фролов назвал

«отраслями идеологии и политики». Традиционный учебный процесс мешал гуманитаризации университетского образования, но был обречен на перестраивание, — считал ученый[40].

Анализируя проблемы образования в педагогических вузах, В.К. Фураев подчеркивал важность создания новой модели подготовки учителя, ориентированного на те изменения, которые характеризовали деятельность школы: многовариантность учебных планов, дифференциация в изучении дисциплин и др[41].

Следует признать, что несмотря на острую постановку вопросов о необходимости перемен в образовании и реальные изменения, которые происходили в этой области, для большинства педагогов неизменными оставались ориентация на базовые принципы марксистской методологии, руководящие решения КПСС, привычные цели в воспитании молодежи, что особенно заметно при анализе материалов различных конференций[42].

Анализ образовательной политики в России 1990-х гг., как правило, сопровождался попыткой переосмысления пути, пройденного системой образования в XIX–XX вв[43]. Критика советской образовательной традиции дополнилась стремлением к системному осмыслению политики в сфере образования[44].

Объективный анализ и взвешенные оценки образовательной политики, проводимой в 1980–90-е гг., отличают труды А.Н. Позднякова, О.Д. Федяевой, П.П. Фролкина[45]. В ряде исследований представлены содержательные характеристики эволюции школы[46].

Рассматривая традиции отечественной и мировой педагогической мысли в качестве одного из основных источников образовательных реформ, Э.Д. Днепров подчеркнул необходимость достижения образовательного уровня, достаточного «для полноценной гражданской деятельности выпускника школы», а также акцентировать внимание при изучении общественных явлений «с безличных макропроцессов на реальные формы повседневной жизнедеятельности человека, общества, страны»[47]. Ключевым условием модернизации образовании рассматривалось «возвращение государства в сферу образования»[48].

Отдельные исследования посвящены теме гражданско-правового образования школьников[49]. Актуализация темы вызвана пониманием значимости гражданско-правового образования молодежи в условиях становления правового государства и гражданского общества в России.

В библиографическом ряду заметное место занимает докторская диссертация Н.И. Элиасберг, нацеленная на исследование основ системы правового образования, как аспекта гражданского, в школе (проектирование современной системы правового образования, условия становления правовой культуры, принципы подготовки педагогов и др.)[50].

Проблема формирования развивающейся системы гражданского образования в процессе становления гражданского общества в 90-е гг. XX в. получила развитие в диссертации Т.И. Тюляевой[51]. Правомерен вывод автора, что успешность продвижения к гражданскому обществу в России во многом будет зависеть от продуманной системы гражданского образования, выстроенной системы государственных приоритетов.

Моделирование новых систем формирования правовой культуры россий-

ского общества на рубеже XX–XXI вв. рассматривалось в работах Е.А. Певцовой[52]. Особого внимания заслуживает анализ реализации «правовоспитательной» функции государства, формирования правосознания обучающихся, роли педагогов в решении задач профилактики правонарушений.

Проблемам состояния и развития социально-экономического и гуманитарного образования в России посвящены работы Л.Г. Ионина[53], А.С. Бароненко[54], Е.Г. Тимофеевой[55].

Доказательное изложение научных представлений о путях и способах передачи политических знаний, гражданских навыков как составной части политического процесса представлено в исследовании А.И.Щербинина[56]. Автор анализирует влияние политического образования, как составной части гражданского, на политический процесс и картину политического мира в целом.

Под углом зрения реализации функции социального воспитания высшей школой страны рассмотрены вопросы преподавания социально-гуманитарных дисциплин С. Григорьевым, В. Агудовым[57]. Авторские позиции сближает стремление к показу «несомненных достижений прежней системы образования», актуализация проблематики социального воспитания.

Следует отметить, что теме воспитания в исследуемый период уделено значительное внимание в трудах социологов, педагогов, философов[58].

В ряде работ анализируется специфика различных направлений воспитания: патриотического[59], нравственного[60], формирования гуманистического мировоззрения[61]. Исследуется активно проблема ценностных ориентаций молодежи[62]. Заметное место среди научных работ занимает диссертационное исследование О.В.Лебедевой, посвященная изучению процесса и моделей развития гражданского образования в России с XVIII века до начала XXI[63].

Среди публикаций, отражающих тему социального воспитания, заметны работы, авторы которых рассматривают проблемы образования и воспитания в контексте национальных ценностей. Акценты сделаны на необходимость выработки «национальной идеи», способной объединить ресурсы и интересы различных субъектов российского образовательного пространства и общества в целом на создание эффективной модели российского образования[64].

В этот период появился значительный массив исследований, анализировавших особенности социального поведения студенчества, в том числе проявления инакомыслия в молодежной среде[65].

Интересны работы историков, рассматривающих гражданское образование в контексте социальной политики, подчеркивающих значимость воспитательной работы с молодым поколением страны[66].

Таким образом, история государственной политики в области гражданского образования представлена в отечественной историографии 1950-х — 2000-х гг. широким спектром тенденций, аспектов и направлений. Характер и интенсивность научного поиска определялись изменениями в государственной политике и практике гражданского образования. Накопленный научный потенциал может послужить основой для выявления природы многих современных проблем и прогнозирования путей реализации государственной политики в сфере гражданского образования.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Афанасьев В.Г.* Партийная организация школы. Ростов на Дону, 1954; *Дмитриев В.М., Кондаков М.И., Новиков А.М.* Организация и планирование всеобщего десятилетнего образования. М., 1955; Идейно-политическое воспитание учащихся в процессе преподавания истории. М., 1950; *Кафтанов С.В.* Высшее образование в СССР. М., 1950.
2. История Коммунистической партии Советского Союза. М., 1959; Основы марксизма-ленинизма. М., 1959.
3. *Гончаров Н.К.* Перестройка советской школы. М., 1959; *Елютин В.П.* Роль советской высшей школы в коммунистическом воспитании молодежи. М., 1960; Советская школа на современном этапе. Некоторые итоги перестройки школы в период от XX до XXII съезда КПСС. М., 1961.
4. История и социология. М., 1964.
5. *Трапезников С.П.* Советская историческая наука и перспективы ее развития // Коммунист. 1973. № 11.
6. *Алексеев П.В.* Наука и мировоззрение: Союз марксистской философии и естествознания. М., 1983; Научно-техническая революция и общественные науки. Л., 1976, 1978, 1984. Вып. 1–3; Советская наука: Итоги и перспективы. М., 1982.
7. История КПСС. М., 1980. Т. 5. Кн. 2. С. 578–583.
8. *Бущик Л.П.* Очерк развития школьного исторического образования в СССР. М., 1961; *Давыдов Г.П.* Основы правового воспитания учащихся общеобразовательной школы. Автореф. дис... д-ра пед.наук. М., 1984.
9. *Колосков А.Г.* Становление и совершенствование школьного исторического образования в СССР. Дис... д-ра пед. наук. М., 1984.
10. *Плясовских В.С.* Политика КПСС в области народного образования: Опыт разработки и реализации. М., 1987; *Шамова Л.Г.* Деятельность КПСС по дальнейшему развитию народного образования и повышению идейно-теоретического уровня преподавания в обшеобразовательной школе (на примере Московской, Калининской и Рязанской областей. 1966–1975 гг.). Дис... канд. ист. наук. М., 1981.
11. О коммунистическом воспитании студенческой молодежи. М., 1971; Теория и практика коммунистического воспитания студентов. М., 1977; *Филиппов М.П.* Изучение опыта КПСС по коммунистическому воспитанию студенческой молодежи // Великий Октябрь и молодежь. Л., 1978.
12. *Малянов Е.А.* Деятельность партийных организаций Урала по руководству средними специальными учебными заведениями и коммунистическому воспитанию учащихся 1971–1975 гг. (На материалах Пермской, Свердловской и Челябинской областей). Автореф. дис... канд. ист. наук. Пермь, 1983; *Пономарев К.А.* Главная цель — воспитание гражданина: из опыта работы парт. организаций Удмуртии по совершенствованию коммунистического воспитания молодежи в средних учебных заведениях республики. Ижевск, 1981.
13. *Лазуков А.И.* Деятельность партийных организаций Башкирии по коммунистическому воспитанию учащихся общеобразовательных школ (1959-1965 гг.). Автореф. дис... канд. ист. наук. М., 1968 и др,
14. *Вилков А.А.* Трудовое воспитание и профориентация сельских школьников в 1970 — пер. пол. 80-х годов (На материалах парт. и общ. орг-ций обл. Нижнего Поволжья). Дис... канд. ист. наук. Саратов, 1991; *Камынин Н.А.* Деятельность партийных организаций Восточной Сибири по формированию общественно-политической и трудовой активности студентов высших учебных заведений (1966–1970). Автореф. дис... канд. ист. наук. Иркутск, 1978; *Лабейкин А.А.* Партийное руководство подготовкой учащихся средней общеобразовательной школы к трудовой деятель-

ности (1970-1980). Автореф. дис... канд. ист.наук/ А.А.Лабейкин. М., 1982 и др.
15. Роль исторической науки в патриотическом и интернациональном воспитании. М., 1976; *Шалдыбин С.Г.* Партийное руководство идейно-патриотическим воспитанием студенческой молодежи в 1966–1973 гг. (на материалах вузов РСФСР). Автореф. дис... канд. ист. наук. Л., 1974.
16. *Валеров В.А.* Деятельность Ленинградской партийной организации по усилению идейно-политического воспитания студентов в период между XXIII и XXIV съездами КПСС (1966–1971). Автореф. дис... канд. ист. наук. Л., 1974; *Москаленко А.Ю.* Идейно-политическое воспитание учащихся общеобразовательных школ в первой половине 80-х гг.: На мат-лах парт. орг-ций Украины: опыт, проблемы. Автореф. дис... канд. ист. наук. Киев, 1990.
17. *Горелик Ф.Б.* Воспитывая гражданина, формируя мировоззрение. М., 1986; *Ковалев С.М.* Формирование коммунистического мировоззрения — центральная задача идейно-воспитательной работы партии. М., 1975; Процесс формирования коммунистического мировоззрения школьников. Сб. науч. трудов. М., 1976.
18. *Абрамов Н.М.* Воспитание коммунистической идейной убежденности. М., 1973; *Шевченко И.А.* Формирование идейно-политических убеждений у старшеклассников в школе периода развитого социализма. Автореф. дис... канд. пед. наук. Киев, 1978.
19. *Бобкова Р.Я.* Деятельность Московской партийной организации по развитию общественно-политической активности студенческой молодежи в годы восьмой пятилетки (1966–1970). Автореф. дис... канд. ист. наук. М., 1978; *Зелепукин А.В.* Общественно-политическая активность студенчества и тенденции ее развития в условиях строительства коммунизма. Автореф. дис... канд. филос. наук. Саратов, 1972.
20. Методологические и теоретические проблемы формирования коммунистического мировоззрения школьников. М., 1984; Проблемы комплексного подхода к коммунистическому воспитанию студенческой молодежи: Управление воспитательным процессом в вузе. Куйбышев, 1980.
21. *Янковская Л.В.* Научное управление процессом коммунистического воспитания студенческой молодежи: (На материалах вузов БССР). Автореф. дис... канд. филос. наук. Минск, 1982. С. 7, 38, 117-118.
22. *Байкова В.Г.* Система идеологической деятельности КПСС в условиях развитого социализма. Автореф. дис... д-ра философ. наук. М., 1977; *Мостовой С.Н.* Ленинские принципы идейно-воспитательной работы КПСС. Автореф. дис... д-ра ист. наук. М., 1974; *Семичаевский М.А.* Партийное руководство идейно-воспитательной работой в условиях развитого социализма. Автореф. дис... д-ра ист. наук. М., 1981.
23. Очерки истории идеологической деятельности КПСС: 1938–1961. М., 1986.
24. *Моторнюк М.Н.* Партийное руководство общеобразовательной школой и повышением ее роли в формировании нового человека в условиях развитого социализма (Опыт Компартии Украины). Автореф. дис... д-ра ист. наук. Киев, 1980.
25. *Глезерман Г.Е.* Рождение нового человека. Проблемы формирования личности при социализме. М., 1982; *Ковалев С.М.* Марксизм-ленинизм и формирование нового человека. М., 1973.
26. *Бочарова Н.С.* Критика буржуазной фальсификации деятельности КПСС в области народного образования на современном этапе. Автореф. дис... канд. ист. наук. М., 1978; *Возняк С.В.* Борьба против буржуазной идеологии — одна из функций общественных наук // Вопросы общественных наук. Киев, 1973. Вып. 14; Критика антимарксистских концепций в преподавании общественных наук: материалы

научно-теоретической конференции к 100-летию со дня рождения В.И. Ленина. Л., 1969; Критика буржуазных фальсификаций. Вопросы преемственности в преподавании общественных наук. М., 1986; *Малькова З.А.* Критика современных буржуазных концепций обучения и воспитания. М., 1977.

27. *Арнольдов А.И.* Культура развитого социализма. М., 1975; Борьба КПСС за развитие народного образования и культуры. Казань, 1974; *Иовчук М.Т., Коган Л.Н.* Советская социалистическая культура: Исторический опыт и современные проблемы. М., 1979; *Ким М.П.* Великий Октябрь и культурная революция в СССР. М., 1967; Украинцев, В.В. КПСС — организатор культурного строительства в период развитого социализма. М., 1975.
28. *Щиглик А.И.* Закономерности становления и развития общественных организаций в СССР. М., 1977.
29. *Булыгина Т.А.* Партийное руководство преподаванием общественных наук в вузах страны в годы 8 пятилетки (1966–1970 гг.). Дис... канд. ист. наук. М., 1979; *Козлова Н.Н.* Деятельность партийных организаций Украины по улучшению преподавания общественных наук в вузах и повышению их роли в коммунистическом воспитании студентов. 1966–1970 гг. Дис... канд. ист. наук. Киев, 1978; *Мазанашвили З.Н.* Деятельность партийных организаций Грузии по улучшению преподавания общественных наук и повышению их роли в коммунистическом воспитании студентов (1971–1975 гг.). Дис... канд. ист. наук. Тбилиси, 1986.
30. *Филиппова Н.А.* Научно-педагогические проблемы повышения квалификации учителей: на материалах курсовой подготовки. Дис...канд. пед. наук. М., 1973.
31. *Худоминский П.В.* Развитие системы повышения квалификации педагогических кадров советской общеобразовательной школы (1917 — к.1980-х гг.). Автореф. дис... докт. пед.наук. М., 1985.
32. *Чижов Л.А.* Деятельность КПСС по совершенствованию преподавания общественно-политических дисциплин в средней школе в условиях социалистического строительства (1927–1934). Дис... канд. ист.наук. М., 1980.
33. *Квициани Д.Д.* Подготовка специалистов в высшей школе в 1960–1980-е гг.: Опыт и проблемы (На материалах Северного Кавказа). Ростов-на-Дону, 1990; Перестройка и общественные науки. Одесса, 1990; Перестройка преподавания общественных наук: Опыт и проблемы. Киев, 1990.
34. *Радзиховский Л.* Суслизм // Вестник высшей школы. 1991. №3. С. 93.
35. *Бойко Г.М.* Деятельность высшей педагогической школы по подготовке учителей истории в 80-е гг.: Опыт, проблемы, уроки (На материалах государственных и общественно-политических организаций педвузов РСФСР). Автореф. дис... канд. ист. наук. М., 1991; *Косарев С.Б.* Партийное руководство подготовкой учительских кадров и повышением их роли в идеологической работе в условиях совершенствования социализма. Автореф. дис... канд. ист. наук. Кострома, 1988.
36. *Острикова С.А.* Подготовка учительских кадров в высших учебных заведениях РСФСР (80-е гг.). Автореф. дис... канд. ист. наук. М., 1991. С. 11–12.
37. *Королев А.А.* Политика КПСС по повышению роли государственных органов и общественных организаций в коммунистическом воспитании молодежи: Тенденции и противоречия (сер. 60-х — 80-е годы). Дис... д-ра ист. наук. М., 1989.
38. *Гришин В.А.* Формирование политической культуры студенческой молодежи (На материалах партийных и общественных организаций педвузов РСФСР (1981–1990 гг.). Автореф. дис... канд. ист. наук. М., 1990; *Розман Г.П.* Деятельность комсомола по формированию социальной активности студенческой молодежи Западной Сибири (1976–1985 гг.). Автореф. дис... канд. ист. наук. Л., 1989.
39. *Гудожник Г.С.* Цивилизация: Развитие и современность // Вопросы философии.

1986. № 3; *Барг М.* Цивилизационный подход к истории // Коммунист. 1991. № 3.
40. *Фролов Э.* Судьба гуманитарных наук // Вестник высшей школы. 1990. № 5. С. 12–17.
41. *Фураев В.К.* Об историческом образовании в педагогических вузах // Новая и новейшая история. 1991. № 4. С. 3–10.
42. Актуальные проблемы перестройки преподавания общественных наук и повышение их роли в коммунистическом воспитании студентов. Материалы республиканской конференции. 14–16 сентября 1988. Казань, 1988; Актуальные проблемы совершенствования методики преподавания общественных дисциплин в высшей школе. Тезисы выступлений к межд. научно-практич. конф. ЛГУ. Л., 1987; Развитие научной информации по общественным наукам в условиях перестройки. Материалы научно-практической конф. 25–26 апреля 1988. М., 1988; Перестройка и общественные науки // Тезисы докладов и выступлений на научной конференции кафедр общественных наук. 17-18 апреля 1990. Одесса, 1990.
43. *Бермус А.Г.* Российское образование и российское общество: Развитие во взаимодействии // Общественные науки и современность. 1998. № 5; *Жуков В.И.* Российское образование: Проблемы и перспективы развития. М., 1998; Российское образование. История и современность. М., 1994; *Липчанский А.М.* Становление в России массового школьного образования в период социально-экономических преобразований. 1841–1941 гг. Астрахань, 2001; *Ткаченко Е.В.* Реформа образования в Российской Федерации. Екатеринбург, 1994.
44. *Гершунский Б.С.* Философия образования для XXI века: В поисках практико-ориентированных образовательных концепций. М., 1998; *Ильинский И.* Образовательная революция. М., 2002; *Шадриков В.Д.* Философия образования и образовательной политики. М., 1993.
45. *Поздняков А.Н.* Реформирование системы общего образования России в середине 1980–1990-х гг. Дис... канд. ист. наук. Саратов, 1999; *Федяева О.Д.* Политика государственных органов и роль общественно-политических институтов в реформировании школьного образования России, середина 80-х — 1995 гг. Дис... канд. ист. наук. М., 1995; *Фролкин П.П.* Развитие вузовской науки и кадрового потенциала высшей школы (сер. 80-х — 90-е гг.). Саратов, 2000.
46. *Днепров Э.Д.* Четвертая школьная реформа в России. М., 1994; *Терентьев А.А.* Российская школа: становление, развитие, перспективы: Социально-философские проблемы. Нижний Новгород, 1997; *Шакиров Р.В.* Школа и общество: системно-концептуальный анализ реформы образования в России в XX в. Казань, 1997.
47. *Днепров Э.Д.* Современная школьная реформа в России. М., 1998. С. 33.
48. *Днепров Э.Д.* Модернизация российского образования — императив образовательной политики // Модернизация российского образования ... С. 284–331.
49. *Беляев А.В.* Социально-педагогические основы формирования гражданственности учащейся молодежи. Автореф. дис... д-ра пед. наук. Екатеринбург, 1997; *Боголюбов Л.Н.* Изучение социально-гуманитарных дисциплин как необходимое условие формирования у учащихся гражданской культуры // Социально-политический журнал. 1997. № 3. *Волжина О.И.* Развитие идеи гражданского воспитания подрастающего поколения: (Историко-педагогический аспект). Автореф. дис... канд. пед. наук. М., 1991; *Гаязов А.С.* Теория и практика гражданского воспитания молодежи на современном этапе. Автореф. дис... д-ра пед. наук. Челябинск, 1996; *Гревцева Г.Я.* Воспитание гражданственности у старшеклассников средствами обществоведческих дисциплин. Автореф. дис... канд. пед. наук. Челябинск, 1998; *Каландарашвили З.Н.* Изучение гражданско-правовых дисциплин в средних

общеобразовательных школ России как фактор социальной адаптации молодежи. Дис... канд. пед. наук. СПб., 2000.
50. *Элиасберг Н.И.* Гуманистические основы системы правового образования в школе. Дис... д-ра пед.наук. СПб., 1998.
51. *Тюляева Т.И.* Начало становления демократического общества и формирование концепции гражданского образования в России: (конец 80-х — 90-е гг. XX века). Дис... канд. ист. наук. М., 1998.
52. *Певцова Е.А.* Правовое образование в России: формирование правовой культуры современного общества. М., 2002; *Певцова Е.А.* Образовательное право и формирование правосознания обучающихся. М., 2006.
53. Преподавание социально-гуманитарных дисциплин в вузах России: состояние, проблемы, перспективы. М., 2001.
54. *Бароненко А.С.* Теория и практика формирования обществоведческой культуры учащихся старших классов среднего общеобразовательного учреждения в учебном процессе: Гуманитарный аспект. Дис...д-ра пед. наук. Челябинск, 1999.
55. *Тимофеева Е.Г.* Государственная политика в сфере обществоведческого образования российской молодежи в 50-е — 90-е годы XX века. Дис... д-ра ист.наук. Астрахань, 2004.
56. *Щербинин А.И.* Политическое образование. М., 2005.
57. *Агудов В.* Двуединая задача обществоведческого цикла // Высшее образование в России. 1999. № 5; *Григорьев С.* Обществознание и социальная культура. Размышления о трансформации содержания преподавания наук о человеке и обществе в вузах России // www.B:GPI'sHomepageAHay.ru.
58. *Байденко В.И.* О концепции воспитания в российской образовательной системе. М., 1997; *Бондаревская Е.В.* Воспитание как возрождение гражданина, человека, культуры и нравственности. Ростов-на-Дону, 1995; *Мосолов В.А.* Приоритеты воспитания: прошлое и настоящее. СПб., 1996; Молодежь России: воспитание жизнеспособных поколений. М., 1995; *Иоффе А.Н.* Методические материалы по гражданскому образованию. М., 2003.
59. *Вдовин А.И.* Российская наука. М., 1996; *Лутовинов В.И.* Патриотизм и проблемы его формирования у российской молодежи в современных условиях: (социально-философский анализ). Автореф. дис... д-ра философ. наук. М., 1998; *Фаустова Э.О.* О патриотических чувствах молодежи // Высшее образование в России. 1997. № 4.
60. *Иващенко А.В.* О нравственных ценностях школьной молодежи // Молодежь и общество на рубеже веков. М., 1998. Ч. 1. С. 7–10; *Козлова О.Н.* Гуманизм в воспитании: социокультурные проблемы реализации. М., 1993.
61. *Григорьева Н.А.* Формирование у старшеклассников ценностной ориентации на Отечество (на примере гуманитарных дисциплин). Дис...канд.пед.наук. Волгоград, 1998; *Рогова Р.М.* Особенности формирования мировоззрения школьной молодежи в современных условиях // Молодежь и общество... С. 58–60.
62. *Гегель Л.А.* Эволюция ценностного сознания современного российского студенчества. Дис... д-ра социолог. наук. М., 1999; *Томилина Ю.Ю.* Структура и динамика ценностных ориентаций студенчества в условиях преобразования современного российского общества (региональный аспект). М., 2000; *Филиппов Д.М.* Эволюция ценностей в сфере российского школьного образования. Дис... канд. социолог. наук. М., 1999.
63. *Лебедева О.В.* Развитие гражданского образования в России (XVIII — начало XXI века). Дис... д-ра пед.наук. Киров, 2006.

64. Национальные ценности образования: история и современность. М., 1996; *Болотин И., Митин Б.* Образование и национальная безопасность России // Высшее образование в России. 1997. № 1; *Розов Н.* Ценности гуманитарного образования // Высшее образование в России. 1996. № 1; *Кудрявцев Ю., Уткин В.* Нужна ли образованию идеология? // Высшее образование в России. 2003. № 2.
65. *Алексеева Л.М.* История инакомыслия в СССР. Новейший период. М., 2001; *Вайль П., Генис Н.* 60-е: Мир советского человека. М., 1998; Власть и оппозиция. Российский политический процесс XX столетия. М., 1995; *Давыдов С.Г.* Становление и развитие неформального молодежного движения в СССР (1945-1985 гг.). Дис... д-ра ист. наук. М., 2002; *Прищепа А.И.* Инакомыслие на Урале: (Сер. 1940-х — сер. 1980-х гг.). Дис... д-ра ист, наук. Сургут, 1998.
66. *Гавва В.Н.* Государственная социальная политика в отношении детей и подростков в Российской Федерации (1990-е гг.). Дис... канд. ист. наук. М., 1999; *Таранцов М.А.* Исторический опыт реализации молодежной политики государства и общества в условиях смены социально-политической системы и социально-экономических реформ. Конец 1980-х — 1990-е гг. Дис... д-ра ист. наук. М., 1998.

HISTORY OF STATE POLICY IN CIVIL EDUCATION IN NATIVE HISTORIOGRAPHY OF 1950–2000

N.A.Grigorjeva

The article is the historiographic review on a problem of studying the history of a native state policy in a sphere of civil education. The methodological bases for studying the given problem are also considered. The author focuses attention on the basic stages, directions of the native historiography in 1950–2000 that has allowed to characterize dynamics of priorities within the native state educational policy in a historical context.

ФИЛОЛОГИЯ

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

© 2008 г.

С.В. Рудакова

СВОЕОБРАЗИЕ ЖАНРА ЭЛЕГИИ В РАННЕМ ТВОРЧЕСТВЕ Е.А. БОРАТЫНСКОГО

Творчество Е.А.Боратынского — одно из неординарных, но все же характернейших явлений «золотого века» русской поэзии. Решая свои художественные задачи, Боратынский становится вольным или невольным участником преобразований, касающихся структуры, содержания, самой сущности лирики, которые происходили в литературе в первой четверти XIX века.

Качественные изменения поэзии Боратынского происходили не скачкообразно. Этот автор, в отличие от А.С. Пушкина, не знает резких переломных моментов в своем творческом развитии, которые бы кардинально меняли его видение мира, но в то же время Боратынский шаг за шагом вносит нечто новое в свои произведения, преображающее лирику и в формальном, и в содержательном плане. При неявности внешней эволюции такого художника слова, как Боратынский, даже условное выделение основных этапов его развития помогает отчетливей представить внутреннюю логику творческой эволюции этого автора. Учитывая и собственные оценки Боратынского, и мнения его современников, сопоставляя три прижизненных сборника, мы выделяем три этапа творческого развития поэта: с 1819 по 1826, с 1827 по 1834, с 1834 по 1844. Объектом же нашего исследования станет именно первый период.

Раннее творчество Боратынского хронологически вписывается в период с 1819 по 1826 гг.: в 1819 г. были опубликованы первые стихотворения поэта, а в 1826 становятся очевидны изменения в настроении, пронизывающем лирический мир Боратынского, который стал своего рода отражением эмоционально-нравственного состояния русского общества 1820-х гг. Завершенность этого этапа в творчестве поэта была ознаменована выходом первого собрания стихотворений в 1827 г. Ранний период характеризуется не только особой тематической, стилистической, но и жанровой пестротой; обусловлено это тем, что поэт ищет «необщее выражение» своей Музы.

Боратынский входит в русскую литературу в то время, когда ведущие позиции в ней все активнее завоевывал романтизм с его углубленным вниманием к внутреннему миру личности.

Лирика, ставшая в начале XIX века тем родом литературы, в котором ярко проявились ведущие тенденции общего историко-литературного процесса, выдвигает на первый план элегии, своего рода лейтмотив русской романтической поэзии 1820-х гг., ибо, по замечанию В.А. Грехнева, это «самый одухотворенный лирический жанр, несущий в себе центростремительную энергию раннего

романтизма, его направленность в таинственные глубины человеческого сердца»[1]. Жанр элегии более других оказался соответствующим мироощущению целого поколения, так как через его формальную организацию, содержательное наполнение истинные художники могли выразить доминирующие в обществе настроения.

Боратынский, обращаясь в раннем творчестве к различным жанрам: посланию (дружескому, горацианскому, шутливому, дидактическому), эпиграмме, надписям, антологическим стихотворениям, — все же отдает предпочтение элегии (любовной, медитативной, философской, элегии разочарования...), делая этот жанр главным в своей поэзии. Поэтому еще А.С. Пушкин отмечал: «Первые произведения Баратынского были элегии, и в этом роде он первенствует»[2].

Увлеченность Боратынского элегией обусловлена не только всем ходом общелитературного процесса, но и особой концептуальностью этого жанра, обретающего под пером поэта способность выражать многообразие охватывающих человека чувств: от неудовлетворенности самим собой до энергичного протеста против общества, от философско–исторических медитаций до предчувствия желаемых грядущих обновлений. Эмоциональная концепция элегии оказывается предельно близкой жизненной позиции Боратынского, его мироощущению.

Если в элегиях поэтов-классицистов описываемые ими горести были не следствием «некоего общего закона», а «лишь результатом неудачного стечения обстоятельств»[3], то в элегиях романтиков, ориентирующихся на богатство внутреннего мира человека, неудачи, его постигающие, воспринимались уже как результат неразрешимой трагической закономерности бытия.

В.Г. Белинский определял элегию как «песню грустного содержания»[4], подчеркивая тем самым основную эмоциональную доминанту в видении художниками окружающего мира: «грусть», «уныние», «разочарование»... В.Ф. Гегель же, рассуждая об элегии, отмечал следующее: «Непосредственный характер чувства и выражения достигает здесь опосредования рефлексии, всюду направляющего свой взор созерцания, сердечного опыта под развитием более общих точек зрения...»[5].

Эти взгляды легли в основу утверждения Л.Г. Фризмана, что жанром элегии в первой четверти XIX века стали определять «стихотворения, выражающие тихие, нежные, умеренные чувства, как меланхолические, так и радостные, носящие интимный, исповедальный характер, означающие размышления о человеке, о судьбе и истине»[6].

Подобные изменения жанрового наполнения элегии связаны с новым пониманием человека, к которому приходят «первые» лирики XIX века, к числу которых относятся В.А. Жуковский и К.Н. Батюшков, А.С. Пушкин и Е.А. Боратынский. Расширенное понимание элегии позволяет современным исследователям, изучающим романтическую поэзию начала XIX века, рассматривать ее не как жанр, но как тип поэтического мышления.

Боратынский оказался именно тем поэтом, которому, как и Пушкину, суждено было вдохнуть в элегию новую жизнь, сделав ее необычайно гибкой, искренней, глубокой. Однако идет он не по пути обогащения элегии новыми темами, как это делали его современники. Своеобразие позиции Боратынско-

го-элегика состоит, в первую очередь, в том, что он обращается к внутренней перестройке жанра элегии. Кардинальные изменения, им предпринятые в этом жанре, отчетливее всего видны именно в ранней лирике. Преобразования Боратынского проявляются прежде всего в том, что на материале лирического жанра он разрабатывает одну из центральных проблем современного ему литературного развития — столкновение человека и мира, влияние среды на формирование духовно-эмоционального облика героя. Именно лирический герой становится основным выразителем «авторского сознания».

Лирический герой являет собой единство внутреннего, психологического, биографического и т.д., то есть лирический герой представляет собой сложное, порой противоречивое двузначное единство субъекта и объекта, автора (поэта) и героя (темы), так как, проживая в изображаемом мире свою «биографию», лирический герой в читательском сознании ассоциируется с реальным человеком, с самим поэтом. Так, еще В.А. Жуковский вывел своеобразную формулу: «Жизнь и поэзия — одно», — характеризующую отношения поэта и его лирического «Я». Однако нужно помнить, что хотя автор и наделяет лирического героя своим сокровенным чувствованием, особенным видением мира, передает ему свои концептуальные знания о мире и о человеке, все же «в основе лирики <...> лежит не биография автора-поэта, а его обобщенная участь, провидимая им легендарная судьба»[7].

Так, лирические герои и В.А. Жуковского, и К.Н. Батюшкова предстают людьми вне конкретного времени и пространства; оставаясь непохожими друг на друга, они наделяются этими поэтами приметами некой подлинности, приобретая хоть и условную, но свою, собственную духовную биографию. Основой их характеров становятся факты действительной жизни поэтов, причем факты внутренне значимые, определяющие, «вершинные». У Жуковского — это преображенная любовь к Маше Протасовой, у Батюшкова — позиция сознательного отказа от официальной зависимости. Условность проявляется в том, что эти «вершинные» моменты представлялись в опоэтизированном виде и вся биография лирического героя подстраивалась под них. У Н.М. Языкова, П.А. Вяземского, Д.В. Давыдова лирические герои элегий приобретают большую определенность, впитывают в себя специфические свойства эпохи, среды, даже конкретной профессии (например, героем Языкова становится студент), но у этих поэтов, особенно у Вяземского, человек предстает прежде всего в своем внешнем проявлении.

Иное решение проблемы элегического героя намечается у Боратынского: вначале это традиционно стилизованный «финляндский изгнанник», «певец пиров и грусти томной». Затем элементы стилизации слабеют, и лирическое «Я» Боратынского, вбирая в себя психологический опыт современного поколения, в проявлении своих чувств становится в какой-то мере типичным для всей эпохи.

Внутренняя перестройка традиционных жанровых форм элегии ведет к глубинному переосмыслению ее сути; происходящий процесс обусловлен особенностями мироощущения Боратынского, которое отличает господство рефлексии над чувством. С точки зрения развития поэтической мысли, элегия под пером этого поэта из произведения с «размытыми чувствами», «расплывчатыми

эмоциями», неопределенной лексикой превращается в «четко организованную лаконичную пьесу»[8], насыщенную серьезным психологически содержанием, что приводит к изменению и композиционной структуры, и стилистической системы, как следствие, к изменению самого лирического героя.

В стихотворениях Боратынского первого периода его творческой эволюции конфликт личности с действительностью приобретает форму скорее этического противостояния личности судьбе («Уныние» (1821), «Признание» (1823), «Истина» (1823)...). Основное внимание в лирике этого времени поэт уделяет переживаниям, отдельным психологическим состояниям, взаимоотношениям человека с другими людьми; а главное, вопросы, волнующие автора, так или иначе связаны с определением собственной позиции. Отсюда их ярко выраженная этическая направленность. И решение основного романтического конфликта в ранней лирике чаще всего видится как уход в поэзию, должную заменить мир внешний, то есть дается Боратынским в чисто эстетическом виде. Автор заставляет лирического героя погрузиться в мир своей души в поисках того «высокого», на основе которого будет сотворена особая идеальная «реальность», отделенная от внешнего бытия никем не видимой, но абсолютно непроницаемой стеной.

В созданной Боратынским эстетической действительности царят вечные ценности, не потерявшие своей значимости для героя. Иллюзорным началам внешнего мира, враждебного человеку, поэт противопоставил свой идеал счастья, основанный на вневременных понятиях — дружбе, любви, что в какой-то мере явилось нравственным оправданием существования человека. Главным же составляющим этого счастья становится некое «тихое пристанище», где герою оказывается близко и понятно «тихое счастье». И в этом обнаруживается близость позиции Боратынского взглядам К.Н. Батюшкова.

Философия уединения, отхода от жизненных бурь в свою бытийную «нишу» становится для лирического героя Боратынского первого периода определяющей. Потому, наверное, и называют раннюю лирику поэта, в силу ее углубленности во внутренний мир личности, когда все вращается вокруг человека, психологической.

До эпохи Пушкина возможности романтической поэзии оказывались ограниченными: она сосредоточивалась на изображении чувственного героя с его «жизнью сердца». Элегии призваны были скорее не объяснять, а поэтизировать отдельные состояния человека. Например, любовь, образ которой чаще всего привлекал внимание поэтов, описывалась либо мечтательной, меланхолической (в духе Жуковского), либо эпикурейской (в духе Батюшкова). Поэзия эта сделала немало для раскрытия душевной жизни человека, но самую область чувств она изолировала от других сторон внутренней жизни человека, от его интеллекта. Интеллектуальная жизнь находила свое выражение в отвлеченных понятиях, в стихотворных изложениях абстрактных истин.

Все актуальней становилась потребность создания образа мыслящего героя, человека новой эпохи с его изменившимся взглядом на жизнь, человека внутренне противоречивого, не только чувствующего, но и рефлексирующего. И Боратынский уже в раннем творчестве сумел сделать успешные шаги в этом направлении.

Волна меланхолии, настроений разочарования, мыслей о неустроенности человеческой жизни, ее недолговечности хлынула в русскую литературу начала XIX века в связи с вытеснением с исторической арены идей Просвещения, недовольством характером политики Александра I. Все это привело к появлению элегии «общего разочарования», которую связывают с именем В.А. Жуковского. И Боратынский уже в своих ранних любовных элегиях выводит это «генерализирующее переживание», впитавшее в себя, по его мысли, все «болевые импульсы» духовной атмосферы 1820-х гг. Хотя чувство «разочарования» не было открытием Боратынского, его внутренним достижением было то, что это чувство в контексте лирики становится «всеобъемлющим» и «трагически универсальным». Кроме того, это чувство было раскрыто поэтом в своей психологической и социо-культурной конкретности. Боратынский выдвигает собственное понимание разочарования, отказываясь от расплывчатости в его проявлении, «вскрывая его жизненную подоснову»[9], видя ее в том, что лирический герой его поэзии, стремясь к радостям жизни, не может их получить, так как сама действительность лишает его этой возможности. Особенность подхода Боратынского к «разочарованию» проявляется и в том, что оно представляется ему цельным и однородным, выступающим не только непосредственным участником душевной борьбы, которая не стихает в человеке, но и неизбежным драматическим итогом.

Разочарованность лирического героя Боратынского, его жизненная неудовлетворенность не констатируется, а «проявляется в конкретных лирических ситуациях» и впервые «выводится из собственной его жизни»[10]. Разочарование в лирическом мире поэта распространяется и «вширь», и «вглубь», пронизывая даже интимные переживания человека, накладывая отпечаток на такие «вечные», «вневременные» чувства, как любовь, дружба... Необходимо учитывать и то, что элегии Боратынского отличает предельная насыщенность мыслью, примечательной особенностью лирического героя становится отсутствие «страха» перед неизведанными сторонами бытия.

Новаторство Боратынского в области элегии проявилось и в привнесении в нее нового качества, могущего быть определенным как «аналитизм». В своей аналитической элегии Боратынский противопоставляет бытовавшим традициям «психологическую конкретность», «углубленный анализ чувства»; переживания лирического героя рассматриваются поэтом в развитии, им выявляются все противоречия и оттенки чувств, испытываемых человеком. В стихотворениях этой жанровой разновидности дается анализ человеческих состояний, поразительно четкий в своей словесной отточенности, ярче всего этот талант Боратынского проявляется в любовных элегиях («Разуверение» (1821), «Поцелуй» (1822), «Признание» (1823), «Оправдание» (1824) ...)

Так, его знаменитое «Признание» (1823) представляет собой не какой-то моментальный срез внутреннего состояния человека (любви), здесь мы можем проследить само развитие чувства, увидеть все его перипетии; главным в создании словесной картины душевного мира становится лаконизм поэта, трезвость и четкость видения и оценки. Перед нами — монологи-«исповеди», содержащие не только непосредственное выражение чувства, но и глубокий самоанализ.

Выход за пределы традиционного жанра элегии Боратынского видится и в том, что душевное спокойствие для его героев достижимо через подчинение власти рассудка: «Печаль бесплодную рассудком усмири...». Это одна из формул отношения лирического героя поэта к миру и к себе.

Даже в любовной элегии лирический герой Боратынского приносит «прекрасный огонь» собственного чувства в жертву рассудочности и практицизму, рассматривая это не как проявление эгоизма, а как поиск душевного спокойствия. И как следствие, поэт кардинально преображает привычную элегическую ситуацию: за основу многих его произведений берется какой-то критический момент во взаимоотношениях мужчины и женщины (встречи, расставания, объяснения, размолвки, часто заканчивающиеся полным разрывом отношений возлюбленных). Любовь как одна из возможностей даровать человеку счастье таковой в поэтическом мире Боратынского не воспринимается. Обычно она не является взаимной, и это еще больше усиливает общую неудовлетворенность героя.

Характерную особенность элегической лирики Боратынского подметил еще К.В. Пигарев: «... лучшие любовные элегии содержат не признание в любви, а признание в охлаждении, неспособности любить»[11]; это качество и заставляет исследователей определять элегическую лирику Боратынского «безлюбовной». Она безлюбовна в том смысле, что счастливой любви поэт не описывает. Подобная ситуация, например, лежит в основе «Оправдания» (1824), где лирический герой предается мечтам, каждый раз новым, но верность хранит лишь одной, своей возлюбленной, она же не в состоянии ни понять, ни простить его.

Основной лейтмотив ранней любовной элегии Боратынского выражен в стихотворении «Любовь» (1824), где описываемое чувство воспринимается лирическим героем как «опасный яд», разрушающий душу человека, лишающий его надежды на радость в будущем:

Мы пьем в любви отраву сладкую;
Но все отраву пьем мы в ней,
И платим мы за радость краткую
Ей безвесельем долгих дней.
Огонь любви, огонь живительный!
Все говорят; но что мы зрим?
Опустошает, разрушительный,
Он душу, объятую им!

По сути, необычность лирической ситуации, разворачивающейся в любовных элегиях Боратынского, определима как «уже без любви»[12]; автор, продолжая говорить классическим языком элегий, переходит на иной уровень, где «точность граничит <...> с точностью заново утвержденных психологических реалий»[13].

Аналитический строй подобных элегических медитаций, по верному замечанию Б.О. Кормана, пронизывает «скрытый пафос романтического исследования человека»[14]. В связи с этим нельзя не заметить расширения временного диапазона элегий раннего творчества Боратынского: поэт уже не замыкается в прошлом, как единственно реальном времени для лирического героя, и не рет-

роспектива чаще всего определяет развитие лирического сюжета его ранней элегической лирики, а беспощадный анализ мельчайших движений человеческого сердца.

Так, если в элегии «Разуверение» (1821) процесс разочарования трактуется с позиции настоящего, то в «Признании» (1823) он освещается не только в рамках времени настоящего, поэт обращается и к прошлому, и к будущему. Начав стихотворение с изображения настоящего момента, когда лирический герой задумывается над произошедшим, Боратынский вводит затем и тему прошлого, противопоставляя таким образом минувшее и нынешнее состояние человека:

Я сердца моего не скрою хлад печальной.
Ты права, в нем уж нет прекрасного огня
Моей любви первоначальной.

Рисуемая поэтом перспектива ожидающего лирического героя безрадостна, неспособность к новому чувству оборачивается обреченностью на вечное разочарование, на постоянную раздвоенность мыслей и чувства:

Верь, жалок я один. Душа любви желает.
Но я любить не буду вновь....

Ощущение себя «жертвой» всесильной судьбы приводит героя к тому, что он вдруг обнаруживает в себе готовность принести другого в жертву уже собственному разочарованию, этой жертвой становится «невинная» девушка:

Кто знает? мнением сольюся я с толпой;
Подругу, без любви, кто знает? изберу я.

Если рассмотреть такие шедевры ранней элегической лирики Боратынского, как «Признание», «Оправдание», то, кажется, будто в них отражены истории, достойные настоящего романа, отдаленно напоминающего «предельно сокращенный аналитический роман»[15] «Адольф» Б. Констана.

Это приводит к совершенно необычному для элегии этого времени ракурсу романтического конфликта, своеобразие которого состоит в том, что герой, оказавшись даже в положении избранника, ощущает свою неспособность отдаться чувству, чему мешает постоянное наблюдение за собой и стремление из всего извлекать выводы. Это становится причиной его нравственной драмы, воспринятой позже как проявление «болезни века»; сам же лирический герой воспринимается не иначе, как «герой своего времени», эпохи начала 20-х годов XIX века.

Поэтический мир Боратынского даже в рамках отдельного периода — явление постоянно эволюционирующее, ярче всего это проявляется в характере изменений внутренней сути лирического героя. В первых элегиях поэта возникает образ лирического героя, отделенного от автора, но тем не менее несущего в себе пережитые им чувства, мысли, мечты и в то же время сочетающего их с переживаниями, свойственными духовно развитым людям, остро чувствующим настроения эпохи. Героем поэзии Боратынского стал человек, сомневающийся во всем, ищущий истину в себе и в мире, борющийся с судьбой и одновременно пассивно ожидающий своей участи. Немного позже Боратынский попытался в

своих произведениях проанализировать разного рода проявления человеческого естества (прежде всего эмоционально-духовного плана), придавая каждому явлению человеческой жизни почти терминологическое, понятийное определение, но с лирическим истолкованием. Таким образом, поэту удалось воссоздать в своей ранней лирике духовный портрет представителя своего поколения.

Все личное, проникая в лирику Боратынского, наделяется почти типологическими свойствами, за счет чего достигается значительный уровень обобщения, дающий поэту возможность выйти к философскому осмыслению мира. В любовных элегиях Боратынского интимное, сокровенное оказывается соотнесенным с некими общими законами бытия; пример тому — «Признание». Это стихотворение перерастает рамки традиционной любовной элегии, превращаясь в печальное раздумье, близкое медитации, о судьбе человеческой личности (идеалы которой гибнут независимо от ее воли), становясь своего рода утверждением бессилия человека перед предназначенной ему свыше судьбой. «Сердца хлад печальный» в стихотворении объяснен не только принципиальной позицией героя, изменившегося в «бурях жизненных», но «вставлен» в более широкую раму человеческих судеб, отношений. А романтически освещенная грусть получает свое психологическое и философское обновление.

Это позволило И.М. Семенко увидеть подоснову эволюционного скачка в творчестве Е.А. Боратынского: «Философская лирика Баратынского зародилась в любовных элегиях начала 1820-х гг. в рамках, казалось бы, традиционных сентенций о бренности всего земного...»[16]. Продолжая свою мысль, исследовательница утверждала, что «в ранней элегии Боратынского зачиналось многое из того, чем замечательна его поздняя лирика»[17].

Творчество Е.А. Боратынского стало во многом «зеркалом» процесса духовного освобождения личности и поиска новых идей, что было обусловлено кризисом прежней системы жизненных ценностей. Результаты этого процесса отразились на развитии литературы первой четверти XIX века, обусловив разрушение системы иерархических жанров классицизма и формирование индивидуализированного лирического «Я» взамен обезличенного автора поэзии классицизма. И это еще одна из причин того, что элегия, будучи емкой формой, становится ведущим жанром романтической поэзии, обращенной к внутреннему миру человека.

Элегия Боратынского, преображаясь, обновляясь в первый период его творческой эволюции, становясь ведущим жанром его поэзии, со временем испытывает процесс разрушения; наполняясь «конкретно-психологическим содержанием», впитывая в свою структуру аналитическую мысль, она постепенно утрачивает свойства замкнутого жанра, становясь открытой для заимствований и взаимодействий с другими жанрами. То есть мы видим процесс «растворения» элегии в общем потоке лирики первой четверти XIX века.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Грехнев А.Я.* Болдинская лирика Пушкина. Горький, 1977. С. 10.
2. *Пушкин А.С.* Стихотворения Баратынского // Пушкин А.С. Полн. собр. соч. М.; Л., 1948. Т. 11. С. 14.
3. *Фризман Л.Г.* Жизнь лирического жанра. М., 1973. С. 25.

4. *Белинский В.Г.* Полн. собр. соч. М., 1954. Т.5. С. 50.
5. *Гегель В.Ф.* Лекции по эстетике. Сочинения. М., 1958. Т. 14. С. 319.
6. *Фризман Л.Г.* Два века русской элегии // Русская элегия. М., 1991. С. 8.
7. *Коровин В.И.* Лирические и лиро-эпические жанры в художественной системе русского романтизма. М., 1982. С. 46.
8. *Альми И.Л.* Элегии Баратынского 1819-1824 гг. (К вопросу об эволюции жанра) // Уч. зап. Ленингр. гос. пед. ин-та им. А.И. Герцена. Т. 219. Л., 1961. С. 43.
9. *Грехнев.* Ук. соч. С. 138.
10. *Альми.* Ук. соч. С. 43.
11. *Пигарев К.В.* Баратынский // *Баратынский Е.А.* Стихотворения и поэмы. М., 1971. С. 7.
12. *Бочаров С.Г.* «Обречен борьбе верховной...» // *Бочаров С.Г.* О художественных мирах. М., 1985. С. 95.
13. *Гинзбург Л.Я.* О лирике. Л., 1974. С. 77.
14. *Корман Б.О.* Проблема личности в реалистической лирике // Изв. АН СССР. Сер. лит-ры и яз. 1983. № 42. С. 6.
15. *Гинзбург.* Ук. соч. С. 77.
16. *Семенко И.М.* Поэты пушкинской поры. М., 1970. С. 229.
17. Там же. С. 244.

ORIGINALITY OF ELEGIAC GENRE IN THE EARLY E.A.BORATYNSKY'S WORKS

S.V. Rudakova

The article deals with the early E.A.Boratynsky's creative work (1819–1826). In 1819 the poet published his first verses, in 1826 a spirit of his lyricism has been changed of emotional-moral condition of the Russian society. The early creativity of Boratynskii reflected the search of new ideas under the crisis of former system of spiritual values.

© 2008 г.

С.В. Рудакова

ПРОСТРАНСТВЕННО-ВРЕМЕННАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ КНИГИ «СУМЕРКИ» Е.А. БОРАТЫНСКОГО

«Сумерки» представляют собой не просто собрание отдельных произведений, а единое в своем содержательном, интонационном и эмоциональном, а также формальном плане творение, с полным правом именуемое книгой. Впервые именно в «Сумерках» стихотворения объединяются не по жанровому, не по тематическому и не по хронологическому принципу, общим оказывается угол зрения, та степень высоты обобщения, на которой находится автор, та общая идея, которая развертывается автором через совокупность всех поэтических образов сборника. Одним из первых, кто стал рассматривать «Сумерки» как книгу

стихов, был А.Кушнер, этой же точки зрения придерживался и Е.Н Лебедев[1], однако другие исследователи[2] считают, что «Сумерки» — это лирический цикл. В «Сумерках» Боратынский подводит итоги многолетних размышлений о судьбе человека и человечества, которые рассмотрены им в контексте природы и мироздания. В таком ракурсе сохраняется диалектика единства противоположностей.

Первое, что обращает на себя внимание при знакомстве с «Сумерками» Е.А. Боратынского, это заголовок. В русской поэзии первой половины XIX века не было заведено такой традиции давать сборникам стихотворений названия (Н.М. Карамзин, И.И. Дмитриев, В.А. Жуковский, озаглавливая свои стихотворные сборники — «Мои безделки», «И мои безделки», «Для немногих», указывали в них, в первую очередь, не на индивидуально-авторское, а на общие художественные принципы, которыми они руководствовались). Боратынский же в данном случае следует примерам европейской, в частности, французской поэзии, в которой, например, у В. Гюго можно было встретить сборники с заглавиями: «Осенние листья» (1831), «Песни сумерек» (1835), «Лучи и тени» (1841).

Боратынский выбирает для своей книги стихов очень емкое символическое название. С одной стороны, слово «сумерки» задает некое печальное настроение, пронизывающее практически все стихотворения, входящие в этот сборник. Ведь сумерки — это некое пограничное время суток, некий переход от вечера к ночи, от ночи к утру, время, полное тайн, сомнений, овеянное ощущением какой-то потери. «Сумерки» в более глобальном философско-временном аспекте — это этап перехода от зрелости к старости, когда что-то теряется, но неясно еще, что приходит на смену. Один из важнейших смысловых подтекстов слова сумерки — переходность, незавершенность. Подобный смысл заглавия отражает некоторую пессимистичность поздней лирики поэта, отмечаемую многими исследователями его творчества.

Однако стоит вспомнить, что еще Г. Хетсо подчеркнул, что «”Сумерки” — книга о больших сомнениях. Но пессимизм Баратынского, в силу своей искренности и правдивости, — очищающий пессимизм. Он скорее укрепляет, чем разрушает»[3]. Размышляя о своей жизни, Боратынский в письме Н.В. Путяте от 19 апреля 1842 года признается: «У меня солнце в сердце, когда я думаю о будущем. Вижу, осязаю возможность исполнения великого дела и скоро и спокойно»[4]. Посему можно предположить, что название последней книги стихов поэта появилось не из мрака отчаяния, а рождено было той светлой обстановкой, которая его окружала. В последние годы жизни Боратынский предпочел пребыванию в свете уединение сельской жизни, проводя много времени в своих имениях. Так, Е.Н. Лебедев указывал в своей книге «Тризна», что «Сумерками» называлось уединенное место в Мурановском парке, где поэт любил проводить время в размышлениях. А К.В. Пигарев, хорошо знавший мир Муранова, писал: «По семейному преданию, заглавие книги подсказано поэту названием одного места в лесу, где протекает речка Сумерь»[5]. Исходя из данных версий, можно предположить, что другое смысловое значение заглавия данного сборника стихов указывает на неразрывную связь поэта с живым загадочным миром природы, столь близкой его сердцу.

Заглавие книги Боратынского определяет внутренне единство стихотворений, в нее входящих. Поэт названием своего сборника как бы задает определяющий вектор лирических медитаций, понять и воспринять которые читатель сможет только в результате вдумчивого отношения к произведениям.

В центре «Сумерек» не лирическое «Я» автора; основным объектом внимания Боратынского является человек, причем в лучшем своем воплощении, — это Поэт, представленный не в своей индивидуальности, а рассмотренный в масштабах всего человеческого рода. «Сумерки» — эта своеобразная исповедь художника, находящегося во враждебных отношениях с обществом, с современной эпохой, переживающего мучительное одиночество, жаждущего его преодолеть, ищущего пути этого. Лирическое единство «Сумерек» определяется общей направленностью размышлений Поэта, пытающегося найти ответы на проклятые вопросы бытия, а также его жизненной позицией.

Категория времени в лирической книге Боратынского представлена значительно сложнее, чем это было в его ранней лирике. Отказываясь от эсхатологических воззрений, автор приходит к пониманию того, что для настоящего поэта все соединяется в миге сиюминутном. Лирический герой живет настоящим, в каждом моменте которого сопряжены все времена: отголоски прошлого, пожелания будущему, многообразие настоящего. «Сумерки» строятся на соотнесении двух временных пластов: прошлого (эпохи далекой античности) и настоящего (названного поэтом «железным веком»). Образ Эллады, данный, казалось бы, в ауре античных преданий, выступает здесь не символом прошедшего, а необходимостью для сопоставления, скрытого в содержании, с мигом настоящего. Это сопряжение двух миров — древнего и нового — позволяет поэту создать широкую историческую перспективу, выявив моменты общего и различного между двумя культурами и определив возможную участь нового времени.

Категория пространства, как и категория времени, относится к числу наиболее сложных, вызывающих напряженные споры и дискуссии. Пространство, как и время, воплощает «мироощущение эпохи», «поведение людей, их сознание, ритм жизни, отношение к вещам...»[6], способствует осмыслению общей картины мира. При всей условности художественного пространства в «Сумерках» — это одна из основных универсальных поэтических категорий, раскрывающих художественное своеобразие этой книги, помогающих лучше почувствовать ее внутреннее единство. Пространство — это мир, в котором оказывается лирический герой и где происходят события, это мир, в котором раскрываются чувства, переживания Поэта, это мир, который вызывает в нем ответные реакции, свидетельствующие о глубине его натуры. Даже в том, как изображает пространство, автор отражает свое понимание жизни, свою концепцию человека, человечества, бытия, свое видение мира материального и идеального, зримого и невидимого, метафизического, духовного и реального, мифологического и исторического.

Соответственно как в жизни, так и в литературе, пространство невозможно представить без вещей, его наполняющих. Именно поэтому так важны и предметы, и пейзажи, и другие объекты действительности, появляющиеся в стихотворениях Боратынского для понимания значимости не только самой категории пространства, но и содержания всей книги в целом.

Высокий уровень обобщения, который становится приметой стиля позднего Боратынского, определяет и то, что лирический герой «Сумерек» смотрит на мир с предельной высоты, и в фокусе его внимания — только значительное, масштабное, обобщенное. Проявляется это даже в тех темпоральных и пространственных характеристиках, которыми оперирует автор: «век железный», «век надменный», «век-то старой», «грядущее», «бессмысленная вечность», «перепутье бытия», «земной край», «на земле», «юдольный мир»..., — все это, по сути, определяющие параметры объективной действительности, взятые в предельно обобщенном виде и представленные в авторской оценке их ценностно-смысловой значимости.

Однако тот факт, что центром книги оказывается не столько мир, сколько Личность в ее отношении к окружающему, определяет введение в «Сумерки» и другого антитетичного ряда характеристик временной протяженности: «скорбный час», «венец пустого дня», «осень дней», «с каждою зимою», «вечер года», «младые годы», «роковая скоротечность», — которые усиливают общую трагедийность стихотворений данной книги Боратынского. Пространство же, изображаемое автором в стихотворениях «Сумерек», имеет своеобразный пульсирующий характер. Оно то сжимается до пределов неимоверной плотности (так, уже в послании «Князю Петру Андреевичу Вяземскому» описывается место пребывания лирического героя, ассоциирующееся с образом «гроба», в который, как кажется лирическому герою, заключила его сама жизнь), то расширяется до огромных масштабов не просто земли, но мироздания, Вселенной (такой грандиозный образ появляется, например, в стихотворениях «Недоносок», «Осень», «На что вы дни»...). Стоит подчеркнуть, что во всех произведениях, входящих в состав «Сумерек», представлен не быт, а именно бытие человека.

Следует отметить, что в книге стихов «Сумерки» Боратынского происходит некое пересечение всех основных форм пространства, которые могли быть изображены поэтом: эмпирическое и сверхэмпирическое, историческое и мифологическое, пространство горизонта и пространство вертикали. Подобные контрасты, представленные на уровне антиномических связей, впервые проявляются уже во вступлении к книге стихов, в послании «Князю Петру Андреевичу Вяземскому».

Единичное оказывается противопоставлено множественному, как Поэт — обществу, век — дню, мир — могиле, но, с другой стороны, все эти понятия взаимосвязаны, что определяет подспудно проявляющуюся в произведениях Боратынского надежду на преодоление этого противостояния и обретение гармонии.

В поэзии Е.А. Боратынского пространственные отношения организуются на основе законов романтической поэтики. Основной оппозицией, что формирует пространственную модель лирического мира Боратынского, является противопоставление неба и земли. Обусловлено это доминирующей устремленностью поэтической мысли ввысь. В традиционную оппозицию автор вкладывает несколько смыслов: номинально-эмпирический, как определение двух сфер реального пространства; сакральный — земля как «грешное, суетное» место, небо как обитель богов; романтический — небо как сфера возвышенного, поэтического, земля как проза жизни. Противопоставляются небо и земля и по степени

насыщенности движением. Оппозиция «неба и земли» определяет обращение поэта к теме «вечности», ибо образ неба связан с преклонением человека перед его необъятностью, таинственностью, бесконечностью, несоизмеримыми с земными просторами. Созданию вертикальной системы пространственных отношений способствует обращение Боратынского к определенной группе мотивов — прежде всего мотивам движения к небу, в небе, в воздушном пространстве (как в духовном, так и в физическом).

Однако следует учитывать, что в «Сумерках» подобный принцип организации поэтического мира сближается необычным образом с горизонтальным способом изображения пространства. Так, при горизонтальной организации стихотворений любая вертикаль, любая устремленность вверх воспринимается как проявление чего-то гибельного, дьявольского, катастрофического. У Боратынского при том, что устремленность к небу по-прежнему рассматривается как проявление духовной потребности человека, его желания слиться с небесами, возвысить свою душу, во многих стихотворениях, в частности, в самом трагичном в «Сумерках», в «Недоноске», эта «полетность мышления» осознается как одна из главных причин трагической раздвоенности лирического героя, воплощающего в себе сумеречное сознание человека современной ему эпохи.

В книге стихов Боратынского формируется и общее представление о мировом универсуме, в котором границы между миром материальным и духовным, между конечным и бесконечным как бы стираются, растворяются. Так, в «Осени», одном из важных стихотворений в общей идейной концепции «Сумерек», мы обнаруживаем сосуществующие и даже взаимосвязанные между собой, а главное соотнесенные с сознанием лирического героя образы «красного листа»[7], на котором концентрируется его взгляд, и «уха мира»[8]. Как видим, с одной стороны, здесь представлен предельно малый объект внешнего по отношению к человеку мира осенней природы, отдельный листок дерева. А с другой стороны, появляющийся метонимический образ создает в воображении читателя некую одушевленную Вселенную, которая прислушивается к тому, что происходит на земле с человечеством, в частности, с его отдельным представителем, с Поэтом.

В связи с изображением пространства можно лучше представить эволюцию лирического героя «Сумерек». Само движение его (как эмпирическое, так и духовное) помогает понять и причину обращения автора в каждом стихотворении к тому или иному спектру тем, и выбор им рассматриваемых мотивов. Пространство — это не только некая протяженность, преодолеваемая движением лирического героя, это и своеобразие композиционной организации как отдельного стихотворения, так и всей поэтической книги, обуславливающей характер связей лирического героя с окружающим миром, с людьми. Именно поэтому, формируя пространство своей книги стихов, Боратынский превращает его в своеобразный активный идейно-смысловой элемент своей книги, так как изменения в характере изображения пространства каждый раз обусловлены изменениями состояния лирического героя, Поэта, новым поворотом его поисков истины бытия.

В «Сумерках» лирический герой, Поэт, находится в ситуации своеобразного жизненного выбора. Так, уже в стихотворении «Последний поэт», своеобраз-

ном камертоне книги «Сумерки», воплощающем в себе основы изменившейся авторской концепции времени, он оказывается перед трагической метафизической жизненной дилеммой, которая должна быть им как-то разрешена. Поэт становится свидетелем и участником катастрофических изменений, он видит, как уходит эпоха золотого века (время расцвета культуры, гармонии) и наступает эпоха «железного века» (современная действительность, разрушающая былые духовные стремления и не дающая человеку обрести гармонию с самим собой, природой, мирозданием), он ощущает растущую пропасть между тем, что было, и тем, что приходит ему на смену, но не знает, можно ли это остановить.

Образы античного мира необходимы здесь для того, чтобы обнажить подспудно зреющий контраст: место пребывания то же, обстановка подобная, но суть мира в корне изменилась. Современная история как бы «закольцовывается», она объята прошлым: от него бежит, к нему же возвращается. Культурное пространство античности воспринимается Боратынским завершенным в себе, давшим жизнь многим явлениям современного мира, — это колыбель европейской цивилизации. Потому античность для Поэта не просто фон, а место действия, один из героев поэзии вообще. Боратынский видит «в греческой истории (...) своего рода откровения общих законов жизни. Показать их актуальность в современном поэту мире Баратынский воспринимает как важную задачу или даже долг»[9]. В «Сумерках» все более четкие контуры принимает концепция спирального развития истории: по мнению Боратынского, история имеет способность повторяться, но полного отражения одного исторического момента в другом произойти не может, так как каждое время несет с собой нечто совершенно иное. Одно время имеет потенциальные возможности к воссозданию в других исторических эпохах, другое никогда не может повториться.

Рисуемое поэтом настоящее, данное через призму прошлого, которое как бы возвращается на круги своя: «Вновь Эллада ожила»[10], «В ней опять цветут науки»[11], — кажется таким же гармоничным, как мир античности, где все пребывало в единении — человек и природа, где все было связано с искусством. Но здесь-то и проявляется существенно важное отличие века нынешнего от давно минувшего: творчество, раньше выступавшее органичной частью союза человека и действительности, ныне во вновь возрождающемся мире оказывается закрытым для человека, рядового обитателя людского света: «И не слышны лиры звуки / В первобытном рае муз»[12].

Сближение двух времен позволяет остро ощутить, что не только для человека далекое прошлое было наполнено гармонией, но и для всего живого: «Лучше, смертный, в дни незнанья / Радость чувствует земля»[13], — то есть тогда, когда между всем сущим на земле царила гармония, жизнь была полнокровной как у человека, так и у природы.

Разрыв — духовный, исторический, пространственный — заставляет лирического героя вспомнить то, что было пережито и предпринято когда-то его далекой предшественницей, Сафо, которая предпочла одиночеству, непониманию и неприятию ее возлюбленным единение с морем. Именно поэтому, оказавшись у границ моря, на берегу, столкнувшись со стихией, не знающей никаких преград, стихией, воплощающей в себе пространство абсолютной свободы, лирический герой Боратынского, Поэт, оказывается захваченным идеей

самоубийства, как единственно возможного и реально доступного для него способа разрешения проблем.

Но мы понимаем, что это трагическое стихотворение завершается не смертью Поэта (иначе просто не было бы продолжения разговора), а принятием мучительного решения жить, попыткой найти ответы на проклятые вопросы жизни в эмпирическом пространстве бытия. И потому «от шумных вод» моря лирический герой отходит, пусть и мучимый переживаниями, но пытающийся найти новый путь жизни.

Во всех последующих стихотворениях книги Боратынского отражается своеобразный поиск выхода Поэтом из той метафизически сложной ситуации пребывания в «сумерках» жизни личной, исторической, мифологической, в которой он оказался, ощущая одновременно и свою ненужность обществу, и внутреннюю потребность подарить людям, миру свое слово, свое знание, реализовать свое высшее предназначение.

В «Сумерках» создается некая художественно обобщенная картина мира, представляющая собой своего рода модель действительности, мирового целого в некой своей завершенности, целостности. Именно поэтому в книге стихов появляются обобщенные образы, поражающие своей масштабностью и даже титаничностью, несмотря на определенную трагическую ущербность, каковым выступает, например, образ Недоноска («Недоносок»), или же описывается вневременное, растворенное в пространстве жизни всего человечества противоборство конечного по своей сути тела и вечной в своих беспрестанных поисках души («На что вы, дни»).

Переживание прошлого как своего времени позволяет поэту ярче его представить и глубже постичь его суть. Выясняется, что трагедия, свершающаяся в общемировом пространстве («Недоносок», «Осень»), была предрешена еще в Древней Греции («Алкивиад»), где отнюдь не все было так безоблачно. На, казалось бы, «безмятежном челе» Эллады уже лежала глубокая складка скорби, рожденной непониманием, уже тогда в душах людей поселилась смута, разводящая их в пространстве и во времени, приводящая к осознанию суетности человеческих устремлений. Лирический герой стихотворения «Алкивиад», пребывая в мифологизированном прошлом (но для него оно настоящее), душою находится в иных, нежели его соплеменники, временных рамках — «в грядущем». И одиночество его — одно из следствий его собственного равнодушия («глух был и слеп») к окружающей жизни. Алкивиад, всю жизнь метавшийся между Спартой и Афинами, нигде не находит успокоения. В своем времени ему уже трудно жить: устремленность Алкивиада в будущее настолько сильна, что заставляет его не столько жить, сколько переживать настоящее, принимая его как необходимость. Но... получается, «первобытный рай Муз» отнюдь не являлся таковым. Ведь если его житель, в данном случае Алкивиад, не просто ощущает время, но испытывает недовольство своим сиюминутным состоянием, это означает одно — «рай» разрушен, так как там, где появляется время, подчиняющее все своему ходу, рушится идеальный мир, ведь рай — это божественное и вечное, а следовательно, вневременное.

Однако Боратынским в «Сумерках» отражен не только процесс сопряжения времен, но и проникновение прошлого в настоящее. Появляется стихотворение

«Предрассудок», в самом своем заглавии несущее определение общечеловеческого явления. Предрассудок подобен осколку огромной гряды, зовущейся прошлым, пронзившей время и ворвавшейся в миг нынешний. Понятие «предрассудок», свое отрицательное значение получившее в эпоху Просвещения, означает собою суждение, выносимое до окончательной проверки всех предметно определяющих моментов. Именно поэтому «предрассудок» не всегда и не обязательно означает ложное суждение. Для Боратынского это мнение, накладываемое прошлым, традицией, и, как следствие, в контексте его стихотворения «предрассудок» выступает связующим звеном между прошлым, настоящим и будущим. Поэту «предрассудок» видится частью прошлого, что, незримо присутствуя в новом времени, во многом определяет наступление нынешнего момента.

Рассмотрение предрассудка как осколка времени позволяет Поэту представить в этом стихотворении пространственно — временные отношения не только в выразительных образах, но и как взаимозависящие категории: «Предрассудок! он обломок / Древней правды, Храм упал, / А руин его потомок /Языка не разгадал»[14]. Значимость решаемой проблемы определяет избранный масштаб художественного времени, которое представлено здесь не личным, а историческим, мировым: «век надменный», «потомок», «предок», — что определяет почти открытое столкновение художественных форм: «храм», «руины», «обломок», «могила». Сами пространственные образы призваны в большей мере придать зримость и объемность временной структуре произведения, в рамках которого предрассудок уже не абстрактное понятие, а некая метафизическая реалия. Кроме того, пространственные формы в характеристике времени позволяют последнему уплотниться, предстать зримым для читателя, благодаря чему «неподвижное пространство»[15] оказывается втянутым в движение времени «относительно человека»[16], который «активен по отношению к пространству и пассивен по отношению к времени»[17].

Одна из причин трагедии современного человечества Боратынским описывается в стихотворении «На что вы дни», в котором, размышляя о характере существования души и тела, Поэт обращает внимание на разнонаправленность их движения в пространстве жизни. Разъединенность души и тела как отдельного человека, так и человечества в целом, приводит к тому, что «век железный», утяжеленный своей бездуховностью, не только стремится все подчинить своему влиянию, но начинает превращаться из категории темпоральной в пространственную.

В стихотворении «На что вы дни» Боратынским выявляется трагическая основа человеческого бытия: с одной стороны, вечное стремление к новому, жажда духовных знаний, потребность открытий, совершенствований, а с другой стороны, цикличность, которая обуславливает постоянный возврат к конечному, предельному, ссуженному, ограниченному, установленному прежде, известному, познанному, привычному.

Роль времени в жизни личности, в ее борьбе с действительностью выявлена поэтом в произведении «Были бури — непогоды...», где Боратынский показывает зависимость отношения человека к страданию и боли от возраста. Навалившаяся в юности на человека скорбь-невзгода — состояние если не одномо-

ментное, то кратковременное: «В день ненастный, час гнетучий...»[18], — преодолевается через переживание страдания, которое человек изливает в песне, освобождаясь от боли через сферу духа и поэзию. Юность открыта миру и времени, восприятие мира в этот период не трагично, а драматично, ибо душа еще не замкнута на себе, и переживания, в нее проникающие, не затаиваются в ней, а изливаются, подобно «вольной песне»: трагедия оборачивается лирикой, скорбь облекается оптимизмом. С годами груз пережитого лишает человека возможности перерождения после очередного столкновения с жизнью. Старость связана у Поэта не с кратковременностью состояний отчаяния и пессимизма, а с протяженностью их во времени, поэтому и появляются образы «века», что облекается чертами старости: «А как век-то, век-то старый...»[19]. Для младых лет характерна широта духа, даже беды, постигающие человека в этом возрасте, вырываются в пространство, подобно «вольной птице». В поздний же период человеческой жизни происходит замыкание внутреннего пространства: «...век-то старый, / Обручится с лютой карой...»[20], приводящее к ощущению безысходности: «Груз двойной с груди усталой / Уж не сбросит вздох удалый»[21]. К старости время, сгустившись, обрушивается на человека, лишая его возможности освобождения от горечи и боли.

В стихотворении «На что вы дни», как и в произведении «В дни безграничных увлечений», отражено смыкание трех категорий времени в данной конкретной точке бытия. Но сопряжение времен здесь доведено до абсурдного конца: происходит не просто взаимопроникновение времен, а повторение, приобретающее характер циклический и бессмысленный; то, что было в прошлом, происходит и в нынешнем состоянии человека, грозит ему и в будущем: «Юдольный мир явленья / Свои не изменит! / Все ведомы, и только повторенья / Грядущее сулит»[22]. Подобное больше характерно для природы, бытие которой — замкнутый цикл, все, в ней происходящее, уже знакомо, повторяемо, предстоящее ничего нового сулить не может: «Природа беспрестанно возобновляет одно и то же — годы, дни, часы...»[23]. Однако в отношении к человеку цикличность оборачивается пустотой и страшной пропастью, возникающей между телом и душой. Существуя в разных временных ипостасях («вечность» и «сиюминутность»), «душа» и «тело» сомкнуты в онтологическом плане бытия подобием внутренних характеристик собственного существования: «бессмысленности» тела соответствует «безумность» души.

Это в какой-то степени помогает нам понять, почему пространство, изображенное поэтом, оказывается столь неоднородным, сложным, пульсирующим: то точечным, то линеарным, то замкнутым, то разомкнутым, то сужающимся до малой точки бытия, то расширяющимся до пределов всего мироздания, всей вселенной.

Книгу стихов «Сумерки» условно можно разделить на две части. В первой мы видим описание отношений лирического героя и мира и попытки Поэта воздействовать на реальное окружающее его пространство людей и бытия (или на окружающую действительность) с целью улучшения и гармонизации его. Но в конечном итоге происходит осознание невозможности сближения духовного и физического, идеального и реального миров. Наиболее остро это осознается лирическим героем в ситуации, описанной в стихотворении «Недоносок». По-

этому во второй части книги лирическое действие начинает все активней разворачиваться в сфере сверхэмпирической, в духовном пространстве. И главным героем второй части становится не столько человек, Поэт, сколько его душа, его сознание.

В «Сумерках» совмещается максимально разомкнутое, открытое пространство с максимально сжатым, закрытым. Время личное, субъективное (характерное для лирики Боратынского 1820—1830-х годов) превращается в обобщенное, общечеловеческое с элементами мифологического. Формы выражения времени в книге «Сумерки» обобщены и масштабны. В «Последнем поэте» — это «век железный», в «Алкивиаде» — «грядущее», в «Предрассудке» — «век надменный»... А в «Приметах» представленное прошлое, идеализированное и воспетое поэтом, помещено как бы вне точного времени, в какую-то доисторическую нишу, что еще больше разделяет время нынешнее (время героя) и ушедшее (время «естественного человека»).

Боратынский еще глубже, чем это было в предшествующий период, разрабатывает «историческую инверсию» (терминология М.М. Бахтина). Только в данном случае она становится особенно ярко представленной, начиная уже с «Последнего поэта» (где лирическая ситуация как раз таки и построена на сопряжении двух времен: «золотого века» Древней Эллады и «железного века» современности) и заканчивая заключительным в «Сумерках» стихотворением «Рифма» (в котором поэт вновь обращается к сравнению двух эпох человеческой истории, отдавая явное предпочтение древности, даже в чем-то идеализируя ее).

Это особенность определяет и необычность лирического героя книги «Сумерки»... С одной стороны, поэт — избранник, т.е. он представляет ту малую часть общества, наделенную огромным духовным потенциалом, стремящуюся к чему-то возвышенному, связанному не с материальными, меркантильными интересами большинства. Это оказывается обусловлено ограниченностью, сжатостью того пространства, которое в той или иной мере соотносимо с лирическим героем книги стихов Боратынского. А с другой стороны, поэт представляет все человечество, и его судьба — это не индивидуальная судьба отдельно взятого субъекта с его метаниями, мыслями, мечтаниями, потерями, разочарованиями, его стремлениями, и его трагедия — это отражение трагедии всего человечества. Соответственно происходящее с ним, представленное как от «Я» субъекта, так и как будто бы сторонним наблюдателем, на что указывает использование местоимений «ты», «он», «мы», «вы» в сочетании с внеличными формами выражения, когда субъект оказывается как бы растворен в тексте, будучи не объективирован, не выражен в тексте напрямую, становится некой проекцией всеобщей масштабной трагедии, переживаемой всем человечеством. Но трагедии не с абсолютно безысходным финалом, а трагедии, которая к завершению книги стихов вдруг, как в античных произведениях, должна даровать герою надежду на духовное очищение, освобождение, как следствие пережитого им катарсиса. Поэтому, наверное, неслучайно последним стихотворением «Сумерек» оказывается «Рифма», в котором, несмотря на сохраняющееся противостояние Поэта и толпы, все-таки появляется вера в то, что слово Поэта, его «рифма», будет востребовано и найдет своего читателя, пусть и не сейчас, не среди тех, кто ок-

ружает Поэта в данный момент, но в скором времени. Именно поэтому пространство, изображенное в этом произведении, от малого, ограниченного объема, в конечном итоге, пульсирующе расширяясь, приобретает мифологический сверхэмпирический характер.

Боратынский создает в «Сумерках» свою особую модель мира, исходя из собственного понимания онтологической сущности бытия и опираясь на свои эстетические представления, отражая свою концепцию понимания человека и человечества.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. См.: *Кушнер А.* Книга стихов // Вопросы литературы. 1975. № 3; Лебедев Е.Н. Тризна. М., 1985.
2. См.: *Альми И.Л.* Сборник Е.А.Баратынского “Сумерки” как лирическое единство // Вопросы литературы. Метод. Стиль. Поэтика. Владимир, 1973; *Дарвин М.Н.* Русский лирический цикл: Проблемы истории и теории. Красноярск, 1988; *Ляпина Л.Е.* Лирический цикл в русской поэзии 1840-1860-х годов: Автореф. дис... канд. филол. наук. Л., 1977 и др.
3. *Хетсо Г.* Евгений Баратынский: Жизнь и творчество. Oslo-Bergen-Tromsö, 1973. С. 459.
4. *Баратынский Е.А.* Стихотворения. Письма. Воспоминания современников. М., 1987. С. 293.
5. *Пигарев К.В.* Мураново. М., 1970. С. 26
6. *Гуревич А.Я.* Категории средневековой культуры. М., 1972. С. 84.
7. *Баратынский Е.А.* Полн. собр. стихотворений. Л., 1989. С. 185.
8. *Баратынский*. Ук. соч. С. 189.
9. *Хетсо Г.* Ук. соч. С. 460.
10. *Баратынский*. Ук. соч. С. 170.
11. Там же. С. 179.
12. Там же. С. 179.
13. Там же. С. 179.
14. Там же. С. 197.
15. *Успенский Б.Б.* История и семиотика (восприятие времени как семантическая проблема) // Труды по знаковым системам. XXII. Тарту, 1989. С. 31.
16. Там же. С. 31.
17. Там же. С. 31.
18. *Баратынский*. Ук. соч. С. 193.
19. Там же. С. 193.
20. Там же. С. 193.
21. Там же. С. 194.
22. Там же. С. 194.
23. *Паскаль Б.* Мысли // *Франсуа де Ларошфуко.* Максимы. *Блез Паскаль.* Мысли. Жан де Лабрюйер. Характеры. М., 1974. С. 138.

THE SPATIAL EXISTENTIAL STRUCTURE OF «TWILIGHT» BY E.A. BORATYNSKY

S.V. Rudakova

E.A.Boratynsky's «Twilight» is the book of verses which is made on correlation of two time layers: the past (the epoch of far Antiquity) and the present (named by the poet «The Iron Age»). This coupling of two worlds — the ancient and the new — allows the poet to create a wide historical prospect. So, Boratynsky creates in «Twilight» a special model of the world, proceeding from his own idea of the onthologic essence of life, basing on his aesthetic notions, reflecting his own concept of understanding a person and the mankind.

© 2008

А.С. Кастарнова

«ДЕМОН ГРОЗНЫЙ В ТЕЛЬЦЕ МАЛОМ...»
(О трех стихотворениях М.С. Петровых начала 1930-х годов)

Стихотворение О. Мандельштама «Мастерица виноватых взоров...» (1934) вызывает большой интерес у многих исследователей. О нем писали Л. Видгоф[1], О. Лекманов[2], И. Сурат[3] и др. Его адресат — поэтесса Мария Петровых, в которую, по словам А. Ахматовой, Мандельштам был «бурно, коротко и безответно»[4] влюблен в 1933–34 гг.

Мастерица виноватых взоров,
Маленьких держательница встреч.
Усмирен мужской опасный норов
Не звучит утопленница-речь.

Ходят рыбы, рдея плавниками.
Раздувают жабры: на, возьми!
Их, бесшумно охающих ртами,
Полухлебом плоти накорми.

Мы не рыбы красно-золотые
Наш обычай сестринский таков:
В теплом теле ребрышки худые
И нагретый, влажный блеск зрачков.

Маком бровки метят путь опасный.
Что же, мне, как янычару, люб
Этот крошечный летуче-красный,
Этот жалкий полумесяц губ.

Не серчай, турчанка дорогая:
Я с тобой в глухой мешок зашьюсь
Твои речи темные глотая
За тебя кривой воды напьюсь.

Наша нежность гибнущим подмога.
Надо смерть предупредить — уснуть.
Я стою у твердого порога.
Уходи, уйди, еще побудь.

До недавних пор оставалась неизвестной поэтическая реакция на «Мастерицу» первого мужа Петровых, поэта Петра Грандицкого. Мемуарист Эмма Герштейн ошибалась, говоря, что Грандицкий «не имел касательства к искусству и поэзии»[5]. Поэтом он был небольшим, но неплохим, его творчество Петровых ценила высоко: «Ты должен писать. <...> Тебе дано самое большое — первородство слова; слово у тебя во всей девственной силе, всегда свежее, неопровержимое — то»[6].

Сегодня точно установить, каким образом Грандицкий познакомился с «Мастерицей», почти невозможно. Наверняка известно, что это произошло в 1934 году: этим временем датируется его оригинальное стихотворение «Демон грозный в тельце малом...», в котором он вступает в лирическую полемику с Мандельштамом.

Демон грозный в тельце малом,
От твоих предвечных скал
Что лисенком одичалым
К берегам моим пристал?

Ты ль, надменный, стал бескрылым,
Плен пушистый возлюбя?
Как же волнам и светилам
Не вступиться за тебя?

Только ль ребрышки худые
Маком бровки на челе,
Если Рьяволом стихия
Залегла во влажной мгле?

Что тебе немые хоры
Красных рыб на дне морском,
Если мраморные взоры
Издают беззвучный гром.

Что тебе гнилая влага,
Ржа и тлен кривой воды,
Если пламя Карадага
Плавит сплав твоей руды, —

Пламя страсти и обиды,
Пламя мести и вины,
Что разит пращей Давида,
Жжет — безглавьем сатаны.[7]

Образ турчанки, созданный Мандельштамом, Грандицкого не устраивал. Единственное, что объединяет обоих поэтов, — внешний облик героини: «ребрышки худые» (Грандицкий, Мандельштам.), «тельце малое» (Грандицкий). Внутренний мир героини воспринимается ими по-разному. Если, по словам О. Лекманова, «важнейшие атрибуты женского начала в стихотворении “Мастерица виноватых взоров...” — *коварство* и *чувственность*»[8], то в стихотворении «Демон грозный в тельце малом...» — *бунтарство* и *непокорность* (эпитеты «грозный», «одичалый», «надменный» и т.д.), что воплощается при помощи образа демона, к которому сама Петровых обращалась в начале 1930-х годов.

«Демон» Грандицкого пронизан аллюзиями на три текста поэтессы: поэму «Карадаг» (1931) и стихотворения «Рьявол» (1930) и «Давид» (1930). Все они так или иначе связаны с Коктебелем, который поэтесса посетила в 1930 году. Сказать наверняка, чем она там занималась, нельзя. Можно, вслед за В. Купченко, предположить, что «времяпрепровождение ее <...> не отличалось от других: купанье, прогулки, чтение книг из волошинской библиотеки»[9]. По всей видимости, Петровых удалось побывать и на расположенном рядом с поселком Карадаге. Древний вулканический массив поразил ее своими очертаниями. Желая объяснить его появление, она написала поэму, главным героем которой сделала «мятежного Серафима-богоборца»[10]. По словам И. Чистовой, «библейский демон как поэтический образ получил устойчивое символическое значение, воплощая идею бунта, неприятия мира, гордого одиночества»[11].В «Карадаге» эта традиция поддерживается: демон называется «изгнанником». Поводом к его изгнанию послужила гордость творца, «тирана райского, в *гордыне* тучноскучающего». Решив уничтожить противника, демон выпустил на волю «огонь, кормивший» корни его крыл.

Месть
Отрадней жизни для изгоя.
Качаясь в пламени, он весь
Был полон музыкой покоя
Иль вдохновением: он — Бог,
Он — гибнет, но и ТОТ ведь тоже!
— Ты будешь уничтожен, Боже,
Творец раскаявшийся!..

Однако Бог оказался сильнее демона — «пламя вдруг // Окаменело»:

Костер, что здесь торжествовал,
Застыл на вечное увечье,
Здесь камни и обломки скал –
Подобье нечеловечьей
Могучей гибели...

Таким образом, скалы Карадага — это «видимая улика»[12] предвечной борьбы Бога и великого «бессмертной дерзостью»[13] демона. Их конфликт сублимирован в тексте Грандицкого в двух строфах: «Ты ль, надменный, стал бескрылым» (вторая строфа); «Что тебе гнилая влага, / Ржа и тлен кривой воды, / Если пламя Карадага / Плавит сплав твоей руды» (пятая строфа).

Демон «Карадага» не единственный бунтарь у Петровых.В стихотворении «Рьявол» разрабатывается образ морского черта. Слово «Рьявол» было подсказано поэтессе однокурсником Владимиром Державиным (его инициалы вынесены в посвящение). «Он «Д» пишет как «Р», — вспоминала Петровых. — Однажды в письме ко мне в шутку было написано «Дьявол», а я прочла «Рьявол» и получилось стихотворение. Слово мне очень понравилось — Рьявол»[14].

При написании «Рьявола» Петровых опиралась на несколько источников. Его начало навеяно стихотворением Ф. Тютчева «Конь морской»: у Петровых — «О рьяный дьявол, черт морской», у Тютчева — «О рьяный конь, о конь морской». Здесь можно назвать и ветхозаветную книгу Иова: «Он кипятит пучину, как котел, и море претворяет в кипящую мазь; нет на земле подобного ему; он сотворен бесстрашным, на все высокое смотрит смело; он царь над всеми сынами гордости» (Иов 40, 23-26). Кроме того, М. Петровых мог быть известен коктебельский миф, который воспроизводила М. Волошина: «В 1921 году в <...> феодосийской газете была напечатана заметка, в которой говорилось, что в районе горы Карадаг появился “огромный гад” и на его поимку была отправлена рота красноармейцев»[15].

Героиня Петровых застает Рьявола в тот момент, когда он спит в «туче младой воды»: «Ты залег на дно // Ни слез, ни гнева — все равно» (в тексте Грандицкого: «Если Рьяволом стихия // Залегла во влажной мгле»). Подобное безмятежное состояние чуждо героине, поэтому в конце стихотворения содержится ее призыв:

Но отзовись мне, бог безвестный!
Проснись хоть раз, одетый бездной,
Безумный бог!
И я живу,
Темнея от бессильной жажды,
Как жаждет пробужденья каждый,
Кто заколдован наяву.

Эта апелляция к «рьяному дьяволу», а также самохарактеристика героини рисуют характер непримиримый, бунтарский, дерзкий, который, по мысли Грандицкого, резко контрастирует с мандельштамовскими «немыми хорами // Красных рыб на дне морском». И, чтобы усилить это впечатление, в заключительную строфу своего стихотворения он вводит образ царя Давида:

Пламя страсти и обиды,
Пламя мести и вины,
Что разит пращей Давида,
Жжет — безглавьем сатаны.

Упоминание о ветхозаветном царе здесь неслучайно: в 1930 году в Коктебеле Петровых было написано стихотворение с одноименным названием.В нем Давид — это стоящее в темном зале мраморное изваяние, с которым беседует его творец:

Увечьем
Блаженный ты был мне. Конвульсий
Резца ты не любишь? Но в камень
Ты все ж не вернулся б?

Ситуация, описанная в «Давиде», в основе своей сходна с «Рьяволом». Оказывается, несмотря на внешнюю статичность, в Давиде сокрыты неиссякаемые силы: «Проклятою клетью // Казался тот зал ему. Хочет // Он руку расправить: столетья //В руке затекли. Среди ночи // Так трудно быть мраморным...».В руке у Давида праща, которая является напоминанием о его славной победе над великаном Голиафом (1 Цар. 17, 49-50). Так раскрывается внутренний потенциал героини Грандицкого.

Таким образом, с точки зрения П. Грандицкого, тихий образ турчанки в «Мастерице виноватых взоров...» О. Мандельштама противоречит всему строю лирики М. Петровых начала 30-х годов. Он интерпретирует его по-своему, наделяя «свою» героиню бунтарским характером, чему во многом способствует коктебельский материал поэтессы.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Видгоф Л.* Москва Мандельштама. М., 1998. С. 219-221.
2. *Лекманов О.* Осип Мандельштам. М., 2004. С. 160-162.
3. *Сурат И.* Превращение имени // Новый мир. 2004. № 9. С.161.
4. *Ахматова А.А.* Листки из дневника. О Мандельштаме. Сочинения в 2-х т. Т. 2. М., 1990. С. 204.
5. *Герштейн Э.* Мемуары. М., 1998. С. 422.
6. *Грандицкий П.* Сердца свет. М., 2003. С. 16.
7. Там же. С. 138.
8. *Лекманов О.* Осип Мандельштам. М., 2004. С. 161.
9. *Купченко В.* М.С. Петровых в Коктебеле // *Петровых М.* Черта горизонта. Ереван, 1986. С. 347.
10. *Купченко В.* Коктебель // *Петровых М.* Назначь мне свиданье! М., 2000. С. 54.
11. *Чистова И.С.* Комментарии // *Лермонтов М.Ю.* Сочинения в двух томах. Т. 1. С. 710.
12. РГАЛИ. Ф. 2867, коллекция Авдеева В.Д. Оп. 1. Л. 26.
13. РГАЛИ. Ф. 2867, коллекция Авдеева В.Д. Оп. 1. Л. 26.
14. *Мкртчян Л.* Так назначено судьбой. Ереван, 2000. С. 34.
15. *Быкова М.* Легенда для взрослых. Размышления о потаенном животном. М., 1990. С. 18.

«THE DEMON MENACING IN TINY LITTLE BODY ...»
(M.S.PETROVYKH'S THREE POEMS OF THE BEGINNING OF 1930-s)

A.S. Kastarnova

The article presents analysis on A.P. Granditsky's poem «The Demon menacing in tiny little body...», devoted to a poetess M.S. Petrovyh which is ran with cues and half-words on her original creativity of the beginning of 1930-s; these are poems «Karadag», «Remon» and «David». The conclusion is drawn on the character of M.S. Petrovykh's heroine on interpretations made by A.P. Granditsky and O.E. Mandelshtam.

© 2008 г.

О.И. Тиманова

ЖАНРЫ КАЛЕНДАРНОЙ СЛОВЕСНОСТИ И РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРНАЯ СКАЗКА XIX ВЕКА

Как исторически сложившаяся система членения, счета и регламентации годового времени, народный календарь фиксирует моменты, определяющие жизнедеятельность человеческого сообщества безотносительно к его возрастной, социальной, иной иерархии. Человеку свойственно воспринимать праздники (время «сакральное») как оппозицию будням (времени «профанному»); это заложено в психофизиологической природе личности, оказывает влияние на поведение целого коллектива. Отсюда в литературе как сфере искусства, занятой исследованием взаимоотношений человека и мира (литературе как «человековедении»), календарный сюжет (последовательность событий, приуроченных к установленному календарному времени) нередко становится предлогом для выражения определенной концепции реальной действительности, индивидуально-авторского понимания сущности человека.

В первой половине XIX в. духовно-календарная линия отечественной беллетристики (совокупность календарно закрепленных текстов, функционирующих в определенное календарное время и содержательно связанных с этим временем) только зарождается, составляя чтение преимущественно семейное, детское. В частности, рождественская елка, совершенно не свойственная исконному русскому святочному обычаю, раньше всего усвоена Петербургом, стремящимся к европейским конфигурациям жизни. В 1820-е гг. рождественская елка воспринимается как этнографическая особенность петербургских немцев; с середины 1850-х гг. публичные елки и елки для детей в частных домах устраиваются повсеместно, обычай распространяется по всей России.[1] Около 1830-х гг. в обществе учащаются жалобы на скуку, царящую на столичных балах. И тогда периодическая печать, чутко откликающаяся на потребности публики, на себя берет роль компенсатора недостающих праздничных удовольст-

вий: появляются целые рождественские альманахи, выпуски газет и журналов, содержащие заметки этнографического характера, соответствующие тематике стихотворения, святочные рассказы. В рамках романтической прозы оформляется жанр святочной повести, появляются литературные обработки святочных быличек, в т.ч. стихотворные: «Светлана» В.А. Жуковского, использующая сюжет о гадающей на святках героине; «Страшное гаданье» А.А. Бестужева-Марлинского; «Нежданные гости» М.Н. Загоскина; собрание русских повестей «Вечера на святках», анонимно выпущенное в типографии Московского университета в 1833 г., и пр. Массовое явление «рождественских» текстов провоцируют «Christmas Stories» Ч. Диккенса и «Девочка со спичками» Х.К. Андерсена, в России опубликованные в середине 1840-х гг. Феномен «Рождественской песни в прозе» («A Christmas carol in prose») Диккенса, по П. Дэвису («The Lives and Times of Ebenezer Scrooge», 1990), предстает культурной инверсией, заключающейся во «вторичной фольклоризации» повести. И это ситуация, примечательная для всей русской словесности и литературной сказки: с появлением в России рождественской повести Диккенса «в святочный жанр вносится социальная проблематика, не известная ему до сих пор»[2].

К началу XIX в. в городской и в сельской среде России вырабатывается устойчивая традиция празднования другой важной календарной даты — Светлого праздника Воскресения Христова. Литературные тексты постепенно наполняются описаниями различных пасхальных обычаев, изображением детских пасхальных забав. Почти забытые в столице, они еще сохраняются по деревням. Это волочебные песни, игры в фанты, качания на качелях, хороводы. В соответствии с главной идеей Пасхи в журналах печатаются произведения о добродетелях и благородных поступках, совершаемых взрослыми и детьми накануне праздника или в самый праздник. С середины XIX в. входит в моду обычай декламирования детьми рацей — специальных поздравительных стихотворений на тему Пасхи, адресованных родным и близким, с пожеланием здоровья и благополучия. Вообще множится потребность в поздравительных текстах, становятся популярными специальные сборники, приуроченные к Рождеству, Пасхе, именам, дням рождения, в которых содержатся стихотворения, адресованные «дражайшему папеньке», «маменьке», «сестрице» и т.п. В конце XIX в. календарные тексты делаются доброкачественнее, освобождаясь от свойственных более раннему времени примитивности сюжетов, дидактичности, сентиментальности. Наряду с тем, в них достаточно мощным остается элемент нравоучительности, спровоцированный идеей праздника Пасхи.

Специфика бытования отечественной свято-рождественской и пасхальной художественной литературы детерминируется феноменом различного в восточной и западной традиции восприятия праздника Рождества Христова и праздника Воскресения Христова. Восточный и западный типы христианской культуры неодинаковы «в отношениях <...> с “идеалом” и “действительностью”»[3]. В восточной культуре главное — связь с идеалом, главный праздник для восточных христиан — Пасха, главное событие — призыв к человеку уподобиться Богу, тогда как западный человек ориентирован «практически»: на мирское благополучие, «заботы века сего», самодостаточность собственного «я», и для него главная календарная дата — Рождество, наличный факт уподобления Бога

человеку. Говорить о «пасхальном» и «рождественском» типах христианской культуры, следовательно, позволяют их разные ценностные ориентации. Притом, что такая типология дает возможность оставаться в пределах понятий, общих для всего христианского мира, не умаляя ни смысла Пасхи, ни значения события Рождества Христова: «пасхальное начало» есть в западном христианстве, а «рождественское» — в восточном. Различны границы самоопределения культуры. В России идейно-художественное своеобразие произведений, приуроченных к датам народного духовного календаря, обусловливается особенностями преобладающего типа христианской культуры, по типологии В.С. Непомнящего, «пасхального».

В литературе жанры возникают не только как разновидность литературного творчества, но и как определенное явление «жизненного уклада, обихода, быта в самом широком смысле слова»[4]. В свою очередь, каждый календарный праздник, вне зависимости от сферы, которую он обслуживает, «несет в себе особое содержание и идеи, которые как раз и воспринимаются в виде конкретного обряда и ритуала»[5]. С этой точки зрения, в отечественной календарной словесности классического периода литературной истории примечательно преимущественное развитие отрасли рождественской сказки, в сравнении с которой «детское» ответвление святочного рассказа гораздо слабее. В русской прозе обнаруживаются весьма немногочисленные опыты собственно святочных сказок и буквально единичны сказки т.н. «масленичные». Собственно «пасхальные» литературные сказки отсутствуют, в то время как *не* сказочная пасхальная проза, пасхальные стихи для детей разбросаны в массе: по страницам отдельных книжек, сборников, альманахов, детских журналов преимущественно второй половины XIX в.

Приоритетное внимание отечественной литературной сказки к Рождеству, вопреки «пасхальному» типу восточно-христианской культуры, объясняется особым социокультурным статусом даты. Рождество — самый большой и едва ли не единственный праздник в году, сплачивающий верующих и неверующих. Вообще годовой ритм жизни каждого из социальных слоев России XIX — начала XX столетия совпадал только несколько раз в году, на большие календарные праздники. Так, Рождество Христово и Новый Год отмечали все жители Петербурга, несмотря на то, что лишь четыре пятых населения столицы было православным. В то же время празднование Светлого Христова Воскресения в Петербурге, в противовес Москве и провинции, происходило без особой соборности и искренности, притом, что Пасха, без преувеличения, в России главный народный праздник. В «официальном» Петербурге соблюдался Великий пост, однако его наступление сообразовывалось более с окончанием Петербургского светского сезона, когда знать начинала разъезжаться на курорты Западной Европы — в Ниццу, Баден-Баден, Карлсбад. Обязательными в Петербурге считались пасхальные визиты подчиненных к начальству, общеприняты свадьбы на Красную Горку, вместе с тем самое празднование Пасхи окрашивалось в тона специфически петербургские. Пасха нередко совпадала с открытием навигации в День Преполовения, иногда — с началом гуляний в садах и парках: в Екатерингофе, в Летнем, в Таврическом.[6]

Успехом в русской «календарной» сказке Рождество обязано также семейно-

му характеру действа — для жанровой семантики сказки обстоятельство первостепенное. Главный смысл всякого праздника заключается в осознании родственных связей с другими, в преодолении тьмы, хаоса, неполноты, диссонанса. Идеалом Рождества является культ Очага, почитание Дома, что как нельзя более точно согласуется с семантическим ядром «сказки о людях». В сравнении с былиной, сказка изображает человека не «государственного», а частного. Посредством наступления Чуда в ходе праздника избывается непорядок, и потребность в Чуде — отличительная черта русского менталитета вообще. Категория Чуда продуктивно работает в отечественной словесности XVII–XVIII вв., входит в структуру сознания человека средневековой Руси.[7]

Католическая окраска Рождества заключается в «постоянном желании увидеть в Иисусе — лишь человека», в противовес православному стремлению в человеке лицезреть образ Божий[8]. Но в рамках отечественной рождественской сказки острота католической версии напрямую не действует — по причине того, что сказка не предрасположена «замыкаться в сфере чисто земного»[9], имея жанровым содержанием изображение необычного в бытовом смысле. Из европейской культуры празднования Рождества русская рождественская сказка перенимает в первую очередь представление о Рождестве как *празднике детей,* «ночи младенцев», и католический «земной» подтекст отечественной рождественской сказки заключается в эстетическом оправдании доверчивого ожидания ребенком Чуда. С другой стороны, православное пристрастие к празднику Пасхи, указывающее «на стремление “достигнуть небес с земли”, рождающее энтузиазм и порыв, постоянный выход за пределы земного»[10], не стыкуется с генетическим лаконизмом и сдержанным психологизмом сказки как жанра, хотя и отвечает магико-фантастическому естеству данной формы. Как следствие, «календарные» сказочные тексты русской художественной литературы не столько приурочиваются к той или иной дате народного календаря — Светлому Христову Воскресенью, Рождеству, Масленице, Святкам, — сколько содержательно актуализируют тему нравственного преображения человека, «календарную» тематику увязывая с проблематикой преимущественно духовной. Сообразно тому определение «пасхальные тексты» может быть истолковано расширительно, распространено на все жанровые разновидности календарной «изящной» словесности: заключая в себе компонент одновременно ритуальный и этико-этикетный, каждая из них реализует культурную задачу, коренную для эпоса как литературного рода.

В детскую литературную субкультуру России первая «ласточка» рождественской тематики «прилетает» из Скандинавии. Известный русский филолог-славист Я.К. Грот (1812–1893) в бытность свою дипломатом и почетным профессором университета в Финляндии много делает для продвижения русской культуры на север Европы, а скандинавской в Россию. В своих «Литературных опытах для чтения юношества» 1848 г. он публикует «Вечер на Рождество» — перевод стихотворения финно-шведского поэта Иоганна-Людвига Руниберга (1804–1877). Переложенное гекзаметром, содержащее мотив встречи родных после долгой разлуки в рождественский сочельник, в переводе Грота произведение Руниберга получает название «Рождественский вечер». В журнальном варианте оно появляется ранее названной даты, на страницах четвертого номера

«Современника» за 1844 г. С той поры оригинальные русские книги о Рождестве для детей начинают являться во множестве. Их авторы не вполне глубоко порой осваивают проблематику, но удачно эксплуатируют выигрышный сюжет, тиражируют найденные приемы.

К концу XIX — началу XX столетия в России не остается практически ни одного писателя, не представившего своей вариации святочно-рождественского («елочного») либо пасхального текста. Диапазон авторов столь широк, что в дискурсивный ряд «календарных» опытов включаются произведения беллетристов и крупных, и менее именитых. Среди них — И.И. Панаев («Прошедшее и настоящее (Святки двадцать пять лет назад и теперь)», В.И. Панаев («Приключения в маскараде»), М.П. Погодин («Сиротка»), А.П. Зонтаг («Господин и слуга»), Ф.М. Достоевский («Мальчик у Христа на елке», «Елка и свадьба»), А.П. Чехов («Либерал» (новогодний рассказ)», «Ванька», «На страстной неделе»), Д.Н. Мамин-Сибиряк («Последняя треба», «Отрада и мечта бедных детей», «Башка»), К.С. Баранцевич («Гусарская сабля», «Рождественский сон», «Бродяга» («Накануне Рождества»). Н.С. Лесков («Под Рождество» обидели», «Зверь»), К.М. Станюкович («Две елки»), М.Е. Салтыков-Щедрин («Елка»), П.В. Засодимский («Терехин сон», «Перед потухшим камельком», «Гришкина милостыня», «Разрыв-трава»), В.Г. Короленко («Сон Макара»), Н.П. Вагнер («Христова детка», «Новый Год», «Телепень»), А.И. Куприн («Тапер», «Чудесный доктор»), И.А. Бунин («Нефедка»), А.А. Федоров-Давыдов («Заячье счастье»), Г.А. Галина («История одной сосульки», «История одного блина»), А.Т. Аверченко («Кулич», «Под столом»), Л.Н. Андреев («Ангелочек»), А.М. Горький («Сирота», «Нищенка», «О мальчике и девочке, которые не замерзли»), Ф. Сологуб («Рождественский мальчик», «Сон утешающий»), А. Сахаров («Бабушка Вьюга. Рождественская сказка»), Г. Данилевский («Божьи дети»), А. Белов («Бедные дети»), Петерсон («Бог не оставляет сирот»), И. Давыдов («Подкидыш»), А. Ганзен («Елка Христова»), К.В. Лукашевич («В тесноте, да не в обиде», «Сказка о трех елках»), Е.А. Бекетова («Христова детка», «Елка под Новый год»», «Рождественская легенда»), В.Д. Иевлева («Елка в лесу»), Е.А. Балобанова («Сова»), Е. Поселянин («Молящиеся дети»), А. Бачманова («Золотое сердечко»), А.Н. Сальникова («Сказка о двух елях»), М.Е. Еллинская [М.Юрьева] («Накануне Рождества», «Отчего елки зелены»), В.П. Желиховская («Видение в кристалле»), А. Станиславский («Рождество в тайге»), Г.Т. Полилов [Северцев] («Перстень с хризопразом»), Н.А. Лейкин («Святочная вечеринка», «Настино горе», «Записки рождественской елки»), А.В. Круглов («Елка в царстве зверей»), Е. Милославина («Елочкино счастье»), В.А. Мазуркевич («Рождественская сказка»), неизвестный автор сказки «Рождественская елка» и др. «Святочный бум», таким образом, охватывает литературу и «взрослую», и «детскую»; к жизни вызывается не только популярнейший жанр святочно-рождественского рассказа, но и форма рождественской (святочной) сказки, практически не имеющая аналогов в устной традиции. Оформившаяся тенденция обретает характер универсального культурного феномена; в его рамках взаимодействуют литература и фольклор, литература и периодическая печать, литература и быт, литература и наука — вплоть до того, что процесс затрагивает сказку научно-художественную: в «Черной армии» Мамина-Сибиряка

рассказана история букв, в ночь накануне Нового года ментрапажем типографии оставленных без присмотра.

В устной традиции календарная поэзия тесно связана с ритуалом, обслуживает и сопровождает обрядовое действо. В фольклоре обряд занимает ключевое место, являясь институтом, актуализирующим содержательные ценности культуры. Правилам проведения праздника и правилам поведения во время него обучают и литературно-письменные «календарные» тексты, притом, что по природе они необрядовы. В фольклоре в живом сотворчестве-диалоге исполнителя и аудитории рождается «основная энергетическая единица традиции, направленная на поддержание существующего энергетико-информационного поля и продуцирование нового»[11]. Привитию культурных навыков посредством календарных жанров «изящная» литература способствует в не меньшей степени, поскольку влияющая на календарно-духовную литературу церковная культура, как и фольклор, организована по законам канона. Неслучайно, в основе народного славянского календаря лежит христианское исчисление дат. Православием определяется терминология, состав, порядок и иерархия единиц годового времени, хотя интерпретация праздников, приуроченных к праздникам обрядов, запретов и предписаний — органическая составляющая «неофициальной» народной традиции, компонент, не выводимый исключительно из христианского вероучения.

В частности, в «Ночи перед Рождеством» (1832) Николая Васильевича Гоголя проглядывает и языческая, и христианская стороны национального миросозерцания, сопряженного с календарно-природным циклом. В повести зафиксировано одно из принципиальных положений народной обрядности, предписывающее хлопоты по подготовке к празднику окончить *до* наступления сумерек, *накануне* появления в небе первой (Рождественской, Вифлеемской) звезды: у Гоголя данной мифологеме сопутствует образ месяца, украденного чертом, но вскоре возвратившегося на законное место. Гоголь подмечает и другие атрибуты рождественской даты: щедро накрытые столы — важная ритуальная акция, соотносящаяся с другими, свое значение обретающая в цепи других. Репрезентируя составляющие культурной традиции, Гоголь пользуется методом «прямым» (описывая рождественскую трапезу в хате колдуна Пацюка и застолье в доме ведьмы Солохи), и методом «от противного» (подмечая весьма специфическую хозяйскую «рачительности» «кумовой жены», у которой печь не топилась «этак дня по три»). Не обойдено и колядование — ключевое обрядовое действо, за гранью ночи перед Рождеством переходящее в собственно церковную часть празднования, рождественскую заутреню.

Этнографически важное свойство гоголевского повествования — вплетение в речь рассказчика голосов других персонажей. В быту традиционных сообществ истории о встречах человека с нечистой силой популярны в период Святок. Былички рассказываются на деревенских посиделках, вспоминаются в ходе гаданий, их специфическая особенность — передаваться «в круг». Назначение «страшного» рассказа — дать предупреждение об опасностях, угрожающих человеку со стороны неведомого мира, транслировать накопленный в связи с этим опыт. В основании быличек заложена «формула достоверности»: суеверные рассказы указывают на реальное лицо, место и время действия.

«Мифологические» рассказы имеют и ту особенность, что в изображении нечисти придерживаются определенной последовательности: сначала очерчивается внешний вид, изображаются действия мифологического персонажа, затем следует лаконичное описание издаваемых колдуном (ведуном) криков. Ср. у Гоголя: «Кое-где начали поговаривать старухи, особливо когда выпивали где-нибудь на веселой сходке лишнее, что Солоха, точно, ведьма; что парубок Кизяколупенко видел у нее сзади хвост величиною не более бабьего веретена; что она еще в позапрошлый четверг черною кошкою перебежала дорогу; что к попадье раз прибежала свинья, закричала петухом, надела на голову шапку отца Кондрата и убежала назад». Или: «Случилось, что тогда, когда старушки толковали об этом, пришел какой-то коровий пастух Тымиш Коростявый. Он не преминул рассказать, как летом, перед самою петровкою, когда он лег спать в хлеву, подмостивши под голову солому, видел собственными глазами, что ведьма, с распущенною косою, в одной рубашке, начала доить коров, а он не мог пошевелиться, так был околдован; подоивши коров, она пришла к нему и помазала его губы чем-то таким гадким, что он плевал после этого целый день».

Святые вечера (Святые дни, Святки) на Руси большой и шумный календарный праздник. Двухнедельный период зимних празднеств, начинающийся Рождественским сочельником (24 декабря по ст. ст.) и оканчивающийся Крещением (6 января по ст. ст.), — время, реально действующее на человека и одновременно воспринимаемое как сказочное. Церковный календарь крайние даты святых дней трактует как отданные памяти евангельских событий, связанных с рождением Христа и его крещением в Иордани. В народной традиции к Рождеству примыкает празднование Нового года, приходящееся на середину всего святочно-рождественского цикла. О том, что все три даты (Рождество — Новый год — Крещение) славянами воспринимаются как единый цикл праздников, свидетельствует повторяющийся комплекс однотипных ритуалов и народная терминология этих дат. При широко известном у восточных славян названии всего святочного периода «Коляды» в украинско-белорусской зоне и в Полесье Рождественский сочельник именуется «Первой колядой», день накануне Нового года — «Второй колядой», а канун Крещения — «Третьей колядой».

В «изящной» словесности этнографический материал, сопутствующий празднику, предстает в «олитературенном» виде. В фантастической повести и литературной сказке акцент с объяснения смещается на интригу; занимательность повествования детерминируется тягой к мистической ауре святок. Придя на Русь вместе с христианством, праздник Рождества встретился с древним языческим торжеством Рождающегося Солнца. Предки-славяне отмечали его в день зимнего солнцеворота, и большинство магических ритуалов, приуроченных к периоду, были призваны обеспечить хозяйственное благополучие семьи на весь предстоящий год. Запреты на тот или иной вид деятельности обуславливались принципом «насколько успешным будет начало года, настолько удачно он и кончится», откуда, к слову, пошел обычай на Рождество накрывать богатые столы и щедро одаривать колядующих. С течением времени главное языческое божество славян Солнце (Ярило) — божество, дающее жизнь и рост всему земному, — в народной культуре уступает место Богу истинному, Солнцу правды, Рождество которого знаменует людям, сущим во тьме, обновление и новую

жизнь — так толкуется основной смысл данного события христианской церковью. Однако обыкновение «рядиться», надевать «личины», производить гадания, устраивать катания и пляски, возжигать огни — ритуалы, языческие по глубинной сути, но своей мифологической подоплекой как раз и интересные художественной словесности, — не только не искореняются, но осложняются новой обрядностью. Как греховное поведение, святочное веселье осуждается церковью: в указе патриарха Иокима от 1684 г. говорится, что подобные действия вводят человека в «душепагубный грех». Параллельно в быту святочные «беснования» продолжают сохранять силу традиции, поддерживаемой большинством аграрного населения России. В итоге для Святых вечеров в целом характерным становится амбивалентное сочетание буйного веселья и страха перед силами тьмы; жутковатая, игровая атмосфера святок благополучно уживается с благочестивым церковным празднованием Рождества и Крещения.

Подобная атмосфера составляет квинтэссенцию романтической фантастики гоголевской прозы. Коллизия «Ночи перед Рождеством» охватывает отрезок реального времени, соответственный *кульминационному* состоянию природного духа. Двенадцать дней после Рождества Христова до Сочельника на праздник Богоявления в народе воспринимаются как *переходная* фаза: перемены грядут в существовании социума в целом, в жизнедеятельности отдельных его членов. Неслучайно предпочтение в выборе основного времени действия Гоголем оказано *последней ночи язычества*. Наступление Рождества для писателя означает смену хаотического стихийно-материалистического начала мира светом нового, духовно-гармонического знания, каким, по Гоголю, владеет аскетически-монашеское православие; герой повести кузнец Вакула «подходит к грани, отделяющей природность родовую от природности стихийной»[12].

Предлог для «культурного воспоминания» о православии и о *Крещении* как *втором,* внутреннем *рождении* человека, содержится и в сказке «Господин и слуга» (1862) известной детской писательницы и историка первой половины XIX в. Анны Петровны Зонтаг (1785–1864). Сказка сочинена писательницей «вдогонку» уже существующим в отечественной беллетристике 1830–1850-х гг. опытам календарной прозы, в том числе гоголевским. При всем том своеобразие произведения выявляется скорее не в сопоставлении с ними, а в ряду сочинений, предстающих «душеспасительным чтением».

На протяжении всего XIX в. такое чтение в России является обязательной составляющей школьного обучения и домашнего быта, широко представлено в хрестоматиях по чтению. В рекомендательные сборники, издававшиеся учреждениями, связанными с формированием круга детского чтения, в списки для всех возрастов непременно включалась литература религиозно-нравственного содержания. Для младшего школьного возраста предназначались иллюстрации к библейской истории и жизни Иисуса Христа, для старшего — адаптированные тексты из Библии, описания жизни святых, философские труды по истории церкви и толкованию Священного писания. При этом основной во всех разделах являлась художественная словесность.

Социальный диапазон «душеспасительного чтения» был обширен. На одном полюсе увлечения им оказывались высокообразованные, «цивилизованные» общественные круги: императорская семья, например, где, помимо других ав-

торов, признанием пользовалась сочинительница повестей и сказок Зонтаг[13]; на другом — пласты читательской аудитории, образованием в той или ной мере обделенные, получающие его культурный суррогат. «Душеспасительная» словесность создавалась и издавалась при поддержке известного деятеля русской культуры первой трети XIX в. поэта Александра Семеновича Шишкова (1754–1841). В бытность Министром народного просвещения (1824–1828) и в ходе полемики начала XIX в. о путях развития русского языка и культуры, русской школы и отечественной литературы для детей, Шишков выдвинул идею «русского воспитания», которое понимал как формирование религиозного чувства любви к отечеству и православию, приверженности таким «русским» ценностям, как послушание, кротость, милосердие, гостеприимство. В том же направлении работал крупнейший писатель-педагог и детский издатель второй половины XIX в. Михаил Борисович Чистяков (1809–1885); несколько ранее — Александра Осиповна (Иосифовна) Ишимова (1805 — 1881), автор книг «Чтение для детей первого возраста» (1845), «Колокольчик. Книга для чтения в приютах» (1849), «Чтение для воскресных школ. Катя и ее крестная маменька» (1861) и др. В кругу произведений этого рода находится и большинство нравоучительных повестей и сказок Зонтаг, в т.ч. переводных: «Генрих фон Эйхенвельс. Каким образом дошел он до познания Бога» (1828); «Не расточай, чтобы не нуждаться, или Две тетивы на один лук» (1828); «Прости и забудь» (1828); «Голубок» (1828); «Девица-Березница» (1830); «Гимн, или Бог хранит добрых» (1835); «Светляк» (1835); «Опрокинутая карета» (1844) и пр. Современникам утрированное соединение в произведениях Зонтаг сказочной фантастики и дидактики казалось разумным. Постепенно, однако, комплименты в адрес писательницы сменяются иными реакциями. В 1862 г. педагог Ф.Г. Толль, близкий к петрашевцам, в книге «Наша детская литература» наставительность сказок писательницы оценивает как устаревшую.

Адаптируя опыт «большой» литературы к специфике детской аудитории, Зонтаг выступала проводником ценностей, в первую очередь, христианских. По сюжету ее ранней переводной «календарной» повести «Сочельник» (1830) бедный сирота Антон в ночь накануне большого праздника попадает в беду. Действие происходит в Германии, где Сочельник отмечают семейно, и соответствующие сведения, фокусируя на них внимание читателя, писательница помещает в подстрочнике повести. Сбившись с дороги, Антон замерзает в лесу, упования на спасение связывая лишь с именем Бога. Целую страницу текста Зонтаг уделяет описанию молитвы, которую мальчик обращает к Всевышнему: «Небесный, милосердный Отец наш, не допусти меня погибнуть от холода ночью в этом диком лесу! Призри бедного сироту; у меня нет ни отца, ни матери, никого, кроме Тебя!» и пр.[14] Ситуация разрешается посредством нерукотворного Чуда, по канонам духовного повествования. Звуки божественного гимна «Себя печалью не смущайте...» приводят мальчика к людям, и ребенок не только спасается, но взамен погибшей семьи обретает новую.

Наряду с Зонтаг, основы традиции святочных и пасхальных произведений для детей закладывало творчество Любовь Анникитишны Ярцовой (Ярцевой) (1794–1876). В отечественной культуре Ярцова положила начало разговору о смысле календарных праздников, объединяющих личность и общество, семью и

государство. Объясняя значение временного рубежа, называемого Новым годом, в книге «Новый Год, масленица и Рождество Христово» (1861) писательница прибегла к самым разнообразным источникам: к данным астрономии и фактам истории, к библейским легендам и приметам земледельческого календаря. Наиглавнейшая цель всех сочинений Ярцовой — внушить читателю мысль, что каждый день «может называться новым годом»[15], если человек стремится не к покупке «каких бы ни было вещей», а к приобретению «добродетелей»[16]. В книге «Новый Год, масленица и Рождество Христово» развернуты картины жизни очень разных слоев и возрастных категорий русского общества. В «Первой встрече Нового года» показан новогодний детский бал в барском доме, в изображении которого подчеркивается противоположность характеров действующих лиц, противопоставлены «порок» и «добродетель» в детской среде. «Вторая встреча Нового года» подзаголовком имеет русскую пословицу «Не в свои сани не садись», посредством которой «транслируется» мысль о непозволительности роптаний на денежную недостаточность. По мысли писательницы, добро можно совершать в любом общественном состоянии, потому в «Третьей встрече Нового года» читатель знакомится с тем, как праздник отмечают ... в тюрьме. В сочувственных тонах обрисована здесь судьба невинно осужденных старичков-супругов. Некий благородный господин добивается их оправдания, тем самым собственной дочери подавая пример истинно христианского поведения. По мнению Ярцовой, так и «должно жить»: любить ближних более самого себя. Подчеркивая, что подобное возможно в реальной действительности, в «Четвертой встрече Нового года» писательница сосредоточивает внимание на изображении «истинно русских» людей. В доме известного русского поэта XVIII столетия Г.Р. Державина Новый год встречают не светским балом, а церковной службой. В доме на Фонтанке праздник Нового года (праздник, в государственных масштабах официально установленный Петром Великим, о чем подробно рассказывает Ярцова) корреспондирует с неофициальной датой народного календаря — Васильевым вечером. Ко дню святого Василия Великого (второе название даты) приурочена Всенощная в доме Державиных. В ее звуках Ярцовой чудится подлинное веселье, видится проявление искренней веры, неподдельного миролюбия.

Приверженность к сентиментальной назидательности и религиозности содержания — довольно типичное проявление «учительных» устремлений отечественной «изящной» словесности. Но особенным образом идеи воспитания в благоговении к Богу, в преданности к Государю и Отечеству, в любви к правде, в чувстве чести и человеколюбия усилены детской литературой; в сознании и творчестве литераторов времени путь сближения сказки и басни естественен. Принципиальной установкой издаваемого Ишимовой детского журнала «Звездочка» становится отказ от т.н. «фейных» сказок — на том основании, что подобное чтение есть чтение «пустое», а потому «увлекающее детей в понятия ложные»[17]. Представление о сказке как чтении, способном «доставить удовольствие приятностью вымысла, красотою картин», «удивительно развивающем в молодых читателях способность воображения»[18], отчетливое выражение находит и в «Новой детской библиотеке» (1827–1833) Бориса Михайловича Федорова (1798–1895). «Вот польза волшебных сказок, которые, кроме того, заключают в себе аллегорическое, подобно как в басне остроумное наставление

или нравственный урок, который тем скорее может полюбиться, что украшен цветами остроумного вымысла», — утверждает писатель, и ориентация данных положений на «сказочность» официальной литературы XVIII в., в особенности сказок Екатерины II, трудно отделимых от аллегорий, закономерна. Художественные установки детской литературы как особой субкультуры детства вообще ретроспективны.

В сказке «Господин и слуга» Зонтаг познавательность и дидактичность сопутствуют изяществу изложения, занимательности интриги. Действие произведения происходит «однажды на Святках»[19], чему способствует особая выделенность святок из всего календарного комплекса, чрезвычайная насыщенность периода обрядово-магическими действиями.

В народном представлении, святки — «пограничный», а потому представляющий опасность отрезок календарного времени, пора «бесовская», «злая», «нечистая», «страшная», «вредная». Согласно некоторым из народных поверий, Бог-отец, возрадовавшись рождению сына, ежегодно в эти минуты выпускает погулять по «белу свету» души умерших, нечистую силу. Временем, *испытывающим* человека, предстают святки и в системе этических ценностей Зонтаг. В этот период на прочность обследуется мироощущение духовно *не* просветленной личности, каковой предстает в сказке фигура Данилы Макарова. Думая, как бы где подраться, побраниться да погулять», он делается изгоем общества, недобрыми людьми сбитым с пути пьяницей: знакомые бегут от него, не веря ни на копейку. Оставшись в одиночестве, в святочные дни, у некоторых групп славян именующиеся «погаными», «некрещеными», «вражьими», Макаров попадает в беду, заключив договор о сотрудничестве с неким господином по имени Карло. Явившись в тот самый момент, когда Данила всего лишь «проворчал» о своем желании «проглотить хоть одну чарку водки», Карло предлагает Макарову стакан «величиною во весь свой рост, наполненный водкою по самые края». Поддавшись искушению, герой попадает в кабалу к «странному человеку вышиною в пол-аршина», становится слугой колдуна-карлика. Святочно-быличный мотив встречи человека со сверхъестественной силой в произведении Зонтаг, таким образом, контаминируется с фольклорно-литературным мотивом запродажи души дьяволу. Он дополняется также мотивом преуменьшения, характерным и для фольклора, и для «изящной» литературы. В частности, у Гоголя черт обладает способностью похудеть и сделаться маленьким, благодаря чему в одну минуту влезает в карман к Вакуле.

Со святочным сюжетом у Зонтаг соединяются еще и разнообразные бытующие в народе представления о чародеях. Согласно некоторым из них, чернокнижники непременно одеты в заморское платье. В соответствии с другими, оказавшийся на свадьбе колдун «портит или жениха, или невесту, или гостей»[20]. В «Господине и слуге» Зонтаг тысячелетний Карло намеревается жениться на чужой невесте, «умыкнув» ее прямо с девичника. Так или иначе, в авторской «календарной» сказке писательницы выявляется перекличка с народным восприятием праздника как *опасного для людей разрыва между «тем» и «этим» миром* — пониманием, составляющим элемент собственно языческой картины мира. Будучи христианским по составу праздников, народный календарь продолжает сохранять понимание праздников и дохристианское.

Не лишен своеобразия портрет зонтагова колдуна Карло. Скажем, у Гоголя принадлежность черта «тому» свету получает *видимость достоверности*: гоголевский черт «спереди совершенный немец», зато его вид сзади обнаруживает сходство «острого и длинного» хвоста с «теперешними <...> фалдами» какого-нибудь «настоящего губернского стряпчего в мундире». Содержание образа гоголевского черта — семантика существа, «немого» по причине невладения русским, православным, человеческим языком. В нравоучительной святочной сказке Зонтаг обобщенное представление о нечистой силе детализируется по-иному, писательница привносит в него свои акценты. Знак потусторонней сущности Карло — «тридцатисантиметровый» рост персонажа. Кроме того, Карло похож на игрушку, заморскую куклу — трансформация популярного романтического мотива механистичности, автоматизма. Сказочный колдун — порождение культуры неславянской, «искаженной», «немецкой»: на голове его — «треугольная шляпа с перьями и галунами»; на теле — «шелковый немецкий кафтан, расшитый золотом», на ногах — «шелковые чулки и башмаки с такими огромными пряжками, что, казалось, такому малютке не в силу и поднять их». Словом, чародей, явившийся пред взором героя-человека на Святках, — совершенно, *буквально немец*: не только, по Гоголю, спереди, но и сзади, и со всех сторон, куда только ни глянь!

Как очевидно, «русское воззрение» для автора святочной сказки Зонтаг существенно, как, впрочем, для всей «изящной» словесности классического периода русской литературной истории. Ведь и в творчестве Гоголя периода «Выбранных мест из переписки с друзьями» (1847) данная проблематика акцентирована. По убеждению писателя, не только германский (немецкий) мир, но и весь католический Запад в отношении ко всему «русскому», к православной России враждебен, ибо предался Антихристу, демону. По замыслу Зонтаг, глубоко в натуре ее персонажа-человека скрыто особенное — «русское» — качество. Об этом качестве в специальной записке, представленной императору Николаю Павловичу в 1848 г., писал, например, Ф.И. Тютчев: «Россия прежде всего держава христианская; русский народ христианин в силу не только православия своих верований, но также в силу чего-то такого, что еще более сокровенно, нежели принадлежность к вероисповеданию. Он христианин по той способности к самоотвержению и самопожертвованию, которая составляет как бы основу его нравственной природы»[21]. В произведении Зонтаг родственные этико-идеологические установки проступают с однозначностью басенной аллегории, до крайности откровенно. «Скверно быть пьяницей и забиякой», — прямо говорит Зонтаг. — Знал это и Данило Макаров!» Для творчества «художественно вторичного» подобная исчерпанность характеристик весьма показательна: «Беллетрист страшится быть неточно понятым, поскольку быть понятым не так, как задумал автор, для него означает оказаться непонятым вовсе»[22]. Жанровая структура святочной сказки Зонтаг в связи с этим соотносится с архитектоникой басни: сказочный зачин представляет этический тезис; основная часть содержит аргументацию; сказочная концовка доставляет основной вывод «живым лицом» [Д. Хвостов]. Принцип дихотомической организации заглавия, подаваемого через противоположение героев-антиподов, сознателен так же: *ворона и лисица / чиж и голубь/ господин и слуга*. В соответствии с заданной доминан-

той экспозиционной части сказки выстроен целостный образ Данилы Макарова. В завязку сказочных событий персонаж вступает как человек пропащий, пропившийся, задолжавший «в окрестных шинках все, что у него ни было»; по мере развертывания фабулы, перерождается, открываясь как натура самоотверженная, альтруистическая. В счастливом сказочном финале герой аттестуется добродетельным христианином, переставшим «пьянствовать и буянить», человеком «порядочным, смирным, трезвым, трудолюбивым». Календарным сюжетом, таким образом, цементируется значительный комплекс этико-религиозных проблем: для автора святочной сказки принципиально важно внутреннее состояние одного из персонажей связать *с кризисом его индивидуальной веры*, разрешение которого, в свою очередь, сопряжено с *кануном Крещения*. Решительный отказ героя участвовать в богопротивных делах «урода», по мысли писательницы, в развитии Данилы становится *переломным*. До сего момента православие Данилы не игнорируется, но в изображении автора принимает формы, если так можно выразиться, наивные: Данило столь же мудр на добро, сколь и прост на зло. По мере развития сказочных событий, приуроченных к переходному святочному времени, герой возвращается в лоно отцовской веры, заново открывает для себя сущность христианства с его представлением о душе как главной божественной ценности. По закону «правильного» поведения, предписанного святочной быличкой, Данило спасает и самое себя, и Устюшу, и всех присутствующих на празднике гостей. С решимостью человека, вознамерившегося выйти из-под опеки *лукавого*, Макаров «один кричит во все горло» невесте, чихнувшей уже в третий раз, но не получившей ни разу ответного «здравствуй». Он призывает в помощь авторитет Господа: «Господь тебя помилуй, также и всех нас!», и чары рассеиваются, Карло исчезает.

Как видим, святочный рассказ, какой в народной среде расценивался бы как «правдошный», в произведении «первой детской писательницы» облекается в разнообразные тона и формы: и в достоверно-реалистические, и в духовно-проповеднические, и в собственно сказочные, В фольклоре словесный уровень не отлучаем от уровня непосредственного бытия; фольклорное слово генетически восходит к обряду, функционально с ним связано; оно непременно сопряжено «либо с действием, либо с воздействием; либо с регуляцией состояния человека»[23]. В церковной культуре явление «модели», «образца» получает еще гораздо более определенную выделенность, чем в фольклоре. В повествовании Зонтаг *чудесные* архетипические образы трансформируются и в направлении христианского понимания чуда, и проявляются в виде беллетристических клише повествовательного назначения.

Так, в ряде романтических повестей и сказок первой трети XIX столетия встречается мотив седлания *дивного* существа и последующего полета (езды) на нем (или в его облике). В «Господине и слуге» Зонтаг соответствующая мифологема выступает формулой развития сюжетного действия. Подобно ершовскому Иванушке Петровичу, задом наперед, но оседлывающему чудесную кобылицу, аналогично пушкинскому Балде, «между ног» проносящему лошадь, зонтагов Данило Макаров путешествует верхом на вязовой ветке как на коне: «Вязовые ветви начали надуваться, обратились в лошадей и стремглав поскакали. Но Данило, не так положив ветку между своих ног, очутился на лошади ли-

цом к хвосту. Переворачиваться было невозможно: лошадь скакала во всю прыть; нечего было делать, как только держаться покрепче за хвост». Для сравнения, в «Ночи перед Рождеством» Гоголя тоже изображен полет Вакулы на черте как на коне: «Сначала страшно показалось Вакуле, когда поднялся он на такую высоту, что ничего уже не мог видеть внизу, и пролетел как муха под самым месяцем так, что если бы не наклонился немного, то зацепил бы его шапкою. <...> Черт, перелетев через шлагбаум, оборотился в коня, и кузнец увидел себя на лихом бегуне среди улицы» и пр. Любопытно, что у И.П. Сахарова отмеченный способ езды на коне лицом к хвосту зафиксирован в качестве средства «открытия» колдуна. В «Господине и слуге» Зонтаг подобного рода суеверные представления получают обыденную трактовку. В народе полагают, что, если хочешь открыть колдуна, нужно смотреть на трубы, выйдя за околицу села, поскольку в это время нечистая сила проветривает колдунов, висящих на воздухе вниз головой. В повествовании Зонтаг указано, что, там, где Карло сидел, а потом исчез, воздух начинал искриться тусклым огнем, по избе разлился серный запах, вдали послышался гром. Что же касается очевидцев, то поначалу в избе все пришло «в величайшее волнение», но, услышав этот гром и увидев на полатях искр», все решили в конце концов, что это «всего лишь выкинуло из трубы».

Итак, авторы «календарных» святочных сказок стремятся к реализации на практике проблем, в первую очередь, социокультурных. Воплощая литературно-общественную тенденцию времени, заключенную в изучении культурного национального наследия, «календарные» произведения отечественных беллетристов выполняют культуроохранную функцию. «Зерно» процесса конкретно в творчестве — транспонирование «календарного» текста в чтение «духовно-образовательное» и занимательное одновременно. Наклонность к «охудожествлению» авторской сказки, проявившаяся у писательницы, имеет культуротворческую основу. Посредством «изящной» литературы русские писатели, в их числе Зонтаг, стремятся возвысить интеллектуальные потребности своих соплеменников. Художественная словесность в рассматриваемый период литературной истории становится формой проявления общественной активности, деятельного участия в организации свободного времени населения, средством создания и обогащения культурных ценностей нации. Социоорганизационная функция «календарной» беллетристики заключется в формировании благоприятной культурной среды, стимулирующей инновационные движения в литературно-общественной сфере. Что же касается литературно-эстетической стороны вопроса, сказка — самодовлеющая художественная система, четко выделенная из обыденной речи. В отличие от обрядовых устных текстов, она обладает специфической формально-содержательной законченностью. Письменная «календарная» сказка не привязана к жанровой ситуации исполнения, может использоваться без всякого повода, благодаря чему ее «жанровая территория» становится сферой свободного творческого общения автора и читателя. По убеждению М.М.Бахтина, диалогичность лежит в самой природе искусства; диалог есть проявление глубокого взаимопонимания людей, способ их прочного духовного единения. И коль скоро главная задача человека — научиться проникаться чужими мыслями и чувствами, оставаясь при этом самим собой, «ка-

лендарная» авторская сказка становится мощным каналом духовного контакта читателей, и не в одном поколении.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Подробнее см.: *Душечкина Е.В.* Русская елка: История, мифология, литература. СПб., 2002.
2. *Душечкина Е.В.* Русский святочный рассказ: становление жанра. СПб., 1995. С. 145.
3. *Непомнящий В.С.* Удерживающий теперь. Феномен Пушкина и исторический жребий России. К проблеме целостной концепции русской культуры // Пушкин. Русская картина мира. М., 1999. С. 453.
4. *Лихачев Д.С.* Поэтика древнерусской литературы. Л., 1971. С. 62.
5. *Душечкина Е.В.* Русский святочный рассказ: становление жанра. СПб., 1995. С. 4.
6. *Лурье Л.* Петербургский календарь // Петербургский святочный рассказ / Сост., вступ. ст. и примеч. Е.В. Душечкиной; послесловие Л.Я. Лурье. Л., 1991. (Петербургское легкое чтение). С. 170–175.
7. *Серман И.З.* Чудо и его место в исторических представлениях XVII–XVIII вв. // Русская литература. 1995. № 2. С. 104–114.
8. *Касаткина Т.А.* Об одном свойстве эпилогов пяти великих романов Достоевского // Достоевский в конце XX века. М., 1996. С. 119.
9. Там же. С. 119.
10. Там же. С. 119.
11. *Герасимова Н.М.* Народная традиция и проблемы экологии человека // Диалектика формы и содержания в языке и литературе. Тбилиси, 1986. С. 31.
12. *Анненкова Е.И.* К вопросу о соотношении фольклорной и книжной традиции в «Вечерах на хуторе близ Диваньки» Н.В.Гоголя // Фольклорная традиция в русской литературе. Волгоград, 1986. С. 45.
13. См.: *Дронов И.* Сильный, державный ... Жизнь и царствование Александра III. Глава I. Начало (1845–1855 гг.) // Портал «Русское Воскресенье» / http://www.voskres.ru/feedback.php.
14. *Зонтаг А.П.* Повести для детей второго возраста. СПб., 1830. С. 3–4.
15. *Ярцова Л.А.* Новый год, масленица и Рождество Христово: Рассказ для детей. СПб., 1861. С. 3.
16. *Ярцова Л.А.* Неистощимый кошелек. Рассказ для детей. СПб., № 18-19, 1861. С. 88.
17. Звездочка. 1844. Ч. 2. С. 51.
18. Новая детская библиотека Б. Федорова. Кн. 10. СПб., 1827. С. 122.
19. *Зонтаг А.П.* Волшебные сказки для детей первого возраста. М., 1992. С. 26 — 33.
20. Сказания русского народа, собранные И.П. Сахаровым. М., 1990. С. 23.
21. Издано в Париже в 1849 г. в виде брошюры под названием «Россия и революция» на фр. яз. По-русски впервые опубликовано в № 5 «Русского архива» за 1873 г.
22. *Чернов А.В.* Русская беллетристика 20–40-х г. XIX в. (вопросы генезиса, эстетики и поэтики). Автореф. дис. ... доктора филол. наук. Воронеж, 1996. С. 21.
23. *Виролайнен М.Н.* Типология культурных эпох русской истории // Русская литература. 1991. № 1. С. 5.

«CALENDAR LITERATURE» GENRES AND RUSSIAN LITERARY FAIRY-TALE OF THE 19th C.

O.I. Timanova

The phenomenon of «calendar» written literature and a place of a fairy-tale are rated by the texts of two 19th century popular prose writers Nikolay Gogol and Anna Zontag. In the first half of the 19th century the spiritual-calendar line of domestic fiction only arises, mainly making up family, children's reading. In 1830 the periodical press takes a role of the equalizer of missing festive pleasures. So, there appeared whole Christmas almanacs, issues of the newspapers and the magazines, containing feuilletons, entries of ethnographic character, poems and Christmas stories.

© 2008 г.

О.В. Пустовойтова

МИР ПОВСЕДНЕВНОСТИ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ СОЗНАНИИ И.А. БУНИНА

В современной гуманитарной науке одной из актуальных является проблема «повседневности». Появление в XX–XXI веке огромного количества работ, направленных на исследование повседневного мира человека, становление междисциплинарной области знания, получившей название «повседневноведение», свидетельствует о возрастающем интересе ученых к представленной проблеме. В обществе назрела необходимость в осознании и утверждении феномена повседневной жизни как культурной ценности.

Исследование «повседневности» связано с именем основателя феноменологического направления в философии Э. Гуссерля, который первым обратил внимание на значимость философского осмысления не только высоких абстракций, но и сферы человеческой обыденности, которую он именовал «жизненным миром». Последователи Э. Гуссерля А. Шюц, Н. Элиас, П. Бергер, Т. Лукман, Г. Гарфинкель, А. Сикурель, а также представители школы «Анналов» М. Блок, Л. Февр, Ф. Бродель развили теорию «повседневности». Научные труды В.Д. Лелеко, Е.В. Золотухиной-Аболиной, И.Т. Касавина, С.П. Щавелева, В.Б. Безгина, Т.С. Георгиевой, К.А. Богданова, Б. Вальденфельса, М. Вебера, Й. Хёйзинга и многих других исследователей свидетельствуют о необходимости аналитического подхода к решению целого ряда частных проблем, глубокого осмысления сущности этого феномена, детального изучения его структуры.

«Повседневность» — явление многогранное, охватывающее все сферы человеческого существования. В настоящее время существует множество определений «повседневности». В современном философском словаре дано следующее

толкование данного понятия: «повседневность — это реальность, самоочевидная и непреодолимая фактичность», имеющая свое «стандартное время» и пространство»[1]. Исследователь И.Т. Касавин трактует «повседневность» как «статический образ мира, в котором искусственно приостановлены креативные, инновационные процессы и выделяются исключительно стабильные, не подвергаемые сомнению основания жизнедеятельности человека (традиции, ритуалы, стереотипы, категориальные системы)»[2]. Е.В. Золотухина-Аболина отмечает, что «повседневность» — «эмпирическая, бренная жизнь, преходящее существование, исполненное телесных ощущений, душевных переживаний и разнообразных страданий, присущих как телу, так и душе»[3]. Современный исследователь «повседневности» В.Д. Лелеко говорит о том, что повседневная жизнь представляет собой «самостоятельную, преобладающую, доминирующую сферу реальности», определяющую «характер, качество, суть человеческой жизни, являющуюся верховной инстанцией, смыслообразующим центром и критерием оценки других сфер жизни»[4].

Б. Вальденфельс в работе «Повседневность как плавильный тигль рациональности» разграничивает сферу повседневного и неповседневного опыта. Исследователь отмечает, «повседневное — это привычное, упорядоченное близкое, а неповседневное существует как непривычное, вне обычного порядка находящееся, далекое»[5]. Основоположник социальной феноменологии А. Шюц рассматривает «повседневность» как одну из «многочисленных конечных сфер значений (сфер реальности)». Каждая из сфер (религия, игра, мир искусства, фантазии и другие) замкнута сама в себе, обладает набором присущих ей признаков. Сопоставляя повседневность с другими мирами опыта, исследователь приходит к выводу, что повседневная, обыденная жизнь человека предстает как «верховная реальность», а другие сферы действительности являются её трансформациями, «квазирельностями», зависимыми, производными от неё. Для «квазирельности» свойственно созерцательное отношение человека к жизни взамен напряженно-бодрствующему.

Анализ научной литературы показывает, что «повседневность» представляет собой реальность единственно возможную, нормальную, для которой характерно естественное, обычное течение жизни, повторяемое изо дня в день. Повседневность противопоставлена сфере неповседневной. Последняя представляет собой область бытия, характеризующуюся уникальностью, исключительностью, она выпадает из непрерывного жизненного русла. Исследователь И.Т. Касавин указывает на то, что неповседневные ситуации — это всегда «пограничные, кризисные ситуации, моменты откровения и воспарения, ситуации, которые переживаются как «приключенческие», как жизненный «поворот», как «счастье», в котором «тонут пространство и время»[6].

Немецкий исследователь конца XIX — начала XX века М. Вебер в работе «Теория ступеней и направлений религиозного неприятия мира» выделил четыре сферы неповседневного: это «преходящее состояние святости, достигаемое оргией, аскезой или созерцанием», эротическое возбуждение («подлинная страстность»), интеллектуальная и эстетическая сферы. Трудность определения границ повседневного и неповседневного связана с процессом «оповседневнивания» (термин М. Вебера), десакрализации архетипов. То, что на протяжении

многих столетий казалось священным, сакральным и незыблемым (например, стихия огня, вода и многие другие реалии), утрачивая свои специфические, уникальные качества, становится привычным, обыкновенным, рутинным, лишенным ореола таинственности.

Процессу «оповседневнивания», «скачка», «перерыва постепенности» (А. Шюц) из сферы неповседневной в область обыденной реальности, сопровождающегося психологическим, шоковым переживанием, потрясением личности, противостоит процесс «преодоления повседневности». Данное действие представляет собой особого рода видоизменение, трансформацию повседневного мира и его реалий. Трансформация — процесс преобразования окружающей действительности человека, модификации обыденного жизненного русла через внутреннее, духовное совершенствование личности. Б. Вальденфельс говорит о трансформации как о «видоизменении формы, деформации», как о «переходе от старого к новому», в результате которого появляются аномалии, которые «значительным образом отклоняются от нормального».

По мнению исследователя А.В. Худенко, процесс преодоления повседневности — это всегда «появление необычного в творческом процессе, прокладывающее путь с помощью отклонений, отходов от правил»[7]. В.В. Бычков данный процесс определил как «наделение фрагмента повседневности иным, неповседневным, необыденным, неутилитарным значением»[8].

Творчество выдающегося русского писателя конца XIX — первой половины XX века И.А. Бунина даёт богатый материал для исследования проблемы «повседневности». В ранних произведениях художника «Первая любовь», «Новый год», «Заря всю ночь», «Костёр», «В августе», «Осенью», «Поздней ночью» и многих других привычные повседневные вещи, предметы, явления трансформируются в сознании героев, приобретают черты исключительных, уникальных, а окружающая действительность предстает как нечто таинственное, непостижимое.

Так, «серебряная звездочка Венера» («Первая любовь») в восприятии персонажа не просто небесное светило, а богиня любви, покровительствующая всем влюбленным. Заря в произведении «Заря всю ночь» становится символом надежды, веры в новую, светлую жизнь. Новогодний вечер для Ольги и Кости («Новый год») становится подарком судьбы. Морозная зимняя ночь, снежные поля, звездное небо, «чистый, девственный снег» даруют героям истинное счастье, блаженство, ощущение полноты жизни. «Неоповседневнены» для героя рассказа «Костёр» образы костра, пылающего в осенней степи, тройка лошадей, колокольчик, звенящий в ночной мгле.

Исследователи творчества И.А. Бунина А.Е. Горелов, Ю.В. Мальцев, О.В. Сливицкая и многие другие отмечают, что в произведениях художника доминирует «повышенное чувство жизни», властвует Эрос. Любовь, эротический экстаз, мечтательность, грёзы, фантазии, эстетическое наслаждение выводят героев произведений писателя на совершенно иной, чувственный, иррациональный уровень постижения реальности.

Героиня рассказа «Заря всю ночь» под тиканье часов, в блаженной тишине ночи погрузилась в мир иллюзий, мечты, для неё вспыхнула новая заря жизни. Перед ней предстал чудесный мир любви, манящий неизведанностью, загадоч-

ностью, обещающий сладостное упоение, осуществление тайных желаний. Сон выводит Наталью из обыденной реальности в бесконечное пространство, где «тусклая затухающая жизнь начинает уступать и в яркости, и в реальности снам».

Скучное, безжизненное, монотонное повседневное существование супружеской пары из рассказа «Новый год» прерывается всплеском бурных эмоций, переполнивших их душу в морозную, волшебную, сказочную ночь. В глазах мужа героиня преображается, перед ним она предстает в новом качестве. Это дорогая, родная, любимая, нежная женщина: «Я несколько раз поцеловал её в глаза и волосы с той спокойной любовью, которая бывает только в редкие минуты, и она внезапно ответила мне порывистыми поцелуями влюбленной девушки»[9].

Героев произведения «Осенью» охватывает вспышка случайной страсти. Апатия, присущая их обыденной жизни, сменяется неожиданной энергией. Таинственное, неуправляемое, страстное, горячее чувство возникает между мужчиной и женщиной. Героиня рассказа впервые в жизни испытывает подлинную любовь, прекрасную и трагичную одновременно. Художник описывает не просто физическое влечение, а передает всю гамму эротического переживания героев: «Я взглядывал иногда на её опущенные ресницы и склоненный под шляпой профиль, чувствовал всю её так близко от себя, слышал тонкий запах её волос, и меня волновал даже гладкий и нежный мех соболя на её шее»[10]. Любовное упоение дарует бунинским героям истинное наслаждение. Прав оказывается Ю.В. Мальцев, когда называет И.А. Бунина «большим эротическим писателем».

В рассказе художника «Поздней ночью» (1899 г.) повседневное существование воспринимается героями как тяжелая, мучительная, удручающая болезнь, делающая их «усталыми», «злыми», «беспощадными врагами». Персонажи в повседневном ритме утрачивают подлинные ценности бытия: любовь, понимание, взаимоуважение и живут ложными представлениями о жизни, пользуясь установленными стереотипами. «Повседневность», по определению И.М. Наливайко, это то, что требуется преодолеть, чтобы пробиться к «наиглубочайше-личному здесь бытию».

Дневная суета, «ложь», неотъемлемые атрибуты обыденной действительности, отодвигаются в рассказе на второй план, уступая место ночному таинству, «часу отдыха». Ночью, во сне, когда происходит «скачок» из одной сферы реального опыта в другой, из мира повседневности в мир «самопознания» открываются скрытые истины и являются «редкие мгновения правды». В «час ночной таинственной жизни» во время сна наступает момент исцеления героя: «Долго спал я, и наконец медленно отошел от меня сон, как заботливый и неторопливый врач, сделавший свое дело и оставивший больного уже тогда, когда он вздохнул полной грудью...»[11]. Проснувшись, герой возвращается к жизни с «застенчивой и радостной улыбкой» и оказывается в «тихом и светлом царстве ночи». Возвращение героя к жизни подобно акту перерождения, возрождения. Реалии окружающей действительности предстают перед персонажем в новом, совершенно ином ракурсе.

Прежняя пустая и чужая комната, одна из тех в Париже, в которой герои влачили своё существование, необыкновенно преображается. Свет месяца, па-

дающий из окон «бледно-голубыми, бледно-серебристыми арками», озаряет всё её пространство, «смягчает сумрак». Небесное светило становится соучастником, свидетелем жизненного пути героя, знающим все его этапы, и вместе с ним переживающим все невзгоды и печали. Образ месяца трансформируется в сознании героя, приобретает черты человека, хранящего душевную печаль, тоску: «Месяц тогда обливал меня светом, и, подняв глаза кверху, я долго смотрел в его лицо»[12], «он глядел мне прямо в глаза, светлый, но немного на ущербе и оттого — печальный»[13]. Жизнь героя, все её вехи исполнены драматизма, рок судьбы и чья-то воля заставили его покинуть родные края, дорогие сердцу места и скитаться по миру. Чувство бесприютности, душевной опустошенности томит героя, заставляет его страдать.

При бледном сиянии месяца перед героем предстает силуэт любимой женщины, спутницы жизни, той, с которой были пережиты минуты счастья и горечи, радости и отчаяния, заблуждения и прозрения. Героиня предстает перед персонажем в совсем ином облике: «вся в белом, похожая на девочку, бледная и прекрасная». По мнению И.Г. Минераловой, «красота женщины по-бунински — отсвет, отблеск или отражение красоты божественной, разлитой в мире...»[14]. Она так же, как и герой, в эту ночь переживала события минувших лет, сожалела о прожитых и навсегда ушедших в прошлое годах, о молодости, о тех днях любви, которые утрачены и невозвратимы. Повседневные проблемы, которые казались важными, подменили истинную жизнь.

Ночь, ее легкий сумрак, сияние в небе месяца даруют героям ощущение тишины, спокойствия, умиротворения. Персонажи возвышаются над обыденной реальностью, преодолевают её условные границы, становятся сторонними наблюдателями жизни, смотрят на неё «свысока». Воспоминания, ностальгия о прошлом охватывает героя. Перед персонажем предстают дорогие образы детства: «скудная степь средней России», «родная кровля», освещаемая светом месяца, «золотисто-блестящая ширь Балтийского моря», «хмурые страны сосен», «редкие леса, болота и перелески», «бесконечные поля и равнины», «старый, серый помещичий дом» и над всем этим также светил месяц, все изменилось, а он остался прежним.

В эту чудную, такую неповторимую ночь наступает прозрение героев. Персонажи, пройдя все жизненные испытания, охладев друг к другу, испытывая чувство ненависти друг к другу, соединяются в единое целое. Слезы любви, прощения катились по щекам героев: «И я опустился у ее ног на колени, прижался к ней лицом, не сдерживая ни своих, ни ее слёз»[15]. Перед героями открывается правда жизни, а именно жить и радоваться каждому мгновению, проведенному на земле.

Переход, совершенный героями из обыденной жизни в сферу неповседневного, представляет собой вызов, брошенный повседневности, её стереотипам, упорядоченности, утилитарности. Человек постоянно находится на границе двух миров, балансирует между ними, то выходит из русла повседневности, то возвращается в её лоно. Странствующий путник («Костёр»), Наталья, очарованная первой ночью любви («Заря всю ночь»), Митя, впервые испытавший сладость и боль любовного чувства («Первая любовь»), супруги, познавшие радость земного бытия, духовного единения («Новый год»), пылкие любовники,

сгорающие в пламени безумной страсти («Осенью) и другие персонажи произведений И.А. Бунина вынуждены вернуться в свой повседневный быт. Это связано с тем, что обыденность как таковая представляет собой наивысшую, «верховную реальность» (А. Шюц), а сферы неповседневного лишь производные, зависимые от неё. Как отмечает И.Т. Касавин, «повседневная рутина прерывается иногда сверканием звезды, чтобы оживить и заставить действовать репродуктивные механизмы сознания. Но глаза ослепнут от постоянного сияния звезд и возжаждут спокойного, мягкого полумрака»[16].

В художественном сознании Ивана Алексеевича Бунина сфера повседневного, бренного мира лишена креативного начала. Герои его произведений (1890–1900-х гг.), живя в обыденной реальности, подчиняясь её установлениям и закономерностям, испытывают сильное, непреодолимое желание проникнуть в область «повышенного чувства жизни», чтобы постичь красоту земного бытия, испытать душевный восторг, остроту чувств, обрести желанное счастье.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Современный философский словарь / Под ред. В. Е. Кемерова. М., 2004. С. 519.
2. *Касавин И.Т.* Анализ повседневности. М., 2004. С. 13.
3. *Золотухина-Аболина Е.В.* Повседневность и другие миры опыта. М., 2003. С. 8.
4. *Лелеко В.Д.* Пространство повседневности в европейской культуре. СПб., 2002. С. 15.
5. *Вальденфельс Б.* Повседневность как плавильный тигль рациональности // Социо-Логос. 1991. Вып. 1. С.41.
6. *Касавин.* Ук. соч. С. 236.
7. *Худенко А.В.* Повседневность в лабиринте рациональности // Социологические исследования. 1993. №4. С. 72.
8. *Бычков В.В.* Эстетика: учебник. М., 2002. С. 480.
9. *Бунин И.А.* Новый год // Собр. соч.: в 9 т. Т.2. М., 1965. С. 255.
10. *Бунин И.А.* Осенью // Собр. соч.: в 9 т. Т.2. М., 1965. С. 250.
11. *Бунин И.А.* Поздней ночью // Собр. соч.: в 9 т. Т.2. М., 1965. С. 176.
12. Там же.
13. Там же.
14. *Минералова И. Г.* Слово, краски, звуки (стиль Бунина). Поэтический портрет эпохи. М., 2000. С. 143.
15. *Бунин И.А.* Поздней ночью // Собр. соч.: в 9 т. Т.2. М., 1965. С. 178.
16. *Касавин.* Ук. соч. С. 287.

THE WORLD OF DAILY ROUTINE IN I.A.BUNIN'S ARTISTIC CONSCIOUSNESS

O.V. Pustovoitova

The article considers one of the urgent problems in the Arts — «Daily Routine» by the example of the writer's work. The daily world of heroes from early Bunin's works is lacking in a creative, extraordinary source. Characters long to leave ordinary routine which is their present-day life, in order to penetrate into other spheres of reality, where the raised vital feeling for life is dominating.

© 2008 г.

Т.Б. Зайцева

«ЭТИЧЕСКИЙ» И «ЭСТЕТИЧЕСКИЙ» СПОСОБЫ СУЩЕСТВОВАНИЯ В ПОВЕСТИ А.П. ЧЕХОВА «МОЯ ЖИЗНЬ»

В 1894 г. в Петербурге выходит книга датского писателя и философа Сёрена Киркегора «Наслаждение и долг» (под названием переводчика П. Ганзена). В книге подробно анализировались с философско-психологической точки зрения два способа человеческого существования — «эстетический» и «этический». В предисловии к первому изданию П. Ганзен подчеркнул, что сочинение, изданное Киркегором в 1843 году под псевдонимом Виктор Эремит, состоит из двух частей, принадлежащих как будто «перу двух разных лиц, из которых одно — эстетик — дало материал для первой части, а другое — этик — для второй»[1]. Такое обозначение главных персонажей-масок (или персонажей-псевдонимов) книги Киркегора «Или-или»[2] стало традиционным в киркегороведении. Именно в киркегоровском смысле я и буду использовать в своей работе термины «этик» и «эстетик», «этическое» и «эстетическое».

1894 г. — разгар русских общественных споров о толстовском учении, опрощении, о нравственном самоусовершенствовании, совести, о способах сближения интеллигенции с народом, о физическом труде как средстве достижения социальной гармонии и т.п. По-видимому, П. Ганзен ощущал сочинение Киркегора, в котором рассматривались эстетическое и этическое начала жизни, как актуальное для эпохи девяностых годов XIX века. Однако в то время книга не произвела сильного впечатления на русскую критику и прошла почти не замеченной также для массовой читательской публики. Анонимный рецензент журнала «Русское богатство» (1894, № 6), например, заявлял даже, что «взгляды Киркегора в значительной степени устарели и представляют, скорее, исторический интерес... Вся этика Киркегора не может удовлетворить современного читателя. В ней всецело отсутствует общественный элемент»[3]. На самом деле размышления философа — предтечи экзистенциализма, как часто это бывает с гениальными творениями, представляли не «исторический интерес», а интерес будущего: они опередили свое время и оказались реально востребованными в России только в начале XX века. И хотя книга Киркегора в 1894 г. не стала достоянием широкого круга русской публики, уже и в то время нашлись проницательные читатели, способные оценить ее по достоинству.

Знаменательно, что учением Киркегора об эстетическом и этическом началах человеческой жизни заинтересовался сам Лев Толстой. В 1890 г. писатель познакомился с некоторыми трудами философа благодаря П. Ганзену и настоятельно рекомендовал переводчику издать книгу Киркегора с подробным описанием его жизни и сочинений. Особенное впечатление произвели на Льва Толстого размышления датчанина об ответственности поэта и его роли в обществе, оказавшиеся созвучными собственным мыслям автора «Исповеди» (1882) и будущего трактата «Что такое искусство?» (1897)[4].

Был ли знаком с сочинениями Киркегора А.П. Чехов? Первое предполагае-

мое знакомство могло состояться еще в 1885 г. Достоверно известно, что Чехов читал № 4 «Северного вестника», где было опубликовано окончание второй части книги «Наслаждение и долг», названное переводчиком «Гармоническое развитие в человеческой личности эстетических и этических начал», об этом мы узнаем из письма В. В. Билибину 1 февраля 1886 г.: «Как-то /.../ я назвал Вам Короленко. /.../ Если хотите познакомиться с ним, то возьмите «Северный вестник» и прочтите в IV или V книге статью «Бродяги»» (см.: П., 1, 191)[5]. Однако нигде в письмах мы не найдем указаний или даже намеков на то, что Чехов был хоть как-то заинтересован автором «Или-или».

И все же сходство проблематики книги Киркегора, впервые опубликованной в 1885–1886 гг. и вышедшей отдельным изданием в 1894 г., и творчества Чехова первой половины девяностых годов бросается в глаза. Объяснить такое сходство можно, например, притяжениями-отталкиваниями сочинений Чехова девяностых годов с толстовским учением (а между Киркегором и Л. Толстым, конфликтовавшими с официальной церковью, существует немало общего[6]); или/и особенностями постромантической эпохи, повсеместно потерявшей Бога; или/и напряженными нравственными исканиями и экзистенциальными открытиями самого Чехова, а возможно — и непосредственно генетическими связями. Чем бы ни объяснялись «странные сближенья» между Чеховым и Киркегором (причины сходства — особая тема большой работы), они, безусловно, существуют и существенны, и заочный культурный диалог мировоззрений и экзистенциальных позиций датского философа и русского писателя заслуживает серьезного внимания.

Большой материал для таких изысканий дает чеховская повесть «Моя жизнь (Рассказ провинциала)». Один из исследователей творчества Чехова выделяет в повести как доминирующую «в пересечении различных точек зрения персонажей на Мисаила и друг на друга» оппозицию «праведник-грешник»[7]. Однако не менее значима в произведении Чехова оппозиция «этик — эстетик» (или «этическое — эстетическое»).

Впервые «Моя жизнь» была напечатана в 1896 г., а отдельные заметки в записных книжках Чехова, свидетельствующие о рождении замысла повести, появились в 1895 г. (см.: С., 9, 497). Заманчиво, хотя и не доказуемо, было бы видеть здесь некую хронологически обусловленную последовательность: появление книги Киркегора «Наслаждение и долг» в 1894 г. и — как полемический отклик на книгу — работа Чехова над повестью в 1895–1896 гг.

Первый раз в жизни, по признанию самого писателя, Чехов испытывал «затруднение с названием» (П., 6, 179). Версия названия «В девяностых годах» не нравилась не только самому Чехову, но и редактору «Нивы» А.А. Тихонову. Будь принят такой вариант, он направил бы читателя в русло историко-временной, социальной перспективы, что значительно исказило бы художественное содержание чеховской повести. Наименование «Моя жизнь» тоже представлялось Чехову «отвратительным, особенно слово «моя»» (см.: С., 9, 499-500). Потому, наверное, что личное местоимение в названии могло вызывать ненужные ассоциации с личностью самого автора (А.П. Чехов «Моя жизнь»), чего Чехов всегда остерегался (достаточно вспомнить, как писатель «открещивался» от отождествления себя с главным героем «Скучной истории»). Наброски Л. Тол-

стого к своей автобиографии, например, вполне логично так и назывались: «Моя жизнь». (Можно вспомнить и забавное недоразумение, связанное с персонажами-псевдонимами Киркегора. Один из первых российских критиков датского писателя, Т.И. Буткевич, выступивший в 1886 г. со статьей в журнале «Вера и разум», считал, что Киркегор в сочинении «Гармоническое развитие в человеческой личности эстетических и этических начал», написанном от первого лица, изобразил свой личный жизненный опыт: то есть был женат, занимал должность мирового судьи и т.д.[8]. Между тем асессор Вильгельм, главная фигура второй части книги Киркегора, — несуществующий *идеальный* герой, персонаж-псевдоним, олицетворяющий позицию этика.) И все-таки Чехов остановился на «Моей жизни», названии экзистенциальном.

Учитывая стремление Чехова никогда не смешивать позиции автора и его героев, необходимо все же заметить, что повествование от первого лица (не включение монолога героя в повествование, а именно рассказ от первого лица) всегда было знаковым для зрелого творчества писателя. Николай Степаныч («Скучная история»), Владимир Иваныч («Рассказ неизвестного человека»), Художник («Дом с мезонином») — все эти персонажи зрелого творчества Чехова можно назвать (с известной долей условности и «оглядкой на Киркегора») персонажами-псевдонимами автора.

Таковым же, с моей точки зрения, является и главный герой повести «Моя жизнь». Важно отметить, что в основе образа Мисаила Полознева лежат автобиографические мотивы, отражающие на уровне «психологического взаимодействия» взаимоотношения «психастенического Чехова» и его отца, «авторитарного Павла Егоровича», о чем убедительно писал С.В. Тихомиров[9]. В отношении Киркегора практически всеми исследователями признается, что скрытый или намеренно подчеркнутый автобиографизм — это один из ключевых признаков персонажа-псевдонима датского писателя. В книге «Или-или» таковым становится асессор Вильгельм, презентующий один из потенциальных модусов человеческого существования — этический. На мой взгляд, Мисаил Полознев, как персонаж-псевдоним автора, также олицетворяет представление Чехова об одном из возможных способов существования человека, который вслед за датским философом можно назвать этической экзистенцией.

Следует, конечно, учитывать, что книга Киркегора «Гармоническое развитие в человеческой личности эстетических и этических начал» — в большей степени философский трактат, созданный художественными средствами, а повесть Чехова — художественное произведение с философской подоплекой. Однако в том и другом случае перед нами возникает *характер, персонаж*, показанный как осуществляющая себя личность, воспринимаемый как живое лицо. Это обстоятельство и дает основания сопоставлять такие разные произведения и их героев.

Сравнение героев Киркегора и Чехова — асессора Вильгельма и Мисаила Полознева — обнаруживает несомненную близость их жизненных установок.

Оба персонажа — моралисты, но их моральные наблюдения в рамках отдельного произведения, несмотря на весь их общественно значимый пафос, носят глубоко частный характер. «Я вообще не более, как свидетель, и, говоря о значении моего письма, имею в виду лишь то значение, какое придается всякому

свидетельскому показанию, а тем более показанию человека, говорящего на основании личного опыта»[10], — заявляет киркегоровский этик. Рассказ Мисаила Полознева — тоже не более чем «свидетельское показание», данное «на основании личного опыта». Даже в критических отзывах Мисаила о родном городе и его жителях постоянно подчеркивается субъективность и относительность высказываний: «*Я не понимал*, для чего и чем живут все эти шестьдесят пять тысяч людей. /.../ Что такое наш город и что он делает — *я не знал*». И далее: «*я не понимал* этого», «*мне казалось*», «*я не знал* ни одного честного человека» (курсив мой — *Т.З.*) (С., 9, 205). Немаловажно, что Вильгельм обращается с наставлениями к приятелю-эстетику в *частном* письме, а гневные обличения Мисаила вообще остаются в границах его внутренней жизни, поскольку никто, кроме читателя, о них не узнаёт. Собственным экзистенциальным опытом нельзя поделиться (неслучайно же в финале повести Полознев без всяких иллюзий называет свои наставления ребятам-малярам — «бесполезными»).

Ни киркегоровский этик, ни чеховский герой не претендуют умышленно на роль «учителя нравственности» (по выражению Киркегора[11]), проповедника, пророка или же «идеолога» (о такой функции героя писал, например, А.Д. Степанов[12]).

Исключением в чеховской повести может показаться финальный разговор героя с отцом. Находясь в болезненно-возбужденном состоянии, Мисаил бросает страстные обвинения в лицо тому, кого воспринимал главным воплощением несправедливости, ханжества и бездарности родного города. Но было это в первый и последний раз. Можно ли после этого единственного случая назвать героя проповедником или пророком, которые по сути своей выступают не от себя лично, а представителями некой трансцендентной силы? (Ведь страстные обвинения Мисаила все же были, если выразиться точнее, *при-страстными*). И если в лермонтовского героя жители «шумного града» «бросали каменья» за то, что Пророк «*провозглашал* (курсив мой — *Т.З.*) Любви и Правды чистые ученья», то в Мисаила швыряют палкой и обливают водой в торговых рядах за его *молчание*, в том числе и молчаливое, но твердое отстаивание своих принципов. Маляры уважают героя за то, что он ведет «*тихую* (курсив мой — *Т.З.*), степенную жизнь» (С., 9, 218). Как далеко это от представлений о пророке! На роль общественного обвинителя и пророка-страдальца скорее претендует старший Полознев, сравнивающий свою судьбу с участью Иова.

Что касается роли «идеолога», вряд ли можно согласиться с тем, что в речах Мисаила «постоянно возникает императив для других»[13]. Действительно, нечто подобное происходит в споре с доктором Благово. Однако если вернуть этому «императиву для других» контекст, можно понять, что Мисаил скорее всего высказывает чью-то *чужую* мысль, хотя и *созвучную* его собственным устремлениям. «Мы разговорились, и когда у нас зашла речь о физическом труде, то я выразил *такую мысль* (курсив мой — *Т.З.*): нужно, чтобы сильные не порабощали слабых, /.../ нужно, чтобы все без исключения — и сильные и слабые, богатые и бедные, равномерно участвовали в борьбе за существование, /.../, а в этом отношении нет лучшего нивелирующего средства, как физический труд, в качестве общей, для всех обязательной повинности» (С., 9, 220). Чехов в данном случае прибегает к *предметно-аналитической* форме передачи чужой речи (мо-

дификация косвенной речи, которая сохраняет «строгую дистанцию между авторским и чужим словом»[14], в приведенном примере — между словом рассказчика и чужим словом). А далее, когда Мисаил говорит о *себе* и от *себя*, используется обычная прямая речь, да еще и осложненная элементами *модальности* (вводные слова «по-моему», «пожалуй», вопросительная форма предложений), допускающими возможность другой точки зрения: «Если вы не заставляете своих ближних кормить вас, одевать, возить, защищать вас от врагов, то в жизни, которая вся построена на рабстве, разве это не прогресс? По-моему, это прогресс самый настоящий и, пожалуй, единственно возможный и нужный для человека» (С., 9, 221). Выражая *собственную* позицию, герой заявляет о ней прямо: «Я сказал, что вопрос — делать добро или зло — *каждый решает сам за себя* (курсив мой — *Т.З.*), не дожидаясь, когда человечество подойдет к решению этого вопроса путем постепенного развития» (С., 9, 222). «Каждый решает сам за себя», — вот в чем, прежде всего, уверен чеховский герой. В своих реальных поступках Мисаил никогда не исходит из абстрактной идеологии, из мысли, из слов. Герой следует только голосу своей человеческой сущности, своей совести: «Сестра, дорогая моя, — говорил я, — как исправляться, если я убежден, что поступаю по совести?» (С., 9, 219), то есть мотивы его поступков всегда лежат в области этики, а не идеологии. Персонаж Чехова, как любой персонаж-псевдоним датского философа, — это единичный экзистирующий человек, переживающий *субъективную* истину.

Художественная антропология Чехова сродни киркегоровской в том, что акцент в ней тоже ставится «на личном присвоении некой истины, на напряженном, личностном переживании и конструировании смыслов»[15].

Герой Киркегора настаивает на том, что жизненной целью человека, сделавшего этический выбор, становится «он сам, его собственное «я», но не произвольное или случайное, а определенное, обусловливаемое его собственным выбором, сделавшим его жизненной задачей — его самого во всей его конкретности»[16]. Вильгельм и Мисаил и заняты, в первую очередь, не «учительством», а осуществлением собственного «Я». При этом им не чуждо стремление оценить позицию другого, что для них также является одним из методов самопознания. Главным образом, внимание Вильгельма и Мисаила обращено к способу существования *эстетика*.

Эстетический способ (или уровень экзистенции) изображен Киркегором в первой части книги «Или-или». Первый набросок портрета эстетика — «Афоризмы эстетика» («Диапсалматы»), написанные от первого лица, — знакомит читателя с переменчивыми настроениями эстетика, который живет *по принципу наслаждения*. Существуют различные ступени эстетического отношения к жизни, различные категории эстетиков, от лица Вильгельма пояснял Киркегор. В зависимости от природного (т.е. данного извне, а не сущностного) таланта человека, например, склонности к математике или искусству, наслаждения бывают разного рода. Чувственно-эротические удовольствия, поэтические или интеллектуальные, наслаждения музыкой, искусством или же наслаждения материальными благами, богатством, почестями и др. Какими бы примитивными или утонченными и благородными ни были эти удовольствия, они неизбежно ставят эстетика в зависимость от внешних условий: «Весь мир должен изощрять

свою изобретательность, чтобы постоянно предлагать ему новые и новые наслаждения: он отдыхает душой лишь в минуту наслаждения; стоит наслаждению прекратиться, и он опять задыхается от истомы»[17]. Плодом наслаждений являются всевозможные душевные *настроения*. Эстетик — «раб минуты», раб земной временной жизни, и в стремлении наиболее полно отдаться настроениям, чтобы испытывать вновь и вновь наслаждения, он неотвратимо отчуждается от собственной личности, предает свое истинное «Я»[18].

Ярко выраженными «эстетиками» в чеховской повести предстают Маша Должикова и доктор Благово. Ум, образованность, воспитанность, культурность, умение произвести внешнее впечатление, артистизм, игра с жизнью и людьми, погоня за наслаждениями эстетического и интеллектуального характера объединяет Машу и Владимира Благово. Они, по точному наблюдению главного героя повести, «увлечены жизнью», но жизнью не внутренней, а внешней, в чем бы она ни выражалась. В поисках свободы и новых впечатлений, наслаждений, рождающих иллюзию наполненности бытия, Маша и доктор пренебрегают страданиями других людей (Мисаила, Клеопатры), «столичные штучки» спешат по жизни, убегая от старых пристрастий к новым увлечениям, не замечая, что все больше не свободны, все больше зависимы от внешних условий, от настроения, от минуты. Убегают они, в конечном счете, от себя. «У той — Америка и кольцо с надписью, думал я, а у этого — докторская степень и ученая карьера, и только я и сестра остались при старом» (С., 9, 275), — в отношении себя герой имеет в виду, конечно, не только скучный провинциальный быт, но и свои нравственные переживания, моральные потери и обретения, этические принципы. Маша Должикова и доктор Благово — типичные киркегоровские «эстетики», о которых датский философ писал: они «понимают под наслаждением жизнью удовлетворение всех своих желаний; желаний, однако, у них так много, и притом самых различных, что, благодаря этому, жизнь их просто поражает своей безграничной разбросанностью»[19], т.е. утратой, «отсутствием объединяющей силы личности, своего единого, сущего «я»»[20].

Чем же отличается от эстетического этический уровень экзистенции? Во-первых, для того, чтобы быть этиком, не надо быть выдающимся человеком. С этой точки зрения характерно начало повести «Моя жизнь». «Управляющий сказал мне: «Держу вас только из уважения к вашему почтенному батюшке, а то бы вы у меня давно полетели». Я ему ответил: «Вы слишком льстите мне, ваше превосходительство, полагая, что я умею летать» (С., 9, 192). Иронически-дерзкий ответ Мисаила управляющему свидетельствует о независимом характере, о самоуважении, и какой-то еще мальчишеской дерзости. В символическом же смысле реплика Мисаила может быть прочитана так: герой говорит о себе как о человеке без крыльев. Хотя маляр Редька называет его ангелом, но Мисаил самый обыкновенный человек, вполне заурядных способностей, среднеобычного интеллекта. Герой знает себе цену, знает свои возможности, и принимает себя таким, какой он есть, желая быть собой, а не кем-то. Может быть, поэтому в городском театре ему не дают роли: он не актер, но устроитель сцены и декораций. Он не играет в жизнь (актерство не удается и Клеопатре, зато Маша блистает на сцене), а обустраивает ее. Функции переписчика ролей и суфлера тоже, на мой взгляд, символичны. Ведь Мисаил в глубине души надеется, что своим

жизненным примером сможет хоть как-то повлиять на упорствующих в косности жителей города.

Мисаил не прихотлив во всем, он не ищет другого мира, хотя и ему не чужды эстетические порывы к искусству и поэзии, он дорожит культурой быта, он ценит и понимает красоту во всех ее проявлениях. Именно этим и объясняется его тяга к красивой Маше Должиковой, которая напоминает герою экзотическую птицу, совсем не похожую на безликих жителей провинции.

По сравнению со своим отцом, с Машей, инженером, доктором Благово, да и с большинством жителей города, Мисаил очень прост. Прост в своей нерасчетливости и недальновидности, в своем неумении играть. Уважаемый всеми отец Мисаила, умная Маша Должикова или ученый доктор Благово требуют от него разумности и последовательности; нянька учит быть хитрым, как за спиной жены выгодно продать имение Дубечню. Однако у чеховского героя своя нехитрая жизненная логика: он может показаться непоследовательным только с позиций разума и выгоды, но не с позиций совести. Исследователь прав в том, что причиной непоследовательных, на беглый взгляд, действий Мисаила оказывается любовь: «в начале повести, уже приняв решение стать рабочим, он поддается на уговоры сестры, которую он любит и которую угнетает его решение, и отступает от своего намерения. Второй раз он отступает от «идеи» из любви к Маше: становится помещиком, сельским хозяином, хотя не любит сельского хозяйства»[21].

Иногда Мисаил даже напоминает литературного персонажа Простака, Простодушного, когда разглядывает человечество ничем не замутненным, наивным взором, свободным от условностей, нагроможденных людьми: «Всюду в домах много лет говорили о том, что у нас в городе нет хорошей и дешевой воды и что необходимо занять у казны двести тысяч на водопровод; очень богатые люди, /.../ которые, случалось, проигрывали в карты целые имения, тоже пили дурную воду и всю жизнь говорили с азартом о займе — и я не понимал этого; мне казалось, было бы проще взять и выложить эти двести тысяч из своего кармана (С., 9, 205). Замечу, что асессор Вильгельм, киркегоровский этик, тоже не боится казаться наивным и простым в своих рассуждениях. Он скромен, хотя, безусловно, уважает себя и свои этические убеждения, без опоры на которые, как он уверен, жизнь человека теряет смысл и становится безвыходным отчаянием. Эстетическому образу жизни необходим блестящий внешний антураж, эстетик вынужден играть яркие роли, убегая от самого себя, укрывая тайной собственную духовную пустоту. Этическая экзистенция проста по своей сути и скромна, открыта для других.

Самое главное, что отличает Мисаила от жителей провинциального города и «столичных штучек», и есть непоказная верность этическим принципам. С помощью этических установок Мисаил осваивает тот мир, в котором живет и пытается самореализоваться.

В трактате «Гармоническое развитие в человеческой личности эстетических и этических начал» Киркегор поднимал важнейшие вопросы, имеющие непосредственное отношение к этической позиции, — проблему выбора-осознания собственного «Я» в его связи с общечеловеческим, проблему отношения к труду и понимания нравственного долга.

Выбор-осознание собственного «Я» (выбор «или-или», по выражению Киркегора) — что же могло послужить толчком к нему для Мисаила Полознева? Настоящее знание (в этической экзистенции это означает абсолютное различение добра и зла и обретение собственного «Я»), считал Киркегор, начинается с отчаяния, страдания, осознания смерти[22]. Чехов нередко ставит своих героев в подобные критические, «пограничные», ситуации.

В повести «Моя жизнь» автор только намекает на такое решающее событие. В самом начале произведения мы узнаем о преждевременной смерти матери Мисаила, в которой герой, несомненно, считает виновным своего отца и город: «Эти ваши дома — проклятые гнезда, в которых сживают со света матерей, дочерей, мучают детей... Бедная моя мать! — продолжал я в отчаянии. — Бедная сестра!» (С., 9, 278).

Образ матери проходит через всю повесть, через все воспоминания о тяжелом несчастливом детстве Мисаила, именно с матерью у героя связаны самые светлые чувства: ощущение тепла, радости, чистоты, нежной любви. В облике любимой сестры, пожалуй, самого дорогого ему человека, Мисаил видит «материнское, бесконечно доброе» (С., 9, 243) и, вместе с тем, «болезненную бледность», как у матери, которая, видимо, тоже была серьезно больна, как Клеопатра, и скрывала это.

Скорее всего, именно смерть самого дорогого человека и перевернула жизнь Мисаила Полознева. Мисаил оказался способен преодолеть давление массы, и, порвав с требованиями общества быть «как все», выбрал собственный путь, позицию этика. Смерть матери остается вне основного развития событий, потому что главным для Чехова было показать не важнейший *момент* осознания человеком отчаяния своего положения, а тяжелый *путь* того, кто сделал этический выбор.

Важно подчеркнуть, что этическая позиция Мисаила — это не толстовское «опрощение». Мисаил стремится не к опрощению, а к тому, чтобы жить, одеваться, есть — «по средствам». Жить своим трудом, никого не обременяя, быть честным во всем и справедливым. Слово «опрощение» употребляет по отношению к Мисаилу Маша Должикова, но сам герой сопротивляется такому определению своих поступков. «Она хотела также, чтобы я приходил к ней не иначе как в своем обыкновенном рабочем платье; но в гостиной это платье стесняло меня, я конфузился, точно был в мундире, и потому, собираясь к ней, всякий раз надевал свою новую триковую пару. И это ей не нравилось» (С., 9, 236). Для Мисаила его рабочая одежда — рабочая одежда и не более, для Маши — это знак, атрибут, театральный костюм для роли опрощенца. Физический труд, опрощение в глазах привилегированных слоев общества возвращали интеллигенцию к простому человеку, к народу. Нравственное же значение труда для истинного этика — возвращение к самому себе через приобщение к общечеловеческому.

В книге Киркегора создается гипотетическая ситуация. Если бы самый обыкновенный, «простой» человек, неравнодушный к своей судьбе, но не имеющий социальных привилегий, позволяющих ему быть праздным и не думать о куске хлеба, пришел к эстетику и этику за помощью, какие бы ответы он получил на важнейшие жизненные вопросы о смысле жизни, собственном предназначении, подлинных ценностях человеческого существования?

Повесть Чехова «Моя жизнь» как будто переводит несколько отвлеченные размышления Киркегора из теоретической сферы в область реальной жизни. Вопрошающий человек — «первый встречный индивидуум», похожий на большинство людей и, с другой стороны, изображающий собою «определенную индивидуальность»[23], — из трактата Киркегора «Гармоническое развитие в человеческой личности эстетических и этических начал» словно приобретает конкретный жизненный облик, воплощаясь в лице Мисаила Полознева. Чехов как будто поставил задачу — проверить практикой концепцию этического существования датского философа. Как она срабатывает в действительности, а не в «стерильных условиях» философской гипотезы? Художественная реальность повести «Моя жизнь» и стала аналогом жизни, «площадкой» для чеховского эксперимента.

Киркегор отмечает, что эстетик воспринимает труд как рабство, вынужденную утомительную обязанность, лишающую жизнь человека красоты. Эстетик лелеет свою теорию о значении талантов: только реализация особого таланта, выделяющего человека из толпы обыкновенных людей, позволяет возвыситься над грубой действительностью. «На талант этот, разумеется, не следует смотреть как на доску, на которой можно вынырнуть из волн житейского моря, но как на крыло, которое может высоко поднять человека над миром; талант не «рабочая кляча», но «кровный скакун»»[24].

Что же делать человеку, лишенному выдающихся способностей, благородных талантов? Обычному человеку, живущему на самостоятельно заработанные средства, эстетик мог бы посоветовать нескучные авантюрные способы разбогатеть, чтобы стать независимым от унылых обстоятельств, — жениться на богатой, попытать счастья в лотерею, эмигрировать в Америку и т.д.[25], или же смириться с судьбой, со своим прозаическим положением, со своей бесталанностью и распроститься с радостями жизни.

В полемике с эстетиком киркегоровский Вильгельм демонстрирует преимущества этического воззрения на жизнь и неподлинность эстетической экзистенции, в основе которой лежит скука, отчаяние и презрение к обычному, ничем не выдающемуся человеку, «чернорабочему в жизни»[26].

Вильгельм подчеркивает двойное преимущество этического воззрения на труд. «Во-первых, оно соответствует действительности и выясняет общую связь и смысл последней, тогда как эстетическое воззрение носит в себе отпечаток случайности и не объясняет ничего. Во-вторых, оно дает необходимый критерий, благодаря которому мы можем рассматривать самого человека с точки зрения истинного совершенства и истинной красоты»[27]. Труд служит, с одной стороны, выражением общечеловеческой обязанности, а с другой, — совершенства и свободы, поскольку «именно труд освобождает человека, делает его господином природы». Сознательно и добровольно исполняя долг каждого трудиться, человек возвышается над всем остальным творением, поскольку, заботясь о самом себе, человек «сам как бы является своим собственным Провидением». С этической точки зрения, деньги — одно из непременных условий жизни, однако богатство, как любое исключение и отступление от общечеловеческого, унижает. Однако не только богатство, но и нужда может искушать, заставляя забывать об истинных добродетелях: «если люди не ценят умеренности

и скромности, если думают, что умеренными и скромными заставляет быть необходимость, то зачем им и стараться быть такими? Между тем, разве нельзя быть умеренным и скромным, не имея возможности не быть таким, т.е. не имея богатства?»[28] Киркегор уверен, что тот скромный труженик, который обладает огромным мужеством, чтобы быть обыкновенным человеком, тот трудящийся человек, у которого есть «верный кусок хлеба и жена», — имеет полное право называться героем. Потому что важно даже не то, *что* совершает человек, а то, *как* он это совершает[29]. Не могу не процитировать еще одно высказывание датского философа, звучащее, на мой взгляд, остро современно: «Вообще желательно, чтобы люди имели в этом отношении побольше мужества: ведь причиной того, что так часто слышатся эти громкие презренные речи о всемогуществе и мировом значении денег, является до некоторой степени недостаток этического мужества у людей трудолюбивых, но стесняющихся громко указывать на великое значение труда, а также недостаток у них этического убеждения в этом значении»[30].

В отличие от эстетика, этик считает, что человек, основывающий свою жизнь лишь на таланте и воображающий себя выше других, нередко требует к себе особого отношения, особых условий для успеха и процветания своего таланта, т.е. «усваивает себе взгляды и наклонности хищника, грабителя», становится эгоистом. Вместо таланта, который всегда случаен, этик на первый план выводит такое понятие, как «призвание». По убеждению этика, «талант становится прекрасным лишь тогда, когда на него смотрят как на призвание, жизнь — прекрасной лишь тогда, когда каждый человек имеет свое призвание». Не у каждого есть талант, но у каждого есть свое призвание, наполняющее труд высоким смыслом, способное удовлетворить все личные нравственные запросы человека.

«Все, что совершает или может совершить каждый человек, — это делать свое дело в жизни». Главное — найти свое призвание, а это может сделать только сам человек. Но когда это произойдет, он сможет сказать: «Если мое призвание, мой труд и скромен, я все же могу быть верным ему и вследствие этого равным даже тому, чье призвание имеет величайшее значение, и измени я своему призванию, я совершил бы такой же грех, как и человек с величайшим призванием». В смысле призвания все люди равны, поскольку «каждый человек совершает, в сущности, одинаково много» [31].

Многие поступки Мисаила Полознева получают свое объяснение благодаря этической теории труда, изложенной Киркегором. Начало повести перекликается с книгой датского писателя. «Я побывал уже и в вольноопределяющихся, и в фармацевтах, и на телеграфе, всё земное для меня, казалось, было уже исчерпано», — с иронией замечает Мисаил (С., 9, 192). Таким образом, герой сразу противопоставляется тем людям, которые, по словам Киркегора, испытывают «болезненный страх», когда говорят «об ужасном положении человека, не находящего себе места в жизни. Подобный страх указывает на то, что человек ожидает всего от места и ничего от самого себя»[32]. Не обладая каким-либо «благородным талантом», не выделяясь среди других людей ничем особенным, Мисаил ничего не ожидает «от места» и решает добывать кусок хлеба физическим трудом, как это делают миллионы. Перепробовав многие виды деятельности,

герой наконец-то находит дело себе по душе. Любой эстетик с презрением отнесется к выбору Мисаила, который стал маляром. Утонченному взору интеллектуала может показаться такой поступок вынужденным и даже глупым. Однако Мисаил обладает достаточным этическим мужеством, чтобы искренне сознаться себе самому: «ничто мне так не нравилось, как красить крышу» (С., 9, 245). На взгляд большинства людей, окраска крыш — грубая, скучная работа, но, похоже, для Мисаила такой «неинтересный» труд и стал истинным призванием. На некоторое время, подчинившись требованиям любви, герой был вынужден сменить род деятельности, занявшись сельским хозяйством. Но и в Дубечне Мисаил не изменяет своему скромному призванию, дающему ему в жизни нравственную опору. В тексте появляется многозначная подробность: незадолго до расставания с Машей, возвращаясь из Куриловки после открытия школы, выстроенной с их помощью, Полознев долго смотрит на зеленую крышу школы, которую выкрасил он сам. Эта залитая солнцем зеленая крыша органично и гармонично вписывается в окружающий пейзаж, рождая в душе героя ощущение поэзии и печали: «За плетнями ярко краснела рябина, и деревья кругом, куда ни взглянешь, были всё золотые или красные. На колокольне звонили, несли к школе образа, и было слышно, как пели: «Заступница усердная». А какой прозрачный воздух, как высоко летали голуби!» (С., 9, 260). Для Маши зеленая крыша школы — напоминание о тяжелом времени в Дубечне, проведенном бессмысленно и глупо, в конечном счете, бесполезно. Облагодетельствование мужиков перестало быть для нее, эстетической натуры, развлечением, неожиданно обернувшись «грязью и грошовыми интересами» (С., 9, 259). Для Мисаила же вид собственными руками покрашенной крыши — это его определившееся будущее, жизнь своим трудом, «среди людей, для которых труд был обязателен и неизбежен и которые работали, как ломовые лошади, часто не сознавая нравственного значения труда и даже никогда не употребляя в разговоре самого слова «труд»; около них и я тоже чувствовал себя ломовиком, всё более проникаясь обязательностью и неизбежностью того, что я делал, и это облегчало мне жизнь, избавляя от всяких сомнений» (С., 9, 216). Отличие Мисаила в том, что он сознает значение своего труда как нравственного долга. «Истинное этическое воззрение на жизнь требует от человека исполнения не внешнего», (когда под долгом подразумеваются различные внешние житейские отношения), «а внутреннего долга, долга к самому себе, к своей душе, которую он должен не погубить, но обрести», писал Киркегор[33]. Мисаил обладает огромным мужеством, чтобы быть обыкновенным человеком, быть самим собой, делая дело, в котором видит свое призвание.

Можно было бы сказать, что чеховская повесть прославляет обыкновенного этика, который живет по совести, по призванию, тихо занимается своим делом и приносит маленькую пользу, если бы «Моя жизнь» не была совершенно лишена даже намека на пафос и не кончалась бы так обыденно и безрадостно: «Мы /.../ стоим молча или говорим о Клеопатре, об ее девочке, о том, как грустно жить на этом свете» (С., 9, 280).

Иронично-печальный финал повести заставляет задуматься: а возможно ли вообще спасение как награда для отдельного человека, ведущего этический образ жизни? Грусть Чехова — свидетельство какой-то ограниченности, односто-

ронности этической экзистенции. В жизни Мисаила отсутствует гармония, мало радости: он «постарел, стал молчалив, суров, строг», редко смеется (С., 9, 279), мало покоя: «В будни я бываю занят с раннего утра до вечера» (С., 9, 280). Главный герой только выражает надежду, что его опыт хоть как-то тронул сердца обывателей. Очевидно, что Мисаил несчастлив.

Хотя киркегоровский герой и не отрицал, что даже у истинного этика «сознание собственного несовершенства порождает в душе глубокую печаль»[34], он был убежден: «Жизнь истинного этика отличается ... внутренним спокойствием и уверенностью»[35]. Мисаил, будучи этиком, ни в коем случае не мог бы присоединиться к последним словам Вильгельма.

Киркегор, создатель христианского экзистенциализма, считал, что этическая позиция не избавляет полностью от отчаяния, поскольку выбор собственного «Я» означает выбор самого себя в вечном значении, и только связь с Богом придает человеческой экзистенции смысл. «Мы можем быть сколь угодно нравственны, мы можем настойчиво следить за тем, чтобы каждое мгновение выбора было этически окрашено, и, однако же, самые высокие принципы не могут избавить человека от страха смерти, от ощущения, что сразу же под тонкой пленочкой этических гарантий лежит пропасть неуверенности, тревоги, зыбких предчувствий, одним словом, осознание неустойчивости собственного бытия»[36].

По Чехову — спасение отдельного единичного человека, обладающего этическим мужеством, способностью взять на себя ответственность за собственное «Я», за собственную подлинность, никем и ничем не может быть гарантировано, поскольку для самого Чехова так же, как и для его героев, подобных Мисаилу Полозневу, присутствие Бога (не говоря уже о связи с ним) ничем и никем не может быть подтверждено.

В этом главное различие этиков — киркегоровского Вильгельма, который, не будучи «рыцарем веры», все же *не сомневается* и строит свою жизнь на христианских основаниях, и чеховского Мисаила, единственное прямое обращение которого к небу «награждается» переживанием абсолютного одиночества.

И если Киркегор всю жизнь прорывался к третьей, самой подлинной, реальной для него стадии человеческого существования — религиозной, то для Чехова до конца его дней Бог оставался лишь гипотезой.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Ганзен П.Г.* Предисловие переводчика к первому изданию // *Кьеркегор С.* Наслаждение и долг. Ростов-на-Дону, 1998. С. 3.
2. Другие русские названия книги Киркегора — «Либо-либо», «Одно из двух»; оригинальное название — «Enten-Eller. Et Livs-Fragment udgivet af Victor Eremita».
3. Цит. по: *Лунгина Д.* Узнавание Керкегора в России // Логос. Философско-литературный журнал. М., 1996. №7. С. 173.
4. См.: *Ганзен П.Г.* Пять дней в Ясной Поляне // Исторический вестник. 1917. № 1 (январь). С. 140-161.
5. Все цитаты приводятся по Полному собранию сочинений и писем А.П. Чехова (В 30 т. М., 1974-1983. Соч.: в 18 т.; Письма: в 12 т.). Ссылки даются в тексте с указанием серии (С. или П.), номера тома и страницы.
6. См.: *Болдырев Н.Ф.* Болезнь-к-жизни (О пути Льва Толстого с постоянной огляд-

кой на Киркегора) // *Лаврин Я.* Лев Толстой, сам свидетельствующий о себе и своей жизни. Челябинск, 1999. С. 259-301.
7. *Собенников А.С.* «Между «есть Бог» и «нет Бога»...»: о религиозно-философских традициях в творчестве А.П.Чехова. Иркутск, 1997. С. 62.
8. Цит. по: *Лунгина.* Ук. соч. С. 175-176.
9. *Тихомиров С.В.* Творчество как исповедь бессознательного: Чехов и другие (Мир художника — мир человека: психология, идеология, метафизика). М., 2002.
10. *Кьеркегор.* Наслаждение и долг. С. 368.
11. Там же. С. 367.
12. *Степанов А.Д.* Проблемы коммуникации у Чехова. М., 2005. С. 150.
13. Там же.
14. *Волошинов В.Н.* (М.М.Бахтин). Марксизм и философия языка: Основные проблемы социологического метода в науке о языке. М., 1993. С. 141.
15. *Исаева Н.В., Исаев С.А.* Косвенное сообщение: шифрованное письмецо вечности // Вестник Европы. 2005. №16 // http://magazines.russ.ru/vestnik/2005/16/is23.
16. *Кьеркегор.* Наслаждение и долг. С. 307.
17. Там же. С. 235.
18. Там же. С. 281.
19. Там же. С. 232.
20. Там же. С. 205.
21. *Степанов.* Ук. соч. С. 154.
22. Об этом: *Кьеркегор С.* Страх и трепет. М., 1993.
23. *Кьеркегор.* Наслаждение и долг. С. 322.
24. Там же. С. 336.
25. Там же. С. 324.
26. Там же. С. 336.
27. Там же. С. 334.
28. Там же. С. 326-329.
29. Там же. С. 344-345.
30. Там же. С. 326.
31. Там же. С. 339-341.
32. Там же. С. 298.
33. Там же. С. 301.
34. Там же. С. 375.
35. Там же. С. 301.
36. *Исаева, Исаев.* Ук. соч.

«ETHICAL» AND «AESTHETIC» WAYS OF EXISTENCE IN A.P. CHEKHOV'S STORY «MY LIFE»

T.B. Zaitzeva

The author compares «Pleasure and a duty» by Kierkegaard with A.P.Chekhov's story «My life». The doctrine of the Danish philosopher about aesthetic and ethical ways of existence helps to understand characters of the Russian writer more deeply. The main hero of «My life» Misail and Kierkegaard's Wilhelm are authors' character-pseudonyms, the ethics, who made a choice of their own «Ego», realized a universal value of work and did their moral duty. The main distinction between Misail and Wilhelm is that the Kierkegaard's ethic though being not «the knight of belief», nevertheless *has no doubt* and builds his life on Christian bases, and a

single direct appeal of Chekhov's hero to the sky «is awarded» with the experience of absolute loneliness. Kierkegaard forced his way to the most original, real stage of human existence -the religious one; still to Chekhov the God remained only a hypothesis.

© 2008 г.

Н.В. Дерина

ИДЕИ РАВНОВЕСИЯ И СИНТЕЗА В ТВОРЧЕСТВЕ Н. ГУМИЛЕВА И В ПОЭЗИИ АНГЛИЙСКОГО РОМАНТИЗМА

Художественное мироздание Николая Гумилева всегда признавалось явлением многогранным. И для исследователей, а также для критиков творчества поэта всегда было важно установить происхождение различных уровней творимого им бытия: эстетических, этических, и, конечно же, поэтических. Подвергая скрупулезному анализу каждый элемент гумилевских построений, ученые выявляли и продолжают выявлять в них темы, мотивы и образы, воспринятые из творчества старших современников-символистов и восходящие к различным философским учениям. Признавая, однако, что части, «похожие» на Брюсова, на Бальмонта или Ницше, имеют мало отношения к основаниям созданного Гумилевым мира.

При этом идеи, составившие квинтэссенцию гумилевской художественной онтологии и поэтической гносеологии, практически не привлекаются к историко-литературному и сопоставительному анализу; и только в немногих работах становятся объектом полноценного исследования. А ход поэтической мысли Гумилева до сих пор признается загадочным, необъяснимым. Ведь, например, рядом с призывом к большему равновесию сил, в гумилевских текстах творится инобытие, распределение полномочий в котором от равновесия оказывается далеким.

Между тем, повороты мысли поэта становятся понятнее, когда мы обращаемся к опыту тех, кто, подобно ему, стремился к равноправности и сбалансированности существования всех полюсов мира, то есть когда мы обращаемся к творчеству поэтов английского романтизма. Основной идеей, роднящей уже раннюю лирику Н. Гумилева с поэзией английских романтиков, становится идея равновесия противоположностей, которая понимается как гармоничное сосуществование противостоящих друг другу начал мира. И общим достижением поэтов в противостоянии с современной каждому из них традицией (Гумилева — с символистской; английских поэтов — с немецким романтизмом) стало создание художественных миров, стремящихся к состоянию полного равновесия сил.

Первым шагом Гумилева, сделанным в этом направлении, было изменение привычных взаимоотношений противоположных начал — тьмы и света, юга и севера, добра и зла. Уже в его ученическом неопубликованном сборнике «Горы и ущелья» жизнь и смерть рассматриваются не с точки зрения их враждебности

или дружественности герою, а как два взаимодополняющих атрибута его бытия: «В горах мне люб и Божий свет, / Но люб и смерти миг единый».[1] А на страницах «Жемчугов», где находит отражение особая интерпретация поэтом оппозиции *юг — север,* мы видим отрицание мысли о неразрешимой противоположности полюсов. Так, в «Варварах» члены оппозиции обретают характеристики друг друга. С «югом» связываются не только представления о жарком и цветущем лете –

Кипела, сверкала народом широкая площадь,
И южное небо раскрыло свой огненный веер <...>

— но и мысли об осеннем увядании:

Трубили герольды. По ветру стремились знамена,
Как листья осенние, прелые, бурые листья.
Гумилев, 1, 190.

А обольстительная южная царица наделяется теми же чертами, что и ее «суровые враги»: «Царица была — как пантера суровых безлюдий <...>». То же взаимопроникновение начал осуществляется и в образе «севера», который обрисовывается, казалось бы, взаимоисключающими красками:

Но варвары севера хмурили гордые брови,
Они вспоминали скитанья по снегу и по льду.
Они вспоминали холодное небо и дюны,
В зеленых трущобах веселые щебеты птичьи <...>
Гумилев, 1, 191.

Также и «приход на север», который мы видим в «Северном Радже», вовсе не предполагает разрыва с южной страной сказочных озер и лотосов. Во льдах и снегах может быть «иная» Индия:

Не бойтесь этой наготы
И песен холода и вьюги,
Вы обретете здесь цветы,
Каких не знали бы на юге...
Гумилев, 1, 207.

При этом и «цветы», и «белая заря», которая должна зажечься посреди «мглы», не являются на мрачном северном побережье чем-то чужеродным. Ведь если «крайний берег», представший перед взором Раджи и был «хмурым», то здесь же он видит и «небо в розовом огне»; если зимние ели и пребывают в сонной задумчивости и «цветах серебряной луны», то рядом с ними — «в поле клевер» и «в сосновых рощах желтый мед». Появление Раджи служит лишь толчком к началу процесса сплавления противоположностей:

Легко сгореть и встать иными,
Ступить на новую межу,
Чтоб встретить в пламени и дыме
Владыку севера, Раджу.
Гумилев, 1, 206.

Однако такие важные приемы в арсенале Гумилева, как сознательный отказ от разъединяющей двойственности и «уравновешивание» образов и художественных миров, не были новаторскими в полном смысле этого слова. За столетие до гумилевских опытов они прошли апробацию в поэтической практике английских романтиков. В момент зарождения европейского романтизма его главные теоретики — Ф. Шеллинг и Ф. Шлегель провозгласили необходимость «превратить в *нечто целое* открывающуюся поэту часть мира и из его материала создать собственную мифологию»[2], которая должна быть выделена «из внутренних глубин духа»[3].

Как совершенно верно отмечают исследователи, в английском романтизме позицию, столь откровенно и декларативно заявленную, трудно обнаружить[4]. Но именно в том варианте двоемирия, который мы видим у старших английских романтиков, в частности, в «Полуночном морозе» С.Т. Кольриджа, предпринимается попытка представить мир (и «небо», и «землю») единым целым:

<...> thou, my babe! Shalt wander like a breeze By lakes and sandy shores, beneath the crags Of ancient mountain, and beneath the clouds, Which image in their bulk both lakes and shores And mountain crags...[5]	<...> ты, мое дитя! Будешь блуждать, подобно ветерку, По озерам и песчаным берегам, под вершинами Древних гор и под облаками, На которых есть подобия и озер, и берегов, И горных вершин...[6]

В еще большей степени антагонизм противоположно направленных сил нивелируется в следующих строках В. Вордсворта:

Tumult and peace, the darkness and the light Were all like workings of one mind, the features Of the same face, blossoms upon one tree...[7]	Волнение и покой, тьма и свет Были подобны творениям одного ума, Чертам одного лица, соцветиям одного древа <...>

Настойчивое стремление к равновесию на всех уровнях художественного бытия становится фундаментом творимых поэтами художественных миров. У Кольриджа оно проявляет себя уже в самой композиции «Лирических баллад», в которых его собственные «фантастические» произведения должны были уравновешиваться «реалистичными» текстами Вордсворта. В «Полуночном морозе» говорится о равноценности «зимнего» и «летнего» миров:

<...> all seasons shall be sweet to thee, Whether the summer clothe the general earth With greenness... Or if the secret ministry of frost Shall hang ... in silent icicles <...> Coleridge, 90.	<...> все времена года будут тебе милы, Покроет ли лето всю землю Зеленью... Или тайное министерство мороза Развесит ...в тишине сосульки <...>

А во фрагменте «Кубла Хан» (Kubla Khan) осуществляется следующий этап слияния, когда речь ведется уже не о гармоничном сосуществовании двух на-

чал, а о равнозначности двух частей одного целого. Без какого-либо намека на диссонанс в пределах одного ландшафта — в оазисе Ксанаду — располагаются прекрасный сад — «чертог Солнца», уподобляемый «млеку рая», и в равной же степени прекрасные и величественные ледяные подземелья:

<...> was heard the mingled measure From the fountain and caves; It was a miracle of rare device, A sunny pleasure-dome with caves of ice! Coleridge, 109.	<...> слышалось смешение пределов Ключей и пещер; Это была необыкновенно чудесная затея, Солнечный чертог с пещерами льда!

«Темная» природа пещер, оттеняющая солнечный свет дворца, подчеркивается при этом и намеком на «змеиную» сущность этой части маленького царства (ручейки-притоки «реки Богов» там не какие иные, как «змеистые, извилистые» — „sinuous rills“). А о родстве оазиса с Эдемом говорит первоначальное название горы, на которой располагается дворец, — Амара — то есть гора, упоминаемая в «Потерянном Рае» Мильтона как одно из возможных мест расположения райского сада.

В «Кристабели» (Christabel) перед читателем поочередно предстают сначала два «уравновешивающих» друг друга персонажа — «ангельски чистая», «горлица» Кристабель и Джеральдина — «дама страны неземной», обладающая «взглядом змеи», а также «злой» властью, сопоставимой с силой «ангела-хранителя», а затем — равноправные ипостаси одной героини — и «темная», «змеиная», колдовская:

She nothing sees — no sight but one! The maid, devoid of guile and sin, I know not how, in fearful wise, So deeply had she drunken in That look, those shrunken serpent eyes, That all her features were resigned To this sole image in her mind: And passively did imitate That look of dull and treacherous hate! Coleridge, 211.	Она не видит ничего, кроме одного! Девица, свободная от коварства и греха, Неизвестно как, непостижимым образом, Так глубоко погрузилась в Тот взгляд, те суженные змеиные глаза, Что все ее существо подчинилось, Этому единственному образу в ее разуме: И покорно повторило Тот тусклый взгляд, наполненный предательской ненавистью!

И «светлая»:

And thus she stood, in dizzy trance, Still picturing that look askance... And when the trance was o’er, the maid Paused awhile, and inly prayed... Coleridge, 212.	И так она стояла, ошеломленная, в забытьи, Все еще воспроизводя косой взгляд... А когда забытье прошло, девица, Помедлив немного, искренне помолилась...

Еще один вариант идеи равновесия увидел свет в творчестве Р. Саути. В одной из его баллад появляется фигура явно демонического происхождения — рыцарь, являющийся, по словам самого автора, «злым духом» (Incubi), но наделенный атрибутикой, совершенно отличной от традиционно «дьявольской».

Посланник бездны отличается не только мрачностью, ужасными взорами, но и некоторыми, прежде не свойственными «духам зла» чертами. Вопреки традиции, его появление не предвещает ничего зловещего и не содержит никаких указаний на последовавшее драматическое развитие событий. Напротив, прибытие прекрасного паладина окрашено автором в самые светлые и торжественные тона:

So as they stray'd a swan they saw Sail stately up and strong, And by a silver chain she drew A little boat along,	Так увидели они, гуляя, лебедя, Который плыл плавно и величаво, И на серебряной цепи он влек За собой маленькую лодку,
Whose streamer to the gentle breeze Long floating fluttered light, Beneath whose crimson canopy There lay reclin'd a knight.[8]	Чей флаг на мягком, легком ветерке Развеваясь, слегка трепетал, Под багряным балдахином Там возлежал рыцарь.

Так же, как и странник из гумилевских «Влюбленной в дьявола» или «Рассказа девушки», рыцарь Саути отличается очарованием, печальным взглядом, красотой и бледностью:

His gallant feats, his looks, his love Soon won the willing fair; And very sad was he; Then did the cheek of Rudiger Assume a death-pale hue... Southey, 46.	Его доблестные подвиги, его взгляды, его любовь Вскоре покорили красавицу; И был он очень печален; И тогда щеки Радигера Стали смертельно бледны...

При переводе баллады на русский язык В.А. Жуковский эту тенденцию к усложнению образа почувствовал и даже усилил, придав герою Саути еще более ярко выраженные «недемонические» черты, которые в еще большей степени сближают эту фигуру с рождающимися у Гумилева прекрасно-ужасными существами:

Белый лебедь встрепенулся, Распустил криле свои, Дивный плаватель проснулся – И выходит из ладьи...	Что за бледный и красивый рыцарь Проскакал на вороном коне, И какая сказочная птица Кружилась над ним в вышине? Гумилев, 1, 112.
Рыцарь в замок Аллен входит: Все в нем прелесть — взор и стан, В изумленье всех приводит Красотою Адельстан.[9]	И в этот миг с далеких гор Ко мне спустился странник дивный, В меня вперил он взор призывный, Могучей негой полный взор. Гумилев, 1, 79.

Впрочем, у Саути эволюция образа обрывается, так как окончание его баллады является достаточно традиционным — явившийся из бездны туда же и возвращается:

And now he shriek'd, for now his frame The huge black arms clasp'd round, And dragg'd the wretched Rudiger Adown the dark profound. Southey, 52.	И тогда он пронзительно закричал, так как Огромные черные руки обхватили его тело И потащили несчастного Радигера Вглубь темной бездны.

Двойственный образ (одновременно «светлый» и «темный») не получил развития и в поэме Кольриджа, так как «Кристабель» осталась незавершенной, и вопрос о том, каким образом будут сосуществовать две стороны натуры ее главной героини, остался открытым. Однако попытки слияния были продолжены поэтом во фрагменте «Кубла Хан» (Kubla Khan), где противоположные начала переплетаются между собой гораздо более тесно в образе поэта-мага, одновременно «жуткого», «темного» и причастного райским кущам:

Beware... His flashing eyes, his floating hair! For he on honey-dew hath fed And drank the milk of paradise. Coleridge, 110.	Остерегайтесь... Его горящих глаз, его разметанных кудрей! Ведь он вкушал медвяную росу И пил млеко рая.

Этот певец, бродящий в окрестностях горного замка, соединяющий в себе, с одной стороны — способность творить гармонию звуков и миров, а с другой — свойство приводить в ужас своих слушателей, не может не навести на мысль о герое гумилевской «Песни о певце и короле». Происходящее в текстах двух поэтов объединяет и место действия (у Кольриджа — «чертог» над «пропастью, что жуткою полна красой»; у Гумилева замок «стоит на утесе крутом / В далеких туманных горах»); и общие устремления героев. Гумилевский певец желает получить некое знание: «И я ушел, унес вопросы, / Смущая ими божество» (Гумилев, 1, 42), у Кольриджа герой силится восстановить навеянное некой силой и забытое гармоничное видение — «завершить то, что первоначально было даровано целиком». Схоже также и то, что удается узнать: если у Гумилева певец понимает, что «выше этого утеса / Не видел в мире ничего», то и у Кольриджа единственное, в чем герой уверен совершенно точно, что осталось у него в памяти от прекрасного, но ускользнувшего образа, — «Такого не увидишь никогда!»

В обоих текстах говорится о возведении величественного здания. И если у Гумилева средством создания становится «проклятие» («<...> Его я воздвигнул во мраке ночном, / С проклятьем на бледных устах»), то и у Кольриджа «музыка», творящая чертог, —

...With music loud and long I would build that dome... That sunny dome! Those caves of ice! Coleridge, 109.	...Музыкой, громкой и протяжной, Я бы возвел это здание... Это солнечное здание! Эти пещеры льда!

— фактически, такое же «проклятие» собой и представляет. Доминируя над всем происходящим в финале произведения, она повергает слушателей в ужас и получает полную власть над своим автором: становится своеобразной печатью, накладываемой на него и приводящей к его изоляции:

And all who heard should see them there, And all should cry, Beware, beware! Weave a circle round him thrice, And close your eyes with holy dread...	И все, кто слышал, увидели бы их там, И закричали бы: Берегитесь! Берегитесь! Замкните его в тройной круг И закройте в священном страхе глаза...

В единственном существовавшем в начале двадцатого века переводе этого произведения на русский язык, выполненном К. Бальмонтом, столь важная для обоих поэтов роль творящего слова не получила отражения, и «страшная» песня была лишена своей миросозидающей функции:

В полнозвучные размеры
Заключить тогда б я мог
Эти льдистые пещеры,
Этот солнечный чертог.[10]

«Полнозвучные размеры», о которых идет речь в этом, по существу, новом варианте текста, призваны не создавать новое, а лишь зафиксировать уже существующее. Нет у Бальмонта также и никаких указаний на особую природу самого певца, чья «страшная» сторона никак себя не проявляет. В отличие от певца Кольриджа, он не пугает слушателей, а, напротив, привлекает их к себе, сама же жуткая мелодия превращается в «грезу»:

Сюда, скорей сюда...
Пред песнопевцем взор склоните,
И этой грезы слыша звон,
Сомкнемся тесным хороводом.

Отсутствует в переводе и появившееся у Кольриджа невиданное прежде инобытие. У Бальмонта мир, в котором оказывается певец, описывается следующим образом:

О, никогда под бледною луной
Так пышен не был тот уют лесной...
Пленительное место![11]

Тогда как в оригинальной картине Кольриджа в центр помещается результат свершившегося синтеза:

A savage place! ... *holy and enchanted* ...beneath a waning moon... Coleridge, 107.	Первозданный край! ...*святой и колдовской* ...под убывающей луной...

Здесь мы видим уже не просто антиномичные определения, характеризующие собой некое особое пространство. «Святое» и «колдовское», синтезируясь, создают некое новое качество. Таким образом, синтез противоположностей применяется Кольриджем уже в качестве средства сотворения уникального бытия, в котором сначала просто сосуществуют «райский сад» (чертог Солнца) и «ад» (ледяные пещеры), а затем происходит «смешение пределов» — сращивание характеристик полюсов.

У Гумилева в мир, подобный тому, что был создан Кольриджем, попадают герои «Открытия Америки». «Заповедные кущи», в которые Колумб гонит свое «стадо», сопоставляются с «отсветом рая», с «чудом», с новым, лучшим миром:

Так же сладко лился в наши груди
Аромат невиданных цветов,
Каждый шаг был так же странно нов,
Те же выходили из кустов,
Улыбаясь и крича о чуде,
Красные, как медь, нагие люди.

И, вместе с тем, не могут не навести на мысль о полной противоположности райского сада: ведь о дивных полянах говорится, что они могли померещиться только в бреду, а крики невиданных птиц напоминают вопли грешников в аду:

Так же на змеистые лианы
С криками взбегали обезьяны,
Цвел волчец; как грешники в аду,
Звонко верещали какаду...[12]

Таким образом, идея равновесия антагонистичных начал в художественно-философских системах Н. Гумилева и английских романтиков дополняется идеей синтеза противоположностей, который становится средством сотворения особого инобытия.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Гумилев Н.С.* Полное собрание сочинений в 10 т. Т. 1. Стихотворения. Поэмы (1902–1910). М., 1998. С. 20 (Далее — «Гумилев 1» с указанием страниц).
2. *Шеллинг Ф.В.* В. Философия искусства. М., 1999. С. 166.
3. *Шлегель Ф.* Разговор о поэзии // Литературные манифесты западноевропейских романтиков. М., 1980. С. 63.
4. См., например: *Корнилова Е.* Мифологическое сознание и мифопоэтика западноевропейского романтизма. М., 2001.
5. *Coleridge S.T.* Verse and Prose. M., 1981 (Далее — «Coleridge» с указанием страниц).
6. Здесь и далее подстрочник наш.
7. *Wordsworth W.* Selected poems. London, Heinemann, 1973. P. 57. (Далее — «Wordsworth» с указанием страниц).
8. *Southey R.* Rudiger // An Anthology of English Literature. M., 1978. Далее — «Southey» с указанием страниц.
9. *Жуковский В.А.* Сочинения. В 3-х т. Т. 2. Баллады; Поэмы; Повести в стихах. М., 1980. С. 29.
10. *Кольридж С.Т.* Стихи. М., 1974. С. 80.
11. Там же. С. 78.
12. *Гумилев Н.С.* Полное собрание сочинений в 10 т. Т. 2. Стихотворения. Поэмы (1910–1913). М., 1998. С. 23.

IDEAS OF BALANCE AND SYNTHESIS IN N. GUMILEV'S CREATION AND IN POETRY OF ENGLISH ROMANTICISM

N.V. Derina

The basic idea which makes N. Gumilev's early lyrics related with the poetry of English romanticists, becomes the one of the contrasts balance which is understood as harmonious coexistence of the opposed to each other fundamentals of the world and is embodied in art models of life based on a principle of reconciliation of poles (good and evil, the sky and the ground, day and night, the south and the north, heat and cold). The idea of balance of the antagonistic fundamentals in N. Gumilev's and English romanticists' art — philosophical systems is supplemented with the idea of a synthesis of contrasts which becomes means of creation a special different objective reality.

© 2008 г.

В.С. Севастьянова

НЕ-БЫТИЕ В «ПЕТЕРБУРГЕ» А. БЕЛОГО

В момент выхода в свет роман А. Белого «Петербург» был по праву воспринят современниками в качестве «романа-апокалипсиса», «романа-трагедии», «романа конца». Сегодня комментаторы, стремясь к более «сбалансированным» оценкам, все чаще видят свою задачу в том, чтобы вывести это произведение из ряда литературных явлений, «погребающих эпоху».[1] Привычное — апокалипсическое — восприятие текста Белого объявляется поверхностным и не учитывающим то его «второе измерение», которое автор противопоставляет всему видимому злу. На месте «вдохновения ужаса», стоявшего, по мнению и самого писателя, и первых читателей, у истоков романа, исследователям видится нечто совершенно иное, а именно — «перспектива», дающая возможность перехода в новое пространство, и вероятность обновления за счет «приобщения «я» к миру природы, миру людей, миру России».[2]

Безусловно, такие опыты переосмысления имеют под собой определенные основания, поскольку *иному* Белый, и в самом деле, уделяет особое внимание. Уже в «Серебряном голубе» мысли художника о том «другом», что противостоит современной жизни, воплощаются в идее новых далей, открывающихся перед героями: «<...> И бежит, бежит по полю белая да пыльная дороженька, усмехается на окрестные просторы, — к иным полям...».[3] Но если в этом произведении представления об «ином», действительно, связываются с раздвигающимися стенами, с разворачивающимися просторами («...были пространства; и в пространствах скрывались, таились и вновь открывались пространства; и каждая точка вдали, как подходили к ней путники, становилась пространством...» Серебряный голубь, 37, 46), а также с новой жизнью в «новом царстве», то мож-

но ли говорить об *ином* «Петербурга» как о «втором пространстве» *бытия* человека, России, человечества, как о «новом измерении», в которое погружаются, спасаясь и просветляясь, герои романа?

Ведь читая древних гностиков и Апокалипсис, излагая заповеди антропософии или представая убежденными кантианцами, грезя о сверхчеловеческой миссии и «монгольском» разрушении европейской культуры или же руководствуясь в своих действиях исключительно законами планиметрии, действующие лица «Петербурга», в конечном счете, оказываются в абсолютно равном положении, сознавая себя обладателями «эфемерного бытия» и носителями «теневого сознания».[4] А имена Канта и Ницше, Огюста Конта и Рудольфа Штейнера, знаменующие собой их, казалось бы, противоположные духовные ориентиры, постепенно прекращают диссонировать между собой и заглушаются все громче звучащим наименованием того *страшного*, что, словно открытая дверь, «зияет» позади и «черным облаком» подстерегает впереди.

Впервые присутствие странной и страшной сущности констатируется уже в первой главе романа: «<...> и пусть Аполлон Аполлонович соткан из нашего мозга, он сумеет все-таки напугать *иным, потрясающим бытием*, нападающим ночью» (Петербург, 52). Эта уверенность повествователя, впрочем, поначалу кажется не вполне обоснованной. Упомянутое однажды, «иное и потрясающее» на время как бы теряется в хитросплетениях сюжетных ходов, исчезает за длинным рядом своих противоречивых дефиниций, звучащих и в нескончаемых монологах Дудкина, и в размышлениях двух Аблеуховых, и в речах многочисленных Неуловимых особ. Здесь мы видим и «давно забытые хаосы» — последнее пристанище всех «земнородных существ» (Петербург, 98), и «вселенную странностей» — некое «совершенно темное дно», куда «проваливается» жизнь (Петербург, 176), и «безвременную пустоту» (Петербург, 138), и «мир теней» (Петербург, 302), и «абсолютный ноль». Умопостроения персонажей романа упираются также и в некие «безвозвратно» губящий «морок», «неизъяснимость» и даже в «абракадабру». В конце концов, отчаявшись подобрать точное объяснение всему происходящему, сам Автор вынужден признать: «Имени тяжелому безобразию — нет!» (Петербург, 321).

Последний тезис (равно как и все многообразие наименований, приведенных выше), казалось бы, оставляет читателям и исследователям текста Белого свободу в определении той сущности, что стоит над всеми перипетиями романа. Этот карт-бланш ученые и используют в полной мере, предлагая различные трактовки силы, «пролезающей» в спины и проникающей в сознание действующих лиц: от антропософского «верха» до инфернального «низа»; от туманных плоскостей и стертого, пустого пространства до астральных глубин; от «Востока» и «Запада» до «тоталитарных миров», творимых сенатором и его сыном, и некой «мертвой точки», на которой обессиленно замирают герои, неспособные выбрать какое-либо направление собственного движения.

Между тем, в тексте Белого вполне определенное имя для *иного* в конечном итоге все же обнаруживается:

«Если бы со стороны в ту минуту мог взглянуть на себя обезумевший герой мой, он пришел в ужас бы: в зеленоватой, луной освещенной каморке он увидел бы себя самого, ухватившегося за живот и с надеждой горланящего в абсо-

лютную пустоту пред собою; вся закинулась его голова, а громадное отверстие орущего рта показалось бы черною, *небытийственной бездной*» (Петербург, 303).

И в свете данного однозначного определения не может не показаться странным взгляд на бездну в «Петербурге» лишь как на «символ экстремальной ситуации в бытии человечества», отражающий критический момент «в жизни отдельной личности и целой страны».[5] Как мы сможем убедиться, в этом произведении взаимоотношения небытийственной бездны и бытия будут складываться вовсе не как отношение части к целому, а ее присутствие в жизни героев не ограничится каким-либо отдельным промежутком времени.

Конечно, упомянутое в приведенном фрагменте не-бытие может показаться частным случаем, вряд ли имеющим отношение к тому потрясающему ночному *бытию*, о котором речь шла выше. Все же оно — атрибут помешавшегося Александра Ивановича, который тем и отличается от всех прочих, что «гибнет без возврата, без надежды на возрождение-возвращение».[6] Однако дело в том, что не-бытие «Петербурга» возникает не только в бредовых видениях Дудкина. Оно является и Николаю Аполлоновичу, оказываясь гораздо реальнее и значительнее, чем все те странствия по астралу, которые, как полагают интерпретаторы, открывают перед Аблеуховым-сыном новые перспективы:

«Миг, — и он бы спокойно отправился в обычное астральное путешествие, развивая от бренной своей оболочки туманный, космический хвост, проницая стены в безмерное, но сон оборвался: несказанно, мучительно, немо шел кто-то к двери, взрывая ветрами *небытия*: страшная старина, как на нас налетающий вопль <...> вдруг окрепла...» (Петербург, 239).

Предпринятое здесь Белым совершенно явное противопоставление «обычных путешествий» тому «страшному», что неумолимо приближается, делает невозможным также и корректное объяснение разворачивающихся вокруг персонажей «Петербурга» пространств с позиций антропософской мистики. Ведь если антропософский полет является только «сном», то уже близкое не-бытие оказывается самой настоящей реальностью. Более того — его приближение чувствует и не склонный к невнятным эмоциональным построениям и галлюцинациям Аблеухов-отец:

«Аполлон Аполлонович невольно остановился и хотел бежать к двери, запереть на ключ кабинет, но... задумался, остался на месте, потому что удар, раздробляющий все, оказался звуком захлопнутой двери <...>; несказанно мучительно шел кто-то к двери <...>: страшная старина, как на нас из глубин набегающий вопль, вдруг окрепла в памяти...» (Петербург, 233).

И схожие обстоятельства встречи обоих Аблеуховых со «стариной», позволяют предположить, что и в случае Аполлона Аполлоновича мы имеем дело не с чем иным, как с не-бытием, что оно и есть его пугающее и на него надвигающееся «страшное». То «страшное», которое поднимается над морально-этической, историософской и антропософской проблематикой «Петербурга», лишая всякого смысла перенесенные в него из более ранних текстов оппозиции добра — зла, востока — запада, глубины — плоскости. Ведь за всеми рассуждениями и мыслями Аблеуховых, Дудкина, многочисленных Неуловимых о Страшном Суде или о гибели России, о Будде, нирване и о хаосе стоит мучительный вопрос о существовании или не-существовании мира в целом. И если еще в

«Серебряном голубе» артикулируются мысли о переходе человечества на некую качественно иную ступень (например, о достижении состояния одухотворенной плоти), то здесь построения всех без исключения героев вращаются вокруг «не», ставящего под сомнение бытие людей и вещей: для старшего Аблеухова «дом — каменная громада — не домом был» (Петербург, 32), а стены — «не стенами» (Петербург, 86); для Дудкина «все не то, а иное»: «я — не я», а «предметы — не предметы» (Петербург, 88–89); даже Сергей Сергеич Лихутин, наделенный «простодушным мозгом», маловосприимчивым к импульсам, идущим из бездны, однажды понимает, что ноги становятся «не ногами», а он — это «не он» (Петербург, 192).

И все они постепенно начинают чувствовать себя в это «не» бытия погружающимися. Так, Дудкина «переходное состояние между бдением и сном <...> бросало куда-то: точно с пятого этажа выскакивал он чрез окошко; ощущения открывали ему в его мире вопиющую брешь; он влетал в эту брешь, проносясь в роящийся мир, о котором мало сказать, что в нем нападали субстанции, подобные фуриям: самая мировая ткань представлялась там фурийной тканью» (Петербург, 246). «Брешь образовалась» и в личном пространстве Аблеуховых: «...когда оба соприкасались друг с другом психически, то являли собой подобие двух друг к другу повернутых мрачных отдушин в совершенную бездну...» (Петербург, 109). И даже Софья Петровна Лихутина интуитивно приходит к заключению, что «какая-то ... в мире сем ... образовалась пробоина» (Петербург, 127).

Этот общий для героев «Петербурга» поворот мыслей [7], на самом деле, говорит о многом, поскольку имеет соответствия в современных Белому онтологических теориях. Если персонажи романа идентифицируют себя в качестве неких брешей, через которые зияет бездна, то именно о таких разломах между бытием и не-бытием напишет позже С. Франк: «...через гармоническое, божественное всеединство бытия проходят глубокие трещины, зияют бездны небытия <...>. Всеединство, каким оно является эмпирически, есть некоторое надтреснутое единство».[8]

Мироощущение действующих лиц «Петербурга» полностью соответствует также и тому состоянию, которое человек перед лицом «трещины» должен испытывать. Если Франк пишет о переживании глубокой тоски ввиду открывающегося не-бытия, то у Белого погружение в небытийственное именно тоской и сопровождается: у Дудкина «все роковые явленья начинались <...> приступами смертельной тоски» (Петербург, 87); да и вообще, по Белому, все русское общество оказывается охваченным странной «безотчетной тоской» (Петербург, 89). Далее же это еще достаточно неопределенное переживание (такое, какой, тоска была, например, в предшествующем «Петербургу» «Серебряном голубе»: «томная, тусклая пелена», «невнятное что-то», печаль, что «приходит невесть откуда, и влечет, и уносит...», «неизъяснимая жуть») конкретизируется. И все нарастающая жуть определяется как «томление смерти», которое выражают «и очи, и пальцы» Николая Аполлоновича (Петербург, 213), как «состояние гибели», которое охватывает Дудкина перед появлением рокового темного и пустого *ничто* (Петербург, 285), как «сладострастие ужаса» и «ощущение бездны» (Петербург, 268).

И здесь обнаруживается еще один случай прямого параллелизма текста Бе-

лого и новейших онтологических концепций начала XX века. Точнее говоря, еще один случай предшествования художественной мысли философским построениям. Если Белый пишет об ужасе перед небытийной бездной, то у М. Хайдеггера мы читаем: «Проседание сущего в целом наседает на нас при ужасе, подавляет нас. Не остается ничего для опоры. Остается и захлестывает нас — среди ускользания сущего — только это «ничто». Ужасом приоткрывается Ничто».[9] При этом в «Петербурге» мы видим не только взаимосвязь ужаса, тоски и бездны, но и параллель *ускользание бытия — появление ничто*. Ведь когда, например, Аблеухову-младшему кажется, будто все исчезает, меняется, «будто... все за дверью было не тем, а иным», это «иное», оборачивается «ничем, пустотой» (Петербург, 238).

Таким образом, логический ряд, начинающийся с «иного бытия» первой главы и лейтмотивом проходящий через весь текст романа, получает окончательное оформление. Его исходная точка практически совпадает с конечной, и, как выясняется, не что иное, как не-бытие (небытийственная бездна) оказывается тем самым *иным* бытия, которое, как и предвидел Автор, должно прийти и занять подобающее себе место:

«Стал накрапывать дождик <...>, — и громадина сцепленных камней вот уже расцепилась; вот уже она поднимает <...> кружева легких контуров и едва-едва обозначенных линий — просто какое-то рококо: рококо уходит в *ничто*... <...> Громадины зданий повыдавились из пространства в какое-то *иное пространство*» (Петербург, 321);

«Все, все, все: этот солнечный блеск, стены, тело, душа — все провалится; все уж валится, валится; и — *будет: бред, бездна* <...>» (Петербург, 231).

И постепенно в художественном пространстве «Петербурга» бездна небытия обретает черты, несвойственные всем прежним «безднам» Белого. Еще в «Серебряном голубе» бездна, разверзающаяся перед Дарьяльским, — это внутренние глубины, «темные недра» души, зло, на которое можно воздействовать, с которым можно и необходимо бороться:

«...от одного он взгляда да наглой усмешечки бабы гулящей разволновался, обеспокоился, взрыл нелепо душевную свою глубину, и нелепая полезла на него душевная глубина; но он не даст ей, нелепой своей глубине, развиться — он уже ее, глубину, задавит <...>» (Серебряный голубь, 78);

«Ах, эти песни, и — ах! — эти пляски! Занавешиваете ли вы или вы обнажаете еще больше бездны его души? Верно, серные эти бездны, выпускающие злую саранчу, чтоб пронзилось сердце саранчиным жалом и потом чтоб оно кровью облилось: он с темными своими боролся недрами, как некогда с гидрой Геракл <...>» (Серебряный голубь, 82).

Фактически, тот же набор атрибутов и эпитетов мы обнаруживаем в статьях «Луга зеленого», где говорится и о свершающемся «приближении бездны духа к поверхностям сознания», и о «бездне второго я», и о «черной бездне», куда забредают в странствиях по «садам души» и откуда поднимаются оборотни.[10] И о чем бы ни шла речь у Белого — о художественной стихии Гоголя и Сологуба или же о бездонной стихии российской жизни, — его бездна до «Петербурга» — это «хаос души», «глубина бессознательного». И даже в тех случаях, когда «бездна ужаса» представляется хаосом безличностного и темного, восточными «де-

монами» и «бесами», проникшими в глубины России, этот хаос является хаосом внутренним, имманентным тому миру бытия, которому он грозит: «А теперь, даже в солнечный день, когда и туч нет, чья-то мелькает страшная тень: тень ужасной, из глубины души, из глубины земли идущей провокации. Все стало странно и непонятно... И странный в глубине души поднимается вопль...».[11]

В «Петербурге» же «вопли», сопровождающие приближение не-бытия, — вовсе не «вывих души», поскольку, как помним, раздаются они не из внутренних глубин. Подступая и к Аблеуховым, и к Дудкину извне, они, по существу, являются свидетельствами того, что небытийственная бездна из объекта воздействия превращается в совершенно самостоятельный субъект. И безумная догадка, высказанная полусумасшедшим Дудкиным, — «Абракадабра все перепутала; все они давно уже посходили с ума, если только то, губящее безвозвратно, не существует в действительности» (Петербург, 258) — неожиданно получает подтверждение:

«Едва она передвинулась далее, ища опоры сознанию, едва она хотела вызвать впечатления вчерашнего дня, — и вчерашний день опять отвалился <...> и грянул о некое совершенно темное дно. <...> Некая *пустота отрывала, глотая, кусок за куском*. <...> Вся жизнь промелькнула, и упала вся жизнь, будто не было еще никогда ее жизни...» (Петербург, 176).

И, как оказывается, бездна не только действительно существует, но и имеет свойство беспрестанно и, фактически, беспрепятственно расширяться, поглощая все новые сферы бытия:

«...если старое возвращается, то оно глядит по-иному. И старое на него поглядело — ужасно!.. <...> в сотую долю секунды все то совершится: в сотую долю секунды провалятся стены, а ужасное содержание, *ширясь, ширясь и ширясь*, свиснет в тусклое небо щепками, кровью и камнем... <...> Будет что-то такое, отчего развалятся стены, пурпуром освещенные небеса разорвутся на части, смешавшись с разбрызганной кровью в одну тусклую, *первозданную тьму*» (Петербург, 237, 243).

«Затемнение» мира сопровождается у Белого и разложением всех бытийных связей:

«В зеленоватом освещении петербургского утра <...> пред сенатором Аблеуховым циркулировал и обычный феномен: явление атмосферы — поток людской; тут люди немели; потоки их, набегая волнообразным прибоем, — гремели <...> Спаянный маревом сам в себе поток распадался на звенья потока: протекало звено за звеном; умопостигаемо каждое удалялось от каждого как система планет от системы планет...» (Петербург, 20).

И это сочетание симптомов «конца» является еще одним ярким примером близости эсхатологических построений Белого и современных научно-философских теорий. Если Л. Гумилев в «Этногенезе и биосфере Земли» пишет о таких симптомах «обскурации» (исчезновения этнических систем), как «процессы упрощения (уменьшения плотности системных связей), <...> превращения живого вещества в косное; распад косного вещества на молекулы, молекул — на атомы, внутриатомных реальных частиц — на виртуальные и перенос фотонов в «Бездну» (небытие, вакуум, пустоту)[12], то в «Петербурге» подобный «рас-

пад» существующих «систем» (а также уменьшение их плотности) и становится первым признаком приближения «зловещего чего-то».

В приведенном фрагменте с легкостью можно проследить все «вехи» на пути в бездну: и необратимые изменения живого — его «онемение», превращение в нечто гремящее и не человеко- а «волнообразное», и распад этого новообразования на более мелкие составляющие (звенья), и безостановочное удаление последних друг от друга. А вслед за этим происходит и переход того, что осталось, в некое иное, отличное от прежнего, состояние, появляются признаки присутствия уже близкого «нигде, и ничего»:

«...и субъект озирался тоскливо; и глядел на проспект стерто-серым лицом <...> Из одной бесконечности убегал он в другую; и потом спотыкался о набережную; здесь приканчивалось все: мелодичный глас автомобильной рулады, желто-красный трамвай и всевозможный субъект; здесь был и край земли, и конец бесконечности».

Возникает здесь, наконец, и сама бездна, к которой все, «стираясь», устремляется: «А там-то, там-то: глубина, зеленоватая муть...» (Петербург, 15).

В тексте Белого без труда находится и еще более наглядный и устрашающий случай аннигиляции, к которой неудержимо движется человечество:

«...в эту комнату вошел плотный молодой человек, имеющий три измерения; прислонившись к окну, он стал просто контуром <...>; далее: стал он тонкою слойкою черной копоти <...>, а теперь эта черная оконная копоть, образующая человеческий контур, вся как-то серая, истлевала в блещущую луною золу; и уже зола отлетала <...>. Явное дело — здесь имело место разложение *материи*; материя эта превратилась вся, без остатка, в звуковую субстанцию, оглушительно трещавшую — только вот где?» (Петербург, 302)

Суть описанного здесь процесса представляется однозначной. Своим «физико-химическим» характером он приближается к пределу развития антисистемы. Если в труде Гумилева говорится об аннигиляции как об утрате вещества — переходе освободившейся при распаде энергии из своей системы в межгалактический вакуум[13], то и у Белого материя, как видим, распадаясь, необратимо испаряется.[14] Прозвучавшее здесь недоумение Дудкина по поводу местонахождения «субстанции», образовавшейся в результате разложения, также вскоре развеивается. Финальная точка ее пути — «иное пространство», где «не действуют ваши законы» и «все течет в ином порядке» (Петербург, 303). Причем этот мир особых свойств, где оказываются, развоплощаясь, герои «Петербурга», также очень сильно напоминает гумилевский «вакуум», в котором не действуют законы материального мира. Сравним:

«Вакуум — это мир без истории. В каждом малом объеме пространства непрерывно рождаются пары «частица — античастица», но тут же они взаимоуничтожаются, аннигилируются, испуская кванты света, которые, в свою очередь, «проваливаются в никуда». В результате ничего нет, хотя в каждый момент в любом микрообъеме существует многообразие частиц и квантов излучения. Возникая, оно тут же уничтожается. Оно есть, и его нет. Это явление именуют нулевыми колебаниями вакуума, а частицы, которые существуют и одновременно не существуют, названы виртуальными».[15]

И у Белого именно «обнуление» всего бытийного (и среди прочего — време-

ни) является главным итогом «Страшного Суда», через который проходят Аблеуховы:

«Он сидел пред отцом <...> — без тела <...>: за окнами его кабинета, в совершеннейшей темноте, раздавалось громкое бормотание. То летоисчисление бежало обратно.

— «Да какого же мы летоисчисления?» <...>

— «Никакого, Коленька, никакого: времяисчисление, мой родной, — нулевое...» <...>

— «Ай, ай, ай: что же такое «я есмь?»

— «Я есмь? Нуль...» (Петербург, 243)

Конечно, вряд ли можно говорить о полном сходстве картин, выписанных ученым и писателем, поскольку в тексте Белого мы не найдем упоминания ни об атомах, ни о квантах. Однако невозможно отрицать и очевидное родство двух представленных теорий. Ведь в этом эпизоде «Петербурга» на переднем плане находятся вовсе не привычно усматриваемые у Белого антропософские мифологемы и образы. И, как и в предыдущем случае аннигиляции, речь здесь идет не об антропософском отделении сознания от тела и пролете в «звездную бесконечность», но об «утрате вещества» (в виде «тела») и переходе освободившейся энергии («Я» Николая Аполлоновича) в «никуда» — в пустоту, космическую бездну. В бездну, важнейшим атрибутом которой становится все тот же «ноль»:

«Вообразите лишь, что за дверью — ничего нет, и что если дверь распахнуть, то дверь распахнется в пустую, космическую безмерность, куда остается... разве что кинуться вниз головой, чтоб лететь, лететь и лететь <...> в абсолютном ноле» (Петербург, 238).

По существу, виртуальным, одновременно существующим и несуществующим, является у Белого и сам Петербург, и все его жители, которые одновременно — «и люди, и тени», и «бытийствуют», и «кажутся» (так же взаимоуничтожаются программа Аблеухова-старшего по сохранению «циркуляции» мира и антипрограмма Николая Аполлоновича по его разрушению).

Последние сомнения относительно характера протекающих в «Петербурге» процессов исчезнут, если проанализировать их в свете колористических теорий самого Белого. В «Священных цветах» мы читаем: «Если белый цвет — символ воплощенной полноты бытия, черный — символ небытия, хаоса <...>. Воплощение небытия в бытие, придающее последнему призрачность, символизирует серый цвет».[16] А возвращаясь к сцене «разложения» плотного молодого человека, случившейся на чердаке Дудкина, мы замечаем, что истлевающий и распадающийся там «контур» становился не каким иным, как «каким-то серым». Сереют также и стираемые лица «субъектов» распадающегося людского потока. И не случайно не какой иной, как серой, является «чернота», в которую проваливаются настоящее и будущее Софьи Петровны Лихутиной:

«...в черновато-серую ночь позади нее отвалился кусок прошлого... Будущее ее упало в черноватую ночь. Непоправимое наползало; непоправимое обнимало ее <...>. Некая пустота начиналась у нее непосредственно за спиною <...>; пустота продолжалась в века» (Петербург, 176).

И это осязаемое героями «Петербурга» разложение бытия, помноженное на

способность бездны к расширению (пустота, чернота, глубина у Белого неуклонно надвигаются — «вот замоет, хлынет на них глубина, зеленоватая синь» (Петербург, 114); «хлынет всюду темная синь, синевато-зеленая глубина: на дома, на граниты, на воду» (Петербург, 116); «некая черная пустота начиналась у него за спиною; черная пустота была впереди...» (Петербург, 50)) и дополненное отсутствием какого-либо противовеса подобной экспансии, в результате порождают такую художественную модель не-бытия, которая коренным образом отличается не только от прежних бездн Белого, но и от концепций не-бытия, созданных в рамках предшествующих философских учений.

В романе Белого речь идет не о возвращении человечества во тьму, не о воссоединении с *Ничто*, которое есть *все*, не о погружении в Божественный Мрак и не о нирваническом успокоении. Главным и, по сути дела, единственным по-настоящему действующим лицом в мире «Петербурга» становится сама бездна, способная самостоятельно избирать способы своего воплощения. В этой связи особого внимания заслуживает и объединяющая всех героев «категория льда».

В литературоведческих работах, посвященных «Петербургу», «обледенение» творимых Белым художественных миров рассматривается в качестве реакции на призывы К. Леонтьева «подморозить Россию». Высказываются также и мысли о связи «льда» с «демоническим началом» и о «холоде» как символе враждебности оторванных друг от друга стихийности и сознания. Между тем, «замерзание» (а говоря точнее — «замораживание») реальности является в «Петербурге» свидетельством расширения не-бытия, одним из специфических способов его наступления, апробированным уже в более ранних произведениях. В частности, в «Кубке Метелей», где мир исчезает, «смерзаясь снегом», «стекленея мертвыми лилиями», где в метели «торжествует хаос» и «время останавливается, где в снегах запевает «старинная старина» и разливаются «черные волны небытия»; а также в «Предсимфонии», где мы читаем: «Зазвенели льды Севера. Переполнилась Чаша. Что было жизнью, промчалось сном. Стало спускаться *«Нечто»,* на крыльях туманных и мертвенных <...> Дух отлетел от земли. Она стала бесплодна <...> Льды плывут, угрожая, сверкая <...> Жизнь замерзла в холодную ночь <...>».[17] Кроме того, уже в «Предсимфонии» мы видим сочетание двух атрибутов расширяющегося не-бытия — холода и серого цвета: «Даль снега ровная унылая. Серая мгла в небесах».

В «Петербурге» бездна, пустота, чернота также оказываются «ледяными»: мир «плавится холодом», «холодные» зеркала «глотают» пространство, изморозь «стирает» прохожих, «ледяная рука» ведет в пустоту, из которой веет «странным холодом», над миром гуляет «холодная свистопляска». Не-бытие Белого не ждет своего часа, но активно и агрессивно наступает, проникая в сознание, в души и в тела героев. Так, например, Аполлон Аполлонович сознает осуществление в себе «самопроизвольной мозговой игры», которая — лишь «маска», прикрывающая вторжение в сознание «неизвестных сил». Николай Аполлонович чувствует, что «темнота вошла в его душу...; темнота нападала: напала, обстала...» (Петербург, 289). А Дудкин осязает, как «...вошла в него сила... понемногу овладела им всем... была в нем...» (Петербург, 303), как «некая гадкая слизь <...> потекла по его позвоночнику» (Петербург, 36), как «в

спину повалило невидимое», как «чернота бежала за ним и губила без возврата» (Петербург, 249), наконец, как «...непрезентабельное кое-что внутрь себя громадное прияло *ничто*... из вековечных времен...» (Петербург, 333).

По мере распада бытия в «Петербурге» происходит нарастание объема «фурийной ткани»: через «бреши», «отдушины», «пробоины», которыми являются сами герои, в мир проникают многочисленные «инородные сущности». Аблеухов-отец сталкивается с неким «вдруг», которое внезапно оказывается и позади, и впереди, сводя всю его жизнь к «уже-не-бытию» и «еще-не-бытию»:

«...Твое «вдруг» крадется за твоею спиной, иногда же оно предшествует твоему появлению в комнате; в первом случае ты обеспокоен ужасно: в спине развивается неприятное ощущение, будто в спину твою, как в открытую дверь, повалилась ватага невидимых... Иногда же при входе в гостиную тебя встретят всеобщим:

— «А мы только что вас поминали...»

...Все смеются. Ты тоже смеешься: будто не было тут «вдруг» (Петербург, 35).

Его сын оказывается лицом к лицу с безжалостным «это»:

«На минуту Николай Аполлонович попытался вспомнить о трансцендентальных предметах, о том, что события этого бренного мира не посягают нисколько на бессмертие его центра <...>; его подлинный дух-созерцатель все так же способен осветить ему путь: осветить ему его путь даже с *этим*; осветить даже... *это*... Но кругом встало *это*... <...> *Это* пришло, раздавило, ревело...» (Петербург, 184–185).

А Дудкин, принявший в себя «громадное *ничто*», производит разместившимся в нем «иным сознанием», еще одно странное *иное*:

«Александр Иванович тут над бездной стоял, прислоняясь к перилам, прищелкивая совершенно сухим деревянистым языком и вздрагивая от озноба <...> Верно, *оно* поджидает на дворике...» (Петербург, 313).

И предназначение всей этой галереи «сущностей» является предельно ясным: максимально «распухнуть», вытесняя разлагающиеся «я» и «предметы» («твое «вдруг» кормится твоею мозговою игрою, ...распухает *оно*, таешь ты, как свеча...» (Петербург, 36)), заполняя освободившуюся площадь «иным» — «материей странных миров». Очень сложно поэтому согласиться с производимым исследователями «Петербурга» разведением мотива «мозговой игры» и мотива «раскрытия иного пространства». Ведь рассматриваемые явления представляют собой части одного целого: если творящая туманы и пустоты «мозговая игра» — это процесс актуализации не-бытия, то «иное пространство» — и исходная точка этого действа — стремящаяся к расширению бездна, и его итог (все та же небытийная бездна, заполняющая собой все новые пространства).[18] Не случайно, выходя время от времени из своего «медиумного» состояния, герои романа обнаруживают, что вокруг — «никого, ничего», что «круг замкнулся».

Результат предпринятого в «Петербурге» исследования проблемы *бытия* и *иного* оказался, таким образом, далеким от перспективы обретения новой жизни. Начатый же здесь поиск был продолжен в следующих произведениях Белого, где процесс наступления не-бытия дополнился новыми деталями, а *ничто* заявило о себе уже во весь голос.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Пискунов В.* Громы упадающий эпохи // *Белый А.* Собрание сочинений. Петербург: Роман в 8 гл. с прологом и эпилогом. М., 1994.
2. *Пискунов В.* «Второе пространство» романа А. Белого «Петербург» // Андрей Белый: Проблемы творчества: Статьи, воспоминания, публикации. Сборник. М., 1988. С. 214.
3. *Белый А.* Собрание сочинений. Серебряный голубь. Рассказы. М., 1995. С. 18. Далее — «Серебряный голубь» с указанием страниц.
4. *Белый А.* Собрание сочинений. Петербург: Роман в 8 гл. с прологом и эпилогом. М., 1994. С. 52. Далее — «Петербург» с указанием страниц.
5. *Пискунов*. Ук. соч. С. 433.
6. Там же. С. 431.
7. И не только для героев «Петербурга». Возникший здесь образ «бреши в не-бытие» получает дальнейшее развитие в «Записках чудака»: «...тот черный поток при внимательном взгляде оказывался пустотою, отсутствием какого бы ни было цвета; его чернота есть *пролом*: в никуда и ничто; он — открытый отдушник, в который нам тянет угарами невероятного мира... это что-то, в ничто обращающее все, что ни есть (мир мистерии, мир души и мир духа), по отношению ко всему, что ни есть, при своем появлении в плоскость сознания нашего обнаруживает, как сплошное ничто, появленье свое» (*Белый А.* Собрание сочинений. Котик Летаев. Крещеный китаец. Записки Чудака. М., 1997. С. 366).
8. *Франк С.Л.* Непостижимое. М., 1990. Т. 1. С. 533.
9. *Хайдеггер М.* Что такое метафизика? // *Хайдеггер М.* Ницше и пустота. М., 2004.
10. *Белый А.* Символизм как миропонимание. М., 1994. С. 366.
11. Там же. С. 337.
12. *Гумилев Л.* Этногенез и биосфера Земли. М., 1994. С. 561.
13. Там же. С. 547.
14. Эта особенность поведения «материи» в «Петербурге», конечно же, отмечалась исследователями. Так, В. Пискунов заключает: «реальность «Петербурга» дематериализована» (*Пискунов В.* Громы упадающей эпохи. С. 428); В. Паперный подчеркивает: «Все, к чему Белый обращается, утрачивает онтологический характер, утрачивает определенность и обнаруживает тенденцию к переходу в Другое» (Учен. зап. Тартус. ун-та, 1983, № 129. С. 93–94). Однако при всей справедливости данных заключений они остаются лишь фиксированием общего характера происходящих в художественном мире Белого изменений, ничего не говоря ни о причинах, ни о следствиях деонтологизации.
15. *Гумилев Л.* Ук. соч. С. 547–548.
16. *Белый.* Символизм как миропонимание. С. 201.
17. *Белый А.* Симфонии. Л., 1990. С. 425–426.
18. Учитывая приведенные данные, трудно также разделить взгляд на «инородные сущности» «Петербурга» лишь как на существа низшего, инфернального мира, чье «бытие — морок, провокация, чудовищный маскарад» (*Пискунов*. Громы упадающей эпохи. С. 429). Уже в «Записках Чудака», где действует тот же, что и в «Петербурге», механизм по проникновению *иного* в мир, все эти «силы» названы по имени, которое не оставляет сомнений в их подлинной природе: «Ритмы пакостных взоров во мне развивают — ужасные, змееногие образы; и — змееногие образы на меня наползают — то мысли их, тайно въедаясь в меня, развивают во мне, паразитируя — жизнь: жизнь чудовищных безобразий — и над самим собою начинаю глумиться — *и отемнеется все вкруг меня; расширяются мраками страшные*

нетопыриные крылья; и — волна рокового Ничто, прорываясь сквозь все, затопляет во мне — мое «Я» (Записки Чудака, 372).

NONEXISTENCE IN «PETERSBURG» BY A. BELIY

V.S. Sevastjanova

The novel «Petersburg» takes a special place in A.Beliy's artistic philosophy as far a semantic line emptiness — vacuum — nonexistence started up in the texts antecedent to «Petersburg» gets its absolute form. The artistic model of nonexistence created in this work differs radically from all former abysses created by Beliy. If earlier Beliy's abysses are first of all internal dark depths which are possible to influence, in artistic space of «Petersburg» the nonexistential abyss becomes the basic and, actually, a unique real character. The abyss is capable to select independently its ways of actualization, penetrating inside consciousness, in bodies and souls of the heroes.

© 2008 г.

Е.Ю. Котукова

ОБРАЗ ВОЗДУШНОГО ПУТИ В РАННИХ ПРОЗАИЧЕСКИХ ПРОИЗВЕДЕНИЯХ Б. ПАСТЕРНАКА

Архетип воздуха в разных образах и вариантах неоднократно возникает в прозаических произведениях Б. Пастернака, реализуя многообразие своих значений. Воздух является в творческой концепции писателя знаком органичного сосуществования природы и человека, отражением связи различных времён и пространств.

В ранних прозаических произведениях Б. Пастернака, посвящённых теме творчества и рассмотрению процесса становления художника, появляется образ воздушного пути. На рубеже XIX–XX вв. мотив воздушных путей становится актуальным для творчества К. Бальмонта и Ф. Ницше. В начале XX века были опубликованы рассказы К. Бальмонта «Воздушный путь» и «Крик в ночи», объединенные общей темой творческого становления художника и восходящего к ней образа воздушного пути. В поэме Ф. Ницше «Так говорил Заратустра» образ воздушного пути символически представлен в виде натянутого над городом каната, а становление сверхчеловека, путь к совершенству виделся философу в позиции канатоходца, скользящего между небом и землёй, рискующего своей жизнью по дороге к цели. Балансируя над пропастью, улавливая малейшие изменения воздушного потока, герой Ф. Ницше оказывается выше обыденного мира, отделяясь от толпы, противопоставляя себя ей, он стремится к возвышенным идеалам. Взгляд с высоты позволяет ему охватить огромные просторы,

открыть для себя новый мир, почувствовать безмерность и вневременность бытия.

Л.Л. Горелик, анализируя ранние произведения Б. Пастернака, обращается к истокам образа воздушного пути, видя их в образе мифологического опасного перехода, погребального моста, связывающего Небо и Землю[1].

Б. Пастернак, опираясь на традиции, сложившиеся в мировой литературе, изображает в своих ранних произведениях героев, идущих по воздушному пути. Л.Л. Горелик трактует образ воздушного пути в прозе Б. Пастернака как «путь, по которому проходит творец к творчеству», «путь в поисках творчества»[2]. Воздушный путь в произведениях писателя, с одной стороны, приближает героев к Творцу, подчеркивает их исключительные способности, с другой стороны, передаёт зыбкость земных реалий, способность перетекания одних образов в другие, показывает непредсказуемость творческого процесса, стремление художника отразить явления постоянно меняющейся жизни.

В раннем творчестве Б. Пастернака герои-художники неоднократно выбирают «воздушный путь», парят, захваченные вдохновением, в небесах. Небо в творчестве писателя проявляет себя в двух ипостасях. Оно, с одной стороны, выступает в качестве ориентира для художника, стремясь к которому, герои пытаются достичь идеала, приблизиться к разгадке тайн мироздания. С другой стороны, небо — это и постоянный наблюдатель за жизнью героев, и творец, расцвечивающий мир насыщенными радужными красками, делающий городские пейзажи рельефными, отчетливыми, необычными, открывающий художнику прелесть бытия.

Рассматривая первый поэтический сборник Б. Пастернака «Близнец в тучах» (1914 г.), К. М. Поливанов замечает, что мотив вознесения лирического героя, его полета в небесных просторах символизирует творческую избранность художника [3], подчеркивает его высокую миссию, исключительное предназначение. Герои юношеской прозы Б. Пастернака (1910–1912 гг.) в поисках вдохновения также поднимаются над землёй, устремляются в поднебесные дали, раскрывая для себя новые грани бытия.

В неоконченном произведении «Когда Реликвимини вспоминалось детство...» творческий процесс представлен в виде полёта души креативной личности навстречу еще не познанной ею действительности, к неизведанным пространствам мироздания. «Воздушная дорога», «душистый путь»[4] начинается для Реликвимини на вокзале, среди будничной суеты, отталкивающих подробностей действительности (зал ожидания окутан «подержанной мглой», «смешанным, пыльным дымом махорки и сигар», сквозь который проступают «заплёванный пол», «сумрачная стойка», «пивная желчь», «кривляющиеся» локти лакеев[5]). Герой, пытаясь возвыситься над неприятной, наполненной «подавляющей цифрой чужих»[6], «угрожающей» атмосферой вокзала, стремится вырваться из душного и шумного помещения туда, где ничто не стесняет его мыслей и чувств, где увиденные пейзажи вызывают положительный эмоции, где можно свободно творить.

Л.Л. Горелик, исследуя эволюцию темы творчества в поэзии Б. Пастернака, отмечает, что лирический герой ранних произведений поэта, художник, захваченный творчеством, на какое-то время теряет свое земное воплощение и пре-

вращается в духовную сущность; все происходящее с ним во время нахлынувшего вдохновения остается неясным, неопределенным, загадочным даже для него самого[7]. Подобное перевоплощение происходит и с Реликвимини. Герой чувствует, что ему не хватает воздуха, он теряет сознание, и его душа летит через открытую форточку навстречу новым впечатлениям. Привычный обыденный мир, казавшийся серым и неуютным вблизи, с небесной высоты видится ей необычайно красивым и близким, удивительно радостным и светлым. Раздражающий ранее визг колёс поезда воспринимается теперь героем как звонкая весенняя трель, вносящая в мир лёгкость и разнообразие, ощущение обновления и ожидание пробуждения жизни. Воздушный поток раздвигает все препятствия на пути Реликвимини: душу героя приветливо встречают и пропускают к небу, к мечте «встречные пряди бульвара», «серые, подкашивающиеся здания расступаются» перед ней. Отдаляющиеся, исчезающие в весенней дымке и сгущающейся мгле фрагменты земной действительности (проезжающие телеги, очищающиеся от растаявшего снега желтые тротуары, просыпающиеся от зимнего сна молодые липы) делаются для души Реликвимини необходимыми и родными. Герой чувствует, что вместе с преображением действительности изменения происходят и в нём, он ощущает, как «какая-то райская прохладная струя смывает громоздкое, многолюдное прошлое»[8], запечатлевая в его душе прекрасные картины, побуждая Реликвимини к размышлению о своём назначении в мире.

Во время полёта герой обретает возможность оценить прелесть каждого предмета и явления бытия, без которых жизнь теряет смысл. Неслучайно Б. Пастернак в анализируемом произведении характеризует воздушный путь как «зыбкую дорогу»[9], многократно обращая внимание на то, что путь по воздуху труден и опасен, всё движущееся по воздушной дороге неустойчиво, шатко, «едва держится», ищет опору на земле. Душа Реликвимини, воспарив над городом, видит «опустелый мертвый горизонт»[10], она, простившись с последними улицами, увлечённая неизведанным, открывает для себя не только красоту и счастье будничной жизни, но и «новые пустоты»[11], требующие своего заполнения как креативными идеями художника, так и элементами повседневного существования. Тем самым автор подчеркивает, что как бы далеко ни уносил художника творческий порыв, он непременно должен будет вернуться в реальный мир, его искусство неразрывно связано с действительностью, невозможно без неё.

Воздушный путь представляется в анализируемом произведении в виде своеобразного движения по спирали: отправление души героя к необъятным просторам за интересными наблюдениями, новыми знаниями, неожиданными открытиями, её возвращение обогащенной ими на землю и ожидание нового полёта. В выборе подобной траектории заключается вечное стремление художника к совершенствованию своего мастерства, его желание, пропустив через себя мир, прочувствовав его, выйти на новый уровень понимания жизни.

Автор подчеркивает, что путешествие по воздушной дороге осуществляет не только художник. Само небо находится в постоянном движении. Оно покидает площади и улицы, открывая множество пустот в городе, выдвигая на передний план еще не завершенные природой весенние городские пейзажи, предостав-

ляя художнику возможность увидеть привычные ландшафты с новой точки зрения, заметить мельчайшие подробности бытия и поразиться им, получив вдохновение. Небо может и опускаться на город тысячей весенних капель, оставляя мартовские следы на крышах и стенах домов, на ветках деревьев и тротуарах, внося в городскую жизнь атмосферу неопределенности, радостно-тревожное настроение, ожидание перемен.

Небо принимает непосредственное участие в оформлении архитектурных ансамблей и в жизни героев, каждый раз испытывая внутреннее преображение, проявляя себя в разных качествах. Так, в произведении «Когда Реликвимини вспоминалось детство...» небо, вписываясь в городские пейзажи, становится неотъемлемой частью строений, дополняя орнамент зданий, подчеркивая их возвышенную стройность и естественность, подчеркивая полное слияние городской и воздушной сферы: Реликвимини видит, как «небо усиками лазури вилось о натыканные колышки церквей, громоотводов»[12]. Оно, постоянно изменяющееся, затянутое тучами или украшенное облаками, только около «санатории для родильниц» выглядит безмятежно спокойным, окрашивается в насыщенный синий цвет, плавно окаймляя темные ветки кустов и деревьев, небо «отдыхает там от города»[13], даря радость и умиротворение женщинам. Иногда небо, открывая взгляду художника одинокую звезду, навевает на него мысли о поисках собственного пути в жизни. Небо может представать в воображении художника в образе всевидящей гадалки («Я спускался к Третьяковскому проезду»), наблюдающей за поведением людей, трактующей их линии судьбы. Так, являясь творцу в разных образах, небо отражает изменения во внутреннем мире художника, подчеркивая оригинальность его мышления.

В неоконченном произведении Б. Пастернака «У Дорогомиловской заставы» герой-философ Канадович, жаждущий перемены привычной обстановки, ярких впечатлений, тоже вступает на воздушный путь. Оказавшись в неубранной, пыльной, засиженной мухами и пауками пивной, где постоянно раздаётся женский смех, он чувствует себя дискомфортно и пытается переосмыслить сложившуюся ситуацию. Представив, что шумный трактир — это тропический жираф, громоздкий, непрестанно растущий, тянущийся, герой мысленно переносится в необыкновенное, волшебное пространство, где возможны невероятные превращения, удивительные события, которое наполняют необыкновенные образы.

Созданная фантазией героя красочная, экзотическая, «мистическая» страна порождает и магическое время, указанное Канадовичу дюжиной пауков, — полночь — момент угасания одних суток и зарождения других. Появление в анализируемом произведении образа паука, непрерывно плетущего свою паутину, неслучайно: в древней мифологии паук символизировал не только неотвратимость судьбы, неумолимое движение реального времени, но и воспринимался как «вечный ткач паутины иллюзий»[14], как создатель элементов мифического пространства в действительности.

Именно в это необычное пространство, в загадочное время по воздушному пути к взволнованному герою в образе девушки, дочери хозяина пивной, через открытое окно прилетает вдохновение. В первый момент девушка кажется Канадовичу двоюродной сестрой, что передаёт родство и нерасторжимое единство

художника и творчества. Герой наблюдает, как у родившегося в его воображении видения вырастают крылья, как, оторвавшись от пола, оно низко парит над столами и прилавком: героиня, «раскрылившись, незаметно трепетала над полом»[15]. Девушка и ночь объединены невидимой тончайшей нитью, они обусловливают существование друг друга. Так, Канадовичу видится, как на фоне тёмного неба вырисовывается облик девичьего лица («с ночной ресницы окна готов был, дрожа, скатиться какой-то женский профиль»[16]), затем из сумрака появляется и сама девушка, которая, покружившись в воздухе, постепенно растворяется в нём, очертания её фигуры плавно перетекают в бесконечность темноты и рассеиваются в ней. Однородность, близость образов ночи и воздушной девушки в анализируемом произведении подчёркивается и общей цветовой гаммой. В воссоздании образов доминируют мягкие, спокойные, приглушенные серо-голубые тона, передающие волшебную, таинственную атмосферу, делающие пространство привокзальной пивной призрачным, полупрозрачным, неземным. Однако и в портрете необычной девушки, и в ночном пейзаже используется тёмный цвет, притягивающий взоры окружающих, никого из присутствующих не оставляющий равнодушным (девушка имеет «чёрную эпидемию глаз»[17], подчеркивающих ее магические способности, а ночь — таинственный мрак, убаюкивающий персонажей).

Героиня и ночь обладают «волшебником»-волчком, жужжащим, подчиняющим своему однообразному пению сознание посетителей трактира, приковывая их внимание к себе, увлекая за собой в удивительное круженье, но одновременно заставляя искать опору на земле. Два волчка, два мира (обыденный и неземной) связаны друг с другом воздушным пространством, благодаря которому происходит их перекликание, пересечение, обмен своими функциями. Так, когда маленький земной волчок затихает, прячется, исчезает, то «там на свете отзывается большой старший волчок, <...> переняв <...> голубое жужжание»[18]. С мотивом кружения, непрерывного вращения, вечного движения связано обновление городского пейзажа: реальность, попав в воздушную воронку, оказавшись под влиянием монотонного звука и под властью лунного света, окрашивается ночью в серебристый, поблёскивающий, светящийся цвет, обретает волшебные черты, а утром, устав от кружения, утратив таинственную прелесть, становится «сыпучим пеплом»[19].

Очнувшийся от волшебных чар, вернувшийся в реальное измерение Канадович ощущает свою причастность к полёту, ему кажется, что окно пивной, чудесным образом воспарив в воздухе, оказывается на невероятно высоком уровне над землёй, оно словно поднимается на 11-й этаж и застывает в воздушном пространстве над городом. Взмыв над крышами домов, приблизившись к сияющей луне и мерцающим звёздам, герой смотрит на земной мир с другой точки зрения, воспринимая реальность как беззащитное создание перед лицом вечности. Творчество осознаётся им как плодотворное взаимодействие действительности и фантазии.

Показательно, что воздушный путь открывается герою именно ночью, которая связывается в произведениях Б. Пастернака с творчеством и творцом. В автобиографической повести «Охранная грамота» Б. Пастернаком описывается тот момент, когда он впервые почувствовал упоение «стихописанием». Это со-

бытие происходит в Марбурге, ночью, одухотворенной в воображении автора: «Была ночь из тех, что с трудом добираются до ближайшего забора и, выбившись из сил, в угаре усталости свешиваются над землёй»[20]. Писатель, поглощённый творчеством, как и его герой Канадович, видит только «чёрный профиль неба, бессильно прислонившегося к плетню»[21], и множество звёзд, но различает на фоне этого ночного пейзажа образы причудливых цветов, чувствует, как их аромат переходит в небесную сферу, ощущает, что небо и земля сливаются, проникают друг в друга. Волшебная атмосфера ночного города вдохновляет художника на творчество: ночь охватывает, окутывает художника со всех сторон, растворяет его в себе, обеспечивает одиночество творческой личности, способствующее более плодотворному созерцанию окружающей действительности. Внутреннее состояние героя созвучно загадочной атмосфере, царящей в Марбурге ночью. Образ одушевлённой ночи, озарившей красотой мир, наделившей обыденное пространство сказочными, таинственными чертами и утомлённой своим творчеством, передаёт те ощущения, которые испытывает художник, создавая произведения искусства: радость от творческого процесса, полную отдачу своих эмоций и впечатлений миру.

Немаловажным оказывается то, что герои ранних прозаических произведений, Канадович и Реликвимини, совершают свой воздушный путь весной, когда просыпается всё живое, когда со стремительной скоростью меняется, обновляется всё вокруг, контуры знакомых предметов становятся нечёткими, прозрачными и души юношей ожидают любовь. Произошедшее в мире преображение удивляет и поражает воображение и Реликвимини, и Канадовича, раскрывая им особенности творческого процесса: предметы и явления реальности тонко, изящно, едва заметно ведут игру друг с другом, перемещаются, варьируются, вовлекая в это удивительное действие художника, побуждая его угадывать, какой образ возникнет в следующую минуту.

Проходя воздушным путём к своему художественному совершенствованию, герои юношеских произведений Б. Пастернака обращают своё внимание на малейшие проявления действительности, начинают дорожить земными реалиями, запечатлевают в своём творчестве привычный мир, воспринятый ими в интересном, неожиданном ракурсе, ощущают непредсказуемость жизненных поворотов. Художники понимают, что сама действительность, переосмысленная, озарённая креативным порывом, рождает творчество.

Так, в творческой концепции Б. Пастернака воздушный путь позволяет раскрыть характер художника, всегда готового любоваться жизнью, не вмешиваясь в её движение, не нарушая её законов. Истинный творец, по мнению писателя, может взлететь над землёй, впустить в себя действительность, иногда страдая и жертвуя собственным счастьем, переосмыслить её, не исказив, принять позицию наблюдателя и благодарно, радостно и трепетно запечатлевать в своих произведениях вечный мир, раскрывая потаённый, глубинный смысл, завуалированный внешней формой предметов и явлений бытия.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Горелик Л.Л.* Ранняя проза Пастернака: миф о творении. Смоленск, 2000. С. 31-32.

2. Там же. С. 30
3. *Поливанов К.М.* Пастернак и современники. Биография. Диалоги. Параллели. Прочтения. М., 2006. С. 22.
4. *Пастернак Б.Л.* Когда Реликвимини вспоминалось детство... // Собрание сочинений. В 5-ти т. Т. 4. М., 1991. С.733.
5. Там же. С. 732-733.
6. Там же. С. 732.
7. *Горелик Л.Л.* Эволюция темы творчества в лирике Пастернака. // Известия Рос. АН. Серия лит. и яз. 1998. Т. 57. № 4. С. 14.
8. *Пастернак*. Когда Реликвимини вспоминалось детство... С. 734.
9. Там же.
10. Там же. С. 735.
11. Там же.
12. Там же. С. 730.
13. Там же. С. 729.
14. *Турскова Т.А.* Новый справочник символов и знаков. М., 2003. С. 447.
15. *Пастернак Б.Л.* У Дорогомиловской заставы // Собрание сочинений. В 5-ти т. Т. 4. М., 1991. С. 724.
16. Там же. С. 723.
17. Там же. С. 724.
18. Там же.
19. Там же. С. 725.
20. *Пастернак Б.Л.* Охранная грамота // Собрание сочинений. В 5-ти т. Т. 4. М., 1991. С. 189.
21. Там же.

AIRY WAY IMAGE IN B.PASTERNAK'S EARLY PROSAIC WORKS

E.Yu. Kotukova

The article is devoted to the analysis of B. Pasternak's early prosaic works «When Relikvimini Recollects of Childhood» and «At Dorogomolov's Outpost». The author of the article investigates the image of the airy way which, according to B. Pasternak's creative concept, allows revealing the character of a creative person to emphasize features of character's world perception and showing the anxious attitude of the artist to a creative process.

© 2008 г.

И.А. Якунина

АВТОР И ГЕРОЙ В ПРОЗЕ А.БИТОВА 1960-х годов

Понимание целостности художественного произведения связано с организующим центром — образом автора. Рассматривая произведения с точки зрения проблемы автора, мы имеем возможность определить отношение автора и героя, увидеть художественное воплощение авторского сознания, субъектные и внесубъектные способы и формы его выражения.

В произведениях А.Битова 60–70-х годов формируется одна из основных тем его творчества — поиск «утраченного я». «Мое Я растворено в авторском до такой степени, что я себя перестал обнаруживать»[1], — говорит А. Битов в автобиографии «В поисках утраченного Я» и тем самым обозначает проблему авторского «я» и «не-я» — границу между «я» Андрея Битова, «я» автора и «я» героя. Сознание героя, как справедливо заметила И. Роднянская, «служит автору окном в реальность, как практическое поле самоанализа»[2]. Поиск автопсихологическим героем своего «я», своей самости становится характерным признаком ранней прозы Битова.

Художественное пространство рассказов А. Битова пронизано ощущением разорванности сознания героя, отсутствием опоры, балансированием на ее грани. В романе «Пушкинский дом» Битов назовет такую жизнь «несуществованием». Мир дан как описание мира, и автор постоянно демонстрирует возможность разных его состояний. М. Абашева назвала принцип повествования раннего Битова «антропоцентрическим»[3]: здесь герой является объектом повествования, ведущегося от третьего лица. Герой рассказов 60-70-х годов находится в поиске утраченной реальности и «утраченного я», сомневается в факте собственного существования, обнаруживая во всем фиктивность жизни. Даже внешность такого персонажа крайне неустойчива и подвержена постоянным изменениям. Персонажи рассказов «Фиг» (1959), «Пятница, вечер» (1960), «Жены нет дома» (1960), «Юбилей» (1960), «Автобус» (1960–1961), «Большой шар» (1961), «Бездельник» (1961), «Но-га» (1962) с большим трудом идентифицируют свое «я», ищут свое отражение в зеркале, в окне автобуса, в витрине магазина, но не находят его: «...вечер, автобус светится изнутри — и своего отражения в автобусном стекле не разглядеть»[4], — замечает повествователь в рассказе «Пятница, вечер». Герой рассказа «Бездельник» удивляется, глядя на себя в зеркало: «То стою перед ним высокий и стройный, и лицо красивое, подтянутое, черты правильные и резкие, то невозможно толстая оладья — не понять вообще, есть ли эти черты»[5]. Подобное ощущение себя можно встретить и в автобиографии Битова, когда автор вспоминает события 1948 года — свою учебу в школе на Фонтанке: «Я доехал до конца перил и влетел в зеркало. И я не узнал этого мальчика»[6]. Таким образом, нецельность внутреннего мира — состояние не только героя, но и самого автора.

Миг расподобления, обнаружения немонолитности субъекта в раннем творчестве Битова — по-своему некий акт инициации, свидетельствующий о рождении единственно его, Битова, специфического авторского сознания. Быть

может, поэтому героями рассказов «Бабушкина пиала», «Фиг», «Большой шар», «Бездельник», «Но-га», «Дверь» становятся дети и подростки.

Именно в детстве происходит первый акт осознания себя как личности, неповторимой и отдельной от других. Вот как этот момент фиксируется в автобиографии: «И вот съезжаю я вниз, к зеркалу, а по противоположному маршу, через ступеньку, бегут вверх однокашники, и один кричит мне через пролет: «Андрюха! А мы только что о тебе говорили», — вспоминает Битов, — «Что-то оборвалось во мне и не вернулось: как же так?! Меня с ними не было, а обо мне говорили...»[7]. В рассказах о детстве субъективность автора выражается не прямо, а передоверена двойнику — себе в юном возрасте. «Авторизация» персонажей Битова заключается в наделении их собственными биографическими или психологическими особенностями (блокадное детство, жизнь на Аптекарском острове, учеба в школе на Фонтанке), хотя, безусловно, не может быть и речи об их отождествлении с конкретной писательской личностью.

Второклассник Зайцев, герой рассказа «Но-га» (1962), ощущает мир сжатым, сомкнутым в одной точке боли: его сломанная нога уже не «нога», а «но-га». Стараясь произвести впечатление на товарищей, Зайцев самоотверженно совершает «подвиги»: пролезает под колючей проволокой, плывет на льдине, курит, съезжает по деревянным столбам. Битов показывает противоречивость, изломанность мироощущения ребенка. Зайцев всегда мечтал, чтобы у него были друзья: «Он всегда ждал дружбы, и она не удавалась, как-то он не был нужен, а в его возрасте это стало важнее всего»[8]. Но теперь, когда его наконец-то приняли в компанию, он все больше ощущает одиночество, свою затерянность в мире:

«Странный фонарь висел под аркой и раскачивался чуть-чуть. Впереди была пустынная улица, и фонари на ней горели через один.

— Ну вот, — сказал первый.

— Ты уже дома, а нам еще идти далеко-о-о, — сказал второй, и жалобное его «о-о» показалось бесконечным.

Зайцев понял, что остается один»[9].

Вынужденное одиночество заставляет героя прислушиваться к себе: терпеть боль, испытывать чувство вины по отношению к отцу, о дне рождения которого он забыл. Динамичные отношения между субъективными позициями автора и персонажа воссоздаются посредством полифонического слова. Речь повествователя обретает сложную структуру. Теряется связность и непрерывность, повествование от третьего лица трансформируется в монологическую внутреннюю речь от первого лица:

«Первый шаг почти лишил его сознания, но потом, как уже было около белого здания, все прояснилось и почти можно было идти. Во всяком случае, держась за решетку, он делал шаг за шагом.

Молодец, нога. Ты у меня очень хорошая нога. Ты изумительно прекрасная, любимая нога. Ты идешь вместе со мной. Не отстаешь, хотя тебе очень больно. Спасибо, нога.

Боль нарастала, но он уже понял, что останавливаться нельзя»[10].

Автор таким образом строит повествование, что разные точки зрения оказываются в «диалогическом единстве», прямая речь переходит в несобствен-

но-прямую. Ритмика и лексика внутреннего монолога варьируются в зависимости от «выступающего» сознания. В монологе Зайцева, обращенном к больной ноге, звучат наставительно-воспитательные ноты родителей и учителей: «Неужели ты хочешь огорчить папу в день рождения? Не верю, ты прикидываешься злой... Неужели ты не хочешь поздравить его? Он к тебе всегда так хорошо относился. Нельзя быть такой неблагодарной. <...> Как ты ведешь себя сегодня? Я тебя не узнаю. <...> Лучше тебе исправиться. Это ведь тебе нужно, не мне». В роли «выступающего» сознания могут звучать и грубые и жестокие фразы отца: «Вот как двину сейчас тобой о решетку — и дух из тебя вон! <...> А я тебя кормил, поил, обувал. Неужели ты так неблагодарна...». В кульминации внутреннего монолога обнаруживается сказово-притчевый дискурс: «Я подарю тебе три дворца — серебряный, золотой, и бриллиантовый... Я тебе их все отдам. Там тебя будут кормить лучшими блюдами и винами!», «Не боли, родная ноженька. Ради бога и Христа ради...»[11]. Композиция внутренних монологов, их лиризм — все подчинено одной цели: сделать видимой, воспринимаемой работу сознания, уловить и воссоздать момент дисгармонизации духовного строя героя.

Дисгармоничность мироощущения ребенка подчеркивается и в названии рассказа — «Но-га». Почти физически ощущаемая боль, которая передается разрывом слова, также стирает грань между восприятием происходящего в сознании повествователя и героя. Примечательно, что писатель несколько раз менял название рассказа. Впервые произведение было опубликовано в журнале «Семья и школа» № 3 в 1966 году под названием «Победа». Вероятно, первая редакция названия была созвучна оптимистической концепции журнала и подразумевала победу над болью, преодоление себя. Второй вариант названия появился в одноименной книге «Аптекарский остров», вышедшей в 1968 году. Аптекарский остров — это район Ленинграда, с которым были связаны детские воспоминания автора, в том числе и самые страшные — воспоминания о блокаде, эвакуации. Э. Чансес справедливо указывает на связь между биографией А. Битова и историей его героя: «...писатель, как и маленький Зайцев, вернулся во время Второй мировой войны в Ленинград из эвакуации. Первый год ленинградской блокады Битов провел в городе. В марте 1942 года мать увезла Битова и его брата Олега по «Дороге жизни», — сперва на Урал, а потом в Ташкент. В 1944 году Битов вернулся в Ленинград и поступил в первый класс»[12]. Третий вариант названия появился в конце 1980-х годов, когда у писателя возникла возможность написать «предисловие к собственным трудам»[13]. Как нам представляется, в переосмыслении названия рассказа сказалось изменение авторской концепции. Если первые два названия либо объективировали отношение автора к повествованию, либо помещали рассказ в «мемуарно-автобиографическую» канву, то в последнем, названии «Но-га», Битов стремился подчеркнуть конфликт между героем и окружающим его миром. Постигая суть человеческой индивидуальности Зайцева, Битов пытается разрешить противоречие «я» и «не-я». Каждое слово в напряженном, драматичном повествовании обретает двойное звучание. Кроме самосознания главного героя в тексте интенсивно реализуется и авторское сознание.

В рассказах 60-70-х годов Битов постоянно пребывает в поиске адекватного

выражения осознающего себя «я». Как известно, идентичность как условие человеческого существования предполагает наличие имени.

Герой рассказа «Большой шар» (1961) предстает перед читателем в двух ипостасях: его внутреннее «я» реализуется через сознание девочки Тони, в то время как в глазах отца он — мальчик Антон. Вместе с тем инверсия пола героя помогает писателю обозначить причудливые трансформации собственного сознания. Битов противопоставляет реальности, в которой живет героиня, иное измерение. В поисках красного воздушного шара, «такого круглого и прекрасного», какого «и не бывает вовсе», Тоня-Антон путешествует по городу, «такому солнечному красивому и пустому, ...волшебному»[14]. «Изумрудный», «солнечный город» — это особое пространство, в котором случаются необыкновенные вещи: звенят колокольчики, плавают золотые кораблики. Волшебство момента помогают передать и звуки: «трень-бом-динь». Однако несмотря на то, что героиня рассказа старается как можно дольше сохранить в себе ощущение волшебства, происходят постоянные «выпадения» в реальность: ей мешают то скрипучий голос старухи, то тридцать рублей, которые нужно заплатить за волшебный шар, то пинки и щипки дворовых мальчишек. Эффект смещенной реальности создается благодаря использованию излюбленного битовского приема: в повествование от третьего лица врываются оценочные интонации героя: «Что тебе, девочка?» — спросила женщина. Она была нарядная и красивая, меховая»[15]. Эпитет «меховая» выдает стремление маленького человека к теплу, уюту родного дома.

Автор не только «улыбается» тому, что «знает только она»[16], Тоня, но и мотивирует иррациональные переживания девочки. Читателя не удивляет неожиданное соединение мужского и женского начал. Оно естественно и органично, ибо, по Битову, внутри «я» — «все правда». В рассказе ярко выражена личностная установка писателя. В его художественной фантазии отражаются сознательные и бессознательные психические процессы, давая вторую жизнь мыслям и чувствам героини. Тоня, лишенная материнской любви, забывает о негативных моментах жизни. Объект ее мечтаний, красный шар, — это некое послание, знак, который исходит от матери. Тоне снится сон (реализованное бессознательное), в котором героиня получает в подарок от умершей матери большие красные брюки. «Большой шар» один из немногих (если не единственный) рассказ Битова, где героиней оказывается девочка. Отец Тони, бывший военный, мечтал о сыне, не случайно в начале и в конце рассказа, он называет девочку Антоном. В «ощущении нетождественности самому себе»[17] писатель видит необходимое условие развития личности. В то же время ощутить свою «самость», «тождественность», по Битову, можно только пережив несоответствие в себе.

Иной опыт самопознания приобретает герой рассказа «Дверь» (1960). Хотя авторское слово в рассказе подчеркнуто объективно: «Мальчик промерз под аркой», — оно постоянно «притягивает» оттенки восприятия, свойственные герою. Второе замечание-ремарка — «Уже полчаса прошло» — имеет двойное звучание: инверсия слов и добавление разговорного «уже» переносит действие в план героя. Третье умозаключение целиком принадлежит подростку: «Конечно, раз она так опоздала, то она сюда и не зайдет»[18].

Полуобморочное состояние от бессонной ночи, ласковый голос женщины

заставляют мальчика поверить ее уговорам и усомниться в собственном восприятии реальности: «Так оно и было, как она говорит. А я свинья»[19]. Автор в тонкой пейзажной зарисовке подчеркивает это состояние полуправды, полусна: «Серый, теплый, туманный день. Все было каким-то неверным от тумана. И дома, и машины, и люди. Все вдруг возникало и вдруг исчезало. Легкое, невесомое. Словно приснившееся». Не случайно последняя фраза в рассказе: «Все именно так и было»[20], — принадлежит одновременно и герою, и собственно автору, для которого оценочное отношение к миру и человеку существует изначально, оно сопровождает процесс самоанализа и осознания своего места в реальности. Повествователь находится в диалогических отношениях с героем, которому предоставлено право полного самовыражения. Он ведет своего героя от «казалось» к «оказалось», то есть новому видению жизни. Вместе с тем, в рассказе «Дверь» обогащается интонационная окраска слова, посредством чего автору удается одновременно и самоустраниться, и присутствовать в «чужом», неавторском слове.

Нередко находясь в поиске собственного «я», герои ранних рассказов Битова оказываются в психологической изоляции. Персонаж рассказа «Но-га» ощущал чувство вины перед друзьями и родителями из-за того, что не смог оправдать их надежд. Зайцев не выполнил обещание, данное матери и отцу, не показал себя отчаянным и смелым перед друзьями, и потому стыдился, не хотел принять себя таким, каков он есть. Повзрослевший герой из рассказа «Далеко от дома» (1961, 1963) также ощущает себя одиноким, никому не нужным. Он «притерпелся, привык» к «нудно-протяжным будням»[21]. В качестве студента-дипломника Сергей приехал в деревню Филипповку на буровую, которая чаще ломается, чем работает, и у него нет надежды на то, что это когда-нибудь закончится: «И так же, наверное, приходит старость, и уходит любовь, и иссякает идея, и совершается всякое дело...»[22]. Жизнь Сергея превращается в подобие жизни: он выполняет работу, которая не нужна ни далекому начальству, ни местным жителям. Также призрачен и ненадежен мир природы: край, куда приехал герой, «славился рекордным количеством солнечных дней в году»[23], но там которую неделю не проходит густой туман. Вместо реки герой видит лишь каменистое русло, а узенькая осыпанная полоска на берегу — тропинка. Настоящее тает, остаются одни подобия его. Каждый день Сергея похож на другой, герой научился легко находить дорогу в тумане, и «сбивался лишь, когда задумывался»[24].

В рассказе нет внешнего развития событий, повествование ведется от третьего лица, рассказчик предельно отстранен от героя. Выбиваются из повествования размышления Сергея по поводу письма из дома. До этого момента Сергей не давал оценок происходящему, его жизнь, его чувства и переживания описывались в третьеличной форме. В размышлениях над письмом появляется я-повествование, обозначающее внутреннее действие. Чувства героя накладываются на те оценки, которые ранее давал автор: «Все так похоже: и дни короче, и чувства слабее, и радость и восторг все бессильнее... все похоже, все подобно. Это подобно тому, а то — этому... И, как открытия, — узнавания этих подобий. Весь наш опыт в этом. Только вдруг спросишь себя: да, конечно, подобно, кто спорит, все — подобно, но только — подобно чему? Что это «одно», чему все

подобно? Что это?.. — и обнимешь пустоту...»[25]. Слово автора и слово героя звучат в унисон. Сергей впервые признается самому себе в душевном онемении. Необходимым условием самоидентификации, по Битву, является момент «обнаружения» подобий. Это важное для автора обстоятельство подчеркивается и структурно. Размышления Сергея разрывают рассказ на две части. В первой части туман поглощал не только видимые предметы, но и сознание самого героя. Во второй — герой «выбирается» за пределы Филипповки. Сергей встрепенулся, узнав о том, что впервые в космос полетел человек, проявил себя как начальник - достойно разрешил проблему с утонувшей козой. Эти события вносят изменения в скучную жизнь Сергея, пробуждают новые чувства в нем. Тем самым расширяются пространственные и устанавливаются временные параметры существования героя. Речь повествователя и речь героя трансформируются в несобственно-прямую речь, которой подчеркивается интенсивная работа просыпающегося сознания Сергея. Впервые не только автор смотрит на героя со стороны, но и сам Сергей думает о себе, как о другом: «Думал он и о том, как отнесутся к его поступку в бригаде»[26]. Медленно тянувшееся время впервые «прыгает», туман «уменьшается» и появляется солнце. Рассказ «Далеко от дома» заканчивается диалогом между Сергеем и его подчиненным Саней. Диалогическое слово у Битова оказывается результатом саморефлексии, самопостижения. Только познав себя, не лукавя, не обманывая, сможешь понять и других.

Ощущение «нетождественности себе» преследует героев ранней прозы Битова. Их поиск «подлинности», «воплощенности» несколько специфичен. У Битова читатель не находит последней правды. Сам автор так же, как и герой, страдает от отсутствия веры, расколотости своего «я». В дневниковой записи «Молитва» (1963) встречается характерное признание: «Много лет спасаешь себя надеждой на будущую весну, пока однажды не сможешь спрятаться от мысли, что за весной обязательно приходит осень, — и тогда отчаяние, и тогда уже не надежда на будущую весну, которая, как ты уже знаешь, ничем не отличается от прочих и не утверждается на век, а лишь надежда на надежду слабо утешает тебя, то есть ты еще надеешься, что умудренность твоя пройдет, воскреснет глупость, жизнь, и ты еще раз, несмотря на весь свой опыт, поверишь в ту же самую весну. Еще и так проживешь некоторое недолгое время с надеждой на надежду, потом поймешь и этот автообман и не сможешь, даже притягивая к себе обман, желая поверить в него, убедить себя в том, что еще раз способен поверить в него. Ну ладно, когда тебе станет ясна и относительность относительности, что же останется тогда? Тогда окончательно мудрость, смерть, небытие?..»[27]. Таким образом, в произведениях 1960-х годов Битов пытается остановить, зафиксировать реальность, но каждый раз эти попытки оказываются тщетными. Писатель констатирует, что его «письмо обернулось в свою противоположность», что в этой игре он «был вполне искренен <...> да ведь и не одна игра была в этом»[28].

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Битов А.Г.* Неизбежность ненаписанного: годовые кольца 1956–1998–1937. М., 1999. С. 11.

2. *Абашева М.П.* Литература в поисках лица (русская проза в конце XX века: становление авторской идентичности). Пермь, 2001. С. 97.
3. Там же. С. 96
4. *Битов А.* Собрание сочинений в 3-х томах. Т. 1. Повести и рассказы. М., 1991. С. 23.
5. *Битов А.* Жизнь в ветреную погоду: повести и рассказы. М., 1999. С. 7.
6. *Битов.* Неизбежность ненаписанного. С. 9.
7. Там же. С. 9.
8. *Битов.* Собрание сочинений в 3-х томах. С. 70.
9. Там же. С. 78.
10. Там же. С. 79.
11. Там же. С. 79-80.
12. *Чансес Эллен.* Андрей Битов: Экология вдохновения. СПб., 2006. С. 93.
13. *Битов.* Собрание сочинений в 3-х томах. С. 5
14. Там же. С. 61.
15. Там же С. 61.
16. Там же. С. 69.
17. *Абашева.* Ук. соч. С. 99.
18. *Битов А.Г.* Сочинения: В 2 т. Т. 2. С нами и без нас: Роман-пунктир. Повести. Из дневников. Екатеринбург, 2004. С. 5.
19. Там же. С. 15.
20. Там же. С. 15.
21. *Битов.* Собрание сочинений в 3-х томах. С. 109.
22. Там же. С. 110.
23. Там же. С. 107.
24. Там же. С. 107.
25. Там же. С. 110.
26. Там же. С. 115.
27. Там же. С. 228.
28. Там же. С. 197.

AUTHOR AND HERO IN A.BITOV'S PROSE OF 1960-s

I.A.Yakunina

The article submits the analysis on early works of one of the most original writers of modern Russia — A. Bitov. The author of the article examines the author and the hero's relations, forms of expression the author's consciousness, defines character of interaction within the narrative structures by the example of stories «Fo-ot», «Big sphere», «Door», «Far from house». The hero of A.Bitov's early works experiences «discrepancy in itself» which is a necessary condition for development of the person. The discrepancy of consciousnesses in Bytov's prose of the sixties is a determining condition to both the hero and the author.

© 2008

Е.В. Макарова

ДРАМАТУРГИЯ Э. БУЛВЕР-ЛИТТОНА В ПЕРИОД РОМАНТИЗМА

Среди английских драматургов XIX века имя Эдварда Джорджа Булвер-Литтона занимает самое видное место. Исторический вестник за 1884 г. отмечал, что писатель «почти пол столетия ... занимал собою внимание интеллигентной Англии. ... Романы его пользовались большим успехом и драмы, как «Richelieu» и «Lady of Lions», игрались на театре Англии чаще, чем какие-либо другие произведения»[1].

Как романист и как драматург Булвер-Литтон получал различную оценку. Хью Уокер отмечает, что необычайная многогранность деятельности Булвер-Литтона придавала ему особую популярность: «Несмотря на все недостатки, в его драмах есть что-то непередаваемое, что придает им жизнь и действенность. Лучшие, чем он, поэты писали более яркие пьесы, которые проваливались; но Литтон как-то умеет задеть правильный нерв и достигает цели»[2]. Вероятно, широкая популярность Булвер-Литтона объяснялась тем, что он умел чувствовать дух времени и писал о том, что волновало людей его эпохи.

Как подчеркивает Дж. Честертон, «Булвер был яркой фигурой своего времени, и без него невозможно представить себе викторианскую эпоху»[3]. Сильной стороной наиболее успешных пьес Булвер-Литтона была их сценичность. Булвер-Литтон хорошо разбирался в возможностях сцены и понимал вкусы публики. В своей статье о драме он написал, что считает «великолепие» неотъемлемым компонентом спектакля, а публика по-настоящему влюблена в это великолепие. Поэтому идти против течения бессмысленно.

Преувеличенные похвалы современников сменяются позднее более сдержанной, а иногда и критической оценкой. Анализируя драматургию писателя, Т. Дикинсон признает популярность его главных произведений, но находит, что он не пытался выразить дух эпохи и обращался только к внешней зрелищности.

В. Мюллер в 1901 году критикует образы выведенных Булвер-Литтоном героев, считает, что в пьесах, написанных белым стихом, его язык недостаточно естественен, но в то же время отмечает сценичность его пьес, из которых две — «Лионская красавица» и «Ришелье» — все еще ставятся на сцене.

Х. Уокер писал свое исследование в начале XX столетия, когда творчество Булвер-Литтона подвергалось резкому критическому переосмыслению. Но все же он не мог не признать роли драматурга в истории театра XIX века, ибо «человек, который написал две из очень немногого числа пьес, продержавшихся на сцене со своего появления и до настоящего дня и пользующихся популярностью, которую не имели никакие представления со времен комедий Шеридана, — это автор, явно заслуживающий внимания и изучения».

Булвер-Литтон был хорошо знаком с достижениями европейских романтиков в области драматургии. К французской культуре писатель относился с осо-

бым вниманием, отмечая тесную связь французского романтизма с классицизмом и Просвещением. По мнению Ч. Шэттака, «как в тематике, так и в манере письма драматических произведений Булвера, чувствуется его увлеченность французами ... появление в театре Гюго, Дюма старшего, Делавиня и других явилось для него ободряющим примером, чтобы рассматривать театр как подходящую возможность для выражения республиканских идей»[4].

Ю. Кагарлицкий отмечает: «В Англии через мелодраму осуществился в известной степени переход от драматических форм прежних веков к драматической манере двадцатого века, и Булвер был одним из немногих английских драматургов, которые способствовали такому переходу»[5].

Основой для исторических устремлений драматургии Булвер-Литтона романтического периода был анализ революционных событий во Франции, потрясших его поколение. Действие пьесы «Герцогиня де Лавальер» (1837) происходит в годы царствования Людовика XIV. Булвер-Литтон за пышностью двора «Короля-Солнце» умел разглядеть будущее французской монархии. Автор укоряет аристократов, которые в погоне за удовольствиями забыли назначение своего класса. Он полагал, что аристократы должны стать духовными наставниками народа, которые помнят, что «совесть — высший из духовных пастырей»[6]. Эту истину иллюстрируют герои пьесы — герцогиня де Лавальер и маркиз де Бражелон.

В реальной жизни изумительно красивая юная Луиза, ставшая впоследствии герцогиней де Лавальер, горячо полюбила короля, родила сына и дочь и в 25 лет, угнетенная безнравственностью ситуации, ушла в монастырь. Король признал детей, даровал им титулы и поместья, но вернуть возлюбленную не смог. Анализируя это произведение, Ч. Шэттак пишет: «Цель пьесы, так же как и цель романа, заключается не в том, чтобы воссоздать исторические факты, отдаленные и достаточно незначительные, а в том, чтобы изобразить трагическую нравственную борьбу, показать роковое воздействие непозволительной греховной страсти на судьбу женщины, рожденной для добродетели и любви».

В отношении характера героев, подходящих для сцены, Булвер-Литтон писал: «Страсти необходимы для трагедии. Все, что делает страсти слабыми и регулируемыми, полезно для нравственности, но не подходит для сцены. Хороший человек, который никогда не грешит против разума, — это прекрасный характер, но неинтересный герой»[7]. В данном случае автор допустил ошибку, о которой сам же предупреждал драматургов: его главные герои — Луиза де Лавальер и маркиз де Бражелон добродетельны, но неинтересны.

Король Людовик XIV, окруженный придворными льстецами, занятый увеселениями, думает лишь о собственных удовольствиях и совершенно равнодушен к чувствам других. Королю противопоставлен образ маркиза де Бражелона — олицетворение мужества, чести и благородства. Этот могучий воин, прославившийся на поле боя, преданно любит Луизу и, даже отвергнутый, продолжает ей верно служить.

Осуждение нравов двора не означает у Булвер-Литтона осуждения аристократии вообще. Симпатии драматурга к старинной аристократии чувствуются в изображении главных героев. Отец Луизы был храбрым воином, честно служившим своей родине. Верность сюзерену шла от старых рыцарских идеалов,

которые хранила семья: не думая о богатстве, служить своему королю и больше дорожить благом страны, чем своим собственным. Только на таких людей может положиться монарх, ибо в трудную минуту единственная опора короля — это преданность его подданных, один из которых, Бертранд, говорит: «Наша честь не ржавеет, как и наша сталь».

В предисловии к пьесе Булвер-Литтон пишет о том, что Людовик уничтожил дух аристократии, поэтому Бражелон остается в одиночестве, как последний из такой породы людей. Именно в уста Бражелона, как безупречного подданного и человека, вложены критические оценки в отношении монархии Людовика XIV: народ стонет под тяжестью наложенных на него податей. Но нельзя забывать — «народ подобен воздуху, его не замечаешь, пока не разразится ураган».

Бражелон, уже ставший монахом, бросает горькие истины в лицо самого всемогущего короля: «Вы король. Мир называет вас «Великим»; ценой миллионов жизней солдат куплены ваши почести; миллионы крестьян умерли от истощения при строительстве Версаля; ваш народ голодает, но ваш двор великолепен!»

Бражелон призывает короля открыть глаза на происходящее и не думать, будто земля была создана для королей. Он вспоминает судьбу Карла I, окончившего жизнь на эшафоте и предостерегает: «Берегись, гордый король!» Он надеется, что очистятся души сильных мира сего: «Склоните голову, короли, перед высшим духовным пастырем — Совестью!»

Однако ни великолепие постановки, ни напряженность интриги не могли искупить растянутости и навязчивой дидактики произведения. Слишком «правильные» герои оказались скучными. Об этом хорошо сказал Владимир Агеев: «Искусство должно парадоксальным образом тревожить человека... Театр должен быть в хорошем смысле провокационным... Театр должен достучаться до сердца, не только до мозгов. Но если все два часа только про душевное, то спектакль может и не выстрелить. Если зрителю все понятно, если нет этого священного обмана, за которым зритель идет в театр, то наступает скука, тоска смертная»[8]. Ведь несовместимость — великое таинство литературы.

Булвер-Литтон многое заимствовал у французских романтиков, но был далек от их бунтарской смелости. Джордж Роуэлл отмечает: «Большинство пьес Булвера вдохновлено французскими примерами. Однако они не имеют того поэтического воодушевления, как у Гюго»[9]. По мнению Ч. Шэттака, Гюго мог решительно говорить, что «романтизм — это либерализм в литературе», но Булвер-Литтон был далек от таких смелых высказываний.

Однако уже следующая пьеса Булвер-Литтона «Лионская красавица» (1838), продержавшаяся на английской сцене более 40 лет, принадлежит к лучшим образцам английской драматургии XIX века. Герой пьесы Клод Мельнот, сын простого садовника, любой ценой рвется к успеху, чтобы завоевать любовь лионской красавицы. Ради того, чтоб быть достойным Полины Дешапель, он стремится овладеть науками, искусствами и проникнуть в тайны светского обхождения, отправляется под знаменами генерала Бонапарта в Итальянский поход, получает чин полковника и ухитряется разбогатеть. В образ героя автор вкладывает новую концепцию аристократизма — аристократизма личных заслуг.

Мельнот, талантливый разночинец, надеялся, что после революции дороги к образованию и престижной службе откроются для всех сословий. Возросшее чувство собственного достоинства, новые возможности наполнили его душу жаждой реальных жизненных успехов. Однако главной побудительной причиной для развития была любовь к лионской красавице.

Герой через крестьянина Гаспара посылает ей изысканные цветы и стихи, полные почтительного восхищения. Он ждет ответа, того самого, что некогда безвестный трубадур получил от королевы Наваррской: «Хочу увидеть певца, сумевшего поведать миру о том, как я прекрасна!»[10]. Но, узнав, что автор — крестьянский сын, бессердечная высокомерная девушка отвергает его любовь: письмо возвращено, а посланца поколотили. Чувство возмущенного простолюдина отчетливо звучит в этой сцене: «Подумать только — поднять руку на французского гражданина!». Обескураженный Мельнот не может понять, в чем же его вина. Ведь в письме «нет ни единой строчки, которой верный раб не смел бы написать императрице».

Булвер-Литтон прослеживает эволюцию чувств девушки, ее нравственное перерождение, которое определяется, по замыслу автора, двойным заглавием пьесы: «Лионская красавица, или Любовь и Гордость». Полина преодолевает свое тщеславие и понимает ценность истинной любви. Герою удается завоевать сердце лионской красавицы. Мелодраматическая концепция пьесы побеждает реалистическую, но именно это и привлекает зрителя.

Хотя позиция Булвер-Литтона была достаточно умеренной, пьеса была воспринята как проявление либерализма. Дж. Роуэлл считает, что успех пьесы «объясняется обращением к либеральным настроениям, царившим в десятилетие после парламентской реформы». Того же мнения придерживается и Ч. Шэттак, который подчеркивает, что сюжет произведения оказался очень своевременным и отвечающим настроениям, поэтому пьеса «была полностью созвучна растущему в то десятилетие духу либерализма».

Для того времени пьеса имела прогрессивное звучание. На это указывает тот факт, что она вызвала неудовольствие реакционной критики. Как отмечает Эрнест Рейнольдс, «демократичность пьесы показалась при первом ее появлении слишком смелой»[11].

Заслуга Булвер-Литтона заключается в том, что он сделал шаг вперед в развитии театрального искусства Англии XIX столетия. Хотя ему оставались близки традиции мелодрамы, он обогащает ее новым содержанием. Как справедливо отмечает Ю. Кагарлицкий, «большая заинтересованность Булвера общественными и политическими проблемами сыграла благотворную роль в его драматургическом творчестве». В результате «Лионская красавица» стала одним из лучших образцов английской драматургии XIX века.

Лучшая, по нашему мнению, пьеса Булвер-Литтона — историческая драма «Ришелье, или Заговор» (1839), написанная белым стихом, продержалась на сцене полвека. Как по проблематике и умению представить исторические факты и образы, так и по форме пьеса является крупнейшим достижением драматургии.

Образ Ришелье у Булвер-Литтона — это образ государственного деятеля, который сыграл огромную роль во французской истории. Ришелье способствовал

полному объединению страны, созданию абсолютной монархии, укреплению роли Франции в Европе.

Автор увлекательно описывает попытки претендентов на французский трон свергнуть Людовика XIII, ослабив его физическим устранением кардинала Ришелье, который был фактическим правителем Франции. Ришелье значительно укрепил монархическую власть, подавляя дворянскую оппозицию и народные восстания, всегда был готов «давить врагов железною рукой, готовя им погибель и позор»[12]. При нем Франция отняла у Испании место ведущей европейской державы.

О своем понимании образа Ришелье Булвер-Литтон пишет в предисловии к пьесе, подчеркивая, что это был «человек двух характеров»[13]. Драматург отдает себе отчет в его непреклонности, мстительности, которая влекла за собой неразборчивость в средствах. Но поступки Ришелье следует понимать, исходя из нравов эпохи, в которую он жил, и из цели, ради которой он действовал. При слабовольном короле, легко поддающемся чужим влияниям, окруженный врагами, которые многократно устраивали против него заговоры, Ришелье не мог не действовать самым решительным образом, но при этом «он был не менее великодушен к заслугам, чем суров к преступлениям».

Ришелье умел выдвигать талантливых людей. Войны, которые он вел, были важны для будущего Франции и, в то же время, не истощали страну налогами. В результате он оставил государство в гораздо более процветающем состоянии, чем оно было в предыдущие периоды истории. Именно стремление к славе своего отечества определяло поступки этого крупного политического деятеля. Подобное понимание событий эпохи объясняет, почему в первых же строчках предисловия сказано: «Кардинала Ришелье, несмотря на все темные черты его характера, Вольтер и история справедливо считают зодчим французской монархии и отцом французской цивилизации».

При рассмотрении отношений Франции с иностранными державами беспомощности короля — «Король здоровьем слаб, умом еще слабее» — противопоставляется полезный для интересов страны тонкий политический расчет кардинала.

Автор стремится показать разные стороны характера Ришелье. Кардинал подозрителен, но щедр к тем, кто честно служит ему. Он «всегда готов платить большие деньги за сталь, когда она в руках отважных».

Ришелье способен вести двойную игру и, предвидя действия врагов, умеет поймать своих противников в их собственные сети. Он говорит, что надо всегда стремиться к соглашению, но если это невозможно, надо употребить все средства, чтобы раздавить врагов. Деспотизм и жестокость сочетаются в поведении Ришелье со справедливостью и беспристрастием, ибо он действует всегда из соображений государственной необходимости. Он отрицает обвинение в жестокости: «Мои враги зовут меня жестоким, я не жесток, я только справедлив».

Автор подчеркивает, что главное оружие Ришелье — слово! «Перо сильней меча, когда владеет им великий человек. Оно всесильно. Пред ним народы падают во прах, и кесари дрожат».

Булвер-Литтон, в отличие от Гюго, сумел увидеть в Ришелье не только тирана, не только человека, беспощадного к врагам, коварного и решительного, но

и подлинного борца за могущество Франции. Политическая прозорливость позволяет кардиналу верно оценивать ситуацию, и на просьбу английских монархистов спасти Англию он отвечает Людовику: «Вам Карла не спасти. Его соперник — Всесильный человек. Во главе народа Кромвель непобедим».

Ришелье — это живое олицетворение государственности. И автор вкладывает в уста кардинала, борющегося за сохранение единого и крепкого государства, многозначительные слова: «Почести, богатства — все суета, пустая суета. Бессмертны только слава и народ!».

Вольтер в своем «Опыте о нравах и духе народов» изображает кардинала в сложном сочетании его жестокости и заслуг, блеска и трудностей. Роскошь дворца Ришелье превосходила роскошь королевского дворца, он имел полноту власти, но был несчастен, ибо, всегда чувствуя ненависть окружающих, нес на себе тяжелейший груз государственных дел. У Булвер-Литтона кардинал тоже окружен блеском и богатством, он тоже борется с враждебными силами и чувствует тяжесть лежащего на нем долга перед родиной. Но он живет мыслью, что будущее оценит его заслуги.

У Ришелье только две страсти — власть и честолюбие: «Божественная власть! Все пред тобой склоняется, тебе доступно все... И миловать ты можешь и карать». И одна любовь: «О, Франция! Тобою сердце полно. К тебе одной лежит моя душа. Ты мне жена, любовница! — лишь небо меня с тобою может разлучить!» «Мой край родной, лишь для тебя тружусь я и страдаю. Твое чело обвил я римским лавром. Перед тобой склоняются народы...»

Кардинал, поглощенный заботами о благе страны, особенно контрастирует с заговорщиками, которые думают только о своей личной выгоде и готовы открыть границы страны для чужеземных войск. Ришелье признается, что проливал кровь: «Но не отвечу я за эту кровь перед судом грядущих поколений: мои враги — враги страны родной. Других я не имел». Кардинал может погибнуть от руки заговорщика, но уверен: «Ни у кого из них не хватит духу убить во мне отчизну».

Интересы государства — это его собственные интересы. Поэтому лейтмотивом звучит мысль: «Король любить лишь должен государство, а государство — это Ришелье».

«Общественное благо должно быть единственной целью короля и его советников, которые должны отдавать ему предпочтение перед любыми личными интересами» —этот фрагмент «Политического завещания» Ришелье стал основной концепцией пьесы.

В «Ришелье» Булвер-Литтон сделал решительный шаг от романтической мелодрамы к реализму. Главное для драматурга — проблематика, связанная с авторской философией истории, романтической по своей сути. В его творчестве акцентируется мысль о необычайной подвижности жизни, состоящей из драматических столкновений. Драматизм как характеристику истории и, соответственно, как принципиальную особенность исторических драм писатель подчеркивал постоянно.

Булвер-Литтон сознавал неизбежность исторического прогресса. Он стремился к максимальной хронологической и фактической точности и обычно делал героями своих произведений видных исторических деятелей. Пытаясь объ-

яснить их действия, хорошо известные из истории, писатель проявлял незаурядный психологизм.

Оказавшись самым интересным драматургом своего времени, Булвер-Литтон стал наиболее характерным представителем «викторианского» века, отразив эволюцию английской литературы.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Жизнь Булвера, описанная сыном // Исторический вестник. 1884. №4. С. 224.
2. *Walker H.* The Literature of the Victorian Era. Cambridge, 1910. P. 648.
3. *Chesterton G.K.* The Victorian Age in Literature. L., 1928. P. 135.
4. *Shattuck C.H.* Bulwer and Macready. A Chronic of the Early Victorian Theatre. Urbana, 1958. P.7.
5. *Кагарлицкий Ю.И.* Вступительная статья // *Булвер-Литтон Э.Д.* Пьесы. М., 1960. С. 14.
6. The Duchess De La Valliere. Bulwer's Works // The Dramatic Works of Edward Bulwer Lytton (Lord Lytton). Vol. IX. New York. (Перевод наш — М.Е.)
7. England and the English. The complete works of E. L. Bulwer. Vol. 2. Lpz., Fleisher, 1834. P. 341.
8. *Агеев В.* В когтистых лапах парадокса // Литературная газета. № 31. 30 июля — 5 августа 2008. С. 11.
9. *Rowell G.* The Victorian Theatre. 1956. XIII. P. 51.
10. *Булвер-Литтон Э.Д.* Лионская красавица или любовь и гордость / Пер. Л. Большинцовой // *Булвер-Литтон Э.Д.* Пьесы. М., 1960.
11. *Reynolds E.* Early Victorian Drama (1830–1870). N.Y., 1965. P. 125.
12. *Булвер-Литтон Э.Д.* Ришелье, или Заговор / Пер. П. Козлова // *Булвер-Литтон Э.Д.* Пьесы. М., 1960.
13. Richelieu, or the Conspiracy. Bulwer's Works // The Dramatic Works of Edward Bulwer Lytton (Lord Lytton). Vol. IX. New York. P. 109 (Перевод наш, т.к. в русском тексте в пер. П. Козлова отсутствует предисловие — *М.Е.*).

E. BULWER-LYTTON'S DRAMAS OF THE ROMANTIC PERIOD

E.V. Makarova

Edward Bulwer-Lytton is one of the most popular dramatists of the Victorian age. Some of his dramas have been on the English stage for 50 years. The article deals with the dramas of the romantic period: «The Duchess De La Valliere», «The Lady of Lyons, or Love and Pride», «Richelieu, or the Conspiracy». The plots are taken from the dramatic events of the history of France, which excited the author's countrymen. E. Bulwer-Lytton considers history to possess dramatic nature. This is a fundamental feature of his dramatic works.

© 2008 г.

З.Е. Перфильева

ИРРАЦИОНАЛЬНОЕ В ТРАГЕДИИ Г.Э. ЛЕССИНГА «ЭМИЛИЯ ГАЛОТТИ». ИСКУССТВО ДИАЛОГА

После долголетних попыток перенести трагедию из античных материалов и классицистских форм в современность, Г.Э. Лессинг вернулся к знакомой модели бюргерской трагедии, создав «Емилию Галотти». Ее сюжет, убийство дочери родным отцом, берет свое начало в античности, минуя несколько промежуточных стадий развития, ее же форма и структура непосредственно перекликается с более ранней трагедией немецкого писателя «Мисс Сара Сампсон».

В трагедии Г.Э. Лессинга «Эмилия Галотти» достаточно остро представлена проблема конфронтации чувств, эмоций и разума. Здесь в борьбу между чувствами и разумом вмешивается еще и третья иррациональная сила. Герои, охваченные эмоциями и страстями, покидают сферу разума и их поступками начинает руководить некая фатальность, трагический рок, толкающий их в пропасть.

В. Дилтей считал, что «трагичность» этого произведения «заключается в беспомощности бесправных подданных по отношению к самоуправству»[1]. Нечто угрожающее нависло над поступками всех действующих лиц, нечто «опасное»[2], что делает их слепыми по отношению к действительности и безудержно гонит навстречу к катастрофе. «Трагическая ирония»[3] драмы заключается в том, что персонажи, стремящиеся вмешаться и повлиять на судьбу, способствуют лишь приближению неминуемой катастрофы.

Принц действует вслепую, самостоятельно вмешиваясь в интриги Маринелли и заговаривая с Эмилией в церкви[4]. Тем самым он перечеркивает свои планы, так как Семья Галотти и Орсина, узнав о его страсти к Эмилии, насторожились. Следующей ошибкой в поступках принца было то, что он не обращает внимания на известие от Орсины[5]. Поэтому графиня сама, без его ведома, прибывает в Дозало, чтобы стать «роком»[6] для принца и его замыслов.

Одоардо Галотти действует слепо, когда он, вернувшись домой, не дожидается возвращения Эмилии из церкви[7], а сразу же уезжает.

Мать Клавдия и Эмилия тоже слепы, когда считают, что должны промолчать о встрече Эмилии с принцем[8]. Недооценив опасность и промолчав, они тем самым невольно способствуют гибели Аппиани.

Но и сам Аппиани ускоряет свою участь, умалчивая о содержании разговора с Маринелли[9], упуская последнюю возможность разоблачить интригу.

Такое нагромождение человеческих ошибок случайно воспринималось как сконструированное[10]. Но упрек по отношению к Г.Э. Лессингу в создании измышленного, механического стечения обстоятельств оказывается неубедительным, так как писатель, как подчеркивает О. Манн[11], мотивирует образ действия своих персонажей их же характерами. Кроме того, Г.Э. Лессинг стремится четко показать контрасты нашей жизни. Трагичная «фатальность» с одной стороны, «слепота смертного человека» с другой стороны[12] — так писатель изо-

бражает ситуацию. Это связь «нашей самости с бытием, из-за которой мы слепо ошибаемся и гибнем»[13].

Героев трагедии «Эмилия Галотти» несет вперед происходящее, они зависят от следствий событий, от своей судьбы, потому что, отдавшись во власть своих эмоциональных переживаний, они не способны к трезвому размышлению, к адекватной оценке жизненных обстоятельств.

Интрига и расчет в трагедии «Эмилия Галотти» с каждым словом растворяются, становясь невидимыми, так как Г.Э. Лессинг предоставил каждому слову его духовное полномочие, возвратив его персонажам в качестве законченного диалога. Писатель полностью перевел свой драматургический план в остроумный функционализм диалога. Отдельно организованный монолог и диалог, вобравший в себя и превративший в духовную энергию действие интриги, образует основную эстетическую форму «Эмилии Галотти», а все остальное — персонажи и характеры, действие и ситуация, структура и мотивация, психология, мимика и воздействие — являются его функциями. Драматургический язык становится связующей конструкцией, которая объединяет между собой и выравнивает несовместимость противоположностей и антитез добродетели и порока, добра и зла, действий и страданий, интриги и покорности, убийства и психологии, принца и Эмилии, соблазна и невинности, случайности и расчета, растерянности и решительности. Язык есть то, что вопреки всем возражениям еще сегодня гарантирует этой трагедии несокрушимое художественное единство.

Эти утверждения наилучшим образом подтверждаются на примере четвертого действия седьмого явления, сцены между Одоардо и Орсиной[14]. Маринелли пытается помешать опасному просвещению Одоардо, намекая, что Орсина потеряла свой рассудок. Из-за этого созданного Маринелли недопонимания, которым он ознаменовал начало диалога между Орсиной и Одоардо, нарастает напряженное ожидание каждого слова в отдельности как со стороны отца Эмилии, так и со стороны зрителей. Таким образом, создаются все условия для диалога в стиле Г.Э. Лессинга. Этот диалог являет собой образец: он буквально одержим словами, намеками и недомолвками, пониманием и недопониманием, исповедью и умолчанием, отказом от слов и нетерпеливым ожиданием слова. Он снова и снова обостряется на том «единственном слове», которое могло бы стоить Одоардо его разума, снова и снова разговор в духе эпиграммы с нетерпением ждет это единственное слово. Одоардо неустанно возвращается к определенным выражениям, речевым оборотам и формам, чтобы извлечь из них решающий звук. В изобилии высказываний, игры слов и подчеркнутых фраз, в остроумной дуэли замечаний обнаруживается вряд ли превзойденное самосознание языка. Нагромождение тире и пауз отвлекает от того, что здесь все появляется слово за словом, сознательно минуя невысказанное.

Одоардо вынужден фактически «складывать по слогам» это «единственное слово» и переводить его на свой язык. В этом крайне напряженном «раздумье над словами» рождается очарование и искусство этой сцены. Персонажи очутились в ней практически невольно. Они, как заколдованные, ходят вокруг сказанных Маринелли реплик о разуме и его помутнении. Почти весь диалог берет начало в метафоре «потерять разум».

Графиня Орсина представляет собой функциональный персонаж своего автора. Ее драматургическая функция заключается в той позиции, которую она озвучивает в начале явления: «...тот, кто не теряет рассудка при известных обстоятельствах, — тому и нечего терять»[15]. Цель Орсины, а также и Г.Э. Лессинга, — свести Одоардо с ума. Поэтому автор сознательно помещает разум Орсины в полумрак безумия.

Это явление представляет собой краткое изложение всей драмы. Его ключевые фразы и напряженные моменты снова и снова возвращаются в открытой или варьированной форме: иметь рассудок и потерять рассудок, рассудок и гнев, размышления и поспешность, расчет и беспомощность, вплоть до простой цитаты: «Да, она была права, эта добрая сивилла, — кто не теряет рассудка в некоторых случаях, тому нечего терять!»[16]. Здесь речь идет о деликатном «переходе суждения в аффект»[17], что решает успех или провал трагедии. Этот переход готовит решительный шаг «Эмилии Галотти» — убийство дочери собственным отцом. Весьма разумная драма пытается всеми средствами разума сойти с ума. Своеобразная борьба разума и безумства, расчетливости и эмоций отражает характерную для Г.Э. Лессинга ситуацию противоборства рационального и иррационального.

Аффект является чем-то отчужденным, тем, что разум стремится разжечь с помощью своего собственного накаливания и в то же время утихомирить, тем, что появляется всегда подготовленным заранее, но от этого не менее ошеломляющим, как нечто врывающееся в человека извне, чтобы затем снова покинуть его как болезнь.

Персонажи Г.Э. Лессинга никогда не бывают одиноки, даже в монологах и в состоянии аффекта. Они существуют только в диалогическом отношении к целому пьесы. Поодиночке они из себя ничего не представляют. Именно поэтому их попытка познать себя, принять ответственность за самих себя, перенесла бы их в безоговорочную изоляцию. Если между ними нет самостоятельного третьего слова, то им больше нечего сказать друг другу. Так, например, впечатляющая «восторженность» Орсины ведет в мифологическое общество вакханок и фурий, но Одоардо уже не в состоянии понять этот ее собственный язык, который она до сих пор так утонченно сдерживала, язык женщины, сошедшей с ума от ревности. Взрыв эмоций возбуждает в зрителях страх и сострадание, а потому это явление полностью справилось со своими функциями.

Весьма актуальной в трагедии «Эмилия Галотти» является проблема «языка сердца», языка, который понимает слово как неподражаемое выражение индивидуума. Как буква и отражение такое слово не зависит от отдельного человека. Но как тон, интонация оно есть все, что оно выражает благодаря говорящему и неповторимому мгновению речи. Интонация неразрывно связывает слово с говорящим и слушающим человеком. Там, где слово услышано, оно уже не находится между людьми, оно живет в качестве языка в их душе, в их сердце. Под воздействием такого переживания находится Клавдия, когда она снова и снова, как зачарованная, вспоминает слова и тон умирающего Аппиани: «Я и сейчас еще слышу его!»[18]. Но чем более эмоционально и страстно она пытается описать неописуемое и задержать это в памяти, тем больше оно переходит в глухую взаимосвязь диалога как простое слово.

В этой беспомощности Клавдии еще раз озвучить и сообщить интонацию, отражается мудрое бессилие Г.Э. Лессинга ввести в драматургический расчет неподражаемый «язык сердца» иначе, чем с помощью цитат. Наиболее выразительно этот способ проявляется в сцене, когда Эмилия сообщает матери о встрече с принцем в церкви, при этом все событие заключается в сообщение. Весьма необычны уже сама ситуация и конфигурация. Эмилия находится в месте, где запрещено обмениваться словами, она абсолютно не видит того, кто к ней обращается. Это — односторонний диалог, но сила слова, непосредственно достигающего слуха, становится зловещей: «Что я только выслушала! И где, где я все это выслушала!»[19]. Диалогические партнеры, которые у Г.Э. Лессинга всегда так отчетливо стоят друг напротив друга, в этом случае расположены друг за другом: «...Только я начала возноситься душой к небу, как кто-то занял место позади меня, но совсем близко! Совсем близко позади меня! Как мне ни хотелось, но я не могла подвинуться ни вперед, ни в сторону из опасения, что молитва другого может помешать моим собственным молитвам.»[20].

Уже из-за пространственного стечения обстоятельств Эмилия принимает критическую дистанцию по отношению к слову. Здесь не требуется определять, говорит ли этот голос извне или изнутри, пугает ли он или говорит в страхе. Благодаря этому возникает странная психологическая атмосфера загадочности, окружающая главную героиню на протяжении всей трагедии: виновата Эмилия или нет? Как и в финале пьесы, Г.Э. Лессинг пытается поставить на место непредсказуемого и бессознательного нерешенное и нерешаемое. После странного соседства религии и соблазна, молитвы и сладострастия на вопрос испуганной матери: «Кого, дочь моя?»[21] следует то предательское просвещение, которое смешивает воедино все внешнее и все внутреннее: «Его самого»[22].

Однако чем глубже стремится проникнуть психологический анализ, тем дальше в неизведанное и не поддающееся решению возвращается многозначность намека. Потому что слишком осознанно звучит невысказанность в выражении этой реплики. Обличительно продолжение рассказа, а именно, тот факт, что Эмилия не оправдывает надежду матери: «...Я хочу надеяться, ты достаточно владела собой, чтобы одним взглядом выразить ему все то презрение, какое он заслужил»[23]; она отвечает Клавдии: «После того как с первого взгляда я узнала его, у меня не хватило сил взглянуть на него еще раз. Я полетела...»[24]. Наряду со слуховым появляется чувственное ощущение: «...пока не почувствовала, как на паперти меня схватили за руку»[25]. Возникает диалог, который Г.Э. Лессинг никогда бы не смог написать механически, потому что эта речь целиком наполнена внутренней драмой персонажей: «Он говорил, и я отвечала ему. Но что он говорил и что отвечала я — сейчас я не могу вспомнить; когда вспомню, то скажу вам, матушка. Сейчас я ничего не знаю. Разум покинул меня»[26].

Действительность и возможность, переживание и воображение, реальность и ирреальность начинают перемешиваться друг с другом. Как в сумасшедшем сновидении, бред становится явью: «Тщетно пытаюсь я вспомнить, как освободилась от него и выбежала за ограду. Я пришла в себя только на улице и слышу, как он следует за мной, и слышу, как вместе со мной входит в дом, вместе со мной поднимается по лестнице»[27]. Возникает вопрос: где же находятся границы между реальностью и вымыслом, между внешним и внутренним, между ра-

зумом и чувством, и, наконец, между рациональностью и иррациональностью? Где берет свое начало таинственная причина этого необычайного потрясения? Как можно объяснить разнящиеся описания этого происшествия принцем и Эмилией? Все остается открытым для всевозможных последствий и взаимосвязей.

В центре внимания Г.Э. Лессинга находится внутренний мир человека, его способ мировосприятия. В теории искусства и гениальности Г.Э. Лессинга встречается фундаментальная взаимосвязь между человеческой и божественной сферой. Чем ближе к человеку художник и его произведение, тем больше они значат и тем больше они соответствуют Богу. С помощью своей внутренней силы гений может создавать мир и историю как «подобие» вечного целого.

Г.Э. Лессинг сумел создать это «подобие вечного творца», обуславливая при этом мотивацию согласно «природе наших ощущений и душевных сил», постепенно и незаметно приводя драматургическое действо к цели, не попадаясь в сети механической причинности и сплетений. Драма Г.Э. Лессинга представляет мир своих персонажей и действий как огромную попеременную игру, включая в драматургический расчет, прежде всего, непредсказуемый случай, одно из многочисленных проявлений иррационального, которое так прозрачно господствует в «Эмилии Галотти» в качестве знака планомерности.

Пультом управления этих процессов является диалог. С помощью его форм, где по статистике преобладают вопросительные, условные и сослагательные конструкции, возникает в музыкальном смысле силовое поле вероятности, где все моральные события выступают как зависимые функции других событий, где внутренние процессы представлены как процессы духа, где задуманная моральная возможность, например, потенциальная соблазненность Эмилии, обладает таким же значением, как моральное предубеждение, и где настоящее обыгрывается как функция будущего и прошлого. Эмилия и Одоардо получают в самом конце возможность в виде действительности, а непостоянный принц воспринимает с самого начало действительность лишь как возможность. В этой драме преобладает душевное и эмоциональное напряжение, которое влияет на то, что человек, хотя он и сам добровольно выставляет себя на суд по нормам своей исторической действительности, воспринимается как «воплощение своих возможностей»[28]. Как и все значительные выражения Г.Э. Лессинга, его трагедия сохраняет свободу действия гипотетического.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Dilthey W.* Das Erlebnis und die Dichtung. Göttingen, 1921. S. 50.
2. *Mann O.G.* E. Lessing. Hamburgische Dramaturgie. Stuttgart, 1958. S. XIX.
3. *Dilthey*. Op. cit. S. 52.
4. *Lessing G.E.* Gesammelte Werke in 10 Bd. / von P. Rilla. Berlin, 1954. Bd. 2. S. 261.
5. Ibid. S. 260.
6. *Mann*. Op. cit. S. 252.
7. *Lessing*. Bd. 2. S. 261.
8. Ibid. Bd. 2. S. 263.
9. Ibid. Bd. 2. S. 271.
10. *Marquardt B.* Geschichte der deutschen Poetik. Bd. II. Berlin; Leipzig, 1956. Bd. 2. S. 200.

11. *Mann*. Op. cit. S. 254.
12. Ibid. S. 257.
13. Ibid. S. 254.
14. *Лессинг Г.Э.* Избранное. М., 1980. С. 158-160.
15. Там же. С. 159.
16. Там же. С. 168.
17. *Lessing*. Bd. 2. S. 262.
18. *Лессинг*. Избранное. С. 145.
19. Там же. С. 126.
20. Там же. С. 126.
21. Там же. С. 127.
22. Там же. С. 127.
23. Там же. С. 128.
24. Там же. С. 128.
25. Там же. С. 128.
26. Там же. С. 128.
27. Там же. С. 128.
28. *Schröder J.G.* E. Lessing. Sprache und Drama. München, 1972. S. 227.

IRRATIONAL ELEMENTS IN G.E. LESSING'S TRAGEDY «EMILIA GALOTTI». THE ART OF DIALOGUE

Z.E. Perfilyeva

In the article an attempt is made to consider irrational elements in the G.E. Lessing's tragedy «Emilia Galotti» and to reveal the specificity of the dialogical speech of the writer's characters.

© 2008 г.

А.С. Матвеева

ПРОСТРАНСТВО РЕБЕНКА В РОМАНАХ Ч.ДИККЕНСА

Проблема пространства, будучи актуальной в разных областях научного знания: филологии, философии, лингвистике, психологии, является сложной и до конца не изученной. Пространство может быть большим, но может также сужаться до тесных границ одной комнаты. Пространство, создаваемое автором в его произведении, может обладать своеобразными свойствами, быть реальным (определенным) или воображаемым (неопределенным). Возможность визуального наблюдения предметов и ситуаций обеспечивается позицией человека, определяющей свойственный ему способ «видения мира». По словам П. Флоренского, «пространство порождается самопроявлением сущности, и потому

строение пространства в данном произведении обнаруживает внутреннее строение сущности, есть проекция и внятное о нем повествование. Но на пути к такому пространство-устроению возникает орган этой деятельности. Он — уже в пространстве; его можно сравнить с непротяженною, но координированною с другими точкой. Эта точка — *имя»*[1]. Как же разворачивается эта *точка* в творчестве Диккенса? Каким образом пространство, которое он создает в своих романах, населяя его детскими персонажами, проявляет себя и воздействует на тех, кто в нем находится?

Анализируя творческий почерк Диккенса, В. Ивашева пишет: «В построении характеров, в своих реалистических портретах Диккенс обнаруживал исключительное разнообразие художественных средств. В первой половине своего творчества он пользовался преимущественно приемом заострения и сгущения, обрисовки образов через комплексное раскрытие различных мотивов (внешний портрет, дом, улица, вещи персонажа, его манера говорить, двигаться, его поступки, даже повадки и жесты и т. д.). Для ранних романов Диккенса столь же типична лейтмотивная однолинейность портретов (Чирибл всегда добродушны, веселы, всегда сияют счастьем и довольством, Хип всегда хрустит суставами пальцев, капитан Каттль неразрывно связан со своим железным крючком и т.д.). Но чем дальше шли искания Диккенса и чем глубже он стремился проникнуть в суть вещей, задавая себе вопрос «почему?», манера его менялась. Все дальше уходил писатель в глубины сознания (а порой, интуитивно, и подсознания) своих героев, все больше хотел увидеть и показать. И именно здесь на помощь все чаще приходили реалистические символы — туман и грязь в «Холодном доме», мотивы крови, пожара и камня в «Повести о двух городах» и т. д.»[2].

Мы видим, что освоение пространства персонажа у Диккенса «комплексное», то есть для выражения образа задействуются практически все возможные мотивы, причем со временем, как подчеркивает исследовательница, внешняя характеристика окружающего мира осложнялась различными символами, одним из которых, несомненно, является символ «дома» и вообще «крова» как необходимого элемента, конституирующего мир ребенка.

Для Диккенса, как известно, идеи Дома, Приватности и Порядка были теснейшим образом взаимосвязаны. Они лежали в основе его «рождественской философии», реализованной в художественной прозе, а также — в основе журналов «Домашнее чтение» и «Круглый год», пользовавшихся огромной популярностью у современников.

По словам Г. Башляра, «для феноменологического исследования глубинных ценностей замкнутого пространства дом, совершенно очевидно, представляет собой некую привилегированную сущность, — разумеется, при условии, что мы берем дом в его единстве и комплексности одновременно и стремимся интегрировать все его частные значения в единую фундаментальную ценность. Дом для нас — источник разрозненных образов и вместе с тем некое образное целое»[3]. Можно ли из всех воспоминаний о домах, что когда-то дали нам кров, из всех представлений о домах, где мы мечтали жить, извлечь глубинную, конкретную сущность, которая оправдала бы неповторимую ценность всех образов надежно защищенной, сокровенной жизни?

«Дом» играет у Диккенса очень важную роль, поскольку служит местом действия его персонажей, а потому писатель со всей тщательностью оформляет пространство дома. Причем нередко писатель намеренно создает иллюзию раздвинувшегося занавеса и возникшей на сцене декорации, как, например, в главе 54-й романа «Домби и сын»:

«Время — одиннадцать часов вечера; место — номер во французском отеле, состоящий из нескольких комнат: темной, холодной передней, или коридора, столовой, гостиной, спальни, второй гостиной, или будуара, который меньше остальных комнат и расположен в глубине»[4].

Точное знание расположения комнат необходимо нам для того, чтобы понять дальнейшие действия героини, увидеть их, ибо все, о чем пишет Диккенс, рассчитано на визуальное восприятие читателя.

Оформление пространства у Диккенса многожанрово по своей природе. Здесь есть натюрморты и пейзажи, портреты и жанровые композиции. Специфика пейзажной живописи писателя состоит в том, что он ориентируется на городской, главным образом, лондонский ландшафт, и в том, что ландшафт этот разворачивается перед нами в движении, постоянной смене картин, словно в диораме.

Слова Г. К. Честертона «Диккенс любил писать, как романтик, и хотел писать, как реалист» имеют самое прямое отношение к его пейзажным зарисовкам. С реалистической дотошностью Диккенс сопрягает человека со средой, окружающим его природно-социальным пространством. Декорации его романов натуралистически подробны, но всегда несут в себе обобщенный образный смысл. Таково, например, описание лондонского тумана, возникающее на первых страницах «Холодного дома», тумана, в самом сердце которого восседает лорд верховный канцлер в своем верховном Канцлерском суде:

«День выдался под стать лорду-канцлеру — в такой и только такой вот день подобает ему здесь восседать, — и лорд-канцлер здесь восседает сегодня с туманным ореолом вокруг головы, в мягкой ограде из малиновых сукон и драпировок, слушая обратившегося к нему дородного адвоката с пышными бакенбардами и тоненьким голоском, читающего нескончаемо краткое изложение судебного дела, и созерцая окно верхнего света, за которым он видит туман и только туман»[5].

Словно в тумане блуждают персонажи «Холодного дома»: и не знающая своего происхождения Эстер Саммерсон, и предавшая свою юность леди Дедлок, и погрязший в юридических абстракциях Ричард Карстон, и многие-многие другие. Туман окутывает их прошлое или будущее, поглощает их надежды, дематериализует их мечты и рассеивается лишь в финале вместе с истлевшей тяжбой «Джарндисы против Джарндисов», оставляя тем, кто не заблудился в тумане, шанс на новую — ясную и осмысленную жизнь.

Пространственные образы в романах Диккенса связаны с общей динамикой сюжетного развития, но наделены и собственной силой притягивать к себе персонажей, словно к заколдованному месту. Так, невозможно представить себе маленькую мисс Флайт из «Холодного дома» вне ее пустой каморки, из окон которой виден грозный Линкольс-Инн-Холл, а старьевщика Крука вне его лавки, забитой диковинным тряпьем. Это так же трудно, как представить себе бед-

нягу Джо из того же романа, заключенным в рамки того или иного интерьера, ведь судьба его распластана на перекрестке, где проходит миллион разных ног и стоит настораживающий гул: «Не задерживайся!».

Пространство в романах Диккенса заражено присутствием в нем героев, «ранено» их болью, подчинено темпо-ритму их существования.

Умение моделировать пространство с помощью света — одно из важнейших качеств Диккенса. Раннее утро, занимающийся день, жаркий полдень, зябкий вечер, непроглядная ночь — все это имеет самое непосредственное отношение к внутреннему миру его персонажей. Вот как изящно «освещает» Диккенс интерьер конторы мистера Домби в тринадцатой главе знаменитого романа:

«Тот безжизненный и тусклый дневной свет, какой просачивался сквозь матовые стекла окон и окна в потолке, оставляя черный осадок на стеклах, давал возможность разглядеть книги и бумаги, а также склоненные над ними фигуры, окутанные дымкой трудолюбия и столь по виду своему оторванные от внешнего мира, словно они собрались на дне океана, а зарешеченная душная каморка кассира в конце темного коридора, где всегда горела лампа под абажуром, напоминала пещеру какого-нибудь морского чудовища, взирающего красными глазами на эти тайны океанских глубин»[6].

А вот описание гостиной мисс Хэвишем из «Больших надежд»:

«Из этой комнаты свет был изгнан, и воздух в ней был тяжелый и спертый. В старомодном отсыревшем камине, как видно, только что зажгли огонь, но он более склонен был погаснуть, чем разгореться, и дым, лениво повисший над ним, казался холоднее воздуха — как туман на наших болотах. С высокой каминной полки несколько свечей, похожих на голые ветки, едва освещали комнату, вернее — едва рассеивали царившую в ней тьму»[7].

Свет, воздух, дождь, туман одухотворяют пространственные описания Диккенса, сообщая неповторимую атмосферу действию тех или иных эпизодов его произведений. Причем в каждом романе они имеют свою специфику, исходя из общей решаемой автором задачи. Архитектурные сооружения у Диккенса так же многолики, как и его персонажи, особенно дома, каждый из которых есть не что иное, как своеобразный портрет своего домовладельца. Как и люди, они наделены способностью стариться и молодиться, смеяться и хмуриться, пыжиться и тушеваться. В одном «Домби

«<...> обитала в маленьком темном доме, который на одном из ранних этапов английской истории протиснулся в фешенебельный район в западной части города, где и пребывал, наподобие бедного родственника, в тени большой улицы, начинавшейся за углом, под холодным презрительным взглядом величественных зданий»[8].

А замок «людоедки и укротительницы детей миссис Пипчин»:

«находился в крутом переулке Брайтона, где почва была еще более, чем в других местах, кремнистой и бесплодной, а дома — еще более, чем в других местах, ветхими и жалкими; где маленькие палисадники отличались необъяснимым свойством не рождать ничего, кроме ноготков, что бы ни было там посеяно, и где улитки постоянно присасываясь к парадным дверям и другим местам, которые им не полагалось украшать, с цепкостью медицинских банок»[9].

Не менее оригинальной физиономией обладает и дом мистера Блимбера — учителя из Брайтона:

«Мрачного цвета занавески, слишком узкие и жалкие, уныло прятались за окнами. Столы и стулья были выстроены рядами, словно цифры в арифметической задаче: камины в парадных комнатах топили так редко, что они напоминали колодец, а посетитель изображал ведро; столовая казалась последним местом в мире, где можно было есть и пить; ни звука не слышно было в доме — только тиканье больших часов в холле, которое доносилось даже на чердак, а иной раз глухое завывание юных джентльменов, учивших урок, напоминавшее воркованье стаи меланхоличных голубей»[10].

И все это множество больших и маленьких домов венчает описание дома мистера Домби:

«Ни один волшебный дом в волшебной сказке, затерянный в чаще дремучего леса, никогда не рисовался бы нашему воображению более уединенным и заброшенным, чем этот реально существовавший дом, мрачно глядевший на улицу; по вечерам, когда светились соседние окна, он был темным пятном на этой скудно освещенной улице; днем — морщиной на ее никогда не улыбающемся лице»[11].

Столь подробное и живописное изображение Диккенсом пространств, в которых живут и действуют его преимущественно «взрослые» персонажи, выступает резким контрастом с тем пространством, в которое, как правило, помещается персонаж «детский».

«Манипуляции» с пространством, с его визуальной и вещественной оформленностью, играют в диккенсовских текстах одну из ключевых ролей. С помощью изменения пространства, окружающего его маленьких героев, писатель показывает изменение их жизни: пространство то узкое и грязное, то широкое и чистое, и все это отражается на их мироощущении. При этом важно заметить, что «внутреннее» пространство, то есть интеллектуальный и духовный мир, у детей Диккенса практически не изменяется, поскольку изначально они представлены на страницах его романов людьми в этом плане весьма развитыми, что в свое время позволяло критикам упрекать писателя в неестественности изображаемых им детских характеров. В самом деле, суждения и поступки детей у него не уступают, а порой и превосходят по глубине и серьезности суждения и поступки взрослых.

Вышеизложенное позволяет нам предположить, что воспитательное воздействие Диккенса на читателя заключается в изображении не столько внутреннего (последовательного) развития юных героев, населяющих его тексты, сколько их взаимодействия со средой, в которой они оказываются в тот или иной момент их жизни. Как правило, писатель не нагружает ни Оливера Твиста, ни Нелл, ни Пипа, ни других своих маленьких персонажей какими бы то ни было нравственными коллизиями и размышлениями о должном или недолжном характере мира, в котором им приходится выживать. Достаточно одного их пребывания в нем, и Диккенс, показывая поведение или просто нахождение ребенка в так или иначе оформленном пространстве этого мира, добивается ничуть не меньшего «воспитательного» эффекта.

Так, например, пространство маленького Оливера Твиста — это пространст-

во, в котором тот чувствует себя «чужим» для всех, нигде не находя «своих»: «Такой одинокий, сэр. Очень одинокий! — воскликнул ребенок. — Все меня ненавидят»[12], — извинялся Оливер за свои слезы перед мистером Бамблом. Такое чувство не покидало Оливера уже давно:

«Он горько проплакал весь день, а когда настала длинная, унылая ночь, он заслонил руками глаза, чтобы не видеть тьмы, и, забившись в угол, постарался уснуть. То и дело он просыпался, приподнимаясь и вздрагивая, и все теснее и теснее прижимался к стене, чувствуя, что холодная, твердая ее поверхность как бы служит ему защитой от одиночества во мраке, его окружающем»[13].

Мрак символичен, это не только темнота, но и сама жизнь Оливера, тяжелая, темная и полная неизвестности. Хронотоп отражает душевное состояние героя. Время — ночь. «Отделение света от тьмы (дня от ночи) равнозначно отделению космоса от хаоса и является одним из основных мотивов космогонических мифов; в библейской традиции (Бытие) с этого акта начинается творение. Свет воссиял в созданном космосе, тьма стала атрибутом хаоса и преисподней: в аду царит «кромешная тьма» — адский огонь не дает света»[14]. В то же время ночь скрывает нас ото всех, в том числе и от «чужих», можно сказать, нивелирует «своих» и «чужих». «Забился в угол», «прижимался к стене» — пространство замкнуто, а Оливер как бы стремится раствориться в нем, исчезнуть. Само пространство — угол, стена — показывает, что он у последней черты, измученный и истерзанный. Загнать в угол, прижать к стене — эти фразеологизмы означают, что человека лишили возможности выбирать.

Пространство замкнуто, сдавлено и в том, и в другом случае: «угол», «узкая кровать» — мальчику не хватает «своего» места, он не может его найти. Знакомство с новым местом показывает его одиночество, отчужденность, он чувствует себя «чужим».

Пространство выступает средством характеристики душевного состояния героя. Пространство, в котором «душно» и «жарко», которое «напоминало могилу», усиливает мотив одиночества Оливера, «чужого» для всех. Оставшись один в лавке гробовщика, Оливер робко осматривается вокруг и видит картину, которая вселяет в него чувство благоговения и страха, которое, как замечает Диккенс, могли бы испытать лишь люди значительно старше его: «Недоделанный гроб на черных козлах, стоявший посреди лавки, казался таким унылым и зловещим, что холодок пробегал у Оливера по спине, когда он посматривал на этот мрачный предмет: ему чудилось, что какая-то ужасная фигура вот-вот медленно приподнимет голову и он сойдет с ума от страха. Вдоль стены в образцовом порядке выстроился длинный ряд вязовых досок, заготовленных для гробов; в тусклом свете они казались сутулыми привидениями, засунувшими руки в карманы. Таблички для гробов, стружки, гвозди с блестящими шляпками и обрезки черной материи валялись на полу, а стену за прилавком украшала картина, на которой были очень живо изображены два немых плакальщика в туго накрахмаленных галстуках, стоящие на посту у дверей дома, к которому подъезжал катафалк, запряженный четверкой вороных лошадей. В лавке было душно и жарко. Казалось, воздух пропитан запахом гробов. Местечко под прилавком, куда был брошен ему тюфяк, напоминало могилу»[15].

Поведение, мысли, ощущение человека в наиболее значимых для его жизни ситуациях способны оказывать влияние на его дальнейшую судьбу, и это особенно чувствуется в случае, когда мы имеем дело с миром ребенка. У Диккенса именно бытие человека в его детские годы является тем срезом целого бытия человека, в котором вещественно-пространственная оформленность последнего сказывается с максимальной напряженностью и выразительностью. Поэтому, когда мы имеем дело в его произведениях с миром взрослых, этот мир сплошь и рядом пронизан детскими воспоминаниями, которые являются своего рода мерилом поступков во взрослой жизни.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Флоренский П.* Имена. Харьков; Москва, 2000. С. 20.
2. *Ивашева В.В.* Век нынешний и век минувший... Английский роман XIX века в его современном звучании. М., 1990. С. 178.
3. *Башляр Г.* Избранное: Поэтика пространства. М., 2004. С. 18.
4. *Диккенс Ч.* Собр. соч. Т. 5. С. 356.
5. Там же. Т. 17. С. 12.
6. Там же. Т. 13. С. 212-213.
7. Там же. Т. 23. С. 91.
8. Там же. Т. 13. С. 110.
9. Там же. С. 129.
10. Там же. С. 179.
11. Там же. С. 386.
12. *Диккенс Ч.* Приключения Оливера Твиста. С. 39.
13. Там же. С. 24.
14. Мифологический словарь. М., 1991. С. 669.
15. *Диккенс.* Приключения Оливера Твиста. С. 41-42.

SPACE OF THE CHILD IN CH. DICKENS' NOVELS

A.S. Matveeva

The problem of space in Ch. Dickens' novels is urgent in different areas of scientific knowledge. Ch. Dickens creates a special space, occupied with various children's characters. This space proves and influences everyone who is inside. All possible motives involved in Dickens' novels are for expression of an image. The characteristic of the world around becomes complicated with various symbols, and the main one is the symbol of «house».

© 2008 г.

Л.В. Егорова

ПОКАЯННЫЕ ПСАЛМЫ СЭРА ТОМАСА УАЙЕТА

Точная дата обращения сэра Томаса Уайета к переложению покаянных псалмов (6, 32, 38, 51, 102, 130, 143) неизвестна; предположительно их относят к 1536 или 1541 — годам тюремных заключений Уайета. Соотнесение с первой из дат представляется более убедительным. В 1536 г. Анна Болейн и пять ее предполагаемых любовников казнены; Уайета тогда освободили из Тауэра с повелением вернуться домой (в Allington Castle) и научиться — под присмотром отца — «лучшему обращению» («to address him better»[1]). Если не непосредственно в Тауэре, то по возвращении в родные места Уайет мог именно в творчестве искать этот новый, «лучший» способ обращения, будь то в устремлении к смирению (в псалмах) или отрицанию (в сатирах).

Основным источником текста псалмов является рукопись E — Egerton MS. 2711, хранящаяся в Британском музее (псалмы написаны рукой сэра Томаса Уайета). Отсутствующие в ней строки восполняются из R — Royal MS 17^{A}, xxii; A — Arundel Castle MS; печатного текста 1549 г.: «Certayne Psalmes chosen out of the Psalter of David commonlye called the vii Penytentiall Psalmes, drawen into englysshe meter by Sir Thomas Wyat knyght, whereunto is added a prologe of the auctore before every psalme, very pleasant and profettable to the godly reader» (London: T. Raynauld for J. Harrington). Как зафиксировано в названии издания, Уайет перелагает семь покаянных псалмов (терцинами), сопровождая их приятными и полезными для благочестивого читателя прологами (написаны октавами), рисующими душевное состояние Давида на момент пения. Тем самым песнопения включаются в пространное повествование, основанное на истории Давида и Вирсавии.

Появление рамы — не нововведение Уайета; главный источник заимствования — парафраз покаянных псалмов Пьетро Аретино 1534 г. (Pietro Aretino, 1492–1556). Прологи к первым трем псалмам Уайет переводит близко к тексту, отклоняясь от итальянской интерпретации только в случае расхождений теологического плана. Начиная с четвертого пролога, удаление становится все более ощутимым; эпилог выпускается вовсе.

Обретение все большей независимости наблюдается и в самих псалмах. Уайет постепенно отказывается от значительного расширения библейского текста, характерного для Аретино. Если в первом из псалмов, следуя за Аретино, он распространяет десять стихов Писания до ста двенадцати строк, в пятом для парафраза двадцати восьми стихов ему требуется всего восемьдесят девять строк. Начиная с третьего псалма, ощутима как эклектика в использовании источников («Enchiridion Psalmorum» И. Кампенсиса 1532 г., последующее переиздание 1533 г. с латинским парафразом У. Цвингли, перевод Цвингли Джорджа Джойя (George Joye) 1534 г., переводы Лютера, Тиндейла, Фишера), так и все большая независимость от них.

Уайет искусен в передаче ощущения греха, стремления к очищению, отражения проходимого кающимся пути, уподобленному течению болезни. Каж-

дый из псалмов представляет собой некую версию подхода к целому с различными степенями интенсивности разработки происходящего; присутствует и линейно-последовательное, и цикличное движение.

При допущении того, что псалмы переложены во время тюремного заключения 1536 г. (на грани гибели в связи с крахом А. Болейн), становится очевидным одно из возможных прочтений цикла как своего рода урока Генриху VIII. Мораль состоит в том, что монарху следует руководствоваться не чреватым казнями гневом, но последовать примеру Давида: раскаяться в прегрешениях, в том числе в злоупотреблении властью при удовлетворении сладострастия. Размышляя о псалмах Уайета, еще граф Сарри писал: «Rulers may see in a mirror clear/ The bitter fruit of false concupiscence».

Обращение Уайета к библейской истории могло восприниматься и как страховка от возможного гнева правителя, если урок не пойдет впрок. Защита была надежной — двойной: не только мораль почерпнута из жизни библейского правителя, но и окружение истории позаимствовано из итальянского источника. Как справедливо отмечал Стивен Гринблат, поэтическая индивидуальность Уайета не могла быть неким снятием покрова — открытием, обнажением; нет, мы имеем дело скорее с облачением, созданным восхитительной ассимиляцией литературного материала[2].

Одним из самых интересных для рассмотрения представляется вопрос о мастерстве Уайета в искусном сплетении темы болезни и темы слова, некоторые аспекты которого мы отразим в данной статье. С первого пролога Уайет помогает ощутить овладевающую Давидом страсть: поражающую глаза, ядом дыхания нежно касающуюся чувств, воспламеняющую кости, пронизывающую сердце и душу. Она активна и действенна; Давид подобен объекту, в состоянии транса побеждаемому ею. Предусмотрительность и мудрость покидают его (Уайет отмечает, что горе государствам, правителям которых их недостает): отправляя Урию на смерть, он забывает и о величии Господа, и своем собственном. Пророк раскрывает Давиду глаза на грехи прелюбодеяния, предательства, убийства — жар страсти покидает в миг холодеющие члены того. Развернутая сравнительная конструкция *like ... so ...* («Like him that meets with horror and with fear/ The heat doth straight forsake the limbs cold;/ The colour eke droopeth down from his cheer,/ So doth he feel his fire manifold» 41-44); выразительные перечислительные ряды, рисующие внутреннее и внешнее («His heat, his lust and pleasure all in fear/ Consume and waste, and straight his crown of gold,/ His purple pall, his sceptre he lets fall» 45-47), завершаются показом крупным планом распростертой на земле фигуры: «And to the ground he throwth himself withal» (48). Наступает время покаяния. Темная пещера становится прибежищем, арфа — спутником и поводырем. Пролог завершается характерным — присутствующем в шести из семи прологов — двоеточием, и далее представлен первый из псалмов (Пс. 6. *Domine ne in furore*), где Уайет тотчас дает зазвучать теме слова.

Казалось бы, первый стих (моление обличать не в ярости и наказывать не в гневе) не дает для этого никаких оснований, но Уайет органично подчеркивает трудность обращения к Господу, невозможность произнесения Его имени грешными устами: «O Lord, since in my mouth thy mighty name/ Sufferth itself my Lord to name and call...» (73-74). Позднее он озвучит размышления о природе

хвалы, о необходимости сначала очищения крови, затем — отверзании уст Господом, чтобы устранить момент препятствия щедрому потоку хвалы: «My mouth shall spread thy glorious praises true./ But of thyself, O God, this operation/ It must proceed by purging me from blood,/ Among the just that I may have relation;/ And of thy lauds for to let out the flood/ Thou must, O Lord, my lips first unloose» (489–495).

В прологе к пятому из псалмов Уайет покажет осознание глубинности и величия воспеваемых вещей — милости, веры, бренности человеческой, благодати Господа, и удивление по поводу того, что выражено все это им — грешником. Что же сказано им такого, что благость Господа входит в песнь? — «Of deep secrets that David here did sing,/ Of mercy, of faith, of frailty, of grace,/ Of God's goodness, and of justifying,/ The greatness did so astun himself a space/ As who might say: 'Who hath expressed this thing?/ I, sinner I, what have I said, alas,/ That God's goodness would within my song entreat?/ Let me again consider and repeat.'» (509-516). Давид возносит хвалу милости, окружившей его, недостойного, и сокрывшей меч правосудия ради слова его. Надежда, что он не лишен света благодати, крепнет — он смеет обращаться к Богу.

Интересен привнесенный Уайетом нюанс в нарисованную картину всемогущества Господа. Время будет уносить Им сотворенное — ветшающее, как риза. И как ризу, Он переменит все, — начинает традиционное сравнение Уайет, и далее смещает разговор с перемены платья на перевод («...change them like apparel,/ Turn and translate...»). Уайет фиксирует занимающее его действо, в процессе которого находится — изменение внешнего облика (языка в данном случае) при сохранении сути: «Thou wroughtst the earth, thy hands the heavens did make;/ They shall perish, and thou shalt last alway,/ And all things age shall wear and overtake/ Like cloth, and thou shalt change them like apparel,/ Turn and translate, and they in worth it take» (620-624).

Тема слова звучит и в последнем из прологов. Повествователь рисует свои ощущения («it seemeth unto me»), какое впечатление произвело на Давида только что произнесенное им слово «искупить». Оно словно ввело в транс: уставившись в землю, Давид прозревает высоты небес и видит Слово, что сокрушит меч смерти. Слово, воспринятое/услышанное смертной девой, воспримет земное и искупит человечество: «This word 'redeem' that in his mouth did sound/ Did put David, it seemeth unto me,/ As in a trance to stare upon the ground/ And with his thought the height of heaven to see,/ Where he beholds the Word that should confound/ The sword of death, by humble ear to be/ In mortal maid, in mortal habit made,/ Eternal life in mortal veil to shade» (695–702). В последних строках — проявление метафизической поэзии: метонимия зачатия Слова смиренным слухом смертной девы («...the Word ... by humble ear to be/ In mortal maid...»), звуковое сближение слов («...In mortal maid, in mortal habit made...») остроумно запечатлевают чудо воплощения.

Подход Уайета кардинально отличался от предшественников (Кавердейла, Стернхоулда), на смену «сомнительным песням» вводившим псалмы. Уайет стал первым, кто с исключительным вниманием к слову, языковому жесту представил псалмы как поэзию раздумий, самоанализа.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Life and Letters of Sir Thomas Wyatt / Ed. Kenneth Muir. Liverpool, 1963. P. 35.
2. *Greenblatt S.J.* Renaissance Self-fashioning: From More to Shakespeare. Chicago, 1980. P. 122.

SIR THOMAS WYATT'S PENITENTIAL PSALMS

L.V. Yegorova

Information on Sir Thomas Wyatt's Penitential Psalms, their dependence on Italian version by Pietro Aretino, and novelty is being introduced to the Russian reader. Wyatt's approach was cardinally different from his predecessors (Coverdell, Sturnhold), the «dubious songs» were replaced with psalms. Thomas Wyatt was the first who placed high emphasis to a word or a language gesture; he understood psalms as poetry of meditations and introspection.

© 2008

А.А. Рожкова

«СЛУЧАЙНАЯ ЛЮБОВЬ» СИМОНЫ ДЕ БОВУАР КАК ПОПЫТКА ТРАНСЦЕНДЕНЦИИ (НА МАТЕРИАЛЕ «CORRESPONDANCE CROISÉE 1937–1940»)

Словосочетание «случайная любовь» появляется у Симоны де Бовуар в книге мемуаров «Сила зрелости». Ссылаясь на Сартра, она объясняет происхождение и появление словосочетания «amour contingentes»: «У Сартра не было пристрастия к моногамии. «Между нами, — говорил он в своей обычной манере, — необходимая любовь (amour nécessaire), но, я допускаю, что мы можем познать и любовь случайную» (amours contingents)[1].

Если обратиться к словарю, то вариантами «случайной любви» будут являться «возможная любовь», «несущественная любовь», «любовь, достающаяся при разделе» при том, что «необходимая любовь» — это любовь «нужная», «неизбежная», а если рассматривать «необходимость» как философский термин, то и «безусловная, абсолютная»[2].

Такую «случайную любовь» в 1938 году во время пешего путешествия по Альпам Симона де Бовуар обрела с учеником Сартра — одним из членов «сартрической семьи»[3], автором опубликованного в 1946 году военного дневника «Последнее из ремесел» — Жаком-Лораном Бостом.

Исследовать взгляды Бовуар на «случайную любовь» стало возможным, благодаря ее сохранившимся 250-ти письмам к Босту. Эти письма вместе с фрагментами его дневника и письмами к ней были опубликованы в 2004 году отдельной книгой — («Перекрестная переписка 1937–1940»). Публикация «живо-

го разговора» двух участников 4-летнего диалога отнюдь не помешала Ж.-П. Аметту («Le Point»), О. Ле Нейру («L'Express»), Ж. Совинье («Le Monde des Livres») и М. Альстад («Lire») увидеть в «Correspondance croisée 1937–1940», прежде всего, очередную публикацию «ядра» эпистолярного наследия Бовуар, в котором описан «один из красивых примеров «случайной любви» в жизни Симоны де Бовуар»[4].

Ко времени знакомства Бовуар в 1935 году с Бостом, она уже преподавала философию в парижском лицее Мольера, осуществляя, таким образом, свое «субъективное существование» в мире и через мир. Молодой человек сразу вызвал ее симпатию: «Как только он толкнул дверь в отель «Метрополь» с застенчивым видом, у меня сразу появилась симпатия к нему...»[5], из которой сначала родилась дружба (прогулки по Парижу, походы в кино, лыжи, путешествия (с 1935–1937 гг.), а позднее, — «случайная любовь»: «мы с Бостом не стали сдерживать себя, когда однажды в Альпах, оказавшись в одной палатке, захотели заняться любовью»[6]. Земная, теплая, светлая любовь с Бостом прорастала из «простых вещей» будничной повседневности: амбара, «большого рюкзака» Жака-Лорана, «привокзального буфета», «автобуса, где вы обнимали меня за плечи, ужина в Аннеси, возле водоканала, последних минут в поезде»[7].

Через эту, «погруженную в жизнь»[8] любовь, «страстное существо»[9] Бовуар высвобождалось из тесного корсета духовной любви[10] с «холодным», «ненавидящим телесные метания»[11] Сартром, погружаясь в жизнь плоти, которая отталкивала философа («я не любил жизни»[12]), но была необходима существу с «горячим сердцем» и «живым телом»[13], имеющему «ум мужчины и чувствительность женщины»[14]: «Я бы хотела быть в ваших руках, закрыть глаза и ничего больше не говорить», «я была несчастна, ревнуя не к вашим чувствам, а к нашей близости, которой нет между нами, но которая для меня так желанна»[15]. Через плоть Другого: «щеки, ресницы, потрескавшиеся губы», «нежный голос», «плоские пальцы пастора Боста», «смешные колючки на вашем подбородке», «зеленые глаза, запах кожи»[16], Бовуар обретала свою собственную плоть «для себя»[17] — не имманентную, но щедрую и бескорыстную — «все, что я желала вначале — это чтобы вы позволили мне вас любить, бескорыстной и щедрой любовью»[18]. Описывая ситуацию женщины во «Втором поле», писательница рассматривает взгляды общества на женское тело как на проявление имманентности: «тело женщины — это вещь, которую можно купить; для женщины оно представляет собой капитал, который ей позволено использовать с выгодой для себя»[19]. Бескорыстие автор приводит как одну из характерных составляющих трансцендентности: «поскольку трансцендентность ей недоступна, она, как правило, неспособна на великое, то есть, на героизм, бунт, бескорыстие, полет фантазии, творчество»[20], — то, что у А. Жида обозначено формулой «acte gratuit» ('бесполезное действие')[21]. Соответственно, бескорыстная любовь Бовуар к Босту свидетельствовала о том, что сама она любит трансцендентной любовью, являясь при этом не объектом, вещью, которую любят, но в первую очередь субъектом — женщиной любящей, т. е. женщиной активной и инициативной в любви к мужчине, способной через эту любовь «извлечь удовольствие и тем самым утвердить свое «я», либо <...> превзойти себя»[22] — самореализоваться, самоутвердиться в качестве независимого субъекта собст-

венного любовного существования — «обрести самое себя в своем субъективном существовании».[23]

«Случайная любовь» для Симоны де Бовуар подразумевает не растворение в возлюбленном, а счастливое, что у автора приравнивается свободному («говоря о шансах индивида, мы будем определять их, исходя не из понятия «счастье», а из понятия «свобода»[24]), ежесекундное («вы всегда присутствуете рядом со мной», «вы присутствуете в каждом моменте моей жизни»[25] и пр.) и будничное одновременное сосуществование: «Я вас люблю спокойной любовью, настоящей, всегда молодой, которая смешивается с моей и вашей жизнью, которая соединяет наши жизни и наши вселенные», дает возможность «познать волшебство. <...> добавляет очарования моей жизни»[26].

Бост не является для Бовуар всем, она не живет «только им», она живет «с ним», уважая в нем его личность, не посягая на нее, но и не забывая о своей, осуществляя «свободный обмен» не только чувствами, но жизнями и их составляющими для того, чтобы через основанное на свободе взаимодействие с другим познать и обрести, утвердить самого себя, свое собственное «я»: «Я буду каждую неделю проводить вечера с вами в Париже, это решено, в то же время и дни, если вы не будете в Безье», «я бы очень хотела быть с вами в том поезде, где вы так крепко меня целовали», «...я представила, как будто вы со мной, и я говорю вам множество вещей», «как бы я хотела быть в эти дни с вами», «мне кажется, что я вас обрела вновь, дорогое мое привидение, мой компаньон из кожи и костей, который вновь рядом со мной», «обычно я жила с солдатом»[27] и т.д. Формулу их сосуществования в одном из писем описал Бост, Бовуар согласилась: «один в другом, я думаю, что это хорошие отношения»; нечто подобное она сама описывала в одном из своих писем к нему: «я люблю воображать себе, что я в вашем сознании, люблю воображать себе его внутренность. <...> Вы меня не покидаете. Замечательно, что вы существуете в моей жизни»[28].

В письме своему «случайному любовнику» от 10 мая 1939 года Бовуар напишет: «...теперь я соглашаюсь с теорией чувств Сартра, что чувство — это метаморфоза мира»[29]. Спустя десять лет эти мысли автор продолжит во «Втором поле», рассуждая о «подлинной любви» — любви трансцендентной: «Оба они вместе находили бы в мире ценности и цели. Каждый из них, даря себя возлюбленному, познавал бы себя и обогащал свой мир. <...> Любовь открывает нам нас самих, заставляя нас превзойти самих себя. При соприкосновении с кем-то посторонним, но дополняющим нас, мы утверждаем себя. Любовь, как форма познания, открывает нам новые горизонты и края в мире, где мы всегда жили. В этом заключается великая тайна: меняется мир, меняюсь я сам»[30]. Через эротическую любовь к Босту, через плоть Другого, Бовуар обретала возможность гармоничного единения с этим Другим, с миром и самой собой, чувствуя себя «полноценным индивидом, свободным субъектом, располагающим своим будущим и всем миром»[31]. С ним писательница делит свою ежедневную будничную жизнь: «этим вечером я сижу дома, и до часу ночи я не буду думать ни о чем, кроме вас. Вы разделите мою жизнь в деталях и мыслях»[32]. Он — «признанный спутник»[33] ее одинокого, повседневного, являющегося результатом свободного выбора, собственного самоосуществления, существования тела и души («Я думаю о множестве вечеров в Париже, которые будут настолько приятными, о

множестве мест, куда я захочу пойти с вами»[34]), которое с жизнелюбивой Бовуар редко разделял предпочитающий «поэтичное одиночество»[35] не только и не столько «спутник» («compagnon»), сколько «союзник» (allié; это отглагольное существительное щепетильная в использовании слов Бовуар ни разу не использует в письмах к Босту)[36] Сартр. Отсюда характерная для писем к Босту «будничная интимность», которую Бовуар выказывает адресату разными способами. Так, в одном из писем адресант намеренно использует при обращении к возлюбленному местоимение «ты», разговорные конструкции, такие как «un tas de...» ('много/большое количество/кучу/множество', разг.)[37]: «...настал грустный, унылый час, час для того, чтобы ощутить себя изгнанником вдали от тебя, моя любовь, час для того, <...> чтобы знать, что я сильно тебя люблю и очень хочу коснуться твоей руки. Я была такой счастливой с тобой, мне кажется, что я никогда в достаточной мере не давала тебе это понять. Я думала, что никто не может знать, даже я, в какой степени любовь, которую я к тебе испытываю, любовь, которую ты мне даровал, изменила мою жизнь»[38]. В другом — сознательно использует разговорную форму глагола для усиления экспрессии: «Вчера вечером украдкой нацарапав вам несколько словечек, я легла спать»[39]. Во всех письмах (исключение составляют лишь два письма: от 8 ноября 1938 года («Мой горячо любимый, признанный компаньон») и письмо от 1 августа 1938 года («Вы, которого я люблю»)) Бовуар обращается к своему адресату по имени, подчеркивая его иную, отличную от нее, сущность «непохожего характера, независимого по отношению ко мне»[40].

На протяжении всех писем к случайному «спутнику» звучит мотив преображения: «это мое настоящее счастье, которое я обрела рядом с вами, которое вы мне оставили, покидая меня и мою полностью преображенную жизнь», «я думала, что никто не может знать, даже я, в какой степени любовь, которую я к тебе испытываю, любовь, которую ты мне даровал, изменила мою жизнь», «как же быстро поменялась моя жизнь после этого»[41] и т. д. Преображение происходит в результате обретения и утверждения Симоной де Бовуар своей телесной и душевной сущности свободного существа, способного «любить благодаря своей силе, а не благодаря слабости <...> любить не для того, чтобы бежать от себя, а для того, чтобы себя найти, не для того, чтобы отречься от себя, а для того чтобы себя утвердить»[42].

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Beauvoir S. de.* La Force de l'age. Paris, 1960. P. 50.
2. *Гак В.Г., Ганшина К.А.* Новый французско-русский словарь. М., 2003. С. 237; 726.
3. *Saccani J.-P.* Nelson et Simone. Paris, 1994. P. 127.
4. *Alstadt M.* Et Beauvoir aima le petit Bost // Lire. 2004. Juillet: août http: www. autourdebeauvoir.net/ articles/beauvoir_bost.html.
5. *Beauvoir S. de, Bost J.-L.* Correspondance croisée 1934-1940. Paris, 2004. P. 9.
6. *Бовуар С. де.* Трансатлантический роман. Письма к Нельсону Олгрену 1947-1964. М., 2003. С. 221.
7. *Beauvoir.* Correspondance croisée 1934–1940. P. 32-33; 350.
8. Ibidem. P. 328.
9. *Francis C., Gontier F.* Jean-Paul Sartre // Simone de Beauvoir. Paris, 1985. P. 116.
10. «Долгое время Бовуар представлялась нам этакой женщиной в корсете в тени

мудрого Сартра» См.: *Alstadt*. Op. cit.
11. *Francis, Gontier*. Op. cit. P. 116.
12. *Сартр Ж. П.* Тошнота. Рассказы. Пьесы. Слова. М., 2003. С. 642.
13. *Бовуар*. Трансатлантический роман. С. 485.
14. *Francis, Gontier*. Op. cit. P. 125.
15. *Beauvoir*. Correspondance croisée 1934–1940. P. 49; 86.
16. Ibid. P. 33; 38; 39; 105.
17. «Мужчина способен открыть женщине глаза на существование ее плоти *для себя*». См.: *Бовуар С. де*. Второй пол // Соч. в 2-х т. М.; СПб., 1997. С. 458.
18. *Beauvoir*. Correspondance croisée 1934–1940. P. 33.
19. *Бовуар*. Второй пол. С. 472.
20. Там же. С. 702.
21. «Я люблю вам писать, для меня это не бесполезное времяпрепровождение – вести длинный диалог с вами на протяжении всего путешествия». См.: *Beauvoir*. Correspondance croisée 1934-1940. P. 48.
22. *Бовуар*. Второй пол. С. 441.
23. Там же. С. 748.
24. Там же. С. 40.
25. *Beauvoir*. Correspondance croisée 1934-1940. P. 49; 659.
26. Ibid. P. 739; 730.
27. Ibid. P. 39; 48; 85; 470; 842.
28. Ibid. P. 942; 374-375.
29. Ibid. P. 353.
30. *Бовуар*. Второй пол. С. 472.
31. Там же. С. 450-451.
32. *Beauvoir*. Correspondance croisée 1934-1940. P. 475.
33. Ibid. P. 98; 179; 180; 848.
34. Ibid. P. 80.
35. *Сартр Ж.-П.* Дневники странной войны. Сентябрь 1939-март 1940. СПб., 2002. С. 589.
36. *Beauvoir S. de*. Lettres a Sartre 1930-1939; 1940-1963: 2 vol. V.2. Paris, 1990. P. 385; 362.
37. *Гак, Ганшина*. Ук. соч. С. 1068.
38. *Beauvoir*. Correspondance croisée 1934-1940. P. 48-49.
39. Ibid. P. 84.
40. *Beauvoir S. de*. Journal de guerre: septembre 1939-janvier 1941. Paris, 1990. P. 158.
41. *Beauvoir*. Correspondance croisée 1934-1940. P. 33; 49; 84.
42. *Бовуар С. де*. Второй пол. С. 749.

«ACCIDENTAL LOVE» OF SIMONE DE BEAUVOIR AS TRANSCENDENT ATTEMPT (ON MATERIAL «CORRESPONDANCE CROISÉE 1937–1940»)

A.A. Rozhkova

The article reveals Simone de Beauvoir's views on one of the faces of existential love — «Accidental love». Alive, unselfish and sensual this love showed Simone de Beauvoir's attempt to state herself as a writer and a woman and gain her own personality, her transcendence spirit through the world of flesh — the world of the Others.

© 2008 г.

Л.И. Исхакова

КОНЦЕПТ «СВОЙ — ЧУЖОЙ» И ОБРАЗ РОССИИ В РОМАНАХ ДЖЕЙМСА МОРИЕРА

Образ России и русских в романах Мориера наиболее полно предстает при рассмотрении концепта «свой-чужой». Важно установить, в чьем сознании складывается образ, представленный на страницах романов. Большое значение имеет определение субъекта, воспринимающего окружающий мир и отделяющего «свое», родное и близкое, от «чужого», нового и непонятного.

Первый роман «Похождения Хаджи-Бабы из Исфагана» («The adventures of Hajji-Baba of Ispahan» 1824 г.)[1] относится к так называемым восточным романам. Действие романа разворачивается в странах Ближнего Востока и Средней Азии, в эпоху правления династии Каджаров, правившей с конца XVIII века до 1921 года. Если быть более точным, то в романе отражен период правления Фатх-Али-шаха в 1797–1834 гг. В 1828 году выходит продолжение романа под названием «Мирза Хаджи-Баба Исфагани в Лондоне» («The adventures of Hajji-Baba of Ispahan in England»). Действие романа происходит в Англии эпохи Регентства (1811–1820 гг.).

Оба романа строятся как романы странствий, в ходе которых герой сталкивается с чужими народами, культурами и традициями. В процессе этих столкновений раскрывается характер чужой культуры и создается образ чужой национальной идентичности. В романе в коммуникацию вступают представители мира восточного мусульманского и западного христианского.

Главный герой романов — перс Хаджи-Баба, от его имени ведется повествование. В процессе своих похождений он сталкивается с представителями восточного и западного миров. В романе зафиксированы отношения как внутри этих миров, так и между собой, а также показано их восприятие относительно друг друга.

Повествование от первого лица подсказывает, что в романах отражен взгляд на эти два мира главного героя, Хаджи-Бабы. Именно из его оценок и суждений о людях, обычаях и традициях складываются образы «чужой» и «своей» культуры. Но на самом деле образы и восточного, и западного мира фиксируют более сложные отношения между повествователем, малограмотным персом, принадлежащим восточному миру, и автором — образованным англичанином, человеком западного мира. Часто на восприятие и оценки Хаджи-Бабы «накладывается» точка зрения самого Мориера, что придает концепту «свой-чужой» особую сложность и своеобразие.

Восточный мир в романах представлен довольно разнообразно. Это арабы, турки, персы, туркмены, афганцы, грузины, армяне и др. В основном это мир исламский (за исключением грузин и армян). По религиозным воззрениям они все «свои» герою, но отличаются национальными традициями и часто находятся в состоянии конфликта.

Роман «Похождения Хаджи-Бабы из Исфагана» наполнен рассказами о кон-

фликтах и столкновениях между арабами и турками, персами и курдами. Постоянная конфронтация является основной характеристикой состояния этого мира. Со слов Хаджи-Бабы ясно, что персы пренебрежительно относятся к туркам. Те отвечают им таким же презрением. Для жителя Ближнего Востока персы также отличаются от турок, как француз от англичанина для европейца. Хаджи-Баба видит и чувствует эти различия. Однако Мориеру в романе передать особенности национальных характеров и культур стран Ближнего Востока и Средней Азии не удается. В целом представители всех восточных народов у него выглядят на одно лицо.

Мориер создает обобщенный, унифицированный образ людей Востока с общим национальным характером. В целом этот образ обрисован сатирически. Люди Востока, по большей части, представлены в романе как алчные, порочные, ленивые, всегда готовые предать. Среди них есть хитрые, и есть наивные, но практически все они, включая главного героя, недалекие, болтливые, любопытные, избегающие тяжелого и упорного труда. Они всегда готовы обмануть, украсть или воспользоваться чьей-то слабостью. Одной из национальных черт характера этого собирательного образа восточного человека является склонность к мошенничеству, которая проявляется в самой разнообразной форме.

Очевидно, что образ восточного человека, как он представлен в романе, отражает восприятие Востока европейцем, но не местным жителем. Восточный мир увиден не глазами Хаджи-Бабы, «своего», одного из них, но взглядом автора, «чужака», англичанина, неспособного понять до конца чужую культуру и традиции. Именно этот «чужой» взгляд автора стирает нюансы и различия, очевидные для повествователя, он «остраняет» этот мир и делает его чужим. Кроме того, необходимо отметить, что отражено критическое восприятие чужого мира. Известно, что Мориер в течение многих лет исполнял дипломатическую службу в Иране. Это объясняет довольно хорошее знание им местных традиций, уклада жизни, привычек, обрядов и т.п. Но, очевидно, что за долгие годы Мориер так и не принял этот мир, они так и остались «чужими» друг другу. Автор занимает позицию стороннего наблюдателя, осознающего свое превосходство и проявляющего то снисходительность, то пренебрежение, то насмешку.

Чем обусловлено подобное восприятие иной идентичности и культуры? Отчасти английским снобизмом в отношении к представителям иных национальных культур. В XIX веке в Англии была широко распространена поговорка: «Туземцы начинаются в Кале», что отражает их уверенность в собственном превосходстве даже над другими европейскими народами, что уж говорить о далеких и непонятных восточных народах. Эти народы воспринимались как дети или дикари. С другой стороны, из всех европейцев англичане наиболее привержены собственным традициям и расстаются с ними очень неохотно. Во всех своих колониях англичане стремились не адаптироваться к местным нравам, а прививать коренному населению свои обычаи. Мориер здесь представляет типичный случай. Он хорошо знает местный материал, при необходимости может даже продемонстрировать тот или иной ритуал, но при этом всегда остается уверен, что все английское естественней и совершенней чужеземного. Именно эта приверженность английскому не позволяет ему ассимилировать с иной культурой, и Восток остается для него «чужим». Восток в романе, представлен-

ный как будто в восприятии его уроженца перса Хаджи-Бабы, на самом деле отражает восприятие европейца, англичанина Мориера. Поэтому людям Востока отказано во многих добродетелях, которыми на самом деле они обладают (честность, трудолюбие, скромность, умеренность и т.п.), и их собирательный образ обрисован иронично.

Иначе представлен западный мир и западный человек в романах. Здесь тоже присутствуют два взгляда — «свой» и «чужой», здесь также часто вместо голоса героя звучит голос автора и его воспринимающее сознание превалирует над сознанием героя, для которого западная культура является «чужой».

Сталкиваясь с представителями западного мира, люди Востока испытывают удивление, непонимание, чувство недоверия, настороженности, но иногда и симпатию. В целом Запад они воспринимают как «дом неверия, дом вражды». Это выражение употребляется по отношению ко всем немусульманским странам. Христиане для них — неверные.

Для Хаджи-Бабы и его единоверцев европейцы «чужие», поскольку их обычаи и традиции существенно разнятся с восточными. Европейцы в восприятии Хаджи-Бабы «народ странный, они бреют себе щеки, а оставляют волосы на голове и на прочих частях тела», пьют кофе с молоком, «сидят на каких-то престолах, едят ложками и железными когтями», пишут от левой руки к правой, едят свиней, черепах, зайцев; мужчины и женщины живут у них вместе. Как правило, все, что выходит за рамки родной культуры, воспринимается как «чужое». У европейцев персы увидели иную манеру поведения, иной стиль одежды, иной образ жизни. С европейцами персы сталкиваются в первом романе Мориера у себя дома (дипломаты, торговцы и пр.), но особенно ярко проявляется непонимание и изумление чужой культурой во втором романе, когда персы приезжают с посольством в Англию.

Привыкшие к тихой размеренной жизни, персияне попадают в водоворот новой, «чужой» для них среды, пугающей их своей быстротой, стремительностью. Во всем персы видят чудо, колдовство, магию. Их сознание не способно уяснить, откуда и как возникают те или иные предметы, явления. Так, персов поражает вид и размеры английского корабля, на котором «была целая усадьба со скотным двором». С таким явлением они столкнулись впервые. Путешествовать по городам Англии персам предстояло в огромных колесницах, что также является для них новым транспортом. Восторг гостей вызывает и состояние английских дорог, на которых не было ни единого камня, что существенно для европейских дорог в целом. Новым для персов было и строение английских домов, состояние трактиров, устройство паровой машины. Но главное, что больше всего поразило воображение персов — это роскошь, преобладающая во всем. Это вполне объяснимо, с одной стороны, Англия, пожинающая плоды промышленной революции, а с другой — отстающая в развитии Персия.

В романе «Мирза Хаджи-Баба в Лондоне» Мориер продолжил традицию Монтескье, влияние которого очевидно. В частности, автор использует тот же художественный прием «остранения»: осмысление «своей» культуры через восприятие перса, «чужака», человека иной культуры.

Свойственная англичанам сдержанность, немногословность персами воспринимается как необразованность, отсутствие воспитания: «Речь, произне-

сенная английским послом перед шахом, носила на себе явный отпечаток невежества этого народа... Она была сочинена без всяких: без метафор, без гипербол, без аллегорий — и заключала в себе простое изложение дела...». На Востоке говорить подобным образом не принято. Данная манера речи для персов свидетельствует либо об отсутствии ума, либо о неуважении к собеседнику.

Французы показались персам более приятным народом. Пообщавшись с ними, Хаджи-Баба признается в том, что «мы вообще полюбили этих неверных и даже находили в их характере некоторое сходство с нашим». Французы изображены как «сумасшедшие шуты»: «Они целый день пели, плясали, смеялись; делали разные фигли; говорили все вместе, один громче другого...»[2]. Легкомыслие французов, их склонность к балагурству, к веселью и шуткам, их стремление к наслаждениям делает их более близкими и понятными персам.

Но здесь возникает вопрос: действительно ли персы именно так воспринимают англичан и французов, или вновь звучит голос автора, выражающий традиционное высокомерное отношение англичан к французам, как к нации легкомысленной, состоящей в основном из балагуров, шутов, гуляк. В пользу второго мнения говорят высказывания о французах Честерфилда, Карлейля и др. англичан. В любом случае, очевидно, что представители европейских наций обрисованы в романе более детально и имеют каждый свое лицо. Эти национальные культуры «чужие» для героя-повествователя, но «свои», хорошо знакомые автору, и Мориеру удалось передать основные особенности национальных характеров англичан и французов.

Что касается России и русских, то эти образы стоят особняком в романах. Россия находится между Востоком и Западом и остается по сути «чужой» и для тех, и для других.

Упоминание о России в первом романе связано с военными событиями. Речь идет о русско-иранской войне 1804–1813 гг. Россию ассоциируют, в первую очередь, с ее столицей — Москвой. Не случайно часто в романе русских называют Москоу. Оценки даются противоречивые. О России говорят: «Русские неверные, самое нечистое и опасное племя. Они отняли у нас Очаков, Крым и многие другие области».

Военные победы России не способствуют любви к ней со стороны противников, а таковыми являются и персы, и англичане. Но сила и военная мощь России вызывают уважение и у Запада, и у Востока. Даже негативные высказывания о России и русских не содержат пренебрежения или уничижительных оценок. Об этом свидетельствует и то, как говорят о Екатерине II. На Востоке ее прозвище было «Солнцевенчанная», буквально: «та, у которой головной убор — солнце».

Как мы видим, концепт «свой-чужой» занимает особое место в творчестве Мориера. Именно через эту оппозицию осуществляется либо обрывается коммуникация. Западный и восточный мир до конца остаются в романе «чужими» и даже чуждыми друг другу. Даже долго живущие на Востоке европейцы не сближаются с его обитателями. Поэтому между ними невозможна успешная коммуникация.

Успешной коммуникация становится лишь тогда, когда происходит сближе-

ние «своего» и «чужого», когда обнаруживаются общие коммуникативные коды, позволяющие понять друг друга даже людям различных национальных культур. Эти коды могут быть основаны на общих нравственных принципах, на общечеловеческих ценностях и не зависеть от принадлежности коммуникантов к различным национальным культурам.

Примером этому могут служить отношения армянина Юсуфа и русского капитана. Оба они христиане, но различий между ними достаточно. Они принадлежат разным национальным идентичностям. У них разные традиции, обычаи. Не лишним будет вспомнить о войне, в которой армяне и русские являются противниками. Более того, русские войска заняли родное селенье Юсуфа, и капитан командует этими войсками и осуществляет оккупационную власть. Однако Юсуф вспоминает о русском капитане с теплотой и благодарностью.

«Своим» становится русский капитан, занявший дом родителей Юсуфа накануне свадьбы. А вот союзники-персы остаются чужими. Вот как объясняет это Юсуф: «Он держал своих солдат в строжайшей подчиненности, был очень ласков и обходителен с жителями и подвал собою пример редкой воздержанности. Мы были очень довольны нашими незваными гостьми: сравнивая наглость и хищничество наших персидских ратников, в мирное даже время, с кротким и дружеским поведением неприятеля». Юсуф отмечает, что русские хорошо воюют, но они не агрессивны, они не проявляют жестокости по отношению к побежденным, не притесняют их. Напротив, они великодушны и добры. А это качества, присущие по-настоящему сильным людям.

На примере взаимоотношений Юсуфа и капитана автор показал отдаление «своего» и приближение «чужого». Капитан становится Юсуфу «своим» потому, что его сближает с Юсуфом радостное, непосредственное переживание жизни: «Он даже предложил пособить по возможности моей свадьбе и подарил моей невесте несколько грузинских галдунов»[3].

Общими коммуникативными кодами становится порядочность и человечность в отношении к людям, что позволяет осуществить успешную коммуникацию и сделать «своими» представителей двух разных наций.

Россия предстает в романе как сильная держава, лишенная мелочной агрессивности. Русские воспринимаются иностранцами как благородные, справедливые, уважающие представителей других народов, обладающие широтой души люди, способные на бескорыстную помощь, сопереживание, нравственные поступки.

Эти качества России и русских упоминаются и во втором романе. Одна из дочерей мистера Хогга старалась обратить Хаджи-Бабу в христианскую веру. В связи с этим Хаджи-Баба размышляет: «Как далеко эти Франки отстали от Русских!» — подумал я про себя. — Неужели они лучшие христиане, чем Северные наши соседи? Мы не любим и боимся русских; но должны отдать им полную справедливость в этом отношении. Все слышанное нами от Иранцев, прибывавших в России, подает высокое понятие о мудрости ее правительства и миролюбии самих жителей. Там никто не искал заставлять наших отказаться от веры их предков, ежели собственная их совесть не внушала им того убедительно»[4]. В этом пассаже подчеркнуто качество, которое присуще сильным и мудрым народам — толерантное отношение к тем, кто не похож на тебя.

В целом Россия и русские воспринимаются «чужой» культурой положительно. Единственное, что стоит уточнить: чье восприятие зафиксировано в романах. Повествование в обоих произведениях ведется от имени Хаджи-Бабы. Однако в первом романе об эпизоде с русскими он узнает от армянина Юсуфа. Во втором романе Хаджи-Баба намекает, что слышал о русских и России из уст своих соотечественников. Но, скорее всего, здесь дано восприятие не армян и персов, а восприятие Мориера — образованного англичанина, писателя и дипломата, жившего в начале XIX века.

Таким образом, можно сказать, что образ России и русских, представленный в романах, отражает восприятие их сознанием Запада, а не Востока.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Мориер Дж.* Похождения Хаджи-Бабы из Исфагана. М., 1989. С. 406.
2. Там же. С. 402.
3. Там же. С.189.
4. *Мориер Дж.* Мирза Хаджи-Баба Исфагани в Лондоне. СПб., 1830. С. 129.

CONCEPT «THE OWN-THE STRANGER» AND IMAGE OF RUSSIA IN JAMES MORIER'S NOVELS

L.I. Iskhakova

The central concept of Morier's creativity is the concept «The Own-The Stranger». Through this very opposition the communication is carried out or breaks. The novels show, that «The Stranger» is necessary for recognition of «The Own» in each national culture and vice versa. The ratio of «The Stranger» and «The Own» is differently revealed in national cultural worlds. Taking into account the opposition «One's Own- Alien/Stranger» and the role of both the author and the storyteller in formation of national culture images the author of the article analyses the image of Russia and the Russians in Morier's novels.

© 2008 г.

Е.А. Ломакина

«ВЕК-МАСКАРАД» И ЭПОХА САМОИДЕНТИФИКАЦИИ В МАСКАХ ПЬЕС У. УИЧЕРЛИ И ДЖ. ВАНБРУ

Эпоха Реставрации в Англии является одним из тех исторических периодов, в котором проблема самоидентификации встает особенно остро. По словам В.К. Кантора, «артистизм, театральность характерны, как показывает исторический опыт, для любого слома традиционного мировоззрения»[1]. То, что в целом можно назвать тенденцией к театрализации действительности, отражается в непрестанных поисках аутентичности. Обращение литературы к маске стано-

вится формой выявления собственного — истинного — лица, необходимого для определения своего истинного места в (социокультурном) пространстве и (историческом) времени. Хронологически занимая исторический отрезок одновременно переломный и переходный, Реставрация как историческое и социальное явление в истории Англии является эпохой без лица — эпохой маски, о чем можно сделать вывод, исходя из рассмотрения культурологических и исторических материалов эпохи. Причины наделения эпохи Реставрации эпитетом «эпохи маски» как объективного, так и субъективного свойства обнаруживаются в свидетельствах Дж. Тревельяна, Д. Юма, Т. Маколея, Г. Геттнера, отечественного исследователя М. Барга, и, что для нас особенно важно, самого У. Уичерли, который прямо называет свой век «веком-маскарадом»[2].

Обращение У. Уичерли к маске как к особому художественному приему обусловлено отчужденностью, возникающей при надевании той или иной маски, в более глобальном смысле характерной для всякой ситуации, когда целые народы, оказавшись перед лицом исторической неопределенности, сталкиваются с проблемой национальной и культурной самоидентификации.

Анализ приема маски в пьесе У. Уичерли «Деревенская жена» выявляет разноуровневость вводимых автором масок. Маска не просто присутствует в комедии Уичерли, но составляет важнейший компонент ее поэтики. Как и всякая комедийная маска, маска Уичерли создает комический эффект. Просто насмешка превратила бы пьесу Уичерли в карнавал или бал-маскарад, где участники, насладившись выбранной ролью и сняв маски, продолжают жить своей жизнью. У Уичерли маска аккумулирует в себе все многообразие средств (речь, поведение, костюм, предмет), позволяющих героям обрести свое «истинное» лицо в маске. Такой характер функционирования маски в художественном тексте позволяет говорить о сознательно выбираемом автором приеме.

Т. Маколей называет комедию Реставрации «квинтэссенцией антипуританской кампании», мы в своей работе обозначаем маску как квинтэссенцию средств самоидентификации общества, стоящего между крайними точками развития своего сознания, составляющими своего рода оппозицию *аскетизм — разврат*. Напряжение, возникшее между двумя этими полюсами и обострившее потребность в самоидентификации, стало главной причиной маскарадности эпохи.

Использование этого приема не ограничивается творчеством Уичерли, маска разнопланово представлена в пьесах драматургов Реставрации Этериджа, Ванбру, Сэдли[3]. Принципиальное отличие заключается в характере функционирования: у Уичерли маска — это основа, направляющая развитие линий сюжета, которой подчинены художественные средства, у других авторов маска является второстепенным элементом художественной структуры пьесы. Драматурги Реставрации очерчивают границы функционирования маски, исходя из собственного видения современной им эпохи, а именно, разрешение оппозиции аскетизм — разврат и путей разрешения напряжения между этими полюсами. Степень и цель использования автором маски в художественном пространстве пьесы определяются внутренним личным выбором того или иного полюса.

Выбор, заявленный Уичерли, просматривается в созданной им системе масок. Причем его маски, лицемерно прикрывающие разврат, одновременно де-

монстрируют его, вскрывая истинную суть замаскированных личин-масок. Также ярким примером разрешения этой оппозиции может служить памфлет-декларация «Краткий очерк безнравственности и нечестивости английской сцены» Джереми Колльера (1698)[4]. Полюс, выбранный Колльером, очевиден: он обличал «распущенность», «кощунство» театра, его покровительство «таким порокам, которые противны разуму». Памфлет, а также меняющаяся социально-политическая ситуация («славная революция» 1688) привели к определенным практическим последствиям: общественное сознание к тому времени стремительно двигалось на шкале аскетизм-разврат к возможной точке равновесия. Джон Ванбру, в пьесе «Неисправимый или добродетель в опасности», предпринял попытку свести две крайности к некой «золотой середине» воспользовавшись при этом маской, как вспомогательным средством[5]. Само наличие и функционирование маски помогает определить позицию автора в отношении точки равновесия на шкале оппозиции аскетизм — разврат.

Маска Хорнера (Horner) комедии У. Уичерли «Деревенская жена» является квинтэссенцией самой эпохи Реставрации. Не будучи выделенным в заглавии пьесы, Хорнер включен во все без исключения хитросплетения сюжета. Появление Хорнера в его маске «евнуха-импотента» делает явными все прежде скрытые пороки. Так, заявленная в заглавии деревенская жена («Country wife») — это тоже своего рода маска покорности, ношение которой требовалось мужьями и родителями женщин в те времена. Эта маска героини Марджери падает, когда деревенская простушка, в своем стремлении соединиться с объектом страсти, проявляет невиданную хитрость и скорость облачения в удобные визуальные и поведенческие маски, присущие скорее искушенной городской даме. Центральные герои пьесы Ванбру ««Неисправимый, или добродетель в опасности» лишены каких-либо масок: Аманда — это воплощение *добродетели*, заявленной в названии, и Ловлас — ее, по-настоящему, *неисправимый* муж (чему она становится свидетелем в финале пьесы). У Уичерли маска является фундаментом, на котором возводится корпус драматургического произведения, Ванбру идет от противоположного качества — добродетели, но именно она и вызывает необходимость в возникновении и проявлении масок у других персонажей.

Хорнер провоцирует срывание одних масок и возникновение других. Как справедливо отмечает Р. Бевис, при рассмотрении образа Хорнера практически неизбежно возникает аналогия с понятием «кары господней»: у Уичерли Хорнер — это «плохой» человек, используемый во благо высшей силой, его зло оборачивается добром, подобно злу Сатаны в теологии кальвинизма[6]. Конечно, мы вряд ли можем быть совершенно уверены в том, что сам драматург видел смысл своего персонажа именно в таком свете. Однако мы полагаем, что предпринятое Бевисом сопоставление в любом случае способствует лучшему пониманию роли Хорнера в развитии сюжета. Можно сказать, что он является своего рода орудием автора (подобно Сатане или Ассириянину). Это яркий типаж галантного остроумца-распутника эпохи, что подразумевает под собой четкость мыслей, изощренную гибкость ума, практическую точность использования большого жизненного опыта. Это, по сути дела, и явилось основой для создания Хорнером маски евнуха. При создании своей маски-личины он идет от

противного: так, лекарь, нанятый для распускания слухов о его импотенции, удивляется тому, что «молодые щеголи не раз платили мне за то, что я врал про них, будто они что надо. Вы первый, кто самолично распускает про себя слух, будто он не годен для женщин»[7]. Но Хорнер слишком умен, чтобы опускаться до банального хвастовства, ведь хвастовство — та же маска вербального притворства с присущим ей свойством приукрасить и преувеличить реальное положение вещей.

Как это не парадоксально, у Ванбру банальным бахвальством, но не маской, а личностной чертой обладает лорд Щегольтон, который, не скрываясь, горделиво называет себя «главой столь достойной части рода человеческого», а его имя словно подсказка для какой именно части[8]. Он открыто заявляет о том, «какое утомительное занятие — думать», а слушать нужно самого себя, а не проповеди, так как это «совершенно не подобающее занятие» [9]. Оповещая о своем жизненном распорядке, Щегольтон, сам того не подозревая, подтверждает слова кузины Аманды Беринтии об этой «достойной части рода человеческого», то есть о хлыщах: как о безмозглых бездельниках-ослах, любящих исключительно самих себя и насквозь прогнивших. Нагло заявляя о своих ухаживаниях Аманде, он показывает отношение к женщине в целом, без частностей: «Я не прочь побаловаться с чужой женой»[10]. Среди героев Уичерли лорда Щегольтона можно поместить в один ряд со Спаркишем — якобы острословом («a would-be wit»), оказывающимся на деле хвастливым лицемерным хлыщем. Так, английская форма *условного* наклонения would и ее дериват would-be, что значит *претендующий* и *притворный* вполне соответствуют русской форме *условного* наклонения «бы» и ее варианту «якобы». Отличие состоит в отсутствии маски у Щегольтона и наличии старательно натягиваемой личины у Спаркиша.

В свою очередь Хорнер, противопоставляет преувеличению явное занижение качества, и это заведомо умышленное противопоставление раскрывает механизм действия маски. Он убежден: «<...> в любви, как и в медицине, недолго навредить себе лишним бахвальством. Добрую славу хвастовством не приобретешь, а женщину, как и честь, похвальбой не добудешь. Поверьте мне, хороший законник никогда не выдаст до срока своих замыслов, богач не проговорится о своих сокровищах, а заядлый картежник — о своих козырях».[11]

Умный законник, богач, картежник или бабник до срока не снимет свою маску и не выдаст своих явных намерений. Явная маска хвастовства, по мнению Хорнера, фальшива и недейственна изначально, кроме того, здесь необходимо терпение: «<...> в любви как на охоте: больше времени уходит, чтобы выследить дичь, чем поймать ее. Тут нужен особый нюх»[12]. А нюх у Хорнера превосходный: прекрасно ориентируясь в мотивах человеческих отношений, он делает ставку на время и схему действия маски. Хорнер представляет собой большую угрозу и обладает при этом огромной властью, скрывающейся за кажущейся беспомощностью: в то время как над ним публично насмехаются, он тайно торжествует. Здесь мы сталкиваемся не просто с коварной стратегией — это само зло. Хорнер относится к сексу, так же, как Вольпоне Б. Джонсона к золоту (для него процесс игры значит не меньше, чем получение выигрыша). Хорнера не трогает пренебрежительное к нему обращение мужей, навязывающих ему компанию своих жен для сплетен и карт. Ведь их невольное содейст-

вие и есть вершина изощренности его маски. Хорнеру даже в большей степени, чем Вольпоне, «*недостает*» честолюбия (в его традиционном понимании): «он хотел бы казаться импотентом, так же, как и виртуозный игрок — неумехой, а искусный дипломат — тупицей»[13]. Скрывая свое истинное лицо за противоположной по своей сути личиной, они добиваются успеха каждый в своем деле, основываясь на обмане и собственном честолюбии. Будучи маниакально одержимым своей идеей, Хорнер платит за успех слишком высокую цену, однако в его глазах это оправдано. Фактически, это оправдывается общим развитием сюжета, чего нельзя сказать о сюжете «Неисправимого» Ванбру.

Одна из основных масок, введенных автором в сюжетную канву, хотя и срабатывает согласно рассчитанной схеме, в конечном счете, терпит поражение перед ликом настоящего достоинства. Отчасти механизм действия зиждется на противоположном маске искреннем чувстве любви Аманды к Ловласу. Через пошатнувшуюся веру в мужа, организатор этой маски альянса лорд Честнер хотел войти в доверие и сердце Аманды. Маска альянс — это заговор Честнера и Беринтии, имеющих своей целью «так увлечь Аманду поклонником, чтобы она не заметила, с кем связался ее муж»[14]. Надев поведенческие маски наперсницы и друга, сообщники идут к собственным целям: Беринтия — роману с Ловласом, Честнер — сердцу Аманды. Честнер сделал ставку на чувство, не учтя одного важного момента — искренности этого чувства, с которой столкнулась его маска.

Напротив, простой расчет Хорнера оказался верен, хотя и невероятен и противоречив по своей сути. Однако именно противоречивая дерзость замысла открывает ему все двери:

Хорнер. Теперь, когда всем известно, что я кастрат, я могу позволить себе некоторые вольности: могу преспокойно сидеть ранним утром в будуаре, в часы, когда там прилично бывать лишь мужу; могу целовать девиц на глазах у их женихов и родителей. Словом, буду, вхож всюду.[15]

Маска евнуха на поверку оказывается более *правдоподобной*, чем маска друга, очевидно, также знакомая Хорнеру: «Прикидываться другом бессмысленно, они все равно тебя раскусят! Нет, в столице этот номер не пройдет!». По его мнению, «тут надо придумать, что-нибудь новенькое», и он придумал, хотя и не особо «новенькое», в чем признается: «Он (случай — *Е.Л.*) не так-то нов. Probatum est.»[16]. Хорнер не первым апробировал маску евнуха, что не умаляет оригинальности решения вопроса. Честнер, воспользовавшийся маской друга, впоследствии был вынужден снять ее, показав свое настоящее лицо — влюбленного мужчины. Хотя он, так же как и Хорнер, «был всюду вхож», его маска потерпела крах перед лицом истинной, а не ханжеской добродетели.

Так, леди Фиджет, клюнув на провокационную наживку Хорнера, немедленно выставляет напоказ свою маску мнимой добродетели:

Леди Ф. <...> ненавидеть честных и благородных дам за их верность мужьям...! Когда женщина только на мужа и смотрит, это злит... [17]

Леди Фиджет зла на саму себя за «верность» супругу, однако ее маска добродетели предписывает ей директивы, ограничивающие поведение. По ее мнению, «эти господа готовы простить женщине любое притворство, однако не простят ей ее добродетели»[18]. Устами леди Уичерли говорит о нравах эпохи

Реставрации. А Ванбру подтверждает, словами Честнера, — нравственные принципы Аманды, любящей своего мужа Ловласа, «чертовски не соответствуют» его замыслам, отказ и равнодушие к поклонникам он определяет как «заблуждение, свойственное любящим женам, считающим себя добродетельными»[19]. Устами Честнера глаголет истина, но только в отношении женщин, подобных леди Фиджет, вскрытая и озвученная Хорнером:

Хорнер. Светские дамы так обходительны, что не всегда поймешь, где любовь, а где просто любезность; вот мы и попадаем впросак. А теперь я доподлинно знаю, что те, кому я особенно мерзок, — большие охотницы до этого дела. Взять, к примеру, родственниц Фиджета — распутницы, ручаюсь вам! (I)

В этой связи, нельзя не обратить внимание на смысловое значение грамматической конструкции в оригинале пьесы. Так, в фразе Хорнера: «Если бы я мог...» (опорочить вашу честь — *Е.Л.*) оригинал: If I could...[20] (wrong your honour — *Е.Л.*) <перевод наш — *Е.Л.*> имеет значение *воображаемой нереальной* в действительности ситуации, которое и подчеркивает двойной смысл, вкладываемый в него Хорнером. Кроме неоднозначности смысла, игра слов маски имеет вполне определенную цель — вскрыть фальшь показной добродетели и чести.

Маске добродетели леди Фиджет может быть противопоставлена настоящая добродетель без притворства Аманды, для которой «любовь к мужу, чувство, долга, честность — верные стражи моего сердца»[21]. И пока жива ее любовь и вера к мужу, ее добродетель — действительно «несокрушимая крепость», в чем убедились компаньоны маски-альянса Беринтия и Честнер. Беринтия, даже при наличии маски друга (стараясь склонить Аманду к интриге), не лицемерит, так как излагает собственные взгляды на жизнь, личные отношения к дружбе, которые не лишены здравомыслия и изрядной доли логики. Однако это естественно, никоим образом не оправдывает ее сговора с Честнером, романа с Ловласом и предательства Аманды, ведь для нее самые «пленительные свойства женской натуры» проявляются в интриге (маске), «здесь найдут себе применение и притворство, и изобретательность, и плутовство, и льстивость, и коварство, и ложь»[22].

Таким образом, механизм маски Уичерли выявляет одну фальшь посредством другой. При этом, маска евнуха — это игра в притворство, в то время как маска мнимой добродетели и им подобные — это личины, за которыми скрывается подлинная сущность нравов эпохи, а на ум приходит изречение: «лицемером является тот, кто не знает, что он является таковым»[23]. Герои Ванбру с одной стороны пользуются преимуществами масок, с другой, все они изначально предстают без личин, игры или притворства.

Брат лорда Щегольтона Франт выдал себя за брата (в духе шекспировских масок)[24], но им скорее двигала корысть и отчаяние, чем лицемерие. Следует отметить, что он до последнего пытается избежать маски и прислушивается к голосу совести:

Мне не придется долго разбираться
Меж совестью своей и волей братца
Не сдастся он, так совесть может сдаться[25]

Сняв маску со своей авантюрной затеи женитьбы на невесте брата, Франт остается самим собой, более того он остается при жене и ее приданом, хотя и полученным при помощи обмана, но обмана вынужденного (что, конечно, его не оправдывает). Честнер — это воплощение порока, который, по выражению Аманды, «(всегда оставаясь пороком) мог настолько изменить свое внешнее обличье», что его «греховные домогательства... ...кажутся ласковыми и добрыми»[26], при этом, также остающимся самим собой — галантным острословом-распутником. Честнер Ванбру и Хорнер Уичерли причисляются Беринтией к породе мужчин, являющихся «антиподами хлыщей» с содержимым в голове, эмоциями в сердце и здоровые духом, для них притворство — лишь игра в евнуха или друга. Различие же как раз в эмоциях: настоящие эмоции заставили Честнера снять маску и обнажить свои чувства перед Амандой и подвигли Хорнера помочь другу Дориланту воссоединиться со своей возлюбленной Алитеей, но сам он остается при своей маске.

Изначально Ловлас представлен как искренне любящий муж Аманды, однако уже само название пьесы «Неисправимый, или Добродетель в опасности» предполагает маску, которая вскоре оказывается сорванной самой натурой Ловласа (в оригинальном названии пьесы неисправимый обозначается словом relapse — рецидив, случившийся на самом деле). Рецидив Ловласа подобен неисправимости Пинчвайфа из пьесы «Деревенская жена» Уичерли. Но если последний скрывает свою неисправимость за маской ревностного, ревнивого супруга, то Ловлас не в силах бороться с самим собой, что и было предъявлено Аманде маской-альянсом Честнером и Беринтией (играющей саму себя, но визуальной маской скрывающей лицо).

Итак, оба автора используют прием маски как средство характеристики персонажа, при этом представлена как вербальная, поведенческая маска (художественная форма) так и визуальная маска («накладка»)[27]. Основное отличие заключается в объемах и конечном результате использования масок. Очевидно: «век-маскарад» изобличен масками Уичерли, следующая, предвосхитившая эру Просвещения, может быть обозначена как эпоха самоидентификации, поиска точки равновесия, где синтезируются крайности (аскетизм и разврат), раздиравшие предшествующую эпоху Реставрации, эта эпоха видна в героях Ванбру, которые, надев маски, затем сняли их, оставшись самими собой.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Кантор В.К.* Артистическая эпоха и ее последствия // Вопросы литературы. 1997. № 2. С.162.
2. *Trevelyan G.M.* English Social History. London, 1942; *Trevelyan G.M.* Illustrated English Social History. V. 2. Pelican Book, 1964; *Геттнер Г.* Одичалость английской комедии // История всеобщей литературы. В 2-х т., М., 1910; *Маколей Т.Б.* Английские комики времен Реставрации // Современник. № 9. 1856; *Macaulay Th.B.* The Puritans. N.Y., 1898; *Барг М.А.* Великая английская революция в портретах ее деятелей. М., 1991.
3. Так, в истории английской литературы (Кембридж) говорится сразу о трех комедиях «Малбери Гаден» Седли, «Комический реванш» Этериджа и «Любовь в лесу» Уичерли, где маска является важной составляющей интриги как в жизни самой эпохи, так и в пьесах, которые были ее отражением. Cambridge History of English

and American Literature in Eighteen Volumes. V.8 Cambridge, 1907-1920. P. 156.
4. *Collier J.* A Short View of the Immorality and profaneness of the English Stage. N.Y., 1974. P. 288.
5. *Ступников И.В.* Лорд Щегольтон и другие. М., 1975. С. 13; *Dobree B.* Restoration and Eighteen Century Comedy. Norton, 1997. P. 182.
6. Исследователь проводит параллель между Хорнером и персонажем Ветхого Завета — «Ассирянином», которого Бог посылает в наказание порочному лицемерному народу как «бич гнева своего». *Richard W. Bevis.* Mask and Veil: Comedy // English drama: Restoration and Eighteen century 1660-1789. Longman, 1988. P. 85-86.
7. *Wycherley W.* The Country Wife. Уичерли Уильям. Деревенская жена / Пер. Р. Померанцевой. М., 1981. Данный перевод на русский язык является единственным существующим в настоящее время. В русском варианте отсутствует разделение на сцены, таким образом, в настоящей работе приводится деление согласно актам пьесы. I.
8. Подробно о маске имени см: *Томашевский Б.В.* Теория литературы. Поэтика. М., 2003. С. 203; *Тынянов Ю.Н.* Поэтика. История литературы, кино. М., 1977. С. 202-204.
9. *Vanbrugh J.* The Relapse or Virtue in Danger. Ванбру Джон. Неисправимый, или Добродетель в опасности / Пер. Н. Рыковой. М., 1975 Данный перевод на русский язык является единственным существующим в настоящее время. В настоящей работе приводится деление согласно актам пьесы. II
10. Op. cit., II.
11. *Wycherley*. Op. cit. I.
12. Ibid.
13. *Kronenberg L.* The Threat of Laughter. N.Y., 1976. P. 69.
14. *Vanbrugh*. Op. cit. III.
15. *Wycherley*. Op. cit. I.
16. Ibid.
17. Ibid.
18. Ibid
19. *Vanbrugh*. Op. cit., III.
20. В некоторых случаях перевод Р. Померанцевой не в полной мере передает игру слов оригинального текста пьесы, который мы приводим по изданию: Wycherley, William. The Country Wife P. 7 // Restoration and the 18th century comedy. N.Y., 1973. I.
21. *Vanbrugh*. Op. cit. II.
22. Ibid. III.
23. *Kronenberg.* Op. cit. P. 66.
24. Подробно о карнавальности, а значит масочности шекспировских пьес, см: *Чернова А.Л.* Все краски мира кроме желтой. М., 1987. С. 122.
25. *Vanbrugh*. Op. cit. I.
26. Ibid. II.
27. *Лотман Ю.М.* Избранные статьи. В 3 т. Т. 3. Таллинн, 1993. С. 377.

«CENTURY-MASKARADE» AND SELF-IDENTIFICATION EPOCH IN MASKS OF W. WYCHERLEY AND J. VANBRUGH'S PLAYS

E.A. Lomakina

The article presents an attempt to make differentiation between the use of the mask as an artistic means in dramatic works: «The Relapse or Virtue in Danger» by Jonh Vanbrugh and «Country Wife» by William Wycherley which belong considerably to the golden era and the decline of Restoration. The author does some analysis of the plays in order to indicate special features of masks created by two Restoration dramatists and outline both vital changes and the origin.

© 2008 г.

С.В. Овчарова

МИФ И АРХЕТИП В ТВОРЧЕСТВЕ Ф. ФЮМАНА

Творчество Ф. Фюмана (1924–1984), одного из талантливейших немецких писателей, чрезвычайно богато и неоднородно как в жанровом, так и в тематическом отношении. Он широко известен в Германии благодаря своей лирике, прозаическим произведениям, эссе, обработкам классического мирового литературного наследия, а также радиопьесам и сценариям фильмов. Ф. Фюман, бесспорно, является одной из крупнейших фигур в немецкой литературе современности. С точки зрения отечественного и немецкоязычного литературоведения преимущественную позицию в творчестве писателя уверенно занимает традиция, поскольку именно осмысление национальной литературной традиции можно считать поворотным моментом в становлении Ф. Фюмана как писателя.

Опыт использования им древнего культурного наследия довольно разнообразен. В различные периоды творчества писатель привлекает к своей работе поэтические средства сказок, античных и библейских мифов, древнегерманского эпоса, средневековых легенд, экспрессионистской поэзии, венгерской, чешской, австрийской литературы; обращается к творчеству Шекспира, Гёте, Гофмана, Манна.

Наряду с вышесказанным многогранность таланта и интеллекта Ф. Фюмана позволяют ему заниматься отдельными вопросами теории литературы, что свидетельствует о его уникальном вкладе в развитие литературоведческой науки в целом. В частности, Ф. Фюман разработал собственную своеобразную концепцию мифа как основной модели творчества, программные положения которой намечаются им в дневнике путешествия по Венгрии «Двадцать два дня, или Половина жизни» (1973) и окончательно излагаются в докладе перед студентами Берлинского университета имени Гумбольдта «Мифический элемент в литературе» (1974).

В качестве методологической основы теоретического обоснования концепции мифа как основной модели Ф. Фюман использует конспект В.И. Ленина по книге Гегеля «Наука логики». В конспекте Ленин комментирует высказывания Гегеля о происхождении фигур логического заключения, т. наз. «силлогизмов». Мировоззренческая позиция Гегеля исходит из того, что он стремится «подвести целесообразную деятельность человека под категории логики»[1], и определяет силлогизмы как первичные по отношению к человеческой практике. Ленин переворачивает это утверждение «с головы на ноги» и пишет, что «практическая деятельность человека миллиарды раз должна была приводить сознание человека к повторению различных логических фигур, дабы эти фигуры могли получить значение аксиом»[2].

Именно это предложение Ленина и составляет теоретическое ядро фюмановской концепции мифа. Ф. Фюман считает необходимым это подчеркнуть, он даже образно называет его «ключом от того замка, за которым скрыт предмет мифа»[3]. Вышесказанное вполне можно расценивать как комментарий и, в целом, слово в поддержку учения Юнга об архетипах. Хотя Ф. Фюман и не высказывается об этом прямо, на деле он во многом примыкает к юнгианству. Для Юнга же архетип означает «проявление глубинных слоёв бессознательного»[4] — действительность человека и общества. Значение исторического процесса им полностью отрицается. Вместо этого большое значение Юнг придаёт «унаследованным возможностям человеческих представлений, как это сложилось с давних пор»[5].

Обоснованность существования логических фигур как познавательно-теоретических закономерностей, их наглядное выражение в основных экзистенциальных ситуациях человека — как, например, смерть или рождение ребёнка — согласно последовательности мыслей Ф. Фюмана служит в определённой мере переходом от учения об архетипах к утверждениям Ленина. В результате писатель приходит к следующим выводам: « Это были следы опыта многих тысячелетий ... это был концентрат опыта их предков, с которым сталкиваются праправнуки при развитии логических категорий, и всё наше мышление проистекает по таким же, сформированным с давних пор следам...»[6]. Однако взаимосвязь архетипов в «коллективном бессознательном» с высказыванием Ленина, даже если учесть наглядность подобных «следов», не прослеживается. Эту взаимосвязь и нельзя установить. Следы в мышлении, признаваемые марксистской философией, имеют своё происхождение в практической деятельности и связаны с историческим процессом.

Бесспорен тот факт, что процессу развития сознания присуща относительная самостоятельность. В контексте этого возможно, что распознавание исторического фона определённых явлений человеческой жизни, как, например, основных экзистенциальных переживаний, неоднократно упоминаемых Ф. Фюманом, сопряжено с некоторыми трудностями. Такие переживания существуют вне исторического процесса — для тех, кто их испытывает. Чем в большей степени человек преодолевает своё бытие в качестве объекта и становится субъектом истории — иначе, что было бы содержанием нашего движения, — тем чаще вынужден он осмысливать не одни лишь исторические условия своего существования.

Если предпринять краткий обзор эссеистики Ф. Фюмана и привлечь к этому ещё и прозаические произведения писателя, можно заметить, как чётко вырисовывается концепция литературы, сущность которой однозначно заключается в разработке тех самых «следов», что пронизывают всю историю человечества. В этом смысле Ф. Фюман говорит о так называемом «моделеобразующем характере» литературы[7], о её функции придавать наглядность древним образцам (следам), в чём и заключается её «мифический элемент», её мифическое качество.

Наряду со структурным аспектом важность приобретает содержательная сторона литературы. Неотвратимо встаёт вопрос о содержании, передаваемом читателю посредством упомянутых «моделей». Ф. Фюман уверенно определяет его следующим образом: «Мифы — это человеческий опыт». И, наконец, уточняет, вводя ещё один нюанс: мифы — это «модели человеческого опыта»[8]. Но какие-либо объяснения по поводу того, каким образом эти модели формируются, отсутствуют. Теоретические изыскания Ф. Фюмана относительно затронутого вопроса довольно противоречивы. Тенденции генетически объяснить сущность и происхождение оформившихся в течение веков «следов» (учение об архетипах; человек как естественное существо) противостоит другая тенденция — неоднократно высказываемое признание мифа как длящегося процесса. Это именно тот аспект, который особо подчеркивается и служит в качестве отличительного признака при сравнении сказки и мифа в дневнике «Двадцать два дня, или Половина жизни». Мифы, согласно Ф. Фюману, «процессы», сказки же, напротив, «результаты»[9].

Занимаясь вопросом о «праформе» мифа, писатель даёт более полную формулировку: «Миф — это зародыш и всё его развитие; именно становление мифа каждый раз в новом образе и есть его жизнь, его застывшая в какой-то определённый момент и являющаяся единственно истинной форма была бы его смертью... Верность мифу требует переоценки взгляда на все уже имеющиеся его изложения...»[10]. Различие не вызывает сомнений: «унаследованные праформы человеческого поведения» — с одной стороны, это статичное, метафизическое понимание мифа, а с другой, признание необходимости изменения традиционных образцов. Подобная тенденция легко прослеживается в эссеистике писателя, но результат один: Ф. Фюман не разрешает для себя данное противоречие. Определение мифа как процесса, как становления — это установка, не сопровождаемая аутентичными выводами. Однако на основании проведённого анализа мы вправе утверждать, что невысказанным остался факт обусловленности необходимости изменения традиционного мифологического материала ничем иным, как изменением общественных условий. Точно так же, как и любое общественное или индивидуальное явление, миф, т.е. то, что под этим подразумевал Ф. Фюман, подвержен историческому развитию. Неясность в цепи теоретических доказательств писателя имеет свою природу в лишении мифа категории историчности. Причина этого отклонения довольно последовательно смещается Ф. Фюманом в сферу внутричеловеческого, психологического, поэтому и изменения воспринимаются не как исторически детерминированный процесс, а на основе психологической типологии. Отсюда интерес к Юнгу, Фрейду и психоанализу.

Исследования Ф. Фюмана в области противоречивости «человеческой формы существования»[11] нужно понимать в качестве познавательно-теоретической основы его концепции человека и человеческой жизни, в тесной взаимосвязи с которой находится концепция сущности искусства.

По мнению Ф. Фюмана, искусство и наука являются системами методов, с помощью которых человек раскрывает либо преодолевает своё «главное противоречие», заключающееся в его одновременной природной и общественной сущности. В дифференциации обоих систем он видит существенный вклад в определение специфики искусства. Следуя его логике познавать из противоречий, он противопоставляет понятийную пару объективного и субъективного опыта. Объективным опытом он считает опыт науки: «Её предмет находится в объективно данной действительности, он независим от познающего субъекта, т.е. от человека, его состояния и сущности»[12]. Объективный, общий опыт науки проявляет свою несостоятельность в случае, когда речь идёт о целостности человеческой натуры. «Весь человек»[13] обладает величинами, постижимыми лишь с позиции искусства. Совершенно иначе дело обстоит, если объект познания неотделим от субъекта познания. В этом случае Ф. Фюман говорит о субъективном опыте, который охватывает, по его мнению, «как действительность внешнего мира, так и действительность души человека»[14]. Именно этот опыт однозначно принадлежит сфере искусства. Ф. Фюман определяет его следующим образом: «Субъективный опыт в любом случае является личным опытом, однако, в то же время, он распространяет «Я» на весь остальной мир, таким образом, этот опыт можно назвать и мировым опытом, но при этом он увлекает мир в глубины души»[15].

На отношениях субъективного и объективного опыта, в свою очередь, базируется и отношение «я» к «другому». Отдельные единицы информации, составляющие объективный опыт, без особого труда сопоставимы друг с другом, поскольку личное «я» познающего субъекта в них не вмешивается. Трудности появляются в случае, когда то, что Ф. Фюман называет субъективным опытом, должно прийти во взаимоотношения друг с другом. Эти трудности заключаются в необходимости сравнения, как и что именно в каждом конкретном отношении связано с познающим «я». Решение этих трудностей Ф. Фюман представляет себе так: «... только на другом я узнаю, что есть я... Во мне есть что-то лишь «моё», но вместе с тем у меня этого нет: мне обязательно нужно сравнение»[16].

Несомненно, писатель затрагивает при этом важную и в то же время трудно разрешимую проблему. В конечном счёте, Ф. Фюман поднял вопрос о путях формирования и развития человеческого сознания. Сравнение с «другим» — это важнейший момент становления человеческого сознания, который носит исторический характер (чему, как уже отмечалось, Ф. Фюман уделяет недостаточно внимания). С достаточной степенью наглядности писатель демонстрирует, как «главное противоречие человека»[17] — состоящее в том, что «индивидуальное», «собственное» познаваемо лишь через сравнение с «другим» — затрагивает жизнь каждого отдельного человека. Но каким же образом познаётся «другой», а на нём «я» познаёт самого себя? Ответ прост: это становится возможным в результате соотнесения опыта «другого» с индивидуальным, личным

опытом «я». Основание возможности самопознания однозначно: внутреннее и внешнее, действительность вне «меня» и во «мне» («душа») соответствуют друг другу. «Одно» оставляет свой отпечаток, т.е. отражается в «другом». Ф. Фюман говорит о «в высшей степени загадочной способности соответствия друг другу психической и физической реальности»[18].

Отражение внутреннего и внешнего друг в друге принадлежит сущности человеческого рода; т.е. этот процесс не ограничивается отдельным индивидом. Взаимное соответствие внутреннего и внешнего у каждого человека обладает уникальным выражением (формой). Это своеобразие может даже оказаться причиной изоляции человека, лишить его общения с другими, поскольку потребность в обмене информацией в этом случае не в состоянии преодолеть границу «я». Коммуникативную блокаду — Ф. Фюман говорит о «коммуникативной муке» и её «тяжести»[19] — всё же реально преодолеть благодаря возможности объективации субъективного опыта. Именно в искусстве происходит то, что до этого казалось невозможным: отдельный индивид, приобретший опыт, не идентичный опыту никакого другого индивида, в произведении искусства получает возможность, сравнить себя с «другим» и его опытом. Изоляция сломлена, на «другом» человек познаёт самого себя. Характер искусства Ф. Фюман определяет как сравнение, подобие (нем. «Gleichnis»), следовательно, произведение искусства — это и есть сравнение. Он «твёрдо убеждён, что «весь человек» должен, прежде всего, изучаться литературой»[20]. Субъективный опыт, пишет Ф. Фюман, «объективируется только в результате сравнения, ... а сравнение возможно лишь потому, что внутреннее отражается через внешнее»[21].

Данные воззрения Ф. Фюмана в немалой степени базируются на достижениях К.Г. Юнга и его учения об архетипах, где упоминается метафорический характер архетипической символики. В соответствии с этим искусство и мифология осуществляют «более или менее счастливый перевод на другой образный язык»[22]. Сравнение же однозначно связывается Юнгом с сутью архетипов: «То, что всегда высказывает архетипическое содержание, ближе всего к сравнению»[23].

Таким образом, вышесказанное позволяет утверждать, что именно искусство, оперирующее сравнениями, а значит и содержащее в себе архетипы, делает возможным объективацию человеческого опыта, а с ним и разрешение «главного противоречия» человеческой натуры.

Созвучна с фюмановскими понятиями «всего человека», целостности его натуры и проблема «индивидуации»[24], в своё время занимавшая Юнга. Индивидуация у Юнга подразумевает «гармонизацию человеческой личности, процесс дифференцирования всех психических функций и установление живых связей между сознанием и подсознанием», что ведёт к «ценностной консолидации личности, ... предполагающей окончательный синтез сознательного и бессознательного, личного и коллективного, внешнего и внутреннего»[25]. Всё это без труда соотносится со стремлением Ф. Фюмана, во-первых, к объединению индивидуального, в том числе естественного, и общественного начала в человеке; во-вторых, к объективации личного опыта. Подобно тому, как у Ф. Фюмана искусство делает возможным объективацию опыта, Юнг роль искусства связывает с процессом индивидуации, по его мнению, «художник поднимает свою

личную судьбу до уровня судьбы человечества, помогая другим людям освободить свои внутренние силы...»[26].

Выводы Ф. Фюмана носят ключевой характер и объясняют природу эстетического воздействия произведений искусства. Сила воображения человека, его способность «творить картинки», почерпнутые из действительности, основывается на диалектических взаимоотношениях субъекта и объекта и ими же определяется. Ф. Фюман мобилизует психологию Юнга для обоснования следующего утверждения: то «своеобразное», что отличает искусство и миф, присуще человеку с самых давних пор и принадлежит к его сущности независимо от истории. Этой сущности без становления, эволюции соответствует сущность искусства также без его становления.

Таким образом, мы в очередной раз наблюдаем сложные отношения Ф. Фюмана с категорией историчности в мифе, искусстве и сущности человека в целом.

Итак, мы выяснили, что отражение общественно-исторических противоречий, несмотря на некоторые оговорки, является важной чертой творчества современного немецкого писателя Ф. Фюмана. По его мнению, именно миф и мифология лучше всего справляются с этой задачей: «Миф передаёт противоречие, а сказка его устраняет»[27]. Ф. Фюман задаётся вопросом о ценности мифа и при этом отводит ему, во-первых, роль «донаучного» познания (в чём сказывается определённое влияние идей К. Маркса); во-вторых, в мифе писатель находит прообразы, прототипы поведения отдельных людей (влияние теории архетипов К.Г. Юнга). Он пытается объяснить это следующим образом: человеческий опыт, накопленный мифом, характеризуется непреходящей актуальностью. Он был необходим в процессе длительного становления и самоопределения человеческой личности, заключающегося одновременно в стремлении сформировать своё собственное «я» как исключительно общественного существа (что недостижимо как абсолют) и попытке отойти от своей естественной, природной сущности (что полностью также невозможно). Словами Ф. Фюмана: «Человек — это странное создание, он является не только лишь общественным существом; он детерминирован как обществом, так и природой. Это противоречивое, но неразрывное единство, которое и образует всего человека...»[28]. «Мифическое» есть подобие или аллегория слияния всего того, что есть как снаружи, так и внутри человека, т.е. социально-исторической и психической составляющих его личности. Ф. Фюман утверждает, что секрет данного слияния и является секретом литературы. Это как раз те мифические элементы, которые через подобие, аллегорию и архетип, в виде некоего «праопыта» — необъяснимого с точки зрения науки — делают возможным познание тайн психики.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Ленин В.И.* Конспект книги Гегеля «Наука логики» // ПСС. Т. 29. Изд. пятое, М., 1973. С. 172.
2. Там же. С. 172.
3. *Fühmann F.* Erfahrungen und Widersprüche. Versuche über Literatur. Rostock, 1975. S. 180.

4. *Carl Gustav Jung.* Über die Psychologie des Unbewußten. Frankfurt-am-Mein, 1977. S. 67.
5. Ibid. S. 67.
6. *Fühmann.* Erfahrungen und Widersprüche. S. 181.
7. *Fühmann F.* Fräulein Veronika Paulmann aus der Pirnaer Vorstadt oder Etwas über das Sauerliche bei E.T.A. Hoffmann. Rostock, 1979. S. 9.
8. *Fühmann.* Erfahrungen und Widersprüche. S. 164.
9. *Fühmann F.* Zweiundzwanzig Tage oder die Hälfte des Lebens. Rostock, 1973. S. 210.
10. *Fühmann.* Erfahrungen und Widersprüche. S. 172.
11. Ibid. S. 178.
12. Ibid. S. 185.
13. *Фюман Ф.* Избранное: Сборник // Пер. с нем. Составл. и предисл. А.А. Гугнина. М., 1989. С. 487.
14. *Fühmann.* Erfahrungen und Widersprüche. S. 185.
15. Ibid. S. 185.
16. Ibid. S. 188.
17. Ibid. S. 189.
18. Ibid. S. 189.
19. Ibid. S. 189.
20. *Fühmann.* Erfahrungen und Widersprüche. S. 86.
21. Ibid. S. 194.
22. *Мелетинский Е.М.* Поэтика мифа. М., 2000. С. 60.
23. Там же. С. 60.
24. Там же. С. 61.
25. Там же. С. 61.
26. Там же. С. 62.
27. *Fühmann F.* Essays, Gespräche, Aufsätze 1964–1981. Rostock, 1983. S. 95.
28. *Fühmann.* Erfahrungen und Widersprüche. S. 83.

MYTH AND ARCHETYPE IN F. FÜHMANN'S CREATIVITY

S.V. Ovcharova

The subject of the article is the concept of a myth as a basic model of creativity developed by F. Fühmann. The given concept is based on V.I. Lenin's reasoning concerning the nature of figures of the logic conclusion (the syllogisms) and K.G. Jung's doctrine about archetypes. According to F. Fühmann's conclusions, art and literature, in particular, while operating with comparisons and containing archetypes inside, make human experience objective along with the solution of the main contradiction of human nature.

© 2008 г.

Т.В. Акашева

О РОЛИ ЛИТЕРАТУРЫ В РАЗРУШЕНИИ МИФОВ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА (НА ПРИМЕРЕ РАННЕЙ ПРОЗЫ Э. ЕЛИНЕК)

Человек в современном обществе подвергается ежедневному, ежеминутному скрытому информационному прессингу, призванному стандартизировать людей, заставить их соответствовать той системе ценностей, которую это общество провозглашает единственно значимой, а также создать у масс комплекс искусственных потребностей. Мифы преследует человека везде, они не исчерпываются открытой пропагандой, транспарантами и речами политических руководителей, как это бывает в тоталитарных обществах. Они проникают во все сферы жизни: мораль, эстетику, образование, литературу, искусство и повседневную жизнь, и рассчитаны на нерациональное, эмоциональное восприятие при помощи идеологии.

Миф является фундаментом всякой культуры и всякого типа социальности, обосновывающим их и обеспечивающим психологическую защиту человеку, включённому в эту культуру и являющемуся членом этого общества. В этом смысле мифы «традиционные» и «современные» оказываются абсолютно равны, так как имеют одни и те же психологические основания и психосоциальные функции. Миф в современном обществе, как обобщенное, иллюзорное, представление о действительности, сочетает нравственные и эстетические установки и оказывает большое воздействие на массовое сознание.

Классификация современных мифов представляется нам достаточно условной, так же как условно разделение культуры на «высокую» (государственно-политическая, общественная, художественная формы человеческой деятельности) и «низкую» (повседневность). Пространство едино, и четких разделяющих границ нет. Однако, если мы сталкиваемся с понятиями «миф повседневности» или «тривиальные мифы», то понятно, что они, как правило, охватывают такие сферы человеческой жизни, как семья, любовь, дети, здоровье, быт, хобби и формируются в основном человеческим опытом, средствами массовой информации, рекламой, тривиальными романами и т.д. И если мы говорим о «политических», «экономических» мифах, то понятно, что участие государства в формировании таких мифов неоспоримо, и, прежде всего, пропаганда формирует их для манипуляции массовым сознанием.

Современная цивилизация обладает несколькими видами «мифопорождающих машин» (термин Г. Почепцова[1]). Первыми (и основными) стали: масс-медиа в аспекте печатного знака и телевидение и кино — в аспекте визуального знака. Затем следует литература, театр и другие варианты языков искусства. Все они служат созданию художественных миров. Однако, наряду с этим, все названные виды искусства могут быть одновременно и средством разрушения мифов.

Тема деконструкции (или «развенчивания», по Барту) мифов вообще, и в

литературе в частности, становится в наше время чрезвычайно актуальной и значимой[2]. Стремление дистанцироваться от мифа и разрушить его и в то же время глубинная потребность в нем — таково взаимоотношение современной литературы и мифа.

В современном отечественном литературоведении тема демистификации современных мифов представлена достаточно широко, прежде всего, многочисленными публикациями и исследованиями произведений отдельных авторов, назовем их вслед за Бартом мифологами. Начиная с 60-х годов XX века, наблюдался процесс постепенного обесценивания основополагающего для советской идеологии принципа сакрального отношения к слову и, следовательно, к власти всего дискурса, который прежде способствовал укреплению и развитию советских мифов и вербальных средств их выражения. Новояз Е. Евтушенко, Б. Окуджавы, В. Высоцкого вылился позже в «антитоталитарный язык» неофициальной культуры — проза В. Аксенова, В. Войновича, С. Довлатова, — и достиг своего пика в конце 80-х годов. В эти годы на передний план выступают постмодернисткие стратегии разрушения канонических советских текстов, отталкивающиеся от традиции, и в то же время указывающие на неразрывную связь с ней. Причем, здесь следует заметить, что если первые русские постмодернисты (В. Сорокин, Д. Пригов, Л. Рубинштейн, С. Соколов) обращались непосредственно к новоязу для манипуляции его словесными формулами, поскольку стереотипы массового сознания советского культурного пространства были узнаваемы, и их деконструкция отвечала общественным ожиданиям, то представители новой волны русских постмодернистов (В. Пелевин, Левкин, А. Королев) начали обращаться уже к мифам и стереотипам современного коллективного сознания, созданными «старшими постмодернистами»[3].

Говоря о зарубежном литературоведении, рассматривающем современные мифы, следует в первую очередь назвать работу французского ученого, философа, литературоведа Ролана Барта «Мифологии», вышедшую в 1956 году, но до сих пор не утратившую своей актуальности[4]. Р. Барт одним из первых заговорил о том, что теперь настоятельно необходимо, чтобы появился новый типаж интеллектуального борца — мифолог, который занимался бы дешифровкой мифов, показывая людям, какую систему идей и ценностей пытаются внушить им под видом вроде бы безобидной коммерческой рекламы или газетного сообщения. Задача мифолога придать смыслу мифа значение абсурда и сюрреалистичности. Таким образом, вполне справедливо, мифологами — термином, рожденным Бартом более полувека назад — можно назвать ряд современных, даже модных писателей, которые, зачастую доводя описываемую ситуацию до абсурда, с одной стороны, деконструируют стереотипы, клише и штампы, как некие составляющие целостностной картины общества, с другой стороны, разрушая, создают новый миф. И этот миф, опять же по предположению Барта, высказанному в 50-е годы прошлого века, может быть страшнее разрушенного.

Подробнее в своей статье мы бы хотели остановиться на творчестве австрийской писательницы Э. Елинек (р. 1946 г.). Эльфрида Елинек — одно из самых значительных имен в современной немецкоязычной литературе, лауреат Нобелевской премии 2004 года. Все ее творчество, а оно составляет более 30 произведений, самые известные из которых «Любовницы» (1975), «Пианистка»

(1983), «Похоть» (1989), «Дети мертвых» (1995), посвящено разрушению социальных мифов и идеологий как стереотипов и клише общественной жизни. Цитата из ее интервью это подтверждает: «Мои тексты — разрушение мифа. Я хочу вернуть вещам их историю и их правду»[5].

Проанализировав с целью определения средств разрушения мифов ряд ранних прозаических произведений Елинек, «Михаль», «Любовницы», «Пианистка», «Перед закрытой дверью», «Похоть» мы пришли к следующим выводам:

1. В романах Э. Елинек часто использована техника коллажа-монтажа и врезки для пародии на массовую культуру, в первую очередь, телевидение, прессу и рекламу. Автор смешивает пласты реальности и фрагменты известных узнаваемых рекламных роликов, телесериалов, ток-шоу и т.д, вовлекая реальных персонажей во взаимоотношения с телевизионными героями, нелепость и абсурдность которых является средством против воздействия этой культуры и рекламы на общество и распространения ими мифов; кроме того, с этой же целью, автор широко использует жанровую пародию, причем не только литературную, но и на кино- и телеиндустрию. Так, роман «Любовницы» композиционно и стилистически является пародией на сентиментальный роман, называемый автором романом с продолжением, которыми изобилуют женские журналы. Роман «Перед закрытой дверью» является пародией на буржуазный воспитательный роман, экзистенциальные постулаты которого жестко разрушены Елинек: ее герои, вопреки тезису о равных возможностях каждого и о том, что человек есть то, что он делает, не могут вырваться из своих классовых рамок и заканчивают преступлением. Роман «Похоть», с его пародией на порнофильм, разрушает миф о благополучии женщины в браке, гендерном равенстве и женской природе.

2. Все произведения Елинек чрезвычайно маргинальны; используя немотивированный негатив и отсутствие всякой надежды на положительный исход и положительного героя, показывая явную абсурдность происходящего, автор дает ключ к осознанию и дешифровке сообщения. Вообще, в этой связи, следует отметить, что в исследованиях западных литературоведов часто говорится о феномене маргинализма как об основной стилеобразующей особенности творчества Елинек[6].

Интерес Елинек к маргинальным явлениям вообще имеет в своей основе многие причины. Выходя за социальные и моральные границы, ее герои пытаются преодолеть свою раздробленность, исследовать пределы человеческой свободы, соприкоснуться с другими мирами, вступить в противоборствующий диалог с обществом и его «нормами». Маргинальность у Елинек имеет не только социальную, но и нравственную окраску. Постмодернизм, а Елинек несомненно является представителем постмодернизма, в сущности, — маргинальная концепция, которая направлена против всех догм позитивной мысли. У Елинек нет вообще положительных героев и положительных исходов, все, к чему она прикасается, будь то семья, дети, любовные партнерские отношения, даже ландшафты и гордость Австрии — горные лыжи, все с негативной окраской. Таким образом, своим особым взглядом на гармонию, логику, своим радикальным маргинализмом, который часто асоциален и даже антисоциален, Елинек показывает абсурдность стандартов и стереотипов, властвующих над

человеком. Доводя любую ситуацию до крайности и абсурда, автор разрушает привычное и узнаваемое, провоцирует и раздражает подобным гротеском читателя, что разрушает, в конечном счете, привычный, стереотип.

3. Все тексты Елинек интертекстуальны. Наряду с такими формами интертекстуальности, как заимствование, переработка тем и сюжетов, явная и скрытая цитация, аллюзия, парафраза, подражание, пародия, наиболее частотными, несомненно, являются трансформированные, умышленно искаженные цитаты. Это обусловлено предпринимаемой ею деконструкцией, критикой языка. Для Елинек интертекст — это прежде всего процесс метафоризации. Она использует цитату и вводит ее в контекст новой метафоры. «Это как в калейдоскопе: внутри него все те же одинаковые стеклышки, но они раскладываются в разнообразные узоры. Цитаты изымаются из старого контекста и прописываются в новый, таким образом они меняются, в них, так сказать, вписывается новый смысл...», — говорит об этом Елинек в своем интервью с переводчиком, литературоведом А.В. Белобратовым[7].

4. Для разрушения стереотипов Елинек активно использует разнообразные языковые средства (повтор, метафора, зевгма, анафора и т.д). Кроме того, следует особо отметить отсутствие заглавных букв и пунктуации в ранних романах Елинек. Этот прием усиливает эффект стереотипности, узнаваемости происходящего, обыденности, безликости и типичности персонажей и ситуаций.

Однако, несмотря на благую цель автора, не только обнажить мифы, подчеркнуть силу их пагубного воздействия на модель поведения человека, но и разрушить эти мифы, нам бы хотелось отметить следующее:

— Потребители этих мифов, так методично и последовательно разрушаемых Елинек, и влияния на которых она опасается, скорее всего, остались в стороне от данного процесса, будь то подростки, для которых создавался «Михаэль» или работницы с фабрики белья — возможные прототипы «Любовниц», а интеллектуального читателя вряд ли стоит ограждать от рекламы, бульварного слезоточивого романа или мыльных опер. Сообщение не дойдет до адресата, да это отправителю и не нужно.

Кроме того, восприятие произведений, написанных в 70–80-е годы, крайне осложнено незнанием реалий, имен персонажей массовой культуры Австрии тех лет современным поколением соотечественников автора, не говоря уже о не немецкоязычном читателе.

— Разрушая миф, Елинек создает новый, ведь согласно высказыванию Гулыги, «миф — форма сознания, свойственная человеку, как свойственны ему другие формы сознания. Разрушение мифа приводит не к господству рациональности, а к утверждению другого мифа...»[8], и согласно опасениям Барта, неизвестно какой миф, новый или старый, лучше.

— Эльфриду Елинек постигла участь мифолога, предсказанная Р. Бартом в его статье «Миф сегодня», об изоляции и выключении мифолога из числа потребителей мифа и о создании им новой реальности и новых мифов, которые намного страшнее действительности. Критика не жалует автора, соотечественники защищают Австрию от показанной Елинек жесткой и неприглядной изнанки жизни. Она лишь недавно сняла запрет на постановку своих пьес на родине и несколько лет живет «во внутренней эмиграции», общаясь со своим чи-

тателем только на странице своего веб-сайта.

Таким образом, в современной литературе, зачастую, разрушенный писателем миф оказывается более безобидным вновь созданного им. Крайний маргинализм отдельных современных постмодернистов, разрушающих современные мифы, может оказаться по силе воздействия более разрушительным, чем влияние самого мифа. И здесь чувство меры, этичность, ответственность и высокая эстетичность как литературы вообще, так и отдельного художника в частности, представляются нам более важными, в отличие от задачи разрушения «скоропортящихся» и быстро сменяющихся мифов современного общества.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Почепцов Г.Г.* Теория коммуникации. М., 2003.
2. *Барт Р.* Мифология. Перев. с фр., вступ. ст. и коммент. С.Н. Зенкина. М., 1996. С. 47.
3. *Денисова Г.В.* В мире интертекста: язык, память, перевод. М., 2003. С. 131–132.
4. *Барт.* Ук. соч.
5. *Залесова-Докторова Л.* Эльфрида Елинек — совесть австрийской нации // Звезда. 2005. № 3. С. 91
6. *Janz M.* Elfride Jelinek. Stuttgart, 1995.
7. *Елинек Э.* «Я ловлю язык на слове...». Интервью с австрийской писательницей — лауреатом Нобелевской премии 2004 года; записал Александр Белобратов // Иностранная литература. 2005. № 7. С. 233–234.
8. *Почепцов.* Ук. соч. С. 275.

DESTRUCTION OF MODERN SOCIETY MYTHS: ROLE OF LITERATURE

T.V. Akasheva

The article presents a new interpretation of a myth and its influence on mass consciousness. Classification of modern myths and mechanisms of formation of the certain stereotypes is outlined briefly. The author believes it becomes necessary to consider more particularly the role of literature, as a mythmaking machine on the one hand, and as means of destruction the myths, on the other. Besides, the author gives analysis on some early prosaic products of Austrian writer Elfriede Jelinek, the Nobel prize winner for literature in 2004, with the purpose to reveal means of the myths' destruction.

© 2008 г.

Е.Г. Постникова

ЯВЛЕНИЕ СОВРЕМЕННОЙ МИФОЛОГИИ В ОБЩЕСТВЕННО-ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ ЭПОХИ ВЕЛИКИХ РЕФОРМ

Принято считать, что явление современной политической мифологии было обнаружено, исследовано и описано в 20-е — 30-е г. XX в. Но, на наш взгляд, явление политического мифа было замечено гораздо раньше и привлекло к себе внимание русских мыслителей уже в 60-е г. XIX в., период, получивший определение «эпохи реформ», кризисный для России период. В советской науке об обществе этот период было принято называть «первой революционной ситуацией в России». Сейчас реформаторская деятельность Александра II оценивается как «революция сверху», «самодержавная революция». Публицистический дискурс эпохи «великих» преобразований зафиксировал эту ситуацию как хаотическое смешение и конфронтацию разных социальных миров, каждый из которых имеет свои ценности, ожидания, поведенческие и языковые коды.

Вопрос о взаимоотношениях политики (политической истории) и культуры (литературы) актуален для современной науки. Б.А. Успенский в свое время заметил, что при изучении семиотики истории и семиотики культуры очень трудно провести границу между политическими и культурными факторами: «Политические коллизии предстают как культурный конфликт, и в то же время формирование новых культурных языков может иметь вполне ясную политическую подоплеку»[1]. Современные исследователи утверждают, что «политика может рассматриваться как разновидность духовного производства, а мировая история — как история обмена между духовным и материальными мирами»[2].

Являясь разновидностью духовного производства, частью культуры, политика требовала к себе особого внимания русской литературы и журналистики эпохи реформ. Это доказывается неравнодушием русских писателей к сюжетам «на злобу дня», их активным участием в общественно-политической жизни страны, сотрудничеством с журналами и журнальными партиями. Практически каждый крупный русский писатель был связан с какой-либо журнальной партией, а значит, вольно или не вольно разделял ту или иную идеологию, общаясь с социумом на определенном семиотическом «языке», внедряя в сознание читающей публики основные константы соответствующих мифополитических систем, дешифруя и опрокидывая мифосистемы конкурирующие. Это зачастую раздражало правительство, не случайно министр внутренних дел П.А. Валуев называл журналистов «самозванными представителями общественности»[3].

Напомним, что в XIX в. существовали три основных общественно-политических учения: либерализм, консерватизм и социализм. Соответственно, принято говорить об идеологии либерализма, консерватизма и социализма. Но важно отметить, что идеология и миф являются двумя мировоззренческими формами, важнейшими для самоидентификации нации и государственного самоопределения. Миф и идеология тесно связаны, переплетаются, но не тожде-

ственны. Идеология ближе к полюсу рациональности, а миф — к полюсу иррационального, иллюзорного сознания. Политическая идея так или иначе порождает политическую мифологию, являющуюся ее чувственным инобытием, то есть политический миф — это инобытие политической идеи[4]. Современная философия рассматривает идеологию и миф в качестве взаимодействующих способов саморефлексии, через которые открывается определенное видение мира, выстраивается миропонимание[5]. Современной наукой выявлены мифологические черты учений о либерализме, демократии и консерватизме. С мифологизацией общественного сознания тесно связаны феномены социализма и фашизма[6]. Мы можем говорить о господстве трех ведущих мифополитических систем в общественно-публицистическом дискурсе 60-х — 70-х годов XIX в.: консерватизма, либерализма и демократии, — каждая из которых находит художественное воплощение в публицистике трех основных журнальных партий этого времени: консервативной, либеральной и революционно-демократической. Ведущие умы «эпохи реформ» не могли оставить без внимания явление современной мифологии, и во многом, часто интуитивно, не «называя вещи своими именами», прочувствовали и прописали происходящее столкновение несовместимых между собой способов мировоззрения именно как столкновение политических мифологий.

Опираясь на выводы семиотики, мы рискнем утверждать, что политические процессы, являясь частью исторического процесса, могут рассматриваться как процессы коммуникации, осуществляющиеся на особом «языке» (семиотическом), на котором «текст событий читается социумом»[7]. Восприятие и интерпретация фактов действительности той или иной частью социума зависит от того, какой именно из семиотических языков принят на вооружение этой частью социума в качестве кода-ключа для дешифровки и реконструкции событийного текста прошлого или предсказания будущего. Политический процесс порождает «новые» фразы на этих языках, которые читаются и усваиваются социумом. Событийный текст по-своему прочитывается изнутри разных мифополитических систем, каждая из которых имеет свой семиотический язык, являющийся кодом для расшифровки текста истории.

Для того чтобы объективно отразить реальность эпохи социальных перемен, публицистическому дискурсу 60-х потребовалось минимум три конкурирующих языка самоописания, соотносящиеся с соответствующими мифосистемами (консерватизмом, либерализмом и демократией), каждый из которых распадался в свою очередь на многоголосье (реакционеры, либеральные консерваторы, консерваторы-славянофилы и консерваторы-западники; консервативные либералы, либералы-славянофилы и либералы-западники; «белые» и «красные» либералы, социалисты, радикалы, революционеры-демократы и.т.д.). Загруженность политического дискурса 60-х разными семиотическими языками, столкновение в них мифополитических систем при внешнем впечатлении хаотичности и разноголосицы придает социальному диалогу большую ценность и возможность многосторонней интерпретации. Напряженность и силовое сопротивление, существующее в дискурсе 60-х, делает его интересным и актуальным для современного исследователя.

Мы предлагаем посмотреть на публицистический дискурс эпохи Великих

реформ с точки зрения столкновения в нем трех ведущих мифополитических систем: либерализма, консерватизма и демократии, — каждая из которых имела свой язык самоописания, свой семиотический язык. Основные аксиомы этих конкурирующих мифологий были отражены в литературе и журналистике того времени. Так, например, основные константы либеральной мифологии отразились в трудах сотрудника «Вестника Европы» известного публициста К.Д. Кавелина, автора статьи «Политические призраки». Аксиомы консерватизма содержатся в статьях редактора «Московских ведомостей» и «Русского Вестника» М. Каткова. Автором нового радикального варианта мифа о Герое-жертве стал Н.Некрасов — редактор «Современника» и «Отечественных записок». М.Е. Салтыков-Щедрин, будучи сотрудником этих революционно-демократических изданий, в своих статьях ставил задачу беспощадного разоблачения либеральной и консервативной мифологий как лжемифов, чуждых национальному сознанию. Заслугой Щедрина, на наш взгляд, является открытие и описание феномена современной политической мифологии.

На след явления политической мифологии, возможно, первым из русских мыслителей «напал» М.Н. Катков. Именно ему принадлежит выражение «религия атеизма» (позднее Ф.М. Достоевский будет говорить об атеизме как «новой религии» и о «церкви атеистов»). Мы можем утверждать, что Катков одним из первых описал феномен мифологизации науки, предворяя тем самым открытия А.Ф. Лосева, автора «Диалектики мифа». Публицист обратил внимание на особое место, которое наука стала занимать в современном мире, на ее претензию на роль сакрального знания. Одним из следствий секуляризации культуры стало то, что наука заменила собой церковь как высший авторитет. Заявив претензию на роль Истины, она взяла на себя функцию легитимизации политического строя и социального порядка. Революционно-демократической журналистикой естественнонаучное знание возводилось в ранг знания священного, а ученые — в титул священнослужителей. Их теоретические выкладки призваны были «освятить» светом немеркнущей научной мысли новые идеологические системы и кодифицировать новый порядок.

Так, например, в споре с оппонентом, одним из ведущих сотрудников революционно-демократического журнала «Современник», «реакционер» Катков еще в начале 60-х г. XIX в. в статье «Новые и старые Боги» заявляет: «Знает ли г. Антонович, что у *материализма бывает своя мифология*, гораздо более порабощающая умы, чем та, которая наивно рождается из недр земли? Это самая *лукавая мифология*, тем более лукавая, что ее может заметить только вполне сознательная мысль»[8].

Любая идеология стремится оправдать свою законность и истинность через науку, то есть научно обосновать свои основные составляющие (константы). С другой стороны, любая сколько-нибудь стройная научная теория опирается на определенные аксиомы, то есть на то, что недоказуемо, не доказано и не требует доказательств. А значит, наука и сама насквозь мифологична[9]. Принятие на веру аксиом, лежащих в основе той или иной системы (научной или мировоззренческой) — вот то, что объединяет науку и мифологию. «Односторонне направленные мысли, которые в свое время были исполнены интереса и жизни, — именно в то время, когда они вырабатывали какое-либо умственное дело

и служили орудием для целей знания, — после превращаются в мертвые формулы, в абракадабры, в суеверия, и также свято хранятся бессмысленными поклонниками, как изречения Ивана Яковлевича хранились у знакомой г. Прыжову дамы»[10].

Известно, какой популярностью пользовались среди молодых людей 60-х гг, разночинцев, представителей революционной демократии естественные науки. Одной из причин такой популярности является возможность использовать теоретические выкладки естественнонаучного знания для обоснования новой картины мира. Через апелляцию к естественным законам идеология стремится объяснить и обосновать тот социальный и политический порядок, который она защищает. На сознание современного человека, воспитанного в секуляризованном обществе, безотказно действуют аргументы типа: «такова природа человека» или «таков естественный порядок вещей». Это объясняет повальное увлечение «прогрессистов» Ньютоном, Лейбницем, Дарвином, Фейербахом и Бюхнером. Примитивно осмысленные выкладки биологии, химии и физики могли быть использованы в качестве свежего и убедительного материала для мифотворчества нового времени. М. Катков замечает по этому поводу: «Дело в том, что мы *естественными науками* занимаемся по книжкам Фейербаха и Бюхнера или, еще лучше, по журналу Ноака. Под видом естественных наук мы все также занимаемся немецкой философией или тем побочным выродком ее, который столь же походит на философию, сколь и на естественные науки»[11].

В статье «О нашем нигилизме (по поводу романа Тургенева)» Катков обращает внимание на особенность отношения русских молодых людей к науке. Она им заменяет религию. Когда-то, отмечает публицист, «в былое время молодые и даже довольно зрелые люди усердно занимались философией, ездя из одного немецкого университета в другой, слушали, записывали и *религиозно перечитывали* в своих тетрадках учение о Бытие и Небытие. Бедные молодые люди! Они никого не хотели морочить, они морочили только самих себя»[12]. Так и сейчас, по мнению Каткова, естественные науки играют роль религии нового времени. О Базарове публицист замечает: «он занимается естественными науками более в качестве мудреца, в интересе первых причин и сущности вещей. Он потому занимается этими науками, что они, по его мнению, *прямо ведут к решению вопросов об этих первых причинах.* Он уже заранее уверен, что *естественные науки* ведут к отрицательному решению этих вопросов, и они *ему нужны как орудие уничтожения предрассудков* и для вразумления людей в той вдохновительной истине, что никаких первых причин не имеется, и что человек и лягушка в сущности одно и то же»[13].

Катков доказывает, что атеизм есть «выворачивание наизнанку», «опрокидывание» традиционного религиозного мировоззрения. «Отрицательное направление есть своего рода религия, — *религия опрокинутая*, исполненная внутреннего противоречия и бессмыслицы, но тем не менее религия, которая может иметь своих учителей и фанатиков. ...*Религия отрицания* направлена против всех авторитетов, а сама основана на грубейшем поклонении авторитету. У нее есть свои беспощадные *идолы*. Все, что имеет отрицательный характер, есть уже непреложный догмат в глазах этих сектаторов. Чем решительнее отрицание, чем менее обнаруживает оно колебаний и сомнений, тем лучше, тем могущест-

веннее авторитет, тем возвышеннее идол, тем непоколебимее вера», — пишет он[14]. «Религия атеизма», по Каткову, носит догматический характер («Характер силы сообщает нигилизму также его безусловный догматический характер») и описывается им как новый культ («Дух этого *нового культа*, разумеется, действует на людей в различной степени. Одни воплощают в себе его дух; другие покоряются ему внешним образом, потому что видят в нем господствующую силу, против которой не находят в себе никакого отпора. *Являются ловцы душ, жрецы и учители*, и слабосильные люди покоряются авторитету и слепо следуют за ними»)[15].

Начальная фраза статьи М.Н. Каткова «Старые и новые Боги»: «*Старые боги скончались* и жрецы их поникли и присмирели; старые боги скончались, *не народились ли новые*?», — перекликается с выводами К.Г. Юнга: «Вызывавшие некогда трепет *боги не исчезли*. Они лишь изменили имена: теперь они рифмуются на — *изм*»[16]. Вот и ответ на вопрос Михаила Никифоровича. Новые боги, действительно, народились и именуются они «измам».

М.Н. Катков, возможно, первый, но не единственный публицист эпохи реформ, обративший внимание на мифологичность современной науки. Аналогичные мысли высказывает М.Е. Салтыков-Щедрин в неопубликованной при его жизни статье «Современные призраки» (1863 г.). С его точки зрения, современная наука (философия и психология) опирается на «принятые на веру», мифологические по своей сути категории: «добро» и «зло». Отметим, что эти категории, действительно, являются основными бинарными оппозициями любой религиозной системы, такими же, как свет и тьма, космос и хаос. Вот как пишет об этом Щедрин: «Мы...просто *принимаем на веру, что добро и зло составляют неизбежно закваску жизни*. Отправляясь отсюда, мы уходим очень далеко: все проходящее перед нашими глазами, все доступное нашему пониманию распадается на две области: темную, в которой царствует зло, и светлую, в которой господствует добро. И затем очень легко возникает у нас целая система, вооруженная арсеналами подробностей; является *борьба духа с материей*, из которой первый, конечно, преобладает, вторая, конечно, подчиняется; а так как практика беспрерывно опровергает это положение, к удовольствию материи, то, как пополнение к теории преобладания духа, изобретается другая теория — о несовершенстве сего мира и о некоторых таинственных наградах и наказаниях»[17].

Здесь Щедрин, по сути дела, подводит читателей к выводу, что идеализм и материализм опираются на мифологические категории, а значит, вопрос выбора между ними — это вопрос веры. Но, в отличие от Каткова, заявлявшего, что «у материализма бывает своя мифология» и существует «религия атеизма», Щедрин разоблачает как лжемиф и лжерелигию идеализм, «объяснения и тезисы» которого, с его точки зрения, «следуют один за другим, но не объясняют, а, так сказать, мнут факты и насильно выливают их в произвольные формы»[18]. Мы столкнулись с ситуацией, когда культурный текст по-разному прочитывается изнутри разных мифополитических систем: консерватизма и демократии, каждая из которых имеет свой семиотический язык. Проще говоря, налицо перекодировка мифа: «плюс» и «минус» меняются местами.

В статье «Современные призраки» Щедрин утверждает: «Что миром управляют призраки — это не новость. Об этом уже давно знают там, на отдаленном

западе, где сила призраков сказалась массам с особенной настоятельностью...»[19]. Сила призраков, правящих миром, с точки зрения Салтыкова-Щедрина, заключается в том, что благодаря им «*неизвестное и недоказанное принимается за известное и доказанное*, и на основании этого делаются выводы, строится целая система доказательств, допускаются остроумные сближения, одним словом, *оценивается целое человеческое существование, объясняются самые сложные явления*»[20]. Это щедринское наблюдение вызывает к жизни догадку, что определение «современных призраков» автор давал явлению, которое в науке XX в. получило определение «современного мифа». «Призрак», как его описал Щедрин, — это то, что недоказуемо, не доказано и не требует доказательств и при этом претендует стать «краеугольным камнем» в созданной человеком картине мира, в его «жизненном устройстве». На наш взгляд, здесь Щедрин отметил одну из важнейших особенностей любой мифополитической системы: в ее основе лежат определенные аксиомы, не требующие доказательств. Эти аксиомы и есть мифы.

Явление современной мифологии не вызывает у Щедрина особенного оптимизма, получает скорее негативную оценку со стороны писателя. Современные мифы, как искусственно созданные образования, приносят больше вреда обществу, чем пользы и заслуживают разоблачения и уничтожения. «Что такое призрак? Рассуждая теоретически, это такая форма жизни, которая силится заключить в себе нечто существенное, жизненное, трепещущие, а в действительности *заключает лишь пустоту*. По-видимому, даже слово «заключать» тут неуместно, ибо призрак ничего не проникает, ни с чем органически не соединяется, а только накрывает. По-видимому, *это нечто внешнее, не имеющее никаких внутренних точек соприкосновения с обладаемым им предметом*; это одеяло, случайно наброшенное, одеяло блестящее или изорванное в лохмотья, но которое во всякое время, без боли для предмета, под ним находящегося, можно сбросить и заменить другим. Но это только «по-видимому», все это только в отвлечении, в теории; на деле же призрак так глубоко врывается в жизнь, что освобождение от него составляет для общественного организма вопрос жизни и смерти и, во всяком случае, не обходится без сильного потрясения», — рассуждает писатель[21].

Подчеркивая всеядность «современного призрака», паразитирующего на «обладаемом им предмете», отмечая его «внешний», формальный характер, прикрывающий внутреннюю «пустоту», М.Е. Салтыков-Щедрин во многом предваряет идеи Ролана Барта, автора «Мифологий» (1957 г.). По Барту, миф — это похищенное и возвращенное вновь слово. Суть похищения состоит в том, что *миф превращает смысл в форму*. «В смысле уже заложено некоторое значение, и оно вполне могло бы довлеть себе, если бы им не завладел миф и не превратил в *пустую паразитарную форму*». Таким образом, миф — это «паразит» языка, он паразитирует на языке. В исследовании «Миф сегодня» Барт сожалеет об изначальной полноте мира «смысла», которую убивает, опустошает паразитирующая на ней вторичная идеологическая «форма»: «функция мифа — удалять реальность, вещи в нем буквально обескровливаются, постоянно истекая бесследно улетучивающейся реальностью, он ощущается как ее отсутствие»[22]. Таким образом, мифы Барта, как и «призраки» Щедрина, описываются мысли-

телями как своего рода вампиры, питающиеся чужой жизнью. Барт пишет: «Миф — язык, не желающий умирать; питаясь чужими смыслами, он благодаря им незаметно продлевает свою ущербную жизнь, искусственно отсрочивает их смерть и сам удобно вселяется в эту отсрочку; он превращает их в говорящие трупы»[23].

Конечно, Салтыков не заявлял претензию рассматривать современные «призраки» (современные мифы) как семиотическую систему, но многое из бартовских оригинальных открытий уже угадывается в его рассуждениях, во всяком случае, «призраки» Щедрина так же деформируют, «удаляют» реальность», как и бартовский современный миф. Щедрин пишет: «И таким образом, оцепленные со всех сторон путами, мы безрассудно тратим свои силы не на разрешение, а на большее и большее закрепление их. Мы до такой степени утрачиваем все инстинкты здоровой, не запутанной жизни, что эта последняя кажется нам смешною, пошлою, почти что дикою»[24].

Салтыкову-Щедрину, как никому из русских художников, удалось описать весь трагизм внутреннего состояния человека, жизнь которого пришлась на «эпоху реформ» 60-х г. — этот «лиминальный» период в истории русского общества, когда оно словно «зависло» где-то между «отжившим», «умирающим», «проклятым» прошлым и еще только нарождающимся, заповедным «светлым» будущим, как между жизнью и смертью. Этот внезапный рывок социальной истории Салтыков описывает как период, когда все ориентиры потеряны, все стало возможным, рухнули традиционные преграды, а «плюс» и «минус» поменялись местами, т.е., вступил в силу закон переворачивания смыла (компенсирующего взаимодействия противоположностей): «Читатель! Случалось ли вам когда-нибудь ощущать, что *возможность жить вдруг как-то прекращается*? Случалось ли вам спрашивать себя, отчего мысль и руки отбиваются от дела, отчего еще *вчера казалось светло, а ныне уже царствует окрест мрак*? Отчего люди, живущие доселе в добром согласии, внезапно и искренно приходят к убеждению, что нет никакого разумного повода не только для доброго согласия, но и для простого совместного жительства?»[25].

В эпохи кризисов, когда происходит смена идеологий, общественных устройств (формаций), обязательно происходит и разрушение старых, незыблемых до того мифологических систем и рождение, укрепление новых. Салтыков-Щедрин подчеркивал закономерность процесса смены мифополитических систем, смены «призраков»: «Всякий призрак имеет свою долю истины или, лучше сказать, всякий призрак есть истина, но истина, ограниченная во времени и пространстве. Сверх того, всякий призрак есть протест против другого призрака, дряхлого и не соответствующего потребностям жизни. Сверх того, всякий призрак есть вместе с тем переходное звено от призрака прошлого и известного к призраку грядущему и неизвестному. (...) *История человечества, от самой колыбели его, идет через преемственный ряд призраков* — вопрос в том, где оно освободится от них, и освободится ли? *Это составляет темную, мучительно-трагическую сторону истории* (впрочем, светлой-то и успокоительной покуда и не обреталось)»». Таким образом, человечество, по Салтыкову, втянуто в дурную бесконечность смыслов, поиска «призрачных» истин.

Какую же задачу ставит перед собой художник, так прекрасно понимающий

всю абсурдность бытия? «Из всего этого видно, что освободиться от призраков нелегко, но *напоминать миру, что он находится под владычеством призраков,* что он ошибается, думая, что живет действительной, а не кажущейся жизнью, необходимо. Не в силу того, что он окончательно сбросит с себя ярмо их, что он изобретением новой и всеобщей панацеи заключит нескончаемый цикл алхимии и астрологии и обратится к более прямым и естественным отношениям с природой, *но в той уверенности, что старые призраки все-таки заменятся новыми,* что, наконец, может настать и такое время, когда призрак и в общественном сознании перестанет казаться идеалом»[27]. В этом утверждении Щедрина заключается его авторская и личностная позиция в бытии, его художественное кредо: «напоминать миру, что он находится под владычеством призраков».

Прекрасно понимая тщетность своих усилий по разоблачению «современных призраков» («Но ведь общество не будет через это выведено из области призраков»), Салтыков все же настаивает: «Да, быть может, и не будет выведено (...) но легче ему все-таки будет; ему будет легче уже по тому одному, что оно перестанет относиться к призракам чародейственно, что оно поймет, что нет никакой необходимости трепетать там, где стоит только дунуть, чтобы разорить в прах целое здание»[28]. Итак, новые идеологии, новые «призраки» нужно поддерживать не потому, что в них заключается истина, а потому, что они новые, в них больше простоты и естественности, а все старое рано или поздно все равно погибнет.

Конечно же, под «старым» призраком «мифоборец» М.Е. Салтыков-Щедрин имел в виду современное состояние общества, господствующую идеологию, поддерживающую самодержавие. Он пишет: «В минуты всеобщего переполоха и эпидемической нравственной перепутанности общество выказывает особенную щекотливость. Потому ли, что оно и без того чувствует себя кругом виноватым, или потому, что организм его уже слишком покрыт язвами, — как бы то ни было, но оно положительно не допускает, чтоб в эти язвы, и без того растравленные, запускали любознательный скальпель. «Я знаю, что гнию», — говорит оно с каким-то дико-горделивым самодовольством — ну, *и гниет себе понемножку.* Ввиду такой чувствительности возможно ли оставаться жестоким?». Для радикальной мифологии характерным было представлять общество в виде «загнивающего» больного, требующего врача.

Здесь стоит отметить, что выражения: «гниющее общество», «исцелить больного», «схватила революционная горячка», «революционные эпидемии», «чума», «зараза» — использовались в качестве маркеров дискурса социальных преобразований. С ними связан набор стандартных образов, используемых конкурирующими мифополитическими системами (консервативной, либеральной, демократической) в «войне» друг против друга. Менялись лишь знаки. Противник играл роль «больного», объявлялся «чумным», его же оппонент заявлял претензию быть врачом. Вот как, например, использует эти образы умеренный либерал К.Д. Кавелин, автор статьи «Разговор», вышедшей в свет в 1880 г. и имеющей целью разоблачение радикально-демократической мифологии. В статье публицист рассказывает занятную, но несколько надуманную историю о том, как ему удалось проповедями (чтением собственной статьи) исцелить безнадежно больного, подхватившего «революционную горячку» сына

своего друга. Читаем: «Ведь он во сто раз хуже чумного! Не боясь заразы для самого себя, я втихомолку написал статью против революции и пригласил моего больного послушать ее»[29].

В кризисную эпоху в обществе возникает запрос на лидера. Каждое политическое движение пытается выдвинуть из своих рядов харизматика, который стал бы актуализацией его варианта архетипа Героя, соответствовал бы созданному им литературному канону. В статье «Разговор» К.Д. Кавелин, сотрудник либерального «Вестника Европы», ставит проблему лидера и толпы, выступая против мифа о Герое-жертве Нового времени в его радикальном варианте. Своему оппоненту он заявляет: «*На что нам ваша смерть или ваша кровь*, какая польза для нас в вашем одиночном заключении или в ваших работах на каторге? Убедитесь в том, что России нужна не смерть ваша, а жизнь. Русские люди уже слишком много раз, да, слишком много раз доказывали, что умеют умирать. Но жить они положительно не умеют, еще не научились, и отсюда вся их беда. (...) Жизнь-копейка, — поговорка наша, русская (...) И вот на эту копейку покупался великий титул героя: разве не афера своего рода»[30].

Как известно, герой является семиотическим стержнем всей радикально-демократической мифологии. Обязательными составляющими жертвенного канона были подвижническая деятельность во имя народа, арест, одиночное заключение, каторга в Сибири и смерть. В поэзии Н. Некрасова, который создал эстетический образ ранней смерти как апофеоза интеллигентского героизма, эти константы радикальной мифологии выражены в знаменитом четверостишии «Ему судьба готовила путь славный, имя громкое народного заступника, чахотку и Сибирь»[31]. С точкой зрения Кавелина сталкивается и мнение Салтыкова-Щедрина, который, будучи сотрудником «Современника», в цикле статей «Наша общественная жизнь» еще в 60-е годы обличал «обывателей» (консерваторов и либералов): «Ожесточение благонамеренной прессы, а за нею и благонамеренной части общества доходит до того, что если мальчишка умирает или иным способом погибает, то никому в голову не придет сказать: вот *погибает человек жертвою*...ну, положим, хоть заблуждений! Но всяк говорит: вот погибает *мальчишка*, то есть негодяй, то есть нигилист, то есть человек, не различавший своего и чужого! Откуда это проклятое «то есть»?[32]

«Война мифов», которую развязали «революционеры- демократы» и консервативные либералы выглядела примерно так: революционеры провозглашали: «Вот погиб Герой, жертва во имя народа». Им отвечали: «Мальчишки! На что нам ваша смерть? Живите!». У Кавелина читаем: «Ваше мальчишество крайне неуместно и неприлично для той роли обновителей и просветителей человечества, которую вы на себя слишком легкомысленно берете»[33].

И в либеральной мифологии существовал образ идеального национального лидера. У того же Кавелина встречаем такую тираду: «*Искупителем, новым Петром Великим*, будет у нас тот, кто, обладая чутьем русской действительности, снова выдвинет ее на первый план, возвратит ей, затертой и забытой, ее права и утраченное значение, *не боясь никаких призраков и фантасмагорий*»[34]. Совершенно не случайно появление здесь образа Петра I, «Искупителя». Дело в том, что Петр Великий в русской исторической мифологии играет роль онтологически Первого, Создателя русской государственности, Творца архетипических

жестов. Именно с ним связана идея богоизбранности и особой харизмы царской власти. В его правлении берет начало явление сакрализации монарха. Самые неожиданные, на первый взгляд, поступки Петра воспринимались как животворящие акты Первогероя, устанавливающие правила поведения, кодифицирующие новый порядок в самодержавном государстве. Его реформаторская деятельность является фундаментальной парадигмой для всех «революций сверху» в русской истории. И, конечно же, в реформаторе Александре II хотели видеть нового Петра Великого.

Определенные переклички существуют между рассмотренной нами статьей М.Е. Салтыкова-Щедрина «Современные призраки» (1863 г.) и статьей К.Д. Кавелина «Политические призраки» (1877 г.). Эту брошюру Кавелина можно считать ответом консервативно-либеральной интеллигенции демократам. На наш взгляд, термины «современные призраки» и «политические призраки» оба публициста используют для обозначения одного и того же явления — политических мифов, возникших в секуляризованной культуре Нового времени. Забегая вперед, отметим, что и Салтыков-Щедрин, и Кавелин под своими «призраками» и «миражами» имели в виду, скорее всего, лжемифы. Если политический миф понимать как архетипическую конструкцию, спроецированную в сферу самоорганизации общества и народа, то лжемиф — это миф, не соответствующий древнему архетипу, противостоящий опыту предков, культурной парадигме, существующей в общественном сознании помимо его воли[35].

На наш взгляд, и Салтыков-Щедрин, и Кавелин разоблачали чуждые им мифополитические системы как лжемифы, «иллюзии», «призраки». Салтыков-Щедрин в «Современных призраках», как и во всем своем творчестве, считал долгом объявить «миражами» и разоблачить как лжемифы основные составляющие консервативной и либеральной мифополитических систем. Кавелин же «призраками» и «фантомами» объявлял прежде всего западническую конституционную идею, пришедшую к нам из наполеоновской Франции, и радикальную мифологию революционной демократии. В «Политических призраках» он пишет: «Иногда невольно спрашиваешь себя: да имеет ли, в самом деле, какую-нибудь будущность страна, где правительство и образованный слой способны до такой степени *жить фантазиями и забывать почву*, которая у них под ногами? Правительство боится революционных движений, сепаратизма, прессы, социализма и коммунизма; старается аристократизировать просвещение классическими языками, по возможности задержать стремление масс к образованию и подозрительно следит за его успехами; юношество ухитряется найти у нас гнет капитала над трудом, ему мерещится у нас рабочий класс и пролетариат; солидные люди и само правительство серьезно думают, что только конституционные гарантии могут вывести нас из теперешнего хаоса и безурядицы. Более полной и всеобщей мистификации нельзя себе представить! *Мы сами создаем себе фантомы и живем с ними*»[36]. Или еще: «Иллюзии и призраки, которые мы рассмотрели, служат исходной точкой для всех политических соображений как русского правительства, так и русской интеллигенции»[37].

Публицист показывает, как пришедший к нам с запада «лжемиф» разрушает изнутри русскую мифологию государства и его общественно-политическое уст-

ройство: «А между тем, русское правительство с начала XIX века облеклось в формы французского цезаризма. Ясный, определенный образ царской власти, под *чуждой* ей формой, затемнился. Ложь, обман и насилие, присущие наполеоновскому императорству, *перенесены к нам* и породили в правительстве и образованных слоях множество *иллюзий*, перепутавших наши понятия»[38]. Мы можем утверждать, что здесь Кавелин употребляет термин «иллюзии» для обозначения распространенных в обществе, «перенесенных» с чужой почвы, «чуждых» древним национальным архетипам и не соответствующих опыту предков мифов (лжемифов).

Константой демократической мифологии, с точки зрения Кавелина, является противопоставление интересов Государя и народа и утверждение, что народ от Государя необходимо охранять и ограждать. Общественно-политический вариант эдипова комплекса в западническом варианте Кавелин описал так: «Таким образом, конституционная теория, выставляющая на первый план равновесие властей, распределенных между государем и народом, в действительности только возводит в принцип момент борьбы или начало перехода власти от государя к высшим сословиям»[39].

Противопоставляя Россию Западу, Кавелин утверждает: «Для тех, кто не знаком с русской историей, кто не вникал глубоко в смысл политических учреждений Европы, остается неразрешимой загадкой, *каким образом*, несмотря на внутренние смуты и неурядицы, на неспособность многих из правителей, на смену династий и продолжительные периоды полнейшей анархии, *верховная власть могла удержаться, во всей полноте в руках государей* вплоть до нашего времени». Отвечая на этот вопрос, автор выделяет несколько особенностей русского общественного устройства, который можно считать константами русской мифологии Государства. Во-первых, он отмечает слабость детей (инфантилизм национальной элиты) («у нас были только зачатки аристократии, которые, вследствие разных причин, не успели развиться и окрепнуть». С точки зрения Кавелина, «у нас не может выделиться из народа в особую, сплоченную, сильную группу один какой-нибудь привилегированный класс»[40].

Во-вторых, подчеркивается сила Отца: «русский царь есть всесословный и всенародный государь; его значение и сила покоятся на целом народе, в полном составе его, а не балансируют между разными враждебными и борющимися элементами...»[41]. Или еще: «Русский царь есть верховный руководитель важнейших государственных и народных дел, кормчий великого русского корабля в океане всемирной истории»[42].

В-третьих, утверждается сугубо мирный и взаимовыгодный характер взаимоотношений детей и Отца: «у нас нет и резких общественных контрастов, нет непримиримой вражды сословий и каст, *нет почвы для противопоставления народа государю и государя народу*; сознание народного единства у нас гораздо живее и непосредственнее... В таком отсутствии у нас элементов внутренней борьбы заключается, как мы убеждены, наше великое преимущество»[43]. Движущей силой русского общественного развития может быть только «революция сверху». Либеральные свободы, культивируемые на западе (Кавелин перечисляет: гарантии личной и имущественной неприкосновенности, свободы верований, мнений и публичного заявления, непреложности закона, непоколебимости об-

щественных уставов, ограничивающих произвол административных, судебных и законодательных органов), в России могут быть взяты «без боя». «Народ и правительство в России — только две стороны одного и того же народного организма, борьба между которыми есть и несчастье, и бессмыслица» (Т. 2. С. 938).

Итак, мы убедились, что явление политической мифологии, будучи следствием процесса секуляризации культуры, не осталось незамеченным в политическом дискурсе эпохи Великих реформ XIX в. Хотя в то время еще не существовало научной теории мифа, не были установлены основные закономерности мифологического мышления и прописана теория современной политической мифологии, само явление уже имело место. Чуткие к процессам, происходящим в массовом сознании и в коллективном бессознательном, ведущие литераторы и журналисты 60-х — 70-х г. XIX в., во многом опережая свое время, сумели вплотную подойти к открытию феномена современного политического мифа. Многие из них выступили в качестве мифоборцев и мифотворцев Нового времени, интуитивно верно используя миф в качестве политического инструмента, а политику как способ силового воздействия на Государство. На наш взгляд, не стоит недооценивать роль литературы и журналистики в общественно-политическом процессе эпохи социальных катаклизмов. Литература не только пытается объективно отразить реальность, но и воздействует на нее, транслируя свое, зачастую мифологизированное понимание мира. Очень точно выразил эту мысль Ю.М. Лотман: «Литература задает неслыханные, фантастические нормы героического поведения, а жизнь героев пытается их реализовать. Не литература воспроизводит жизнь, а жизнь стремится воссоздать литературу»[44].

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Успенский Б.А.* Избранные труды. Т.1. Семиотика истории. Семиотика культуры. М., 1996. С. 309.
2. *Кольев А.* Политическая мифология: реализация социального опыта. М., 2003. С. 6.
3. *Леонтович В.В.* История либерализма в России 1762-1914. М., 1995. С. 324.
4. *Кольев.* Ук. соч. С. 55.
5. *Арутюнян М.П., Смоляков В.А.* Миф и демифологизация: мировоззренческий контекст политической идеологии // Миф и идеал в современном мире. Сб. научн. статей по материалам международной научной конференции «Запад-Восток: образование и наука на пороге XXI в.». Хабаровск, 2001. С. 102.
6. *Ионов И.Н.* Историческое бессознательное и политический миф // Современная политическая мифология. Содержание и Механизмы функционирования. М., 1996. С. 11.
7. *Успенский.* Избранные труды. Т. I. С. 71.
8. *Катков М.Н.* Старые и Новые Боги // Русский вестник. 1861. №2. С. 896.
9. *Лосев А.Ф.* Из ранних произведений. М., 1990. С. 387-401.
10. *Катков.* Старые и Новые Боги. С. 898.
11. *Катков М.Н.* О нашем нигилизме (по поводу романа Тургенева)» // Русский вестник. 1862 г. №7. С. 603.
12. Там же. С. 603.

13. Там же. С. 605.
14. Там же. С. 609.
15. Там же. С. 611.
16. *Одайник В.* Психология политики. Политические и социальные идеи К.Г. Юнга. СПб.,1996. С. 47.
17. *Салтыков-Щедрин М.Е.* Современные призраки // Собр. соч. в 20 тт. Т.6. М., 1986. С. 381-407.
18. Там же. С. 404.
19. Там же. С. 381.
20. Там же. С. 398.
21. Там же. С. 383.
22. *Барт Р.* Мифологии / Пер. с фр., вступ. ст. и коммент. С. Зенкина. М., 2004. С. 270.
23. Там же. С. 259.
24. *Салтыков-Щедрин*. Ук. соч. Т. 6. С. 399.
25. Там же. С. 387.
26. Там же. С. 385.
27. Там же. С. 388.
28. Там же. С. 388.
29. *Кавелин К.Д.* Разговор // Собр. соч. в 4-х тт. СПб., 1898 г. С. 995-1022.
30. Там же. С. 1007.
31. *Некрасов Н.* Кому на Руси жить хорошо // Собр. соч. в 8 тт. М., 1965. С. 395.
32. *Салтыков-Щедрин*. Ук. соч. Т.6. С. 22.
33. *Кавелин*. Ук. соч. Т. 2. С. 1001.
34. Там же. С. 994.
35. *Кольев*. Ук. соч. С. 74, 109.
36. *Кавелин*. Ук. соч. Т. 2. С. 994.
37. Там же. С. 958.
38. Там же. С. 939.
39. Там же. С. 934.
40. Там же. С. 937.
41. Там же. С. 937.
42. Там же. С. 939.
43. Там же. С. 937.
44. *Лотман Ю.М.* Культура и взрыв. М., 1992. С. 79.

THE PHENOMENON OF MODERN MYTHOLOGY IN THE SOCIAL-PUBLICISTIC DISCOURSE OF THE GREAT REFORMS EPOCH

E.G. Postnikova

The author examines a discourse of the great reforms epoch from the point of collision of three leading mythopolitical systems: liberalism, conservatism and democracy, their axioms are reflected in the literature and journalism of the time. The basic constants of liberalism are reflected in K.D.Kavelin's works. Axioms of conservatism are in Katkov's articles. M.E. Saltykov-Schedrin pulled no punches and exposed liberal and conservative mythologies, as fake worlds alien to national consciousness. In author's opinion, Schedrin developed and gave a description to a phenomenon of a modern political mythology.

© 2008 г.

Е.С. Богач

К ВОПРОСУ О СУЩНОСТИ ИСКУССТВА В МЛАДОСИМВОЛИЗМЕ И АКМЕИЗМЕ

Вопрос о сущности искусства всегда занимал одну из ключевых позиций в системе мировоззрении поэтов и писателей. А в такие периоды культурного взлета, каким, вне всякого сомнения, является Серебряный век русской поэзии, подобные вопросы становились еще более острыми, еще более актуальными. Как именно вопрос о сущности искусства, его целях и задачах решался в символизме и акмеизме? Подойти к решению этой проблемы — цель данной статьи.

Символизм, как известно, — крупнейшее литературное явление в России конца XIX — начала XX века. Акмеизм возникает на литературной арене в начале 10-х годов XX в., но, несмотря на то, что в этот период сам символизм переживает острый кризис, акмеизму уже не была присуща «всеохватность» поэзии, характерная для его предшественника. Тем не менее, в литературоведении распространена точка зрения, согласно которой акмеизм есть не что иное, как «подновленный символизм»[1], вероятно, потому, что творческое формирование большинства акмеистов проходило «под эгидой» символизма. Насколько верна эта точка зрения? Думается, что внимательное изучение именно проблемы сущности искусства в представлении символистов и акмеистов может помочь ответить на этот вопрос.

Разумеется, в рамках статьи нельзя дать подробный анализ позиций всех представителей символизма относительно вопроса о сущности, целях и задачах искусства. Остановимся лишь на том изводе этого течения, который получил название младосимволизма.

В вопросе понимания сути искусства для «младших» символистов ключевым является понятие теургии. Словарь дает следующее определение: теургия (греч. theourgeia) — в традиционном значении — искусство входить в связь с богами и духами с помощью особых действий и слов, преобразование объекта направленной волей субъекта[2].

Вл. Соловьев, философская концепция которого составила основу мировоззрения младосимволистов, осмысливая это понятие, различает теургию древних обществ, суть которой состояла в единении земного и небесного начал в сакральном творчестве, и современный этап теургии — «свободную теургию», или «цельное творчество», сущность которого, как он полагает, состоит в том, чтобы сознательно, путем внутренней творческой деятельности, мистически общаться с высшим миром. В основе этой деятельности лежит единство следующих составляющих: мистики, «изящного искусства» и «технического художества». Благодаря свободной теургии, согласно Соловьеву, может быть достигнута цель человеческого существования — образование единой вселенской человеческой организации, что должно, по мысли философа, стать венцом мирового процесса.

Очевидно, что в этом случае задачи подобного творчества лежат уже за пределами искусства. Действительно, основной задачей теургии является не столько создание культурных ценностей, сколько пересоздание существующей действительности. Произойти это «пересоздание» должно было примерно следующим образом: художник-теург вступает в мистический брак с Софией, от этого они возносятся в мир «высший», напитываются божественной энергией и возвращаются обратно в мир земной, чтобы способствовать его преображению и переходу на новый, более высокий уровень бытия. Теургия представляет собой путь преображения мира Софией, а основной задачей искусства оказывается задача теургии — дорастание мира до Бога, его «ософиение».

Таким образом, в концепции В. Соловьева задачи искусства выходят за рамки общепринятых, и именно это его положение об искусстве как о теургии становится краеугольным камнем в эстетике младосимволистов.

Так, в концепции символизма А. Белого теургия включена в сложную систему познания и творчества, которое реализуется в традиционной практике восхождения к Абсолюту и последующего нисхождения к миру. В практике восхождения к Абсолюту теургия является путем, ведущим к символу, как «центру соединения всех соединений»[3]. В практике нисхождения — низведением энергий Божественного единства в русло человеческой деятельности и познания, выражением данностей богопознания на языке культурно-значимых форм.

Другой теоретик символизма, Вяч. Иванов, теургическую цель искусства видел в мифотворчестве. Что такое миф? По мысли Вяч. Иванова, «реалистический», т.е. истинный символизм «идет путем символа к мифу; миф — уже содержится в символе, он имманентен ему; созерцание символа раскрывает в символе миф»[4]. Миф — предельное воплощение символа. Но, тем не менее, это все-таки не символ. Откуда он возникает? Ответ на этот вопрос можно найти в той же статье: «Творится миф ясновидением веры и является вещим сном, непроизвольным видением, «астральным» (как говорили древнейшие тайновидцы бытия) гиероглифом последней истины о вещи сущей воистину»[5].

В интерпретации современных исследователей, миф Вяч. Иванова предстает как «объективная форма хранения знания о реальности, обретенная в результате мистического опыта и принимаемая на веру до тех пор, пока в акте нового прорыва сознания к той же реальности не будет открыто о ней новое знание более высокого уровня»[6]. Таким образом, мифотворчество понималась Вяч. Ивановым как «вещей обличение невидимых». А когда искусство понимается как «откровение того, что художник видит, как реальность, в кристалле низшей реальности»[7] (что и было в случае с Вяч. Ивановым), то стремление искусства к выходу за собственные пределы становится вполне очевидным.

Но наиболее своеобразный подход к вопросу о соотношении в искусстве задач исключительно эстетических и теургических, мы находим в статье А. Блока «О современном состоянии русского символизма», появившейся в том же «кризисном» 1910 году. Она стала своего рода «поэтической иллюстрацией» к размышлениям Вяч. Иванова.

В процессе становлении символизма А. Блок различает два этапа — «тезу» и «антитезу». На этапе «тезы» художник-теург ждет преображения мира: «Золотой меч, пронизывающий пурпур лиловых миров, разгорается ослепительно — и

пронзает сердце теурга. Уже начинает сквозить лицо среди небесных роз; различаться голос; возникает диалог»[8]. Однако этим «теза» завершается, и наступает «мертвая точка торжества»[9].

Начинается «антитеза», сутью которой является то, что в этот период жизнь становится искусством. «Отчего померк золотой меч? — задается вопросом Блок, — хлынули и смешались с этим миром лилово-синие миры, произведя хаос, соделав из жизни искусство, выслав синий призрак из недр своих и опустошив им душу?»[10]. Ответ на эти вопросы он видит в следующем: «Произошло вот что: были «пророками», пожелали стать «поэтами»»[11].

Другими словами, назначение поэзии ему видится не в том, чтобы быть просто «поэзией»; истинная, первостепенная ее задача, по его мнению, быть теургией. Отсюда и причины кризиса видятся ему в том, что поэзия не выполнила своего главного, теургического назначения.

Выходы из кризиса видились по-разному. Сам Блок предлагал отказаться от «мрака антитезы», от феноменальных «лиловых миров», одним из которых является и его собственная поэзия, и вернуться к стадии «тезы», когда, в его понимании, искусство было в чистом виде «теургией», а не «поэзией».

Вяч. Иванов, реагировавший на происходящее в символистских кругах гораздо менее бурно, чем восторженные последователи идей Вл. Соловьева, предложил такой выход — воспринимать теургию не как свою ближайшую, сегодняшнюю цель, а говорить о ней «как об идеальном направлении искусства, но отнюдь не как о его ближайшей непосредственной задаче»[12].

Предложение было принято. Однако, несмотря на то, что теургия перестала рассматриваться как непосредственная, сиюминутная задача, а была признана более отдаленной перспективой, некой идеальной целью, тем не менее, смысл ее остался тот же, и в этом плане можно согласиться с В. Бычковым в том, что «в символизме творчество перерастает рамки искусства и культуры, оно рвется не к ценностям культуры, а к новому бытию»[13].

Эта установка символизма на то, чтобы искусство, выходя за собственные пределы, сливалось с иными сферами деятельности человеческого духа, выражается, в частности, и в том, в какой форме символистам виделось воплощение искусства будущего. Так, Вяч. Иванов, видел искусство будущего воплощенным в форме новой Мистерии, под которой понималось некое сакральное действо, в котором и актеры, и зрители будут являться полноправными участниками, а достижения всех искусств будут объединены на основе соборного религиозного опыта. Прообраз такого действа ему видится в литургическом богослужебном синтезе искусств. Таким образом, искусство и религия все время оказываются у этого теоретика символизма слившимися, нераздельными. Причем, вслед за Вл. Соловьевым, полагавшим, что искусство будущего должно вступить в новую свободную связь с религией, он постоянно отмечает, что именно к такому слиянию этих сфер человеческого духа и должно стремиться.

Здесь становится очевидной оппозиция акмеизма, который, в противоположность символистскому стремлению к слиянию, тяготел к процессу прямо противоположному — разграничению, которое явственно ощущается и на уровне понимания сущности искусства.

«Поэзия и религия, — пишет Гумилев в статье «Читатель», — две стороны од-

ной и той же монеты»[14]. Как видим, признавая общность их природы, он, тем не менее, четко их разграничивает — две стороны одной монеты никогда не могут слиться. Смешивать искусство с чем-либо ему внеположным, в том числе и религией, акмеисты категорически отказываются. Об этом Гумилев объявляет в первой же статье, посвященной акмеизму: «Разумеется, познание Бога, прекрасная дама Теология, останется на своем престоле, но ни ее низводить до степени литературы, ни литературу поднимать в ее алмазный холод акмеисты не хотят»[15]. Другими словами, стремление к разграничению, разделению различных сфер жизни и творчества, противоположное символистской тяге к слиянию, перетеканию одного в другое и возникшее во многом благодаря именно отталкиванию от символизма, существует и на уровне понимания искусства. Искусство в акмеистической трактовке должно оставаться только искусством и не должно ассимилироваться с религией, т.к. в этом случае оно перестает быть искусством.

Есть Бог, есть мир, они живут вовек
А наша жизнь мгновенна и убога,
Но все в себя вмещает человек,
Который любит мир и верит в Бога.

Задачей искусства, по мнению Гумилева, является отнюдь не пересоздание действительности, а «руководство по перерождению человека в высший тип»[16]. Показательно, что у религии в его определении задачи те же, но решают они их разными путями, не пересекаясь. Различия между ними идут по линии «коллективное — индивидуальное». «Религия обращается к коллективу. Для ее целей <...> необходимы совместные усилия, своего рода работа полипов, образующих коралловый риф. Поэзия всегда обращается к личности»[17].

И так же как в вопросе миропонимания основным расхождением между символистами и акмеистами стала проблема отношения к миру трансцендентному, в вопросе понимания сути искусства именно она становится «камнем преткновения». «Разворот» к земному и обусловил понимание сути искусства, совершенно отличное от символистского. Характерным в этом плане является обращение акмеистов к средневековью. Оно было далеко не случайным.

Так, С.С. Неретина указывает, что «по сравнению с античностью и Возрождением в средневековье в идею творчества была включена идея делания, физического взаимного усилия стремящихся друг к другу Бога и человека. Эта идея предполагала не просто свободное парение ума, но тяжелый труд <...>, который оказывался одновременно священнодействием»[18]. Именно эта характерная для средневековья связь творчества с трудом и ремеслом стала основополагающей для художественной программы акмеизма. Не случайно и то, что название поэтического объединения, в недрах которого зарождался акмеизм, звучало как «Цех поэтов», не случайно и создан этот Цех был на манер средневекового. Сознательные целенаправленные усилия, прилагаемые поэтом, практически «физическая» примесь в процессе творчества — это было для акмеистов неотъемлемой частью искусства. Отсюда и их повышенное внимание к технике стихосложения, так нервировавшее символистов, особенно «младших». Однако Гумилев на протяжении всего своего творческого пути придерживался мнения, что «надо или совсем ничего не знать о технике или знать ее хорошо»[19], и со-

глашался с Делакруа в том, что «надо неустанно изучать технику своего искусства, чтобы не думать о ней в минуты творчества»[20].

Таким образом, искусство понималось акмеистами как мастерство, как высшая степень владения своим ремеслом.

Однако именно отношение к искусству как к мастерству, являющемуся высшей степенью владения ремеслом, составляло сущность акмеистического понимания искусства и шло вразрез с младосимволистским видением искусства как теургии. Понимание творчества, в первую очередь, как мастерства, свойственное эпохе средневековья, было очень созвучно поэтам-акмеистам.

Так, по мысли М. Гаспарова, мастерство было для акмеистов (в частности, для Мандельштама начала 1910-х годов) не что иное, как «средство преодоления пустоты и небытия», цель которого — «создание вечного искусства»[21]. В стихотворении «Адмиралтейство», написанном Мандельштамом в 1913 году, читаем (здесь и далее курсив наш):

В столице северной томится пыльный тополь,
Запутался в листве прозрачный циферблат,
И в темной зелени фрегат или акрополь
Сияет издали, воде и небу брат.

Ладья воздушная и мачта-недотрога,
Служа линейкою преемникам Петра,
Он учит: красота — не прихоть полубога,
А хищный глазомер простого столяра.

Последние строки этого отрывка становятся формулой акмеистического понимания искусства. Красота человеческого творения, того, что сделано человеком не есть нечто нисходящее свыше, извне, а есть результат напряжения его собственных сил. Выбор же в данном случае именно столяра в качестве творца (а, скажем, не поэта или художника), также подчеркивает технический (ремесленный) компонент творчества. Именно собственные усилия и воля человека являются главной движущей силой в творческом процессе:

Нам четырех стихий приязненно господство,
Но создал пятую свободный человек.
Не отрицает ли пространства превосходство
Сей целомудренно построенный ковчег?

Сердито лепятся капризные Медузы,
Как плуги брошены, ржавеют якоря —
И вот разорваны трех измерений узы
И открываются всемирные моря!

Однако собственная воля, целенаправленные усилия художника — это не единственное, что вытекало из акмеистического понимания искусства как ремесла. Из подобного понимания следовал еще один тезис — искусству можно научиться, им можно овладеть, как овладевают ремеслом. Причем акмеисты полагали, что именно так делать и должно — учиться искусству, как учатся ремеслу.

Подобный подход вызывал резкое неприятие символистов-теургов. Даже в 1921г., когда о символизме уже не было и речи, Блок писал об акмеистах в статье «Без божества, без вдохновенья. Цех акмеистов»: «они хотят быть знатными иностранцами, цеховыми и гильдейскими; во всяком случае, говорить с каждым из них и о каждом из них серьезно можно будет только тогда, когда они оставят свои «цехи», отрекутся от формализма, проклянут все «эйдологии» и станут самими собой»[22]. Сколько же времени поэту не давала покоя эта оппозиционная установка акмеизма!

Тем не менее, необходимо признать, что именно видение акмеистами искусства как ремесла (и мастерства как высшей ступени ремесленничества) составляло суть их понимания искусства. Задача художника, согласно акмеизму, не пересоздание действительности, а отображение ее в совершенном творении. Е.Ю. Кузьмина-Караваева, будущая мать Мария, современница акмеистов, пишет: «Синдик Цеха поэтов и его создатель, создатель акмеизма... Ремесло свое, ремесло поэта не понимал ли он как долг некий, — в совершенном творении отобразить мир, чтобы мир этот хотя бы только в совершенных стихах продолжал жить»[23].

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Брюсов В.* Смысл современной поэзии // Собр. соч. в 7 томах. Т.6. М., 1975. С. 472.
2. Русская философия: словарь /Под общ. ред. М. А. Маслина / М., 1995.
3. *Белый А.* Символизм как миропонимание // Символизм как миропонимание. М., 1994. С. 245.
4. *Иванов Вяч.* Две стихии в современном символизме // Родное и вселенское. М., 1994. С. 157.
5. Там же. С. 157.
6. *Бычков В.* Эстетические пророчества русского символизма // Полигнозис. 1999. № 1. С. 83–104.
7. *Иванов Вяч.* Две стихии в современном символизме. С. 159.
8. *Блок А.* О современном состоянии русского символизма. // Собр. Соч.: в 8 т. М.; Л., 1960–1963. Т.7. С. 348.
9. Там же. С. 348.
10. Там же. С. 349.
11. Там же. С. 349.
12. *Ермилова Е.В.* Поэзия «теургов» и принцип «верности вещам» // Литературно-эстетические концепции в России конца XIX — начала XX в. М., 1975. С. 235.
13. *Бычков.* Ук. соч. С. 83–104.
14. *Гумилев Н.* Читатель // Письма о русской поэзии / Сост. Г. М. Фридлендер. М., 1990. С. 126.
15. *Гумилев Н.* Наследие символизма и акмеизм // Письма о русской поэзии. М., 1990. С. 110.
16. Гумилев. Читатель // Письма о русской поэзии. С. 128.
17. Там же. С. 128.
18. *Неретина С.С.* Умение ума. Некоторые предположения по средневековой философии техники // Вопросы философии, 1997. №11. С. 149.
19. *Гумилев Н.* Читатель // Письма о русской поэзии. С. 127.
20. Там же. С. 127.

21. *Гаспаров М.Л.* Осип Мандельштам: Три его поэтики // О русской поэзии: Анализы. Интерпретации. Характеристики. М., 2001. С. 198.
22. *Блок А.* Без божества, без вдохновенья. Цех акмеистов // Н.С. Гумилев: pro et contra. СПб., 1995. С. 457.
23. Цит. по: *Гарин И.* Серебряный век. Т.3. М., 1999. С. 358.

ESSENCE OF ART IN NEW SYMBOLISM AND ACMEISM

E.S. Bogach

The article raises the question on world outlook features of the representatives of such literary currents in Russian poetry, as symbolism and acmeism at the beginning of 20th c. The main concern is the problem of understanding the essence of art, its aims, problems and tasks by the poets who belonged to these currents. So, similarities and distinctions in the approaches to the decision of this question are also under analysis. Symbolism is represented by A. Belyj, V. Ivanov, A. Blok, acmeism — by N. Gumilev, O. Mandelshtam.

ЛИНГВИСТИКА

© 2008 г.

И.М. Темникова

ПРЕЦЕДЕНТНЫЕ ТЕКСТЫ С УМОЛЧАНИЕМ В ПОЗИЦИИ ЗАГОЛОВКА (НА ПРИМЕРЕ ПЕРИОДИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ)

В современной лингвистике особенно актуальным является вопрос о прецедентных феноменах, которые определяются как «единицы, имеющие вербальное выражение, известные значительной части представителей лингвокультурного сообщества»[1]. Использование прецедентных феноменов вовлекает реципиента текста в своеобразную игру с образцами — примерами[2]. Так, например, О.И. Соколова указывает на то, что источниками прецедентных текстов могут выступать фразеологизмы, названия книг, песен, высказывания общественных деятелей, политиков и т.д.[3]

Способы и приёмы построения заголовков с прецедентными текстами различны. Так, Г.А. Золотова среди наиболее распространённых называет использование крылатых слов и выражений, скрытых цитат, строк из популярных песен, сочетание слов по смысловому контрасту и созвучию, метафорический перенос[4]; О.С. Боярских — цитирование, трансформированное цитирование, использование названия произведения или полное воспроизведение небольшого по объёму текста[5].

Собранная нами авторская картотека позволила выделить следующие структурные типы прецедентных текстов с умолчанием в позиции заголовка.

• Двусоставное простое распространённое предложение (далее — ПРП), представляющее строчку припева песни В. Ободзинского «Эти глаза напротив», с пропущенным сказуемым: *Эти глаза напротив...*[6] (ср.: *Эти глаза напротив — калейдоскоп огней*).

• Двусоставное ПРП, являющееся ремэйком названия романа Ч.Т. Айтматова, с умолчанием между сказуемым и подлежащим: *И дольше века длится... рекламная пауза*[7] (ср.: *И дольше века длится день*).

• Заголовок — обстоятельство образа действия, выраженное именем существительным с предлогом в форме винительного падежа, представляющее собой незавершённое крылатого латинское изречение с пропущенным обстоятельством места: *Через тернии...*[8] (ср.: *Через тернии к звёздам*).

• Парцеллированное определённо-личное предложение, представленное искажённо цитируемой фразой, ставшей крылатой, с умолчанием в блоке одно-

родных сказуемых (умолчание перед союзом ***И***, соединяющим блок однородных членов предложения): *Заплати долги! ...И спи спокойно!*[9] (ср.: *Заплати налог и спи спокойно*).

• Номинативное предложение, представляющее собой ремэйк крылатой разговорной фразы, с умолчанием в препозиции: ...*И дело с отцом*[10] (ср.: *И дело с концом*).

• Номинативное предложение, представляющее собой искажённое цитирование строк поэмы А.С. Пушкина «Медный всадник», с умолчанием между обстоятельством места, выраженным именем собственным, и обстоятельством образа действия, выраженным именем собственным с предлогом: *Окно в Европу... через Латвию*[11] (ср.: *Природой здесь нам суждено // В Европу прорубить окно*).

• Инфинитивное предложение, представляющее собой искривлённое цитирование фразы, приписываемой народом В. И. Ленину, с однородными сказуемыми с умолчанием между сказуемым и обстоятельством места, выраженным именем существительным с предлогом в форме предложного падежа: *Учиться, учиться и учиться... в Париже!*[12] (ср.: *Учиться, учиться и ещё раз учиться, как завещал великий Ленин*).

• Именительный темы, представляющий собой лингвистический ремэйк строк из рассказа М. Горького «Человек», с пропущенным обстоятельством образа действия, выраженным наречием: *«ЧелоВЕК» — это звучит...*[13] (ср.: *Человек — это звучит гордо*).

• Именительный темы, представляющий собой ремэйк строк песни М. Круга «Владимирский централ», с умолчанием между именительным темы и базовым предложением, выраженным словосочетанием ***существительное + прилагательное***: *Владимирский централ... книги редкие*[14] (ср.: *Владимирский централ— ветер северный*).

• Неполное осложнённое предложение, представляющее собой незавершённую строчку из песни «Пусть бегут неуклюже» на слова А. Тимофеевского: *К сожалению, день рождения...*[15] (ср.: *К сожаленью, день рожденья // Только раз в году*).

• Двусоставное предложение, осложнённое обращением, представляющее собой неточное воспроизведение пословицы, с умолчанием между обращением и подлежащим, выраженным комплетивным сочетанием: *Вот вам, инвалиды... и Юрьев день!*[16] (ср.: *Вот тебе, бабушка, и Юрьев день!*).

• Сложносочинённое предложение (далее — ССП), представляющее собой пословицу, с союзом несоответствия ***А*** с пропущенной первой частью: ...*Бес в ребро*[17] (ср.: *Седина в бороду, а бес в ребро*).

• ССП, представляющее собой строки стихотворения О. Берггольц «Склоняет знамёна народ», с пропущенной второй частью: *Никто не забыт...*[18] (ср.: *Но знай, внимающий этим камням, // никто не забыт и ничто не забыто*).

• ССП, представляющее собой искривлённое цитирование пословицы, с пропущенной второй частью: *На милицию надейся...*[19] (ср.: *На Бога надейся, а сам не плошай*).

• ССП с альтернативным союзом ***ИЛИ***, представляющее собой название фильма, с пропущенной второй частью: *Добро пожаловать, или...*[20] (ср.: *Добро пожаловать, или Посторонним вход воспрещён*).

• Придаточное условное предложение сложноподчинённого предложения (далее — СПП), представляющее собой строчки из песни В. Высоцкого, с пропущенным главным предложением: *Если друг оказался вдруг...*[21] (ср.: *Если друг оказался вдруг // И не друг, и не враг, а — так, // Если сразу не разберешь, // Плох он или хорош, — // Парня в горы тяни — рискни!*).

• Придаточное изъяснительно-объектное предложение СПП, представляющее собой пословицу, с пропущенным однородным соподчинённым придаточным предложением: *Где найдешь...*[22] (ср.: *Никогда не знаешь, где найдёшь, где потеряешь*).

• СПП с придаточным местоимённо-соотносительным, представляющее собой слова лиса из сказки А. де Сент-Экзюпери «Маленький принц», с пропущенным придаточным: *Мы в ответе за тех...*[23] (ср.: *Мы в ответе за тех, кого приручили*).

• Двусоставное ПРП в составе бессоюзного сложного предложения (далее — БСП) с перечислительным отношением со значением следования, представляющее собой строки стихотворения В. Маяковского «Кем быть», с пропущенной второй частью: *«Я б в рабочие пошёл...»*[24] (ср.: *Я б в рабочие пошёл — // пусть меня научат*).

• БСП, представляющее собой пословицу, с перечислительным отношением со значением следования с пропущенной второй частью: *По одёжке встречают...*[25] (ср.: *По одёжке встречают, по уму провожают*).

• БСП обусловленности с условным отношением, обе части которого — определённо-личные предложения, представляющее собой крылатое латинское выражение, с пропущенным косвенным дополнением: *Хочешь мира — готовься...*[26] (ср.: *Хочешь мира — готовься к войне*).

• Многочленное сложное предложение, представляющее собой искривлённое цитирование пословицы, с пропущенной второй частью: *«Скажи мне, какое ты предпочитаешь мороженое...»*[27] (ср.: *Скажи мне, кто твой друг, и я скажу, кто ты*).

Таким образом, использование прецедентных текстов усиливает полисемантичность умолчания, суггестивность заголовка и, следовательно, вовлекает читателя в своеобразную игру, в основе которой лежит герменевтика. Другой важной характеристикой подобных конструкций является то, что реципиент становится важным участником миромоделирования, со-автором текста и со-творцом окружающей действительности.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Боярских О.С.* Прецедентное высказывание в газетном тексте: особенности читательского восприятия // Политическая лингвистика. 2007. Вып. 21. С. 65.
2. *Кушнерук С.Л.* Использование прецедентных феноменов для ситуативного промоушена в российской печатной рекламе // Политическая лингвистика. 2006. Вып. 20. С. 199.
3. *Соколова О.И.* Использование прецедентных текстов в газетных заголовках // http://www.vfnglu.wladimir.ru/Rus/NetMag/v4/v4_ar09.htm.
4. *Золотова Г. А.* Очерк функционального синтаксиса русского языка. М., 1973. С. 69.

5. *Боярских.* Ук. соч. С. 65.
6. Газ. «Телесемь» (Москва). 2008. № 10.
7. Газ. «Диалог» (Магнитогорск). 2006. № 17.
8. Газ. «Магнитогорский металл» (Магнитогорск). 2006. № 59.
9. Газ. «Диалог» (Магнитогорск). 2006. № 12.
10. Газ. «Форс мажор» (Магнитогорск). 2005. № 16.
11. Газ. «Аргументы и факты» (Москва). 2007. № 47.
12. Газ. «Магнитогорский металл» (Магнитогорск). 2005. № 149.
13. Газ. «Диалог» (Магнитогорск). 2006. № 14.
14. Газ. «Литературная газета» (Москва). 2005. № 6.
15. Газ. «Телесемь» (Москва). 2008. № 10.
16. Газ. «Диалог» (Магнитогорск). 2006. № 20.
17. Газ. «Магнитогорский металл» (Магнитогорск). 2005. № 135.
18. Газ. «Магнитогорск. XXI век» (Магнитогорск). 2006. № 21.
19. Газ. «Магнитогорский металл» (Магнитогорск). 2005. № 128.
20. Газ. «Магнитогорский металл» (Магнитогорск). 2006. № 47.
21. Газ. «Русский дом» (Магнитогорск). 2003. № 17.
22. Газ. «Форс мажор» (Магнитогорск). 2005. № 16.
23. Газ. «Русский дом» (Магнитогорск). 2003. № 14.
24. Газ. «Подробности» (Магнитогорск). 2006. № 17.
25. Газ. «Магнитогорский металл» (Магнитогорск). 2005. № 121.
26. Газ. «Магнитогорский металл» (Магнитогорск). 2006. № 63.
27. Газ. «Магнитогорский металл» (Магнитогорск). 2005. № 132.

PRECEDENT TEXTS WITH PRETERITION IN POSITION OF HEADING (BY THE EXAMPLE OF PERIODIC PRESS)

I.M. Temnikova

The article examines structural features of the precedent texts with preterition in a position of heading by the example of periodic press. For the first time the author allocates structural types of similar designs and gives their consecutive classification identifying the text as a source. The whole research is devoted to the essential, intrinsic aspect, position and functional features of the preterition as a way of graphic accentuation.

© 2008 г.

Т.Л. Ваулина

К ВОПРОСУ О РАЗГРАНИЧЕНИИ ПРИСОЕДИНЕНИЯ И ПАРЦЕЛЛЯЦИИ

Несмотря на то, что в исследовании присоединительных конструкций накоплен весьма значительный опыт, вопрос о присоединении и смежном с ним явлении парцелляции остается дискуссионным и решается неоднозначно. Прежде всего следует обратить внимание на отсутствие единства в определении сущности присоединения и парцелляции. Надо ли разграничивать эти пересекающиеся между собой явления или следует признать, что речь идет о разногласиях терминологического характера?

Термин «присоединение» ввел в лингвистику Л.В. Щерба, который вскрыл существенную особенность присоединительных конструкций: при присоединении «второй элемент» появляется в сознании лишь после первого или во время его высказывания, в отличие от сочинения, при котором «оба члена присутствуют в сознании, хотя бы в смутном виде, уже в самом начале высказывания». Присоединение рассматривается как единица языка и речи, обладающая психологическим признаком «непреднамеренности», экспрессивно-синтагматическим признаком.[1]

В «Лингвистическом энциклопедическом словаре» под редакцией В.Н. Ярцевой присоединение определяется как 1) «принцип построения высказывания, при котором какая-то его часть получает самостоятельную коммуникативную значимость и в виде отдельной, как бы дополнительной информации прикрепляется к основному сообщению»; 2) «прием сочетания смыслов, их неожиданного соположения и столкновения, приводящий к нарушению привычных словесных ассоциаций и резким экспрессивным разрывам и сдвигам внутри синтагмы или предложения»[2].

Как известно, термин «парцелляция», введенный А.Ф. Ефремовым в работе «Язык Н.Г. Чернышевского»[3], восходит к французскому слову «parceller», что значит «делить, дробить на части», он применяется для обозначения способа членения текста. При этом, как отмечает большинство исследователей этой проблемы, парцелляция относится к области экспрессивного синтаксиса.

Парцелляция не имеет в лингвистической литературе полного и однозначного определения, что, несомненно, связано с многоплановостью самого явления парцелляции и с различием подходов к ее исследованию.

Так, в «Грамматике современного русского литературного языка» дается следующее определение: «Интонационное расчленение словосочетания в составе предложения может по своему ритмико-мелодическому качеству совпадать с интонационным членением между отдельными предложениями. Тогда возникает явление так называемой парцелляции, т.е. такое интонационное — а очень часто и позиционное –вычленение словоформы или словосочетания, при котором этот отчлененный и вынесенный в конец элемент приобретает интонационный контур и информационную нагрузку самостоятельного высказывания»[4].

В лингвистике термин «парцелляция» закрепился лишь в середине 60-х гг. прошлого века с появлением работ Ю.В. Ванникова. И хотя с тех пор было написано значительное количество монографий, диссертаций и научных статей, посвященных этой проблеме, этот исследователь и по сей день остается одним из самых авторитетных ученых в области исследования парцелляции. Ю.В. Ванников не только дал определение парцелляции, но и впервые провел теоретический анализ этого явления на примере русского языка. В работах Ю.В. Ванникова под «парцелляцией» понимается «такой способ речевого членения единой синтаксической структуры, т.е. предложения, при котором она воплощается не в одной, а в нескольких интонационно-смысловых речевых единицах, т.е. фразах». Парцелляция, таким образом, представляет собой особый случай несоответствия, «несовпадения коррелятивных единиц языка и речи»[5].

В.Г. Гак рассматривает парцелляцию как промежуточную форму между предложением и сверхфразовым единством и определяет ее как оформление одного высказывания в ряде интонационно обособленных отрезков. На письме эти речевые единицы отделяются точками, как самостоятельные предложения. Основное семантическое назначение парцелляции он видит в отношении добавления, в структурном плане — это присоединение (парцеллят не соотносится структурно ни с каким элементом базовой структуры). Говоря о функционировании парцеллированных конструкций, В.Г. Гак указывает на их способность «преодолеть жесткую схему предложения и привести синтаксическую структуру в соответствие с коммуникатиным заданием высказывания»[6]. Парцеллят выражает рему высказывания, подытоживает мысль, уточняет сказанное.

Синтактико-стилистическим вариантом полного предложения, возникшим как результат его синтаксического преобразования, считает парцелляцию В.Н. Стрельцов. Он относит парцелляцию к приемам членения письменного языка[7].

Следует отметить, что в понимании Е.А. Иванчиковой и некоторых других исследователей (Н.С. Валгина, М.Е. Шафиро, Г.С. Шалимова, А.В. Швец) термин «парцелляция» тождествен термину «присоединение».

Так, А.Ф. Прияткина считает присоединение особым способом включения члена предложения в высказывание, указывающим на его положение вне основного содержания. «Присоединить — это значит внести что-то сверх законченного по содержанию и по форме»[8].

Под парцелляцией исследователь понимает «способ организации текста по принципу присоединения, но при той степени завершенности предшествующей части, которая позволяет говорящему, пишущему поставить точку перед присоединением... Парцелляция — это такое строение двух неразрывно связанных высказываний, когда в них обоих вместе взятых реализуется одна синтаксическая структура»[9].

Анализируя активные процессы в синтаксисе, Н.С. Валгина отмечает, что синтаксические построения становятся все более расчлененными, фрагментарными, формальные связи — ослабленными, свободными, все более активизируется синтаксис актуализированный, и эта расчлененность хорошо передается

с помощью присоединительных и парцеллированных конструкций. Причем «присоединение в чистом виде обнаруживается в рамках самого базового предложения, парцеллированное присоединение позиционно более самостоятельно (стоит после точки)»[10].

Е.А. Иванчикова рассматривает парцелляцию как разновидность присоединения: «В понятие парцелляции мы вкладываем более узкое содержание, чем то, которое может иметься в виду, когда говорят о присоединении»[11].

В более позднем социологическом исследовании «Русский синтаксис и советское общество. Морфология и синтаксис современного русского литературного языка» автор приводит разграничение понятий «присоединение» и «парцелляция», объясняя параллельное использование двух терминов тем, что в связи с многозначностью и перегруженностью термина «присоединение» был выбран другой термин — «парцелляция». Этот прием автор характеризует как прием экспрессивного синтаксиса, сущность которого заключается в том, что «синтаксически зависимая часть приобретает функционально-коммуникативную самостоятельность в результате расчленения — посредством паузы и точки — высказывания на интонационно обособленные отрезки, между которыми сохраняются те же формы связи, что и между частями соответствующей парцеллированной конструкции»[12].

А.П. Сковородников указывает на принципиальные различия между парцелляцией и присоединением, называя парцелляцию «явлением динамического аспекта предложения», а присоединение — «явлением статического аспекта предложения»[13]. Автор также отмечает, что в «центральной» зоне присоединение и парцелляция всегда формально разграничены, в «периферийной» зоне эти явления находятся в позиции формального неразграничения. Для их разграничения необходим контекстно-семантический анализ»[14].

Точку зрения А.П. Сковородникова поддерживает В.В. Бабайцева, отмечая, что и присоединение и парцелляция «планируются автором как способ актуализации их семантики, причем при присоединении изолированный фрагмент подается как добавочное сообщение, возникшее в мысли при произнесении (написании) базовой части, а типичная парцелляция аналогична скандированию слов»[15].

Следовательно, при присоединении происходит добавление фрагмента к базовой части, в то время как при парцелляции — отчленение фрагмента, связанное с поиском более сильных, выразительных средств подачи информации.

По мнению В.К. Покусаенко, парцелляция не является разновидностью присоединения, исследователь считает их противоположными явлениями: «...при парцелляции конструкция, единая в языке, расчленена в речи; при присоединении, напротив, конструкции, расчлененные в языке, представлены в речи как определенное единство»[16].

По нашему мнению, при разграничении явлений присоединения и парцелляции основными являются такие критерии, как интенции говорящего, модальность и референция высказывания. Перечисленные критерии дополняются критериями формально-грамматического порядка.

В основе как присоединения,. так и парцелляции лежит «подражание естественному развертыванию разговорной речи, когда речь формируется по мере

течения мысли, а не является заранее обдуманной и вмещенной в готовые, законченные формулы»[17].

Присоединение основывается на речевом механизме восстановления речевой цепи, когда к завершенному высказыванию добавляются различные смысловые элементы, дополняющие и развивающие его содержание. При присоединении оказываются нарушенными грамматические связи, которые невозможно восстановить. Присоединение часто сопровождается элиминацией отдельных звеньев синтаксической структуры. Помимо этого, присоединение часто характеризуется разноавторством представленных элементов. Базовая часть содержания выражает объективную модальность, а присоединяемый компонент выражает субъективную модальность.

Примеры: *1). Жизнь разметала нас — и, казалось, навсегда* (Комсомольская правда, 23.10.2008).

2) Я никогда лишнего не стрелял, а то и вовсе ружье не беру — интересно видеть, как кто живет. (Комсомольская правда, 01.11.2008)

3) Мы стараемся исключать из рациона вредные продукты и едим полезные — такая тенденция не может не радовать (Комсомольская правда, 25.10.2008).

4) Так вот, иду на днях мимо этой пресловутой «Паллады» и глазам своим не верю: детская площадка строится, да не простая, а какая-то эксклюзивная, показалось, даже с контурами московского Кремля (Магнитогорский металл, 08.09.2007).

Парцелляция прежде всего связана с намерением актуализировать отделяемый элемент, поставить на него логическое ударение. Разрыв речевой цепи порождает определенную экспрессию. В парцеллированном высказывании оформляется информация воздействующей направленности. Необходимо также указать, что при парцелляции оказывается возможным восстановить модель исходной структуры без какого-либо ущерба для смысла.

Пример: *Нас можно тыкать носом в грязь, и мы смолчим. Потому что нищие* (Магнитогорский металл, 29.09.2007). В данном примере парцелляту придается больший, чем обычно, смысловой вес, большая смысловая нагрузка, а грамматическая структура предложения легко восстанавливается: *ср: Нас можно тыкать носом в грязь, и мы смолчим, потому что нищие.*

Анализ взглядов исследователей на природу парцелляции позволяет отметить, что исследование этого явления идет в основном по двум линиям.

Языковеды, изучающие парцелляцию в структурно-семантическом плане, обращают внимание, как правило, на особенности парцеллированных конструкций с точки зрения позиции и средств связи парцеллятов с базовой частью, большей или меньшей степени их семантической спаянности, с точки зрения состава и синтаксического статуса парцеллятов.

Анализ парцеллированных конструкций с точки зрения семантики приводит исследователей к выводу, что предложение и его парцеллированный «эквивалент» обнаруживают полное семантическое тождество.

Исследователи, изучающие парцеллированные конструкции в функционально-стилистическом аспекте, единодушно отмечают, что парцелляция — это прием экспрессивного синтаксиса, заключающийся в членении структуры предложения на несколько интонационно-обособленных частей в целях созда-

ния определенных стилистических эффектов, что парцеллированные и непарцеллированные предложения относятся друг к другу как стилистические варианты.

При обсуждении вопроса связи единодушно отмечается, что парцеллят от базовой части отделяется в первую очередь интонационно. Что касается средств, оформляющих на письме элементы данного членения, то единообразия во взглядах тоже нет. Так, одни считают, что базовая часть отделяется на письме точкой (а запятая и тире отделяют обособленные обороты), другие утверждают, что парцелляция может графически изображаться не только точкой, но и запятой.

Обзор некоторых концепций позволяет отметить еще одно, на наш взгляд, важное расхождение в подходах исследователей к парцелляции: одни считают парцелляцию речевым явлением, предлагая говорить не о парцелляции предложений различных структурных типов, а о парцелляции высказывания, другие отграничивают сферу парцелляции предложением.

Итак, обобщая вышесказанное, можно определить общие и дифференцирующие признаки присоединения и парцелляции.

Общие признаки:

1. Прерывистый характер синтаксической связи.
2. Конструктивные особенности — постпозиция.
3. Логическое, интонационное выделение.
4. Функция дополнительного высказывания, дающая возможность уточнить, пояснить, распространить, семантически развить основное сообщение.

Дифференцирующие признаки:	Присоединение	Парцелляция
Структурные	Находится внутри предложения	Стоит вне предложения
	Автосемантично	Полностью зависит об базового предложения (т.е. в отрыве от базовой части не употребляется в в качестве самостоятельно функционирующей коммуникативной единицы).
	Двучленность высказывания	Расчленение высказывания на неограниченное число частей
	Наличие специальных показателей присоединительности	Могут отсутствовать
	Присоединяемая часть отделяется от присоединяющей запятой, тире, точкой, многоточием	Парцеллят отделяется от базовой части точкой
	Совмещение разнопорядковых содержательных блоков (смещение синтаксической и смысловой перспективы)	Совмещение однопорядковых содержательных блоков

Дифференцирующие признаки:	Присоединение	Парцелляция
Интонационные особенности	Интонация законченности (после паузы), имеет собственное фразовое ударение, выделяющее рему	Интонация отчленения.
Экспрессивность	Может отсутствовать	Обязательна, поскольку это единица экспрессивного синтаксиса

На наш взгляд, явления парцелляции и присоединения представляются взаимоисключающими, так как уже само понятие расчленения полной синтаксической структуры на отдельные интонационно обособленные отрезки является противоположным понятию присоединения, т.е. складывания в процессе речи отдельных предложений на основе ассоциативных связей. Присоединяемый компонент автосемантичен, не зависит от основной части высказывания, возникает неожиданно, находится на другом смысловом уровне, парцеллят же синсемантичен, вне опоры на предшествующую часть он непонятен, в качестве самостоятельной коммуникативной единицы он существовать не может. Таким образом, присоединение — это целое, составленное из частей, присоединенных друг к другу, а парцелляция — это целое, преднамеренно расчлененное на части.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Щерба Л.В.* Избранные работы по русскому языку. М., 1957.С. 80.
2. Лингвистический энциклопедический словарь» / Под. ред. В.Н. Ярцевой. 2-е изд., дополн. М., 2002. С. 369.
3. *Ефремов А.Ф.* Язык Н.Г.Чернышевского. М., 1952. С. 52.
4. Грамматика современного русского литературного языка / Под ред. Н.Ю. Шведовой. Т. 2. М., 1980. С. 6.
5. *Ванников Ю.В.* Синтаксис речи и синтаксические особенности русской речи. М.,1979. С. 5.
6. *Гак В.Г.* Теоретическая грамматика французского языка. Синтаксис. М., 1981. С. 204.
7. *Стрельцов В.Н.* Парцелляция в структуре сложноподчиненного предложения в современном английском языке. М., 1973.
8. *Прияткина А.Ф.* Русский язык: Синтаксис осложненного предложения. М., 1990. С. 154.
9. Там же. С. 156.
10. *Валгина Н.С.* Активные процессы в современном русском языке. Учебное пособие для студентов вузов. М., 2003. С. 188.
11. *Иванчикова Е.И.* Парцелляция, ее коммуникативно-экспрессивные и синтаксические функции // Морфология и синтаксис современного русского литературного языка, М., 1968. С. 279.
12. Там же. С. 277.
13. *Сковородников А.П.* Экспрессивные синтаксические конструкции современного русского литературного языка. Томск, 1981. С. 141.
14. Там же. С. 142

15. *Бабайцева В.В.* Синкретизм парцеллированных и присоединительных субстантивных фрагментов текста // НДВШ. Филологические науки. 1997. № 4. С. 57.
16. *Покусаенко В.К.* К вопросу о парцелляции сложных бессоюзных предложений // Вопросы синтаксиса русского языка. Ростов-на-Дону, 1973. С. 142.
17. *Иванчикова* Ук.соч. С. 279.

DIFFERENTIATION OF JOINING AND PARCELLING

T.L. Vaulina

The article views the question about differentiation of joining and its adjacent phenomenon — parceling which appears to be quite a debatable subject in Russian linguistics. The author covers various approaches on defining the essence of joining and parcelling, analyzes the given phenomena on examples from newspaper articles.

© 2008 г.

И.А. Юрьева

КОНЦЕПТ РОССИЯ КАК ФРАГМЕНТ РУССКОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ КАРТИНЫ МИРА: (К вопросу о выявлении путей трансформации концепта)

Вслед за представителями когнитивного направления, в частности Е.С. Кубряковой, под концептом мы понимаем «оперативную содержательную единицу памяти, ментального лексикона, концептуальной системы и языка мозга, всей картины мира, отраженной в человеческой психике»[1].

Интерес к концепту представителей разных наук определяет отсутствие более или менее однозначного подхода к определению концептуальной сущности, что не мешает, однако, исследователям обозначить ряд общих признаков концепта, к каковым причисляются: 1) постоянная динамика; 2) отсутствие жесткой структуры; и 3) полевое строение.

Концепты как фрагменты сознания субъекта принципиально не статичны: в зависимости от внешних обстоятельств жизни человека, от объема его личного опыта концептуальные знания могут пополняться, что приводит к трансформации и даже к полной деформации концептуальной сущности. Следовательно, адекватное научное осмысление концепта невозможно в рамках одного временного среза. Анализ концепта в диахроническом аспекте опирается на учет всех влияющих на концептуальную сущность факторов.

Представление о **полевом строении** концепта основано на соотнесении его с неким объемом знаний, который может быть назван «квантом знаний». «Квант знаний» объективируется в той или иной степени вербальными средствами, что

делает актуальным вопрос о соотношении концептуальной и языковой картин мира. Полевая организация предполагает выделение двух частей — ядра и периферии. Ядро концептуальной структуры соотносимо с конвенциональными, т.е. словарными значениями лексических объективаторов концепта. В случае достаточно сложной семантической организации слов, возможно членение ядра на сегменты. Периферия концепта отражает субъективный опыт, различные прагматические составляющие лексемы, коннотации и ассоциации, вытекающие из ментальных представлений данного социума.

Лексикографические источники представляются материалом для реконструкции ядерной зоны концепта, тексты же как нельзя лучше открывают доступ исследователю для познания субъективных представлений индивида, которые формируют периферию концептуальной сущности. Лингвистический анализ текстов позволяет выявить набор лексических средств, являющихся актуализаторами концептуальных смыслов. Если учитывать при отборе текстов «временной» критерий, становится возможным определить специфику «наборов» лексических репрезентантов на разных временных этапах существования концептуальной vs. языковой картин мира. Сопоставление выявленных «наборов» может служить своего рода основой для наблюдения за изменениями, трансформациями концепта, поскольку трансформация ментальной сущности проявляется в способах его языковой объективации.

Объектом нашего исследования является концепт РОССИЯ как фрагмент национальной картины миры периода с начала XX в. до 2006 года включительно. С нашей точки зрения, вполне правомерно предположить, что этот концепт претерпел за рассматриваемый период значительные изменения (в силу ряда политических, социально-экономических, культурных и прочих процессов).

Материалом исследования служат тексты, включенные в Национальный Корпус русского языка[2] (далее — Корпус). Результатом работы в поисковой системе Корпуса стала картотека текстовых фрагментов (далее — ТФ), связанных с объективацией концепта РОССИЯ (период с 1900 г. до начала XXI в.), которая в совокупности насчитывает 409 единиц. Основным методом при отборе материала исследования послужил метод ключевого слова. В нашем случае функцию ключевого слова выполняет имя концепта — *Россия*. Ключевым словам в структурировании текста отводится особая роль: «они активизируют обширные области внутреннего лексикона, создавая преднастройку для понимания содержания текста, для его эмоционально-оценочного восприятия <...>, т.е. ключевое слово призвано выполнять функцию «точки контакта» потока речи — текста — с субъективной системой знаний адресата (читателя)»[3]. Анализ парадигматических и синтагматических отношений ключевого слова, выявленных нами в лексической структуре ТФ, позволил нам выявить группы лексических актуализаторов концепта, именуемых «текстовыми лексическими темами». Под *текстовой лексической темой* (далее — ТЛТ), вслед за Л.Н. Чурилиной, мы понимаем «совокупность выявляемых в процессе анализа лексической организации текста языковых средств, функционально связанных с презентацией объекта внутритекстовой действительности и содержащих элементы информации об этом объекте»[4]. В концептуальном пространстве каждая ТЛТ соответствует определенному компоненту концептуальной структуры. До-

полнительная внутренняя классификация лексического материала явилась основанием для выделения ядерных сем, которые могут рассматриваться в качестве объективных опор в процессе моделировании концептуального пространства.

Классификация отобранного текстового материала по «временному» признаку позволила выделить четыре группы ТФ: тексты I группы охватывают период с 1900 до 1917 гг.; II группа — 1920-1950 гг.; III группа — 1950-1985 гг.; IV группа — начало 90-х г. XX века — 2006 г.).

Предметом исследования в рамках статьи выступает элемент концептуальной структуры, обозначенный как ТЛТ «Россия и Европа». Работа с текстами, ориентированная на «временной» показатель, позволила установить экспликацию данной темы в текстах всех четырех групп. Объем статьи не позволяет представить всю совокупность способов языковой объективации темы по разным временным этапам. Частная задача исследования сведена к выявлению языковых (лексических) средств объективации ТЛТ «Россия и Европа» в текстах крайних — I и IV — групп. Полученный результат позволит нам определить пути трансформации концепта.

Из 110 ТФ первой группы (1900-1917 гг.) с обращением к анализируемой теме связано 7 ТФ, например:

«Худо ли это или хорошо, но судьбы Петровой **России** находятся в руках интеллигенции, как бы ни была гонима и преследуема, как бы ни казалась в данный момент слаба и даже бессильна эта интеллигенция. Она есть то прорубленное Петром окно в Европу, через которое входит к нам западный воздух, одновременно и живительный, и ядовитый»[5];

«Ей, этой горсти, принадлежит монополия европейской образованности и просвещения в **России**, она есть главный его проводник в толщу стомиллионного народа»[6];

«Но и теперь уже можно сказать, что, поскольку русская идейная жизнь связана с духовным развитием других, дальше нас ушедших стран, процессы, в них происходящие, не могут не отражаться на состоянии умов в **России**. Русская интеллигенция как особая культурная категория есть порождение взаимодействия западного социализма с особенными условиями нашего культурного, экономического и политического развития»[7];

«Благодаря этому, пересадка культуры в **России** оказалась совсем не невинным делом. Стоило русскому человеку хоть немного подышать воздухом Европы, и у него начинала кружиться голова»[8].

Лексические актуализаторы семы общество' (*интеллигенция, народ*) позволяют говорить о том, что тема «Россия и Европа» в рамках ТФ периода 1900–1917 гг. оказывается связана с ТЛТ «общество».

Лексемы *связать, взаимодействие* актуализируют семы 'соединить' и 'влияние': русское общество мыслится как часть более развитого европейского, и задача российской интеллигенции — обеспечить эту связь с Европой, заимствовать наиболее рациональные (слово *ум* эксплицирует свое системное значение) идеи. Сема 'влияние' весьма однозначно определяет источник воздействия — в качестве такового рассматривается исключительно Европа, слова *европейский* (*Европа*) и *западный* в рассматриваемом контексте могут оцениваться

как в значительной степени синонимизирующиеся.

При этом европейское влияние на российское общество оценивается весьма неоднозначно. Система ценностей, сформированная в России вследствие влияния европейской культуры, безусловно способствует развитию, совершенствованию российского общества, доказательством чего служит актуализация семы ‘жизнь’ (ср. живительный — «укрепляющий силы, оживляющий»). Но компонентный анализ слов *ядовитый, не невинный, кружиться (голова)* (ср.: «ядовитый — причиняющий отравление» → отравить → «убить»; «головокружение — утрата здравого смысла» → «лишиться рассудка»; «не невинный» = «виновный» — «совершивший преступление» (МАС)) позволяет констатировать актуализацию семы ‘преступление’. Лексема *преступление* является смысловой доминантой синонимического ряда *проступок, беззаконие, злодеяние, грех, вина* (ССА), который, в свою очередь, актуализирует семему «пагубное влияние» и — опосредованно — сему ‘смерть’. Столь неоднозначная оценка влияния европейской культуры на российское общество является основой текстовой оппозиции: «российское общество vs. европейское общество», где интегральным компонентом является сема ‘влияние’, а дифференциальную основу составляют актуализаторы сем ‘жизнь’ и ‘смерть’.

Анализ ТФ позволил выделить ряд лексических объединений, связанных с языковой объективацией ТЛТ «Россия и Европа»:

1. лексические единицы, связанные с наименованием человеческого сообщества или его представителей (*народ, интеллигенция*);
2. лексические единицы, именующие источник идеологического влияния (*Европа, европейский, западный*);
3. лексические единицы, связанные с обозначением оценки оказываемого влияния (*живительный, ядовитый, не невинный, кружиться* (голова), *преступление*).

Четвертую группу текстов (начало 90-х гг. — 2006 г.) составили 72 ТФ, из них 13 репрезентируют ТЛТ «Россия и Европа». Самими показательными являются:

«По мнению Ясина, хотя цепь российско-европейского сотрудничества выковывается небезболезненно, в конечном счете ее создание неизбежно: “со стратегической точки зрения **Россия** заинтересована в Западе и Запад заинтересован в **России**”. Однако хорошо известно, с каким трудом пробивает себе дорогу историческая необходимость»[9];

«Основываясь на нем, **Россия** и КЕС провели осенью 2003 года и в феврале текущего года два раунда консультаций, на которых они обсудили комплекс вопросов по визам, в том числе возможность заключения соглашения об облегчении взаимных поездок граждан» [10];

«Неопределенность и драматизм, связанные с подачей **Россией** заявки на членство в Совете Европы, вчера ближе к вечеру достигли своего апогея на заседании его парламентской ассамблеи»[11];

«**Россия** как никогда близка к тому, чтобы стать 39-м членом Совета Европы. И все же вряд ли кто-нибудь возьмется точно предсказать положительный для **России** исход завтрашнего голосования. <...> Может сложиться впечатление, что **России**, вот уже три года безуспешно стучащейся в двери СЕ, просто фа-

тально не везет. Несколько раз вопрос о принятии **России**, казалось бы, уже окончательно решенный, по тем или иным причинам вновь зависал»[12].

В приведенных ТФ объективировано несколько семантических компонентов.

Группа слов *европейский, Запад, КЕС, Совет Европы, СЕ* выступает текстовыми синонимами и объективируют сему ‘Европа’; интегральной семой многокомпонентных единиц номинации *КЕС, Совет Европы, СЕ* является сема ‘политический’. Этот факт дает основание говорить о связи ТЛТ «Россия и Европа» с ТЛТ «государство».

Функциональное объединение лексем *сотрудничество, соглашение, переговоры, членство, принятие, отношение, полноправный*, где доминантой является слово *сотрудничество*, выступает актуализатором сем ‘вместе’, ‘целое’, которые становятся ядерными для семем “выступать единым целым” и “принимать участие в общем деле”. Отмеченное позволяет предположить, что отношения «Россия и Европа» мыслятся как основанные на принципе партнерства. Этот факт подтверждается экспликацией еще одного компонента — семы ‘интерес’, актуализированной группой слов *неизбежно, возможность, заинтересованный, сторонник, разморозить, близкий, рекомендации.* Пошаговый компонентный анализ лексического значения представленных слов позволил сформулировать общую семему — “действия, направленные на ускорение процесса” (ср.: «неизбежный — неминуемый → то, что обязательно произойдет»; «возможность — осуществимый → воплощенный в действительности»; «облегченный — простой»; «заинтересованный — проявляющий особое внимание»; «близкий — тесно связанный» и т.д. (МАС)).

В нашем случае ранее выявленный компонент “выступать единым целым” определяет, какой именно процесс подвергается ускорению. Можно констатировать, что Россия и Европа как политические партнеры заинтересованы в сотрудничестве, причем инициаторами выступают обе стороны (*Россия заинтересована в Западе и Запад заинтересован в России*).

Результатом анализа ТФ стало выявление еще одного семантического блока, представляющего собой совокупность взаимосвязанных сем. Актуализаторами семы ‘схватка’ выступают слова *стратегический* и *раунд*, что позволяет говорить об оформившихся отношениях сторон как о противостоянии. Лексемы *небезболезненно* и *драматизм* актуализируют в текстах сему ‘нездоровый’, т.е. “не соответствующий установленному [образцу]”. Сема ‘неясность’ является интегральной в ряду *неопределенный, вопрос, предсказать, зависать.* Следовательно, отношения между Россией и Европейским Союзом невозможно рассматривать только с позиции сближения и сотрудничества. Важной характеристикой такого «союза» следует считать отсутствие ясных и видимых результатов отношений.

Проведенный текстовый анализ позволяет говорить о языковой объективации оппозиции «Россия vs. Европа», интегральную основу которой составляют семы ‘вместе’, ‘целое’, а дифференциация оформлена семами ‘интерес’, ‘схватка’, ‘неясность’.

В роли средств языковой объективации выявленной оппозиции может рассматриваться совокупность лексических объединений, которую можно представить в виде двух групп:

1. однословные и неоднословные единицы, именующие различных «субъектов» политических отношений (*европейский, Запад, КЕС, Совет Европы, СЕ*);

2. лексические единицы, связанные с обозначением характера отношений и одновременно с оценкой результатов взаимодействия (*сотрудничество, соглашение, переговоры, членство, принятие, отношение, полноправный, неизбежно, возможность, заинтересованный, сторонник, разморозить, близкий, рекомендации, стратегический, раунд, неопределенный, вопрос, предсказать, зависать*).

Итак, сопоставление выявленной в ходе анализа совокупности лексических средств объективации одного из компонентов концепта РОССИЯ как фрагмента национальной картины мира периода начала XX века, с одной стороны, и периода конца XX — начала XXI в. — с другой стороны, позволяет сделать ряд выводов.

Во-первых, лексема *Европа* выступает объективатором семантического компонента ‘субъект отношений’. Результаты проведенного текстового анализа позволяют говорить о том, что в разное время актуализируются разные представления о российско-европейских отношениях. Так, в первый период эти отношения характеризуются как безоговорочный приоритет европейского общества (объективирована сема ‘влияние’); второй период связан с формированием представления о партнерстве (сема ‘вместе’). Во-вторых, и в первом, и во втором периодах эксплицирована текстовая оппозиция «Россия vs. Европа». Если в первом случае результаты влияния европейской культуры расцениваются весьма однозначно как способствующие жизни или смерти (дифференциальные семы ‘жизнь’ и ‘смерть’), то вторая оппозиция выражает более «мягкий» вариант: политическое партнерство помогает сближению или пока расценивается как неясность конечного результата (дифференциальные семы ‘интерес’, ‘схватка’ и ‘неясность’). В-третьих, в зависимости от временного периода ТЛТ «Россия и Европа» может расцениваться как структурный компонент различных более объемных образований: в первом случае — темы ОБЩЕСТВО, во втором — темы ГОСУДАРСТВО. Следовательно, трансформации подвергается внутренняя структура концепта.

Смена «наборов» лексических объективаторов данной ТЛТ отражает смену смысловых акцентов. Можно утверждать, что изменение способа языковой объективации концепта напрямую оказалось связанным с содержательной и структурной трансформациями концептуального пространства.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Краткий словарь когнитивных терминов. М., 1996. С. 90.
2. Национальный корпус русского языка // http://www. ruscorpora.ru.
3. *Чурилина Л.Н.* Лексическая структура художественного текста (коммуникативный и антропоцентрический аспекты): учебное пособие. Магнитогорск, 2000. С. 8.
4. *Чурилина Л.Н.* Лексическая структура художественного текста: принципы антропологического исследования. СПб., 2002. С. 139.
5. *Булгаков С.Н.* Героизм и подвижничество // http://www.vehi.net/vehi/bulgakov.html.
6. Там же.

7. *Струве П.Б.* Интеллигенция и революция // http://www. vehi.net/vehi/struve.html.
8. *Шестов Л.И.* Добро в учении Толстого и Ницше // http://www.vehi.net/vehi/shestov/dobro.html.
9. "Известия", 2002. 05. // http://www.news.gala.net/?cat=23&tid=61043.
10. "Коммерсантъ-Daily", 1996.01.26. // http://www. bibliograf.ru/issues.
11. Там же.
12. Там же.

CONCEPT RUSSIA AS A PART OF MODERN NATIONAL RUSSIAN PICTURE OF THE WORLD: WAYS OF TRANSFORMATION

I.A. Yuryeva

The article is devoted to reconstruction of the concept RUSSIA which is quite urgent in the modern national Russian picture of the word. It is possible to trace the ways of the concept reconstruction through the ascertainment of the lingual devices which make the concept objective and are represented in different sources without any reference to the author's style or genre. Semantic analysis allows to define the lexical actualization of the concept segments and to determine its significance within the framework of the conceptual space.

© 2008 г.

Е.Б. Борисова

ЛИНГВОПОЭТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА: ИСТОРИЯ, МЕТОДОЛОГИЯ И МЕТОДИКА ИССЛЕДОВАНИЯ

Изучение языка художественных произведений является центральной проблемой в работах многих исследователей, как в нашей стране, так и за рубежом. В них разрабатываются различные методы и способы анализа художественного текста, среди которых можно выделить два основных подхода: лингвистический и литературоведческий.

Для лингвистического метода отправной точкой исследования является язык, текст же рассматривается с точки зрения проявления общих языковых закономерностей.

Литературоведческий метод исходным пунктом выбирает текст, а язык является вспомогательным материалом для анализа. Таким образом, изучение языка художественных произведений закрепляет деление филологии на лингвистику и литературоведение, и, соответственно, деление стилистики как области филологии на лингвистическую и литературоведческую стилистику[1].

В работах В.В. Виноградова развивается мысль о необходимости создания отдельной филологической дисциплины — науки о языке художественной литературы, сформированы предмет и задачи лингвопоэтики как отрасли филологии, изучающей язык художественного произведения.

По мнению В.В. Виноградова, задача лингвопоэтического исследования заключается в том, чтобы изучить эстетическую функцию языковых единиц в произведении словесно-художественного творчества[2]. Таким образом, в результате сближения двух подходов на стыке лингвистической и литературоведческой стилистик возник новый раздел филологии — лингвопоэтика, предметом которой является «совокупность использованных в художественном произведении языковых средств, при помощи которых писатель обеспечивает эстетическое воздействие, необходимое ему для воплощения его идейно-художественного замысла»[3].

Цель лингвопоэтического анализа состоит в том, чтобы определить, как та или иная единица языка (слово, словосочетание, грамматическая форма, синтаксическая конструкция) включается автором в процесс словесно-художественного творчества, каким образом то или иное своеобразное сочетание языковых средств приводит к созданию данного эстетического эффекта[4].

Как известно, применимый к любым текстам, лингвостилистический анализ включает в себя два уровня: семантический и метасемиотический. На семантическом уровне языковые единицы (слова, словосочетания, синтаксические конструкции) рассматриваются как таковые, в их прямом значении. На метасемиотическом уровне осуществляется переход от рассмотрения непосредственного значения языковых единиц к изучению их функционирования в тексте. Слова, словосочетания, синтаксические конструкции анализируются здесь с точки зрения дополнительного содержания, тех коннотаций, которые они приобретают в контексте[5]. Однако, будучи универсальным, лингвостилистический анализ не учитывает специфику художественных текстов, где от исследователя требуется проникновение в идейный замысел писателя, знакомство с его мировоззрением и эстетической позицией, способом художественного мышления, отношением к культурно-филологической традиции[6].

В произведении художественной литературы недостаточно понять содержание, необходимо рассмотреть сложное взаимодействие словесно-речевой структуры и художественно-композиционной организации произведения, а для этого необходима связь языка и поэтики. Таким образом, исследователю необходимо выйти на иной уровень, применить лингвопоэтический анализ, который рассматривает способы использования метасемиотических свойств языковых единиц в рамках произведения, их роль в отражении авторского намерения и идейного содержания произведения.

В основу лингвопоэтического анализа может быть положена определенная система категорий и параметров, разработкой которой занималась В.Я. Задорнова[7]. Категория лингвопоэтического преобразования — самая основная и важная категория лингвопоэтического анализа. Различные элементы языка, оказываясь в сфере словесно-художественного творчества, преобразуются, выявляя объективно заложенные в них возможности эстетического выражения.

Более частной категорией является «полифония слова». В произведениях ху-

дожественной литературы слово имеет тенденцию расширять свои возможности: оно в каждом употреблении может обладать одновременно всеми своими семантическими и стилистическими потенциями в явной или скрытой форме. В художественном тексте, таким образом, слово приобретает дополнительную глубину и емкость, выступает как глобальное семантическое целое. Это свойство слова является одним из признаков художественности текста[8].

Использование категорий, разработанных В.Я. Задорновой, не получило широкого распространения в исследованиях ее последователей и ученых, занимающихся лингвопоэтикой. Однако нельзя не отметить значительный вклад, который В.Я. Задорнова внесла в разработку лингвопоэтического анализа, впервые четко сформулировав его цель и подробно описав систему категорий и параметров этого метода исследования произведений словесно-художественного творчества.

Разработкой понятийного аппарата лингвопоэтики занимался также А.А. Липгарт. По его мнению, «лингвопоэтика — это раздел филологии, в рамках которого стилистически маркированные единицы, использованные в художественном тексте, рассматриваются в связи с вопросом об их функциях и сравнительной значимости для передачи определенного идейно-художественного содержания и создания эстетического эффекта»[9].

А.А. Липгарт рассматривает взаимоотношения лингвопоэтики и лингвостилистики, лингвопоэтики и литературоведения, отмечая, что лингвостилистический анализ является непременной основой всех дальнейших линговопоэтических построений.

Отдельная часть работы А.А. Липгарта посвящена описанию конкретных методов лингвопоэтического исследования. Лингвопоэтический анализ художественного произведения как совокупности составляющих этот текст языковых единиц может начинаться с изучения лингвопоэтики отдельного художественного приема. Это изучение оказывается достаточно плодотворным, если рассматриваемые языковые единицы действительно реализуют функцию воздействия. В рассматриваемом исследовании эти положения иллюстрируются на материале атрибутивных словосочетаний[10].

Несомненной заслугой А.А. Липгарта является подробное описание конкретных методов лингвопоэтического исследования, которые подробно иллюстрируются в его работах. Кроме того, ученый впервые пишет о возможности использования лингвопоэтического анализа как в синхроническом, так и в диахроническом плане.

При использовании термина «лингвопоэтика» необходимо помнить о том, что он применяется для обозначения двух противоположных по направленности типов исследования. Целью одного из них является выявление тематико-стилистических характеристик использования отдельного художественного приема в том или ином произведении или в группе произведений. К исследованиям данного типа относится З.Б. Ешмамбетовой, в которой в качестве лингвопоэтической проблемы рассматривается соотношение авторской речи и речи персонажа и впервые делается попытка применить лингвопоэтический анализ для изучения произведений драматического жанра[11]; работа В.Д. Асанова, в которой рассматривается лингвопоэтическая функция смены стиха и прозы на

материале пьес У. Шекспира[12]; исследование А.К. Жунисбаевой, центральной проблемой которого является лингвопоэтическая характеристика образа персонажа[13]; работа Е.В. Сомовой, где впервые изучаются лингвопоэтические средства выражения авторского отношения к персонажу[14]; диссертация С.В. Титовой, посвященная разработке методов раскрытия лингвопоэтической функции словосочетания в контексте произведений словесно-художественного творчества[15] и некоторые другие.

Второй тип исследования — исследование отдельного художественного текста, направленное на выявление роли формальных языковых элементов в передаче некоего идейно-художественного содержания и в создании определенного эстетического эффекта. Такими работами являются исследования В.Я. Задорновой, где лингвопоэтический метод был впервые разработан и применен на материале поэтических произведений на разных языках, и наша работа, в которой было предпринята попытка лингвопоэтического анализа нескольких больших по объему прозаических произведений (романов) в сравнительно-сопоставительном плане с применение метода тематического расслоения текста (лингвопоэтическому анализу были подвергнуты пейзажные описания в текстах английских романов и их русских переводах)[16].

Однако так как в основе обоих подходов лежит один и тот же принцип — рассмотрение одновременно формальной и содержательной стороны текста, они объединены с помощью термина «лингвопоэтический».

Особого внимания заслуживает диссертация А.Ю. Морозова. Новизна данной работы заключается в том, что методика анализа текста на трех уровнях, то есть методика лингвопоэтического анализа, которая до сих пор использовалась только в исследованиях художественных текстов, впервые применяется к языку рекламных текстов[17]. В данном исследовании говорится о расширении рамок методики лингвопоэтического анализа и ее применении к текстам не только словесно-художественного творчества, но и принципиально другого функционального стиля — стиля рекламы.

И, наконец, к последним работам, которые ведутся в настоящее время в области лингвопоэтики, можно отнести диссертацию Л.М. Козеняшевой, где лингвопоэтический метод анализа художественного текста получает дальнейшее развитие, поскольку исследование с применением данной методики впервые проводится на материале одного образа — образа слуги в произведениях английской литературы XIX–XX веков, то есть в диахроническом плане[18]. Метод лигвопоэтического анализа художественного текста в данном случае является продуктивным, так как позволяет преодолеть разрыв между литературоведческим и собственно лингвистическим подходом в трактовке образа персонажа[19]. Лингвопоэтический метод исследования позволил Л.М. Козеняшевой провести комплексный анализ словесно-речевых и художественно-композиционных способов создания образа литературного персонажа в диахронии.

Итак, для полного понимания художественного произведения необходимо рассмотреть сложное взаимоотношение словесно-речевой структуры и композиционно-художественной организации произведения, оценить оказываемое эстетическое воздействие. Для этого исследователю необходимо применить лингвопоэтический анализ, который рассматривает способы использования

метасемиотических свойств языковых единиц в рамках произведения, их роль в отражении авторского намерения и идейного содержания.

В заключительной части статьи попытаемся показать лингвопоэтический метод в действии на примере анализа фрагмента романа Ф.С. Фицджеральда «Великий Гэтсби». Цель анализа — определить, каким образом языковые единицы разных уровней реализуют авторскую интенцию и оказывают определенное эмоционально-эстетическое воздействие на читателя:

«In his blue gardens men and girls came and went like moths among the whisperings and the champagne and the stars.

...Every Friday five crates of oranges and lemons arrived from a fruiterer in New York — every Monday these same oranges and lemons left his back door in a pyramid of pulpless halves. These was a machine in the kitchen, which could extract the juice of two hundred oranges in half an hour if a little button was pressed two hundred times by a butler's thumb»[20].

В отрывке, который распадается на два разных по объему абзаца, речь идет о грандиозных вечеринках, которые главный герой (Гэтсби) устраивал в своем саду, чтобы привлечь внимание и вызвать восхищение любимой женщины Дэзи Фэй.

Первый, более короткий абзац, представляет собой описание вечеринок, а второй, более протяженный, приготовления к вечеринкам и уборку после них.

Для полного понимания авторской интенции необходимо, прежде всего, учитывать вертикальный контекст всего произведения, а именно, его сюжетно-композиционные особенности.

Главный герой, Джей Гэтсби, вырос в бедности, поэтому не мог жениться на любимой девушке, Дэзи Фэй, которая предпочла выйти замуж за состоятельного человека. Разбогатев на нелегальной торговле спиртным во время сухого закона (действие романа, как известно, происходит в 20-е годы прошлого века в США), Гэтсби решил покорить сердце честолюбивой Дэзи, устраивая роскошные приемы в саду, на которые гости слетались, подобно мотылькам на свет: «men and girls came and went like moths.»

Эта фраза является ключевой для первого абзаца и приковывает внимание читателя, сообщая информацию о том, что в саду у Гэтсби множество гостей.

Авторский выбор существительных «men and girls» вместо возможных «men and women» или «guests» придает описанию легкий иронический тон, который, однако, сменяется поэтическим благодаря соположению однородных существительных в конце предложения («whisperings and the champagne and the stars»). Аллитерация звука [s] создает ощущение романтики и загадки вокруг вечеринок: ведь мало кто из гостей знает хозяина в лицо, хотя все получают персональные приглашения, которые развозит шофер Гэтсби. Ощущение тайны, окутывающей празднества в саду, усиливается и за счет атрибутивного словосочетания «blue gardens».

Второй абзац, детально описывающий подготовку к приемам в саду и уборку мусора после вечеринок, свидетельствует о том, что приготовления были более важны, чем сами вечеринки. Это, прежде всего, следует из длины абзаца (как было отмечено, он протяженнее первого).

Выбор слов в двух абзацах, построенных по принципу контраста, также сви-

детельствует о масштабах вечеринок и приоритетности подготовки: гости просто приходили и уходили («came and went»), в то время как апельсины и лимоны прибывали и покидали дом Гэтсби («arrived and left»).

Последнее предложение абзаца, подробно описывающее процедуру приготовления сока из 5 ящиков апельсинов и лимонов, напоминает инструкцию к соковыжималке, благодаря существительным «machine», «oranges», «button», глагольным сочетаниям «extract the juice», «pressed two hundred times», а также страдательному залогу во второй части заключительного предложения. Авторская ирония здесь доведена до совершенства.

Сравнительный анализ синтаксической организации двух абзацев показывает, что в ее основе лежат параллельные конструкции, метасемиотика которых усилена за счет анафорического повтора и антитезы («every Friday» — «every Monday»; «came and went» — «arrived and left»).

Таким образом, конвергенция стилистических приемов различных уровней языка (от фоностилистического до синтаксического) обеспечивает целостную картину описываемого и являет читателю авторскую иронию, за которой скрывается симпатия к главному герою, который не жалеет сил и средств на устройство праздника для любимой женщины, на котором его самого путают с одним из гостей.

Подводя итог нашему исследованию, отметим, что суть лингвопоэтического метода заключается в анализе собственно языкового материала с учетом художественно-композиционных и сюжетных особенностей произведения. Такой анализ дает возможность сделать вывод о том, каким образом совокупность языковых средств разных уровней участвует в создании образа и помогает читателю в полной мере осознать и воспринять эмоционально-эстетическое воздействие, оказываемое автором художественного текста.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Степанов Г.В.* О границах лингвистического и литературоведческоко анализа художественного текста // Известия АН СССР. Сер. Литература и язык. 1980. Т. 39. № 3. С.195–205.
2. *Виноградов В.В.* Язык художественного произведения // Вопросы языкознания. 1954. №5. С. 29; С.5-38.
3. *Задорнова В.Я.* Словесно-художественное произведение на разных языках как предмет лингвопоэтического исследования. Автореф. дисс. ... докт. филол. наук. М., 1992. С. 19; 49с.
4. Там же.
5. Там же, С.17.
6. *Akhmanova O., Zadornova V.* On Linguopoetic Stratification of Literary Text // Poetica. An International Journal of Linguistic-Literary Studies. Tokyo, 1977. №7. P. 50–60.
7. *Задорнова.* Ук. соч. С. 19.
8. Там же.
9. *Липграт А.А.* Лингвопоэтическое исследование художественного текста: теория и прагматика (на материале английской литературы 16-20 веков). Дисс. ... докт. филол. наук. М., 1996. С. 23.
10. Там же. С. 235-279.
11. *Ешмамбетова З.Б.* Соотношение авторской речи и речи персонажа как лингвопо-

этическая проблема (на материале английского языка). Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 1984.
12. *Асанов В.Д.* Лингвопоэтическая функция смены стиха и прозы в творчестве Шекспира. Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 1988.
13. *Жунисбаева А.К.* Лингвопоэтическая характеристика образа литературного персонажа. Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 1984.
14. *Сомова Е.В.* Лингвопоэтические средства выражения авторского отношения к персонажу. Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 1989.
15. *Титова С.В.* Лингвопоэтическая значимость словосочетания в описании внешности персонажей (на материале английской прозы XVIII–XX вв.). Автореф. дисс. ... канд. филол. наук.
16. См. *Задорнова*. Ук. соч; а также: *Борисова Е.Б.* Перевод как словесно-художественное творчество и как результат научно-филологического анализа текста. Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 1989.
17. *Морозов А.Ю.* Выразительные возможности рекламного текста (на материале американской рекламы). Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 2001.
18. *Козеняшева Л.М.* Лингвопоэтические средства создания образа слуги в английской литературе XIX–XX веков. Дисс. ... канд. филол. наук. Самара, 2006.
19. См. *Akhmanova*. Op. cit. P. 50–60; также *Задорнова*. Ук. соч.; а также: *Борисова*. Ук. соч.; *Жунисбаева*. Ук. соч.
20. *Fitzgerald F. Scott*. The Great Gatsby. Moscow, 1984. P. 38.

LINGUOPOETICS OF VERBAL ART: HISTORY, METHODOLOGY AND METHODS OF ANALYSIS

E. Borisova

The present paper is an attempt to view history and methodology of verbal art analysis. The author discloses the meaning of «linguopoetic stratification of literary texts» and focuses her attention on the description of the basic categories and parameters of the above. The paper shows that the subject of this type of analysis is to reveal the aesthetic functioning of linguistic units of all the main levels (words, word-combinations and patterns of major syntax) in conveying the author' message to the/a reader. The concluding part of the paper demonstrates the stages of linguopoetic stratification on the basis of the extract from the novel «The Great Gatsby» by F.S. Fitzgerald.

© 2008

О.А. Арапов

УСТОЙЧИВЫЕ СЛОВЕСНЫЕ КОМПЛЕКСЫ БИБЛЕЙСКОГО И ФОЛЬКЛОРНОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ КАК ОСОБЫЕ ЕДИНИЦЫ ЯЗЫКА ДУХОВНОГО ФОЛЬКЛОРА

Язык духовного фольклора — наверное, одно из самых интересных явлений русского народного творчества. Его уникальность определяется тем, что духовный фольклор выступает своеобразным посредником между письменной христианской литературой и устным народным творчеством и вбирает в себя формальные и содержательные черты этих двух самых мощных стихий нашей культуры. Ф.И. Буслаев, исследователь народных духовных стихов, именно в этом видел их главную особенность: «Что касается до духовного стиха, то в нем наши предки нашли примирение просвещенной христианской мысли с народным поэтическим творчеством»[1]. На языковом уровне это проявилось в том, что в духовных поэтических текстах возникла своеобразная смесь церковнославянской стихии со стихией русского фольклора и местных диалектов.

Понятие «язык фольклора» можно интерпретировать по-разному. Лингвисты рассматривают язык фольклора как наддиалектную художественную форму языка, реализуемую в фольклорных текстах, и говорят о фонетике, морфологии, синтаксисе, лексике и фразеологии этого языка. Двойственность, проистекающая из соединения христианской книжной и устной народной стихий, проявляется в духовных поэтических текстах на всех языковых уровнях (фонетическом, морфологическом, лексическом и т.д.). Однако, как отметила Т.И. Вендина, «осмысление языка культуры начинается, как правило, с изучения его словаря, поскольку лексика (и, добавим, фразеология. — *О.А.*) является, пожалуй, самым чувствительным индикатором культуры. Категориальность культуры обнаруживается в словах, ставших ключевыми для языкового сознания той или иной эпохи»[2].

Особой группой таких ключевых единиц являются библейские и фольклорные устойчивые словесные комплексы (УСК), представляющие в народных духовных стихах две соответствующие стихии. «Специфические ключевые слова духовного стиха также символичны, однако, в отличие от традиционного светского фольклора это другая символика, символика книжной христианской культуры, погруженная в фольклорный мир. Отсюда особенная смысловая нагруженность духовного стиха — результат наложения двух картин мира»[3].

УСК библейского и фольклорного происхождения приобретают в духовном фольклоре специфический характер. Библейские УСК имеют своим источником различные книги Священного Писания и, следовательно, напрямую соотносятся с письменной христианской традицией. Однако функционируют они в произведениях устной народной поэзии, т.е. оказываются «погружены в фольклорный мир».

УСК фольклорного происхождения генетически принадлежат устному народному творчеству, частью которого является духовный фольклор, а значит, функционируя в народных духовных стихах, они живут в своей «родной» сти-

хии. С другой стороны, духовные стихи черпали свое содержание из книжных источников: Священного Писания и неканонической (апокрифической, еретической) литературы, — иными словами, фольклорные УСК оказываются погружены в мир христианской, православной культуры.

Так, например, фольклорные УСК *синее море, мать сыра земля, чистое поле* приобрели в своем значении новые оттенки, связанные с сосуществованием в народных духовных стихах двух миров.

В народных духовных стихах *мать сыра земля* предстает как синоним оборота «земной мир», но, в отличие от светского фольклора, данный УСК называет одну из частей биполярного христианского мира:

Нонечь Кривда Правду приобидела:
Пошла Правда она на вышния небеса,
А Кривда оставалась *на сырой земли*[4].

К ней, как к матери, идет человек в тоске, чтобы на ее груди найти утешение. В произведении «Иосиф прекрасный, странник» старшие братья Иосифа из зависти бросили его в ров, собираясь после работы в поле убить его. Сидя во рву, Иосиф обращается к *матушке сырой земле*:

Осип во рву слезно плацет,
Ко *матушке сырой земле* причитает:
Увы, земля мать сырая![5].

К матери-земле идут каяться в грехах:

Уж как каялся молодец *сырой земле*:
Ты покай, покай, *матушка сыра земля*[6].

Земля помогает и призывающим ее в бою героям. Федор Тирянин, утопая в пролитой им змеиной крови, обращается к земле:

Расступися, мать сыра земля,
На четыре на стороны,
Прожри кровь змииную,
Не давай нам погибнути[7].

В духовном фольклоре, как и в светском, образ *матери сырой земли* остается неперсонифицированным, однако он во многом сближается с образом Богородицы (Богоматери).

Не менее интересными оказываются употребления в духовных поэтических текстах фольклорного УСК *синее море*.

С*инее море* могут пересечь в народных духовных стихах только деятели христианской веры, при этом порой могут *идти по морю яко по суху*:

Млад человек Федор Тирин,
Он *пошел по морю яко по суху*.
Переходил он *сине море*,
Пошел он за те за горы высокия[8].

Однако эта картина, представленная в духовном стихе «Федор Тирянин»,

только на первый взгляд является чудом, соотносимым со способностями самого Иисуса Христа. В стихе данное событие получает вполне правдоподобное, хотя и немного сказочное, объяснение: Федор Тирянин вызвал из глубин «рыбу-кит» и по ее спине перешел море. Однако чудо, получая более или менее логичное объяснение, все равно остается чудом. Важным здесь является то, что правом на совершение чудесного поступка обладают лишь Христос и относительно немногие другие персонажи, обретшие святость своею приверженностью к нему и действующие его именем.

Не менее важным здесь является и сам факт перехода через *синее море*. Насколько известно из географии, море имеет только один берег, поэтому через него невозможно ни перейти, ни переплыть. Как тогда объяснить фразу «переходил он *сине море*»? Ответ на этот вопрос кроется в произведениях традиционного светского фольклора, а точнее, в тех языческих представлениях, которые были обнаружены в них еще фольклористами XIX века. Оказывается, что через море можно перейти — море, так же как река, ручей, вообще вода, служит границей, переходом между мирами: посюсторонним и потусторонним.

Такая смысловая насыщенность УСК *синее море* позволяет судить о «результате наложения двух картин мира». Складывается интересная ситуация: языческое почитание *Матери сырой земли*, которое в духовных стихах по своим силе и составляющим приблизилось к христианскому почитанию Богородицы, — с одной стороны; с другой — смысловая и символическая нагруженность сверхсловной единицы *синее море,* также проявляющаяся в соединении языческих и христианских мотивов.

Особенность духовного фольклора, заключающаяся в том, что биполярный христианский мир оказался погруженным в вещный мир светского фольклора, повлияла на значения многих фольклорных УСК. Похожий процесс происходил и с УСК библейского происхождения. С точки зрения содержания явную победу в духовных стихах одержала именно христианская стихия. Включение языческих мотивов в смысловую составляющую библейских УСК носит практически единичный характер.

Фольклорный текст представляет собой сложным образом закодированное сообщение. Мир светского фольклора — мир нормы, мир должного и правильного. Функция устойчивых формул и сочетаний в произведениях светского фольклора — каждый раз являть предмет или явление такими, какими он должны быть по своей природе и назначению, т.е. соответствующим норме.

Функция устойчивых формул и сочетаний в произведениях духовного фольклора — представить новое христианское мировидение как нечто знакомое, родное, описать биполярный христианский мир доступным языком. Стержневые противопоставления в духовных стихах — это противопоставления добра и зла, праведности — греховности, временного — вечного, небесного — земного, а главной оценкой является оценка этическая (а не нормативная, как в жанрах светского фольклора). Одним из главных средств создания этих противопоставлений, группой ключевых в описании биполярного христианского мира языковых единиц являются библеизмы. Функция фольклорных УСК — в представлении нового христианского мировидения как уже знакомого.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Буслаев Ф.И.* Народная поэзия: Исторические очерки. СПб., 1887. С. 601
2. *Вендина Т.И.* Истина, Добро, Красота в языке русской традиционной духовной культуры // Язык культуры: Семантика и грамматика. К 80-летию со дня рождения академика Никиты Ильича Толстого (1923-1996) / Отв. редактор С.М.Толстая. М., 2004. С. 352.
3. *Никитина С.Е.* Устная народная культура и языковое сознание. М., 1993. С. 72.
4. *Варенцов В.Г.* Сборник русских духовных стихов. СПб, 1860. С. 25.
5. *Бессонов П.А.* Калики перехожие: Сборник стихов и исследование П. Бессонова. Ч. I., вып. 1. М., 1861. С. 175.
6. *Варенцов*. Ук. соч. С. 176.
7. *Бессонов*. Ук. соч. С. 532.
8. *Ляцкий Е.А.* Стихи духовные. При участии Платоновой Н.С. СПб., 1912. С. 82.

STEADY VERBAL COMPLEXES OF BIBLICAL AND FOLKLORE ORIGIN AS SPECIAL UNITS OF SPIRITUAL FOLKLORE LANGUAGE

O.A. Arapov

The theme of this article is phraseological units of biblical and folklore origin used in Russian spiritual poems. Specific feature of Russian spiritual poems is that it represents a synthesis of bookish Christian and spoken traditional styles. This fact had a great influence on biblical and folklore phraseological units. As a result the units transformed their semantic filling.

© 2008

И.С. Беляева

СПОСОБЫ ВЫРАЖЕНИЯ ЗНАЧЕНИЯ ВНУТРЕННЕГО СОСТОЯНИЯ СУБЪЕКТА В АРАБСКОМ ЯЗЫКЕ И ИХ СООТВЕТСТВИЯ В РУССКОМ

Среди возвратных глаголов в русском языке можно выделить группу глаголов, обозначающих внутреннее состояние субъекта. Это значение представлено в таких глаголах, как *сердиться, радоваться, торопиться, веселиться, страшиться, удивляться, подчиняться, восхищаться, признаваться, беспокоиться, утешиться, сердиться, тревожиться, томиться, пугаться, печалиться, конфузиться.*

В.В. Виноградов такие глаголы относит к среднему залогу и называет их **общевозвратными**. Он пишет о том, что в этом случае *-ся* замыкает действие в сфере субъекта. Это значение может возникнуть лишь в лексическом кругу глаголов со значением чувства, внутреннего душевного переживания. Возвратные

глаголы внутреннего состояния не могут иметь страдательного значения. Здесь *-ся* указывает на то, что субъект сам охвачен действием-состоянием. Это значение родственно лексическому значению так называемых “общих глаголов”[1], которые не имеют соответствий среди форм без -ся: *стараться, бояться, опасаться, гордиться, улыбаться, усмехаться* и т.п.

Авторы “Русской грамматики” называют глаголы, обозначающие действие, замкнутое в сфере субъекта как его состояние, **общевозвратными** и считают их разновидностью возвратных глаголов действительного залога[2].

Н.А. Янко-Триницкая относит подобные глаголы к возвратным глаголам отобъектного образования и называет их глаголами со значением **внутреннего переживания**[3].

В качестве подлежащего при них выступает, как правило, название одушевленного предмета: человека, животного, птицы; или же слова, синекдохически указывающие на живое существо — субъект данного переживания или чувства. Например: *Глаза его* ***опечалились.***

Производящие невозвратные глаголы, от которых образуются возвратные глаголы со значением внутреннего переживания, представляют собой лексически обособленную группу среди других переходных глаголов и обладают целым рядом свойственных только им особенностей. В них имеется значение изменения в состоянии, но только это изменение в состоянии относится к состоянию объекта, а не к состоянию субъекта. Например: *успехи сына* ***радуют*** *мать — мать* ***радуется*** *успехам сына; проигрыш* ***расстроил*** *его — он* ***расстроился*** *из-за проигрыша.* Возвратные глаголы со значением внутреннего переживания образуются от всех переходных глаголов данного лексического значения.

Производящие переходные глаголы обозначают определенное воздействие на внутреннее состояние одушевленного объекта, причем это воздействие может носить активный (произвольный) или пассивный (непроизвольный) характер, например: *Его слова* ***огорчили*** *меня — Я* ***огорчился****, услышав его слова* (активный характер воздействия)*; Поездка в грозу* ***страшила*** *нас — Мы* ***страшились*** *поездки в грозу* (пассивный характер воздействия).

Эти глаголы соединяются с частицей *-ся* обычно только в значении непроизвольного воздействия. Поэтому субъект действия возвратных производных глаголов, выражаемый одушевленным существительным, выступает активно и само действие обозначает не просто отражение воздействия на субъект извне, а реакцию субъекта на воздействие извне. Например: *Добрая Прасковья Петровна* ***радовалась****, что дочь ее наконец нашла себе достойного жениха (А.С. Пушкин, Метель); Приезд гостей* ***сердил*** *его (Л.Н. Толстой, Война и мир); Вы начинаете* ***сердить*** *меня Вашим вздорным приставанием (Н.Г. Чернышевский, Великодушный муж); Он уже минуты три продевал нитку, не попадал и потому очень* ***сердился*** *на темноту (Н.В. Гоголь, Шинель); Я готов был* ***рассердиться*** *на каждого человека, который вошел бы ко мне в комнату в этот день, но на Пасынкова* ***сердиться*** *не мог никогда (И.С. Тургенев, Яков Пасынков).*

В связи с этим можно говорить о состоянии субъекта при глаголах внутреннего переживания, так как состояние может быть результатом определенного воздействия на предмет. Например: *Я знаю этого человека, - мерным, холодным голосом, очевидно рассчитанным для того, чтоб* ***испугать*** *Пьера, сказал он*

(Л.Н. *Толстой, Война и мир) — [Заяц] чего-то* ***испугался*** *и проворно убежал в кусты (Арсеньев, В горах Сихотэ-Алиня); Она [пьеса] сразу* ***восхитила*** *театр (Немирович-Данченко, Из прошлого) — Да ты прямо лекции публичные можешь читать об этом, Петя! — вдруг* ***восхитилась*** *братом Нюра (Сергеев-Ценский, Пушки выдвигают).*

Отличие глаголов внутреннего переживания от прочих отобъектных глаголов в том, что, обозначая уже возникшее в субъекте переживание или состояние, они тем самым обозначают несколько более активизированное действие по сравнению с пассивным характером действия глаголов страдательного значения. Например: *М.В. Ломоносов первым* ***раскрыл*** *тайну полярного сияния (Г.А. Ушаков, По нехоженой земле) — Я чувствую, что с этого дня перед ним* ***раскрылся*** *новый мир наслаждений и страданий — мир искусства (Л.Н. Толстой, Кому у кого учиться писать); Отъезд* ***задержался*** *из-за неожиданной неприятности: раскрылся заговор среди донских казаков (А.Н. Толстой, Петр Первый).*

М.А. Шелякин включает глаголы со значением психического, эмоционального или физического состояния лица как ответной реакции, вызванной внешней причиной (*беспокоиться, возмущаться, гордиться, интересоваться)* в группу **объектно-квазипассивных** глаголов[4], которые обозначают изменение и/или состояние субъекта как объекта, а не как каузатора данного изменения и/или состояния. Речь идет о неизвестности, несущественности причины действия для говорящего, о ее неконтролируемом характере или о стечении обстоятельств.

В арабском литературном языке глаголы со значением внутреннего состояния субъекта составляют значительную группу. Чаще всего данное значение выражается глаголами I породы, например: أسف *(печалиться),* بشر *(радоваться),* جرؤ *(осмеливаться),* جفل *(пугаться),* а также глаголами V породы: تأثر *(расстраиваться, волноваться),* تأذى *(обижаться),* تأسف *(сильно печалиться).*

Породами арабского глагола принято называть регулярные образования, которые объединяются вместе с простой основой в единую систему глагольных форм. Глаголы в одной породе объединяются общим значением и однотипной аффиксацией или внутренней флексией.

Глаголы V породы образуются от глаголов II породы при помощи префикса ***ta-***, являющегося показателем возвратности[5].

Следует отметить, что глаголы, обладающие данным возвратным значением, в арабском языке будут различаться степенью интенсивности проявления действия.

Если для глаголов I породы характерно проявление действия с небольшой степенью активности (чаще всего это изменения внутреннего или эмоционального состояния субъекта, практически ненаправленное вовне, либо направленное с небольшой степенью интенсивности), то для глаголов V породы характерно более интенсивное проявление изменившегося эмоционального состояния субъекта, которое, однако, не предполагает ответной реакции со стороны объекта.

Некоторые глаголы этих двух пород можно наглядно представить в виде следующей таблицы:

I порода		V порода	
مرب	беспокоиться, тревожиться	مربت	беспокоиться, тревожиться, тяготиться
حجب	радоваться	حجبت	хвалиться, хвастаться
حرت	печалиться, быть печальным	حرتت	печалиться, огорчаться
ؤرج	осмеливаться	أرجت	осмеливаться
رذح	остерегаться, бояться	رذحت	остерегаться, бояться
ىشخ	бояться, опасаться, страшиться (за кого)	ىشخت	бояться, опасаться, страшиться (за кого)

В качестве примера можно рассмотреть следующее предложение:

يرهب جانب أبيه.

*Он **побаивался** отца.*

В этом предложении используется глагол I породы رهب , который на русский язык можно перевести глаголом *бояться*, но глагол *побаиваться* в данном случае лучше отразит лексико-семантические особенности данного глагола, для которого свойственна небольшая степень интенсивности действия.

Следует отметить, что в арабском языке очень часто глаголы разных пород могут передавать действие, переводимое на русский язык одними и теми же глаголами. Например, значение «*радоваться*» в арабском языке может быть выражено глаголами *بجح, بشر, بلج, بهج, ثلج (I порода), أبشر (IVпорода), انبسط (VII порода), ابتهج (VIII порода), استبشر, استأنف (X порода).* Значение *«печалиться»* может выражаться глаголами *ترح (I порода), تترح (V порода).* Необходимо подчеркнуть, что в арабском языке в отличие от русского, данные глаголы будут иметь индивидуальные оттенки значений, обусловленные их морфолого-семантической структурой.

Несмотря на то, что данные арабские глаголы переводятся на русский язык одними и теми же лексемами, в арабском языке они будут выражать две противоположные семантические тенденции. С одной стороны, в арабском языке корень глагола обладает очень сильным семантическим влиянием, поэтому будет сохраняться в основных чертах в глаголах разных пород. С другой стороны, глаголы, относящиеся к разным породам, будут отличаться друг от друга тонкими смысловыми оттенками, привносимыми в их структуру определенной системой аффиксов.

К глаголам внутреннего состояния в арабском языке будут относиться некоторые глаголы II породы (أمل (надеяться) и др.); III породы (حاسب (остерегаться, беречься) и др.); IV породы (أبشر (радоваться) и др.), VI породы (تحاشى (остерегаться) и др.); VII породы (انبسط (радоваться) и др.); VIII породы (ابتأس (печалиться) и др.); X породы (استبشر (радоваться) и др).

Однако для данных пород значение внутреннего состояния субъекта не является основным, поэтому им будут обладать лишь некоторые глаголы.

Таким образом, можно сказать, что в арабском языке значение внутреннего

состояния субъекта коррелирует с общевозвратным в терминах В.В. Виноградова и “Русской грамматики” или глаголами внутреннего переживания в концепции Н.А. Янко-Триницкой.

Особенностью этих глаголов в арабском языке является различная степень проявления и переживания субъектом определенного эмоционального состояния. Следует отметить, что подобное различие не будет характерно для глаголов русского языка, где степень проявления субъектом привнесенного извне нового эмоционального состояния будет описываться с помощью обстоятельственных конкретизаторов, то есть обычно наречий меры и степени.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Виноградов В.В.* Русский язык (Грамматическое учение о слове): Учеб. пособие для вузов. М., 1986. С. 513.
2. Русская грамматика. В 2-х т. / Гл. ред. Н. Ю. Шведова. М., 1980. С. 613-618.
3. *Янко-Триницкая Н.А.* Возвратные глаголы в современном русском языке. М., 1962. С. 125.
4. *Шелякин М.А.* Русские возвратные глаголы в общей системе отношений залоговости // Теория функциональной грамматики. Персональность. Залоговость. СПб., 1991. С. 324.
5. *Гранде Б.М.* Курс арабской грамматики в сравнительно-историческом освещении. М., 1998. С. 127.

WAYS OF EXPRESSION THE INWARD STATE OF THE PERSON IN THE ARABIAN LANGUAGE AND THEIR CONFORMITY IN RUSSIAN

I.S. Belyaeva

The author views a group of verbs in the Russian and Arabian languages representing the inward state of the person. The meaning is submitted in such verbs as to become angry, be pleased, hurry up, have fun, be frightened, be surprised, to admire, etc. In Russian these are general reflexive verbs, they refer to middle voice. The significant group of such verbs in Arabian language is differed in the degree of displaying the action and in intensity of this process.

КУЛЬТУРА

ЭТНОЛОГИЯ

© 2008

С.Н. Корусенко

СИБИРСКИЕ БУХАРЦЫ: ДИНАМИКА ЧИСЛЕННОСТИ И РАССЕЛЕНИЕ (XVII–XX ВВ.)

Сибирские бухарцы — один из значительных этнических компонентов в составе сибирских татар, оказавший влияние на культуру местного тюркоязычного населения. «Бухарцы» — «...это обобщающее название узбеков, таджиков, уйгуров и некоторых других народов, переселившихся из Средней Азии в районы Западной Сибири в XVI–XVIII вв. <...> Сибирские бухарцы называли себя бухарлык (бухарцы), сартами, а часть тарских и тюменских бухарцев — узбеками»[1]. В середине XX в. эта категория населения совершенно растворяется в среде сибирских татар, несмотря на то, что и в настоящее время потомки бухарцев хранят этническую память, отраженную в преданиях и родословных.

Небольшая часть сибирских татар и сейчас относит себя к бухарцам, но в переписи 2002 г. все записаны «татарами». Категория «бухарцев» последний раз присутствовала в материалах переписи 1926 г. Как объяснила Мингалиева (Каримова) Залифа Наилевна (1950 г.р., д. Речапово Тарского района Омской области), *она себя считает по происхождению «сарт» и даже хотела так записаться в переписном листе, но сын ей сказал, что они все уже татары, и раз сартов и бухарцев нет среди предлагаемых категорий, то и записываться надо татарами.*

По традиции, начало формирования группы сибирских бухарцев определяется концом XVI — началом XVII в.. Однако давно известно и о более ранних переселениях жителей Средней Азии в Сибирь, связанных с торговой и миссионерской деятельностью. Но именно с конца XVI — начала XVII в. речь идет о бухарцах как об ***этносословной группе***, формирование которой было обусловлено направленной деятельностью правительства России. И здесь уместно воспроизвести цитату из работы Г.Ф. Миллера: *«Приезд с Кучумом и Ахмет-Гиреем многих бухарцев (1570-е гг. — С.К.), как надо думать, положил начало поселению в Сибири этого народа. Но от этих первых пришельцев осталось очень мало потомков. Большинство бухарцев, живущих в городах Тобольске, Таре, Тюмени и Томске, рассказывают, что их предки перебрались в Сибирь много позднее, только в русское время. И только в одной сеитской семье, которая живет недалеко от Тобольска в Сабанаковых и Тадзымовых юртах, сохранилось предание, что они ведут свой род от времен Кучума»*[2].

В настоящее время известно уже о нескольких бухарских родах, ведущих свое начало в Сибири «от времен Кучума», однако в действительности большинство выходцев из Средней Азии стали селиться в Сибири уже после при-

соединения ее к России. Изучение динамики численности бухарцев позволит проследить развитие этой группы и выделить основные этапы переселений.

Толчком к формированию бухарцев как этносословной группы стало учреждение в Сибири Бухарского купечества в 1595 г. В наказе царя Федора Ивановича воеводе Федору Елецкому и голове Василию Хлопову говорится: *«А которые торговые люди учнут приезжать в новой город на Тару из Бухар и Нагай со всякими товары и с лошедьми и з животиною, и у тех у торговых людей велети служивым людем всякие товары и лошеди и животину покупати, и береженье к торговым людем, к бухарцом и к нагаем, держати, чтоб их впредь приучити; а как они исторгуютца, и их отпущати не издержав. А которые будет торговые люди похотят идти мимо новой город в Сибирские городы, в Тобольской или в Тюмень, торговати всякими товары или лошедьми и з животиною, и их потому ж пропущати и береженье к ним держати»*[3].

Данный указ фактически закрепил существовавшие еще до прихода русских торговые отношения Средней Азии и Сибирских ханств. Однако численность бухарцев на протяжении первой половины XVII в. оставалась ничтожной. Так, в Тарском уезде в 1622 г. значился 21 бухарец-мужчина; соответственно, по исчислению Б.О. Долгих, общее число бухарцев составило 80 человек[4]. В Тобольском уезде в 1631 г. бухарцев было чуть больше — 59 мужчин, т.е. 240 человек[5]. По Тюменскому уезду сведения о бухарцах отсутствуют, однако это не означает, что в действительности их не было, т.к. сложение тюменской группы бухарцев началось с конца XVI в.[6] В целом, Н.А. Томиловым выделено 4 территориальные группы бухарцев — тюменская, тобольская, тарская и томская. Выделение этих групп было связано с особенностями расселения вокруг крупных городов, т.к. первоначально основной деятельностью бухарцев являлась торговля. Исследователь считает, что ко второй четверти XIX в. эти группы были в определенной степени изолированы друг от друга[7].

По этому поводу хотелось бы возразить: возможно, томская группа действительно была изолирована, но остальные группы в ряде случаев имели тесные контакты, как это было в начале XIX в., когда на бухарцев возложили новые повинности. В обращении к Сибирскому генерал-губернатору И.Б. Пестелю указывается: «*Тобольских, тюменских и тарских бухарцов и ташкенцов поверенных Мамета Шихова и Магомета Шихова*[*] *всепокорнейшее прошение*»; это говорит о тесной связи бухарцев, расселенных на территории тоболо-иртышского междуречья, среди сибирских татар.

Следующим фактом, повлиявшим на увеличение численности бухарцев, послужила «грамота царя Михайла Федоровича 7153 (1645 — *С.К.*) года ноября 3 числа»: *«выехавших в Тобольск бухарцев пожаловали мы с тобольскими посадскими в тягло их не приписывать и с пашенной земли, нанятой ими у татар, выдельного хлеба неимать, чтобы смотря на то иные бухарцы и всякие иноземцы в Тобольске жить оставались; а им, бухарцам, торговать по всем русским городам и ничем их не теснить и опричь уголовных и долговых дел суда на них не давать»*[8]. Из текста этой грамоты понятно, что, занимаясь торговлей, бухарцы активно нача-

* Шиховы — один из наиболее знатных бухарских родов, представители которого составляли торговую, землевладельческую и мусульманскую элиту.

ли осваивать и земельные пространства. Верховная власть всячески поддерживая торговлю со среднеазиатскими государствами, не препятствовала развитию и других занятий иноземцев, тем самым привлекая их оставаться на постоянное место жительства в Сибири.

Прошло всего чуть более 50 лет с указа царя Михаила Федоровича, как правительство озаботилось активным земледельческим освоением бухарцами пространств Сибири. Так, в 1701 г. была создана Тарская дозорная книга, которая полностью была посвящена описанию земель бухарцев. Создание этой дозорной книги было связано с тем, что бухарцы «хотели вернуться к своему прежнему положению, оформленному указом 1645 г., когда они не платили никаких оброков»[9] и просили государя освободить их от дачи «выдельного хлеба» с пашен и денежного оброка с сенокосов. «Правительство отказало им и только заменило «выдельной хлеб» с пашен «денежным оброком», для чего и предписано было Ивану Качанову описать бухарские земли в Тобольском, Тарском и Тюменском уездах»[10].

Вот как описывает Н.Н. Оглоблин в «Обозрении столбцов и книг Сибирского приказа» ситуацию с бухарскими землями и налогами: «Любопытны мотивы обложения: правительство внушает бухарцам, что «во всех странах христианских и бусурманских государств никаково чину не токмо пришлой иноземец, но и того государства природной человек безоброчно и безданно никакими землями и угодьями не владеют...» (л. 3), взимаемые же с бухарцев (как и с других подданных) оброки идут на жалованье ратным людям, которые-де «и их бусурман от разорения оберегают...» (л. 3 об.). Бухарцы же «ничего больши 50 лет не платили (л. 4 об.) в государеву казну. Указ же 153 г. (1645 г.) объясняется тем, что тогда «в Тобольску бухарцев было немного, а на Таре и на Тюмени никого не было» (л. 4). Теперь же количество бухарцев так увеличилось, что правительство считает необходимым запретить впредь бухарцам покупать земли и угодья «у русских людей и у служилых и ясашных татар» (л. 5)»[11].

Проблемы, связанные с бухарскими землями, интересовали правительство и раньше. Как пишет Н.Н. Оглоблин, «вообще, бухарцы были людьми со средствами и охотно занимались скупкою земель у служилых и других русских людей. Такая деятельность их нередко нарушала установленный порядок русского землевладения и доходила до злоупотреблений, так что в 197 г. (1689 г.) был произведен по Тарскому уезду специальный осмотр всех земель и угодий, проданных или заложенных служилыми людьми местным бухарцам. Перепись как этих, «спорных земель», так и всех вообще бухарских земель уезда производил и составил дозорную книгу «ротмистр Литовскаго списка Яков Чередов с товарищи» (Кн. 925, л. 59)»[12]. Н.Г. Аполлова отмечает, что «купив землю у служилых людей, бухарцы считали, что таким образом они перешли в разряд служилых, которые вправе требовать хлебное жалованье и освобождение от оброка»[13].

Таким образом, если первоначально основной деятельностью бухарцев была торговля, и именно этот фактор стал решающим в обособлении этой группы от других социальных категорий за счет выданных им особых привилегий, то в дальнейшем, когда начинается земледельческое освоение территории Сибири бухарцами, российское правительство делает попытки включить данную группу в систему налогообложения и административного подчинения.

По сути, бухарцы, проживавшие в деревнях сибирских татар, мало чем отличались от ясачного населения и служилых татар. Они также занимались скотоводством, земледелием, рыболовством и т.д. В то же время в административных кругах сложился образ бухарцев как торговых деятелей. Именно это обстоятельство и определяло появление все новых указов, которые все больше способствовали обособлению этой этносословной группы. И здесь нельзя не отметить противоречивость позиции власти, которая, с одной стороны, выдавала обещания и позволяла бухарцам пользоваться определенными привилегиями как в части торговли, так и в части налогообложения, а также позволяла закреплять за собой огромные земельные угодья, с другой стороны — пыталась подчинить их и включить в фискальную и административную системы. Этот процесс происходил на протяжении XVIII — первой трети XIX в.

В тот же период происходило численное увеличение бухарцев, в основном за счет миграций. Так, в начале XVIII в., а именно 15 марта 1701 г., Петром I была подписана грамота, в которой подтверждаются имеющиеся привилегии: *«Бухарцам в Тобольске и других городах жить и кормиться пашенными купленными и закладными землями и сенными покосами и за произвольный их выезд с посадскими людьми тягла не платить и никакими службами их не утеснять, чтобы к выезду в подданство впредь другим показать охоту»*[14].

Так, по результатам исследований Г.Н. Потанина, известно о переселении в Тару 41 бухарца в 1709 г. и о возможном переселении в это же время Аваз-Бакы шейха, явившегося основателем семейно-родственной группы Шиховых[15], большинство представителей которых и в настоящее время проживают в татарских поселениях Большереченского района Омской области.

Последующие высочайшие указы были также направлены на привлечение к поселению в Сибири бухарцев — это указ 1724 г., в котором говорилось, что *«с тобольских и других городов бухарцев рекрут не брать и по данным им грамотам и привилегиям их, бухарцев, в посады не писать и никакими службами не утеснять»*, и указ 1725 г.: «*служивших татар и бухарцев, написанных в подушный оклад при ревизии 1723 года из оного выключить, и взысканные с них подушные деньги возвратить и впредь их в подушный оклад не класть*».

Частично сведения о численности бухарцев имеются в портфелях Г. Миллера — это документы начала 1730-х — начала 1740-х гг., представляющие ответы на запрос о разных категориях жителей Тобольской губернии. Так, в них указывается, что *«при городе Тюмени и Тюменского уезда по деревням юртовских бухарцев 106»*[16], *в «городе Таре и во всем Тарском ведомстве имеетца... юртовских бухарцев 329 душ*[17]*»*[18], из которых 40 — в г. Таре.

Окончательному оформлению сибирских бухарцев как этносословной группы способствовал «высочайший рескрипт 1787 года декабря 9-го числа к бывшему Сибирскому генерал-губернатору Кашкину»: *Тобольские бухарцы и ташкенцы по данным нам прошением изъясняя пожалованные роду их от предков наших и от нас самих грамоты, на основании коих оставя они свое отечество, основали всегдашнее обитание в Империи нашей, просят о неподчинении их городовым магистратам по торговле и промыслам, об увольнении их от службы и податей мещанских; о позволении им составить из между себя словесные суды для решения дел на их природном языке; и об оставлении их на прежних им пожалованных грамотах.*

Снисходя на такое их прошение и желая способствовать как умножению сих жителей тамошнего края одноплеменными им выходцами из-за границы, так и распространению торговли их с прилеглыми к той стороне разными народами, повелеваем оставить их на том самом основании, на каком они были до открытия тамо наместничества по новому образу устроения, позволяя им сверх того в Тобольске и других городах, где вы признаите за лучшее и удобнейшее, составить из их обществ словесные суды, покуда с умножением числа их могут и пожелают они сами иметь собственную ратушу сообразно правилам в учреждениях наших о управлении губерний изображенным S»[19]. С этого времени была сформирована Бухарская волость в Тарском уезде, а в Тобольском и Тюменском уездах — бухарцы находились в ведении бухарского старшины.

Создание отдельных управленческих структур определило и систему учета бухарцев при проведении ревизий населения. Как известно, впервые инородческое население стало обязательно учитываться в период проведения 4-ой ревизии (1782 г.). С этого времени можно оперировать более точными цифрами (хотя и с оговорками, имея в виду специфику учета населения в период ревизии)[20]. Данные ревизского учета бухарцев, а также сведения о численности бухарцев в конце XIX в. представлены в таблице 1.

Таблица 1.

ЧИСЛЕННОСТЬ СИБИРСКИХ БУХАРЦЕВ В ПОСЛЕДНЕЙ ЧЕТВЕРТИ XVII–XIX ВВ.*

Территориальные группы сибирских бухарцев	1782 г.	1816 г.	1834 г.	1858 г.	1897 г.
Тобольская	1888	1786	3156	3156	3308
Тюменская	1547	1998	2404	2982	3369
Тарская	1243	1640	2424	3339	4247
Всего	4678	5424	7984	9477	10924

*Составлено по: 1782 г. (4-я ревизия) — *Томилов Н.А.* Тюркоязычное население Западно-Сибирской равнины в конце XVI — первой четверти XIX вв. — Томск, 1981. — С. 52-55, 90-93, 150-151.

1816 г. (7-я ревизия) — ГУТО ГАТ. Ф. 154. Оп. 8. Д. 347. Л. 818-840; Д. 347[1]. Л. 1-56; Д. 354. Л. 19-91, 853-915; Д. 361. Л. 361. Л. 405-468.

1834 г. (8-я ревизия) — Там же. Д. 427. Л. 1-155; Д. 437. Л. 1-110; Д. 449. Л. 1-7; Д. 454. Л. 1-129.

1858 г. (10-я ревизия) — там же. Д. 820. Л. 1-61; Д. 877. Л. 1-222; Д. 928. Л. 1-159; Д. 997. Л. 111-146.

1897 г. (Первая всеобщая перепись населения) — *Патканов С.К.* Статистические данные, показывающие племенной состав населения, язык и роды инородцев. — Т. II. — СПб., 1911. — С. 14-21, 70–74, 103-114.

Анализ статистики позволяет сделать следующие выводы. Во-первых, численность сибирских бухарцев постоянно увеличивалась, значительно увеличение приходится на первую половину XIX в. И здесь необходимо вернуться к началу статьи, где приведено суждение Ф.Т. Валеева о том, что формирование сибирских бухарцев происходило благодаря переселениям XVI–XVIII вв. Авторские данные расходятся и с мнением Н.А. Томилова, который писал, что «в первые десятилетия XIX в. наблюдались еще случаи перехода бухарцев в рус-

ское подданство...Но это были уже действительно редкие случаи»[21]. Первая половина XIX в. — это период направленности российской политики на Восток и продвижение империи в Центрально-Азиатский регион. Это способствовало дальнейшим миграциям населения из Средней Азии в Сибирь, ставшую объектом прежде всего земледельческого освоения. Но переселенцы этого периода уже не могли претендовать на земельные владения. Большинство прибывших бухарцев селилось на землях как инородцев, так и бухарцев, закрепивших за собой земли в XVII-XVIII вв. Именно поэтому в землеустроительных документах середины XIX в. приводятся сведения как о земельных владениях того или иного рода бухарцев (например, у тарских — это Шиховы, Имьяминовы, Бургутова и др.), так и отмечается отсутствие земельных наделов и возможность пользоваться только скотским выпуском[22].

Во-вторых, если в конце XVIII в. численно превалировала тобольская группа сибирских бухарцев, то к концу XIX в. наиболее значительной по численности стала тарская группа, что было обусловлено созданием в конце XVIII — первой половине XIX в. сети приозерных поселений в лесостепной зоне, основанных, в большинстве своем, бухарцами[23]. Если в начале XVIII в. бухарцы расселялись преимущественно вокруг городов — Тюмени, Тобольска и Тары, то в Тарском округе в XIX в. были освоены и отдаленные земли.

Тюменская и тобольская группы бухарцев жили разбросанно среди местных татар. Так, в журнале Тобольского окружного по крестьянским делам присутствия от 1 июля 1895 г. была сделана запись № 91 : *«Особенности татарских волостей: бухарцы расселились почти по всем татарским юртам; крайне оригинальная группировка волостей с татарским населением «.. заключавшуюся в том, что почти в каждом татарском селении жители его принадлежат не к одной какой-то инородческой волости, а чуть не ко всем»... Еще более разбросано население Бухарской волости, имеющее свое инородческое управление также в г. Тобольске, но самые дальние юрты той волости находятся в пределах Тюменского и Тарского округов»*[24].

Именно динамика численности и особенности расселения бухарцев разных территориальных групп объясняют тот факт, что по переписи 1926 г. почти все бухарцы отмечены именно в Тарском округе — 11517 (из них — 497 человек в г. Таре). В Тобольском округе данной переписью зафиксировано 3 бухарца, в Тюменском — 81[25]. Таким образом, уже в начале XX в. происходит процесс «отатаривания» бухарцев, который окончательно был завершен уже к середине XX в. Значительная численность бухарцев в Тарском округе по переписи 1926 г. объясняется также тем, что Бухарская волость здесь просуществовала до момента расформирования в 1926 г. В Тобольском округе она была ликвидирована в результате административных реформ 1910 г., а в Тюменском округе Бухарская волость так и не была создана, хотя бухарцы проживали отдельно от местных татар в ведении бухарского старшины.

Сформированная усилиями государства этносословная группа прекратила свое существование в результате политических и экономических устремлений новой советской власти. Но этногенетическая память потомков сибирских бухарцев и оставленные ими рукописные источники свидетельствуют о значительном вкладе их предков в историю сибирских татар.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Валеев Ф. Т.* Сибирские татары: Культура и быт. Казань, 1992. С. 29.
2. *Миллер Г.Ф.* История Сибири. Т. 1. М., 1999. С. 196.
3. Цит. по: *Миллер.* История Сибири. С. 357.
4. *Долгих Б.О.* Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в. М., 1960. С. 54
5. Там же. С. 61.
6. *Томилов Н.А.* Этническая история тюркоязычного населения Западно-Сибирской равнины в конце XVI — начале XX в. Новосибирск, 1992. С. 82.
7. Там же. С. 86.
8. ГАОО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 158. Л. 2.
9. *Аполлова Н.Г.* Хозяйственное освоение Прииртышья в конце XVI — первой половине XIX в. М., 1976. С. 102.
10. *Оглоблин Н.Н.* Обозрение столбцов и книг Сибирского приказа (1592–1768 гг.). Ч. 1. М., 1895. С. 66.
11. Там же.
12. Там же. С. 56.
13. *Аполлова.* Ук. соч. С.102.
14. ГАОО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 158. Л. 3-3 об.
15. Цит. по: *Томилов.* Ук. соч. С. 85-86.
16. РГАДА. Ф. 199. Оп. 2. Д. 481. Ч. 3. Л. 91.
17. Скорее всего, имеются в виду души мужского пола — главы хозяйств.
18. Там же. Ч. 4. Л. 2.
19. ГАОО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 158. Л. 2 об.
20. См. подробнее: *Корусенко С.Н.* Этносоциальная история и межэтнические связи тюркского населения Тарского Прииртышья в XVIII–XX веках. Омск, 2006.
21. *Томилов.* Ук. соч. С. 84.
22. ГАОО. Фонд 183. Оп. 3. Д. 518. 29 л.
23. Подробнее см.: *Корусенко.* Этносоциальная история... С. 37–61.
24. ГАОО. Ф. 479. Оп. 2. Д. 51. Л. 37, 38.
25. *Всесоюзная перепись населения 1926 года.* Национальный состав населения по регионам РСФСР // Демоскоп // http://demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_26.php.

SIBERIAN BUKHARIANS: DYNAMICS OF POPULATION AND SETTLING (17th — 20th cc.)

S.N. Korusenko

Siberian Bukharaians are one of the significant ethnic components in the structure of the Siberian Tatars, which had influence on culture of the local Turkic population. Initially formed by efforts of the state the ethnoclass group stopped its existence as a result of political and economic deeds of new Soviet power. But ethnogenetic memory of the Siberian Bukhara descendants and the hand-written sources left by them testify to the significant contribution of their ancestors to the history of the Siberian Tatars.

© 2008

С.В. Дмитриев

МАТЕРИАЛЫ КОМИССИИ Ф.К.ГИРСА (1866 Г.) ПО ТРАДИЦИОННЫМ ПРОМЫСЛАМ И РЕМЕСЛАМ КАЗАХОВ*

Данный материал был обнаружен в ходе работы по подготовке свода источников по этнографии и истории казахов. Находится он в деле Киргизской степной комиссии по составлению проекта положения об управлении в Киргизских (*казахских — С.Д.*) степях. Материалы комиссии хранятся в Российском государственном военно-историческом архиве в Москве[1].

Комиссия работала в 1865–1866 гг. в казахских степях под руководством Федора Карловича Гирса (1824–1891). Получив юридическое образование, он начал карьеру в 1844 г.; работал в области юриспруденции, занимал высокие административные посты. С 1857 г. был правителем канцелярии Новороссийского генерал-губернатора; в 1863 г. получил назначение членом Совета министра внутренних дел. Инспектировал пореформенную ситуацию в ряде регионов России. В 1865 г. Ф.К. Гирс был назначен председателем комиссии для изучения быта казахов (киргизов — в редакции середины XIX в.) и принципов, на которых должно быть устроено управление степями.

В 1867 г. Ф.К. Гирс был произведён в тайные советники, а 30 августа 1880 г. — в действительные тайные советники. В 1882 г. он ревизовал Туркестан; результатом ревизии было преобразование управления Туркестанским краем. Затем был командирован для решения конфессиональных проблем. По возвращении в Петербург, вплоть до кончины, исполнял обязанности президента Евангелическо-лютеранской консистории.

Деятельность Ф.К. Гирса оставила заметный след в истории азиатских провинций Российской империи. Выработанные Киргизской степной комиссией рекомендации послужили основанием для Положения об управлении степными областями 1867 г.

В т. 5-5 материалов комиссии был обнаружен рапорт управляющего туземным населением правого фланга Военно-Народного управления Туркестанской области от 1 ноября 1866 г.,[2] написанный писарским почерком. Подпись под документом неразборчива, читается только «коллежский советник».

В начале рапорта описывается система землепользования казахов, скотоводство и земледелие, после чего автор подробно останавливается на народных знаниях, промыслах и способах лечения, в конце описывается система торговли и намечается ее перспектива в казахской степи.

Далее в деле есть другие рапорты (всего их шесть) того же начальника и от того же числа, в которых подробно описывается родовой состав области, зимовки казахов, система скотоводства у казахов Сыр-Дарьинской области перспективы здешнего хлебопашества, а также налоговая система[3]. Эта тема доста-

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ («Архивные материалы по истории и этнографии Центральной Азии»), проект № 08-01-00066а.

точно хорошо изучена в современной научной литературе, поэтому главное внимание при обработке архива получили малоизвестные этнографические материалы.

В данной публикации приводится выдержка из рапорта, где изложены сведения, касающиеся промыслов и ремесел у казахов[4]. Особую ценность источнику придают разработанные эквиваленты стоимости фабрикуемых товаров, предназначенных к реализации, довольно редко встречающиеся в литературе, а также разбросанные в тексте описания технологических приемов производства, этнографические «мелочи», характеризующие традиционную культуру казахов середины XIX в. и т.д. Кроме собственно материалов по ремесленному производству в конце текста даются описания средств охоты и традиционной медицины.

Текст публикуется, в целом, в редакции источника, в который внесены лишь небольшие стилистические правки. Сохранены также терминологические разночтения, которые присутствуют в источнике.

...Промышленность и ремесла киргизов заключаются в следующем:

А) Произведение из шерсти, волоса и овчин:

1) арканы вьются из одной бараньей шерсти и иногда с примесью конского волоса и козьей шерсти; арканы эти обыкновенно употребляются при перевозке тяжестей в дальние дороги, а также и с чисто конского волоса, пестрые — эти последние делаются только для вьючки приданого выдаваемой замуж невесты. Длина всех вообще этих арканов бывает 8, 9 и 10 сажень; цена веревки, бараньей шерсти 40 коп., с примесью конского волоса и козьей шерсти 60 коп., и чистого конского волоса 80 коп. 2) тесьмы плетутся из крашеной шерсти, бараньей, верблюжьей и козьей, из шелка и бумаги. Узкие тесьмы плетутся в руках, а широкие ткут. Цена тесьмам широким самого лучшего достоинства 30, 20, 15 и 10 руб., узким — три и два барана. 3) кошмы делаются из бараньей шерсти, т.е. отбирают чисто белую от прочих цветов и когда это кончут, то выбивают оную палками на конской коже, а потом разбитую таким образом шерсть раскладывают на чиях и катают руками, впрыскивая понемногу теплою водою.

В продаже белая кошма в 3 сажени бывает два барана, и баран с ягненком; серые этой же меры один баран. 4) Текимет, тоже есть кошма, которая точно таким же образом делается, только что сверху обыкновенной шерсти раскладывается разные узоры из крашеной шерсти и потом уж все вместе валяют. Текимет белый стоит 3 барана, обыкновенный серый 2 и 1 баран. 5) Джебага. Есть то шерсть довольно плотно сваленная во время зимы на баранах. Джибагу эту снимают с баранов весною. Из нее киргизы шьют себе теплую одежду, простегав оную довольно часто к верхней покрышке, без чего она должна расползтись, и, кроме того, во время зимы обвертывают ею ноги. Джабага продается от 10 до 5 ком. штука. 6) Армячина. Ткется из бараньей шерсти и верблюжьей, бывает чисто белая и желтоватая. Киргизы из материи этой шьют себе кафтаны и шаровары. Кусок армячины в 12 сажень верблюжьей белой стоит 2 барана, желтый — баран, а бараний — токту[5], т.е. весенний баран. 7) Вышивка на кошме: на кошмах вышивается разноцветными шерстяными нитками, но весьма редко, а более всего нашивается резными узорами разноцветные сукна и драдедам[6]; нашивка эта делается на внут-

ренней стороне кибиточных кошем и нередко нашивают также и текаметы. Ежели делается вышивка, то предварительно на кошме выводятся наизусть узоры, но ежели нашивка, то начерчиваются узоры на сукне, по которым вырезывается сукно и нашивается уже на кошмах. Цены на шитых таким образом кошем бывают: четыре турлука (боковые кибиточные кошмы) — 24 барана, двери — 2 барана и 30 пар дгаде — это небольшие продолговатые лоскуты кошемок, нашиваемых снаружи кибитки на кошме, которою покрывается нижние стороны верха кибитки. Обделка чиев[7] *для кибиток. Отдельно каждая соломинка чия обвертывается разноцветною шерстию, а иногда шелком, при этом наблюдается, чтобы расположение цветов на каждом чие было такое, чтобы при связке отдельных соломинок вместе вышел бы предположительный узор. Этим обыкновенно руководит одна женщина, знающая это дело и для этого при обвивке соломинок предварительно делаются на них знаки, сколько именно и как им цветом шерсти или шелка должна быть оная обвита. Цена чию, обвитому шерстию длиною в 3 сажени, 5 баранов, а шелком — хорошая лошадь.*

Б) произведения из кожи и шкуры:

1) выделка овчины: первоначально овчину очищают посредством скобления от кровяных частиц и затем намазывают айраном — кислым молоком или крутом, сыром, затем свертывают овчину и когда намазка начнет подсыхать, то вновь оную подновляют и поступают таким образом в продолжении 4 и 5 дней. Наконец, когда овчина получит следуемую мягкость, высушивают оную и мнут в руках, после чего [она] и употребляется уже в дело. Выделка мерлушек производится таким же образом. Выделанная овчина стоит 30-25 коп., невыделанная 40 коп. Эта последняя стоит дороже выделанной, потому что шерсть на ней бывает гораздо лучше, чем на первой. Овчина эта снимается вскоре после стрижки, а последняя спустя уже после этого до двух месяцев, поэтому и шерсть на ней больше и длиннее. Кожи на шаровары выделывают из козьих и бараньих шкур. Предварительно выделки шкуры эти мочат два-три дня в воде, потом острым ножом сбривают шерсть и затем кладут на три дня в малму, составленную из айрана, муки и соли. По выделке этого срока в малме, шкуры высушиваются и мнутся в руках. Выделанная козья шкура стоит 80 коп., цельные же шаровары с 5 шкур — баран с ягненком и баран. С бараньих же шкур — один баран, одна шкура — 40 и 45 коп.

2) Сыромят выделывают из конских, верблюжьих и коровьих шкур, которые предварительно так же вымачиваются в воде дня два и три, — и затем, сбривши шерсть, кладут дней на 7 в мялах. Мялы эти делаются следующим образом: вырубается раздвоенное дерево вроде вил, длиною в два аршина и более, и отдельно еще палка подлиннее вил; как на вилах, так и на палке делают во всю длину их поперечные довольно глубокие зарубки и когда таким образом все будет приготовлено, употребляются уже в дело следующим порядком: толстый конец вил укрепляется в землю, но так чтобы раздвоенный конец оных находился от земли по крайней мере на полуаршине, имеющуюся же отдельную палку укрепляют в конце раздвоенных вил, и затем подняв оную, кладут на вилы, приготовленную для мяты кошму и поднятою палкою начинают мять, то отпуская, то поднимая оную; процессия эта продолжается до тех пор, пока кожа не приобретет надлежащую мягкость. Сыромят приготовляют также и посредством мятия в руках, но тогда уже шкуру не кладут в малму, а сбрызгивают ее постоянно водою. При таком способе выделки

шкуру разрезывают уже на небольшие ремни. Из верблюжьей шкуры выделывают род замши таким порядком: шкуру тоже мочут в воде и, сбривши шерсть, кладут в айран с квасцами дня на три. После этого высушивают, режут на ремни и мнут в руках. Из кож козлиных и бараньих делают ергаки, которые выделываются таким же образом, как и для шаровар. Тайтики[8] *и кулун-джаки*[9] *(молодые жеребята) с шерстию выделываются на ергаки*[10] *следующим способом, шкуры очищают предварительно от кровяных частиц, и потом кладут оную в малму, в которой продержав не долго сушат, а потом уже мнут в руках или мялах. Выделанная шкура черного цвета стоит 3 руб., а целый ергак такого цвета 12 шкурок — 15 баранов.*

Из черных шкурок ергак, а также и тайтари стоит не более 5 и 6 баранов. Сабы[11]*, турсуки*[12]*, ведры, подойники делаются вообще из конских кож и весьма редко из коровьих. Предназначенные кожи для этих поделок предварительно вымачиваются недолго в воде, потом сбривши с них шерсть, кладутся в раствор из сажи, курум, набираемый с решеток кибиток. В этом растворе держат с неделю и затем после высушки, кожи эти кладут в коптильню, в которой и коптятся недели две. Кожи для саб кладутся в коптильню скроенными, но только не сшитыми, а турсуки, ведра и подойники совершенно сшитыми. Коптильня устраивается таким образом: выбирается довольно возвышенное место и преимущественно около высоких оврагов и яров; на этой местности роется круглая яма в окружности сажени 3 и 4, а глубиной в полусажени; внизу этой ямы на сажень расстояния подрывается отверстие вроде печки, с этого отверстия проводится в землю труба в верхнюю яму. Яма эта оплетается решеткою из талов, на эту решетку накладывают уже приготовленные кожи для саб, а турсуки, ведра и подойники довешивают внутри решетки, затем покрывши отверстие или печи, разводят огонь, а дым посредством проведенной в яму трубы проходит уже в коптильню; по прошествии недели кожи переворачивают, а в конце другой недели окончательно уже снимают и, вымазав салом, сшивают. Для копчения употребляет саксаул, чилигу, листья разных дерев и гнилые дрова. Саба готовится сшитая с 2-х конских кож, стоит два барана. Турсук большой — один баран. Пара ведер — ягненок, то же самое и подойница.*

3) производство седельных принадлежностей к седлу, как то узда, подпруги, нагрудник, пахвы и путалищи с сыромятной кожи. Приборы делают плетеные из мелких ремешков и сшитые. Некоторые приборы в тех местах, в которых должны быть сшиваемы — связываются весьма искусными узлами. Весь плетеный прибор стоит 54 баранов, а шитый — баран. Кроме того, делают из сырых конских и коровьих шкур сундуки, кабежи. Предварительно для этого делается рамка из дерева, которое и обтягивается сырою кожею. б) мешки для склада масла, сала и говядины, в) из кожи снятой с головы лошади или коровы, делают тоже род мешков для соли и г) талыс — сумка для склада разных мелких вещей.

В) произведения из дерева.

1) Киреге — решетки для кибитки. Для кибиточных решеток — уков — палок, поддерживающих чегерак — верхушку кибитки, рубится ровный и длинный тал, а также и тополь, который по толщине своей раскалывается. Лес этот предварительно высушивается, потом снимается с него кора и затем уже обстраивается и выгибается в станке. Станок этот весьма простого устройства, а именно: бревешко длинною в полтора аршина, имеющее в одном конце одну прямую ногу, а в

*другом две отлогие, в середине бревешка имеется выемка в вершка два; в этой-то выемке обстрагиваются, выгибаются и фугуются кореге (*так — *С.Д.) и уки. Приготовленные палки для кореге просверливаются буравчиком и связываются сыромятными ремешками. Кроме того, делаются чегераки — верх для кибитки. Чегераки эти делаются круглые, для которых употребляется дерево — джида*[13]*, береза, а где есть, то и дуб. Чегераки выгибается между кольями, укрепленными в землю, иногда бывают они цельные, а иногда составные из нескольких отдельных кусков. После того в кругах этих пробиваются долотом дыры, числом иногда более 100; в дыры эти и вкладываются уки, образующие верх кибитки. Затем делаются для кибитки двери, иногда глухие, а иногда решетчатые, косяки и пороги. Это все делается из досок, вытесываемых из джиды или березы. Решетки крашенные для кибитки, составлены из 6 кусков, каждый кусок больше сажени стоит 6 баранов, посредственной работы и не совсем ровного леса — 6 ягненков. Чегирак — 3 или 2 барана, а украшенный костями верблюда, двери со всею принадлежностию и с резьбою — 5 баранов, а украшенные костью и зеркалами — 20 баранов.*

2) Арбы. Между Сыр-дарьинскими киргизами хотя и имеются мастера делать арбы, но за неимением здесь годного для ступиц леса, не занимаются этим. Впрочем, ежели они запасутся необходимым лесом, то арбы делают, точно такие, как и русские, для чего и инструменты употребляют русские же, мастера только, разумеется, не имеют никаких ни станков, не верстаков. Обода для колес делают не косячные[14]*, а гнутые.*

3) чашки, ковши, ложки и чумыш (половник) делается здесь на Сыр из джиды. Вырубив на эти предметы дерево, сперва обтесывают вчерне, стараясь дать форму той вещи, которую предполагает с куска этого сделать. Потом когда уже совсем высохнет, обделывают начисто скобелем и ножом. За неимением здесь толстого леса, блюд, больших чашек и самар, в которые обыкновенно прямо из сабы наливают кумыс, не делают, а покупают таковые на линии, но, впрочем, иногда и сами делают, ежели во время летних кочевок случится быть в тех местах, где есть удобный для этого лес. Чашка с ручкой с джиды строит 80 и 60 коп. Ковш, дюжина ложек и чюмыш — баран. Самара — баран, а иногда и лошадь, ежели будет с резьбою и хорошо выкрашена.

4) Кибежи[15]*. Делается двояко, но в обоих случаях предварительно из столбиков делается рамка формою сундука. В первом случае между этими рамками вставляются досочки, а во втором случае пространство между решетками переплетается тонко выстроганными палочками, только как можно плотнее. Дно и крышка бывает из досок. Крышка плоская прикрепляется к кибежи, либо ременными петлями, либо жестяными, запирается висячим замком. Кибеже, выкрашенная разными красками, стоит два барана. Здесь на Сыре делается из туранги*[16]*, и делаются также как и чашки, ложки и прочие. Корыто средней величины стоит тохту.*

6) Седельные арчаки[17] *делаются просто из джиды и корня этого дерева, передняя лука делается с небольшим загибом в низ, задняя широкая и довольно низкая. Все достоинство арчака зависит в том, чтобы не портить спину лошади и потому весьма редкие из мастеров достигают этого. Здесь нужно знать насколько должна быть широка передняя лука и для того, некоторые мастера делают ширину этой луки не более четверти, а некоторые принимают в размере длину своего лба. Арчак корневой стоит баран с токтою, а простой — баран.*

7) Деревянные кровати. Делают из джиды и туранги. Форма этих кроватей почти та же самая, какие у русских, только на довольно низких ногах. В ногах самой кровати почти нет никакого счита, а в головах счит делается с отшибом. Для этого задние ноги кровати приискиваются выгнутыми. Некоторые кровати делаются из двух отдельных частей. У таких уже кроватей имеется по 6 ножек. Площадка кровати вымащивается узкими дощечками. Кровать обыкновенно с посредственною резьбою стоит два барана, с хорошею резьбою — 4 и 5 баранов, а убранная костьми и выкрашенная стоит 10 и 15 баранов.

Кроме того, киргизы делают из дерева еще следующие вещи:

а) стремена выгибают из талов и березы, верхние концы которых скрепляют железным и заклепками. Стремена эти иногда красят, а иногда обертывают костьми. Простые стремена стоят козленка, а хорошие ягненка, а выложенные костью — один и два барана;

б) Сабаяки, на которые обыкновенно ставится саба с кумысом. Сабаяк этот бывает четырехугольный, имеет четыре 3-хчетвертные довольно толстые столбики, заменяющие ножки, на два вершка снизу этих столбиков делается из досок дно, на которое между столбиками вкладываются боковые доски шириною каждая не более четверти. Сабаяк с резьбою стоит 3 барана, крашеный с резьбою — 3 барана с ягненком, а выложенный костью — до 10 баранов;

в) Делаются из досочек, выстроганных из колючки, род кадушек, дно которых в диаметром не более полуторых четвертей, а к верху не более четверти. Длина же их бывает более аршина. Кадушки из досочек набиваются деревянными обручами и употребляются для доения молока, кузи[18]*, наконец, в случае крайней необходимости для носки воды, хотя, впрочем, для этого делаются таким же образом и ведра. Кадушка такая стоит токту. Делаются еще дуплянки из туранги, для чего приискивается дерево с гнилою сердцевиною, дуплянки эти для прочности обивают также деревянными обручами;*

г) Пскек. Палки длинною более сажени, для болтания в сабе кумыса. Палка эта бывает иногда из цельного дерева, а иногда и составная. На том конце, который находится в сабе, подделывается кусок дерева или круглый, или четырехугольный, во внутри немного выделанный, а верхний конец этой палки делается шириною не более получетверти. Эта часть палки бывает с резьбою, выкрашенная, с кусками зеркала и даже выложенная костью. Пскек простой стоит ягненка, с резьбою и крашеный — барана, а убранный костью и зеркалом — 3 и 4 барана;

д) Для покрышки котлов делают из выстроганных дощечек крышки, которые и скрепляют между собою:

е) Колодки для сапогов;

ж) Седла для верблюдов — наров[19]*. Седла эти имеют также переднюю и заднюю луки, только как первая, так и последняя составлены из двух кусков дерева; верх этих лук скрепляется деревянными связями. Между же собою луки эти скрепляются брусками. Пять таких седел стоят барана:*

з) Зыбки, или люльки для детей — с тала или джиды. Она делается весьма просто: выгибаются дугою два дерева, нижние концы которых служат ножками, не более как по два вершка снизу этих концов они скрепляются перекладинками, потом с досочек делается дно и боковые перильцы шириною с четверть. Зыбка стоит козленка;

и) Лопаты делаются с туранги. 10 штук стоят барана;

і) Сохи с джиды и туранги. Орудие это делается с цельного дерева, такового образца <, верхний конец этого дерева служит для запряжки быка или лошади, а другой сошником. Для держания сохи на самом сгибе оной в просверленную дыру продевается поперечная палочка. Соха стоит ягненка;

к) Чигирь — или водоподъемная машина — она имеет такое же самое устройство, как и машины, существующие в России. Машина эта приводится в действие посредством рычага, в который запрягается лошадь или бык. Цена этой машины бывает 5, 3 и 2 барана;

л) ложи для ружей с джиды и березы — цена — баран;

м) ножны для шашек с тамлом[20] — цена козленок;

и) Кабыс — музыкальный инструмент, употребляемый баксами во время ворожбы и лечения больных. Кобыс формою своею походит на торбан[21], он обыкновенно выдалбливается, отверстие закрывается тонкими дощечками, имеет шейку и две струны, на которых и играют смычком. Кобыс делается из джиды и стоит баран;

о) Балалайка. Делается из талов и формой своею совершенно походит на русскую балалайку — только имеют длинные и узкие шейки и две струны. Балалайка стоит козленка.

п) Пороховница, делается в виде кольца из джидового корня, с резьбою стоит одного барана.

р) Ступа из джиды или туранги для толчении зерна. Стоит барана.

Г) Мастерства и промыслы.

1) Портное. Киргизы портняжничеством для посторонних не занимаются, а каждый шьет сам для себя, но, в прочем, ежели бы кто-нибудь для постороннего что-нибудь и сошьет, то за это ничего не берут. Всю одежду и белье каждая киргизка кроит и шьет сама.

2) Сапожное. Киргизы шьют сапоги из болгары[22], черного товара и саура — зеленой кожи, привозимой обыкновенно из Бухары. Сапоги они шьют на одной подошве, без стелек — вытяжных не делают, а обыкновенно перед пришивается отдельно к голенищам. Кроме того, шьют еще ичиги из козловых и бараньих шкур, с калошами к ним. Ичиги эти имеют подошву мягкую из болгары. Для женщин, как сапоги, так и ичиги с калошами украшают иногда по швам и переда вышивкою серебром и золотом. Сапоги стоят от 2-х до 4 и 5 баранов. Ичиги козлиные 2 барана, а простые — ягненка. Вышитые женские сапоги 3, 4 и 5 баранов и ичиги с галошами тоже самое. Все это шьется женщинами.

3) Кузнечное. Топоры такие же как и русские — один стоит козленка. Кетмень — род мотыги — здешними киргизами употребляется вместо лопаты — стоит ягненка. Шепашет[23] — тоже род топора с поперечным лезвием — стоит барана. Ножи — с костяным или роговым черенком — один нож стоит козленка. Серп — формою похож на русский — только без зубцов — 10 коп. Айбалта. Форму имеет топора, только с широким лезвием в копытцах загнутым к верху. Топор этот насаживается на довольно длинные черенки и употребляется во время войны. Айболта стоит два барана. Ножницы, такой же почти формы, как и наши, только сторонки их неровны, а именно, для среднего пальца длинные и имеют в конце круглое кольцо, а для большого пальца короче и с четырехугольным отверстием.

Цена ножницам 25 и 30 коп. Ножницы для стрижки баранов. Лезвия этих ножниц не скрепляются между собою, концы имеют прямые, круглые, при стрижке баранов концы эти вкладываются в палочку под названием иссек. Палочки эти бывают длинною не более четверти и имеют отдельно выдолбленные дыры на расстоянии одна от другой не более вершка, вложенные узким обрезом лезвия перекрещиваются и употребляются уже в дело, но при этом нужно иметь особенную привычку, чтобы уметь владеть этими ножницами. Три пары этих ножниц стоят барана. Бритвы. Хотя в обделке не так красивая, но формою и достоинством не уступает нашим. Пара бритв стоит козленка. Шашки. Клинки делаются более выгнутыми, чем у наших шашек. Совершенно отделанная шашка стоит лошадь и халат. Пики, гораздо длиннее наших, стоит два барана. Насеченная серебром — лошадь. Остроги. Для ловли рыбы имеют три зуба с бородками — одна стоит козленка. Долото. Формою такие же, как у нас, одни стоит 50 коп. Пилы. Делаются только ручные, стоит одна ягненка. Подпилки. Один стоит 20 коп. Бурав. Один стоит 50, 60 и 1 руб. Резец для вырезки на дереве стоит 40 и 45 коп. Молоток обыкновенный — 20 коп. Молотки кузнечные — один стоит ягненка и барана. Наковальня стоит два и 3 барана. Шило — 5 коп. Клещи — 60 коп и 1 руб. Ножницы для резки железа — козленка и ягненка. Тетсук — тески, в которых сжимается железо при поделках стоит барана. Унгуур — скобель для делания чашек и ложек — 40 и 45 коп. Капканы для ловки зверей — устройство такового как наши стоит ягненка. Таганы[24]*. Стоит одного жеребенка и два барана. Щипцы для братия углей — 40 коп. Черегдань-сальник, употребляемый вместо свеч — стоит два барана. Путы для путания лошадей — стоят ягненка. Гвозди. 10 штук — 30 коп. Вешалка для вешания платья — железный прут с крючками, прикрепленными со всех сторон прута — стоит жеребенка. Подковы на одну лошадь — 40 коп. Подковы делаются гладкие, без шипов. Вилка для братия с котла говядины о двух зубьях — 30 коп. Внутренний замок стоит 10 коп. Стремена железные — два барана, медные — 3 барана. Пряжки к седлу стоят ягненка. Удила стоят 40 коп. Щипчики стальные для выдергивания волос с бороды — 5 коп. Наперстки стальные — 10 коп. Иглы для вталкивания между стежкою ваты, конец этих игол имеет раздвоенный вородвил (*ушко — С.Д.) — стоит 50 коп. Вилы обыкновенные — 50 коп. Зубья для бороны — 1 руб. Лопаты — одна стоит ягненка. Ковши — один стоит 20 коп. Кип-Кыр — род сеточки, употребляемый при варке плова — 20 коп. Цепи, бубенчики глухие со стали — 10 коп, употребляются при охоте с ястребами и соколами, к ноге или хвосту их привязывают эти бубенчики для того, чтобы удобнее было сыскать в траве или камыше этих хищных птиц, когда оные поймают дичь. Ломы. Лом один стоит барана. Ступка для толчения соли и проч. — два барана. Огниво стоит одно — 20, 30 и 40 коп.*

4) Серебряное. Серьги серебряные вызолоченные — 4 барана. Подвески серебряные, украшенные бирюзой — 5 баранов, вызолоченные — 6 баранов. Подвески седельные — барана стоят. Так как подвески эти бывают довольно тяжеловесны, то поэтому они подвешиваются к ушам на отдельных тесемках, не вдевая оные в серьги. Кольцо серебряное — 20 и 40 коп., вызолоченное — 60-70 коп. и 1 руб. Перстни серебряные с сердоликом, бирюзою и яшмою — ягненка и барана, а вызолоченные — баран с ягненком. Браслеты: серебряные, не много вызолоченные с бирюзою стоят два барана, вызолоченные густо и с разными каменьями стоят 12 баранов.

Делаются браслеты, которые надеваются на руку и сами сжимают кисть, а есть и с замочками. Наперстки с цепочкою стоит барана. Пуговицы: одна большая пуговица, сделанная с тонких проволок стоит барана, поменьше — ягненка. Кантырма — украшение груди и шеи, вызолоченное с камнями — 20 баранов. Чаш-бау, украшение косы — 10 баранов. Тумарчи, круглая, продолговатая, серебряная-вызолоченная вещь с пустотою внутри и с крышкою с одного конца, в которую обыкновенно кладут разные молитвы и носят на груди — стоит 6 баранов. Мандай — украшение над лбом, серебряное, вызолоченное и с каменьями стоит 40 баранов. Киргыт. Шесть таких штук служат украшением саукала[25] *— головного убора, стоит 20 баранов. Украшение это начиная с головы спускается почти до пояса, оно бывает коралловое, но между кораллами есть много серебряных пуговок и прочаго украшения из этого же металла. Шесть штук Крана*[26] *— это серебряные, вызолоченные с каменьями бляхи, украшение саукала. Тубинь-друк — шапка серебряная, вызолоченная, вся эта принадлежность к головному убору стоит 40 баранов. Башиут — тоже принадлежность к головному убору — стоит 5 баранов. Кушаки, серебряные, вызолоченные с каменьями — стоит 40 баранов. Калты — кожаная сумка, которую киргизы обыкновенно припоясывают к своему боку, украшенная серебром, вызолоченная с каменьями стоит 40 баранов.*

Прибор седельный, как то: узда, нагрудник и пахвы с серебряным вызолоченным прибором и с каменьями стоит 80 баранов. Обделка седел серебром с позолотою и каменьями, а также и чисто серебряные пряжки — вызолоченные стоит 90 баранов. Черешки ножа, шила и огнива, обделанные серебром с позолотою и бирюзою стоят все эти вещи 10 баранов. Дуабау — украшение женщины стоит 15 баранов. Три пары пряжек для застегивания бешметей стоят 10 баранов. Обделка портупеи для шашки серебром с позолотою и камнями стоит 60 баранов. Серебряные щипчики для выдергивания волос стоят ягненка. Лопаточка для чищения в ушах и зубочистка серебряная вызолоченная с бирюзою стоят обе эти вещи два барана. Обделка рожков для табаку серебром с позолотою стоит лошадь. Обделка черешков плетей серебром с позолотою и бирюзою стоит жеребенка и 4 барана. Бубенчики серебряные. Один бубенчик и джигауль — украшение шеи хищной птицы, приученной для охоты, стоит 4 барана. Кроме того, насекают железо серебром и золотом, как то: стремена, пряжки, удила и проч. Затем серебряки делают сами и необходимые для их ремесла принадлежности, как то: из свинца разные формы, вески, трубочки для раздувания углей, молоточки, щипчики, резчики, малые ручные меха для раздувания углей.

Серебряные, заказанные им вещи иногда делают из своего материала, но большею частию заказывающий отдает свое серебро, или залог, но при возвращении сделанных вещей никогда оные не вешаются, а полагаются только на честное слово серебряка.

5) Ружейное. Ружье одноствольное пистонное — верблюда стоит. Фитильное ружье — лошадь, украшенное серебряною насечкою — 10 баранов. Винтовка стоит лошадь, а украшенная серебряною насечкою — 10 баранов. Затем делают и все инструменты, необходимые для этого мастерства, а именно буравы для высверливания стволов; резцы для нарезки стволов в винтовках; мехи для раздувания углей; молотки и молоты наковальни, тиски, щипцы и проч. Кроме того, киргизы занимаются отделкою рогов для пороха и дроби. Рога предварительно парят в золе или

просто разогревают оные на огне, а потом вкладывают формы и на них уже начинают обделывать скоблением и слюною. Выделывают кости для разных украшений. Для этого употребляют ребры и вообще все плоские кости. Строят водяные и ручные мельницы. Водяные мельницы строят весьма просто: внизу столба. На котором вертится камень, делаются вокруг него лопатки, в которые вода бьет сверху по проведенному желобу. Ручная мельница — устройство, похожее на наше, только гораздо меньшего размера.

6) Производство мыла. Мыло варится следующим образом. Предварительно выжигают золу из саксаула или растений ак-буты, сурана, кукбука и березы. Золу эту, очистив от углей, кладут в котел вместе с костями разных животных и затем, налив воду, начинают кипятить, и кипятят все это до тех пор, пока из костей выварится весь жир, и тогда уже, слив с золы воду, золу выбрасывают, а слитую воду вновь начинают кипятить и продолжают это до того, пока вода начнет сгущаться, потом кладут уже жир из вываренных костей, с которым и кипятят вновь до совершенного сгущения. После этого, как только начнет остывать, раскладывают в тряпки и сушат.

7) Добывание красок из разных растений.

*Краски добываются из следующих растений: кны, мох с камней, с вершин растений ак-паса, нур-паса, джю-сана, айгабагара, чугаил-чупа, дормене и корней куян суска, чагыла и джир-буру. Все эти краски варятся с квасцами в зольной воде за исключением ак-паса и нар-паса (*так — *С.Д.), в которые кидается сало, лошадиное или баранье, и джю-сана, в который кладется либо зола, выжженная из верблюжьего помета, либо моча его. Из всех вышепоименованных растений выходят следующие цвета: кны и чуган-чупа — темнокрасный, джир-булу, куян-сюск и дармене — желтый, ак-паса и джюсана — темнозеленый, нарпаса — светложелтый, и айгабара (*так — *С.Д.) — синий. Еще есть краска глина красная под названием джюсы, которую добывают с наров (*одногорбых верблюдов — *С.Д.) около реки. Краску эту разводят в холодной воде и затем употребляют уже в дело.*

8) Окраска деревянных вещей производится следующим образом: берут приготовленную вышепрописанным способом краску и красят оные вещи деревянные, без всякой грунтовки. Кибиточные решетки красят глиною джюсою, и когда краска подсохнет, то для прочности натирают бараньею печенкою.

9) Кожи и овчины. Кожи на шаровары и ерики, ежели красят красным цветом, то первоначально намазывают джюсою и повторяют это до тех пор, пока краска не войдет хорошо в кожу. После последней намазки посыпают уже сверху толченою мореною и, завернув, кладут под кошмы на сутки, затем уже сушат и мнут в руках. Для прочности краски немного смазывают сырым салом. Овчины на шубы красят таким же способом.

10) Шерсть. Предварительно краски ее моют, потом дней на 4 кладут в квасцы, приготовленные из проса, и затем в краску, после которой высушивают и употребляют в дело.

11) Промыслы звериный, рыбный и солонной.

Зверей стреляют, ловят капканами, петлями и приученными хищными птицами, как то: беркутами, ястребами и соколами. За пулиными зверями киргизы охотятся с наступлением холодов, именно в то время, когда шерсть на зверях делается пушистою и глянцеватою. Между многими способами, употребляемыми кирги-

зами при ловле зверей, я опишу три случая, как более заслуживающие внимания по своему устройству.

Первый способ. На тропах, по которым обыкновенно проходят звери, роются небольшие ямки, на краю этих ямок вбиваются на небольшом расстоянии друг от друга два колышка, верхи которых скрепляются перекладиною. Затем в недальнем расстоянии приискивается дерево, вершина которого втыкается весьма слабо в землю, к вершине этой привязывается петля, продетая в высверленную палочку длинною в две четверти, и проводится к ямке под находящуюся на краю перекладину. Петля эта отпускается в ямку так, что как скоро нога какого бы то ни было зверя попадется в оную, то вершина дерева, к которой петля эта прикреплена, выдергивается, петля затягивается и нога зверя прижимается к столбикам, находящимся около ямки. Достать же отгрызть веревку зверь не может, потому что этому мешает палочка, в которую продета петля.

Второй способ, употребляемый для ловли тигров. Выбирается бревешко длинною четвертей в 10-ти. Вдоль этого бревешка протягивается в два ряда крепкая веревка, которая прикрепляется в концах бревышка. Потом веревку эту посредством палки длинною в полутора аршина, завертывают как можно крепче и потом палка эта отводится к самой земле и кладется между двумя вбитыми в землю столбиками, имеющими по одной петле. В петли эти продевается не более в четверть палочка для держания у земли ножа. От палочки этой проводится веревка к дереву, вершина которого пригибается и втыкается в землю. От этой вершины проводится другая веревочка к той именно точке, где по расчету должен ударить нож. К концу этой веревочки привязывается мясо, которое как только дернет тигр, вершина дерева выдергивается из земли, а через то и палочки, придерживающие нож, который, будучи туго пригнут к земле, с силою ударяет по тигру и убивает его насмерть.

И третий способ — для ловли сайгаков. Около тех мест, куда обыкновенно ходят сайгаки для водопоя, устраивается из камыша в несколько рядов рогатки, на эти-то рогатки киргизы целыми стадами загоняют сайгаков.

Птиц ловят петлями, которые иногда раскладывают по земле, а иногда завешивают оные на перекладинах чрез тропы, на которые насыпают зерно.

Рыбу ловят неводами, черпаками, острогами, загородами, устроенными из камыша в неглубоких местах, жерлицами, крючками, удочками и петлями, укрепленными на долгих палках. Способ ловли рыбы и снасть, которые киргизами для этого употребляются, совершенно такие, как и русских.

Соль добывается из озер, около озера Кара-Куль на уроч.Хане, в месте Бинг-Узяк и за р. Куваном на уроч. Карара в месте под названием Тугуз-Кудук. Собл-Узюки (?) добывается соли до 300 мешков, соль белая и хорошего вкуса. На Тугуз-Кудук вывозится соли на нескольких тысячах верблюдов. Соль там на вкус тоже хороша, но только цветом черная. Кроме того, добываются квасцы и селитра. Первая добывается по правую сторону Сыра на уроч. .... Селитра вываривается следующим образом: набирается песок и кипятится с водою, потом вскипяченную воду разливают в разные посуды, которые и покрывают чием, складывая его решеткою. Сняв с чиев осадку селитры, воду опять вскипячивают и делают это до тех пор, пока уже с вскипяченной воды не будет никакой осадки селитры. С 5-ти ведер песку набирается до чашки посредственной величины селитры.

Киргизы в болезнях пользуются чрез своих докторов разными травами и в некоторых случаях весьма удачно. Поэтому я изложу некоторые средства, которыми киргизы пользуются.

А) при грудных болезнях пьют декокт с корня травы Ит-Мурун.

Б) от болезни зубов употребляют джилдыс — траву и корень растения усыка.

В) От ран по опухоли — корень растения шукур.

*Г) при кашле сасапарен (*так — *С.Д.) и корень растения Андыс. Этим средством вылечить болезни пользуют и скот.*

Д) Для возбуждения пота пьют чилибуху, корень растения мир (?).

Е) для предохранения от оспы и горячки принимают ванны из травы Адреспан.

Ж) От ломоты делаются припарки из гнилой травы куде.

З) от сыпей, как для людей, так и для скота, употребляют, во-первых, растения Найзагару и Ит-Сигег, а во-вторых, масло, добываемое из бараньего кала и из сосны. Масло из бараньего кала достается следующим образом: в яру вырывается яма, в яму эту вкладывается котел, а сверху его в земле делается несколько небольших дыр, затем накладывается кал и зажегши, его забрасывают землею; на другой же день вынимают котел с натопившимся маслом. Масло из сосны: роется тоже яма, в которую кладут котел и покрывают оный деревянною крышкою, в нескольких местах просверленную; сверху этой крышки накладываются мелко изрубленные куски сосны; куски эти закрывают тоже котлом, сверху которого разводят огонь, отчего по мере накаливания котла с кусков сосны, находящихся под котлом, отделяется масло, которое и скатывается чрез дыры в крышке в нижний котел.

И) в горячке дают в бульоне корень растения Сыратан.

I) От глазной боли употребляют заячий жир и корсучью желч.

К) от обжога — глину красную джюсу, кровь красной собаки и козий жир.

Л) при головной боли лоб натирают опиумом.

М) от кровяного поноса употребляют молоко, накопившееся в желудке молодого ягненка. Конский волос, запеченный в хлебе и растертый в порошок. Фамильный чай с хлебом.

Н) От постоянного насморка нюхают порошок, сделанный из помета ястреба, только белую часть оного.

О) От ломоты и сыпей обвертываются в свежие кожи молодых жирных жеребят.

П) Для рвоты пьют настоя, сделанный со второй коры кустарника колючки и корня растения Се Тимегень (?).

Р) При переломах употребляются следующие средства: 1-е: дается в жир порошок камня мунай. Камень этот бывает разных цветов; 2-е: столченные в порошок кости птицы самца Коладын (?), при этом только наблюдают следующее, ежели переломлена правая рука, то и дается порошок с костей правого крыла Коладын птицы за 7 дн.; 3) Золото в порошке один золотник в сале; 4) медь и 5) сургуч.

С) при разрезе жилы, отрубив голову змеи, мнут оную и масть эту прикладывают к ране, но при этом строго наблюдают, чтобы приложенная масть была у раны не более суток.

Т) при укушении бешеного животного дают больному съесть сваренную печенку этого же животного.

У) при ужалении змеи, тарантула, скорпиона и фаланги прикладывают на укушанное место шкуру дикой лошади (торпана) или траву Адрес-пан.

Ф) от язвы прикладывают золото, опиум, лягушки и яйца желтой собаки.

Х) от вередов[27] *прикладывают свинец.*

ПРИМЕЧАНИЯ

1. РГВИА. Ф.400. Оп. 1, ед.хр.5022-5026
2. РГВИА. Ф.400. Оп. 1, ед.хр.5025. Л.815-846.
3. РГВИА. Ф.400. Оп. 1, ед.хр.5025. Л.851-870.
4. РГВИА. Ф.400. Оп. 1, ед.хр.5025. Л.825об.-842.
5. *Токту, тохту* — ягненок, которому более шести месяцев от роду.
6. *Драдедам* — один из самых дешевых видов сукна, шерстяная ткань полотняного переплетения с двусторонним начесом.
7. *Чий* — тростник, тростниковая циновка.
8. От *тай* — двухгодовалый жеребенок; *тайтики, тайтере, тайтари* и т.д. — осенняя кожа молодых жеребят.
9. От *кулун, кунан* — трехлеток; *кулын-джаргаки* — весенняя кожа молодых жеребят.
10. *Ергак* или *яргак* — тулуп или халат из жеребячьих, пыжиковых, козульих, сурочьих и др. короткошерстых шкур, шерстью наружу.
11. *Саба*— большой кожаный сосуд для кумыса, который шили из специально обработанной лошадиной шкуры, иногда из шкур крупного рогатого скота.
12. *Турсук* или *турсук* сосуд для хранения и перевозки жидкостей (гл. обр. кумыса).
13. Дерево или кустарник высотой до четырех метров, другие названия *лох* или *вековуха*.
14. *Косящное колесо* — колесо, у которого обод составной, выпиленный, негнутый; противпоставл. *Ободовое* (*Даль В.* Толковый словарь живого великорусского языка. В четырех томах. Репритнтное воспроизвед. издания 1903–1909 гг. Т.2. М., 1994. С. 447.
15. Буфет в форме ящика.
16. Особая группа среднеазиатских тополей.
17. Деревянный остов седла, ленчик.
18. Возм., имеется в виду *буза*.
19. *Нар* — одногорбый верблюд.
20. Возм., имеется в виду темляк.
21. Возм., имеется в виду тюрбан.
22. Кожа, получаемая из Поволжья, «из Булгар».
23. Чаще встреч. *чапа-шот*.
24. *Таган* — железный обруч на ножках, служащий подставкой для котла, чугуна или иной посуды при приготовлении пищи прямо на огне.
25. *Саукала*, *саукеле* — женскией свадебный головной убор.
26. Возм., от *кран* — персидская серебряная монета.
27. Вреда, вереда — нанесение всякого вреда, в т.ч. порчи и т.д. (См. *Даль.* Ук. соч. Т.1. С. 635).

MATERIALS OF F.K.GIRS' COMMISSION (1866) ON KAZAKHS TRADITIONAL CRAFTS

S.V. Dmitriev

The archive materials has been found out during the work on preparation of the statute book of sources on Kazakhs ethnography and history. The material is in the project of the Kirghiz steppe commission about authority activities in Kazakh steppes. The commission worked in 1865–1866 under the head of Feodor Karlovich Girs (1824–1891) — the outstanding statesman of Russia. The present publication submits the extract from the official report where the data concerning crafts at Kazakhs. Special value has official information on the developed equivalents of cost of the fabricated goods intended for realization, this data is quite a rare thing in the literature and also there are some descriptions of technological methods of the manufacture, the ethnographic «trifles» describing Kazakhs traditional culture in the middle of 19th c.

© 2008

А.А. Бадмаев

МУЖСКАЯ ОДЕЖДА БУРЯТ В КОНЦЕ XIX — НАЧАЛЕ XX В. РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ ТИПОЛОГИИ

Одной из составных частей культуры жизнеобеспечения является комплекс одежды, который, согласно С.А. Арутюнову, подразделяется на базис и аксессуары[1]. Бурятская традиционная одежда представляет собой результат длительного процесса складывания отдельных компонентов в единую систему. Она имеет ясно выраженные этномаркирующие черты и связана с определенными народными представлениями. Исследования, проведенные Р.Д. Бадмаевой[2], М.Б. Хадеевой-Дагдановой[3], Д.А. Николаевой[4] и др., позволили выделить типологию одежды в целом бурят, а также вычленить комплексы женской одежды предбайкальских бурят и выяснить символику и семантику бурятской одежды. Несмотря на то, что бурятская одежда была предметом научных изысканий упомянутых авторов, все-таки остаются аспекты, слабоосвещенные нашими предшественниками. Настоящая статья посвящается одному из аспектов обозначенной темы, а именно региональному изучению мужской одежды бурят конца XIX — начала XX в. на примере предбайкальских, присаянских, селенгинских и агинских бурят.

Источниками для работы послужили как полевые материалы автора, собранные в разные годы у вышеназванных групп бурят, так и литературные, архивные и музейные данные. В статье не рассматривается такой вид мужской одежды бурят как ритуальное одеяние, не детализируется описание праздничной и производственной (промысловой) одежды; основное внимание уделяется анализу повседневной одежды. Рассмотрим, что собой представляли региональные комплексы бурятской мужской одежды в конце XIX — начале XX в.

Предбайкальские буряты. Исследователи отмечают своеобразие традиционной одежды предбайкальских бурят, выделяя на основе изучения этой этнотерриториальной группы т.н. западно-бурятский тип одежды[5]. В отличие от восточно-бурятского типа верхней одежды, распространенного у забайкальских бурят, халат предбайкальских бурят не обладал декоративно оформленным бортом *энгэр*, располагавшимся в грудной части. Его правая верхняя пола имела заметный скос к правой подмышке. Декоративная отделка халата у предбайкальских бурят выполнялась по внешней поле, вороту и правой внутренней поле в виде нашитых полос из белой ягнячьей шкуры, меха выдры или ткани (бархата, сукна). Обычно зимняя верхняя одежда (*дэгэл*) кроилась из дымленой овчины и зачастую представляла собой крытую шубу, покрытую сукном темного цвета (черного или синего), например китайкой. Летний мужской халат (*тэрлиг*) шили опять-таки из темных расцветок ткани (китайки, дабы), делая оторочку тканевыми полосками из более ярких цветов (желтой, красной). Демисезонная верхняя одежда также шилась из темной хлопчатобумажной ткани, но с утепленной подкладкой из стеганой ваты или мерлушки. В глазах бурят престижными являлись халаты, в качестве материала для которых использовались дорогие привозные ткани китайского или российского производства (шелк, бархат), и выполненные на заказ мастерицами.

Верхняя одежда подпоясывалась наборным поясом с прямоугольными металлическими пластинами, декорированными ленточной таушировкой, а иногда вставками кораллов. Для мужчин важной была искусность изготовления этих поясов, которые заказывались известным ювелирам.

В зимние холода поверх халата носили длиннополый тулуп (*даха*) из козьих, собачьих или волчьих шкур с разрезом по низу спинки для удобства верховой езды, имеющий длинные и широкие рукава. Престижными считались тулупы, пошитые из дорогой пушнины, — *унэгэн даха* ‘лисья шуба’, *булган даха* ‘соболиная шуба’ и *хэрмэн даха* ‘беличья шуба’. В начале XX в. под влиянием городской культуры предбайкальские буряты включили в свой гардероб пальто, технологию кройки и шитья которого успешно освоили бурятские рукодельницы.

Рукавицы были как меховые (из овчины, мерлушки), так и тканевые (плисовые, суконные) с подкладкой. Меховые рукавицы обшивали плотной тканью темной расцветки и окаймляли по отвороту.

Нижняя одежда предбайкальских бурят состояла из штанов с широким шагом и рубахи. Для большинства этих бурят были характерны штаны с прямоугольными штанинами и цельнокроеной мотней. У верхоленских бурят получили распространение т.н. *монгол умдэн* ‘монгольские штаны’, скроенные из одного куска ткани[6]. Традиционным материалом для зимних штанов была овчина, для летних — замша. К концу XIX в. в шитье штанов на смену коже пришли фабричные ткани темных расцветок (ситец, сатин, далемба, коленкор, бязь). Рубахи были двух типов — рубаха глухого покроя, заимствованная у русских, с прямым разрезом у горловины, и т.н. *морин самса* ‘лошадиная рубаха’ — распашная рубаха. В рассматриваемое время рубахи шили из ткани (летние — из ситца, зимние — из бумазеи).

В начале XX в. у предбайкальских бурят стала популярна русская городская

одежда, которая первоначально распространилась среди состоятельной части бурят, позднее — широкой народной массы.

Головные уборы предбайкальских бурят выделяются исследователями в отдельный тип[7]. Согласно М. Татаринову, в конце XVIII в. эти буряты носили как зимой так и летом, шапки мелкие круглые, околыш волчей или лисей наверху, кисть бумаги хлопчатой, а зимой надевают на ушки"[8]. На рубеже XIX–XX вв. особо ценились меховые шапки из выдры с невысокой тульей и круглым тканным верхом[9], а также картузы.

У предбайкальских бурят были известны как поршневидная (к ней относились такие разновидности обуви, как *олообшо, хульмэн, духты, шудыршэ, нооһон годоһон, олод гутаһан*), так и башмаковидная (включавшая *буряад гутал* или *годоһон, бойтог*) типы обуви[10]. Престижными в изучаемое время стали русские хромовые сапоги, а также т.н. венгерские и варшавские сапоги.

Чулки носили войлочные, тканевые и вязанные из овечьей шерсти, которые в отличие от первых украшались геометрическим орнаментом.

Присаянские буряты. У присаянских бурят в соответствии с их родоплеменной принадлежностью была распространена верхняя одежда как западно-бурятского, так и восточно-бурятского типа (например, у хонгодоров), которая обычно подпоясывалась тонким и одноцветным матерчатым кушаком *дурдэм бэһэ* (обычно сделанным из желтого шелка). До изучаемого времени в качестве материала для летних и демисезонных халатов (*һарьмай дэгэл* 'нагольная шуба') использовалась обработанная жеребячья или косулья кожа, а для зимней верхней одежды (*дэгэл*) — дымленая овчина. К концу XIX в. в теплое время года стали носить матерчатые халаты, причем демисезонные — подбивались китайским ватином.

Престижной считалась зимняя верхняя одежда из длинношерстной мерлушки, крытая дорогими сортами шелка, меньшее предпочтение отдавали *дэгэл*, крытому более грубым материалом (далембы, чесуча). Та же шкала ценностей действовала и в отношении летней и демисезонной одежды: особо привлекательными считались халаты из орнаментированного шелка; вещи, сшитые из далембы, свидетельствовали о бедности их владельцев (халат из этой материи обычно являлся рабочей одеждой и одевался при выполнении хозяйственных работ). Из нагольных шуб более ценились сшитые из короткошерстной овчины.

Декоративное оформление зимних шуб выражалось в оторочке обшлагов рукавов пластинами из нерпичьего меха, бархата или мерлушки, а также в использовании двухрядной тесьмы, которой обшивали края одежды[11]. Летняя и демисезонная одежда украшалась каймой из парчи по воротнику, бортам и рукавам. Деталью мужского халата, подчеркивающей индивидуальность владельца, являлась нагрудная нашивка, которая, как правило, отличалась разнообразием расцветки.

В холода поверх *дэгэл* одевали козьи или косульи тулупы (*даха*).

Присаянские буряты (кроме тех, у кого сохранялся восточноазиатский тип верхней одежды) носили меховые, кожаные (из кожи крупного рогатого скота) и тканевые с подкладкой рукавицы, а также вязанные из овечьей шерсти варежки (появление которых в их одежде, по всей вероятности, вызвано влиянием русской культуры).

Нижняя одежда состояла из распашной рубахи *морин самса* и штанов, которые встречались двух типов — у большинства присаянских бурят (тункинских и закаменских) были в обиходе штаны с прямоугольными штанинами и мотней, и лишь у окинских бурят исследователи отмечают наличие в прошлом штанов *монгол умдэн*[12]. Процесс замещения в нижней одежде кожаного материала покупными тканями прослеживался и у присаянских бурят (причем это проявилось только в летних штанах, которые шились из далембы). Зимние штаны, как и прежде, кроились из овчины или ровдуги.

Традиционным головным убором являлась т.н. 32-пальчатая (вертикальные сборки на тулье напоминали длинные пальцы) шапка с отогнутыми краями и высокой конической тульей, завершающейся кистью из красных шелковых нитей. Зимний вариант этой шапки имел меховые наушники. Были известны также шапки-ушанки, сшитые из лисьих, рысьих, косульих камусов. Для одежды пожилых мужчин были характерны крытые красной материей шапки *ловууз* из мерлушки[13]. Предмет особой гордости представляли серебряные навершия на головном уборе, зачастую венчаемые красным кораллом.

Обувь присаянских бурят была представлена как поршневидным, так и башмаковидным типами. К башмаковидному типу принадлежала *эрмэг гутал* - обувь с двойной (войлочно-кожаной) подошвой по форме ступни, головки и голенища. Как считает Г.Р. Галданова, эта обувь является исконным видом обуви закаменских бурят[14]. Исходя из доказанного факта, что данный тип обуви был изобретен монгольскими аратами именно для удобства в верховой езде, можно предполагать заимствование его предками присаянских бурят в период проживания на территории северо-западной Монголии до момента их выхода в XVII в. в Восточное Присаянье. Народная классификация иной башмаковидной обуви (обозначаемой как *буряад гутал* и имеющей голенище, носок, союзки и однослойную кожаную подошву), производство которой осуществлялось, как правило, в домашних условиях, происходит от названия используемого закроечного материала: *булгайр гутал* ‘сапоги из юфти’; *буд гутал* ‘суконные сапоги’; *годон гутал* ‘камусовые унты’. Летняя и демисезонная обувь этого типа кроилась из сукна или кожи крупного рогатого скота, косули, а зимняя — из камусов (конского, телячьего, лосиного, изюбриного, косульего). Престижными по представлениям присаянских бурят являлись покупная монгольская обувь *монгол гутал*, украшенная тисненым геометрическим орнаментом, а также *годон гутал* из лосиных камусов. Примером внутриэтнического заимствования является *годоһон*, обувь на невысоком кожаном каблуке с прямым голенищем, носком с мысиками и союзками, которую в начале XX в. присаянские буряты восприняли у предбайкальских бурят[15]. Голенище *годоһон* обычно изготовляли из овечьей кожи, подошву — из кожи крупного рогатого скота.

Поршневидный тип обуви у присаянских бурят был представлен производственными видами обуви, такими как *туурэбшэ*, одеваемую на покос и охоту, *тулэпшэ*, охотничью обувь, сшитую из волчьей или козьей шкуры. Ноговицы *пампалай*, натягиваемые поверх сапог, имели голенище как плетенное из овечьей или козьей шерсти, конского волоса, так и выкроенное из грубого сукна и овечьих шкур. Мягкая подошва изготовлялась из войлока по форме ступни, снизу подшивали бычью кожу. Такого же типа обувь, но носимая зимой,

называлась *дабхаса* и шилась из оленьей, косульей, бараньей или телячьей кожи[16].

Чулки у тункинских и окинских бурят вязали из овечьей шерсти. Между тем, закаменские буряты носили стеганные двухслойные чулки из материи, заячьей шкурки или ровдуги[17].

В конце XIX в. среди присаянских бурят получили распространение хромовые сапоги *тура*, получившие свое название от бурятского слова *тура* ‘город’ и буквально переводимые как ‘городские’. Стали в это время носить шапки-ушанки *шабха малгай*, сшитые из заячьих или беличьих шкурок.

Селенгинские буряты. Зимней и демисезонной верхней одеждой селенгинских бурят являлась шуба из дымленой овчины (нагольная или крытая), причем зимний вариант шубы шился из длинношерстной овчины, а демисезонный — из короткошерстной. Летней верхней одеждой являлся халат туникообразного (восточноазиатского) типа. Вся эта верхняя одежда характеризовалась наличием *энгэра*. Р.Д. Бадмаевой особо выделяется халат цонголов, имеющий особенный *энгэр*, выполненный из тканей темных цветов[18]. Специфика верхней одежды забайкальских бурят также проявлялась в наличии у ней длинных рукавов многосоставной конструкции, в холодное время года позволявших укрывать руки, и тем самым исключавших ношение рукавиц. Рукава зимних шуб делали с меховыми обшлагами, имеющими как практическое (утепляющие одежду), так и несомненно декоративное значение. Говоря о престижных аспектах одежды, стоит упомянуть о том, что большое внимание уделялось качеству закроечного материала. Так, высоко ценились халаты из парчи или шелка *магнал* с вышитыми изображениями драконов.

На верхнюю одежду пожилые мужчины надевали безрукавку *хантааз*, овчинную или стеганную (ватную), и подпоясывали кушаком. Зимой поверх халата носили доху из козьей шкуры.

Согласно Я.С. Смолеву, в конце XIX в. нижняя одежда этих бурят представляла рубашку глухого типа и штаны *монгол умдэн*[19]. Однако в сочинении Н.А. Бестужева, описывающего быт селенгинских бурят 1840-х гг., пишется буквально следующее: “Ныне и очень недавно начали у первых употребляться рубашки, распашонки, очень короткие, на манер китайских”[20]. Если исходить из этих сведений, то предположительно в первой трети XIX в. у селенгинских бурят получили распространение рубахи распашного типа, и это было влиянием китайской культуры. Стоит не согласиться с таким мнением, ибо известно, что как раз традиционными для бурят-скотоводов считаются распашные рубашки *морин самса*, которые попали в народный костюм задолго до описываемого писателем-декабристом времени. Но, не исключено, что Н.А. Бестужев зафиксировал другой немаловажный факт — замену закроечного материала, когда в изготовлении распашных рубашек кожа уступила место матерчатым тканям. Следует предполагать, что в одежде этих бурят во второй половине XIX в. одновременно могли присутствовать и распашные, и глухие рубашки.

Мужской головной убор встречался трех типов. Первый тип имел высокую стеганую тулью с кисточкой из витых красных ниток на макушке и козырек, в летнем варианте околыш такого головного убора шили из темного материала (бархата, плиса) или меха, в зимнем — пришивали наушники. Тулья, как и у

присаянских бурят, представляла волнообразный конус из 32 вертикально стеганых рядов. Другая разновидность зимнего головного убора, *хасабшатай малгай*, тоже имела высокую тулью, козырек и наушники, подбитые лисьим мехом или мерлушкой. Третий тип головного убора селенгинских бурят, *тойробшо малгай*, носимый летом, обладал островерхой тульей из синей материи и отворачивающимся околышем. О высоком социальном статусе обычно судили по наличию на головного уборе серебряного навершия с укрепленным кораллом.

Обувь селенгинских бурят принадлежала к башмаковидному типу - *эрмэг гутал, буряад гутал* 'унты' и поршневидному - ичиги. Традиционным для этих бурят была обувь *эрмэг гутал*, а вот появление у них унтов, исконной обуви предбайкальских бурят, исследователи относят лишь к началу XX в.[21] Признаком особого шика являлось ношение покупных *эрмэг гутал*, декорированных аппликацией из крашеной кожи. В конце XIX в. в зимнюю обувь селенгинских бурят попали валенки, производимые на заказ русскими мастерами[22]. Но следует уточнить, что эта обувь все же была не типична для бурят. Как производственную обувь использовали ноговицы *пампалай*, удобные для охотничьего промысла и выполнения других хозяйственных занятий.

Внутрь обуви одевали вязаные или матерчатые чулки, изготовленные в домашних условиях.

Агинские буряты. Мужской костюм агинских бурят в основных чертах повторял описанную выше одежду селенгинских бурят, отличия между ними обнаруживались лишь в отдельных деталях. Так, одним из этнодифференцирующих черт верхней одежды агинских бурят было оформление декоративного выступа борта — *сагаалса*, который был значительно шире, чем *энгэр* селенгинской одежды, и представлял собой спускающиеся ступенькой горизонтальные полоски бархата и шелка. В зависимости от сезона носили следующую верхнюю одежду: зимний (крытый или нагольный овчинный) *дэгэл*; демисезонный (стеганый на вате, крытый или нагольный из короткошерстной овчины) *дэгэл*; летний матерчатый халат *тэрлиг*.

В ношении верхней одежды в изучаемое время обнаруживается такая социальная градация: шелковую (из китайского шелка *магнал*) — носили богатые агинцы; чесучовую и суконную — середняки; из синей далембы и нагольную овчинную — основная масса агинских бурят; нагольную козью — бедняки[23]. Ценилась демисезонная одежда, материалом для которой послужили шкуры жеребят и мерлушка[24].

На верхнюю одежду повязывали поясные кушаки из хлопчатобумажной или шелковой ткани красного, синего, желтого цветов.

Пожилые мужчины поверх шуб одевали крытые меховые безрукавки *хурмэ*. Любопытно, что В.И. Даль в "Толковом словаре живого великорусского языка" дает русифицированное название этой одежды как *курма* и определяет ее таким образом: "на китайской границе: род шубы"[25]. Причина отнесения выдающимся русским лексикографом и этнографом XIX в. безрукавки к разряду шуб, по всей видимости, объясняется тем, что она представляла собой разновидность длиннополой крытой безрукавки *морин уужа* (причисляемой к женской одежде забайкальских и присаянских бурят), которая была той же длины, что и шуба. В 1910-е гг. агинская молодежь, придерживаясь моды тех лет, включила в

свой гардероб крытые овчинные безрукавки, которые носили зимой поверх шуб, и летние шелковые или чесучовые безрукавки без подкладки[26]. Эти короткие безрукавки обозначались одним общим термином — *хантууза*. Очевидно, что название этой безрукавки перекликается с ранее упоминавшимся наименованием мужской безрукавки у селенгинских бурят и является диалектным словом. Вообще же короткая безрукавка *хантааза* считается элементом женского костюма забайкальских бурят и ее одевали в будни в отличие от *морин уужа*, в которую облачались по торжественным событиям. По какой причине из женского костюма эта безрукавка перекочевала в мужскую одежду остается для нас загадкой. Но, можно осторожно предположить, что, как и у некоторых монголов, безрукавка (короткая и длиннополая) у забайкальских бурят входила в костюмные комплексы обоих полов.

Головные уборы агинских бурят разнились от шапок селенгинских бурят и, поэтому исследователями выделяются в самостоятельный тип[27]. Правда, не совсем понятно, почему в типологии, предложенной Д.А. Николаевой, термины *хасабшатай малгай* и *тооробшо малгай* применяются исключительно к головному убору хори-бурят, тогда, как свидетельствуют общеизвестные материалы, данные названия встречаются в культуре и других групп бурят. Дифференцирующим признаком головного убора хори-бурят, в том числе агинских бурят, являются 11 горизонтальных рядов строчки на тулье, согласно народной этимологии, символизирующие хори-бурятские роды. Зимний вариант этого головного убора имел наушники из меха выдры, рыси или белой мерлушки, а летний — широкий отворот из черного плиса.

Штаны *монгол умдэн* изготовлялись из короткошерстных бараньих и козьих шкур. Распашные летние рубашки *морин самса* шили из ситца, сатина или далембы, а зимние — из тонкой замши. Как особенность в ношении рубашек, можно рассматривать оформившееся к началу XX в. у агинских бурят цветовое предпочтение белых (светлых) рубашек перед рубашками темных расцветок (синего, бордового, красного), ранее превалировавших в их одежде. Особенно ценились шелковые рубашки, которые должны были подчеркнуть состоятельность их владельцев.

Обувь была преимущественно башмаковидная. Причем по сравнению с другими бурятами агинские буряты зимой одевали *эрмэг гутал*, пошитую из овечьей, козьей, конской, иногда из косульей шкур шерстью вовнутрь, а летом - т.н. *ябаган гутал*, изготовляемую из юфтевой кожи, или материи (сукна, драпа, плиса). Подобно обуви селенгинских бурят агинцы декорировали запятники, носки, голенища, кожаными аппликациями из орнаментированных узоров (*хас тамга* ‘свастика’, *наран* ‘солнце’, *улзы* ‘узел счастья’, растительные узоры). Отличительной особенностью их обуви была кожаная тесьма *хабшаа*h*ан* из крашеной кожи, делившая пополам носки и доходившая до середины голенища. Особо ценилась обувь, имеющая голенище из шелковых и крепких, дорогих кож, менее престижной считалась обувь с голенищем из плиса (обычно темного цвета).

Чулки, носили вязанные из белой овечьей шерсти.

Типология мужской одежды бурят. Итак, обобщая описания региональных комплексов мужской одежды бурят, мы приходим к следующим выводам.

Период конца XIX — начала XX в. был временем постепенной трансформации этнолокальных комплексов, которая происходила под воздействием разных факторов. В большинстве регионов (Восточное Присаянье, Западное Забайкалье, Нижнее Прононье) традиционная мужская одежда оставалась на компонентном уровне почти неизменной, и это было связано, прежде всего, с хозяйственной деятельностью бурятского населения, которое продолжало специализироваться на скотоводстве и занималось охотничьим промыслом. В тех регионах (Предбайкалье, часть Восточного Присаянья и Западного Забайкалья), где буряты превратились в оседлых земледельцев, в мужской одежде было заметно инокультурное влияние — в нее были включены элементы русской народной и городской одежды.

Другим важным фактором, сыгравшим определенную роль в изменении облика бурятской одежды, была религиозная принадлежность, и это можно видеть, в особенности, на примере предбайкальских бурят, которые в течение всего XIX в. подвергались усиленной христианизации.

Социальный фактор, а именно сохранение до конца XIX в. территориально-родовой структуры у бурят, также отражался на судьбе мужского костюма — традиционное общество было достаточно консервативно в одежде. Там же, где было сильно влияние инокультурного населения и происходило разрушение традиционного уклада жизни (в Предбайкалье), процесс перехода на русскую народную и городскую одежду осуществлялся быстрее и воздействие господствующей моды в одежде было все отчетливее.

Таким образом, один вектор в трансформации мужской одежды бурят был направлен с запада на восток и определялся русским культурным влиянием. Не менее значимым для забайкальских и присаянских бурят оставался вектор, направленный с юга на север. Речь шла о влиянии центральноазиатских (монгольских) и восточноазиатских (китайских) культурных и торговых связей.

Другой уровень заимствований, а значит и трансформации в мужской одежде, был связан с существованием внутриэтнических межрегиональных связей, когда элементы из одного регионального комплекса включались в другие региональные комплексы мужской одежды.

Сравнение показывает, что большее разнообразие в элементах существовало в одежде предбайкальских бурят, меньшее — агинских бурят, и это было вызвано большей консервативностью культуры последних. Функциональное применение тех или иных элементов одежды варьировало в зависимости от состоятельности людей (например, бедные носили круглый год одну и ту же одежду) и от имеющейся традиции (повседневная одежда могла быть носима как рабочее одеяние и как ритуальное облачение и т.д.).

Зональные различия в мужской одежде более заметны у присаянских бурят, заселяющих горно-таежные районы, и у агинских бурят, проживающих в степных долинах, и проявляются они, прежде всего, в выборе пошивочного кожного материала.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Арутюнов С.А.* Народы и культуры: развитие и взаимодействие. М., 1989. С. 188.
2. *Бадмаева Р.Д.* Бурятский народный костюм. Улан-Удэ, 1987.

3. *Хадеева М.Б.* Обувь в традиционном костюме // Народы и культуры Сибири. Взаимодействие как фактор формирования и модернизации. Иркутск, 2003. С. 181–187; *Хадеева М.Б.* Семантика безрукавки у тюрко-монголов (на примере бурятского костюма) // Евразийское пространство глазами молодых, или новое поколение о ... Альманах школы молодого автора. Вып. 2. М., 2004. С. 290–299; *Дагданова М.Б.* К проблематике изучения традиционного костюма предбайкальских бурят // Проблемы земной цивилизации. Вып. 11. Ч. 2. Иркутск, 2005. С. 90–96.
4. *Николаева Д.А.* Одежда и украшения // Буряты. М., 2004. С. 151–166.
5. *Бадмаева*. Ук. соч. С. 45–46.
6. Там же. С. 92.
7. Там же. С. 49.
8. РГАДА. Ф. 24. Оп. 1. Д. 70. Л. 12.
9. *Бадмаева*. Ук. соч. С. 50.
10. *Дагданова М.Б.* Традиционный женский костюм западных бурят: дифференцированные функции. Дис. ... канд.ист.наук. Улан-Удэ, 2005.
11. *Галданова Г.Р.* Закаменские буряты: Историко-этнографические очерки. (Вторая половина XIX — первая половина XX в.). Новосибирск, 1992. С. 34.
12. *Бадмаева*. Ук. соч. С. 92.
13. *Галданова*. Ук. соч. С. 35.
14. Там же. С. 36.
15. *Тугутов И.Е.* Материальная культура бурят. Улан-Удэ, 1958. С. 128.
16. Раднаева Ханда Дамбуевна — бурятка, род хонгодор — шуртэхэ, 1914 г.р., с. Енгорбой Закаменского района Республики Бурятия. Дата записи — июль 2002 г.
17. *Галданова*. Ук. соч. С. 36.
18. *Бадмаева*. Ук. соч. С. 45.
19. *Смолев Я.С.* Три табангутских рода селенгинских бурят: Этнографический очерк // Труды Троицко-Кяхт. отделения Приамурского отдела Императорского Русского географического общества. 1898[1900]. Т.1. Вып. 3. С. 23.
20. *Бестужев Н.А.* Гусиное озеро: статьи, очерк. Улан-Удэ, 1991. С. 48.
21. *Тугутов*. Ук. соч. С. 128.
22. *Смолев*. Ук. соч. С. 24.
23. *Линховоин Л.Л.* Заметки о дореволюционном быте агинских бурят. Улан-Удэ, 1972. С. 30.
24. *Линховоин*. Ук. соч. С. 28.
25. Большая советская энциклопедия: на 3-х CD-дисках. М., 2003.
26. Там же. С. 31.
27. *Буряты*. М., 2004. С. 162.

THE BURYAT MENSWEAR AT THE END OF THE 19th — THE BEGINNING OF THE 20th cc. REGIONAL ASPECT OF TYPOLOGY

A.A. Badmaev

The present article is devoted to studying the regional aspects of typology in the Buryat menswear of the end of the 19th — the beginning of the 20th cc. The author reconstructs regional complexes of the Buryat menswear, basing on the data of the Buryat ethnoterritorial groups: preBaikal, preSaian, Selengin and Agin Buryats. The regional specificity in menswear was mostly widespread than the zone one. The determining vectors in transformation process of the Buryat clothes were: the western resulted in loans from Russian national and city clothes and the southern correlated to cultural and trading relations with the Mongols and the Chinese.

© 2008

Н.А. Баранцева

ЭТНОСОЦИАЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ СРЕДИ ЭСТОНСКОГО НАСЕЛЕНИЯ ЮГА СРЕДНЕЙ СИБИРИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX — ПЕРВОЙ ТРЕТИ XX В.*

В течение XX в. в результате ускоренного освоения восточных регионов Российского, а затем Советского государства, добровольных и вынужденных миграций, население Средней Сибири приобрело полиэтничный характер. При этом размещение вновь прибывших переселенцев осуществлялось либо дисперсно (в уже существовавшие старожильческие поселения, или на земли коренного населения), что способствовало размыванию этнической идентичности, либо анклавно, содействуя самосохранению и самобытности малочисленных этнических групп.

В данном исследовании предпринимается попытка реконструировать историю этнодисперсных групп эстонцев, оказавшихся во второй половине XIX в. за пределами основных мест обитания, на территории южных и центральных районов Приенисейского края. Задачи исследования заключаются в изучении основных источников формирования эстонского населения на территории региона и его численности; географических ареалов расселения; динамики городского и сельского населения; рассмотрении социально-экономических, культурных и хозяйственно-бытовых характеристик развития эстонского народа; раскрытии механизмов, направленных на сохранение этноса и укрепление его этнического самосознания.

Первые сведения о появлении на территории Енисейской губернии лиц

* Печатается при поддержке гранта РГНФ 08-01-63512а/Т.

евангелическо-лютеранского вероисповедания, «ссылаемых за неважные преступления» в Сибирь из числа эстонцев, а также других прибалтийских народов и немцев, относятся к середине XIX в. Во «Второй Памятной книжке Енисейской губернии на 1865 и 1866 гг.» говорилось о решении правительства 1845 г. об учреждении одной — двух колоний на территории Минусинского уезда для расселения ссыльно-каторжных лютеран, а также назначении пастора в целях «духовного назидания» и «наблюдения за их нравственностью». Отныне все преступники лютеранского исповедания, которые проживали в Енисейской губернии рассеянно, должны были направляться из Красноярска, Тобольска, Ачинска и других мест в Шушенскую волость в специально образованные деревни[1].

При этом ввиду «недоразумений, неприятностей и ссор» между поселенцами, а также возможности отправлять богослужение и преподавание в школах на родных языках, надлежало расселить «все три племени» — эстонцев, латышей и финнов — по разным колониям. В основанной в 1851 г. деревне Верхний Суэтук предполагалось размещать финнов, в 1858 г. в Нижней Буланке — латышей, в 1861 г. в Верхней Буланке — эстонцев. К 1864 г. в трех колониях проживали соответственно 212, 185 и 171 прибывших ссыльных и членов их семей (всего 568 человек). При этом соотношение мужского и женского населения было крайне неблагоприятно и в среднем составляло 1: 9[2].

Выбор местности для основания лютеранских колоний оказался весьма удачен. Поселения оказались примерно в 100 верстах от уездного г. Минусинска. Наличие свободных земель и плодородие почвы позволяло выделять участки в 15–21 десятин на душу мужского пола. Поселенцы выращивали, помимо картофеля и капусты, репу, свеклу, морковь, горох, бобы, огурцы и арбузы, а также технические культуры — лен, табак и коноплю для производства пеньки. В их хозяйствах высевался хлеб озимый и яровой, по преимуществу пшеница и рожь. Скотоводство имело вспомогательный характер. На скотных дворах содержались лошади, крупный рогатый скот и овцы. Производимую сельскохозяйственную продукцию колонисты сбывали в Минусинске, или на золотых приисках Минусинского округа, отвозили на пристани по реке Енисею, где ее скупали торговцы для сплава в Красноярск, Енисейск и другие поселения Енисейского округа[3].

Поскольку большинство ссыльных были людьми неженатыми, зачастую не имевшими средств для обзаведения хозяйством, а, кроме того, среди них встречались и «люди неисправимые», ежегодно от 120 до 180 человек устраивались на золотые прииски. «Более порядочные люди», согласно официальным документам, нанимались в работники по деревням и находились в услужении в Минусинске. Ряд поселенцев проживал в городе, занимаясь сапожным, столярным и прочим ремеслом[4].

В 1865 г. в Верхнем Суэтуке со смешанным финско-эстонским населением и Верхней Буланке были открыты школы, содержавшиеся на средства Центрального комитета вспомогательной кассы для лютеранских приходов в России. Преподавание в школе велось на эстонском и финском языках и являлось обязательным для всех детей. При опросах в Сибири выяснилось, что 95% лютеран были грамотны. Юноши — в 18 лет, девушки — в 16 лет проходили обряд кон-

фирмации (подтверждавший совершеннолетие) при умении читать Закон Божий и знать Ветхий и Новый завет[5].

В 1888 г. в Верхнем Суэтуке была освящена лютеранская церковь, построенная на средства соотечественников в пользу «заблудших земляков». Создание религиозной общины считалось необходимым ввиду наличия в окрестностях преступных элементов. В конце XIX в. о небольшом эстонском поселении в Сибири стало известно в российской столице. В 1893 г. крестьянин из Верхнего Суэтука Максим Меллер получил предложение принять участие во Всемирной выставке в Чикаго и прислать образцы хлебов урожая 1892 г. Среди 11 экземпляров русского хлеба лучшим был признан хлеб Меллера. В конце XIX в. из местных жителей Яков Каськ создал духовой оркестр, музыкальные инструменты для которого были предоставлены в дар лейпцигским фабрикантом Ю.Г. Циммерманом. Они использовались наряду со старинными эстонскими пастушьими трубами и свирелями[6].

По данным исследователя С. Патканова, основанным на анализе материалов Первой всеобщей переписи населения 1897 г., по пяти округам Енисейской губернии проживало 1286 эстонцев (см. табл. 1). В соотношении полов абсолютно преобладало мужское население: на 100 мужчин приходилось 64 женщины. 97,7% эстонцев являлись жителями сельской местности.

Таблица 1

ЭСТОНСКОЕ НАСЕЛЕНИЕ ЕНИСЕЙСКОЙ ГУБЕРНИИ ПО КОЛИЧЕСТВУ И ПОЛОВОМУ СОСТАВУ, 1911 Г.

Округа и города	Красноярский округ	Ачинский округ	Енисейский округ	Канский округ	Минусинский округ	Всего по округам
мужчины	48	14	6	24	692	784
в т.ч. городах	14	4	—	—	9	27
округах	34	10	6	24	683	757
женщины	8	5	2	5	482	502
в т.ч. городах	1	—	—	—	1	2
округах	7	5	2	5	481	500

Источник: *Патканов С.* Статистические данные, показывающие племенной состав населения России, язык и роды инородцев. СПб., 1911. Т. 2. Тобольская, Томская, Енисейская губернии. 1911. С. 322–325.

Основная часть эстонцев Енисейской губернии разместилась в Минусинском округе (91,3%), что объяснялось политикой российского правительства, разрешившего ссыльным лютеранам создавать отдельные от русских поселения, чтобы облегчить жандармерии слежку за ними, а также благоприятными для земледелия и промыслов природно-климатическими условиями Минусинского округа[7].

В течение 1870–1910-х гг. в. в связи с введением в действие Транссибирской магистрали и активизацией переселенческой политики российского правительства, южные и центральные районы Енисейской губернии активно осваивали вольные колонисты из Прибалтики. В их числе были эстонские крестьяне, при-

державшиеся лютеранского вероисповедания, а также около 3 тыс. эстонцев (сету) из числа православных, эмигрировавшие в Приенисейский край в целях обретения экономической свободы и повышения социального статуса. Последние являлись выходцами из районов Прибалтики, переселившимися в Псковскую и Петербургскую губернии в пореформенный период, и с целью получения земли «на душу» принявшие православие. Многие из них обрусели, заимствуя у русских соседей нравы, обычаи, образ жизни и хозяйствования, но при этом сохраняя родной язык[8].

В Красноярском и Канском уездах Енисейской губернии эстонцы расселялись компактными группами. В первом была образована Степно-Баджейская волость с большим массивом эстонского населения. Центром сибирских сету, освоивших территорию между реками Кан и Мана, в 1900 г. стала деревня Хайдак Перовской волости Канского округа. Природно-климатические условия Красноярского уезда с достаточно бедными почвами, ранними заморозками, считались не особенно благоприятными для земледелия. Канский и Минусинский уезды, напротив, являлись хлебородными, и в дальнейшем поток переселенцев пополнял эти районы. В Ачинском и Енисейском уездах эстонских хозяйств было немного, и размещались они среди латышей и русских[9].

Основой экономики колонистов стало натуральное хозяйство — земледелие и скотоводство. Эстонцы приехали в Сибирь с сельскохозяйственным инвентарем, оборудованием для мельниц, семенами. Кроме того, они привезли ткацкие станки, что способствовало сохранению народного костюма. В процессе взаимодействия пришлого и старожильческого населения происходил обмен хозяйственно-материальным опытом. Эстонцами был внедрен в Сибири многопольный (семипольный) севооборот. Русские научились у эстонцев готовить сыры и колбасы. В то же время скот переселенцы приобретали у сибирских старожилов и, следовательно, использовали местные способы ухода за ним. В новых условиях колонисты стали осваивать иные виды деятельности: лесосплав, охоту, золотодобычу, рыболовство[10].

Всероссийская перепись населения 1920 г. зафиксировала, по сравнению с данными С. Патканова, существенное увеличение количества эстонцев в Енисейской губернии: 9255 человек (из них 4612 мужчин, 4643 женщин) — рост 719,7%[11]. Это было обусловлено расширением масштабов крестьянской колонизации Сибири, а также мощными потоками беженцев из западных областей страны в начале Первой мировой войны. В целом доля эстонцев от всего населения Енисейской губернии в 1,2 млн. человек составила 0,8%[12].

Данные переписи за 1920 г. по эстонскому населению по губернии в целом и уездам в частности являлись неточными и достаточно приблизительными, поскольку собирались в условиях гражданской войны. В отчете о работе губернского отдела по делам национальностей за январь 1921 г. называлась общая цифра проживавших в Енисейской губернии эстонцев в 15000 человек. При этом выражались сомнения по поводу статистических данных, поскольку, по мнению составителей отчета, «почти половина из поселенцев являются чухнами, которые ввиду принадлежности к православию и имения исключительно русских фамилий, по всей вероятности отнесены мнимыми статистиками в группу русского населения». Здесь же был отмечен тот факт, что в Минусин-

ском уезде не были учтены эстонцы двух из старейших в губернии колоний Верхний Суэтук и Верхняя Буланка[13].

Разночтения в количественном составе эстонцев были обусловлены неучтенными потоками населения в период гражданской войны, а также в связи с решением в 1920–1925 гг. вопроса об оптации лиц эстонского происхождения, то есть выбора ими гражданства ввиду образования независимого государства Эстония. Часть эстонцев Красноярского и Канского уездов принимала непосредственное участие в гражданской войне на стороне советской власти. Заманский район, населенный по преимуществу эстонцами и латышами, являлся временной резиденцией Степно-Баджейской Советской республики, продержавшейся 6 месяцев и уничтоженной по приказу Колчака. Десятки некогда процветавших деревень были сожжены, сотни хуторов стерты с лица земли. В другой эстонской деревне Канского уезда «Эстония» были зверски замучены 22 колониста, подозревавшиеся в сочувствии коммунизму[14].

Трудно назвать точное число эстонцев-оптантов, стремившихся к переезду в Эстонию. В январе 1924 г. в Енисейской губернии числилось 299 человек, считавшихся иностранцами. В то же время под влиянием осложнения внутриполитической ситуации в стране и международной обстановки, а также тягот, связанных с переездом, многие жители Енисейской губернии забирали из органов НКВД свои заявления об оптации иностранного гражданства и обращались с просьбой о переходе в российское подданство. Типичным являлось заявление жителя деревни Имбеж Перовской волости Красноярского уезда Пельба Юрия от 30 марта 1923 г. в отдел управления Сибгубисполкома, в котором он писал: «Согласно моего ходатайства в 1920 г. я оптировал эстонское гражданство и должен выехать из Советской России. Сознаю свой поступок не осмысленным. Я как трудовой крестьянин землероб смогу свое благополучие и гражданскую солидарность найти в Советской России, но никак в белой Эстонии, где царствует лишь угнетение трудящихся и произвол капитала. Прошу не отказать принять меня обратно в Российское гражданство и выдать советский вид на жительство»[15].

Наиболее точно национальный состав жителей Енисейской губернии был отражен в результатах Всесоюзной переписи населения 1926 г. (см. табл. 2). Доля эстонцев в составе населения региона в 1,55 млн человек составила 0,6%. Таким образом при абсолютном росте эстонского этноса на 2% (9446 человек) произошло снижение на 0,2% его доли в составе всего населения губернии[16].

Таблица 2

ЭСТОНСКОЕ НАСЕЛЕНИЕ ПО ОКРУГАМ, ПОЛУ, РОДНОМУ ЯЗЫКУ И ГРАМОТНОСТИ ПО ИТОГАМ ВСЕСОЮЗНОЙ ПЕРЕПИСИ НАСЕЛЕНИЯ 1926 Г.

Округ	Все население			Число лиц с родным языком				Грамотные	
	мужчины	женщины	оба пола	своей народности	не своей народности		родной язык не указан	мужчины	женщины
					русским	прочими			
Ачинский	38	24	62	39	22	1	—	30	19
Канский	1602	1638	3240	3079	150	—	11	848	681

Красноярский	2265	2366	4631	4422	165	17	27	927	700
Минусинский	973	961	1934	1859	66	5	4	462	446
Хакасский	39	28	67	47	20	—	—	28	14
Итого	4917	5017	9934	9446	423	23	42	2277	1860

Источник: Всесоюзная перепись населения 1926 года. Сибирский край. Отдел I. Народность. Родной язык. Возраст. Грамотность. Т. VI. Издание ЦСУ СССР. М., 1928. С. 17, 38, 43–44, 52,83.

Местами компактного проживания эстонцев в середине 1920-х гг. стали округа Красноярский (дер. Западный Имбеж, Островки, Хайдак, Выймовская, Крестьянская), Канский (дер. Кобрицкая, Эстония, Ново-Печерская), Минусинский (дер. Верхняя Буланка, Верхний Суэтук), что определялось долями в 46,6%, 32,6% и 19,5% от всего эстонского населения губернии[17].

Как свидетельствуют данные переписи, большинство эстонцев Енисейской губернии владело родным языком — 95,1%. При этом в местах их компактного проживания этот показатель был существенно выше: в Минусинском округе — 96,1%, Красноярском — 95,5%, Канском — 95,0%. В то же время в округах, где эстонцы являлись малочисленными этнодисперсными группами, а именно в Хакасском и Ачинском, доля лиц, владевших родным языком, была меньше — 70,1% и 62,9% соответственно. 4,3% эстонцев считали своим родным языком русский[18].

По сравнению с другими народами, проживавшими в Енисейской губернии, представители эстонского этноса, наряду с русскими, имели большую долю грамотного населения — 58,2%. При этом доля грамотных среди мужского населения была 46,3%, женского — 37,1%. Основную часть грамотных составляли лица, грамотные на языке своей национальности[19].

В дореволюционный период в Енисейской губернии существовали 3 эстонских школы. В 1924 г. национальных школ первой ступени насчитывалось во всех уездах 8 (деревни Островки, Западный Имбеж, Хайдак, Кобрицкая, Эстонская, Ново-Печерская, Верхний Суэтук, Верхняя Буланка). В следующем году было открыто еще 5 эстонских школ[20].

В связи с тем, что финансово-материальное содержание национальных школ возлагалось на волостные советы, постоянно ощущались такие недостатки, как неукомплектованность школ квалифицированными педагогическими кадрами из числа эстонцев; нехватка учебников по обучению родному языку; несоответствие школьных зданий санитарным нормам; отсутствие горячего питания учеников. Регулярно возникала угроза закрытия школ, в случае, если население не перейдет на их частичное финансирование и оплату труда учителей.

Строительство школ второй ступени носило единичный характер. Так, в 1925 г. в деревне Островки Красноярского уезда эстонское население начало сооружение школы второй ступени, получив от Енсоюза и кооперации 4000 рублей. Но проживавшие в деревне латыши не согласились со строительством эстонцами отдельной школы и настаивали на соблюдении в сфере образования «равных прав для всех наций данного района», то есть сооружении совместной школы[21].

Основным занятием эстонского населения в межвоенный период являлось

сельское хозяйство. Плановые обследования, проводившиеся уполномоченными исполкомов по делам национальных меньшинств различных округов Енисейской губернии в соответствии с рекомендациями 1924 г. председателя ВЦИК СССР М.И. Калинина, показали состояние социально-экономического, политического и культурного развития районов проживания нерусского населения. Были выявлены такие данные, как территориальное расселение и количественный состав национальных меньшинств, состояние образования и здравоохранения[22].

В докладе студентов Ленинградского коммунистического университета национальных меньшинств Запада Тукиайнена и Нюмана, представленного в 1925 г. Енисейскому губисполкому, приводились результаты обследования эстонско-финской деревни Верхне-Суэтук Минусинского округа. В нем отмечалось, что в деревне насчитывалось 233 хозяйства и 1213 жителей, что означало увеличение населения по сравнению с 1913 г. (181 домохозяйство) за счет переселения во второй половине 1910–1920-е гг. Финнов проживало 250 человек, эстонцев — 893, русских — 13 (из них мужчин — 594, женщин — 619)[23].

Основными занятиями являлось хлебопашество и скотоводство. В земледелии применялась трехпольная система, никаких новых форм обработки земли не использовалось, ввиду достаточного количества плодородных черноземных участков и высокой урожайности. Труд был слабо механизирован, так как в условиях гористой местности применять трактора и другие сельскохозяйственные машины было трудно. Ведение торговли производимыми продуктами было сложно, поскольку ближайший рынок находился в 30 верстах в районном центре селе Каратуз, а окружной город Минусинск располагался на расстоянии 70 верст. Железнодорожных и водных путей не имелось. Сбытовой кооператив занимался реализацией масла, молока и хлеба. Совхозы и показательные хозяйства не сложились. Отношение крестьян к советской власти и продналоговой политике было отрицательным[24].

Из домохозяйств 163 принадлежали середнякам, 60 беднякам, 10 зажиточным крестьянам. Середняк имел от 4 до 10 десятин земли, 1–10 коров, 1–2 лошади, 1–2 овцы, 1–2 свиньи. Богатые крестьяне владели до 20 десятинами земли, до 15 коров, 4 лошадей, 3–4 свиней и овец[25].

Образование дети получали в эстонской и финской школах, однако обучились грамоте немногие. Из 275 жителей деревни 9–16 лет грамотных было 25 человек, 86 жителей 17–20 лет — 60, 482 жителей 21–60 лет — 50, 100 жителей старше 60 лет — 20. Из-за материальных и бытовых трудностей многие дети школу не оканчивали. Грамотные жители деревни выписывали газеты на эстонском языке «Сибери Теотая», «Эдози»[26].

Организовать в деревне комсомольскую и партийную организации не удалось, хотя в Минусинском округе среди эстонского населения в целом было 5 ячеек ВКП(б) и 7 ВЛКСМ. Согласно официальной версии, зафиксированной донесениями с мест, это было связано с тем, что сельский совет и милицию в Верхнем Суэтуке возглавили лица, враждебно настроенные по отношению к советской власти и воевавшие в период гражданской войны на стороне Колчака. Они, якобы, поощряли срыв общественных мероприятий — митингов, спектаклей, открытие избы-читальни, игнорировали нарушения правопоряд-

ка — хулиганство, воровство, самогоноварение и убийства. В результате Енисейский губком РКП(б) в июне 1925 г. принял решение о высылке из страны 6 человек, совершивших в районе политические и уголовные преступления. В докладе отмечалось наличие столкновений на национальной почве между финнами и эстонцами[27]. Причины этого явления крылись в несложившихся отношениях между разными поколениями жителей деревни, особенно между первыми поселенцами и их потомками и последующей волной крестьян-колонистов, добровольно переселившихся в регион.

В соответствии с декларируемыми принципами национальной политики во второй половине 1920 — начале 1930–х гг. советское правительство начало содействовать процессам этнической консолидации народов Сибирского края. На основании постановлений Президиума Совета национальностей ЦИК СССР от 7 декабря 1929 г., Президиума Сибирского крайисполкома от 7 января 1930 г. окружные исполкомы, путем разукрупнения или перегруппировки населенных пунктов, начали преобразовывать этнически смешанные сельсоветы в новые национальные, а также формировать национальные районы. При этом в необходимых случаях допускалась чересполосица и минимальная норма в 300 душ населения на один национальный сельсовет. Выделялось дополнительное целевое финансирование хозяйственно-бытовых и культурных нужд национальных меньшинств[28].

В планах по Минусинскому округу на 1930–1931 гг. было введение «всеобщего обязательного обучения в нацменселениях», в том числе среди эстонцев Каратузского района в деревнях Верхне-Буланка и Верхне-Суэтук. Предполагалось переведение преподавания в школах I ступени на родной язык, полная ликвидация неграмотности, развертывание сети детских площадок[29]. В ходе районирования указанные моноэтнические поселения эстонцев были отнесены к национальным сельсоветам: Верхне-Буланка в составе 145 семей с населением 1068 человек, Верхне-Суэтук, из 228 дворов которого (1170 человек) 193 (1152 человек) являлись эстонскими[30].

Аналогичные процессы территориального районирования, связанные с образованием эстонских населенных пунктов и сельсоветов, проходили на территории Красноярского округа в Манском районе, где эстонцы насчитывали 17,8% всего населения (из них 3,0% — сету), Перовском районе — 27,5% (из них 18,9% — сету), а также в Канском округе. При этом представители эстонского этноса, в отличие от украинцев, белорусов и поляков, настаивали на включении их населения в число «нацмен», тем самым акцентируя внимание местных властей на необходимости сохранения своих культурно-языковых и хозяйственно-бытовых традиций[31]. В ходе уточнения количественного состава и мест компактного и дисперсного проживания эстонцев, были внесены коррективы в списки однородных национальных и смешанных сельсоветов.

Окружные исполкомы постоянно посылали сведения в Сибирский крайисполком, сообщая о национальном активе по районам и его соответствии этническому составу всего населения. Члены эстонских национальных сельсоветов, как правило, владели двумя языками, родным и русским. Общие собрания в эстонских деревнях обычно проходили на родном языке, делопроизводство же велось на русском языке[32].

Начиная с середины 1930-х гг., в условиях массовых политических репрессий, коснувшихся всех без исключения народов СССР, советские и партийные органы при разработке конкретной политики в регионах практически перестали учитывать особенности социального и культурного развития этнических меньшинств. Особенно заметно это проявилось в конфессиональной и образовательной сферах — закрывались национальные эстонские школы, или их переводили на русский язык, ликвидировались лютеранские общины, разрушались церкви.

Материалы Всесоюзной переписи населения 1939 г. отразили изменения национального состава жителей Красноярского края, образованного в результате преобразования Сибирского края в 1934 г. Население региона составило 1,96 млн. человек. Количество эстонцев в крае увеличилось с 9446 до 10979 человек (на 16,2%) при сохранении их численности в доле населения на приблизительно прежнем уровне 0,6[33].

В заключение следует отметить, что за период со второй половины XIX — первой трети XX вв. эстонское население региона выросло более чем в 36 раз вследствие естественного прироста, но главным образом, за счет добровольных, а также вынужденных миграций, сопровождавшихся высылкой из мест постоянного проживания и лишением гражданских прав. В течение всего этого времени местами компактного проживания эстонского населения являлись Канский, Красноярский и Минусинский округа Енисейской губернии, что способствовало низкому уровню ассимиляции, стабильности языка и сохранению культурно-бытовых особенностей этноса. Сферами хозяйственно-бытовой деятельности эстонского населения традиционно оставались сельское хозяйство и домашние промыслы. Практики адаптации эстонцев на территории Средней Сибири были ориентированы на самосохранение посредством использования родного языка как средства внутрисемейного и внутриэтнического общения, соблюдения религиозных обрядов, приверженности национальным особенностям организации труда и быта.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Вторая памятная книжка Енисейской губернии на 1865 и 1866 гг. Издана Енисейским статистическим комитетом. СПб., 1865. С. 58, 73,78.
2. Там же. С. 60, 64–67, 75.
3. Там же. С. 64, 70.
4. Там же. С.67–68.
5. Знамя труда, 21 июня 1989 г., 13 августа 1997 г.; *Иванова И.П.* Взаимодействие и взаимопроникновение контактирующих этнических культур на юге Красноярского края //Сохранение и взаимопроникновение национальных культур как фактор устойчивого развития Приенисейского края. Красноярск, 2004. С. 173–179.
6. *Ойнец-Николаева В.А.* Эстонцы в Сибири в XXI веке. Музейный проект как символ сохранения и развития //Сохранение и взаимопроникновение национальных культур как фактор устойчивого развития Приенисейского края. Красноярск, 2004. С. 160–161.
7. *Патканов С.* Статистические данные, показывающие племенной состав населения России, язык и роды инородцев. СПб., 1911. Т. 2. Тобольская, Томская, Енисейская губернии. 1911. С. 322–325.

8. Архивное агентство администрации Красноярского края (далее: ААККК). Ф. П.1299. Оп.1. Д. 227. Л.14, 14 об., 15.
9. Там же. Ф. П.1299. Оп.1. Д. 227. Л.14, 14 об., 15; Ф. П-96. Оп.1. Д.372. Л.3.
10. *Тихомиров Н.М.* Сохранение этничности сельскими эстонцами-сету Партизанского района Красноярского края // Сохранение и взаимопроникновение национальных культур как фактор устойчивого развития Приенисейского края. Красноярск, 2004. С. 167; *Иванова*. Ук. соч. С.175–177.
11. Подсчитано по: *Патканов*. Ук. соч. С. 322–325; ААККК (п). Ф. П-1. Оп. 1, д.98, л.4.
12. ААККК (п). Ф. П-1. Оп. 1, д.98, л.13 об., 20–24, 25–30.
13. ААККК. Ф. П-1299. Оп.1. Д.227. Л.14–14 об.
14. Там же. Л.16.
15. ААККК. Ф. П-49. Оп. 2с. Д.118. Л. 94; Оп.3с. Д.73. Л.1.
16. Подсчитано по материалам: Всесоюзная перепись населения 1926 года. Сибирский край. Отдел I. Народность. Родной язык. Возраст. Грамотность. Т. VI. Издание ЦСУ СССР. М., 1928. С. 17, 38, 43–44, 52,83; ААККК (п). Ф. П-1. Оп.1. Д.98. Л.4.
17. Подсчитано: Всесоюзная перепись населения 1926 года. С. 17, 38, 43–44, 52,83.
18. Подсчитано: там же. С. 17, 38, 43–44, 52,83.
19. Подсчитано: там же.
20. ААККК (п). Ф. П-1. Оп.1. Д.582. Л.12.
21. Там же. Ф. П-1. Оп.1. Д. 809. Л. 78; Д.583. Л.210.
22. Муниципальное учреждение архив г. Минусинска (далее: МУАГМ). Ф.115. Оп.1. Д.281. Л.3, об., 4, 5.
23. Там же, Ф. П-10. Д. 72. Л.20.
24. Там же.
25. Там же. Л.21.
26. Там же. Л.22.
27. ААККК (п). Ф. П-10. Оп.1. Д. 72. Л.22–23; Ф. П-1. Оп.1. Д. 812. Л. 159–161, 173–178, 182; Д. 590. Л. 25,40, 213.
28. МУАГМ. Ф. 115. Оп.1. Д.280. Л.146.
29. Там же. Л.113.
30. Подсчитано: там же. Л. 153, 175, 229 об.
31. ААККК (п). Ф. П-10. Оп.1. Д. 74. Л. 41; ААККК. Ф.1205. Оп.1. Д.89. Л.113.
32. МУАГМ. Ф.115. Оп.1. Д.280. Л. 106, 107, 251, об.
33. Подсчитано по материалам: Всесоюзная перепись населения 1926 года. Сибирский край. Отдел I. Народность. Родной язык. Возраст. Грамотность. Т. YI. Издание ЦСУ СССР. М., 1928. С. 17, 38, 43–44, 52,83; **ААККК (п)**. Ф. П-1. Оп. 1, д.98, л.4; Всесоюзная перепись населения 1939 г. Основные итоги / Под ред. Ю.А. Полякова. М., 1992. С. 60.

THE ETHNOSOCIAL PROCESSES AMIDST ESTONIANS IN THE MIDDLE SIBERIA'S SOUTH AND CENTRAL REGIONS IN THE SECOND HALF OF THE 19th — FIRST THIRD OF THE 20th cc.

N.A. Barantzeva

This article is devoted to reconstruction of ethnic-social processes among the Estonians in the Middle Siberia's south and central regions in the second half of the 19th — first third of the 20th cc. At the same time, the work examines the main sources of formation of the Estonian population in the region, its quantity, geographic locality of settling, dynamics of urban and rural population. The social-economic, cultural characteristics as well as conditions of life essential for evolution of the Estonians are under consideration. Beside there discovered the mechanisms aimed at preserving nationality, strengthening ethnic self-consciousness.

© 2008

Ф.Ф. Болонев

НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ К ИСТОРИИ ПОСЕЛЕНИЯ СТАРООБРЯДЦЕВ (СЕМЕЙСКИХ) ЗАБАЙКАЛЬЯ

Заселения Забайкалья русскими, в том числе старообрядцами, происходило в русле российской государственной геополитики, целью которой было закрепление России на восточных рубежах и хозяйственное освоение азиатских провинций. Переселение русских из Европейской России за Байкал имело добровольный и принудительный характер. Старообрядцы переводились в эти места семьями, вот почему за ними и закрепилось название «семейские». Они стали невольными участниками процесса колонизации Забайкалья.

О старообрядцах Забайкалья написано много историко-этнографических работ, но до сих пор даты их поселения в этом краю вызывают много вопросов. Первые сведения о семейских мы находим у П.С. Палласа, который путешествовал в этих местах в 1772 г.[1]. Некоторые сведения о них приводят декабристы, которые останавливались в семейских поселениях во время их перехода из Читы в Петровский Завод. Имеются данные о старообрядцах Забайкалья у писателя и этнографа С. В.Максимова в его книге «Сибирь и каторга». Богатый материал об этой группе содержится в публикациях П.А. Ровинского; интересные данные опубликованы В. Гирченко. Ценный документ найден и издан Н.Н. Покровским. Отдельные факты о поселении семейских найдены в архивах и опубликованы М.М. Шмулевичем и А.А. Лебедевой.

Некоторые аспекты водворения старообрядцев из Польши в Забайкалье были рассмотрены автором в ряде публикаций[2] (Болонев. 1985, 1992, 1994, 2004). В научный оборот были введены уникальные документы, среди которых — данные исповедных росписей.

Весной 1981 г. в Центральном государственном архиве Бурятской АССР (ныне Национальный архив Республики Бурятия — НАРБ) в фонде Тарбагатайского волостного правления (№ 207) найден документ «Росписи Тарбагатайской Зосимо-Савватиевской церкви прихожанам разных селений». В нем были представлены исповедные росписи за 1746–1779 гг. Росписи велись по годам, но некоторые списки в них отсутствуют. При прочтении удалось разобрать имя того человека, кто составлял эти росписи за 1768 г. — им был дьячок Александр Рещиков. Роспись прихожан, бывших у исповеди во святую четыредесятницу и в прочие два поста, Петров и Успенский, имеет огромное значение, т.к. в ней впервые приводятся полные списки старожилов, казаков и «новопоселенных, выведенных ис поляков» старообрядцев.

Как известно, исповеди в Русской православной церкви уделялось очень большое внимание и не только для укрепления религиозной веры или для сохранения морального облика верующих. Согласно одному из принятых Петром I дополнений к Указу от 28-го апреля 1722 г. церковнослужители под угрозой наказания обязывались доносить властям об открытых на исповеди «злых намерениях», клонящихся к «измене или бунту на государя».

В инструкции, изданной Синодом, по этому поводу говорилось: *«Естли кто при исповеди объявит духовному отцу своему некое несделанное, но еще к делу намеренное воровство, наипаче же измену или бунт на государя или на государство» и «намерения своего не отлагает», то духовник обязан тотчас же «тайно сказать» в надлежащем месте «чин и имя» сего «злодея», который «без всякого медления пойман и заарестован быть должен»*. Петровская церковная реформа узаконила полицейские функции духовенства[3].

Исповедь являлась одним из способов политической слежки за умами и настроениями людей. Русские люди, особенно в Сибири, это прекрасно понимали и на исповедь под разными предлогами не являлись. Старообрядцы же, будучи гонимыми, демонстративно игнорировали эту «духовно-полицейскую» процедуру. В некоторых из найденных росписей, где были записаны старообрядцы, в графе «кто был у исповеди и у святаго причастия» значилось: «не были все». Это было отмечено в реестрах с 1765 по 1779 гг.

Но в списке за 1765 г. (в котором цифра 5 прописана нечетко), впервые была обнаружена важная запись — «новопоселенные ис поляков с их семейством». Представляется наиболее вероятным отнесение даты поселения старообрядцев именно к 1765 г. Этот год назвали поселенные в Тарбагатае старообрядцы в своих ответах в 1795-м г. по данным Государственного архива Иркутской области (ГАИО), Фонда Иркутской духовной консистории (№ 50)[4].

Первоначально семейские были размещены в пяти селениях: Тарбагатайской слободе — будущий волостной центр, Куйтуне — одной из самых крупных деревень Забайкалья, Куналее, Десятниково и Бурнашево. Затем уже из этих деревень началось расселение их в другие места — Сундуринское (после за ним закрепится название Надеино), Жирим, Брянское, Пестерево и др.

По данным росписей, в Куйтунскую деревню прибыло 205 человек мужского пола и 192 женского пола. Всего 397 человек. Документ позволяет уточнить сведения официальной статистики. Так, в «Ведомости», присланной генерал-майору Ивашеву от генерал-майора Якобия показано, что в Куйтунской

деревне число душ «мужеска пола 206 человек, а женска пола — 93, всего 299 человек». Следовательно, в упомянутой «Ведомости» по чьей-то оплошности была допущена описка. На это обратил внимание и В.М. Пыкин в недавних публикациях[5].

В обнаруженной в ЦГАДА Н.Н. Покровским «Ведомости» показано «сколко выведенных из Полши россиских беглых людей...в Сибирь отправлено было». *«Из Калуги отправлено в разных партиях 10917 человек. Из того же числа, следуя до Тобольска померло и бежало 2690». «В Тобольске в формирующиеся Томской и Селенгинский полки годных в службу с их семейством определено 3955 человек. За неспособностью быть в службе отправлено на поселение в Селенгинское ведомство 2949 человек»* [6].

В Тарбагатайскую же волость и причисленные к ней деревни, согласно исповедной росписи, было поселено в 1765 г. 824 человека «новопоселенных из поляков». Данные исповедной росписи за 1765 г. были обсчитаны и сведены в таблицу 1. Приведенные в ней цифры дают впечатляющую картину переселения.

Таблица 1

ДАННЫЕ О ПЕРЕСЕЛЕННЫХ «ИЗ ПОЛЯКОВ» В 1765 Г.

Название селений	Число поселенных			Семей	Вдов	Вдовцов	Сирот	Одиноких	Дворов (условно)	Дворов (старожилов)
	М.	Ж	Всего							
Тарбагатайская слобода	50 *53*	57 *58*	107 *111*	31	9		12	6	17	80
Куйтун	205 *206*	192 *93*	397 *299*	113	31	10	49	16	40 *44*	30
Куналей	100 *99*	105 *104*	205 *203*	61	18	2	30	13	26	—
Десятниково	35 *36*	31 *33*	66 *69*	15	5	—	7	1	26	—
Бурнашево	22 *21*	27 *29*	49 *50*	13	7	3	15	—	7	—
Итого	412	412	824	233	70	15	113	36	98	
Надеино 1768 г. (по Покровскому)	*15*	*17*	*32*						9 по Палласу 1772 г.	
Пестерово										6 по Палласу
				Итого: 234						

Расчеты сделаны по исповедной росписи 1765 г. НАРБ. Ф.207. Оп. 1., д. 1616, л. 199 об. — 214.

Данные, обозначенные курсивом, заимствованы у Н.Н.Покровского (1975, с. 111-112),

Новые материалы, обнаруженные автором летом 2007 г. в Национальном архиве Республики Бурятия, позволяют детализировать проблему переселения старообрядцев в Забайкалье. Из найденных документов следует, что в начале сентября 1767 г. в ордере секунд-майору и Удинскому коменданту Мертвецову полковник Варфоломей Якобий писал: «*по силе государственных узаконениев наступило время полку Селенгинскому и артиллерийской полевой команде к выступлению из компамента на зимние квартиры... в связи с «малоимением в городе квартир... расположить другие ис полку роты в уезде по деревням и в близости вновь приводимых из Полши беглых людей селениев», «расположить их (эти роты,* курсив мой — *Ф.Б.) решено поблизости и способности к магазеинам в следующие места вверх по Чикою в Кударинской слободе и принадлежащую к ней непоотдаленности Удинска в Тарбагатайскую, Бурнашеву, Десятникову и Пестереву деревни одное да в Куналейскую и Куйтунскую одное же (*т.е. по одной роте — *Ф.Б.). В Удинск и в Ытанцинский острог с принадлежащея к оной деревням по две: и которые должны во время того в тех местах бытия провиант получать...»*[7].

Из ордера следует, что какая-то группа старообрядцев уже проживала в местах, где были расквартированы военные. Новые документы подтверждают, что первые поселения в Тарбагатайских деревнях приходятся на 1765 г. Из них следует, что 9 сентября 1767 г. шестая мушкетерская рота под командой подпоручика Ермолая Швеенкова прибыла в Куналейскую и Куйтунскую деревни и расположилась постоем на зимние квартиры в домах жителей названных деревень.

Подпоручик Швеенков 12 сентября 1767 г. рапортовал в Удинскую комендантскую канцелярию о том, что «*ему велено по выступлении из компамента Селенгинского пехотного полку с шестою мушкетерскою ротою в назначенные его превосходительством Варфоломеем Валентиновичем Якобием на зимние квартиры в Куналейскую и Куйтунскую деревни. Куда сего месяца 9-го числа и прибыл по оным деревням с показанною ротою расположился и у кого и кто именно ныне постоем находится для подлежащего сведения список при сем представляю»*[8].

К данному рапорту «для надлежащего сведения» представлены следующие именные списки хозяев, в чьих домах расположились мушкетеры и «кто именно постоем находится».

Список именной

Селенгинского пехотного полку шестой роты состоящих в Куналейской и Куйтунской деревнях ротным чинам… на сентябрь квартирах а кто он имены и у кого на квартирах расположен значит под сим.

№	*Чьи домы*	*Число покоев*	*Кто имены на квартирах состоят*
1.	***В Куналейской деревне*** *Пашенного Петра Медведева — у него же во особливо построенном от квартиры амбаре, ротной ценкауз*	*1*	*Подпоручик Ермолай Швеенков*
2.	*Вдовы Татьяны Патрахиной*	*1*	*Сержант Иван Григорьев*
3.	*Пашенного Петра Золотарева*	*1*	*Каптенарист Борис Дрогалев, мушкатир Михайла Авдеев*

№	Чьи домы	Число покоев	Кто имены на квартирах состоят
4.	Пашенного Семена Прорубина	1	Барабанщик Максим Нестеров Цирюльник Марко Гурьев **Мушкатиры:**
5.	Поселенного Гаврилы Гребенникова	1	Гаврила Гребенников Тимофей Зубин
6.	Отставного солдата Петра Булгакова		Андрей Купреянов, Федор Купреянов
7.	Отставного солдата Якова Хороших		Федор Бондырев, Ефим Кушнерев
8.	Посацкого Никифора Родионова	1	Кондратей Репин, Савелий Иванов
9.	Пашенного Григорья Ловцова	1	Фома Зубакин, Мокей Иванов
10.	Поселенного Ивана Сластина	1	Василей Мануилов, Семен Гончаров
11.	Поселенного Савелья Аленникова	1	Гаврило Иванов, Семен Мазин
12.	Поселенного Юды Архипова	1	Никифор Денисов, Трофим Анофриев
13.	Вахтинского цехового Федора Нифантова	1	Семен Федоров, Федор Яковлев
14.	Вахтинского цехового Еремея Иванова	1	Алексей Федоров, Евтифей Шкуратенков
15.	Поселенного Алексея Шурыгина	1	Федор Андреев, Григорей Ильин
16.	Поселенного Мирона Назарова		Иван Назаров, Терентей Тарасов
17.	Поселенного Евдокима Афонасьева	1	Артамон Иванов, Семен Федоров
18.	Разночинца Григорья Гатилова	1	Антроп Ильин, Фома Бондырев
19.	Посацкого Архипа Старикова	1	Андрей Максимов Исай Цуканов
20.	Пашенного Семена Малцова	1	Оставлена под приезд господина майора Налабордина

Одна квартира — покой оставлена под приезд господина майора Налабордина[9].

Как видно из документа, в Куналейской деревне в 20 домах расположились на квартирах 37 человек во главе с подпоручиком Е. Швеенковым. Приведенные выше рапорт и «именной список Селенгинского пехотного полку ротным чинам, состоящих в Куналейской и Куйтунской деревнях на зимних квартирах», представленные подпоручиком Е. Швеенковым в первой декаде сентября 1767 г., раскрывают многие неизвестные до настоящего времени факты о первопоселенцах названных выше деревень: о казаках, пашенных крестьянах, о разночинцах, а главное — сообщают о поселенных раньше в Куналейской деревне старообрядцах, которые к этому времени обзавелись домами, пригодными для постоя на зимних квартирах разных чинов и мушкетеров шестой роты Селенгинского полка.

Примечательно, что домохозяева-старообрядцы, поименованные в данном документе как поселенные здесь в 1765 г., зафиксированы были и в исповедной росписи. Среди них Савелий Аленников, Иван Сластин, Юда Архипов, Алексей Шурыгин, Мирон Назаров, Евдоким Афонасьев и Гаврила Гребенников. Все они из числа «новопоселенных ис поляков»[10].

По сведениям, поступившим от посельщиков Верхнеудинского округа разных ведомств генерал-майору Лариону Тимофеевичу в 1794 г., старообрядцы разных селений сообщали, что они «родились и выросли между старообрядцами, а приведены и поселены назад тому лет с тридцать по означенным местам числом до пяти тысяч»[11]. Затем старообрядцы каждого селения приводят информацию о том, как они живут.

Крестьяне-старообрядцы деревни Куналейской 4 февраля 1795 г. сообщали: «живем мы сами особо, а только имеются между нами старожил православных шесть семейств»[12]. В списке, составленном подпоручиком Ермолаем Швеенковым, названы те пашенные крестьяне Куналейского селения, которые являлись «православными старожилами». Вот их имена: Петр Медведев, вдова Татьяна Патрахина, Петр Золотарев, Семен Прорубин, Григорья Ловцов, Семен Малцов. Кроме них в деревне в 1767 г. проживали два отставных солдата Петр Булдаков и Яков Хороших, «посацкие» — Никифор Родионов, Архип Стариков, «цеховые» — Федор Нифонтов, Еремей Иванов и разночинец Григорья Гатилов. Все они входили в число первых жителей Куналея.

Новые материалы свидетельствуют, что группа старообрядцев, выведенная из Польши, была поселена в Тарбагатае до середины 1760-х гг.. Косвенным подтверждением этому служат данные по истории Забайкальского казачества Зуева А.С. Ссылаясь на столичные архивы и Государственный архив Читинской области, он пишет, в частности, «о полицейских обязанностях забайкальских казаков, которые начались с 1758 г., когда в Нерчинском уезде появилась первая партия сосланных туда на поселение старообрядцев-семейских»[13].

Ранняя дата водворения старообрядцев не противоречит данным о более поздних переселениях, на которых настаивает ряд авторов. Следует признать, что переселение семейских — «польских колонистов» в Забайкалье проходило многоэтапно. Основные группы были поселены здесь в 1767 г., но и до этого времени, как свидетельствуют документы и исследования сибиреведов[14], имели место перемещения отдельных групп старообрядцев из Европейской России и из Польши.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Паллас П.С.* Путешествие по разным провинциям Российского государства. Ч. 3, половина первая. СПб., 1788. С. 225–231.
2. *Болонев Ф.Ф.* Семейские. Улан-Удэ, 1985; *его же.* Старообрядцы Забайкалья в XVIII–XX вв. Новосибирск, 1994; (переиздание — М., 2004).
3. Церковь в истории России (IX-1917 г.) Критические очерки. М., 1967. С. 181–182.
4. ГАИО. Ф. 50. Т. 7, Д.40.; *Болонев.* Старообрядцы Забайкалья в XVIII–XX вв. М., 2004. С. 4–5.
5. *Пыкин В.М.* Важный источник по истории Тарбагатайских старообрядцев // Ис-

тория, культура и язык старообрядцев Забайкалья. Улан-Удэ, 2000. С. 30–32; *Пыкин В.М.* К вопросу о времени поселения в Забайкалье старообрядцев-семейских // Старообрядчество: история и современность, местные традиции и зарубежные связи. Улан-Удэ, 2007. С. 140–147.
6. *Покровский Н.Н.* К истории появления в Сибири забайкальских «семейских» и алтайских «поляков» // Изв.Сиб.отд. АН СССР. Серия общественных наук. № 6. Вып. 2. Новосибирск, 1975.С.111.
7. НАРБ Ф. 88. Оп. 1. Д. 16. Л. 52.
8. НАРБ Ф.88. Оп. 1. Д.16. Л. 55.
9. НАРБ Ф. 88. Оп..1. Д. 16. Л.55 об.
10. *Болонев*. Семейские; *Болонев*. Старообрядцы Забайкалья в XVIII–XX вв. Новосибирск, 1994. С. 124.
11. ГАИО. Ф.50. Оп.7. Д.40. Л.1.
12. ГАИО. Ф.50. Оп.7. Д.40. Л.23.
13. *Зуев А.С.* Русское казачество Забайкалья во второй четверти XVIII — перв. пол. XIX вв. Новосибирск, 1994. С. 97.
14. *Воробьев В.В.* Формирование населения Восточной Сибири (географические особенности и проблемы). Новосибирск, 1975. С. 123.

NEW MATERIALS ON THE HISTORY OF SETTLEMENT OF OLD BELIEVERS (THE FAMILIES) OF TRANSBAIKALIA

F.F. Bolonev

The article is about resettlement of the Russian from the European Russia to Baikal. The process had both voluntary and compulsory character. Old Believers were moved to those places by the whole families, that is why they had a fixed name «the families». The resettlement of «the Polish colonists» to Transbaikalia had a multistage character. The basic groups were lodged here in 1767, but as far as the documents and researches testify, the moving of the separate groups of Old Believers from the European Russia and from Poland took place either.

© 2008

В.В. Николаев

ДЕМОГРАФИЧЕСКОЕ ПОВЕДЕНИЕ КОРЕННОГО НАСЕЛЕНИЯ ПРЕДГОРИЙ СЕВЕРНОГО АЛТАЯ В КОНЦЕ XIX — ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XX вв.

Воспроизводство населения обуславливается демографическим поведением. «Демографическое поведение — это программа, которой следует человек сознательно или бессознательно при заключении брака и рождении детей...»[1]. Демографическое поведение по поводу рождаемости определяется взаимосвязанными явлениями: матримониальным, половым и репродуктивным поведениями. Изменение модели демографического поведения явилось содержанием переворота в рождаемости в ходе демографической революции: переход к автономному, как друг от друга, так и от социального контроля, матримониальному, половому и репродуктивному поведениям[2]. Важным для нас является замечание В.А. Исупова о том, что начало демографического перехода было связано с русским населением, изменением его демографического поведения[3].

В настоящей работе на основе полевого материала, собранного автором в селах Красногорское и Солтон Алтайского края и селах Турочак, Тондошка, Санькино (Санькин аил) Турочакского района Республики Алтай в 2007–2008 гг., а также архивных документов Алтайской духовной миссии (АДМ) (ЦХАФ АК. Ф. 144), метрических книг (Ф. 164) и материалов сельскохозяйственной переписи 1917 г. (Ф. 233), мы попытаемся реконструировать демографическое поведение коренного населения предгорий Северного Алтая конца XIX — первой половины XX вв.

Традиционно для автохтонного населения рассматриваемого региона были характерны ранние браки[4]. Анализ данных метрических книг за 1880 — 1910-е гг. показал, что в первый брак вступали до 20 лет более 60 % молодых людей и до 25 лет более 90 %. Вне брака оставались только люди с ограниченными физическими возможностями, что прослеживается по анкетам сельскохозяйственной переписи 1917 г.

Принятие православия существенно не могло изменить матримониального поведения коренного населения предгорий Северного Алтая. Ими была воспринята только праздничная сторона новой религии, органично наложившаяся на некоторые народные праздники (например, Чилгайяк — Масленица) и некоторые другие аспекты. Церковные нормы (например, вступление в брак девушек в 16 лет и юношей в 18 лет) и обрядность за короткий срок не могли стать частью этнической культуры коренного населения. В результате христианизация была поверхностной, приводя к формированию двоеверия, синкретизма. Даже в современных условиях некоторые информаторы отмечали, что причиной крещения является «мода», следование общепризнанным стандартам.

Так, миссионер Кебезенского отделения АДМ в 1906 г. встречал супружескую пару, в которой возраст мужа составлял 14 лет, а жены — 26 лет. В другой семье муж был в возрасте 16 лет, а жена — 13. При этом обе пары жили вместе не первый год и подобное было обычным явлением. Широко распространено

было сожительство среди крещеных и христиан с язычниками[5]. Архивные материалы подтверждаются и полевыми этнографическими материалами. У нескольких информаторов мама (или мачеха) вышла замуж (иногда путем кражи) за отца (часто вдовца) в раннем возрасте, 14–16 лет. Нередко мужчины вступали в брак в зрелом возрасте.

В определенной степени количество ранних браков сдерживалось большим размером калыма. По этой причине отец (сирота) одного из информаторов женился только после ВОВ на вдове в 40-летнем возрасте. С трудностями выплаты калыма был связан обычай левирата (принудительная выдача замуж вдовы за младшего брата умершего мужа), соблюдавшегося и в первые десятилетия XX в. Левиратный брак позволял избежать новых затрат на «покупку» невесты и организацию свадьбы, так как по сути являлся повторным. В материалах переписи 1917 г. было зафиксировано совместное проживание с хозяином вдовы умершего брата и племянников, а в другом случае 8-летнего мужа с 30-летней женой при наличии «общих» детей 14, 10, 8 и 2 лет[6]. К сожалению, характер переписи не позволяет с полной уверенностью говорить о том, что это примеры левиратных браков.

Широко распространенными были повторные браки. Традицией предписывалось соблюдение годового траура. Видимо, под влиянием русских, у которых было возможным вступление в повторный брак уже после сороковин, со временем заключение брачного союза у автохтонного населения предгорий Северного Алтая становится возможным и в более короткий период. Об этом свидетельствуют данные метрических книг. Так, 26 января 1892 г. «инородец» Феодор (Денис) Сергеев Ачураков 49 лет сочетался третьим браком с инородческой девицей Параскевой Николаевой Шагашевой 18 лет. При этом жена Ф.С. Ачуракова во втором браке Анисия (Караашь) Иванова умерла 1 марта 1891 года[7].

Как ранние (невеста часто была старше жениха), так и повторные браки были во многом обусловлены экономическими факторами (половым разделением труда в хозяйстве и т.д.), наличием маленьких детей. Информанты указывали, что повторный брак отца был связан с необходимостью хозяйки в доме. При этом переход коренного населения предгорий Северного Алтая от традиционного комплексного хозяйства к земледельческому (окончательно произошедшее в период коллективизации) не отразился существенно на их матримониальном поведении.

Напротив, характер хозяйственной деятельности отражался на половом поведении человека. Так, Л.П. Потапов отмечал, что перед отправлением на охоту кумандинцы придерживались полового воздержания (в течение нескольких суток)[8]. Это было сопряжено с представлениями о том, что женщины «не чистые». По словам информаторов тубаларов и челканцев, подобный запрет был в прошлом известен и им и соблюдался до 1930-х гг.

К сожалению, в полной мере реконструировать половое поведение невозможно по известным причинам. Можно только предположить, что перед началом или в период некоторых видов хозяйственной деятельности также имелись ограничения во взаимоотношениях мужчин и женщин. Только один информатор отметил, что половые запреты соблюдались перед началом каких-либо хозяйственных занятий.

Важнейшим составляющим полового поведения является отношение к добрачным и внебрачным половым связям. Для коренного населения рассматриваемого региона было характерно скорее негативное отношение к добрачным и внебрачным связям юноши и в большей степени девушки. В то же время каких-либо общественных «санкций» в отношении молодых людей не предпринималось. Беременная девушка подвергалась осмеянию, молодежь могла «сломать окна». Кроме того, девушка, украденная из дома родителей, после проведенной ночи у жениха не могла вернуться домой, так как считалась бы опозоренной.

К «нечестной» же девушке допускалось грубое отношение со стороны мужа и членов его семьи. В ходе самого свадебного пира такой невесте могли поднести родственницы со стороны жениха кружку с дырявым дном. Такую же чашку могли поднести родителям жены на простинах, потребовав возвращения части уплаченного калыма. Это же подтверждают косвенные данные, содержащиеся в метрических книгах: позднее крещение внебрачного ребенка, восприемники из числа пришлого населения, часто крестилась и мать ребенка.

В рамках традиционного типа воспроизводства населения какие-либо способы ограничения рождаемости не имели массового характера, хотя и были известны. По словам информаторов, в 1920–1950-е гг. применялись различные средства, чтобы «скинуть, выбросить ребенка» («*боланы чигарсан*» (челк. яз.), «*балазын чыгарын салган*» (тубал. яз.)). В контрацептивных целях употребляли различные настойки (отвар из стебля конопли), длительное кормление ребенка грудью и т.д. Средства, использовавшиеся для проведения аборта были более разнообразные: настойки из конопли, луковой шелухи и других растений, гусиные перья, давление на живот, ношение тяжестей, глотание ртути, йода и других жидкостей, водка, мыльная вода, «горчичники» для разогревания тела и т.д.

Применение описанных способов в более ранний период до проникновения русских и других народов из европейской части России спорно. На это указывает в первую очередь тот факт, что практически все бабушки (к врачам до 1960-х гг. обращались очень редко), делавшие аборты, были русскими. Хотя и в 1920–1930-е гг., по воспоминаниям информаторов, были бабушки из числа коренного населения, помогавшие «скинуть ребенка». Один из информаторов отметил, что в прошлом «челканцы не умели делать аборты», так как это считалось грехом. О том же сказали четыре уроженца кумандинских аилов Озерки и Курлек Красногорского района, где аборты стали известны уже в послевоенный период. В то же время длительное кормление грудью (до 6 лет) было распространено. В 1930-е и последующие годы из-за занятости в колхозе период кормления грудью сокращается до 2–3 лет.

В 1920–1930-е гг. продолжился процесс изменения модели демографического поведения. По словам большинства информаторов, родившихся в этот период, левиратные браки уже не практиковались. Подобные формы брака им известны только по рассказам старших родственников. Только несколько информаторов смогло указать, что обычай левирата еще соблюдался в их семьях или близкими родственниками. Интересно, что в одном из описанных случаев жена была русской национальности.

Сокращается промежуток между овдовением и вступлением в повторный

брак (шесть месяцев, сорок дней). Калым (приобретший окончательно денежную форму), как и приданое, теряют свой обязательный характер, становясь данью традиции, окончательно исчезая лишь во второй половине XX в. Уходят в прошлое традиции неравных браков, между взрослой девушкой и малолетним мальчиком и т.д. Нормой становятся браки с 16–18 лет, что, возможно, обусловлено влиянием народного христианства.

Сохранялось отрицательное отношение к добрачным связям. По словам информаторов, внебрачные дети (суразы) становились препятствием к вступлению в брак. Некоторые информаторы указывают на то, что до коллективизации внебрачных детей не было.

Подобные трансформации были обусловлены последствиями событий 1917 г., отразившимися не только на политической, социально-экономической жизни страны, но и способствовавшими ускорению демографического перехода. Социально-экономические изменения 1930-х гг., произошедшие в ходе коллективизации, раскулачивания и других репрессивных мер, способствовали ухудшению условий жизни населения, а также переходу от традиционного комплексного хозяйства к земледельческому. Другим важным фактором выступали ассимиляционные и аккультурационные процессы: влияние демографического поведения русских, народного православия, сменившего официальную церковь, подвергшуюся гонениям со стороны государства.

Практически всеобщая брачность, уважительное отношение к многодетным матерям (их социальный статус был выше, чем у бездетных женщин) и детям обуславливалось традиционными нормами поведения и морали. В этих условиях наиболее консервативным оставалось репродуктивное поведение. По словам информаторов, аборты и другие способы предотвращения беременности в довоенное время были редким исключением. Результаты переписи 1917 г. и полевые материалы указывают на преобладание среднедетных семей в первой половине XX в.

Отсутствие существенных изменений в репродуктивном поведении, как и в целом в воспроизводстве населения (высокая смертность при высокой рождаемости), было обусловлено тем, что в рассматриваемом регионе медицинское обслуживание охватывало районный центр и близлежащие населенные пункты. Так, в Солтонском районе только с конца 1930-х гг. стала развиваться сеть медицинских учреждений, прерванная в годы Великой Отечественной войны[9]. В укрупненной Лебедской волости (современный Турочакский район) в 1923 г. имелся врачебный участок в с. Озеро-Куреево и фельдшерский пункт в с. Кебезене[10]. Не лучше дела обстояли в других районах расселения коренного населения предгорий Северного Алтая. По воспоминаниям многих информаторов, детство которых прошло в отдаленных аилах, заимках или пасеках, единственным «врачом» в черне выступал шаман. Обращение за помощью в медицинские учреждения часто было сопряжено с влиянием кого-либо из русских родственников (обычно мама) или из числа колхозного и сельского начальства.

В 1940-е гг., по словам информаторов, возросло количество абортов, обусловленное комплексом причин: социально-экономические трудности, увеличение числа неполных семей, распространение внебрачных связей и т.д. Массовость этих явлений, видимо, и привела к смягчению общественного мнения в

отношении абортов, внебрачных связей. Информанты (в том числе замужние) отмечали, что основной причиной прерывания беременности являлась бедность и незнание других средств регулирования рождаемости. Если раньше высокая детская смертность (по данным метрических книг, по разным приходам на рубеже XIX–XX вв. детская смертность у коренного населения предгорий Северного Алтая составляла от 50 до 85 % от общего числа смертей) выступала регулирующей силой детности семей, то успехи медицины в 1950-е гг. потребовали применения новых средств ограничения рождаемости, которым и стал аборт, как наиболее доступное и известное средство. Один из информаторов отметил: «Раньше дети сами умирали, вот и не делали аборты». Официальный запрет на проведение абортов приводил к распространению «криминальных» способов предотвращения беременности. При этом за помощью к бабушкам обращались как одинокие женщины, так и замужние.

В этот же период получают распространение, хотя и незначительное, разводы, по-прежнему осуждавшиеся старшим поколением. Причинами разводов в описанных информаторами случаях являлась измена мужа.

Продолжает сохраняться установка на ранние браки, но большинство информаторов, родившихся в 1920–1930-е гг., вступали в брак уже после 20 лет. Причиной откладывания свадьбы становится учеба в высшем учебном заведении, служба в армии.

Сходит на нет социальный контроль в отношении межэтнических браков, что было обусловлено сокращением числа потенциальных брачных партнеров в своей этнической среде. Великая Отечественная война привела к гибели значительного количества кумандинцев (199 солтонских кумандинцев погибло на фронтах ВОВ), отрицательно повлияв на демографические процессы, прервала культурную межпоколенную трансмиссию.

Не последнюю роль в сохранении традиционного демографического поведения играло совместное проживание молодых со старшими родственниками (обычно родителями мужа), характерное для кумандинцев в XIX — первой половине XX вв. Фактически, в основном родителями и осуществлялся тот самый социальный контроль за молодой семьей, их матримониальным, половым и репродуктивным поведением. Гибель в годы Великой Отечественной войны большого числа кумандинцев (в том числе и старшего поколения — хранителей традиций), а также нуклеаризация семей и территориальная мобильность (в первую очередь молодых) способствовали сокращению влияния родителей и старших родственников, а значит и отход от традиционных норм и установок.

Таким образом, до середины XX в. для коренного населения предгорий Северного Алтая было характерно традиционное воспроизводство населения и традиционное демографическое поведения. Прослеживается этническая специфика демографического поведения: левират, ранние браки, половые табу и т.д. При этом уже с последних десятилетий XIX в. начинается процесс модернизации демографического поведения под влиянием пришлого населения и деятельности миссионеров. Политические и социально-экономические события последующих десятилетий способствовали утрате этнической специфики демографического поведения, что стало, видимо, первым этапом демографического перехода. Следующим этапом демографического перехода, завершив-

шегося демографической революцией, стал демографический кризис, обусловленный ВОВ, сопряженный с ослаблением социального контроля со стороны старших поколений, распространением межэтнических браков, ростом территориальной мобильности населения. К 1960–1970-м гг. демографическое поведение коренного населения предгорий Северного Алтая становится практически идентичным демографическому поведению русских данного региона.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Миронов Б.Н.* Демографическая загадка: уменьшение численности помещичьих крестьян в России первой половины XIX в. // Материалы церковно-приходского учета населения как историко-демографический источник. Барнаул, 2007. С. 164.
2. *Вишневский А.Г.* Избранные демографические труды: В 2 т. Т.1. М., 2005. С. 99.
3. *Исупов В.А.* Источники по изучению демографического развития русского населения Сибири в первой половине XX в. // Сибирь в XVII–XX в.: демографические процессы и общественно-политическая жизнь. Новосибирск, 2006. С. 46.
4. *Сатлаев Ф.А.* Кумандинцы (Историко-этнографический очерк XIX — первой четверти XX в.). Горно-Алтайск, 1974. С. 109.
5. ЦХАФ АК. Ф.164. Оп.1. Д.103. Л.3.
6. ЦХАФ АК. Ф.233. Оп.1а. Д.399; 596. Л.38; 14, 16.
7. ЦХАФ АК. Ф.144. Оп.5. Д.423. Л.46, 85.
8. *Потапов Л.П.* Охотничий промысел алтайцев (Отражение древнетюркской культуры в традиционном охотничьем промысле алтайцев). СПб., 2001. С. 125.
9. *Сивкова Г.* От волостного фельдшера... // За победу. 2006 г. № 48. С. 2.
10. Протопопов А. Свидетельствует документ // Звезда Алтая. 1981 г. № 150. С. 2.

DEMOGRAPHIC BEHAVIOUR OF INDIGENOUS POPULATION OF NORTHERN ALTAI FOOTHILLS AT THE END OF THE 19th — FIRST HALF OF THE 20th cc.

V.V. Nikolaev

The present work gives a reconstruction of the demographic behaviour of the indigenous population of Northern Altai foothills at the end of the 19th — first half of the 20th cc. Traditional reproduction and demographic behaviour was typical for indigenous population of foothills of Northern Altai until the middle of the 20th c. Some modernization of demographic behaviour began from the last decades of the 19th century under influence of the emigrants' population and missionaries. Events of the next decades caused the loss of ethnic specificity of demographic behaviour and it became the first stage of demographic change. The following stage became the demographic crisis caused by the Second World War, connected with loosing the social control from the senior generations, increase of interethnic marriages, and growth of the territorial mobility of the population. By 1960–1970-s the demographic behaviour of indigenous population of Northern Altai foothills becomes practically identical to a demographic behaviour of the Russian during the given region.

© 2008 г.

И.В. Осипова

СПЕЦИФИКА «МЕСТНЫХ» ПРАЗДНИКОВ В РУССКИХ СЕЛЕНИЯХ БЕЛОРЕЦКОГО РАЙОНА БАШКОРТОСТАНА

Известно, что наряду с праздниками общерусского календаря существуют праздники узколокальные, территориальные, характерные только для данной конкретной местности. Большая часть сельских праздников естественным образом проходила и проходится на сегодняшний день в свободный от работ период времени — осенне-зимний и на время между Пасхой и началом полевых работ.

В изучаемом регионе «местные» праздники представлены церковными днями, в которых естественным образом нашла отражение история образования церквей, храмов, молельных домов на данной территории, а также обетными днями, связанными с важными событиями истории сел и историей края в целом.

Материалы многолетних фольклорно-этнографических экспедиций лаборатории народной культуры Магнитогорского государственного университета в русские горнозаводские селения Белорецкого района Башкортостана (поселок Верхний Авзян, село Инзер, село Кага, поселок Ломовка, село Нижний Авзян, поселок Тирлян, село Узян) позволили заметить, что пространственная структура сел предполагала обязательное наличие в центре поселка, на возвышенности, храма или церкви. Информанты охотно вспоминают и рассказывают о том, какими были самые первые деревянные церкви, когда и при каких обстоятельствах на их месте были построены новые каменные здания.

Материалы архивов[1] подтверждают сведения региональных информантов об открытии и освящении местных церквей, храмов, молельных домов. «Оренбургские Епархиальные Ведомости», хранящиеся в Государственном архиве Оренбургской области, располагают сведениями о церквях в каждом из горнозаводских сел: «Михайло-Архангельская в заводе Тирлянском, Свято-Троицкая в заводе Узянском, Николаевская в заводе Кагинском, Казано-Богородская в заводе Авзяно-Петровском»[2].

К концу 30-х гг. XX в. церкви в регионе были перестроены под дома культуры, неоднократно горели. Так, например, по словам Ивана Антоновича Лисовского, 1925 года рождения, в 1960-м году Никольская церковь в Каге была переоборудована под новый дом культуры. По словам жителей Тирляна, местная церковь была продана и в 1923–1924 гг. помещение церкви было передано под клуб.

В поселениях региона сложилась особая система сакральных природных объектов, из которых основным является родник или святой источник как место паломничества в религиозные праздники. В Каге это Сажилка, в Авзяне — ключ на Малиновой горе, в Узяне — Галкин колодец, в Тирляне таких источников несколько: «У нас есть молебный родник. Раньше ходили туда молиться на *Хрешение*[3] а летом на Пасху. А после батюшка ходил с кадилом, с иконой по

каждой избе» *(Благов Ф.Я., 1934 г.р., Тирлян)*. По замечаниям старожилов, в случае долгой засухи на Девятую пятницу старые женщины осуществляли символичное хождение на родники, где просили у Бога дождя: «Вот бывает весной Девятая пятница. Если дождя долго нет, *идуть* старухи на *етот* родник. Раньше тут стояла *щасовенка*, на ней икона была — распятие. Старушки собираются там, *просють* дождя у Бога» *(Оглоблина Т.В., 1930 г.р., Тирлян)*. До настоящего времени на родники в Тирляне ходят пожилые женщины, молятся, просят о помощи для всех жителей села.

В системе местных праздников в русских селах Белорецкого района преобладают в первую очередь церковные. Наиболее почитаемыми из них являются «престольные (другие названия — престолы, храмовые, часовенные, придельные)»[4]. Полевые исследования позволяют говорить о том, что храмовые, церковные праздники были и по сей день являются самыми многолюдными и значимыми для местных жителей. Как известно, «престольные праздники были приурочены к дням освящения храмов, воспоминаний о событиях священной истории или памяти святых и явлений икон, в честь которых были сооружены храмы и их приделы»[5]. В такие дни запрещались все виды домашних и полевых работ — жители сел обязательно посещали церковь, читали молитвы. Материалы архивов, фотодокументы свидетельствуют о том, что во времена функционирования местных заводов (вторая половина XVIII — первая треть XX вв.) престольные праздники всегда сопровождались торжественным молебном на территории самого предприятия и последующим крестным ходом.

Таким образом, в поселениях Белорецкого района сложилась крепкая традиция престольных праздников, особо отмечаемых и почитаемых жителями и сегодня: «В Михайлов день престол в Узяне. У нас, *у* Нижнем Авзяне, на Вознесение *у колодщика ходють* Богу молиться. *У* Верхнем Авзяне — на Девятую пятницу. *У* Каге — на Обещаный» *(Платонова А.И., 1927 г.р., Нижний Авзян)*.

Особо почитается в регионе (поселки Верхний Авзян, Тирлян) Девятая пятница, отмечаемая здесь со второй половины XVI в. в качестве дня обретения иконы Табынской Божьей Матери: «Каждую Девятую пятницу раньше ходили молиться на Табынскую, потом уже стали на Малиновую гору. А икона Божьей Матери большущая была, люди ее *снарядють*, бывало, кто *щем можеть*. *Идуть*, бывало, на Табынскую, *несуть* Божью Мать, заставляли нас ее поцеловать, *перехреститься* и под иконой пройти, чтоб не болеть» *(Копытова М.С., 1935 г.р., Верхний Авзян)*. В наших селениях существует система примет и запретов, связанных с этим днем: «Девятая пятница — очень тяжелый день, происходят всякие несчастья. В этот день нельзя работать. Я сына родила на Девятую пятницу — он потом погиб» *(Косарева М.Ф., 1930 г.р., Ломовка)*. «Девятая пятница *проходить* на девятую пятницу после Пасхи. И в этот день *нищего* нельзя делать. Кто работает в этот день, того обязательно бог накажет. В этот день почти всегда бывает гроза и сильный дождь. Гроза появляется откуда ни возьмись. В этот день обычно всегда кого-то убивает грозой» *(Быстрицкая П.М., 1926 г.р., Ломовка)*.

Как известно, Табынская икона Божьей Матери представляет собой одну из наиболее ранних копий Казанской иконы Божьей Матери, «явившейся в г. Казани в 1579 г. в царствование Иоанна Васильевича грозного и прославившейся

многими чудотворениями»[6]. Табынскою она стала называться по месту своего пребывания с первой половины XVIII в., когда произошло третье обретение святой иконы[7]. Согласно преданиям, третье обретение иконы пришлось на девятую пятницу по Пасхе. «В память последнего обретения святой иконы и с того же самого времени жители села Табынского установили ежегодное празднование обретения святой иконы в девятую пятницу по Пасхе, а в следующее за этой пятницей воскресенье стали совершать торжественный крестный ход со св. иконою на «Соляные ключи», как место явления святой иконы»[8].

Архивные материалы подтверждают факт ежегодного поклонения святыне богомольцами не только села Табынского, но и всеми верующими Оренбургской и Уфимской епархий[9]. В 1800 г. с разрешения Святого Синода и по желанию жителей устанавливается и утверждается маршрут следования Святой Чудотворной иконы Табынской Божьей Матери из села Табынского в г. Оренбург, который проходил через Авзяно-Петровский, Кагинский, Узянский, Белорецкий и другие заводы[10].

Информант из поселка Тирлян Екатерина Васильевна Балдуева рассказывает о прохождении крестного хода с Табынской иконой и связанными с этим событием исцелениях местных жителей: «*Щерез* поселок проходил крестный ход, несли Богородицу. *Знащить* один мужчина *старищок* лежал. Так вот эта икона, она очень целебная — Табынская Богородица. *Встрещали* ее с хлебом, с солью и когда люди встретили ее, то *передають* просьбу от этого мужчины, что мол он *хощеть*, чтобы Божья Матерь его все же посетила. *Короще* говоря они здесь побыли. За ними *идуть* еще подводы и не хотели ехать к мужчине. И вот Богородица встала, ну как встала. Вот *знащить* они хотели ее поднять и понести, а она не поднимается, *знащить* решили ее на повозку, а она не дается никак. Ну *ще*, подошли здесь старшие и *говорять*: «Уж он просил, давайте». Решили мужика вынести к воротам и тогда Богородица и далась. Вышли на двор, *знащить*, он поцеловал лежа прям эту икону и сказал: «Спасибо, люди добрые, все же увидел Божью Мать, *мож* она мне *дасть* исцеление какое-то». Повернулась, значит опять, легко понеслась [икона]. А этот мужчина *знащить щерез* неделю и исцелился, выходит» *(Балдуева Е.В., 1927 г.р., Тирлян)*.

Информанты из села Кага Любовь Ивановна Желнина и Василий Александрович Желнин рассказывают о том, как в первые десятилетия XX в. их деды, родители ходили молиться Табынской Божьей Матери: «На Девятую пятницу ходили Богу молиться *у* Авзян, а после уже стали ходить к Сажилке. А еще раньше наши родители ходили *у* Табынскую Богу молиться. Моя бабка, как мать (Андреева Мария Васильевна, 1909 года рождения) рассказывала, ходила туда молиться. Пришла оттуда, а Кага сгорела *уся* — ни дома, ни ребятишек (у 1911-ом году). А ребятишки на горе сидели, *спаслися*. Так и *отсталися* одни *каплюшещки*» *(Желнина Л.И., 1938 г.р., Желнин В.А., 1934 г.р., Кага)*.

Регламентация жизни мирского общества церковью в изучаемом регионе «не только усиливали власть традиций и общинных порядков, но и смягчали социальные противоречия, собирали всех прихожан на общие молитвы, влияли на повседневное поведение, воспитывали терпимость и благожелательность в отношениях»[11].

С начала XX в. престольные праздники в заводских поселках приобретают

некоторые черты межприходских, поскольку в них активное участие принимают жители других приходов. Так, например, на Девятую пятницу, свято почитаемую в поселке Верхний Авзян, приезжают жители соседних сел, а также городов Белорецк, Магнитогорск, Межгорье и др. Так, каждое из обозначенных сел со временем стало местом встречи жителей соседних селений, объединенных в первую очередь брачными и родственными отношениями.

Другая группа праздников, которые отмечаются и почитаются жителями русских сел Белорецкого района на протяжении двух с половиной столетий, — обетные дни. В отличие от престольных, обетные праздники устанавливались самими жителями сел по какому-либо обету — обещанию по религиозным соображениям. «Обетные праздники (другие названия — заветные, богомольные, молебствие, мольба, канун, оброчние или обещаные дни) были весьма разнородными по происхождению, времени учреждения и степени стабильности»[12].

В нашем регионе такие праздники носят название обещаных дней. Это узколокальные праздники, отмечаемые жителями строго ограниченной территории (в данном случае, одного конкретного села). Обетный день, как правило, был «в числе», то есть отмечался каждый год строго в один и тот же день календаря. Жители сел готовились к таким дням: проводили уборку в доме, на кладбище, готовили специальную еду для стола и для кладбища на вынос. В такие дни строго запрещалось работать, потому всю важную работу старались выполнить заранее, до обещаного дня. Очевидно, что подобный обряд позволял регулировать сбои в ритме социальной жизни коллектива. Обряды по обету воспроизводились «ежегодно в память избавления от несчастья, и, таким образом, переходили на высший уровень — включались в число календарных ритуалов»[13].

История возникновения таких дней передается жителями села из поколения в поколение. Известно, что «одним из основных поводов для возникновения обетных праздников служило избавление жителей той или иной территории от постигшего их стихийного бедствия..., мора (эпидемии), падежа скота и других несчастий благодаря «заступничеству» святых, к которым они обратились с просьбой о помощи и которые с тех пор являются их покровителями»[14]. Информант из села Кага Мария Кузьмовна Киселева рассказывает: «В 1921-м году был мор, умирал народ. Кидали *у* общую яму, 10-17 человек в день умирало, не успевали хоронить. Служить стали в церкви. Батюшка сказал: «*Делайтя* обещание впредь поминать». Сделали обещание поминать всех умерших *у* общей могиле. С тех пор и Обещаный праздник. В Авзяне была, там яма длинная, холмик, заметно, что могила. А у нас квадрат» *(Киселева М.К., 1923 г.р., Кага)*. Урожденная Верхнего Авзяна Александра Андреевна Калашникова вспоминает: «Обещанный день у нас — Девятая пятница. Раньше часовенка была на горе. Раньше в этот день на Табынскую ходили обещать. Моя бабушка 25 раз ходила обещать, потому что дети умерли молодые. Вот ради детей 25 раз ходила обещать» *(Калашникова А.А., 1910 г.р., В. Авзян)*.

Таким образом, в русских селениях Белорецкого района обетные праздники не совпадают с престольными, а официальные торжества храмовых праздников (крестный ход, встреча иконы и шествие с ней) проходят не в престол, а в день обета. Наиболее активно в регионе отмечают обещаный день в селе Кага, который приходится на 21 августа.

Данный праздник связан со святым источником близ села, называемым Сажилка. Возникновение источника люди связывают с явлением святого (либо иконы) на этом месте, а также с обещанием найти жилу во время мора: «В Сажилке священная вода, прямо из горы *бьеть*. *Говорять*, что люди умирали, *ужасть* что было. Обещали жилу найти, лишь бы не умирали. Так ходили, ногой жилу *шупали*, воду нашли, богом место *отмещено*. А искали, чтоб люди не умирали. А то сколько гробов уносили» *(Кузнецова Т.Н., 1929 г.р., Кага)*. «Сажилка — *колодщик* такой в *щасовенке*, под низинкой он находится. А было дело так. Пошли *девщата* за водой, а там икона Божьей Матери — они ведра бросили и побежали за старшими и за священником. Стал он святить это место, молитвы *щитать* — струйка воды то покажется, то *исщезнеть*. И поняли тогда люди, что это место Богом *отмещено*. И стали на Девятую пятницу весной на Сажилку с иконами ходить» *(Быкова П.К., 1912 г.р., Кага)*. По записям известного уфимского врача Дмитрия Ивановича Татаринова, «в Сажилке изначально была построена часовня с темными старообрядческими иконами. Каждый год, обычно в конце августа, в церкви устраивался большой торжественный молебен, затем крестный ход шел за пруд к горе, из-под которого бил холодный кристаллический родник»[15].

С 30-х гг. XX в., когда большинство церквей в районе было разрушено, затем передано под дома культуры и отдыха, крестный ход в обещаные дни не проходил. Однако и в эти тяжелые годы население свято помнило об обете, данном предками в страшные годы мора. На данный момент церкви сохранились в селах Верхний Авзян и Кага, где в связи с возрождением национально-культурных ценностей идет их реконструкция. Здесь проходят службы на Пасху, Рождество, Крещение, крестные ходы, а также сами обряды крещения, венчания. Вот уже многие годы жители Каги ждут окончания строительных работ в Никольской церкви, по-прежнему нет своего батюшки, однако традиции родного села они свято чтят: наблюдения последних лет показывают, что в Каге помнят о данном обете. Потому каждый год 21 августа жители идут крестным ходом из церкви к святому источнику Сажилка, где проходит служба, освящение воды, омовение ею присутствующих, а также обязательным в этот день является посещение кладбища. «Обещаный день *празднуюць* только *у* Каге. Он *бываеть* 21 августа. Тогда была холера у нас. *Уся* деревня *пощти* вымерла. И вот собрались женщины у Сажилки и стали молиться, дали обет. И вот теперь *етот* праздник *усе празднуюць*. В *етот* день *усе* кагинские, *иде* бы ни были, *усе съежжаются*. На кладбище народу, машин — тьма» *(Кудряшова В.М., 1925 г.р., Кага)*.

Таким образом, на протяжении всей истории горнозаводских селений, жителями изучаемого региона отмечаются престольные праздники, которые практически стали межприходскими (например, Девятая пятница в селе Верхний Авзян), и узколокальные обетные дни (например, Обещаный день в Каге), которые зафиксировали особо значимые моменты истории из жизни сел и устойчиво вписались в календарные ритмы.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. ГАОО. Ф. 172. Оп. 1. Д. 6567. Л. 2.
2. ОЕВ. 1880. С. 812.

3. В полевых текстах сохранены особенности устной речи информантов. Такие слова выделены курсивом.
4. Русские / Отв. ред. В.А. Александров, И.В. Власова, Н.С. Полищук. М., 2005. С. 602.
5. Там же.
6. Табынская икона Божией Матери и крестный ходъ изъ села Табынского въ г. Оренбургъ и другия места Оренбургской епархии. Историко-археологический очерк. 1914 г. / Сост. действ. членъ оренбургской ученой архивной комиссии священникъ Николай Модестовъ. Оренбургъ, 2001. С. 15.
7. Сказание об иконе Казанския Божия Матери, находящейся в Вознесенской церкви Уфимской губернии, Стерлитамакского уезда, села Табынского. Уфа, 1909. С. 12.
8. Табынская икона Божией Матери... С. 19.
9. ЦГИА РБ. Ф. газетный. Оп. 1. Д. 4. Л. 35.
10. ГАОО. Оренбургские Епархиальные Ведомости. 1880. № 11. Л. 401-402.
11. *Щеглова Т.К.* Деревня и крестьянство Алтайского края в XX в. Устная история. Барнаул, 2008. С. 143.
12. Русские. С. 608.
13. *Байбурин А.К.* Ритуал в традиционной культуре. Структурно-семантический анализ восточнославянских обрядов. СПб., 1993. С. 18.
14. Русские. С. 608.
15. *Татаринов Д.И.* Воспоминания // Башкирский край. Уфа, 1992. Вып. 2. С. 12.

SPECIFICITY OF «LOCAL» HOLIDAYS IN RUSSIAN SETTLEMENTS OF BELORETSKY AREA OF BASHKORTOSTAN

I.V. Osipov

The author examines the system of the local holidays, developed in Russian settlements of Beloretsky area of Bashkortostan during two and half millennia on the basis of the field researches and documentary evidences of archives. The marked days fixed the major moments of life history of the villages, came to be a part of calendar rhythms and they are still celebrated by local residents nowadays.

© 2008

В.В. Виноградов

ПОВЕСТВОВАНИЯ О ПОЧИТАЕМЫХ МЕСТАХ НА РУССКОМ СЕВЕРЕ: К ВОПРОСУ О МЕХАНИЗМАХ САКРАЛИЗАЦИИ ПРОСТРАНСТВА*

Окружающее человека пространство наполнено смыслами, соотнесенными с особенностями его существования. Восприятие человеком пространства зависит от направленности его мышления, от того, какой фрагмент знания о мире наиболее актуален для него в данный момент. В рамках традиционного мифопоэтического сознания происходит мифологизация пространства, включающая сакральную составляющую. «Одно из главных свойств мифологического пространства — его качественная неоднородность, наличие в нем сакрального центра и потенциально враждебной периферии... Подобное пространство прерывисто, разделено многочисленными рубежами, впрочем, зыбкими, подвижными...»[1].

При анализе механизмов сакрализации пространства плодотворно использование понятия «топик», применяемое в семиотике. «Потенциальные свойства всегда могут быть актуализированы по ходу чтения текста. Во всяком случае, оставаясь несущественными, они отнюдь не становятся не существующими... Для актуализации дискурсивных структур необходим текстовой оператор: топик»[2]. Анализ текста позволяет определить, какой фрагмент знаний вербализирован либо сопряжен с особым поведением человека. Опыт анализа феномена почитаемых мест предпринят на материалах фольклора и устной истории русских Новгородской и Ленинградской областей. Использованные тексты касаются исторических событий в широком временном диапазоне — от начала XVII в. (т.н. «литовское разорение») до Великой отечественной войны и проецируются на реальное пространство.

Единство и разнообразие элементов в повествованиях о почитаемых местах. Повествования, раскрывающие феномен почитаемого места и особенности его функционирования, организуют особую систему. Хотя персонажи, мотивы, образы, используемые здесь, характерны и для других циклов несказочной прозы (например, мифологической или исторической). Повествования о почитаемых местах в своей совокупности реализуют информацию о почитаемом объекте, заложенную в модели мира, характерной для традиционной культуры. Каждый отдельный текст — это её вариант, его вербализация в конкретных условиях. На его форму и содержательность влияют множество факторов и субъективных, и объективных. Тексты не тождественны гипотетичному «своду» знания о почитаемом месте, но каждый из них стремится к исчерпывающему описанию. Порой нам приходится сталкиваться с явлением «свёрнутого» мотива, или сюжета, когда он обозначен лишь одним словом. В других условиях такое ключевое слово может развиться в самостоятельный рассказ.

* Работа выполнена при поддержке РГНФ, проект № 08-01-00333а.

Тексты о почитаемых местах строятся не только на описании отдельных реалий, в них могут появляться сюжетные ходы. Для описания отдельных событий используется довольно ограниченный набор мотивов; например, особенности поведения человека у святыни. Появление узнаваемого мотива — это своеобразный сигнал начала фольклорного текста в общем потоке рассказа (устной речи).

Вообще рассказ о почитаемом месте — это сочетание различных элементов и взаимосоотношение мотивов. Например:

Текст 1

Была. Я была тогда. В Зосиму и Савватия мы приехали... Это Подгорноё. Приехали мы туда — там горы. У меня была старушка слепая в деревне...

— Мы были, ходили к этому камушку, смотрели.

— Ходили. И вот я... Мы пошли с тётенькой Дуней, повели эту тётеньку Дуню к этому камышку. Мы водили. Она потом стала видёть.

— А что она сделала? Она водички набрала.

— Нет. Там воды не было, когда мы были. Там были каменья. Она набрала камышков от этого камня. А камень этот был взорванной. Милиционер, потом ещё тракторист и ещё кто-то. Оны вси ведь на одной неделе погибли, тебе рассказывали[3]?

Этот текст можно проинтепретировать, основываясь на ключевой информации: *информант была в с. Колмыково со слепой бабушкой, потом слепая стала видеть; богомольцы набрали осколков камня; камень был взорван; святотатцы были наказаны - все погибли на одной неделе.*

В проанализированном рассказе внимание уделяется двум событиям: исцеление у камня; наказание святотатцев. При этом первый сюжет ограничивается только указанием на события и факты. Но не образует целостного повествования. Изложение соотносится с рассказом о наказании людей, подорвавших святой камень. Он разворачивается более целостно и структурно. Интересен момент «переключения» с одного повествования на другое: *«Она набрала камышков от этого камня. А камень этот был взорванной»*. Набрать камешков от камня можно было только после его взрыва. Глагол «взорванный» заставляет собеседника вспомнить об уничтожении камня-следовика в середине XX в.

Как видим, сосуществование элементов внутри повествования о почитаемом месте — это сложный поток движения информации, различных смыслов и личностных ассоциаций.

Прошлое/Вневременное в восприятии почитаемого места. Отметим основную специфику восприятия человеком почитаемого места — это установка на чудо. Отсюда вытекает основная функция таких зон пространства: контакт с божественной силой. В процессе богомолья человек как бы настраивается на ожидание чуда. Именно это формирует особое эмоциональное восприятие почитаемого места. Часто оно выражается в восприятии почитаемого места как особо красивого.

Чудо, чудесность места и — более — мира у святыни может раскрываться в целом ряде рассказов. Именно фольклорные тексты призваны вызвать ощущение особенности, чудесности места у святыни. А оно, в свою очередь, приобретает свойство генерировать новые тексты. Таким образом, в повествованиях о

почитаемых местах может возникнуть эффект диалога[4]. Так же как и былички, рассказы о происшествиях у святыни апеллируют к неким космическим нормам и установлениям. Другими словами, происходит вербализация концепта «чуда» в связи с определённой точкой пространства.

Чудесное может быть описано в двух планах: прошлое (вневременное) и настоящее. Это разделение формирует два круга текстов.

Чудесные свойства места, его способность давать исцеление — следствие первого произошедшего в этом месте чуда. Оно освящает и очищает как само место, так и людей, пришедших сюда. Происхождение чудесного, уходящее в далёкое прошлое («перво-время»), является одной из основных тем (но не главных) повествований о почитаемых местах. Тема «возникновения» реализуется при помощи нескольких мотивов. В основе лежит факт *явления* божественной силы, которое может быть реализовано при помощи разных символов Бога. Например, наиболее частый мотив, отмечающий происхождение почитаемого места, — *явление иконы*. С этого события началась священная история места. Проиллюстрируем это рассказами о почитаемых местах Рёконь[5], Боровая Вода[6], Спас[7].

Тексты 2—4

Икона-то приплыла, икона на камне и образовалась. Как будите в Рёкони, речку перейдёте, камень увидите. В нём такая квадратная выемка, как раз для иконы и надпись. И сначала церковь была в Скиту, а как нашли иконку, то так церковь и образовалась[8].

На этот камешек иконка приплыла?

— Она... да, она приплывши.

— А не помните какая?

— Дак, Троица. Троица. Она поэтому и строён... и строён собор Троицкий. Из... можно сказать, по этому поводу и здесь и начали строить собор Троицкий. Вот[9].

Здесь икону обрели?

— Дак, это уже... обрели когда? Вот икона-то у нас стояла, Спаситель-то. Кто-то нашёл его. Да. И это место поставили вот церкву, Спаситель. Икона-то Спаситель была[10].

Мотив «явления иконы» можно назвать универсальным. В ряде случаев он сам додумывается нашими собеседниками. Это подтверждается и рассказами, опровергающими саму возможность такого явления и трактующими событие в нарочито приниженном бытовом ключе.

Текст 5

— Говорят, у родничка чудо произошло: там икона явилась или приплыла откуда-то. Не слышали?

— Что приплыла?

— Икона приплыла.

— Икона? А кто-нибудь бросил, украл да бросил.

— Так, говорят, нашли?

— А многие крадут иконы-та. Их, наверное, поймают, а они потом бросят.

Вот в газетах я читала недавно, что обокрали в Тихвине. Ну, вот так. <...> А это про икону, вы не думайте, что это... вот это там ей бог пихнул, аль что... в речку. Это, которы воруют иконы. Вот в Тихвине обворовали. Ну, и там нашли воров, по горячим следам. Делали обыск, у нёго нашли иконы, а он, может быть, пораньше скидал уже, да[11].

Мотив чужеземного нашествия и явление чуда. В повествованиях о почитаемых местах могут использоваться мотивы, характерные для других циклов несказочной прозы. Вообще они существуют как вполне самостоятельные нарративные комплексы, описывающие отдельные сакрализованные точки пространства. Обратим же внимание на те случаи, когда мотив вражеского нашествия входит в повествования о почитаемых местах. Так произошло с циклом рассказов, связанных с д. Никулино[12]. Здесь «основное» чудо произошло во время «Литовского разорения»[13].

Рассказы о «Литовском разорении» составляют самую обширную группу исторических преданий Северо-Запада России. Оно связывается с трагическими событиями Смутного времени начала XVII в., когда на всей территории Русского Севера действовали отряды шведских и польских наемников, а также разнообразные разбойничьи банды. При этом следует отметить, что «историзм» преданий существенно отличается от академического понимания истории. Как правило, рассказы о «Литовском разорении» приурочены к археологическим памятникам — раннесредневековым и средневековым могильникам. Характерно, что в рассказах «литовское» разорение может легко замениться на «шведское», «татарское».

В связи с «Литовским разорением» возникает святыня Успенской церкви[14] «кровавые» ризы: «*И вот в это Успенью, тут всё было... всё это было сотворёно у литовцёв. Вот когда они зарезали попа, сохранёно было <...> Там всё сохранилось и сейчас оно сейчас в музеи в этом...*»[15] Суммируя все известные нам варианты этой истории, представим «литовскую легенду» в виде некого «идеального» текста в виде цепочки значимых для рассказчика событий. Цифра в скобках показывает количество его упоминаний[16].

I. *Литовское разорение* (10): Было Литовское разорение. — Разорение земли. — Литва шла/ходила/ приехала. — Литва была в Никулине. — Литва дошла до Никулина, деревянной церкви

II. *В церкви перед нападением шла служба* (4): Раньше всегда в случае опасности к Богу обращались. — Во время Литовского нашествия в церкви шла служба. — Народ собрался в часовню.

III. *Литовцы врываются в церковь* (2): Всадники на лошадях врываются в церковь. — Литовцы ворвались в церковь во время службы.

IVa. *Убийство священника* (14): Священник остался. — Батюшка был убит. — На Никулино был зарезан священник. — Литва зарезала священника. — В Успенье Литва зарезала священника. — В Никулине около часовни был убит священник. — В церкви священника зарубили/убили.

IVb. *Гибель жителей деревни* (2): Всех жителей деревни Литва убила. — Детей давили лавками.

IVc. *Жители деревни спаслись* (5): Народ при приближении Литвы разбежался, а священнику нельзя уходить. — Народ убежал, священник остался. — На-

род из церкви убежал.— Люди убежали. — Народ ушёл.

V. *Ризы* (3): Священник был в ризах. — Убийство священника — появление крови на ризах. — Следы крови на ризах.

VI. *Литовское разорение* (2): Всё разграбили. — Все «сотворено» у литовцев.

VII. *Ослепление и гибель Литвы* (18): Литва ослепла. — Литва ослепла и зарубила друг друга. — Бог наказал. — Здесь Литва погибла. — Друг друга перебила. — Зарезала священника и стала друг друга резать. — Литва перерезала друг друга. — Литва между собою не поладила. — После разграбления Литва рассорилась между собой, не поделили добычу. — Разногласие возникло из-за того, можно ли врываться в церковь, когда там идёт служба.

VIII. *Могилы* (2): Литва похоронена в елочках. — Священник похоронен рядом с церковью.

IX. *Окончание войны* (3): С гибелью Литвы всё закончилось. — Война закончилась.

X. *Постройка церкви* (4): Церковь построили, где явлена сверхъестественная сила. — Так и сохранено с того времени. — Был указ царя на этом месте построить каменную церковь. — Построили деревянную церковь.

XI. *Архивы хранят правду* (3): В архивах что-то есть. — В архиве есть указ царя. — Исторические данные хранятся в архивах.

Наиболее важной в информационном плане оказывается такая схема: *литовское разорение, констатация факта как такового в прошлом; убийство священника; ослепление и гибель Литвы.*

В основе этого текста лежит оппозиция: «святотатство»/«явление божественной силы». Все остальные мотивы служат дополнениями и несут объяснительную функцию. При сопоставлении вариантов, видно, как отдельный рассказчик преобразовывал основную схему в связанный рассказ с позиции своих воззрений на мир. Не удивительно, что значительное внимание уделяется объяснению внезапной гибели Литвы как ключевому моменту и, вместе с тем, рассказчик вводит необходимые комментарии.

Рассказ о «Литовском разорении» в Никулино превратился в настоящий цикл. При повсеместном распространении рассказов о том, как «Литва ходила» в давние времена, «никулинская легенда» стоит особняком. С ней может сравниться только рассказ о «море коней» Литвы в деревне Морконницы[17]. Но и там она связана с почитаемым местом — родником «У Креста»[18] на Мсте. Рассказы о «Литовском разорении» связываются с происхождением «старых могил» — жальников, курганов, сопок. В связи с почитаемым местом они приобретают новое значение и саму форму.

Текст 6

Слыхала тожё. Это детство ещё моё было. Ведь это давно. Слыхала, что... будто бы... В церквы, можё и сейчас ещё это... где церква у их, можё сохраняицы. Долго ризы священника сохранялись. Литва проходила. Народ-то услышал, что Литва ходит — вот така кучка, людей бьют, — выбежали. А священнику-то нельзя было. И вот Литва зарезали, священника. А ризы всё долго сохранялись. Можё, и сейчас ещё сохраняюцы. Таки люди, можё, есь. Вот не знаю, родненькёй. <...> А я помню, у тяти была взятая в Тихвин, маленькая. Ездил туда за товаром.

А ездили как сейчас вот... в это ездишь... в Бокситы, той же дорогой... это была, к Тихвину ездили. И всё таки сугробы... как могила... могилы. А я тяти спрашиваю, а он говорит, так здесь Литва проходила и она... Оны ослепли будто бы... Шла кучка... ослепли и зарубили, там, шашкам друг друга. И оны вот похоронены... к Тихвины. Бор такой. Место боровоё. И там вот будто бы эты... Литва похоронёна[19].

В представленном тексте совмещаются два рассказа о «литовском разорении». При их сопоставлении выявляются различия в реализации мотива «войны» применительно к почитаемым местам и к средневековому могильнику. Речь идет о разном объёме информации. Кроме того, рассказы, связанные с почитаемым местом, чаще всего развёрнуты и представляют слитное повествование. Напротив, «местная» информация о литовской войне не выходит за рамки простой констатации. Тут важнее всего объяснить время и характер возникновения «особого» объекта ландшафта.

Рассказы также имеют разный ареал распространения информации. Как правило, знание старых могил существует только в пределах округи, чего не скажешь про «литовские» рассказы, связанные с почитаемыми местами. Мотив «литовской войны» может существовать самостоятельно, но он имеет другие информационные и коммуникативные функции. Итак, «литовская» легенда, входя в систему повествований о почитаемых местах, претерпевает серьёзнейшие изменения. Она рассказывает о явлении божественной силы.

Война как универсальный мотив проявления чудесного. Использование мотива «чужеземного разорения» или просто «войны» в повествованиях о почитаемых местах может проходить по двум направлениям. В одном случае («никулинская легенда») мотив становится основным. Он получает большую известность далеко за пределами сакрального центра. В другом случае, «война» используется спорадически как «индивидуальный» ответ собеседника на сложный для него вопрос собирателя. Когда ответ об истоках почитания не явен, он домысливается человеком в зависимости от ситуации (при помощи «штампов»). Как правило, в его распоряжении находится ограниченное число мотивов. Приведём два примера:

***Текст** 7*

— А вот сам источник. Как он возник? Что старики говорили про это?

— А старики говорили так. Ну насколько достоверна или нет, конечно... Да, что со времён Суворова.

— Суворова?

— Да. Он тогда проходил здесь. Значит так... армия проходила. Ну, и был, значит так, привал у этого источника. И, значит так, кто раненые или больные были: там какие у него... Вот этой водой, значит, так... обмывались. И пили и обмывались. И, значит, на заживление так это пошло.

— И объявилась сила?

— И объявилась это, значит, так эта святой целебный источник[20].

Проанализируем представленный текст. Явление божественной силы возможно в «особое», экстремальное время — время войны. Кроме того, возникновение целебных свойств источника связано с полководцем А.В. Суворовым.

Его появление в рассказе — личная версия рассказчика, связанная с его интересами[21] .

В повествовании о почитаемых местах важным смысловым элементом является указание на конец войны. Существенно, что ее окончание рассказчики связывали с явлением чуда. То же мы видели в «никулинской легенде». Возможно, здесь проявилась церковная традиция — например, влияние легенды о Тихвинской иконе Божией Матери[22]. Речь идет о переносе мотива конца войны с одной (большей по значению) святыни на местночтимую.

Другие полевые материалы подтверждают устойчивость мотива связи святыни с окончанием войны. Например, в связи с Рёконским монастырём существует мнение, что не зря тут был большой бой (имевший место в действительности). Сражение за здание монастыря расценивается как ключевое в битве за Тихвин и недопущение полностью блокировать Ленинград[23]. Нечто подобное мы встречаем в других текстах:

Тексты 8–9

Раньше ещё мы, знаете, куда ходили? Вот есь Спаситель — у немцев разорёна церков. От нас тридцать киломитров[24].

Ой, я ходила. Я была. Это... оно от Вишоры недалёко этот Спас. А от нас оно дорога болотом: всё настил, настил, настил круглой. Туда... вот немцы-то заехали, да и там-то и утонули, в болоте.

— В войну уже?

— В войну, да. Вот там вот торчат вот эти... ихные танки... в болоте. Вот Спас. Я ходила один раз с женщинам[25].

Таким образом, согласно фольклоризированным версиям истории война окончилась из-за активного вмешательства божественной силы в дела людей. Место, где это произошло зримо, стало святым. Другими словами, мотив «конца войны» в повествованиях о почитаемых местах также связан с представлением о «чудесном».

Итак, в основе объяснения природы почитаемого места лежит концепт чуда. Основным мотивом в повествованиях о почитаемых местах следует признать мотив явления священного объекта. Другие мотивы, попадая в «притяжение» данного подразделения несказочной прозы, начинают по-своему подтверждать особый характер локуса. При этом они могут самостоятельно использоваться и в других разделах несказочной прозы. Пронизывая структуру подобных повествований, топос почитаемого места задает своеобразную стратегию сакрализации пространства.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Неклюдов С.Ю.* Структура и функция мифа // Современная российская мифология. М., 2005. С. 12.
2. *Эко. У.* Роль читателя. Исследования по семиотике текста. М., 2005. С. 47.
3. Самойлова Анна Ивановна, 1926 г.р. Зап. в д. Добрая Вода (Маловишерский р-н, Новгородская обл.). 2001 г.
4. См. об этом подробнее: *Левкиевская Е.Е.* Прагматика мифологического текста //

Славянский и балканский фольклор: Семантика и прагматика текста. М., 2006. С. 150–213.

5. Рёконь (Свято-Троицкая Рёконская пустынь). Любытинский р-н Новгородской обл. Точная дата основания монастыря не известна. Легендарная история относит к концу XIII в. обретение в этой местности Троицкой иконы. Первые документальные свидетельства о существовании на берегу Рёконьки монастыря относятся к концу XVII в. (*Яковлев Н.А.* Из истории Рёконской пустыни // Новгородский исторический сборник. Вып. 7(17). СПб., 1999. С. 186–188.). До наших дней сохранилась деревянная Троцкая церковь 1672 г., которая в 1979 г. была вывезена в Новгородский музей деревянного зодчества Витославлицы. Рёконский монастырь был упразднён по духовным штатам имп. Екатерины II в 1764 г, разделив тем самым судьбу многих сотен обителей Российского государства (см.: *Амвросий.* История российской иерархии. Ч. 5. М., 1813. С. 670; Географическо-статистический словарь Российской империи / Сост. П. Семенов. Т. 4. СПб., 1873. С. 286; *Зверинский В.В.* Материалы для историко-топографических исследований о православных монастырях в Российской империи. Книги I–III. СПб., 2005. № 501). Возрождение монастыря в XIX в. связано с деятельностью человека, в миру известного под именем Андрея Ивановича Шапошникова, в схиме — отца Амфилохия. Это был пустонножитель, принятый и почитаемый местными крестьянами, радетель о возрождении обители. Его дело по возобновлению монастыря растянулось на несколько десятилетий (*Поселянин Е.Н.* Амфилохий, схимонах, восстановитель Реконской пустыни // Преподобный Серафим Саровский чудотворец и русские подвижники XIX века. М., 2003. С. 280–290; *Яковлев Н.А.* Из истории Рёконской пустыни... С. 200 — обзор описаний возрождённого монастыря и очерков жизни и трудов Амфилохия). В 1860 г. монастырь был восстановлен. Вскоре по проекту петербургского архитектора М.А. Щурупова был выстроен большой монастырский комплекс, состоящий из двух усадеб — Покровской и Троицкой, располагающихся по берегам речки Рёконьки (*Яковлев Н.А.* Петербуржский церковный архитектор М.А. Щурупов // Из истории православия к северу и западу от Великого Новгорода. Л., 1989. С. 247–256; *Яковлев Н.А.* Михаил Щурупов. СПб., 2001). Второе закрытие монастыря произошло в 1930-х гг. В 1937 году был арестован и расстрелян последний монах. Во время войны комплекс монастыря серьёзно пострадал в ходе ожесточённых боёв за Тихвин. Несмотря на запреты место бывшей обители почиталось местными жителями. В наши дни Рёконский монастырь вновь возрождается.
6. Боровая вода. Киришский р-н. Урочище с этим названием располагается на р. Шарья в районе дд. Крестцы, Змеева Новинка и Ключи рядом с границей Ленинградской и Новгородской обл. Здесь на дне оврага вытекает источник; выше располагается старое деревенское кладбище. Недалеко от источника, в сторону д. Крестцы, стоял деревянный храм Преображения Господня, закрытый в 1938 г. и позже разрушенный (Земля Невская православная. Православные храмы пригородных районов Санкт-Петербурга и Ленинградской области: Краткий церковно-исторический справочник. СПб., 2000. С. 139, № 822). Место это у богомольцев тоже носит название *Спас* или *Спаситель*, У *Спасителя.* До недавнего времени над источником стоял крестик, сделанный из основания раздвоенного дерева, увешанный «заветами» (небольшие лоскутки ткани). Новое обустройство святого места связано с концом 1990-х гг.: над ручьём была выстроена часовня, мостки и лестницы для удобного подхода к «святой воде», по крутым склонам, на деревьях появились иконы. Над оврагом выстроен храм — во имя иконы Божией Матери «Всех Скорбящих Радость».

7. Спас или Спаситель, У Спасителя (Спасо-Оскуйская пустынь или Спас во Мхах). Маловишерский р-н Новгородская обл. Почитаемое место «Спас» расположено в 25 км. к северу от г. Малая Вишера среди болот рядом со Спасским озером. Местный праздник — Преображение Господне (6/19 августа). Монастырь тут возник в средневековье, первое упоминание о нём — 1583 г. Монастырь упразднен по духовным штатам 1764 г. (О монастыре см.: *Амвросий.* История российской иерархии. Ч. 5. М., 1813. С. 375; Географическо-статистический словарь Российской империи / Сост. П. Семенов. Т. 4. СПб., 1873. С. 702; *Зверинский В.В.* Материалы для историко-топографических исследований о православных монастырях в Российской империи. № 1029; *Белоненко В.С.* Материалы к церковной истории и истории книжной культуры Тихвинской земли в XVI—XIX веках, монастырей Ленинградско-Новгородской епархии // Из истории православия к северу и западу от Великого Новгорода. Л., 1989. С. 257–271). С закрытия монастыря начинается история Спасо-Оскуйского погоста, где во второй половине XIX в. была построена новая кирпичная церковь. На начало XX в. в «Списке населённых мест Новгородской губернии» мы находим следующее «статистическое» описание погоста: дворовых мест — 2; жилых строений — 3; число жителей — 9 (4 мужчин и 5 женщин); занятие жителей — церковное служение; кроме того, здесь учтено 3 церкви и часовня (Список населённых мест Новгородской губернии. Выпуск VII. Тихвинский уезд / Под ред. В.А. Подобедова. Новгород, 1911. С. 52–53. №№ 36.). В течение XX в. всё это было уничтожено. В настоящее время почитаемое место *Спас* состоит из трёх сакральных объектов, из которых наиболее заметным, безусловно, являются руины Спасской церкви. В 200 метрах от церковного холма находится озеро, на берегу которого видны следы купаленки. Невдалеке от руин церкви, среди болота, на еле заметном песчаном холме, находится «святой колодец», который представляет собой яму квадратной формы, поросшую осокой. Над «колодцем» стоит гранитное основание воздвигнутого здесь некогда креста. Здесь же висят и лежат разнообразные обетные подношения.
8. Петрова Клавдия Фоминична, 1925 г.р. Зап. в д. Верхнее Заозерье (Любытинский р-н, Новгородская обл.). 1995 г.
9. Завьялова Ольга Андриановна, 1926 г.р. Зап. в д. Нижнее Заозерье. (Любытинский р-н, Новгородская обл.). 1995 г.
10. Яковлева Мария Григорьевна, 1914 г.р. Зап. в д. Змеева Новинка (Киришский р-н, Ленинградская обл.). 2000 г.
11. Мозжухина Нина Николаевна, 1919 г.р. Зап. в д. Красная Горка (Киришский р-н, Ленинградская обл.). 2000 г.
12. Никулино и Никулинское озеро. Любытинский р-н Новгородской обл. Деревни Большое и Малое Никулино расположены на берегу Никулинского озера, невдалеке от границы с Ленинградской обл. В начале XX в. это было крупное село на тракте Тихвин — Боровичи (Список населённых мест Новгородской губернии. Выпуск VII. С. 54–57. № 8, 31). На холме рядом с Б. Никулино до середины прошлого столетия стояла деревянная Успенская церковь (конец XVI в.). В 1980-х гг. на месте церкви была выстроена новая часовня. В престольный праздник деревни — Успение Пресвятой Богородицы (15/28.VIII) сюда сходились люди из ближних и дальних деревень на богомолье. В церкви (позже, в часовне) служился молебен, после чего крестным ходом несли Успенскую икону к Никулинскому озеру, где её омывали водой. С этого момента вода в озере почиталось святой. Здесь купались люди, желавшие обрести здоровье и/или благополучие семьи. Здесь же купали скот, который могли для этих целей гнать несколько десятков километров. С 1998 г. омывание иконы в озере не проводится.

13. *Панченко А.А., Штырков С.А.* Предания // Традиционный фольклор Новгородской области. Вып. II. Сказки. Легенды. Предания. Былички. Заговоры (по записям 1963–1999 г.). СПб., 2001. С. 203; *Криничная Н.А.* Русская народная историческая проза. Вопросы генезиса и структуры. Л., 1989. С. 153–171; Предания об иноземном нашествии: Крестьянский нарратив и мифология ландшафта (на материалах северо-восточной Новгородчины). Автореф. дис. канд. истор. наук. М., 2001. 28 с.; *Громов Д.В.* Образ «эсхатологического нашествия» в восточнославянских поверьях в древности и современности // Этнографическое обозрение. 2004. № 5. С. 20–42.
14. Деревянная Успенская церковь (1599 г.) вмещала в себе святыни Никулино, среди которых главнейшие – икона Успения и «кровавые» ризы убитого Литвой священника. Она простояла на своём первоначальном месте до начала 1970-х гг., когда была перенесена в новгородский музей деревянного зодчества «Витославлицы». См.: *Красноречьев Л.Е., Тынтарева Л.Я.* «... как мера и красота скажут». Памятники древнего деревянного зодчества Новгородской области. Л., 1971, С. 52–57; *Филиппова Л. А.* «Витославлицы» — музей деревянного зодчества. Л., 1979; *Красноречьев Л.Е.* Исследование и реставрация памятников деревянного зодчества по опыту работ в Новгородской области. СПб., 1999. С. 34. Параллельно с разборкой и вывозом в Новгород храма он был обследован экспедицией Государственного Эрмитажа по сбору произведений древнерусского искусства под руководством сотрудника музея А.С. Косцовой. Семь икон деисусного чина XVI в. — Спаса на престоле, Богоматери, Иоанна Предтечи, архангела Михаила, архангела Гавриила, апостола Петра и апостола Павла - требовали немедленной реставрации и были вывезены в Ленинград. См.: *Косцова А.С.* Древнерусская живопись в собрании Эрмитажа. Иконопись, книжная миниатюра и орнаментика XIII — начало XVII века. СПб., 1992. Рис. № 10–16. С. 63–66; описания: С. 316–318.
15. Петрова Анастасия Сергеевна, 1920 г.р. Зап. в д. Верхняя Лука (Любытинский р-н, Новгородская обл.). 1996 г.
16. Всего в нашем распоряжении 50 текстов о д. Никулино и его святынях.
17. Морконницы — деревня при устье реки Мда, впадающей в реку Мсту (Любытинский р-н Новгородской обл.). В средневековье здесь сходились границы трех восточных новгородских пятин. Центр бывшего Морконницкого погоста. Относительно названия деревни среди местного населения ходит предание, что во время «литовского» разорения враги загнали в церковь коней. Кони ослепли, т.е. произошел мор конницы.
18. Кресточек. Любытинский р-н Новгородской обл. Почитаемое место находится на правом берегу реки Мсты в районе впадения в неё реки Мды в сосновом бору рядом с дорогой. Один из основных отличительных его признаков – большой деревянный крест (возобновлён в 1990-х гг.). В связи с этим, в народе оно известно как: У *Креста*, У *Кресточка*. Недалеко от него находится столик для богослужений и навес от дождя. На деревьях, окружающих крест, повешены иконы. На земле лежат упавшие за зиму с креста заветные полотенца. В ствол одной из сосен врезан крест, составленный из металлических скоб. Около дороги, в нескольких метрах он креста, лежат два камня с выемками (*Шорин М.В.* Культовые камни Приильменья (по материалам Новгородской области) // Археологические вести № 5. 1996–1997. СПб., 1998. Карта на С. 217; камни обозначены под № 11), в которые богомольцы опускают деньги. В низине под крестом располагается источник. От стоявшей здесь когда-то часовни сохранились нижние венцы сруба. Сейчас рядом с ключом устроены мостки для набора воды. Большое стечение бого-

мольцев здесь происходит в праздник Воздвижения Честного и Животворящего Креста Господня (14/27.IX).

19. Тимофеева Матрёна Матвеевна, 1901 г.р. Зап. в д. Проскурка (Любытинский р-н, Новгородская обл.). 1996 г.
20. Попов Владимир Петрович, 1933 г.р. Зап. в д. Крестцы (Киришский р-н, Ленинградская обл.). 2000 г.
21. Например, в изучаемом регионе с личностью А.В. Суворова связано два места — его имение в с. Суворово-Кончанское и старые казармы в г. Новая Ладога, где проходил службу будущий полководец.
22. Одно из известнейших чудес, произошедших от иконы Тихвинской Божией матери — это победа над шведским войском, осаждавшим Тихвин в Смутное время начала XVII в. Следствием вмешательства божественной силы стало подписание Столбовского мирного договора между Россией и Швецией 1617 г., положившего конец русско-шведской войне 1613–1617 г. См.: Историко-статистическое описание первоклассного Тихвинского Богородицкого большого монастыря: Репринтное издание. СПб., 2004. С. 25–42; *Кирилин В.М.* Сказание о Тихвинской иконе Богоматери «Одигитрия». М., 2007.
23. 16 октября 1941 г. подразделения 16-й полевой армии начали наступление с целью соединения с финскими войсками на реке Свирь, чтобы полностью блокировать Ленинград. 8 ноября Тихвин был взят. Немецким войскам удалось перерезать железную дорогу, шедшую к Ладожскому озеру, по которой доставлялись грузы для блокированного с суши Ленинграда. В ходе тяжелых боев войскам Красной армии удалось освободить Тихвин 9 декабря и отбросить немецкие войска за Волхов.
24. Боженова Анастасия Семёновна, 1908 г.р. Зап. в д. Низовка (Маловишерский р-н, Новгородская обл.). 1999 г.
25. Минина Клавдия Васильевна, 1922 г.р. Зап. в д. Концы (Маловишерский р-н, Новгородская обл.). 2000 г.

NARRATIONS ABOUT SACRED PLACES IN RUSSIAN NORTH: QUESTION ON MECHANISMS OF DEIFICATION OF SPACE

V.V. Vinogradov

The work is devoted to some aspects of spaces' deification. The thematic cycle of Russian national religious prose — narrations about esteemed, sacred places is under consideration. The center of attention is mechanisms of deification of space which are investigated on the level of interaction within the folklore motives.

© 2008

Г.В. Любимова

СПОСОБЫ САКРАЛИЗАЦИИ ПРОСТРАНСТВА В СОВРЕМЕННЫХ РЕЛИГИОЗНО-ОБРЯДОВЫХ ПРАКТИКАХ (НА МАТЕРИАЛАХ СИБИРСКОГО РЕГИОНА)*

Уделяя большое внимание так называемому *понимаемому пространству* (пространственным аспектам символьных сторон культуры), отечественные исследователи, как было отмечено на конгрессе этнологов и антропологов 2003 года, в меньшей степени ориентировались на изучение *проживаемого пространства*, то есть, конкретных «практик освоения и использования пространства в разных обществах и разных средах»[1]. Несколько ранее, приступая к изучению «сакральных очагов» Русского Севера, Т.А. Бернштам констатировала, что исследование **мировоззренческого аспекта культурного освоения пространства** в восточнославянской этнографии еще только «пробивает» себе дорогу[2]. Вместе с тем, именно в последние годы в российской науке появилось большое количество публикаций, посвященных современным практикам почитания «святых мест» — особых точек пространства, обладающих, с точки зрения местного населения, сакральным статусом. Достаточно хорошо подобные практики изучены в отношении Европейской части страны и, прежде всего, Русского Севера, что касается сибирского региона, то публикации, основанные на русских материалах, носят единичный характер[3].

Несмотря на долгие годы запретов и борьбы с местными культами почитаемые места, как подчеркивается во многих исследованиях, «продолжают оставаться актуальным явлением повседневной жизни»[4]. Более того, наблюдаемое сегодня повсеместное возрождение традиции почитания святых мест происходит при самом активном участии Русской Православной Церкви, хотя почитание местных святынь (священных камней, родников, деревьев, каменных или деревянных крестов и прочих ландшафтных объектов природного или искусственного происхождения) никогда прежде не предусматривалось каноническим церковным обиходом[5].

В настоящее время, в русле «основных тенденций православного ренессанса России», как определяет особенность современной ситуации В.В. Виноградов, почитание святых мест вошло в новую фазу своего развития, примером чего могут служить как модификации прежних культовых комплексов, так и появление новых священных объектов[6]. Современные **способы сакрализации объектов природы** рассматриваются в статье на примере традиционных для сибирского региона христианских конфессий (народного православия и старообрядчества). В основу исследования положены многолетние полевые сборы автора,

Народная колонизация зауральских земель русскими первопоселенцами сопровождалась, как известно, повсеместным утверждением религиозных святынь и символов, означавших включение неизведанных ранее пространств в

* Работа выполнена при поддержке РГНФ, проект № 08-01-00333а.

мир истинной, христианской веры. Организация заселяемых территорий помимо прочего предполагала не только прокладывание новых путей и определение границ, но также обустройство святынь и мест, обладавших «повышенным социальным статусом»[7]. Будучи культурной универсалией, ц е н т р и р о в а н и е пространства, выражавшееся в создании «узлов связей, мест защиты и управления», формировало, таким образом, «каркас обитаемой территории», придавая ей определенную конфигурацию[8]. Так, в условиях иноэтничного окружения в роли символов освоенного пространства, а также сакральных центров поселения (мест регулярных молебнов, в том числе, по случаю засухи) у забайкальских старообрядцев выступали возвышавшиеся на окрестных сопках кресты[9].

Современное состояние сибирской народно-православной традиции почитания святых мест, как показало проведенное исследование, связано с регулярным проведением крестных ходов и возведением культовых сооружений (*деревянных крестов, часовен или храмов*) в непосредственной близости от того или иного объекта природы, наделенного сакральным статусом. В подавляющем большинстве случаев подобным природным объектом оказывается водный источник (родник или ключ), отмеченный, согласно народным воззрениям, символикой женского плодородящего и исцеляющего начала.

Указанная символика поддерживается бытующими вплоть до настоящего времени преданиями о так называемых явленных (приплывающих по реке или всплывающих время от времени из родника) иконах («божественных ликах»), большая часть из которых относится к богородичному типу. Именно благодаря этим преданиям водный источник и окружающее его пространство приобретают в сознании верующих статус сакрального локуса[10].

Рассмотрим некоторые общие и особенные черты процесса сакрализации объектов природы сельским населением Сибири на примере одного из наиболее почитаемых мест Алтайского края — **святого ключа**, расположенного возле с. Сорочий Лог Первомайского района, существенное влияние на характер почитания которого оказала народная память о событиях местной истории периода гражданской войны. Отметим также, что сопоставление разноплановых источников (в том числе, сведений, изложенных в старообрядческих сочинениях, публикаций в местной периодике 1920-х годов, а также современных полевых материалов), дало возможность проследить не только историю почитаемого места, но и восстановить обстоятельства, при которых произошла его сакрализация.

Барнаульские историки реконструировали события, происходившие в Сорочьем Логу в начале 1921 года, когда недовольные политикой продразверстки — и левые («бывшие партизаны»), и правые («остатки колчаковцев») — перешли к активным действиям против новой власти. Контрреволюционеры, как пишут авторы книги по истории села, «решили захватить власть через выборы», чтобы установить «Советы без большевиков». Вовремя раскрыв «заговор», коммунисты, по версии авторов, вначале «позволили» оппозиции прийти к власти, а затем, после выборов, арестовали весь новый состав волостного Совета народных депутатов. Часть «заговорщиков» была сразу расстреляна возле школы, «других вывели за село и порубили шашками»[11].

Согласно полевым материалам, вскоре после подавления заговора на месте

гибели «контрреволюционных повстанцев» стали происходить разные «чудеса» — «пение невидимых певчих», появление свечек, которые «горели сами собой» и пр. Все это продолжалось до тех пор, пока, наконец, сквозь землю не «проступила кровь» и не «пробился родник», находившийся ранее «совсем в другом месте» (ПМА, 2004).

Общественное мнение, таким образом, было подготовлено к восприятию очередного «чуда», которое не заставило себя долго ждать. Матери одного из расстрелянных, каждый день ходившей на место гибели сына, привиделся в ключевой воде лик, будто бы сообщивший ей о том, что все погибшие «признаны Богом невиновными мучениками», и что возникший на месте их гибели родник — это «слезы матерей по невинно убиенным»[12]. Церковь способствовала распространению новой легенды, объявив ключ в овраге за селом «святым», а традиционные обходы полей в случае засухи (*«с иконами и с батюшкой»*) стали включать в себя обязательное посещение новообретенной святыни (записано от П.П. Выходцевой, 1920 г.р.).

Широкая популярность ключа, связанная с распространением преданий о явлении «божественных ликов», пришлась на 1920-е годы, когда паломничество охватило буквально всю страну. «*Беспрерывные вереницы народа*, — писала краевая газета «Красный Алтай» летом 1925 года, — *текут к ключу за исцелением, святой водицей и песочком*». Ежедневная посещаемость святого места составляла не менее 500 человек, а в иные дни, судя по донесениям местных властей, встревоженных «контрреволюционным характером» происходившего, доходила до двух тысяч[13].

Всегда популярная у православных «тема чудесных исцелений у святых источников», как отмечают Н.Н. Покровский и Н.Д. Зольникова, явно интересовала и старообрядцев — составителей так называемого Урало-Сибирского Патерика, капитального рукописного труда по истории часовенного согласия. Одна из подборок рассказов о целебных источниках в третьем томе сочинения посвящена материалам о Троице-Сергиевой лавре, а другая — объединенная общим заглавием **«Повесть о святом ключе»** — включает в себя рассказы «об известном алтайском источнике близ с. Сорочий Лог». Основное повествование о событиях гражданской войны и 1920-х годов принадлежит И.А. Потанину, а рассказы об исцелениях 1930–1960-х годов написаны м. Анной, м. Енафой и А.Г. Мурачевым[14].

Период гражданской войны характеризуется И.А. Потаниным как *«зима безбожия»*, когда *«восташа брат на брата и сын на отца со оружием»*, о чем, как подчеркивает автор, было предречено еще в Святом Писании (*«якоже во Святем Писании предречеся о сем»*)[15]. Сами события рисуются в Повести как кровавое *«междуусобие»*, когда *«несколько человек истинно верующих православных християн»* были замучены *«единоплеменными, но отступившими в безбожие народами»*. И хотя расстрелянные и зарубленные шашками «заговорщики» не были старообрядцами, автор повествования описывает их как последователей «истинной веры», принадлежность к которой и послужила причиной того, что на них *«аки достойных содеяся Божия благодати чюдотворение»*[16]. Таким образом, своеобразная «**приватизация исторической памяти**» в данном случае проявилась в том, что погибшие в борьбе с «антихристовым государством» в мировоззре-

нии старообрядцев превратились не только в мучеников за веру, но еще и в единоверцев — ср.: *«Свидетельствуют, что они были християне и пострадали за веру Христову»*[17].

Текст «Повести о святом ключе» в мельчайших деталях позволяет восстановить, каким образом место гибели участников «контрреволюционного заговора» приобрело в народной исторической памяти сакральный статус.

Сравнительные материалы показывают, что обретение статуса сакрального места в народно-православной (в том числе, старообрядческой) картине мира, связано с православным пониманием категории чуда. В изданном в 2003 г. сборнике «Православные чудеса последнего времени» (СПб) говорится, что «*Господь для того посылает нам чудеса и знамения, чтобы мы, наконец, ощутили Его близость, почувствовали Его любовь...»*. И далее: *«Церковь признает чудо, как проявление благого промысла Божия об отдельном человеке, семье, народе и даже целом мире»*, при этом *«отличительной чертой чудес Божиих является благой результат»*[18].

Первое чудо, согласно «Повести о святом ключе», было связано с видениями, которые стали посещать мать одного из убитых. Тела замученных, как пишет И.Е. Потанин, пролежали невредимо всю зиму, божьим промыслом сохранившись *«от зверей и птиц плотоядных и от истления»* вплоть до весны, пока во сне не явился *«сын своей матери»*, более других пострадавший при подавлении «заговора»[19], и не попросил перенести останки на другое место, поскольку на прежнем, по его словам, *«источник воды имать потещи»*[20].

Возникновение самого источника автор Повести связывает с примечательной деталью: снова явившись во сне своей матери, сын поблагодарил ее за перезахоронение мощей, но велел найти вырезанный из его спины **ремень** и положить рядом с погребенными телами. Когда же старушка-мать с подругой пришли на прежнее место искать ремень и *«с велиим трудом»* обрели его, то у них *«под ногами нача являтися вода, аки источник помалу тещи начинаше»*[21].

В литературе зафиксированы предания о возникновении святых источников из мощей священных персонажей[22]. В данном же случае родник появляется не просто в том месте, где невредимо пролежали тела погибших, но непосредственно из-под вырезанного из тела ремня.

Наряду с крестом ремень (и функционально эквивалентный ему пояс) являлся, как известно, «необходимым и достаточным предметом, ношение которого указывало на принадлежность к миру людей». И напротив, ритуальное снятие пояса, происходившее, как отмечает А.К. Байбурин, при родах, в некоторых видах гаданий, во время повального мора людей и скота и прочих случаях контакта со сферой «чужого», означало, что человек, снявший пояс, сам приобретает «признаки чужести». Таким образом, пояс, считает исследователь, использовался в качестве своеобразного канала или средства установления связи между «своим» и «чужим», то есть, «между различными зонами ритуально-мифологического пространства». В то же время, будучи предметом, сохранявшим тесную, «интимную связь с человеком, (и) его телом», снятый пояс — как «средоточие жизненной силы» — содержал, по мнению автора, «указание на категорию принадлежности, на распространение сферы своего влияния»[23].

По этой причине появление в Повести такой детали, как вырезанный из

спины убитого ремень, давший началу святому ключу, представляется далеко не случайным. Принадлежность «невинно убиенных» к сфере сакрального (подтверждением чего является такой признак, как нетленность их тел) наряду с особыми свойствами ремня / пояса как источника плодородной жизненной силы, согласно логике религиозно-мифологического мышления, не могли не сказаться на свойствах окружающего пространства, знаком сакрализации которого явился пробившийся родник. При этом именно ремень стал тем каналом, по которому сакральные свойства потустороннего мира получили возможность «перетекать» (в прямом и переносном смысле) к месту гибели участников «заговора», сообщая ему статус священного локуса.

Одной из закономерностей в жизни каждой природной святыни, как отмечает Л.В. Фадеева, является формирование собственного, обращенного в прошлое, повествовательного репертуара, основная цель которого заключается в сохранении истории свершившегося чуда[24]. Подтверждением сакрального статуса источника в Сорочьем Логу стали зафиксированные в Повести предания о регулярном явлении «божественных ликов» в святой воде, а также многочисленные рассказы о случаях чудесного исцеления — ср: *«тако потече целебный источник воды, не глубок... но вельми прозрачен... И в воде видяхуся лики или образы Пресвятые Богородицы и святых угодников Божиих. И егда хотяше кто руками в воде взяти их, ничтоже обреташе»*[25]. Побывавшая на святом ключе в 7470 (1962) году черница Анна упоминает виденные ею в воде образы *«Пресвятыя Богородицы со Превечным Младенцем, ангела хранителя, Иоанна Богослова и святителя Николы»*[26]. В описании А.Г. Мурачева приводятся свидетельства *«двух жен»*, согласно которым вода в ключе во время молитвы начинает *«тревожиться и ходить кругами, и выкидывать пузырьки»*. Примечательно, что «божественные лики» в данном случае заменяются тщательно выписанными образами «погибших страдальцев». Ср.: помолившись, жены удостоились увидеть в воде «*три венца и в каждом по три человека... Сперва вышел один разноцветный радужный* (венец), *и в нем три человечка величиной 5 сант. в рубашке, в поясочке, в штанах босые, и так проплыли по дну вниз по ручью примерно метра 4... и невидимы стали. Чрез несколько минут вышел второй* (венец)... (а потом) *третий*». *«Тамошние жители*, — подчеркивает автор, — *этих страдальцев знают на имя»*, поскольку недалеко от ручья находятся их могилы, куда люди ходят молиться и поминать убитых[27].

Выделенность святого места из «обыденного пространственного поля», как отмечается во многих исследованиях, хорошо осознается всеми носителями традиции: «Святое место Бог указал. Там произошло чудо». При этом память о самом чуде находит свое воплощение не только в культовых сооружениях и фольклорных текстах, предстающих как материализованная история примыкающих к святыне поселений, но и в религиозно-обрядовых практиках (прежде всего, ритуалах лечения)[28].

Первым из описанных в «Повести о святом ключе» случаев исцеления стало немедленное прозрение одной из упомянутых старушек (*«егда ремень искаху... прилете капля воды... и нача зрети добре сим оком»*)[29]. Среди прочих случаев выделяется рассказ о чуде, произошедшем в семье *«безбожнаго коммуниста»*, у которого был *«глухонемой детищь»*. Жена его, дождавшись отлучки мужа, отпра-

вила сына на святой ключ, где он успешно исцелился (*«нача глаголати добре здраво и слышати»*). Вернувшись домой, муж не только не наказал жену *«за ослушание»*, но и сам уверовал в Бога[30].

Особенно хорошо, судя по материалам разных источников, ключевая вода помогала в исцелении от *«трясавичной болезни»*. Бесноватые, которых, как сказано в тексте Повести, едва могли удержать *«пять или шесть крепких и могучих»* мужей, еще издали начинали плакать, кричать разными голосами (*«звериными, песиими и птичиими»*) и непотребно ругаться (*«лаяху матерны словесы»*). С одержимыми поступали по-разному — *«водою обливаху... питии даяху или перстию облагаху»*, после чего бесы покидали человека, а сам он получал полное исцеление[31].

Сходное описание (возможно, послужившее источником для приведенного текста Повести) находим в газете «Красный Алтай», один из корреспондентов которой летом 1925 г. сообщал, что уже при подведении к ключу «кликуши» начинают сильно волноваться, но после обрызгивания водой быстро успокаиваются. *«Вот пятеро мужиков, — читаем в одной из публикаций, — тащат к ключу тщедушную женщину, которая отбивается от них с неимоверной силой. Больная кричит, сквернословит, все лицо ее перекашивается, глаза выворачиваются, кажется, что она вот-вот испустит в конвульсиях последний вздох. Брызнули водой — она успокаивается и начинает креститься»* (01.08.1925). Таким образом, беснование нервнобольных являлось, в глазах верующих, показателем святости почитаемого места, а усмирение их водой расценивалось как чудо[32].

Массовое паломничество к ключу, пик популярности которого, как уже отмечалось, пришелся на середину 1920-х годов, заставило власти предпринять ответные меры, направленные на д е с а к р а л и з а ц и ю почитаемого места. О некоторых из них можно судить по тексту самой Повести, в которой упоминается о неоднократных попытках *«завалить источник навозом и гноем»*, забить воронку *«бревнами и соломой»*, взимать *«с каждого болящего»* за исцеление деньги и даже отгонять верующих *«насилием и страхом... казньми... пытками... и заключением в темницу»*. Однако каждый раз за осквернением святыни следовало «восстановление святости» (когда вода пробивалась в другом месте)[33].

Вместе с тем, главную роль в развенчании чудодейственных свойств ключа призвана была сыграть пресса и, прежде всего, краевая газета «Красный Алтай». Понижение статуса почитаемого места достигалось при этом разными способами. Так, уже в одной из первых заметок на тему паломничества в Сорочий Лог говорилось: *«Как-то старухе Петровне вздумалось пустить легенду о «святом» ключе... По мысли Петровны, «святой ключ» пробил из болота в знак невиновности гибели ее родного сына»* (17.07.1925). Упоминание болота представляется здесь не случайным. Признаком «святости» в народных воззрениях обладали, как известно, места и объекты, соотносимые с понятием *в е р х а* (истоки рек, водоемы с проточной водой и пр.). В то же время, к категории безусловно «нечистых» относились места и водоемы, соотносимые с понятием *н и з а* и объединенные многозначным народным понятием «болото»[34].

В духе времени на волне антирелигиозной пропаганды корреспонденты издания стремились изобразить «истинную картину религиозного мракобесия», а «чудесам веры» противопоставить «чудеса науки и техники» (16.07.1925). Боль-

шое внимание в газете уделялось материалам о мнимом исцелении больных (17.07.1925). Наконец, сама вера в явление «божественных ликов» подавалась в публикациях в комическом виде. Так, имея в виду «поселившихся» в ключе «ангелов, архангелов, херувимов и серафимов», автор фельетона, укрывшийся под псевдонимом «Д. Колючий», вопрошал читателей: *«Неужели здравомыслящий человек может поверить, что в воде появились какие-то новые, невиданные до сих пор животные»*? И далее, неожиданно допустив указанную возможность, решительно заявлял, что коммунисты все равно выкинут их из ручейка *«как мокрых куриц»*! (31.07.1925).

Завершением идеологической кампании, проводимой газетой «Красный Алтай», явилось постановление сельсовета, в котором излагалась просьба к райисполкому *«ходатайствовать перед высшими органами о закрытии святого ключа»* (01.08.1925). Вскоре на организованном чекистами судебном процессе к лишению свободы были приговорены епископ Барнаульский Никодим и священник с. Сорочий Лог о. Василий[35]. Таким образом, многие виды народных религиозных практик со второй половины 1920-х годов оказались под запретом. Специальным циркуляром НКВД в 1927 г. по всей стране были запрещены любые молитвенные и богослужебные действия вне храма, в том числе, связанные с традицией почитания местных святынь. Прекратившееся с конца 1920-х годов паломничество к водным источникам стало возобновляться в годы Великой Отечественной войны. Однако в рамках мощной антирелигиозной кампании, развернувшейся в 1958 г. в связи с постановлением ЦК КПСС «О мерах по прекращению паломничества к так называемым “святым местам”», в СССР было запрещено почитание 700 выявленных властями чудотворных источников[36].

Тем не менее, несмотря на все усилия со стороны властей полностью «закрыть» источник в Сорочьем Логу не удалось. В первые годы почитания святыни широкое распространение получила практика обетных приношений, когда к столбу с иконой, поставленному возле родника, паломники несли отрезы холста, *«наивно полагая, что их жертва идет непосредственно Богородице»* («Красный Алтай», 01.08.1925). Дважды в год (07.07 и 11.09) в память о расстрелянных и порубленных шашками «мучениках за веру» к святому ключу совершался крестный ход, причем в данном случае нельзя не заметить лежащей на поверхности аналогии между названием христианского праздника и характером почитаемого события. День Усекновения главы Иоанна Предтечи (11.09 н.ст.) посвящен, как известно, памяти убитых на поле брани воинов. При этом образ самого Иоанна Крестителя, как считает Т.А. Бернштам, чрезвычайно важен для православной идеи мученичества. поскольку именно этот святой в свое время «возглавил формирующийся на Руси пантеон мучеников, составлявшийся из популярных общехристианских и православных святых»[37].

Несколько лет назад в Сорочьем Логу появился женский Богородице-Казанский Иоанно-Предтеченский скит, по инициативе Барнаульской епархии начато строительство храма, разбит цветник. Владыка из Барнаула регулярно проводит крестные ходы к роднику, по окончании которых устраиваются массовые крещения детей и взрослых. Приезжая из ближних и дальних мест в надежде получить исцеление, люди увозят с собой воду в пластиковых бутылках и глину с песком в больших стеклянных банках (ПМА, 2004).

Рассмотрев историю почитания источника в Сорочьем Логу, попробуем выделить общее и особенное в способах сакрализации объектов природы сельским населением Сибири, привлекая сравнительные материалы по другим природным святыням.

Прежде всего, согласимся с предложенным В.В. Виноградовым определением, согласно которому почитаемые места — это «сакрализованные локусы, в которых, по представлению местных жителей, была явлена божественная сила»[38]. Отметим также, что сама «божественная сила», судя по имеющимся материалам, может быть явлена либо через сакральные предметы, чаще всего, иконы богородичного типа (1), либо через священные персонажи — образы Богородицы, христианских святых и пр. (2).

Как правило, появление сакрального предмета в подобного рода текстах предшествует возникновению водного источника (1.1.). В рукописном «Сказании о Курской иконе Богородицы», к примеру, говорится, что родник забил прямо из-под найденной иконы — ср.: *«Один из жителей Рыльска, охотясь на берегу реки Тускарь, увидел икону, лежащую возле корней дерева ликом к земле. Когда он поднял ее, из земли забил источник»*[39].

Однако в ряде случаев придание сакрального статуса уже известному источнику происходит после явления в воде «божественных ликов» (1.2.). Такова история почитаемого места, расположенного возле с. Жуланиха Заринского р-на Алтайского края, самое раннее упоминание о котором относится к 1898 году. Именно тогда, как рассказывают, деревенский пастух, захотевший напиться воды, впервые *«увидел в роднике лик, икону Божьей Матери, всю в цветах»*, причем *«в руки лик никак не давался»*. Позже родник был освящен батюшкой из деревенской церкви (ПМА, 2001).

Приведенные легенды, по классификации В.В. Виноградова, относятся к особой группе текстов, повествующих о н а ч а л е почитаемого места и раскрывающих «мифологическое происхождение» той или иной сакральной точки[40]. Деревенский *пастух* (как и *охотник* из упомянутого «Сказания»), по всей видимости, не является здесь неслучайным персонажем, поскольку сфера его профессиональной деятельности протекает на границе обжитого и неосвоенного пространства, где, по народным воззрениям, могут проявлять себя силы иного мира.

Аналогичные предания о всплывающих время от времени из родника «божественных ликах» были зафиксированы в с. Усть-Серта Чебулинского района Кемеровской обл. (ПМА, 2002)[41]. Сама символика приплывания / уплывания, как пишет в этой связи А.А. Панченко, состоит в подчеркивании потустороннего, в том числе, сакрального, статуса приплывающего / уплывающего предмета. Следовательно, явление или приплывание иконы, по мысли автора, также можно рассматривать как знак, посредством которого потусторонний (сакральный) мир отмечает выделенность того или иного места из окружающего пространства, сообщая ему статус священного локуса[42].

Отдельную группу текстов составляют предания о водных источниках, забивших от следа, оставленного на камне Богородицей или иным священным персонажем (2.1.)[43]. Вместе с тем, встречаются свидетельства о происхождении источников от святых мощей (2.2.)[44] и даже непосредственно от живых людей,

облаченных священным статусом (2.3.). Пример последнего рода можно обнаружить в рассказе священноинока Евагрия (1982 г.р.), по словам которого, енисейские старообрядцы-пустынники всегда лечились исключительно родниковой водой: *«Если когда заболеем, воды напьемся из ключа. Ключ этот из-под ноги у матушки Надежды забил, он целебный был»*[45].

Наконец, к особому (относительно новому) типу преданий о почитаемых местах можно отнести тексты, сложившиеся на основе народной исторической памяти о поворотных событиях местной истории XX в. (3).

Подобно тому, как история святого ключа в Сорочьем Логу возводится к событиям гражданской войны, начало источника в п. Ложок Искитимского района Новосибирской области относится к другому не менее трагическому периоду. Считается, что подземный ключ пробился здесь на месте массовой гибели заключенных, с 1929 по 1956 гг. отбывавших наказание в особом лагерном пункте №4 (ОЛП-4), входившем в систему Сиблага. На установленном возле источника стенде с информацией об историческом прошлом поселка так и говорится, что *«там, где когда-то царили страдания и проливалась кровь человеческая, начинают бить родники»* (ПМА, 2005)[46].

Рассмотренная типология преданий о начале того или иного почитаемого места (в данном случае, водного источника), позволяет утверждать, что выявленный репертуар по истории святого ключа в Сорочьем Логу включает в себя практически все типы подобных текстов.

Возникновение источника в данном случае оказывается «подготовлено» рядом чудесных явлений, к числу которых можно отнести и «пение невидимых певчих», и появление свечек, горевших «сами собой», и проступившую сквозь землю кровь. Сам родник появляется в том месте, где пролежали тела погибших, а его сакральный статус подтверждается бытующими вплоть до настоящего времени преданиями о регулярном явлении в воде «божественных ликов» и многочисленными рассказами о случаях исцеления.

В то же время, история святого ключа в Сорочьем Логу характеризуется рядом специфических черт, выделяющих его среди других почитаемых мест. Отличительной особенностью является возникновение ключа на месте гибели «контрреволюционных повстанцев», превратившихся в народном сознании в «мучеников за веру», а в сознании старообрядцев — еще и в единоверцев (*«истинно верующих православных християн»*), о чем недвусмысленно сказано в старообрядческом сочинении «Повесть о святом ключе», в качестве составной части вошедшем в так называемый Урало-Сибирский Патерик. Принадлежность погибших к сфере сакрального подтверждается в Повести таким признаком, как нетленность их тел. Более того, именно вырезанный из спины одного из убитых ремень становится тем «каналом», по которому сакральные свойства потустороннего мира получают возможность «перетекать» к месту гибели *«предреченных страдальцев»*, сообщая ему статус священного локуса.

Характерной чертой преданий о «божественных ликах» в данном случае можно считать насыщенность их мужскими персонажами, когда наряду с явленными в воде образами Богородицы с младенцем упоминаются образы Иоанна Богослова, святителя Николая и других божьих угодников, а также тщательно выписанные образы самих погибших. Все это не исключает актуализации

традиционных представлений о соотнесенности водных источников с женским божеством, проявлением которых могут служить зафиксированные случаи обетных приношений, предназначенных «непосредственно Богородице».

Акцентируя внимание на том, что святые места аккумулируют стекающиеся к ним сведения о характерных для данной местности несчастьях, бедствиях и способах их преодоления, Т.Б. Щепанская пришла к выводу, что почитаемые места образуют своего рода *кризисную сеть*, «наброшенную» на заселенную территорию[47]. Вместе с тем, формы взаимоотношений человека и святыни, как пишет В.В. Виноградов, не могут сводиться только к «кризисной» или «экстремальной» модели. Будучи органичной частью календарных обрядов, ежегодные посещения сакральной точки в праздничные дни, по мнению автора, способствуют скорее «не ликвидации “кризиса”, а сохранению достигнутого баланса сил в окультуренном пространстве»[48]. Проведенное исследование показало, что одним из популярных «способов коммуникации с сакральным миром», воплощением которого выступает святое место, и в настоящее время продолжает оставаться участие верующих в крестных ходах. При этом само пространство, образованное движением крестного хода, в ряде случаев также воспринимается участниками шествия как сакральное[49]. Занимая особое место в народно-православной картине мира, почитаемые места и связанные с ними поверья и ритуалы, таким образом, формируют специфику местного ландшафта и определяют локальные особенности народного календаря.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Тишков В.А.* Культурный смысл пространства // Этнографическое обозрение. 2004. №1. С. 14.
2. *Бернштам Т.А.* Локальные группы Двинско-Важского ареала: Духовные факторы в этно- и социокультурных процессах // Русский Север. К проблеме локальных групп. СПб., 1995. С. 238–239.
3. См.: *Любимова Г.В.* Почитаемые места в народно-православной картине мира сельского населения Сибири // Православные традиции в народной культуре восточных славян Сибири и массовые формы религиозного сознания XIX—XX вв. Новосибирск, 2006. С. 33.
4. *Виноградов В.В.* Почитаемые места: конец XX // Христианство в регионах мира. СПб., 2002. С. 239.
5. *Панченко А.А.* Исследования в области народного православия. Деревенские святыни Северо-Запада России. СПб., 1998. С. 12–14.
6. *Виноградов В.В.* Механизмы трансляции сакральной информации (на примере почитаемых мест Северо-Запада России) // Механизмы передачи фольклорной традиции. СПб., 2004. С. 233.
7. *Люцидарская А.А.* Колонизация Сибири: человек и пространство. Народы Сибири: История и культура. К 75-летию выдающегося этнографа профессора Г.И. Пелих. Новосибирск, 1997. С. 152.
8. *Тишков*. Ук. соч. С. 14–31.
9. *Любимова Г.В., Голубкова О.В.* Почитание крестов и культ гор в религиозно-обрядовой практике забайкальских старообрядцев // Этнография Алтая и сопредельных территорий. Вып. 4. Барнаул, 2001. С. 114.
10. *Любимова*. Ук. соч. С. 33-34.

11. Оставим приведенные оценки на совести авторов, до сих пор находящихся в плену идеологизированных трактовок отечественной истории. Отметим только, что легитимный приход к власти путем выборов вряд ли можно расценивать как «захват» или «заговор». Согласимся, однако, с общей оценкой событий как «кровавой трагедии гражданской войны», исключавшей всякую возможность какого бы то ни было компромисса — см.: *Строчков П.И., Строчков И.П., Рассыпнов В.А.* Сорочий Лог: история села. Барнаул, 2001. С. 57, 62 и др.
12. Там же. С. 65.
13. *Покровский Н.Н., Зольникова Н.Д.* Староверы-часовенные на востоке России в XVIII–XX вв. Проблемы творчества и общественного сознания. М., 2002. С. 355.
14. Там же. С. 353-354. Публикацию текста и комментариев «Повести о святом ключе» — см.: *Духовная литература* староверов востока России XVIII–XX вв. / Отв. ред. Н.Н. Покровский. Т.1. Новосибирск, 1999. С. 140–147.
15. О парадоксе «псевдокнижной атрибуции» как отличительной черте народного исторического сознания — см.: *Panchenko A.* Eschatological Expectations in a Changing World: Narratives About the End of the World in Present Day Russian Folk Culture // SEEFA Journal. Spring 2001. Vol. VI. № 1. P. 10–25 // www.ruthenia.ru/folklore/panchenko2.htm). Не случайно погибшие в Сорочьем Логу повстанцы названы матерью Енафой *«предреченными страдальцами»* — см.: Духовная литература. С. 146.
16. Там же. С. 140.
17. Там же. С. 147.
18. *Православные чудеса* последнего времени. СПб., 2003. С 439–440, 441.
19. В тексте Повести говорится, что он *«весь был изрезан на куски и искроен на ремения»* — см.: Духовная литература. С. 140.
20. Там же. С. 140–141.
21. Там же. С. 141–142.
22. *Тарабукина А.В.* Фольклор и культура прицерковного круга. Дис. ... кан. филол. н. СПб., 2000. 2: 5.4 и др. // www.ruthenia.ru/folktee/CYBERSTOL/books/Tarabukina/arina_tarabukina.html).
23. *Байбурин А.К.* Пояс (к семиотике вещей) // Из культурного наследия народов Восточной Европы. Сб. МАЭ. Т. XLV, СПб., 1992. С. 5–8, 10.
24. *Фадеева Л.В.* «Память пространства»: устные рассказы о святых местах в полевых записях // Славянская традиционная культура и современный мир. Вып. 4. М., 2002. С. 130.
25. Духовная литература. С. 142.
26. Там же. С. 145.
27. Там же. С. 147.
28. *Панченко.* Ук. соч. С. 139; *Фадеева.* Ук. соч. С. 126.
29. Духовная литература. С. 142.
30. Там же. С. 142-143.
31. Там же. С. 143-144.
32. *Любимова.* Ук. соч. С. 43.
33. Духовная литература. С. 143, 145, 146. Не случайно легенды о подтверждении сакрального статуса почитаемого места, не поддающегося разрушительному воздействию безбожников, выделяются исследователями в особую сюжетно-тематическую группу — см.: *Фадеева.* Ук. соч. С. 133–134.
34. См.: *Бернштам.* Ук. соч. С. 240.
35. *Покровский, Зольникова.* Ук. соч. С. 355.
36. *Чистяков П.Г.* Почитание местных святынь в советское время: паломничество к

источнику в курской коренной пустыни в 1940-1950 гг. // Религиоведение. 2006, №1. С. 38, 43.
37. *Бернштам*. Ук. соч. С. 292.
38. *Виноградов*. Ук. соч. С. 230.
39. *Чистяков*. Ук. соч. С. 39; см. также: *Тульцева Л.А.* Народное почитание старца Серафима в Нижегородской и Рязанской областях в XX в. // Наследие Серафима Саровского и судьбы России. Нижний Новгород, 2005. С. 419.
40. *Виноградов*. Механизмы трансляции сакральной информации. С. 239.
41. *Любимова*. Ук. соч. С. 34; см. также: *Фадеева*. Ук. соч. С. 129-130.
42. *Панченко*. Ук. соч. С. 135, 139.
43. К примеру, главной святыней Почаевского монастыря является песчаный камень, на котором, как считается, *«остался след стопы вдавленный, правой ножки Божьей Матери... И потек источник воды»* — см.: *Тарабукина А.В.* Фольклор и культура прицерковного круга, 3:2.
44. Такова легенда о возникновении родника, вытекающего *«из мощей матушки Александры»* — основательницы знаменитой Дивеевской обители (Там же, 2:5.4).
45. *Мурашова Н.С.* Повествования священноинока Евагрия // Проблемы изучения этнической культуры восточных славян Сибири XVII–XX вв. Новосибирск, 2003. С. 205.
46. *Любимова*. Ук. соч. С. 47.
47. *Щепанская Т.Б.* Кризисная сеть (традиции духовного освоения пространства) // Русский Север. К проблеме локальных групп. СПб., 1995. С. 110–112.
48. *Виноградов*. Ук. соч. С. 237.
49. *Любимова*. Ук. соч. С. 42.

WAYS OF DEIFICATION OF SPACE IN MODERN RELIGIOUS — CEREMONIAL PRACTICE (ON MATERIALS OF SIBERIAN REGION)

G.V. Ljubimova

By the example of Christian faiths (national Orthodoxy and Old Belief) traditional for the Siberian region the article considers modern religious-ceremonial practice on worship of «sacred places». These are special points of space which possess the sacral status from the point of view of the local population. Comparison of various sources (including, the data stated in the old believe compositions, publications in the local periodical press of the twenties and some modern field materials) has allowed the author to trace in detail the history of one of the most sacred places of the Altai territory and to reconstruct the circumstances of making it the sacred one that is its deification.

© 2008

Е.А. Пивнева

СОВРЕМЕННЫЕ ЭТНОСОЦИАЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ У ОБСКИХ УГРОВ В ЗЕРКАЛЕ СТАТИСТИКИ

Во второй половине XX в. издано значительное число публикаций, в которых получили освещение этносоциальные изменения у народов Севера России в контексте социалистических преобразований[1]. В целом, если не принимать во внимание «идеологическую составляющую» опубликованных в советский период работ, из них можно получить довольно полное представление о происходящих в северных сообществах в советский период трансформациях. Оценка этих процессов с новых методологических позиций — дело будущего. Не менее важной задачей является фиксация и осмысление этнической ситуации у малочисленных народов Севера на постсоветском пространстве. Одним из источников таких сведений могут служить статистические данные, прежде всего — переписи населения, которые (хотя и в самом общем виде) позволяют наметить основные тенденции социальных изменений[2].

В настоящей работе рассмотрены некоторые аспекты современных этносоциальных процессов в среде обских угров (ханты и манси)[3]. Особенность этих народов как объекта изучения состоит в том, что они раньше других сибирских аборигенов испытали на себе последствия внешних воздействий, оказавшись, в силу особенностей расселения, одними из первых на пути освоения Сибири.

Первая половина XX в., как известно, ознаменовалась плановой политикой воздействия на образ жизни северных аборигенов с целью вовлечения их в общий процесс развития страны — интенсивно проводилось объединение этих народов в колхозы и совхозы, сселение в крупные поселки, в которых можно было обеспечить комплекс социально-бытовых услуг: школа, магазин, фельдшерско-акушерский пункт, дом быта, клуб и т.д. Неустойчивые в прошлом соседские связи между территориальными группами отдельных народов сменились более широкими социальными и экономическими отношениями — колхозными, совхозными, административно-территориальными — в пределах сельсоветов, районов, округа, что способствовало изживанию локальной обособленности и расширению сфер межэтнических контактов. Вовлечение северян в современную административно-хозяйственную структуру явилось важной предпосылкой для качественно новых этносоциальных процессов у этих народов.

С середины 1960-х гг., когда Западная Сибирь стала ареной активного нефтегазового освоения, началось массовое заселение региона пришлым населением. Так, если в 1935 г. в Ханты-Мансийском автономном округе (ХМАО) проживало 50,8 тыс. чел., то в 1967 г. — 250 тыс. чел. (За 32 года общая численность населения округа выросла почти в 5 раз)[4]. В период между переписями 1989 и 2002 гг. численность постоянного населения в ХМАО выросла примерно на 12 % — с 1 282 396 до 1 432 817 чел. Современный этнический состав округа представлен более 100 народами. Наибольшие по численности — русские

(66 %), украинцы (9 %) и татары (8 %). Коренные малочисленные народы Севера занимают в этнической структуре ХМАО всего около 2 %, в т.ч. ханты — 1,2 %, манси — 0,7 % (табл. 1).

Таблица 1

ЧИСЛЕННОСТЬ НАИБОЛЕЕ МНОГОЧИСЛЕННЫХ НАРОДОВ И КОРЕННЫХ НАРОДОВ СЕВЕРА В ХАНТЫ-МАНСИЙСКОМ АО*

	Численность населения, чел.	2002 в % к 1989	В процентах к итогу		
	1989	2002		1989	2002
Все население	**1282396**	**1432817**	**111,7**	**100**	**100**
в том числе:					
Русские	850297	946590	111,3	66,3	66,1
казаки	...	144	...	...	0,0
поморы	...	2	...	...	0,0
Украинцы	148317	123238	83,1	11,6	8,6
Татары	97689	107637	110,2	7,6	7,5
кряшены	...	21	...	...	0,0
татары сибирские	...	123	...	...	0,0
Башкиры	31151	35807	114.9	2,4	2,5
Азербайджанцы	12846	25088	195,3	1,0	1,8
Белорусы	27775	20518	73,9	2,2	1,4
Чуваши	14000	15261	109,0	1,1	1,1
Немцы	8929	8292	92,9	0,7	0,6
Коми	3436	3081	89,7	0,3	0,2
Коренные малочисленные народы Севера — всего	**19939**	**28496**	**142,9**	**1,6**	**2,0**
из них:					
Ханты	11892	17128	144,0	0,9	1,2
Манси	6562	9894	150,8	0,5	0,7
Ненцы	1144	1290	112,8	0,1	0,1
Шорцы	—	59	—	—	0,0
Эвенки	60	43	71,7	0,0	0,0
Селькупы	26	22	84,6	0,0	0,0
Кумандинцы	...	17	...	...	...
Кеты	1	14	14 р.	0,0	0,0
Нивхи	8	10	125,0	0,0	0,0
Коряки	43	6	14,0	0,0	0,0
Эвены	29	6	20,7	0,0	0,0
Долганы	55	1	1,8	0,0	0,0
Саамы	5	1	20,0	0,0	0,0

	Численность населения, чел.	2002 в % к 1989	В процентах к итогу		
	1989	2002		1989	2002
Теленгиты	...	1	...	0,0	0,0
Ульчи	18	1	5,6	0,0	0,0
Чуванцы	—	1	—	—	0,0
Чукчи	10	1	10,0	0,0	0,0
Юкагиры	6	1	16,7	0,0	0,0
Алеуты	14	—	—	0,0	—
Ительмены	9	—	—	0,0	—
Нанайцы	27	—	—	0,0	—
Негидальцы	7	—	—	0,0	—
Нганасаны	5	—	—	0,0	—
Орочи	1	—	—	0,0	—
Тофалары	1	—	—	0,0	—
Удэгейцы	1	—	—	0,0	—
Энцы	1	—	—	0,0	—
Эскимосы	14	—	—	0,0	—

* Народы перечислены в порядке убывания численности по переписи 2002 г.
Источник: Этнодемографические процессы на Севере Евразии. Сыктывкар, 2005. С. 28–31.

Такая ситуация «асимметричного взаимодействия» определяет специфику многих сторон социальных изменений у северных аборигенов, в частности, является значимым фактором процессов этнического смешения. Об интенсивности последних в среде манси может свидетельствовать, например, увеличение у них числа этнически смешанных семей с 2–6 % в 1940-е гг. до 50 % в 1989–1990-е гг. В 1940–1950-е гг. доля детей, родившихся от межэтнических браков, составляла в наиболее «этнически чистой» северной группе манси 5 %, а в 1980–1990-е гг. — уже больше 40 % (по данным похозяйственных книг).[5] Аналогичные тенденции возрастания темпов роста межэтнической брачности и усиления метисации у различных групп обских угров отмечены и в исследованиях социологов[6].

К числу существенных этносоциальных изменений, находящих отражение в статистических данных, можно отнести значительный рост городского населения в среде обских угров. Если в конце XIX в., по данным С.К. Патканова, в городах Тобольской губернии эти народы не составляли и одного процента,[7] то сегодня они относятся к наиболее урбанизированным среди малочисленных народов Севера. Согласно последним переписям населения, доля горожан в общей численности у хантов увеличивалась следующим образом: в 1979 г. — 22,6 %, в 1989 г. — 29,8, в 2002 г. — 34,6 %; у манси в те же годы — 35,3 %; 45,6 и 51,8 %, соответственно. Переписи демонстрируют также рост абсолютной численности городского населения у этих народов: 1979 г. — 4694 чел., 1989 г. —

6636 чел., 2002 г. — 9924 чел. (ханты); 1979 г. — 2624 чел., 1989 г. — 3779 чел., 2002 г. — 5919 чел. (манси). Следует заметить, что в процессе урбанизации бо́льшую активность проявляет женская часть аборигенов. Так, в 2002 г. женщины среди горожан составляли у хантов 58,2 % (в ХМАО — 57,3 %), у манси — 56,7 % (в ХМАО — 56,6 %).

Доля сельского населения среди проживающих в ХМАО обских угров имеет тенденцию к сокращению: 1979 г. — 77,4 %, в 1989 г. — 70,2 %, в 2002 г. — 65,4 % (ханты); 1979 г. — 64,7 %, 1989 г. — 54,4 %, 2002 г. — 48,2 % (манси). Что касается абсолютной численности, здесь можно отметить, что за период между 1979 и 1989 гг. она сократилась: у хантов с 16049 до 15674 чел., у манси — с 4810 до 4500 чел. Перепись же 2002 г. зафиксировала ее увеличение: у хантов до 18754 чел, у манси — до 5513 чел. Одна из причин такого роста численности связана с активными процессами смены этнической идентичности у сельских аборигенов. Это обстоятельство заслуживает особого внимания как пример современной жизненной стратегии северян и далее будет рассмотрено подробнее.

Значимым фактором, способствующим миграции молодежи в города, стал рост образовательного уровня среди аборигенов. Распределение хантов и манси в возрасте 15 лет и более по уровню образования показывает, что ведущие позиции у них занимает основное общее образование. Далее в порядке убывания следуют среднее профессиональное и среднее общее образование. Одной из существенных тенденций изменения образовательного статуса обских угров стал рост у них уровня профессионального (послевузовского, высшего и неполного высшего) образования. В ХМАО такое образование в 2002 г. имели 9 % манси и 8 % хантов. В гендерном аспекте можно отметить более высокий образовательный статус у женщин из числа народов Севера, о чем свидетельствует содержание таблицы 3.

Таблица 3

УРОВЕНЬ ОБРАЗОВАНИЯ СРЕДИ ОБСКИХ УГРОВ ПО ПЕРЕПИСИ 2002 г.*

	Ханты	Манси		
	Мужчины	Женщины	Мужчины	Женщины
Профессиональное				
высшее	41	79	57	104
неполное высшее	13	24	17	24
среднее	167	247	185	285
начальное	107	93	136	100
Общее				
среднее	181	184	208	203
неполное среднее	310	221	290	198
начальное	151	116	97	73
не имеют начального	26	33	9	12

* На 1000 человек в возрасте 15 лет и старше

Источник: Финно-угорские народы России. Статистический сборник. Сыктывкар, 2005. С. 55–62.

Данные, полученные из похозяйственных книг сельских администраций, подтверждают более высокий образовательный уровень у обско-угорских женщин. Например, в 2004 г. в пос. Саранпауль Березовского района ХМАО из 10 манси, имеющих высшее образование, было 9 женщин (в основном это учителя, а также экономист–бухгалтер администрации, экономист геологического предприятия и научный сотрудник музея). Среди женщин почти в 3 раза больше, чем среди мужчин, и имеющих среднее специальное /профессиональное/ техническое образование[8].

Рост образовательного уровня в среде обских угров стимулируется проводимой в ХМАО политикой предоставления определенных льгот северянам при получении высшего и среднего специального образования. Дети коренных народов Севера имеют там б*о*льшие возможности, в том числе и для обучения по таким престижным на сегодняшний день специальностям, как «экономика», «юриспруденция», «информатика и программирование». Сегодня значительная часть коренных северян видит перспективу трудоустройства своих детей именно в таких современных сферах, а рыболовству и охоте отводят роль хобби.

Ориентация на занятость в традиционных отраслях хозяйственной деятельности не является в настоящее время доминирующей в профессиональных предпочтениях молодежи из числа народов Севера. Высокие требования, предъявляемые к представителям кочевого/полукочевого образа жизни (тяжелый физический труд, отсутствие бытовых удобств, суженный круг общения и пр.) воспринимается большинством юношей и девушек, закончивших школу в поселках и приобщившимся к «благам цивилизации», как неприемлемые.

Существуют и объективные причины сокращения значимости традиционных отраслей хозяйства у хантов и манси. Развитие нефтяной и газодобывающей промышленности в Западной Сибири привело к выведению из традиционного хозяйственного оборота этих народов значительной доли продуктивных территорий, резкому ухудшению экологической обстановки. Деформирована вся система природопользования обских угров. Из традиционных сфер деятельности (речное рыболовство, охота, оленеводство) первые два не обеспечивают постоянной занятости. Исключение составляет оленеводство, но поголовье домашних оленей и территории их выпаса по разным причинам сокращаются[9].

Необходимо отметить, что часть аборигенного населения все же продолжает вести образ жизни, связанный с рыболовством, оленеводством, охотой. Именно эти люди сохраняют самобытные доиндустриальные черты в хозяйственно–бытовом укладе, материальной культуре, мировоззрении и обрядовой практике, родной язык. Точные сведения о динамке численности таких групп выявить сложно, что объясняется как наследием советской статистики, учитывавшей традиционные отрасли в разделе «сельское хозяйство», так и трудностью учета занятости в традиционных отраслях в связи со спецификой последних (значительная часть сельских аборигенов в той или иной степени занимается традиционными видами деятельности сезонно).

По некоторым оценкам, на середину 1990-х гг. доля занятых в традиционных отраслях экономики у хантов и манси не превышала 20 %[10]. Конкретные примеры показывают, что во многих случаях этот показатель еще ниже. В каче-

стве примера можно привести ситуацию с занятостью среди северной группы обских угров. По данным Саранпаульской администрации, на 1 января 2004 г. в поселке числилось 2984 чел., в том числе 975 (32,7 %) представителей народов Севера. Основными работодателями на Саранпаульской территории были такие организации и учреждения, как ОАО «Сосьвапромгеология» (из числа коренных северян трудоустроено 43 чел.), школа (40 чел.), ЖКХ (39 чел.), детские сады (21 чел.), участковая больница (12 чел.), отделение почтовой связи (7 чел.), администрация (6 чел.), аэропорт (4 чел.). В них в целом было занято около 30 % трудоспособного населения из числа малочисленных народов Севера. К различным видам традиционной деятельности имели отношение только 15 % трудоспособного населения: в ГУОП «Саранпаульский» (из числа коренных народов трудоустроено 56 чел.), общинах «Сыгва» (24 чел.) и «Турупья» (10 чел.), национальном предприятии «Элаль» (5 чел.). Остальные представители коренных народов были заняты либо временно, либо вообще не имели работы[11].

Неблагоприятные тенденции в сфере трудовой занятости коренных северян относятся к числу наиболее значимых социальных проблем последних десятилетий. Массовое закрытие промышленных предприятий прежде всего коснулось этих групп населения, которые, не имея квалификации, пополнили ряды безработных. Безработица и неполная занятость в северных поселках стали в настоящее время устойчивым социальным явлением, порождающим многие другие проблемы. Из них одна из самых острых — пьянство и алкоголизм, являющиеся в свою очередь важнейшей причиной необычайно высокой смертности северных аборигенов от т.н. неестественных причин, в том числе убийств и самоубийств[12]. В каждом северном поселке сегодня есть группы аборигенов, ведущих асоциальный образ жизни. Они не работают, поскольку утратили навыки традиционной хозяйственной деятельности, которыми владели их родители, и не приобрели никаких других. У жителей населенных пунктов, где встречаются такие люди, нередко формируется негативный образ коренных народов. Их воспринимают как маргиналов, порвавших с традиционным образом жизни и не нашедших себя в другой сфере, а потому самых бедных и неблагополучных. Многие респонденты говорят о том, что аборигены не хотят работать, много пьют, что они давно оторвались от традиционной культуры, у них нет перспектив сохранения своей этнической самобытности.

Считается, что с отходом аборигенных народов от традиционных систем жизнеобеспечения происходит сужение этнически маркированного слоя. В случае с обскими уграми действительно можно констатировать исчезновение многих элементов их традиционной культуры (выходит из повседневного употребления народная одежда, средства транспорта, типы построек). Переписи населения демонстрируют и устойчивую динамику сокращения среди хантов и манси числа лиц, считающих родными языки своих народов. Так, в 1970–1979–1989 гг. титульный язык назвали родным соответственно: 52–50–37 % манси; 69–68–61 % хантов. Некоторое представление о современной языковой ситуации в зависимости от мест проживания хантов и манси дает таблица 3, которая подтверждает тенденцию предыдущих десятилетий. Абсолютное большинство представителей аборигенных народов свободно владеет

русским языком. Общим для рассматриваемых народов является тот факт, что доля лиц, владеющих языком своего народа, в среде сельских жителей более значительна по сравнению с городским населением и с общими показателями.

Таблица 3

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ОБСКИХ УГРОВ ПО УРОВНЮ ВЛАДЕНИЯ ЯЗЫКАМИ (ПО ИТОГАМ ПЕРЕПИСИ 2002 г.)

	Всего чел.	В том числе указали владение языком						
		%	своего народа	%	русским	%	другими	%
ХАНТЫ								
Территории преимущественного проживания КМНС								
Городское и сельское население	27655	100	12221	44,2	26884	97,2	1231	4,5
Городское население	9190	100	2306	25,1	9061	98,6	496	5,4
Сельское население	18465	100	9915	53,7	17823	96,5	735	4,0
ХМАО								
Городское и сельское население	17128	100	5908	34,5	16826	98,3	518	3,0
Городское население	6798	100	1371	20,2	6704	98,6	301	4,4
Сельское население	10330	100	4537	43,9	10122	98,0	217	2,1
МАНСИ								
Территории преимущественного проживания КМНС								
Городское и сельское население	10831	100	2202	20,3	10737	99,1	418	3,9
Городское население	5497	100	553	10,1	5461	99,3	246	4,5
Сельское население	5334	100	1649	30,9	5276	98,9	172	3,2
ХМАО								
Городское и сельское население	9894	100	2007	20,3	9804	99,1	339	3,4
Городское население	4865	100	490	10,1	4831	99,3	178	3,7
Сельское население	5029	100	1517	30,2	4973	98,9	161	3,2

Источник. Коренные малочисленные народы Российской Федерации (Итоги Всероссийской переписи населения 2002 г.). Т. 13. М., 2005. С. 16, 21.

На фоне этих объективных процессов, теоретически предполагающих ослабление этничности, в последние годы среди северных аборигенов наметилась следующая качественно новая социальная тенденция.

Еще в недавнем прошлом для значительной части представителей коренных малочисленных народов Севера было характерно стремление отойти от своей этнической культуры, влиться в доминирующее большинство русскоязычного населения. В числе причин существовавшего в их среде «комплекса этнической

неполноценности» можно назвать бытующее в обществе отношение к традиционной культуре северных аборигенов как к некоему рудименту. С 1990-х гг. у северян произошла переоценка значимости своей этнической культуры. Эту тенденцию отразила последняя (2002 г.) перепись населения, показавшая, например, что в Ханты-Мансийском АО численность манси по сравнению с 1989 г. выросла на 51 %, хантов — на 44 %. Среди «факторов роста» исследователи выделяют активный процесс смены этнических предпочтений в пользу аборигенных народов: «Учитывая объективные демографические показатели рождаемости и смертности и сложившийся уровень естественного прироста коренного населения (около 12 чел. на 1000 населения), количество коренных жителей на сегодняшний день должно было составить 23 500 чел. Это абсолютно не значит, что цифра 28 000 не объективна. Увеличение коренного населения происходит за счет детей, родившихся в смешанных браках и относящих себя к коренным жителям».[13]

Полевые наблюдения показывают, что в последнее время в округе участились также случаи перемены национальности людьми, у которых дедушки или бабушки являлись по паспорту манси или ханты. При этом желающие поменять свою этническую принадлежность проходят сложную юридическую процедуру: на первой стадии — изменение национальности своих родителей, которые считались представителями некоренной национальности, и только затем — получение аборигенного статуса. По некоторым данным, удельный вес лиц, сменивших национальность на коренную, составил в разных районах ХМАО от 17 до 28 %.[14] Существует мнение, что такой характер выбора национальности связан главным образом с определенными льготами, предоставляемыми коренным жителям ХМАО.[15]

Как представляется, наряду с чисто утилитарными выгодами, современные процессы «этнического возрождения» обусловлены и переоценкой отношения многих представителей аборигенных народов к своей этничности, избавлением от стереотипов советского сознания. Последнее можно считать результатом деятельности общественных организаций северян (прежде всего — «Спасение Югры») и возникших за последние годы в ХМАО позитивных социально-экономических, законодательных и культурных условий. Так, в округе существуют серьезные проекты и разработки, направленные на возрождение духовных традиций, самобытной культуры и языков обских угров — проводятся фольклорные фестивали, семинары по родным языкам, уроки мастеров декоративно-прикладного искусства, народных ремесел. Ведется работа по сбору и фиксации фольклорных материалов, образцов орнаментов. В некоторых поселках работают Центры национальных культур, которые регулярно проводят профессиональные праздники (День оленевода, День рыбака), слеты, выставки-показы национальной одежды, различные конкурсы и спортивные состязания по северным видам спорта. Удачным опытом можно считать создание в округе сети детских этнооздоровителных центров, совмещающих летний отдых детей с познавательной деятельностью, приобщением их к родной культуре. В ряде школ в рамках национально–регионального компонента образования ведется обучение мальчиков охотоведению, рыболовству, а девочек — декоративно-прикладному искусству (плетение из бисера, изготовление поделок из меха и бересты).

Наконец, актуализацию аборигенной этничности можно рассматривать как некое противодействие современным технологиям и коммуникациям, создающим глобальность. Глобализация, как известно, имеет ярко выраженную тенденцию к унификации культур, что вызывает у людей потребность в культурном самоутверждении и желание сохранить собственные культурные (этнические) ценности. Об усилении интереса к собственной культуре среди обских угров свидетельствует, в частности, повышение внимания к изучению родных языков. Об этом можно судить, например, по динамике показателей численности учащихся государственных и муниципальных дневных общеобразовательных учреждений ХМАО, изучающих родной язык как предмет. Мансийский язык изучали: в 1990 г. — 287 чел., 2001 г. — 1483 чел., 2002 г. — 1552 чел., 2003 г. — 1884 чел. (по сравнению с 1990 г. произошло увеличение числа учащихся почти в 7 раз). Почти в 3 раза увеличилось и число изучающих хантыйский язык: 1990 г. — 1089 чел., 2001 г. — 2830 чел., 2002 г. — 3042 чел., 2003 г. — 3098 чел.[16].

В заключение следует отметить сложный (многовекторный и разноуровневый) характер этносоциальных процесов в среде современных обских угров. В отношении будущего этих народов уместно привести мнение известного угроведа З.П. Соколовой: «К сожалению, утрата традиционных отраслей хозяйства, урбанизация культуры, ассимиляционные и миграционные процессы среди северных, в т.ч. и арктических народов — универсальны и повсеместны, будь то наш Север, Север Канады или США, Скандинавии. Они особенно характерны для таких малочисленных народов, как наши. По существу, наши государственные мероприятия по установлению льгот народам Севера являются искусственными для их сохранения, хотя, возможно, и необходимыми. Многие из представителей этих малочисленных народов уже безвозвратно утратили свою этническую специфику и даже их самосознание держится только на этих льготах. Так или иначе, в будущем процессы ассимиляции малочисленных народов их окружением, по-видимому, будут продолжаться. Важно, чтобы они сохранились физически и не деградировали психологически из-за полной утраты своей культуры и неспособности воспринять современную урбанизированную культуру»[17]. К этому следует добавить, что наблюдаемая сегодня в среде обских угров утрата культурной преемственности не является свидетельством исчезновения этих народов как этнических общностей. Современная эволюция ведет к возникновению новых форм культуры и идентичности, при этом этническая специфика все более смещается из сферы материальной в сферу духовной культуры и этнического самосознания.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Сергеев М.А.* Некапиталистический путь развития малых народов Севера // Труды Института этнографии (нов.сер.). Т. 27. М.; Л., 1955; Современное хозяйство, культура и быт малых народов Севера // Труды Института этнографии (нов.сер.). Т. 56. М., 1960; *Соколова З.П.* О некоторых этнических процессах, протекающих у селькупов, хантов и эвенков Томской области // СЭ. 1961. № 3; *Мазуренко Г.А.* Торжество национальной политики Коммунистической партии на Обском Севере. Тюмень, 1961; *Таксами Ч.М.* Переустройство культуры и быта народов Ниж-

него Амура и Сахалина. М., 1964; *Бударин М.Е.* Путь малых народов Севера к социализму. Омск, 1968; Возрожденные народности. Владивосток, 1968; *Клещенок И.П.* Народы Севера и ленинская национальная политика в действии. М., 1968; *Соколова З.П.* Преобразования в хозяйстве, культуре и быте обских угров // СЭ. 1968. № 5; *Балицкий В.Г.* От патриархально-общинного строя — к социализму. М., 1969; Новая жизнь народов Севера. М., 1970; Преобразования в хозяйстве и культуре и современные этнические процессы у народов Севера. М., 1970; *Соколова З.П.* Современные этнические процессы у обских угров // Преобразования в хозяйстве и культуре и этнические процессы у народов Севера. М., 1970; Осуществление ленинской национальной политики у народов Крайнего Севера. М., 1971; *Увачан В.Н.* Путь народов Севера к социализму. М., 1971; Этнографические аспекты изучения современности. Л., 1970; *Клещенок И.П.* Исторический опыт по осуществлению ленинской национальной политики среди малых народов Севера. М., 1972; Время, события, люди. Магадан, 1973; Переход к социализму народностей Севера (исторический очерк). Томск, 1974; *Увачан В.Н.* Народы Севера в условиях развитого социализма. Красноярск, 1977; *Кузаков К.Г.* Социализм и судьбы малых народностей Северо-Востока СССР. Магадан, 1981; Опыт некапиталистического пути развития малых народов Дальнего Востока. Владивосток, 1981; Этнокультурные процессы у народов Сибири и Севера. М., 1985; Современные этнические процессы у народов Западной и Южной Сибири. Томск, 1981; *Увачан В.Н.* Годы, равные векам. М., 1984; *Соколова З.П.* Современное культурное развитие и этнические процессы у обских угров // Этнокультурные процессы у народов Сибири и Севера. М., 1985; Проблемы современного социального развития народностей Севера. Новосибирск, 1987; Этническое развитие народностей Севера в советский период. М., 1987 и др.

2. В 1897 г. в России была проведена первая научно организованная перепись населения, в ходе которой регистрировалась и этническая принадлежность. Заслуга специальной разработки этой переписи принадлежит С.К. Патканову, благодаря которому получены относительно достоверные данные о численности и расселении коренных народов Сибири (*Патканов С.К.* Статистические данные, показывающие племенной состав населения Сибири, язык и роды инородцев. Т. 1–3. СПб., 1912). В 1926–1927 гг. по инициативе Комитета Севера по специальной расширенной программе была проведена Приполярная перепись (в связи с Всесоюзной переписью населения), материалы которой содержат ценную статистическую информацию о северных народах. Проводившиеся в дальнейшем Всесоюзные переписи (1959, 1970, 1979, 1989 гг.) и Всероссийская перепись 2002 г. отличаются меньшей информативностью в этом отношении.
3. Проживают в основном в Западной Сибири, в административных границах Тюменской области. Перепись 2002 г. зафиксировала 28678 хантов, в т.ч. в Тюменской области — 26694 чел. (ХМАО — 17128 чел., ЯНАО — 8760 чел.), в Томской области — 873 чел. Манси, по данным этой переписи, насчитывали 11432 чел., в т.ч. в Тюменской области — 10561 чел. (ХМАО — 9894), Свердловской области — 259 чел. (Коренные малочисленные народы Российской Федерации. Итоги Всероссийской переписи населения 2002 г. Т. 13. М., 2005. С. 8, 11).
4. Народы Севера России. М., 1992. С. 565.
5. *Пивнева Е.А.* Манси: популяционная структура, этнодемографические процессы (XVIII–XX вв.). М., 1999.С. 170–183.
6. См.: *Мархинин В.В., Удалова И.В.* Межэтнические браки: состояние, динамика, проблемные ситуации (по материалам социологической экспедиции в национально-смешанные поселения Ханты-Мансийского, Октябрьского и Березовско-

го районов Ханты-Мансийского автономного округа). Новосибирск, 1997; *они же*. Традиционное хозяйство народов Севера и нефтегазовый комплекс. Новосибирск, 2002; *Харамзин Т.Г., Хайруллина Н.Г.* Традиционный уклад и образ жизни обских угров (по материалам социологических исследований). М., 2002. *они же*. Мониторинг социального самочувствия обских угров. СПб., 2006.

7. *Патканов С.К.* Статистические данные, показывающие племенной состав населения Сибири, язык и роды инородцев (на основании данных специальной разработки материала переписи 1897 г.). Т.II. СПб., 1911. С. 2-3.
8. *Полевые материалы автора*. Березовский район ХМАО, 2004 г.
9. *Мартынова Е.П., Пивнева Е.А.* Традиционное природопользование народов Северного Приобья (по материалам Ханты-Мансийского автономного округа). М., 2001.
10. От патернализма к партнерству (строительство новых отношений народов Севера и государства). Магадан, 1998. С. 150.
11. *Полевые материалы автора*. Березовский район ХМАО, 2004 г.
12. См., например: *Пивнева Е.А.* Заболеваемость и смертность как индикаторы здоровья коренных народов Севера (по материалам Березовского района Ханты-Мансийского автономного округа) // Этнодемографический сборник. Народы Севера России. М., 2000. С. 93–131.
13. *Рянский Ф.Н., Михайловский В.Л.* Возможные изменения структуры хозяйства и расселения в Ханты-Мансийском автономном округе в связи с вызовами нового века // Западная Сибирь: прошлое, настоящее и будущее. Сургут, 2004. С. 278–279.
14. *Логинов В.Г.* Социально-демографические процессы в среде малочисленных народов Севера Ханты-Мансийского автономного округа // Этносоциальные процессы в Сибири. Вып. 5. Новосибирск, 2003. С. 50-54. По подсчетам В.В. Богоявленского, численность народов Севера выросла в целом на полторы тысячи человек (около 6 % всего прироста) именно за счет «недемографических» причин (*Богоявленский Д.Д.* Вымирают ли народы Севера? // research/2004/08/24/demoscope165).
15. См., например: *Рянский, Михайловский*. Ук. соч. С. 278–279.
16. Финно–угорские народы России. Статистический сборник. Сыктывкар, 2005. С. 53.
17. *Соколова З.П.* Народы Севера России в условиях экономической реформы и демократических преобразований // Народы Севера и Сибири в условиях экономических реформ и демократических преобразований. М., 1994. С. 37.

MODERN ETHNOSOCIAL PROCESSES AT OB'S UGRIANS IN THE MIRROR OF STATISTICS

E.A. Pivneva

The present work views some aspects of modern ethnosocial processes amidst Ob's ugrians (Khanty and Mansi). The object of studying is a special feature of these peoples as far as they appeared to be the first Siberian natives who came to know what consequences of external influences were like, being one of the first local nations in the course of development of Siberia.

© 2008

Н.Г. Попова

НЕКОТОРЫЕ ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ ЭТНИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Несмотря на большое число публикаций, вопросы, связанные с изучением этнической идентичности личности, до сих пор остаются дискуссионными. Сегодня эту проблему в целом, а также ее отдельные аспекты изучают представители различных наук. Формирование этнического самосознания (этнической идентичности) в современной науке рассматривается как часть процесса социализации личности. Поэтому представляется довольно важным определиться в трактовке таких ключевых понятий, как: «социализация», «этническое самосознание», «этническая идентичность»/«этничность», выяснить, как в процессе социализации происходит развитие и трансформация этнической идентичности.

Исследования феномена «социализации» имеют уже более чем вековую историю. Однако среди представителей различных областей знаний не существует единства в его понимании и толковании. В гуманитарные науки термин «социализация» (от лат. socialis — общественный) пришел из политэкономии, где его первоначальным значением было «обобществление земли и средств производства». Первым термин «социализация» применительно к человеческому сообществу использовал американский социолог Ф.Г. Гиддинс в 1880-х гг. Этот термин он расшифровал как «развитие социальной природы или характера индивида, подготовка человеческого материала к социальной жизни»[1].

К середине XX в. проблема социализация превратилась в самостоятельную междисциплинарную область исследований. Ведущая роль в разработке теории социализации принадлежала социологии. Постепенно оформились два подхода в понимании процесса социализации. Законодателями первого подхода, который был назван «субъект-объектным» (общество — это субъект воздействия, а человек — его объект), являются французский ученый Э. Дюркгейм и американский — Т. Парсонс. В данном подходе обществу отводится активное начало. Согласно утверждению Э. Дюркгейма, — «общество может выжить только тогда, когда между его членами существует значительная степень однородности», и оно формирует каждого своего члена в соответствии с присущей ему культурой «по своему образцу», а человек «вбирает» в себя эти образцы[2].

У истоков второго подхода, названного «субъект-субъектный», стояли американцы Ч. Куни, Дж. Герберт Мид, а также У. Томас и Ф. Знанецкий. В основу данного подхода легли положения о том, что индивид является источником развития общества, поэтому все социальные явления и процессы необходимо рассматривать как результат сознательной деятельности людей, и, изучая те или иные ситуации, необходимо учитывать не только социальные обстоятельства, но и точку зрения индивидов, т.е. рассматривать их как субъектов социальной жизни.

На сегодняшний день существуют вариативные определения понятия «со-

циализация»; но, как правило, все они могут быть рассмотрены в рамках одного из обозначенных подходов. Синтезируя различные подходы, социализацию можно определить как сложный многогранный процесс включения человека в общество, приобретения им социальных качеств, усвоения социокультурного опыта и реализации собственной сущности.

Интересной представляется концепция А.О. Бороноева, который более широко трактует термин «социализация». Он рассматривает «социализацию» в неразрывной связи с процессом «индивидуализации» как два «магистральных пути развития личности», порой противоречащих друг другу. «Социализация», по его мнению, — это процесс становления личности путем освоения индивидом основного набора духовных ценностей, выработанных человечеством. А «индивидуализация» — процесс становления личности путем селекции информации, получаемой индивидом из окружающей среды, и производства новых духовных ценностей, значимых для общества. Индивидуализация осуществляется в основном посредством выбора (книг, друзей, профессии, места работы и т.п.). Социализация же осуществляется в основном посредством принуждения (обязательное среднее образование, обязанность трудиться и пр.). В конечном счете, социализация понимается А.О. Бороноевым как долг личности, а индивидуализация — ее право [3].

Такой подход предполагает, прежде всего, изучение факторов социальной среды, формирующих личность. А поскольку влияющая на личность социальная среда неоднородна, то, как отмечает уважаемый автор, социализацию личности можно разделить на три взаимосвязанных процесса: социумизацию, этнизацию и культуризацию. Под социумизацией личности понимается освоение индивидом духовных ценностей и опыта только того общества (социума), в котором он воспитывается. Этнизация личности означает освоение индивидом духовных ценностей и опыта только того этноса, к которому он принадлежит. Наконец, культуризация личности предполагает освоение индивидом духовных ценностей и опыта других (как завершивших свой путь в истории, так и современных индивиду) социумов и этносов [4].

Таким образом, можно заключить, что формирование и развитие личности зависит не только от социальных и исторических условий, но и той этнокультурной среды, в рамках которой происходит жизнедеятельность человека [5].

Американский антрополог М. Херсковиц для обозначения вхождения человека в культуру своего народа предложил использовать термин «инкультурация». Автор разделял понятия «социализация» и «инкультурация». Социализацию он понимал как «интеграцию индивида в человеческое общество, приобретение им опыта, который требуется для исполнения социальных ролей», а инкультурация, — это «процесс освоения индивидом присущего культуре миропонимания и поведения, в результате чего формируется его когнитивное, эмоциональное и поведенческое сходство с членами данной культуры и отличие от других культур» [6].

Этнолог М. Мид также не считала понятия социализации и инкультурации тождественными. По ее утверждению, социализация — это социальное научение вообще, а инкультурация — процесс научения, происходящий в реальной специфической культуре.

Несколько иное понимание социализации и инкультурации мы находим у Д. Матсумото: — «социализация, как правило, больше относится к процессу и механизмам, с помощью которых люди познают социальные и культурные нормы», а инкультурация — «к продуктам процесса социализации — субъективным, базовым, психологическим аспектам культуры»[7].

Среди современных исследователей также не встречается единого мнения о содержании данных понятий. Одни рассматривают «социализацию» и «инкультурацию» как синонимы, поскольку человек в процессе своего развития осваивает социокультурное окружение и (приобретает определенный социокультурный опыт)[8]; другие выделяют инкультурацию в контексте общей социализации личности[9].

Инкультурация — это процесс, который начинается с момента рождения человека и продолжается всю жизнь. Выделяются два этапа: детство и зрелость. Наиболее интенсивно инкультурация протекает в детстве, когда осваиваются базовые элементы культуры: язык норм, ценностей и пр. На данном этапе инкультурация реализуется через воспитание и научения. Особенностью второго этапа — зрелости, является способность индивида к самостоятельному освоению культуры.

Близкими по значению термину «инкультурация» являются понятия «этническая социализация» и «этнизация». В общем смысле они означают освоение индивидом ценностей и опыта этноса, к которому он принадлежит. Речь идет о процесс вхождения человека в этническую среду.

Понятие «этническая социализация» используется в возрастной психологии для обозначения «процессов развития, которые приводят к тому, что у детей формируется поведение, восприятие, ценности и аттитюды, свойственные одной из этнических групп, и они начинают рассматривать себя и других людей членами подобных общностей»[10].

В настоящее время в этнопсихологии наряду с понятием «этническая социализация» используется также понятие «культурная трансмиссия». Ряд авторов полагает, что на групповом уровне, социализация и инкультурация включены в «культурную трансмиссию» представляющую собой механизм, с помощью которого этническая группа «передает себя по наследству» своим новым членам, прежде всего детям[11].

В целом, с учетом существующих подходов, «социализацию» можно рассматривать как саморазвитие человека в процессе его активного включения и взаимодействия с обществом, как освоение социокультурного опыта, в результате которого реализуется социальная адаптация и автономизация личности. Учитывая содержание инкультурации, на наш взгляд, правильнее рассматривать данный процесс как составляющий процесса социализации, т.к. социальный и культурный аспекты взаимосвязаны, и культурный фактор во многом предопределяет социальные нормы и установки. Исходя из этого, следует признать, что этническая идентичность как личностная характеристика формируется в процессе социализации в результате присвоения традиций, осознания и усвоения этнофором исторически сложившихся образов мыслей, чувств, действий. Системность традиций позволяет соединить прошлое и настоящее конкретного этноса в жизни конкретного человека.

Понятие «этническая идентичность» встречается в научной литературе достаточно часто, однако как уже отмечалось, смыслы, вкладываемые в это понятие, не тождественны. Прежде всего, необходимо определиться в соотношении этнической идентичности и этнического самосознания. В отечественной этнологии одним из основных предметов исследования долгой время было понятие «национальное самосознание».

В 1940–1950-х гг. вопрос об этническом самосознании как основном признаке этноса практически начали активно разрабатывать в России. Рассматривая самосознание, В.В. Мавродин считал его, наряду с языком, одним из основных факторов, определяющих народность как этническое явление[12]. В трудах В.В. Мавродина и Д.С. Лихачева тех лет были также предприняты попытки охарактеризовать структуру национального самосознания, формы проявления и источники его изучения. В известной работе П.И. Кушнера «Этнические территории и этнические границы» подчеркивалась важность изучения национального самосознания в широком социально-историческом контексте с учетом особенностей развития этнических общностей[13].

Важное место в теоретическом осмыслении этнического самосознания занимают работы С.А.Токарева и Н.Н. Чебоксарова 1960-х гг., где впервые речь шла об «этническом самосознании»[14]. В их трактовке этническое самосознание представляло собой некоторую суммирующую основных признаков этнической общности. Эти публикации открыли научную дискуссию о месте этнического самосознания в структуре этноса.

Следующий этап в разработке этнической теории связан с именем В.И. Козлова, предложившего концепцию этнической общности и впервые выделившего в качестве ее основополагающего признака этническое самосознание, под которым понималось «осознание людьми своей этнической (национальной) принадлежности»[15]. Своего рода резюмирующей можно считать работу Ю.В. Бромлея «Очерки теории этноса», где обобщались основные выводы советских этнографов[16].

При интерпретации понятия «этническое самосознание», Ю.В. Бромлей говорил о возможности более узкой и более широкой трактовки этого термина. В узком смысле оно относится к идентификации человека с определенной этнической общностью, причем наглядным выражением самосознания выступает этноним. В широком смысле «этническое самосознание» дополнительно включает весь комплекс представлений этнофоров о своей этнической общности (ее языке, культуре, историческом прошлом, территории и др.) и, отчасти, о других этнических группах, об этнических ценностях и интересах, а также содержит эмоциональный компонент (стереотипы, чувства и тд.)[17]. При этом различалось этническое самосознание личности и самосознание этнической общности. Некоторые авторы акцентировали и другие составляющие этнического самосознания. К компонентам, выделенным ранее Ю.В. Бромлеем, представители московского центра этносоциологии добавляли также «интересы, осознаваемые людьми как этнические»[18]. В дальнейшем многие исследователи, проводящие эмпирические исследования, следовали именно широкому пониманию «этнического самосознания».

Придавая этническому самосознанию важнейшее значение в функциониро-

вании этноса, Ю.В. Бромлей и В.И. Козлов ориентировались на объективистскую оценку его природы. Этнос мыслился лидерами советской этнографии как безусловная данность, а этническое самосознание как субъективный фактор, отражающий объективно функционирующую реальность[19].

В рамках направления конструктивизма, которое утвердилось в российской науке в 1980–1990-е гг., этнос превратился в «интеллектуальный конструкт». Заменив категорию «этнос» категорией «этничность», представители конструктивизма отождествляли этничность с этнической идентичностью. Причем индивидуальная идентичность при этом считалась непостоянной, ситуативной, произвольно конструируемой характеристикой.

По мнению одного из наиболее влиятельных теоретиков конструктивизма Ф. Барта, «этничность — это форма социальной организации культурных различий»[20]. Лидер российской этнологии рубежа XX–XXI вв. В.А. Тишков предложил рассматривать «этническую идентичность больше как форму социальной организации, чем выражение культурного комплекса»[21], а групповую этническую идентичность как операцию социального конструирования «воображаемых общностей», основанных на вере, что они связаны естественными и даже природными связями[22]. Однако, как справедливо замечает ряд авторов, крайняя онтологизация, как и крайняя субъективизация этничности (равно как и этноса), недопустима.

Парадокс феномена этничности, подчеркивает С.Ф. Чешко, состоит в том, что этничностью можно манипулировать, но ее нельзя сфабриковать[23]. Этничность, с одной стороны, это групповая солидарность, основанная на представлении об общности происхождения и общности исторических судеб, на общности интересов и культуры; с другой — подобные представления имеют объективную основу в реальном существовании этнического сообщества.

Необходимо отметить, что довольно часто понятия «этническое самосознание» и «этническая идентичность» рассматриваются учеными как синонимы. Анализ показывает, что в англоязычном варианте данные понятия являются практически взаимозаменяемыми[24]. Обращаясь в монографии «Философия этноса» к вопросу соотношения этих терминов, С.Е. Рыбаков обращает внимание на то, что этническая идентичность не может быть равнозначна этнической идентификации — отождествлению индивида с определенным этносом. Автор заключает, что «этническая (само)идентификация», «этническая идентичность» и «этническое самосознание» — это в большей степени психические феномены, в то время как этничность — это сложносоставное социальное качество личности.

Опираясь на прикладные и теоретические разработки, ряд авторов делают вывод о том, что термины «этническое самосознание» и «этническая идентичность» не являются взаимозаменяемыми, поскольку некоторые аспекты этнического могут существовать на бессознательном уровне и потому не могут входить в содержание понятия «этнического самосознания». Этническая идентичность, в интепретации В.Ю. Хотинец, рассматривается как уровень (наиболее зрелый) этнического самосознания, или как его конечная форма[25].

По мнению Г.У. Солдатовой, этническое самосознание шире понятия этническая идентичность, так как последняя является его когнитивно-мотивацион-

ной составляющей. С другой стороны, Г.У. Солдатова соглашается с Е.М. Галкиной по поводу того, что этническая идентичность содержит в себе часть бессознательного, а, следовательно, по определению, не может быть ограничена этническим самосознанием. На основании этого объяснения Г.У. Солдатова считает, что этническая идентичность должна изучаться в двух ипостасях — как концентрированная форма и главная характеристика этнического самосознания и как его «изнанка» — этническое бессознательное[26]; она определяет этническую идентичность не только как принятие определенных групповых представлений и готовность к сходному образу мыслей, но также как построение системы отношений и действий в различных этноконтактных ситуациях[27].

С точки зрения анализа существующих подходов в современной отечественной и западной науке для изучения этнической идентичности очень важными являются работы Т.Г. Стефаненко. Автор рассматривает этническую идентичность как социальный конструкт, который создается аскриптивной, предписываемой обществом этничности, но не сводится и может не совпадать с ней. Этническая идентичность является результатом эмоционально окрашенного процесса идентификации/дифференциации, переживания отношений «Я» и этнической среды. Исходя из этого, Т.Г. Стефаненко дает следующее определение: «этническая идентичность» — это результат когнитивно-эмоционального процесса осознания себя представителем этноса, определенная степень отождествления себя с ним и обособления от других этносов.

При этом Т.Г. Стефаненко разводит понятия этнической идентичности и этничности, считая последнюю социологической категорией, относящейся к определению этнической принадлежности по ряду объективных признаков: этническая принадлежность родителей, место рождения, язык и.т.д. Не стоит также забывать и то, что в реальной жизни этническая идентичность не всегда совпадает с официальной и декларируемой идентичностью (причислением себя к этнической общности), которая проявляется в самосознании[28].

Этническая идентичность, по-мнению многих ученых, представляет собой часть социальной идентичности личности[29]. В ее структуре обычно выделяют два основных компонента — когнитивный и аффективный. Под первым понимают этническую осведомленность — знания, представления об особенностях жизни и традициях своей группы и осознание себя ее членом. Второй компонент включает в себя оценку качеств собственной группы и значимость членства в ней. Ряд ученых в структуре этноидентичности выделяют третий компонент — поведенческий, характерный для социальной идентичности, который отвечает за «построение системы отношений и действий в различных этноконтактных ситуациях»[30]. Однако некоторые исследователи полагают, что его включение может привести к излишнему расширению данной категории[31].

Большинство ученых сходятся во мнении, что базовая основа всех этих компонентов, т.е. цельная этническая идентичность складывается к подростковому возрасту, хотя ее формирование начинается в детстве и проходит ряд этапов, соотносимых с этапами психо-физического развития ребенка. Одним из первых в 1951 г. концепцию развития у ребенка этнической идентичности предложил Ж. Пиаже. Развитие этнической идентичности рассматривается им, прежде всего, как создание когнитивных моделей, ответом на которые являются эт-

нические чувства. В частности, Ж. Пиаже выделил три этапа развития этнических характеристик, или этнической идентичности:

1) в 6–7 лет ребенок приобретает первые фрагментарные и несистематичные знания о своей этнической принадлежности, которые он получает, прежде всего, из семьи и непосредственного социального окружения;

2) в 8–9 лет ребенок уже четко идентифицирует себя со своей этнической группой, выдвигает основания идентификации;

3) в 10–11 лет — в младшем подростковом возрасте этническая идентичность формируется в полном объеме. Ребенок способен отмечать уникальность истории своего народа, специфику традиционной бытовой культуры[32].

Данный подход к формированию этнической идентичности основывается на уровне развития мыслительной деятельности. Однако в последнее время появляется все больше научных трудов, в которых уточняются и конкретизируются возрастные границы и содержание этапов формирования этнической идентичности. Современные авторы полагают, что формирование этнического идентичности и самосознания начинается еще в раннем детстве. Прикладные исследования показывают, что первые диффузные проявления идентификации с этнической группой обнаруживаются у детей в возрасте 3–4 лет, в отдельных случаях даже раньше, как правило, это данные о внешних различиях. Но практически все психологи согласны с Ж. Пиаже в том, что реализованной этнической идентичности человек достигает в подростковом возрасте, когда саморефлексия становится наиболее актуальной[33].

Американская исследовательница Дж. Финни предложила модель стадиального формирования этнической идентичности[34]. По ее мнению, внимание следует уделять именно подростковому возрасту, так как именно в этом возрасте формируется основное содержание этнической самоидентификации. Дж. Финни рассматривает становление этнической идентичности подростка по мере исследования реальности и принятия им решений относительно роли этничности в его жизни.

Первая стадия — «непроверенная идентичность» — характеризуется безразличием к исследованию идентичности, отсутствием интереса к проблемам этнических корней и членства в этнической группе. На ней находятся младшие подростки, а также взрослые, не имеющие проблем с этнической принадлежностью.

Вторая стадия — «поиск этнической идентичности» — характеризуется исследованием своей идентичности, стремлением понять значение этничности в собственной жизни. Результат разрешения кризиса этнической идентичности приводит к более глубокому пониманию и оценке своей этничности.

Третья стадия — «реализованная этническая идентичность» — характеризуется ясным, четким и устойчивым ощущением незыблемости своих этнических особенностей, привязанностью к этнической культуре и этнической общности.

Однако следует отметить, что на данном этапе процесс развития этнической идентичности не заканчивается, на последующих этапах формируется этническая осведомленность о своей и чужой группах. Это подтверждается как концепцией Ж. Пиаже, так и более поздними исследованиями[35].

В целом, подводя итоги научного дискурса, можно согласиться с Е.П. Бе-

линской и Т.Г. Стефаненко, что в процессе развития этническая идентичность проходит ряд этапов от диффузной до реализованной, а результатом этого процесса является формирование в подростковом возрасте эмоционально-оценочного осознания принадлежности к этнической общности[36]. Таким образом, закономерностью формирования этнической идентичности является развитие представлений — от осознания внешнего сходства членов этнической группы до глубинного понимания природы этнической общности и своего места в ней.

Рассматривая процесс формирования этнической идентичности, необходимо обратить внимание еще на один аспект, который в последнее время вызывает интерес как среди западных, так и отечественных ученых — это этническая константность[37]. Под этнической константностью понимают «появление у индивида чувства неизменности и устойчивости этнических характеристик»[38]. Сторонники когнитивной теории Ж. Пиаже отмечают, что этнические константы закрепляются в сознании индивида в подростковом возрасте, завершая процесс формирования этнической идентичности и процесс поэтапного осознания неизменности основных психосоциальных характеристик в целом.

На формирование и сохранность этнических констант и в целом этнической идентичности влияет ряд факторов, значение которых может быть различным. Среди самых существенных факторов, в большей степени оказывающих влияние выделяют следующие:

— особенности этнической социализации в семье, школе, ближайшем окружении;

— особенности этноконтактной среды, прежде всего, ее гетерогенность или гомогенность;

— статусные отношения между этническими группами: дети из группы этнического меньшинства имеют больше возможностей получения информации и приобщения к культуре этнического большинства;

— степень идеологической направленности общества и др.

В зависимости от степени влияния вышеперечисленных факторов у человека может сформироваться определенная система ценностей (включая этнические константы) и, соответственно, позитивная, либо негативная этническая идентичность.

Наиболее естественным для человека является поддержание или восстановление позитивной этнической идентичности, которая обеспечивает психологический комфорт, чувство безопасности и стабильности. Для этого он прибегает к стратегии, названной А. Тэшфелом и Дж. Тернером стратегией социального творчества. Она может принимать различные формы, связанные с пересмотром критериев сравнения[39].

В современной науке выделяют две основные модели измерения этнической идентичности. В линейной биполярной модели развитие идентичности предполагается как движение в направлении одного из двух полюсов: идентификация со своей группой (поддержание позитивной или принятие негативной этнической идентичности) и идентификация с доминантной группой (ложная идентичность, встречающаяся у маленьких детей, и измененная в результате свободного выбора идентичность) — соответствуют полюсам при рассмотрении идентичности на основе линейной биполярной модели (см. рис.1).

А В

Рис. 1. Линейная биполярная модель этнической идентичности:
А — высокий уровень идентификация со своей этнической группой (позитивная или негативная идентичность);
В — высокий уровень идентификация с чужой этнической группой (измененная или ложная идентичность).

Однако необходимо согласиться с Т.Г. Стефаненко, которая отмечает, что в реальности человек имеет гораздо больше вариантов выбора, чем полная идентификация с одной этнической группой. Человек может идентифицировать себя сразу с несколькими релевантными группами. Это характерно, например, для потомков смешанных браков, а также для людей, проживающих в полиэтничной среде[40].

Взглядов на возможную вариативность идентификации сегодня придерживаются многие отечественные и зарубежные исследователи. Так, канадский кросс-культурный психолог Дж. Берри, допуская возможность существования подобной ситуации, предложил модель двух измерений этнической идентичности (см. рис. 2). Он выделяет четыре типа этнической идентичности, при которых связи с другими группами могут сосуществовать относительно независимо друг от друга. Эти типы, согласно Дж. Берри, становятся результирующими осуществления одной из четырех стратегий: ассимиляции, сепарации, маргинализации, интеграции[41].

Для большинства индивидов характерна моноэтническая идентичность, совпадающая с официальной этнопринадлежностью. Но её интенсивность может быть различной: от позитивной этнической идентичности до её крайней формы — этнической гиперидентичности.

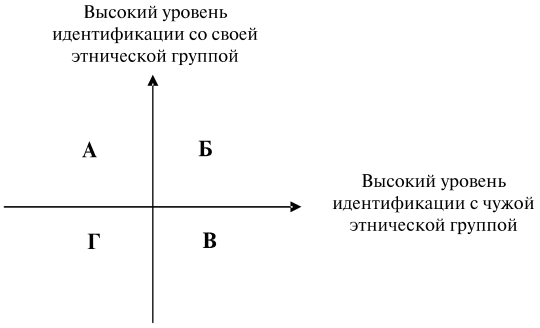


Рис. 2. Модель двух измерений этнической идентичности (по Дж. Берри):
А — моноэтническая идентичность со своей этнической группой;
Б — биэтническая идентичность;
В — моноэтническая идентичность с чужой этнической группой;
Г — маргинальная этническая идентичность.

Моноэтническая идентичность с чужой этнической группой (измененная этноидентичность) возможна в том случае, когда чужая группа расценивается как имеющая более высокий экономический, социальный статус, чем своя.

Сильная, хотя и разного уровня интенсивности идентификация с двумя группами ведет к формированию биэтнической идентичности[42].

Позицию человека на высшем этапе развития называют конструктивной маргинальностью, т.е. это человек-посредник между двумя культурами, человек мультикультуры. Но чаще встречаются люди с негативной маргинальной этнической идентичностью, которые балансируют между двумя культурами, не овладевая в должной мере нормами и ценностями ни одной из них и испытывают внутриличностые конфликты.

В ряде случаев возможна очень слабая, четко не выраженная этническая идентичность или даже ее полное отсутствие на осознаваемом уровне, когда человек отрицает значимость этнической принадлежности как в своей жизни, так и в обществе в целом, указывая, прежде всего, на уникальность своей личности. При таком варианте подростки довольно часто в качестве референтной выбирают группу сверстников, идентифицируя себя с нею[43], или же декларируют свою гражданскую, либо космополитическую идентичность, называя себя гражданами мира.

Таким образом, можно согласиться с рядом исследователей, которые полагают, что ослабление и утрата этнической идентичности может привести к негативным последствиям для идентичности человека в целом, поскольку оборачивается разрушением целостности «Я — концепции» и разрывом связей с какой бы то ни было культурой, лишая человека психологической поддержки, чувства уверенности и определенности[44].

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Мудрик А.В.* Социальная педагогика. М., 2000. С. 8.
2. *Дюркгейм Э.* Социология: Ее предмет, метод, предназначение / Пер. с фр. А.Б. Гофмана М., 1995. С. 124.
3. Введение в этническую психологию / Под ред. Платонова Ю.П., Бороноева А.О., СПб., 1995. С. 69–70.
4. Там же. С. 72.
5. Там же. С. 66.
6. *Herskovits M.O.* Les bases de l' anthropologie culturelle. 1967.
7. *Стефаненко Т.Г.* Этнопсихология. М., 2003. С. 105.
8. *Садохин А.П.* Этнология. М., 2001. С. 150.
9. *Белинская Е.П., Стефаненко Т.Г.* Этническая социализация подростка. М.; Воронеж, 2000. С. 5–9.
10. Там же. С. 54.
11. *Стефаненко.* Этнопсихология. С. 106–107
12. *Мавродин В.В.* Образование Древнерусского государства. Л., 1945.
13. *Кушнер П.И.* Этнические территории и этнические границы. М., 1951. С. 8.
14. *Токарев С.А.* Проблемы типов этнических общностей (к методологическим проблемам этнографии) // ВФ. 1964. №11; *Чебоксаров Н.Н.* Проблемы типологизации этнических общностей в трудах советских ученых // СЭ. 1967. № 4.
15. *Козлов В.И.* Проблема этнического самосознания и ее место в теории этноса. // СЭ. 1974. № 2. С. 84.
16. *Бромлей Ю.В,* Очерки теории этноса. М., 1983.
17. *Рыбаков С.Е.* Философия этноса. 2001. С. 86.

18. *Арутюнян Ю.В., Дробижева Л.М., Сусоколов А.А.* Этносоциология: Учебное пособие для вузов. М., 1998. С. 166–167.
19. Там же. С. 164.
20. *Рыбаков*. Ук. соч. С. 83.
21. *Тишков В.А.* О феномене этничности // ЭО. 1997. №3. С. 6
22. Там же. С 13
23. *Чешко С.В.* Человек и этничность // ЭО. 1994. №6. С. 38–39
24. *Винер Б.Е.* К построению качественной регрессивной модели этнической идентичности // Журнал социологии и социальной антропологии. 1998, № 3. С. 17
25. *Хотинец В.Ю.* Этническое самосознание. СПб., 2000.
26. *Солдатова Г.У.* Психология межэтнической напряженности. М., 1998. С. 43
27. *Дробижева Л.М., Аклаев А.Р., Коротеева В.В., Солдатова Г.У.* Демократизация и образы национализма в Российской Федерации. М., 1996. С. 296.
28. *Стефаненко*. Ук. соч. С. 10.
29. *Белинская, Стефаненко*. Ук. соч. С. 75.
30. *Дробижева, Аклаев*. и др. Ук. соч. С. 296.
31. *Белинская, Стефаненко*. Ук. соч. С. 77.
32. *Пиаже Ж.* Избранные психологические труды. М., 1969.
33. *Снежкова И.А.* К проблеме изучения этнического самосознания у детей и юношества. (По материалам г. Киева и Закарпатской области) // СЭ. 1982. № 1. С. 80–88; *Айгумов З.И.* Особенности самосознания молодежи традиционных этносов Дагестана в условиях межэтнического взаимодействия: Дис. ... канд. психол. наук. М., 1997.
34. *Phinney J.S.* A three-stage model of ethnic identity development in adolescence // Ethnic identity: Formation and transmission among Hispanics and other minorities. Albany, 1993. P. 61–79.
35. *Piaget J., Weil A.M.* The development in children of the idea of the homeland and the relations with other countries // International Social Science Medical Journal. 1973. Psychology of intergroup relations. Chicago, 1986. P. 223–227; *Романова О.Л.* Развитие этнической идентичности у детей и подростков: Автореф. дис. канд. психол. наук. М., 1994; *Быструшкина Н.Г.* Психологические аспекты ситуаций межнационального взаимодействия. Дисс. ... канд. псих. наук. Ярославль, 1999.
36. *Белинская, Стефаненко*. Ук. соч. С. 87.
37. *Ocampo K. A., Bernal M. E., Knight G.P.* Gender, race, and ethnicity: the sequencing of social constancies // Ethnic identity: Formation and transmission among Hispanics and other minorities. Albany, 1993. P. 11–30.
38. *Белинская, Стефаненко*. Ук. соч. С. 86.
39. *Tajfel H., Turner J.C.* The social identity theory of intergroup behavior // Psychology of intergroup relations. Chicago, 1986. P. 7 — 24.
40. *Стефаненко Т.Г.* Социальная психология этнической идентичности. Автореф. дис... док. псих. наук. М., 1999. С. 229.
41. *Berry J.W., Pleasants M.* Ethnic tolerance in plural societies. Paper given at the international conference on Authoritarism and Dogmatism. Potsdam, N. J., Wiley. 1984.
42. *Bennett M.J.* A developmental approach to training for intercultural sensitivity // Journal of International Relations. 1986. Vol. 10. P. 179–196.
43. *Белинская, Стефаненко*. Ук. соч. С. 107.
44. *Эриксон Э.* Идентичность: юность и кризис. М., 2006.

SOME THEORETICAL ASPECTS OF STUDYING ETHNIC IDENTITY

N.G. Popova

The problem is studying the ethnic identity (ethnic consciousness) of a person. There submitted interpretations of such concepts as «socialization», «ethnic consciousness», «ethnic identity» and processes of development and transformation of ethnic identity in the course of socialization. The result of the research is a conclusion that weakening and loss of the ethnic identity could lead to negative consequences for identity of the person, as far as it turns out to be a destruction of integrity within «I — concept» and a break of relations with any culture, depriving the person of any psychological support, feeling of confidence and clarity.

© 2008

А.С. Севостьянов

РУКОПИСЬ И.Г. САФЬЯНОВА: ЛЕГЕНДА «ТЕМИР-САЛ»

Иннокентий Георгиевич Сафьянов является известной личностью в истории Тувы; и известность эта связана, прежде всего, с его политической деятельностью. В то же время, его заслуги в изучении Тувы практически не нашли отклика в литературе. В связи с этим, в данной статье ставится цель показать И.Г. Сафьянова не как участника революционных событий, способствовавшего созданию Тувинской народной республики, а как талантливого краеведа.

Иннокентий Георгиевич Сафьянов родился в 1875 г. в г. Минусинске в семье известного купца и золотопромышленника Георгия Сафьянова. Его отец отличался либеральными взглядами, проявлял живой и деятельный интерес к культурной жизни края. Его дом был клубом для ссыльной интеллигенции. Он оказывал всяческое содействие в открытии музея в Минусинске, материально поддержал экспедиции по изучению Тувы.

В становлении молодого Иннокентия Сафьянова большую роль играло демократическое крыло сообщества политических ссыльных Енисейского края. Отправленный в Красноярскую гимназию, уже в 5 классе он попал в число политически неблагонадежных учеников; в 15 лет был исключен из учебного заведения и выслан с вольным билетом под надзор родителей. Отец, напуганный таким оборотом дела, решил отправить его в Туву, в одну из своих факторий. С тех пор его судьба оказалась связанной с Тувой. По мысли отца, живя с его консервативными приказчиками, Иннокентий должен был избавиться от «крамольной заразы», но вместо этого И. Сафьянов развернул среди них активную пропагандистскую деятельность.

В Туве И. Сафьянов жил подолгу. Изъездил её вдоль и поперек, овладел тувинским и монгольским языками, хорошо знал жизнь и быт местного населения. Находясь среди тувинского народа, он постепенно стал одним из лидеров

национально-освободительного движения в крае. Отец пытался приобщать его к торговым делам, но безуспешно. Иннокентий не считался с торговыми интересами своей семьи. Известны случаи, когда он бесплатно раздавал тувинцам муку и уничтожал долговые расписки.

В 1911 г. И. Сафьянов покинул Туву, и некоторое время служил конторщиком в г. Томске, но уже в следующем году вернулся обратно. В 1913 г. умер его отец Георгий Сафьянов, оставив большой долг, на уплату которого ушли золотые прииски, принадлежавшие семье.

Далее начался период активной общественно-политической деятельности И. Сафьянова. Нужно сказать, что и ранее он не оставался в стороне от нее. Еще в 1905 г. он, вместе с ссыльными, организовал в Минусинске первую демонстрацию, разогнанную жандармами. В 1906–1907 гг. активно работал в подполье. В 1914 г. краевой съезд русской колонии в Туве избрал его председателем краевого земства. В это же время на его личные средства минусинская ссылка издавала газету «Минусинский листок», и он являлся одним из её редакторов.

Помимо политических статей, И. Сафьянов печатал художественные и публицистические материалы о Туве, желая привлечь внимание общественности к тяжкой доле аратов. Часто организовывал «тувинские» вечера, на которых выступал вместе с самодеятельными артистами из Тувы, исполнявшими песни в сопровождении наигрышей на национальных музыкальных инструментах. В 1916 г. за критику действий царских чиновников в Туве он был выслан из пределов Тувы в Енисейскую губернию, а в декабре 1916 г. его заключили в одиночную камеру минусинской тюрьмы, из которой он был освобожден уже после событий Февральской революции 1917 г.

Некоторое время И.Г. Сафьянов работал в Туве в качестве комиссара Временного правительства. Он сыграл большую роль в революционных преобразованиях в крае. Позже уже как член Минусинского уездного комитета большевиков, член исполкома Совета, а затем — представитель Сибревкома и Енисейского губисполкома в Туве он участвовал в подавлении контрреволюционных мятежей, в решении вопроса о национальном самоопреледении тувинцев, регулировании взаимоотношений тувинского и русского населения.

Итогом его деятельности стало провозглашение независимой республики Тану — Тува с первой в ее истории конституцией. Республика была провозглашена в августе 1921 г. на съезде тувинского народа, собранном и подготовленном И. Сафьяновым.

Помимо своей общественно–политической работы, он внес существенный вклад в изучение Тувы. Очень большое влияние на него оказала встреча с Ф.Я. Коном (1864-1941) — общественным и политическим деятелем, историком, этнографом, публицистом. Их встреча состоялась в Минусинске. Под влиянием этого выдающегося исследователя Сибири И. Сафьянов стал пробовать свои силы в краеведении. Его рукописный труд «Тува в прошлом и настоящем: художественное творчество тувинского народа» был посвящен различным аспектам жизни тувинцев.

В начале XX в. он собрал и пересказал многочисленные легенды и предания тувинцев, в виде кратких очерков представил их жизнь. В целом, можно сказать, что его работа — это значительный этап в научном освоении Тувы. Осваи-

вая культуру и фольклор тувинского народа, И. Сафьянов активно занимался публицистикой. Рукопись стала своеобразным итогом его работы.

Наряду с записью тувинских народных былин, сказок («Улу-тюнэ», «Анджи и Бакиш», «Ыдык-тайга»), легенд («Хаяр-хан», «Хунь-курбес», «Узун-хулак-хан», «Шидар-ван»), песен, поговорок, преданий («Темир-сал», «Урзун-хан»), автор поместил в своей рукописи несколько очерков о праздниках тувинского народа. В них он старался придерживаться тех же образных выражений, какие тувинские рассказчики употребляли в своих повествованиях.

Один из самых интересных сюжетов, переданных И. Сафьяновым, это предание «Темир-сал» («Железный плот»). Это предание ему рассказал один из стариков-тувинцев во время его очередного путешествия по Туве в 1903 г. Легенда о Темир-сале была известна еще с XIX в. Ее сюжет является переложением на тувинскую почву библейского сюжета о великом потопе; в нем рассказывается о происхождении народа, что само по себе является достаточно интересным. Но в мифологическом, по сути, сюжете достаточно много моментов, отражающих бытовые особенности жизни тувинцев (описания пищи, обычаев, обрядов).

В 1949 г. свой труд «Тува в прошлом и настоящем: художественное творчество тувинского народа» автор передал в Туву; но рукопись не увидела свет. Ныне она хранится в рукописном фонде Тувинского института гуманитарных исследований (г. Кызыл). В данной статье вводится в научный оборот одна из тувинских легенд.

Темир-сал (железный плот)
(древнее предание)

<...>

“Было время в те ушедшие давно годы, когда наш народ не имел таких черных, жестких, как конский хвост, волос. Не сгибал своей спины и не надевал своих шапок перед сильными людьми[1] ”. Все были равны перед великой матерью всего живущего — природой и поклонялись только ей, только Джер-зэзи (духу земли, хозяину) ее хозяину. Не было обмана, воровства. Общественный скот, общая охота и артельное земледелие давали все необходимое для жизни в изобилии. Наши женщины были красивее звезд на небе, белее лебедей, что купались ранним утром в голубых волнах Улу-Хема.

Полные разного имущества стояли белые войлочные юрты (жилища) свободных сынов нашей счастливой родины по берегам великого озера.

Тучные луга покрывали многочисленные стада лошадей, скота и овец. Двугорбые верблюды сотнями бродили по каменистым скатам гор, а лохматые сарлыки (яки) быстро лазали по выступам береговых скал. Пищи было вдоволь, а одежду и обувь шили наши женщины из бритых шкур диких коз и теплых овчин с заколотых баранов. На обувь выделывали кожи маралов (благородный олень) и буланов (сохатый лось), а бары (кожаные мешки для перевозки имущества) делали из коровьих и бычьих кож, из них же выделывали ременные арканы (веревки), которыми наши парни ловили любого жеребца из своих полудиких табунов. Овечья шерсть, конский и козий волос шли также в дело — из белой шерсти катали белые, как снег, войлока, а из волоса крутили арканы и вязали рыболовные сети.

Знал наш народ и медь, и железо, добывая их из окружающих горных кряжей. Искусные тарганы (кузнецы) ковали ножи, топоры, стремена и таганы (треножники для котла на огне), последние делались с разными украшениями и считались основою каждой юрты, за работу их платили по нескольку кобыл). Из меди делали ковши, пуговицы и разные украшения.

Привольно жилось нашему народу, но отступили от дедовских обычаев молодые ребята, не верили они старикам и их запретам. Молоко, эту основную пищу нашего народа, они стали перегонять на дьявольское зелье — арагу (водку) и пить его без меры. Их стрелы и копья убивали птиц, не ради пищи, а только ради удовольствия. Они забыли заветы отцов и начали делить общественные табуны, занялись торговлей с соседней Монголией и появились среди нашего народа баи (богачи) и араты (бедняки). Узнали такие слова, как: хулерчик (работник), чилгычи (табунщик). Бросили вешать на почетное место собачье корытце, опять забыли древний обычай — считать собаку первым другом человека, членом его семьи, которая оберегала юрту, не только от злых людей, но и от злых духов. Духи боятся собаки, она видит их своими черными глазами[2].

Пьяные затевали драки, обиженные мстили своим обидчикам, воруя у них скот и коля его на мясо. Нехорошо стало в Туве и покровительница наша мать–природа, чтобы предупредить непокорных, загудела зимой снежными буранами, а летом хмурые тучи всё чаще заволакивали ясное солнце и падали на землю крупным дождем. Всё чаще гремел гром, грозовые облака прорезала яркая молния, а по сухим степям бегал хай-от (блуждающие электрические огоньки), пугая людей и животных.

Жил в то время среди тувинцев, стройных и высоких, как могучие тополя, и светловолосых, один человек малого роста, кривоногий и с черными жесткими волосами, точно крылья кускана (ворона).

Жил он в юрте знаменитого таргана (кузнеца), который нашел его маленьким в лесу на поляне, где жег уголь.

Приехал однажды старый тарган жечь уголь. Расседлал быков, пустил на корм и вдруг увидел около ямы сидит черный ребенок, грызет уголь и улыбается ему. Привез тарган мальчишку домой и сказал старухе своей, чтобы умыла и накормила. Так и остался у них жить "Хумырчик" (уголек), как называла его старая тарган-кукшин (старая кузнечиха).

"Откуда же появился черный ребенок в лесу, — думала долго добрая женщина, но разгадать не могла и решила, что это дух земли создал нового человека на горе людям, сейчас живущим. Первые годы он был товарищем и другом маленькой дочки кузнеца, и та очень любила его, не замечая, что друг её черен и неказист. Когда подрос, стал пасти овец и другой скот старика, сделался хулечиком (работником) его. Научил тарган мальчика и своему ремеслу. Стал Хумыр хорошим кузнецом, стал хорошим пастухом и наездником — ни одна лошадь, как бы она ни была дика, не могла сбросить черного парня со своей спины, когда он, вскочив на нее, без седла и узды, заставлял её бешено носиться по степи. Кривыми ногами он обхватывал ей живот, как железным кольцом. И бороться Хумыр был мастер; на общественных праздниках — в массовой борьбе он нередко завоевывал первенство. Вот каков был черный Хумыр. Окончив работу он уходил в лес и там, сидя на пне, пел свои заунывные песни, а птицы слушали и часто вторили ему своими голосами. С людьми он разговаривал мало, был молчалив и видимо боялся их.

Однажды, вернувшись домой поздно вечером, он увидел, что Кырган-авай (старая мать) девушки Севильбы, так звали дочь кузнеца, лежит в постели мертвая, а старик с дочерью сидят около огня, низко опустив головы. Похоронили Кадай (бабушку). Свёз её тело, зашитое в кожаный мешок, Хумыр-ол (Хумыр-парень) в вершину сухого лога и там положил его в зеленой лощине, среди голубого ковра незабудок, вместе с войлоком, на котором она умерла. В первую же ночь хищные волки растерзали её старое тело, растаскали её старые кости. Добрый человек она была и душа её не задержалась в мертвом теле, а полетела искать себе новое место на земле. Справил поминки по своей умершей жене старый тарган, угостил всех, знавших её. Стали жить втроем. Прошло еще несколько лет. Дочь Таргана стала красивой, гордой и не стала обращать никакого внимания на бедного Хумыра, а он так любил её, любовался ею, слагал о ней песни.

Много парней сваталось за Севильбу, но она ни с кем не хотела жить. Нравился ей один кайгал (удалец, джигит), да посадили его за воровство в Карабажин (тюрьма, черная изба) и сидел он там с колодкой на шее. Вот до чего дожили люди, мучить стали друг друга.

В одно тихое, летнее утро не стало и старого кузнеца. На его поминки съехалась вся родня. На славу угостила Севильба своих гостей, зарезав для них много баранов. Старший дядя, брат матери, спросил Севильбу, кто теперь будет хозяином всего имущества умершего таргана. "Я буду. — Ответила гордая девушка, — и Хумырчик, — добавила она тихо, взглянув на парня, понуро сидевшего около огня. Гости насмешливо переглянулись, а Севильба покраснела и, чтобы скрыть своё смущение, выскочила из юрты и не оглядываясь, побежала в соседний ал (поселок). Оскорбленные поведением молодой хозяйки, гости тоже вышли из юрты и, сев на своих лошадей, разъехались по своим юртам. Не так они думали расстаться с хозяйкой, хотели найти ей хорошего, богатого жениха и погулять потом на ее свадьбе.

Долго не возвращалась в юрту Севильба. Хумыр собрал скот, подоил коров, налил большую чашу молока, разложил под ним небольшой костер и на медленном огне грел его до тех пор, пока не выпарилась вся вода, а жир образовал толстую урэмэ (корку). Потом сбил эту корку в высокой, узкой кадке, полученное масло растопил, в жидком виде разлил по приготовленным заранее бараньим кишкам, подвесив их в дымовом отверстии юрты, чтобы кишки, продымившись, не пропускали сквозь налитое в них масло. Прибрался в юрте и сел у порога ожидать возвращения Севильбы.

Беспокоило его долгое отсутствие девушки, крепко любил он её, но на взаимность не надеялся, решил молчать о своем чувстве и служить ей, пока она не гонит его.

Гордая девушка вернулась только рано утром пьяная и, увидев Хумыра, закричала: "Эй, хулечик. Помоги мне разуться, я спать хочу". Уложил её Хумыр и поехал собирать её стадо.

Так и стали жить: она хозяйкой, он работником. Она каждый день, подоив коров, овец и коз, одевала нарядную тон (шубу) и уезжала в соседние алы пить арагу, вести пьяные разговоры, а Хумыр управлялся с хозяйством, пас скот и работал в юрте, где помещалась кузница старого таргана. Севильба брала от соседей заказы, Хумыр ковал их, а она отвозила их заказчикам и за это поили и кормили её там до отвала.

Приехав раз поздно вечером в свою юрту, она заставила Хумыра совсем раздеть себя и потом, повалившись голая на постель, повалила и его к себе. С той ночи стали они спать под одной шубой. Для Хумыра началась счастливая пора. Работал он не покладая рук, и слава о нем как искусном таргане, разнеслась по всей земле; к нему повезли заказы со всех сторон. Один дарга (старшина) заказал сковать железный таган для гигантской медной чаши, в которой можно было сварить целого быка или десяток баранов. Еще и сейчас эта улухбашь (большая чаша) лежит в земле на Хам-таге (шаманской горе) в долине реки Уюка. Над землей видны только края чаши с двадцатью четырьмя ушками, в середине её выросла высокая лиственница.

Притихла и Севильба, бросила пить; она ждала рождения ребенка, прислушиваясь, как внутри её развивалась новая жизнь. С Хумыром она была ласкова.

Наконец родился долгожданный ребенок. Счастливая мать взяла розовый комочек на руки, заглянула в его сморщенное личико и вдруг, бросив его на пол, дико закричала: "Кускечик" (мышонок) и залилась слезами, жалуясь на свою горькую долю. Хумыр поднял ребенка и стал для него отцом и матерью. Кузницу Хумыр забросил и всё время теперь отдавал своему ребенку, такому же черному, как сам, с живыми узкими черными глазками.

Выздоровев, Севильба опять начала пьянствовать и совсем забросила свою юрту, ни разу не приложила к своей груди противного ей черного детеныша. Его выкармливала своим теплым молоком черная коза, которую Хумыр нашел как-то в степи маленьким козленком и вырастил на коровьем молоке.

Так прошло много дней и вот в один хмурый вечер привезли соседи больную, всю опухшую Севильбу. Несчастная женщина тяжело дышала, опухоль живота и ног душила её. Хумыр, проводив соседей, вырыл яму, обложил края свежим коровьим навозом и положил в яму больную, прикрыл сверху её голое тело до самой головы теплым навозом. "Закрывай совсем, если хочешь умертвить", — зло сказала Севильба. "Не убивать тебя хочу, глупая, а лечить", — ответил ей Хумыр ласково. Пять дней лежала женщина в навозе, поил её Хумыр кипяченым молоком, а потом она тихо попросила разрыть её. Вынул из ямы Хумыр Севильбу, обмыл теплой водой с золой и залюбовался её беломраморным молодым телом, — от безобразной опухоли не осталось никакого следа. Оделась Севильба и вышла в юрту. Дышалось легко, хотелось снова жить. Сладко потянулась всем своим молодым телом и села на хозяйское место. На славу угостил её Хумыр. Наелась она и уснула и проспала двое суток, не просыпаясь, и проснулась совсем здоровая. Снова наладилась жизнь в их юрте. Сына Севильба не любила, но и не обижала; ребенок ползал около нее, и она давала ему просо жареное, уремэ и другие вкусные кушанья, иногда играла с ним, как с котенком или щенком.

Прошел год. Дядя Севильбы и другие родственники, узнав, что у неё растет сын, поехали к ней с подарками для её наследника, которые надо передать новорожденному, когда старший в роде будет обрезать первый клок волос на его голове.

Приехали знатные гости. С Хумыром они не поздоровались, когда он вышел принять от них вспоченых лошадей с седлами.

"Чудыр хулечик" (ну, что, работник) спросил важный старик Хумыра. "Эки шупту эки!" (Здравствуйте, все здравствуйте) весело ответил Хумыр. Он был счастлив и не замечал пренебрежительного отношения к себе знатных гостей.

Приветливо встретила гостей Севильба. Начался наир (праздник). Хумыр ухаживал за стариками, подавал им в чашках арагу, накладывал полные тарелки жирной баранины, угощал черемуховыми лепешками и молоком (лепешки из толченых ягод черемухи) и поджаренной ячменной мукой.

Во время пира дядя приказал подать к нему ребенка, спавшего в своем ховайлыке (зыбке). Молодая мать смутилась, но ребенка подала вместе с зыбкой. Посмотрел суровый старик на спящего мальчика, взял его за волосики на лбу, отрезал их и, передавая матери сына, сказал: "Не наш, не нашего рода, кара-кижи (черный человек, простолюдин). Назови его Карасалом (чернобородый). Не уважаешь ты старших, не спрашивала их советов, вот Кутай (всевышний) и наказал тебя в твоем приблудном сыне". Ничего не ответила оскорбленная мать, взяла ребенка и, передав его отцу, приказала вынести его из юрты. Съев всё мясо и выпив всё вино, гости уехали, а трое остались жить в своей юрте.

Ушли в вечность еще пять лет. Маленький Карасал уже помогал своему отцу и своей матери, которую, несмотря на её холодность к нему, очень любил, и его звонкий крик: "Авай, авай" (мама, мама) целый день тревожил её слух. Севильба ненавидела сына, презирала Хумыра и опять много пила и пьяная проклинала свою несчастную жизнь. Хумыр же любил своего сына больше всего на свете. С сыном за плечами он пас стада, с ним ездил по озеру на маленьком салике (плотике), ловил рыбу, с ним работал в кузнице, с ним спал. Маленький Карасал очень любил свою кормилицу черную козу и каждый день ходил с ней к озеру, где коза паслась, а он купался, играл с рыбками, собирал красивые раковины, слушал пение птиц и сам подражал им.

Скоро он выучил язык птиц и животных, стал понимать и немой разговор рыб, и ему было весело с ними.

Раз утром Хумыр, поймав и заседлав двух черных быков, поехал в лес за углем, а когда вернулся домой, то увидел, что юрта на замке. Еще в лесу у ямы он слышал чей-то тихий голос, который сказал ему: "Поезжай скорее назад, там случилась беда". Подумал, послышалось, а приехав, почувствовал, что голос был прав — случилась какая-то беда. Прождал до вечера Севильбу, которую никто из соседей не видел в тот день. Ходил на озеро искать сына, но там бегала и искала своего питомца черная коза. Вернулись они печальные домой. Оседлал Хумыр коня и поехал искать коварную жену и любимого сына.

Встретилась ему одна женщина верхом на Сарлыке. Спросил, не видела ли она Севильбу с мальчиком. "Встретила, едет к дяде", — ответила женщина. Помчался дальше Хумыр. Высоко в темно-синем небе сияли яркие звезды, тихо, спокойно спала природа—мать. "Почему Севильба такая злая, зачем она увезла к дяде нашего сына", — думал бедный Хумыр. Вдруг конь бросился в сторону, Хумыр вылетел из седла на дорогу, а конь с седлом под брюхом умчался обратно в свой табун.

Встал, отряхнулся, потер ушибленную руку и увидел, что на дороге стоит Севильба. Это она испугала коня Хумыра и теперь зло смеялась над ним. "Где мой сын?" — закричал Хумыр. "У дяди оставила паршивого парнишку, пусть поживет там". Ничего не сказал Хумыр и пошел по дороге вперед, а Севильба поехала домой к своей юрте. Долго шел Хумыр, ушибленная рука нестерпимо болела, но когда стало светать и царица мира, луна, скрылась за вершинами Тану-Олла, он пришел к юрте дяди Севильбы, но его юрта была заперта, на двери висел замысловатый замок, который сковал старику Хумыр. "Где старик и мой мальчик?" — спросил бед-

ный отец в соседней юрте. “Уехал вместе с мальчиком, а куда, не знаем, велел доить его коров и молоко брать себе, видно, не скоро вернется сам”, — ответили из юрты Хумыру женские голоса.

Пошел Хумыр, сам не зная куда, хотел найти след старикова коня, да не нашел, слезы закатили глаза. Поблуждал три дня без сна и не заметил, как оказался у дверей своей юрты. Вошел, глаза налиты кровью. Увидел пьяную Севильбу, глухо спросил: “Говори, змея, куда девала моего сына?”. Испугалась Севильба и тихо, без крика, ответила ему: “В хорошем месте будет жить твой мальчик, выучат его там ученые люди и вернется он к тебе мудрым”. Низко опустил голову несчастный отец, ничего ей не сказал больше; зашел в кузницу, взял висевшее там ружье и ушел из своего аала в лес. Сидит Хумыр под деревом и думает: “Зачем я ношу с собой ружье, кого буду здесь убивать, ведь и птица и зверь друзья моего милого сына, они помогут найти его”. Повесил ружье на сучок, вынул из ножен нож, сделал лопатку, накопал сараны, поджарил её сочные корни на горячих углях потухшего костра, поел и хотел прилечь на теплую хвою, но услышал чей-то тихий голос: “Иди скорее на поддень, там встретишь своего сына”. Огляделся по сторонам, видит, сидит на сухой березе пестрый дятел и выстукивает эти слова по сухому стволу. “Спасибо, шокар-кушь (пестрая птица), никогда не забуду твою услугу”, — сказал Хумыр и быстро зашагал в указанном направлении. Шел день, шел ночь, питался ягодами и кореньями, нашел брошенное гнездо с утиными яйцами, разбил и выпил их. Наконец, кончился лес, вышел на широкую степь, посреди которой черной каменной массой возвышалась гора Кульбус-Ташь (Камень дикого козла), подошел к камню, похожему на козла, и лег под ним соснуть. Проснулся на рассвете. Солнце только что всходило и его первые лучи освещали лишь вершину горы, когда Хумыр увидел своего милого сына, который ночевал недалеко от него и, проснувшись, пошел отыскивать путь, по которому он шел домой всё время, как бежал от своего хозяина, которому дедушка отдал его пасти овец. Хитрый мальчик, когда дед вез его в неволю, посадив сзади своего седла, всю дорогу выщипывал белую шерсть старой кобылы, на которой они ехали, и бросал на кусты, на траву, на узкую тропинку, кое-где попадавшуюся по их пути. Шерсть не разнесло ветром, она цепко лежала на своем месте, и Карасал легко находил по ней дорогу к юрте своего отца, откуда думал добраться и к отцу. Он много дней шел по широкой степи, ловил кузнечиков и ел их, звери и птицы приветствовали его на разные голоса, а он отвечал им звонкими песнями.

<...>

Крепко обнял своего умного мальчика Хумыр. Отдохнули они на берегу Карасука (черная вода, родник), изжарили пойманную в нем рыбу, закусили и пошли в свою сторону.

Подходят Хумыр со своим сыном к юрте Севильбы, открыли дверь, смотрят, а рядом с Севильбой сидит её кайгал и курит трубку. Увидела их злая женщина, нашедшая наконец своего возлюбленного. Закричала: “Чу херек хулечик? (Что надо, работник?). Уходи прочь со своею черной козявкой, узкоглазый албыс (леший), своё хулезын (жалование) получишь после!”.

Опешил Хумир от таких слов жены, стоит, молчит, а маленький Карасал говорит матери: “Авай, авай, зачем кричишь на отца, он хозяин в этой юрте”.

Вскочила с места Севильба, хочет ударить дерзкого мальчишку, но отец загородил его и её кулак упал на его грудь.

Вскочил и парень, ищет, чем бы ударить Хумыра сзади, но к нему, обежав отца, кинулся смелый мальчик и схватил своими острыми зубами за руку. На крики людей заскочила в юрту собака Кускечик и принялась рвать шубу перепуганного кайгала.

Посмотрел Хумыр еще раз на перекошенное злобой лицо жены, в этот миг она была похожа на шульбус (ведьма), взял сына за руку и вышел из юрты. Ничего не взял от жены Хумыр-оол, пошли они с сыном по дороге, не зная куда. Спустились к озеру, связали салик и только хотели плыть на нем на ту сторону Клу-Куля, как увидели, что черная коза бежит к ним, за ней "кускечик" и Кызыл-мортай (Красная кошка), взяли и их с собой.

Долго качали их волны Великого озера, упорно забирали они воду своими майдырами (деревянный гребок на длинном шесте) и наконец причалили к противоположному берегу. Сделали недалеко от воды алачик (шалаш) и стали жить в нем. Коза поила их своим молоком, Кускечик ловил зайцев и носил их своим хозяевам; ловили рыбу. Добыл у одного кузнеца инструмент Хумыр-Тарган, стал ковать заказы. Заработал корову, пять овец, барана, завели потом два коня и два быка, заработали новую юрту и стали жить дружно вдвоем: отец и сын.

Мальчик целые дни проводил в лесу, собирал сухие сучья на топливо, спелую ягоду для еды, смотрел за угольной ямой отца. Птицы, дикие звери и озерные рыбы — его друзья, не дает он Кускечику давить и таскать к юрте зайцев, просит отца не ловить больше рыбу в озере. "Хватит с нас, говорит, молока и бараньего мяса, зачем еще губить нам моих друзей, ачай?!".

Отец смеется и обещает не трогать. Всё бы хорошо, да и здесь гордый, богатый, красивый народ презирает таких бедняков, как отец с сыном. Работу дают, работай, а слова ласкового, приветливого не услышишь ни от кого.

И Хумыр с сыном чувствовали себя одинокими, не было у них ни родных, ни знакомых. И вот сидит однажды в лесу Карасал, слышит кукушка кричит и что-то тревожное чудится в её крике. Прокуковала три раза и улетела, а за ней прилетели все птицы, насекомые, поползли муравьи, змеи, побежали дикие козы, волки, олени и все в одну сторону, прочь от озера на далекие горы держат свой путь они.

Пришел Карасал в юрту, сел у огня и рассказывает отцу о том, что видел и слышал в лесу. Пошел мальчик с котелком по воду к озеру, а дождь льет как из ведра. Увидел в траве, затопленной водой, бель (рыба — таймень) запутался, взял его Карасал за жабры и вывел на чистую воду. Повернулся черно-спинный бель и сообщил следующее: "Иди, скажи отцу, чтобы делал большой плот и спасал свою жизнь, оглум (ребенок, дитя)".

Рассказал отцу, как велел бель, отец понял тогда, почему все звери и птицы уходят и улетают в горы, подальше от озера. Переночевали, а утром вода подошла уже к самой юрте, пришлось переносить её далеко в горы. Завьючили быков и коней и к вечеру перекочевали на новое, высокое место. А дождь все льет не переставая. Пошли в лес, где росли столетние великаны — деревья, начали рубить их и вязать арканами в плот, но связи не хватило, решил Хумыр-тарган скрепить железным кольцом свой гигантский плот. Много дней работали они с сыном под проливным дождем, наконец, окончили свой Темир-сал, отгрузили на него юрту, кузницу и весь свой скот. И только заскочить сами успели, подхватила широкая волна плот и понесла в озеро.

Плывут, управляя своим плотом, Хумыр с сыном, видят на маленьком клочке сухой земли стоит дерево, а на нем сидят Севильба и её парень. Кричат они, просят о помощи, а Хумыр точно не слышит, застыло его сердце, плывет мимо. Узнал Карасал голос матери, шепчет отцу: "Давай, ачай, пристанем, возьмем, ведь мать она мне, жалко". Пристали. Бегут на плот обезумевшие от страха Севильба и её друг, а за ними скачут на плот мыши и другие маленькие зверьки, ползут змеи, последней заскочила темно-бурая лиса. Весело смеется мальчик, ласкает зверьков, гладит присмиревшую лису.

Поплыли дальше. Где увидят сухой клок земли, подплывают и собирают на плот всё живое, что еще не успело спастись бегством.

Радуется Карасал, что у него на плоту так много друзей, что они так дружны между собой. Даже Кызыл-мартай не ловит мышей, даже лиса не трогает зайца, а волк дикую козу. Около юрты спокойно лежат рядом маралуха (самка оленя) и бурая медведица. На хвосте серой змеи примостилась маленькая лягушка. Рассекая своими могучими крыльями воздух, опустился на плот огромный изир (орел), а рядом с ним села маленькая кускашь (трясогузка), не боится орла.

Смеется радостно мальчик в кругу своих друзей, поет им песни, обнимает любимую козу-кормилицу, а в юрте сидят Севильба со своим другом, сушатся у огня и ворчат: "Насадили всякой пакости, скоро и людям места не останется". Мокрая мышка тоже прибежала к огню подсушиться, да Севильба стукнула её поленом, убила и выбросила из юрты.

Увидел это Карасал и подумал: "Зачем я попросил отца взять эту злую женщину на плот".

Льет дождь, не переставая, много дней и ночей. Стоят и лежат смирно все животные на плоту и о пище не думают, напиталось их тело дождевою водою, но люди, что сидят в юрте у теплого огня, пьют и едят взятый Хумыром небольшой запас пищи.

Кончились припасы, заманила Севильба в юрту черную козу и зарезала её со своим парнем. Узнал об этом Карасал, горько заплакал и пожаловался отцу. Ничего не сказал Хумыр, только еще сильнее стал работать своим майдыром.

Поднялась буря, воды Желтого моря гнало порывами ветра на запад, волны заливали плот. Пришлось привязать юрту, чтобы не смыло, загнать туда всех животных, а самим вчетвером работать майдырами, чтобы держать плот по гребням волны. Совсем выбились из сил. Вырвало волной майдыр из рук Карасала, наклонился за ним Хумырол, хотел поймать, да незаметно толкнул его в спину ногой злой любовник жены, упал Хумыр в воду и набежавшая водяная воронка засосала его и увернула под плот. Так погиб Чал–Хумыр (Смирный Хумыр), не делавший людям зла, больше всего на свете любивший своего сына.

Горько плакал после смерти отца осиротевший мальчик. Утешали его как могли и Мортай и Кускечик и её щенята (она ощенилась на плоту), даже бурая медведица, возле которой ложился погреть своё промокшее тело, ласково лизала его черную голову и тихо урчала.

В юрту он не шел, там тоже огня не было, дрова все сожгли, да и не хотел он теперь видеть свою злую мать, которая, он знал, очень желала бы избавиться от него.

Наконец, небо начало проясняться, дождь лить перестал и скоро солнце ярко осветило необъятную ширь водяных полей.

Плот угнало бурей в западную часть озера. Слышался вдали несмолкаемый, глухой шум огромного водопада, — это переполненное водой озеро размывало гранитные скалы Саян, падая вниз с гигантской силой.

Кое-где показывались из воды верхушки затопленных потопом гор. Подгоняемый юго-восточным ветром, плот подошел совсем близко к обсохшей уже вершине Буры. Люди и животные заволновались. Могучий Изир взмахнул крыльями и, поднявшись высоко вверх, медленно и величаво запарил над обновленной потопом землей. Улетела с плота маленькая кускашь. Плот еще ближе подвинулся к земле и Сарых-ол (желтый, русый парень) схватил длинный аркан и прыгнул с плота на берег, да просчитался, вместо берега попал в воду и сейчас же задернуло под плот.

С плота, когда он обсох, сошли только двое: Карасал и его мать. Оба были в глубоком горе — у одного погиб любимый отец, у другой — возлюбленный, о котором она мечтала всю жизнь. Горе сблизило их. Плот оставили на том месте, где он обсох. Он и теперь, по словам наших охотников, лежит там, весь целый, только железные кольца поржавели, оставив после себя красный след, да огромные бревна покрылись мхом и высокой травой.

Быстро обсохла Бура и другие соседние горы. По высокогорным лугам выходила из земли свежая, зеленая трава, оделись листвою деревья. Посмотрел как-то Карасал вниз со своей горы и увидел, что великое озеро исчезло, далеко в долине бежала на запад широкая полоса живой воды. По дну бывшего озера бродили разные хищные животные и ели оставшуюся во множестве, в мелких лужицах рыбу. Кружили в воздухе бесчисленные стаи тельдигэнов (коршунов), они также ловили рыбу. Всё живое, уцелевшее от потопа, спускалось теперь с далеких гор в долину Улу-Хема, как назвал Карасал широкую бесконечную полосу воды, бегущей по долине. Когда внизу высохли лужи и каменистые площади, покрытые плодородным илом, стали зарастать густой травой, спустились туда с Буры Карасал с Севильбой и поставили свою юрту на высоком берегу великой реки.

Севильба ожидала рождения ребенка, это было всё, что осталось у нее от недолгой, счастливой совместной жизни с Сарыхолом. Скоро родилась хорошенькая, беленькая, как мать, девочка. Севильба ожила. Она, любуясь дочкою, забывала весь кошмар пережитого.

Карасал также очень полюбил девочку и решил всю свою жизнь отдать ей. Так и жили они опять втроем, как тогда, в далеком прошлом.

Хорошим хозяином стал Карасал, и его скот быстро размножался. А новая долина, в которой он сейчас жил, всё расцветала и расцветала. Необъятные луга покрывались высокой травой, появились тополевые рощицы, голые каменистые увалы зарастали мелким кипцом, который так любили лошади и овцы.

Выросла маленькая Базын, стала красивой девушкой и как это ни странно, полюбила крепко своего сводного брата. Жить без него не могла, даже его наружность ей нравилась. Правда, черноголовый и узкоглазый Карасал был строен и тонок, как молодой тополь, его решительное лицо дышало мужеством и силой, да ведь кроме него и не было на земле нашей другого мужчины. Поженились они. старая Севильба одобрила их союз и жизнь на обновленной земле потекла тихо и мирно. Много народилось детей у Карасала с Базынкой, но все они, как отец, были черноволосые и узкоглазые.

Не хотела мать-природа, чтобы жили на земле опять те светлоголовые люди,

которых она за их грехи утопила в бурных волнах Великого Озера. Но построенная на таком большом народном несчастье, новая жизнь новых людей наложила мрачный отпечаток на их бытие. Вот почему наш черный народ, наши тувинские араты поют всегда такие грустные песни". Сказал, поникнув уставшей головой старик, и внезапно заснул, тяжело, по-старчески вздохнув.

Утренний ветерок шелестел листьями тополей. Тихо журчали перекаты реки и в моем, встревоженном рассказом старика, воображении ярко рисовались перспективы светлого будущего маленького, но свободолюбивого и мужественного в своей борьбе с грубыми силами природы тувинского народа и его прекрасной страны.

"Много прекрасных песен составил Карасал в наследство своему народу, сделавшего его в своих мечтах о далеком, доисторическом прошлом, родоначальником, а прекрасную Базын — матерью тувинского народа".

<...>

Предание о Темир-сале давно живет в тувинском народе, передают его бродячие бизанчи в разных вариациях, но все они сходятся на одном, что Темир-сал и сейчас еще лежит на вершине Буры среди альпийских лугов, на берегу горного озера, и пока он лежит там, никакие силы не смогли и не смогут сломить волю свободолюбивого тувинского народа.

1903 г.
Устье Шагонара
Танну-Тува.

I.G. SAFYANOV'S MANUSCRIPT: LEGEND «TEMIR-SAL»

A.S. Sevostyanov

The article is about Innokentiy Safyanov — the gifted regional specialist — who, at the beginning of the 20th century, collected and retold numerous legends and traditions of the Tuvinians, in the form of brief sketches in order to present their life style. The given article introduces into scientific practice one of the Tuvinian legends.

© 2008

Т.Б. Смирнова

СОВРЕМЕННОЕ ДЕМОГРАФИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ НЕМЕЦКОЙ ДИАСПОРЫ В СИБИРИ

Численность немцев в современном мире составляет 86 млн. человек. В основном немцы живут в Германии — 74,6 млн. человек. Численность немецкой диаспоры, как и любой другой диаспоры, точно определить невозможно. Считают, что она составляет около 11 млн. человек.

В зависимости от критериев, численность диаспорных групп отличается очень значительно. Так, по данным переписи населения США 2000 г., 42,8 млн. человек (15,2% всего населения) имеет немецкое происхождение. Из них только 1382610 человек назвали немецкий язык родным. В Австралии насчитывается примерно 745 тыс. лиц немецкого происхождения, для 76 тыс. немецкий язык является родным. От 5 до 6 млн. (а по некоторым оценкам — до 12 млн.) бразильцев имеют немецкие корни. В Намибии таких насчитывается около 100 тыс., из них — 30 тыс. человек — с немецким языком.

В ряде случаев, ни язык, ни происхождение не могут служить критерием для определения численности диаспоры. Более или менее точные цифры могут дать переписи населения, но формулировки вопросов об этнической принадлежности при проведении переписей в разных странах имеют расхождения. Так, в Польше в 2002 г. учитывалось именно немецкоговорящее население, его численность составила 152 897 человек (0,3% населения), хотя, по экспертным оценкам, численность немецкой диаспоры в Польше оценивается минимум в 300 тыс. человек[1].

Языковая принадлежность является достаточно слабым критерием не только потому, что для большинства диаспорных групп характерна языковая ассимиляция, но еще и потому, что говорить на немецком языке также могут люди, не являющиеся этническими немцами, как это происходит, например, в бывших германских колониях. К тому же, сам немецкий язык имеет множество вариантов, как, например, Plattdeutsch меннонитов или Belgranodeutsch потомков немецких иммигрантов в Буэнос-Айресе, который представляет собой смесь немецкого и испанского языков. Поэтому возможна лишь приблизительная оценка численности немецкой диаспоры. Известно, что к началу XXI в. наиболее многочисленные группы немцев проживали в США, Канаде, Бразилии и других странах Латинской Америки, в Австралии, Южной Африке и Намибии. Много немцев проживает в странах Европы за пределами Германии — в Бельгии, Дании, Франции, Италии, Польше, Чехии, Словакии, Венгрии, Румынии.

До недавнего времени вторая по численности (после США) диаспорная группа немцев находилась на территории Советского Союза (более 2 млн. человек, из них — 958 тыс. в Казахстане и 842 тыс. в России). С распадом СССР и началом массовой эмиграции численность немцев значительно сократилась — до 223 тыс. в Казахстане[2] и до 597 тыс. в Российской Федерации[3].

Но однозначно говорить о том, что произошло резкое сокращение россий-

ско-немецкой диаспоры, было бы неправомерно. Во-первых, в настоящее время происходит ее расширение за счет роста этнического самосознания лиц смешанного происхождения. А во-вторых, можно говорить о том, что произошло пространственное перемещение диаспоры, по крайней мере, значительной ее части.

Российские немцы, эмигрировавшие в Германию, продолжают по большей части оставаться российскими немцами, другими словами — российско-немецкой диаспорой в Германии. Эта диаспорная группа, несомненно, приобрела новые черты, но не утратила и еще долго будет сохранять черты прежние. Не случайно российские немцы в Германии (на «исторической Родине») называют Россию «доисторической Родиной», а сами себя называют «русскими немцами» или «русаками».

В этнической истории российских немцев также были примеры масштабных перемещений на Американский континент, и, тем не менее, российско-немецкая диаспора в Америке продолжает сохраняться, причем не как немецкая, а именно как российско-немецкая. Поэтому можно совершенно точно утверждать, что численность российско-немецкой диаспоры значительно больше, чем ее численность в России, а отдельные группы этой диаспоры расположены не только в разных странах, но и на разных континентах.

Немцы, проживающие на территории Сибири, представляют собой самую крупную территориальную общность российских немцев. Их численность, по данным Всероссийской переписи населения, составляет 335923 чел. (308727 чел. в Сибирском Федеральном округе и 27196 чел. в Тюменской области, которая по административному делению относится к Уральскому Федеральному округу)[4]. В целом, на территории Сибири проживает 56,3% немцев Российской Федерации.

На протяжении истории немецкой диаспоры Сибири были отмечены резкие и значительные колебания ее численности, что, несомненно, отразилось на социальном развитии этноса в целом. Так, численность немцев в Сибири в конце XIX в. была около 5,5 тыс. чел., что составляло 0,3% немецкого населения Российской империи и 0,09% населения Сибири[5]. В конце XIX — начале XX в. происходит массовое переселение немецких крестьян в Сибирь, формируются районы компактного расселения немцев, в основном вблизи Славгорода и Омска, а также вдоль Транссибирской железнодорожной магистрали.

Эти добровольные крестьянские переселения привели к значительному росту численности немцев. По данным Всесоюзной переписи населения 1926 г., в Сибири проживало уже 86469 немцев. Они составляли 1% населения и проживали в 16 округах на огромной территории от Тюмени до Иркутска. В середине 1920-х гг., по данным Сибкрайкома ВКП(б), в Сибири имелось 220 немецких населенных пунктов и 109 смешанных, в которых немцы составляли более 45% населения[6].

Глобальное влияние на демографическое развитие немецкой диаспоры в Сибири оказала депортация во время Великой Отечественной войны. Перед войной в Сибири насчитывалось немногим более 100 тыс. немцев. По данным Всесоюзной переписи населения 1939 г., в азиатской части РСФСР численность немцев составляла 117013 чел., в том числе в Сибири — 107533[7]. Зарубеж-

ные источники указывают, что накануне войны между СССР и Германией в сибирском регионе проживало 106400 немцев[8].

В 1941 г. в Сибирь была проведена депортация из Республики немцев Поволжья, в 1942 г. — из других регионов европейской части СССР. Всего в Сибирь и Казахстан было депортировано 805 тыс. немцев, из них в областях Сибири было расселено 397 тыс. чел.[9], что составило 49,3% всех депортированных.

В 1945 г. началась репатриация советских граждан, в Советский Союз было возвращено около 200 тыс. немцев-репатриантов; 70% из них было размещено в РСФСР, 20% — в Казахстане, 10% — в других республиках. Наибольшее число репатриированных проживало на Урале, на Европейском Севере и в Сибири. В Сибири число репатриантов составило почти 50 тыс. человек[10]. Таким образом, принудительные миграции середины XX в. привели к многократному увеличению немцев в Сибири. К концу войны их численность превысила полмиллиона человек. Дальнейшие события, в частности, режим спецпоселения, ограничение переездов, запрет на возвращение в места прежнего проживания, который действовал до 1972 г., привели к тому, что за Сибирью прочно закрепляется первое место по численности немецкого населения.

В 1959 г. численность немецкого населения в регионе достигала своего максимума и составила 512,7 тыс. чел.; 75% из них были депортированными, или родившимися в семьях депортированных. Немцы, проживавшие в тот период в различных областях Сибири, составляли 62,5% немцев Российской Федерации и 31,7% немцев Советского Союза[11].

В дальнейшем происходит стабилизация численности немецкой диаспоры в Сибири и ее небольшое сокращение из-за миграционного оттока в европейскую часть России. Эмиграция в Германию в это время, хотя и имела место, но не была значительной по масштабам: к 1960 г., когда СССР в одностороннем порядке закрывает выезд советских немцев, из Советского Союза выехало всего 13 тыс. чел.[12].

В 1979 г. численность немцев в областях Сибири составила 458 тыс. чел. Динамика численности в отдельных областях была следующей: на прежнем уровне осталась численность немцев в Томской области, произошло небольшое снижение в Новосибирской области, в Алтайском крае, Красноярском крае, более заметное снижение в Кемеровской области; но существовал небольшой рост в Иркутской области и стабильный рост численности немцев в Тюменской и Омской областях. Эти тенденции, связанные с социально-экономическим развитием Сибири (развитие нефтегазовой отрасли в Тюменской области и аграрного сектора в Омской области), оставались актуальными до конца 1980-х гг.

В конце 1980-х — начале 1990-х гг. начинается процесс эмиграции российских немцев в Германию. Стремительный рост числа эмигрантов, достигнув своего пика к середине 1990-х гг., постепенно снизился и стабилизировался, но продолжается до настоящего времени. Следствием эмиграционного процесса было кардинальное изменение всех сторон жизни немцев в Сибири, и, прежде всего, резкое сокращение их численности. В 1989 г., когда проводилась последняя советская перепись населения, эмиграция только начиналась, что позволило зафиксировать численность немецкого населения в последний более или ме-

нее спокойный и стабильный период времени. Позднее изменения этнической общности российских немцев принимают лавинообразный характер.

По данным Всесоюзной переписи населения 1989 г., в СССР насчитывалось 2038603 немцев, из них наибольшее количество проживало в Казахстане — 957518 чел. (47,0%) и РСФСР — 842295 чел. (41,3%). Численность немцев в Сибири достигла 478379 чел. Больше всего немцев проживало в Омской области — 134199 чел. и в Алтайском крае — 127731 чел.[13]. На долю этих двух регионов приходилось 54,8% немцев Сибири, для них был характерен устойчивый рост немецкого населения, в основном за счет естественного прироста в сельских районах. В четырех регионах — Красноярском крае, Иркутской, Томской и Кемеровской областях, численность немцев практически не изменилась. В Новосибирской области произошло небольшое сокращение (на 3416 чел.), а в Тюменской области — увеличение (на 6253 чел.) по сравнению с предыдущей переписью 1979 г. В целом, рост немецкого населения в регионе за межпереписной период составил 20,5 тыс. человек (4,5%). Это было последнее, зафиксированное официальной статистикой, увеличение численности российских немцев.

Глобальные события конца 1980-х — начала 1990-х гг., особенно развал Советского Союза, мощный экономический кризис, окончательное крушение надежд на восстановление автономной республики привели к эмиграционному движению, пожалуй, самому массовому в истории немецкой диаспоры. Темпы эмиграции стремительно возрастали. Так, если в 1985 г. в Германию из СССР выехало 460 чел., в 1986 г. — 753 чел., то в 1987 г. — уже 14448. За 12 лет, с 1990 по 2002 гг. Германия приняла 1,8 млн. немцев из стран бывшего СССР[14]. Наибольшее число немцев выехало из Казахстана и Средней Азии, но и в России количество эмигрантов исчислялось десятками тысяч человек ежегодно. До конца 1990-х гг. немцы занимали первое место по числу эмигрантов из России. Пик эмиграции пришелся на 1995 г., когда из России выехало 51,3 тыс. немцев; затем произошла стабилизация на уровне 20-30 тыс. чел. ежегодно[15].

В результате эмиграции наибольшие демографические потери понесли районы традиционного проживания немцев в Сибири. Так, из Омской области, которая лидировала по числу немцев в России, и в которой немцы занимали второе место по численности после русских, с 1989 г. до 2002 г. (в период между переписями населения) выехало в Германию 99 990 немцев. За это же время из Германии вернулось 1500 тыс. чел., из Казахстана в Омскую область переехало около 17 тыс. чел.[16].

Не спасло положения и создание немецких национальных районов, на которые возлагались большие надежды по сокращению эмиграционного движения. При создании в 1991 г. Немецкого национального района в Алтайском крае, 80% из 20 тыс. его жителей составляли немцы. В 1992 г., в момент создания Азовского немецкого национального района в Омской области, из 19,4 тыс. его жителей 60% были немцы. К настоящему времени численность населения районов увеличилась на несколько тысяч человек, поскольку эти районы стали весьма привлекательными для жизни. Значительная поддержка в социально-экономическом и культурном развитии районов была оказана как со стороны Германии, так и со стороны России — правительством был инициирован ряд федеральных целевых программ.

Несмотря на это, доля немцев в составе населения национальных районов неуклонно снижалась. Так, в 2002 г. численность немцев в Немецком национальном районе Алтайского края составила 6541 чел., в Азовском немецком национальном районе 6548 чел., что не превышает 30% населения районов[17]. Этнический состав районов становился все более пестрым. Более половины их населения сейчас — это русские; в районах проживает также достаточно большое количество украинцев, белорусов, татар, казахов и представителей других народов.

В России в 2002 г., по сравнению с 1989 г., произошло сокращение численности немцев на 29,1%. Наибольшие потери понесли Омская область, здесь сокращение составило 43,1% и Алтайский край — 37,8%. Несмотря на это, благодаря высокой абсолютной численности, эти регионы по прежнему занимают первые места по количеству немцев в России. Численность немцев в Алтайском крае в 2002 г. составляла 79502 чел., в Омской области — 76334 чел. Далее, в порядке убывания по числу немцев, следуют Новосибирская область (47275 чел.), Красноярский край (36850 чел.), Кемеровская область (35965 чел.), Тюменская область (27196 чел.), Томская область (13444 чел.), Республика Хакасия (9161 чел.), Иркутская область (6298 чел.), Республика Бурятия (1548 чел.), Читинская область (1294 чел.), Республика Алтай (903 чел.) и Республика Тыва (153 чел.)[18]. Таким образом, можно констатировать неравномерное расселение немцев на территории Сибири и значительное их преобладание в областях Западной Сибири.

На современное демографическое развитие немецкой диаспоры в Сибири оказали влияние не только миграционные процессы. Следует обратить внимание на несоответствие численности немцев, учтенных переписями населения 1989 и 2002 гг., и количеством эмигрантов. В 1989 г. численность немцев в России была 842 тыс., в 2002 г. — 597 тыс. человек. То есть, сокращение абсолютной численности составило 245 тыс. человек. С другой стороны, даже минимальные статистические цифры эмигрировавших до 2002 г. из России немцев составляют более 600 тыс. человек, поэтому убыль населения должна была быть значительно большей.

Объяснить относительное увеличение численности немцев нельзя только демографическими процессами. Говорить о каком-либо значительном естественном приросте в последний межпереписной период не представляется возможным. В 1960–1980-е гг. для немцев был характерен высокий естественный прирост населения. Он был связан в основном с конфессиональными особенностями российских немцев. В сельских местностях Сибири было большое количество религиозных общин меннонитов и баптистов, в которых существовало категорическое неприятие какого-либо ограничения или регулирования рождаемости. В этих общинах, действительно, было много многодетных семей. Но с началом эмиграции их количество резко сократилось, поскольку высокие социальные пособия на детей были одним из существенных мотивов выезда в Германию таких семей. Расчеты, которые были сделаны по похозяйственным книгам сельских администраций, свидетельствуют о том, что среднее число детей у немцев в 1990-е гг. составило 2,3 ребенка на семью. В городской среде рождаемость была, естественно, еще ниже. Поэтому относительный рост числен-

ности немцев и арифметическое несоответствие между количеством выехавших в Германию и оставшихся в России немцев можно объяснить не увеличением рождаемости, и не приездом в Россию немцев из Казахстана.

Возникший между переписями населения так называемый «недемографический прирост» объясняется сменой национальности, указанной при проведении переписи 2002 г., по сравнению с переписью 1989 г. Дело в том, что в среде российских немцев очень много людей смешанного происхождения. Очень высокой является доля национально-смешанных браков. От общего числа браков, заключенных немцами, она превышает в селах 60%, а в городах — 90%.

Поскольку в Советском Союзе существовала правовая дискриминация немцев, действовали ограничения в выборе места жительства, бытовали предрассудки в общественном мнении, потомки смешанных браков предпочитали не декларировать свое немецкое происхождение. При проведении переписи они записывались русскими, украинцами и т.д. В настоящее время, когда ушли в прошлое и ограничения, и предвзятое отношение, и появилась возможность эмиграции в Германию, многие немцы смешанного происхождения при проведении переписи 2002 г. сказали, что они являются немцами.

Рост этнического самосознания, повышение интереса к своим корням, распространение информации о той позитивной роли, которую играли немцы в истории России, интенсификация связей с Германией также способствовали относительному росту численности немцев и несколько сгладили отрицательные демографические последствия обвальной эмиграции в Германию.

Следует отметить еще одну тенденцию в демографическом развитии немецкой диаспоры в Сибири — это увеличение доли городского населения. Исторически сложилось так, что немцы в Сибири проживали в основном в сельской местности. Этому способствовало, во-первых, то, что первые переселенцы были почти исключительно крестьяне. В 1926 г. доля сельских жителей у немцев составляла 93%, хотя в целом по Сибирскому краю она была 87%[19]. Во-вторых, депортированные немцы размещались почти исключительно в деревнях и селах (кроме Кемеровской области). Послевоенные запреты на смену места жительства способствовали закреплению этих людей в сельской местности. Эти факторы способствовали тому, что доля горожан у немцев всегда была очень низкой, особенно в Сибири, и значительно отставала от средних показателей по стране. Так, в 2002 г. в России городское население в России составило 73%, а доля горожан у немцев — 56,8%, в Сибири этот показатель еще ниже — 48,9%. Однако темпы роста городского населения в последние годы значительно увеличились, прирост горожан у немцев составил 3%, хотя в целом по России он был нулевым. В Омской области, например, доля городского немецкого населения выросла с 36,2% в 1989 г. до 41,5% в 2002 г., то есть на 5,3%[20].

Этот рост также обусловлен эмиграционным движением. Можно совершенно определенно утверждать, что увеличение доли городского населения в последние годы связано не столько с переселением немцев из села в город, сколько с тем, что эмиграция затронула в первую очередь сельские районы. Произошло общее снижение численности немцев и в городских, и в сельских поселениях, но убыль сельского населения была большей, чем городского.

Подводя итог, следует сказать, что демографическое развитие немецкой ди-

аспоры в Сибири как в прошлом, так и в настоящем, в основном зависело от миграционного движения. Несмотря на то, что эмиграция в Германию является в последнее десятилетие едва ли не определяющим фактором этнического развития российских немцев, численность их и в России, и в Сибири остается большой. Немцы находятся на 15 месте по численности среди народов России. Сибирская группа, насчитывающая почти 336 тыс. человек, является самой крупной в России, и, учитывая современные тенденции демографического развития, будет оставаться такой и в дальнейшем.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Народы и религии мира: Энциклопедия. М., 1998. С. 370-371; Auslandsdeutsche // Wikipedia // http://de.wikipedia.org/wiki/Auslandsdeutsche.
2. По состоянию на 1 января 2006 г. Источник: Институт демографических исследований // http://www.demographia.ru/ articles_N/ index.html?idR=33&idArt=347.
3. Всероссийская перепись населения 2002 года // http://www.perepis2002.ru/index.html?id=17.
4. Там же.
5. Рассчитано по: Первая Всеобщая перепись населения Российской Империи 1897 г. Т. II. Общий свод по Империи результатов разработки данных первой Всеобщей переписи населения, произведенной 28 января 1897 года. СПб., 1905. Таблица XIII.
6. *Бруль В.И.* Немцы в Сибири в 1920–1930 гг. // Немцы в России и СССР: 1901–1941 гг. М., 2000. С. 226.
7. Рассчитано по: Всесоюзная перепись населения 1939 г. Национальный состав населения по республикам СССР // Демоскоп // http://demoscope.ru/weekly/ ssp/ ussr_nac_26.php?reg=2.
8. *Eisfeld A., Herdt V.* Deportation, Sondersiedlung, Arbeitsarmee. Deutsche in der Sowjetunion 1941–1945. Köln, 1996. S. 45.
9. *Ремпель П.Б.* Депортация немцев из европейской части СССР и трудармия по «совершенно секретным» документам НКВД СССР 1941-1944 гг. // Российские немцы. Проблемы истории, языка и современного положения. М., 1996. С. 74.
10. *Герман А.А., Иларионова Т.С., Плеве И.Р.* История немцев России. М., 2005. С. 474–476; *Бруль В.И.* Миграционные процессы среди немцев Сибири в 1940–1955 гг. // Миграционные процессы среди российских немцев: исторический аспект. С. 345.
11. Рассчитано по: Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 года. РСФСР. М., 1963. С. 300.
12. *Герман, Иларионова, Плеве.* Ук. соч. С. 497.
13. Национальный состав населения СССР: По данным Всесоюзной переписи населения 1989 г. / Госкомстат СССР. М., 1991. С. 5, 50, 60, 68, 74.
14. Известия. 2002. 14 ноября. С. 7.
15. Сохраняется ли этнический характер эмиграции // Демоскоп // http://www.demoscope.ru/weekly/027/tema04.php.
16. Справка Омского областного комитета государственной статистики № 11-02-06/231 от 23.05.2002; Справка территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Омской области № 03-02-27/266 от 20.10.2006.
17. Национальный состав населения Омской области: по данным Всероссийской переписи населения 2002 года. Омск: Омскстат, 2005. С. 33.

18. Всероссийская перепись населения 2002 года // http://www.perepis2002.ru/index.html?id=17.
19. Рассчитано по: Всесоюзная перепись населения 1926 г. Национальный состав населения по регионам РСФСР // Демоскоп // http://demoscope.ru/weekly/ ssp/ rus_nac_26.php?reg=730.
20. Рассчитано по: Национальный состав населения Омской области. С. 22–23.

MODERN DEMOGRAPHIC DEVELOPMENT OF GERMAN DIASPORA IN SIBERIA

T.B. Smirnova

Until recently the second diaspora group of the Germans located in the territory of the Soviet Union. Though emigration to Germany is the determining factor of the ethnic development of the Russian Germans during the last decade, their number both in Russia and Siberia does not change much. The Germans are in place 15 in population number among peoples of Russia. The Siberian group numbering almost 336 thousand people is the largest in Russia, and, taking into account modern tendencies of demographic development, will remain that big in future.

© 2008

В.А. Бурнаков

ПУТЕШЕСТВИЕ В «МИР МЕРТВЫХ»: МИСТЕРИЯ ХАКАССКОГО ШАМАНА МАКАРА ТОМОЗАКОВА*

Некоторое время тому назад в архиве Хакасского национального краеведческого музея им. Л.Р. Кызласова (далее — АХНКМ) автором была обнаружена рукопись статьи Н.С. Тенешева «*Юзют чирі* (царство мертвых) по верованиям сагайцев». Работа, датированная 29 июня 1957 г., представляет собой 29-страничный машинописный текст на русском языке, в котором встречается хакасская религиозная терминология и тексты шаманских молитв-обращений в авторском переводе. В рукописи содержатся ценные сведения по хакасскому шаманизму, в том числе по представлениям о загробном мире.

Будучи научным сотрудником Хакасского научно-исследовательского института языка, литературы и истории в 1950-х гг., Н.С. Тенешев проводил сбор полевых материалов по традиционному мировоззрению хакасов в Аскизском и Таштыпском районах. В качестве информаторов выступали старики 1820–1885 гг. рождения, хорошо знавшие народные традиции. Среди них были и шаманы, в том числе Чистогашева Харахыс, Юктешев Туда, Томозаков Макар, сказитель Миягашев Евграф и др. Немаловажным было и то, что исследо-

* Работа выполнена при поддержке проекта РГНФ № 08-01-00333 а.

ватель сам был рожден и воспитан в обществе с традиционным укладом жизни и соответствующей системой ценностей. Он прекрасно владел хакасским языком. Неоднократно присутствовал на шаманских камланиях и при исполнении героических сказаний. Эти обстоятельства определяют оригинальность собранного материала. В рукописи «*Юзют чирі* (царство мертвых) по верованиям сагайцев» представлены сюжеты путешествий эпических героев в загробный мир, взятые из богатырских сказаний: «*Ала Хулат*» («Пестрый *Хулат*»), «*Кёк поратыг Кёгетей Мерген*» («*Кёгетей Мерген* на сиво-голубом коне») и «*Хырых имчектыг Хыдай Арыг*» (Сорокагрудая *Хыдай Арыг*»). Здесь же представлен полный текст мифа «*Алтын танмалыг апсах*» («Дедушка с золотой тамгой»), мифологический рассказ Полита Адонакова о его «путешествии» в «мир мертвых» и повествование шамана Макара Томозакова о его «хождении» в потусторонний мир.

В данной статье речь пойдет о камлании шамана Макара Томозакова, во время которого он «отправляется» в «мир мертвых». В рукописи встречаются песнопения и обращение к *тёсям* — духам-помощникам, изложена детальная «топография» иного мира, предоставлено описание обитателей этого мифического пространства. Текстовое описание ведется от лица самого шамана с пояснениями Н.С. Тенешева. Стоит отметить, что сбор подобного рода материала для большинства исследователей в указанные годы представлял большую сложность. Во-первых, это было связано с продолжающимся социалистическим переустройством советского общества и связанной с ним антирелигиозной кампанией. Органы власти в административном порядке запрещали проведение всех традиционных ритуалов. Сами шаманы подвергались репрессиям и неохотно беседовали на данную тему. Во-вторых, сбор сведений по данному вопросу затруднялся нежеланием большинства информаторов разговаривать из-за суеверного страха перед персонажами Нижнего мира, главным образом *Эрлик-Ханом*. Камлание *Эрлик-хану* обычно совершалось в случае тяжелой болезни в присутствии самого больного и узкого круга его родственников.

Вместе с тем, шаманские обряды «возвращения души человека» совершались у хакасов вплоть до 1940–1950-х гг. Несмотря на то, что к середине XX в. в результате усиленных антирелигиозных мероприятий ритуальная практика шаманов была ослаблена, воззрения о возможности посещения потустороннего мира не только шаманами, но и обычными людьми во время сна и иных состояний сознания продолжали широко бытовать. Материалы рукописи Н.С. Тенешева выборочно использованы в работе В.Я. Бутанаева «Традиционный шаманизм Хонгорая»[1].

Воззрения о смерти являются одной из неотъемлемых составляющих традиционной культуры. Идеями о смерти и путешествии человеческой души в мир иной, о продолжении жизни после конца существования на земле пронизаны погребально-поминальные обряды. Основу этих идей составляла вера в посмертную (загробную) жизнь человека (души). В традиционном мировоззрении хакасов, как уже было сказано, широко распространены представления о том, что живые люди могут совершить путешествие в мир мертвых. Полагали, что посещение иного мира становится возможным во время сна (в том числе и летаргического), или во время тяжелой болезни. В отличие от обычных людей, прерогативой общения с потусторонним миром обладали шаманы, часто при-

нимавшие участие в обрядах похорон и поминальном цикле. Именно они препровождали душу умершего человека в страну мертвых. Шаманы «вызволяли» из загробного мира души людей, по разным причинам попавших туда преждевременно. В связи с этим, среди хакасского народа известно немало рассказов о шаманских мистериях, связанных с возвратом души человека из иного мира. В большинстве повествований такого рода говорится, что шаман и его духи-помощники (*тёси*) совершали путешествие в мир духов во время камланий. Раздобыв искомый объект из иного мира, шаман передавал его просителям.

В традиционной картине мира хакасов структурирование пространства имело вертикальное и горизонтальное направления. «Вертикальная структура мира, предполагающая наличие середины, верха и низа, наиболее полно реализуется в образе мирового дерева (мировой горы), с разными зонами которого соотнесены различные классы явлений, как природных, так и социальных»[2]. В связи с этим, «*Юзют чирі*» (Мир мертвых) располагался на одном из ярусов Нижнего мира, отождествляемого с «подземным царством». По фольклорным данным «*Юзют чирі*» локализуется в «семидесятом подземелье» (*Читон тамы чир алтында*), «где девять морей соединившись, образовали одно гигантское море, где девять тасхылов сходятся» (АХНКМ, Тенешев, л. 1). В вышеназванных эпических произведениях хакасов упоминаются два царства мертвых: «*Ах Юзют чирі*» (земля белых *юзютов* — умерших душ) и «*Кёк Юзют чирі*» (земля синих *юзютов* — умерших душ).

Верили, что в царстве «*Ах Юзют чирі*» обитают умершие души *алыпов* (богатырей) из Среднего мира, созданных «Единым Богом» (*Чахыс чаянын алыптарнын юзют чирі*). Это были души светлых и добрых воинов, боровшихся на земле со злом. В «*Кёк Юзют чирі*» же находились души богатырей Нижнего мира, представители «нечистой» силы (*айна*, *чабаларнын юзютері*), а также души злых, с «темными мыслями» *алыпов* (*Хара сагыстыг алыптар*). Последние же, при жизни в Среднем мире, помогали подземной «нечисти». Считалось, что *Хара сагыстыг алыптар* были сотворены «Девятью творцами» (*Тогыс чаян чаяпсалган алыптар*). Верили, что территория «*Кёк Юзют чирі*» находилась ближе к Среднему миру, чем «*Ах Юзют чирі*». Поэтому в царство «белых умерших душ» направлялись через землю «синих *юзютов*» (Там же, л. 1-3).

По архаическим представлениям владыкой Нижнего мира являлся *Эрлик-хан*, именуемый еще *Юзют-ханом* или *Айна-ханом*. Согласно мифам, он обитал под «17 слоями земли»[3]. *Эрлик-хан* наряду с верховным божеством *Худаем*, распоряжался судьбами людей и был главной карающей силой в мире умерших. Повелитель мира мертвых определял меры и виды наказаний для людей, совершивших в своей «земной» жизни злодеяния.

В мифах его также называли *Ада* — отец. Он определял размеры бубна и давал новому шаману *тёсей* — духов-помощников, оставшихся от умерших шаманов своего рода. *Ада* давал черных (*хара*) и чистых (*ах*, *арыг*) *тёсей*, т.е. шаманские помощники разделялись на тех, с кем возможно посещение Нижнего или Верхнего миров[4].

Резиденция *Эрлик-хана* располагалась в медном дворце, внутренняя обстановка и мебель которого были золотыми. Повелитель *юзютов* восседал в огромном золотом кресле за большим золотым столом. По рассказам шаманов, им он

представал в образе черного великана с густой, косматой шерстью и длинной бородой. На голове имел два рога. Его огромные красные глаза горели огнем. Длинные, крепкие, как сталь, зубы блестели. На руках и ногах он имел медвежьи когти. Сзади у него торчал огромный хвост длиною в пять сажень (АХНКМ, Тенишев, л. 8). Стоит отметить, что образ *Эрлик-хана* в мифологии южносибирских тюрков имеет определенное сходство с представленным описанием. Так, например, в алтайских традиционных представлениях он предстает стариком с атлетическим телосложением. «Глаза, брови у него — черные, как сажа, борода — раздвоенная и спускается до колен. Усы подобны клыкам, которые, закручиваясь, закидываются за уши. Челюсти похожи на кожемялку, рога — на корни дерева, а волосы — курчавые».[5]

Одновременно с вертикальной структурой пространства — трехчастной, в местной традиции выявляется и горизонтальное деление мира (по сторонам света)[6]. Согласно горизонтальной модели мира *Юзют чирі* размещался в юго-западной и северной стороне земли, «куда не ступает нога человека». Как полагали верующие, землю *юзютов* в данном направлении при помощи своих *тёсей* (духов-помощников) могли посещать шаманы. По традиционным хакасским представлениям в верховьях реки Абакан находилась мифическая гора «*Пулан-таг*» (Лосиная гора). Она представляла собой отвесную скалу без всякой растительности. Была невидима для обычных людей. Верили, что если *хут* (душа) человека, перевалит «*Пулан-таг*», то самостоятельно она не сможет вернуться к хозяину (АХНКМ, Тенишев, л. 12)[7]. Кроме того, умершие от оспы отправлялись в «особую степную местность, лежащую среди тайги»[8].

Как уже отмечалось, путешествие в *Юзют чирі* обычно предпринималось шаманами с целью выяснения глубинных причин гибели человека и попыткой возвращения его души в Средний мир. «В царство *Юзют-хана* шаманы ходят исключительно за человеческими душами, т.е. с целью похищения душ нужных людей. В некоторых случаях, когда умирает человек от внезапного случая (убийство, утонул, упал с дерева, или скоропостижно скончался от тяжелой болезни) шамана приглашают на похороны, или на поминки седьмого дня. Шаман шаманит, идет в «царство мертвых», чтобы узнать, спросить у души умершего, как он умер, мог ли миновать эту смерть при соблюдении осторожности» (АХНКМ, Тенешев, л. 13).

«Мир мертвых», по рассказам шаманов, находился очень далеко. Ради «достижения» *Юзют чирі* требовалось приложить немало усилий, например, необходимо было переправиться по мифической глубоководной реке, текущей на север (там же). В хакасской традиции вода олицетворяет субстанцию, исходящую из подземного мира, и имеет непосредственную с ним связь.[9] Как справедливо отмечал Е.М. Мелетинский, в традиционных культурах «река — это демаркационная линия, разделившая космос и хаос, жизнь и смерть»[10]

В своем камлании для «передвижения» по реке М. Томозаков использовал специальное транспортное средство. Для этой цели из дудок борщевика (*хобырах*) сооружался небольшой плот. Его изготовление проходило в помещении, где проводился обряд. Мастерились два весла (*эскидер*). К каждому веслу в стоячем положении привязывали глиняного человечка. Во время своей мистерии шаман приказывал глиняным человечкам грести быстрее, чтобы ускорить

ход плота. Здесь необходимо сказать, что в этнографической литературе, посвященной хакасским традиционным верованиям (за исключением упомянутой работы В.Я. Бутанаева), отсутствуют упоминания об использовании шаманом плота и двух глиняных человечков при переправе через мифическую реку в страну мертвых. Не исключено, что применение данных изделий являлось индивидуальной особенностью камлания М. Томозакова (возможно, сагайских шаманов), в то же время отображающей архетипические представления о пути в мир мертвых по реке.

Надо заметить, что в традиции тюрок Южной Сибири в качестве универсального транспортного средства шаманами использовался бубен. Как отмечал Л.П. Потапов, «бубен мог выполнять роль лодки, когда шаман, путешествуя по тем или иным местам во время камлания, встречал море или реку. Колотушка бубна служила веслом. Символикой обладали и другие части бубна»[11].

Для совершения обряда требовалось еще молочное вино (*арага*), суп (*угре*) и вареное мясо (*пус*). Шаман брал с собой в путь семь связанных в пучок дудок борщевика, наполненных «*абырткой*» (молочным квасом) для угощения встречающихся в дороге охранников *Юзют-хана*. Причем, в эти емкости наливали не *абыртку*, а моченую мякину. Шаман, подменяя угощение, обманывал представителей *Юзют-хана*. По всей видимости, замена некоторых настоящих продуктов их подобием исходила из представлений о перевернутости, зеркальности Потустороннего мира, что было универсальным для народов Саяно-Алтая.[12]

Перед тем, как отправиться в путешествие в иной мир, шаман М. Томозаков проводил обряд поклонения хозяйке огня «*От ээзі*». Угощал ее пищей со следующими словами: «*Тридцатиязыкая бабушка огонь, сороказубая дева-старушка. Старше тебя и могуче тебя нет хана на свете, выше тебя нет пига (князя). Ты поражаешь своих врагов, как могучий тёс Улген. Твой суд совершается ярким ослепительным светом. В вечернюю пору ты одеваешься в красное суконное пальто. В утреннюю зарю ты одеваешься в серое суконное пальто. Оловянными стременами наряжена-украшена ты, наряжена как угольный хан. Железными стременами украшена ты, как угольный хан. В твердую кольчугу наряжайся, железной кольчугой бронируйся. Оставайся дома (т.е. просит хозяйку огня бронировать очаг, т.е. жилище больного, быть бдительной, не допускать злых духов)*» (АХНКМ, Тенешев, л. 13-14).

Обращение шамана к духу огня было не случайно. В традиционном понимании хакасов, богиня огня — «огненная мать» давала тепло и свет, постоянно охраняла домашний очаг и семью от злых сил, приносила удачу и богатство хозяину, жила заботами главы дома. Ее называли так: чурттын-ээзі — «хозяйка жилища», чурттын-хадарчазы — «хранительница жилища», кізінін-хулгы — «оберег человека», хадарганын-халхазы — «щит пасущегося (скота)» и т.д.[13] Другая важнейшая функция была напрямую связана с жизнью души человека. Н.Ф. Катанов писал: «Дух огня растит и греет всякое живое существо, как только дух отходит от этого существа, оно умирает, т.е., тело приобщается к земле, а душа к полчищам духов, витающих на земле»[14]. Свойство посредника между людьми и духами сближало функции огня и шамана. В архаических воззрениях хакасов дух огня считался одним из главных помощников шамана. Перед отправкой в далекие путешествия во время камлания шаман в первую очередь об-

ращался за помощью к хозяину огня[15]. Н.П. Дыренкова по этому поводу писала: «Ни один кам не согласится идти ни к какому духу без разрешения матери-огня. “Без нее идти нельзя, — говорила камка, — а если она с тобой, то идти и светло и легко”. Вот почему каждое камлание начинается с обращения к матери-огню и молитвы к ней»[16].

Заручившись поддержкой «хозяйки очага», шаман М. Томозаков призывал своих *тёсей*: «*Я раб, потомок шамана Хам-Сарана. Я приданое шамана Тас-оола. Таволожником обросшие мои горы. Жилами текущие мои реки. Борщевиком обросшие мои горы. С шумом текущие, мои реки. Семь желтых девиц — повелители мои. К твердой скале я прибивался, огибался, разгибался как дуга. Как каменная мельница вертелся, как каменное сито сеялся я*» — затем шаман персонально обращался к своим духам-помощникам — «1) *С черной кольчугой черный человек, возвращайтесь, становитесь передо мной, вы сегодня нужны мне; 2) С черными кольчугами девять черных человек, возвращайтесь, становитесь передо мной, вы сегодня нужны мне; 3) Пестрая кукушка, величиной с конскую голову. Возвращайтесь сегодня ко мне, вы нужны мне. Будете петь впереди меня; 4) Черная собака длиной в шесть сажень, возвращайтесь, становитесь передо мной. Сегодня вы мне нужны; 5) Черный медведь длиной в три сажени, возвращайтесь, становитесь передо мной. Вы сегодня нужны мне; 6) Пестрая щука, длиной в шесть саженей, возвращайтесь, становитесь передо мной. Вы сегодня нужны мне. Впереди меня будет бежать (плыть)*» (АХНКМ, Тенешев, л. 15).

Обращение шамана М. Томозакова к своим *тёсям* — духам-помощникам представляет собой типичное явление для шаманизма тюрков Саяно-Алтая. Каждое шаманское камлание всегда начиналось с обращения к духам-покровителям и духам-помощникам. В тексте обращения к своим *тёсям* М. Томозаков отождествляет себя и свои действия с природными объектами, тем самым подчеркивая природную сущность своей шаманской «основы». Стоит отметить, что в хакасском языке помимо обозначения духов-помощников, в термин *тёс* вкладывается понятие «основа», «корень»[17]. Данные воззрения выявляют не только социально-психологическую направленность ритуальных действий шамана, но и экологическую. Усиливают эту идею «природный» образ отдельных духов-помощников, предстающих в виде животных.

На следующем этапе своего камлания М. Томозаков давал двум глиняным человечкам команду грести быстрее, чтобы скорее преодолеть долгий путь. По дороге к *Юзют-хану* подношения духам гор и рек не производились. Шаман на плоту плыл по полноводной реке далеко на север, затем медленно сворачивал на юго-запад. После этого снова поворачивал на север. И через некоторое время причаливал к берегу. Привязывал к дереву свой плот. Дальнейший путь совершал при помощи своих *тёсей*. Продолжительное время двигался в юго-западном направлении. Шаман достигал «*Хуу чазы*» — степь с пожелтевшей скудной растительностью. Трудности в преодолении этого пространства заключались в том, что вся эта степь была лишена воды. Пройдя эту степь, шаман выходил к скалистым местам. Дальнейший путь пролегал по трудной извилистой, каменной тропе. Она была настолько узкой, что шаман был вынужден передвигаться, прыгая на одной ноге. Эта тропа называлась «*Саар азах чолы*» (тропинка одной ноги). Дальше дорога вела к двум черным скалам. Они постоянно сдви-

гались друг к другу и раздвигались. Требовалось немало ловкости и сноровки, чтобы успеть проскочить это пространство. Слабые шаманы, дойдя до этого места, не сумев преодолеть препятствие, возвращались обратно, так и не попав к *Адазы*. Миновав это препятствие, шаман оказывался в пространстве бескрайних песчаных степей «*Хум чазы*», не имевших каких-либо признаков жизни. Приходилось долго преодолевать эту местность. Степи заканчивались развилкой двух дорог «*Іскі чарылыс чол*». Первый путь — это тропа душ грешных людей, которых препровождала «*Тогыс тулуныг Хара-хат*» (Черная женщина с девятью косами). Второй путь был предназначен для безгрешных душ. По ней же передвигались шаманы. Тропы пролегали вблизи друг от друга. Затем шаман проходил степи и небольшие леса. Степи были с жесткими травами — «*сиген отыг чазылар*», иногда чередующиеся с колючками. Местность была без каких-либо признаков жизни. Дальнейший путь пересекала широкая река, через которую был натянут волосяной мост (*хыл кёбірткі*)[18]. И даже при отсутствии ветра мост все время раскачивался. Ни одно живое существо не могло пройти по этому мосту. По нему переправлялись *юзюты*, «не имеющие никакой тяжести». Шаманы проходили по мосту при помощи своих *тёсей*.

В дороге шаман встречал *юзютов* недавно умерших людей, следующих в землю *Юзют-хана*. «Особенно тяжело было смотреть на души (*юзютер*) грешных людей, которых вела по первой тропе “Черная женщина с девятью косами”. Вся эта тропа пролегала по местностям, заросшими боярышником, шиповником и маленькими колючими травами. В некоторых местах тропа пролегала через местности, рассыпанные острыми скальными камнями. Этих грешников Черная женщина вела босыми, т.е. не разрешала надевать обувь. Из ног этих несчастных людей текла кровь. Стоны и плачь беспрерывно повторялись на протяжении всего пути. Тут же шаман Томозаков увидел огромного Черного человека, который вел грешника за веревку, привязанную за шею. Мученик в некоторых местах спотыкался и падал, но Черный человек не знал пощады и с силой тащил его по земле, заросшей колючками. Он все время напоминал страдальцу о том, что настоящее наказание ожидает его на страшном суде у *Эрлик-хана*. Шаман спросил у своих *тёсей*, за что наказывает Черный человек этого грешника? Духи ответили, что этот грешник на земле был лодырем и пьяницей, а потом повесился, не дожив до окончания своих дней. Вот поэтому он несет такое тяжкое наказание» (АХНКМ, Тенешев, л. 15-16).

Описание мифологического ландшафта, направления пути шамана и его духов-помощников, а также персонажей иного мира у хакасов в сравнении с другими южносибирскими народами, безусловно, имеет свои особенности. Тем не менее, архетипичным для народов Саяно-Алтая является представление о переходе душ умерших и шамана через реку по «волосяному» мосту.[19]

Далее М. Томозаков дает описание своего пути в местность, где жили души умерших. По представлениям шаманов, души людей, покончивших жизнь самоубийством, «содержались» в потустороннем мире отдельно от остальных *юзютов*. Обращение стражников *Юзют-хана* с ними было чрезвычайно жестоким. Души самоубийц еще до «суда» подвергались безжалостным наказаниям. Объяснялось это тем, что в царство мертвых они попали раньше установленного для них времени. Поэтому остаток из отведенного им срока жизни на земле

им необходимо было провести в мире мертвых, страдая. Стоит отметить, что души людей, погибших в результате несчастных случаев — утопленников, сорвавшихся с дерева или со скал, умерших в результате пожара, растерзанных дикими зверьми или же внезапно скончавшихся от болезней и др., в народе считали умершими «не своей смертью» т.е. преждевременно. Считалось, что до наступления «суда» они не несли никакого наказания. Данные *юзюты* будто бы содержались отдельно от остальных. «Суд» над каждым из них проходил опять-таки в установленный для них срок.

За большой рекой стояла высокая черная скала с отверстием (*Юттюг тас*). Здесь находились души умерших людей, направлявшиеся в царство мертвых. У отверстия скалы стояли «два черных богатыря с кольчугами и шлемами». Богатыри проверяли всех путников на факт «истинности» их смерти. «Каждый из них отвечал, что он действительно умер и следует к месту постоянного жительства, т.е. в царство мертвых. Дошла очередь и до шамана Томозакова. Его тоже расспросили о том, действительно ли он умер. Томозаков ответил: “Преждевременно умер я, не дожив установленного срока, теперь превратился в *Юзюта*. Иду в царство *Юзют-хана*”» (АХНКМ, Тенешев, л. 16-17). Ответив на вопросы стражников, шаман угощал их «*абырткой*», принесенной в «семи дудках борщевика, связанных в пучок». Отведав угощение шамана, довольные охранники указывали ему дальнейший путь. Обманув охранников, шаман проходил сквозь *Юттюг тас*.

За скалой дорога выходила к большому логу, «слабо освещенному дневным светом». Там возвышались две скалы. Между ними сидел черный великан. Он был одним из охранников *Юзют-хана* и также проверял всех путников. Как и предыдущих стражей, шаману приходилось обманывать и угощать великана «*абырткой*». Великан благодарил за угощение и показывал путь, где жили предки и сородичи шамана. Он следовал указанной дорогой. Чем дальше шел по логу, тем слабее становился свет. Солнечный свет полностью исчез, когда шаман добрался до вершины лога. «Даже тяжеловато стало, как в раннюю вечернюю зарю. Но все же различал предметы» (АХНКМ, Тенешев, л. 18). Вскоре показалось селение *юзютов*. Вход в него опять-таки охранялся. Шаман обманывает стражников и благополучно отправляется к «своим» сородичам. «В улусе юрты были нецелые. Люди там ходят так же, как на земле. У всех есть свое дело, работа. Шаман Томозаков стал разыскивать душу нужного человека. Найдя душу умершего человека, расспросил ее о том, как тот умер. Преждевременно или нет. Похитил ли ее злой коварный дух — *чабал айна*. Душа умершего ответила, что от тела ушла преждевременно. Ей не дали жить злые духи, которых к их дому вселил далекий шорский шаман за какие-то дела умершего прадеда» (АХНКМ, Тенишев, л. 18).

Тем временем шаман схватывает эту душу, привязывает ее к своей пояснице и отдает своим *тёсям* приказ: «На руку надевать (а не на пальцы) нужно хороший узорный перстень, в подмышку нужно пришивать светлую (блестящую) пуговицу». *Тёси* тут же подымают шамана и несут его обратно в мир живых. Пропажу души сразу же обнаруживают охранники. Слуги *Эрлик-хана* отправляются в погоню. Однако *тёси* шамана «несутся быстрее урагана и охранники не могут их догнать». Оторваться от погони шаману помогает *тёс Хус* (птица).

Вместе с ним она молниеносно взмывает вверх и с немыслимой скоростью летит в царство живых.

Шаман «возвращается» в дом больного. «Привезенную» из царства мертвых душу, встряхивает («сыпет») на больного. Душа якобы входит в тело хозяина. Как утверждают верующие, в этот момент больной получает облегчение и вскоре выздоравливает.

Итак, исходя из сказанного, можно сделать вывод о том, что в мифо-ритуальной традиции хакасов имели широкое распространение представления о путешествии шамана в потусторонний мир. Они основывались на анимистических воззрениях о причинах заболевания и смерти людей, вызванных, якобы, похищением или случайным уходом души в мир мертвых. Следует отметить ту особенность, которая отличала отношение традиционного сознания к данному феномену — это ощущение тайны. Таинственность и загадочность смерти и всего того, что стоит за порогом жизни, устрашала и вместе с тем притягивала человека. Потребность в «познании» потустороннего мира привела к возникновению культовых практик — мистерий, посредством которых человек якобы «допускался» к тайнам бытия и инобытия. Главным действующим лицом мистерий являлся шаман. Ритуальные действа шамана были неотделимы от мифологемы пути-путешествия. Посредством направленного движения шаман давал характеристику мифологического пространства, преодолевал долгую и трудную дорогу в загробный мир и, выполнив свою задачу, возвращался обратно. Представленный материал позволил выявить у народов Южной Сибири общие архетипические представления о переправе в мир мертвых по реке через волосяной мост, об образе *Эрлик-хана*. При этом у хакасов остается своеобразным изображение помощников шамана, разделение мифологического пространства, описание ландшафта и отдельных персонажей загробного мира.

В фигуре самого шамана обнаруживается природное начало, что проявляется в его призываниях и обращениях к духам. Он неотделим от природы, одухотворяет и соотносит себя с ее объектами — горами, реками и т.д. Данный фактор выявляет и подчеркивает экологическую направленность шаманских мистерий. Описание путешествий в мир мертвых в немалой степени способствовало утверждению в обществе идей посмертного воздаяния, типичного для народов Саяно-Алтая, содействовало формированию определенной социо-нормативной практики и ценностных ориентаций в жизни людей. Совершение обрядов возвращения души прекратились в середине XX столетия. Советские органы власти запретили проведение традиционных ритуальных практик, сами шаманы подверглись преследованиям. В обществе доминирующие позиции заняла атеистическая идеология. Тем не менее, мифологические воззрения о душе, потустороннем мире и посмертных воздаяниях среди хакасского населения продолжают сохраняться и в наши дни.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Бутанаев В.Я.* Традиционный шаманизм Хонгорая. Абакан, 2006. 232 с.
2. Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири. Новосибирск, 1988. С. 22.
3. *Катанов Н.Ф.* Образцы народной литературы тюркских племен. Т. IX. СПб, 1907. С. 216.

4. *Алексеев Н.А.* Шаманизм тюркоязычных народов Сибири. Новосибирск, 1984. С. 58-59; *Бутанаев*. Ук. соч. С. 68-69.
5. *Анохин А.В.* Материалы по шаманству у алтайцев, собранные во время путешествий по Алтаю с 1910–1912 гг. // Сб. МАЭ. 1924. Т. IV. Вып. 2. С. 3.
6. Традиционное мировоззрение тюрков... С. 24.
7. *Майнагашев С.Д.* Загробная жизнь по представлениям турецких племен Минусинского края // Живая старина, 1915, № 2, Вып. 2–3. С. 287; *Потапов Л.П.* Алтайский шаманизм. Л., 1991. С. 158.
8. *Майнагашев*. Ук. соч. С. 287.
9. *Бурнаков В.А.* Духи Среднего мира в традиционном мировоззрении хакасов. Новосибирск, 2006. С. 42.
10. *Мелетинский Е. М.* Поэтика мифа. М., 1995. С. 217.
11. *Потапов*. Ук. соч. С. 161.
12. *Анохин*. Ук. соч. С. 2-3.
13. *Бутанаев В.Я.* Культ огня у хакасов // ЭО. 1998. № 3. С. 26.
14. *Катанов Н.Ф.* Отчет о поездке, совершенной с 15 мая по 1 сентября 1896 года в Минусинский округ Енисейской губернии. Казань, 1897. С. 28.
15. *Бурнаков*. Ук. соч. С. 58.
16. *Дыренкова Н.П.* Культ огня у алтайцев и телеут // Сб. МАЭ. Л., 1927. Т. VI. С.71.
17. *Бутанаев В.Я.* Хакасско-русский историко-этнографический словарь. Абакан, 1999. С. 154.
18. *Бутанаев*. Ук. соч. С. 142.
19. *Потапов*. Ук. соч. С. 143; *Каруновская Л.Э.* Представления алтайцев о вселенной // СЭ. 1935. № 4–5. С. 176-183.

TRAVEL IN «THE WORLD OF DEAD»: MYSTERY KHAKASS SHAMAN MAKAR TOMOZAKOV

V.A. Burnakov

The author introduces in scientific practice the unique archival materials on Khakass shamanism, including traditional notions about the other world. The work gives a detailed, stage-by-stage description of Khakass shaman Makar Tomozakov. The shaman «is sent» to «the world of dead» searching for a soul of the sick person. So, the article presents shaman church chanting and the appeal to spirits these are shaman's assistants, complete «topography» of the other world and the description of the inhabitants of this mythical space.

© 2008

Е.В. Антропов

ЭТНОДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В СИБИРИ В XX–XXI ВВ.: ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА

Этнодемографическая структура сибирского края, складываясь в условиях многовековых межрегиональных миграций и межкультурных контактов, имела динамичный характер. Основные тенденции в размещении населения в России сложились уже в начале Нового времени, когда расширение территории государства стало носить интенсивный характер. На первых этапах неконтролируемое переселение являлось существенным фактором в освоении зауральских территорий. К концу XIX в. как добровольные, так и вынужденные переселения за Урал приобрели массовый характер. С начала XVIII в. до 1897 г. население Сибири увеличилось с 500 тыс. до 5387 тыс.

Пионерами колонизации края были выходцы с Европейского Севера — русские, а также народы финно-угорской группы — коми, пермяки, зыряне, мордва. В процессе присоединения сибирских земель значительную роль играла «литва» — служилые люди из белорусов, литовцев, поляков. Еще в XVI–XVII вв. за Уралом их насчитывалось около 5–6 тысяч[1]. Особое место в этих процессах занимала политическая ссылка XVIII и XIX вв., приведшая к появлению польской, литовской и украинской диаспор Сибири.

Несмотря на интенсивные ассимиляционные процессы, этничная дробность сибирского сообщества усиливалась. После отмены крепостного права, а особенно после реформы А.П. Столыпина массовый характер приобрела миграция за Урал украинцев и белорусов. В период с 1885 по 1916 гг. за Урал переселилось 1,6 млн. выходцев с Украины. С 1861 по 1913 гг. из западных губерний в восточном направлении выехало 1,5 млн. белорусов[2]. В результате, к примеру, население обширной Томской губернии в начале XX в. на пятую часть составляли национальные группы[3].

Конец XIX — начало XX в. ознаменовалось качественным обновлением путей сообщения. Строительство Транссибирской железнодорожной магистрали создавало мощный импульс торгово-промышленному развитию Сибири. Облегчив проезд, железная дорога способствовала росту переселенческого движения в Сибирь. За 20 лет с 1887 г. из Европейской России сюда прибыло около 4 млн. человек. Около 80 % городского населения сибирского региона в начале XX в. проживало в городах, расположенных на железнодорожных магистралях[4].

Национальный состав городского населения Сибирского края на основе данных первой всеобщей переписи Российской империи в 1897 г. был подсчитан С. Паткановым. Русские тогда составили 88,6 %. От числа русских 4,8 % составляли украинцы. Второе место по численности городского населения Сибири занимали евреи, затем поляки и татары[5]. Этнические группы поляков, немцев, литовцев, евреев, эстонцев, армян, грузин, латышей, китайцев сложились вследствие внутрироссийских и межгосударственных миграционных потоков, носивших как принудительный, так и добровольный характер.

Для Сибири и России в целом XX в. стал периодом усиления миграционных перемещений, вызванных к жизни войнами, освоением слабозаселенных территорий, индустриализацией, экономической мобилизацией и массовыми депортациями людей по социальному и этническому признакам. Основные миграционные потоки шли из европейской части страны в азиатскую, из центра на периферию, из русских регионов в инонациональные, из села в город[6].

В оживленную миграцию, при численном преобладании русских, включались различные этнические группы. Новые волны переселенцев распределялись на основе уже сложившейся структуры расселения. Шло формирование подвижного полиэтничного сообщества. К концу XX в. народонаселение Сибири включало в себя около сотни этносов. Среди первых десяти присутствовали: русские, украинцы, белорусы, татары, киргизы, мордва, поляки и евреи. Этнодемографическая ситуация, складывавшаяся под влиянием совокупности экономических, политических и социо-культурных факторов, менялась на разных этапах развития региона, которые можно проследить с помощью переписей населения.

По данным первой переписи, в Томской губернии, например, было зафиксировано 4586 белорусов, что составляло 0,24 % от многонационального состава региона; 99,2 % их проживали в селах.[7]. Интенсивность переселений белорусов в Сибирь сохранялась и в последующее время. Всесоюзной переписью населения 1926 г. в пределах Сибирского края было зарегистрировано 827,5 тыс. украинцев и 320,3 тыс. белорусов, занявших в национальном составе после русских второе и третье места соответственно. За период с 1926 по 1939 гг. общая численность белорусов в Сибири увеличилась на 119 %; при этом в 1939 г. русское население увеличилось на 59 %, казахское — на 116 %, а украинское — уменьшилось на 13 %.

Миграция прибалтийских народов в Сибирь стала особенно интенсивной после Столыпинского указа от 9 ноября 1906 г. Всего в 1900-1909 гг. в России возникло 102 латышских колонии, из которых 39 (38,2 %) находились в Сибири. С началом первой мировой войны в регионе появились беженцы. В 1916 г. в Сибири и на Дальнем Востоке находилось 3208 беженцев из Латвии, что составляло 6,5 % от их общего числа[8].

В ходе гражданской войны в Сибири численность прибалтийских народов значительно сократилась за счет возвратной миграции. При этом латышское население, к примеру, сократилось более чем на 30 %[9]. В 1921 г. в Сибири проживало 253 тыс. латышей и латгальцев. К 1923 г. после массовой волны реэвакуации их осталось 54 тыс. В последующие годы в ходе сталинских репрессий и социально-демографических изменений в регионе оставили около 30 тыс. латышей. После оттока литовцев из Сибири в начале 1920-х гг. их численность в шести сибирских губерниях составила 17 тыс. Большинство литовцев проживало в крупных сибирских городах[10]. Что касается эстонцев, то считается, что к началу XX в. в России существовало 75 эстонских колоний, в том числе — 44 (58,7 %) в Сибири. В 1920 г. эстонцы в Сибири насчитывали 140 тыс. человек, к 1929 г. их численность снизилась до 30 тыс.[11]

Значительное место в этнодемографической структуре Сибири занимала немецкая диаспора. Только в Западной Сибири к 1914 г. проживало более 75 тысяч немцев[12]. Немцы селились компактно, часто образовывая анклавы[13].

К 1926 г. немцы проживали в регионе в составе 78,8 тыс. человек, занимая шестое место после мордвы и татар.

В 1925 г. казахское население Западной Сибири насчитывало 48,3 тыс. человек; в 1932 г. — 77,9 тыс. Большая часть казахов, переселявшихся в Сибирь, оседала в степных районах, там, где уже существовали казахские поселения[14].

В целом, Всесоюзная перепись населения 1939 г., зафиксировала в регионе 14309,4 тыс. человек (по административно-территориальному делению 1938 г.[15]), что было в 1,3 раза больше по сравнению с 1926 г. Первую пятерку этносов края составили в порядке убывания численности: русские, украинцы, татары, белорусы и немцы.

В предвоенные и военные годы Сибирь получила значительный приток депортированного населения из западных областей СССР. По данным на конец октября 1941 г., только из Поволжья по краям и областям Сибири и Казахстана было эвакуировано и расселено 446,5 тыс. немцев. В 1942 г. численность депортированных в Сибирь немцев определена в 397,1 тыс. человек из общего числа переселенных за Урал — 749,9 тыс.[16]. Несколько крупных миграционных потоков сформировало немецкое население региона. До 1980-х гг. значительных изменений в расселении немцев не происходило. Немецкое население сконцентрировалось в южных районах Сибири — Омской, Новосибирской и Кемеровской областях.

В годы Великой Отечественной войны участь насильственно переселенных испытали некоторые народы: калмыки, крымские татары, греки[17]. В 1941 г., накануне и в начале Великой Отечественной войны, согласно решению о депортации в Сибирь было выслано несколько десятков тысяч латышей и эстонцев[18]. Местами спецпоселения латышей в Сибири были выбраны районы Красноярского края (7518 человек), Новосибирской, Омской и Томской областей. Еще 36,4 тыс. человек были высланы в Омскую и Томскую области в марте 1949 г.[19].

События военных лет, эвакуация, непрерывный миграционный прирост в 1950-е гг. существенно изменили численность и этническую структуру населения региона. Согласно Всесоюзной переписи 1959 г., в население Сибири увеличилось до 18040,1 тыс. человек. Впервые численность городского населения превысила сельское. Разница составила 1,7 %.

В целом, этнодемографические процессы в Сибири на протяжении всего XX в. отличались большей интенсивностью, чем в среднем по России. За период 1926–2002 гг. число жителей в Сибири выросло в 2,2 раза, в то время как в России — в 1,6 раз. Число сибиряков в предвоенные годы (1926–1939 гг.) росло как в городской, так и в сельской местности[20]. Гораздо быстрее, чем в среднем по стране, в Сибири шли процессы урбанизации. При этом сельское население края увеличивало свою численность в большей степени путем самовоспроизводства. Быстрый рост городов происходил за счет внутриобластной и межрегиональной миграции. Миграции в формировании сельского населения играли отрицательную роль, поскольку отток в города с каждым десятилетием только увеличивался. По данным переписей, с 1926 по 2002 гг. сельское население региона выросло на 70 %, то городское — в 12 раз. Население крупных городов региона (более 100 тыс.) увеличилось за указанные годы в 7,4 раза. Во всех прочих городских поселениях наблюдался рост в 2,1 раза[21].

Миграционный прирост Сибири на протяжении всего XX в. был значительным, перекрывая естественную прибыль. Естественный прирост играл второстепенную роль. В 1926–1939 гг. удельный вес естественного прироста в общем приросте городского населения края составил 13,3 %[22]. С 1926 по 1959 гг. миграция определила около 90 % всего прироста городского населения[23]. За период с 1959 по 2002 гг. население крупнейшего города края — г. Новосибирска выросло на 545,3 тыс. человек; в том числе, за счет превышения числа родившихся над числом умерших — на 191,4 тыс. человек; за счет превышения числа прибывших над числом убывших — на 369,5 тыс. человек. Таким образом, в процентном соотношении миграционный прирост и естественная прибыль населения в г. Новосибирске составили 68 % и 32 % соответственно[24].

Активные миграционные процессы содействовали расширению этнического состава сибирских территорий. Согласно данным переписи населения 1959 г., первая пятерка народов Сибири подверглась значительным перестановкам по сравнению с 1939 г. (табл. 1).

С начала XX в. Сибирь и Дальний Восток становятся самым крупным регионом расселения российских украинцев. Увеличение численности сибирской украинской диаспоры в послевоенные годы связано и с активизацией внутрисибирской и межрегиональной украинской рабочей миграцией, вызванной, главным образом, освоением целинных земель, развитием нефтегазовой и других добывающих отраслей промышленности[25].

Немцы, занимавшие последнее место накануне войны, по причине более чем четырехкратного увеличения численности вышли на третью позицию. Четвертое и пятое места заняли соответственно татары и белорусы. Показав рекордные темпы прироста среди народов первой десятки национального состава региона, казахи вышли на вторую позицию после русских, также существенно увеличивших свою численность.

Таблица 1

ДИНАМИКА ЧИСЛЕННОСТИ ЭТНОСОВ, ПРЕВЫСИВШИХ 10 ТЫС. ЧЕЛ. В СИБИРИ С 1939 Г. ПО 1959 Г., ТЫС. ЧЕЛ.*

Народы, уменьшившие численность			Народы, увеличившие численность		
народ	1959	1939	народ	1959	1939
*Мордва***	87,0	133,9	*Русские*	13972,9	11804,3
Казахи	85,4	105,6	*Украинцы*	647,8	646,8
Эстонцы	28,2	31,0	*Немцы*	491,3	109,1
Поляки	26,8	38,0	*Татары*	250,5	246,2
			Белорусы	120,1	109,2
			Чуваши	92,7	79,6
			Евреи	58,9	45,0
			Литовцы	43,2	4,2
			Латыши	30,7	21,6
			Молдаване	11,6	2,1

*Данные по Всесоюзной переписи населения 1939 г. даны согласно административно-территориальному делению 1938 г.

**Курсивом выделены народы, входящие в первую десятку СФО, по данным Всероссийской переписи населения 2002 г.

Значительное увеличение численности в межпереписной период демонстрируют народы, насильственно переселенные за Урал в предвоенные и военные годы. Главным образом, это немцы, латыши, литовцы и евреи. Существенным фактором роста численности стал высокий уровень рождаемости в послевоенные годы. Сокращение численности эстонцев и поляков связано с реэмиграцией на историческую родину. Присутствие этих этносов, как и латышей и литовцев, в регионе до начала XXI в. уже не повышалось. Помимо этих народов, среди превысивших десятитысячную планку, но сокративших свое представительство к 1939 г., оказалась мордва. С другой стороны, медленный, но неуклонный рост начинают демонстрировать ранее малочисленные этнические группы: армяне, азербайджанцы, грузины, узбеки, корейцы, китайцы. Но в целом в период с 1926 г. по 1959 г. интенсивность движения в Сибирь населения из союзных республик была в 2-6 раз ниже, чем из региона районов РСФСР. Приток населения в это время давали все районы РСФСР, кроме Урала, а все национальные союзные республики, кроме Белоруссии, оттягивали население. Эти факты позволили В.И. Переведенцеву сделать вывод о том, что в этот период «этнические факторы значительно меньше препятствуют переселению русских в национальные республики, чем переселению коренного населения национальных республик в районы, населенные преимущественно русскими»[26].

В 1960–1970-е гг. в масштабах региона была сделана ставка на развитие научного и энергетического потенциала Сибири. Городское население первой пятерки национальностей Сибири продолжало пополняться как за счет села, так и межрегиональной миграции. В число народов первой пятерки, большинство которых проживало в сельской местности, уже в 1959 г. входили только немцы и казахи. К 2002 г. преимущественно сельскими жителями остались только немцы. Тенденцию перераспределения населения в пользу города по данным переписи 1979 г., иллюстрирует изменение этнической структуры г. Новосибирска и области. Сельское население первых десяти по численности народов Новосибирской области сокращалось, начиная с 1970 г. и до сегодняшнего дня. Городское же представительство первой десятки, прежде всего в Новосибирске, неуклонно росло.

К 1979 г. состав и позиции первой пятерки изменениям не подверглись, однако украинцы и немцы, следующие сразу за русскими, попали в число народов, снизивших свое представительство (табл. 2). В отношении немцев 1970-е гг. знаменуют начало массового оттока на историческую родину. Украинское население оттягивала на себя Тюменская область, входящая сегодня в Уральский федеральный округ с ее нефтегазовым потенциалом. В отличие от входящих сегодня в СФО субъектов федерации, население севера Западной Сибири интенсивно увеличивалось. Число украинцев Ханты-Мансийского автономного округа в межпереписной период 1959–1989 гг. возросло в 25 раз[27].

В конце XX в. в перечень национальностей, превысивших в регионе 10 тыс. человек, попали узбеки, цыгане, армяне и азербайджанцы. Последние два этноса входят в первую десятку национального состава СФО по данным переписи 2002 г. Их численность в регионе, главным образом в крупных городских поселениях, интенсивно повышается.

Таблица 2

ДИНАМИКА ЧИСЛЕННОСТИ НАЦИОНАЛЬНОСТЕЙ, ПРЕВЫСИВШИХ 10 ТЫС. ЧЕЛ. В СИБИРИ С 1959 Г. ПО 1979 Г., ТЫС. ЧЕЛ.

Народы, уменьшившие численность			Народы, увеличившие численность		
народ	1979	1959	народ	1979	1959
Украинцы	534,2	647,8	*Русские*	16662,3	13972,9
Немцы	438,1	491,3	*Татары*	281,5	250,5
Казахи	101,4	853,8	*Белорусы*	122,3	120,1
Мордва	60,2	87,0	*Чуваши*	93,7	92,7
Евреи	38,9	58,9	Молдаване	12,1	11,6
Латыши	20,2	30,7	Цыгане	11,9	9,4
Поляки	19,3	26,8	*Армяне*	11,1	7,8
Эстонцы	18,7	28,2	*Азербайджанцы*	10,2	4,8
Литовцы	11,1	43,2	Узбеки	12,9	5,1

Появление азербайджанцев в Сибири связано с организацией нефтяных промыслов и развитием рыночной торговли. В крупных сибирских городах азербайджанцы, помимо большой численности, отличаются организованностью общин; значительная их часть имеет высокий образовательный ценз. Армянское присутствие в ряде районов Сибири уже с середины XX в. характеризуется как долгосрочное, хотя и связано с сезонными работами. Значительное увеличение численности армян в регионе связано с событиями конца 1980-х — начала 1990-х гг. Землетрясение 1988 г., военные действия в Нагорном Карабахе, распад СССР, тяжелая экономическая ситуация в Армении послужили причинами увеличения миграции армян в Россию, в том числе, в сибирские города[28].

Усиление этнической дробности сибирского сообщества в 1970–1980-е гг. проходило на фоне сокращения сельских населенных пунктов. Жители сел пополняли ряды горожан. Выезд из сельской местности в город увеличился с падением уровня социально-экономического благосостояния деревни. Важные последствия для этнодемографической структуры населенных пунктов с выраженной долей одного этноса имела кампания по укрупнению хозяйств и ликвидации «неперспективных» деревень. С карты Сибири исчезали этнически однородные поселения; происходила нивелировка их этнокультурной специфики. Так, например, в результате социально-экономических трансформаций и активизации миграции численность латышей и эстонцев в Сибири в 1970 — 1980-е гг. значительно сократилась. К 1989 г. в шести районах области Новосибирской области существовало лишь семь населенных пунктов с наиболее многочисленным латышским и эстонским населением.[29]. Активные перемещения вели к большой дисперсности в расселении некогда компактно проживающих этносов, что ускоряло ассимиляционные процессы.

Одновременно с сокращением присутствия прибалтийских диаспор, в Сибири усиливалась миграция казахов. Основной пик казахской миграции в города и малые городские поселения приходится на период с 1979 по 1989 гг. Между переписями 1959 г. и 1989 г. в границах Омской и Новосибирской областей го-

родское казахское население увеличилось с 15,5 % до 42,6 %[30]. К концу XX в. интенсивное снижение доли сельских жителей казахского этноса продолжалось.

Таблица 3

ДИНАМИКА ЧИСЛЕННОСТИ НАЦИОНАЛЬНОСТЕЙ, ПРЕВЫСИВШИХ 10 ТЫС. ЧЕЛ. В СИБИРИ С 1979 Г. ПО 1989 Г., ТЫС. ЧЕЛ.

Народы, уменьшившие численность			Народы, увеличившие численность		
народ	1989	1979	народ	1989	1979
Чуваши	91,0	93,7	*Русские*	18152,6	16662,3
Мордва	56,3	60,2	*Украинцы*	603,1	534,2
Евреи	29,6	38,9	*Немцы*	453,2	438,1
Поляки	17,3	19,3	*Татары*	288,8	281,5
Эстонцы	16,5	18,7	*Белорусы*	138,8	122,3
Латыши	15,2	20,2	*Казахи*	124,4	101,4
			Азербайджанцы	33,2	10,2
			Армяне	24,5	11,1
			Молдаване	20,6	12,1
			Цыгане	14,6	11,9
			Литовцы	11,3	11,1
			Узбеки	23,7	12,9

Высокие темпы роста в первой пятерке за межпереписной период продемонстрировали украинцы и белорусы. Сохранению стабильного численного присутствия этих народов в Сибири до конца 1980-х гг. способствовало интенсивное развитие регионального топливно-энергетического и транспортного комплексов. Однако уже следующая перепись населения показала высокие темпы снижения численности славянских народов. Помимо действующих теперь отрицательно миграционных факторов уменьшению украинской и белорусской диаспор Сибири способствует низкий уровень рождаемости и смена этнической идентичности — при переписи населения эти народы зачастую указывают русскую этническую принадлежность.

К 2002 г. уменьшили численность все без исключения народы первой пятерки. За пределы десятитысячной шкалы попали в СФО литовцы и латыши. Активная реэмиграция репрессированного латышского населения из Сибири началась еще в 1960–1970-е гг., после снятия всех запретов на возвращение. С 1995 г. по 2003 г. в Латвию на постоянное место жительства переселилось 4669 человек. На долю стран бывшего Союза, в том числе России, приходится 69 % общего числа репатриантов. Преимущественно это потомки депортированных в 1941 и 1949 гг.[31]. Среди увеличивших численность остались этнические группы Средней Азии и Закавказья (табл. 4). Помимо азербайджанцев в первую десятку к 1989 г. вошли армяне. Десятку замыкает мордовский этнос.

Таблица 4

ДИНАМИКА ЧИСЛЕННОСТИ НАЦИОНАЛЬНОСТЕЙ, ПРЕВЫСИВШИХ 10 ТЫС. ЧЕЛ. В СИБИРИ С 1989 Г. ПО 2002 Г., ТЫС. ЧЕЛ.

Народы, уменьшившие численность			Народы, увеличившие численность		
народ	2002	1989	народ	2002	1989
Русские	17530,9	18152,6	*Азербайджанцы*	60,7	33,2
Украинцы	373,1	603,1	*Армяне*	60,3	24,5
Немцы	308,7	453,2	Таджики	17,4	6,0
Татары	252,6	288,8	Узбеки	16,8	23,7
Казахи	123,9	124,4	Цыгане	16,2	14,6
Белорусы	82,4	138,8	Киргизы	11,8	9,1
Чуваши	62,2	91,0			
Мордва	33,7	29,6			
Молдаване	14,8	20,6			
Евреи	14,5	29,6			
Поляки	13,7	17,3			
Эстонцы	11,4	16,5			

В постсоветский период в сибирском регионе, как и в России в целом, стал очевиден «западный дрейф» миграции, наметившейся уже в 1970-е гг. Сибирь, Россию и страны СНГ покидали европейские диаспоры. Российские немцы в последнее время составляют наиболее значительную группу внешних эмигрантов за счет выезда в Германию. Одновременно идет активное переселение немцев из бывших республик Средней Азии и Казахстана в Западную Сибирь. Согласно данным аналитиков Германии, в страну за 1990–1998 гг. из пределов бывшего Союза прибыло более 2,2 млн. человек. Более 1,5 млн. иммигрантов составили этнические немцы. На иммигрантов из Казахстана и РФ приходилось, соответственно, 42,6 и 36,6 от числа прибывших[32]. Получение суверенитета республиками, входящими в состав РФ, активизировало и выезд из региона представителей титульных этносов в соответствующие регионы России. В результате значительно сократилась численность украинцев, белорусов, мордвы, чувашей.

Компенсация демографических потерь в последние годы осуществляется почти исключительно за счет русскоязычного нетитульного населения новых республик Центральной Азии, трудовых мигрантов и вынужденных переселенцев из стран СНГ. Для Сибири, как и для России в целом, наибольший миграционный обмен в последние 15 лет наблюдался именно со странами СНГ. В отчете Всемирного банка по проблемам миграции в странах Восточной Европы и Центральной Азии, опубликованном в начале 2007 г., отмечается, что в первой десятке стран, принимающих мигрантов, Россия занимает второе место после США[33].

Таблица 5

ДИНАМИКА НАЦИОНАЛЬНОГО СОСТАВА СИБИРИ С 1939 Г. ПО 2002 Г., ТЫС. ЧЕЛ.

СФО	1939	1959	1979	1989	2002
*Русские**	11804,3	13972,9	16662,3	18152,6	*17530,9*
Украинцы	646,8	647,8	534,2	603,1	*373,1*
Немцы	109,1	491,3	438,1	453,2	*308,7*
Татары	246,2	250,5	281,5	288,8	*252,6*
Казахи	105,6	853,8	101,4	124,4	*123,9*
Белорусы	109,2	120,1	122,3	138,8	*82,4*
Чуваши	79,6	92,7	93,7	91,0	*62,2*
Азербайджанцы	1,2	4,8	10,2	33,2	*60,7*
Армяне	3,0	7,8	11,1	24,5	*60,3*
Мордва	133,9	87,0	60,2	56,3	*33,7*
Евреи	45,0	58,9	38,9	29,6	14,5
Латыши	21,6	30,7	20,2	15,2	9,5
Цыгане	7,5	9,4	11,9	14,6	16,2
Поляки	38,0	26,8	19,3	17,3	13,7
Эстонцы	31,0	28,2	18,7	16,5	11,4
Молдаване	2,1	11,6	12,1	20,6	14,8
Литовцы	4,2	43,2	11,1	11,3	7,1

*Курсивом выделены народы, входящие в первую десятку национального состава СФО, по данным Всероссийской переписи населения 2002 г.

Наибольший обмен населением в 1993 г. Сибирь имела с Белоруссией, Казахстаном, Киргизией, Узбекистаном и Украиной. При этом регион терял население только с Белоруссией. В целом, современные этнодемографические процессы в Сибирском федеральном округе соотносятся с общими тенденциями размещения населения в большинстве субъектов Российской Федерации.

В межпереписной период 1989–2002 гг. численность населения России уменьшилась на 1,3 %, а СФО — на 5 %. В 2000 г. среди 7 регионов с ростом населения по всей России в СФО была отмечена только Республика Алтай[34]. Эмиграция из России в страны дальнего зарубежья до 1998 г. носила узко-этнический характер — регионы интенсивно теряли немецкое, еврейское и в значительно меньшей степени армянское население (табл. 6). На рубеже XX–XXI вв. в этнической структуре эмиграции стали абсолютно преобладать русские, значительно расширившие географию мест оседания.

Таблица 6

ЭТНИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА СФО ПО СУБЪЕКТАМ СОГЛАСНО ПЕРЕПИСИ НАСЕЛЕНИЯ 2002 Г. (ПЕРВАЯ ДЕСЯТКА)

Народы*/регионы	Русские	Украинцы	Немцы	Татары	Казахи	Белорусы	Чуваши	Азербайджанцы	Армяне	Мордва
Алтайский край	1	3	2	5	4	6	—**	8	7	9
Иркутская область	1	3	8	4	—	5	6	9	7	10
Кемеровская область	1	3	4	2	—	7	5	9	8	10
Красноярский край	1	2	4	3	—	6	7	5	8	9
Новосибирская область	1	3	2	4	5	6	9	8	7	—
Омская область	1	3	4	5	2	6	9	7	6	—
Республика Алтай	1	6	8	—	3	—	—	—	10	—
Республика Бурятия	1	3	10	4	—	6	—	9	8	—
Республика Тыва	2	6	—	7	—	—	—	—	9	—
Республика Хакассия	1	4	3	5	—	6	7	9	—	8
Томская область	1	3	4	2	—	6	5	7	8	9
Читинская область	1	3	9	4	—	6	10	7	5	—

*Представлены в порядке убывания в национальном составе СФО по данным переписи 2002 г.
**Место в этническом составе субъекта находится за пределами первой десятки.

Восемь представителей первой десятки этнического состава СФО, согласно Всероссийской переписи населения 2002 г., подверглись значительному сокращению численности. Русское население, несмотря на существенный миграционный прирост в СФО из государств СНГ, уменьшилось на 3,4 %, украинское — на 38 %, немецкое — на 32 %, татарское — на 12,5 %. В первой пятерке диаспор незначительно сократилось только казахское население. Одновременно нарастающими темпами увеличивается численность народов, проживающих в основном за пределами РФ. Высокая динамика численности отличала среднеазиатские и закавказские диаспоры. В период 1993-2004 гг. в СФО из Киргизии прибыло 48 тыс. человек, из Узбекистана 44,6 тыс., из Таджикистана 20,7, из Азербайджана 14,6, из Армении 13,9 тыс.[35]. В период 1939–2002 гг. численность азербайджанцев в регионе увеличилась в 50 раз, армян в 20 раз, киргиз в 16 раз и узбеков в 9 раз. К 2002 г. в десятку национального состава региона, вытеснив евреев, попадают армяне. Ближайшим претендентом на замыкающую позицию является таджикский этнос.

Оценка истиной численности диаспор затруднена. Существенными характеристиками миграции остается сезонность и нелегальность. Кроме того, для части мигрантов пребывание в Сибири является промежуточным периодом на пути в европейскую часть страны и далее за ее пределы. Длительность их присутствия в субъектах СФО обусловлена степенью адаптации и интеграции в современную урбанизированную среду. Интенсивная динамика численности и

удельного веса диаспор определяют дальнейшие перспективы этнодемографической структуры региона.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Ярков А.П., Бобров И.В., Мальчевский А.В.* Миграция в Тюменском крае: история и современность. Тюмень, 2004. С. 22.
2. Новосибирск-многонациональный. Народы и религии (информационный справочник). Новосибирск, 2002. С. 27.
3. Там же. С. 4.
4. *Исупов В.А.* Динамика численности городского населения Сибири в период строительства социализма // Урбанизация советской Сибири. Новосибирск, 1987. С. 31.
5. Очерки истории белорусов в Сибири в XIX–XX вв. Новосибирск, 2002. С. 112–113.
6. *Октябрьская И.В.* Мигранты в городе. Проблемы этнической идентичности и стабильности межэтнических отношений (по материалам анализа ситуации в Новосибирской области) // Миграция и опыт взаимодействия регионов по усилению этнополитической стабильности в Евразии. Новосибирск, 2004. Вып. 2. С. 71.
7. Очерки истории белорусов в Сибири в XIX–XX вв. С. 75–76.
8. *Лоткин И.В.* Современные этнические процессы у латышей и эстонцев Западной Сибири. М., 1996. С. 31–34.
9. *Там же*. С. 37.
10. *Колоткин М.Н.* Балтийская диаспора Сибири: опыт исторического анализа 20–30 гг. Новосибирск, 1994. С. 11.
11. *Лоткин*. Ук. соч. С. 34.
12. Очерки истории белорусов в Сибири в XIX–XX вв. С. 10.
13. *Смирнова Т.Б.* Немцы Сибири: этнические процессы. Омск, 2002. С. 25.
14. Новосибирск-многонациональный... С. 15.
15. *Алексеев В.В., Исупов В.А.* Население Сибири в годы Великой Отечественной войны. Новосибирск, 1986. С. 17.
16. *Белковец Л.П.* Административно-правовое положение российских немцев на спецпоселении 1941–1945 гг.: Историко-правовое исследование. Новосибирск, 2003. С. 48–50.
17. Этнические группы сибирского мегаполиса: взаимодействие культур, особенности поликультурного и национального образования. Новосибирск, 2003. С. 7.
18. *Лоткин*. Ук. соч. С. 44–45.
19. *Петроченко К.В.* Формирование латышской диаспоры в Сибири и проблемы реэмиграции на этническую родину // Миграция и опыт взаимодействия регионов по усилению этнополитической стабильности в Евразии. Новосибирск, 2004. Вып. 2. С. 121–123.
20. *Кисельников А.А.* Население Новосибирской области. Новосибирск, 2005. С. 21–22.
21. *Алексеев, Исупов*. Ук. соч. С. 14.
22. Там же. С. 53.
23. *Переведенцев В.И.* Современная миграция населения Западной Сибири. Новосибирск, 1965. С. 14.
24. *Кисельников А.А.* Население Новосибирской области. Новосибирск, 2005. С. 14.
25. Новосибирск-многонациональный... С. 63.
26. *Переведенцев*. Ук. соч. С. 77.

27. Эволюция этнокультурного облика Югры в конце XX – начале XXI века (на материале сургутского региона). Сургут, 2007. С. 21.
28. Этнические группы сибирского мегаполиса... С. 39.
29. *Лоткин*. Ук. соч. С. 49.
30. *Ахметова Ш.К.* Казахи Западной Сибири и их этнокультурные связи в городской среде. Новосибирск, 2002. С. 25.
31. *Петроченко*. Ук. соч. С. 121–123.
32. *Октябрьская*. Ук. соч. С. 77.
33. Народы России. Всемирный банк – против решения России о квотировании иммиграции // www.narodru.ru/news5728.html.
34. Население России на рубеже XX–XXI веков: проблемы и перспективы / Под ред. В.А. Ионцева, А.А. Соградова. М., 2002. С. 206.
35. Иностранные мигранты на сибирском рынке труда / Под ред. С.В. Соболевой, И.В. Октябрьской. Новосибирск, 2006. С. 54-55.

ETHNODEMOGRAPHIC PROCESSES IN SIBERIA IN THE 20th — 21th centuries: General Characteristic

E.V. Antropov

The article considers the ethnodemographic structure of the Siberian territory. Pioneers of territory colonization were natives from the European North — the Russian, and also peoples of Finno-Ugric group — the Komi, the Permians, the Zyrians, the Mordvinians and «military people» from the Byelorussians, the Lithuanians, the Poles. The work submits the data on population censuses over the 20th c.

© 2008

Ю.С. Ковальчук

«БИТВА ЗА МОЛОДЕЖЬ» ХРИСТИАНСКИХ ЦЕРКВЕЙ: ОСОБЕННОСТИ МИССИОНЕРСКОЙ ПОЛИТИКИ (НА ПРИМЕРЕ ТЮМЕНСКОЙ ОБЛАСТИ)*

«Времени у нас остается все
меньше и меньше.
Если мы проиграем битву за молодежь,
мы потеряем Россию»

(Архимандрит Геннадий (Гоголев)) [1]

Важным фактором стабильного развития ресурсных и промышленных центров Западной Сибири является формирование молодежной среды, творческий потенциал которой найдет свою реализацию в ближайшем будущем. Личные социально-экономические, образовательные и культурные стратегии в жизни молодежи определяются целым рядом факторов, в том числе и религиозных. На общем фоне секуляризованного общества в целом группы религиозной молодежи не велики, однако они составляют часть культурной, социальной и порой социально-политической жизни страны; в качестве институтов гражданского общества претендуют на участие в обсуждении законодательных инициатив, в том числе касающихся реализации государственной молодежной политики.

Задачей данной статьи является анализ форм работы с молодежью Русской православной церкви и протестантских церквей, их сравнение, выделение общего и особенного, оценка их эффективности в деле воцерквления молодежи на примере Тюменской области.

Население Тюменской области, по всероссийской переписи 2002 г., составляло 1 325 018 чел.; в Ханты-Мансийском автономном округе (ХМАО) проживало на тот момент 1 432 817 чел.. По данным Ханты-Мансийского отдела Управления Федеральной регистрационной службы по Тюменской области, на территории ХМАО было зарегистрировано на 1 февраля 2008 г. 126 религиозных объединений, из них: Русская православная церковь (РПЦ) — 47; ислам — 24; протестантизм — 40; Римско-католическая церковь — 2; других религиозных организаций — 13.

В Ямало-ненецком автономном округе (ЯНАО), население которого составляло полмиллиона человек, на 2008 г. было зарегистрировано 59 религиозных организаций: из которых к РПЦ относились 21 религиозная организация, к исламу — 16, к протестантизму — 22, из них: Евангельские христиане–баптисты (ЕХБ) — 10, Евангельские христиане (ЕХ) — 2, Христиане веры евангельской-пятидесятники (ХВЕ-пятидесятники) — 7, Христиане веры евангельской

* Работа осуществлена при поддержке гранта Президента Российской Федерации молодым ученым МК-1031.2008.6. «Протестантские миссии в ресурсных и промышленных центрах Западной Сибири начала XXI в. в свете проблемы этно- и социокультурной безопасности региона».

(ХВЕ) — 1, Новоапостольская церковь — 1, Свидетели Иеговы — 1[2].

По югу Тюменской области зарегистрировано 181 религиозная организация на 2008 г.: Русская православная церковь, Московская патриархия (РПЦ МП) — Тобольско-Тюменская епархия — 75, Русская православная церковь заграницей (РПЦЗ) — Ишимско-Сибирская епархия — 4, Русская православная старообрядческая церковь — 1; ислам: Духовное управление мусульман Тюменской области — 32, Духовное управление мусульман Азиатской части России — 16, Центральное Духовное управление мусульман России — 2, 1 автономная; протестантизм: Евангелическо-лютеранская церковь — 1, Объединенная методистская церковь — 1, Пресвитерианская церковь — 1, Евангельские христиане-баптисты — 3, Евангельские христиане — 15, Адвентисты седьмого дня — 3, Христиане веры евангельской–пятидесятники — 12, Новоапостольская церковь — 3, Свидетели Иеговы — 1, Церковь Иисуса Христа Святых последних дней (мормоны) — 1; Иудейская реформистская организация — 1; Римско-католическая церковь — 5; Армянская апостольская церковь — 1; Общество сознания Кришны — 2. При этом без государственной регистрации действует ряд религиозных групп: РПЦ МП — 5 групп, РПЦЗ — 2, Русской православной старообрядческой церкви — 3, мусульмане — 26, протестанты — 37, католики — 1, Свидетели Иеговы — 93.

Протестантские церкви юга Тюменской области работают отдельно от церквей ХМАО и ЯНАО и практически не взаимодействуют друг с другом, за исключением баптистов Тюмени, которые ведут миссионерскую деятельность в ЯНАО. Межконфессиональный диалог в регионе отличается отсутствием контакта между организациями Русской православной церкви и другими христианскими религиозными организациями. По инициативе последних, в мае 2005 г. был создан Конгресс религиозных организаций Тюменской области, в который вошли протестанты, мусульмане, иудеи. Задачей совета является установление межконфессионального диалога, проведение совместных просветительских и социальных акций, юридическая защита религиозных организаций в случае необходимости. Ряд конфликтов, произошедших в связи с «антисектантскими» обвинениями протестантских организаций со стороны представителей епархии, вылился в Тюмени в судебные разбирательства.

Тобольско-Тюменская епархия РПЦ МП была выделена из Омско-Тюменской епархии в 1989 г. На сегодняшний день при активной поддержке государства восстановлены многие храмы, действует 2 мужских и 2 женских монастыря, Тобольская православная духовная семинария, Тюменское духовное училище, 12 православных гимназий. На 1 января 2008 г. открыто 227 приходов, 147 храмов, 21 молитвенный дом и 12 часовен, служит 205 священнослужителей[4].

Епархия активно привлекает фонды нефтяных компаний и ресурсы администраций автономных округов для проведения социальных акций[5]. В летнее время организует православные лагеря для детей и подростков и миссионерские поездки по сибирским рекам. В рамках летней практики семинаристы отправляются в поездки по деревням и селам пробовать себя в деле евангелизации. Отличительной чертой является активная паломническая деятельность епархии, на каждый месяц предлагается список паломничеств по местам Тюменской области, Уралу и другим районам.

Из православных средств массовой информации в области зарегистрированы: журнал «Православный просветитель» (тираж 5 400 экз.) с отдельным приложением — детским журналом «Православный сибирячок» (тираж 10 тыс. экземпляров), студенческий православный журнал «Семинария» (тираж 999 экземпляров). При этом в Тюменской областной библиотеке кроме журнала «Православный просветитель», отсутствуют какие-либо другие периодические издания религиозной направленности. Епархия с 1995 г. также издает ежемесячную «Сибирскую православную газету» (тираж 12 8000 экз.), все номера которой с 2001 г., выложены в электронном варианте на сайте газеты.

При высокой активности религиозных организаций, по оценке специалистов из Института изучения проблем севера и религиозных лидеров, уровень религиозности в регионе остается очень низким. По данным мониторинга религиозной ситуации в Сургуте 2005 г., среди опрошенных лишь 2 % православных, 10 % мусульман, 97.3 % протестантов заявили о том, что посещают церковь (мечеть) как минимум раз в неделю[6]. Воцерквленность не входит в систему актуальных ценностей народонаселения региона.

В рейтинге, составленном по данным Росстата в 2006 г., по уровню благосостояния населения Тюменская область следует сразу за лидирующей Москвой[7]. Высокий уровень доходов жителей Тюмени дает им возможность самореализации и построения собственных стратегий в экономической, социальной и культурной сферах без учета религиозных практик.

Выражая беспокойство в связи с тем, что общий уровень религиозности тюменцев остается низким, лидеры различных христианских деноминаций видят основное направление своей работы в повышении духовности общества и обращении людей, а особенно молодежи, к церкви. Основная часть православной студенческой молодежи Тюменской области — это выпускники православных гимназий. Как и в целом по России, проблема воцерквления молодежи, номинально считающей себя православной, остается в регионе нерешенной.

В области нет представительств «Братства православных следопытов» и «Всероссийского молодежного православного движения» — всероссийских православных организаций. В то же время при поддержке Тобольско-Тюменской епархии действует Межрегиональное молодежное общественное движение «Сибирь молодая православная», цель которого приобщение молодежи к духовному богатству православия[8].

С 2001 г. Объединение проводит православные съезды, в 2007 г. силами объединения был проведен VII съезд движения, на котором присутствовало 300 делегатов. В рамках съезда проходила научно-практическая конференция «Роль молодежи в развитии гражданского общества», в ходе которой рассматривались проблемы молодежного экстремизма, перспективы развития молодежного и детского отдыха, миссионерское и социальное служению среди молодежи; но при этом конференция носила формализованный характер.

При ближайшем рассмотрении деятельность «Сибири молодой православной» может быть оценена как неэффективная, т.к. ее актив состоит в основном из семинаристов, съезды имеют формализованный характер, а программы, рассчитанные на невоцерквленную молодежь и мирян, отсутствуют.

В последнее время в поисках путей воцерквления российской молодежи и

выхода в светскую аудиторию на уровне программных документов РПЦ заявила новые методы работы. Для разработки и внедрения методов духовно-просветительской работы с молодежью в 2000 г. был создан Синодальный отдел по делам молодежи. Отдел собирает имеющийся опыт в регионах, распространяет его на православных конференциях, поддерживает инициативы по созданию православных детских и молодежных организаций. И хотя РПЦ на сегодняшний день не имеет программного документа относительно молодежной политики, в Концепции миссионерской деятельности РПЦ выделен отдельный параграф (п.3.4) «Миссия в молодежной среде», где изложены основные принципы и подходы к работе с различными группами молодежи. Концепция предполагает создание открытой христианской социокультурной молодежной среды; заявляется, что обозначенные формы занятий с молодежью «*должны быть привычными для нее, но наполнены христианским содержанием*».

Важно, что православная церковь, пусть даже пока на уровне заявлений, стала выделять молодежь как отдельную группу для евангелизации и учитывать ее возрастные психологические и духовные запросы. Основными направлениями работы объявлены: просветительская деятельность; привлечение молодежи к христианскому служению (трудовая помощь храмам и монастырям, работа в детских лагерях, помощь ветеранам, немощным людям, переписка с заключёнными и др.); организация специализированной помощи молодым людям, попавшим в трудную жизненную ситуацию (телефонная служба доверия, частные личные беседы, интернет-форум с возможностью задать вопрос катехизатору, консультации православного психолога, программы по реабилитации пострадавших от алкогольной, наркотической зависимости); продуманное использование в миссионерской деятельности современных форм творчества: музыкального, литературного, художественно-изобразительного[9].

Залогом успеха молодежной политики во многом является верно выстроенная информационная политика. В принятой в 2007 г. Концепции Миссионерской деятельности РПЦ подчеркивается важность информационной миссии, под которой понимается «*православное свидетельство самым широким слоям населения через все доступные средства массовой информации*»[10].

РПЦ стремится утвердиться и в Интернет-пространстве, ставшем мощным каналом прозелитизма для всех конфессий. Это оказывается важным инструментом евангелизации молодежи — активного пользователя системы Интернет. В феврале 2006 г. Синодальный отдел создал молодежный портал «МИР РПЦ — Молодежный информационный ресурс Русской православной церкви «Обретенное поколение» — mir-rpz.ru. На этом и других сайтах в последнее время представлены аудио и видео файлы, богословские материалы, православная музыка; создана христианская поисковая система.

Председатель Синодального отдела по делам молодежи архиепископ Костромской и Галичский Александр отметил: «*Нужно не только создавать свои ресурсы, но и смело заходить на те чаты и гостевые книги, где собирается молодежь, чтобы затем повести ее на наши ресурсы*»[11]. Речь также идет об использовании персональных Интернет-блогов для евангелизации, в частности ресурса Живого Журнала. Кроме информационных форм еванеглизации молодежи, изменились подходы к включению молодежи в приходскую жизнь.

Пытаясь отвечать запросам времени, РПЦ сделала ставку на диалог и выстраивание отношений с различными группами прихожан, уделяя отдельное внимание молодежи. На съезде православной молодежи “Сибирь молодая православная” в Тобольске присутствовавший руководитель учебно-методического кабинета Отдела по делам молодежи РПЦ МП, дьякон М. Першин поделился опытом молодежного служения. По его словам, сегодня выделяются следующие подходы для воцерковления молодежи: *«Первое — воцерковление через участие, создание пространства активной деятельности для ребенка, молодого человека: туризм, скаутское движение, клубы по интересам. Второе — внутриприходская работа: система работы при приходе, чтобы для каждого возраста была своя сфера приложения интересов, для каждого таланта было место. Для детей — это братство православных, для студентов и учащихся старших классов школы — церковно-историческое общество. Далее студенты заканчивают обучение, у них появляются семьи. Для этого существует система семейных клубов, куда они могут прийти с детьми. Так цикл замкнулся — с раннего детства до создания семьи человек охвачен программами Церкви...»*[12].

Данная новаторская для РПЦ форма работы внедряется медленно, некоторые клирики расценивают новшества как «клубную работу» с молодежью, которую РПЦ всегда осуждала у протестантов. Катастрофически не хватает кадров из клира. Критикуя создавшуюся ситуацию, руководитель молодежного отдела Екатеринбургской (соседней Тобольско-Тюменской) епархии, И. Григорьев подчеркнул, что «*задача Церкви — не только привлечь человека на богослужения, направить на путь спасения, но и помочь во всей своей жизни стать христианином, а это возможно при развитой общинной жизни. С сожалением нужно сказать, что у нас в церковной жизни очень мало делается в этом отношении, особенно на фоне успехов протестантов. От церковных структур молодежь почти не получает помощи — ни материальной, ни духовной*»[13].

Основанные более 10 лет назад централизованные молодежные православные организации не становятся массовыми и не имеют представительств во многих регионах. Так, например, «Братство православных следопытов» (БПС) было создано в 1991 г., оно организует Рождественские, весенние и осенние православные детские лагеря, краеведческие экспедиции в ряде епархий, туристические слеты и курсы молодежных лидеров, морские всероссийские летние православные лагеря. По данным РПЦ, в детских лагерях и на сборах, организованных БПС, ежегодно принимают участие до 10 000 детей. Межрегиональная общественная организация «Всероссийское православное молодежное движение» (ВПМД) была создана в 1991 г. при Синодальном отделе по делам молодежи[14]. В настоящее время отделения ВПМД действуют в 23 епархиях и объединяют до 4 000 молодых людей. В масштабах России это мизерные цифры. То же самое можно увидеть и в реализации студенческих православных программ. Так, например, для студентов и аспирантов в 2001 г. было создано Православное историко-культурное общество, структурными единицами при этом являются студенческие историко-культурные общества, сегодня в деятельности общества принимает участие не более 500 человек. РПЦ подчеркивает, что ответственный фронт миссионерской работы с молодежью сегодня проходит через высшие учебные заведения. В 2002 г. по инициативе Отдела по де-

лам молодежи была создана Ассоциация православных студенческих общин России; спустя 6 лет их насчитывается всего 30[15].

Одной из распространенных точек зрения является мнение о том, что поскольку православная составляющая в российской культуре занимает ключевое место, то возможность воцерковления российской молодежи заложена уже в самом культурном поле России. Ее сторонники, например, указывают, что российская гуманитарная наука накопила большой объем переведенных текстов христианских мыслителей, и это может стать той интеллектуальной базой, которая способна сподвигнуть молодого человека к изучению православной традиции. Однако ставка на то, что интерес к православию у молодых людей проявится как часть их интереса к российской истории и культуре, не оправдывается. Тем не менее, многие православные лидеры продолжают делать основной акцент именно на исторические заслуги церкви, они обращаются к образу православных деятелей прошлого как идеалов духовного возрождения.

Архиепископ Тобольский и Тюменский Димитрий на Всероссийской научно-практической конференции «Наследие Сибири: мировоззрение, духовность, культура» в апреле 2008 г., анализируя возможные пути выхода из современного кризиса духовности, сказал следующее: «*В чем мы видим выход? В освоении духовного богатства, наших исторических и культурных сокровищ, в овладении накопленным опытом жизни тех поколений, которые формировали нашу Отчизну... Нам следует помнить, что без исторической памяти, не зная своего прошлого, нельзя сделать осознанный выбор своего будущего*»[16]. Но раскрытие понятий духовности и нравственности через исторические примеры далеко не всегда находит отклик в молодежной среде.

Несмотря на тенденцию акцентирования исторического прошлого, РПЦ вынуждена учитывать те реалии, которыми живет российское общество сегодня. Однако смена форм работы с молодежью на практике проходит медленно. О неготовности диалога на региональном уровне говорит руководитель Молодежного отдела Екатеринбургской епархии И. Григорьев: «*...Мы своим менталитетом, своим церковно-историческим сознанием находимся еще в прошлой эпохе, мы не осмыслили современность. Это идеологическая проблема, ее корень — в том, что Церковь более полутора тысяч лет существовала в состоянии симфонии, определенного симбиоза с государством. Сейчас Церковь свободна, но она оказалась к этому совершенно не готова: слишком велика сила инерции византийского и имперского периода церковной истории*», — что, по мнению И. Григорьева, также является корневой причиной неэффективности работы с молодежью[17].

Для большей части молодежи проблемными для возможного воцерковления являются непонятная литургия, оторванный от светской жизни и проблем клир, отсутствие проповеднического слова, а также ксенофобские высказывания некоторых представителей РПЦ. Красоту старославянского языка и глубокий смысл литургии могут по достоинству оценить лишь единицы прихожан. Кроме того, как отмечают и сами православные деятели, и замечает большинство прихожан — сам облик православных людей и клира в церкви зачастую далек от здорового жизнерадостного оптимизма, «*которым должно быть озарено миссионерство и служение Господу*».

Отмечая существующие недостатки, следует подчеркнуть, что предлагаемая

в Концепции миссионерской деятельности РПЦ схема работы с молодежью все же может быть эффективна. Аналогичная схема работы с молодежью действует в протестантских церквях.

Известно, что протестантские церкви занимают активную социальную позицию, ориентируются на различные этнические, социальные и возрастные группы при евангелизации. Обращение в протестантизм происходит вследствие предпринимаемых миссионерских усилий в социальной, образовательной и других сферах, а также как результат личного свидетельствования верующих. Работа протестантских организаций в реабилитационной сфере находит свой отклик среди молодежи и приводит ее в пятидесятнические и другие протестантские церкви. Естественно, что протестантский лагерь не однороден: есть церкви, чьи доктрины максимально приближены к основам Евангелия, проповеди отличаются богословской глубиной; деятельность этих церквей отличается социальной ориентированностью и активным патриотизмом.

Некоторые международные сетевые религиозные организации, чьи филиалы действуют в России, коммерциализируют евангелизацию[18]. По словам протестантских лидеров, действия подобных церквей дискредитируют протестантский лагерь России в целом[19].

Протестантские церкви г. Тюмени объединены в Союз христианских церквей, куда входят 47 церквей евангельского направления. Миссионерская политика каждой церкви реализуется по мере финансовых возможностей и видения руководства. Одни церкви нацелены на активный рост, других же удовлетворяет имеющаяся паства, в связи с чем они объявляют приоритетным «*сохранение и укрепление истинной веры*» прихожан своей церкви.

Подобной позиции, например, придерживается руководство Церкви евангельских христиан «Преображение» г. Тюмени, зарегистрированной в качестве автономной церкви евангельских христиан. На практике это Церковь евангельских христиан-баптистов. С 1994 г. церковь возглавляет пастор А.И. Бойченко, прибывший с семьей из г. Одессы. Церковь имеет свое здание, на службе присутствует около 150 чел. Церковь не ориентируется на активный рост: у церкви нет собственных организаций социального служения, своих СМИ, интернет-сайта. Из миссионерских методов в большей степени делается акцент на личное свидетельствование веры; подчеркивается, что вера прихожан имеет приоритетное значение по сравнению с их количеством. Церковь участвует в служении глухонемым, имеет кукольный театр для сирот, кормит бездомных. Небольшие домашние группы работают в поселках Яр, Юшала, Боровое, Антипино, Верхний бор, Акияры, Онохино.

Одной из наиболее активных церквей в общественной жизни города является «Тюменская христианская церковь» христиан веры евангельской пятидесятников. Численность ее прихожан составляет 50 чел., по праздникам 100 чел. Церковь имеет свое здание, которое сдает в аренду еще трем протестантским церквям для проведения богослужений. Одним из арендаторов является Церковь христиан веры евангельской «Краеугольный камень» (около 30 чел.); ее прихожане в основном прошедшие реабилитацию молодые люди, в прошлом страдающие алкогольной и наркозависимостью. Второй арендатор — Церковь евангельских христиан «Великая благодать»; третий арендатор — Церковь хри-

стиан веры евангельской пятидесятников «Благая Весть», состоящая в большей степени из пожилых женщин. Количество прихожан этих церквей около 20–40 чел. Пресвитерианская и методистская церкви города также имеют в своем составе лишь несколько десятков человек (ПМА, 2008).

«Тюменская христианская церковь» входит в союз С. Ряховского РОСХВЕ. Церковь возглавляет с 1995 г. молодой пастор Л.И. Бродовский, выпускник семинарии из Киева. В 1990-е гг. церковь арендовала кинотеатры, в 2001 г. было куплено собственное здание в городе. Сегодня Церковь имеет свой реабилитационный центр (сейчас проходит реабилитацию 15 человек), проводит социальные акции помощи пожилым людям и служит в течение четырех лет еженедельно в колонии для несовершеннолетних. В рамках тюремного служения проводятся соревнования по футболу и настольному теннису; вместе с другими церквями ТХЦ участвует в проведении акции «Рождественская елка ангела», обеспечивая подарками детей женщин, отбывающих наказание в женской колонии г. Тобольска.

Сегодня в церкви существует армянская домашняя группа, около 7-10 армян приходят на службы. По словам пастора, часть армян посещали евангельскую церковь у себя на родине до приезда в Тюмень (ПМА, 2008).

В церкви ведется работа с подростками, для которых устраиваются туристические и спортивные мероприятия. Молодежь церкви составляет около 20% прихожан. В здании церкви проведено кабельное телевидение для того, чтобы молодежь могла собираться и смотреть христианские каналы.

Несмотря на мнение пастора о том, что повышение образовательного уровня прихожан является неотъемлемым условием развития церкви, на практике лишь единицы прихожан проходят обучение в библейских школах. Сам пастор и еще 2 лидера служения проходят обучение в Российской государственной христианской академии, отделение которой находится в соседнем здании церкви «Свет миру». В проповедях Л.И. Бродовский призывает прихожан заниматься бизнесом, говорит об экономическом росте, в рамках церкви оказывается помощь начинающим предпринимателям-прихожанам (ПМА, 2008).

Наиболее большой и активной протестантской церковью города является Церковь христиан веры евангельской пятидесятников Тюменская христианская церковь «Свет Миру», которая построила собственное здание и насчитывает до 1000 прихожан, а также имеет филиалы в ряде городов Тюменской области и на Урале.

Пастор и основатель церкви С.Э. Лавренов был включен в общероссийский журнал «1000 кумиров России» 2006–2007 гг. в номинации «Религия». Он имеет четко выработанную стратегию развития своей церкви и ставит приоритеты в двух основных направлениях: евангелизаторско-миссионерском и социально-образовательном.

Социальная работа церкви проходит по нескольким направлениям. С 2008 г. церковь курирует работу Российской Ассоциации Тюремных служителей. Члены ассоциации имеют доступ в тюрьмы, оказывают помощь колониям в покупке спортивного инвентаря, аудио, видео техники для образовательных целей. Церковь также проводит кормление бездомных, имеет один из крупнейших реабилитационных центров «Соль земли». Центр действует уже более 10 лет и

располагается на территории в 5 га.; реабилитационная программа рассчитана на 6 месяцев в Центре и 6-месячную адаптацию в условиях города. За эти годы в центре прошли реабилитацию 2 тыс. чел. В церкви активно ведется детское служение — это воскресная школа и подготовка больших детских праздников для детей из приюта; на постоянной основе работает центр дневного пребывания детей — автономная некоммерческая организация «Дорога к жизни». В церкви проходят бесплатные занятия по рисованию и вокалу для детей, организована начальная общеобразовательная христианская школа «Пилигрим». Существует специальное служение для женщин, активно развито молодежное служение.

Большое внимание церковь уделяет образованию и просвещению. Речь идет не только о религиозном, богословском образовании, но и о получении светского религиоведческого образования. Важным является обращение к молодежи, чей социальный и материальный уровень не позволяет иметь доступ к платным светским образовательным ресурсам. Эта часть молодежи активно обучается в библейских школах в крупных городах, на предлагаемых курсах по христианскому ведению бизнеса, курсах молодых лидеров. По инициативе руководства церкви в здании церкви размещается филиал Российской христианской государственной академии, где обучаются 2 группы по специальности «психология» и 3 группы по специальности «религиоведение». Церковь ориентируется на постройку отдельного образовательного корпуса.

По словам пастора, выход в светское образовательное пространство необходим для ведения адекватного диалога со светским сообществом, поскольку богословское образование, полученное пасторами в большинстве протестантских семинарий и библейских школах, не позволяет протестантам быть понятыми и донести слово до светской аудитории. Пастор говорит, что около 100 служителей и прихожан церкви уже получили или получают высшее религиоведческое светское образование. Помимо этого, в церкви реализуются и внутренние образовательные проекты, такие как конференция «Альфа-курс», дающие базисные основы христианского учения. Просвещение видится руководством церкви как наиболее эффективный способ для нормализации межконфессионального диалога.

В церкви работает библиотека. На полках представлена подборка мировой классической прозы, религиоведческая, философская, юридическая литература; выписываются периодические издания. По мнению пастора, повышение образовательного уровня должно вывести людей за предел ценностей потребительского общества и поставить перед ним духовные ориентиры.

Многие церкви евангельского направления имеют контакты с братскими церквями за рубежом, принимают лидеров служения из-за рубежа во время христианских конференций, организуют паломничества и международные молодежные акции. Дети прихожан церкви летние каникулы проводят в христианском лагере в Германии. По линии Операции Мобилизации секретарь церкви провела 2 года на миссионерском корабле в Африке и Европе, вторая молодая прихожанка церкви в августе 2008 г. уехала для участия в такой же программе.

Как и большинство пасторов тюменских протестантских церквей, С.Э. Лав-

ренов видит личное свидетельство основным евангелизаторским приемом. Тем не менее, церковь проводит крупные молодежные акции, такие как рок-фестиваль христианских музыкальных групп «Метаморфоза» в Тюмени, молодежные акции против употребления наркотиков и против распространения СПИДа. Привлекательной для молодежи является музыкальная, мистическая форма евангелизации (личный религиозный опыт в пятидесятничестве по обретению даров Святого Духа); популярны спортивные акции (туристические походы, скаутское движение, детские выездные палаточные лагеря), а также творчество (постановка христианских мюзиклов, журналистика, дизайн христианских Интернет-сайтов, пр.). Одна из прихожанок, имеющая собственную керамическую мастерскую, производит и продает керамические сувениры христианской тематики, настенные панно с библейскими изречениями, прочее.

Руководство церкви предоставляет молодежи церкви возможность реализовать свои проекты. Сегодня в церкви занимаются три музыкальные группы, две из них играют христианскую рок-музыку. Воскресное прославление для детей и молодежи проходит в специально выделенном зале со световым и музыкальным оборудованием, в этом же зале располагается христианское кафе, где прихожане могут собираться для общения (ПМА, 2008).

Среди туристических проектов 2008 г. активисты церкви организовывали христианский палаточный лагерь «Поток» для подростков с программой «Герой нашего времени»; они участвуют в ежегодном слете туристов и путешественников «Странник-2008». При церкви работает христианский туристический клуб «Мамонтенок». Отзывы туристов-прихожан и объявления о походах печатаются в дайджесте «Твоя стихия», который продается в церкви.

Информационное поле протестантской молодежи имеет свое Интернет-пространство в виде сайтов церквей, электронных газет, журналов, форумов и библиотек. Руководство церкви «Свет миру» придает большое значение выходу в информационное пространство. В церкви начало работу собственное телевидение SvetTVR. В церковной лавке продаются видео диски «Социальная работа церкви», спектакль-постановка прихожан церкви «Под маской», видеоматериалы христианских семинаров, прошедших в церкви. Церковь планирует создание и поддержку радиотрансляционного узла, для охвата прилегающих к церкви территорий христианским радиовещанием. Большинство прихожан имеет доступ к кабельным русскоязычным христианским каналам CNL, ТБН (Телеканал Благих Новостей), «Родной» (ПМА, 2008).

Особый акцент на службах делается кроме духовной составляющей, на личный рост — речь идет как об образовании, так и о смелой реализации творческих проектов прихожан — сочинение стихов, музыки, прикладного творчества.

Присутствие в регионе крупной церкви безусловно во многом связано с личностью пастора и с широтой его взглядов на церковь. Высокий образовательный и интеллектуальный уровень проповедей привлекает в церковь представителей среднего класса, чей имущественный ценз в таких ресурсных регионах, как Тюмень, высок. Десятина и пожертвования обеспеченных прихожан большой церкви позволяют реализовывать крупные социальные проекты, строить реабилитационные центры, дополнительные корпуса церкви, оплачивать труд

своих сотрудников. Для прихожан приобщение к многогранному образу растущей успешной церкви, позволяет не только удовлетворять духовные, творческие потребности, но и дает возможность личного участия в различных проектах миссионерского или социального служения. Новые стратегии личного роста самого человека, а также дополнительные экономические возможности взаимопомощи христиан-предпринимателей церкви, создают условия и для повышения экономического уровня прихожанина.

Если факт прихода в церковь сами неофиты и религиозные деятели часто интерпретируют трансцендентно, ссылаясь на «волю Божью», то размышления о том, останется ли пришедший в церкви, пасторы ведут в поле социальной психологии и социологии религии.

Тюменская церковь «Свет миру» является одним из примеров т.н. церкви-тысячника, т.е. церкви, количество прихожан которой достигло 1000 чел. Наличие больших церквей характерно для крупных городов[20]; но есть и исключения из правила — так, например, церкви-тысячники существуют в г. Асбест «Любовь Христа» и г. Чайковский «Новый Свет» на Урале, хотя население этих городов составляет до 30 тыс. чел.

Характерно, что проповеди пасторов церквей-тысячников, отличаются интересным богословским содержанием, при этом они опираются на примеры из современной жизни, дают ответы на животрепещущие темы в рамках религиозного мировоззрения. С.Э. Лавренов, руководитель церкви «Свет Миру» г. Тюмени, так комментирует роль пастора в деле построения крупной церкви: «*От пастора зависит очень много, это его кругозор, способность понимать время и ситуацию, работоспособность и целеустремлённость, чёткое видение и понимание того, что делать и куда двигаться, и ещё важнейшая вещь — использование новейших методов и технологий в молитве, в евангелизациии, в музыке, в телевидении, в работе с молодёжью и т.д. Другим языком — это квалификация и мышление лидера, плюс международный передовой опыт*» (ПМА, 2008).

Ориентация на активный рост церкви подразумевает внутреннюю духовную, профессиональную и личную готовность пастора проповедовать различным возрастным и социальным группам, а также готовность сотрудничать с властью. Церковные лидеры с высоким образовательным уровнем, харизматическими чертами оказываются в состоянии выстраивать дееспособные растущие церкви. Важным фактором роста является то, что эти церкви ведут диалог со светским обществом и не являются закрытыми системами. Большую ставку они делают на привлечение молодежи.

Сравнивая деятельность протестантских церквей Сибири (тюменской области) и РПЦ в сфере молодежной политики, можно выделить общее и особенное. К числу общих черт можно отнести активизацию вовлечения молодежи в церковь. В последние годы Русская православная церковь стала предпринимать попытки выхода в сферу публичного. Смена курса обозначилась в новых программных документах относительно миссионерской, информационной политики; были основаны соответствующие этой политике организационные структуры. На практике ее проявления можно видеть в популизаторских акциях, направленных на пропаганду православия среди мирской молодежи — в проведении рок-концертов, фестивалей православных СМИ, активном выходе

в Интернет. Попытки создания православных молодежных организаций хотя и имеют национально-патриотическую направленность, но не пользуются интересом среди мирян.

По-прежнему сохраняется большая дистанция между прихожанами и мирянами. Акцентированная грань между религиозным и осуждаемым светскими мировоззрением, отсутствие переходных форм общения, оказываются причиной неприятия и отторжения пришедших в церковь людей, имеющих основные контакты со светским сообществом. На уровне приходской жизни в регионах также сохраняется дистанция между клиром и прихожанином, что затрудняет взаимодействие между представителями церковного института и паствой. Ксенофобные высказывания представителей епархии и организуемые антисектантские акции, исключают межконфессиональный диалог в регионе и ограничивают возможности объединения усилий в деле подъема духовно-нравственного уровня молодежи.

Протестантским церквям сегодня более эффективно удается решать проблемы евангелизации. Имеющаяся традиция «клубной работы», сформированная сеть подготовки молодежных лидеров через Библейские школы, социально дифференцированная ориентация на мирскую аудиторию, определяют во многом успех поместных протестантских церквей в регионах.

На примере Тюменской области хорошо просматриваются все вышеизложенные тенденции. Государственные структуры, в лице администрации (Комитет по делам религий), глав районов (Нижетавдинсий район, где находится реабилитационный центр «Соль земли»), представителей государственных учреждений (колоний, отдела профилактики Управления Федеральной службы за оборотом наркотиков) начинают рассматривать протестантские церкви Тюмени в качестве партнеров в совместном решении важнейших социальных проблем в регионе. Этот опыт заслуживает внимания.

В условиях поликонфессионального Российского государства религиозные организации должны найти оптимальные варианты взаимодействия, основанные на имеющейся правовой базе, идеях формирования гражданского общества; сообща обратиться к решению насущных духовно-нравственных и социальных проблем общества.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Архимандрит Геннадий (Гоголев), заместитель председателя Отдела по делам молодежи Московского Патриархата РПЦ, «Миссия в молодежной среде» // http://www.ihtus.ru/m9.shtml (14.09.2008)
2. По данным на май 2008 (Официального сайта «Гражданское собрание Ямала» ЯНАО // http://portal.yanao.ru/62/1/346/ (15.08.2008)
3. Данные предоставлены Председателем отдела религий Комитета по делам национальностей по Тюменской области И.В. Бобровым автору в сентябре 2008 г.
4. Встреча владыки Дмитрия с журналистами. Сибирская православная газета. №3. 2008 // http://www.ihtus.ru/032008/ st09.shtml (22.09.2008)
5. Там же.
6. Этносы и конфессии Сургута: десять лет спустя (1995–2005). М.; Сургут, 2007. С. 69.

7. Рейтинг благосостояния российских регионов в 2006 г. // http://www.annews.ru/news/ detail.php?ID=75338.
8. Сибирь молодая православная // http://www.ihtus.ru/smp/g.shtml.
9. Концепция миссионерской деятельности РПЦ МП. Сайт межвузовской ассоциации «Покров» // http://pokrov-forum.ru/ txt_rpcMp/konc_misssia/.
10. Там же.
11. Доклад Председателя Синодального отдела по делам молодежи архиепископа Костромского и Галичского Александр на заседании рабочей группы «Работа с молодежью, издательская и информационная деятельность Церкви» Архиерейского Собора Русской Православной Церкви, 2008 // http://www.mospat.ru/index.php?page=41583 (3.10.2008)
12. Разрушить образ гетто // Сибирская православная газета // http://www.ihtus.ru/m11.shtml (19.09.2008)
13. Руководитель молодежного отдела Екатеринбургской Епархии Иннокентий Григорьев: "Почему молодому человеку трудно войти в приходскую жизнь?" // Православная газета. Екатеринбург. Интернет версия. 2006 г. №34 // http://orthodox.etel.ru/2006/34/grigor.htm (24.09.2008)
14. Доклад Председателя Синодального отдела по делам молодежи архиепископа Костромского и Галичского Александра на заседании рабочей группы «Работа с молодежью, издательская и информационная деятельность Церкви» Архиерейского Собора Русской Православной Церкви 2008 года Официальный сайт РПЦ МП // http://www.mospat.ru/ index.php?page=41583 (3.10.2008)
15. Там же.
16. Архимандрит Тобольский и Тюменский Дмитрий «Наша патриотическая и гражданская позиция — это нравственно устойчивое и духовно здоровое общество» // Сибирская Православная газета №6. 2008. Интернет версия // www.ihtus.ru/062008/st05.shtml (10.10.2008)
17. Руководитель молодежного отдела Екатеринбургской Епархии Иннокентий Григорьев: "Почему молодому человеку трудно войти в приходскую жизнь?" // Православная газета. Екатеринбург. Интернет версия. 2006 г. № 34 http://orthodox.etel.ru/2006/34/grigor.htm (12.09.2008)
18. К подобным церквям можно отнести, например, церкви «Хилсонг» (Австралия), церкви Ульфа Экмана (Швеция), церкви А. Ледяева «Новое поколение» (Латвия) и другие.
19. Например, С. Ряховский, председатель РОСХВЕ публично заявил о том, что Союз имеет отличную точку зрения и не согласен с концепцией «Нового мирового порядка» А. Ледяева. Официальное письмо С. Ряховского от 29.03.2005 опубликовано на официальном сайте Союза // www.cef.ru/6/6/a/90/ (3.09.2008)
20. Среди церквей-тысячников можно назвать пермскую церковь «Новый Завет» (пастор Эдуард Грабовенко), екатеринбургскую церковь «Новая жизнь» (пастор Виктор Судаков), челябинскую церковь «Новая жизнь» (пастор Олег Попов), асбестовскую церковь «Любовь Христа» (пастор Василий Боцян), нижневартовскую церковь (ХМАО) «Слово Жизни» (пастор Василий Витюк), тюменскую церковь «Свет Жизни» (пастор Сергей Лавренов), новосибирскую церковь «Церковь Завета» (пастор Виталий Максимюк) и другие.

«STRUGGLE FOR YOUTH»: MISSION POLICY OF CHRISTIAN CHURCHES (BY THE EXAMPLE OF TYUMEN' REGION)

Yu.S. Kovalchuk

The article compares efforts of Russian Orthodox and Pentecostal churches in Tyumen region their policy, methods in attracting young people to these religious institutes. It analyses the last liberal changes in the policy of Russian Orthodox Church towards youth conversion but argues that new methods are not fully used in reality. The article also describes the contemporary religious situation in the region, social actions of Pentecostal churches and their programs that aim at youth conversion.

КУЛЬТУРА

ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ

© 2008

Ю.Я. Герчук

РУССКОЕ КНИЖНОЕ ИСКУССТВО НА ПЕРЕЛОМЕ ВРЕМЕН (1918–1923)*

Октябрьская революция и последовавшая за ней гражданская война резко изменили социальные и идеологические, финансовые и технические условия книгоиздательского дела. А вместе с ними менялась и картина художественного развития книги. Исчезли старые издательства, их место заняли новые — государственные, кооперативные, а также частные — небольшие, но нередко творчески активные, имеющие определенное художественное лицо, совсем иные, чем прежде, не только по своим названиям и хозяевам, но и по задачам, по типам предпринимаемых изданий, по читательским адресам. Возникли новые творческие направления, во многом трансформировались старые. Изменились и их соотношения друг с другом — весомость каждого в общей структуре послереволюционного искусства. В частности, в условиях революционной ломки культуры резко усилилась активность и возрос авторитет так называемых «левых» (т.е. авангардных) художественных течений. Их представители получили реальную власть в управлении культурой, высокие должности в государственных учреждениях, ведающих проблемами образования, выставок, музеев, профессорство в новых художественных учебных заведениях. Выдвинулись талантливые мастера, почти или совсем не известные прежде.

Изменилось и соотношение книжной графики с другими формами массового графического искусства — с журнальной иллюстрацией, печатным или рукодельным (обычно — трафаретным) плакатом. Влияние графической «улицы» революционных лет на книгу, в частности, на сменившую чересчур трудоемкий и дорогой переплет массовую бумажную обложку, резко усилилось.

Между тем, в эти самые бурные годы рядом с массовой революционной печатью продолжала свою жизнь традиционная книга для немногих, выходили для любителей изысканные малотиражные издания стихов и прозы. Они выпускались небольшими и частными издательствами, охранявшими высокую полиграфическую культуру лучших изданий предреволюционных лет. Большей частью эти книжки не поражают типографской роскошью. Уменьшились в

* **От автора**. Эта работа написана два десятилетия тому назад как пробная глава так и не состоявшейся «Истории русского искусства книги» и осталась не напечатанной в моем архиве. На мой взгляд, она все-таки не слишком устарела, и я хотя и с некоторой неуверенностью, решаюсь опубликовать ее.

годы военной разрухи полиграфические возможности, сократились и средства, которые мог теперь культурный покупатель вкладывать в ценные для него книги. Хорошая бумага (скорее всего — остатки довоенных запасов), тщательный набор и чисто выполненные штриховые клише — вот все, чем они могли располагать. Но и эти скромные средства позволяли талантливым и опытным мастерам, исповедующим мирискуснические принципы строгой графичности и художественной целостности книги, создавать маленькие шедевры книжного искусства.

А в иных случаях отточенная книжная форма создавалась и без применения графики. «Такие издания, как, например, «Anno Domini MCMXXI», Ахматовой убедительно свидетельствуют о том, какие достижения доступны типографскому мастерству без всякого пособия графики»[1], — писал критик. В самом деле, и этот, изданный в 1921 г. «Петрополисом», и другие ранние сборники стихотворений А.Ахматовой, издававшиеся в те же годы «Алконостом» в лаконичнейших белых обложках со скупым набором, остаются прекрасными образцами строгого типографского мастерства.

Все же многие книги выходили в рисованных обложках, иные — с украшениями и иллюстрациями известных мастеров из круга «Мира искусства». Теперь, «на излете» своего стиля, эта графика приобрела особое, порой слегка манерное изящество. Изысканный «стилизм» и «графизм» обложек и виньеток М. Добужинского, Д. Митрохина, С. Чехонина был ориентирован больше на любование певучестью и нарядностью линий, тонко уловленных духом орнаментального искусства ушедших времен, чем на передачу сюжетов. Таковы, например, изящные виньетки М. Добужинского к роману М. Кузмина «Калиостро» (Пг., изд, «Странствующий энтузиаст», 1919). Но даже и в сюжетных, действенных иллюстрациях, не частых в подобных изданиях, энергия сюжета приглушается несколько манерной грацией поз и жестов, налетом стилизации, почти орнаментальной ритмичностью вибрирующих линий и тщательной разработкой графической фактуры листа. Все эти пунктиры, сеточки, штриховки подчиняли иллюстрацию общему строю декоративного оформления книги (М. Добужинский — «Тупейный художник» Н. Лескова, Пг., изд. «Аквилон», 1922).

Вся эта изысканно строгая графика в большей своей части была обращена к прошлому. Не только сюжеты, возвращающие читателя из мира гражданской войны, разрухи и голода в благополучные и мирные времена, но и весь художественный строй любительской книги утверждал неизменность и вечность высоких классических традиций, сохранение и продолжение достижений предреволюционной графической и книжной культуры. В 1923 году выходит первое отдельное издание «Медного всадника» Пушкина с иллюстрациями Александра Бенуа (Пг., Комитет популяризации художественных изданий). Художник переработал для него прежнюю сюиту, дополнил ее многими новыми листами. Еще несколько любительских изданий начала 20-х годов остались для нас классическими памятниками русского искусства книги. Среди них «Шесть стихотворений Некрасова» (Пг., «Аквилон», 1922) с серебристо-прозрачными литографиями Б.М. Кустодиева, глубокого знатока русского народного быта. Образы этой книги — своего рода крестьянская идиллия, воспоминание о мирных

днях уже исчезнувшей старой России. К уже ушедшему быту русской провинции обращены и его иронические, живые рисунки пером к «Штопалъщику» Н. Лескова (Пг., «Аквилон», 1922). Для того же издательства предназначались его иллюстрации к повести Лескова «Леди Макбет Мценского уезда» (1923), изданное позднее, лишь в 30-х годах.

В отличие от своих товарищей по «Миру искусства», Кустодиев в книге, по-преимуществу не стилизатор, хотя он в достаточной степени использует, во внешних ее элементах, декоративно-оформительские средства, выработанные этим течением, свободно стилизуемый шрифт. Он искренне увлечен рассказом и всей обстановкой действия, в которую вводит читателя очень наглядно и конкретно, с предельной достоверностью, но умея притом окрасить свое повествование то юмором, то (в «Леди Макбет...») драматизмом и своеобразной романтикой.

Но все-таки совершенно избежать соприкосновения с драматической атмосферой окружающего современного мира любительская мирискусническая книга не могла. Об этом свидетельствует, в частности, наиболее значительная книжная работа М. Добужинского в эти годы — «Белые ночи» Ф. Достоевокого (Пг., «Аквилон», 1923). В его иллюстрациях повествование о людях, событиях, переживаниях уступило место обобщенному лирическому состоянию, воплощенному в пейзажах пустынного города. Они нарисованы в лаконичной и гибкой технике — тушью на грунтованном мелом картоне, дающем возможность дорабатывать рисунок иглой, процарапывая черное пятно до белого фона (Добужинский называл эту технику «граттографией»). Несмотря на строгую графичность контрастных бело-черных рисунков художнику удалось передать в них призрачный свет белой ночи в Петербурге. Спящий город, величественный и мрачноватый, стал главным героем книги, оттеснив ее живых персонажей. Их маленькие фигурки, почти растворенные в прозрачном сумраке улиц, лишь подхватывают общее настроение книги.

Несмотря на их классическую тему, эти иллюстрации воплотили, видимо, острые и свежие впечатления художника. Громадный город, изменивший ритм и характер своей жизни, обезлюдевший в годы голода и разрухи, после перевода столицы в Москву, по-новому открывался взгляду мастера, уже давно воплощавшего в своих акварелях и рисунках его холодноватую классическую красоту.

Этот образ опустевшего Петербурга был тогда очень актуален, волновал не только художников, но и поэтов: О. Мандельштам начал в 1921 г. свою статью «Слово и культура» фразой о «траве на петербургских улицах»[2]. И в том же альманахе печатались стихи М. Лозинского, обращенные к року:

Ты опоясал Город мой
Войной и гладом и чумой.
Ты облачил его каменья
Порфирой дивной запустенья
И он как призрак засверкал
Во льдах магических зеркал.
<.....>

И я бродил по стогнам сонным,
Как бы в бреду преображенным,
Познав впервые благодать
Внимать и видеть, помнить, ждать.

(1919)[3]

Ледяной пафос и мрачноватая классичность этих стихов помогают ощутить те вовсе не только ретроспективные переживания, которые подсказали Добужинскому весь очень цельный строй и образ этой самой петербургской из его книг. Она была прекрасно издана «Аквилоном». Снежная белизна мелованной бумаги сверкает по контрасту с тяжелыми пятнами туши, кое-где затуманенной серебристой штриховкой. Сочная чернота плотного шрифта, тяжелые черные линейки над страницами распространяют эту напряженность контраста черного и белого цвета на всю книгу, не исключая и чисто текстовых разворотов.

Наряду с любительскими изданиями, мирискусники в эти годы работают и для книги массовой, в частности, для предпринятой Госиздатом «Народной библиотеки». Такие издания печатались на плохой бурой бумаге, случайными шрифтами, без всяких типографских изысканностей. Однако стилистика изысканных иллюстраций и виньеток Добужинского и Кустодиева оставалась и здесь той же самой. Ю.Н.Тынянов, рецензируя вышедшие в этой библиотеке в 1923 г. издания произведений Пушкина, заметил, что «манерные силуэты Добужинского» к «Барышне-крестьянке» — «подошли бы и к Марлинскому»[4], то есть обвинил художника в приблизительности, поверхностной трактовке классического текста. Таково было восприятие мирискусничества значительной частью нового творческого поколения.

Впрочем, те же старые темы, как и способы их графической трактовки и воплощения в классически ясную и изящную книжную форму не потеряли еще своего обаяния и для некоторых более молодых мастеров. Среди новых имен, подхвативших в эти годы традицию «Мира искусства», наиболее значительным был В.М. Конашевич (1888–1963). В 1921 г. появились замечательные по своей прозрачной лирической ясности рисунки к составленному самим художником томику стихотворений А.Фета (Пг. «Аквилон»). Конашевичу удалось передать не только темы, но и саму атмосферу лирики Фета, зримо воплотить ее чистоту и прозрачность, живую теплоту и взволнованность. Это легкие, но четкие рисунки пером не многими скупо отсчитанными штрихами и мягко тонированные. Линиям Конашевича присуща особая, почти пружинная упругость, они заряжены напряжением и едва ли не впервые поэтические образы нашли в этой небольшой книжке не только изобразительное, но и ритмическое соответствие.

Молодой Конашевич — неутомимый украшатель книги. Его декоративный дар воплотился не только в поэтических изданиях, но и в детской книге (он станет в последующие годы одним из ведущих ее иллюстраторов). Очень индивидуальные, нарядно и изобретательно украшенные шрифты заголовков нарисованы тоже характерными, упруго пружинящими линиями. Они заключены в богатые орнаментальные рамы. И тем же каллиграфически четким почерком набрасывает художник подвижные, но довольно манерные детские фигурки в многочисленных иллюстрациях.

Но как ни активны были в искусстве этих лет традиционалисты — украшатели книги, их изящная графика не могла, конечно, определять основные пути художественного развития переломной эпохи. Живой интерес современников к происходящим историческим событиям, пафос «музыки революции», слушать которую призывал Александр Блок[5], ярче всего звучали в угловатом и резком языке левых течений русского искусства.

Характерно, что эти течения нашли тогда неожиданного приверженца даже и среди самих мастеров «Мира искусства». К новому ритму времени оказался удивительно чутким изысканнейший орнаменталист и стилизатор С.М.Чехонин. В свою декоративную по преимуществу графику он смело вводил приемы и мотивы, заимствованные у самых крайних новаторов. В его изящных виньетках, наряду с цветочными узорами и классической символикой ампира, появились кубистические сдвиги форм и пересечения абстрактных плоскостей. Оставаясь по существу украшателем, художник нащупал некий резонанс, ритмическое соответствие своего темперамента и почерка беспокойному духу новых художественных тенденций. Его графика обрела динамичность, какой она не знала прежде. Многие композиции получили вихревое движение. Изощрилась графическая фактура, обогатившаяся игрой тончайших штриховок, сеточек, пунктиров.

На шершавой серой обложке посвященной ему самому монографии А. Эфроса и Н. Пунина (Пг., Госиздат, 1924) Чехонин с некоторым вызовом изобразил черный квадрат и черный круг — символы геометрического абстракционизма Казимира Малевича. А между ними, в начертаниях нескольких букв собственной фамилии, сумел развернуть едва ли не всю гамму художественных направлений эпохи, включающую и вполне мирискусническую цветочную гирлянду (буква «Е»), и гнутую жесть конструктивистских «контррельефов» В. Татлина (буква «Ч») и сдвинутые по диагонали динамические прямоугольники супрематизма (буква «Х»)... Конечно, протягивая таким образом руку «левым» течениям, Чехонин остается самим собой — виртуозным украшателем и стилизатором. Открыто, с некоторым даже вызовом он демонстрирует вторичность своего метода, его эклектизм, свое умение свести к декоративному единству столь разнородные и даже враждебные элементы. И, конечно же, эта строго уравновешенная, изысканно графичная обложка чрезвычайно далека от экспрессии многочисленных в те годы подлинно футуристических композиций.

Особенно характерным воплощением эпохи стал шрифт Чехонина, плоскостный, остроугольный, наклонный и предельно экспрессивный. Надписи как бы рвутся вперед, летят по бумаге. В них есть энергия и пафос плаката — не случайно таким шрифтом писали часто революционные лозунги.

Художественная продукция Чехонина в первые революционные годы необозрима. Он расписывал эмблемами и лозунгами фарфор, рисовал плакаты и обложки, делал сотни заставок, инициалов и виньеток для книг и журналов, создавал издательские и торговые знаки. Его графический почерк, узнаваемый и остро индивидуальный, становился почерком времени, его манера стала предметом широчайшего повторения и подражания. До сих пор, стремясь воспроизвести стиль революционных лет, художники обращаются к наследию Чехонина.

Другой характерной фигурой переходного времени был Ю.П. Анненков (1889–1974). Его иллюстрации к только что написанной и остро актуальной поэме Александра Блока «Двенадцать» так же возникли на скрещении противоположных художественных тенденций (Пг., «Алконост», 1918). Острый рисовальщик, зоркий и холодный наблюдатель жизни, Анненков воплощал свои впечатления от современного быта в жестких и почти гротескных рисунках пером. Ему была органически присуща строгая графичность, чувство выразительности прихотливого узора черных или белых линий на плоскости. Все эти качества роднят его, как будто, с художественными традициями «Мира искусства». С ними же связан и самый тип малотиражного, богато иллюстрированного издания с именными и нумерованными экземплярами и даже с авторской ручной раскраской небольшой части тиража, наконец, его парадный большой формат (он был предложен самим А. Блоком, считавшим, кстати сказать, мастеров «Мира искусства» «плеядой блестящих иллюстраторов»).

Но предельно злободневная и по сюжету, и по всему своему поэтическому строю, дышащая сиюминутным уличным гулом поэма Блока, пришедшая в книгу прямо с газетной полосы, никак, конечно, не вязалась с канонами библиофильского «роскошного» издания. Смелый художественный эксперимент был предопределен уже самим решением иллюстрировать еще не остывшее произведение. И выбор иллюстратора, достаточно связанного с традицией, чтобы его работу мог принять поэт, принадлежавший к предыдущему поколению, но и достаточно смелого, чтобы отбросить связанные с этой традицией эстетизм и пассеизм, оказался удачным.

Юрий Анненков живо интересовался новейшими «крайними» течениями искусства, стремился испытать и освоить последние и самые острые средства художественной выразительности, «присоединив» их, пусть даже несколько внешним, механическим образом к своей почти академически четкой графике. Точное чувство ритма делало его особо внимательным к тому новому, что внес Блок в свою поэму не только в сюжетном и идейном, но также в звуковом, ритмическом, стилевом отношениях. И как поэт осовременивал фактуру своего стиха в «Двенадцати», заменяя символистскую мелодику почти футуристическими сдвигами ритмов и насыщая поэму частушечным просторечием, шершавым языком улицы, так художник трансформирует классические основы своей графики удвоениями и умножениями контуров, передающими движение фигур, кубистическими сдвигами, разрушающими цельность пространства, экспрессивными ритмами угловатых, ломающихся линий.

При заинтересованном участии поэта Анненков — нашел и воплотил в больших страничных рисунках портретные образы героев поэмы — Петрухи, Катьки и поселил их в развороченном и взвихренном пространстве, хотя и полном конкретных примет времени и места, но лишенном замкнутости, глубины, лишившемся определенных координат. Мы видим грубые лица, лишенные архитектурных нарядов угловато-голые угрюмые дома окраины, и все это — в фантастических пересечениях линий, в кружении снежных вихрей, в неверном свете качающихся фонарей. В многочисленных заставках и концовках, порой почти лишенных изобразительности, художник ищет выражения атмосферы и символики поэмы, самого ее звучания, шероховатой фактуры стиха. Извили-

стые, взвихренные линии, «метельные» точки и штрихи («Разыгралась чтой-то вьюга...); ромбик бубнового туза; взгляд чьих-то угрюмо-острых глаз («Товарищ! гляди — В оба!») — все это тоже образы «Двенадцати», лейтмотивы и символы Блока.

В том же 1918 году Анненков принял участие в интересном издательском начинании — организованной по инициативе художницы В. Ермолаевой артели «Сегодня». В ней участвовали также художники Н. Альтман, Н. Лапшин, Е. Турова, Н. Любавина. Артель выпускала маленькие, главным образом, детские книжки с иллюстрациями, броско и грубовато гравированными на линолеуме и раскрашенными от руки самими художниками. Рукодельность этих опытов, была вызвана не только типографской разрухой, но и явным стремлением обновить и осовременить художественный язык детской книжки. Их угловатая, примитивизированная графика любопытным образом перекликается с гравюрами немецких экспрессионистов.

Таким образом, традициям изящно-декоративной и несколько высокомерно иронической детской книги, созданным до революции мирискусниками, продолжаемым в новых работах М. Добужинского, С. Чехонина, Д. Митрохина и развиваемым также более молодым В. Конашевичем, были противопоставлены и в этой замкнутой области творчества активные поиски иного художественного языка, более современной и острой графической интонации. Наиболее успешными оказались опыты В.В. Лебедева (1891–1967). В 1922 году в Петроградском издательстве «Эпоха» вышли две его книжки, открывшие собой, можно сказать, новую эпоху в этом искусстве.

Забавные, смело упрощенные, почти игрушечные в своем выразительном схематизме звери, персонажи «Слоненка» Р. Киплинга, помещены на белых страницах не только без изобразительного фона, но и вне иллюзорной глубины трехмерного пространства. Они живут как бы непосредственно на плоскости, не углубляясь в нее, не в какой-то нарисованной Африке, а прямо вот здесь, на книжке.

Рисунки обобщены, но не геометризированы. Округлая, упругая форма делает цветовое пятно массивным и как бы выпуклым. Художник подчеркивает кое-где объем шероховатой фактурой, делая его поверхность почти осязаемой. Шершавая шкура бегемота, жесткий, длинный волос павиана, рыхлый пух страусиного хвоста воспринимаются как бы на ощупь: порой хочется по-детски проверить себя, потрогав гладкий лист.

Мохнатый ком жесткой шерсти, из которого выступают важная собачья морда, растопыренные ладошки и лысый задик — это Павиан. Похожая на мешок с мукой Бегемотиха. Зубчатый, как пила, Крокодил. Жираф, весь, кроме ног и головы, состоящий из пятен. Страус с глупым круглым глазом. Каждый зверь со своей пластикой и фактурой, движением и характером.

Такая же схематичная подвижность оживляет двухкрасочные автолитографии второй лебедевской книжки «Чуч-ло» — о приключениях забавного игрушечного индейца. Здесь яснее выступают истоки стиля художника, в частности неожиданное и удачное применение в детской книжке некоторых достижений из литографированных изданий футуристов. Из них пришла энергичная зернистая фактура, объединяющая иллюстрации с текстом, который не написан

даже, а тоже, можно сказать, нарисован художником в приемах, близких также к рукодельному плакату времен гражданской войны (а в этой области Лебедев тоже активно работал). В то же время этому мастеру был присущ особенный дар наглядности. Он умел придать жизненную убедительность даже самым обобщенным и схематизированным графическим построениям. Это и сделало Лебедева крупнейшим художником детской книги 1920-х годов.

К футуристической книге во многом восходят и интересные графические опыты П.В. Митурича (1887–1956), в частности и в изданиях для детей. «Сказ грамотным детям» (с текстом Н.Пунина, Пг., изд.Отдела ИЗО Наркомпроса, 1919) он иллюстрировал подцвеченными бронзой литографиями, в которых нарядная узорчатость соединялась с упрощенностью почти детских приемов рисования. В более конкретной, но притом свободной до какой-то

виртуозной небрежности манере рисунка кистью иллюстрировал П.Митурич нотный сборник композитора А. Луръе «Рояль в детской», (Пб. Гос.музыкальное изд., 1920). Живая непосредственность натурных наблюдений художника (он был уже тогда замечательным мастером станкового рисунка) не мешает почти ориаменталъной ритмичности движения кисти по плоскости литографского камня.

Эти детские книжки Митурича неразрывно связаны с его общими

поисками новых путей и возможностей в книжном искусстве. Увлеченный поэзией и личностью В.Хлебникова, художник искал в целом цикле своих, большей частью неизданных работ глубокого стилевого и ритмического соответствия его стихам. Это были то прихотливые и одновременно до наивности простые узоры сплетающихся ветвей (обложка «Вестника Велемира Хлебникова», 1922, № 2), то стремительные завитки, не то растительные, не то абстрактные, покрывающие обложку поэмы «Зангези» (1922). В узоры удивительно органично вплетается шрифт, написанный вроде бы вполне небрежно, но с тонким и точным чувством ритма. Легкая бронзовая подцветка в обеих обложках подчеркивает плоскостное, орнаментальное начало этой графики.

Таким образом, детская книга не просто приобщалась к результатам творческих исканий художников-новаторов, но и оказывалась подчас острым творческим экспериментом, открытием и утверждением новых путей, существенным для развития книжного и графического искусства в целом. Недаром известный критик Н. Пунин, рецензируя лебедевского «Слоненка», писал с некоторым пафосом об осуществившемся в этой книге «смещении графического творческого сознания в новый культурный слой», видел в нем «зрелый и полновесный удар по форме русской (а может быть и не только русской) художественной графики»[6].

Пожалуй, дальше других пошел в этом направлении Эль Лисицкий. (1890–1941), сделавший в 1920 г. в Витебске необычную детскую книжку «Супрематический сказ про два квадрата», изданную в 1922 г. в Берлине издательством «Скифы». Принципы и композиционные приемы геометрического абстракционизма

К. Малевича были в ней применены к фантастическому сюжету, где действовали не люди, а геометрические фигуры. Два квадрата — черный и красный — «издалека» прилетают на Землю, чтобы сделать революцию. Отвлечен-

ная динамика и условная конструктивность супрематической живописи наполнилась здесь неожиданно конкретным смыслом. В начале книжки был помещен призыв художника к маленьким ее зрителям: «Не читайте, берите бумажки, столбики, деревяшки, складывайте, красьте, стройте». Повествование должно было перерастать в игру, художник стремился развивать в детях активное, деятельное начало и творческую фантазию.

В том же 1922 г. Лисицкий выполнил в Берлине (изд. «Скифы») небольшую книжку, оказавшуюся своего рода наглядным манифестом новых путей книжного искусства — «Маяковский для голоса». Художник рассказывал: «Назначение этой книги было чтец-декламатор. Мне пришла мысль — чтоб быстрее находить стихотворение, применить принцип регистра, то есть сделать алфавит — Владимир Владимирович (Маяковский — *Ю.Г.*) одобрил. Наборщик был немец. Он набирал механически. Я делал эскиз каждой страницы. Он думал, что мы сумасшедшие... В процессе работы все руководство типографии и наборщик увлеклись этой необыкновенной книжкой и, понимая, что содержание так оригинально оформленной книги тоже должно быть необычным, просили объяснить его. И я переводил им стихи»[7].

Книжка была выполнена целиком наборными средствами, только из материалов шрифтовой кассы, но при этом была наполнена выразительными изображениями — знаками. Строчки набора, жирные типографские линейки, отдельные буквы или символы стали как бы строительным материалом для четких графических конструкций, по-новому организующих плоскость книжного разворота. Лисицкий последовательно упрощал пластику набора, предпочитая самые простые начертания. Он широко использовал равномерно насыщенный цветом и лишенный декоративных деталей шрифт- гротеск. Именно с это времени такой тип шрифта, уже давно изобретенный и применявшийся в рекламном наборе, был осмыслен как специфически «конструктивистский» и получил новое, очень резко выраженное стилевое звучание.

Отдельные крупные буквы художник строил сам, составлял из отрезков линеек, стыки которых не подгонялись вплотную, демонстрируя составной характер знака. Строки заголовков свободно располагались на странице, могли поворачиваться вкось или по вертикали. Наконец, из букв и линеек составлялись лаконичные изображения — пиктограммы: кораблик, якорь человеческие фигуры. Символы воплощали не только сюжет, но и чеканную ритмику Маяковского, переводили ее в зримые формы. Иногда художник выделял из текста, превращал в остроумные буквенные схемы звуковые повторы стиха и их вариации, «иллюстрируя» фонетическую конструкцию, а не сюжет произведения.

Крупный для небольшого формата масштаб заголовков и символов, строго плоскостный характер этой наборной графики уплотняют и утяжеляют страницу, придавая ей монументальность. Принципиальное значение получило в этой книге применение второго, красного цвета. У Лисицкого это не дополнительная подкраска, а конструктивно необходимый. элемент композиции, порой приобретающий и символическое значение. Наконец, вырубка — регистр с заглавиями и лаконичными геометризованными символами каждого стихотворения пришла в поэтическую книгу из мира технических изданий. И это стремление художника придать поэтической книге не свойственную ей прежде стили-

стику, внести в нее строгий рационализм и целесообразность технического прибора или механизма тоже было принципиальным и важным для дальнейшего развития книжного искусства.

С этих пор техника выступает в романтическом ореоле союзника нового современного искусства, его образцом и идеалом, поучительным для художника примером высшей целесообразности формы. В журнале «Вещь», изданном Эль Лисицким совместно с И. Эренбургом в 1921 г. в Берлине (и напоминавшим язвительному критику из другого художественного лагеря «не то прейскурант велосипедных принадлежностей, не то каталог кинематографических фильмов»[8]), художник поместил на первой странице фотографию кубистически-угловатого паровоза-снегоочистителя. Фотографии кораблей или самолетов не раз в той же роли появлялись затем в художественных журналах двадцатых годов.

Не случайно такие новаторские поиски были связаны с именем Маяковского. Они в самом деле отвечали стилю и пафосу его поэзии, решительно разрушавшей камерные каноны изящной лирики, культивировавшей экспрессивные ритмы и ораторские митинговые интонации. Вокруг поэта, еще в предреволюционные годы тесно связанного с авангардными течениями в изобразительном искусстве, теперь группируются мастера, пролагающие новые пути, в частности, и в искусстве книги.

В 1923 г. А.М. Родченко (1891–1956) иллюстрировал первое издание поэмы Маяковского «Про это» (М., Госиздат) сложными фотомонтажами. Он ввел в поэтическую книгу фотографию, но не в ее документальном значении, а преобразованную смелым и острым монтажом. Достоверно зафиксированный фотоаппаратом видимый мир был расчленен на его составные элементы и затем строился заново, в соответствии с четкой художественной задачей. Монтажи сталкивают изображения, снятые в разных ракурсах и напечатанные в разных масштабах, заставляя их неожиданно взаимодействовать в каком-то новом и сложном, далеком от реального пространстве, Из резкого столкновения независимых контрастных фрагментов возникает особое художественное качество, не присущее исходному фотографическому материалу. Эти иллюстрации не сюжетны, а метафоричны. К экспрессивным стихам, построенным на гиперболах, на резком выделении отдельных предметных деталей художник подобрал близкое по смыслу и столь же активное средство пластического выражения.

Но как бы значительны ни были сами по себе лучшие образцы любительских изданий традиционного типа с одной стороны и острые эксперименты «левых» мастеров — с другой, ни те, ни другие не определяли собой в эти годы общий уровень и состояние художественной культуры книги в стране. Мировая война и последовавшие за ней революции, продолжающаяся многолетняя гражданская война в стране подорвали промышленность, в том числе и полиграфическую, сказались на возможностях ее снабжения необходимыми материалами.

Не имея доступа к печати, многие поэты, «преодолевали Гуттенберга», по ходившему тогда ироническому определению, продавая через книжные лавки рукописные списки своих произведений. Тираж таких «изданий» колебался от пяти до сотни экземпляров. Иногда это были автографы (каллиграфические

книжечки Ф. Сологуба), чаще — списки, выполненные другой рукой. Бывали и списки с рисунками, так, В. Маяковский иллюстрировал в 1919 г.

в своей угловатой, иронически гротескной манере собственную поэму «Флейта-позвоночник», переписанную Л.Ю. Брик[9]. Вызванное внешними обстоятельствами, это кратковременное возрождение рукописной книги внесло все же своеобразную ноту в книжную культуру времени, создав специфический круг изданий, особенно интимных, приближенных к авторскому автографу, создающих ощущение гораздо более тесной, почти личной связи читателя с автором. К этому типу рукотворных книг примыкают и литографированные издания, нередко воспроизводившие автографы писателей, и в известной мере наследующие стилистику дореволюционной футуристической книги.

Сохранившиеся в рабочем состоянии типографии печатали прежде всего агитационные брошюры и просветительскую литературу, печатали на любой — чаще всего на плохой газетной бумаге, случайными сбитыми шрифтами, в примитивнейших наборных или рисованных обложках. Наряду с политическими брошюрами, такой же облик приобретали и предпринятые Государственным издательством массовые издания классическом литературы: ее торопились дать народу поскорее и побольше — все равно в каком виде, в каком техническом и художественном исполнении.

То, что было печальной необходимостью, оборачивалось порой в этом процессе своеобразной «отрицателъной» эстетикой массовой книги: неряшество становилось как бы принципом ее оформления: «Демократическая книга любит, чтобы ее подавали народу неопрятной. Демократическая книга грязно отпечатывается, на худших сортах бумаги, сквернейшими наборами шрифтов, в уродливейших форматах. Хотя назначение ее — идти в малограмотную или средне грамотную массу, она печатается так, чтобы ее трудно было читать», — писал в 1919 году язвительный критик. По его словам, »теперь с представлением о демократической книге у нас неразрывно связывается зрительный образ чего-то грязновато-серого и типографски неопрятного ... Дело с обожествлением этих примет демократической книги зашло так далеко, что приезжающие за литературой провинциалыные грамотеи партийного толка так прямо и отбирали на глаз среди буржуазной литературы демократических праведников: по уродству: чистая книга — буржуазная, грязная книга — демократичеокая»[10].

Единственный выход из этого положения виделся критику не в ухищрениях книжной роскоши («прикрасы убивают красоту»), а в возвращении к гармонической простоте старой книги, к выработанным ею форматам и раскладке полей, к подлинным старинным шрифтам, а в области иллюстрации — к гравюре на дереве[11].

В самом деле, техническое оскудение типографий диктовало поиски более простых и экономных средств художественного решения книги. Таким именно средством оказалась в первую очередь ксилография, уже почти вытесненная из книги успехами фотомеханической репродукции, но теперь возвратившаяся в нее и притом в существенно обновленном виде. Деревянное рукодельное клише обходилось в эти годы дешевле цинкового, (цинка не хватало), делалось быстрее и давало, особенно на неважной бумаге, лучшие оттиски. Но гравюра

пришлась в это время весьма кстати еще и потому, что несла с собой новые выразительные возможности, способствовала формированию стиля, лишь нащупываемого в поисках этого переломного времени. Она вернула в книгу осязательное чувство обрабатываемой резцом твердой поверхности, четкую объемность и весомостъ фигур и предметов. Важна стала упругость гравюрного штриха, плотностъ и тяжесть черного цвета, укрепляющего, а не размывающего «воздухом» поверхность страницы.

Вот почему критика революционных лет поет гимны деревянной гравюре, напоминая, что «она плоть от плоти и кровь от крови книжного искусства; она не знает дурных сортов бумаги, для нее все сорта хороши». А главное — »при деревянной гравюре иллюстрация всегда хороша, — так сказать, по материальной своей добротности, по величайшей своей органичности, потому что это дерево, прикоснувшееся к бумаге«[12].

Складывался совершенно новый тип, новая школа книжной гравюры, оказавшаяся почти сразу в резкой оппозиции к еще доживавшим свой век граверам-репродукционистам старого типа, чье мастерство строилось на виртуозном переводе в гравюрный штрих фотографической светотени или живописного мазка. В противовес этому молодые граверы настойчиво искали и культивировали выразительные возможности самой ксилографии, диктуемые техникой, лаконизм и контрастность штрихов, с усилием проведенных резцом по твердому материалу. В незавершенных опытах цельногравированной книги, предпринимавшихся Н.Н. Купреяновым («Действо о Егории храбром» А. Ремизова, «Николино житие» (1917-1919)), осваивается своеобразный язык лубочной гравюры. Ее примитивная экспрессия и органическая плоскостность, нерасторжимое единство изображения с вырезанным тем же штихелем шрифтом выступают как важнейшие ценности нового искусства книги.

Централъным мастером этого искусства становится В.А. Фаворский. Уже в 1918 г. он выполнил большую серию гравированных иллюстраций-инициалов к «Рассуждениям аббата Жерома Куаньяра» Анатоля Франса. Издание тогда не состоялосъ, но сами гравюры оказались важнейшей вехой в становлении ксилографии нового типа. В квадратики инициалов художник вместил живые группы персонажей — диалоги, сценки застольных бесед. Фигуры смело обобщены, штрих Фаворского относительно крупный для малого формата гравюрок, съедает детали, но усиливает пластику фигур, плотно вписанных в затесненное и неглубокое, тоже переданное предельно обобщенно, пространство. Художника интересуют не подробности быта, весьма условные у Франса, а самый дух его книги, ее философическая ирония. «Было бы ошибкой восстановить вокруг мудрого аббата Куаньяра и послушного его ученика Турнеброша тот подлинный XVIII век, в обстановке которого никогда, конечно, не воображал их сам автор... Иллюстратор, добросовестно и терпеливо наряжающий вымысел в уборы исторически и географически верного быта оказывает читателю хорошей книги плохую услугу», — комментировал эту сознательную отвлеченность иллюстраций Фаворского критик П. Муратов[13]. В самом деле, художник открыл в наивном схематизме ранней европейской ксилографии неожиданные выразительные возможности, оказавшиеся теперь весьма актуальными. Используя их, он сумел перевести в зримые образы не столько сюжет или истори-

ко-бытовую среду, сколько внутренний — стилевой и эмоциональный, философский и метафорический строй книги.

Объединяя в этой работе задачи образные с конструктивными, с формированием книги как целого, Фаворский связывает в ней повествование со знаком. Стройные буквы классически строгого, но не лишенного индивидуальных, присущих этому мастеру, особенностей рисунка, положены прямо поверх изображения. Соединение того и другого на первый взгляд могут показаться произвольными. Между тем знаки каждый раз изобретательно связаны с фигурами единством ритма, параллельностью линий, как бы подхватывающих жесты персонажей. Так в этих скромных инициалах оказались уже заложенными основы своеобразной художественной системы Фаворского, которую он будет развивать в целом ряде своих книжных работ с начала 1920-х годов, а также и теоретически — в лекциях, которые он тогда же начал читать во ВХУТЕМАСе[14].

Назревший и уже начинающийся стилевой перелом в книжном искусстве активизировал и теоретические искания в этой области. Характер и роль художественного элемента в книге предстояло пересмотреть, проверить и установить заново. Наступало время крайних и порой парадоксальных суждений, решительного отрицания целых направлений и стилей (например, декоративного и «декадентского» модерна 1900-х — 1910-х годов), или даже целых отраслей книжного искусства (например, иллюстрации). Утверждалась новая система понятий и вместо привычного со времен «Мира искусства» термина «искусство в книге» А.А. Сидоров ввел и закрепил в заголовке цикла статей 1921 года, превратившегося год спустя в книгу, новый — «искусство книги»[15] . Характерно, что автор предвидел еще недоумение иного читателя: «Но есть разве искусство книги?»[16] . Тем не менее, новшество далеко не было произволъным. Развитие книжной, да и всей художественной культуры вело к новому пониманию целостности книги — не нейтрального вместилища текста и декоративной или иллюстрационной графики, а единого художественного предмета, все части которого- смысловые, украшающие или производственные –были значимы не сами по себе, но лишь в отношении к целому.

Не случайно книга А. Сидорова открывается главой «Печать», где делается пока еще довольно скромная попытка осмыслить ролъ технического начала в формировании этой книжной целостности.

«Истинный художник книги — это тот, кто имеет дело с ее созданием: наборщик, метранпаж, словолитный мастер»[17], — утверждает автор. Он декларирует далее конструктивностъ как важный художественный принцип, «дело художника» понимает «как вдумчивое углубление в логику материала», а в произведении искусства хочет видеть «прежде всего мастерски сделанную вещь»[18]. Постулаты эти, очевидно, носились в воздухе, и в работе Сидорова, который отнюдь не был апостолом нарождающегося конструктивизма, остаются всего декларациями.

Вторая глава его книги — «Внешность» -устанавливала функциональные основы оформления обложек, подчеркнуто противополагая внешность книги, с ее в первую очередь рекламно-пропагандистской задачей, внутреннему решению издания. Такое разделение также было характерно для времени, когда большинство книг стало выходить именно в обложках, нередко декоратив-

но-рекламного характера, большей частью никак не связанных с внутренним строем данной книги.

И наконец, заключительная глава книги посвящена иллюстрации — дополняющей и разъясняющей повествование, организующей воображение читающего. Впрочем, автор делает здесь характерную оговорку, осуждая чересчур конкретную иллюстрацию, которая «будет почти тиранически давить на воображение читателя»[19].

Этот мотив, несомненно связанный с преодолением художественных традиций и принципов XIX века, был широко распространен в художественной полемике того времени. Такого рода размышлениям посвящена уже цитированная выше статья П. Муратова «Об иллюстрации»[20]. Но наиболее глубоко, последовательно и теоретично идея несостоятельности иллюстрации как средства интерпретации литературы была развита в статье Ю.Тынянова «Иллюстрации»[21]. Статья эта стала знаменитой. Она дважды переиздавалась и до сих пор остается предметом комментирования и полемики. Речь в ней шла о самых общих принципах отношения изображения к тексту, но при том критика Тынянова была явно заострена против новейших, главным образом позднемирискуснических, богатых изданий русской классики, частью названных в тексте, а частью лишь подразумеваемых (почти все они рассмотрены выше в настоящей статье). Исследователю явно были симпатичнее антиэстетические художественные тенденции новаторских «левых» течений: «книга как поэтическое произведение скорее сочетается с принципом футуристов: прочти и порви, — нежели с тяжеловесной «художественной» книгой»[22].

Основной теоретический тезис Тынянова состоял в том, что конкретность литературного образа носит специфический, чисто словесный характер и в изобразительную конкретность не переводима. Поэтому всякая иллюстрация есть подмена образа, уводящая от литературы, мешающая ее полноценному восприятию. Решительность этого негативного вывода («Иллюстрированная книга — плохое воспитательное средство. Чем она «роскошнее», чем претенциознее, тем хуже»[23]) провоцировал, конечно, возмущение защитников иллюстрированных изданий. Но все их порой справедливые возражения не отменяют того факта, что в небольшой работе Ю.Тынянова проблемы книжного искусства (и, в частности, соотношения художественного слова с изображением) оказались впервые предметом столь глубокого, строго теоретического исследования.

1988

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Голлербах Э.* Книжная иллюстрация // Новая книга, 1922. № I. С. 2.
2. *Мандельштам О.Э.* Слово и культура // Дракон. Альманах стихов. Пг., 1921. С. 73.
3. Там же. С. 14.
4. Книга и революция. 1923. №4 (28). С. 66. *Тынянов Юрий Николаевич* (1894–1943) выдающийся теоретик и историк литературы, впоследствии также писатель.
5. *Блок А.А.* Интеллигенция и революция (январь 1918 г.)
6. *Пунин Н.* «Слоненок» // Жизнь искусства. 1922. № 15.
7. Цит. по статье *Огинской Л.* / Декоративное искусство СССР. 1973. № 6. С. 33-34.
8. *Радлов Н.Э.* О футуризме. Пг., 1923. С. 49. 9. См: *Харджиев Н.* Маяковский и жи-

вописъ // *Харджиев Н., Тренин В.* Поэтическая культура Маяковского, М., 1970. С. 24, 309.
10. *Эфрос А.М.* Эстетика демократической книги // Книжник. 1919. №1-2.
11. Там же.
12. Там же.
13. *Муратов П.* Об иллюстрации. М., 1919. С. 12.
14. ВХУТЕМАС — Высшие художественно-технические мастерские. Фаворский был в 1921-1929 г.г. профессором графического факультета, а в 1923-1925 г.г. ректором ВХУТЕМАСа. Его теоретический курс назывался «Теория композиции».
15. *Сидоров А.А.* Искусство книги // Печать и революция. 1921. Кн. 1-3; Отдельное издание — М., 1922. *Сидоров Алексей Алексеевич* (1891-1978) — искусствовед, с 1946 г. — член-корреспондент Академии наук СССР, автор многих трудов по теории и истории искусства книги и графики.
16. *Сидоров А.А.* Искусство книги. М., 1922. С. 6.
17. Там же. С. 13.
18. Там же. С. 8.
19. Там же. С. 85.
20. *Муратов*. Ук. соч.
21. Впервые — «Книга и революция», 1923. № 4. С. 15-19; переиздана в сборниках статей Ю.Н.Тынянова — прижизненном — «Архаисты и новаторы», Л., 1929. С. 500-511 и посмертном — «Поэтика. История литературы. Кино», М., 1977. С. 310-318. О месте и роли статьи в современной ей художественной полемике и в позднейшем развитии художественной теории см. комментарии к последнему сборнику (М.О. Чудаковой) и работу Ю.А. Молока «Три возраста» одной статьи Тынянова — Тыняновский сборник. Вторые тыняновские чтения, Рига, 1986. С. 44-58.
22. *Тынянов Ю.Н.* Поэтика. История литературы. Кино. С. 316. 23. Там же. С. 318.

RUSSIAN BOOK ART AT CRISIS OF TIMES (1918–1923)

Yu.Ya. Gerchuk (Moscow)

The article of one of the largest native arts critics was written in 1988 as a trial chapter of his book «The History of Russian book art». The author considers tendencies of art development within the book during post revolutionary years. He tells about book script of masters from «The World of Art» (M. Dobuzhinsky, D. Mitrokhin, S. Chehonin), and also about B. Kustodiev, V. Konashevich, J. Annenkov, V. Lebedev, P. Miturich's works.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

© 2008

ПЛАГИАТ — ОЧЕРК ШУМЕРСКОГО ИСКУССТВА

(рецензия на книгу В.В. Емельянова "Древний Шумер. Очерки культуры". СПб.: Петербургское Востоковедение, 2001. 368 с.; СПб.: Петербургское Востоковедение; Азбука -классика, 2003. 320 с.)

В 2001 и 2003 гг. в Петербурге дважды издана небольшая книжица В.В. Емельянова "Древний Шумер. Очерки культуры". Меня как преподавателя истории искусства древности (начинаю курс с неолита и Месопотамии) интересовал перевод важной строительной надписи энси Гудеа. Ознакомился и с главой «Искусство шумеров», в которой с изумлением опознал знакомый текст, изданный не где-нибудь в американских пампасах, а в Москве и Дрездене, именно главу «Искусство раннеклассового общества Двуречья. Шумер и Аккад» в книге 1976 г. «Искусство Древнего Востока» (серия «Малая история искусств»). Текст Емельянова представляет собой пересказ и прямое цитирование текста В.К. Афанасьевой, но без кавычек и ссылок. В обеих книгах материал распределен по видам — архитектура, скульптура, печати, ювелирные изделия, керамика. Ссылок на работу Афанасьевой нет, лишь единожды дано глухое указание на одно ее замечание — на рельефе Эаннатума, «по наблюдению В.К. Афанасьевой, кулаков гораздо больше, чем лиц» (с. 139). Сравним тексты, начнем с архитектуры.

1) Храмостроительство.

Афанасьева, с. 54-55:

«В Двуречье вообще стремились строить на возвышенных местах, что в какой-то мере предохраняло от частых, временами катастрофических наводнений, поэтому храм стоял на высокой платформе, к которой с двух сторон вели лестницы или пандусы. Святилище храма, обычно прямоугольной, иногда овальной формы, было сдвинуто, как правило, к краю платформы и имело открытый внутренний дворик. В глубине святилища находилась статуя божества, которому посвящен храм. До начала III тыс. доступ во все части храма был свободным,

Емельянов, с. 133-134:

«Поэтому строился большой храм на высокой платформе (в какой-то мере это могло защитить от разрушений, причиняемых наводнениями), к которой с двух сторон вели лестницы или пандусы. В ранней архитектуре святилище храма было сдвинуто к краю платформы и имело открытый внутренний дворик. В глубине святилища находилась статуя божества, которому был посвящен храм... До начала III тысячелетия был свободный доступ во все части храма, но позднее в святилище и во дворик перестали пускать непосвященных. Вполне возмож-

но позднее в святилище, равно как и в окружающий святилище дворик, непосвященные не допускались. Возможно, что храмы расписывались изнутри, но во влажном климате Двуречья росписи не могли долго сохраняться... Век сырцовой постройки недолог, а глина, точнее, сырцовый кирпич, формованный из нее, часто с примесью рубленой соломы или тростника, был единственным строительным материалом в Двуречье... К концу III тыс. в Двуречье засвидетельствован еще один тип храма (в действительности он, видимо, появился раньше), который мог быть результатом развития храма первого типа — храм на нескольких платформах — так называемый «зиккурат». Может быть сыграл свою роль обычай возводить храмы главному божеству на одном и том же месте или сказалась необходимость постоянно обновлять легко разрушающиеся постройки».

но, что изнутри храмы расписывались, но во влажном климате Двуречья росписи не могли сохраниться. Кроме того, в Месопотамии основными строительными материалами были глина и формованный из нее сырцовый кирпич (с примесью тростника и соломы). а век сырцовой постройки недолог... К концу III тысячелетия в Двуречье засвидетельствован еще один тип храма — зиккурат, возводившийся на нескольких платформах. Причина возведения такого сооружения доподлинно неизвестна, но можно предположить, что здесь сыграла свою роль привязанность шумеров к священному месту, следствием которой было постоянное обновление недолговечных сырцовых храмов».

2) Керамический рельеф: алебастровый сосуд из Урука.

Афанасьева, с. 60-61:

«культовый сосуд из алебастра, разделен поперечными полосами на четыре регистра, и действие-рассказ, изображенный на нем, — надо читать снизу вверх. В самом нижнем регистре — как бы обозначение места действия, «фон», на котором оно происходит: река, изображенная условными волнистыми линиями, и чередующиеся колосья листьев и пальм. Следующий ряд — шествие домашних животных (длинногривых баранов и овец) и затем ряд обнаженных мужских фигур с сосудами, чашами, блюдами, наполненными фруктами, то есть со всякого рода приношениями. Верхний, и последний, широкий регистр (не полностью сохранившийся) изображает за-

Емельянов, с. 133:

«Сосуд разделен поперечными полосами на три регистра, и «рассказ», представленный на нем, нужно читать по регистрам, снизу вверх. В самом нижнем регистре — как бы обозначение места действия: река, изображенная условными волнистыми линиями, и чередующиеся колосья, листья и пальмы. Следующий ряд — шествие домашних животных (длинногривых баранов и овец) и затем ряд обнаженных мужских фигур с сосудами, чашами, блюдами, полными фруктов.. Верхний регистр изображает заключительную фазу шествия: дары сложены перед алтарем, рядом с ними — символы богини Инанны, жрица в длинном одеянии в роли Инанны, встречает

ключительную фазу шествия — дары сложены перед алтарем, рядом с ним символы богини, покровительницы Урука Инанны, сама Инанна, точнее — жрица, выполнявшая роль Инанны в культовых церемониях, в длинном одеянии встречающая процессию, и фигура направляющегося к ней жреца в одежде с длинным шлейфом, который поддерживает следующий за ним человек в короткой юбочке».

процессию, и к ней направляется жрец в одежде с длинным шлейфом, который поддерживает следующий за ним человек в короткой юбочке».

3) Цилиндрические печати.

Афанасьева, с. 60-63:

«Форма цилиндра, просверленного насквозь, изобретенная в южном Двуречье, становится распространенной, и резчики, совершенствуя свое искусство, размещают на малой плоскости печати сложные композиции... Поэтому художник избегал случайных поз, поворотов и жестов, но передавал наиболее полную, общую характеристику образа. Такой наиболее полной характеристикой человеческой фигуры оказался трехчетвертной или полный поворот плеч, профильное изображение ног и лица, а глаз — в фас; равно как речной ландшафт при таком видении вполне логично изобразить волнистыми линиями-зигзагами, птицу — в профиль, но с двумя крыльями, животных — тоже, в основном, в профиль, но с какими-то деталями фаса (глаз, рога)».

Емельянов, с. 136-137:

«Форма цилиндра, просверленного насквозь, изобретена в южном Двуречье. К началу III тысячелетия она становится распространенной, и резчики, совершенствуя свое искусство, размещают на малой плоскости печати довольно сложные композиции... В глиптическом сюжете мастер избегал случайных поз, поворотов и жестов, но передавал наиболее полную, общую характеристику образа. Такой характеристикой фигуры человека оказался полный или в три четверти поворот плеч, изображение ног и лица в профиль, глаза анфас. При таком видении речной ландшафт вполне логично передавался волнистыми линиями, птица — в профиль, но с двумя крыльями, животные — также в профиль, но с какими-то деталями фаса (глаз, рога)».

4) Скульптура: голова из Урука.

Афанасьева, с. 62-63:

«Гораздо характернее для шумерского искусства глубокий рельеф, почти горельеф. Но впечатление такое, что художник не столько хочет вы-

Емельянов, с. 137-138:

«Гораздо характернее для раннего шумерского искусства глубокий рельеф, почти горельеф. Из произведений этого рода самым ранним является,

рваться из плоскости, сколько боится, не смеет оторваться от нее. Поэтому и голова из Урука, размером немного меньше человеческой, была плоско срезана сзади и имела отверстия для крепления на стену. Утраченный головной убор, потеря инкрустации глаз и бровей, а также частично отбитый нос не портят выразительности облика, достигнутой очень скудными средствами: сочетанием черт, трактованных канонически, как это можно судить по другим скульптурным памятникам Двуречья (например, огромные глаза — символ всевидения, проницательности и мудрости), со слишком маленьким подбородком, тонким длинным ртом, крупным носом. Мягкой, едва уловимой моделировкой подчеркнуты складочки, идущие вниз от крыльев носа и придающие всему облику богини выражение надменное и несколько мрачное».

пожалуй, голова Инанны Урукской. Размером эта голова была немного меньше человеческой, плоско срезана сзади и имела отверстия для крепления на стену... Рассматривая голову Инанны, мы видим крупный нос, большой рот с тонкими губами, маленький подбородок и глазницы, в которых некогда были инкрустированы огромные глаза– символ всевидения, проницательности и мудрости. Мягкой, едва уловимой моделировкой подчеркнуты носогубные линии, придающие всему облику богини выражение надменное и несколько мрачное».

5) Скульптура:стела Эаннатума.

Афанасьева, с. 68, 70-71:

«Шумерский рельеф середины III тыс., как правило, представлял собой небольшого размера доску — палетку или плакетку из мягкого камня, сооруженную в честь какого-либо торжественного события: победы над врагом, закладки храма. Иногда такой рельеф сопровождался надписью. Для него, как и в ранний шумерский период, характерно горизонтальное членение плоскости, порегистровый рассказ-повествование, выделение центральных фигур правителей или должностных лиц, причем размер их зависит от степени общественного значения персонажа. Такова и стела правителя Лагаша Эанатума (2450-2425 гг. до н.э.), сооруженная в честь победы над вражеским городом Уммой. Одну сторону

Емельянов, с. 138-139:

«Шумерский рельеф середины III тысячелетия представлял собой небольшого размера палетку или плакетку из мягкого камня, сооруженную в честь какого-либо события: победы над врагом, закладки храма. Иногда такой рельеф сопровождался надписью. Для него, как и в ранний шумерский период, характерно горизонтальное членение плоскости, порегистровое повествование, выделение центральных фигур правителей или должностных лиц, причем размер их зависел от степени общественной значимости персонажа. Типичным примером такого рельефа является стела царя города Лагаша Эанатума (XXV в.), сооруженная в честь победы над враждебной Уммой. Одну сторону

стелы занимает крупное изображение бога Нингирсу, который держит в руках сеть с барахтающимися маленькими фигурками — пленными врагами. На другой стороне — четырехрегистровый рассказ о походе Эанатума. Сцена начинается с печального события — оплакивания погибших; возможно, первая часть сражения была неблагоприятна для лагашитов. Два последующих регистра показывают царя во главе легковооруженного, а затем — во главе тяжеловооруженного войска, так как логичнее, что бой начинают легковооруженные войска, а после них, в самый решительный момент боя, вступает тяжеловооруженная «фаланга», которая и определяет исход сражения. Верхняя сцена (хуже всего сохранившаяся) — коршуны над опустелым полем битвы, растаскивающие трупы врагов... Все фигуры подчинены плоскости и, видимо, выполнены по единому трафатету: треугольники лиц, горизонтальные ряды копий, сжимаемых в кулаках, причем кулаков гораздо больше, чем лиц; этим остроумным приемом достигается впечатление массы войска».

стелы занимает крупное изображение бога Нингирсу, который держит в руках сеть с барахтающимися в ней маленькими фигурками пленных врагов. На другой стороне — четырехрегистровый рассказ о походе Эанатума. Повествование начинается с печального события — оплакивания погибших. Два последующих регистра изображают царя во главе легковооруженного, а затем тяжеловооруженного войска (возможно, это связано с порядком действия родов войск в битве). Верхняя сцена (хуже всего сохранившаяся) — коршуны над опустелым полем битвы, растаскивающие трупы врагов. Все фигуры рельефа, возможно, выполнены по одному трафарету: одинаковые треугольники лиц, горизонтальные ряды копий, сжимаемых в кулаках. По наблюдению В. К. Афанасьевой, кулаков гораздо больше, чем лиц, — этим приемом достигается впечатление многочисленности войска».

6) Скульптура: портреты Гудеа.

Афанасьева, с. 76:

«В скульптурных портретах Гудеи, правителя Лагаша послеаккадского времени... они иногда достигают размеров человеческого роста. Выполнены они в твердом привозном камне диорите. Можно выделить два типа статуй правителя: одни статуи более приземистые, с несколько укороченными пропорциями, как бы изваянные в прежних южношумерских традициях, другие — более стройные и изящные. В позе, в передаче мускулатуры последних ощущается больше

Емельянов, с. 139:

«От времени лагашского правителя Гудеа (умер ок. 2123 г.)... дошло множество его монументальных статуй, выполненных из диорита. Статуи эти иногда достигают размеров человеческого роста... Можно выделить два типа статуй правителя: одни статуи более приземистые, с несколько укороченными пропорциями, как бы изваянные в прежних южношумерских традициях, другие — более стройные и изящные. Некоторые искусствоведы полагают, что различие типов связано с различием

смелости и свободы, но все изображения очень тщательно отделаны — проработаны детали прически, украшения, одежда. Еще раньше мы указывали на более умелую обработку камня».

7) Ювелирные изделия.

Афанасьева, с. 65:

«ювелирное искусство, известное в основном по богатейшим материалам раскопок гробниц города Ура (ок. XXVI в. до н. э.). Создавая декоративные венки, короны-повязки, ожерелья, браслеты, разнообразные заколки и подвески, используя в основном комбинацию трех цветов (синего — лазурита, красного — сердолика и желтого — золота), мастера достигли такой изысканности и тонкости форм, такого абсолютного выражения функционального назначения предмета и такой виртуозности в технических приемах, что эти изделия по праву могут быть отнесены к шедеврам ювелирного искусства».

Емельянов, с. 140:

«Ювелирное искусство Шумера известно в основном по богатейшим материалам раскопок гробниц города Ура (I династия Ура, ок. XXVI в.). Создавая декоративные венки, короны-повязки, ожерелья, браслеты, разнообразные заколки и подвески, мастера использовали комбинацию трех цветов: синего (лазурит), красного (сердолик) и желтого (золото). При выполнении своей задачи они достигли такой изысканности и тонкости форм, такого абсолютного выражения функционального назначения предмета и такой виртуозности в технических приемах, что эти изделия по праву могут быть отнесены к шедеврам ювелирного искусства».

Таков вклад В.В. Емельянова в изучение шумерского изобразительного искусства. В предисловии к изданию 2003 г. он пишет: «У книги «Древний Шумер» весьма богатая событиями жизнь: она как-то на удивление быстро была распродана и довольно скоро стала редкостью. В результате этого вокруг книги умножились разнообразные разговоры и слухи. За два года, прошедшие со времени выхода первого издания, я выслушал изрядное количество телефонных комментариев, прочел того больше электронных писем, получил благодарность от сотрудников посольства Республики Ирак, вызвал интерес коллег западных и — раздражение коллег российских. Меня упрекали то в недостаточном радикализме, то в недостаточной научной строгости». Все здесь лукавство, ибо в одну кучу свалены отзывы и специалистов и простых читателей. Понятно, что разговоры возникли не потому, что книга быстро разошлась, а потому, что автору ее неведома этика, отсюда и раздражение российских коллег. «Мне приписывали открытия, которых я не делал», — продолжает Емельянов, и это тоже лукавство: из вышеизложенного следует, что он сам себе приписал чужие наблюдения. Не берусь судить о качествах других частей книги, но то, как «написана» глава об изобразительном искусстве, склоняет к отзыву не названного по имени «коллеги-ассириолога», процитированного Емельяновым (с. 7): «В этой

книге все не соответствует действительности». И никакими философствованиями на тему о разных действительностях, развитыми Емельяновым далее (с. 8-9), не прикрыть очевидной истины — книга содержит плагиат. А всего-то требовалось для «маленькой популярной книжки» (так ее охарактеризовал сам автор — с. 9) — снабдить главу об искусстве примечанием, что текст заимствован у В.К. Афанасьевой.

В.П. Яйленко.

© 2008

Munoz P.M. Early Kingdoms of the Indonesian Archipelago and the Malay Peninsula. Singapore: Editions Didier Millet, 2006. 392 p., ill.*

Рецензируемая монография Поля Мишеля Мюно[1] «Ранние царства Индонезийского архипелага и Малайского полуострова» призвана заменить широко известную книгу великого историка Жоржа Сёдеса «Индианизированные государства Юго-Восточной Азии»[2]. Мюно предлагает читателям историю населённой австронезийскими народами части Юго-Восточной Азии (далее — ЮВА).

Монография Мюно состоит из 9 разделов: введение, «Доистория» (Prehistory), «Предпосылки: I–VII века» (Premises), «Классический период», «Заключение о классическом периоде», «Добавления» (annexes), «Словарь», библиография и индекс. Основной частью книги выглядит занимающий чуть менее двухсот страниц «Классический период». Из-за широты рассматриваемого в монографии материала рассказать обо всех идеях Мюно довольно затруднительно, поэтому ударение будет сделано на ключевых моментах его концепции.

Во введении Мюно недвусмысленно отвергает линейный эволюционизм, ссылаясь на то, что в ЮВА сосуществовали и продолжают развиваться общества, находящиеся на различных уровнях культурного и технологического развития (с. 11). Вслед за основным течением современной западной историографии он полагает, что, во-первых, для объяснения социальной эволюции необходим многофакторный подход, во-вторых, одни и те же факторы в различной общественной и природной обстановке ведут к различным последствиям (с. 13). Таким образом, отрицаются как идея историков колониальной эпохи о целиком зависимом характере эволюции ЮВА (что выражалось в понятии «индианизация»), так и тезис националистических историков третьей четверти XX столетия об отсутствии какого бы то ни было влияния других обществ на их страны.

Раздел «Доистория» (с. 15–63) состоит из пяти глав «Палеолит», «Ранний не-

* Работа выполнена в рамках проекта РГНФ, № проекта 07-01-00081а.

олит — переходный период», «Неолит: миграции австронезийцев», «Век металлов», «Индийская культура». Мюно отмечает, что в Индо-малайском архипелаге нельзя провести резкой грани между бронзовым и железным веками: они наступили приблизительно одновременно (с. 35). Это произошло примерно в середине I тысячелетия до н.э. Исследователь подчёркивает, что помимо Донгшонской культуры, традиционно связываемой с веком металлов в ЮВА[3], другим распространителем новой технологии была культура Са Юн (Sa Huynh), отличающаяся преобладанием железных артефактов над бронзовыми, в то время как в Донгшонской дело обстоит наоборот (с. 38). Он касается и общественного строя австронезийцев, но здесь в монографии обнаруживается первое явное противоречие.

С одной стороны, Мюно утверждает, что австронезийцы жили семейными группами/линиджами, родами/кланами и племенами/общинами (с. 33). При этом внутри общины существовало ранговое деление, характеризующееся преобладанием потомков основателя общины — первопредка (с. 31). Именно это неравенство внутри общины заставляло австронезийцев переселяться с места на место: только основав новую общину, можно было рассчитывать на повышение своего социального статуса (с. 31).

С другой стороны, согласно Мюно, главная организационная система протомалайцев/автронезийцев — это малая община, связанная генеалогическими отношениями, которая называется «*сиб*» (от *sibling* — брат и сестра по-английски). Существенная черта сибов — демократическое принятие решений и, судя по контексту, отсутствие иерархии (с. 42–43). Эти черты начинают исчезать по мере перехода к ирригационному земледелию и возникновения соседских общин, связанных не общностью происхождения, но единством интересов и общим управлением (там же). В этих общинах и появляется иерархия вместе с новой — автократической — формой правления и соответствующим типом политического лидерства, который назван Мюно, вслед за Оливером Уолтерсом[4],– «человеком доблести / удали» *(man of prowess*) (с. 43). Возникает вопрос: как согласуется демократическое принятие решений в сибах с намеченным ранее ранговым делением в австронезийском обществе? Ведь избежать давления ближайших родичей первопредка можно было, по Мюно, лишь уйдя из общины. Вторая проблема касается того обстоятельства, что переход к ирригационному земледелию типа *савах* на Западной Яве, где бесспорно обитали австронезийские по происхождению малайские племена[5], произошёл лишь в XVII в.[6], и поэтому связывать распад системы сибов (если она когда-либо существовала в сконструированной Мюно форме) с переходом к ирригационному хозяйству довольно затруднительно. Недоумение вызывает и чисто умозрительный подход к проблеме общественного строя австронезийцев: привлечения филологических данных, собранных в этом же контексте С.В. Кулландой[7], у Мюно не найти[8].

Наиболее интересной частью раздела «Доистория» представляется глава «Индийская культура» (с. 45–60). Она посвящена старой проблеме индианизации ЮВА. Хорошо известен факт многообразных заимствований народами ЮВА разнообразных индийских культурных форм: письменности и языка (все ранние надписи региона написаны на санскрите), божеств, типов культовых

сооружений (храмов и статуй). Чем были вызваны эти заимствования? Как они осуществлялись? Какую роль в этом играли сами индийцы, и играли ли вообще? Почему письменность и язык (позднее только специальная терминология) были восприняты из Индии, а не из Китая — не менее могущественного соседа, культура которого насчитывала к рубежу эр — времени начала засвидетельствованных заимствований — более тысячелетия насыщенного развития?

В решении этих вопросов Мюно в основном следует Й.В. Маббету, отчасти П.-И. Мангэну и Э. МакКиннону[9]. Его взгляды можно представить следующим образом. Во-первых, он предлагает видеть в индийской культуре «совокупность наследственных обычаев и культур, представленных разделяющими историческую санскритскую традицию доминирующими индийскими этническими группами» (the array of ancestral customs and cultures represented by shared historical Sanskrit traditions of the dominant Indian ethnic groups) (с. 45). Соответственно, заимствуются разнородные индийские практики, а не вся совокупность традиций, обозначенных как индийская культура. «Распространение индийской культуры было сложным процессом, не вызванным завоевателями, а приведённым в действие экономическими и культурными причинами» (с. 57). Тезис о крупных миграциях индийцев в ЮВА отвергается, хотя переселение некоторых групп кшатриев, особенно шаков, и брахманов считается вполне вероятным (с. 45). Более активной стороной в распространении индийского культурного влияния называются сами австронезийцы (там же). Их моряки и торговцы познакомились с разными традициями индийцев во время своих плаваний и могли начать перенос культурных и технологических достижений своих соседей, тогда как вожди австронезийских общин были заинтересованы в усилении своего символического могущества, для чего они прибегали к введению иностранных обычаев, обрядов и титулов, в которых фиксировался их новый политический и духовный статус (с. 45, 55–58). За счёт этих нововведений в ходе политогенеза власть уже не общинных, а региональных лидеров обретала легитимность[10].

На загадочный вопрос о том, почему жители ЮВА предпочли заимствования из Индии, а не из Китая, Мюно даёт довольно интересный ответ: во время формирования государственности ЮВА — I–III вв. н.э. — преобладали контакты с Индией, а прочные связи с Китаем общества региона установили лишь в V в. (с. 59). А на возникающий вопрос: почему именно в начале I тысячелетия н.э. имел место генезис австронезийской государственности — ответ тоже найден: этот процесс был вызван экономическим бумом I в. н.э., когда резко оживились контакты между Римской империей и Индией. Они, в свою очередь, способствовали росту торговли с ЮВА, где производились востребованные на западном рынке товары. Рост торговых оборотов вёл к обогащению части общин, социальному расслоению и стремлению отдельных лиц закрепить за собой главенствующее положение. Для этого потребовались новые символические средства[11], найденные в Индии, стране обитания основных торговых партнёров.

Бесспорно, теория Мюно довольно привлекательна. Тем не менее, в ней есть некоторые слабые звенья, которые не дают оснований принять её целиком. Прежде всего, тезис о политогенезе в ЮВА на рубеже эр до сих пор остаётся

лишь красивой гипотезой[12]: нет эпиграфических документов, самые ранние свидетельства китайских хроник (!) появляются лишь в III в., а они составлялись с учётом китайского восприятия; археологических свидетельств существования административного аппарата нет[13]. Далее, центры Донгшонской культуры и культуры Са Юн во Вьетнаме в эпоху Хань попали под административную власть Китая. Это означает, что связи с этой цивилизацией, существовавшие уже несколько столетий, только усилились и говорить о разрыве контактов с Китаем не приходится. Конечно, могут возразить: общества Вьетнама и австронезийцы не одно и то же. Но ведь связи Донгшонской культуры с её бронзовыми барабанами охватывали почти весь Индонезийский архипелаг — при отсутствии всяких политико-административных единиц, о чём Мюно знает (с. 41). Таким образом, проблема индианизации остаётся[14].

В следующем разделе «Предпосылки: I–VII века» (Premises) рассмотрению подвергаются распространение буддизма и индуизма в Индонезийско-малайском мире, процесс образования государства, первое царство ЮВА Фунань и ранние царства I–VI столетий н.э. (с. 65–111). Странным образом заявленный в названии главы VII век попадает уже в следующий раздел. Впрочем, такие скачки от одной эпохи к другой для Мюно обычны: уже на с. 66 можно прочесть о влиянии бенгальской династии Палов на распространение буддизма махаяны в островной части региона в VIII в.

Определённый интерес представляет объяснение Мюно популярности буддизма махаяны и тантризма в Индо-малайском архипелаге и постепенного вытеснения вишнуизма шиваизмом. Он полагает, что, во-первых, махаяна, позволяя чтить Будду в качестве бога, делает возможным включение культа предков, местных богов и духов в буддийский пантеон; во-вторых, провозглашение умерших царей бодхисатвами можно использовать для придания здравствующему правителю полубожественного статуса, что увеличивает его символическое могущество (с. 66). В свою очередь, тантризм был популярен в малайском мире своими колдовскими, магическими сторонами: связывая посредством особых обрядов правителя с его суеверными вассалами и подданными, он обеспечивал царю, по мнению Мюно, бóльший контроль над ними (с. 67).

Вишнуизм был вытеснен шиваизмом из-за того, что будучи одновременно богом-разрушителем, не ведающим милосердия к врагам, богом творения, ответственным за процветание (часто чтимом в образе лингама), Великим учителем (махагуру), покровителем игр, танцев и медицины, Шива представлялся более привлекательным для «человека доблести» (man of prowess), вовлечённого в безжалостную борьбу за власть и находящегося в крайне неустойчивом положении, хотя и стремящегося предстать покровителем культуры (с. 68). В этих положениях Мюно много верных логически наблюдений, но они не объясняют эмпирически засвидетельствованного обстоятельства — преобладания на ранних этапах индианизации наряду с буддизмом именно вишнуизма, а вовсе не шиваизма[15].

В трактовке политогенеза Мюно в основном следует О. Уолтерсу и Х. Кульке[16]. Множественность центров власти, взаимно пересекающихся и постоянно меняющихся маленьких политических систем, породив дискуссию о природе последних, вынуждает, согласно Мюно (вслед за Уолтерсом), отказать-

ся от привычного термина «царство» (kingdom), который в отношении стран ЮВА был впервые использован китайцами[17] (с. 73). По мысли Мюно, в понимании древних китайцев царство характеризуется наличием фиксированных границ, централизованной администрацией с профессиональной бюрократией, системой налогообложения и законом престолонаследия в рамках одной династии; все существующие политии демонстрируют эти же признаки, только не столь развитые, как в Китае (с. 73). Так как далеко не все эти черты могут быть обнаружены в ЮВА, понятие царства нужно заменить *мандалой*, как предлагал Уолтерс[18] (с. 74). Кульке усовершенствовал теорию Уолтерса и выделил три стадии в формировании государства: местную, региональную и имперскую (с. 74–75). Местная ступень соответствует австронезийским общинам до их индианизации, региональная появляется во время индианизации, а имперская — редко встречающаяся в истории ЮВА — предполагает объединение двух и более мандал под властью одного правителя и превращение вассальных территорий в административные округа/провинции, управляемые либо членами имперской династии и/или назначенной администрацией (с. 75–76). Империями были Ангкорская в Камбодже, Паган в Бирме, Сингасари и Маджапахит на Яве (с. 76).

Далее Мюно делает два важных замечания. «Эти три стадии только описывают различные формы социальной эволюции и не должны рассматриваться как линейный процесс: часто они существовали параллельно друг другу» (с. 76)[19]. Это заставляет задаться вопросом: а можно ли тогда говорить о стадиях образования государства (state formation) или лучше вести речь о разных типах социально-политической структуры? Мюно этой проблемы не касается, решая теоретические проблемы при помощи второго утверждения: «Ради упрощения и держа в памяти упомянутые различия в формировании ранних царств, в следующих главах термины мандала, царство и империя будут использоваться безотносительно к той стадии, на которой находилось изучаемое государство (Sic! — *А.З.*)» (с. 76). А общество на «местной стадии» тоже нужно считать государством? Если да, то получается крайне странная ситуация: община австронезийцев и государство совпадают. Поскольку же Мюно дал противоречивую трактовку общественного строя австронезийцев (см. выше) до возникновения государственности, может показаться, что даже эгалитарная община есть государство. Подобного смешения терминов трудно ожидать от человека, знакомого с таким количеством серьёзной научной литературы (библиографию см. на с. 373–379). Но главное — это то, что второе утверждение Мюно просто уничтожает саму идею научной терминологии, коль скоро можно пользоваться любым термином, не имея в виду конкретного содержания.

Нельзя не отметить и того обстоятельства, что истолкование теории Кульке в работе Мюно несколько своеобразно. Немецкий историк (Кульке из ФРГ) выдвинул схему эволюции ««вождество — раннее царство — империя/имперское царство», не уравнивая вождество с общиной[20]. Добавим, что Кульке применял и термин «концентрическое государство», чтобы пояснить, что же такое мандала[21]. Его взгляды вряд ли следует считать неоэволюционистскими, какими бесспорно оказываются построения Мюно. «Представления китайцев» о царстве сильно напоминают теорию государства Ф. Энгельса, хотя порядок престолонаследия явно из неё выбивается. Но совершенно непонятно, почему

нужно отказываться от термина «царство» на том основании, что китайский его образ не соответствует тому, что мы видим в ЮВА. Ведь, строго говоря, и в средневековой Европе X–XII столетий не было никакой профессиональной бюрократии и устойчивых границ. Следует ли из этого, что в Европе не было kingdoms («королевств/царств»)? Думается, нет, поэтому ход мысли Мюно и тут вызывает сомнения[22].

Раздел «Классический период» состоит из трёх основных частей: «Суматра и Малаккский полуостров в VII–XIII вв.», «Западная Ява IV–XV вв.» и «Восточная и Центральная Ява V–XV вв.»; кроме того, есть небольшие главы о Бали и Калимантане (с. 113–305). Здесь почти нет теоретических рассуждений: основное место занимает изложение политической истории в сочетании с экономическими, социальными и культурными процессами. Сразу заметно хронологическое наложение этого и предыдущего раздела, но гораздо более серьёзным недостатком монографии Мюно следует считать постоянную повторяемость одного и того же материала, подчас дословно. Приведу два примера, хотя их легко умножить. Текст о политии Мулавармана на юго-востоке Калимантана (район Кутея), существовавшей, судя по эпиграфическим данным, в V в. н.э.[23], практически одинаков на с. 95 и 303–304. Другой пример: полития Западной Явы, известная под именем Таруманагары (V–VII вв.)[24]: сведения о ней дублируются на с. 104–105 и 204–206. Впрочем, поскольку «повторение — мать учения», для непрофессионалов такой подход к изложению сложного и непривычного материала, может быть, и допустим.

Совершенно недопустимым оказывается другой просчёт Мюно. Я имею в виду фальсификацию им «исторических фактов». Он приписывает китайскому паломнику Фа Сяню сведения о неких правителях Восточного Калимантана (с. 95), хотя в тексте этого автора их попросту нет[25]! При этом на с. 206 Мюно ссылается на тот же фрагмент работы Фа Сяня в отношении уже политии Пурнавармана на Западной Яве, а на с. 103 — другого общества Хэлодань (Holotan)[26]! Между тем, в источнике говорится только следующее: «Так прошло 90 дней, пока не прибыли в страну, называемую Ява. В этой стране иноверцы и брахманы процветают, а об Учении Будды и речи нет. Пробыв в этой стране пять месяцев, сел, уже с другими купцами, на большое судно, на борту которого было также около двухсот человек и запас провианта на 50 дней; отправились в путь в 16-й день 4-го месяца. Фа Сянь на судне же провёл “отрешённую жизнь”. Плыли на северо-восток, направляясь в Гуанчжоу» (пер. Н.В. Самозванцевой)[27]. И это — вся информация искреннего буддиста! Как можно использовать сей фрагмент в отношении любого общества, которое известно по другим источникам и относится примерно к той же эпохе, остаётся загадкой.

Реконструкция истории Шривиджайи и яванского Матарама, предложенная Мюно, тоже оставляет желать много лучшего. Согласно его концепции, правитель Шривиджайи по имени Дхармасету был одновременно представителем династии Шайлендров и возглавлял федерацию мандал, простиравшихся от севера Малаккского полуострова до Центральной Явы. Его трон унаследовал Санграмадхананджайя, носивший ещё имя Вишну, которое упоминается на недатированной стороне Б знаменитой Лигорской стелы[28] (с. 133–135).

Во-первых, то, что Дхармасету был правителем Шривиджайи, по существу,

не более чем гипотеза Н. Крома, поддержанная Ф. Босхом и Ж. Сёдесом. Он назван «отцом Тары» из Лунной династии (rājñaḥ somakulānvayasya mahatah çrīdharmasetoḥ sutā ...Tārāhvayā)[29], которую взял в жёны некий правитель Явы, на медной табличке из Наланды, изданной бенгальским царём Девапаладевой из династии Палов и датирующейся 850-м г. н.э. В других источниках он не упоминается. Нет никаких данных и о том, что династия Шривиджайи в VII–VIII вв. (если она вообще существовала как династия) считала себя наследницей лунной царской ветви. Ранние надписи на древнемалайском языке не дают оснований для такого вывода[30]. Тезис Роя Йордана (Jordaan) о том, что «существование Шайлендров на Суматре не было засвидетельствовано с точностью до XI века»[31], не опровергнут до сих пор. Интересно, что монографии Р. Йордана Мюно не знает (см. его библиографию на с. 373–379).

Впрочем, особенно явственны пробелы Мюно в знании источников и научной литературы по средневековой истории Явы. Так, реконструируя историю политии Матарам, он опирается на хорошо известную со времён Стюттерхейма надпись Мантьясих I, принадлежащую царю Балитунгу. В ней перечислены почитаемые им восемь предков. Мюно добавляет к ним ещё троих, известных по другим надписям. Однако в 1980-х гг. была обнаружена новая надпись Балитунга — Вануа Тенгах III, вызвавшая большую полемику между исследователями и содержащая иной список почитаемых предков: их тринадцать, некоторые из них названы иначе, чем в надписи Мантьясих I, и приводятся разные сведения об их правлении (достоверность этих данных нуждается в отдельном исследовании)[32]. И эту важную надпись Мюно вообще не знает[33]!

Раздел «Заключение о классическом периоде» касается преимущественно общих черт рассмотренных обществ и вопроса о причинах их вытеснения мусульманскими государствами в XV–XVI вв. (с. 307–311). Следующие части книги: «Добавления», «Словарь» (glossary), библиография и индекс — призваны дополнить картину классического индонезийско-малайского мира и облегчить чтение книги неспециалисту. В «Добавлениях» даётся общая характеристика индуизма и буддизма, источников по истории ЮВА изучаемой эпохи, социальной структуры и управления в восточнояванских царствах, храмовых комплексов Боробудура, Прамбанана и Пенатарана (с. 313–359).

Об ошибках Мюно можно смело писать целую книгу. Так, на с. 313 выясняется, что о каннибализме на Суматре первым упоминает Геродот! Правда, в каком именно месте его «Истории» можно встретить эти сведения, Мюно не указывает. Автор рецензируемой работы постоянно ошибается в определении языка изучаемых надписей. Так, он полагает, будто надпись из Каласана написана на санскрите и древнемалайском языке (с. 132). В действительности, она составлена целиком на санскрите, если не считать некоторых терминов из древнеяванского[34]. Знаменитая санскритская надпись из Во Каня (Vo Canh)[35] превратилась в первый документ на местном (vernacular) языке — древнечамском (Old Cham)! Мюно пишет о брахманах в надписях Мулавармана с Юго-Восточного Калимантана (с. 95), тогда как в них упоминаются только жрецы *viprah*[36]. Наш автор утверждает, что «в надписях Пурнавармана не упоминаются чиновники и брахманы» (с. 206), однако на с. 204 он цитирует надпись из Тугу с указанием санскритского текста, где чёрным по белому значится

“Brāhmaṇair” — «брахманами/с брахманами» (Instr. Pl.)[37]. Мюно почему-то убеждён, что Пурнаварман оставил «многочисленные надписи» (many inscriptions) (с. 104), хотя незначительность их корпусов надписей хорошо известна: Пурнаварман оставил максимум семь надписей, две из которых не читаемы[38]. Аналогичным образом, утверждение о многочисленности надписей Шривиджайи на с. 117 тоже неверно[39]. Мюно переводит надпись этой древнемалайской политии из Кедукан Букит: «В апреле 682 года царь оставил город на судах...» (On April 682 the king left the city with vessels...) (с. 124), в то время как в источнике говорится лишь: svasti çrīçakavarṣātīta 604 ekādaçīçuklapakṣa vulan vaiçākha dapunta hiyang nāyik di sāmvau maṇalap siddhayātra «Процветания! Удачи! В истекшем 604-м году (эры) Щака, в одиннадцатый день светлой половины месяца вайшакха (23 апреля 682 н.э.), божественный владыка поднялся на корабль для совершения сиддхаятры/удачного путешествия»[40] Никакого упоминания «города» в этом фрагменте нет[41].

Таким образом, монография Мюно представляет собой компиляцию не очень высокого качества, содержащую большое количество ошибок и очевидных искажений истории. Использовать её можно только с очень большой осторожностью.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Поль Мишель Мюно — гражданин Франции, бывший капитан торгового судна и судовой инженер, ныне проживающий в Сингапуре.
2. *Coedus G.* The Indianized States of Southeast Asia / Ed. by W.F. Vella, transl. by S. Brown Cowing. Honolulu, Hawaii: East-West Center Press, 1968.
3. *Мосяков Д.В., Тюрин В.А.* История Юго-Восточной Азии. М., 2004. С. 7–8.
4. *Wolters O.W.* History, Culture, and Region in Southeast Asian Perspectives. Singapore: Institute of Southeast Asian Studies, 1982 or 1999 (the 2nd ed.).
5. *Деопик Д.В., Членов М.А.* Топонимические детерминативы *куала* и *муара* как источник по этнической истории малайцев // Этнография имён. М., 1971. С. 223–233.
6. *Van Naerssen F.H., Jongh R.C. de.* The Economic and Administrative History of Early Indonesia. Leiden; Köln; Brill, 1977. P. 28.
7. *Кулланда С.В.* История древней Явы. М., 1992. С. 26–130.
8. Парадоксальным образом в разделах, посвящённых австронезийцам (с. 29–35), нет *ни одной* ссылки на источник, откуда Мюно заимствует то или иное положение, за единственным исключением указания на недавние генетические исследования Р. Шэ и Л. Квинтана Мюрси на с. 33.
9. *Mabbett I.W.* The “Indianization” of Southeast Asia: reflections on the prehistorical sources // Journal of Southeast Asian Studies., 1977. 8(1). P. 1–14; *Manguin P.-Y.* The Archaeology of the Early Maritime Polities of Southeast Asia // Southeast Asia: from Prehistory to History / Ed. by P. Bellwood, I.C. Glover. London, 2004. P. 282–313; *McKinnon E.* Buddhism and the Pre-Islamic Archaeology of Kutei in Mahakam Valley of East Kalimantan // Studies in Southeast Asian Art. Essays in Honor of Stanley O’Connor. N.Y., 2000. P. 217–240.
10. С.В. Кулланда в своих трудах писал о том же: новые термины позволяли обеспечить разрыв с традиционными общественными формами и сконструировать новое социальное пространство, где господствовали не родовые, а формальные отношения — государство. См.: *Кулланда*. Ук. соч. С. 124–127, особ. 125.

11. Понятие символического капитала тщательно разработано П. Бурдьё. См.: *Бурдьё П.* Практический смысл. СПб.; М., 2001. С. 219–237.
12. По-видимому, исключением был Вьетнам, оказавшийся слишком близко от централизующегося в эпоху Чжаньго и превратившегося в 221 г. в империю Цинь Китая. По крайней мере, уже в IV–III вв. до н.э. китайцы говорили о пяти местных политиях: Ванланге (Аулаке), Тэйау, Намвьете, Дайвьете и Донгвьете. См.: *Мосяков, Тюрин*. Ук. соч. С. 10.
13. Я уже писал об этом, хотя и очень кратко, в изложении теории Дж. Виссеман Кристи. См.: *Захаров А.О.* Политическая организация островных обществ Юго-Восточной Азии в раннем средневековье (V–VIII вв.): конструктивистский вариант. М., 2006. С. 87–88.
14. Некоторые исследователи предпочитают не использовать это понятие, считая его наследием колониальной эпохи, мыслители которой выражали посредством его идею зависимого развития стран ЮВА. Взамен предлагается с трудом переводимый на русский язык термин *"localization of Indian culture"*. См.: *Wolters*. Op. cit. P. 55 et al.; *Iyer A.* Prambanan: Sculpture and Dance in Ancient Java. A Study in Dance Iconography. Bangkok: White Lotus Press, 1998. P. 9. Cf.: *Reynolds C.* A New Look at Old Southeast Asia // Journal of Asian Studies. 1995. 54, 2 May. P. 432–433. Прямое заимствование слова «локализация» выглядит неудачным из-за отчётливо отрицательной коннотации «локализация очага болезни/ (вооружённого) конфликта»; тем самым локализация предполагает ограничение распространения явления, тогда как в случае с индийской культурой происходило нечто противоположное: различные её формы попадали в новую среду и, хотя видоизменялись, сохраняли устойчивое и различимое сходство с исходной традицией. Понимая всю условность использования этого термина, я рискну предложить следующий перевод английского термина: «*испомещение*» индийской культуры.
15. *Manguin*. Op. cit. London, 2004. P. 304–305.
16. *Wolters O.* Op. cit.; *Kulke H.* The Early and Imperial Kingdoms in Southeast Asian History // Southeast Asia in the 9th to 14th Centuries / ed. by D.G. Marr and A.C. Millner. Singapore, 1986. P. 1–22; *Kulke H.* Epigraphical References to the "City" and the "State" an Early Indonesia // Indonesia. Deel. 1991. 52. P. 3–22. О взглядах О. Уолтерса см.: *Захаров*. Ук. соч. С. 80–83; *Парникель Б.Б.* [Рец. на]: Wolters O. Op. cit. The 2nd edition. 1999. 272 p. // Нусантара. Юго-Восточная Азия. Вып. 3. СПб., 2002. С. 131–139.
17. Это заявление всецело на совести Мюно. Китайцы использовали термины *го (kuo)* и *чжоу (chou)*; первый означает «страну», но может трактоваться и как государство, царство, район и любой другой термин географическо-политического единства; второй же означает материк, остров «пространство, окружённое водой». См.: *Wolters O.* Restudying Some Chinese Writings on Sriwijaya // Indonesia. Deel. 1986. 42. P. 15–19.
18. Уолтерс предложил такое описание мандалы: «Карта ранней Юго-Восточной Азии, которая развивалась из доисторических сетей небольших поселений и обнаруживается в исторических документах, была лоскутным одеялом (*patchwork*) из часто перекрывающих [друг друга] *мандал*, или «кругов царств». В каждой из этих *мандал* один царь, отождествляемый с божественной и «вселенской» властью, провозглашал личную гегемонию над остальными правителями в его *мандале*, которые в теории были его покорными союзниками и вассалами... На практике, *мандала* (санскритский термин, используемый в пособиях по управлению) представляет особую (particular) и часто неустойчивую политическую ситуацию в неясно определимом географическом ареале без фиксированных границ и где

меньшие центры имеют склонность искать безопасности во всех направлениях. *Мандалы*, бывало, расширялись и сжимались в подобной концертино манере. Каждая из них включала несколько платящих дань (tributary) правителей, некоторые из которых, случалось, отказывались от своего вассального статуса, когда предоставлялась возможность, и пытались построить свои собственные сети вассалов. Только сюзерен (overlord) *мандалы* имел прерогативу приёма приносящих дань посланников; он сам посылал чиновников (officials), которые представляли его высший статус». См.: *Wolters*. Op. cit. P. 16–17.

19. Это неоэволюционистский постулат, до сих пор вызывающий жаркие дискуссии. См.: Альтернативные пути к государственности. М., 2000; The Early State, its Alternatives and Analogues. Volgograd, 2004; Раннее государство, его альтернативы и аналоги. Волгоград, 2006; *Алаев Л.Б.* История Востока. Первобытная эпоха. Древность. Средние века. Новое время. М., 2007.
20. *Kulke*. The Early and Imperial Kingdoms in Southeast Asian History...
21. *Kulke H.* Epigraphical References to the "City" and the "State" an Early Indonesia... P. 9–10. О предложенной Кульке в этой публикации теории политии *бхуми*, классическим примером которой он считает Шривиджайю, см.: *Захаров*. Ук. соч. С. 84–86; *Zakharov A.O.* Constructing the insular polities of Southeast Asia in the 5th–7th centuries A.D. // ПИФК. Вып. XVII. М.; Магнитогорск; Новосибирск, 2007. С. 270–285.
22. Словно бы желая увеличить трудности в построении непротиворечивой теории политических форм (а может быть, и не стремясь к ней), Мюно прибегает к понятию «города-государства» (с.76, 122), которое рядом исследователей, в первую очередь Могенсом Херманом Хансеном, превращено в почти универсальную стадию образования государства и культурного развития, а также к термину «гетерархия» по отношению к Шривиджайе (с. 121). Соотношение этих типов политической организации со схемой Кульке/Мюно остаётся неясным. Концепцию Хансена и его последователей см.: A Comparative Study of Thirty City-State Cultures. An Investigation Conducted by the Copenhagen Polis Centre / ed. by M.H. Hansen. Copenhagen: C.A. Reitzels Forlag, 2000. Мои взгляды на эту теорию изложены в рукописи "The city-state theory and Srivijaya" (2007), сданной в сборник "Pre-Modern Settlement Processes in Southeast Asia", издаваемый P.-Y. Manguin'ом и M. Charras. О гетерархии см. также: *Manguin P.-Y.* The amorphous nature of coastal polities in Insular Southeast Asia: Restricted centres, extended peripheries // Moussons. 2002. Iss. 5. P. 73–99.
23. О ней см.: *Захаров*. Ук. соч. С. 31–46.
24. О ней см.: *Захаров*. Ук. соч. С. 46–56.
25. Индия и окружающий мир в записках китайского паломника Фа Сяня / Пер. Н.В. Самозванцевой // История и культура древней Индии: Тексты / Сост. А.А. Вигасин. М., 1990. С. 299–352 (о посещении Фа Сянем страны «Ява» см. с. 349). Какой именно из островов ЮВА упоминается Фа Сянем, ведутся споры. С.В. Кулланда вслед за Р. Брэдделом (Braddell) полагает, что это Калимантан, хотя крупнейший историк традиционной ЮВА Ж. Сёдес думал, что это собственно Ява. Э. О. Берзин относил это свидетельство к Центральной Яве. См.: *Coedus*. Op. cit. P. 54; *Kullanda S.* Nushantara or Java? The acquisition of the Name // Indonesia and the Malay World. 2006. Vol. 34. № 98. March. P. 91–97; *Берзин Э.О.* Юго-Восточная Азия с древнейших времён до XIII века. М., 1995. С. 180. Выражаю глубокую благодарность С.В. Кулланде за предоставленный оттиск его работы. — *А.З.*
26. См.: *Берзин*. Ук. соч. С. 179–180.

27. Индия и окружающий мир в записках китайского паломника Фа Сяня... С. 349–350.
28. Sriwijaya: History, Religion & Language of an Early Malay Polity. Collected Studies by G. Coedès and L.-Ch. Damais. Kuala Lumpur, 1992. P. 24–25.
29. *Nilakanta Sastri K.A.* History of Sri Vijaya (Sir William Meyer Lectures, 1946–1947). Madras, 1949. P. 126–127.
30. Sriwijaya: History, Religion & Language of an Early Malay Polity... P. 41–92; *De Casparis J.C.* Prasasti Indonesia. Selected Inscriptions from the 7th to the 9th century A.D. Vol. II. Bandung, 1956. P. 15–46; *Boechari.* An Old Malay Inscription at Palas Pasemah (South Lampong) // Pra Seminar Penelitian Sriwijaya. Jakarta, 1978. Jakarta: Puslit Arkenas, 1979. P. 19–42; *Boechari.* New Investigations on the Kedukan Bukit Inscription // Pusat Penelitian Arkeologi Nasional, Untuk Bapak Guru. Persembahan para murid untuk memperingati Usia Genap 80 Tahun Prof. Dr. A.J. Bernet Kempers. Jakarta, 1986. P. 33–56.
31. *Jordaan R.E.* The Sailendras in Central Javanese History. A Survey of Research from 1950 to 1999. Yogyakarta, 1999. P. 5.
32. *Jordaan.* Op. cit. P. 29–30; *Wisseman Christie J.* Revisiting Early Mataram // Fruits of Inspiration. Studies in Honour of Prof. J.G. de Casparis, retired Professor of the Early History and Archaeology of South and Southeast Asia at the University of Leiden, the Netherlands, on the occasion of his 85th birthday / ed. by M.J. Klokke & K.R. van Kooij. Groningen, 2001. P. 25–55; *Sundberg J.* The State of Mataram: A Review of Recent Efforts To Clarify Its History // http://www.borobudur.tv/State_of_Old_Mataram.pdf (статья датирована 2001-м годом).
33. А Дж. Виссеман Кристи, автор множества работ по Яве, в его библиографии вообще не упоминается.
34. *Sarkar H.B.* Corpus of the Inscriptions of Java (Corpus Inscriptionum Javanicarum) (Up to 928 A.D.). Vol. I. Calcutta, 1971. P. 35–36. Фото надписи см.: *Bosch F.D.K.* De Inscriptie van Keloerak // Tiijdschrift voor Indische Taal-, Land- en Volkenkunde. Deel LXVIII. Batavia, 1928. Aflevering 1–2. Pl. II. Русский перевод см.: *Захаров.* Ук. соч. С. 116–122. Отмечу, что каталога Х.Б. Саркара Мюно тоже не знает (с. 373–379).
35. *Coedus.* Op. cit. P. 40, 278, n. 38 (библиография).
36. См.: *Захаров.* Ук. соч. С. 31–46.
37. См.: *Захаров.* Ук. соч. С. 49–50.
38. *Sarkar.* Op. cit. Vol. I. P. 1.
39. *Дорофеева Т.В.* История письменного малайского языка (VII — начала XX веков). М., 2001, с. 38–44
40. *Coedus G.* A Possible Interpretation of the Inscription at Kedukan Bukit (Palembang) // Malayan and Indonesian Studies. Essays presented to Sir Richard Winstedt on his 85th Birthday / ed. by J. Bastin & R. Roolvink. Oxford, 1964. P. 25.
41. В конце надписи есть загадочное выражение marvuat vanua, которое можно истолковать как «основал/воздвиг город», «создал страну», «сделал общину», «основал поселение» и т.п. (См.: *Coedus G.* Possible Interpretation... P. 25; *Boechari.* New Investigations... P. 35–36; *Парникель Б.Б.* Сривиджайская эпиграфика и проблема древнемалайской «буддийской литературы» // Буддизм и литература / отв. ред. Н.И. Никулин. М., 2003. С. 266 — пер. А.К. Оглоблина). Но даже в этом случае перевод Мюно попросту неверен.

А.О. Захаров.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

© 2008

Е.А. Молев

ИЗУЧЕНИЕ ИСТОРИИ РИМА В НИЖЕГОРОДСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ

Римская история является важной составной частью антиковедения. В отечественной исторической науке ей всегда уделялось пристальное внимание, и число научных школ, занимающихся изучением истории Рима и его провинций в нашей стране, растет не менее быстрыми темпами, чем за рубежом. Базой для одной их таких школ стал и Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского. Общий обзор научных исследований на исторической факультете ННГУ им. Н.И. Лобачевского дан в коллективной монографии, вышедшей в издательстве Нижегородского университета к 60-летнему юбилею факультета[1]. Данная статья посвящена одному из сравнительно новых направлений научных исследований на кафедре истории древнего мира и средних веков — изучению истории Древнего Рима.

Начало преподавания античной истории и культуры в Нижнем Новгороде связано с именем основателя исторического факультета в Нижегородском государственном университете *Сергея Ивановича Архангельского*. Хотя в дальнейшем он специализировался на исследовании проблем истории средних веков и раннего нового времени, им в 1920–30е гг. был написан и ряд работ и по античной истории. А опубликованная в Известиях Нижегородского университета статья о деятельности императора Диоклетиана[2] получила высокую оценку в отечественной историографии[3].

Начиная с рубежа 1960–70-х гг. исследования по истории Рима впервые становятся составной частью исторической науки в стенах Нижегородского университета. Это связано с приходом на кафедру всеобщей истории Маргариты Сергеевны Садовской. М.С. Садовская, выпускница ГГУ (1955), после окончания аспирантуры на кафедре истории древнего мира и средних веков Московского государственного педагогического института (1958 г.), где она занималась под руководством профессора В.Н. Дьякова историей римской провинции Британия, в течение двух лет работала на кафедре истории древнего мира Саратовского гос. университета, а в 1960 г. вернулась в Горьковский университет и до 1968 г. преподавала на кафедре истории СССР. Однако преподавание курсов отечественной истории не изменило сферы ее научных интересов, которые со студенческих лет находились в русле «римской античности». Итогом исследовательской работы, начатой еще в годы обучения в ГГУ и затем продолженной в аспирантуре, стала успешная защита кандидатской диссертации «Борьба брит-

тов против римского владычества в I — начале III вв. н.э.», которая состоялась в 1969 г. в МГПИ.

После защиты кандидатской диссертации она продолжала изучать римскую Британию[4], которая, находясь на периферии античного мира, долгое время оставалась и на периферии исследовательского интереса, причем не только в отечественной, но, в известной степени, и в английской исторической науке. Надо сказать, что обращение к истории римских провинций стало характерной чертой развития советской историографии в 1940-е — 1970-е гг. При этом основное внимание уделялось социально-экономическим структурам и борьбе провинциального населения против римского владычества, которая трактовалась, прежде всего, как классовое противостояние. В таком ключе были написаны и первые работы М.С. Садовской. Вместе с тем, исследуя уровень социально-экономического развития бриттов накануне римского завоевания, выясняя конкретные обстоятельства завоевательных акций римлян и подробно прослеживая все этапы и перипетии борьбы местных племен против римской оккупации, М.С. Садовская уделила первостепенное внимание проблеме романизации местного населения и обосновала вывод о том, что Британия — не только в силу своего периферийного положения, но, прежде всего, по причине упорного сопротивления британцев — оказалась наименее романизированной провинцией, что определило основные особенности ее положения в составе Империи[5]. М.С. Садовская, опираясь на комплексный анализ всей совокупности источников, подвергла аргументированной критике распространенные в западной, прежде всего английской, научной литературе (особенно в первой половине XX в.) модернизаторские, националистические и романоцентристские тенденции в изучении истории римской Британии[6]. Стоит подчеркнуть, что диссертационное исследования М.С. Садовской, в основном выполненное еще в конце 1950-х гг. и, к сожалению, только частично опубликованное в ряде статей, стало по сути дела первой в мировой науке работой, обобщившей все факты антиримских выступлений в Британии, и — с точки зрения комплексной постановки проблем, хронологических рамок, тщательности анализа отдельных сюжетов — в известной степени, превосходило труды британских историков по этой теме, появившиеся в первой половине 1960-х гг.[7]

В середине 1970-х — 1980-е гг. исследовательская работа М.С. Садовской сосредоточилась на двух главных направлениях, выбор которых отчасти был обусловлен общими тенденциями в мировом и отечественном антиковедении, выразившимися, помимо прочего, в более широком обращении к вопросам истории культуры, а отчасти интенсивным развитием археологических изысканий в Британии, которые предоставляли в распоряжение исследователей все более обильные и интересные материалы, в том числе и многочисленные надписи. Оставляя в стороне многие замечательные открытия памятников римского времени на территории Британии, укажем только на два фактора, которые, вне всякого сомнения, сыграли важнейшую роль в привлечении внимания исследователей к римской эпохе в ее истории в период 1960-х — 1970-х гг. Во-первых, это выход в свет фундаментального свода надписей римской Британии[8]. Во-вторых, открытие в начале 1970-х гг. уникального архива деревянных табличек рубежа I–II вв. н.э. в римском форте Виндоланда, которые

позволили во многом по-новому осветить различные стороны жизни римских военных, несших службу на валу Адриана, и их взаимоотношения с местным гражданским населением[9]. М.С. Садовская, естественно, не могла пройти мимо этих значимых научных событий. Откликом на них стали две работы М.С. Садовской, в которых она привлекала внимание отечественных специалистов к новым документальным источникам, по достоинству оценив их значение и новые возможности, открывающиеся для исследования военной, социальной и культурной истории Британии римского времени[10].

Именно эпиграфические памятники стали главной основой новых исследований М.С. Садовской, посвященных, с одной стороны, вопросам римского военного присутствия в Британии[11], а с другой — проблемам религии и культурного взаимодействия римлян и местного населения[12]. Среди важных положений, высказанных в исследованиях первой группы вопросов, отметим, в частности, интересную гипотезу о загадочной судьбе IX Испанского легиона: по убедительно аргументированному мнению М.С. Садовской, он был почти полностью уничтожен во время восстания племени бригантов в первые годы правления императора Адриана, и это стало одной из главных причин строительства Адрианова вала. Что касается второй группы проблем, то их исследование на основе британского материала позволило конкретизировать и подкрепить общие выводы, полученные на материалах из других провинций: романизация в области религии затронула главным образом высшие и средние слои туземного населения, оставаясь чуждой большинству бриттов, и являлась для местной элиты лишь средством проявления своей лояльности по отношению к Риму.

В целом представляется несомненным, что научная деятельность М.С. Садовской открыла новую страницу в отечественном антиковедении, разносторонне осветив важнейшие исторические события и процессы в одной из своеобразных провинций Римской империи, наметив направления дальнейших исследований по этой теме[13].

Следующим этапом в изучении истории Рима стала научная деятельность заведующего кафедрой истории древнего мира и средних веков (с 2005 г.) *Александра Валентиновича Махлаюка*. Выпускник историко-филологического факультета ГГУ (1984 г.), ученик М.С. Садовской, он работает на кафедре с 1989 г. После обучения в аспирантуре на кафедре истории древнего мира МГУ в 1995 г. защитил кандидатскую диссертацию «Некоторые ментальные аспекты корпоративности римской армии (I–III вв. н.э.)», подготовленную под руководством профессора В.И. Кузищина. Уже в этом диссертационном исследовании был поставлен ряд проблем, имеющих принципиальное значение для выяснения закономерностей и специфики функционирования военной организации Римской империи. К их числу относятся в первую очередь вопросы, связанные с особенностями армии как своеобразного социального организма, содержанием и характером системы ценностей, бытовавших в армейской среде. Углубленная разработка этой проблематики получила отражение в последующих работах А.В. Махлаюка[14].

Вместе с тем в ходе дальнейшего исследования темы, в результате расширения круга привлекаемых источников и изучения большого массива научной литературы, посвященной политическим, социальным, ментально-идеологиче-

ским и другим аспектам истории римской армии, обнаружилось немалое число слабо исследованных, дискуссионных или вовсе не поставленных проблем. Стало очевидным, что для того, чтобы изучать армию императорского Рима не как некую абстрактную структуру, но как субъект исторического процесса, своеобразный социальный организм и «продукт» самобытной цивилизации, в котором преломлялись ее фундаментальные характеристики и противоречия, необходимо главное внимание сосредоточить на тех социокультурных механизмах, благодаря которым военная организация принципата определенным образом структурировалась и воспроизводилась, взаимодействуя с другими государственными и общественными институтами, а воинское сообщество обретало собственную идентичность, свои сильные и слабые стороны в качестве активного агента политической и социальной жизни Римской империи. К таким механизмам относятся в первую очередь традиции, понимаемые как интегральное выражение разнообразного социально организованного опыта и стереотипов деятельности, и различные ментально-идеологические комплексы, определявшие ценностные ориентации, матрицы сознания и поведения военных людей. Иначе говоря, военную организацию Римской империи следовало рассмотреть как особый социально-политический, цивилизационный феномен, сквозь структуры повседневности и ментальности, включив военно-историческую проблематику в контекст изучения сущности и специфики принципата и античной цивилизации вообще. Такого рода комплексное исследование, основанное на наиболее адекватных для него методологических подходах и парадигмах, разрабатываемых в рамках новой социальной истории, исторической антропологии (включая в нее историю ментальностей и военно-историческую антропологию), а также с учетом моделей современной военной социологии и военной психологии, фактически отсутствовало в научной литературе — как отечественной, так и зарубежной.

Итогом работы А.В. Махлаюка в этом направлении стали исследования, опубликованные в конце 1990-х — начале 2000-х гг.[15] и обобщенные в докторской диссертации, защищенной в 2004 г., а также в написанной на основе диссертационного исследования монографии, которая вышла в свет в 2006 г.[16] В них военные традиции и соответствующие духовные феномены были рассмотрены в единстве неразрывно взаимосвязанных компонентов — социальном (включая и такой немаловажный аспект, как представления самих людей об общественных статусах и ролях), политическом, военно-этическом и религиозно-идеологическом, а также с точки зрения организации и практики высшего военного командования. Была показана сущностная изоморфность социальных и идеологических структур армии и соответствующих структур самой Римской империи, которые определялись дуализмом полисно-республиканских и имперско-монархических начал[17]. В силу этого же дуализма социальное бытие и мировосприятие римских воинов эпохи принципата носили амбивалентный характер, поскольку легионеры одновременно и противостояли гражданскому коллективу, и являлись его интегральной частью. Своеобразие и многие сильные стороны императорской армии обусловливались противоречивым сочетанием полисно-республиканских (гражданских) и профессионально-корпоративных начал, которое проявлялось, в частности, и в системе комплекто-

вания вооруженных сил Империи, и в социальном и правовом статусе военнослужащих[18]. По заключению А.В. Махлаюка, профессиональный характер императорской армии, своими истоками связанный с традиционным римским отношением к военному делу, успешно сочетался с гражданско-общинными по своей сути принципами комплектования легионов, и легионеры эпохи Империи могут рассматриваться как особая часть римского гражданства, а не как простые наемники.

Как показывает далее автор, этими моментами в значительной степени определялась и особая, в высшей степени неоднозначная, политическая роль вооруженных сил в Римском государстве. Она была рассмотрена с точки зрения таких наиболее значимых и специфических форм участия войска в политике, как воинская сходка, солдатский мятеж и войсковая клиентела[19]. В работах А.В. Махлаюка впервые была дана целостная характеристика римской системы военно-этических ценностей с точки зрения ее корреляции с основополагающими аксиологическими представлениями римлян, ключевыми организационно-правовыми установлениями и профессионально-корпоративными элементами в сознании римских военных. При этом специальное внимание было обращено на неразрывную взаимосвязь военно-этических идеалов и реального воинского этоса солдат императорской армии с сакральными представлениями и различными религиозно-культовыми практиками, ведущее место среди которых занимали те, что относились к почитанию военных знамен и штандартов[20].

Еще один важный предмет исследования составил комплекс представлений, социокультурных и практических установок, относящихся к сфере осуществления военного командования. Анализируя их в историко-антропологическом ракурсе, А.В. Махлаюк предлагает оригинальную трактовку таких крупных проблем, как образ идеального римского полководца, профессиональная компетентность и дилетантизм римских военачальников, принципы отбора и назначения высших командных кадров, характер их теоретической и практической подготовки, роль личного примера и ораторского искусства в деятельности полководца, модели поведения военачальника в различных ситуациях[21]. Все эти вопросы, безусловно, имеют самое непосредственное отношение не только к характеристике военных институтов Империи, но и к пониманию специфики римской государственности в эпоху принципата, содержания и особенностей потестарной идеологии Древнего Рима в целом. Ясно, однако, что на данном исследовательском поле остается еще немало нерешенных проблем, работа над которыми продолжается.

Кроме того, А.В. Махлаюк, по сути дела, впервые в российской историографии обратился и к изучению римского военного права, рассмотрев, в частности, комплекс вопросов, касающихся специфики правового положения и привилегий военнослужащих в период Римской империи[22].

Историко-правовая проблематика получила отражение в учебном пособии, подготовленном в сотрудничестве ННГУ, МГУ, Ярославского гос. университета и Нижегородского гос. лингвистического университета[23]. Ответственным редактором этого издания был А.В. Махлаюк.

Концептуальные выводы и конкретные наблюдения, касающиеся традиций, идеологии и ментальности римской императорской армии, нашли отражение и

в научно-популярной книге «Римские войны. Под знаком Марса», написанной А.В. Махлаюком, в которой дается целостное освещение основных этапов и событий военной истории Древнего Рима вплоть до конца II н.э., организации, тактики и внутренней жизни римской армии, нарисованы яркие портреты выдающихся римских полководцев[24].

В целом же надо отметить, что фундаментальная разработка названных проблем, выполненная в русле новых подходов, является одновременно отражением магистральных тенденций развития современного антиковедния и весомым вкладом в само это развитие, и А.В. Махлаюк по праву считается одним из ведущих российских специалистов по истории Древнего Рима.

Одной из важнейших сфер деятельности любого настоящего ученого является организационная работа и подготовка учеников. В этом отношении А.В. Махлаюк занимает одно из ведущих мест на историческом факультете. Как заведующий кафедрой он активно поддержал заложенную его предшественниками традицию изучения древних языков на кафедре. Под его руководством коллективом преподавателей и аспирантов осуществляется перевод «Римской истории» Диона Кассия. В 2007 г. получен грант РГНФ на выполнение этой работы («"Римская история" Диона Кассия как памятник исторической мысли эпохи позднего принципата: перевод с древнегреческого, научный комментарий, исследования», проект № 07-01-00047а). В настоящее время опубликованы переводы отдельных частей этого памятника и ряд статей, посвященных источниковедческому и историческому анализу труда Диона Кассия[25], и принята в печать в качестве отдельной книги первая часть выполненных переводов (книги LI–LXIV).

По тематике исследований А.В. Махлаюка защитил кандидатскую диссертацию его аспирант К.В. Марков[26]. Рекомендована кафедрой к защите докторская диссертация доцента кафедры Н.Ю. Сивкиной. Как один из важных показателей умения работать со своими учениками А.В. Махлаюка стоит отметить, что его выпускник А.В. Негин, только что поступивший в аспирантуру, уже подготовил к печати две монографии, которые выходят в свет в 2008 г. в двух санкт-петербургских издательствах[27]. В настоящее время А.В. Махлаюк руководит работой двух аспирантов, которые, несомненно, успешно выполнят свои работы и станут продолжателями научных исследований своего учителя. Все это позволяет говорить о том, что в стенах исторического факультета Нижегородского университета сформировалась своя школа исследований по истории Древнего Рима и его провинций.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Историческая наука в Нижегородском государственном университете им Н.И. Лобачевского (1946-2006 гг.). Нижний Новгород, 2006. 273 с.
2. *Архангельский С.И.* Указ Диоклетиана о таксах // Известия Нижегородского государственного университета. Нижний Новгород, 1928. № 2. С. 365–401.
3. СИЭ. Т. 5. 1964. С. 223.
4. В данной части нашего очерка мы в значительной мере основываемся на материале статьи С.А. Доманиной и А.В. Хазиной: *Доманина С.А., Хазина А.В.* Изучение истории римской Британии в г. Горьком (Нижнем Новгороде) // XII чтения

памяти профессора Сергея Ивановича Архангельского: Материалы международной научной конференции. Нижний Новгород, 2001. С. 45–51.

5. *Садовская М.С.* Романизация провинции Британия (I–II вв. н.э.) // Ученые записки МГПИ им. В.И. Ленина. Из истории древнего Рима. М., 1960. С. 61–79; *она же.* Экономика и социальные отношения у бриттов накануне походов Цезаря в 55–54 гг. до н.э. // Научные доклады высшей школы. Серия Исторические науки. М., 1961. № 4. С. 205–214; *она же.* Борьба бриттов против римского владычества в I — начале III в.н.э.: Автореф. ... дисс. к. и. н. М., 1968; *она же.* Походы Цезаря в Британию // ИИАО. Вып. 1. Горький, 1975. С. 83–98.
6. Подробный обзор истории изучения римской Британии и критический анализ новейшей исследовательской литературы были даны М.С. Садовской в ее статье: Вопросы истории римской Британии в английской исторической литературе // ВДИ. 1973. № 3. С. 217–230.
7. В том числе и такие ставшие основополагающими работы, как: *Dudley D.R., Webster G.* The Rebellion of Boudicca. L., 1962; *idem.* The Roman Conquest of Britain. L., 1965; *Frere Sh.* Britannia. A History of Roman Britain. L., 1967.
8. *Collingwood R.G., Wright R.* Roman Inscriptions of Britain. Vol. 1. Oxford, 1965.
9. См., в частности: *Bowman A.K.* Roman Military Records from Vindolanda // Britannia. 1974. Vol. 5. P. 360–373; *Bowman A.K., Thomas J.D.* The Vindolanda Writing Tablets and their Significance: An Interim Report // Historia. 1975. Bd 24. Ht 3. P. 463–478; *iidem.* The Vindolanda Writing Tablets. Newcastle upon Tyne, 1974; *Birley R.* Vindolanda: A Roman frontier post on Hadrian's Wall. L., 1977. В последующие годы, благодаря новым успешным раскопкам, пополнение коллекции этих документов продолжилось, были подготовлены и вышли в свет их научные публикации и посвященные им специальные исследования. См., например: *Bowman A.K.* Life and Letters on the Roman Frontier: Vindolanda and its People. L., 1994; *Adams J.N.* The Language of the Vindolanda Writing Tablets: An Interim Report // Journal of Roman Studies. 1995. Vol. 85. P. 86–134.
10. *Садовская М.С.* Надписи римской Британии // ВДИ. 1975. № 3. С. 204–206; *она же.* Римский форт Виндоланда // ИИАО. Вып. 5. Горький, 1988. С. 71–81.
11. *Садовская М.С.* Дислокация и этнический состав римских войн на территории вала Адриана в Британии // ИИАО. Вып. 1. Горький, 1975. С. 98–115; *она же.* IX Испанский легион в Британии // ИИАО. Вып. 2. Горький, 1979. С. 65–85.
12. *Садовская М.С.* Восточные культы в римской Британии // ИИАО. Вып. 3. Горький, 1983. С. 72–83; *она же.* Культ императора в римской Британии // Страны Средиземноморья в античную и средневековую эпохи. Горький, 1985. С. 69–95; *она же.* Тиберий Клавдий Когидубн (К вопросу о романизации Британии) // ИИАО. Вып. 4. Горький, 1986. С. 78–91; *она же.* Римская колония Камулодун. К вопросу о романизации Британии в I в.н.э. // ИИАО. Вып. 6. Нижний Новгород, 1991. С. 75–85.
13. Исследования в этих направлениях были продолжены некоторыми учениками М.С. Садовской. См., в частности: *Махлаюк А.В.* Проблемы Романо-британского стиля в искусстве. Горький, 1986. Деп. в ИНИОН АН СССР, № 24296. 42 с.; *Доманина С.А.* Религиозно-политические процессы в Галлии и Британии в период Ранней империи: Автореф. дисс. ... к.и.н. Н. Новгород, 1998; *она же.* К вопросу о роли друидов в восстании Боудикки // Проблемы британской истории и наследие С.И. Архангельского (тезисы докладов межвузовской конференции 13 февраля 1999 г.). Нижний Новгород, 1999. С. 15–17.
14. *Махлаюк А.В.* Воинское товарищество и корпоративность римской императорской армии // ВДИ. 1996. № 1. С. 18–37; *он же.* «Религия и любовь к знаменам».

К вопросу о культе знамен в римской армии // Боспор и античный мир. Нижний Новгород, 1997. С. 167–180; *он же*. «Между заискиванием и суровостью». О некоторых аспектах римской воинской дисциплины // ВДИ. 1998. № 1. С. 286–300.

15. Прежде всего см. монографию: *Махлаюк А.В.* Армия Римской империи. Очерки традиций и ментальности. Нижний Новгород, 2000.
16. *Махлаюк А.В.* Солдаты Римской империи. Традиции военной службы и воинская ментальность. СПб., 2006.
17. В частности, см.: *Махлаюк А.В.* Армия Римской империи. С. 29–56 (глава « Образ римского воина в античной литературе и проблемы изучения солдатской ментальности»), а также: *Махлаюк А.В.* Военная организация Рима в оценке греческих авторов и вопрос о своеобразии римской цивилизации // Сравнительное изучение цивилизации мира (междисциплинарный подход). Сб. статей. М., 2000; *он же*. Процесс «варваризации» римской армии в оценке античных авторов // Античный мир и археология. Вып. 11. Саратов, 2002. С. 123–129.
18. *Махлаюк А.В.* Полисная идеология и система комплектования римской императорской армии // Античный мир: Материалы науч. конф. Белгород, 1999. С. 45–54; *он же*. Дихотомия civis — miles в Риме позднереспубликанского и императорского времени // Вестник ННГУ. Сер. История. 2003. Вып. 2. С. 5–27.
19. *Махлаюк А.В.* Воинская сходка (contio) в жизни римской армии и политическом механизме Римской империи // Власть, человек и общество в античном мире. М., 1997. С. 131–141; *он же*. Auctor seditionis. К характеристике военного мятежа в Древнем Риме // Право в средневековом мире. Вып. 2–3 / Сб. ст. СПб., 2001. С. 290–308; *он же*. Войсковая клиентела в позднереспубликанском и раннеимперском Риме // ВДИ. 2005. № 3. С. 36–57.
20. *Махлаюк А.В.* «Состязание в доблести» в контексте римских военных традиций // Из истории античного общества. Вып. 6. Нижний Новгород, 1999. С. 64–81; *он же*. Religio castrensis и воинский этос в армии императорского Рима // Studia historica. Vol. III. М., 2003. С. 109–133.
21. См.: *Махлаюк А.В.* «Стратегикос» Онасандра и идеология военного лидерства в Древнем Риме // Проблемы антиковедения и медиевистики (к 25-летию кафедры истории древнего мира и средних веков в Нижегородском университете): Межвуз. сб. науч. тр. Нижний Новгород, 1999. С. 29–35; *он же*. Nobilitas ducis в римской идеологии военного лидерства // Из истории античного общества. Вып. 7. Нижний Новгород, 2001. С. 75–89; *он же*. Римский полководец в общественном мнении солдат // XII чтения памяти проф. С.И. Архангельского: Материалы междунар. науч. конф. Нижний Новгород, 2001. С. 74–82; *он же*. Модель идеального полководца в речи Цицерона «О предоставлении империя Гн. Помпею» // Акра. Сб. науч. трудов. Нижний Новгород, 2002. С. 96–109; *он же*. Scientia rei militaris (К вопросу о «профессонализме» высших военачальников римской армии) // Вестник ННГУ. Серия История. Нижний Новгород, 2002. Вып. 1. С. 13–31; *он же*. Военные упражнения, воинская выучка и virtus полководца // Из истории античного общества. Вып. 8. Нижний Новгород, 2003. С. 61–74; *он же*. Роль ораторского искусства полководца в идеологии и практике военного лидерства в Древнем Риме // ВДИ. 2004. № 1. С. 31–48; *он же*. Идеология военного лидерства в Древнем Риме (к постановке проблемы) // Военно-историческая антропология. Ежегодник, 2003/2004. Новые научные направления. М., 2005. С. 31–47; *он же*. Интеллектуальные качества полководца в римской идеологии военного лидерства // Из истории античного общества: Сборник научных трудов. Выпуск 9–10. К 60-летию профессора Евгения Александровича Молева. Нижний Новгород, 2007. С. 298–311; *он же*. «Мольбы и слезы» полководца (к семантике солдат-

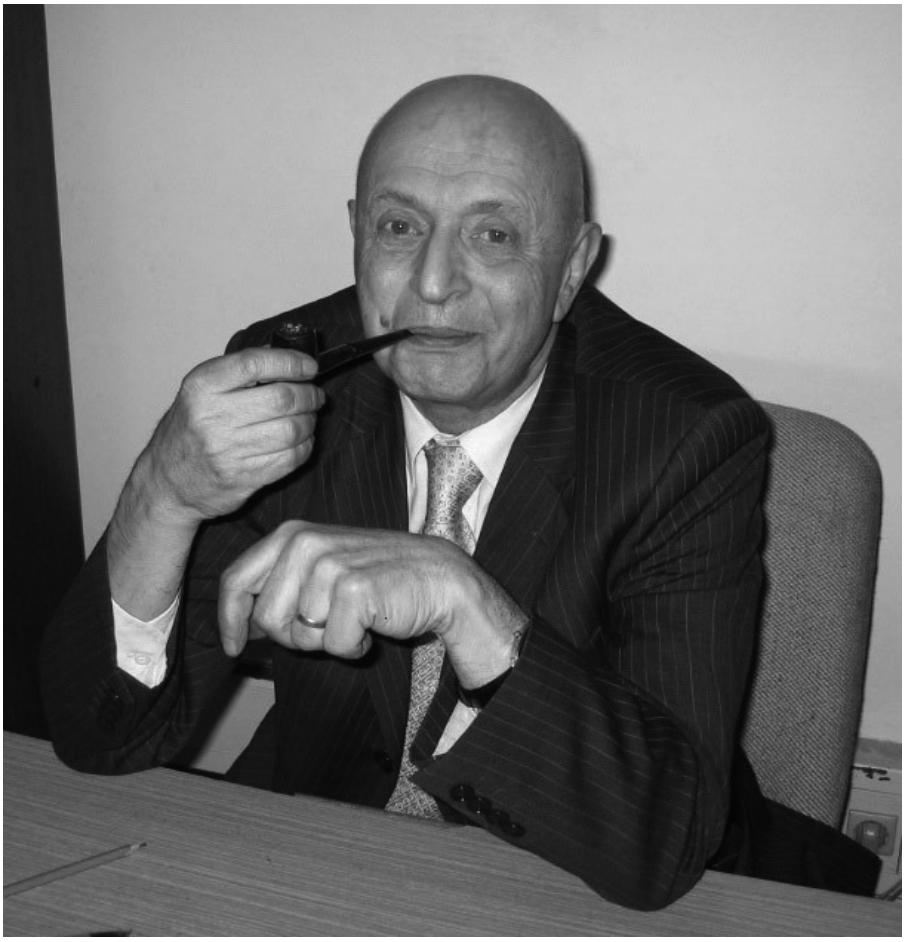
ского мятежа в Древнем Риме) // Материалы Всероссийской научной конференции «X Чтения памяти профессора Николая Петровича Соколова». Нижний Новгород, 17–18 ноября 2006 г. / Под ред. А.В. Махлаюка. Нижний Новгород, 2007. С. 81–88.

22. *Махлаюк А.В.* Seditio militum в римском военном праве // VII чтения памяти профессора Н.П. Соколова. Нижний Новгород, 2000. С. 41–45; *он же.* Реалии профессиональной армии и творчество римских юристов // Социальное творчество и культурные коммуникации в прошлом и настоящем. Творчество Н.А. Добролюбова и его современников / Под ред. В.М. Строгецкого. Нижний Новгород, 2005. С. 60–67; *он же.* Римское право и профессия воина // История древних цивилизаций. Государство и право Древнего Рима: Учебно-методическое пособие. Вып. 1 / Под общ. ред. В.И. Кузищина; отв. ред. выпуска А.В. Махлаюк. Нижний Новгород, 2006. С. 213–244; Подвластный сын на военной службе: patria potestas, peculium castrense и социальный статус легионеров в эпоху Империи // ВДИ. 2007. № 1. С. 130–142.
23. История древних цивилизаций. Государство и право Древнего Рима: Учебно-методическое пособие. Вып. 1 / Под общ. ред. В. И. Кузищина; отв. ред. выпуска А.В. Махлаюк. Нижний Новгород, 2006.
24. *Махлаюк А.В.* Римские войны. Под знаком Марса. М., 2003 (доп. тиражи 2004, 2005 гг.).
25. Дион Кассий Коккейян. Римская история. Книга 59, 1–30 // Из истории античного общества: Межвуз. сб. Вып. 6. Нижний Новгород, 1999. С. 64–81; Дион Кассий Коккейян. Римская история. Книга 60, 1–35 // Из истории античного общества: Межвуз. сб. Вып. 7. Нижний Новгород, 2001. С. 205–244; Дион Кассий Коккейян. «Римская история». Эпитома 61-й книги // Из истории античного общества: Межвуз. сб. Вып. 8. Нижний Новгород, 2003. С. 192–208; Дион Кассий Коккейян. «Римская история». Эпитома LXII книги // ANTIQUITAS AETERNA. Поволжский антиковедческий журнал: Вып. 2: Война, армия и военное дело в античном мире. Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 2007. С. 424–444; Дион Кассий Коккейан. «Римская история». Книга LII. Перевод с древнегреческого, комментарии и общая редакция // ВДИ. 2008. № 2–3; Дион Кассий Коккейан. «Римская история». Автобиографические фрагменты и свидетельства. Перевод с древнегреческого, вступит. статья и комментарий // Из истории античного общества: Сб. науч. трудов. Вып. 11. Нижний Новгород, 2008. С. 235–266 *Марков К.В., Махлаюк А.В.* Прошлое и современность в «Римской истории» Кассия Диона // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2007. № 6. С. 185–189; *они же.* Историк и вызовы современности: «Римская история» Диона Кассия как памятник исторической и политической мысли III в. н.э. // ВДИ. 2008. № 2. С. 38–56; *Марков К.В.* Политические взгляды и культурная идентичность Диона Кассия в контексте «греческого возрождения» // Вестник ННГУ. Сер. История. 2006. Вып. 1(5). С. 13–22; *он же.* К вопросу о хронологии работы Диона Кассия над «Римской историей» // ВДИ. 2008. № 2. С. 142–154; *он же.* Речь Агриппы (Dio Cass. LII. 1–13): риторика и идеология // Из истории античного общества: Сб. науч. трудов. Вып. 11. Нижний Новгород, 2008. С. 134–153.
26. *Марков К.В.* Концепция идеальной монархии в «Римской истории» Диона Кассия: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Нижний Новгород, 2007.
27. *Негин А.Е.* Римское церемониальное и турнирное вооружение. СПб., 2008; *он же.* Римские шлемы: с древнейших времен до падения Западной Римской империи. СПб., 2008.

STUDYING HISTORY OF ROME AT NIZHNII NOVGOROD UNIVERSITY

E.A. Molev

Roman history is the important component of Antique Science. Home historical science has always placed high emphasis and number of the scientific schools engaged in studying history of Rome and its provinces in our country, grows at a more rapid pace, than abroad. The base of one of the schools came to be N.I. Lobachevsky state university in Nizhnii Novgorod. The article is devoted to rather a new direction of scientific researches at the faculty of ancient history and Middle Ages — history of Ancient Rome.



ГРИГОРИЙ МАКСИМОВИЧ БОНГАРД-ЛЕВИН
(1933-2008)

30 сентября в Париже на 76-ом году жизни после тяжелой болезни ушел из жизни академик РАН Григорий Максимович Бонгард-Левин.

Григорий Максимович родился 26 августа 1933 г. в Москве. Окончил исторический факультет МГУ в 1956 г. Выдающийся ученый начал свою научную карьеру трудами по истории и культуре Индии. Младший, старший научный сотрудник, зав. сектором (1956-1987). Главный научный сотрудник Института востоковедения РАН (1987). Зав. кафедрой истории Южной Азии ИСАА при МГУ. Член-корреспондент с 1981 г., академик РАН с 1990 г. (Отделение историко-филологических наук).

Долгие годы Григорий Максимович являлся научным руководителем Центра сравнительного исследования древних цивилизаций ИВИ РАН, главным редактором журнала "Вестник древней истории". Григорий Максимович был избран членом Национального комитета историков, членом Французской Академии искусств и изящной словесности, Королевской Шведской Академии истории, литературы и древностей, членом-корреспондентом Итальянского Института Азии и Африки (ISMEO).

Лауреат интернациональной премии Святого Марка, Венеция (1990), Кавалер Ордена искусств и изящной словесности, Кавалер Ордена Почётного легиона (Франция).

С 2005 года академик Григорий Максимович Бонгард-Левин был председателем редакционного совета журнала "Проблемы истории, филологии, культуры"

Редакционный совет и Редакционная коллегия, друзья, коллеги, ученики глубоко скорбят по поводу смерти великого ученого и замечательного человека. В память выдающегося научного деятеля планируется специальный выпуск нашего журнала "Проблемы истории, филологии, культуры".

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ААКК	—	Архивное агентство администрации Краснодарского края
АМА	—	Античный мир и археология. Саратов
АХНКМ	—	Архив Хакасского национального краеведческого музея им. Л.Р. Кызласова
ВДИ	—	Вестник древней истории
ВИ	—	Вопросы истории
ВЛ	—	Вопросы литературы
ВФ	—	Вопросы философии
ГАОО	—	Государственный архив Оренбургской области
ГАПО	—	Государственный архив Пензенской области
ГАРФ	—	Государственный архив Российской Федерации
Корпус	—	Национальный корпус русского языка
КСИА	—	Краткие сообщения института археологии
МАИЭТ	—	Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии.
МАС	—	Словарь русского языка: В 4 т. 4-е изд., стереотип. М., 1999.
МАЭ	—	Музей антропологии и этнографии
МГА	—	Магнитогорский государственный архив
МИА	—	Материалы и исследования по археологии СССР
НАА	—	Национальный архив Армении
НА ИИМК	—	Научный архив Института истории материальной культуры
ОГАЧО	—	Объединенный государственный архив Челябинской области
ОЕВ	—	Оренбургские епархиальные вести
ПИФК	—	Проблемы истории, филологии и культуры. Москва-Магнитогорск-Новосибирск
РА	—	Российская археология
РГАЛИ	—	Российский государственный архив Литературы и искусства
РГАСПИ	—	Российский государственный архив социально-политической истории
РГВИА	—	Российский государственный военно-исторический архив
СА	—	Советская археология
ССА	—	Абрамов Н. Словарь русских синонимов и сходных по смыслу выражений: Около 5 000 синонимических рядов. Более 20 000 синонимов. 7-е изд., стереотип. М., 1999.
СЭ	—	Советская этнография
ТЛТ	—	Текстовая лексическая тема
ТФ	—	Текстовый фрагмент
УСК	—	Устойчивые словесные комплексы
ФА ОмГПУ	—	Фольклорный архив кафедры русской и зарубежной литературы Омского государственного педагогического университета
ЦАННО	—	Центральный архив Нижегородской области.
ЦДООСО	—	Центр документации общественных организаций Свердловской области
ЭО	—	Этнографическое обозрение

ANS MN	—	American Numismatic Society Museum Notes. New York.
ANS NS	—	American Numismatic Society Numismatic Studies. New York.
BAR	—	British Archaeological Reports
IGCH	—	Thompson M., Mørkholm O., Kraay C.M. An Inventory of Greek Coin Hoards. New York, 1973.

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ

ИСТОРИЯ ДРЕВНЕГО МИРА И АРХЕОЛОГИЯ

ДРЕВНЯЯ ГРЕЦИЯ И РИМ

Клейменов А.А. (Тула) — Снабжение македонской армии провиантом, пресной водой и фуражом во время Восточного похода 3
Абрамзон М.Г. (Магнитогорск), *Фролова Н.А.* (Москва) — Две гуппы македонских тетрадрахм римского времени из собрания Государственного исторического музея 17
Бибарсова Ю.А. (Магнитогорск) — Малоазийская клиентела Помпея в гражданской войне 49–47 гг. до н.э. 28
Куликова Е.В. (Москва) — Восковые фигуры императоров в церемонии апофеоза 37
Соловьянов Н.И. (Красноярск) — О специфике римского военного присутствия и культах армии в африканских владениях 54

БОСПОР

Панкратова Е.Г. (Санкт-Петербург) — Сармато-аланский погребальный комплекс Восточного некрополя Фанагории из раскопок И.Е. Забелина 1870 г.. 64
Ярцев С.В. (Тула) — Последний морской поход меотийских варваров 69

ДРЕВНИЙ ВОСТОК

Кошеленко Г.А., Гаибов В.А. (Москва) — Бактрийский царь в кочевнической трактовке 86

ПЛЕМЕННОЙ МИР

Берсенева Н.А. (Челябинск) — Гендерный символизм в детских погребениях синташтинской культуры 99
Кореневский С.Н., Резепкин А.Д. (Москва) — Радиокарбонная хронология памятников круга Майкопского кургана и Новосвободненских гробниц 109
Безруков А.В. (Магнитогорск) — Торгово-экономические связи Волго-Камья по данным письменных и археологических источников (VI в. до н.э. — VII в. н.э.) 127

ИСТОРИЯ РОССИИ

Курмаев М.В. (Самара) — Генерал-лейтенант А.Н. Астафьев и его коллекции. 137
Шаповалова И.В. (Белгород) — Мелкопоместное землевладение и землепользование В Центральном Черноземье в 60–90-е гг. XIX века. 145
Коршунова Н.В. (Челябинск) — Экономические реформы в России в первые десятилетия XIX в. 155
Бобылев Д.В. (Челябинск) — Влияние военной реформы Д.А.Милютина на подготовку казачьих офицерских кадров во второй половине XIX века 163
Толчев И.А. (Челябинск) — Некоторые теоретические аспекты взаимоотношений государства и церкви в русской истории 172
Федоров Н.С. (Магнитогорск) — Южноуральские монахи и «часовенное» старообрядчество во второй половине XIX — начале XX века 181

Сапон В.П. (Нижний Новгород) — «Общины просветленных» (Анархисты о политических и духовных процессах в России после октября 1917 года) 187
Степанянц С.М. (Старый Оскол) — К истории русского казачества в Армении 190
Худобородов А.Л., Фишер И.А. (Челябинск) — Донской казачий хор под управлением С.А. Жарова в оценке эмигрантской и иностранной прессы 196
Солодова В.В. (Троицк) — Культурно-просветительная работа среди национальных меньшинств (1917–1930-е годы) 203
Митрохин В.А. (Саратов) — «Эмигрантские фонды» ГАРФ как источник в исследовании Русского зарубежья 20–30-х гг. XX века 209
Митрохин В.А. (Саратов) — Некоторые вопросы исследования русской эмиграции «первой волны» в начале 2000-х гг. 216
Стародубова О.Ю. (Магнитогорск) — Литературный процесс 1930-х годов как средство формирования и пропаганды образа первой мировой войны 223
Макарова Н.Н. (Магнитогорск) — Из истории повседневной жизни советского города: досуг магнитогорцев (1929–1935) 232
Анашкин Э.Н. (Челябинск) — Деятельность советского государства по реформированию высшей школы в период с 1928 по 1934 гг. (по материалам Уральской области) 244
Колдомасов И.О. (Магнитогорск) — Советский дипломатический корпус и его деятельность в рамках антигитлеровской коалиции в годы Великой Отечественной войны 250
Михайловская О.Ф. (Троицк) — Деятельность профсоюзов по улучшению условий труда и снижению производственного травматизма на предприятиях Челябинской области (60-е годы XX века) 264
Голубева О.А. (Магнитогорск) — Из истории развития туризма на южном урале в 60–80-х годах XX в. 272
Григорьева Н.А. (Москва) — История государственной политики в области гражданского образования в отечественной историографии 1950-х — 2000-х гг. 278

ФИЛОЛОГИЯ

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Рудакова С.В. (Магнитогорск) — Своеобразие жанра элегии в раннем творчестве Е.А. Боратынского 291
Рудакова С.В. (Магнитогорск) — Пространственно-временная организация книги «Сумерки» Е.А. Боратынского 299
Кастарнова А.С. (Москва) — «Демон грозный в тельце малом...» (о трех стихотворениях М.С. Петровых начала 1930-х годов) 310
Тиманова О.И. (Санкт-Петербург) — Жанры календарной словесности и русская литературная сказка XIX века 315
Пустовойтова О.В. (Магнитогорск) — Мир повседневности в художественном сознании И.А. Бунина 330
Зайцева Т.Б. (Магнитогорск) — «Этический» и «эстетический» способы существования в повести А.П. Чехова «Моя жизнь» 336
Дерина Н.В. (Магнитогорск) — Идеи равновесия и синтеза в творчестве Н. Гумилева и в поэзии английского романтизма. 349
Севастьянова В.С. (Магнитогорск) — Не-бытие в «Петербурге» А. Белого 357
Котукова Е.Ю. (Магнитогорск) — Образ воздушного пути в ранних прозаических произведениях Б. Пастернака 368
Якунина И.А. (Магнитогорск) — Автор и герой в прозе А.Битова 1960-х годов 375
Макарова Е.В. (Магнитогорск) — Драматургия Э. Булвер-Литтона в период романтизма . . . 382
Перфильева З.Е. (Оренбург) — Иррациональное в трагедии Г.Э. Лессинга «Эмилия Галотти». Искусство диалога 389
Матвеева А.С. (Магнитогорск) — Пространство ребенка в романах Ч.Диккенса 394
Егорова Л.В. (Вологда) — Покаянные псалмы сэра Томаса Уайета 401

Рожкова А.А. (Магнитогорск) — «Случайная любовь» Симоны де Бовуар как попытка трансценденции (на материале «Correspondance croisée 1937–1940») 404
Исхакова Л.И. (Магнитогорск) — Концепт «свой — чужой» и образ России в романах Джеймса Мориера 409
Ломакина Е.А. (Магнитогорск) — «Век-маскарад» и эпоха самоидентификации в масках пьес У. Уичерли и Дж. Ванбру. 414
Овчарова С.В. (Магнитогорск) — Миф и архетип в творчестве Ф. Фюмана 422
Акашева Т.В. (Магнитогорск) — О роли литературы в разрушении мифов современного общества
(на примере ранней прозы Э. Елинек) 429
Постникова Е.Г. (Магнитогорск) — Явление современной мифологии в общественно-публицистическом дискурсе эпохи Великих реформ 434
Богач Е.С. (Магнитогорск) — К вопросу о сущности искусства в младосимволизме и акмеизме. 447

ЛИНГВИСТИКА

Темникова И.М. (Магнитогорск) — Прецедентные тексты с умолчанием в позиции заголовка (на примере периодической печати) 454
Ваулина Т.Л. (Магнитогорск) — К вопросу о разграничении присоединения и парцелляции . 458
Юрьева И.А. (Магнитогорск) — Концепт РОССИЯ как фрагмент русской национальной картины мира: (К вопросу о выявлении путей трансформации концепта) 464
Борисова Е.Б. (Самара) — Лингвопоэтический анализ художественного текста: история, методология и методика исследования 470
Арапов О.А. (Магнитогорск) — Устойчивые словесные комплексы библейского и фольклорного происхождения как особые единицы языка духовного фольклора 477
Беляева И.С. (Москва) — Способы выражения значения внутреннего состояния субъекта в арабском языке и их соответствия в русском 480

КУЛЬТУРА

ЭТНОЛОГИЯ

Корусенко С.Н. (Омск) — Сибирские бухарцы: динамика численности и расселение (XVII–XX вв.) 485
Дмитриев С.В. (Санкт-Петербург) — Материалы комиссии Ф.К.Гирса (1866 г.) по традиционным промыслам и ремеслам казахов 492
Бадмаев А.А. (Новосибирск) — Мужская одежда бурят в конце XIX — начале XX в. региональный аспект типологии 505
Баранцева Н.А. (Абакан) — Этносоциальные процессы среди эстонского населения юга Средней сибири во второй половине XIX — первой трети XX в. 514
Болонев Ф.Ф. (Новосибирск) — Новые материалы к истории поселения старообрядцев (семейских) Забайкалья 524
Николаев В.В. (Новосибирск) — Демографическое поведение коренного населения предгорий Северного Алтая в конце XIX — первой половине XX вв. 531
Осипова И.В. (Магнитогорск) — Специфика «местных» праздников в русских селениях Белорецкого района Башкортостана 537
Виноградов В.В. (Санкт-Петербург) — Повествования о почитаемых местах на русском Севере: к вопросу о механизмах сакрализации пространства 543
Любимова Г.В. (Новосибирск) — Способы сакрализации пространства в современных религиозно-обрядовых практиках (на материалах сибирского региона) 554
Пивнева Е.А. (Москва) — Современные этносоциальные процессы у обских угров в зеркале статистики 566

Попова Н.Г. (Новосибирск) — Некоторые теоретические аспекты изучения этнической идентичности 577
Севостьянов А.С. (Новосибирск) — Рукопись И.Г. Сафьянова: легенда “Темир-сал” 588
Смирнова Т.Б. (Омск) — Современное демографическое развитие немецкой диаспоры в Сибири 600
Бурнаков В.А. (Новосибирск) — Путешествие в «мир мертвых»: мистерия хакасского шамана Макара Томозакова 607
Антропов Е.В. (Новосибирск) — Этнодемографические процессы в Сибири в XX–XXI вв.: Общая характеристика 617
Ковальчук Ю.С. (Новосибирск) — «Битва за молодежь» христианских церквей: особенности миссионерской политики (на примере Тюменской области). 629

ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ

Герчук Ю.Я. (Москва) — Русское книжное искусство на переломе времен (1918–1923). . . . 643

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Яйленко В.П. (Москва) — Плагиат — очерк шумерского искусства 658
Захаров А.О. (Москва) — Munoz P.M. Early Kingdoms of the Indonesian Archipelago and the Malay Peninsula. Singapore: Editions Didier Millet, 2006. 392 p., ill. (ISBN 981-4155-67-5) . 664

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Молев Е.А. (Нижний Новгород) — Изучение истории Рима в Нижегородском университете 675

Памяти Григория Максимовича Бонгарда Левина (1933–(2008) 685

CONTENTS

HISTORY

HISTORY OF ANCIENT WORLD AND ARCHAELOGY

ANCIENT GREECE AND ROME

Kleimyonov A.A. (Tula) — The Macedonian Army Supplies with Food, Water and Forage during Eastern Campaign 3
Abramzon M.G. (Magnitogorsk), N.A. Frolova (Moscow) — Two groups of Macedonian tetradrachms of the Roman period in the State Historical Museum 17
Bibarsova Yu.A. (Magnitogorsk) — Pompeius' Clientele of Asia Minor during Civil War in 49–47 B.C. 28
Kulikova E.V. (Moscow) — Emperors' Wax Images in Ceremony of Apotheosis 37
Solovyanov N.I. (Krasnoyarsk) — About Specificity of Roman Presence and Cults of the Army in African Provinces. 54

BOSPORUS

Pankratov E.G. (St.-Petersburg) — Sarmatian-Alanian Burial in the East Necropolis of Phanagoria excavated by I.E. Zabelin in 1870 64
Yartsev S.V. (Tula) — The Last Sea Campaign of Meothian Barbarians 69

ANCIENT ORIENT

Koshelenko G.A., Gaibov V.A. (Moscow) — The Bactrian King in Nomad Interpretation 86

PREHISTORY

Berseneva N.A. (Chelyabinsk) — Gender Symbolism in the Sintashta Child Burials 99
Korenevskii S.N., Rezepkin A.D. (Moscow) — Radiocarbon Chronology of Sites of the Type of Majkop Burial and Novosvobodnensk Tombs 109
Bezrukov A.V. (Magnitogorsk) — Trade communications in the Volga-Ural Region according to written and archaeological Sources (6th century B.C. — 7th century A.D) 127

HISTORY OF RUSSIA

Kurmaev M.V. (Samara) — General-Lieutenant A.N.Astafjev And His Collections 137
Shapovalova I.V. (Belgorod) — Small Estate Land Property and Land Tenure in the Central Chernozem Region in 60–90-s of the 19th century 145
Korshunova N.V. (Chelyabinsk) — Economic Reforms in Russia during First Decades of the 19th c. . . 155
Bobylev D.V. (Chelyabinsk) — Influence of D.A. Miljutin's military reform on Training the Cossack Officer Staff in second half 19th c.. 163
Tolchev I.A. (Chelyabinsk) — Some Theoretical Aspects of Mutual Relations of the State and Church in Russian History 172
Fedorov N.S. (Magnitogorsk) — Southern Ural Monks and the «Chapel» Old Believers in the Second half of the 19th and beginning of the 20th centuries. 181
Sapon V.P. (Nizhnii Novgorod) — «Communities of The Enlightened» (The Anarchists about Political and Spiritual Processes in Russia after October 1917) 187

Stepanyants S.M. (Stary Oskol) — To History of russian Cossacks in Armenia 190
Hudoborodov A.L., Fisher I.A. (Chelyabinsk) — The Don Cossack Chorus under S.A. Zharov's Conduct: Appraisal of Emigrant and Foreign press. 196
Solodova V.V. (Troitzk) — Cultural and Education Work among the National Minorities (1917–1930-s) 203
Mitrokhin V.A. (Saratov) — «Emigrant Funds» of State Archive of the Russian Federation as a Source in Research Of Russian Abroad Of 20–30-s of the 20th c. 209
Mitrokhin V.A. (Saratov) — Some Questions on Research of Russian Emigration of «The First Wave» in the beginning of the 21st c. 216
Starodubova O.Yu. (Magnitogorsk) — Literary Process of 1930-s as Means of Formation and Propagation of The First World War Image 223
Makarova N.N. (Magnitogorsk) — From the History of Daily Life of Soviet City: Magnitogork People' Leisure (1929–1935). 232
Anashkin E.N. (Chelyabinsk) — Soviet State Work in High School Reforming in 1928–1934. (On materials of the Ural Area). 244
Koldomasov I.O. (Magnitogorsk) — Soviet Diplomatic CoRpus and its Work within the Framework of Antihitlerite Coalition during Great Patriotic War 250
Mikhaylovskaya O.F. (Troitzk) — Trade Unions Activity on Improvement of Work Conditions and Reduction of Industrial Injuries at Chelyabinsk Region factories (the 60-s of the 20th c) 264
Golubeva O.A. (Magnitogorsk) — Development of Tourism in South Ural in the sixties–eighties of the 20th c. 272
Grigorjeva N.A. (Moscow) — History of State Policy in Civil Education in Native Historiography of 1950–2000 278

PHILOLOGY

HISTORY OF LITERATURE

Rudakova S.V. (Magnitogorsk) — Originality of Elegiac Genre in the early E.A.Boratynsky's works 291
Rudakova S.V. (Magnitogorsk) — The Spatial existential Structure of «Twilight» by E.A. Boratynsky 299
Kastarnova A.S. (Moscow) — «The demon menacing in tiny little body ...» (M.S.Petrovykh's three poems of the beginning of 1930-s) 310
Timanova O.I. (St. Petersburg) — «Calendar Literature» Genres and Russian Literary Fairy-tale of the 19th c. 315
Pustovoitova O.V. (Magnitogorsk) — The world of Daily Routine in I.A.Bunin's Artistic Consciousness. 330
Zaitzeva T.B. (Magnitogorsk) — «Ethical» and «Aesthetic» Ways of Existence in A.P. Chekhov's story «My life» 336
Derina N.V. (Magnitogorsk) — Ideas of Balance and Synthesis in N. Gumilev's Creation and in Poetry of English Romanticism 349
Sevastjanova V.S. (Magnitogorsk) — Nonexistence in «Petersburg» by A. Beliy. 357
Kotukova E.Yu. (Magnitogorsk) — Airy Way Image in B.Pasternak's Early Prosaic Works 368
Yakunina I.A. (Magnitogorsk) — Author and Hero in A.Bitov's Prose of 1960-s 375
Makarova E.V. (Magnitogorsk) — E. Bulwer-lytton's dramas of the romantic period 382
Perfilyeva Z.E. (Orenburg) — Irrational elements in G.E. Lessing's Tragedy «Emilia Galotti». The Art of Dialogue 389
Matveeva A.S. (Magnitogorsk) — Space of the Child in Ch. Dickens' Novels 394
Yegorova L.V. (*Vologda)* — Sir Thomas Wyatt's Penitential Psalms 401
Rozhkova A.A. (Magnitogorsk) — «Accidental love» of Simone de Beauvoir as Transcendent attempt (On material «Correspondance croisée 1937–1940») 404
Iskhakova L.I. (Magnitogorsk) — Concept «The Own-The Stranger» and Image of Russia in James Morier's Novels 409
Lomakina E.A. (Magnitogorsk) — «Century-maskarade» and Self-identification Epoch in Masks of W. Wycherley and J. Vanbrugh's Plays. 414

Ovcharova S.V. (Magnitogorsk) — Myth and Archetype in F. Fühmann's creativity 422
Akasheva T.V. (Magnitogorsk) — Destruction of Modern Society Myths: Role of Literature 429
Postnikova E.G. (Magnitogorsk) — The phenomenon of Modern Mythology in the Social-publicistic Discourse of the Great Reforms Epoch 434
Bogach E.S. (Magnitogorsk) — Essence of Art in New Symbolism and Acmeism 447

LINGUISTICS

Temnikova I.M. (Magnitogorsk) — Precedent texts with Preterition in Position of Heading (By the example of periodic press) 454
Vaulina T.L. (Magnitogorsk) — Differentiation of Joining and Parcelling 458
Yuryeva I.A. (Magnitogorsk) — Concept RUSSIA as a Part of Modern National Russian Picture of the World: Ways of Transformation 464
Borisova E. (Samara) — Linguopoetics of Verbal Art: History, Methodology and Methods of Analysis 470
Arapov O.A. (Magnitogorsk) — Steady Verbal Complexes of Biblical and Folklore Origin as Special Units of Spiritual Folklore Language 477
Belyaeva I.S. (Moscow) — Ways of Expression the Inward State of the Person in the Arabian Language and their Conformity in Russian 480

CULTURE

ETHNOLOGY

Korusenko S.N. (Omsk) — Siberian Bukharians: Dynamics of Population and Settling (17th — 20th cc.) 485
Dmitriev S.V. (St.-Petertburg) — Materials of F.K.Girs' Commission (1866) on Kazakhs Traditional Crafts 492
Badmaev A.A. (Novosibirsk) — The Buryat Menswear at the end of the 19th — the beginning of the 20th cc. Regional Aspect of Typology 505
Barantzeva N.A. (Abakan) — The Ethnosocial Processes amidst Estonians in the Middle Siberia's South and Central Regions in the Second Half of the 19th — first third of the 20th cc. 514
Bolonev F.F. (Novosibirsk) — New Materials on the History of Settlement of Old Believers (The Families) of Transbaikalia 524
Nikolaev V.V. (Novosibirsk) — Demographic Behaviour of Indigenous Population of Northern Altai Foothills at the end of the 19th — first half of the 20th cc. 531
Osipov I.V. (Magnitogorsk) — Specificity of «Local» Holidays in Russian Settlements of Beloretsky area of Bashkortostan 537
Vinogradov V.V. (St. Petersburg) — Narrations about Sacred Places in Russian North: Question on Mechanisms of Deification of Space 543
Ljubimova G.V. (Novosibirsk) — Ways of Deification of Space in Modern Religious — Ceremonial Practice (On Materials of Siberian Region) 554
Pivneva E.A. (Moscow) — Modern Ethnosocial Processes at Ob's Ugrians in the Mirror of Statistics . 566
Popova N.G. (Novosibirsk) — Some Theoretical Aspects of Studying Ethnic Identity 577
Sevostyanov A.S. (Novosibirsk) — I.G. Safyanov's Manuscript: Legend «Темir-sal» 588
Smirnova T.B. (Omsk) — Modern Demographic Development of German Diaspora in Siberia. . . . 600
Burnakov V.A. (Novosibirsk) — Travel in «The World of Dead»: Mystery Khakass Shaman Makar Томозаков 607
Antropov E.V. (Novosibirsk) — Ethnodemographic Processes in Siberia in the 20th — 21th centuries: General Characteristic 617
Kovalchuk Yu.S. (Novosibirsk) — «Struggle for Youth»: Mission Policy of Christian Churches (By the example of Tyumen' Region) 629

ART CRITICISM

Gerchuk Yu.Ya. (Moscow) — Russian book art at crisis of times (1918–1923) 643

REVIEWS AND BIBLIOGRAPHICAL SURVEYS

Yailenko V.P. (Moscow) — Plagiarism — essays of Sumer art (reviewer on V.V. Yemelyanov's Book "Ancient Sumer". Cultural essays. St.Petersburh, 2001. 368 p.; 2nd edition. St. Petersburgh, 2003. 320 p.) 658
Zakharov A.O. (Moscow) — Munoz P.M. Early Kingdoms of the Indonesian Archipelago and the Malay Peninsula. Singapore: Editions Didier Millet, 2006. 392 p., ill. 664

SCIENTIFIC EVENTS

Molev E.A. (Nizhnii Novgorod) — Studying History of Rome at Nizhnii Novgorod University 675

Grigorii Maksimovich Bongard-Levin (1933–2008) 685

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

Журнал «Проблемы истории, филологии, культуры» публикует на своих страницах работы теоретического и научно-исследовательского характера, материалы полевых исследований, архивные материалы, а также критические статьи и рецензии на новые публикации по тематике издания. Направляемые в журнал материалы должны быть оформлены в соответствии с правилами, принятыми в журнале.

1. Рукопись (общим объемом до 1 а.л.) представляется в 1-м экземпляре, набранном на компьютере с соответствующим шрифтом (Times New Roman Cyr., 14-й кегль) и распечатанном на принтере (класса LQ-100 и выше) на белой бумаге с одной стороны листа. К тексту прилагается дискета. Текст должен занимать 29-30 строк на странице (поля стандартные). Все страницы рукописи должны быть пронумерованы.

2. Присылаемые для публикации материалы должны состоять из: основного текста, примечаний, списка подрисуночных подписей, резюме, списка сокращений, иллюстраций (если они необходимы), сведений об авторах. Все указанные части рукописи должны начинаться с новой страницы.

3. Начало статьи оформляется по образцу: автор(ы), название города (для зарубежных авторов также страны), название статьи. Например:

Е.М. Алексеева (Москва)
Местная среда ранней Горгиппии

4. Сноски (нумерация сквозная) помещаются после основного текста и оформляются по образцу:

Кошеленко Г.А., Гаибов В.А. Дура-Европос после М.И. Ростовцева // ВДИ. 1999. №3. С. 221–232.

Псковские летописи. Т.1. М.; Л., 1941. С. 341.

Чернов С.С. Отчет об археологических разведках в бассейне р.Вори в 1977 г. // Архив ИА РАН. 1977. Р-1. № 6695.

Пушкин А.С. Стихотворения Баратынского // ПСС. Т. 11. Л., 1948. С. 14.

Пигарев К.В. Баратынский. Предисловие к изд.: *Баратынский Е.А.* Стихотворения и поэмы. М., 1971. С. 7.

Чехов А.П. Драма на охоте // Собр. соч.: в 2 т. Т. 2. М., 1960. С. 356.

Аннинский Л. Беседа о странностях истории // Родина. 2008. № 2. С. 18.

ЦДОООСО. Ф. 42. Оп. 2. Д. 29. Л. 6.

5. Ссылки на оригинальные работы древних авторов, рукописи, памятники письменности, Библейские тексты приводятся в скобках в тексте и в примечания не включаются.

6. В тексте следует использовать только общепринятые сокращения, список которых публикуется в журналах РАН. Список сокращений обязателен!

7. К статье помимо списка сокращений необходимо приложить русский текст резюме объемом не более 1 страницы машинописного текста. Для облегчения перевода резюме на английский язык необходимо наиболее специфические термины, географические названия давать или в переводе, или с пояснением, а также имена на языке оригинала. Автор может приложить и свой вариант английского текста резюме в целом.

8. Тексты, присылаемые в редакцию для публикации, должны быть тщательно проверены и подписаны автором.

9. Статьи, оформленные без соблюдения указанных правил, к рассмотрению не принимаются.

Адрес редакции: 455038. Магнитогорск, пр. Ленина, д. 114, ауд. 510.
e-mail: history@masu.ru; c_hist@masu.ru.
Тел. (3519) 34-38-49.

Проблемы истории, филологии, культуры

Выпуск XXII

Сдано в набор 20.06.2008. Подписано в печать ??.??.2009 г.
Формат 70x100 1/16. Печать офсетная. Усл. печ. л. 56,8. Уч.-изд. л. 55,7.
Бумага тип. №2. Тираж 940 экз. Заказ №??.

Свидетельство о регистрации ПИ № 0250 от 25.07.2006 г.
в Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия.
Учредитель: Абрамзон М.Г.

Издательство: ООО "Аналитик". 455025, г. Магнитогорск, ул. Правды, 79.
Типография МГПК.

На 1 стр. обложки: Понт. Митридат VI Евпатор (120–63 гг. до н.э.).
Тетрадрахма. Серебро.

На 4 стр. обложки: Метапонт. 530–510 гг. до н.э.
Статер. Серебро.